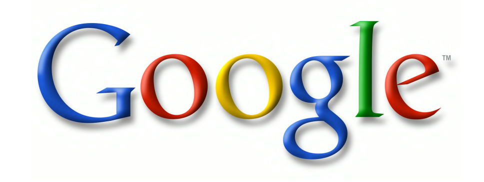
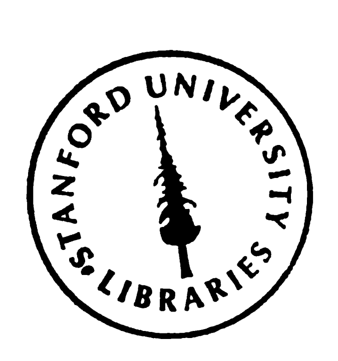
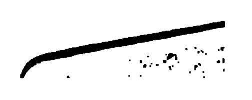

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ.

МОСКВА.
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.
1901.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Московскаго Университета.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Rozanov, M N

М. Н. Розановъ.

ПОЭТЪ ПЕРІОДА „БУРНЫХЪ СТРЕМЛЕНІЙ“

ЯКОБЪ ЛЕНЦЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Съ приложеніемъ неизданныхъ матеріаловъ.

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ
Поэзіи и счастья... Но, безумный—
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной.
И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!

Лермонтовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое на судъ читателей изслѣдованіе явилось результатомъ желанія выяснить личность и литературную дѣятельность одного изъ замѣчательнѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ XVIII вѣка, одного изъ виднѣйшихъ дѣятелей столь важной въ историко-литературномъ отношеніи эпохи «бурныхъ стремленій». Якобъ Ленцъ, русскій нѣмецъ по рожденію, проведшій большую часть жизни въ предѣлахъ Россіи и закончившій свое бурное и несчастное существованіе въ Москвѣ, имѣетъ полное право на вниманіе русскаго изслѣдователя. Другъ Гете и пріятель Карамзина, онъ былъ живою, рѣдко наблюдаемою связью между нѣмецкой и русской литературой XVIII вѣка.

Ленцъ представлялъ изъ себя личность настолько примѣчательную и необыкновенную, что у лицъ, хорошо знавшихъ его исполненную превратностей жизнь, само-собою являлось желаніе написать его біографію. Пасторъ Іерцембскій, свидѣтель послѣднихъ московскихъ лѣтъ жизни Ленца, извѣстившій нѣмецкую публику о смерти «бурнаго генія», имя котораго нѣкогда произносилось рядомъ съ именемъ Гете, печатно заявилъ о своемъ намѣреніи составить его жизнеописаніе (Ср. Intelligenzblatt der Allgemeinen Literatur-Zeitung. 18 August 1792. Стр. 820—821). Самъ Гете, набрасывая въ своей автобіографіи воспоминанія о Ленцѣ, выражалъ намѣреніе когда-нибудь впослѣдствіи «прослѣдить всю его жизнь до самаго момента его сумасшествія». (Wahrheit und Dichtung, 14 Buch). Нельзя не пожалѣть, что это намѣреніе не было исполнено: біографія Ленца, написанная мастерскою кистью его великаго друга, была бы цѣннымъ психологическимъ вкладомъ въ исторію періода «бури и натиска».

Почти въ то самое время какъ Гете писалъ вышеприведенныя строки, одинъ изъ земляковъ Ленца, докторъ Думпфъ тщательно собиралъ матеріалы для его біографіи. Сохраняющаяся въ Рижской Городской Библіотекѣ обширная переписка Думпфа съ мѣстнымъ писателемъ Петерсеномъ (другомъ Жуковскаго) и многими другими лицами посвящена почти исключительно излюбленному имъ поэту и

Rozanov, M N

М. Н. Розановъ.

ПОЭТЪ ПЕРІОДА „БУРНЫХЪ СТРЕМЛЕНІЙ"

ЯКОБЪ ЛЕНЦЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Съ приложеніемъ неизданныхъ матеріаловъ.

Ленца (Dramatisher Nachlass von J. M. R. Lenz. Zum ersten Male herausgegeben und eingeleitet von Karl Weinhold, Frankfurt a. M. 1884, 335 стр. и Gedichte von J. M. R. Lenz. Mit Benutzung des Nachlasses Wendelins von Maltzahn, Hrsg. von K. Wenhold, Berlin, 1891, 328 стр.). Имъ также сдѣланы образцовыя изданія найденной проф. Эрихомъ Шмидтомъ интересной рукописи Ленца Moralische Bekehrung eines Poeten von ihm selbst aufgeschrieben (Goethe-Jahrbuch, т. X, 1889 г.) и забытой трагедіи «Сицилійская вечерня» (Die Sizilianische Vesper. Trauerspiel von J. M. R. Lenz. Herausgegeben von Karl Weinhold, Breslau 1887).

Незадолго передъ тѣмъ профессоромъ Ульрихсомъ былъ обнародованъ неизвѣстный ранѣе «Дневникъ» Ленца, проливающій свѣтъ на его страсбургскія отношенія (Deutsche Rundschau 1877, Mai). Нельзя также не упомянуть превосходнаго изданія сатиры Pandaemonium germanicum, сдѣланнаго проф. Э. Шмидтомъ (J. M. R. Lenz, Pandaemonium germanicum. Nach den Handschriften herausgegeben und erläutert. Berlin 1896, 8°, 62 стр.).

По отдѣльнымъ вопросамъ можно отмѣтить основанныя на архивныхъ изысканіяхъ книги Фройцгейма (Lenz, Goethe und Cleophe Fibich von Strassburg, Strassburg 1888 и Zu Strassburgs Sturm-u.-Drangperiode, Strassburg 1888), затѣмъ Рауха. (Lenz und Shakespeare, Berlin 1892), Пфютце (Die Sprache in J. M. R. Lenzens Dramen, Braunschweig 1890), Анванда (Beiträge zum Studium der Gedichte von J. M. R. Lenz, München 1897), Кларка (Lenz' Uebersetzungen aus dem Englischen въ Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte, Neue Folge, 10 Band, Weimar 1896), Зибса (Die Sesenheimer Lieder von Goethe und Lenz въ Preussische Jahrbücher, Iuni 1897) и др.

До послѣдняго времени продолжается обнародованіе новыхъ писемъ изъ переписки Ленца. Такъ Hassencamp напечаталъ въ журналѣ «Euphorion» 1896 г. интересныя письма Ленца къ Софіи Ларошъ, Фройцгеймъ нѣсколько писемъ Ленца и письма къ нему Рöдерера (Lenz und Goethe, Stuttgart 1891) и др. Чтобы помочь оріентироваться въ обширной и чрезвычайно разбросанной корреспонденціи Ленца, Вальдманъ издалъ книгу Lenz in Briefen (Zürich 1894), представляющую не всегда удачную выборку изъ соотвѣтствующихъ писемъ.

Къ настоящему времени накопилась обширная литература о Ленцѣ, обильная количествомъ (библіографія въ Grundriss der deutschen Litteratur Гедеке, 2-ое изд., далеко не полна), но весьма разнородная по качеству. Характерно то, что въ этой литературѣ замѣчаются два основныхъ направленія, изъ которыхъ одно можно назвать *обличительнымъ*, а другое *панегирическимъ*. Ленцъ обладалъ такою страстною и увлекающеюся натурой, что и люди, занимавшіеся

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ.
Поэзіи и счастья... Но, безумный—
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной.
И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!

Лермонтовъ.

земплярами Страсбургской Университетской Библіотеки, Королевской Библіотеки въ Берлинѣ и отчасти Британскаго Музея въ Лондонѣ. Нѣкоторыя произведенія Ленца, не имѣющіяся ни въ одной изъ извѣстныхъ мнѣ общественныхъ библіотекъ и не вошедшія въ изданіе Тика (а именно: Meynungen eines Layen 1775 г., Vertheidigung des Herrn W(ieland) gegen die Wolken, 1776 г. u Philosophische Vorlesungen für empfindsame Seelen, 1780) мнѣ удалось найти только въ частномъ собраніи П. И. Фалька въ Ригѣ.

На ряду съ этимъ я долженъ былъ познакомиться со всѣмъ рукописнымъ наслѣдіемъ Ленца. Для этого, прежде всего, мнѣ послужило собраніе Мальтцана, перешедшее въ началѣ девяностыхъ годовъ въ собственность Королевской Библіотеки въ Берлинѣ, и Lenziana Рижской городской библіотеки. Въ первой мое вниманіе было обращено прежде всего на рукописи Ленца, заключающія въ себѣ иныя редакціи въ сравненіи съ печатными текстами. Таковы рукописи «Домашняго учителя», «Pandaemonium Germanicum», «Солдатъ» и нѣкоторыхъ статей страсбургскаго времени. Сравненіе ихъ съ извѣстными уже редакціями пролило нѣкоторый свѣтъ на процессъ ленцевскаго творчества. Значительный интересъ представляли неизданныя сочиненія Ленца, извлеченіе изъ которыхъ печатается въ приложеніи С., а также письма Ленца къ Бойе (см. приложеніе А.) Lenziana Рижской городской библіотеки состоитъ почти исключительно изъ писемъ, изъ которыхъ многія относятся къ послѣднимъ годамъ его жизни. По рукописямъ этой библіотеки (и отчасти Королевской библіотеки въ Берлинѣ и библіотеки Общества исторіи и древностей въ Ригѣ) печатается въ приложеніяхъ А. и В. нѣсколько неизданныхъ писемъ Ленца (съ 1765 по 1785 годъ) и нѣкоторыхъ изъ его наиболѣе замѣчательныхъ корреспондентовъ: Гердера, Мерка, Виланда и Кейзера.

Благодаря любезности проф. Вейнгольда въ Берлинѣ, я имѣлъ возможность просмотрѣть принадлежащія ему (изъ собранія Сиверса) неизданныя рукописи Ленца московскихъ лѣтъ его жизни, о которыхъ имѣются очень скудныя свѣдѣнія. Мнѣ доступенъ былъ также Лафатеровскій архивъ д-ра Финслера въ Цюрихѣ, нынѣ уже умершаго.

Чтобы познакомиться съ впечатлѣніемъ, которое производили сочиненія Ленца на его современниковъ, мною были перечитаны многочисленныя рецензіи, разбросанныя въ тогдашнихъ журналахъ. Прекрасную коллекцію этихъ послѣднихъ я нашелъ въ Страсбургской Университетской и Берлинской Королевской библіотекахъ. Для должнаго освѣщенія литературной дѣятельности Ленца я счелъ необходимымъ сопоставить его съ родственнымъ ему французскимъ «бурнымъ геніемъ», Себастьяномъ Мерсье, внесшимъ свою лепту въ

движеніе «бури и натиска». Національная Библіотека въ Парижѣ дала мнѣ богатый матеріалъ для изученія забытыхъ и рѣдкихъ въ настоящее время произведеній этого оригинальнаго и мало изслѣдованнаго писателя.

Само собою разумѣется, что мною была привлечена къ изученію вся обширная литература о Ленцѣ, изъ которой я старался воспользоваться наиболѣе цѣнными результатами.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ выразить мою глубочайшую благодарность Московскому Университету, которому я обязанъ какъ необходимой научной подготовкой, такъ и средствами для поѣздки за границу и напечатанія настоящей работы.

ГЛАВА I.

Введеніе.

Въ жизни едва ли не каждаго человѣка бываетъ періодъ горячихъ идейныхъ увлеченій и идеальныхъ порывовъ, періодъ спѣшной выработки міросозерцанія и попытокъ провести его немедленно въ жизнь, періодъ кипучей и страстной погони за идеаломъ. Эту пору броженія молодыхъ силъ Бѣлинскій считалъ «необходимымъ моментомъ въ нравственномъ развитіи человѣка» и выражалъ мнѣніе, что тотъ, кто не мечталъ, не порывался въ юности къ идеалу совершенства, истины и блага, тотъ «вѣчно будетъ влачиться низкою душою по грязи грубыхъ потребностей тѣла и сухого, холоднаго эгоизма» [1]).

Это замѣчаніе нашего великаго критика приложимо, повидимому, не только къ отдѣльнымъ личностямъ, но и къ цѣлымъ обществамъ и народностямъ, которыя также могутъ переживать періоды броженія и кипѣнія, періоды нравственныхъ грозъ, очищающихъ общественную атмосферу и предвѣщающихъ свѣтлый и ясный день мирной и спокойной культурной работы.

Такъ было въ Германіи въ знаменательный моментъ ея культурнаго и литературнаго развитія, извѣстный подъ именемъ поры «бурныхъ стремленій» или «бури и натиска» (Die Sturm-und-Drang Periode). Этотъ періодъ, охватывающій семидесятые и отчасти восьмидесятые годы XVIII вѣка, совпадаетъ со временемъ молодости трехъ великихъ писателей Германіи — Гердера, Гете и Шиллера, которые явились наиболѣе оригинальными, яркими и талантливыми выразителями новаго направленія и увлекли за собою массу сверстниковъ, жаждавшихъ культурнаго и литературнаго обновленія [2]). Никогда ранѣе въ исторіи Германіи молодое поколѣніе не выступало такъ смѣло и рѣшительно на первый планъ, никогда оно не

становилось въ такой степени во главѣ новаго культурнаго движенія. *Sturm und Drang* — это дѣло юности по преимуществу, это бурный взрывъ новыхъ чувствъ и стремленій, накопившихся въ средѣ чуткой и талантливой молодежи, не успѣвшей еще оковать свою волю, сердце и умъ цѣпями степеннаго благоразумія или холоднаго равнодушія. Свѣжій отпечатокъ благородныхъ юныхъ порывовъ и молодого увлеченія лежитъ на этой эпохѣ и ея литературѣ и придаетъ имъ неувядаемую прелесть и привлекательность. Но, съ другой стороны, въ этой особенности періода мы находимъ въ значительной степени ключъ къ пониманію его темныхъ и отрицательныхъ сторонъ, безъ которыхъ, конечно, не могла обойтись та эпоха, отличительными чертами которой являлась порывистая страстность и бурная стремительность.

Было бы большою ошибкою, какъ это нерѣдко дѣлается, разсматривать періодъ «бурныхъ стремленій», какъ явленіе исключительно литературное, какъ мимолетный эпизодъ въ исторіи нѣмецкой поэзіи, стоящій на перепутьѣ къ великимъ и зрѣлымъ твореіямъ Гете и Шиллера. Въ дѣйствительности же этотъ періодъ былъ въ тоже время и очень важнымъ культурнымъ явленіемъ вообще, захватившимъ въ свое движеніе и многіе другіе элементы помимо чисто литературныхъ [1]).

Такимъ образомъ въ движеніи, извѣстномъ подъ именемъ «бури и натиска», мы должны отличать двѣ стороны: 1) *культурно-историческую* и 2) *литературную*. Обѣ онѣ тѣсно связаны между собою и находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи.

Разсматриваемый съ культурно-исторической точки зрѣнія періодъ «бури и натиска» есть завершеніе великой эпохи «просвѣщенія» и ея освободительныхъ тенденцій въ томъ ихъ фазисѣ, который нашелъ себѣ увлекательное выраженіе въ ученіи Ж. Ж. Руссо. Это есть страстная борьба за права человѣческой личности, за безпрепятственное и всестороннее развитіе каждой отдѣльной индивидуальности и всѣхъ присущихъ ей силъ и способностей, среди которыхъ не послѣднюю роль должно играть чувство. Чувствомъ пренебрегали «просвѣтители» перваго поколѣнія, во главѣ которыхъ стоялъ Вольтеръ, и всѣ свои упованія возлагали на разумъ, который долженъ былъ быть верховнымъ судьею во всѣхъ вопросахъ жизни. Руссо заступился за чувство и склоненъ былъ верховенство

разума замѣнить верховенствомъ сердца. Періодъ «бурныхъ стремленій» являлся также возстаніемъ горячаго чувства противъ деспотическихъ притязаній холоднаго разсудка и попыткой установить гармонію и равновѣсіе различныхъ психическихъ силъ человѣка. Дѣятели этого періода добивались ничѣмъ нестѣсненнаго проявленія своей личности во всей ея полнотѣ, своего *я* во всей его цѣлостности. Они были индивидуалистами. Это былъ бунтъ индивидуума противъ тяжелыхъ и устарѣлыхъ формъ жизни и если не открытая, то косвенная оппозиція существующему соціальному и политическому порядку. Это былъ лихорадочный протестъ противъ тогдашней неприглядной нѣмецкой дѣйствительности, страдавшей отъ почти совершеннаго отсутствія какихъ бы то ни было общественныхъ интересовъ, отъ обидной для человѣческаго достоинства мелочности и ограниченности узко-мѣщанскихъ и филистерскихъ взглядовъ и воззрѣній, отъ приниженнаго положенія личности, отданной на произволъ сословнымъ предразсудкамъ и соціальной неравноправности. Въ то же время это былъ протестъ противъ выработанныхъ европейской цивилизаціей искусственныхъ отношеній и проповѣдь «опрощенія» и «возвращенія къ природѣ».

Въ основѣ Sturm-und-Drang'а, какъ культурнаго явленія, лежатъ три элемента или три тенденціи: 1) *культъ личности* (индивидуализмъ), 2) *культъ чувства* (сентиментализмъ) и 3) *культъ природы* (натурализмъ въ широкомъ смыслѣ слова). Ни одна изъ этихъ тенденцій не представляетъ оригинальнаго и самостоятельнаго изобрѣтенія нѣмецкихъ «бурныхъ геніевъ»; напротивъ того, каждая изъ нихъ имѣла свою болѣе или менѣе длинную исторію въ прошлыя эпохи. *Одновременное совмѣщеніе всѣхъ этихъ трехъ тенденцій и бурная напряженность ихъ*—вотъ въ чемъ заключается самобытная и своеобразная черта «бури и натиска» въ Германіи.

Присмотримся къ каждой изъ этихъ тенденцій въ отдѣльности.

Тенденція *индивидуализма* проходитъ красною нитью черезъ весь періодъ «бурныхъ стремленій», который можно назвать самымъ индивидуалистическимъ моментомъ нѣмецкой исторіи, ибо никогда, за исключеніемъ, можетъ быть, эпохи гуманизма, личность не заявляла такъ громко своихъ правъ и не становилась въ такую оппозицію къ обществу, какъ теперь. Личность дѣлается теперь предметомъ пылкаго обожанія, предметомъ настоящаго культа. Этотъ культъ «бур-

ные геніи» направляли прежде всего на самихъ себя, красуясь рельефными чертами собственнаго психологическаго образа, а затѣмъ и на другія личности, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, пылалъ яркій огонь своеобразной индивидуальности. Цѣнилось высоко все индивидуальное, все оригинальное и самородное въ личности, выходящее за предѣлы обычной шаблонности и посредственности. Отсюда преклоненіе передъ людьми «силы и генія» (Kraftgenies), истинный «культъ героевъ». Задолго до Карлейля вопросъ объ отношеніи между толпою и героемъ былъ ими рѣшенъ въ пользу послѣдняго. Они были неистовыми поклонниками «геніальности», сами считали себя избранными сосудами Провидѣнія, поэтами «Божьей милостью», «геніями» и надѣляли другъ друга этимъ почетнымъ титуломъ съ такою же легкостью и наивнымъ простодушіемъ, съ какими у Пушкина Моцартъ, говоря съ Сальери о Бомарше, замѣчаетъ: «Вѣдь онъ же геній, какъ ты да я»...

Тенденція *сентиментализма* отличаетъ «бурныхъ геніевъ» отъ индивидуалистовъ прежнихъ временъ, отъ гуманистовъ. Изъ двухъ сторонъ духовной природы человѣка—мыслящей и чувствущей—они отдаютъ рѣшительное предпочтеніе послѣдней. Раціоналистическій культъ разума они замѣняютъ культомъ чувства, сердца, которое становится, въ ихъ глазахъ, верховною регулирующею силою нравственнаго существа человѣка. Съ недовѣріемъ относясь къ мышленію, они отдаютъ себя во власть стихійной силѣ чувствъ. Сердце—ихъ повелитель. Они чутко прислушиваются ко всѣмъ его біеніямъ и удовлетвореніе всѣхъ его запросовъ считаютъ своею священною обязанностью. Сердце—источникъ ихъ блаженства и ихъ мученій, ихъ скорби. Они ухаживаютъ за своимъ сердцемъ, «какъ за больнымъ ребенкомъ», «баюкаютъ и лелѣютъ» его.

Третью основную тенденцію періода «бурныхъ стремленій» можно назвать *натурализмомъ* въ широкомъ смыслѣ слова, понимая подъ этимъ терминомъ не литературное теченіе, а явленіе культурное, сущность котораго заключается въ принципѣ «возвращенія къ природѣ», иначе говоря въ такомъ душевномъ складѣ, который во всѣ явленія жизни старается провести принципъ близости къ природѣ въ противоположность искусственнымъ условіямъ, вырабатываемымъ цивилизаціей. Слово «натурализмъ» мы принимаемъ здѣсь въ широкомъ смыслѣ міровоззрѣнія, исходнымъ пунктомъ котораго яв-

ляется *природа* во всей ея сложности и универсальности. Это настоящій культъ природы, понимаемой какъ въ смыслѣ таинственной внутренней сущности и закономѣрности всего существующаго, такъ и въ смыслѣ внѣшняго разнообразія и прелести божьяго міра. Руководящимъ началомъ здѣсь является «голосъ природы» или какъ любили выражаться въ XVIII в., «крикъ природы», «вопль природы» («cri de la nature», «cry of nature», и т. п.). Природа совершенна. По формулѣ Руссо, все превосходно, что исходитъ непосредственно изъ ея рукъ, и все вырождается въ рукахъ человѣка [1]). Къ «внушеніямъ» и «велѣніямъ» природы дóлженъ прислушиваться человѣкъ и подчиняться имъ во всѣхъ сферахъ жизни. Весь ходъ цивилизаціи былъ сочтенъ за печальное уклоненіе отъ истинныхъ и коренныхъ требованій природы. «Возвращеніе къ природѣ» явилось лозунгомъ во всѣхъ вопросахъ общественной и индивидуальной жизни. Въ силу того же культа всего «природнаго» выражается пламенное сочувствіе ко всему близкому къ природѣ, первобытному, естественному и непосредственному и ко всему, что казалось таковымъ. Отсюда проистекаетъ интересъ къ низшимъ сословіямъ, къ простымъ людямъ, къ крестьянамъ, относительно которыхъ предполагалось, что они не имѣютъ основанія высказать жалобу интеллигентнаго человѣка, выраженную словами шотландскаго поэта Бэрнса:

Увы! съ природой наша связь
Давно навѣкъ разорвалась...

«Связь съ природой» предполагалась въ этихъ простыхъ людяхъ, жизнь которыхъ считалась болѣе нормальною, болѣе согласною съ «голосомъ природы», чѣмъ жизнь высшихъ классовъ, опутанныхъ и измождённыхъ искусственными путами цивилизаціи. Отсюда же проистекаетъ и любовь къ первобытнымъ народамъ, и любовь къ отдаленнымъ эпохамъ собственной національной исторіи, менѣе зараженнымъ «ядомъ» уклонившейся отъ природы цивилизаціи. Культъ природы выражается также въ интересѣ и любви къ эстетическимъ прелестямъ окружающей природы, къ красотѣ ландшафта, къ художественности мірозданія, — однимъ словомъ—въ пробужденіи «чувства природы» («Naturgefühl»), на лоно которой бѣжитъ «бурный геній» изъ душнаго и испорченнаго города. Здѣсь натурализмъ тѣсно соприкасается съ сентиментализмомъ, совмѣщается и сливается съ

нимъ. Культъ природы, во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ, пріобрѣтаетъ ярко-сентиментальную окраску, чѣмъ и отличается отъ языческаго натурализма. Натурализмъ XVIII в. тѣсно примыкаетъ къ развитію чувствительности, смягчается любвеобильными движеніями мягкаго и сострадательнаго сердца и можетъ быть названъ «сентиментальнымъ».

Обратимся теперь къ другой сторонѣ періода «бури и натиска». Разсматриваемый съ *литературной* точки зрѣнія этотъ періодъ, какъ замѣчалъ еще Гёте, есть эпоха *литературной революціи* [5]), т. е. бурнаго ниспроверженія прежнихъ литературныхъ авторитетовъ и прежнихъ литературныхъ теорій, эпоха стремительной попытки сразу покончить всѣ счеты съ деспотическою властью ложноклассицизма и на мѣсто его поставить новую поэзію, такую поэзію, которая болѣе отвѣчала бы всѣмъ запросамъ человѣческой души и сердца и являлась бы болѣе вѣрнымъ и разностороннимъ зеркаломъ дѣйствительности. Нельзя не замѣтить, что эта «литературная революція» совершается на основѣ и во имя тѣхъ же общекультурныхъ принциповъ индивидуализма, сентиментализма и натурализма. И въ области литературы здѣсь краеугольнымъ камнемъ является тройкій культъ: личности, чувства и природы.

Освободительныя тенденціи, заступавшіяся за попранныя права каждаго индивидуума во всѣхъ сферахъ жизни, легко было распространить и на область искусства и литературы. «Бурные геніи» проповѣдуютъ принципъ полной свободы художественнаго творчества. Всякіе художественные догматы, правила, законы и теоріи отрицаются, какъ стѣсняющіе свободный полетъ естественнаго вдохновенія. Творчество — это посылаемый свыше даръ, обладатели котораго — «геніи». Величіе генія измѣряется степенью его природной оригинальности и самостоятельности. Культъ личности приводитъ къ тому, что и въ искусствѣ цѣнится всего болѣе все индивидуальное, своеобразное, самобытное. Вслѣдствіе этого необходимымъ условіемъ всѣхъ художественныхъ произведеній считается индивидуализація типовъ. Тотъ же культъ личности вводитъ въ литературу пристрастіе къ типамъ сильныхъ и мощныхъ людей, какъ высшихъ носителей принципа индивидуализма. Съ легкой руки Гёте нѣмецкая литература наводняется снимками съ Геца ф. Берлихингенъ. На ряду съ типомъ «сильнаго» мужчины очень популяренъ и типъ «сильной» жен-

щины («Kraftweib»). Принципъ индивидуализма ведетъ также къ большой внимательности къ внутреннему міру человѣка и къ наклонности изображать психологическіе типы во всемъ ихъ разнообразіи.

Культъ чувства, сентиментальность, въ свою очередь, кладетъ на эту литературу свой своеобразный отпечатокъ. Въ волнахъ чувствительности тонутъ реальные контуры предметовъ, положеній и мотивовъ. Чувствительность является своего рода стихіей, всеобщей, мощной и неизбѣжной. На всѣ явленія окружающей жизни «бурный геній» смотритъ «сквозь призму сердца» и отражаетъ ихъ такими въ своихъ произведеніяхъ. Вертеръ становится истиннымъ типомъ моднаго «чувствительнаго» человѣка, настоящимъ апоѳеозомъ сентиментальности. Изображенію интимной жизни сердца удѣляется исключительное вниманіе. Зарождается искренняя и задушевная лирика.

Наконецъ, третій принципъ «натурализма» опредѣляетъ дальнѣйшія воззрѣнія на искусство и требованія отъ него. Поэзія должна быть «натуральна», то-есть согласна съ природой, естественна, проста и правдива. У поэзіи искусственной, салонной, тепличной не было болѣе ожесточенныхъ враговъ, чѣмъ «бурные геніи». По ихъ мнѣнію, хорошо только то искусство, которое бьетъ живымъ ключомъ непосредственности, которое, такъ сказать, подслушано у природы или подсказано ею. Поэтому не было болѣе страстныхъ поклонниковъ поэзіи народной и первобытной. Библія, Гомеръ, Оссіанъ — возбуждаютъ почти благоговѣйный восторгъ. Слава Шекспира въ эпоху «бури и натиска» зиждется на всеобщемъ убѣжденіи, что устами англійскаго драматурга гласитъ сама природа, открывшая ему свои тайны. Культъ природы ведетъ также къ требованію въ искусствѣ полной правдивости и вѣрности дѣйствительности—къ обоснованію принципа реализма и натурализма въ сферѣ поэзіи.

Такъ отразились въ литературномъ движеніи «бури и натиска» присущія періоду тенденціи индивидуализма, сентиментализма и натурализма. Одновременное совмѣщеніе столь разнообразныхъ принциповъ даетъ періоду важное историко-литературное значеніе. Здѣсь мы находимъ зародыши и сѣмена послѣдующихъ литературныхъ направленій, смѣнявшихся въ Германіи съ конца XVIII вѣка. Классическій вѣкъ нѣмецкой литературы, прославленный великими созданіями Гете и Шиллера въ эпоху ихъ зрѣлости, а также возник-

шая на рубежѣ двухъ столѣтій нѣмецкая романтическая школа— являются лишь дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ или другихъ тенденцій и элементовъ періода «бурныхъ стремленій». Только пройдя черезъ этотъ страстный періодъ и переживши на себѣ все его бурное броженіе, Гёте и Шиллеръ могли возвыситься до художественнаго совершенства своего поэтическаго творчества. Духовный сынъ періода и величайшее созданіе Гёте—его безсмертный «Фаустъ». Нѣмецкіе романтики сознавали свою тѣсную литературную и психологическую связь съ «бурными геніями» и чувствовали въ нихъ своихъ родоначальниковъ. Мало того: въ періодѣ «бурныхъ стремленій» мы должны искать отдаленныхъ началъ того реалистическаго направленія, которое впослѣдствіи явилось на смѣну романтизма *).

Вполнѣ понять «Sturm und Drang» и оцѣнить его исторически вѣрно возможно только въ томъ случаѣ, если этотъ періодъ не будетъ разсматриваться совершенно изолированно, какъ это обыкновенно дѣлается, а будетъ приведенъ въ связь съ соотвѣтствующими явленіями литературы французской и англійской. При свѣтѣ параллельныхъ теченій внѣ Германіи многое выяснится и пріобрѣтетъ свое настоящее значеніе и въ самомъ нѣмецкомъ культурномъ и литерномъ движеніи «бурныхъ порывовъ». При такомъ изученіи выясняются два основныхъ пункта: 1) идеи и тенденціи «бури и натиска» не были, какъ уже было упомянуто, вполнѣ оригинальнымъ открытіемъ и завоеваніемъ нѣмецкаго народа, а представляли лишь дальнѣйшее развитіе нѣкоторыхъ тенденцій обще-европейской культуры и литературы XVIII в. и 2) самое движеніе Sturm u. Drang'а въ своей основной сущности не свойственно одной только Германіи, напротивъ того носитъ характеръ обще-европейскій, хотя и выражено въ другихъ странахъ значительно слабѣе; въ сущности оно является отраженіемъ того броженія, которое предшествовало великой французской революціи и объединяло передовыя націи Европы въ оппозиціи «старому порядку», политико-соціальному и литературному.

Обращаясь къ разсмотрѣнію обще-европейской культурно-исторической и литературно-теоретической подготовки періода «бури и натиска», слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что тенденція индивидуализма, характеризующая его, является наслѣдіемъ всего предшествовавшаго развитія. Вся новая европейская исторія представляетъ процессъ постепеннаго роста личности. Первымъ яркимъ и знамена-

тельнымъ проявленіемъ тенденцій индивидуализма была эпоха Возрожденія, которая сама была результатомъ культурнаго роста личности, вырвавшейся изъ однообразныхъ тисковъ средневѣкового развитія [7]). Въ истинномъ основателѣ гуманизма, въ «первомъ человѣкѣ новаго времени», Петраркѣ уже вполнѣ рельефно выдвигается тотъ моментъ культуры Возрожденія, который Бурхардтъ назвалъ такъ удачно «открытіемъ человѣка». За Петраркой слѣдуютъ другіе. Извѣстно, какую богатую галлерею рѣзко очерченныхъ индивидуальностей даетъ итальянское Возрожденіе. Достаточно вспомнить Леона Баттиста Альберти, Энея Сильвія Пикколомини (папу Пія II), Маккіавелли, Микель Анджело, Бенвенуто Челлини, Аріосто и мн. др. [8]). Идеалъ свободнаго и всесторонняго развитія человѣческой личности, кружившій головы нѣмецкимъ юношамъ періода «бури и натиска», былъ впервые поставленъ и формулированъ итальянскими гуманистами. Родоначальники европейскаго Возрожденія, энергично ополчаются на защиту исконныхъ правъ человѣческой личности и вступаютъ въ борьбу противъ средневѣкового культурнаго строя подобно тому, какъ «бурные геніи» страстно борются противъ проявленій «стараго порядка». Тѣми же основными индивидуалистическими тенденціями отмѣчена эпоха гуманизма и Возрожденія въ Германіи, Франціи и Англіи. Ростъ самосознающей личности обнаруживается и въ сатирической картинѣ современности, начертанной мастерскою рукою Эразма Роттердамскаго, и въ страстной борьбѣ за новые идеалы юношески-подвижного и стремительнаго Ульриха ф. Гуттена, и въ безпощадномъ отрицаніи устарѣлыхъ формъ жизни Франсуа Раблэ, и въ проникновенномъ и многостороннемъ психологическомъ анализѣ Шекспира [9]).

Въ культѣ индивидуума, въ стремленіи отстоять личность отъ всякихъ на нее посягательствъ революціонный вѣкъ Просвѣщенія явился прямымъ продолжателемъ эпохи Возрожденія и Реформаціи. Принципъ индивидуализма проходитъ черезъ весь XVIII вѣкъ. Просвѣтительная философія стремилась къ освобожденію личности, во имя ея исконныхъ, «природныхъ» правъ, изъ подъ опеки церкви, государства и общества. Во Франціи индивидуалистическій характеръ «Просвѣщенія» хорошо подчеркнутъ основнымъ девизомъ революціонной эпохи: «свобода, равенство, братство» [10]).

Что касается двухъ остальныхъ основныхъ настроенiй перiода «бури и натиска»—культа чувства и культа природы, то несомнѣнно, что зародыши ихъ замѣчаются уже въ итальянскомъ гуманизмѣ. Уже Петрарка отличается интенсивнымъ развитiемъ жизни сердца; уже онъ чувствуетъ разочарованiе отъ невозможности удовлетворить всѣмъ его запросамъ, сдѣлать счастливымъ. Неудивительно, что этотъ первый индивидуалистъ и провозвѣстникъ интимной жизни сердца былъ очень популяренъ среди «бурныхъ генiевъ». Его «acedia» предвѣщала ихъ «мiровую скорбь» [11]). О глубокомъ интересѣ гуманистовъ къ внутреннему мiру души свидѣтельствуетъ и первый психологическiй романъ европейской литературы «Фiамметта» Боккаччьо и т. д.

На ряду съ «открытiемъ человѣка» важнымъ культурнымъ моментомъ «Возрожденiя» было и «открытiе мiра», по выраженiю того же Буркхардта. Подъ этимъ терминомъ нужно разумѣть не что иное, какъ пробужденiе глубокаго интереса къ внѣшнему мiру, окружающему человѣка, во всемъ его разнообразiи. Пробуждается «чувство природы», горячая любовь къ ней, восхищенiе ея красотами, нерѣдко съ оттѣнкомъ религiознаго благоговѣнiя. Ненасытная жажда изучать природу и наслаждаться ею возбуждаетъ страсть къ путешествiямъ. Является идея объ извѣстномъ соотношенiи природы и человѣка и объ обязательности для послѣдняго законовъ первой. Въ стремленiи эмансипировать плоть, въ борьбѣ противъ аскетическихъ идеаловъ среднихъ вѣковъ гуманисты опираются на принципъ необходимости удовлетворенiя всѣхъ потребностей и инстинктовъ, вложенныхъ въ человѣка природою [12]).

Но культъ чувства и культъ природы достигаютъ настоящаго своего развитiя только въ XVIII в., преимущественно во второй его половинѣ. Сильно выраженныя тенденцiи сентиментализма и натурализма (въ широкомъ смыслѣ слова), сочетаясь съ унаслѣдованнымъ отъ прошлыхъ вѣковъ ростомъ индивидуализма, образуютъ ту нравственную атмосферу, которою дышатъ и живутъ питомцы поры «бури и натиска».

Попробуемъ присмотрѣться къ развитiю этихъ тенденцiй въ культурномъ и литературномъ движенiи Англiи, Францiи и Германiи XVIII вѣка.

Первое мѣсто должно принадлежать Англіи, которая въ этомъ отношеніи шла впереди остальной Европы. Чтобы понять культурный фазисъ, который переживала эта страна въ XVIII вѣкѣ, необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній о политическомъ и соціальномъ положеніи ея въ эту эпоху.

Въ политическомъ отношеніи Англія давно уже опередила Францію и Германію. Ея представительное правленіе, ея конституціонный режимъ, окончательно укрѣпившіяся послѣ революціи 1688 г., являлись предметомъ зависти для политическихъ мыслителей континента, которые были склонны считать англійскую ограниченную монархію идеальнымъ государственнымъ устройствомъ. Для проявленія индивидуализма ни одна изъ европейскихъ странъ не представляла такой благопріятной почвы, какъ Англія. Цѣлымъ рядомъ политическихъ актовъ (начиная съ Habeas Corpus Act и кончая Bill of rights) были ограждены права индивидуума и свобода личности, которыя нигдѣ на континентѣ не пользовались такимъ уваженіемъ, какъ тамъ. Въ соціальномъ отношеніи Англія XVIII в. представляетъ также обособленное явленіе. Въ Германіи и Франціи «старый порядокъ» характеризовался монархическимъ абсолютизмомъ (простымъ или «просвѣщеннымъ») и сословными привилегіями, а именно господствомъ дворянства надъ буржуазіей и народомъ. Поэтому въ этихъ странахъ соціальная борьба ведется буржуазіей противъ дворянства и его привилегій; тѣхъ правъ, которыхъ добивалась французская (и отчасти нѣмецкая) буржуазія въ теченіе XVIII в., англійская буржуазія достигла значительно раньше. Въ XVIII в. она, наравнѣ съ дворянствомъ, стоитъ уже у кормила правленія, и парламентъ находится въ рукахъ какъ наслѣдственной землевладѣльческой, такъ и новой денежной аристократіи. При этомъ значеніе буржуазіи растетъ чуть не съ каждымъ годомъ по мѣрѣ расширенія англійской промышленности и торговли, которыя въ XVIII в. тоже растутъ не по днямъ, а по часамъ. За крупной буржуазіей тянется и мелкая, все болѣе и болѣе задавая тонъ жизни [13]).

Перемѣны въ литературѣ были неизбѣжны. Первымъ въ ней отраженіемъ роста англійской буржуазіи были такъ-называемыя нравственныя еженедѣльныя изданія Стиля и Аддисона, оказавшія глубокое вліяніе во всей европейской литературѣ до русскихъ сатирическихъ журналовъ Екатерининской эпохи включительно. Къ буржуазной

публикѣ обращались Стиль и Аддисонъ; ихъ знаменитый журналъ «Зритель» предвѣщалъ уже близкое развитіе англійскаго семейнаго романа, открывшаго новую эпоху въ исторіи романа вообще. Не было случайностью, что этотъ романъ, основанный Ричардсономъ, явился именно въ Англіи: онъ былъ знаменіемъ того, что англійская буржуазія встала на свои ноги и предъявляла притязаніе на общественное вниманіе. Такъ начался процессъ демократизаціи англійской литературы. Въ этой нарождающейся буржуазной литературѣ замѣчается и интересъ къ индивидуальности человѣка, и особенная внимательность къ интимной жизни человѣческаго сердца, и стремленіе преобразовать искусство путемъ приближенія къ природѣ. Однимъ словомъ, здѣсь уже намѣчаются основныя идеи будущаго періода «бури и натиска».

Ранѣе другихъ европейскихъ странъ въ Англіи сказалась реакція чувства противъ разсудка, сентиментализма противъ раціонализма, любовь къ природѣ, принципъ «возвращенія къ природѣ» и проявленіе индивидуализма.

Главнымъ выраженіемъ раціонализма въ Англіи было религіозное свободомысліе, извѣстное подъ именемъ деизма, который пытался поставить религію на совершенно разсудочныя основанія, изгнавъ изъ нея все, что не можетъ быть понято разумомъ. Но деизмъ, имѣвшій громадное значеніе въ исторіи европейской мысли, не пользовался популярностью въ самой Англіи. Всѣ наиболѣе выдающіеся писатели вѣка: Свифтъ, Стиль, Аддисонъ, Ричардсонъ, Фильдингъ, Дефо и др. относились къ нему отрицательно. Въ данномъ случаѣ названные писатели были только выразителями общаго настроенія [14]. Кромѣ того, развитіе англійскаго деизма пріостановилось довольно рано: съ начала сороковыхъ годовъ наблюдается уже его полный упадокъ [15].

Нерасположеніе массы къ раціонализму въ религіи доказывается громаднымъ успѣхомъ проповѣди Джона Веслея (1703—1791), основателя секты методистовъ, вождя религіозной реакціи противъ разсудочности въ дѣлахъ вѣры. Онъ училъ, что «разумъ не можетъ порождать ни вѣры, ни надежды, ни любви къ Богу и ближнему»; слѣдовательно, онъ не въ состояніи быть источникомъ добродѣтели, а потому не можетъ давать и счастья. Онъ называлъ свое ученіе «религіей сердца» и основывалъ религіозность не на разсужденіи,

а на «чувствѣ души», «духовномъ ощущеніи каждой души, рожденной отъ Бога», по его выраженію [16]).

Такимъ образомъ религіозная реакція, выразившаяся въ весленствѣ, которое историкъ англійской мысли XVIII в. Лесли Стифенъ [17]) называетъ «важнѣйшимъ во многихъ отношеніяхъ явленіемъ вѣка», была тѣсно связана съ реакціей чувства противъ разсудка, сентиментализма противъ раціонализма. Методизмъ сыгралъ извѣстную и не маловажную роль въ развитіи англійскаго сентиментализма XVIII в.

Итакъ, сентиментализмъ явился впервые на религіозной почвѣ и былъ тѣсно связанъ съ пробужденіемъ религіознаго чувства. У главныхъ представителей сентиментализма первой половины XVIII в.— Томсона, Ричардсона и Юнга—религіозность стоитъ на первомъ планѣ. «Времена года» Томсона полны восторженныхъ гимновъ Творцу, которые выходятъ изъ растроганнаго сердца; Ричардсонъ въ своихъ романахъ является проповѣдникомъ набожности и главной своей задачей ставитъ «насажденіе христіанской вѣры въ сердцахъ»; наконецъ «Ночныя думы» Юнга—сплошная проповѣдь, стонъ христіанской души, пораженной тщетою земного существованія и жаждущей блаженства въ загробномъ мірѣ [18]).

На религіозной же почвѣ зарождается и «чувство природы», которое у Томсона, одного изъ главныхъ его родоначальниковъ, есть не что иное, какъ благоговѣйное удивленіе передъ премудростью Творца, набожное восхищеніе передъ чудесами и красотами міросзданія и всего сотвореннаго. Это варіаціи на евангельскій текстъ о полевыхъ лиліяхъ, съ которыми не можетъ равняться самъ царь Соломонъ во всей славѣ своей. Такое же отношеніе къ природѣ замѣчается и у Юнга съ тѣмъ лишь отличіемъ, что авторъ меланхолическихъ «Ночныхъ думъ» восхищается исключительно картинами ночи, окутанной полнымъ мракомъ или освѣщенной блѣдными лучами луны, тогда какъ Томсонъ одинаково восторгается всѣми ея явленіями.

Ричардсонъ сосредоточилъ свое вниманіе не на картинахъ природы, а на картинахъ человѣческой души съ ея чувствами, страстями, радостями и тревогами. Онъ былъ однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ и вліятельныхъ выразителей реакціи чувства въ связи съ тенденціей «возвращенія къ природѣ». Сентиментальный натура-

«Нѣжнымъ живописцемъ чувствительности» называетъ Стерна Карамзинъ [24]). Его произведенія, по выраженію одного современника, были «истиннымъ праздникомъ для нѣжныхъ сердецъ» [25]). «Онъ заставляетъ насъ плакать — говорилъ одинъ изъ его поклонниковъ— но эти слезы сладки, какъ капли росы» [26]). Чувствительность становится для него самого источникомъ истиннаго удовольствія. «Прелестная чувствительность! (восклицаетъ Стернъ) ты неистощаемый ключъ нашихъ самыхъ совершенныхъ наслажденій и самыхъ жгучихъ скорбей» [27]). Онъ находилъ удовольствіе въ самой печали. Это было не тихое умиротворяющее чувство, подобное «свѣтлой печали» Пушкина, а прямо «наслажденіе скорбью» — the joy of grief.

Но не всегда Стернъ пребывалъ въ подобномъ минорномъ настроеніи: однообразіе его сентиментализма скрашивалось присутствіемъ новаго элемента, неизвѣстнаго Ричардсону,—юмора. Этотъ юморъ тоже капризенъ, причудливъ, неуловимъ, тонокъ и легокъ, какъ кружево или паутина. Онъ представляетъ привлекательную сторону Стерна для читателя нашего времени, но читатели XVIII вѣка совершенно запутывались въ сѣтяхъ его «смѣха сквозь слезы» и не понимали его юмора. Не понялъ этого юмора даже проницательный Дидро, подражавшій Стерну въ своей повѣсти «Jacques le fataliste» [28]). Не понимали его большею частью и въ Германіи, гдѣ увлекались обыкновенно всею совокупностью качествъ Стерна, исключая его юмора. Его крайній индивидуализмъ, его сентиментализмъ оказали сильное вліяніе на всѣхъ выдающихся представителей періода «бурныхъ стремленій» [29]).

Не менѣе обаятельно дѣйствовалъ его натурализмъ. «Дорогая природа»—единственный его авторитетъ, стоящій внѣ сомнѣнія. «У меня нѣтъ иного долга — говоритъ онъ въ романѣ «Тристрамъ Шэнди» — кромѣ долга *Природѣ*: и я желаю, чтобы она только дала мнѣ отсрочку, и я заплачу ей свой долгъ до послѣдняго гроша» [30]). Самъ онъ называлъ себя «дитятею Природы» и восклицалъ: «будемъ учиться у природы, какъ надо жить; пусть она станетъ для насъ алхимикомъ, соединяющимъ всѣ жизненныя блага въ одинъ цѣлебный напитокъ» [31]).

Тотъ же принципъ онъ примѣняетъ и въ области искусства, которое «не должно истязать природу». Въ «Тристрамѣ Шэнди» онъ молитъ Аполлона даровать ему каплю юмора и искру вдохновенія,

чтобы «отправить къ чорту» всѣ правила и регламенты въ области литературы [32]). Всякій планъ и послѣдовательность отрицаются имъ; онъ хвастается тѣмъ, что, пиша одну строчку, онъ не имѣетъ никакого представленія о томъ, что напишетъ на слѣдующей. «Мой методъ писать книги—увѣрялъ онъ—самый благочестивый, ибо я, написавъ первую фразу, для второй предоставляю себя Божьей волѣ» [33]). Упрекавшимъ его за безчисленныя уклоненія въ сторону, онъ отвѣчалъ: «Спроситесь объ этомъ у моего пера: оно правитъ мною, а не я имъ» [34]). Онъ презираетъ всякаго рода литературныя нормы и является, такъ сказать, литературнымъ Діогеномъ.

Поощряющимъ примѣромъ онъ былъ для нѣмецкихъ «бурныхъ геніевъ» и въ этомъ отношеніи.

Основныя тенденціи Sturm und Drang'а являются въ нѣсколько иной комбинаціи въ величайшемъ романистѣ XVIII в. — Фильдингѣ. Если у Ричардсона стоитъ на первомъ планѣ морализирующій сентиментализмъ, а у Стерна прихотливый и сентиментальный индивидуализмъ, то у Фильдинга особенно выдвигается здоровый и трезвый натурализмъ. Исходной точкою Ричардсона было искусственно составленное представленіе о нравственномъ идеалѣ, Стернъ опирался на неустойчивыя влеченія чувствительнаго сердца, а Фильдингъ дѣлаетъ своимъ краеугольнымъ камнемъ—безпристрастное изученіе человѣческой природы во всемъ ея разнообразіи. Онъ не избѣжалъ нѣкоторыхъ вѣяній сентиментализма, не былъ вполнѣ свободенъ отъ дидактизма, но въ основѣ своей являлся настоящимъ реалистомъ. Тщательное изученіе человѣческой натуры со всѣми вложенными въ нее импульсами, инстинктами, влеченіями, страстями, приводитъ его къ проповѣди простоты, правдивости, естественности, вѣрности природѣ.

Тѣ же принципы примѣнялъ онъ и къ искусству. Въ «Томѣ Джонсѣ» онъ посвящаетъ вопросамъ искусства нѣсколько блестящихъ остроуміемъ главъ, въ которыхъ, возставая противъ ложноклассическихъ и ультра-сентиментальныхъ искаженій дѣйствительности, выдвигаетъ требованія художественнаго реализма въ области романа. Вмѣстѣ со Стерномъ, Фильдингъ относится съ полнымъ презрѣніемъ ко всякаго рода «правиламъ» и «регламентамъ» въ области поэзіи и является однимъ изъ основателей ученія о при-

рожденной геніальности, повинующейся не чему иному, какъ только собственному импульсу [35]).

Рядомъ съ подобными воззрѣніями представителей художественной литературы должно поставить и соотвѣтствующее теченіе въ англійской критикѣ XVIII вѣка.

Хотя въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. Англія, забывъ славныя традиціи своего великаго литературнаго прошлаго, блиставшаго именами Чосера, Спенсера, Шекспира, Мильтона и др., подчинилась, въ лицѣ Драйдена и его послѣдователей, вліянію французскаго ложно-классицизма, но этотъ послѣдній далеко не имѣлъ въ ней такого подавляющаго значенія, какъ въ другихъ европейскихъ странахъ и самой Франціи, и никогда не былъ общепризнаннымъ явленіемъ, которое бы принималось безспорно и не вызывало протестовъ. Напротивъ того, въ Англіи шла непрестанная борьба различныхъ литературныхъ партій, ведшихъ свое начало съ XVII и даже XVI вв. [36]). Въ началѣ XVIII вѣка въ англійской критикѣ уже ясно обозначились два теченія, изъ которыхъ одно было *нео-классическимъ*, а другое можно назвать *романтическимъ*. Первое вело свое начало отъ Бенъ-Джонсона и примыкало къ французскому ложно-классицизму и его теоріямъ, имѣя во главѣ знаменитаго автора «Опыта о человѣкѣ», Александра Попа. Второе, романтическое направленіе сосредоточивалось въ упомянутыхъ нравственныхъ еженедѣльныхъ изданіяхъ, въ особенности въ лучшемъ изъ нихъ — въ «Зрителѣ». Главными представителями его были Стиль и отчасти Аддисонъ. Это направленіе примыкало къ старымъ англійскимъ поэтамъ, въ особенности къ Мильтону, Спенсеру и Шекспиру.

Между многочисленными приверженцами того и другого направленія велась оживленная борьба, приведшая въ серединѣ вѣка уже къ явной побѣдѣ «романтиковъ». «Нео-классики» отступали шагъ за шагомъ, постепенно отрекаясь отъ строгихъ требованій своего литературнаго катехизиса [37]). Самъ Попъ, главный представитель французскаго ложно-классицизма на англійской почвѣ, не могъ выдержать своихъ ложно-классическихъ вкусовъ въ полной ихъ неприкосновенности: такъ онъ не могъ отказать Шекспиру въ признаніи его генія; кромѣ того, его классицизмъ смягчался вѣяніемъ современнаго ему сентиментализма, отъ вліянія котораго онъ не могъ уберечься.

Тенденціи сентиментализма и натурализма лежали въ основѣ теоретическихъ взглядовъ «романтиковъ». Ричардъ Стиль былъ родоначальникомъ англійскаго сентиментализма [38]). Зарождающійся культъ чувства отвращаетъ сторонниковъ романтическаго направленія отъ раціоналистическихъ пріемовъ ложноклассическаго искусства и приводитъ ихъ къ требованію большей правдивости, большей близости къ природѣ. Стиль былъ первымъ выразителемъ того принципа «возвращенія къ природѣ», которому суждено было играть такую важную роль въ культурномъ движеніи XVIII в. [39]). Вмѣстѣ съ своимъ другомъ Аддисономъ онъ высказывалъ особенное уваженіе къ народной поэзіи, какъ выраженію «природной» стихійной силы творчества. «Зрителю» принадлежитъ заслуга первой критической оцѣнки народной поэзіи, которую онъ не побоялся поставить на равное мѣсто съ наиболѣе прославленными произведеніями искусственной литературы. Аддисонъ восхищался старинными балладами; Стиль былъ еще смѣлѣе и не затруднился превознести одну лапландскую пѣсенку, утверждая, что она можетъ выдержать сравненіе съ лучшими образцами древне-греческой или римской литературы. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Стиля и Аддисона, одинъ изъ сотрудниковъ издававшихся ими журналовъ Филипсъ уже въ 1723 году издалъ собраніе старыхъ англійскихъ балладъ («A collection of old ballads, corrected from the best and most ancient copies extant»). Ихъ горячая защита народной поэзіи побудила также шотландскаго поэта Рамзая, предшественника знаменитаго Роберта Бэрнса, напечатать два собранія старыхъ шотландскихъ народныхъ пѣсенъ подъ заглавіемъ «The Ever Green» (Edinburgh 1724) и «The Tea Table Miscellany» (London 1724) [40]). Оба писателя явились предшественниками епископа Перси, который своимъ знаменитымъ сборникомъ «Relics of ancient english poetry» (1765) положилъ основаніе серьезному изученію народной поэзіи и оказалъ громадное вліяніе на возбужденіе интереса къ ней во всей Европѣ и особенно въ Германіи. Немного раньше Макферсонъ издалъ сочиненія миѳическаго шотландскаго барда Оссіана (1760), встрѣченныя полнымъ восхищеніемъ критиковъ романтическаго лагеря—Грея и Блэра и пожавшія лавры во Франціи и Германіи [41]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждается горячій интересъ къ стариннымъ памятникамъ первобытной поэзіи другихъ народовъ. Лаутъ посмот-

рѣлъ на Библію, какъ на поэтическій памятникъ, полный истиннаго вдохновенія (De sacra poesi Hebraeorum, 1753). Сочиненіемъ «Объ оригинальности генія Гомера» Вудъ много содѣйствовалъ культу пѣвца «Иліады».

На ряду съ этимъ романтическіе критики наносили ударъ за ударомъ ложноклассицизму. Въ 1756 г. Іосифъ Вартонъ издалъ критическій очеркъ о Попѣ, въ которомъ совершенно отрицалъ его поэтическій талантъ и осуждалъ его школу [12]). Черезъ три года Юнгъ, авторъ «Ночныхъ думъ», издалъ небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ «Conjectures on original composition. In a letter to the Author of Sir Charles Grandison» (London 1759), послужившее главнымъ источникомъ поэтики французскихъ и нѣмецкихъ «бурныхъ геніевъ».

Бросимъ взглядъ на содержаніе этого крайне рѣдкаго въ настоящее время сочиненія, которому историки литературы удѣляютъ слишкомъ мало вниманія [13]).

Юнгъ дѣлитъ всѣхъ авторовъ на двѣ категоріи: 1) оригинальныхъ писателей и 2) подражателей. Первые подражаютъ самой природѣ, а вторые — другимъ писателямъ. Первые «великіе благодѣтели; они расширяютъ rem publicam letterarum и прибавляютъ новую область къ ея владѣніямъ», вторые только увеличиваютъ количество книгъ и даютъ несовершенные дубликаты болѣе совершенныхъ образцовъ [14]). «Оригинальное произведеніе обладаетъ, такъ сказать, природой растенія: оно возникаетъ самопроизвольно изъ творческихъ корней генія; оно *выростаетъ*, а не бываетъ *сдѣлано*». «Подражанія» — своего рода фабричныя издѣлія, изготовленныя изъ ранѣе существовавшаго матеріала [15]). «Подражаніями» кишитъ литература, оригинальныхъ же произведеній чрезвычайно мало [16]). Но не слѣдуетъ думать, что оригинальныхъ произведеній болѣе и быть не можетъ, что человѣческія способности въ этомъ отношеніи истощены, что античные поэты сжали всю жатву истиннаго вдохновенія, не оставивъ ни одного колоса. Теперешнее безплодіе творчества происходитъ отъ невѣрнаго отношенія къ великимъ античнымъ образцамъ. «Подражайте имъ всячески, но только подражайте, какъ слѣдуетъ. Не тотъ подражаетъ Гомеру, кто копируетъ божественную Иліаду, а тотъ, кто прибѣгаетъ къ тому же самому методу, который употреблялъ Гомеръ, чтобы быть въ состояніи создать такое великое

произведеніе. Идите по его слѣдамъ къ единственному источнику безсмертія, питайтесь тамъ, гдѣ онъ питался, на истинномъ Геликонѣ, то есть на груди природы; подражайте, но подражайте не *сочиненію*, а *человѣку*»[47]). «Оригинальныя» произведенія удѣлъ «геніевъ». «Геній» — есть мастеръ-производитель, а «эрудиція» есть только инструментъ, и инструментъ очень цѣнный, но не такой, безъ котораго нельзя было бы обойтись. Подъ «геніемъ» мы должны разумѣть «не что иное, какъ способность созиданія великихъ твореній безъ употребленія тѣхъ средствъ, которыя обыкновенно считаются необходимыми для этой цѣли». «Геній отличается отъ хорошаго ума такъ же, какъ волшебникъ отличается отъ хорошаго архитектора: первый возводитъ свое зданіе средствами невидимыми, второй— искуснымъ употребленіемъ обыкновенныхъ инструментовъ. Поэтому генію всегда приписывалось нѣчто божественное. Nemo unquam vir magnus fuit, sine aliquo afflatu Divino» [48]).

Эрудитъ—большой любитель правилъ и превозноситель обожаемыхъ образцовъ, онъ налагаетъ суровыя оковы на ту самую свободу творчества, которой геній часто бываетъ обязанъ своимъ высшимъ превосходствомъ. «Правила подобны костылямъ, которые необходимы хромому, но являются излишней помѣхой для человѣка, здороваго ногами». Генія нужно предоставить свободному полету его вдохновенія, ибо «въ поэзіи есть нѣчто, возвышающееся надъ прозаической разсудочностью, есть таинства, подлежащія удивленію, но не объясненію» [49]).

Отношеніе между «геніемъ» и «ученостью» такое же, какъ между добродѣтелью и богатствомъ. Богатства добиваются наиболѣе тѣ, кто наименѣе одаренъ добродѣтелью; точно также къ учености прибѣгаютъ наиболѣе тѣ, кто наименѣе одаренъ геніемъ. Какъ добродѣтель, и безъ большого богатства, можетъ дать намъ счастье, такъ и геній, безъ большой учености, можетъ дать славу [50]). «Геніальность»—даръ неба, «ученость»—человѣческаго происхожденія. Послѣдняя возвышаетъ насъ надъ простыми и невѣжественными людьми, а первая ставитъ насъ выше всѣхъ ученыхъ и цивилизованныхъ. «Ученость» есть знаніе пріобрѣтенное и заимствованное, «геніальность»—знаніе врожденное и принадлежащее исключительно намъ самимъ [51]).

Противъ подражательности въ искусствѣ могутъ быть приведены еще слѣдующія соображенія: во-1-хъ, она ставитъ изящныя искусства въ худшее положеніе, чѣмъ то, въ которомъ находятся механическія искусства; въ послѣднихъ дѣло идетъ о томъ, чтобы превзойти предшественниковъ, а въ первыхъ только о томъ, чтобы слѣдовать за ними. Во-2-хъ, духомъ подражательности мы противорѣчимъ явнымъ указаніямъ и намѣреніямъ природы, которая всѣхъ насъ производитъ на свѣтъ «оригиналами», не дѣлая ни одного лица, ни одного ума совершенно похожими на другіе. Въ-3-хъ, подражательность заставляетъ насъ мало мыслить и много писать, тогда какъ желательно совершенно обратное явленіе [52]).

Геніи встрѣчаются не такъ рѣдко, какъ можно было бы думать. Нельзя утверждать, будто наше время совершенно оскудѣло ими, что ихъ больше *не существуетъ* на землѣ. Вѣрнѣе сказать, что, существуя втайнѣ, они *не могутъ проявиться* явно, не встрѣчая необходимыхъ для того благопріятныхъ условій. «Какъ плоды дерева зависятъ отъ дождя, воздуха и солнца, совершенно также плоды генія находятся въ зависимости отъ внѣшнихъ условій» [53]). Можно обладать геніемъ, даже и не подозрѣвая объ его существованіи въ себѣ, такъ какъ мы не только не знаемъ предѣловъ человѣческаго ума вообще, но и нашего собственнаго ума. Человѣкъ можетъ оставаться въ такомъ же невѣдѣніи о присущихъ ему силахъ, какъ устрица о заключенномъ въ ея раковину жемчугѣ, или скала—о содержащемся въ ней алмазѣ. Человѣкъ можетъ обладать дремлющими въ немъ способностями, но не подозрѣваетъ объ ихъ существованіи, пока счастливо сложившіяся обстоятельства не обнаружатъ ихъ [54]). Людямъ, не желающимъ пребывать въ невѣдѣніи относительно скрытаго въ нихъ генія, Юнгъ заповѣдуетъ два правила: 1) «познай самого себя» и 2) «уважай самого себя». Соблюденіе перваго правила можетъ привести къ открытію въ самомъ себѣ «генія», блистающаго «какъ солнце во тьмѣ хаоса». Уваженіе къ самому себѣ предохранитъ отъ слѣдованія чужимъ примѣрамъ и чужимъ авторитетамъ и отъ недовѣрія къ своимъ силамъ. Слѣдуетъ полагаться не на сужденія другихъ людей, а на внушенія собственнаго «генія», которому нужно «поклоняться», «какъ индѣецъ поклоняется солнцу» [55]). Обладатель такого генія—«вдохновленный Богомъ энтузіастъ»: онъ настолько же выше «основательнаго ученаго», насколько ослѣпи-

тельный блескъ солнца ярче свѣта утренней звѣзды. Писатель, который пренебрежетъ вышеупомянутыми двумя правилами, никогда не останется въ одиночествѣ; онъ дѣлается однимъ изъ многихъ и въ мысляхъ своихъ находится «въ жалкомъ единодушіи» съ толпою. Истинный геній, пренебрегая общими дорогами, «идетъ по свѣжей нетронутой почвѣ», выбирая собственный путь, а подражатель «слѣдуетъ по священнымъ слѣдамъ великихъ образцовъ съ такимъ же слѣпымъ благоговѣніемъ, съ какимъ фанатикъ цѣлуетъ папскую туфлю» [56]).

Великіе образцы должны быть предметомъ соревнованія, а не подражанія. Англія не можетъ пожаловаться на отсутствіе у себя «геніевъ»; таковы были Бэконъ, Ньютонъ, Шекспиръ и Мильтонъ. Мильтона Юнгъ считаетъ равнымъ «божественному» Гомеру, но особенно восторгается Шекспиромъ, котораго объявляетъ «братомъ и ровнею» великихъ древнихъ писателей. Шекспиръ не нуждался въ учености, такъ какъ «зналъ наизусть двѣ книги: книгу природы и книгу человѣка, и многія изъ удивительнѣйшихъ страницъ ихъ онъ перенесъ въ свои безсмертныя творенія» [57]).

Всѣ мысли Юнга встрѣчаются неоднократно въ произведеніяхъ «бурныхъ геніевъ».

Литературное движеніе въ Англіи, руководимое основными тенденціями индивидуализма, сентиментализма и натурализма, совершалось послѣдовательно и настойчиво въ теченіе всего вѣка. Вопросъ о необходимости литературной реформы былъ поставленъ тамъ и рѣшенъ, теоретически и практически, ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ области романа она произошла уже въ сороковыхъ годахъ въ произведеніяхъ Ричардсона и Фильдинга. Теоретическіе взгляды на литературу были преобразованы въ срединѣ столѣтія въ критическихъ статьяхъ Юнга, Вартона, Блэра и другихъ [58]) и, наконецъ, въ послѣдней трети столѣтія расцвѣла въ лицѣ Роберта Бэрнса, Вильяма Коупера и Георга Краббa, и новая поэзія, завершившая литературный переворотъ.

Поколѣніе, къ которому принадлежали три названныхъ поэта, было сверстникомъ поколѣнія нѣмецкихъ «бурныхъ геніевъ» и во многомъ сходится съ послѣднимъ: Коуперъ былъ яркимъ выразителемъ англійскаго руссоизма, Краббъ проводилъ начала реализма въ

поэзіи, Бэрнсъ былъ живымъ воплощеніемъ той задушевной и искренней лирики, о которой мечтали «бурные геніи»[59]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ Англіи не являлось необходимости въ литературной революціи, въ рѣзкомъ поворотѣ отъ одного литературнаго направленія къ другому. Согласно характерной чертѣ англійскаго національнаго характера, обусловившей весь ходъ англійской исторіи, именно склонности къ компромиссу, позволяющему производить необходимыя реформы безъ насильственныхъ потрясеній, — и преобразованіе литературное совершалось исподволь. постепенно, пока успѣхъ поэзіи Бэрнса въ восьмидесятыхъ годахъ не доказалъ, что переворотъ въ литературныхъ вкусахъ уже совершился. Ложноклассицизмъ, навѣянный извнѣ и не подходившій къ общему характеру національной литературы, имѣвшей уже славное прошлое, постепенно растаялъ въ Англіи и уступилъ мѣсто другимъ направленіямъ.

Мирный ходъ литературной реформы отличаетъ Англію отъ Германіи, гдѣ эта реформа приняла характеръ революціи. Съ другой стороны, изучаемое движеніе было въ Англіи гораздо менѣе отмѣчено политико-соціальными стремленіями, чѣмъ во Франціи. Эти стремленія, достигшія наибольшаго напряженіи во Франціи, гдѣ «старый порядокъ» принялъ особенно тяжелыя и невыносимыя формы, не имѣли своего raison d'être въ Англіи. Мы уже видѣли, что Англія въ то время обладала прочнымъ парламентарнымъ правленіемъ, и соціальное неравенство, связанное съ сословными привилегіями, было выражено въ ней гораздо слабѣе, чѣмъ на континентѣ. Всѣ политическія идеи англичанъ XVIII в. сосредоточивались на вопросѣ о парламентской реформѣ; слѣдовательно, дѣло шло только объ улучшеніи прежняго строя, а не о созданіи новаго, какъ во Франціи. Затѣмъ и соціальная борьба не могла такъ обостриться, какъ во Франціи, такъ какъ англійская буржуазія давно уже вырвалась изъ положенія безправія и соціальное соперничество замѣнялось экономическимъ: борьбою богатыхъ и бѣдныхъ, имущихъ и неимущихъ.

Вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ причинъ Англія въ XVIII в. обошлась безо всякихъ насильственныхъ потрясеній, не испытавъ ни политической, ни литературной революціи.

Не то было во Франціи, гдѣ аналогичное съ Англіей культурное теченіе приняло всего болѣе характеръ политико-соціальной борьбы.

Англійскіе сентиментализмъ и натурализмъ нашли благодарную для своего развитія почву во Франціи, подготовленную уже собственными начатками въ томъ же духѣ [60]). Подъ вліяніемъ Ричардсона и Стерна стоялъ Дидро, который изъ всѣхъ французскихъ писателей, если не считать Руссо, оказалъ наибольшее вліяніе на нѣмецкихъ «бурныхъ геніевъ», видѣвшихъ въ немъ, по выраженію Гёте, «близкую, родственную натуру» [61]). Его сентиментальный натурализмъ, его культъ чувства и страсти, его проповѣдь нравственной свободы, его восхищеніе идеей близости къ природѣ во всѣхъ сферахъ жизни, его энтузіазмъ къ естественности и непосредственности, его пылкая борьба противъ всего искусственнаго, ложнаго, неестественнаго, натянутаго—все это затрагивало подобныя же струны въ душѣ «бурныхъ геніевъ», не говоря уже о томъ, что его полная вдохновенія и горячности оппозиція ложноклассическому направленію искусства и литературы прокладывала путь ихъ литературнымъ теоріямъ [62]).

Но всѣ отдѣльные лучи модныхъ теченій вѣка нашли себѣ наилучшее воплощеніе въ Руссо, впитавшемъ въ себя родственныя настроенія англійскихъ поклонниковъ индивидуализма, сентиментализма и натурализма. Реакція чувства противъ разума, принципъ возвращенія къ природѣ, «чувство природы», возвышеніе индивидуума насчетъ общества, чувствительность, разрѣшающаяся потоками слезъ— все это пріобрѣло новый и страстный характеръ въ пламенной проповѣди Руссо. Элементы, изъ которыхъ составилось ученіе Руссо, были не новы, но нова была ихъ группировка, ихъ законченная округленность и стройность, новъ былъ жгучій огонь страсти и бурный агрессивный характеръ политико-соціальной проповѣди. Соціальныя тенденціи, до извѣстной степени, тоже были присущи англійскому сентиментализму, но все же этотъ послѣдній носилъ мирный и пассивный характеръ. Какая разница между Стерномъ и Руссо! Стернъ оплакивалъ отдѣльныхъ несчастныхъ, способенъ былъ на состраданіе, но зависимость благополучія каждаго отдѣльнаго индивидуума отъ общественныхъ условій совершенно ускользала отъ его вниманія. Пониманія золъ, удручающихъ общественное благополучіе, у него не было, и никакихъ коренныхъ соціальныхъ перемѣнъ онъ не жаждалъ [63]). У Руссо, напротивъ того, его демократическая по-

литико-соціальная проповѣдь тѣсно связана съ его культомъ природы, чувства и человѣческой личности. Также далеко превзошелъ онъ своихъ англійскихъ образцовъ глубокимъ развитіемъ чувства природы, на лонѣ которой онъ призывалъ искать себѣ утѣшенія и всѣхъ страждущихъ и во имя которой онъ жаждалъ полнаго переворота въ индивидуальной и общественной жизни [64]).

Индивидуалистическое начало проходитъ красною нитью черезъ все ученіе Руссо. Начать съ того, что самъ онъ представлялъ собою крайне своеобразное и оригинальное психологическое явленіе. «Я иначе созданъ — говоритъ онъ, не безъ основанія, въ началѣ своей «Исповѣди»—чѣмъ всѣ люди, которыхъ я видѣлъ, и совсѣмъ не по подобію ихъ». Онъ всегда склоненъ любоваться и восхищаться индивидуальными чертами собственной личности. Проявленіе личности онъ цѣнитъ и въ другихъ, и не только цѣнитъ, но и требуетъ его и съ горечью оплакиваетъ его отсутствіе. Однимъ изъ его главныхъ обвиненій противъ культурнаго общества является то, что оно *обезличиваетъ* человѣка, стираетъ и сглаживаетъ всѣ драгоцѣнныя черты его природной самобытности, выливаетъ всѣхъ въ однообразную форму и превращаетъ въ жалкихъ маріонетокъ [65]).

На началѣ индивидуализма покоится воспитательная теорія Руссо, краеугольнымъ камнемъ которой выставляется принципъ свободнаго саморазвитія личности воспитанника со всѣми его индивидуальными склонностями и природными задатками [66]).

Чистымъ индивидуалистомъ выказываетъ себя Руссо и въ области морали, которую онъ думаетъ основать на «природномъ тяготѣніи ко всему доброму и честному», на инстинктивномъ нравственномъ влеченіи «прекрасной души», на субъективномъ «голосѣ сердца». Человѣкъ, обладающій такой душою, «долженъ слушаться только своихъ собственныхъ желаній, отдаваться своимъ естественнымъ склонностямъ» [67]).

Постепенно слагавшійся въ общественномъ настроеніи Европы культъ личности, чувства и природы нашелъ въ Руссо свое наиболѣе полное, яркое, страстное и вліятельное проявленіе. Подъ его непосредственнымъ вліяніемъ воспитались нѣмецкіе «бурные геніи», видѣвшіе въ «Новой Элоизѣ» и «Эмилѣ»—истинное «евангеліе природы».

Такими же «бурными геніями» являлись въ сущности и французскіе поклонники Руссо, составляющіе довольно замѣтную группу

людей, имѣющихъ значительное сходство съ своими зарейнскими товарищами въ направленіи, вкусахъ и идеалахъ. Историческое ихъ положеніе одно и то же: и тѣ, и другіе отражають страстное броженіе предреволюціонной эпохи, бывшее конечнымъ результатомъ идей просвѣтительной эпохи въ ея новомъ фазисѣ, которому можетъ быть присвоено названіе «руссоизма».

Подъ знаменемъ Руссо ими ведется борьба противъ всего того политическаго, соціальнаго и нравственнаго строя, который извѣстенъ подъ именемъ «стараго порядка» (ancien régime).

Въ стремленіяхъ къ реформѣ существующаго у тѣхъ и другихъ замѣчаются двѣ струи: одна изъ нихъ направлена противъ политическаго и соціальнаго «стараго порядка», другая — противъ стараго порядка литературнаго, опредѣляемаго ложноклассическими симпатіями. Обѣ струи существують у французскихъ и нѣмецкихъ «бурныхъ геніевъ», но взаимное отношеніе ихъ между собою и сравнительная важность различны въ той и другой странѣ. Во Франціи на первомъ планѣ стоитъ рѣшительно, главенствуетъ безусловно *политическая* и *соціальная* струя, переходящая въ бурный потокъ революціи. Литературная струя выражена во Франціи гораздо слабѣе. Совершенно обратное отношеніе замѣчается въ Германіи: въ силу политической неразвитости страны и нѣкоторыхъ своеобразныхъ соціальныхъ и культурныхъ условій, политическія и соціальныя стремленія выразились въ ней несравненно слабѣе, и на первый планъ выдвинулись вопросы литературы. Поэтому броженіе предреволюціонной эпохи разрѣшилось во Франціи политической и соціальной, а въ Германіи только литературной революціей.

Во Франціи ложноклассическая литература была предметомъ національной гордости, который во многихъ отношеніяхъ находился въ соотвѣтствіи съ національнымъ характеромъ и свойственнымъ латинской расѣ воззрѣніемъ на искусство, жаждущимъ прежде всего красоты языка, изящества стиля, правильности и несложности плана и построенія. Такіе писатели, какъ Корнель, Расинъ, Мольеръ, вошедшіе въ обиходъ міровой литературы, не могли уступить своего почетнаго мѣста на родинѣ безъ горячей и упорной борьбы. Ложноклассицизмъ и въ серединѣ XVIII вѣка еще рѣшительно главенствовалъ во французской литературѣ, находя себѣ опору и поддержку въ самомъ Вольтерѣ.

Вмѣсто могучаго теченія романтическаго, которое процвѣтало въ Англіи, во Франціи замѣчаются лишь разрозненные протесты противъ крайностей ложно-классическаго направленія. И эти протесты обыкновенно совершаются подъ воздѣйствіемъ знакомства съ англійской литературой, увлеченіе которой все болѣе и болѣе распространяется во французскомъ обществѣ того времени [68]).

Попытки литературной реформы во Франціи почти исключительно сосредоточивались вокругъ театра. La Motte Houdard былъ однимъ изъ первыхъ протестантовъ противъ ложно-классической трагедіи. Въ «Discours sur la Tragédie» онъ возставалъ противъ знаменитыхъ трехъ единствъ (времени, мѣста и дѣйствія), противъ неизбѣжности стиховъ въ трагедіи, противъ длинныхъ разсказовъ наперсниковъ и т. д. [69]). Нивелль ла Шоссе ввелъ въ обиходъ литературы такъ наз. «слезную комедію» (comédie larmoyante) [70]). Мармонтель высказывалъ отчасти новые взгляды [71]). Но первымъ сильнымъ противникомъ ложно-классическаго театра явился во Франціи Дидро. Чуткій ко всякой фальши и лжи, ко всему, противорѣчащему требованіямъ реализма, отличавшимъ его страстную, но трезвую натуру, онъ ополчился противъ трагедій Корнеля и Расина и осмѣлился поднять руку на этихъ боговъ французскаго Парнасса, ища новыхъ путей для драмы [72]).

Вопросъ о литературной реформѣ получилъ хотя косвенную, но могучую поддержку въ идеяхъ Руссо. Его пламенная проповѣдь о возвращеніи къ природѣ, о простотѣ, естественности сами собою заставляли мечтать о такой литературѣ, въ которой было бы болѣе простора для жизни сердца и чувства, въ которой болѣе были бы приняты во вниманія интересы всего народа.

Попытку реформировать литературу въ указанномъ смыслѣ сдѣлалъ одинъ изъ наиболѣе страстныхъ поклонниковъ Руссо—Себастьянъ Мерсье. Къ его идеямъ, не прошедшимъ безслѣдно для нѣмецкихъ «бурныхъ геніевъ», намъ придется еще вернуться.

Далеко не такъ ярко тенденціи индивидуализма, сентиментализма и натурализма проявились въ Германіи раньше наступленія періода «бури и натиска».

Въ реакціи чувства противъ разума здѣсь, подобно Англіи, значительную роль игралъ религіозный элементъ. Широкое распространеніе въ нѣмецкомъ обществѣ піэтизма съ его сентиментальною на-

пряженностью религіознаго чувства, подготовляло сердца къ переходу въ настроеніе «чувствительности». На почвѣ піэтизма стоялъ и Геллертъ, едва ли не самый популярный и вліятельный писатель Германіи въ первую половину XVIII вѣка. По своему направленію онъ всего ближе подходилъ къ Ричардсону, являясь такимъ же «сентиментальнымъ моралистомъ», какъ и авторъ «Клариссы». Вдохновляясь примѣромъ Ричардсона и родственныхъ ему по духу писателей, Геллертъ выдвигалъ на первый планъ «доброе чувствительное сердце». Онъ былъ вліятельнымъ руководителемъ умѣренной и осторожной реакціи чувства противъ раціонализма «просвѣщенія» [73]).

Бо́льшаго напряженія чувствительность достигаетъ у Клопштока, соединяясь также съ религіозностью. Исходною точкою для него также является англійская литература. Истиннымъ вдохновителемъ его былъ пѣвецъ «Ночныхъ думъ»—Юнгъ. По выраженію Гердера, Клопштокъ былъ «первымъ нѣмецкимъ поэтомъ чувства». Это чувство отличается у него возвышеннымъ полетомъ и благороднымъ характеромъ. Только «избранные чувства и облагороженные страсти» вызываютъ его сочувствіе. Это сдѣлало изъ него типическаго представителя «идеалистической чувствительности» [74]).

Вліяніе англійской литературы было фактомъ величайшей важности въ Германіи середины XVIII в. Ричардсонъ сдѣлался тамъ рано предметомъ настоящаго культа и вызвалъ безчисленныя подражанія. Всѣ другіе англійскіе писатели, о которыхъ упоминалось выше, также пользовались въ Германіи выдающимся успѣхомъ. Черезъ переводы и подражанія распространялись мало-по-малу въ нѣмецкомъ обществѣ свойственныя этимъ писателямъ тенденціи, проявленіе которыхъ мы прослѣдили [75]). Въ шестидесятыхъ годахъ прибавилось вліяніе Руссо, сочиненія котораго имѣли поразительный успѣхъ въ Германіи [76]).

Такъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ англійскихъ и французскихъ образцовъ, на нѣмецкой почвѣ создалось новое культурное теченіе или настроеніе, обусловившее возможность наступленія поры «бурныхъ порывовъ». Какъ въ Англіи и Франціи, это теченіе сопровождалось попытками литературной реформы, нашедшими свое завершеніе въ «литературной революціи» семидесятыхъ годовъ.

Въ самый разгаръ Готшедовской ложно-классической школы, владѣвшей нѣмецкой поэзіей въ первой половинѣ XVIII в., раз-

давались уже протестующіе голоса такъ наз. «швейцарской» школы поэтовъ, во главѣ которой стояли Бодмеръ и Брейтингеръ. Въ противоположность Готшеду, преклонявшемуся передъ Буало, Расиномъ и Корнелемъ, «швейцарцы» выказывали рѣшительную симпатію къ англійской литературѣ. По образцу знаменитыхъ журналовъ, издававшихся Стилемъ и Аддисономъ, Бодмеръ и Брейтингеръ стали издавать въ 1721 г. въ Цюрихѣ журналъ, «Discurse der Maler». Аддисонъ, между прочимъ, старался обратить вниманіе англичанъ на ихъ великаго поэта Мильтона, несправедливо забытаго съ эпохи реставраціи. Слѣдуя этому указанію, Бодмеръ принялся за чтеніе Мильтона, почувствовалъ безграничное удивленіе передъ величавымъ геніемъ автора «Потеряннаго рая» и занялся переводомъ этого знаменитаго произведенія на нѣмецкій языкъ. Появленіе этого перевода (1737 г.) и двухъ теоретическихъ трактатовъ Бодмера и Брейтингера (1740) послужило поводомъ къ настоящей войнѣ съ приверженцами Готшеда, продолжавшейся болѣе десяти лѣтъ и имѣвшей большое историко-литературное значеніе. «Швейцарцы» содѣйствовали освобожденію нѣмецкой поэзіи изъ-подъ ига правилъ и расширенію ея горизонта [77].

Въ самой школѣ Готшеда произошелъ расколъ; нѣкоторые изъ его учениковъ отдѣлились отъ него и основали въ Бременѣ собственный журналъ подъ названіемъ «Neue Beiträge zum Vergnügen des Verstandes und des Witzes» (1744 г.), въ сотрудники котораго они сумѣли привлечь такихъ видныхъ современныхъ писателей, какъ Рабенеръ и Геллертъ. По теоретическимъ взглядамъ журналъ принадлежалъ къ французской школѣ; но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ сочувствовалъ взглядамъ «швейцарцевъ» и раздѣлялъ ихъ интересъ къ англійской литературѣ.

Скоро народился и нѣмецкій Мильтонъ, появленія котораго такъ страстно желалъ Бодмеръ.

Это былъ Клопштокъ, одаренный несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ и рано увлекшійся теоретическими взглядами «швейцарцевъ» и ихъ религіозно-патріотическимъ направленіемъ. Его «Мессіада», написанная въ подражаніе «Потерянному раю» Мильтона, а также религіозныя и патріотическія оды были первыми истинно-національными произведеніями нѣмецкой литературы послѣ эпохи реформаціи и произвели громадное впечатлѣніе на общество, начинавшее уже

утомляться холоднымъ однообразіемъ ложноклассической музы. Въ его произведеніяхъ «швейцарцы» думали видѣть осуществленіе своихъ литературныхъ стремленій. Совершить литературной реформы Клопштоку, однако, не удалось—и по многимъ причинамъ: во-первыхъ, его талантъ былъ слишкомъ слабъ для такого подвига, который былъ бы по плечу только болѣе могучему дарованію; во-вторыхъ, ошибочна въ корнѣ была и самая мысль Клопштока создать національную литературу однимъ личнымъ усиліемъ, не считаясь съ историческими условіями, которыя требовали большей постепенности въ подобной попыткѣ; въ-третьихъ, онъ не имѣлъ вполнѣ яснаго взгляда на самую сущность реформы, что видно изъ его попытки замѣнить въ поэзіи классическую миѳологію миѳологіей скандинавской, иначе говоря — поставить на мѣсто одной условности другую [78]).

О литературной реформѣ совсѣмъ не думалъ современникъ Клопштока Виландъ, бывшій по своему направленію нравственнымъ и литературнымъ антиподомъ автора «Мессіады». Онъ и не думалъ противорѣчить французскому вкусу; напротивъ того, онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы поддѣлаться подъ этотъ вкусъ — и успѣлъ въ этомъ. Такимъ образомъ, закрѣпощая вновь нѣмецкую литературу Франціи, онъ какъ будто дѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ; но съ другой стороны, онъ былъ первый нѣмецкій писатель, хотя и подражавшій французамъ, но писавшій легко, увлекательно, хорошимъ языкомъ. Онъ распространялъ вкусъ къ чтенію въ нѣмецкомъ обществѣ и возвышалъ значеніе нѣмецкой литературы въ глазахъ своихъ соотечественниковъ, слѣпо преклонявшихся до тѣхъ поръ передъ французскою литературой [79]).

Наконецъ, въ лицѣ Лессинга явился человѣкъ, который съ критическою силою ума соединялъ незаурядную способность къ поэтическому творчеству, который свои критическія идеи могъ подтвердить собственными поэтическими опытами въ новомъ вкусѣ. И это обстоятельство имѣло громадное значеніе. Лессингъ докончилъ дѣло, начатое «швейцарцами» и Клопштокомъ. Главные свои удары Лессингъ направилъ противъ французскаго ложно-классическаго театра и въ короткое время успѣлъ совершенно развѣнчать его въ Германіи. Увлекшись примѣромъ Лилло и Мура, основателей «буржуазной трагедіи», и теоретическими взглядами Дидро, Лессингъ написалъ пьесу «Миссъ Сара Сампсонъ» (1755) — первую мѣщанскую

трагедію на нѣмецкомъ языкѣ. «Литературными письмами» (1759—60) онъ началъ свой критическій походъ противъ ложноклассическаго театра. Черезъ три года онъ пишетъ комедію «Минна фонъ-Барнгельмъ». Наконецъ къ 1767 — 1768 гг. относится его знаменитая «Гамбургская драматургія», нанесшая послѣдній ударъ ложноклассицизму въ Германіи.

Здѣсь мы уже стоимъ на порогѣ періода «бури и натиска». Одновременно съ «Гамбургской драматургіей» выходятъ «Фрагменты по новой литературѣ» Гердера, старшаго представителя молодой нарождающейся литературной партіи, которая со страстною стремительностью задумала довести до конца начатую Лессингомъ реформу. Послѣдніе годы жизни великаго критика прошли уже въ разгаръ новаго движенія. Его трагедія, подтверждавшая его теоретическіе взгляды, «Эмилія Галотти» появилась только въ 1772 году, когда «Гецъ фонъ-Берлихингенъ», первое крупное художественное произведеніе молодой партіи, уже лежалъ готовымъ въ портфелѣ Гете. Лессингъ могъ наблюдать, какъ движеніе, вызванное къ жизни въ извѣстной степени имъ самимъ, разросталось на его глазахъ и далеко зашло за предѣлы той реформы, которую онъ считалъ необходимою [30]).

Таковы были основные факты, подготовившіе молодое броженіе эпохи «бури и натиска».

На жизни и произведеніяхъ одного изъ типичнѣйшихъ представителей «молодой Германіи» XVIII вѣка мы прослѣдимъ важнѣйшіе моменты культурной и литературной борьбы, выпавшей на ея долю.

ГЛАВА II.

Въ отцовскомъ домѣ въ Лифляндіи.

> O ich schmeichelte mir viel,
> Als nur dunkles Morgenroth
> Von dem braunen Himmel um mich lachte.
> *Lenz.*

Въ противоположность другимъ главнымъ дѣятелямъ нѣмецкой литературы періода «бури и натиска», кореннымъ уроженцамъ Германіи, стоявшимъ съ дѣтскихъ лѣтъ подъ непосредственнымъ и мощнымъ вліяніемъ культурныхъ теченій своего отечества, Ленцъ былъ иностраннаго происхожденія и росъ при существенно иныхъ условіяхъ. Онъ былъ русскимъ нѣмцемъ. Его родиной была далекая отъ истинныхъ центровъ нѣмецкой культуры Лифляндія, вошедшая въ составъ Россіи со временъ Петра Великаго. Тамъ прошло первыхъ семнадцать лѣтъ его жизни — годы неизгладимыхъ дѣтскихъ впечатлѣній, формированія характера и первыхъ юношескихъ идеаловъ; тамъ «подъ сѣрымъ небомъ» русской окраины забрезжила «утренняя заря» его поэзіи.

Культурное состояніе Лифляндіи въ началѣ второй половины XVIII в. было не изъ завидныхъ. Главнымъ сословіемъ, задававшимъ тонъ, было дворянство, крѣпко державшееся за свои привилегіи и жившее на счетъ крѣпостныхъ латышей и эстонцевъ. Обычные ужасы крѣпостного права усиливались здѣсь тѣмъ обстоятельствомъ, что господа и рабы принадлежали къ различнымъ національностямъ, при чемъ національность рабовъ являлась, въ глазахъ господина, чѣмъ-то презрѣннымъ и низшимъ. Дворяне смотрѣли на крѣпостныхъ латышей и эстонцевъ, какъ на низшую расу, созданную для того, чтобы быть для нихъ рабочей силой. Положеніе этихъ крѣпостныхъ было очень печальное. Ко всѣмъ тяжестямъ ихъ нищен-

скаго существованія присоединялись нерѣдкіе случаи жестокости со стороны помѣщиковъ.

Культурный уровень дворянства былъ невысокъ. Передовою частью его была высшая аристократія, тяготѣвшая къ Петербургу и бывшая подъ вліяніемъ тамошней придворной жизни. Эта знать была заражена французоманіей, знакома съ сочиненіями Вольтера и энциклопедистовъ. Въ обиходѣ жизни въ ея замкахъ господствовало точное подражаніе дворамъ Петербурга и Версаля [1]).

Представители средняго дворянства обыкновенно служили въ русской военной службѣ, а, возвратившись въ Лифляндію, жили по своимъ помѣстьямъ и придерживались незатѣйливыхъ умственныхъ интересовъ своихъ предковъ. Съ французской литературой они были мало знакомы; что касается нѣмецкой, то начавшееся въ Германіи возрожденіе ускользнуло отъ ихъ лѣниваго и празднаго взора. Руководители его, Клопштокъ и Лессингъ, оставались неизвѣстны имъ, и они продолжали пробавляться пожелтѣлыми произведеніями нѣмецкой литературы XVII в. Даже въ восьмидесятыхъ годахъ допотопный «Simplicissimus» Гриммельсгаузена съ интересомъ читался, при свѣтѣ сальной свѣчки, инымъ лифляндскимъ дворяниномъ [2]). И это въ то время, когда вся Европа зачитывалась уже «Вертеромъ» и другими произведеніями эпохи «бури и натиска»! Сельское хозяйство, охота, мелкія дѣла ближайшаго прихода и округа составляли все содержаніе ихъ жизни. Умственные интересы удовлетворялись воскресной бесѣдой съ пасторомъ.

Ихъ идеалы и стремленія не перелетали за границы Лифляндіи. О всемъ, что совершалось на югъ отъ Риги и на сѣверъ отъ Дерпта, имѣлись самыя смутныя понятія. Дворяне обыкновенно сидѣли въ своихъ обломовкахъ и лѣниво доживали дни, всего болѣе заботясь о томъ, чтобы чья-либо дерзкая рука не поколебала коренныхъ основъ ихъ безпечальнаго существованія. Даже съ другими балтійскими провинціями, сосѣдними Эстляндіей и Курляндіей, лифляндцы имѣли лишь очень слабыя и рѣдкія связи. Газетъ въ краѣ совершенно не существовало. О томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, получались изрѣдка свѣдѣнія отъ переселявшихся изъ Германіи «гофмейстеровъ» (домашнихъ учителей) и пасторовъ, да возвращавшіеся въ край съ русской службы чиновники дѣлились новостями изъ Петербурга и Москвы [3]).

Послѣ дворянства наибольшимъ значеніемъ пользовалось въ Лифляндіи духовенство. Поставленное въ хорошія матеріальныя условія, владѣя крѣпостными крестьянами, оно соперничало съ дворянствомъ въ благосостояніи, но нравственными качествами не блистало. Пьянство, безнравственная жизнь, вымогательство, злоупотребленія по должности были нерѣдкимъ явленіемъ, вызывавшимъ постоянныя дисциплинарныя взысканія или даже отрѣшенія отъ службы. Особенно были часты случаи злоупотребленія властью надъ крѣпостными крестьянами [4]).

Къ своей эстонской или латышской паствѣ пасторы относились съ тѣмъ же высокомѣрнымъ презрѣніемъ, какъ и сами помѣщики. Связанные съ этими послѣдними своими имущественными интересами, пасторы являлись для крѣпостной паствы такими же господами и не могли удовлетворить ея религіозныхъ потребностей. Этимъ объясняется необыкновенный успѣхъ секты гернгуттеровъ въ Лифляндіи. Первые проповѣдники гернгуттеровъ, отряженные самимъ графомъ Цинцендорфомъ, появились здѣсь въ 1729 г. Они приходили обыкновенно подъ видомъ ремесленниковъ, поселялись среди простого народа и быстро овладѣвали его довѣріемъ. Ихъ приверженцы насчитывались въ тридцатыхъ годахъ уже тысячами. Посѣтившій Лифляндію Цинцендорфъ былъ принятъ всюду съ восторгомъ. Число адептовъ гернгуттерства продолжало возрастать до 1742 г., когда встревоженное ихъ необыкновеннымъ успѣхомъ духовенство добилось запрещенія гернгуттерскихъ собраній. Тайное распространеніе гернгуттерства, однако, продолжалось, а въ 1765 г., по указу императрицы Екатерины II, гернгуттеры снова были допущены въ край [5]).

Успѣхъ гернгуттерства доказывалъ, что религіозная жизнь Лифляндіи нуждалась въ обновленіи и что мѣстныхъ силъ было для этого недостаточно.

Дѣйствительно, истинными піонерами умственной жизни этого края были выходцы изъ Германіи, пріѣзжавшіе сюда въ качествѣ домашнихъ учителей и пасторовъ. Они вносили нѣкоторое оживленіе и движеніе въ лѣнивый застой лифляндской жизни. Черезъ нихъ проникали сюда нѣкоторыя новыя культурныя теченія. Прежде всего это выразилось въ сферѣ религіозныхъ отношеній. Пріѣзжавшіе пасторы замѣтно дѣлились на два лагеря: раціоналистовъ и піэтистовъ.

Первые проникли въ Лифляндію въ серединѣ XVIII вѣка. Вооруженные идеями просвѣтительной философіи, они были исполнены самыхъ лучшихъ стремленій по отношенію къ угнетенной народной массѣ и дѣлали все, что было въ ихъ силахъ, для смягченія ея печальной участи. Они хорошо поняли, что главное зло лифляндской жизни—крѣпостное право, и задачей своей ставили борьбу съ нимъ. Впрочемъ, ихъ дѣятельность развилась вполнѣ не ранѣе конца XVIII в. и начала XIX в. Въ пятидесятые же годы XVIII в., о которыхъ идетъ теперь рѣчь, надъ ними брали верхъ піэтисты. Этимъ послѣднимъ было легче примириться съ существующимъ порядкомъ вещей, такъ какъ ихъ усилія были направлены на сферу духовной жизни, на усовершенствованіе нравственности, на воздѣлываніе души. Между ученіемъ піэтистовъ и гернгуттеровъ было внутреннее родство, почему и неудивительно, что лифляндскіе пасторы-піэтисты относились обыкновенно очень благосклонно къ сектѣ графа Цинцендорфа [6]).

Однимъ изъ такихъ выходцевъ изъ Германіи былъ Христіанъ Давидъ Ленцъ, отецъ нашего поэта. Сынъ мѣдника, онъ родился въ Помераніи, въ городѣ Кёслинѣ (въ 1720 г.) и прошелъ суровую школу жизни, которая наложила извѣстный отпечатокъ на все его послѣдующее существованіе. Воспитанный въ благочестивой семьѣ скромнаго ремесленника, Христіанъ Ленцъ, влекомый жаждою къ наукѣ, на пятнадцатомъ году жизни сдѣлался студентомъ Галльскаго университета. Безъ гроша въ карманѣ, не разсчитывая на помощь отъ отца, которой нельзя было и ожидать, онъ содержалъ себя дешевыми уроками и испыталъ на себѣ всѣ превратности подобнаго необезпеченнаго существованія впроголодь [7]). Университетъ въ Галле былъ въ то время истиннымъ очагомъ нѣмецкаго піэтизма, основателемъ котораго обыкновенно считается Шпенеръ [8]). Неудивительно, что молодой студентъ теологіи сдѣлался ревностнымъ піэтистомъ [9]).

Въ 1740 г. Хр. Ленцъ покинулъ Германію и получилъ мѣсто «гофмейстера», т. е. домашняго учителя въ Лифляндіи. Его «выписала» изъ-за границы одна дворянская семья, владѣвшая имѣньемъ близъ Вендена [10]). Черезъ «гофмейстерство» проходили обыкновенно всѣ выходцы изъ Германіи, желавшіе занять въ Лифляндіи мѣсто пастора. Мѣсто домашняго учителя въ дворянской семьѣ давало имъ

возможность изучить латышскій или эстонскій языкъ, необходимый для духовной карьеры. Лифляндское духовенство на половину, а иногда даже на двѣ трети состояло изъ нѣмецкихъ выходцевъ, питомцевъ нѣмецкихъ университетовъ (особенно галльскаго). Привлекала ихъ матеріальная обезпеченность лифляндскихъ пасторовъ. Каждый пасторъ дѣлался обыкновенно обладателемъ порядочнаго имѣнія, которое обрабатывалось приписанными къ нему крѣпостными. Всѣ отрасли сельскаго хозяйства ему были открыты. Въ матеріальномъ отношеніи, владѣя землею, не обремененною долгомъ, онъ нерѣдко поставленъ былъ лучше средняго дворянина; въ соціальномъ отношеніи онъ занималъ равное съ послѣднимъ мѣсто [11]).

Черезъ два года молодой «гофмейстеръ» сдѣлался пасторомъ въ Зербенѣ. Такъ началъ Христіанъ Ленцъ свою духовную карьеру, которая впослѣдствіи (въ 1779 г.) привела его къ высокому сану Генералъ-Суперинтендента Лифляндіи. Женитьбой на Доротеѣ Нейкнаппъ, дочери пастора въ Нейгаузенѣ, онъ сдѣлался родоначальникомъ лифляндской фамиліи, въ числѣ представителей которой насчитывается не одинъ талантливый человѣкъ.

Въ этой-то пасторской семьѣ, успѣвшей незадолго передъ тѣмъ переселиться въ деревушку Зессвегенъ (въ нынѣшнемъ Валкскомъ уѣздѣ Лифляндской губ.), и родился $^{12}/_{23}$ января 1751 г. Якобъ Михаилъ Рейнгольдъ Ленцъ, будущій видный дѣятель нѣмецкой литературы періода «бури и натиска»*).

Отецъ, лично крестившій ребенка, къ метрической записи прибавилъ прочувствованную молитву о младенцѣ [12]). Отцовское сердце какъ будто предчувствовало, что его второй сынъ будетъ нуждаться въ особенной божеской милости, чтобы провести свой утлый челнъ черезъ бурныя волны житейскаго моря!

Разростаніе семьи и необходимость давать дѣтямъ правильное образованіе заставили зессвегенскаго пастора подумать о мѣстѣ въ городѣ. Такое мѣсто представилось ему въ Дерптѣ, куда онъ и переселился съ семьею въ началѣ 1759 г. Въ это время Якобу шелъ восьмой годъ.

---

*) Старшій изъ дѣятелей этого періода Гердеръ родился въ 1744 году и младшій, Шиллеръ, въ 1759 г. Ближайшими ровесниками Ленца были Гёте (р. 1749), Мюллеръ (р. 1750) и Клингеръ (р. 1752)

Дерптъ, въ которомъ прошли дѣтство и юность Ленца до отъѣзда въ Кенигсбергскій университетъ, былъ тогда маленькимъ городомъ съ тремя тысячами жителей, въ числѣ которыхъ было много эстонцевъ. Въ городѣ было нѣсколько лютеранскихъ и двѣ православныхъ церкви, удовлетворявшихъ религіознымъ потребностямъ жившихъ здѣсь русскихъ купцовъ и ремесленниковъ. Самоуправленіе Дерпта было устроено по образцу рижскаго, но часто являлось лишь претенціозной пародіей на дѣйствительные порядки богатаго приморскаго города, бывшаго очагомъ лифляндскаго бюргерства. Здѣсь бюргеры играли гораздо менѣе вліятельную роль, чѣмъ въ Ригѣ, и должны были считаться съ могущественнымъ вліяніемъ окрестнаго помѣстнаго дворянства.

Тѣмъ не менѣе этотъ незначительный городокъ являлся вторымъ, послѣ Риги, умственнымъ центромъ Лифляндіи. Иначе говоря, только въ этихъ двухъ городахъ замѣтны были признаки нѣкоторой умственной жизни. Но эта жизнь въ 60-хъ годахъ XVIII в. сосредоточивалась въ небольшихъ обособленныхъ кружкахъ. Такимъ былъ въ Ригѣ кружокъ просвѣщеннаго коммерсанта Беренса. Лучшимъ его украшеніемъ былъ Гердеръ, проведшій въ Ригѣ около пяти лѣтъ (1764—1769). По временамъ наѣзжалъ учитель Гердера, «сѣверный магъ» Гаманнъ, котораго часто называютъ «родоначальникомъ періода бурныхъ стремленій». Къ кружку принадлежалъ и другъ Гаманна Линднеръ, а также интеллигентный книгопродавецъ Гартknохъ, издатель сочиненій Канта, Гаманна и Гердера.

Дерптскій кружокъ группировался вокругъ извѣстнаго лифляндскаго историка, юриста и общественнаго дѣятеля Гадебуша, земляка и ровесника (род. въ 1719 г. на островѣ Рюгенѣ) Христіана Ленца, подобно ему переселившагося въ молодые годы въ Лифляндію, въ качествѣ домашняго учителя [13]). Кромѣ Ленца къ нему принадлежали: Ольдекопъ, пасторъ и религіозный поэтъ, бывшій также воспитанникомъ галльскаго университета, Мартинъ Генъ, филологъ и «ректоръ» дерптской школы и др. [14]).

Въ направленіи рижскаго и дерптскаго кружковъ замѣчалось значительное различіе. Кружокъ Беренса былъ просвѣтительно-либеральнаго и отчасти раціоналистическаго направленія; кружокъ Гадебуша и Ленца-отца отличался строго-консервативнымъ характеромъ и религіозностью въ духѣ піэтизма. Первый тяготѣлъ болѣе

къ западу; второй оставался вѣренъ стариннымъ устоямъ Лифляндской жизни и выступалъ въ походъ противъ раціоналистовъ [15]).

Однако, оба кружка не были такъ радикально противоположны, какъ можно подумать съ перваго раза. Присутствіе въ рижскомъ кружкѣ Гаманна показываетъ, что тамъ начинали господствовать тенденціи, не всегда идущія въ униссонъ съ просвѣтительными и раціоналистическими идеями. Рижскій кружокъ становился на сторону чувства, не выходя совершенно изъ круга идей просвѣтительной философіи; члены дерптскаго кружка также стояли на почвѣ чувства, преимущественно религіознаго.

Многочисленныя теологическія сочиненія Христіана Ленца были направлены главнымъ образомъ противъ раціонализма, нашедшаго себѣ доступъ, какъ мы видѣли, и въ прибалтійскій край [16]). Противъ этой «неологіи», какъ тогда выражались, сражался Ленцъ-отецъ неутомимо, и впослѣдствіи большимъ огорченіемъ было для него узнать, что его сынъ Якобъ, увлеченный духомъ времени, отступился отъ строгихъ нормъ лютеранской ортодоксіи [17]).

Піэтистическія вліянія, испытанныя Ленцемъ-отцомъ въ Галле, не прошли для него даромъ: они сказались въ нѣкоторыхъ особенностяхъ его пасторской дѣятельности, вызывавшей многочисленныя нареканія и неудовольствія со стороны паствы и лицъ, къ нему нерасположенныхъ. Какъ піэтистъ, онъ былъ суровъ и требователенъ по отношенію къ своимъ прихожанамъ, придавалъ особенное значеніе проповѣди и особенно разсчитывалъ на то, чтобы растрогать вѣрующихъ до глубины сердца, вызвать въ нихъ глубокій душевный переворотъ, сопровождаемый слезами умиленія и раскаянія. Не разъ жаловались прихожане на длинноту его проповѣдей, продолжавшихся нерѣдко болѣе полутора часа; неудовольствіе ихъ вызывалось и слишкомъ, по ихъ мнѣнію, продолжительнымъ и суровымъ обученіемъ юношей, подлежавшихъ конфирмаціи [18]). Любилъ Ленцъ-отецъ и суровое и гнѣвное обличеніе. Такова была его проповѣдь, сказанная по случаю большого пожара въ г. Венденѣ и напечатанная въ Ригѣ въ самый годъ рожденія его сына-поэта подъ заглавіемъ: «Страшный судъ Божій надъ злополучнымъ г. Венденомъ». Здѣсь Ленцъ выступилъ въ роли пророка и съ такою силою обрушился на «грѣховныхъ» венденцевъ, навлекшихъ на себя гнѣвъ Божій, что несчастные погорѣльцы возбудили даже дѣло противъ пастыря, давшаго имъ

вмѣсто словъ христіанскаго утѣшенія гнѣвное и презрительное осужденіе [19]).

Выдающійся представитель піэтизма и видный богословскій писатель Лифляндіи XVIII вѣка, Христіанъ Ленцъ отличался страстною преданностью обязанностямъ своего пасторскаго сана и сложившимся въ немъ религіознымъ убѣжденіямъ. «Мой отецъ-піэтистъ и превосходнѣйшій человѣкъ подъ солнцемъ» — такъ отзывался впослѣдствіи Якобъ Ленцъ о своемъ старикѣ-отцѣ [20]). Отзывъ сына подтверждается приговоромъ современниковъ, выражавшимъ уваженіе къ личнымъ качествамъ суроваго блюстителя религіи и нравственности [21]). Не лишенный сердечной теплоты отъ природы, онъ былъ, однако, фанатикомъ своихъ идей, убѣжденій и понятій о жизни и съ безпощадностью прямолинейнаго идеалиста каралъ всякое уклоненіе отъ тѣхъ жизненныхъ нормъ, которыя онъ считалъ обязательными для людей. Въ этой чертѣ характера Ленца-отца кроется источникъ его послѣдующихъ печальныхъ недоразумѣній съ талантливымъ сыномъ, натура котораго всего менѣе могла уложиться въ узкія и шаблонныя рамки, опредѣленныя непреклонною волею стараго піэтиста.

Совершенно иного закала была мать поэта. Слабая и болѣзненная, она была исполнена чувствительности и меланхолической мечтательности [22]). Казалось, она была одною изъ тѣхъ мягкихъ женскихъ душъ, сентиментальность которыхъ находила себѣ обильную пищу въ произведеніяхъ Геллерта и другихъ подобныхъ писателей XVIII вѣка. Истинно материнской любви и нѣжности исполнено единственное письмо ея къ сыну, дошедшее до насъ [23]).

Отъ нея унаслѣдовалъ Якобъ вмѣстѣ со слабымъ тѣлосложеніемъ также и крайне впечатлительную, нѣжно-чувствующую и меланхолическую душу. Отцу онъ, повидимому, былъ обязанъ страстною подвижностью и нервностью всего своего существа.

Мальчикъ росъ въ строгой піэтистической семьѣ, скромной и умѣренной въ своихъ желаніяхъ, разсчетливой и практически-благоразумной въ жизни. Первыя его впечатлѣнія были связаны съ духовнымъ саномъ его отца, хорошаго проповѣдника. Въ одной изъ своихъ повѣстей Ленцъ разсказывалъ впослѣдствіи о себѣ въ третьемъ лицѣ: «По собственному побужденію, переписывалъ онъ себѣ проповѣди своего отца и тайно ото всѣхъ, тщательно заперевъ

двери, надѣвъ отцовскій парикъ и облачившись въ его мантію, произносилъ ихъ передъ вѣшалкой и шкафомъ для платья. Онъ едва не упалъ въ обморокъ, когда однажды отецъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими пасторами, подслушалъ его и внезапно отперъ дверь общимъ домовымъ ключомъ. Лучше всего онъ чувствовалъ себя не съ сверстниками, а въ обществѣ взрослыхъ, «курившихъ табакъ» и «спорившихъ объ ученыхъ вещахъ» [24]).

Къ семейнымъ впечатлѣніямъ присоединялись впечатлѣнія дерптской жизни. Мальчикъ былъ свидѣтелемъ большого пожара, которымъ Дерптъ былъ почти уничтоженъ въ 1763 году. Картины бушевавшаго огня и всего бѣдствія неизгладимо врѣзались въ его память и отразились въ самомъ крупномъ изъ его юношескихъ произведеній, поэмѣ «Народныя бѣдствія» [25]). Свѣжими и неистребимыми впечатлѣніями дѣтскихъ лѣтъ можно объяснить его послѣдующую склонность къ военному дѣлу и военнымъ наукамъ: источникомъ ея было, повидимому, то обстоятельство, что мальчикомъ Ленцъ былъ свидѣтелемъ начатыхъ въ томъ же году работъ по укрѣпленію Дерпта, который, по мысли Екатерины II, долженъ былъ превратиться въ сильную крѣпость. Впослѣдствіи, въ Страсбургѣ, Ленцъ даже давалъ уроки фортификаціи, а крѣпостные валы стараго эльзасскаго города сдѣлались любимымъ мѣстомъ его прогулокъ [26]).

Желаніе осмотрѣть лично крѣпостныя работы Дерпта было причиной посѣщенія города императрицей Екатериной II, путешествовавшей въ 1764 г. по остзейскимъ провинціямъ. Съ необыкновенною торжественностью принимала Рига молодую государыню. Когда Гердеръ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, пріѣхалъ въ Ригу, «тамъ еще было свѣжо воспоминаніе объ этомъ важномъ событіи, такъ какъ со временъ Петра Великаго ни одинъ императоръ не посѣщалъ этого города; восторгъ, съ которымъ населеніе встрѣчало императрицу, точно будто скрѣпилъ результатъ завоеванія». Въ первой же своей вступительной рѣчи съ церковной каѳедры Гердеръ счелъ нужнымъ напомнить рижанамъ о тѣхъ дняхъ, когда «монархиня сошла, какъ грація, съ своего трона, освятила новое зданіе судебныхъ учрежденій и вызвала изъ устъ новыя выраженія радости» [27]).

18-го іюля 1764 года посѣтила Екатерина II Дерптъ въ сопровожденіи блестящей свиты, при чемъ Ленцъ-отецъ, бывшій уже оберъ-пасторомъ, произнесъ привѣтственную рѣчь императрицѣ, а его

сынъ, будущій поэтъ, сложилъ въ честь государыни не особенно складное, но прочувствованное четверостишіе [28]).

Такимъ образомъ въ эти дѣтскіе годы было заложено основаніе того почти благоговѣйнаго чувства, съ которымъ относился уже взрослый Ленцъ къ императрицѣ-философу. Другой разъ ему довелось увидѣть Екатерину II черезъ много лѣтъ въ Петербургѣ, когда уже начался закатъ его бурной жизни. Письмо къ Лафатеру показываетъ, что восторженное отношеніе къ «сѣверной Семирамидѣ» неизмѣнно сохранилось въ немъ [29]).

Начало царствованія Екатерины внесло свѣжую струю въ затхлый застой лифляндской жизни: въ 1765 г. ею былъ предложенъ на обсужденіе лифляндскаго дворянства вопросъ объ ограниченіи крѣпостного права и распространеніи образованія среди крестьянъ [30]). Черезъ два года появился ея знаменитый наказъ, напечатанный одновременно на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ [31]), провозглашавшій съ высоты трона гуманныя идеи просвѣтительной философіи. О дѣятельности коммиссіи по составленію новаго уложенія Ленцъ могъ слышать разсказы ея непосредственнаго участника—Гадебуша [32]), а въ рижскомъ журналѣ онъ читалъ восторженныя оды Гердера, посвященныя Екатеринѣ II. Въ одной изъ нихъ, написанной на тему «восшествіе Екатерины на престолъ», Гердеръ, по выраженію его біографа, выражалъ «самый непритворный восторгъ языкомъ самой изысканной лести» [33]).

Юный Ленцъ посвятилъ ей упомянутую поэму, напечатанную имъ въ Кенигсбергѣ въ 1769 году. Тексту предшествовала ода въ честь императрицы [34]).

Образованіе талантливый мальчикъ получалъ въ «городской латинской школѣ», во главѣ которой стоялъ уже извѣстный намъ Мартинъ Генъ [35]). О школьныхъ успѣхахъ Ленца свидѣтельствуетъ дошедшая до насъ рѣчь «Ueber die Zufriedenheit», произнесенная имъ 1-го января 1765 г. по случаю какого-то школьнаго торжества [36]).

Бóльшее значеніе, чѣмъ школа, имѣла, повидимому, для мальчика близость съ членами отцовскаго кружка. Уроженецъ глухой Лифляндіи, Ленцъ, однако, былъ счастливъ тѣмъ, что могъ вращаться въ средѣ наиболѣе просвѣщенныхъ людей своего отечества. Это обстоятельство, конечно, не мало содѣйствовало его раннему развитію.

Гадебушъ былъ обладателемъ обширной и хорошо составленной библіотеки, книгами которой онъ снабжалъ даровитаго мальчика [37]. Послѣдній охотно посѣщалъ домъ Гадебуша, котораго называлъ своимъ «благодѣтелемъ», изъявляя ему чувства безконечной признательности *). Послѣ піэтистически-суровой и монотонной атмосферы отцовскаго дома, здѣсь, повидимому, дышалось ему легче и привольнѣе. Если отъ отца Ленцъ унаслѣдовалъ интересъ къ богословскимъ вопросамъ, (что выразилось въ рядѣ его сочиненій богословскаго характера), то Гадебушу мальчикъ былъ обязанъ тою внимательностью къ исторіи своей родины, которая проявилась въ особенности въ послѣдній періодъ его жизни по возвращеніи изъ Германіи. Впослѣдствіи Гадебушъ сдѣлался первымъ біографомъ своего прежняго молодого друга [38]. Онъ женатъ былъ на француженкѣ (ур. Ferrier), которая также благосклонно относилась къ талантливому мальчику и давала ему возможность практиковаться во французскомъ языкѣ. Ей, можетъ быть, обязанъ былъ Ленцъ первымъ своимъ знакомствомъ съ французской литературой. Занятія французскимъ языкомъ, впрочемъ, поощрялись и отцомъ его, который заставлялъ своихъ дѣтей писать къ нему, для упражненія, французскія письма. Такихъ писемъ сохранилось нѣсколько въ Lenziana Гор. Риж. Библ.; каждое изъ нихъ исправлялось рукою отца, знавшаго, повидимому, французскій языкъ основательно. Впослѣдствіи Ленцъ—сынъ много и охотно писалъ по-французски.

Обладая способностью къ языкамъ, онъ уже въ дѣтствѣ зналъ немного по-русски **). Весьма возможно, что и съ англійскимъ языкомъ онъ познакомился еще на родинѣ.

Поэтическій талантъ Ленца сказался очень рано. Первенцемъ его было, вѣроятно, сохранившееся въ рукописи Рижской Городской Библіотеки стихотвореніе «Neujahrs Wunsch», поднесенное имъ отцу. Стихотвореніе написано на листѣ in-folio тщательнымъ готическимъ почеркомъ, съ заголовкомъ, украшеннымъ сложнымъ орнаментомъ, надъ которымъ, очевидно, много потрудился мальчикъ. По содержанію оно ничѣмъ не отличается отъ подобныхъ стихотворныхъ при-

---

*) См. приложеніе А. № 1 (*По рукописи, принадл. Рижскому обществу исторіи и древностей*).

**) „Въ дѣтствѣ я учился немного по-русски“ писалъ впослѣдствіи Ленцъ изъ Москвы (Письмо къ Брауэру. *Риж. Город. Библ.*).

вѣтствій отъ дѣтей родителямъ. Отецъ его, человѣкъ мало доступный вліянію поэзіи, врядъ ли могъ поощрить сына въ его поэтическихъ опытахъ. И впослѣдствіи онъ всегда относился довольно пренебрежительно къ писательской дѣятельности сына и въ его занятіяхъ поэзіей видѣлъ лишь печальное уклоненіе отъ здравыхъ путей жизни.

Первымъ цѣнителемъ поэтическихъ опытовъ талантливаго мальчика былъ уже упомянутый пасторъ Ольдекопъ. Прочитавъ два небольшихъ стихотворенія мальчика, Ольдекопъ угадалъ въ немъ поэтическій талантъ и поощрилъ его попытать свои силы «въ болѣе высокомъ родѣ поэзіи». Отвѣтомъ на этотъ сочувственный вызовъ пастора было стихотвореніе Ленца «Искупительная смерть Іисуса Христа». Можно съ вѣроятностью предположить, что тема произведенія принадлежитъ Ольдекопу, имъ была внушена мальчику. Дерптскій пасторъ-меценатъ напечаталъ это стихотвореніе въ журналѣ «Gelehrte Beyträge zu den Rigischen Anzeigen aufs Jahr 1766» (стр. 50 — 60), предпославъ ему небольшое предисловіе (помѣченное 8 марта 1766 г.), въ которомъ онъ удостовѣряетъ, что «планъ и исполненіе» (а не замыселъ) принадлежатъ пятнадцитилѣтнему автору. «Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ счелъ я необходимымъ сдѣлать небольшія измѣненія»—прибавлялъ издатель. Утверждая, что автора вдохновила «Клопштоковская муза», Ольдекопъ дѣлалъ наилучшую, по тому времени, рекомендацію стихотворенію. Предисловіе оканчивалось словами, которыя могли вскружить голову юному поэту: «Такой рѣдкостный геній заслуживаетъ всяческаго поощренія. Надѣюсь, что читатели вмѣстѣ со мною пожелаютъ, чтобы поэтическія дарованія этого многообѣщающаго юноши могли развиваться все болѣе и болѣе къ чести нашего отечества» [39]).

Въ первый разъ былъ названъ здѣсь Ленцъ «геніемъ», именно тѣмъ именемъ, которымъ любили впослѣдствіи величаться питомцы Sturm-u.-Drang'а, выработавшіе цѣлое ученіе о «геніальности», носителями которой они себя считали. Нельзя не обратить также вниманія на то обстоятельство, что первое печатное произведеніе Ленца появилось въ томъ самомъ журналѣ, въ которомъ желаннымъ сотрудникомъ состоялъ Гердеръ, занимавшій тогда мѣсто пастора въ Ригѣ и выпустившій въ томъ же году свои знаменитые «Фрагменты», въ которыхъ почувствовалось уже вѣяніе новаго духа, предвѣщавшаго эпоху «бурныхъ стремленій». Гердеръ, одинъ изъ важнѣйшихъ

духовныхъ вождей эпохи, и Ленцъ, одинъ изъ наиболѣе яркихъ ея представителей, встрѣтились на страницахъ одного и того же рижскаго изданія [40]).

Однимъ изъ первыхъ поэтическихъ произведеній, прочтенныхъ мальчикомъ, была «Мессіада» Клопштока — произведеніе очень популярное въ благочестивой пасторской семьѣ. Строго религіозное образованіе, которое получалъ мальчикъ, не лишенное суровости и сухости, получало теперь въ его глазахъ поэтическое освѣщеніе. «Мессіада», такъ близко соотвѣтствовавшая настроенію семьи, въ которой онъ росъ, атмосферѣ, которая его окружала съ колыбели, не могла не произвести сильнѣйшаго впечатлѣнія на нервнаго и экзальтированнаго мальчика и пробудить еще дремавшій въ немъ поэтическій талантъ. Клопштокъ сдѣлался его любимымъ поэтомъ, какъ это было почти со всѣми его сверстниками въ Германіи, для которыхъ поэзія автора «Мессіады», поэзія внутренней жизни чувства, была истиннымъ откровеніемъ міра души. И все, что было измучено и неудовлетворено сухой, разсудочной поэзіей просвѣтительной эпохи, съ жадностью пило изъ этого источника истиннаго поэтическаго вдохновенія.

Поколѣніе, къ которому принадлежалъ Ленцъ, выросло подъ обаяніемъ возвышенно-религіозной поэзіи Клопштока, стоявшаго тогда въ зенитѣ своей славы. О сильномъ вліяніи Клопштока, испытанномъ еще въ дѣтствѣ, говоритъ Гете въ концѣ второй книги своей автобіографіи. Кромѣ отца, который, какъ типичный поклонникъ литературы «Просвѣщенія», рѣшительно осуждалъ «Мессіаду», всѣ остальные члены семьи зачитывались ею втихомолку. «Ни за что не соглашался онъ купить эту книгу, такъ что, наконецъ, другъ нашего дома, совѣтникъ Шнейдеръ, контрабандой водворилъ ее у насъ, подаривъ дѣтямъ и матери. «Мессіада» тотчасъ по своемъ выходѣ произвела огромное впечатлѣніе на этого всегда занятаго человѣка, читавшаго очень мало до того времени. Благородныя, благочестивыя чувства, выраженныя такъ ясно и просто и притомъ чистѣйшимъ языкомъ, хотя бы даже похожимъ на гармоническую прозу, такъ сильно подѣйствовали на сухого и по натурѣ дѣлового человѣка, что онъ причислилъ первыя десять пѣсенъ поэмы, о которыхъ собственно и идетъ здѣсь рѣчь, къ самымъ лучшимъ назидательнымъ книгамъ и ежегодно перечитывалъ ихъ въ теченіе страстной недѣли, во время

которой постоянно оставлялъ всѣ дѣла и освѣжалъ себя такимъ образомъ на цѣлый годъ». И такихъ людей было тогда въ Германіи не мало; подобно Шнейдеру, они считали автора «Мессіады» «святымъ». «Мы съ сестрой, продолжаетъ Гете, добывали себѣ книгу, когда и какъ могли, и выучивали лучшія мѣста наизусть, сидя гдѣ-нибудь въ углу въ свободное отъ уроковъ время, при чемъ съ особенною легкостью запоминались нами особенно нѣжныя или патетическія мѣста» [41]).

Сильнѣйшее впечатлѣніе произвела «Мессіада» на Шубарта. «Имъ овладѣвало величайшее благоговѣніе, какъ только при немъ произносили имя Клопштока; ему казалось, что такъ называлъ себя ангелъ, заблудившійся на землѣ. «Мессіаду» онъ зналъ почти наизусть и плакалъ, дрожалъ, содрогался отъ радости, декламируя изъ нея нѣкоторыя мѣста» [42]).

Вліяніе Клопштока—было первымъ фактомъ величайшей важности въ литературномъ развитіи Ленца. Погрузившись въ Клопштока, онъ сталъ на первую ступень той лѣстницы, которая должна была привести его на высоту нѣмецкаго литературнаго развитія. Пока, сообразно со вкусами окружавшей его среды, онъ цѣнитъ въ Клопштокѣ всего болѣе религіозной элементъ, все, что шло въ униссонъ съ протестантскимъ піэтизмомъ пастора и его семьи. Впослѣдствіи, секуляризируя постепенно свои чувства и мысль, онъ будетъ ставить на первый планъ въ Клопштокѣ элементъ чисто свѣтскій—изображеніе интимнаго міра души, глубину внутренняго чувства.

«Искупительная смерть Іисуса Христа» — точный снимокъ съ «Мессіады»: молодой поэтъ не только вдохновляется Клопштокомъ, не только заимствуетъ сюжетъ, но и точно подражаетъ ему въ стихосложеніи, въ выборѣ словъ и въ грамматическомъ ихъ расположеніи. Первые стихи Ленца вводятъ уже насъ вполнѣ въ излюбленный міръ Клопштока со всѣми его пріемами и способами выраженія:

Zeit sey mir heilich, den Sohh im Leiden des Todes zu singen,
Tränen fliesst in die Lieder, die ich dem Blutigen weihe и т. д.

Въ выборѣ словъ, въ построеніи фразы, въ поэтическихъ образахъ мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу точное копированіе Клопштока. И такъ написано все стихотвореніе въ 328 стиховъ. Ленцъ поступалъ здѣсь такъ же, какъ впослѣдствіи дѣлалъ въ юности Лермонтовъ, который Пушкинскія поэмы перекладывалъ 'на свои стихи.

У Ленца мы замѣчаемъ такую же зависимость ученика отъ учителя, который такъ господствуетъ надъ фантазiей своего ученика, что послѣднiй живетъ въ мiрѣ вызванныхъ имъ образовъ, въ мiрѣ его звуковъ, которые, помимо его воли, являются первыми, лишь только затронута душа поэта и его поэтическая воспрiимчивость.

То же мы наблюдаемъ и въ стилѣ поэмы Ленца. Ученикомъ Клопштока является Ленцъ и въ употребляемыхъ имъ сравненiяхъ. По наблюденiю Мункера, Клопштокъ употребляетъ сравненiе не для того, чтобы представить предметъ нагляднѣе, пластичнѣе (какъ это дѣлаетъ Гомеръ), но видитъ въ немъ лишь средство воздѣйствiя на *чувство* (Empfindung) читателя. Вслѣдствiе этого онъ, напримѣръ, бралъ часто сравненiя изъ мiра душевной жизни, неуловимой для нагляднаго представленiя; также поступаетъ и Ленцъ [43]).

Реторическая окраска рѣчи взята Ленцемъ тоже у Клопштока, хотя и отличается отъ реторики пѣвца «Мессiады». У Клопштока реторика нашла художественное примѣненiе, эпосъ же Ленца часто есть не что иное, какъ проповѣдь протестантскаго пастора, который обращается къ своей паствѣ въ гекзаметрахъ. Само-собою, разумѣется, что эту реторику мальчикъ подслушалъ у своего отца. Послѣднiй издалъ, между прочимъ, нѣсколько своихъ проповѣдей «О жизни, смерти, воскресенiи и вознесенiи Спасителя» подъ заглавiемъ: «Amor meus crucifixus! Betrachtungen auf alle 7 Tage der Woche» (Koenigsberg 1756, 485, in 8°). Можно предполагать влiянiе этого сочиненiя отца на первыя стихотворенiя его сына [44]).

У Клопштока заимствовалъ Ленцъ и размѣръ стиховъ — гекзаметръ [45]).

Недалеко отъ Клопштока и его религiозной поэзiи ушелъ Ленцъ и въ двухъ своихъ лирическихъ стихотворенiяхъ, написанныхъ въ духѣ пiэтизма. Оба стихотворенiя напечатаны励алькомъ подъ заглавiемъ: 1) Das Vertrauen auf Gott и 2) Das Leben in Gott. Впослѣдствiи Ленцъ переработалъ ихъ въ одно, такъ какъ они были очень близки по смыслу, представляя общiя пiэтистическiя мѣста, подъ заглавiемъ: «Das Vertrauen auf Gott» [46]).

Эти стихотворенiя можно назвать «типическимъ образчикомъ водянистой церковной поэзiи». Содержанiе бѣдно, послѣдовательности никакой: можно переставить какiя угодно строфы или даже прочесть ихъ съ конца, безъ всякаго ущерба для смысла. Внѣшняя форма и

риѳмы тоже не принадлежать къ числу особенно удачныхъ [47].— Тѣмъ не менѣе стихотворенія понравились и поддержали репутацію начинающаго поэта.

Въ томъ же 1766 году Ленцъ написалъ свое первое драматическое произведеніе «Раненый женихъ» *). Оно принадлежитъ къ числу пьесъ «на случай», написанныхъ по заказу. О свободномъ поэтическомъ вдохновеніи здѣсь, конечно, не можетъ быть рѣчи, но въ высшей степени интересно, какъ пятнадцатилѣтній авторъ справился съ навязанной ему задачей. Канвой пьесы служитъ дѣйствительно случившійся фактъ.

15 іюня 1766 г. баронъ Игельстрöмъ праздновалъ свое обрученіе съ дѣвицей Еленой Лаувъ въ имѣніи Мойзекюлль близъ Дерпта. Разсерженный слугою, который пропадалъ передъ тѣмъ три дня неизвѣстно гдѣ, молодой баронъ сломалъ о него свою палку. Въ ближайшую ночь слуга проникъ въ спальню своего господина и сдѣлалъ попытку убить его. Баронъ отдѣлался легкой раной; преступникъ былъ схваченъ и, послѣ суда, впослѣдствіи сосланъ въ Сибирь. Женихъ скоро выздоровѣлъ, и свадьба была назначена на 25 августа въ имѣніи отца невѣсты, замкѣ Оберпаленѣ. Наканунѣ бракосочетанія въ замкѣ игралась пьеса нашего юнаго поэта передъ лицомъ аристократическаго общества [48].

Надо замѣтить, что баронъ Игельстрöмъ былъ участникомъ семилѣтней войны. Онъ сражался сначала въ рядахъ русскаго войска противъ Фридриха II, а затѣмъ, когда по смерти императрицы Елисаветы, Петръ III приказалъ корпусу гр. Чернышева идти на помощь прусскому королю (въ іюнѣ 1762 г.) [49], на сторонѣ послѣдняго. Запомнивъ о храбрости русскаго офицера, Фридрихъ прислалъ ему орденъ и собственноручное письмо.

Съ этого и начинается первое дѣйствіе четырехактной драмы, происходящее въ домѣ барона Шенвальда. Получивъ отъ Фридриха II орденъ, онъ дѣлится этою радостью съ своею невѣстою Ленхенъ, исполненный глубочайшей признательности къ «великому Фридриху, чуду свѣта» (Der grosse Friedrich, das Wunder der Welt. I, 1 стр. 6). Въ этихъ словахъ выразилось, несомнѣнно,

---

*) „Der verwundete Bräutigam". Von J. M. R. Lenz. Im Manuscript aufgefunden und herausgegeben von K. L. Blum, Dr. Berlin. 1845.

личное удивленіе Ленца передъ геніемъ великаго прусскаго короля. На ряду съ Екатериной II и этотъ просвѣщенный монархъ овладѣлъ симпатіями юноши.

Радостное событіе даетъ поводъ Ансельмо, отцу Ленхенъ, согласиться на ускореніе ея свадьбы съ Шенвальдомъ. Между тѣмъ возвращается въ домъ барона его слуга Тиграсъ, пропадавшій нѣсколько дней, человѣкъ крайне самолюбивый, заносчивый и гордый сознаніемъ, что онъ «свободный человѣкъ», а не рабъ. Горничная Лаура, его возлюбленная, старается его успокоить, но все напрасно. Раздраженный слуга дерзитъ барону, и тотъ бьетъ его. Тиграсъ уходитъ, затаивъ въ душѣ месть.

Второе дѣйствіе разыгрывается ночью въ спальнѣ барона, куда проникаетъ слуга съ намѣреніемъ убить господина. Происходитъ отчаянная борьба невооруженнаго съ тайнымъ убійцей. Изранивъ свою жертву, слуга исчезаетъ. На крики потерпѣвшаго вбѣгаютъ домашніе и прислуга и употребляютъ всѣ усилія привести барона въ чувство. Всѣ считаютъ его мертвымъ.

Мѣсто дѣйствія 3-го акта переносится въ замокъ невѣсты (Оберпаленъ). Всѣ стараются скрыть отъ невѣсты печальную истину. Первая проговаривается Лаура, пытавшаяся сдѣлать что-нибудь для смягченія участи своего преступнаго жениха. Глубоко пораженная Ленхенъ падаетъ въ обморокъ, и, придя въ себя, уговариваетъ отца ѣхать въ имѣніе горячо любимаго жениха, чтобы ей лично удостовѣриться въ печальной истинѣ и затѣмъ умереть. Въ послѣдней сценѣ отецъ трогательно успокаиваетъ дочь, и оба ѣдутъ въ замокъ Шенвальда.

Четвертый актъ происходитъ при постели раненаго. Ленхенъ бросается на грудь своего жениха, котораго она считаетъ мертвымъ. Услышавъ его голосъ, она въ ужасѣ бѣжитъ, не вѣря ушамъ. Нѣжныя слова Шенвальда заставляютъ ее повѣрить, что онъ не призракъ, а живое существо. Невѣста и отецъ, къ великой своей радости, узнаютъ, что рана не только не смертельна, но и не представляетъ ни малѣйшей опасности, такъ что баронъ можетъ встать съ постели. Слѣдуютъ взаимныя изліянія чувствъ. Исполненная радости невѣста предлагаетъ всѣмъ присутствующимъ возблагодарить всеблагое Провидѣніе, осчастливившее ихъ такимъ благопріятнымъ исходомъ. Занавѣсъ падаетъ [50]).

Такъ какъ пьеса принадлежитъ пятнадцатилѣтнему автору, то само собою возникаетъ вопросъ, какими литературными образцами руководился онъ въ обработкѣ даннаго ему дѣйствительными фактами, сюжета.

По мнѣнію Группе [51]), Ленцъ подражалъ «Миннѣ ф. Барнгельмъ». Но эта пьеса Лессинга, написанная въ 1763 г., явилась въ свѣтъ только въ 1767 г., слѣдовательно черезъ годъ послѣ представленія «Раненаго Жениха». Фалькъ склоненъ приписать особенное вліяніе Шекспиру, котораго, по его словамъ, Ленцъ хорошо изучилъ уже на родинѣ [52]). Ближе къ истинѣ стоитъ Эрихъ Шмидтъ, находящій въ «Раненомъ Женихѣ» признаки «французской» манеры [53]). Дѣйствительно во французской литературѣ XVIII в. такія пьесы «на случай» представлялись нерѣдкимъ явленіемъ. Сюжетъ обработанъ юнымъ авторомъ по шаблонному образцу сентиментальной комедіи. Дѣйствія мало, но чувствъ и декламаціи болѣе, чѣмъ нужно. Всѣ дѣйствующія лица, за исключеніемъ злодѣя Тиграса, постоянно плачутъ: то отъ радости, то отъ горя. Сѣдовласый старецъ Ансельмо, отставной храбрый офицеръ Шенвальдъ, нѣжная дѣвица Ленхенъ, горничная Лаура и т. д. состязаются между собою въ количествѣ пролитыхъ и «сладкихъ», и горькихъ слезъ. То и дѣло кто-нибудь падаетъ въ обморокъ и принимается за умершаго [54]).

Однимъ словомъ весь аппаратъ «плаксивой» комедіи здѣсь налицо. И иначе, конечно, не могло быть: юный авторъ, почти еще мальчикъ, не могъ сдѣлать ничего иного, какъ примкнуть къ тѣмъ образцамъ драмы, которые господствовали въ его время.

При всей блѣдности характеристики, при всемъ излишнемъ многословіи и чрезмѣрной чувствительности пьесы, въ ней все же замѣтно умѣнье вполнѣ удовлетворительно справиться съ драматическимъ сюжетомъ и вести діалогъ. Склонность къ драматическому творчеству въ пятнадцатилѣтнемъ авторѣ несомнѣнна [55]).

Въ тѣсной связи съ пьесой находится «Festlied» на бракосочетаніе того же барона Игельстромъ [56]).

Въ ней сначала разсказывается покушеніе на жизнь жениха и спасеніе его приписывается вмѣшательству Неба *).

---

*) „Genug versucht, genug! Sprach Gottes Donnerstimme
Von heiterern Olymp herab:

Далѣе описывается радость и счастье молодыхъ новобрачныхъ; затѣмъ, не совсѣмъ своевременно, авторъ заводитъ рѣчь о смерти, которая должна поразить ихъ вмѣстѣ въ старости *).

Здѣсь снова мы встрѣчаемся съ вліяніемъ Клопштока, у котораго Сельмаръ молитъ Небо послать ему кончину одновременно съ его возлюбленной Сельмой (Oda «Selmar und Selma»)[57]). Подобную же мысль выразилъ Ленцъ впослѣдствіи въ стихотвореніи «An mein Herz»[58]). По внѣшней формѣ эта «Festlied» есть снимокъ съ «Ode an die preussische Armee» Клейста[59]).

Другое стихотвореніе Ленца написано было также по поводу предстоявшей свадьбы. На этотъ разъ дѣло шло о старшемъ братѣ нашего поэта, занявшемъ мѣсто пастора въ Тарвастѣ въ мартѣ 1767-го года и обручившемся черезъ нѣсколько мѣсяцевъ съ Христиной Келльнеръ, дочерью ревельскаго пастора. По поводу этого радостнаго семейнаго событія Ленцъ послалъ изъ Дерпта 11 октября поздравительное письмо брату въ прозѣ и въ стихахъ **).

И въ письмѣ, и въ стихотвореніи сказывается та же уже отмѣченная нами повадка Ленца всюду примѣшивать мысль о смерти. Въ письмѣ Ленцъ пишетъ брату совершенно въ стилѣ своей сентиментальной пьесы, о которой шла рѣчь: «Итакъ, теперь исполнились твои желанія: впервые вкушаешь ты всю сладость, весь восторгъ любви, которой не отравляютъ ни тревога, ни печаль, ни слеза. Такъ настоящая, чистая, истинная нѣжность награждаетъ наконецъ сердце, которое было создано только для нея и съ юныхъ лѣтъ втайнѣ стремилось къ тому, кому бы оно могло отдаться всецѣло. О всеблагое Провидѣніе! Внемли же всѣмъ нашимъ пожеланіямъ, всѣмъ нашимъ слезамъ за новобрачныхъ, которыхъ ты само соединило неисповѣдимыми путями»! Онъ желаетъ брату безоблачнаго счастья, радостной жизни. «Пусть такъ же радостно протекаютъ годы вашей жизни, какъ течетъ ручей, струящійся по розамъ...

Schmerz, Angst und Tod entweicht!“ Und mit ohnmächtgen Grimme
Entwich der schwarze Tod, der Schrecken fand sein Grab.

*) Wenn einst, vom Alter matt sich deine Augen schliessen,
Gemach dem Leib dein Geist entflieht,
Dann drücke deine Braut mit heissen, treuen Küssen
Dein brechend Auge zu, das starr noch nach ihr sieht.

**) См. приложеніе А. № 2. *(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).*

Пусть ваша любовь будетъ такъ же пламенна и чиста и такъ же неугасима, какъ огонь Весты: пусть она будетъ такъ прочна, какъ скала, на которую стремительно, но тщетно бросается море». Такъ изливаетъ онъ «братское сердце, трепещущее отъ вздоховъ и слезъ». Но не можетъ онъ не вспомнить о смерти. Они «умрутъ, но ихъ любовь, вѣчная, какъ ихъ безсмертныя души, будетъ «бодрствовать надъ ихъ могилами».

Приложенное къ письму стихотвореніе изображаетъ счастливую жизнь новаго пастора въ Тарвастѣ съ молодой женой. Бракъ будетъ благословенъ потомствомъ, которое будетъ расти на радость «нашимъ сѣдымъ родителямъ». Но мысль о смерти не можетъ покинуть его и здѣсь, и онъ возвращается къ ней почти тѣми же словами, какъ въ «Festlied» *).

Эги скорбные мотивы въ лирикѣ юнаго поэта весьма замѣчательны они не только обнаруживаютъ, подъ какими поэтическими вліяніями стоялъ Ленцъ, но показываютъ и природное расположеніе его характера, одною изъ наиболѣе рѣзкихъ чертъ котораго являлась меланхолія. Эта меланхолія, вызывавшая нерѣдко нѣжные и прочувствованные звуки его лиры, была, повидимому, для него роковымъ даромъ природы, который впослѣдствіи болѣзненно удручалъ его душу. Сентиментально-меланхолическое настроеніе, впрочемъ, смѣнялось у него иной разъ беззаботно-веселымъ и игривымъ. Въ послѣднемъ тонѣ написано его письмо къ брату по случаю дня рожденія молодой новобрачной **).

Къ письму приложено поздравительное стихотвореніе. Это стихотвореніе, по размѣру и общему характеру, напоминаетъ то, которое было имъ написано по поводу обрученія брата. Въ обоихъ употребляются vers irreguliers, излюбленные французскими анакреонтиками и ихъ нѣмецкими подражателями [60]). Въ радостномъ тонѣ, напоминающемъ анакреонтическую поэзію, выдержано все стихо-

---

*) Und werden einst... Gedank voll Bitterkeit!
Und Werden einst sich eure Augen schliessen
(Doch dann erst, Gott! wenn sie das Alterhalb schon schliesst)
Dann drückt mit traurigen und doch noch traurig süssen,
Und euch im Tod noch angenehmen Küssen
Euch eure Augen zu.

**) См. приложеніе. А. № 5 *(по рук. Риж. Гор. Библ.)*.

твореніе, незаключаемое, какъ предыдущія, никакимъ скорбнымъ аккордомъ.

«Обильная чувствами» жизнь юнаго Ленца была бѣдна «событіями». Въ началѣ ноября 1767 г. онъ отправился со старшимъ братомъ въ Тарвастъ. Въ письмѣ къ родителямъ отъ 9-го ноября онъ описываетъ свои первыя впечатлѣнія и вводитъ въ обстановку жизни молодого пастора *). Въ описаніи вдовы прежняго пастора и ея «чудовищно-невоспитанныхъ» дочерей Ленцъ проявляетъ уже значительную наблюдательность и склонность подмѣчать смѣшныя стороны; здѣсь чувствуется уже будущій авторъ комическихъ типовъ. Изъ этого же письма мы узнаемъ, что Ленцъ долженъ былъ въ Тарвастѣ подвернуться лѣченію. «Я начну мое лѣченіе, пишетъ онъ, лишь съ будущей недѣли, а на этой я иногда для моціона ѣзжу верхомъ и хожу пѣшкомъ» **). Въ новомъ письмѣ отъ 24 ноября къ отцу, Якобъ сообщаетъ свѣдѣнія о своемъ лѣченіи ***).

Перечисленными выше сочиненіями не ограничивалось поэтическое творчество дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ, проведенныхъ Ленцемъ на родинѣ. По свидѣтельству Гадебуша, который, какъ мы знаемъ, хорошо былъ знакомъ съ Ленцемъ, послѣдній до отъѣзда своего въ Германію написалъ трагедію, которая распространилась въ рукописи [61]). Эта трагедія въ настоящее время потеряна, но въ 1820 г. первый и второй актъ ея были въ рукахъ ревностнаго поклонника поэзіи Ленца Думпфа, какъ видно изъ его письма къ Петерсену отъ 4 марта 1820 г. †). Это была трагедія на библейскій сюжетъ подъ заглавіемъ «Дина» ††).

---

*) См. приложеніе А. № 3 (*По рукописи Рижской Городской Библіотеки*).

**) Черезъ нѣсколько дней Фридрихъ Ленцъ уже пишетъ отцу: Jacob medicinirt schon 2 Tage, und befindet sich dabey rech. gut... Письмо отъ 13 ноября 1767. *Рижс. Гор. Библ.* Обл. 368.

***) См. Приложеніе А. № 4 (*по рукописи Рижской Городской Библіотеки*).

†) Dieses Trauerspiels erstes und zweites Akt ist... unter den meinigen Papieren.

††) Думпфъ такъ излагаетъ ея содержаніе въ томъ же письмѣ: Die Tochter Iacobs, Dina, verliebt sich in Sicham, Hamars Sohn, und bleibt bei ihm. Bald sucht sie des Vaters Verzeihung und Seegen. Hamar erbittet ihn und tritt zum Glauben. Indess aber haben ihre Brüder Rache genommen an ihren Volk, ob ihres vermeinten Rauber. Darans entspinnt sich Unglück u. s. w. *По рукописи Рижской Городской Библіотеки.*

На подобные библейскіе сюжеты писалъ и Гёте въ юности. И тому, и другому поэту они были, несомнѣнно, навѣяны примѣромъ любимаго Клопштока, давшаго образчики подобныхъ произведеній [62]).

Почти навѣрное можно сказать, что до отъѣзда своего въ Кенигсбергъ Ленцъ уже написалъ часть своей поэмы «Народныя бѣдствія», которую онъ издалъ въ Кенигсбергѣ въ 1769 г. Тогда же, вѣроятно, были написаны и прибавленныя къ поэмѣ приложенія (см. слѣдующую главу). Къ его лифляндской жизни можно отнести и первоначальную редакцію кантаты «Auferstehung», задуманной имъ по образцу Гердеровской кантаты 1766 года и на тему, вычитанную у Клопштока (ср. его Geistliche Lieder) и Рамлера [63]).

Таковы были три первыхъ года литературной дѣятельности Ленца (1766, 1767 и 1768). Нельзя не указать на то, что эти три года отмѣчены въ нѣмецкой литературѣ нѣкоторыми важными явленіями, сыгравшими немаловажную роль въ періодъ Sturm-u.-Drang'a. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что Гердеръ, оды и кантаты котораго служили образцомъ юному поэту, напечаталъ въ 1766 г. въ Ригѣ свои знаменитые «Фрагменты», гдѣ, воспользовавшись нѣкоторыми намеками таинственнаго Гаманна, далъ рядъ глубокихъ замѣчаній о происхожденіи поэзіи и ея развитіи въ связи съ исторіей языка, объ истинныхъ пріемахъ критической оцѣнки литературныхъ произведеній, о подражательности въ литературѣ и о значеніи народной поэзіи всѣхъ временъ и народовъ. «Фрагменты» эти вдохновляли питомцевъ Sturm und Drang'a. Врядъ ли они остались неизвѣстны молодому Ленцу, очень много читавшему и очень рано развившемуся; врядъ ли они прошли незамѣченными въ Дерптѣ въ кружкѣ такихъ любителей литературы, какъ Гадебушъ и Ольдекопъ, у которыхъ, къ тому же, были, повидимому, непосредственныя связи съ рижскимъ кружкомъ Беренса.

Въ 1766 же году появился «Лаокоонъ» Лессинга, въ 1767 г. его знаменитая піеса «Минна ф. Барнгельмъ», въ томъ же году онъ началъ свою «Гамбургскую драматургію», законченную черезъ годъ (1767—1768). Съ другой стороны, теченіе, шедшее изъ Англіи, нашло себѣ въ эти годы яркое и знаменательное выраженіе. Герстенбергъ своимъ «Gedicht eines Skalden» (1766) положилъ основаніе тому увлеченію поэзіей «бардовъ», которое нашло себѣ такой громкій отголосокъ въ одахъ Клопштока и его безчисленныхъ под-

ражателей, а своимъ «Уголино» явился предшественникомъ шекспировской трагедіи ближайшей эпохи Sturm-u.-Drang'a. Въ эти же годы (1768) началъ появляться «Оссіанъ» Дениса, и знаменитая поддѣлка Макферсона начала производить то обаятельное впечатлѣніе, которое вскорѣ заставило нѣмцевъ восторгаться и бредить Оссіаномъ наравнѣ съ Гомеромъ. Въ 1768 г. появилось въ Англіи знаменитое «Сентиментальное путешествіе» Стерна и въ томъ же году стало появляться въ нѣмецкомъ переводѣ Боде (1768—69) [64].

Всѣ названныя сочиненія, появившіяся въ такой короткій промежутокъ времени, какъ бы создали ту атмосферу, которою дышала нѣмецкая молодежь конца 60-хъ годовъ, явившаяся въ началѣ 70-хъ годовъ во главѣ новаго литературнаго и общественнаго движенія.

Таковы были важнѣйшія явленія текущей нѣмецкой литературы, когда Ленцъ готовился къ поступленію въ университетъ. Молодому поэту, уроженцу глухой Лифляндіи, недоставало непосредственнаго знакомства съ западно-европейской культурой. Теперь передъ нимъ раскрылись двери кенигсбергскаго университета.

Въ августѣ 1768 года Якобъ Ленцъ и братъ его Христіанъ сѣли въ Ревелѣ на корабль, который долженъ былъ доставить ихъ въ Кенигсбергъ. Христіанъ долженъ былъ сдѣлаться юристомъ, а самаго талантливаго изъ своихъ сыновей, молодого поэта Якоба, отецъ направилъ на богословскій факультетъ, ибо никто другой, казалось ему, не могъ быть его достойнымъ замѣстителемъ [65].

Такъ любящая рука отца заложила безсознательно первый камень будущихъ злоключеній сына. Выборъ факультета, совершенно не подходившаго къ ярко обнаружившимся поэтическимъ наклонностямъ молодого человѣка, былъ первымъ роковымъ шагомъ къ тому, чтобы ему была подготовлена судьба неудачника.

ГЛАВА III.

Студенческіе годы въ Кенигсбергѣ.

Gut ist mein Herz, schwach meine Kenntniss...
Lenz.

Въ сентябрѣ 1768 года Якобъ и Христіанъ Ленцъ записались въ число студентовъ Кенигсберскаго университета, первый по богословскому, а второй—по юридическому факультету [1]).

Кенигсбергъ былъ первый значительный городъ, который увидалъ молодой поэтъ. Изъ захолустнаго Дерпта, котораго тогда еще не оживлялъ университетъ, открытый гораздо позже, онъ попалъ въ большой портовый городъ, ведшій значительную торговлю и заключавшій въ себѣ пестрое населеніе [2]). Не въ засасывающую тину небольшого нѣмецкаго городка съ его филистерски-рутинной жизнью попалъ нашъ юноша, а въ городъ съ сравнительно богатою и разностороннею жизнью. Кенигсбергъ долженъ былъ значительно расширить умственный горизонтъ Ленца, обогатить его опытность, дать богатый матеріалъ его природной наблюдательности.

Жилъ онъ здѣсь въ довольно стѣснительныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, получая съ родины изъ «кассы бѣдныхъ» стипендію въ 20 рублей въ годъ *) и небольшую денежную помощь отъ отца.

---

*) См. неизвѣстную до сихъ поръ замѣтку Гадебуша въ его рукописи, озаглавленной „Dörpatische Nebenstunden" и хранящейся въ библіотекѣ Историческаго Общества въ Ригѣ. Тамъ, стр. 55 I тома, мы читаемъ:

„§ 7.

Der junge Bresinski und des Hrn. Propstes Lenz Sohn geneusst ein Stipendium. Ein jeder hat drey Jahre und also 60 Rubel genossen. Jakob Michael Reinbold Lenz hat dieses Stipendium von 1769 bis 72 empfangen. Es wird allezeit aus dem Armenkassen bezahlet".

Эта послѣдняя сильно запаздывала, и оба брата, нуждаясь въ самомъ необходимомъ, заваливали отца просьбами выслать деньги *).

Нѣсколько свѣдѣній о жизни Ленца въ Кенигсбергѣ сообщаетъ его товарищъ по университету Рейхардтъ. По его словамъ, юный студентъ былъ вѣчно погруженъ въ разнообразное чтеніе и собственные поэтическіе опыты, предаваясь тому или другому со страстью всякій разъ, какъ ему удавалось остаться одному въ его каморкѣ. Достигнуть этого было, однако, не такъ то легко. Онъ квартировалъ въ тѣсномъ домѣ, переполненномъ его земляками, веселыми и грубыми лифляндцами и курляндцами, которые бушевали и дни, и ночи, предаваясь картежной игрѣ и пьянству. Нерѣдко отрывали они молодого поэта отъ письменнаго стола и увлекали въ свою компанію. Среди шума попоекъ Ленцъ оставался погруженнымъ въ свои поэтическія думы, вызывая своею разсѣянностью злыя выходки дикихъ буршей, которыя онъ переносилъ съ удивительною терпѣливостью. Только въ пѣніи, которое онъ любилъ всѣмъ сердцемъ, участвовалъ Ленцъ съ удовольствіемъ. Съ наслажденіемъ игралъ онъ также на лютнѣ [3]).

Лекціи молодой студентъ посѣщалъ мало. Такъ въ осеннемъ полугодіи 1769 г. онъ слушалъ только двухъ профессоровъ богословскаго факультета: Лиліенталя и Реккарда. Остальныя лекціи ему казались не стоющими вниманія, и о профессорахъ кенигсбергскаго университета, за исключеніемъ немногихъ, онъ былъ не высокаго мнѣнія **).

---

*) Такъ Христіанъ пишетъ 14 октября 1769: Ich kome, bester Papa, auf die eigentliche Absicht meines Briefes, nehmlich Sie gehorsamst zu bitten, die Remittirung des Geldes, welches Sie mir aus Ihrer Güte, auf dieses halbe Jahr zugedacht, gütigst, so bald es Ihnen möglich ist, zu beschleunigen. *(Рукопись Рижс. Гор. Библ. Обл. № 372).* Въ свою очередь Якобъ Ленцъ пишетъ отцу: „So sehr ich Ihnen für die gütige Besorgung eines Theils meines jährlichen Fixi verbunden bin, so sehr sehe mich genöthigt, Sie nochmals gehorsamst um die sovielmöglich baldige Beförderung dessen, was Ihre Gütigkeit zu unserer Kleidung bestimmt hat, zu bitten. Praenumeration ist nothwendig wenn ein Student gut wirthschaften will und also ist schon im Anfange des Jahres immer Geld unentbehrlich. (Письмо изъ Кенигсберга 14 октября 1769 г.). Въ концѣ письма Ленцъ снова возвращается къ вопросу о деньгахъ: Vergeben sie unser öfteres unverschämtes Geilen nach Geld: die Noth lehrt hier beten und betteln. Gegen den Winter kommen viel neue Ausgaben: Holz, ein neuer Schlafrock... *По рукописи Рижс. Гор. Библ.*

**) Въ октябрѣ 1769 г. онъ пишетъ отцу: Ich werde dieses halbe Jahr, ausser den Philosophischen und andern Collegiis, von Theologias das Theticum bey

За то онъ посѣщалъ лекціи по философіи и у «магистра» Канта слушалъ логику и метафизику *).

Рейхардтъ свидѣтельствуетъ, что Ленцъ былъ усерднымъ посѣтителемъ лекцій знаменитаго кенигсбергскаго философа [4]). Кромѣ этого свидѣтельства, «Ода» въ честь Канта, сочиненная Ленцемъ, доказываетъ, какое сильное впечатлѣніе на талантливаго юношу произвелъ будущій авторъ «Критики чистаго разума». Имѣя въ виду два этихъ факта, нельзя не придти къ заключенію, что Кантъ долженъ былъ оказать сильное вліяніе на впечатлительнаго и способнаго юношу, воспріимчиваго къ живому слову. Ленцъ былъ въ тѣхъ годахъ, когда у человѣка формируется его міросозерцаніе, бросающее тотъ или другой оттѣнокъ на всю жизнь, опредѣляющее направленіе всего послѣдующаго существованія.

Въ 1769 году, когда Ленцъ началъ слушать лекціи Канта, послѣдній уже пользовался такою извѣстностью, что два сразу университета, Эрлангенскій и Іенскій, предлагали ему каѳедру. Вскорѣ, однако, представилась Канту возможность занять болѣе прочное положеніе въ самомъ Кенигсбергѣ, гдѣ онъ продолжалъ быть на положеніи доцента безъ каѳедры. Въ мартѣ 1770 года освободилась каѳедра логики и метафизики. Эта каѳедра и была теперь поручена Канту, который, согласно съ статутами университета, долженъ былъ по этому случаю публично защитить диссертацію. Диссертація эта, озаглавленная «Uber die Form und Prinzipien der sinnlichen und intelligiblen Welt», представляетъ замѣчательное явленіе въ исторіи развитія кантовской философіи: здѣсь впервые выступили основы той критической философіи, которую онъ, десять лѣтъ спустя, изложилъ въ «Критикѣ чистаго разума». Такимъ образомъ 1770 годъ имѣетъ крупное значеніе во внѣшней и внутренней жизни Канта [5]).

D. Lilienthal und ein Exegeticum über die Ep. Pauli an die Römer bey D. Reccard hören. Die andern theologischen Collegia bedeuten in diesem halben Jahr nicht viel. Ueberhaupt wenn man nebst einigen wenigen Professoren die Magister von Königsberg nähme, würde die Akademie wenig oder gar nichts werth seyn". *(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).*

*) Христіанъ Ленцъ писалъ отцу, одновременно съ братомъ: „Ich werde, in diesem halben Jahre, Logic und Methaphysik bey H. Mag. Kant repetiren, und das Jus elementare bey H. Criminalrath Jester continuiren". *(По рукописи Риж. Гор. Библ.).*

Въ это время Кантъ еще не былъ авторомъ «Критики чистаго разума», но успѣлъ уже заявить себя рядомъ сочиненій противъ метафизики. Это былъ скептическій періодъ его философіи, но его исходная точка для реформы науки уже обрисовалась достаточно ясно: это было свободное познаніе человѣка, его назначенія, причины и цѣли его существованія, силъ, которыя ему даны, и мѣста, на которое онъ поставленъ природой...[6]).

«Познаніе природы и человѣка»—вотъ въ чемъ резюмировалось содержаніе лекцій Канта. Эта идея должна была произвести глубокое впечатлѣніе на Ленца. Она, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовала его природной склонности къ реальному познанію фактовъ, склонности, которую не могло побѣдить никакое воспитаніе въ духѣ піэтизма, которое онъ получилъ въ родительскомъ домѣ. Ленцъ постоянно обнаруживаетъ какую-то жажду познанія жизни во всѣхъ ея даже мелочныхъ проявленіяхъ.

Лекціи Канта, который настаивалъ на необходимости тщательнѣйшаго изученія природы и человѣка прежде всего, могли, конечно, оказать благопріятное дѣйствіе на талантъ Ленца, получившій отъ природы рѣшительную реалистическую складку, и составить спасительный противовѣсъ одностороннему сентиментально-мечтательному направленію его раннихъ юношескихъ лѣтъ.

Гердеръ и Ленцъ были единственными выдающимися представителями Sturm-u-Drang'а, которые испытали на себѣ непосредственное вліяніе Канта. Мы знаемъ, что оба относились восторженно къ своему профессору, оба были подъ очарованіемъ этого мощнаго ума, оба получили первый импульсъ къ вдумчивому изученію природы и человѣка въ особенности отъ этого гиганта мышленія, ниспровергавшаго прежнія доктрины метафизиковъ. Кантъ не принималъ ни одного положенія, не подвергнувъ его тщательному и самостоятельному анализу. Критическое направленіе его философіи сказалось очень рано. Этотъ духъ анализа и критики составляетъ существенную черту Sturm u-Drang'а, который не оставлялъ камня на камнѣ отъ прежняго зданія литературнаго и общественнаго «стараго порядка» Германіи. Направленіе этого движенія было въ сущности такъ же революціонно, какъ была революціонна, въ глубочайшихъ своихъ основахъ, философія Канта, произведшая радикальный переворотъ въ міросозерцаніи современниковъ. И философія Канта, и стремле-

нія «бурныхъ геніевъ» были порождены тѣмъ же духомъ критики и анализа, который просыпается въ Германіи во второй половинѣ прошлаго вѣка и ведетъ ее къ поразительно быстрому научному и литературному возрожденію.

Этотъ великій духъ, заключенный у Канта въ тѣсныя оковы строго-логическаго неподкупнаго мышленія, спокойно ограниченный въ своемъ руслѣ у Лессинга вліяніемъ проникающаго его античнаго духа, пріобрѣтаетъ бурный и порывистый характеръ въ кружкѣ даровитой молодежи, вступившей въ жизнь въ началѣ 70-хъ годовъ. Имъ ненавистна медлительная работа спокойнаго философскаго ума, ихъ молодость и страстность держатъ ихъ вдали отъ того душевнаго равновѣсія на античный манеръ, которымъ была преисполнена ясная душа Лессинга и котораго добился впослѣдствіи и возмужавшій Гете, воспитавшій гармонію своего духа подъ вліяніемъ тѣхъ же классиковъ.

Но не таковъ былъ Гете въ молодости, не такова была кучка горячей молодежи, которая его окружала. Здѣсь все было бурно́, порывисто, стремительно, все было далеко отъ спокойнаго обсужденія вопросовъ современности. Духъ критики и анализа, зародившійся уже въ Германіи, пріобрѣлъ здѣсь какое-то судорожное теченіе и былъ направленъ не только на отвлеченныя проблемы кардинальныхъ вопросовъ міровой жизни, но и на самыя обыденныя проявленія текущей дѣйствительности. Пылкая молодежь была слишкомъ нетерпѣлива, чтобы довольствоваться кабинетнымъ рѣшеніемъ волновавшихъ ее вопросовъ; она была увѣрена въ возможности провести прямо и непосредственно въ жизнь свои задушевныя идеи.

Вотъ въ чемъ точка соприкосновенія «бурныхъ геніевъ» съ Кантомъ.

Кантъ былъ горячимъ поклонникомъ Руссо. Во всемъ методичный до педантизма, онъ, какъ извѣстно, зачитавшись «Новой Элоизой», забылъ свою обычную прогулку, что было случаемъ совершенно выходящимъ изъ ряда вонъ въ его обыденной, строго размѣренной жизни.

Раннія произведенія Ленца не обнаруживаютъ ни малѣйшаго слѣда вліянія Руссо на молодого писателя. Можно съ увѣренностью сказать, что въ Лифляндіи Ленцъ еще не зналъ Руссо. Страстныя или революціонныя сочиненія женевскаго философа мало подходили

къ настроенію того піэтистическаго и консервативнаго кружка, въ которомъ вращался Ленцъ на родинѣ.

Увлеченіе сочиненіями Руссо давало извѣстный отпечатокъ лекціямъ Канта, и этотъ отпечатокъ врядъ ли могъ пройти совершенно незамѣченнымъ для Ленца. По меньшей мѣрѣ можно сказать, что именно Кантъ подготовилъ въ душѣ Ленца почву, самую благопріятную для быстраго усвоенія идей Руссо, которыя вскорѣ легли въ основу міросозерцанія Ленца, какъ и другихъ питомцевъ «бури и натиска».

Не было также простою случайностью, что въ Кенигсбергѣ Ленцъ взялся за переводъ «Essay on criticism» Попа. Попъ и Галлеръ были любимыми писателями Канта, который любилъ подкрѣплять идеи, которыя онъ развивалъ на своихъ лекціяхъ, цитатами изъ двухъ этихъ писателей [7]). Одна изъ подобныхъ лекцій возбудила въ Гердерѣ, слушавшемъ Канта въ 1762—64 г., такой энтузіазмъ, что онъ бросился домой, чтобы изложить въ стихахъ переполнявшія его чувства. На другой же день онъ передалъ только что написанную оду любимому профессору, который тутъ же на лекціи прочелъ ее вслухъ своимъ слушателямъ и отозвался объ ней въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ [8]).

Едва ли мы ошибемся, если именно вліянію Канта припишемъ то обстоятельство, что Ленцъ принялся переводить Попа.

Ода въ честь Канта подтверждаетъ вышеприведенныя соображенія. По случаю диспута Канта 21 августа 1770 г., лифляндцы и курляндцы, обучавшіеся въ Кенигсбергскомъ университетѣ, поднесли ему поздравительную оду, напечатанную на бѣломъ атласѣ in-folio [9]). Авторомъ ея былъ Ленцъ. Здѣсь Кантъ прославляется какъ ученый и какъ человѣкъ, при чемъ выясняется то направленіе, по которому шло вліяніе знаменитаго философа на молодого поэта.

Кантъ, по его словамъ, является предметомъ патріотической гордости для нѣмцевъ. Пусть «сыны Франціи» не презираютъ Сѣвера и не спрашиваютъ, производитъ ли онъ геніевъ: пока живетъ еще Кантъ, они недерзнутъ ставить подобные вопросы:

Ihr Söhne Frankreichs! schmäht denn unser Norden,
Fragt ob Genies je hier erzeuget worden:
Wenn Kant noch lebet, werdt ihr diese Fragen
Nicht wieder wagen.

Въ этомъ «учителѣ человѣчества» мудрость соединяется съ добродѣтелью; его жизнь не расходится съ его ученіемъ:

Mit ächterm Ruhme wird der Mann belohnet,
In welchem Tugend bey der Weissheit wohnet,
Der Menschheit Lehrer, der, was er sie lehret,
Selbst übt und ehret.

Поэтъ прославляетъ критическое отношеніе Канта къ окружающему, мѣткость его сужденій, вѣрность глаза, умѣнье сорвать внѣшнюю маску, прикрывающую тупость и пороки.

Изъ этихъ словъ видно, какое сильное впечатлѣніе на Ленца производило общее направленіе философіи Канта, пріобрѣтавшей уже въ это время свойственный ей критическій отпечатокъ. Но вліяніе Канта не ограничивалось отвлеченною областью мышленія, а приводило къ практическимъ послѣдствіямъ въ жизни:

Schon vielen Augen hat er Licht gegeben,
Einfalt im Denken und Natur im Leben
Der Weissheit Schühlern, die er unterwiesen,
Mit Ernst gepriesen.

Мысль и жизнь Канта должны быть для нихъ и другихъ образцомъ:

Stets wollen wir durch Weissheit Ihn erheben,
Ihn unsern Lehrer, wie er lehrte, leben
Und andre lehren: unsre Kinder sollen
Auch also wollen.

Въ ряды тѣхъ, которымъ Кантъ «открылъ глаза» и указалъ путь «къ простотѣ въ мышленіи и къ естественности въ жизни» зачислился, очевидно, и Ленцъ, выразившій этой одой глубокую благодарность обожаемому учителю.

Резюмируя сказанное выше, мы, вопреки мнѣнію проф. Вейнгольда (Gedichte von Lenz, IX), приходимъ къ заключенію, что Ленцъ былъ многимъ обязанъ Канту. Послѣдній, во 1-хъ, ввелъ его въ кругъ идей Руссо, во 2-хъ, способствовалъ развитію реалистической стороны его таланта и въ 3-хъ, возбудилъ въ немъ духъ критики и анализа и пріобщилъ его, такъ сказать, къ главному направленію эпохи.

Кромѣ Канта, въ Кенигсбергѣ жилъ въ то время Гаманнъ, «сѣверный магъ», учитель и вдохновитель Гердера. Въ это время въ

литературной дѣятельности Гаманна наступилъ перерывъ. Послѣ «Достопримѣчательностей Сократа» (1759) и «Крестовыхъ походовъ филолога» (1762), въ которыхъ высказаны были нѣкоторые оригинальные взгляды, около десяти лѣтъ онъ ничего не писалъ [10]. Зналъ ли что-нибудь о Гаманнѣ Ленцъ? Былъ ли онъ знакомъ съ нимъ? Испыталъ ли какое-нибудь вліяніе съ его стороны? Вотъ важные вопросы, на которые трудно отвѣтить.

Намъ извѣстно, что впослѣдствіи Ленцъ находился въ перепискѣ съ «сѣвернымъ магомъ». Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Гаманнъ [11]. Но когда началась эта переписка и былъ ли Ленцъ знакомъ съ нимъ лично—мы не знаемъ. Однако, личное его знакомство съ Гаманномъ еще въ Кенигсбергѣ, весьма вѣроятно [12].

Если не лично, то, во всякомъ случаѣ, своими сочиненіями Гаманнъ могъ повліять на Ленца въ извѣстномъ направленіи.

Подобно своему другу, Канту, «сѣверный магъ» былъ горячимъ поклонникомъ Руссо и его основныхъ тенденцій [13]. Вмѣстѣ съ Руссо исходной точкой Гаманна служили тѣ самые англійскіе писатели, о которыхъ намъ пришлось говорить (въ I главѣ). Вдохновляясь сочиненіемъ Юнга «Объ оригинальныхъ сочиненіяхъ», Гаманнъ впервые въ Германіи высказалъ ученіе о «геніальности», освобождающей ея обладателя отъ подчиненія какимъ бы то ни было правиламъ піитики [14]. Идя по слѣдамъ Блэкуэлля и Лоута, онъ высказывалъ восторги передъ Библіей и Гомеромъ [15]. Его увлеченіе народной поэзіей также находится въ связи съ симпатіями англійскихъ критиковъ «романтическаго» лагеря [16].

Болѣе оригинальной чертой Гаманна было его отношеніе къ Шекспиру, который былъ предметомъ настоящаго культа съ его стороны. Цитатами изъ Шекспира испещрены его произведенія [17]. Апологетъ чувства и страсти, поклонникъ свободы творчества—Гаманнъ не могъ не увлечься англійскимъ драматургомъ, въ которомъ онъ видѣлъ прежде всего геніальнаго живописца человѣческихъ чувствъ и страстей и геніальнаго поэта, сбросившаго съ себя всякія оковы правилъ и школьныхъ піитикъ. Своимъ энтузіазмомъ онъ заразилъ и Гердера, читавшаго Шекспира въ Кенигсбергѣ подъ его руководствомъ [18].

Сочиненія Ленца, напечатанныя въ Кенигсбергѣ въ 1769 году, свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ уже въ это время зналъ хорошо

нѣкоторыхъ англійскихъ писателей, въ особенности Юнга и Томсона. Съ другой стороны, весьма вѣроятно предположеніе, что переводъ Шекспировской комедіи «Потерянныя усилія любви» онъ началъ еще въ Кенигсбергѣ. Весьма возможно, что въ энтузіазмѣ Ленца къ Шекспиру, въ предпочтеніи, оказываемой имъ англійской литературѣ, извѣстную долю вліянія мы должны отнести насчетъ сочиненій Гаманна или даже личныхъ бесѣдъ съ нимъ въ Кенигсбергѣ [19]).

Обратимся къ произведеніямъ студенческихъ лѣтъ молодого поэта. «*Die Landplagen*, ein Gedicht in sechs Büchern nebst einem Anhang einiger *Fragmente*» *).—такъ гласило заглавіе книги, изданной имъ въ 1769 г. въ Кенигсбергѣ и посвященной Екатеринѣ II. Богато переплетенный экземпляръ сочиненія былъ доставленъ имъ отцу въ Дерптъ для пересылки въ Петербургъ императрицѣ [20]). Поэмѣ предшествуетъ «Ode an Ihro Majestät Catharina die Zweite, Kaiserin von Russland».

Задумавъ прославить Екатерину II въ стихахъ, Ленцъ могъ руководиться примѣромъ Гердера, который еще въ 1765 г. напечаталъ двѣ оды въ честь императрицы: «Lobgesang am Neujahrsfeste» и «Ode auf Katharinas Thronbesteigung» въ упомянутомъ уже нами рижскомъ журналѣ, давшемъ черезъ два года пріютъ поэтическому первенцу Ленца [21]). Энтузіазмъ Гердера къ императрицѣ-философу долго не остывалъ. Въ іюнѣ 1769 года Гердеръ покинулъ Ригу и предпринялъ путешествіе во Францію. На бортѣ корабля набрасывалъ онъ на бумагу планъ обширнаго сочиненія подъ заглавіемъ «О культурѣ народовъ и въ особенности Россіи». Какъ юношески здоровая страна, Россія страшно интересуетъ Гердера, ему кажется, что вводя въ ней образованіе на истинныхъ основахъ, воспитавъ русскій народъ по идеямъ Монтескье и Руссо, можно достигнуть такихъ блестящихъ результатовъ, которые, пожалуй, уже немыслимы въ слишкомъ старой Европѣ. «Украйна—мечтаетъ онъ—сдѣлается новой Греціей: прекрасное небо, подъ которымъ живетъ тамошній народъ, веселый нравъ этого народа, его природныя музыкальныя способности, его плодоносная почва и т. д. разомъ окажутъ свое благотворное вліяніе: изъ такихъ же мелкихъ дикихъ племенъ, какія

*) „*Народныя бѣдствія*, поэма въ шести книгахъ съ приложеніемъ нѣсколькихъ *фрагментовъ*“.

когда то населяли и Грецію, образуется цивилизованная нація». И вотъ духъ новой культуры, которая должна возникнуть въ Россіи «перейдетъ въ Европу, погруженную въ усыпленіе и подчинитъ ее своему господству». Гердеръ мечтаетъ увлечь своими идеями русскую императрицу, сдѣлаться ея совѣтникомъ въ преобразовательныхъ начинаніяхъ и черезъ нея сыграть роль въ мировой исторіи [22].

Въ это же время въ Кенигсбергѣ Ленцъ писалъ свою оду въ честь Екатерины II. Кромѣ поощряющаго примѣра Гердера, оды которaго обнаруживаютъ сильное вліяніе Клопштока, Ленцъ подражалъ послѣднему непосредственно. Ему послужили образцомъ три оды Клопштока: «Friedrich der Fünfte», «Für den König», «Rotschilds Gräber». Не подражая рабски, Ленцъ позаимствовалъ нѣкоторыя мысли изъ каждой оды [23].

Юный поэтъ прославляетъ императрицу за мудрое и справедливое правленіе, за мирные лавры, которые она умѣетъ стяжать. Онъ посвящаетъ ей свой разсказъ о бѣдствіяхъ, убѣжденный, что онъ вызоветъ изъ ея глазъ «божественную слезу», такъ какъ она сама ненавидитъ войну со всѣми ея ужасами [24].

Восторгъ передъ императрицей, имѣющій много общаго съ восхищеніемъ Гердера, достигаетъ своего апогея въ слѣдующей строфѣ, гдѣ Екатерина II называется «матерью міра», отъ которой зависитъ «благо народовъ»; равная благостью божеству, она должна быть равна ему и безсмертіемъ:

Lebe, Mutter der Welt! Siehe, der Völker Wohl
Fleht, es fleht Ihr Gebet, still in die Nacht geschluchst:
Lebe! die Du an Huld gleichest der Gottheit, sei
An Unsterblichkeit auch ihr gleich.

Торжественное настроеніе вызываетъ у Ленца, какъ мы видѣли и раньше въ подобныхъ случаяхъ, мысль о смерти: «рыданіе и стоны» будутъ раздаваться «отъ Бельта до Чернаго моря» надъ ея могилой [25].

Минорные тоны, какъ мы видѣли, господствуютъ въ произведеніяхъ молодого поэта: фантазія его настроена мрачно и печально; даже въ стихотворенія, которыя по самому существу своему должны были звучать мажорными тонами, онъ вносилъ элементы элегическіе, скорбные и меланхолическіе. Постоянная мысль о смерти, упорный отпечатокъ печали—характерны для поэта-мальчика и поэта-юноши.

Кромѣ природной склонности къ меланхоліи, здѣсь оказала вліяніе та сумрачная піэтистическая атмосфера, которою дышалъ онъ съ пеленокъ въ родительскомъ домѣ. Къ этому вскорѣ присоединились и чисто литературныя вліянія: англичанинъ Юнгъ, пѣвецъ меланхолическихъ «Ночей», входилъ уже въ моду въ Германіи. Самъ Клопштокъ находился подъ его вліяніемъ, а молодое поколѣніе относилось къ Юнгу съ нескрываемымъ восторгомъ.

Сверхъ всего этого, личныя впечатлѣнія дѣтства Ленца были не изъ веселыхъ. Когда его отецъ переселился въ Дерптъ, послѣдній лежалъ почти въ развалинахъ: онъ не успѣлъ еще поправиться отъ ударовъ, нанесенныхъ ему русскими войсками въ началѣ столѣтія, и отъ слѣдовъ большого пожара 1755 г. Другой пожаръ, испепелившій не менѣе четверти всего города, произошелъ на глазахъ Ленца въ 1763 году. Къ этимъ бѣдствіямъ присоединялось еще почти ежегодное наводненіе рѣки Эмбаха [26]). Все это удовлетворительно объясняетъ попытку Ленца сдѣлать «народныя бѣдствія» предметомъ большого стихотворенія. Извѣстную роль должны были сыграть и еще не угасшія воспоминанія о Лиссабонскомъ землетрясеніи 1755 года, повергнувшемъ въ ужасъ всю Европу. Русско-турецкая война, начавшаяся въ 1768 году, поддержала его въ его поэтическомъ намѣреніи.

Почти несомнѣнно, можно сказать, что эта поэма была задумана и отчасти исполнена уже на родинѣ до отъѣзда въ Кенигсбергъ, гдѣ была переработана и доведена до конца. Въ «послѣсловіи» къ своей поэмѣ Ленцъ утверждаетъ, что онъ нѣсколько разъ передѣлывалъ ее [27]).

Нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ истинѣ утвержденія Ленца: «Die Landplagen» были заключеніемъ перваго періода его литературной дѣятельности, не отмѣченной еще дыханіемъ «бурныхъ стремленій». Но кругъ литературныхъ симпатій Ленца уже болѣе расширяется, талантъ его крѣпнетъ, и Ленцъ, оставивъ религіозную поэзію, ему несвойственную, но навѣянную извнѣ, выступаетъ на болѣе родственный ему путь изображенія реальной дѣйствительности.

Поэма дѣлится на шесть книгъ, изъ которыхъ каждая описываетъ одно изъ народныхъ бѣдствій, а именно: войну, голодъ, чуму, пожаръ, наводненіе и землетрясеніе.

Вѣрный піэтистическимъ воззрѣніямъ своего отца и совершенно въ его духѣ, Ленцъ считалъ всѣ эти несчастія наказаніемъ Божіимъ за грѣхи людей [28]). Припомнимъ, что въ самый годъ рожденія Ленца, его отецъ издалъ свою проповѣдь подъ заглавіемъ: «Das sckreckliche Gericht Gottes über das unglückselige Wenden an dem Bilde des ehemals zerstörten Jerusalems».

Если первое печатное произведеніе Ленца являлось точнымъ подражаніемъ Клопштоку, то поэма «Народныя бѣдствія» носитъ на себѣ явные слѣды восхищенія Юнгомъ, однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ поэтовъ прошлаго столѣтія, вызывавшимъ восторги всей читающей Европы.

Эдуардъ Юнгъ (1684—1765) прославился всего болѣе своими «Ночными думами» («Night-thoughts»), изданными имъ въ 1742—44 гг. подъ вліяніемъ тяжелыхъ семейныхъ потерь: смерти жены, дочери и жениха послѣдней. Нѣмецкій переводъ Ebert'а въ 5 томахъ былъ изданъ въ Брауншвейгѣ въ 1760—69 гг. Французскій переводъ Letourneur'а въ 2 томахъ появился въ 1769 году [29]).

Такимъ образомъ въ 1769 году «Ночи» Юнга были животрепещущею новостью на континентѣ Европы, а поэма Ленца была однимъ изъ первыхъ произведеній, написанныхъ въ подражаніе имъ.

По замѣчанію Гетнера, причина сильнаго увлеченія «Ночами» Юнга по всей Европѣ заключалась въ историческихъ обстоятельствахъ, при которыхъ онѣ явились: «онѣ были первымъ освѣжительнымъ весеннимъ днемъ послѣ долгой зимы. Вездѣ еще господствовали поддѣлка и искусственность, и голая разсудочная сухость; Юнгъ снова сталъ пѣть изъ глубины и ревности собственнаго сердца и во время всеобщей подражательности рѣшился снова быть самобытнымъ и оригинальнымъ» [30]).

«Ночныя думы», исполненныя глубокой и мрачной меланхоліи, были раздирательнымъ стономъ шестидесятилѣтняго старца, задумывающагося надъ тайнами разверзающейся передъ нимъ могилы. Истинныя и искреннія изліянія души, смущенной вѣковыми проблесками жизни и смерти, и потрясающій лирическій паѳосъ смѣшаны здѣсь съ извѣстной дозой громогласной и пустозвонной реторики и кричащей театральной обстановки. «Плачъ» свой («The Complaint or the Night-Thoughts») Юнгъ писалъ по ночамъ, при тускломъ свѣтѣ лампады, теплившейся въ человѣческомъ черепѣ. Кладбище было

его любимымъ мѣстомъ прогулки, а могила—любимымъ предметомъ для размышленія. Оттуда вынесъ онъ свою могильную философію и преклоненіе передъ всемогуществомъ смерти. Онъ — настоящій пѣвецъ смерти. Не трудно исчерпать содержаніе его длинной поэмы въ нѣсколькихъ словахъ. Отправными пунктами для Юнга служатъ слова еврейскаго псалмопѣвца о «суетѣ суетъ» и гамлетовская характеристика человѣка, какъ «квинтэссенціи праха». Ничего нѣтъ на свѣтѣ вѣрнаго и прочнаго—вѣрна и прочна только смерть; помышленія о смертномъ часѣ должны направлять всю нашу жизнь земную, которая сама по себѣ ничтожна и служитъ только подготовленіемъ къ жизни загробной; думать иначе могутъ только глупцы *).

Смерть царитъ надъ вселенной: владѣетъ всѣмъ, попираетъ царства, тушитъ звѣзды; безъ ея позволенія не можетъ свѣтить солнце, которому тоже грозитъ общая участь [31]). Жизнь приковываетъ душу къ земному праху, смерть даетъ ей крылья, чтобы взлетѣть въ горнія сферы **). Слѣдуетъ истинный гимнъ смерти, восторженный панегирикъ небытію ***).

Мысль о смерти должна внушать радость человѣку. Она — великій совѣтникъ, внушающій человѣку благороднѣйшія мысли и прекраснѣйшія дѣла, она освобождаетъ и награждаетъ человѣка. Она вѣнецъ жизни и даетъ намъ болѣе того, что было потеряно въ раю †).

---

*) All, all on earth is shadow, all beyond
Is substance; the reverse is Folly's creed.
How solid all, where change shall be no more! („The Night-Thoughts", London 1812, стр. 5).

**) Life makes the soul dependent on the dust,
Death gives her wings to mount above the spheres. (Ibidem, 54).

***) Death is victory;
It binds in chains the raging ills of life:
Lust and Ambition, Wrath and Avarice,
Dragg'd at his chariot-wheel, applaud his power... (Ibid., 56—57).

†) And feel I, Death! no joy from thought of thee?
Death! the great counsellor, who man inspires
With every nobler thought and fairer deed!
Death! the deliverer, who rescues man!
Death! the rewarder, who the rescued crowns!
Death is the crown of life...
Death gives us more than was in Eden lost. (Ibid., 56—57).

Съ апоѳеозомъ смерти соединяется вполнѣ естественно любовь къ могильному безмолвію черной ночи [32]). Юнгъ вводитъ въ моду, задолго до нѣмецкихъ романтиковъ, трепетный и загадочный свѣтъ блѣдной луны [33]).

Однако, Юнгъ не являлся рѣзкимъ типомъ отъявленнаго пессимиста и мизантропа. Онъ не отрицаетъ высокихъ сторонъ человѣческой природы, но старается сбить спесь съ человѣка напоминаніемъ объ его ничтожествѣ [34]). Человѣкъ всегда долженъ помнить о хрупкости земной жизни, которая болѣе непрочна, чѣмъ паутина *). Но душа человѣка безсмертна; будущая жизнь вѣчна **).

Поэтому всѣ усилія человѣка должны быть направлены къ заботамъ о душѣ и ея спасеніи. «Ночныя думы» представляютъ длинную и прочувствованную проповѣдь, сказанную лицомъ, вполнѣ компетентнымъ: Юнгъ былъ священникомъ. Она обращена къ его другу Лоренцо, котораго онъ старается отвлечь отъ грѣховной жизни и приготовить къ христіанской смерти.

Сила Юнга заключалась въ способности «облекать общеизвѣстныя, тысячи разъ повторявшіяся мысли въ сильныя, страстныя и красивыя выраженія, которыя, несмотря на свой неумѣстный паѳосъ и быструю, безпорядочную смѣну поэтическихъ образовъ, производятъ нерѣдко глубокое впечатлѣніе на чувство читателя... Мысли, давно успѣвшія надоѣсть въ сухихъ проповѣдяхъ и въ блѣдныхъ поученіяхъ назидательной литературы, то получали здѣсь новую, сильную окраску, то выплывали въ причудливыхъ формахъ изъ туманнаго міра грезъ, въ которомъ уже звучали меланхолическія мелодіи романтики будущаго, «мотивы лунные, нѣжные, заунывные, женственно-прекрасные», сплетавшіеся въ «дикую заросль мыслей, пестрѣвшую безпорядочно разбросанными цвѣтами фантазіи всевозможныхъ оттѣнковъ и ароматовъ» [35]).

Но это еще не все. Въ поэзіи Юнга были новые элементы, дѣлавшіе его особенно дорогимъ молодому поколѣнію. Онъ настоящій

---

*) The spider's most-attenuated thread
Is cord, is cable, to man's tender tie
On earthly bliss; it breaks at every breeze. (Ibidem, 7).

**) Ev'n silent night proclaims my soul immortal;
Ev'n silent night proclaims eternal day! (Ibid., 4).

предшественникъ Руссо въ противоположеніи l'homme social и l'homme naturel. Такова тема его «Ночей»[36]). Онъ поклонникъ природы, простоты, естественности, демократической бѣдности:

The cobweb'd cottage, with its ragged wall
Of mouldering mud, is royalty to me!

«Nature's law», «Nature's voice» постоянно фигурируютъ у него. Природа учитъ насъ милосердію:

To teach us to be kind:
That Nature's first, last lesson to mankind.

Неразумно возставать противъ законовъ природы:

Ah! how unjust to Nature and himself
Is thoughtless, thankless, inconsistent man!
Like children babbling nonsense in their sports,
We censure Nature for a span too short. *)

Въ природѣ вся истина, вся мудрость, а не въ книгахъ:

I send thee not to volumes for thy cure;
Read Nature; Nature is a friend to truth;
Nature is Christian; preaches to mankind,
And bids dead matter aid us in our creed **).

Смиренная любовь, а не надменный разумъ отверзаетъ врата неба; любовь успѣваетъ тамъ, гдѣ пасуетъ кичливая наука. Культура собственнаго сердца—вотъ въ чемъ состоитъ наука человѣка, а вовсе не въ томъ, чтобы изслѣдовать бездну мірозданія и величайшую глубину Божества. Подобная попытка ставитъ мудрѣйшаго на одну доску съ глупцомъ:

Humble Love,
And not proud Reason, keeps the door of Heaven;
Love finds admission where proud science fails.
Man's science is the culture of his heart,
And not to lose his plummet in the depths
Of Nature, or the more profound of God.
Either to know is an attempt that sets
The wisest on a level with the fool ***).

---

*) Ibid., 21.
**) Ibid. 81.
***) Night-Thoughts, 311—312.

Не для того, чтобы понимать глубоко и знать много: человѣчество сотворено для удивленія и благоговѣйнаго обожанія:

Not deeply to discern, not much to know,
Mankind was born to wonder and adore *).

Подобныя идеи вошли въ символъ вѣры нѣмецкаго періода бурныхъ стремленій [37]).

Въ поэзіи Юнга была еще одна черта: призывъ къ состраданію, къ жалости, къ помощи обездоленнымъ, несчастнымъ, бѣднымъ, притѣсняемымъ. Все существующее зло происходитъ отъ человѣческой злобы, закоснѣлости и грѣховности. Сама природа учитъ только добру; въ ней величайшая мораль. Слѣдовать ея велѣніямъ — законъ для человѣка, желающаго быть человѣчнымъ:

The selfish heart deserves the pain it feels;
More generous sorrow, while it sinks exalts,
And conscious virtue mitigates the pang **).

Какъ много страдающихъ, труждающихся и обремененныхъ ***)!

Поэтому къ «разодѣтымъ въ шелкъ дѣтямъ наслажденія» обращается поэтъ съ упрекомъ:

Ye silken sons of Pleasure! Since in pains
You rue more modish visits, visit here,
And breathe from your debauch; give, and reduce
Surfeit's dominion o'er you. But so great
Your impudence, you blush at what is right †).

Такіе стихи должны были прійтись по сердцу Руссо и его поклонникамъ. «Ночныя думы» Юнга дѣйствовали въ томъ же смыслѣ,

*) Ibid. 312, ср. 109—110.

**) Ibid. 11.

***) God's image, disinherited of day,
Here plung'd in mines, forgets a sun was made;
There beings, deathless as their haughty lord,
Are hammer'd to the galling oar for life;
And plough the winter's wave, and reap despair.
Some for hard masters, broken under arms,
In battle lopp'd away, with half their limbs,
Beg bitter bread through realms their valour sav'd,
If so the tyrant, or his minions, doom. (Ibid., 9)

†) The Night-Thoughts, 9—10.

какъ и проповѣдь Руссо. Возвращеніе къ природѣ и естественности, апоѳеозъ чувства въ противоположность холодному разсудку, безудержный разливъ чувствительности и демократическія тенденціи — здѣсь уже намѣчены вполнѣ опредѣленно. Вотъ почему Юнгъ сдѣлался любимымъ писателемъ молодого поколѣнія во Франціи, Германіи и Италіи. Значеніе Юнга увеличивалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ, какъ мы видѣли, былъ авторомъ небольшого сочиненія «On the original composition», оказавшаго сильное вліяніе на литературныя теоріи эпохи. Дидро и Мерсье во Франціи, Гаманнъ, Гердеръ, Ленцъ въ Германіи пользовались имъ, какъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для литературной реформы.

Французскіе переводы «Ночей» Юнга стали появляться съ 1760-го года. Вопреки предостереженіемъ Вольтера, успѣхъ ихъ былъ поразительный [38]). Мерсье всключаетъ Юнга въ число немногихъ англійскихъ поэтовъ, которые переживутъ вѣка, рядомъ съ Мильтономъ, Шекспиромъ и Ричардсономъ [39]). «О ночи Юнга! О Мильтонъ! О Шекспиръ»! восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не стѣсняясь сопоставлять эти имена и восхищаться всѣми ими [40]).

Въ эпоху революціи «Ночи» Юнга были одной изъ настольныхъ книгъ Робеспьера; Камиллъ Демуленъ перечитывалъ ихъ наканунѣ своей смерти [41]).

Еще болѣе восторговъ возбудилъ Юнгъ въ Германіи, гдѣ его рѣчи упали на почву, подготовленную піэтизмомъ. Подъ его вліяніемъ стоялъ Клопштокъ, бывшій съ нимъ въ перепискѣ и оплакавшій его смерть въ особой одѣ [42]). Онъ называлъ Юнга своимъ учителемъ и геніемъ-вдохновителемъ, «святымъ», а его поэму «быть можетъ единственнымъ вполнѣ безупречнымъ произведеніемъ священной поэзіи» [43]). Геттингенскій кружокъ поэтовъ, поклонявшійся Клопштоку, раздѣлялъ его удивленіе передъ Юнгомъ.

Съ чувствомъ благоговѣнія относился къ Юнгу и Гаманнъ. Онъ восхищался глубиною религіознаго воодушевленія Юнга, его возвышенно-нравственнымъ направленіемъ. Гаманнъ признавался, что «почти всѣ его собственныя предположенія казались ему дѣтьми «Ночныхъ думъ» и что всѣ его фантазіи были расцвѣчены образами, заимствованными у Юнга». Ему должна была быть симпатичной защита страстей, которую мы встрѣчаемъ у Юнга [44]).

Подъ вліяніе этого «сѣвернаго пѣвца» подпалъ и Ленцъ. Переходъ отъ Клопштока, которымъ Ленцъ, какъ мы видѣли, восхищался съ раннихъ лѣтъ, къ Юнгу былъ очень легокъ, такъ какъ самъ авторъ «Мессіады» былъ восторженнымъ читателемъ «Ночныхъ думъ». Вліяніе Клопштока начинаетъ отступать нѣсколько на задній планъ. Ему остается вѣренъ Ленцъ лишь во внѣшней формѣ стиха, въ особенностяхъ языка и выраженій, въ реторическо-патетическомъ стилѣ [45]). Нѣкоторые образы Клопштоковской поэзіи продолжаютъ еще отзываться въ его «Landplagen» [46]), но Юнгъ уже болѣе владычествуетъ надъ фантазіей молодого поэта, даетъ ему общее настроеніе, подсказываетъ содержаніе и отдѣльныя мысли.

Чтеніе «Ночныхъ думъ» дало Ленцу идею и планъ его «Landplagen». На первыхъ же страницахъ своей поэмы Юнгъ такъ перечисляетъ бѣдствія, которыя обрушиваются на людей:

War, famine, pest, volcano, storm, and fire,
Intestine broils, Oppression, with her heart
Wrapt up in triple brass, besiege mankind *).

Описанію бѣдствій, перечисленныхъ на первой строкѣ, и посвящаетъ Ленцъ свою поэму, которую дѣлитъ на шесть книгъ почти въ такой же, какъ и у Юнга, послѣдовательности: Krieg, Hungersnot, Pest, Feuersnot, Wassersnoth, Erdbeben. Всѣ эти бѣдствія разсматриваетъ Юнгъ, какъ «казни Божіи», насылаемыя за грѣхи людей:

When Heaven's inferior instruments of wrath,
War, famine, pestilence, are found too weak
To scourge a world for her enormous crimes,
These **) are let loose alternate: down they rush,
Swift and tempestuous, from the'eternal throne,
With irresistible commission arm'd,
The world, in vain correeted, to destroy,
And ease creation of the shocking scene ***).

*) Night-Thoughts, 1812, стр. 9. „Война, голодъ, чума, землетрясеніе, буря и пожаръ, внутреннія междуусобія, угнетеніе, закованное въ тройную мѣдь,— осаждаютъ человѣчество".

**) Deluge и Conflagration.

***) Night-Thoughts, 256.

Ту же мысль мы находимъ и въ поэмѣ Ленца.

Die ihr sicher in Sünden dem Zorn des Ewigen trozzet,
Zittert, hartnäkkige Thoren! Er spricht, dann wandeln die Plagen
Ueber das Antliz der Erde; er winkt, dann fliehn Elemente
Aus ihren Grenzen, zerstören und tödten *)

Ему запалъ глубоко въ сердце завѣтъ Юнга:

Be death your theme in every place and hour... **)
The thought of death shall, like a god, inspire ***).

Подобно Юнгу, онъ считаетъ смерть учительницею жизни и осуждаетъ тѣхъ, кто не дѣлаетъ ее предметомъ своихъ помысловъ [47]). Подобно Юнгу, Ленцъ часто указываетъ на то, что люди продолжаютъ вести грѣховную жизнь, несмотря на всѣ казни, которыя имъ посылаетъ Богъ [48]).

Не остался Ленцъ глухъ и къ той проповѣди состраданія къ несчастнымъ и обремененнымъ, которая, какъ мы видѣли, звучала въ «Ночныхъ думахъ». Въ стихахъ 292—302 Ленцъ говоритъ о подобныхъ людяхъ [49]).

Кромѣ «Ночныхъ думъ» на Ленца оказали вліяніе также сатиры Юнга, появившіяся въ нѣмецкомъ переводѣ въ 1769 г. Оттуда, заимствуетъ Ленцъ нѣкоторыя чувства и мысли: ненависть къ завоевателю, отрицательное отношеніе къ войнѣ и т. д. [50]).

Вотъ все, чѣмъ обязанъ Ленцъ Юнгу. При сходствѣ основной идеи и общаго настроенія «Landplagen» рѣзко отличаются отъ «Night-Thoughts». Послѣднія не что иное, какъ лирическія изліянія души, рядъ патетическихъ проповѣдей безо всякаго реальнаго или объективнаго содержанія. Поэма Ленца — прежде всего описательная. Это рядъ картинъ, чередующихся между собою и связанныхъ лишь общею идеею. У Юнга на первомъ планѣ общее, идея; у Ленца — частное, фактъ. Въ «Landplagen» Ленцъ дѣлаетъ новый знаменательный шагъ къ реализму въ творчествѣ: онъ изображаетъ людей, ихъ страсти, грѣхи, горе и радости. Талантъ его требуетъ пластичности изображенія, живописи подробностей. Въ этомъ случаѣ руководства автора «Мессіады», съ его серафическими грезами и неуло-

*) Gedichte von J. M. R. Lenz. Herausg. von Weinhold, 65.
**) Night-Thoughts. 109.
***) Ibid. 50.

вимыми тѣнями, и автора «Ночныхъ думъ», съ его «лунными мелодіями» и «могильной философіей», — было недостаточно. Надо было наблюдать дѣйствительную жизнь. И Ленцъ наблюдалъ ее. Надо было прибѣгнуть къ поэтамъ, которые ближе, чѣмъ Клопштокъ и Юнгъ, стояли къ дѣйствительности. Такихъ поэтовъ Ленцъ нашелъ главнымъ образомъ въ лицѣ Томсона и Клейста.

Джемсъ Томсонъ (1700—1748) предупредилъ Юнга въ освѣженіи новымъ дыханіемъ прежней холодной и разсудочной поэзіи во вкусѣ Попа. Его «Времена года» вышли въ 1726—1730 гг. и завоевали себѣ широкую популярность. «Всѣ его картины—по замѣчанію Геттнера — живы и свѣжи, полны горячаго одушевленія и часто поразительной красоты. Его весна цвѣтетъ и благоухаетъ, какъ лугъ, усыпанный цвѣтами; надъ его солнцемъ стоитъ жаркое небо и зеленая пышность августовскихъ дней; осеннія поля, деревья, виноградныя лозы наклоняются къ землѣ съ ношею своихъ плодовъ, и мы слышимъ и чувствуемъ непріятный трескъ и стонъ зимняго дня, какъ будто бы замирающая природа еще разъ собирала всѣ свои силы, чтобы помолодѣть въ зернахъ и почкахъ новой весны» [51]). Бизэ признаетъ Томсона первымъ крупнымъ живописцемъ природы, соединявшимъ искреннюю любовь къ природѣ съ сентиментальною мечтательностью, религіозностью и элегической моралистикой [52]). Двѣ послѣднихъ черты сближаютъ Томсона съ Юнгомъ. «Основной аккордъ отдѣльныхъ мелодій есть похвала Всевышнему» [53]). Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно обратиться къ отрывку изъ «Временъ года», переведенному Жуковскимъ:

О Богѣ намъ гласитъ временъ круговращенье,
О благости Его—исполненный Имъ годъ...
Воздвигнись, спящій міръ! внуши мой гласъ, созданье!
Да грянетъ ваша пѣснь Чудеснаго дѣламъ!
Сліянные въ хвалу, сліянны въ обожанье,
Да гимнъ вашъ потрясетъ небесъ огромный храмъ!
Журчи къ Нему любовь подъ тихой сѣнью лѣса,
Порхая по листамъ, душистый вѣтерокъ,
Вы, ели, наклонясь съ сѣдой главы утеса
На свѣтлый, о скалу біющійся потокъ,
Его привѣтствуйте таинственною мглою!
О немъ благовѣсти, крылатыхъ бурей свистъ,
Когда трепещетъ брегъ, терзаемый волною,

И сорванный съ лѣсовъ крутится клубомъ листъ!..
Да грянутъ съ звономъ арфъ и съ липами органы!
Да въ селахъ, по горамъ и въ сумракѣ лѣсовъ,
И пастыря свирѣль, и юныхъ дѣвъ тимпаны,
И звучные рога, и шумный гласъ пѣвцовъ
Одинъ составятъ гимнъ и гулъ отгрянетъ: слава!
Будь каждый звукъ—хвала! будь каждый холмъ—алтарь!
Будь храмомъ—каждая тѣнистая дубрава,
Гдѣ, мнится, въ тайной мглѣ сокрытъ природы Царь,
И вѣютъ въ вѣтеркахъ душистыхъ Серафимы,
И гдѣ, возведши взоръ на свѣтлый неба сводъ,
Сквозь зыблемую сѣнь вѣтвей древесныхъ зримый,
Пѣвецъ въ задумчивомъ восторгѣ слезы льетъ!

Это религіозное настроеніе, общее Томсону съ Юнгомъ, ведетъ свое начало отъ Мильтона, который былъ для обоихъ поэтомъ par excellence. Кромѣ глубокой религіозности, искреннѣйшаго паѳоса вѣры и надежды, въ сочиненіяхъ этого вдохновеннаго пѣвца и сильной личности можно замѣтить два элемента: во-1-хъ, любовь къ природѣ и умѣніе ее описывать и во-2-хъ, склонность къ грусти и меланхоліи, выразившуюся какъ въ «Потерянномъ раѣ», такъ и въ небольшой, но граціозной поэмѣ «Il Penseroso» [54]).

Всѣ три основныхъ элемента поэзіи Мильтона унаслѣдованы Томсономъ и Юнгомъ, но не въ одинаковой силѣ и степени: въ то время какъ у Томсона на первый планъ выступаетъ описаніе природы, сопровождаемое хвалою Всемогущему и элегическими мотивами, у Юнга первенствуютъ религіозное чувство и глубокая меланхолія, а описаніямъ природы удѣляется лишь небольшое мѣсто.

Во всемъ остальномъ оба поэта совершенно сходятся другъ съ другомъ. Совершенно во вкусѣ Юнга восклицаетъ и Томсонъ:

Ахъ! скоро ль прилетитъ послѣдній, скорбный часъ,
Конца и тишины желанный возвѣститель?
Промчись, печальная невѣдѣнія тѣнь!
Откройся тайный брегъ, утраченныхъ обитель!
Откройся, мирная, отеческая сѣнь! *(Пер. Жуковскаго).*

Не чуждо Томсону и Юнговское представленіе о карающей десницѣ Бога, обрушивающейся на грѣшниковъ еще въ этой жизни:

Ужасенъ грома гласъ пороковъ злыхъ рабамъ!
... посланникъ мщенья
Изъ мрака сыплетъ казнь — *(Пер. Мерзлякова).*

И Томсонъ, подобно Юнгу, не проходитъ мимо «малыхъ сихъ», несчастныхъ и обездоленныхъ, не стараясь вызвать къ нимъ сочувствіе въ сердцѣ читателя; онъ видитъ себя

> ... въ обиталищахъ страданія забвенныхъ,
> Гдѣ бѣдность и недугъ, гдѣ рокъ напечатлѣлъ
> Отчаянья клеймо на лицахъ искаженныхъ—(*Пер. Жуковскаго*)

и туда хочетъ онъ нести слово христіанскаго утѣшенія.

Какъ и у Юнга, у Томсона уже налицо почти всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ сложилась проповѣдь Руссо [55]).

Первый французскій переводъ «Временъ года» Томсона вышелъ въ 1759 г. и имѣлъ значительный успѣхъ. У него явилось много французскихъ подражателей, изъ которыхъ нѣкоторые не могли даже понять сущности его поэзіи; таковъ былъ Сен-Ламберъ [56]).

Болѣе талантливыхъ подражателей имѣлъ Томсонъ въ Германіи въ лицѣ Клопштока, Галлера и Клейста, въ особенности послѣдняго.

Эвальдъ Ф. Клейстъ (1715—1759) былъ страстнымъ поклонникомъ поэзіи Мильтона и Томсона. Въ подражаніе Томсону онъ написалъ стихотвореніе «Der Frühling», цѣнимое высоко историками нѣмецкой литературы [57]).

Какъ поклонникъ Томсона, Клейстъ усвоилъ себѣ всѣ элементы поэзіи автора «Временъ года»: тутъ находимъ мы и благочестивые порывы, и любовь къ природѣ и сельской жизни, и глубоко-меланхолическія изліянія. «Плодовое дерево грустить, стебли склоняются, виноградная лоза умираетъ отъ злодѣйскихъ ударовъ... Да, міръ, ты могила истинной жизни. Часто прельщаетъ меня горячее влеченіе къ добродѣтели: отъ грусти ручей катится по щекамъ; настоящій человѣкъ долженъ быть далеко отъ людей» [58]).

Увлеченіе Юнгомъ и Томсономъ привело Ленца и къ увлеченію Клейстомъ. И «Времена года» Томсона, и «Весна» Клейста такъ или иначе отразились въ «Landplagen».

Томсону, впрочемъ, Ленцъ обязанъ немногимъ [59]). Но Томсонъ дѣйствовалъ на Ленца черезъ посредство Клейста, вліяніе котораго на «Landplagen» сказалось довольно сильно [60]).

Подобно Клейсту, Ленцъ искусно употребляетъ сравненія, превосходя иногда своего учителя [61]). Ленцъ сходится съ Клейстомъ въ отсутствіи строгой связности и послѣдовательности [62]). Но подражая

Клейсту, Ленцъ въ тоже время думалъ превзойти его по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи, руководствуясь замѣчаніями Лессинга въ «Лаокоонѣ». Великій критикъ, какъ извѣстно, старался указать всѣ недостатки такъ называемыя «описательной поэзіи», желающей соперничать съ живописью, тогда какъ ихъ задачи совершенно различны: «живопись, изображающая въ пространствѣ, имѣетъ своимъ предметомъ внѣшнее и мѣстное существованіе вещей, т. е. изображеніе тѣла, а поэзія, изображающая посредствомъ языка, измѣняющагося по времени, имѣетъ своимъ предметомъ послѣдовательность вещей по времени, т. е. изображеніе живо развивающагося дѣйствія». «О Клейстѣ — замѣчалъ Лессингъ — я могу положительно сказать, что онъ не придавалъ никакой особенной важности своей «Веснѣ». Если бы онъ прожилъ дольше, онъ далъ бы ей совершенно другой видъ... Изъ ряда картинъ, только изрѣдка перемѣшанныхъ съ ощущеніями, онъ сдѣлалъ бы рядъ ощущеній, изрѣдка переплетенный съ картинами» [63]).

Это замѣчаніе Лессинга, повидимому, имѣлъ въ виду Ленцъ, когда писалъ свои «Народныя бѣдствія». Въ сравненіи съ Томсономъ и Клейстомъ онъ старается ввести болѣе ощущеній. Онъ хочетъ соединить достоинства Томсона съ особенностями Юнга, прелесть детальныхъ описаній съ паѳосомъ потрясенной души, живописныя изображенія съ глубоко прочувствованными ощущеніями. Послѣднія у него, несомнѣнно, играютъ болѣе важную роль, чѣмъ у Томсона и Клейста. Самый выборъ предмета: бѣдствія, обрушившіяся на людей—дѣлалъ его изложеніе болѣе драматичнымъ. Въ то время какъ у Томсона и Клейста мы встрѣчаемъ рядъ картинъ, нанизанныхъ совершенно случайно на одну нить, которою служило то или другое время года, у Ленца содержаніе болѣе сконцентрировано, болѣе опредѣленно, болѣе объединено одной общей идеей, рамки, менѣе расплывчаты и случайны. Можно сказать, что уже въ этомъ стихотвореніи проявляется реформаторскій духъ Ленца: недовольствуясь однимъ рабскимъ подражаніемъ, онъ старался внести нѣчто новое. Это скромная прелюдія къ его будущимъ бурнымъ и революціоннымъ порывамъ въ области литературы и эстетики.

Первыми критиками поэмы «Народныя бѣдствія» были студенты, товарищи Ленца по Кенигсбергскому университету, отнесшіеся къ произведенію, по словамъ Рейхардта, отрицательно [64]).

Изъ современныхъ критиковъ на разборѣ поэмы всего болѣе останавливались Группе, Фалькъ и въ особенности Анвандъ. [65]).

Послѣдній указываетъ, что при всей зависимости отъ Юнга. Клопштока и Клейста, юный поэтъ не былъ рабскимъ подражателемъ [66]). Ленцъ уже пользуется своими личными наблюденіями, при чемъ умѣетъ выдвинуть на первый планъ лучшіе и важнѣйшіе моменты. Такъ дерптскій пожаръ 1763 г. даетъ ему прекрасный матеріалъ для четвертой книги его поэмы («Die Feuersnoth»), ст. 823 сл. [67]). Нѣкоторые эпизоды производятъ хорошее впечатлѣніе. Таковъ разсказъ объ юношѣ Ламонѣ, который во время землетрясенія остается погребеннымъ заживо въ обломкахъ зданія, пока отецъ не освобождаетъ его изъ этого ужаснаго положенія [68]).

Указанныя достоинства придаютъ интересъ этому юношескому произведенію, которымъ, какъ видно изъ послѣсловія, не былъ доволенъ самъ авторъ. Произведеніе это, несомнѣнно, представляетъ новую ступень въ его поэтическомъ развитіи. Литературные вкусы и симпатіи его теперь шире: вмѣстѣ съ Клопштокомъ образцами его выступаютъ Клейстъ, Томсонъ, Юнгъ. Проявляются впервые опредѣленно симпатіи къ англійской литературѣ. Въ особенности замѣчательно увлеченіе Юнгомъ, которое впервые выводитъ Ленца на путь симпатій и вкусовъ, свойственныхъ Sturm u-Drang'у. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается уже извѣстная секуляризація мысли юнаго поэта: чисто духовные мотивы уступаютъ до извѣстной степени мѣсто реальнымъ фактамъ дѣйствительности, какъ это уже было въ его драмѣ «Der verwundete Bräutigam».

Въ приложеніи къ «Landplagen» Ленцъ напечаталъ три отрывка: 1) Fragment eines Gedichts über das Begräbniss Christi, 2) Schreiben Tankreds an Reinald, den Rittern, die ihn ins Lager vor Jerusalem herabholeten, mitgegeben и 3) Gemählde eines Erschlagenen.

Первое стихотвореніе, самое обширное, заключаетъ въ себѣ 143 стиха. Изслѣдователями оно нерѣдко отождествлялось, благодаря близости заглавія, съ упомянутымъ выше первымъ печатнымъ произведеніемъ Ленца «Der Versöhnungstod Jesu Christi» [69]). Но несомнѣнно, что напечатанный Ленцемъ въ приложеніи къ «Landplagen» отрывокъ «Ueber das Begräbniss Christi» стоитъ въ тѣсной связи съ стих. «Versöhnungstod»; возможно, что оба назначались

для болѣе обширнаго произведенія, которое, однако, не было окончено [70]).

Такимъ образомъ «Begräbniss Christi» должно было быть написаннымъ ранѣе «Landplagen». Въ самомъ дѣлѣ, этотъ фрагментъ можно разсматривать, какъ послѣднюю дань со стороны Ленца религіозной поэзіи, возникшую еще на родинѣ. Напечаталъ его онъ, очевидно, потому, что не надѣялся болѣе окончить произведеніе на подобную тему, такъ какъ настроеніе, которымъ оно было призвано къ жизни, начинало уже проходить.

По вѣрному замѣчанію Анванда, оба стихотворенія не могутъ быть отнесены къ одному и тому же времени; ихъ долженъ раздѣлять промежутокъ не менѣе года [71]). Можно думать во всякомъ случаѣ, что если «Begräbniss» было написано и одновременно съ «Versöhnungstod», то оно было значительно передѣлано передъ печатаніемъ въ 1769 г.: слишкомъ большая разница между обоими стихотвореніями приводитъ насъ къ этому выводу.

Здѣсь Ленцъ стоитъ еще всецѣло подъ исключительнымъ вліяніемъ Клопштока. Въ 1768 г. явился третій томъ его «Мессіады», повѣствующій о событіяхъ послѣ момента крестной смерти Спасителя. Здѣсь въ XII п. Клопштокъ приводитъ и жалобы Маріи по поводу смерти ея божественнаго сына [72]). Онѣ и внушили Ленцу мысль его «отрывка». Такимъ образомъ мы можемъ утверждать, что ранѣе 1768 г. «Begräbniss» не могло быть написано и, слѣдовательно, должно быть пріурочено къ 1768—69 г.г.

Попрежнему Ленцъ подражаетъ фразеологіи Клопштока, но замѣчается уже нѣкоторое отступленіе, уклоненіе въ сторону самостоятельности. Стиль сдѣлался спокойнѣе, реторическій элементъ менѣе выраженъ [73]).

Вторымъ приложеніемъ къ «Landplagen» было стихотвореніе въ 117 строкъ подъ заглавіемъ: «Schreiben Tankreds an Reinald».

Это сочиненіе относится къ разряду такъ-называемыхъ «героидъ», которыя писались въ подражаніе Героидамъ Овидія. Образцомъ Ленцу могли послужить «Héroides» Себ. Мерсье (1760 — 1765), писателя, столь родственнаго Ленцу по духу и оказавшаго, какъ мы увидимъ, сильное вліяніе на него. Сюжетъ же заимствованъ изъ «Освобожденнаго Іерусалима» Торквата Тассо.

Нетрудно догадаться, почему Тассо привлекъ къ себѣ симпатіи молодого поэта, увлекавшагося Клопштокомъ и Юнгомъ. Причина заключается въ строго религіозномъ направленіи итальянской поэмы и христіанской важности ея сюжета. Подражая во многомъ Аріосто, Тассо, однако, рѣзко отличается отъ автора «Orlando furioso» строго нравственнымъ складомъ своей личности и серьезными требованіями отъ поэзіи. Аріосто вполнѣ сынъ эпохи «Возрожденія», невѣрующій и легкомысленный, поклонявшійся, по удачному выраженію Fr. De Sanctis'а, единственному божеству, которое еще уважалось въ Италіи, — искусству. Тассо — представитель католической реакціи и возобновитель серьезнаго отношенія къ высшимъ проблемамъ жизни. Общее направленіе его труда отлично выражено въ началѣ поэмы, гдѣ поэтъ обращается не къ языческой музѣ, а къ музѣ христіанской, «обитающей на небѣ среди хоровъ ангельскихъ и украшенной золотымъ вѣнкомъ изъ безсмертныхъ звѣздъ»:

O Musa, tu che di caduchi allori
Non circondi la fronte in Elicona,
Ma su nel cielo infra i beati cori
Hai di stelle immortali aurea corona,
Tu spira al petto mio celesti ardori,
Tu rischiara il mio canto, e tu perdona
Se intesso fregi al ver, se adorno in parte
D'altri diletti, che de'tuoi, le carte. (Canto I, st. 2) *).

Тассо вмѣстѣ съ Мильтономъ являлись предшественниками Клопштока. Поэтому обращеніе къ нему не было случайностью со стороны Ленца.

Въ итальянскомъ подлинникѣ или въ нѣмецкомъ переводѣ Коппе читалъ Ленцъ «Освобожденный Іерусалимъ?» Этотъ вопросъ трудно рѣшить. Нѣсколько позже Ленцъ несомнѣнно зналъ итальянскій

---

*) О Муза, ты, что съ Пинда лавровъ бренныхъ
Не возлагаешь на главу свою,
Но въ золотомъ вѣнцѣ изъ звѣздъ нетлѣнныхъ
Средь ангеловъ блаженствуешь въ раю,—
Вдохни мнѣ въ грудь восторгъ пѣвцовъ священныхъ
И озари святую пѣснь мою:
Прости мнѣ, если истину порою,
Въ усладу смертныхъ, вымысломъ прикрою.
(Перев. Д. Мина).

языкъ и переводилъ Петрарку съ подлинника; но обладалъ ли Ленцъ этимъ знаніемъ уже въ Кенигсбергѣ — остается неизвѣстнымъ. Доказательства, приводимыя Анвандомъ въ пользу нѣмецкаго перевода, недостаточно убѣдительны [74]).

Въ XII пѣснѣ «Освобожденнаго Іерусалима» разсказывается о поединкѣ Танкреда съ неизвѣстной ему женщиной-богатыршей. Смертельно ранивъ послѣднюю, Танкредъ, къ великому своему ужасу, узнаетъ въ ней Клоринду, въ которую онъ былъ страстно влюбленъ. Она проситъ его крестить ее предъ смертью:

Amico, hai vinto: io ti perdon: perdona
Tu ancora: al corpo no, che nulla pave:
All'alma sì: deh! per lei prega; e dona
Battesmo a me ch'ogni mia colpe lave. (Canto XII, st. 66) *).

Зачерпнувъ воды въ шлемъ изъ ближайшаго ручья, Танкредъ совершаетъ крещеніе Клоринды. Послѣдняя умираетъ. Танкредъ безутѣшенъ:

Io vivo? io spiro ancora? e gli odiosi
Rai miro ancor di questo infausto die?
Di, testimon de'miei misfatti ascodi,
Che rimprovera a me le colpe mie!
Ah! man timida e lenta, or che non osi
Tu, che sai tutte del ferir le vie,
Tu, ministra di morte empia ed infame,
Di questa vita rea troncar lo stame? (St. 75) **).

---

*) „Ты побѣдилъ; прощаю, другъ! прощенье
Не тѣлу,—нѣтъ, ему безвѣстенъ страхъ,—
Но дай душѣ, и мнѣ даруй крещенье,
Молись и смой съ меня грѣховный прахъ“.
(Перев. Д. Мина).

**) „Еще я живъ? еще дышу и вижу
Несносный свѣтъ погибельнаго дня,—
Тотъ странный свѣтъ, который ненавижу,
Который такъ теперь винитъ меня?
О, робкая рука, въ которой движу
Я эту сталь, столь полную огня,
Жестокая свершительница рока,
Что медлишь мечъ вонзить мнѣ въ грудь глубоко?“
(Перев. Д. Мина).

Стихотвореніе Ленца есть не что иное, какъ перефразировка этой и слѣдующихъ октавъ (75 — 83), распространенная разсказами о взаимныхъ отношеніяхъ Танкреда и Клоринды, заимствованными изъ другихъ мѣстъ поэмы. Характерно то, что въ рукахъ Ленца Танкредъ сдѣлался гораздо болѣе сентиментальнымъ, чѣмъ у Тассо: выраженіе его сердечныхъ страданій совершенно во вкусѣ плаксивой чувствительности XVIII вѣка [75]).

Третій отрывокъ, напечатанный вмѣстѣ съ «Landplagen», носитъ названіе «Gemählde eines Erschlagenen» и состоитъ изъ 22 строчекъ. Содержаніе ихъ заключается въ описаніи трупа человѣка, убитаго въ лѣсу и найденнаго охотниками, которые приносятъ его «безутѣшной вдовѣ». [76]). Отрывокъ крайне интересенъ по глубокому реализму изображенія, неизвѣстному въ XVIII в. и напоминающему произведенія новѣйшей натуралистической школы. Ленцъ не останавливается передъ самыми ужасными подробностями, не забываетъ никакихъ реалистическихъ частностей:

Blutige Lokken fallen von eingesunkenen Wangen;
Furchtbar, zwischen Hülfe rufend geöfneten, schwarzen
Lippen laufen zwey Reihen scheusslicher Zähne, so ragen
Dürre Beine aus Gräbern hervor; die gefalteten Hände
Dekket Blässe, die unter zersplitterten Nägeln zum blau wird...*).

Юнго-Клопштоковское направленіе, однако, не сразу исчезло и сильно сказалось въ «Ode auf den Tod der Pastorin Sczibalski», написанной въ 1771 году [77]). Это гимнъ смерти совершенно во вкусѣ Юнга:

Mit jedem Tage lernt man klärer,
Dass nur der Tod der grosse Lehrer
Der Tugend und des Glückes sei...
Das Leben ist ein Augenblick,
Ein früher Traum, ein Mittagsschlummer,
Ein unbeträchtlich kleiner Kummer. —
Und Tod ist unasprechlich Glück...
Ja süsser Tod! и т. д. **).

---

*) „Со впалыхъ щекъ ниспадаютъ окровавленные локоны; два ряда отвратительныхъ зубовъ, торчащихъ, какъ сухія кости изъ могилъ, страшно выдаются между черными губами, открытыми для крика о помощи; сложенныя руки покрываетъ блѣдность, которая переходитъ въ синеву подъ раздробленными ногтями". „Gedichte" изд. Вейнгольда, стр. 78.

**) „Съ каждымъ днемъ все яснѣе узнаешь, что только смерть есть великій

Вейнгольдъ относитъ это стихотвореніе къ первымъ мѣсяцамъ пребыванія Ленца въ Страсбургѣ [78]). Анвандъ, напротивъ того, пріурочиваетъ его къ Кенигсбергу, утверждая, что настроеніе, которымъ проникнуто стихотвореніе, болѣе соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ жизни Ленца въ Кенигсбергѣ, чѣмъ въ Страсбургѣ [79]).

Примемъ мы одно или другое мнѣніе—это не имѣетъ большого значенія: дѣло идетъ о нѣсколькихъ мѣсяцахъ. На Пасхѣ 1771 года Ленцъ уже покинулъ Кенигсбергъ, и вскорѣ мы его видимъ въ Страсбургѣ. Стихотвореніе могло быть написано и въ Страсбургѣ, когда новая жизнь не успѣла еще значительно повліять на Ленца. Но во всякомъ случаѣ оно стоитъ на рубежѣ двухъ періодовъ дѣятельности нашего поэта: имъ оканчивается начальный періодъ его творчества, стоявшій подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Клопштока и Юнга. Въ произведеніяхъ страсбургской поры начинаютъ уже звучать другія струны, чувствуются новыя вѣянія и вліянія. Подготовительная эпоха окончилась. Вскорѣ Ленцъ предстанетъ передъ нами съ вполнѣ опредѣленными чертами «бурнаго генія».

Къ Пасхѣ 1771 года Ленцъ закончилъ пять семестровъ своего богословскаго образованія. Предстоялъ еще одинъ лѣтній семестръ и затѣмъ экзаменъ, который бы далъ ему право на посвященіе въ пасторы. Старикъ-отецъ ожидалъ, вѣроятно, съ большимъ нетерпѣніемъ того момента, когда и второй сынъ его, на котораго онъ возлагалъ особенныя надежды, займетъ, подобно старшему, пасторское мѣсто въ Лифляндіи. Но этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться. Ленцъ бросилъ внезапно Кенигсбергъ и направился за предѣлы Германіи въ Страсбургъ, принадлежавшій тогда Франціи. Къ этому представился удобный случай, такъ какъ онъ получилъ выгодное предложеніе сопровождать въ Эльзасъ двухъ молодыхъ курляндскихъ бароновъ фонъ-Клейстъ, товарищей его по кенигсбергскому университету, имѣвшихъ въ виду поступить во французскую военную службу. Въ рѣшимости замѣнить кенигсбергскій университетъ страсбургскимъ могло сыграть извѣстную роль и обыкновеніе нѣмецкихъ студентовъ побывать по меньшей мѣрѣ въ двухъ

учитель добродѣтели и счастья. Жизнь — это мгновенье, утренній сонъ, послѣобѣденная дремота, ничтожно-мелкая горесть, а смерть—это невыразимое счастье... Да, сладкая смерть!“ и т. д.

университетахъ. Кромѣ того, было соблазнительно путешествіе по Германіи, жизнь въ предѣлахъ Франціи, не потерявшей еще обаянія, какъ передовой страны. Литературные вкусы Ленца уже обозначились; къ теологіи онъ не питалъ исключительнаго сочувствія; не имѣя силы, вопреки желанію отца, порвать все съ теологіей и вполнѣ опредѣленно стать на новый путь, онъ оттягивалъ непріятный моментъ сдачи богословскаго экзамена. Кенигсбергъ, затерянный на окраинахъ Германіи, не отличался особенно развитою умственною жизнью; хотѣлось познакомиться съ настоящими центрами европейской образованности, окунуться въ ихъ литературные и научные интересы. Все это могъ дать ему Страсбургъ, соединявшій въ себѣ элементы нѣмецкой и французской культуры.

Мы не упомянули еще объ одномъ литературномъ трудѣ Ленца въ бытность его студентомъ кенигсбергскаго университета. Онъ перевелъ «Essay on the criticism» Попа. Переводъ этотъ не дошелъ до насъ, но самый фактъ перевода довольно любопытенъ. По мнѣнію Эриха Шмидта, выборъ этотъ свидѣтельствуетъ о «допотопности» литературныхъ вкусовъ Ленца. Дѣйствительно, Попъ является главнымъ представителемъ англійскаго ложноклассицизма XVIII в. Кажется страннымъ, что тотъ самый Ленцъ, который вскорѣ явился однимъ изъ самыхъ неустрашимыхъ бойцовъ литературной революціи, занимался переводомъ критическихъ разсужденій этого виднаго представителя старой школы и притомъ въ тотъ самый моментъ, когда ложноклассицизмъ сталъ уже падать подъ героическими ударами Лессинга, когда появилось уже знаменитое сочиненіе Юнга «On the original composition», опредѣлившее новые взгляды Гаммана и Гердера въ этомъ отношеніи, когда со всѣхъ сторонъ надвигались уже новыя струи, которымъ вскорѣ предстояло слиться въ одно мощное теченіе «бури и натиска».

Одного этого факта уже достаточно, чтобы придти къ заключенію, что Ленцъ, покидая Кенигсбергъ, еще не выяснилъ себѣ своего литературнаго направленія. У него были нѣкоторыя склонности и вкусы, религіозная закваска дома содѣйствовала ему въ выборѣ литературныхъ кумировъ въ лицѣ Клопштока, Томсона и Юнга, но критическое его міросозерцаніе еще не образовалось, теоретическаго оправданія инстинктивныхъ влеченій еще не было. Если онъ уже въ эту пору и зналъ сочиненія Гаманна, Гердера, «Гамбургскую

драматургію» Лессинга и упомянутое сочиненіе Юнга, то, очевидно, они не произвели на него слишкомъ большого впечатлѣнія или онъ считалъ возможнымъ примирить ихъ съ криическими воззрѣніями Попа.

Однако, были причины, объясняющія въ значительной степени его обращеніе къ этому ложноклассику. Прежде всего, нужно указать на исключительную любовь Ленца къ англійской литературѣ: Мильтонъ, Юнгъ, Томсонъ для него авторитеты; изъ нѣмецкихъ писателей онъ увлекается именно тѣми, которые стояли подъ сильнѣйшимъ англійскимъ вліяніемъ: Клопштокомъ и Клейстомъ. Это должно было бросить особый ореолъ на всю англійскую литературу вообще. Припомнимъ, какъ популяренъ былъ Попъ во всей Европѣ, благодаря своей поэмѣ «Essay on the man», излагавшей въ звучныхъ и изящно отдѣланныхъ стихахъ философію оптимизма, излюбленную вѣкомъ Просвѣщенія. Поэма переводилась безсчетное число разъ [80]); ею зачитывались всѣ. Очень велико было ея вліяніе на Руссо, въ глазахъ котораго «Опытъ о человѣкѣ» являлся чѣмъ то въ родѣ «священной книги», «риѳмованнаго евангелія», благозвучнаго оправданія задушевныхъ чаяній и выспреннихъ надеждъ на высокое предназначеніе человѣка. Въ особенности нужно отмѣтить ученіе Попа о страстяхъ, которыя онъ считаетъ вполнѣ законными и необходимыми для счастья [81]).

Таковы были элементы поэзіи Попа, дѣлавшіе его дорогимъ для Руссо и всѣхъ французскихъ и нѣмецкихъ послѣдователей послѣдняго. Отсюда понятенъ интересъ Ленца къ Попу; и этотъ интересъ, какъ мы уже знаемъ, былъ поддержанъ авторитетомъ любимѣйшаго профессора Ленца—знаменитаго Канта, любившаго иллюстрировать свои лекціи цитатами изъ Попа [82]). Интересъ, возбужденный къ сочиненіямъ Попа, и привелъ къ мысли перевести его «Essay on criticism», уже нѣсколько разъ переведенный на французскій яз. [83]). Очевидно, наступилъ моментъ, когда Ленцъ сталъ задумываться надъ теоретическими вопросами въ области искусства и литературы; и вполнѣ естественно было искать отвѣтовъ на эти вопросы именно въ англійской литературѣ, дѣйствовавшей такъ обаятельно на молодого поэта.

При ближайшемъ разсмотрѣніи, критическія идеи Попа далеко не были такими «допотопными» для того времени (1768—1771),

какими онѣ кажутся Эриху Шмидту. Положенія ложноклассической поэтики не казались ему безупречными, что выяснилось въ его отношеніи къ Шекспиру; онъ «смѣло заявилъ, что судить Шекспира по правиламъ Аристотеля — все равно, что судить по законамъ какой-нибудь страны человѣка, который дѣйствовалъ, имѣя въ виду законы другой страны» [84]). Другія идеи Попа ничуть не могли шокировать юношу, въ которомъ бродили уже новые запросы. «Первое качество критика, училъ Попъ, — это врожденный эстетическій вкусъ; критики рождаются, подобно поэтамъ; и тѣ, и другіе должны быть одарены врожденнымъ священнымъ огнемъ. Первая обязанность критика—это слѣдовать природѣ, которая есть въ одно и то же время и источникъ, и цѣль, и пробный камень искусства. Вѣрность природѣ есть самое цѣнное качество художественнаго произведенія, и законы критики — ничто иное, какъ приведенные въ систему законы природы» [85]). Природныя реалистическія тенденціи Ленца находили себѣ также поддержку въ ученіи Попа, требовавшаго, чтобы искусство было вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительности [86]).

Итакъ, принципъ «природы» въ жизни и литературѣ, защита страстей и чувствъ, чувствительность съ оттѣнкомъ меланхоліи, отношеніе къ Шекспиру, склонность къ реализму—все это могло быть симпатично Ленцу въ Попѣ. Схватывая эти стороны, Ленцъ скользилъ по другимъ и оставлялъ ихъ безъ вниманія, не замѣчая вполнѣ точно ложноклассической сущности ученія Попа, взятаго въ цѣломъ [87]).

Поэтому выборъ Попа для перевода представлялся характернымъ для той эпохи жизни Ленца, когда онъ стоялъ на распутьи и дѣлалъ первыя попытки отдать себѣ отчетъ въ теоретическихъ основахъ поэзіи и критики. Мы видѣли, что на литературное поприще онъ выступилъ совсѣмъ еще мальчикомъ. Проявившійся рано поэтическій талантъ захватилъ всѣ силы его духовной дѣятельности. Домашнія вліянія, природныя расположенія, вѣянія эпохи—опредѣлили характеръ его творчества, заключавшаго уже отчасти богатые послѣдствіями элементы. Но отъ юноши, не достигшаго еще двадцати лѣтъ, мы не можемъ ждать критической зрѣлости и вполнѣ округленнаго и цѣльнаго profession de foi. Онъ только еще ощупью выбирался на новый путь, зондируя почву, колеблясь между общепри-

знанными авторитетами въ области критики и бродившими уже въ немъ новыми влеченіями, не вполнѣ еще ясными для него самого.

Характерно и то, что со своимъ переводомъ «Essay on criticism» Ленцъ обратился къ одному изъ наиболѣе яркихъ корифеевъ отходящей литературной эпохи — Николаи.

Покинувъ Кенигсбергъ, Ленцъ по дорогѣ въ Берлинъ посѣтилъ г. Кёслинъ въ Помераніи, родину своего отца, гдѣ жили братья послѣдняго. О времени, проведенномъ въ родственномъ семейномъ кругу, онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ впослѣдствіи *).

Въ Берлинѣ Ленцъ явился къ извѣстному писателю и книгопродавцу Николаи, на судъ котораго онъ хотѣлъ представить свой переводъ изъ Попа. Застѣнчиваго и робкаго молодого человѣка хозяинъ принялъ не особенно дружелюбно и, чтобы отвязаться отъ него, посовѣтовалъ ему обратиться къ Рамлеру. Гость отвѣчалъ, что у Рамлера онъ уже былъ и тотъ послалъ его сюда. При этихъ словахъ Николаи вспомнилъ разсказъ объ одномъ офицерѣ, не платившемъ денегъ, котораго трактирщики отсылали другъ къ другу, и разразился громкимъ смѣхомъ, который очень обидѣлъ молодого поэта [88]).

За горькую обиду, нанесенную ему Николаи, Ленцъ впослѣдствіи отплатилъ въ своемъ памфлетѣ «Vertheidigung des Herrn W. gegen die Wolken», гдѣ онъ на десяти страницахъ бичуетъ своего негостепріимнаго хозяина [89]).

Изъ Берлина Ленцъ направился въ Страсбургъ черезъ Лейпцигъ [90]). Намеки на лейпцигскую университетскую жизнь и нѣкоторыхъ лейпцигскихъ профессоровъ въ «Гофмейстерѣ» заставляютъ предполагать, что Ленцъ прожилъ въ Лейпцигѣ нѣкоторое время [91]). Въ началѣ лѣта 1771 г. онъ былъ уже въ Страсбургѣ.

Кромѣ перевода изъ Попа, онъ привезъ туда съ собою, по всей вѣроятности, начало перевода шекспировской комедіи «Потерянныя усилія любви» и наброски первой редакціи упомянутой комедіи. Послѣдняя была основана на личныхъ впечатлѣніяхъ Ленца, который, въ годы своего студенчества въ Кенигсбергѣ, пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ домашнимъ учителемъ [92]).

---

*) См. Приложеніе А. № 19: письмо Ленца изъ Веймара къ своимъ дядямъ въ Помераніи. *(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).*

ГЛАВА IV.

Подъ небомъ Эльзаса.

Der waltende Himmel mag wissen, in was für eine Form er mich zuletzt noch geisst und was für Münze er auf mich prägt.

Lenz.

Въ исторіи нѣмецкой культуры Страсбургъ сыгралъ дважды значительную роль. Въ эпоху Возрожденія онъ былъ средоточіемъ эльзасскихъ гуманистовъ, группировавшихся вокругъ Вимфелинга и блестѣвшихъ именами видныхъ сатириковъ — Себастьяна Бранта и Томаса Мурнера, борцовъ за новые гуманистическіе идеалы [1]).

Второй разъ, Страсбургу, уже вошедшему въ составъ Франціи, пришлось пріобрѣсти важное значеніе въ исторіи нѣмецкой литературы и сдѣлаться главнымъ очагомъ новаго движенія «бури и натиска». Будучи по существу своему явленіемъ международнымъ, оно прежде всего заявило себя въ томъ городѣ, который стоялъ подъ сферой вліянія двухъ большихъ странъ и соединялъ въ себѣ элементы нѣмецкой и французской культуры.

Въ серединѣ XVIII вѣка Страсбургъ, хотя уже около семидесяти лѣтъ принадлежалъ Франціи, сохранялъ еще свой прежній германскій характеръ, и только мундиры гарнизона могли напомнить путешественнику, что онъ находится на французской территоріи. Но въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV положеніе дѣлъ мѣняется. Парижскія моды начали прививаться къ семействамъ изъ богатой буржуазіи, хотя средняя буржуазія все еще сохраняла нѣмецкій костюмъ. Такъ что на улицахъ Страсбурга господствовала пестрая смѣсь французскихъ и нѣмецкихъ модъ, поражавшая путешествен-

никовъ. Такою же пестротою отличалось и все общество столицы Эльзаса, заключавшее въ себѣ весьма разношерстные элементы [2]).

Одной изъ притягательныхъ силъ Страсбурга былъ его университетъ, который охотно посѣщался иностранцами [3]).

Сюда пріѣхалъ весною 1770 года молодой Гёте, чтобы докончить свое образованіе и получить ученую степень [4]). Въ душѣ уже онъ таилъ всѣ главные и существенные элементы идей и настроенія «бурнаго генія». Теперь, подъ благопріятными условіями Страсбургской жизни, въ немъ окончательно сформировалось новое міровоззрѣніе [5]).

Въ этомъ значительно помогъ ему Гердеръ, который осенью того же года прибылъ въ Страсбургъ для лѣченія своего больного глаза. Сверхъ ожиданія, это лѣченіе затянулось гораздо долѣе, чѣмъ онъ разсчитывалъ: вмѣсто нѣсколькихъ дней ему пришлось прожить въ городѣ около шести мѣсяцевъ [6]). Познакомившись съ Гёте, который былъ на пять лѣтъ моложе его, Гердеръ явился въ роли наставника, къ словамъ котораго жадно прислушивался талантливый ученикъ.

Важное значеніе Гердера для Гёте заключалось въ томъ, что все, уже раньше смутно бродившее въ головѣ Гете еще во Франкфуртѣ и Лейпцигѣ, было приведено въ извѣстную систему, развито и подкрѣплено безчисленными иллюстраціями и согрѣто огнемъ чисто гердеровскаго пламеннаго энтузіазма. Гердеръ уяснилъ своему юному другу многое такое, что лишь смутно чувствовалось имъ раньше. Всѣ обрывки новаго нарождавшагося настроенія, всѣ разрозненные элементы новаго міросозерцанія, воспринятые молодымъ поэтомъ подъ вліяніемъ культурныхъ вѣяній эпохи, пріобрѣтали въ устахъ Гердера гармоническую цѣльность и законченность.

Страстный поклонникъ индивидуализма во всѣхъ его проявленіяхъ въ отдѣльной личности, Гердеръ стоялъ горой и за индивидуализмъ національный, за права каждой народности отстаивать свой оригинальный типъ и свою своеобразную культуру. Во время своего путешествія по Франціи, находясь среди чуждой культурной обстановки, Гердеръ почувствовалъ себя нѣмцемъ и сталъ особенно цѣнить все родное и національное [7]).

Это національно-патріотическая тенденція была естественной реакцій противъ культурнаго подчиненія Франціи. Эта реакція сказалась уже въ поэзіи Клопштока, любившаго развивать патріотическіе

мотивы; она коснулась и Лессинга: въ его протестѣ противъ ига французскаго ложноклассицизма слышался, какъ мы видѣли, патріотическій протестъ противъ культурнаго ига Франціи вообще.

Живя въ Страсбургѣ, гдѣ французская и нѣмецкая культуры были поставлены лицомъ къ лицу, гдѣ нѣмецкому населенію приходилось задумываться надъ вопросомъ о возможности совершеннаго офранцуженія, Гёте и его сверстники имѣли полное основаніе ополчиться на защиту своей національной индивидуальности.

Такъ образовалась въ кружкѣ страсбургскихъ «геніевъ» ярко-националистическая окраска, которая составляетъ одну изъ отличительныхъ черть періода «бурныхъ стремленій». Бурные геніи явились заклятыми врагами французскаго вліянія и пылкими борцами за свою нѣмецкую индивидуальность. Ими былъ усвоенъ презрительно-насмѣшливый тонъ по отношенію ко всему французскому; все же истинно-нѣмецкое, все, въ чемъ они видѣли и цѣнили проявленіе нѣмецкой сущности, приводило ихъ въ восторгъ.

Какъ реакція, это движеніе подверглось участи всѣхъ реакцій, то есть хватило далеко черезъ край. «Бурные геніи» готовы были отрицать всю французскую литературу и всю французскую культуру, позабывая, насколько они сами были обязаны той и другой. Правда, они дѣлали исключеніе для Руссо, который въ сущности былъ ихъ настоящимъ вдохновителемъ, заключая въ своей проповѣди важнѣйшіе элементы «бури и натиска», но они не сознавали глубокой связи Руссо съ эпохой просвѣщенія, они забывали, что во Франціи существовали и другіе, родственные имъ по духу писатели. Таковы были, напримѣръ, Дидро и Себастьянъ Мерсье, вліяніе которыхъ на подготовку и выработку нѣкоторыхъ сторонъ нѣмецкаго движенія несомнѣнно, хотя «бурные геніи», въ силу своей патріотической тенденціи, упорно отказывались признать его [8]).

Итакъ, пробужденіе національнаго чувства въ Гёте и его товарищахъ было результатомъ уже сказавшихся въ Германіи ранѣе тенденцій, а также и особой обстановки, въ которой они очутились.

Это пробудившееся уваженіе къ своей національности ярко сказалось въ области искусства и литературы.

Величественный Страсбургскій соборъ казался Гёте нагляднымъ и великолѣпнымъ доказательствомъ превосходства стариннаго нѣмецкаго искусства надъ современнымъ французскимъ. Онъ приходилъ

въ восхищеніе отъ готическаго стиля, который ошибочно считалъ чисто нѣмецкимъ. Излюбленнымъ мѣстомъ прогулокъ Гёте и его страсбургскихъ товарищей была верхняя площадка этого собора, гдѣ любили они встрѣчать восходъ и закатъ солнца. Оттуда любовались они чудной панорамой долины Эльзаса, ограниченной съ востока и запада волнистой линіей живописнаго Шварцвальда и Вогёзовъ, а на югѣ—едва замѣтными снѣжными вершинами Альпъ. Восхищеніе прекрасной природой и дивнымъ памятникомъ строительнаго искусства сливалось здѣсь въ одну опьяняющую душу гармонію, вызывавшую сентиментально-патріотическое настроеніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у Гёте пробуждается глубокій интересъ къ народной нѣмецкой литературѣ и къ первобытной поэзіи вообще. Вліяніе Гердера въ этомъ отношеніи было несомнѣнно. Гердеръ былъ настоящимъ энтузіастомъ народной пѣсни, видя въ ней живой ключъ истинной поэзіи. Подъ вліяніемъ бесѣдъ съ нимъ, Гёте принимается за собираніе эльзасскихъ народныхъ пѣсенъ и подражаетъ имъ въ своей лирикѣ. На мотивы народныхъ мелодій пишутся имъ пѣсни въ честь Фридерики Бріонъ, въ которой онъ восхитился образомъ чисто-нѣмецкой дѣвушки, поставленной въ національную обстановку простой и здоровой деревенской жизни. Гердеръ также увлекъ Гёте къ культу Оссіана и Шекспира [9]).

Кромѣ пламенной рѣчи Гердера, вождя новаго культурнаго теченія, жизнь въ Страсбургѣ сама по себѣ уже содѣйствовала развитію въ Гете всего круга идей и настроеній Sturm-u-Drang'a. Онъ очутился здѣсь въ средѣ талантливыхъ сверстниковъ, одинаково съ нимъ увлекавшихся общими тенденціями зараждающейся культурной эпохи (Юнгъ-Штиллингъ, Лерзе, Вагнеръ). Онъ испыталъ здѣсь вліяніе новаго общественнаго уклада, неизвѣстнаго ему ранѣе. Затѣмъ, мягкая и ласкающая природа Эльзаса, которою Гете въ восторгѣ называлъ «райскою страною» [10]), была, казалось, наиболѣе подходящимъ поприщемъ для проявленія той тенденціи періода «бурныхъ стремленій», которую мы назвали «натурализмомъ» въ широкомъ смыслѣ слова.

Весною 1771 года, вскорѣ послѣ отъѣзда Гердера, прибылъ въ Страсбургъ Ленцъ, сопровождавшій двухъ бароновъ Клейстъ въ ихъ путешествіи во Францію [11]). Познанія Ленца въ иностранныхъ языкахъ

дѣлали изъ него хорошаго и полезнаго спутника; съ другой стороны, его радовала возможность побывать въ предѣлахъ Франціи, поближе познакомиться съ французской культурой, не переставшей еще быть привлекательною для всѣхъ нѣмцевъ того времени [12]).

Въ Страсбургѣ оба барона поступили во французскую военную службу. Общество ихъ сослуживцевъ-офицеровъ и было первымъ кружкомъ, въ которомъ вращался Ленцъ [13]). Вмѣстѣ съ тѣмъ вскорѣ по пріѣздѣ молодой кандидатъ теологіи познакомился съ Гете и его кружкомъ, во главѣ котораго стоялъ «актуарій» Зальцманнъ.

Въ Wahrheit u. Dichtung [14]) Гёте разсказываетъ, что онъ познакомился съ Ленцемъ въ самомъ концѣ своего пребыванія въ Страсбургѣ. А такъ какъ Гёте покинулъ Страсбургъ въ серединѣ августа 1771 года, послѣ защиты диссертаціи, то на время знакомства его съ Ленцемъ остается лишь лѣтній семестръ 1771 г. Изъ этого можно заключить, что Ленцъ познакомился съ Гёте вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Страсбургъ. Правда, Гёте замѣчаетъ, что они встрѣчались не часто: «Видѣлись мы рѣдко, такъ какъ его общество не было моимъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшитъ прибавить: «однако мы искали встрѣчи и охотно дѣлились мыслями, такъ какъ, будучи ровесниками, лелѣяли одинаковыя воззрѣнія». Изъ этихъ словъ Гёте видно, что стремленія, свойственныя эпохѣ Sturm u. Drang'а, уже не были чужды Ленцу, когда онъ пріѣхалъ въ Страсбургъ. Гёте, только что проводившій изъ Страсбурга Гердера, оказавшаго на него значительное вліяніе, и весь проникнутый новымъ слагавшимся у него міровоззрѣніемъ штюрмера, угадалъ въ Ленцѣ, со свойственной ему чуткостью, одинаковое настроеніе. Изъ словъ Гёте видно, что уже тогда Ленцъ былъ страстнымъ поклонникомъ Шекспира и читалъ свой переводъ «Love's labours lost», вызывая полное одобреніе со стороны пріятелей въ особенности за очень удачный переводъ эпитафіи надъ убитымъ принцессой оленемъ [15]).

Любовь къ литературѣ, восхищеніе Шекспиромъ, одинаковые литературные вкусы и неясное броженіе молодости — все это быстро сблизило юношей, передъ тѣмъ не подозрѣвавшихъ о существованіи другъ друга.

Вотъ какъ Гёте описываетъ наружность Ленца. «Это былъ молодой человѣкъ не большого роста, но пріятный видомъ; милыя,

не особенно выразительныя черты его лица вполнѣ соотвѣтствовали граціозной формѣ его симпатичнѣйшей головки. Глаза его были голубые, волосы свѣтлые — словомъ, это была одна изъ тѣхъ миніатюрныхъ личностей, которыхъ часто можно встрѣтить среди юношей нашихъ сѣверныхъ провинцій. Походка его была тиха и какъ бы осторожна, манера говорить пріятна, но безъ особеннаго краснорѣчія; держалъ онъ себя вообще не то боязливо, не то скромно, что впрочемъ отнюдь не казалось недостаткомъ при его молодыхъ лѣтахъ. Онъ очень хорошо читалъ вслухъ небольшія стихотворенія, преимущественно свои, и писалъ очень бойко и бѣгло» [16]).

Одновременно съ этимъ Ленцъ, вѣроятно, сдѣлался членомъ Зальцманновскаго кружка. Такъ можно думать, основываясь на словахъ Гёте въ «Wahrheit и Dichtung»: а именно, желая дать понятіе своимъ читателямъ о томъ, о чемъ говорилось въ Зальцманновскомъ кружкѣ, Гёте рекомендуетъ прочесть статью Гердера о Шекспирѣ и «Anmerkungen über das Theater» Ленца [17]). Это можно понять такимъ образомъ, что уже лѣтомъ 1771 (слѣдовательно, до отъѣзда Гёте, который покинулъ Страсбургъ въ августѣ) Ленцъ былъ членомъ Зальцманновскаго кружка и принималъ участіе въ разсужденіяхъ о театрѣ, которыя впослѣдствіи легли въ основаніе его «Anmerkungen», напечатанныхъ въ 1774 г.

Всѣми нашими свѣдѣніями о Ленцѣ за лѣтніе мѣсяцы 1771 г. мы обязаны исключительно воспоминаніямъ Гёте въ указанномъ мѣстѣ его автобіографіи. Затѣмъ мы рѣшительно ничего не знаемъ о Ленцѣ, въ продолженіе почти цѣлаго года, вплоть до весны 1772 г. Что дѣлалъ онъ за это время, въ какихъ кружкахъ вращался, какія испытывалъ впечатлѣнія—все это осталось намъ неизвѣстнымъ. Несомнѣнно лишь то, что до весны 1772 г. Ленцъ оставался въ Страсбургѣ и жилъ съ баронами Клейстъ, а остальную часть года провелъ въ эльзасскихъ городахъ—Fort-Louis и Ландау. За это время онъ успѣлъ завязать крайне дружескія и сердечныя отношенія съ Зальцманномъ, котораго онъ любилъ называть своимъ Сократомъ, и началъ принимать дѣятельное участіе въ его литературномъ обществѣ [18]).

Судя по тому, что въ первыхъ извѣстныхъ намъ письмахъ Ленца къ Зальцманну (лѣтомъ 1772) уже проглядываетъ въ существенныхъ чертахъ полное настроеніе настоящаго «бурнаго генія», мы должны

сдѣлать заключеніе, что этотъ первый годъ, проведенный имъ въ Страсбургѣ, былъ для Ленца временемъ глубокой внутренней работы. Если зародыши новаго настроенія образовались у него еще въ Кенигсбергѣ, подъ вліяніемъ общаго вѣянія эпохи, то только въ Страсбургѣ изъ него окончательно сформировался дѣятель періода «бури и натиска». Еще до пріѣзда Ленца въ Страсбургъ, Гёте, при помощи Гердера, выяснилъ существенныя черты новаго направленія. Подобныя идеи уже жили въ Зальцманновскомъ обществѣ, одушевляли его членовъ. Ленцу оставалось только тѣснѣе примкнуть къ этимъ стремленіямъ, которыя у него неясно бродили раньше.

За свое менторство Ленцъ получалъ отъ бароновъ Клейстъ квартиру и столъ и ни копейки денегъ [19]). Стѣсненное финансовое положеніе заставляло его думать о какомъ-нибудь заработкѣ, котораго однако не представлялось. Младшій братъ Ленца предлагалъ ему свою помощь, предупреждая его, однако, не обращаться ни къ отцу, ни къ сестрамъ, которые всѣ въ долгахъ. «Нашъ старый и добрый отецъ—писалъ братъ, какъ мнѣ извѣстно, очень любитъ тебя, и его глубоко удручило бы, если бы ты нуждался въ помощи, а онъ не могъ бы тебѣ помочь. Обращайся лучше ко мнѣ, меня не обременитъ ноша, которую я понесу для моего брата, всею душою мною любимаго. Я моложе васъ всѣхъ, и нѣтъ у меня ни жены, ни дѣтей, которые могли бы меня упрекнуть за то» [20]).

Изъ этого же интереснаго письма видно, что Ленцъ первоначально не разсчитывалъ оставаться долго въ Страсбургѣ. Братъ удивляется, что задержало его такъ долго вдали отъ родины. Ленцъ, повидимому, думалъ о мѣстѣ домашняго учителя въ Лифляндіи или Курляндіи. Объ этомъ шла рѣчь въ перепискѣ братьевъ. 24 сент. 1772 г. Іоганнъ Христіанъ Ленцъ извѣщаетъ брата, что «кондиція», которую онъ предназначалъ послѣднему, уже занята [21]).

Составилъ ли Ленцъ себѣ въ это время опредѣленный планъ жизни? выбралъ ли жизненное поприще? На это мы должны отвѣчать отрицательно.

Въ угоду отцу, онъ состоялъ три года студентомъ богословія въ Кенигсбергѣ, но, какъ мы уже знаемъ, лекцій почти не посѣщалъ, посвящая свое время литературнымъ занятіямъ. «Кандидатомъ» теологіи, т.-е. студентомъ, прослушавшимъ установленный курсъ, но не

сдавшимъ еще экзамена, уѣхалъ онъ изъ Кенигсберга. Пріѣхавъ въ Страсбургъ, онъ не спѣшитъ поступленіемъ въ тамошній университетъ. Изъ этого также можно сдѣлать заключеніе, что оставаться въ Страсбургѣ болѣе или менѣе продолжительное время онъ первоначально не разсчитывалъ. Въ студенты же страсбургскаго университета онъ записался только осенью 1774 г., когда уже начиналъ пріобрѣтать извѣстность, какъ писатель.

До тѣхъ поръ — постоянныя колебанія въ выборѣ житейскаго поприща. Его влекло всего болѣе къ литературѣ, но одна литература не могла быть въ то время призваніемъ въ жизни. Всѣ его товарищи выбирали себѣ тотъ или другой факультетъ: Гёте былъ юристомъ, Юнгъ-Штиллингъ медикомъ и т. д. Одному Ленцу ни одинъ факультетъ не приходился по душѣ.

На помощь къ нему пришелъ Зальцманнъ, задумавшій сдѣлаться его руководителемъ. Будучи самъ юристомъ по образованію, онъ толкаетъ своего юнаго друга, стоящаго на перепутьи и не знающаго какую выбрать дорогу,—въ объятія юриспруденціи.

Изъ ихъ переписки, относящейся къ лѣту 1772 года, видно, что Зальцманнъ старается направить его на изученіе юридическихъ наукъ. Очевидно, отвѣчая на постоянныя поощренія Зальцманна къ занятію правомъ, Ленцъ пишетъ въ серединѣ іюня 1772 г. изъ Fort-Louis: «Что касается до юриспруденціи, то въ моей душѣ я пока натянулъ для нея только очень маленькую струну, да и та даетъ чертовски слабый звукъ» [22]). Въ слѣдующемъ письмѣ, отвѣчая, вѣроятно (письма Зальцманна къ Ленцу не дошли до насъ), на новыя поощренія и упреки Зальцманна, — Ленцъ пишетъ: «Въ Ландау я буду неистово зудить jus, насколько мнѣ это позволитъ мое любимое занятіе, сдѣлавшееся моей второй природой» [23]).

Черезъ нѣсколько дней Ленцъ отсылаетъ Зальцманну его Гоббза, котораго, по его откровенному признанію, онъ не въ силахъ былъ одолѣть. Тѣмъ не менѣе онъ выражаетъ теперь прямое желаніе сдѣлаться юристомъ и проситъ прислать ему Пуффендорфа и другія произведенія юридической премудрости. «Долженъ же я сдѣлаться юристомъ, если теологія не обѣщаетъ сдѣлать меня римскимъ папою; я всегда склоненъ хвататься за крайности, и изреченіе Николая Климма «либо школьный учитель, либо императоръ» есть сатира на всегда преданнаго вамъ Ленца» [24]).

Извѣстно, что Зальцманнъ склонялъ Гёте избрать дипломатическое поприще. Подобныя перспективы, вѣроятно, раскрывалъ онъ и передъ Ленцемъ, толкая его на изученіе юриспруденціи. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно понять слова Ленца, въ августѣ 1772 г.: «мой великій князь *) женится на дармштадской принцессѣ... я бы охотно принялъ имя русскаго Envoyé при этомъ дворѣ; не забудьте обо мнѣ» [25]. Мечтать о мѣстѣ русскаго дипломата Ленцъ могъ не безъ основанія: эльзасцами и питомцами Страсбургскаго университета нерѣдко пополнялись въ то время кадры русской дипломатической службы. Основательное знаніе двухъ языковъ—нѣмецкаго и французскаго—открывало передъ ними эту дорогу. Такъ одинъ изъ ближайшихъ друзей Ленца, Оттъ, членъ его литературнаго кружка въ 1775—76 г., вскорѣ получилъ мѣсто секретаря-переводчика въ Петербургѣ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ [26]). Другой эльзасецъ, поэтъ Николаи **), также пробилъ себѣ дорогу на русской дипломатической службѣ [27]). Будучи русскимъ подданнымъ и отличаясь знаніемъ многихъ языковъ, Ленцъ, поддерживаемый, можетъ быть, Зальцманномъ, могъ мечтать о мѣстѣ русскаго Envoyé при Дармштадскомъ дворѣ. На русскую службу вступилъ впослѣдствіи и другой видный дѣятель Sturm u. Drang'а, Клингеръ, умершій въ чинѣ русскаго генерала.

Однако, всѣ попытки Зальцманна пріохотить Ленца къ занятіямъ юриспруденціей потерпѣли полную неудачу. Онъ совершенно былъ неспособенъ заключить свой умъ въ тиски римскаго права, а его умственные интересы были слишкомъ далеки отъ сухихъ юридическихъ терминовъ и опредѣленій. Намѣреніе «ревностно зудить право» осталась въ числѣ тѣхъ безчисленныхъ pia desideria, на которыя былъ такъ щедръ Ленцъ, вѣчно перемѣнчивый, неустойчивый, вѣчно незнающій, куда себя направить и чѣмъ быть.

Въ дальнѣйшихъ своихъ письмахъ къ Зальцманну Ленцъ уже ни разу не заикается о юриспруденціи. Очевидно, что «юридическая струна», которая звучала въ его душѣ «чертовски тихо», теперь

---

*) Павелъ Петровичъ; въ 1773 г. вступилъ въ бракъ съ гессенъ-дармштадтской принцессой Вильгельминой (Наталія Алексѣевна).

**) Дѣдъ бар. Николаи, бывшаго министромъ народнаго просвѣщенія въ восьмидесятыхъ годахъ.

совсѣмъ замолкла. И у насъ нѣтъ никакихъ, повидимому, указаній на то, чтобы онъ когда-нибудь впослѣдствіи вернулся къ юридическимъ занятіямъ.

Что это было за «Lieblingsstudium», которое настолько овладѣло имъ, что для юриструденціи не оставалось ни уголка въ его душѣ?

Одно мѣсто въ другомъ письмѣ къ Зальцманну проливаетъ на это свѣтъ. Вотъ что говоритъ здѣсь о себѣ Ленцъ: «Теперь я хотя и не ортодоксальный, но добрый евангельскій христіанинъ. Если я останусь долѣе при моемъ убѣжденіи, то за это я долженъ благодарить Бога, которому извѣстно, что это есть любимое занятіе для моей души и вѣчно имъ останется». «Однако я не разсчитываю сдѣлаться когда-нибудь священникомъ. О причинахъ пришлось бы мнѣ исписать цѣлый листъ. Не чувствую себя къ тому склоннымъ. Это не есть какой-нибудь темный инстинктъ, но скорѣе чувство всего моего существа, равносильное для меня убѣжденію» [28]).

Вѣроятно, и въ первомъ случаѣ подъ Lieblingsstudium разумѣется также богословіе. Такимъ образомъ дѣлается несомнѣннымъ, что Ленцъ не чувствовалъ отвращенія къ богословскимъ занятіямъ. Напротивъ того, они были ему довольно привлекательны. Такъ сказалось въ немъ направленіе, полученное въ отцовскомъ домѣ и поддержанное теологическимъ факультетомъ Кенигсбергскаго университета [29]).

Все дѣло въ томъ, что Ленцъ съ изученіемъ богословія не соединялъ ни малѣйшаго практическаго интереса и не чувствовалъ никакой склонности къ духовной карьерѣ. На свои занятія богословіемъ онъ не смотрѣлъ какъ на «Brodstudium»; его интересъ къ ней былъ исключительно умственнаго и нравственнаго порядка.

Весною 1772 г. французскій полкъ, въ которомъ служилъ второй изъ бароновъ Клейстъ, былъ переведенъ изъ Страсбурга въ крѣпость Fort-Louis, которая была расположена на одномъ изъ рейнскихъ островов на сѣверъ отъ Страсбурга. Ленцъ долженъ былъ послѣдовать за молодымъ барономъ, при которомъ онъ состоялъ [30]).

Здѣсь, въ цвѣтущей и благоухающей долинѣ Рейна, ограниченной съ запада мягкой волнистой линіей окутанныхъ въ синеватую дымку Вогезовъ, расположена, среди многихъ другихъ селеній, также и очаровательная, утопающая въ садахъ, деревушка Зезенгеймъ. Это одно изъ лучшихъ мѣстъ благословеннаго небомъ Эльзаса, прозван-

наго «садомъ Франціи». Плодородіе почвы, обиліе сочной растительности, воздѣланность полей, красота положенія, мягкость климата, ясность неба—все соединяется здѣсь, чтобы сдѣлать изъ этой страны одну изъ привлекательнѣйшихъ мѣстностей средней Европы.

Въ этой обстановкѣ, на этомъ фонѣ развилась юношеская любовь Гёте къ дочери зезенгеймскаго пастора Фридерикѣ Бріонъ, нашедшая многократное отраженіе въ его поэтическомъ творчествѣ [31]).

Фортъ Луи, нынѣ уже несуществующій, находился всего въ одномъ часѣ разстоянія отъ Зезенгейма. Неудивительно, что Ленцъ и Клейстъ, черезъ общихъ страсбургскихъ знакомыхъ (съ Фридерикой была дружна Cleophe Fibich, впослѣдствіи невѣста старшаго Клейста) были введены въ семейство зезенгеймскаго пастора [32]).

Въ то время какъ Ленцъ узналъ Фридерику, она не была уже той оживленной, непосредственной, брызжущей здоровьемъ, весельемъ и природнымъ умомъ дѣвушкой, какою ее зналъ Гёте. Покинутая непостояннымъ поэтомъ, которому она отдала все свое чистое дѣвическое сердце, бѣдная Фридерика нѣсколько согнулась подъ бременемъ постигшаго ее горя и до конца жизни не могла вполнѣ оправиться отъ постигшаго ее удара. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній («Liebe auf dem Lande») Ленцъ съ замѣчательною сердечною теплотою и нѣжною трогательностью изобразилъ намъ образъ этой тоскующей дѣвушки, которая не можетъ забыть своего, измѣнившаго ей, возлюбленнаго:

«Она была тиха и блѣдна, болѣла отъ тоски, но все же походила на ангела. Въ полупотухшемъ взорѣ хранилось еще очень много пламени; но преданная теперь вся благоговѣйному созерцанію, она была прекрасна, какъ мраморный ликъ святого. — И не даромъ была она такъ тиха и слаба: ее давило бремя покинутой любви. У себя наверху, въ маленькой комнаткѣ, она жила воспоминаніями: она не сводила глазъ съ его портрета, а ночью онъ являлся ей въ сновидѣніи.

«Для него расчесываетъ она свои косы и наряжается, оставшись одна, и примѣряетъ лучшія свои платья и смотрится въ зеркало, ожидая похвалъ только отъ него одного...

«Въ ея воображеніи неизмѣнно стоитъ образъ человѣка, который явился къ ней, когда она была почти еще ребенкомъ и навѣки похитилъ ея сердце. Взоръ ея полупотухъ, но все не можетъ забыть

она его обѣщаній и блаженныхъ часовъ взаимной любви и сладкихъ грезъ, которыя уже миновали и никогда болѣе не вернутся» *).

Молчаливая тоска бѣдной покинутой дѣвушки не скрылась такимъ образомъ отъ взоровъ Ленца, обладавшаго нѣжнымъ и сострадательнымъ сердцемъ, и на почвѣ симпатіи къ страдающему «ангелу», котораго онъ пытался утѣшить, въ его душѣ вспыхнула горячая любовь къ Фридерикѣ.

Въ этой любви, въ ея искренности и глубинѣ часто сомнѣвались. Многіе думали, что Ленцъ только обезьянничалъ Гёте, разыгрывалъ комедію, чтобы показать, что онъ не менѣе достоинъ любви, чѣмъ Гёте и т. п. [33]). Болѣе строгіе историки литературы не находятъ даже достаточно сильныхъ словъ осужденія, чтобы запятнать Ленца за его продерзость—влюбиться въ покинутую возлюбленную великаго Гёте! Такіе поклонники строгой іерархіи въ литературѣ забываютъ только одно, что въ 1772 г. Гёте не былъ еще «великимъ Гёте», а не болѣе какъ начинающимъ авторомъ, какъ и Ленцъ, и произведенія ихъ, года черезъ два, стояли въ глазахъ публики на одинаковой высотѣ. Слѣдовательно, ни о какой дерзости не можетъ быть и рѣчи. Предположеніе же о «комедіанствѣ» Ленца въ отношеніяхъ къ Фридерикѣ исчезнетъ для всякаго, кто возьметъ на себя трудъ отнестись ко всему этому совершенно безпристрастно.

Ленцъ былъ очень влюбчивъ и часто мѣнялъ предметы своихъ привязанностей. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, онъ является вполнѣ сыномъ своей эпохи, зараженной

---

*) Приведемъ отрывокъ изъ этого стихотворенія, переведенный г. Бальмонтомъ:

Въ унылой комнаткѣ своей
Она жила, полна страданья,
Полна о немъ воспоминанья...
Всегда стоялъ онъ передъ ней.
И только мракъ ночной спускался,
Онъ въ грёзахъ сна предъ ней являлся.
Когда же солнце вновь блеснетъ,
Она сидитъ, о немъ мечтаетъ
И косы русыя сплетаетъ,
Какъ будто онъ опять придетъ.

(Н. Стороженко. Юношеская любовь Гете—въ „Сборникѣ въ пользу голодающихъ").

сентиментальными грезами. Отъ природы получивъ, подобно Овидію, «сердце слабое, легко доступное стрѣламъ Купидона и волновавшееся по самому ничтожному поводу», онъ весь отдавался «наукѣ страсти нѣжной». Рядомъ съ длиннымъ спискомъ юношескихъ увлеченій Гёте, можно поставить списокъ увлеченій Ленца, въ жизни котораго женщины играли всегда видную роль. Самой натурѣ его была присуща извѣстная доля женственности, мягкости въ обращеніи и способности смотрѣть на все «сквозь призму сердца». Вотъ почему онъ легко и быстро сближался съ женщинами. Если ко всякой любви Ленца примѣшивалась значительная доза воображенія, то это не даетъ еще права утверждать, что онъ былъ чуждъ искренняго увлеченія.

Но изъ всѣхъ женщинъ, которыми увлекался Ленцъ, ни одна, повидимому, не произвела на него такого сильнаго впечатлѣнія, какъ очаровательная дочь Зезенгеймскаго пастора. Эта была самая продолжительная его привязанность, которая пережила многія другія. Изъ-за нея покушался онъ на самоубійство, ея имя твердилъ онъ въ сумасшествіи, объ ней же онъ вспомнилъ прежде всего, когда, больной и разбитый нравственно, онъ вернулся на родину послѣ двѣнадцатилѣтняго отсутствія.

Въ письмѣ къ Фридерикѣ, которое Ленцъ набросалъ въ Петербургѣ въ 1780 году, онъ переноситъ насъ ко времени своего перваго знакомства съ Фридерикой. Тихой меланхоліей, соединенной съ искреннимъ чувствомъ, вѣетъ отъ этого письма, написаннаго рукою человѣка, испытавшаго жестокое крушеніе въ жизни. Письмо написано такъ, какъ можетъ писать человѣкъ, которому остаются одни воспоминанія. Онъ смирился. Куда дѣвалась его гордая самоувѣренность и титаническіе порывы «генія» и «героя». Страданіе очистило его бурную страсть отъ накипи хаотическаго броженія эпохи, и въ этомъ письмѣ мы видимъ его любовь въ самой ея основѣ, въ ея реальной сущности безъ тумана громкихъ фразъ и «титаническихъ» чувствъ, какъ въ его письмахъ къ Зальцманну.

Онъ «до конца жизни» не забудетъ того радушнаго пріема, который оказала ему она и ея «превосходная семья», когда ему пришлось жить на чужбинѣ, вдали отъ своихъ [34]). Самъ вышедши изъ подобной семьи, Ленцъ почувствовалъ себя хорошо въ семьѣ зезенгеймскаго пастора. Его одинокаго и скучающаго, нуждавшагося въ ласкѣ (онъ всегда искалъ дружбы и общенія) приласкали тамъ.

Въ Фридерикѣ онъ нашелъ сходство съ своей любимой сестрой, былъ плѣненъ ея умомъ и глубиною чувства. Часы, проведенные въ зезенгеймскомъ садикѣ, веселые танцы на рейнскихъ островахъ, нѣмецкія пѣсни, которыя они пѣвали въ сообществѣ съ кузинами Фридерики — все это врѣзалось неизгладимо въ его памяти. Въ этомъ письмѣ Ленцъ называетъ Фридерику «theuerste Freundin», говоритъ только о «дружбѣ», но на каждой строчкѣ проглядываетъ, что въ основѣ здѣсь лежало чувство болѣе глубокое. «Дружба» это была вынужденная, такъ какъ онъ не нашелъ отвѣта на болѣе нѣжное свое чувство [35]).

Обратимся теперь къ его письмамъ къ Зальцманну, которыя онъ посылалъ подъ живымъ впечатлѣніемъ своего перваго знакомства съ Фридерикой, и постараемся отдѣлить въ нихъ правду отъ вымысла.

Нельзя не указать на одну характерную особенность писемъ той экзальтированной эпохи вообще. Повторилось явленіе, наблюдавшееся раньше въ эпоху гуманистовъ: письма разсматривались какъ своего рода литературныя произведенія, предназначавшіяся не только для того лица, которому они были адресованы, но и болѣе широкому кругу друзей и пріятелей. Въ этихъ письмахъ авторы любили говорить о своихъ чувствахъ, анализировать свою душевную жизнь, выяснять малѣйшія складки своего внутренняго міра, подслушивать всякое біеніе своего сердца. «Чувство» и «сердце» поставлены были на первый планъ, подавляющій все остальное. При такой, такъ сказать, «гипертрофіи чувства» неудивительно, что эти письма окрашивались въ очень субъективный цвѣтъ и не проводили рѣзкой грани между Wahrheit и Dichtung. Вотъ почему нужно относиться съ большою осторожностью къ экзальтированной перепискѣ эпохи, разъ дѣло заходитъ о чувствѣ и его субъективныхъ проявленіяхъ. Діапазонъ ихъ чувства всегда приподнятъ, гиперболы и преувеличенія во вкусѣ времени, и поэтическій вымыселъ, часто совершенно безсознательно для ихъ авторовъ, вторгается въ ихъ переписку. Всѣ впечатлѣнія жизни пріобрѣтаютъ у нихъ чисто субъективную окраску, и всякая скромная искорка готова разгорѣться въ «всепожирающее пламя». Притомъ не нужно забывать, что при всей своей страсти къ изображенію душевнаго міра, они не обладаютъ способностью безпристрастнаго психологическаго анализа. Ихъ излюбленныя идеи,

вкусы и стремленія врываются и въ эту область и все передѣлываютъ по-своему.

Все это нужно имѣть въ виду при обсужденіи писемъ Ленца, въ которыхъ раскрывается его любовь къ Фридерикѣ.

Въ тайнѣ своего сердца Ленцъ признается Зальцманну въ письмѣ изъ Fort-Louis отъ 3 іюня 1772 г., окружая все, по своему обыкновенію, таинственностью и прозрачными умолчаніями. «Я люблю теперь уединеніе болѣе, чѣмъ когда-либо—и если бы я не надѣялся найти Васъ въ Страсбургѣ, я сталъ бы проклинать свою судьбу, которая принуждаетъ меня снова возвратиться въ шумный городъ.— Что можете Вы подумать обо мнѣ, мой дорогой другъ? Что за подозрѣнія... но поразмыслите: вѣдь это годы страстей и безумствъ. Я плыву надъ тысячью подводныхъ скалъ — по Негропонту, гдѣ можно было бы воззвать ко мнѣ вмѣстѣ съ Гораціемъ

Interfusa nitentes
Vites aequora cyclades.

Если я потерплю крушеніе, ударившись объ одинъ изъ этихъ острововъ—будетъ ли это большимъ чудомъ? И будетъ ли мой Зальцманнъ такъ суровъ, что оставитъ меня тамъ безъ помощи, какъ второго Робинзона Крузо? Сознаюсь Вамъ (и въ чемъ могъ бы я Вамъ не сознаться?) — я трепещу вашего взгляда. Вы увидите все мое сердце до самой его глубины — и я буду стоять передъ Вами какъ несчастный грѣшникъ и вздыхать вмѣсто того чтобы оправдываться. Что такое человѣкъ? Хорошо припоминаю, какъ гордо порицалъ я Г. *) и, какъ гальскій пѣтухъ, внутренне кичился своею нравственною мудростью, слушая вашъ разсказъ объ его безумствахъ. Небо и моя совѣсть наказываютъ теперь меня за то. Но вотъ уже я наговорилъ Вамъ такъ много, что приходится сказать еще больше. Но нѣтъ, я приберегу это до нашей встрѣчи. Боюсь, что буквы покраснѣютъ и бумага заговоритъ. Пусть это письмо будетъ тайной для всего свѣта, для Васъ самихъ и для меня. Мнѣ хотѣлось бы, ничего не разсказывая, сообщить Вамъ обо всемъ. Я золъ на самого себя, размышляю въ меланхоліи о своей судьбѣ — и мнѣ страшно хочется умереть» [36]).

---

*) Подъ этимъ иниціаломъ разумѣется, вѣроятно, Гёте.

«Въ воскресенье мы были въ Зезенгеймѣ; въ понедѣльникъ утромъ я снова уже былъ тамъ и совершилъ прогулку въ Лихтенау въ обществѣ добраго пастора и его дочерей. Вернулись мы въ Зезенгеймъ въ десять часовъ вечера: тамъ оставался я этотъ и слѣдующій день. Теперь я разсказалъ Вамъ довольно. Мнѣ кажется, что я побывалъ на очарованномъ островѣ; тамъ былъ я совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ здѣсь: все, что я говорилъ и дѣлалъ, было какъ во снѣ».

«Сегодня Mad. Brion уѣзжаетъ съ обѣими дочерьми въ Саарбрюкенъ къ брату на двѣ недѣли и, можетъ быть, оставитъ тамъ дѣвушку, которую лучше было бы мнѣ никогда не видѣть. Однако она мнѣ поклялась всѣми силами лю... не оставаться тамъ. Я несчастливъ, дорогой мой другъ! и однако я счастливѣйшій среди всѣхъ людей. Можетъ быть, мнѣ придется ѣхать съ г. фонъ-Клейстъ въ Страсбургъ въ самый день ея возвращенія изъ Саарбрюкена. Слѣдовательно, разлука на мѣсяцъ, можетъ быть болѣе, можетъ быть навсегда. — И однако мы поклялись другъ другу никогда не разлучаться. Сожгите это письмо — раскаиваюсь, что довѣряю все это коварной бумагѣ. Не лишайте меня Вашей дружбы: лишиться ея теперь было бы мнѣ жестокимъ ударомъ, такъ какъ я всего менѣе доволенъ самимъ собою, не могу выносить самого себя, готовъ бы былъ покончить съ собою, не будь самоубійство зломъ. Здѣсь нѣтъ моей вины: я не обольститель, но и не обольщенный, я все перенесъ терпѣливо. Виновно въ этомъ небо—пусть же оно приведетъ все къ концу. Бросаюсь въ Ваши объятія—Вашъ меланхолическій Ленцъ».

Прося привѣтствовать знакомыхъ, Ленцъ спѣшитъ прибавить: «Ради неба, ради моей милой и ради меня самого, держите все это въ тайнѣ. Никто не узнаетъ этого отъ меня, кромѣ моего второго я» [37]).

Вотъ какъ признается Ленцъ Зальцманну въ своей любви къ Фридерикѣ. Тутъ и ссылки на судьбу, и захватывающее духъ счастье, и горькія слезы, и прежде всего строжайшая таинственность. Тутъ причудливо сочетались и счастье первой любви, и тоска разлуки, и желаніе смерти при одной мысли потерять свой «предметъ и мыслей, и пера, и слезъ, и рифмъ».

Утверждать, что это письмо одна сплошная комедія, какъ дѣлаетъ всегда суровый къ нашему поэту Дюнцеръ, было бы слишкомъ далеко отъ правды [38]). Дюнцеръ и tutti quanti никакъ не могутъ примириться съ тѣмъ, что Ленцъ изображаетъ здѣсь свою любовь къ Фридерикѣ—любовью счастливой, взаимной и раздѣленной. Это кажется имъ такимъ оскорбленіемъ Гёте, что они обвиняютъ Ленца въ сплошной лжи.

Такъ ли это было въ самомъ дѣлѣ? Искренность чувствъ самого Ленца не подлежитъ никакому сомнѣнію, но правъ ли онъ, утверждая, что Фридерика отвѣчала ему взаимностью?

Утверждая это въ своемъ экзальтированномъ письмѣ къ Зальцманну, Ленцъ вовсе не говорилъ сознательной лжи. Несомнѣнно, онъ самъ заблуждался на этотъ счетъ. Припомнимъ, что онъ былъ еще очень молодъ, что влюбленный легко толкуетъ въ свою пользу всякое ничтожное слово или поступокъ своего предмета любви, что одно ласковое обращеніе питаетъ надежды и заставляетъ воображеніе забѣгать далеко впередъ, мы легко поймемъ, что Ленцъ, находясь въ подобномъ положеніи, въ своихъ радужныхъ мечтаніяхъ далеко опередилъ болѣе сѣрую для него дѣйствительность. Если прибавимъ къ этому гиперболизмъ въ выраженіи страсти и любви, свойственный той эпохѣ, да извѣстную долю хвастовства, безъ котораго рѣдкій юноша тогда обходился, то мы поймемъ все. Влюбленный въ Фридерику и не встрѣчая съ ея стороны отпора и чего-нибудь похожаго на враждебное чувство, Ленцъ, давъ волю своему воображенію, которое, какъ намъ придется не разъ замѣчать, онъ не всегда отличалъ отъ дѣйствительности, запутался въ сѣтяхъ собственной пылкой фантазіи.

Не такъ же ли онъ поступалъ и въ другихъ случаяхъ? Развѣ ему не было достаточно, не зная еще Генріетты Вальднеръ, прочитать нѣсколько ея писемъ, чтобы «смертельно» влюбиться въ нее и затѣмъ, позакомившись съ нею, быть убѣжденнымъ во взаимности, безъ всякаго на то основанія? Въ любви онъ былъ несчастенъ, какъ и во всей своей жизни. Въ то время какъ Гёте, счастливому баловню судьбы, побѣждавшему безъ счету женскія сердца, почти были незнакомы муки нераздѣленной любви,—Ленцъ, кромѣ несчастной любви, не зналъ никакой иной. Всѣ женщины, въ которыхъ онъ былъ влюбленъ, не раздѣляли, повидимому, его чувствъ.

Любопытно то, какъ отнесся Зальцманнъ къ признанію Ленца. Очевидно, онъ зналъ его слишкомъ хорошо, чтобы не посмѣяться надъ его слишкомъ пылкимъ воображеніемъ и не окатить его холодной водой сарказма и ироніи. Въ отвѣтъ на это Ленцъ писалъ ему черезъ недѣлю (10 іюня) [39]:

«Дорогой Сократъ! — Довольно болѣзненна была первая повязка, которую Вы наложили на мою рану. Осмѣять меня... и я долженъ смѣяться вмѣстѣ съ вами, — и однако моя рана начинаетъ при этомъ еще сильнѣе истекать кровью». Ленцъ продолжаетъ упорствовать въ своемъ пріятномъ заблужденіи: «боюсь, что поздно уже думать объ исцѣленіи. Со мною случилось какъ съ Пигмаліономъ. Съ извѣстною цѣлью я создалъ въ своей фантазіи образъ дѣвушки — я оглянулся — и добрая природа поставила мой идеалъ живымъ передо мною. Съ нами обоими случилось то же, что было съ Цезаремъ: Veni, vidi, vici».

Страсть, возникающая внезапно въ сердцахъ при первой встрѣчѣ, была во вкусѣ времени, мечтавшемъ о таинственномъ сродствѣ душъ, о предназначеніи свыше. Ленцу было трудно воздержаться отъ искушенія представить и свою любовь, какъ роковую силу, овладѣвшую сердцемъ съ быстротою молніи. Но любопытно то, что онъ немедленно запутывается и выдаетъ себя. Не замѣчая, въ какомъ противорѣчіи стоитъ его новое объясненіе съ только что приведеннымъ, онъ продолжаетъ: «Незамѣтно и мало-по-малу выросли наши взаимныя чувства—и теперь они укрѣплены клятвой и ненарушимы». Трудно примирить оба эти радикально-противоположныя объясненія.

Далѣе Ленцъ разсказываетъ, какъ тяжело ему выносить разлуку съ Фридерикой, какъ онъ совсѣмъ потерялъ голову и готовъ пріѣхать въ Страсбургъ, чтобы отдать себя на лѣченіе Зальцманну.

Разлука съ Фридерикой, уѣхавшей на нѣкоторое время въ Сарбрюкенъ, вызвало поэтическое творчество Ленца. Онъ написалъ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній, которое долгое время ошибочно приписывалось Гёте и помѣщалось въ собраніи его сочиненій. Лёперъ доказалъ первый принадлежность его Ленцу [40]). Приведемъ его въ переводѣ г. Вейнберга:

Гдѣ ты, гдѣ ты теперь, о другъ мой незабвенный?
Гдѣ слышенъ голосъ твой?
Гдѣ весела земля, гдѣ городокъ блаженный,
Владѣющій тобой?

Съ тѣхъ поръ, какъ ты ушла—увы, и солнце лѣтомъ
Ужъ свѣта не даетъ,
И небо, заключивъ союзъ съ твоимъ поэтомъ,
Печально слезы льетъ.

Всѣ наши радости ты унесла жестоко!
Вездѣ—среди полей,
Средь улицъ—тишина. Вслѣдъ за тобой далеко
Умчался соловей.

О воротись! Уже тебя пастухъ со стадомъ
Зоветъ... О, поспѣшай
Въ родимые края! Иначе зимнимъ хладомъ
Окованъ будетъ май.

Въ этомъ стихотвореніи слышатся мотивы поэзіи Клейста—одного изъ любимыхъ писателей юности Ленца. Не только въ стихѣ, но и въ содержаніи замѣтно вліяніе двухъ стихотвореній Клейста: «Amynt» и «Lied eines Lappländers», а въ послѣднемъ куплетѣ слышатся отголоски пасторалей Попа [41]). Со всѣмъ тѣмъ отъ стихотворенія не вѣетъ ни ученостью, ни сочиненностью. Оно искренне, прочувствованно, сжато и выразительно. Благородная простота и естественность проникаютъ его съ начала до конца и ставятъ на ряду съ лучшими стихотвореніями гётевской молодости. Не даромъ же долгое время оно приписывалось творцу «Фауста». Одного этого стихотворенія достаточно, чтобы выставить лирическій талантъ Ленца въ самомъ выгодномъ свѣтѣ.

Стихотвореніе написано въ самый разгаръ любви Ленца, вскорѣ, очевидно, послѣ «безумнаго» (какъ онъ называетъ его самъ) письма къ Зальцманну отъ 3-го іюня. Между тѣмъ какая разница! Ни декламаторства, ни гиперболъ письма здѣсь нѣтъ и слѣда. Такъ сильно было въ Ленцѣ чувство художественной правды. Разогрѣвая себя и давая волю своей необузданной фантазіи въ обычное время, онъ дѣлался (за немногими исключеніями) вполнѣ правдивымъ въ своемъ поэтическомъ творчествѣ. Стихотвореніе это рисуетъ намъ состояніе его души во время отсутствія Фридерики, но не однимъ словомъ не обмолвливается онъ о чувствахъ Фридерики къ нему. Художественное чутье подсказало ему выразить одну только чистую правду, не примѣшивая къ ней того, чего въ дѣйствительности не было, но относительно чего онъ только страшно желалъ, чтобы оно было.

Это стихотвореніе сохранилось въ альбомѣ Фридерики съ недоконченной надписью ея рукою: «Als ich in Saarbrücken...» [42]). Эта надпись показываетъ, что она цѣнила посвященныя ей стихотворенія, не отвергала поклоненія Ленца, что, конечно, питало и окрыляло его надежды на взаимность.

Изъ своего пріятнаго заблужденія Ленцъ вышелъ не сразу.

Въ серединѣ іюня 1772 г. онъ ѣздилъ на нѣсколько дней въ Страсбургъ, гдѣ имѣлъ разговоръ съ Зальцманномъ о своихъ отношеніяхъ къ Фридерикѣ [48]). Убѣжденія Зальцманна, повидимому, не достигли своей цѣли. Въ новомъ стихотвореніи Ленцъ далъ волю выраженію своей муки:

Ach, bist du fort? aus welchen güldnen Träumen
Erwach ich jetzt zu meiner Qual!
Kein Bitten hielt dich auf, du wolltest doch nicht säumen,
Du flogst davon zum zweitenmal *) (Weinh. 88).

Въ этомъ стихотвореніи нѣтъ уже рѣчи о «пѣснѣ торжествующей любви», на которую были похожи два первыхъ письма къ Зальцманну:

O warum wandtest du die holden Blicke
Beim Abschied immer von ihm ab?
O warum liessest du ihm nichts, ihm nichts zurücke
Als die Verzweiflung und das Grab? **).

Здѣсь уже чувствуется отчаяніе безнадежной любви. Онъ умоляетъ возлюбленную отвѣтить, любитъ ли она его. Заключеніе стихотворенія совсѣмъ уже пессимистическое, передающее скорѣе муки любви нераздѣленной, чѣмъ счастливой:

Wie? nie dich wiedersehn?—Entsetzlicher Gedanke!
Ström' alle deine Qual auf mich!
Ich fühl, ich fühl'ihn ganz—es ist zuviel—ich wanke—
Ich sterbe. Grausame—für dich! ***).

---

*) Ахъ, нѣтъ уже тебя? отъ какихъ золотыхъ сновъ просыпаюсь я теперь для муки! Никакая просьба не удержала тебя, ты не хотѣла помедлить и во второй разъ улетѣла отсюда.

**) О почему, при прощаніи, ты постоянно отвращала отъ него свои милые взоры? О, почему ты ничего, ничего не оставила ему, кромѣ отчаянія и могилы?

***) Какъ? Никогда болѣе не видать тебя?—Ужасная мысль! Обрушь на меня всю скрытую въ тебѣ муку! Я испытываю ее, испытываю вполнѣ — это уже слишкомъ—я падаю,—я умираю за тебя, жестокая!

Возвратившись изъ Страсбурга въ Фортъ-Луи, Ленцъ пишетъ Зальцманну письмо, далеко непохожее по настроенію на первыя два. Убѣжденія Зальцманна при свиданіи какъ будто не прошли даромъ: Ленцъ рѣшился воспользоваться мудрыми совѣтами друга для излѣченія отъ своей сердечной болѣзни, хотя и мало вѣритъ въ возможность исцѣленія: «Ваши мудрые совѣты относительно извѣстнаго дѣла моего сердца я начинаю усердно приводить въ исполненіе: но рана излѣчивается не такъ быстро, какъ она наносится. И если я преодолѣю эту страсть, въ моемъ сердцѣ все же останется вѣчно тихое желаніе — раздѣлить мое счастье, если только оно возможно на нашей жалкой планетѣ, съ тою, которая одна только можетъ сдѣлать его для меня желательнымъ и привлекательнымъ» [44]).

Въ самомъ началѣ письма уже есть какъ будто намекъ на расхолаживающіе совѣты, которые преподалъ ему Зальцманнъ въ Страсбургѣ. «Настоящее состояніе моей души должно извинить меня» (въ томъ, что онъ, уѣхавши не простясь, не сразу написалъ другу). Она съежилась, какъ насѣкомое, на которое внезапно подулъ холодный вѣтеръ. Можетъ быть, собираетъ она новыя силы, или, можетъ быть, это состояніе есть настоящая меланхолія» [45]).

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 28 іюня Ленцъ упоминаетъ о безсонной ночи, которая была слѣдствіемъ его послѣдняго разговора съ Зальцманномъ [46]).

Между тѣмъ безпокойное состояніе его духа возобновляется:

«Я слишкомъ еще усталъ отъ пути, чтобы писать вамъ много и толково. Ибо я не имѣлъ почти ни минуты, когда бы я могъ сказать самому себѣ: «ну, теперь я отдохну!». Собственныя и чужія, благоразумныя и страстныя, философскія и поэтическія заботы и дѣла разрываютъ меня на части. Самый мой сонъ сталъ кратокъ и безпокоенъ, что я почти могъ бы сказать, что ночью я бодрствую съ закрытыми глазами, а днемъ сплю съ открытыми».

Заговоривъ о новомъ свиданіи съ Фридерикой въ Зезенгеймѣ, Ленцъ прибавляетъ, что мудрыя наставленія Зальцманна не прошли совершенно безплодно: «моя страсть ведетъ себя на этотъ разъ довольно благоразумно. Однако она все еще остается страстью—только потому я называю ее благоразумною, что она даетъ мнѣ спокойно

предаваться дома моимъ обычнымъ и необычнымъ занятіямъ, и это дѣлаетъ она, не кто другой, какъ она».

Повидимому, Зальцманнъ отвѣчалъ на это письмо упрекомъ, что Ленцъ безъ удержу несется по прежнему пути, не слушая благоразумныхъ совѣтовъ. Это видно изъ новаго письма Ленца [47]).

«Въ вашемъ послѣднемъ письмѣ вы были несправедливы ко мнѣ. Какъ, милѣйшій мой руководитель, я, какъ необъѣзженный конь, сбрасываю всякую узду, которую на меня набрасываютъ? За кого вы меня считаете? Ахъ, у меня будетъ теперь совершенно другой укротитель. Разлука, уединеніе, несчастье и горе дадутъ мнѣ уроки морали, которые вкусомъ гораздо горьче, чѣмъ ваши, мой кроткій врачъ и другъ».

Такимъ образомъ Ленцъ ждетъ излѣченія отъ отъѣзда изъ крѣпости. Въ этомъ же письмѣ онъ сообщаетъ о предстоящемъ переѣздѣ въ Ландау и продолжаетъ: «Моя наука остановилась. Буря страсти слишкомъ сильна» [48]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣлаетъ намеки на какія-то таинственныя сцены, которыя заставятъ Зальцманна заплакать, если Ленцъ разскажетъ ему о нихъ, говоритъ, что вечеромъ онъ ждетъ «einen Gnadenstoss» [49]).

Въ письмѣ, которое, повидимому, относится къ концу августа 1772 г., Ленцъ разсказываетъ о послѣднихъ дняхъ, проведенныхъ имъ въ Зезенгеймѣ: «Я говорилъ проповѣдь въ Зезенгеймѣ, можете ли вы этому повѣрить? Въ субботу послѣ обѣда любезничалъ; отправился въ Fort-Louis; нашелъ ворота запертыми; вернулся; засталъ пастора за ужиномъ въ безпокойствѣ, что заваленъ дѣломъ; предложилъ свои услуги; до 4 часовъ сидѣлъ въ бесѣдкѣ; отдохнулъ отъ усталости; заснулъ; утромъ взялъ библію и комментарій къ ней и въ 9 часовъ говорилъ проповѣдь передъ многочисленными прихожанами, въ присутствіи четырехъ красивыхъ дѣвушекъ, одного барона и одного пастора. Видите, богъ любви заставляетъ и кандидата богословія то ползти, какъ мышь въ шлемъ Александра, то прятаться въ сутану векфильдскаго священника, какъ студента науки любви. Текстомъ мнѣ послужило сравненіе фарисеевъ и мытарей, а темой—пагубныя послѣдствія высокомѣрія. Вся проповѣдь была экспромптъ, который оказался довольно удачнымъ» [50]).

Въ началѣ сентября полкъ, въ которомъ служилъ Клейстъ, былъ снова переведенъ въ другое мѣсто, въ Ландау. Такимъ образомъ

Ленцу пришлось покинуть Fort-Louis, который былъ такъ близокъ отъ Зезенгейма. 2 сентября онъ былъ въ Вейссенбургѣ [51]), а 7-го— въ Ландау, гдѣ оставался почти до конца года [52]).

Тонъ его писемъ изъ Ландау уже иной. Онъ начинаетъ много заниматься, и темой его писемъ большею частью служатъ разные философскіе и моральные вопросы. О Фридерикѣ онъ упоминаетъ только одинъ разъ по поводу полученнаго имъ отъ нея изъ Страсбурга письма. Черезъ Ленца она извинялась передъ Зальцманномъ за дерзость, съ которою она, не будучи съ нимъ знакома, рѣшилась попросить у него вторую часть «Тома Джонса», котораго она начала читать въ Зезенгеймѣ по совѣту Ленца, ссудившаго ей экземпляръ романа, принадлежавшій Зальцманну [53]).

На этомъ обрывается все, что мы знаемъ объ отношеніяхъ Ленца къ Фридерикѣ въ 1772 г. Каковы были эти отношенія далѣе—намъ неизвѣстно. Въ біографіи Ленца Фридерика выступаетъ снова только въ 1777 г.

Обратимся къ стихотвореніямъ Ленца, вызваннымъ его любовью къ Фридерикѣ.

Здѣсь приходится намъ коснуться пресловутаго вопроса о «Зезенгеймскомъ пѣсенникѣ». Такъ называютъ 11 стихотвореній, которые записалъ въ 1835 году Крузе по рукописямъ *), принадлежавшимъ Софіи Бріонъ, тогда уже 80-ти-лѣтней старухи, младшей сестрѣ знаменитой Фридерики. Всѣ стихотворенія были приписаны Гёте и цѣликомъ вошли въ изданіе Bernays'а «Der junge Goethe» **). Изъ этихъ стихотвореній только два (№ 7: Kleine Blumen и № 10: Es schlug mein Herz) были включены самимъ Гёте въ собраніе своихъ сочиненій. Остается девять стихотвореній, происхожденіе которыхъ является болѣе или менѣе недоудостовѣреннымъ и загадочнымъ. Вслѣдъ за Бернаисомъ приписываетъ всѣ эти 9 стихотвореній молодому Гёте въ настоящее

---

*) За исключеніемъ 11-го, которое было записано со словъ Софіи Бріонъ.

**) (Leipz. 1875. I Theil, стр. 261—270). № 1: Erwache Friedericke; № 2: Jetzt fühlt der Engel, was ich fühle: № 3: Nun sitzt der Ritter an dem Ort; № 4: Ach bist du fort? № 5: Wo bist du itzt, mein unvergesslich Mädchen; № 6: Ich komme bald, ihr goldnen Kinder; № 7: Kleine Blumen, kleine Blätter: № 8: Balde seh'ich Rickgen wieder; № 9: Ein grauer trüber Morgen; № 10: Es schlug mein Herz; № 11: Dem Himmel wachs' entgegen der Baum, der Erde Stolz.

время одинъ только Дюнцеръ. Остальные же изслѣдователи пытаются подѣлить ихъ между Гёте и Ленцемъ. Изъ этого числа 3 стихотворенія, а именно №: 2: Jetzt fühlt der Engel; №: 6: Ich komme bald и № 9: Ein grauer trüber Morgen всѣми изслѣдователями единогласно приписываются Гёте [54]. Остается такимъ образомъ шесть стихотвореній (№№: 1, 3, 4, 5, 8 и 11), объ авторѣ которыхъ изслѣдователи никакъ не могутъ придти къ соглашенію. Нѣкоторые удѣляютъ Ленцу только два стихотворенія, оставляя Гёте четыре (Loeper, Weinhold, Siebs) [55]), другіе дѣлятъ ихъ между обоими поэтами поровну (E. Schmidt, Falck) [56]); дальше всѣхъ идетъ Bielschowsky, который приписываетъ Ленцу не менѣе пяти стихотвореній, удѣляя Гёте только одно [57]). Попробуемъ разобраться въ этомъ спорѣ.

Лёперъ впервые заподозрилъ принадлежность Гёте стихотвореній №№: 4—5 «Зезенгеймскаго пѣсенника»: Ach, bist du fort?.. и Wo bist du itzt, mein unvergesslich Mädchen? [58]). Въ первомъ стихотвореніи онъ совершенно основательно указывалъ на несвойственное Гёте настроеніе. Любовь Гёте къ Фридерикѣ была любовь счастливая, наполнявшая его восторженною радостью, которая нашла себѣ такое яркое выраженіе напр. въ стихотвореніи № 10 «Свиданіе и Разлука»:

Вотъ солнце! Ахъ, пора съ ночлега!
Тѣснитъ мою разлука грудь.
Въ твоихъ лобзаньяхъ—что за нѣга!
Въ твоихъ глазахъ какая грусть!
Опущенъ взоръ, но за гонимымъ
Онъ поднятъ вновь—его слѣдитъ...
Какое счастье быть любимымъ!
Какое счастіе любить!

(Перев. М. Каткова).

Стихотвореніе же «Ach, bist du fort?», какъ мы видѣли, исходитъ отъ несчастнаго любовника, страдающаго отъ неразделенной любви, готоваго дойти до отчаянія и думающаго о смерти. Все это совершенно подходитъ къ положенію Ленца по отношенію къ Фридерикѣ. Указанное обстоятельство является, по нашему мнѣнію, рѣшающимъ моментомъ, вполнѣ позволяющимъ приписать разбираемое стихотвореніе Ленцу. Кромѣ того, можетъ имѣть значеніе указаніе на стиль, не похожій на стиль Гёте: присутствіе извѣстнаго

реторическаго паѳоса, повторенія, сходство въ языкѣ съ несомнѣнными произведеніями Ленца и т. д. [59]). Особенности Ленца, какъ поэта, въ этомъ стихотвореніи выражены настолько ярко, что, за исключеніемъ враждебно настроеннаго къ Ленцу Дюнцера, не уступающаго ему ни пяди изъ мнимаго наслѣдства Гете, всѣ серьезные изслѣдователи, занимавшіеся въ послѣднее время этимъ вопросомъ (Э. Шмидтъ, К. Вейнгольдъ, Бельшовскій, Вейссенфельсъ, Зибсъ), рѣшаютъ послѣдній въ пользу Ленца [60]).

Почти такое же единодушіе господствуетъ относительно стихотворенія «Wo bist du itzt, mein unvergesslich Mädchen?» По мнѣнію Лёпера, Вейнгольда, Бельшовскаго и Фалька, это стихотвореніе вышло изъ-подъ пера Ленца [61]). Выше было указано, что намъ извѣстны всѣ обстоятельства, при которыхъ могло быть сочинено это стихотвореніе, которое мы должны отнести къ 3—15 іюня 1772 г. Изъ письма Ленца къ Зальцманну видно, что въ это время Фридерика находилась въ Саарбрюкенѣ. Между тѣмъ въ рукописи стихотворенія мы находимъ приписку «Als ich in Saarbrücken», которая сдѣлана рукою Фридерики. Э. Шмидтъ сначала (въ статьѣ «Friedericke» въ журн. «Im neuen Reich», 1878, перепеч. въ «Characteristiken») отстаивалъ авторство Гёте, но въ послѣднее время присоединился къ господствующему мнѣнію [62]). Однако, нельзя не замѣтить, что въ стих. «Wo bist du itzt?» индивидуальность Ленца, особенности его поэтическихъ пріемовъ выражены далеко не такъ опредѣленно, какъ въ стихотвореніи «Ach, bist du fort?» Поэтому Зибсъ, выступившій недавно единственнымъ единомышленникомъ Дюнцера, старается оттягать у Ленца это прекрасное стихотвореніе, но доводы его врядъ ли убѣдительны [63]).

Труднѣе является вопросъ о стихотвореніи «Nun sitzt der Ritter an dem Ort». Лёперъ, Вейнгольдъ, Вейссенфельсъ и Зибсъ приписываютъ его Гете; Эрихъ Шмидтъ, Фалькъ и Бельшовскій считаютъ его произведеніемъ Ленца [64]). Само стихотвореніе не даетъ никакихъ основаній для указанія автора. Попытка Бельшовскаго найти «внутреннія» доказательства оказалась неудачной и вызвала возраженія [65]). Такихъ «внутреннихъ» доказательствъ и быть не можетъ: извѣстно, что даже современники не могли не смѣшивать поэтическіе стили обоихъ «бурныхъ геніевъ».

8

Приходится поискать какихъ-нибудь «внѣшнихъ» доказательствъ. Такое выдвигаетъ Фалькъ, утверждающій, что на копіи зезенгеймскаго пѣсенника, сдѣланной въ Москвѣ пасторомъ Іерцембскимъ, при этомъ стихотвореніи поставлена дата: Weissenburg, den 4 September 1772 [66]). Какъ намъ извѣстно изъ писемъ къ Зальцманну, Ленцъ прибылъ въ Вейссенбургъ 2 сентября этого года вмѣстѣ съ полкомъ, въ которомъ служилъ одинъ изъ бароновъ Клейстъ. Если дата сдѣлана самимъ Ленцемъ, то принадлежность ему этого стихотворенія несомнѣнна. Эта дата, однако, возбуждаетъ сомнѣнія [67]): нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что она не представляетъ чьей-либо посторонней прибавки. При такомъ положеніи дѣла не можетъ не имѣть значенія то обстоятельство, что стих. «Nun sitzt der Ritter an dem Ort» имѣется въ копіи Іерцембскаго, на ряду съ двумя предыдущими стихотвореніями («Ach, bist du fort?» и «Wo bist du itzt?»). Изъ «Зезенгеймскаго пѣсенника» только эти три стихотворенія и имѣлись въ копіяхъ пастора; это является, по нашему мнѣнію, лишнимъ шансомъ въ пользу Ленца. Одно изъ этихъ стихотвореній, какъ мы видѣли, приписывается въ настоящее время всѣми серьезными и безпристрастными изслѣдователями Ленцу; относительно второго стихотворенія тоже признается большинствомъ изслѣдователей. Невольно является подозрѣніе, что и третье стихотвореніе не попало бы въ сборникъ Іерцембскаго, не будь оно ему извѣстно по подлинной рукописи Ленца. Обвиненіе Бельшовскимъ Іерцембскаго и Фалька въ поддѣлкѣ вышеприведенной даты ни на чемъ не основано [68]).

Кромѣ этихъ трехъ стихотвореній Бельшовскій старается приписать Ленцу еще два стихотворенія изъ «Зезенгеймскаго пѣсенника», а именно: № 1 «Erwache Friederike» и № 8 «Balde seh'ich Rickgen wieder». Критикъ при этомъ употребляетъ пріемъ, хотя и довольно употребительный, но довольно странный: задача его состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что эти стихотворенія заключаютъ въ себѣ разнаго рода стилистическіе, метрическіе и художественные промахи, почему, являясь «недостойными генія Гете», великодушно должны быть уступлены его меньшему собрату. Какъ будто всѣ стихотворенія Гете безъ исключенія должны быть одинаково превосходны и какъ будто никому, кромѣ него, не могли удаваться стихотворенія вполнѣ! Такой пріемъ совершенно ошибоченъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь все дѣло въ субъективной оцѣнкѣ, неустойчивой и измѣнчивой.

Бельшовскій считаетъ стихотвореніе «Erwache Friedericke» довольно слабымъ и *поэтому* приписываетъ его Ленцу; Зибсъ, съ своей стороны, чтобы опровергнуть Бельшовскаго, старается доказать, что, напротивъ того, это стихотвореніе очень хорошо и *поэтому* должно быть приписано Гете. Тоже самое и относительно стих. «Balde seh'ich Rieckchen» [69]).

Оказывается вообще, что т. н. «внутреннія» доказательства не даютъ никакихъ безспорныхъ фактовъ для обоснованія авторства Гете или Ленца. Несогласіе же спеціалистовъ очень знаменательно: оно доказываетъ, что поэтическіе стили Гете и Ленца въ ихъ юности бывали порой до такой степени схожи, что, не имѣя никакихъ внѣшнихъ свидѣтельствъ, невозможно, въ иныхъ случаяхъ, разграничить ихъ «поэтическое наслѣдство» [70]).

Зибсъ, съ своей стороны, обратилъ вниманіе на стихотв. № 11: Dem Himmel wachs'entgegen, принадлежность котораго Ленцу кажется ему весьма вѣроятной [71]). Онъ ссылается на то, что среди несомнѣнныхъ стихотвореній Ленца попадается одно, стоящее въ очевидной связи съ № 11. Дѣло идетъ о четверостишіи, набросанномъ Ленцемъ на рукописи его передѣлки плавтовской комедіи Miles gloriosus, помѣченной 1772 годомъ, а именно:

Dir, Himmel, wächst er kühn entgegen.
Sieh du ihn an, so steht er fest.
Nichts gleichet dem Vermögen,
Das sich auf dich verlässt [72]).

Въ виду почти буквальнаго сходства первой строчки и хронологическаго совпаденія, принадлежность № 11 Ленцу довольно вѣроятна.

Въ результатѣ мы должны придти къ слѣдующему выводу: изъ всѣхъ стихотвореній «Зезенгеймскаго пѣсенника» Ленцу могутъ быть приписаны четыре: №№ 3, 4, 5 и 11, причемъ принадлежность Ленцу №№ 4 и 5 представляется почти несомнѣнной, а №№ 3 и 11—весьма вѣроятной. Нельзя не указать на тотъ фактъ, что осторожные редакторы Веймарскаго изданія сочиненій Гете считаютъ несомнѣнно принадлежащими Гете только №№ 7 и 10, включенные имъ въ изданіе своихъ стихотвореній; №№ 1—6, 8—9 и 11 они относятъ къ числу произведеній «сомнительнаго происхожденія» [73]).

Обратимся теперь къ другимъ стихотвореніямъ Ленца, относительно которыхъ были сдѣланы попытки связать ихъ съ именемъ

8*

Фридерики. Фалькъ старается привести въ связь съ любовью Ленца къ Фридерикѣ стихотвореніе: «Ausfluss des Herzens».

По его мнѣнію [74]), это стихотвореніе, относимое имъ къ 1772 г., имѣло цѣлью возвратить непостояннаго Гете къ ногамъ Фридерики, «апеллируя къ его нѣжному чувству». Гораздо лучше понялъ это характерное для Ленца стихотвореніе его другъ Лафатеръ. Вотъ что писалъ онъ въ предисловіи къ двумъ стихотвореніямъ Ленца («Ausfluss des Herzens» и «An den Geist»), напечатаннымъ въ журналѣ «Urania» за 1793 г. [75]): «Первое стихотвореніе дышетъ жаждою любви, которая съ такою силою можетъ пылать въ человѣкѣ и стремится, что вполнѣ естественно, отыскать существо, которое могло бы ее утишить. Несчастному кажется, что онъ что-то нашелъ, и онъ внѣ себя отъ восторга и благодарности. Возлюбленная представляется ему образомъ божества, въ ней хочетъ онъ любить Бога и черезъ эту любовь сдѣлаться всѣмъ, къ чему только *подобная* любовь можетъ вдохновить».

Стихотвореніе это поразительно напоминаетъ настроеніе Ленца лѣтомъ 1772 г., когда онъ познакомился съ Фридерикой. Его нельзя не сопоставить съ письмомъ къ Зальцманну, упомянутымъ выше, гдѣ онъ говоритъ, что составилъ въ воображеніи идеалъ дѣвушки и, оглянувшись, увидалъ его живымъ передъ собою. То же мы находимъ и въ стихотвореніи *).

И вотъ этотъ идеальный образъ, сливающійся въ его глазахъ въ одну гармонію съ божествомъ, сопровождающій его всюду и бодрствующій надъ нимъ, нашелъ себѣ земное воплощеніе:

Herr, ich sahe ein Mädchen—So wie diess
Müss' ein Mädchen seyn.
Die edle Gottesseele flammt im Auge—

---

*) Ach ein Bild! Gott du hiesst es
Den Genius mir vor Augen halten.
Wach ich früh am Morgen, so steht es vor mir;
Leg ich mich nieder, so schwebt es vor meiner Stirn.
Bät ich zu dir—wenn Himmel und Erde
Um mich vergeh'n—wenn du nur, und ich in dir
Noch bin—dann lächelt diess Bild in voller Klarheit
Mir entgegen, dass das Herz mir hinweg schmilzt. „Gedichte“,
изд. Вейнгольда, № 99.

Lieb', Unschuld, Grösse, Wärme, Adel!
Ach Gott!—Mich däucht, ich sähe das Bild
Das vor meiner Seele schwebt *).

Подобная любовь производитъ очищающее дѣйствіе на душу, ₍ ₎етъ живѣе чувствовать божество и жить добродѣтельно:

Ich liebte dich reiner
Ich fühlte mir Kraft, Tugend zu üben,
Wie ich zuvor nie sie gefühlt **).

Ни одна изъ женщинъ, которыхъ любилъ Ленцъ, не имѣетъ 'олько права, какъ Фридерика, быть прикосновенной къ этому стихо-юренію. Ни Корнелія Шлоссеръ, ни Шарлотта ф. Штейнъ—обѣ мужнія женщины—не могли здѣсь имѣться въ виду. Остаются ͡еофа Фибихъ и Генріетта Вальднеръ. Но это были свѣтскія дѣ-ушки, уже лишенныя той наивной прелести и невинной простоты, торыми характеризуется героиня этого стихотворенія. Къ этимъ ›умъ свѣтскимъ красавицамъ гораздо, менѣе, чѣмъ къ «степной эзѣ» Фридерикѣ, подходитъ характеристика:

Die edle Gottesseelle flammt im Auge—
Lieb, Unschuld, Grösse, Wärme, Adel!

Припоминая, что любовь къ Фридерикѣ была первою сильною ›ивязанностью Ленца, раскрывшею въ немъ талантъ лирическаго эта, сопоставляя стихотвореніе съ указаннымъ письмомъ къ Зальц-нну (отъ 10 іюня 1772), мы едва ли ошибемся, если придемъ къ ıводу, что прототипомъ образа, нарисованнаго въ стих. «Ausfluss s Herzens», была Фридерика. Какъ истинный художникъ, Ленцъ, ходя изъ конкретнаго факта, обобщаетъ личное впечатлѣніе, свя-ваетъ свою жажду идеала съ стремленіемъ къ божеству и нрав-венному усовершенствованію.

Стихотвореніе это, въ которомъ онъ бросаетъ такъ сказать ретро-ективный взглядъ на свою любовь къ Фридерикѣ, было написано,

*) „Боже, я видѣлъ дѣвушку — такую, какъ слѣдовало бы быть дѣвушкѣ. звышенная душа божественная пылаетъ въ очахъ: любовь, невинность, ве-іе, теплота, благородство! О Боже! — Мнѣ кажется, я видѣлъ образъ, кото-й носится предъ душою моею“.

**) „Я любилъ тебя чище, я чувствовалъ силу быть добродѣтельнымъ, такую іу, которой я никогда раньше не испытывалъ“.

очевидно, значительно позже, чѣмъ стихотвореніе «Ach, bist du fort?»[76]). Въ немъ замѣтно вліяніе Лафатера или, по крайней мѣрѣ, той своеобразной смѣси сердечности и религіозности, выразителемъ которой былъ цюрихскій пророкъ. Не даромъ Лафатеръ восхищался этимъ стихотвореніемъ такъ, какъ ни однимъ изъ другихъ произведеній Ленца. Можетъ быть, оно находилось въ томъ пакетѣ, который Ленцъ переслалъ Лафатеру черезъ Рёдерера въ февралѣ 1774 г.[77]). Стихотворенія «Ausfluss des Herzens» было достаточно, чтобы открыть въ мало знакомомъ еще ему Ленцѣ «eine schöne Seele», которая его такъ привлекла. И это послужило началомъ ихъ сближенія и дружбы.

Наконецъ мы должны сказать о двухъ стихотвореніяхъ, которыя имѣютъ отношеніе сразу къ Гёте и къ Фридерикѣ, касаются ихъ взаимныхъ отношеній; это «Liebe auf dem Lande» и «Freundin aus der Wolke». Первое стихотвореніе существуетъ въ двухъ редакціяхъ, которыя раздѣлены, повидимому, между собою промежуткомъ года въ 2—3. Первая редакція, болѣе краткая, рисуетъ замѣчательно сердечно и поэтично трогательный образъ дѣвушки, которая остается вѣрна покинувшему ее возлюбленному. Не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь идетъ рѣчь о Фридерикѣ и Гёте (см. выше). Эта первая редакція является все-таки отрывкомъ. Очевидно, Ленцъ имѣлъ въ виду продолжить это стихотвореніе и дать извѣстную роль «кандидату теологіи», который появляется въ началѣ стихотворенія и затѣмъ безслѣдно исчезаетъ.

Мы знаемъ, что, какъ кандидатъ теологіи, Ленцъ помогалъ пастору Бріону и однажды говорилъ въ воскресенье проповѣдь въ церкви[78]). Несомнѣнно, что этотъ schlechtgenährter Kandidat есть не кто иной, какъ самъ Ленцъ. Такимъ образомъ первая редакція носитъ совершенно личный характеръ: она передаетъ первыя впечатлѣнія Ленца отъ Фридерики и должна была, очевидно, объяснить его неудачу у Фридерики вѣрностью послѣдней Гёте. Ранѣе мы старались объяснить, что любовь Ленца къ Фридерикѣ возникла на почвѣ симпатіи къ страдающему «ангелу». Такимъ образомъ, разбираемое стихотвореніе въ первой редакціи или было, какъ думаетъ Дореръ-Эглофъ[79]), прелюдіей любви Ленца къ Фридерикѣ, или возникло нѣсколько позже, когда Ленцъ убѣдился въ тщетности

ожидать взаимности отъ Фридерики. Однимъ словомъ первая редакція можетъ быть отнесена къ 1772 г. [80]).

Вторая редакція могла возникнуть значительно позже; въ ней личный элементъ отсутствуетъ: вмѣсто «тощаго кандидата, часто попадавшаго впросакъ» здѣсь уже фигурируетъ «хорошо упитанный кандидатъ, который никогда впросакъ не попадалъ». Онъ смѣло и нахально сватается за героиню разсказа и, при помощи грубаго отца, получаетъ вмѣстѣ съ мѣстомъ и ея руку. Но и въ подневольномъ замужествѣ она остается вѣрна своему первому, покинувшему ее возлюбленному. Только эта вторая редакція можетъ быть отнесена къ 1775 году, къ которому относятъ часто обѣ редакціи [81]). На этомъ годѣ останавливаются потому, что именно 1775 годъ былъ временемъ самой интимной дружбы Ленца съ Гёте, когда, притомъ, любовь Ленца къ Фридерикѣ уже миновала. Но трудно понять, при чемъ тутъ степень интимности дружбы: стихотвореніе прославляетъ Фридерику, а не Гёте; образъ тоскующей дѣвушки привлекаетъ глубокую симпатію читателя, а не образъ непостояннаго любовника, который «пришелъ, похитилъ ея сердце» и затѣмъ бросилъ. Можетъ быть, скажутъ, что Ленцъ не осыпаетъ невѣрнаго любовника градомъ упрековъ, что и должно указывать на горячую дружбу его съ виновникомъ несчастія Фридерики. Но, вѣдь, для этого не нужно было особенно «интимной» дружбы; достаточно было тѣхъ товарищескихъ отношеній, которыя установились между Гёте и Ленцемъ еще лѣтомъ 1771 г. Въ 1775 г., въ самый разгаръ ихъ дружбы, такое стихотвореніе было даже прямо неумѣстно: врядъ ли самому Гёте могло быть пріятно напоминаніе объ его измѣнѣ Фридерикѣ. Правда, онъ самъ бичевалъ себя за это; но врядъ ли могъ принять на себя эту задачу близкій другъ. На основаніи этихъ соображеній, стихотвореніе «Liebe auf dem Lande» должно быть отнесено къ 1772—74 гг., когда Гёте и Ленцъ находились уже въ хорошихъ, но не особенно близкихъ отношеніяхъ; при этомъ, первая редакція возникла, вѣроятно, еще въ 1772 г., подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ образа Фридерики и ея вѣрности Гёте.

Э. Шмидтъ считаетъ разбираемое стихотвореніе высоко-поэтическимъ и глубоко-правдивымъ изліяніемъ чувствъ Ленца, свидѣтельствующимъ объ искренности его любви къ Фридерикѣ. По его словамъ, одинъ изъ современныхъ первоклассныхъ лириковъ, выражалъ

ему глубокое удивленіе искусству, съ которымъ Ленцъ нарисовалъ образъ покинутой дѣвушки. «Такой лирики невозможно выдумать»— прекрасно замѣчаетъ Э. Шмидтъ. Разсказъ Ленца о томъ, какъ дѣтски-наивно любила Фридерика рядиться для своего возлюбленнаго, напоминаемъ ему одно изъ граціознѣйшихъ стихотвореній Гёте, посвященныхъ ей: «Kleine Blumen, Kleine Blätter» [32]).

Спорнымъ также является вопросъ о времени происхожденія стихотворенія «Freundin aus der Wolke». Вейнгольдъ относитъ его къ 1772 г., другіе (Зибсъ, Дюнцеръ) къ 1775 г. [33]). Это новый апоѳеозъ Фридерики въ оссіановско-клопштоковскомъ вкусѣ. Духъ Фридерики, лишившись смертной оболочки, изъ облака взываетъ къ Гёте, мчащемуся на конѣ, обвиваетъ его своимъ дыханіемъ, обѣщаетъ вѣчную любовь «тамъ», какъ это было и «здѣсь»:

Sei zufrieden	Dein auf ewig
Goethe mein!	Hier und dort —
Wisse: jetzt erst	Also wein' mich
Bin ich dein;	Nicht mehr fort *).

Въ стих. «Liebe auf dem Lande» любовь Фридерики представляется глубоко-поэтическою, но все же земною, не лишенною извѣстной доли суетности и слишкомъ отдающеюся земной тоскѣ. Въ «Freundin aus der Wolke» рисуется любовь просвѣтленная, неземная, не знающая предѣловъ времени, не знающая соперничества и довлѣющая себѣ въ тихой радости, сіяющая въ лучахъ собственнаго огня, «серафическая» любовь клопштоковскихъ пѣснопѣній. Сама смерть является Фридерикѣ прекрасной, такъ какъ загробомъ наступаетъ вѣчная жизнь и слѣдовательно «вѣчная» любовь.

Пытались (Дюнцеръ, Зибсъ) [34]) объяснить это стихотвореніе такимъ образомъ: въ 1775 г. произошла размолвка между Гете и его невѣстой Лили Шёнеманъ. Ленцъ воспользовался этимъ моментомъ, чтобы возвратить Гете къ Фридерикѣ; средствомъ явилось это стихотвореніе, которое должно было тронуть сердце Гете и бросить его обратно въ объятія Фридерики (sic)! Но при чемъ въ такомъ случаѣ та «траурная скорбь» по Фридерикѣ, о которой говорится въ стихотвореніи, при чемъ «оплакиваніе»? Все это не подхо-

---

*) Мой Гёте, будь доволенъ! Знай, что только теперь я твоя, твоя на вѣки здѣсь и тамъ;—итакъ, не оплакивай меня болѣе.

дитъ къ Гете въ 1775 году по отношенію къ живой Фридерикѣ. По смыслу стихотворенія, гетевская скорбь и слезы причинены смертью Фридерики, какъ прежней возлюбленной. И вотъ всепрощающая душа ея несетъ ему утѣшеніе и обѣщаніе вѣчной, просвѣтленной и чуждой всякого эгоизма любви небесной! Повторяемъ: это стихотвореніе является истиннымъ апоѳеозомъ Фридерики, воздвигнутымъ ей нашимъ поэтомъ, искренне преклонившимся передъ ея душевной высотой, передъ величіемъ силы ея чувства [85]). Тема обработана въ сентиментально-мистическомъ вкусѣ, который такъ былъ дорогъ Лафатеру и его приснымъ, а намъ такъ хорошо извѣстенъ изъ поэзіи Жуковскаго, который такъ часто любилъ пѣть о загробной любви, соединяющей души, на землѣ расторгнутыя. Замѣтимъ, что короткій размѣръ стихотворенія удачно выбранъ Ленцемъ для передачи легкихъ и неуловимыхъ словъ безтѣлеснаго духа.

Указанными произведеніями исчерпывается циклъ стихотвореній Ленца, вызванныхъ къ существованію его любовью къ Фридерикѣ [86]). Мы видѣли, что среди нихъ попадаются истинные перлы, какъ два послѣднихъ стихотворенія и «Гдѣ ты, гдѣ ты теперь, о другъ мой несравненный»? Здѣсь слышатся такіе искренніе лирическіе звуки, что только отсутствіемъ чуткости и враждебною предвзятостью можно объяснить упорное мнѣніе такихъ «изслѣдователей», какъ Дюнцеръ и др., которые въ отношеніяхъ Ленца къ Фридерикѣ не хотятъ видѣть ничего, кромѣ жалкаго комедіантства и возмутительнаго обезьяничанія «творца Фауста». Нѣтъ, въ основѣ лежало искреннее чувство, и желаніе «соперничества» съ Гете не играло никакой роли; да и могло ли оно быть по отношенію къ возлюбленной Гете, уже покинутой имъ?

Въ жизни Ленца и въ его посмертной памяти Фридерика сыграла неодинаковую роль. Любовь къ ней развернула лирическій талантъ Ленца и поставила его лирику на одинаковую высоту съ современной лирикой Гете; она вдохновила его на многія другія поэтическія работы. Въ памяти потомства его воображаемое любовное соперничество съ Гете наложило пятно на его личность и привело къ скороспѣлому заключенію о низости его души, злыхъ козняхъ противъ Гете, что не замедлило возстановить противъ него историковъ нѣмецкой литературы и сдѣлало его маленькую фигурку мишенью суровыхъ обличеній [87]). Этихъ обличеній намъ придется еще коснуться.

Страсть къ Фридерикѣ не владѣла, однако, всею душою Ленца безраздѣльно: онъ находилъ время для разнообразнаго чтенія и для собственныхъ литературныхъ произведеній.

18-го сентября 1772 г. онъ писалъ изъ Ландау Зальцманну «Мое чтеніе ограничивается теперь тремя книгами: большой нюренбергской библіей съ толкованіями, которыя я пропускаю, толстымъ Плавтомъ съ примѣчаніями, которыя возбуждають во мнѣ желчь, и моимъ вѣрнымъ Гомеромъ» [88]).

Ленцъ читаетъ библію, не только какъ богословъ, но и какъ поэтъ. Онъ видитъ въ ней памятникъ первобытной народной поэзіи ставя ее на одну доску съ Гомеромъ и смотря на нее глазами Гердера и Гёте. Библію, какъ и Гомера, онъ цѣнитъ потому, что восхищается въ ней живымъ ключомъ поэзіи, не подражательной и искусственной, а самобытной и подслушанной у самой природы Однимъ словомъ, это тотъ самый взглядъ, который проявился раньше всего въ Англіи. Мы уже видѣли, какъ сочувственно относилось къ народной поэзіи романтическое направленіе англійской критики XVIII в. Сочиненіе Лоута объ еврейской поэзіи, Вуда о Гомерѣ, сборникъ старыхъ балладъ Перси — были попытками дать научное обоснованіе такому взгляду. Гаманнъ, стоявшій подъ англійскимъ вліяніемъ, первый на нѣмецкой почвѣ высказывалъ подобныя идеи, которыя въ его ученикѣ, Гердерѣ, нашли талантливаго глашатая, передавшаго ихъ «бурнымъ геніямъ» въ Страсбургѣ.

Библія, Гомеръ и Шекспиръ—вотъ поэтическій тріумвиратъ, подъ знаменами котораго сражались «бурные геніи». Объ увлеченіи Ленца Шекспиромъ мы уже говорили: уже въ 1771 г. онъ читалъ Гёте и его пріятелямъ свой переводъ «Love's labours lost» [89]), напечатанный только въ 1774 г. въ сопровожденіи «Замѣтокъ о театрѣ» которые явились настоящимъ манифестомъ новой литературной партіи. Въ 1772 году, въ перепискѣ съ Зальцманномъ Шекспиръ не упоминается: въ это время изъ драматическихъ писателей Ленцъ въ особенности увлекался Плавтомъ [90]).

Погружаясь въ библію и Гомера и идя, слѣдовательно, по слѣдамъ Гердера и Гёте, Ленцъ не забывалъ и современной народной поэзіи. Извѣстно, что подъ вліяніемъ Гердера и его взглядовъ на народную поэзію, Гёте ревностно собиралъ народныя пѣсни въ Эльзасѣ. Что интересъ къ народной пѣснѣ былъ возбужденъ и у Ленца

ца—это несомнѣнно. Въ началѣ августа 1772 г. онъ пишетъ Зальцману изъ Форта-Луи: «Я нашелъ превосходное собраніе старинныхъ пѣсенъ, которое я вамъ сообщу по пріѣздѣ въ Страсбургъ» [91]).

Въ тѣсномъ отношеніи къ любви къ народной поэзіи стояла и горячая любовь къ природѣ. «Чувство природы», проявившееся въ XVIII в. впервые опять таки въ Англіи, нашло своего блестящаго выразителя въ лицѣ Руссо, заразившаго своими восторгами молодое поколѣніе. Любимый профессоръ Ленца, знаменитый Кантъ, самъ находившійся подъ вліяніемъ Руссо, старался дать научное объясненіе «чувству природы» въ своемъ сочиненіи «Наблюденія надъ чувствомъ прекраснаго и возвышеннаго» (1764) [92]). Это чувство природы живо у Гердера и Гёте. То же и у Ленца, который писалъ изъ Ландау:

«Кроткая меланхолія весьма легко мирится съ нашимъ благополучіемъ, и я надѣюсь, даже увѣренъ, что рано или поздно, разрѣшится въ чистую и продолжительную радость, какъ сумрачное лѣтнее утро разрѣшается въ безоблачный полдень. И я не терплю теперь недостатка въ частыхъ солнечныхъ взорахъ... Я приникаю теперь къ груди природы съ удвоеннымъ жаромъ; обвиваютъ ли ея чело солнечные лучи или холодные туманы, ея материнскій обликъ всегда улыбается мнѣ и часто я покушаюсь, вмѣстѣ со старымъ Юніемъ Брутомъ, повергнуться на землю и нѣмымъ поцѣлуемъ возблагодарить ее за ласку. На самомъ дѣлѣ, я нахожу на лугу около Ландау ежедневно новыя красоты, и самый холодный сѣверный вѣтеръ не можетъ заставить меня отступить отъ нихъ. Еслибъ я обладалъ кистью божественнаго живописца, я тотчасъ же нарисовалъ бы вамъ нѣкоторыя стороны этого превосходнаго амфитеатра природы: такъ живо отпечатлѣлся онъ въ моемъ воображеніи — съ горами, поддерживающими небо,—съ долинами, наполненными деревнями у ихъ подножія, какъ-будто спящими тамъ, подобно Іакову у подножія своей небесной лѣстницы» [93]).

Литературные вкусы Ленца попрежнему направлены къ Англіи. Мѣсто Томсона и Юнга, восхищеніе которыми такъ проявилось въ его «Народныхъ бѣдствіяхъ» (1769), занимаютъ теперь Фильдингъ и Гольдсмитъ. Фридерикѣ Бріонъ онъ даетъ читать знаменитый романъ Фильдинга «Томъ Джонсъ», а зезенгеймскаго пастора онъ называетъ «фильдинговскимъ характеромъ» [94]), намекая этимъ, очевидно, на

въ высшей степени симпатичнаго Parson Adams'a, выведеннаго Фильдингомъ въ первомъ его романѣ «Joseph Andrews». Имѣя въ виду природное комическое дарованіе Ленца и связанную съ нимъ сатирическую жилку, мы вполнѣ поймемъ его увлеченіе Фильдингомъ — отцомъ англійскаго реальнаго нраво-описательнаго романа. Ленцу былъ привлекателенъ въ Фильдингѣ его реализмъ, его вѣрность дѣйствительности, его почти фотографическое изображеніе жизни, соединенное съ желаніемъ поучать и исправлять людей.

Замѣтимъ, что у нѣмецкихъ «бурныхъ геніевъ» Фильдингъ начинаетъ брать рѣшительный перевѣсъ надъ Ричардсономъ [95]). Стремленіе къ реализму сближало ихъ съ геніальнымъ авторомъ «Тома Джонса». Восхищеніе Фильдингомъ оставило, какъ увидимъ, слѣды въ собственныхъ произведеніяхъ Ленца.

Рядомъ съ Фильдингомъ стоялъ Гольсмитъ и его «Векфильдскій священникъ». Если Гёте въ «Wahrheit u. Dichtung» разказываетъ, что, войдя въ домъ къ зезенгейскому пастору, онъ былъ пораженъ доходящимъ почти до иллюзіи сходствомъ съ семьей, изображенной Гольдсмитомъ, то Ленцъ еще въ 1772 г., въ письмахъ къ Зальцману, уже примѣнялъ это сравненіе [96]). При общности литературныхъ вкусовъ, это было неудивительно. И Гёте, и Ленцу зезенгеймская семья явилась подъ поэтическимъ покровомъ, набросаннымъ искусною рукою автора «Векфильдскаго священника».

Обратимся къ собственнымъ литературнымъ трудамъ Ленца въ 1772 г.

Главное вниманіе его въ это время сосредоточивалось на драмѣ: онъ работалъ и какъ переводчикъ, и какъ самостоятельный драматургъ.

Все это время у него стоитъ на первомъ планѣ Плавтъ, изъ котораго онъ переводитъ пьесу за пьесой. По всей вѣроятности, онъ сталъ заниматься этимъ еще задолго до пріѣзда въ Фортъ-Луи, куда, какъ мы знаемъ, онъ прибылъ весною 1772 г. Въ началѣ августа онъ спрашиваетъ Зальцманна: «Хотите ли прочесть мой послѣдній переводъ изъ Плавта?» [97]) Ясно, что этому переводу предшествовали и другія. О своихъ переводахъ изъ Плавта Ленцъ говоритъ и въ письмахъ изъ Ландау [98]).

Кромѣ переводовъ изъ Плавта, Ленцъ въ письмахъ къ Зальцманну не разъ упоминаетъ о какой-то «трагедіи», которую онъ пи-

шетъ. Такъ 28 іюня онъ пишетъ изъ Форта-Луй: «Моя трагедія (я долженъ называть ее употребительнымъ именемъ) приближается съ каждымъ днемъ къ печати». Она была уже въ рукахъ издателя, но Ленцъ желаетъ остановить печатаніе и получить обратно «еще незрѣлую рукопись» [99]).

Мѣсяца черезъ три онъ посылаетъ ее Зальцманну и говоритъ въ письмѣ: «Вотъ моя трагедія; шлю ее Вамъ съ пожеланіемъ, чтобы этотъ «ящикъ рѣдкостей» (Raritätenkasten) былъ достоинъ вашего. Самое лучшее то, что мы, при этомъ обмѣнѣ, ничего не потеряемъ, такъ какъ между симпатизирующими душами есть communio bonorum» [100]). Свою трагедію Ленцъ посылаетъ Зальцманну въ обмѣнъ на какое-то сочиненіе нравственнаго характера, которое Ленцъ получилъ отъ друга, какъ это видно изъ начала письма [101]). Итакъ, свою «незрѣлую рукопись» Ленцъ успѣлъ получить обратно и исправить ея промахи.

О какой трагедіи идетъ здѣсь дѣло? Почти навѣрно можно сказать о «Гофмейстерѣ»—первой его драмѣ, появившейся въ печати (1774).

Назвавши свою пьесу «Trauerspiel», Ленцъ спѣшитъ прибавить въ скобкахъ: «я употребляю общепринятый терминъ». Но этимъ терминомъ онъ доволенъ не былъ. Поэтому на рукописи «Гофмейстера», хранящейся въ Берлинѣ, остались несомнѣнные слѣды колебанія, какъ обозначить пьесу; сначала онъ пишетъ «Lust und Trauerspiel», затѣмъ зачеркиваетъ эти слова и на мѣсто ихъ ставитъ: «ein Lustspiel». Эти колебанія въ причисленіи своей пьесы къ трагедіи или къ комедіи и отразились въ упомянутомъ замѣчаніи Ленца въ письмѣ къ Зальцманну изъ Форта-Луй.

Затѣмъ въ другомъ письмѣ онъ прямо считаетъ эту трагедію своимъ «первымъ опытомъ»: «Уже много бумаги сжегъ я здѣсь—добрый геній былъ на стражѣ этой трагедіи, иначе—но, вѣроятно, Вы въ такомъ случаѣ ничего не потеряли бы. Скажу Вамъ только, что я не ограничусь этимъ первымъ опытомъ, такъ какъ чувствую къ этому призваніе» [102]).

Пьеса эта подвергалась не менѣе какъ тремъ редакціямъ: первая это та, которую самъ Ленцъ называлъ «незрѣлою», которую онъ сначала думалъ печатать, и потомъ перемѣнилъ намѣреніе; вторая редакція — та, которую послалъ Ленцъ въ Страсбургъ къ Зальцманну; возможно, что именно эта редакція представлена руко-

писью «Гофмейстера», хранящеюся въ Берлинѣ; наконецъ, третья редакція, окончательная, дошла до насъ только въ печатномъ текстѣ 1774 г.; ее, вѣроятно, слѣдуетъ отнести къ 1773 г.

Изъ примѣра «Гофмейстера» можно вывести заключеніе, что Ленцъ много работалъ надъ своими произведеніями. Распространенное мнѣніе, что его сочиненія были почти мимолетными импровизаціями, которыя онъ быстро набрасывалъ и въ совершенно необдѣланномъ и незаконченномъ видѣ пускалъ въ свѣтъ,—оказывается неточнымъ. Изученіе его рукописей показываетъ, что онъ наоборотъ, часто передѣлывалъ свои черновые наброски. Въ теоріи онъ могъ считать, что «генію» свойственно «сразу», «однимъ прыжкомъ» схватывать сущность дѣла; на практикѣ же онъ работалъ много, не отрицая труда и не полагаясь на одно «геніальное» вдохновеніе.

Печататься онъ никогда не спѣшилъ. Онъ заявлялъ, что и «Гофмейстеръ» и «Новый Меноза» были напечатаны его коварными друзьями, помимо его воли [103]). Къ самому себѣ, какъ автору, Ленцъ нерѣдко относился съ большою строгостью и отзывался о себѣ болѣе, чѣмъ скромно [104]).

Въ концѣ 1772 года Ленцъ вернулся изъ Ландау въ Страсбургъ [105]). Въ декабрѣ онъ уже читалъ въ зальцманновскомъ литературномъ кружкѣ рефератъ подъ заглавіемъ: «Замѣчанія на рецензію одной новой французской трагедіи». Это была первая рѣчь Ленца послѣ избранія его въ почетные члены. Не слѣдуетъ думать, что двери общества только теперь открылись ему впервые. Его связь съ обществомъ несомнѣнно существовала и раньше, какъ видно изъ его писемъ къ Зальцманну. Туда онъ посылалъ для прочтенія свои переводы изъ Плавта [106]). Другой разъ онъ справляется у Зальцманна, читалъ ли онъ свой рефератъ въ обществѣ и какъ приняли его ихъ общіе друзья, Оттъ и Гаффнеръ [107]). Мало того, Ленцъ выказывалъ себя ревностнымъ сторонникомъ этого кружка, приписывалъ ему большое культурное значеніе для Страсбурга и старался поддержать энергію Зальцманна въ руководствѣ имъ [108]). По письмамъ же видно, что къ этому времени Ленцъ уже успѣлъ сдружиться съ Зальцманномъ и состоялъ посѣтителемъ того самого страсбургскаго табль д'ота, который, судя по разсказу Гете, стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ кружку Зальцманна или даже сливался съ нимъ [109]).

Поэтому, дѣло, повидимому, только было въ повышеніи Ленца въ «почетные» члены, за что онъ и счелъ нужнымъ выразить свою благодарность въ началѣ рѣчи:

«Вы удостоили меня званіемъ почетнаго члена вашего общества. Какъ честный человѣкъ, благодарю васъ за это, не прибѣгая къ высокопарнымъ фразамъ. Быть любимымъ — вотъ въ чемъ заключалось всегда мое *честолюбіе*. Если вы придерживаетесь такого же взгляда, то я изъявлю вамъ признательность въ немногихъ словахъ, которыя я охотно бы скрѣпилъ приложеніемъ печати, если бы только я и мои предки занимали какое-нибудь мѣсто въ родословныхъ книгахъ. Этимъ выказали вы мнѣ свою любовь; въ отвѣтъ и я заявляю, краснѣя, во всеуслышаніе: *я люблю васъ*.

Примите же въ вашъ букетъ чужеземный ростокъ, который, прозябая на холодной почвѣ, былъ вспоенъ небесными слезами и теперь, потерявъ, подъ безпрерывными вихрями, свой ароматъ и поникнувъ листьями, печально ждетъ грядущаго, готовый, или развиться подъ болѣе теплымъ солнцемъ, или умереть на лонѣ дружбы, будучи подкошеннымъ ранѣе расцвѣта» *).

Подъ прекраснымъ небомъ Эльзаса, на цвѣтущихъ берегахъ Рейна, подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ умственнаго движенія Германіи, быстро развернулся «ростокъ» ленцевскаго таланта, но предчувствіе, которому онъ давалъ нерѣдко выраженіе въ стихахъ и прозѣ, не обмануло его: слишкомъ рано пришлось ему «отцвѣсть въ утрѣ пасмурныхъ дней» и притомъ не «на лонѣ дружбы», какъ онъ мечталъ, а въ далекой Москвѣ, гдѣ еще и не занималась та заря новой жизни, страстнымъ піонеромъ которой онъ былъ въ Страсбургѣ.

«Замѣчанія» Ленца представляютъ разборъ трагедіи Дюси «Ромео и Джульетта», сдѣланный на основаніи рецензіи въ Journal Encyclopédique **). Пьеса пользовалась большимъ успѣхомъ во Франціи, выдержала много представленій и была осыпана похвалами французскихъ критиковъ. Ленцъ берется доказать, что это произведеніе «новоявленнаго французскаго генія», вопреки восторгамъ «критиковъ Галліи», далеко не такъ хорошо, какъ они воображаютъ.

---

*) См. прилож. С. I. (*по рукописи Королевской Библіотеки въ Берлинѣ*).

**) 1772 г. Tome VII. Partie I. Octobre. pp. 94—108.

Дюси можно похвалить за «смѣлость» его плана, но не за его выполненіе. Прежде всего, пьеса должна бы называться не «Ромео и Джульетта», а «Монтекки и Капулетти», такъ какъ двое послѣднихъ являются главными лицами, и главная цѣль французскаго писателя совершенно отлична отъ цѣли Шекспира. Послѣдній въ своей драмѣ «Ромео и Джульетта» имѣлъ въ виду показать «нѣжныя ошибки и несчастья запрещенной любви», а первый желаетъ представить «послѣдствія междуусобной войны и возбужденныхъ страстей, ненависти и мщенія». Не Шекспиромъ вдохновлялся, какъ думаетъ французскій критикъ, Дюси, а Дантомъ, и именно эпизодомъ о графѣ Уголино и епископѣ Руджіери въ «Божественной комедіи».

Анализомъ характеровъ Капулетти и Монтекки Ленцъ старается доказать, что «легкомысленная французская кисть» нарисовала ихъ съ многими упущеніями и уклоненіями отъ требованія вѣрности природѣ и послѣдовательности. Изображенный въ трагедіи Монтекки есть чудовище, неукладывающееся въ границы человѣческой природы. «У Данта не хватило бы духа показать подобную фигуру въ самомъ аду». Тѣмъ менѣе она умѣстна на театрѣ, «который долженъ изображать намъ людей».

Недостатокъ французовъ заключается въ томъ, что они постоянно впадаютъ въ крайность: всѣ ихъ произведенія утрированы, за великое и хорошее они считаютъ лишь преувеличенное, хотя бы это послѣднее, подобно слишкомъ высоко натянутой струнѣ, давало, вмѣсто звука, одинъ скрипъ. Какъ Монтекки является у Дюси «чудовищемъ смѣлости и мстительности», такъ его Капулетти есть «чудовище кротости и миролюбія».

Нѣкоторыя достоинства, все-таки, Ленцъ находитъ въ пьесѣ французскаго автора, который, по его словамъ, заслуживаетъ похвалы «за то, что онъ сошелъ съ обычнаго пути своихъ сотоварищей и съ англійскою смѣлостью принялъ въ основаніе своей трагедіи истинно трагическій сюжетъ».

Рефератъ Ленца очень интересенъ въ томъ отношеніи, что является первымъ по времени доказательствомъ его раннихъ симпатій къ Шекспиру и отрицательнаго отношенія къ французской трагедіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ ясно сказывается то оппозиціонно-насмѣшливое отношеніе къ французамъ, которое, съ легкой руки Лессинга, было усвоено Гёте и его кружкомъ «бурныхъ геніевъ». Какъ мы

видѣли, протестъ противъ французскаго ложно-классицизма соединялся у нихъ съ протестомъ противъ культурнаго подчиненія зарейнскимъ сосѣдямъ и принималъ характеръ патріотическаго подвига.

До насъ дошло поразительно мало свѣдѣній о жизни Ленца въ 1773 году. Не сохранилось ни одного письма, писаннаго имъ или къ нему. Скудныя упоминанія о Ленцѣ мы находимъ только въ письмахъ Гёте къ Зальцманну и къ Якоби [110]). Всюду идетъ рѣчь исключительно о переводахъ Ленца изъ Плавта.

По поводу этихъ переводовъ завязалась, вѣроятно, переписка Ленца съ Гёте. Онъ посылалъ послѣднему свои переводы и спрашивалъ его мнѣнія. Сначала это дѣлалось, повидимому, черезъ Зальцманна. Можетъ быть, первые переводы были даже анонимны. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ къ Зальцманну отъ 6 марта Гёте выражаетъ свое мнѣніе о переводахъ, не называя переводчика [111]). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (уже послѣ выхода въ свѣтъ «Геца») Гёте пишетъ Зальцманну: «Отъ меня лично вы давно не имѣете свѣдѣній, но, навѣрно, слышали много обо мнѣ отъ Ленца и другихъ друзей» [112]). Изъ этихъ словъ видно, что въ это время Ленцъ состоялъ уже въ дѣятельной перепискѣ съ Гёте.

Когда въ іюнѣ 1773 г. появился «Гецъ ф. Берлихингенъ», Ленцъ былъ въ восторгѣ отъ пьесы и адресовалъ Гёте «обширное посланіе» подъ страннымъ заглавіемъ «Нашъ брачный союзъ» («Unsere Ehe»). «Главной задачей этой обширной рукописи — разсказываетъ Гёте въ своей автобіографіи [113]), — было сопоставленіе таланта автора съ моимъ. То онъ признавалъ мое превосходство, то ставилъ себя на одну со мною доску; но все это было имъ изложено въ такихъ юмористическихъ и милыхъ оборотахъ, что я съ искреннимъ удовольствіемъ прочелъ совѣты, которые онъ мнѣ давалъ, тѣмъ болѣе, что вообще я очень высоко цѣнилъ его талантъ и только всегда убѣждалъ его бросить безформенное витаніе и заняться художественной обработкой данной ему отъ природы способности къ творчеству образному. Къ довѣрію его я отнесся самымъ дружескимъ образомъ, и такъ какъ онъ настаивалъ на необходимости тѣсной взаимной между нами связи (что доказываетъ уже странное заглавіе его брошюры), то я съ этихъ поръ началъ сообщать ему мои дальнѣйшіе проекты и уже начатыя работы, а онъ также присылалъ

мнѣ свои рукописи: «Домашняго учителя», «Новаго Менозу», «Солдатовъ», подражанія Плавту и вышеупомянутый переводъ англійской пьесы *), какъ дополненіе къ «Замѣткамъ о театрѣ».

Итакъ, съ іюня 1773 года, начались, по почину Ленца, дружескія отношенія его съ Гёте, продолжавшіяся до конца 1776 года. Если Зальцманъ былъ руководителемъ Ленца въ области теоретическаго мышленія, то въ художественномъ творчествѣ онъ пользовался совѣтомъ и напутствіемъ своего старшаго брата по Аполлону, Гёте, опередившаго его въ попыткѣ осуществить новые литературные идеалы. Трудно измѣрить все, чѣмъ обязанъ Ленцъ Гёте; точно также мы не можемъ опредѣлить и то, какую долю вліянія могли оказать на Гёте и указанія его талантливаго друга[44]).

Что сближеніе съ Гёте было очень полезно Ленцу — объ этомъ свидѣтельствуетъ его литературная дѣятельность. Цѣлый рядъ литературныхъ работъ, начатыхъ имъ раньше, Ленцъ приводитъ теперь къ концу и въ слѣдующемъ, 1774 году, выходятъ въ печати сразу «Переводы изъ Плавта», «Гофмейстеръ», «Замѣтки о театрѣ», «Новый Меноза» и др.

Первые годы, проведенные Ленцемъ въ Эльзасѣ, были временемъ выработки его міросозерцанія, уясненія самому себѣ разнообразныхъ вопросовъ философскаго и религіозно-нравственнаго содержанія. Въ этомъ отношеніи большое значеніе для него имѣло участіе въ Зальцманновскомъ кружкѣ, въ которомъ въ это время интересы къ вопросамъ философіи, морали и богословія преобладали надъ литературными интересами.

Не по собственной иниціативѣ, а только по настоянію Гёте изъ Франкфурта [45]), кружокъ устроилъ осенью 1772 года (когда Ленцъ былъ еще въ Ландау) чествованіе памяти Шекспира, при чемъ другъ Гёте Лерзе, увѣковѣченный вскорѣ въ «Гецѣ ф. Берлихингенъ», произнесъ приличную случаю рѣчь. Рѣчь эта довольно блѣдна въ сравненіи съ тѣмъ, что говорилось и писалось о Шекспирѣ Гердеромъ, Гёте и Ленцемъ. Въ ней только характерно заявленіе, что страсбургское «общество» избрало себѣ «четырехъ патроновъ покровителей», «безхитростныхъ учениковъ безхитростной природы», «ея любимцевъ»: «святую поэзію, прежде всего, нашего *Шекспира* и бардовъ отдаленныхъ временъ *Оссіана* и *Гомера*» [46]).

*) „Love's labours lost“ Шекспира.

Личные вкусы Зальцманна, повидимому, перетягивали въ сторону вопросовъ скорѣе философско-нравственнаго, чѣмъ литературнаго содержанія. Таковы были его собственные рефераты въ обществѣ, изданные позже (въ 1776 г.) подъ загл. «Kurze Abhandlungen»: 1) О дѣйствіяхъ благодати, 2) О любви, 3) О мщеніи, 4) О добродѣтеляхъ и порокахъ, 5) О душевныхъ волненіяхъ, склонностяхъ и страстяхъ, 6) О религіи. Въ рукописи остались еще три его реферата: 1) О справедливости, 2) Объ общественномъ благополучіи, 3) О бракѣ [117]. Статьи эти, написанныя во вкусѣ популярной философіи XVIII в., восхищали многихъ, въ томъ числѣ отца и мать Гёте [118]. Зальцманнъ старается соединить оптимизмъ Лейбница съ идеями Ж. Ж. Руссо, пользуясь послѣдними осторожно и обдуманно [119].

Примѣромъ своимъ увлекъ Зальцманнъ и Ленца. Этимъ объясняется значительное мѣсто, удѣляемое въ ихъ перепискѣ философскимъ и богословскимъ вопросамъ, въ особенности въ письмахъ изъ Ландау, когда острый фазисъ любви Ленца къ Фридерикѣ, повидимому, уже миновалъ. По свидѣтельству Штёбера, при письмахъ находилось, кромѣ того, многочисленные листки съ замѣтками на философскія и богословскія темы, въ особенности о Лейбницѣ [120].

О своей философіи и способности къ философствованію Ленцъ былъ очень скромнаго мнѣнія. Въ письмахъ къ Зальцманну говоритъ онъ объ этомъ съ полною откровенностью. Свои философскія построенія онъ сравниваетъ съ мыльными пузырями или карточными домиками, которые быстро возникаютъ и быстро падаютъ. «Философъ — пишетъ онъ — погубленъ во мнѣ съ малолѣтства; я хватаюсь всегда за первую встрѣчную вѣроятность, которая бросается мнѣ въ глаза, а скромная и любезная «голая Истина» шмыгаетъ тихо за мою спину и закрываетъ мнѣ глаза. Длинная цѣпь идей, изъ которыхъ одна рождаетъ другую и т. д., пока, послѣ извѣстнаго промежутка времени, не находишь конечную идею и можешь радоваться достиженію цѣли — такая цѣпь кандалы для моей души» [121].

Это отвращеніе къ стройно-логическому мышленію, которое Ленцъ называетъ «кандалами духа», очень характерно для міросозерцанія «бурныхъ геніевъ», относившихся вообще къ философствованію презрительно. Такъ выражается и Ленцъ въ другомъ мѣстѣ: «Умозрѣніе есть только умозрѣніе; вздувается, какъ мыльный пузырь, и лопается,

льстить самолюбію, но не дѣлаетъ счастливымъ. Лучше было бы спокойно сложить крылья ума и оставаться внизу, вмѣсто того, чтобы, взлетѣвъ слишкомъ близко къ солнцу, растопить по каплѣ воскъ и низвергнуть съ воздушной высоты въ море нашъ бѣдный умъ, который по землѣ можетъ ходить такъ увѣренно и весело» [22]).

Отрицая умозрѣніе, Ленцъ готовъ даже хвастаться тѣмъ, что онъ не можетъ выдержать продолжительнаго напряженія мысли, направленной на одинъ предметъ: «Какъ я уже вамъ говорилъ, мои философскія размышленія не могутъ продолжаться болѣе двухъ-трехъ минутъ, иначе у меня начинаетъ болѣть голова. Но если я мимоходомъ пять, десять разъ затрону какую-нибудь идею и найду, что она все сидитъ у меня въ головѣ и нравится мнѣ все болѣе и болѣе, то я принимаю ее за истину, и мое чувство руководитъ мною въ такомъ случаѣ вѣрнѣе, чѣмъ мои умозаключенія» [23]).

Итакъ, чувство ставится Ленцемъ выше ума, ощущенія выше мышленія. Такъ думали всѣ бурные геніи. И въ то же время въ религіозныхъ вопросахъ Ленцъ стоитъ на точкѣ зрѣнія раціоналистической теологіи и самъ употребляетъ ея методы изслѣдованія! Это одно изъ многочисленныхъ противорѣчій, свойственныхъ не одному Ленцу, но и всей его эпохѣ, въ которой мистицизмъ уживается рядомъ съ раціонализмомъ, а смѣлая критика существующаго идетъ рука объ руку съ преклоненіемъ передъ исконными и незыблемыми основами общества.

Въ самомъ началѣ періода «бури и натиска» въ религіозной жизни Германіи выдѣлялись два главныхъ направленія: *раціонализмъ* и *піэтизмъ*. Этотъ послѣдній первоначально былъ затронутъ идеями «Просвѣщенія» и, подобно раціонализму, возставалъ противъ недостатковъ окаменѣлой и деспотической лютеранской ортодоксіи. Но вскорѣ піэтизмъ разорвалъ съ раціонализмомъ, все болѣе и болѣе отдавая предпочтеніе въ области религіи чувству. Въ послѣдней трети XVIII вѣка оба направленія были склонны удариться въ крайности; раціонализмъ иногда переходилъ въ атеизмъ, піэтизмъ же погрузился въ туманъ средневѣковой мистики, приводилъ къ религіозной мечтательности и восторженности. Таковы Гаманнъ, Юнгъ-Штиллингъ, Фрицъ Якоби, Лафатеръ. Но лучшіе представители эпохи «бури и натиска», въ особенности Гёте и Гердеръ въ юности, принимали средній путь между обоими крайними направле-

ніями, стремились изъ элементовъ раціонализма и піэтизма создать новое цѣлое [124]).

Посмотримъ, каково было отношеніе Ленца къ религіи.

Мы уже знаемъ, что Ленцъ выросъ въ сферѣ лютеранской ортодоксіи и піэтизма. Религіозно-піэтистическимъ духомъ запечатлѣны, какъ мы видѣли, всѣ его первыя произведенія до 1769 года включительно. Къ вліяніямъ родной пасторской семьи и ближайшей обстановки присоединялись художественныя впечатлѣнія отъ религіозной поэзіи Юнга и Клопштока. Студентомъ теологіи состоялъ Ленцъ въ Кенигсбергѣ три года. Но здѣсь и въ первые годы по пріѣздѣ въ Страсбургъ онъ переживаетъ періодъ сомнѣній и колебаній. Изъ нихъ выходитъ онъ въ концѣ 1772 г., какъ видно изъ его письма къ Зальцманну [125]), но не для того, чтобы вернуться къ ортодоксіи своихъ юныхъ лѣтъ. Свое новое религіозное міросозерцаніе онъ хорошо опредѣляетъ самъ, называя себя «хорошимъ евангельскимъ христіаниномъ, но отнюдь не ортодоксальнымъ лютераниномъ». Онъ увлекается теперь раціоналистическими воззрѣніями на религію.

Историки отличаютъ три группы среди нѣмецкихъ раціоналистовъ XVIII вѣка [126]).

Первая группа, главой который былъ Баумгартенъ, еще стояла вполнѣ на почвѣ лютеровской догмы. Вѣяніе раціоналистическаго духа едва коснулось ея и выразилось лишь въ томъ, что она допускала изученіе и объясненіе библейскаго текста также и съ точки зрѣнія свѣтской филологіи, не стѣсняясь догматическими оковами.

Вторая группа оспариваетъ непогрѣшимость церковной догмы, но еще твердо держится за откровеніе. Эта группа стоитъ на точкѣ зрѣнія такъ-называемой «естественной» или «разумной» религіи (Naturreligion, Vernunftreligion), обоснованной Локкомъ и первыми англійскими свободными мыслителями, какъ Коллинзъ, Шефтсбэри и Тиндаль.

Третья группа стояла уже на исключительно раціоналистической точкѣ зрѣнія и совершенно отрицала откровеніе. Сочиненіе главы этой школы въ Германіи, Реймаруса, было напечатано только въ 1774—1777 гг. (Лессингомъ въ Beiträge zur Geschichte der Litteratur); слѣдовательно, въ 1772 году, когда Ленцъ переписывался съ

Зальцманномъ по богословско-нравственнымъ вопросамъ; третьей, раціоналистической школы въ Германіи почти еще не существовало.

Въ указанное время (начало 70-хъ годовъ) наибольшимъ успѣхомъ въ образованныхъ кругахъ Германіи пользовалась упомянутая вторая группа, во главѣ которой стояли Закъ, Шпальдингъ и Ерузалемъ. Въ ея духѣ написана книга родственника гётевской семьи Лёна «Die einzig wahre Religion» (1750), выражавшая, по словамъ Гетнера, profession de foi «средняго» человѣка того времени [127].

Письма къ Зальцманну показываютъ, что Ленцъ симпатизировалъ взглядамъ именно этой второй, умѣренно-раціоналистической группы нѣмецкихъ теологовъ. Онъ восхищается книгой Шпальдинга «Vom Werth der Gefühle im Christenthum» [128]) и часто слѣдуетъ за нимъ въ собственныхъ разсужденіяхъ. Чтимый имъ Шпальдингъ самъ вдохновлялся сочиненіями извѣстнаго англійскаго мыслителя Шефтсбэри, который еще въ юности поразилъ его «своимъ возвышеннымъ платонизмомъ и своимъ ученіемъ о нравственномъ чувствѣ и о безкорыстіи добродѣтели». Свою литературную дѣятельность Шпальдингъ началъ съ перевода разсужденія Шефтсбэри о добродѣтели. Всѣ другія его сочиненія, въ томъ числѣ и упомянутое выше, такъ восхищавшее Ленца (1661 г.), и въ формѣ своей, и въ содержаніи обнаруживаютъ постоянное вліяніе того же Шефтсбэри [129]).

Стоя подъ вліяніемъ Шпальдинга въ рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ, которые онъ затрогиваетъ въ перепискѣ съ Зальцманномъ, Ленцъ обнаруживаетъ и непосредственное, повидимому, знакомство съ философіей Шефтсбэри, называя «красоту» своей любимой идеей, къ которой онъ старается свести всѣ другія [130]).

Усвоивъ себѣ основные взгляды раціоналистовъ умѣреннаго направленія, Ленцъ въ то же время отличается отъ нихъ напряженностью религіознаго чувства, заложеннаго въ его душу впечатлѣніями дѣтскихъ лѣтъ и поддержаннаго новымъ культурнымъ теченіемъ, наиболѣе полнымъ выразителемъ котораго явился Руссо. Его «Исповѣдь савойскаго священника» оставила глубокіе слѣды въ сердцѣ Ленца. Не прошло для него незамѣченнымъ также и то обстоятельство, что Руссо особенно выдвигалъ на первый планъ личность Божественнаго основателя христіанства [131]). Ученіе и жизнь Іисуса Христа становятся любимой темой религіозныхъ разсужденій Ленца. Знакомство съ сочиненіями Лафатера, религія котораго куль-

—

минировала въ экзальтированно-мистическомъ богопочитаніи Спасителя, а также личное знакомство съ цюрихскимъ «пророкомъ» (въ 1774 г.)—поддерживаютъ Ленца въ этомъ направленіи [132].

Усиленіе религіозности было однимъ изъ важныхъ проявленій реакціи чувства. Ни у одного изъ «бурныхъ геніевъ» эта религіозность не выразилась такъ сильно, какъ у Ленца, который превосходилъ ихъ всѣхъ, исключая Гердера, и интересомъ къ богословскимъ вопросамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, у Ленца, какъ и его товарищей, мы замѣчаемъ стремленіе къ полной вѣротерпимости, завѣщанной имъ эпохой просвѣщенія. Терпимость къ чужой вѣрѣ у нихъ основывается на принципѣ индивидуализма. Пославъ Зальцманну исповѣданіе своей вѣры, Ленцъ замѣчаетъ: «Вотъ вамъ мои очки,—ваши превосходны, но въ нихъ я ничего не вижу, такъ какъ вы и я — особенные индивидуумы», а въ природѣ «нѣтъ полнаго сходства» [133]. Подобное же приложеніе принципа индивидуализма къ вопросамъ религіознымъ находимъ мы и у молодого Гёте во время его жизни въ Страсбургѣ [134].

Въ обоихъ случаяхъ религія сводится главнымъ образомъ къ морали.

Въ зальцманновскомъ кружкѣ Ленцъ читалъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Versuch über das erste Prinzipium der Moral». Онъ опредѣляетъ мораль, какъ ученіе о назначеніи человѣка и о истинномъ употребленіи его свободной воли для достиженія этого назначенія [135]. Эта мораль должна покоиться на опредѣленныхъ, твердо установленныхъ и непоколебимыхъ основахъ.

«Каковы же первые принципы морали, на которыхъ мы можемъ построить истинную и прочную систему ея?» спрашиваетъ Ленцъ и отвѣчаетъ: «На это отвѣтитъ намъ наше сердце, въ которое природою вложены два основныхъ стремленія: стремленіе къ совершенству (der Trieb nach Vollkommenheit) и стремленіе къ блаженству (der Trieb nach Glückseligkeit). Эти послѣднія и должны быть «двумя ногами, на которыя мы поставимъ тѣло нашей морали» [136].

Совершенство есть свойство, блаженство — состояніе. Состояніе же бываетъ двоякаго рода: покой или движеніе. Какое же изъ этихъ состояній можетъ считаться счастливѣйшимъ? Не состояніе покоя, какъ думаетъ Руссо, а состояніе движенія. Только послѣднее наиболѣе приличествуетъ существу, которое обладаетъ природнымъ

стремленіемъ къ непрерывному совершенствованію, къ болѣе и болѣе широкому развитію своихъ способностей. Счастливѣйшимъ для человѣка нужно считать такое состояніе, при которомъ наши внѣшнія обстоятельства и отношенія такъ сочетаются, чтобы намъ открывалось обширнѣйшее поприще для совершенствованія нашихъ способностей и проявленія ихъ передъ другими. Въ чемъ состоитъ величайшее наслажденіе, какъ не въ величайшемъ самочувствіи нашего существованія, нашихъ способностей, нашего я? [137]).

Блаженствомъ даритъ насъ Богъ по мѣрѣ нашего совершенства, то-есть, нашего стремленія къ совершенству. Лучшимъ же средствомъ для развитія нашихъ способностей и для нашего совершенствованія является «постоянная, бдительная и дѣятельная забота», чтобы сдѣлать счастливыми окружающихъ насъ людей, нашихъ ближнихъ. «Блаженство ваше предоставьте Господу, создавшему міръ, сами же вы стремитесь единственно къ тому, чтобы вамъ дѣлаться *лучше* и окружающихъ васъ ближнихъ дѣлать не только *лучше*, но и счастливѣе!»

Предписанія морали, извлекаемой изъ природныхъ побужденій человѣческаго сердца, подкрѣпляются указаніями религіи. Ленцъ не согласенъ съ тѣми, которые дѣлаютъ различіе между «естественной» и «теологической» моралью. «Библія дана намъ не для того, чтобы научить насъ новой морали, но лишь для того, чтобы бросить новый свѣтъ на ту единственную и вѣчную мораль, которую перстъ Божій начерталъ въ нашемъ сердцѣ» [138]).

Статья Ленца «объ основахъ морали» показываетъ, что подобно другимъ штюрмерамъ, онъ думалъ обосновать мораль на природныхъ стремленіяхъ человѣческой души и вмѣстѣ съ тѣмъ согласовать ее съ требованіями христіанской религіи.

Для чтенія въ Зальцманновскомъ предназначались также напечатанная Штöберомъ статья Ленца: «Ueber: «Entwurf eines Briefes an einen Freund der auf Academieen Theologie studirt», а также оставшіяся въ рукописяхъ: статья «Ueber die Natur unsers Geistes» и отрывокъ «Meine wahre Psychologie» [139]).

Первая статья посвящена вопросу о свободѣ воли, при чемъ Ленцъ отличаетъ «метафизическую» свободу воли отъ «моральной».

«Метафизическая свобода существовала бы въ томъ случаѣ, если бы какое-нибудь конечное или сотворенное существо могло мыслить

и дѣйствовать, не подчиняясь тѣмъ вѣковѣчнымъ и неизбѣжнымъ законамъ, которые Творецъ опредѣлилъ для мыслящихъ и дѣйствующихъ существъ». Такая свобода, конечно, невозможна. Человѣка нельзя разсматривать внѣ условій его земного существованія. «Кто отрицаетъ зависимость человѣка отъ природы, тотъ никогда не имѣлъ настоящаго понятія о немъ». Природа творитъ свое дѣло, ничуть не безпокоясь ни о насъ, ни о нашей нравственности. Попробуйте освободиться отъ этой зависимости, поститесь, будьте цѣломудренны, и вы увидите, что чѣмъ болѣе вы будете употреблять усилій противиться естественнымъ импульсамъ, тѣмъ болѣе вы можете ихъ уменьшить, но отказаться совершенно отъ ихъ господства, освободиться отъ нихъ совершенно вы въ состояніи такъ же мало, какъ можетъ растеніе, прикрѣпленное къ почвѣ, танцовать на ней».

Что же такое «моральная» свобода? «Она есть не что иное, какъ усиліе, которое мы должны употребить, чтобы противостоять природнымъ побужденіямъ, согласно всегдашнимъ требованіямъ нашего крайняго разумѣнія и нашего положенія. Слѣдовательно, морально мы можемъ становиться все свободнѣе и своевольнѣе». Тѣмъ не менѣе, противопоставляя наши силы силамъ противодѣйствующимъ, мы все же остаемся подъ властью вѣчныхъ, необходимыхъ Божественныхъ законовъ [140]).

Черезъ всѣ подобныя статьи Ленца красною нитью проходитъ высокое представленіе о человѣческой личности и ея правахъ. Каждый человѣкъ, разсуждаетъ Ленцъ въ неизданной статьѣ «Ueber die Natur unsers Geistes» *), съ колыбели чувствуетъ «пламенное желаніе» быть существомъ самостоятельнымъ и ни отъ кого независящимъ. Между тѣмъ на каждомъ шагу ему приходится убѣждаться, что онъ находится подъ властью природы и стеченія случайныхъ обстоятельствъ. Напрасны стремленія убѣдить себя въ противномъ, обманывать себя гордою мыслью, будто то или другое достигнуто самими нами, а не дѣйствіемъ природы и обстоятельствъ. Тѣмъ не менѣе человѣческому духу свойственно стремленіе выработать въ себѣ такую самостоятельность, выдѣлить себя изъ массы созданія и сдѣлаться существомъ независимымъ («ein für sich bestehendes Wesen»). Этого мы стараемся достигнуть двумя путеми: мыш-

---

*) См. Приложеніе С. III (*По рукописи Королевской Библіотеки въ Берлинѣ*).

леніемъ и дѣйствіемъ, при чемъ второй путь является наиболѣе дѣйствительнымъ.

Ленцъ высоко цѣнитъ моральную свободу человѣка и требуетъ, чтобы она была употреблена на совершенствованіе своей личности, на всестороннее развитіе вложенныхъ въ нее отъ природы способностей. Нравственное совершенство даетъ человѣку громадную силу. Чѣмъ болѣе освобождаемся мы отъ оковъ чувственности, «тѣмъ выше, сильнѣе и благороднѣе мы становимся, то-есть тѣмъ возвышеннѣе, сильнѣе и благороднѣе становятся наши рѣшенія и сопровождающія ихъ дѣйствія, тѣмъ болѣе мы, герои, полубоги, Геркулесы, приближаемся къ божеству и становимся достойными его» *).

Не въ мышленіи, а въ дѣйствіи особенно проявляется самостоятельность человѣка, а потому надо много дѣйствовать, чтобы быть самостоятельнымъ **).

Значительный свѣтъ на внутренній міръ Ленца бросаетъ его обширная рукопись, о содержаніи которой до сихъ поръ ничего не было извѣстно въ печати. Она не имѣетъ заглавія, но въ разныхъ мѣстахъ текста Ленцъ называетъ ее то своимъ «катехизисомъ», то своими «жизненными правилами». Подъ этимъ послѣднимъ заглавіемъ (Meine Lebensregeln) мы и печатаемъ извлеченіе изъ нея въ приложеніи С.II, по рукописи Берлинской библіотеки. Наполовину она теологическаго (эту часть мы опускаемъ), на половину моральнаго содержанія и тѣсно примыкаетъ къ упомянутымъ вопросамъ, которые затрагивалъ Ленцъ въ перепискѣ съ Зальцманномъ (1772 г.) и въ чтеніяхъ въ зальцманновскомъ обществѣ. Разсмотрѣніе бумаги, на которой написана рукопись, заставляетъ насъ также отнести ее къ первымъ годамъ пребыванія Ленца въ Эльзасѣ (1771—1773 ***). Кромѣ того, въ рукописи на каждомъ шагу чувствуется еще очень молодой человѣкъ, находящійся въ періодѣ юношескаго самоуглубленія и самоопредѣленія и выработки своего отношенія къ ближайшимъ вопросамъ жизни.

«Самоусовершенствованіе нравственное» —вотъ общая мысль, объединяющая различныя темы его рукописи, изложенной въ катехизи-

---

*) По рукописи № 223 Королевской Библіотеки въ Берлинѣ („Meine wahre Psychologie“ etc).

**) См. Приложеніе С. III.

ческой формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Горячо ополчаясь за права индивидуума, за возможность удовлетворенія всѣхъ его запросовъ, Ленцъ въ то же время задумывается надъ тѣмъ, какъ избѣжать разнузданности страстей и какъ удержать эти страсти въ достойныхъ человѣка, неунижающихъ его границахъ.

Прежде всего Ленцъ касается вопроса о брачныхъ отношеніяхъ, который онъ затрагивалъ и во многихъ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Идя вслѣдъ за Руссо, который въ «Новой Элоизѣ» выступилъ краснорѣчивымъ заступникомъ святости семейнаго очага и чистоты супружескихъ отношеній, Ленцъ постоянно вооружается противъ современной ему распущенности и высказываетъ болѣе возвышенный взглядъ на любовь и бракъ, чѣмъ тотъ, который проповѣдовали приверженцы эпикурейской морали. Только истинная и чистая симпатія душъ въ мужчинѣ и женщинѣ дѣлаетъ бракъ хорошимъ съ нравственной точки зрѣнія — говоритъ онъ въ первомъ изъ напечатанныхъ ниже вопросовъ его исповѣди *). По меньшей мѣрѣ, между брачующимися должна существовать «истинная дружественная склонность».

Эта любовь должна быть чистой и не переходить преждевременно въ бурную страстность, «возстающую противъ разсудка, порядка и Бога». Противъ нея указываетъ Ленцъ рядъ противоядій (Ibid. § 2). Онъ печалуется, что современное общество и современная литература дѣйствуютъ на человѣка часто развращающимъ образомъ. Въ изобличеніи «нѣкоторыхъ писателей, срывающихъ цѣломудренное покрывало съ иныхъ тайнъ», нельзя не видѣть намека на Виланда, противъ котораго, какъ «развратителя нравовъ» вскорѣ молодая партія «бури и натиска» выступила открыто, имѣя во главѣ Гете (§ 3).

Истинная вѣра и примѣръ Христа должны поддерживать человѣка въ стремленіи къ нравственному совершенству. Первый шагъ къ послѣднему — чистая любовь, свободная отъ чувственныхъ вожделѣній, а второй — «смиреніе сердца». Весь § 6 Ленцъ посвящаетъ проповѣди смиренія (ср. также § 12), которая является большою неожиданностью въ устахъ одного изъ тѣхъ «титановъ» и «геніевъ», которые, исполненные вѣры въ свою силу, готовы были, казалось,

*) См. Приложеніе С. II, § 1.

уподобиться Прометею. Самомнѣніе, тщеславіе и гордость клеймятся, какъ опасные пороки. Худшимъ видомъ гордости Ленцъ считаетъ тотъ случай, когда не только безмѣрно возвышаютъ свое достоинство, но и безмѣрно унижаютъ достоинство другихъ. Изъ такого человѣка будь онъ бюргеръ, писатель или ученый, вырабатывается «притѣснитель и тиранъ». Дѣйствія такого рода гордости особенно печальны въ людяхъ, претендующихъ на особое благочестіе и готовыхъ въ силу этого всѣхъ осуждать, зачислять въ еретики и сжигать. (§ 7). Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть вылазки противъ піэтистовъ, которымъ достается и въ комедіи Ленца «Новый Меноза».

Третьимъ шагомъ къ нравственному совершенству должно быть «безкорыстіе или равнодушіе къ богатству и земнымъ благамъ—въ сравненіи съ духовными выгодами и преимуществами» (§ 8). Въ данномъ случаѣ слова Ленца ничуть не расходились съ его поведеніемъ. Бездомный скиталецъ въ жизни, крайне неприхотливый и безкорыстный, онъ и въ этой интимной исповѣди проповѣдуетъ «умѣренность во всѣхъ нашихъ потребностяхъ, до потребностей тѣла включительно, которое должно довольствоваться тою пищею и одеждою, которыя оно имѣетъ, какъ бы плохи онѣ ни были, а остальное, что даруетъ ему Богъ, мы должны признавать съ благодарностью за его милость, но никогда этимъ не наслаждаться неумѣренно» (§ 11). Ленцъ доходитъ даже до того, что требуетъ готовности обойтись при случаѣ безъ воды и хлѣба! (§ 13). Проповѣдуя крайнюю умѣренность въ пищѣ и питьѣ и воздержаніе отъ всего излишняго, онъ даже рекомендуетъ «худшее блюдо предпочитать лучшему, такъ какъ это дѣлаетъ духъ крѣпкимъ и препятствуетъ неумѣренности» (§ 17). Онъ даже осуждаетъ употребленіе табака и вина (§ 14). Свои «правила жизни» Ленцъ оканчиваетъ словами настоящаго аскета: «Вообще хорошо умерщвлять и распинать свою плоть, чтобы возрастить и образовать духъ». О первой мы должны заботиться только въ томъ случаѣ, если замѣтимъ слѣды явнаго уменьшенія нашихъ физическихъ силъ, которое показываетъ, что онѣ не могутъ угоняться за духомъ (§ 18). Что идея умерщвленія плоти не является у Ленца случайностью, видно изъ письма Гердера къ нему *). Здѣсь выраженіе Гердера: «если хотите распинать свою пышную плоть» было,

---

*) См. приложеніе В. № 5. *(По рукописи Королевской библіотеки въ Берлинѣ).*

конечно, шутливымъ отголоскомъ серьезныхъ бесѣдъ Ленца на подобную тему.

Всѣ силы человѣка, по его словамъ, должны быть направлены на непрестанное усовершенствованіе нашего духа, который является въ насъ «дѣятельной силой». «Дѣйствовать, быть дѣятельнымъ душею и тѣломъ»—таково наше главное назначеніе—говоритъ Ленцъ, переходя снова въ настроеніе «бурнаго генія» (§ 16).

Въ этой исповѣди прекрасно отражается душевная борьба, которую испытывалъ Ленцъ-юноша, поставленный между строгими нравственными требованіями, усвоенными въ домѣ его отца, и новыми идеями о свободѣ личности, страстей и т. д. Здѣсь онъ также старается избрать средній примиряющій путь, какъ и въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ.

И такъ, первые годы пребыванія Ленца въ Эльзасѣ (1771—1773) были временемъ выработки въ немъ новаго міросозерцанія. Стоя на перепутьи, Ленцъ, прежде чѣмъ пойти окончательно впередъ, часто оглядывается назадъ и не покидаетъ богословскихъ занятій. Этотъ періодъ философско-нравственныхъ интересовъ сглаживается у него въ 1774 г. Успѣхъ его литературныхъ произведеній, вышедшихъ въ этомъ году, заставляетъ его уже всецѣло предаться литературѣ и непосредственно связаннымъ съ нею вопросамъ. Правда, въ 1775 г. появляются въ печати его «Meynungen eines Layen», но написаны они были, несомнѣнно, ранѣе [42]). При жизни Ленца было напечатано, въ 1780 г., еще одно его сочиненіе подобнаго характера подъ заглавіемъ «Philosophische Vorlesungen für empfindsame Seelen». Но здѣсь мы имѣемъ дѣло опять-таки съ гораздо болѣе ранней работой Ленца, о чемъ свидѣтельствуютъ часть этого сочиненія, сохранившаяся въ Берлинѣ (Рукоп. № 230 Supplement zur Abhandlung vor acht Tagen). Онѣ написаны на совершенно такой же бумагѣ, какъ и первая группа рукописей Ленца, которую мы относимъ къ 1771 — 1773. Статьи, вошедшія, въ «Philosophische Vorlesungen», врядъ ли могли быть написаны позже 1771—1774 годовъ [43]).

Заканчивая очеркъ жизни и дѣятельности Ленца въ первые годы пребыванія его въ Эльзасѣ, мы должны указать на нѣкоторыя знаменательныя явленія литературы этихъ лѣтъ.

Въ 1772 году во Франкфуртѣ сталъ издаваться журналъ «Gelehrte Anzeigen», при ближайшемъ участіи Гёте и Гердера и подъ

редакторствомъ гётевскаго друга Мерка. Журналъ этотъ вскорѣ сдѣлался главнымъ органомъ молодой партіи «бури и натиска» и съ восторгомъ привѣтствовалъ первыя произведенія Ленца, напечатанныя въ 1774 году. Къ тому же 1772 году относится знаменитая статья Гердера «О происхожденіи языка», которою онъ положилъ основаніе философіи языка [14]).

Слѣдующій годъ былъ еще богаче важными литературными событіями. Въ маѣ появилась небольшая книжка подъ заглавіемъ «Von deutscher Art und Kunst», гдѣ были соединены статьи Гердера, Гёте и историка Мёзера. Первый говорилъ съ восторгомъ о Шекспирѣ, Оссіанѣ и народной пѣснѣ, второй выражалъ восхищеніе страсбургскимъ соборомъ, какъ памятникомъ истинно-нѣмецкаго старинннаго искусства, третій идеализировалъ прошедшее Германіи. Книжка явилась манифестомъ, которымъ впервые заявляла о себѣ громогласно «молодая Германія». А черезъ мѣсяцъ «Гецъ фонъ Берлихингенъ» Гёте заставилъ всѣхъ убѣдиться, какими блестящими талантами она обладала.

Наряду съ этимъ рейнскимъ кружкомъ «бурныхъ геніевъ», заявилъ себя въ 1773 году и близкій къ нему по настроенію геттингенскій кружокъ, такъ называемый «Hainbund», въ составъ котораго входили Бюргеръ, Фоссъ, два графа Штольбергъ, Бойе, Миллеръ, Гёльти и др. Всѣ они были страстными поклонниками Клопштока, личность котораго являлась для нихъ предметомъ настоящаго культа (см. ниже гл. X). «Ленора» Бюргера выказала ихъ пристрастіе къ англійской народной поэзіи.

Нельзя обойти молчаніемъ еще одной книги, появившейся въ томъ же году,—во Франціи. Это было сочиненіе Себастьяна Мерсье «Nouvel essai sur l'art dramatique», принятое съ восторгомъ партіей «бури и натиска».

Съ литературными идеями этого французскаго «бурнаго генія» намъ необходимо познакомиться нѣсколько подробнѣе.

ГЛАВА V.

Французская попытка литературной реформы.

Elargissez l'art!

Mercier.

Въ 1771 г., за восемнадцать лѣтъ до взрыва великой французской революціи, въ Парижѣ, въ числѣ многихъ другихъ литературныхъ новинокъ, появилась также и отпечатанная въ Голландіи книга подъ загадочнымъ и страннымъ заглавіемъ: «L'an deux mille quatre cent quarante» («Двѣ тысячи четыреста сороковой годъ»[1]). Это было сочиненіе на старую, но вѣчно юную тему объ идеальнѣйшемъ устройствѣ человѣческаго общества, о грядущемъ золотомъ вѣкѣ, призванномъ уврачевать всѣ соціальныя раны, устранить всякое неравенство въ пользованіи земными благами и сдѣлать людей счастливыми,—на тему, надъ которою уже давно задумывались многіе выдающіеся мыслители, ученые и поэты, начиная съ Платона, написавшаго «Республику», и Томаса Мора, автора знаменитой «Утопіи».

Отъ всѣхъ подобныхъ благихъ мечтаній новая французская Утопія отличалась бо́льшей практичностью, бо́льшею близостью къ непосредственной дѣйствительности; вопреки заглавію, переносившему читателя почти за тысячелѣтіе впередъ, авторъ не заглядывалъ въ слишкомъ отдаленное будущее и не удалялся отъ тѣхъ «злобъ дня», которыя волновали парижское населеніе незадолго до революціи. Какъ въ фокусѣ было здѣсь собрано и сосредоточено все, что дала литература «Просвѣщенія» по вопросу о политическомъ, общественномъ и умственномъ обновленіи Франціи. Книга не только подводила итогъ всѣмъ реформаторскимъ стремленіямъ эпохи, не только дѣлала практическое приложеніе изъ ученія модныхъ оракуловъ просвѣтительнаго вѣка вообще и Руссо въ особенности, но и не оста-

навливалась передъ новыми, для многихъ неожиданными выводами изъ этихъ идей. Въ бойкой фельетонной формѣ, чередуя негодующій паѳосъ съ сентиментальной декламаціей, талантливый авторъ гонялъ сквозь строй своего сарказма одно за другимъ всѣ отрицательныя явленія окружающей жизни, всѣ вопіющія несообразности общественныхъ отношеній и не оставлялъ камня на камнѣ въ зданіи «стараго порядка» (ancien régime). Рѣзкая сатира всего существующаго — отъ высшихъ вопросовъ политики до покроя платья— сопровождалась широко набросанной картиной идеальной жизни при новыхъ вожделѣнныхъ порядкахъ.

Появившись въ годъ нѣкотораго политическаго возбужденія (1771), вызваннаго реакціонными мѣропріятіями канцлера Мопу, который заправлялъ тогда судьбами страны [1]), этотъ смѣлый памфлетъ подлилъ масла въ огонь. Книгу постигло строжайшее запрещеніе, что, однако, не помѣшало ей, по свидѣтельству Correspondance littéraire Гримма, читаться нарасхватъ [2]). Не меньшій успѣхъ выпалъ на ея долю и за предѣлами Франціи, при чемъ все закоснѣлое въ средневѣковыхъ понятіяхъ осыпало ее проклятіями, а все молодое и жаждавшее соціальнаго обновленія встрѣчало съ восторгомъ. Въ Испаніи она удостоилась вниманія Великаго инквизитора Don-Felipe-Bertran, архіепископа Саламанскаго, пригрозившаго отлученіемъ отъ церкви и штрафомъ въ двѣсти золотыхъ дукатовъ за чтеніе или распространеніе этого «безбожнаго, безсмысленнаго и святотатственнаго» сочиненія, подлежавшаго сожженію рукою палача [4]). Эта съ испанской точки зрѣнія, «зачумленная» книга («pestilencial libro») не замедлила появиться въ англійскомъ и нѣмецкомъ переводахъ, въ сопровожденіи самой лестной рекомендаціи со стороны издателей, которые горячо привѣтствовали автора, какъ «друга добродѣтели и свободы, сердце котораго пылаетъ горячею любовью къ справедливости, благу ближнихъ, добрымъ нравамъ и счастью всего человѣчества» [5]). Сочиненіемъ этимъ зачитывались нѣмецкіе «бурные геніи», видѣвшіе въ немъ настоящее «откровеніе», полную программу идеальнаго переустройства человѣческаго общества [6]), а пылкій Шубартъ называлъ автора этой, по его выраженію, «золотой» книги своимъ «любимымъ философомъ» [7]).

Надѣлавшее столько шуму въ Европѣ сочиненіе принадлежало перу молодого и малоизвѣстнаго до тѣхъ поръ писателя, Луи Се-

бастьяна Мерсье, который, такимъ образомъ, подобно Байрону, послѣ колоссальнаго успѣха его сатиры «Англійскіе барды и шотландскіе критики», могъ сказать о себѣ, что заснувъ однажды простымъ смертнымъ, онъ проснулся знаменитостью.

Мерсье—одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ писателей XVIII вѣка, богатаго самородными дарованіями, а «Двѣ тысячи четыреста сороковой годъ» едва ли не самое характерное и оригинальное изъ его многочисленныхъ и крайне разнообразныхъ сочиненій. Здѣсь начертана программа его литературной дѣятельности, здѣсь выражены уже главныя воззрѣнія этого бурнаго и стремительнаго ученика Руссо, мѣтко прозваннаго «прирожденнымъ революціонеромъ» («révolutionnaire inné»); это profession de foi, изъ котораго выросли всѣ другія его сочиненія, превосходно отражающія настроеніе предреволюціонной Франціи и охватившее ее умственное и общественное броженіе; здѣсь ключъ къ пониманію его личности и творчества.

Уроженецъ Парижа, Мерсье принадлежалъ къ тому поколѣнію, которое, воспитавшись на сочиненіяхъ Вольтера, энциклопедистовъ и въ особенности Руссо, призвано было провести въ жизнь главныя идеи этихъ апостоловъ «вѣка разума» и вынесло на своихъ плечахъ революцію. Это было поколѣніе смѣлое и настойчивое въ достиженіи своихъ цѣлей, проникнутое наивно-сентиментальнымъ настроеніемъ, но чуждое сомнѣній и колебаній, чуждое болѣзненной рефлексіи. Такимъ же прямолинейнымъ человѣкомъ, неуклонно пытавшимся осуществить то, что ему казалось выпавшей на его долю жизненной задачей—былъ Мерсье. Поэтому литературное наслѣдіе Мерсье производитъ впечатлѣніе удивительной цѣльности и законченности: все получаетъ у него своеобразную окраску, пройдя сквозь призму его излюбленныхъ идей. Эти сочиненія даютъ ему право называться «истиннымъ пророкомъ революціи» («le véritable prophète de la révolution»). Такъ называлъ себя самъ Мерсье, не обладавшій похвальною скромностью замалчивать свои заслуги, такъ называли его и другіе [1]).

Революціонеръ въ политикѣ, Мерсье былъ революціонеромъ и въ области литературы, гдѣ тоже господствовалъ своего рода ancien régime. Сдѣлавъ въ первомъ памфлетѣ рядъ вылазокъ противъ «стараго порядка» литературнаго, Мерсье черезъ два года, въ 1773 г. напечаталъ «Новый опытъ о драматическомъ искусствѣ», гдѣ высказалъ

свой взглядъ на положеніе литературы и необходимыя въ ней преобразованія [9]).

Вопросъ о литературной реформѣ красною нитью проходитъ черезъ всѣ его сочиненія. Его попытка произвести полный переворотъ въ области литературы, свергнуть иго ложноклассицизма и проложить дорогу реальному изображенію дѣйствительности—явленіе въ высшей степени знаменательное. Припомнимъ, что XVIII вѣкъ во Франціи, подвергшій неумолимой критикѣ всѣ основы прежней жизни и прежняго міросозерцанія, былъ довольно консервативенъ въ области литературы, продолжавшей удерживать существенныя черты устарѣлаго ложноклассицизма. Безпощадный Вольтеръ, смѣлый и рѣшительный чуть не во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія, становился робкимъ и черезчуръ умѣреннымъ, лишь только заходила рѣчь о преобразованіяхъ въ области литературы [10]). Сдѣлавъ въ молодости попытку ввести Шекспира во Францію, впослѣдствіи онъ вполнѣ примирился съ затхлою неподвижностью ложноклассическаго театра, благоговѣлъ передъ Буало и Расиномъ и ополчался противъ всякихъ литературныхъ новшествъ.

Между тѣмъ вопросъ о литературной реформѣ уже подготовлялся и выходилъ на очередь, въ особенности подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе расширявшагося знакомства съ англійскими писателями, которое раскрывало совершенно новые горизонты.

И эта необходимость литературной реформы никѣмъ во Франціи XVIII в. такъ хорошо не сознавалась какъ Мерсье, однимъ изъ наиболѣе пылкихъ борцовъ за новое искусство. Никто не былъ смѣлѣе и проницательнѣе его въ этомъ отношеніи; никому не дано было предугадать въ такой степени будущіе пути искусства. Были и другіе писатели, которые мечтали о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ въ литературѣ, но ему одному грезится полная литературная реформа, совершенно новая постановка вопроса объ искусствѣ; онъ одинъ додумался до цѣлой системы, болѣе или менѣе стройной, посмотрѣлъ на вопросъ достаточно широко и глубоко.

Эта попытка заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія съ нашей стороны, что французскія исторіи литературы игнорируютъ заслуги Мерсье въ этомъ отношеніи и довольствуются повтореніемъ шаблонной и ненаучной характеристики этого писателя, унаслѣдованной отъ враждебныхъ ему критиковъ начала XIX-го столѣтія [11]).

Болѣе безпристрастное и тщательное разсмотрѣніе сочиненій Мерсье съ исторической точки зрѣнія приводитъ насъ къ нѣкоторымъ интереснымъ выводамъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, упускаются изъ виду.

Исходной точкой Мерсье въ его литературной реформѣ были его представленія объ искусствѣ и его задачахъ. Его идеи объ искусствѣ, разбросанныя въ различныхъ его сочиненіяхъ, тѣсно переплетаются съ его соціальными и политическими воззрѣніями и слегка напоминаютъ взгляды гр. Толстого, недавно изложенные имъ въ сочиненіи «Что такое искусство?»

Подобно нашему знаменитому писателю, Мерсье устраняетъ понятіе «красоты» и сущность искусства полагаетъ въ умѣніи художника заставить другихъ переиспытать тѣ чувства, которыя онъ испыталъ самъ. Художникъ, по словамъ Мерсье, «проводитъ черезъ душу другихъ тѣ чувствованія, которыя онъ испыталъ лично... Онъ былъ растроганъ самъ, и онъ трогаетъ другихъ; онъ плакалъ въ тиши кабинета, и онъ заставляетъ другихъ проливать слезы... Умилять, трогать, дѣйствовать непосредственно на человѣческое сердце, проникать его и наполнять живыми и глубокими чувствами: вотъ въ чемъ состоитъ искусство» [13]. Изъ признанія возможности сильнаго вліянія искусства на людей вполнѣ естественно проистекаетъ дѣленіе искусства на *хорошее* и *дурное*, сообразно съ нравственной и общественной высотой тѣхъ чувствъ, которыми оно, употребляя выраженіе гр. Толстого, «заражаетъ» читателя, слушателя или зрителя. Съ неменьшимъ энтузіазмомъ, чѣмъ гр. Толстой, нападалъ Мерсье на «дурное» искусство (а такимъ, въ его глазахъ, было господствующее искусство его времени) и выхвалялъ то «хорошее» искусство, которое, по его глубокому убѣжденію, было несомнѣннымъ дѣломъ будущаго. Хорошимъ же искусствомъ Мерсье считаетъ такое, которое оказываетъ благотворное нравственное вліяніе и способствуетъ укорененію истинно-общественныхъ инстинктовъ. Одна изъ цѣлей искусства по его мнѣнію: сближеніе людей на почвѣ взаимной любви и симпатій, отрѣшеніе отъ личнаго эгоизма и національныхъ предразсудковъ [14]). Припомнимъ, что и гр. Толстой называетъ искусство «великимъ средствомъ единенія и общенія людей между собою».

Признавая искусство великою соціальною силою, Мерсье требуетъ его общедоступности и мечтаетъ о его демократизаціи. Искусство должно существовать не для избранныхъ кружковъ немногихъ счастливцевъ, но для всего народа, для всѣхъ его слоевъ. Аристократическія тенденціи ложноклассицизма нигдѣ не подвергались такимъ яростнымъ нападкамъ, какъ на пламенныхъ и негодующихъ страницахъ «Новаго опыта о драматическомъ искусствѣ». Испорченному вкусу кучки такъ-наз. «знатоковъ» искусства, ведущихъ за собою всю аристократическую и салонную публику, Мерсье противопоставляетъ художественный тактъ всей націи, всего народа, впечатлѣнія котораго должны имѣть рѣшающее значеніе въ вопросахъ подобнаго рода [15]). Отъявленный врагъ салонной живописи, салонной поэзіи—Мерсье требуетъ избавленія искусства изъ оковъ узкосословнаго міросозерцанія и выведенія его на широкій путь общенародныхъ интересовъ, вопросовъ и симпатій [16]). Его воинственный кличъ: «Elargissez l'art!» Этотъ принципъ ведетъ за собою измѣненіе во взглядахъ на содержаніе искусства, на выборъ подлежащаго ему матеріала и способы обработки. Искусство должно сблизиться съ жизнью и считаться съ ея реальными и насущными задачами; оно должно изображать то, что находится у всѣхъ передъ глазами, и не отступать ни на шагъ отъ дѣйствительности [17]). Такъ Мерсье приходитъ къ требованію реализма въ искусствѣ и въ этомъ отношеніи далеко опережаетъ свое время и является предтечею современной реалистической школы.

Но чтобы искусство могло исполнить свое высокое назначеніе, оно прежде всего должно разбить тѣ цѣпи, которыми оно сковано, и стряхнуть съ себя иго рабства, подъ которымъ оно изнываетъ. Мерсье былъ однимъ изъ самыхъ талантливыхъ борцовъ за свободу искусства, за полную самостоятельность и самобытность художественнаго творчества. Въ самомъ началѣ своего литературнаго поприща, въ адемической рѣчи, произнесенной въ 1763 г. въ Бордо́, гдѣ онъ состоялъ одно время профессоромъ реторики [18]), онъ уже вполнѣ опредѣленно высказываетъ мысль, которая легла въ основу всѣхъ его попытокъ преобразованія драмы и театра. Это та самая мысль о свободѣ «генія» творить, повинуясь лишь своему внутреннему побужденію, которая кружила головы пылкимъ нѣмецкимъ юношамъ, встрѣтившимся въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія

въ Страсбургѣ и положившимъ первый камень новой литературы періода «бури и натиска». «Геній — говоритъ Мерсье — другъ свободы по преимуществу; всякій деспотизмъ ему невыносимъ и ужасенъ своими прихотями и нелѣпыми требованіями. Геній влюбленъ въ свою свободу и гордъ ею и чувствуетъ непреодолимое отвращеніе ко всему, что ее стѣсняетъ и оскорбляетъ» [19]). Художникъ долженъ «черпать свои правила только въ природѣ, безсмертной матери всѣхъ искусствъ, да въ импульсѣ собственнаго генія, всегда болѣе проницательнаго, чѣмъ посторонній умъ». «Эту важную истину» Мерсье хотѣлось бы «запечатлѣть въ сердцахъ молодыхъ людей», начинающихъ заниматься искусствомъ: «не подражая другимъ, геній создаетъ собственныя правила» [20]).

Мерсье безусловный сторонникъ свободы художника и непримиримый врагъ всякихъ правилъ. Всякій догматизмъ ему ненавистенъ, всякіе художественные и литературные каноны онъ считаетъ тяжелыми оковами, произвольно наложенными на творческую фантазію. «Мнѣ хотѣлось бы — говоритъ онъ — уничтожить эти недостойныя преграды, которыя останавливаютъ полетъ генія, возвратить ему первоначальную его свободу и его природную независимость» [21])

Итакъ, идеи Мерсье могутъ быть сведены къ тремъ основнымъ положеніямъ: 1) искусство должно быть соціальной силой и оказывать благотворное воздѣйствіе на общество, 2) искусство должно быть общедоступно и въ силу этого реалистично и 3) искусство должно быть свободно. Этими положеніями опредѣляются сущность и подробности той литературной реформы, за осуществленіе которой онъ энергично боролся всю жизнь.

Его принципъ «Elargissez l'art» находитъ себѣ и здѣсь полное примѣненіе. Рука объ руку съ принципомъ свободы поэта творить, повинуясь только своему вдохновенію, шла у Мерсье идея литературнаго космополитизма. Разбивая оковы ложноклассической поэтики, онъ въ то же время отрицалъ ту исключительность и узкость литературныхъ симпатій, которая господствовала во Франціи, ту нетерпимость ко всему чужеземному, которая не хотѣла принимать ничего, неподходящаго подъ излюбленные шаблоны. Если Руссо уже сдѣлалъ первые шаги по пути литературнаго космополитизма, вдохновляясь англійскими писателями [22]), то Мерсье пошелъ далѣе, еще болѣе раздвигая узкія рамки національности. Онъ понимаетъ, цѣ-

нитъ и любитъ не только англійскихъ, но и нѣмецкихъ и даже испанскихъ и итальянскихъ писателей. Врядъ ли можно указать другого писателя XVIII в. во Франціи, кругъ литературныхъ симпатій котораго былъ бы такъ широкъ. Онъ цѣнитъ Сервантеса, восхищается Дантомъ и переводитъ стихами эпизодъ о графѣ Уголино [23]), но всего болѣе восторгается англійской литературой: переводитъ Мильтона, преклоняется передъ Шекспиромъ, высоко ставитъ Ричардсона и Фильдинга, Юнга и Оссіана [24]).

Всего замѣчательнѣе его отношеніе къ Шекспиру, котораго онъ всегда называлъ своимъ любимѣйшимъ писателемъ. И никто во Франціи не относился съ бóльшимъ восторгомъ къ великому англійскому драматургу. Чтеніе «Тимона Аѳинскаго» услаждаетъ печальные дни его тюремнаго заключенія послѣ паденія жирондистовъ [25]), и ему доставляетъ большое удовольствіе обрабатывать драматическіе мотивы, затронутые Шекспиромъ [26]). Послѣдній, по его словамъ, настолько же превышаетъ другихъ драматическихъ поэтовъ, насколько храмъ св. Петра въ Римѣ выше другихъ церквей [27]). Мерсье постоянно сражался противъ Вольтеровскаго взгляда на Шекспира, какъ на «пьянаго дикаря» (Sauvage ivre) и «варвара». Дѣлая тщательный разборъ «Юлія Цезаря» и сравнивая его съ источниками, онъ доказываетъ всю нелѣпость подобныхъ воззрѣній [28]). Сопоставляя шекспировскую пьесу съ «Юліемъ Цезаремъ» Вольтера, онъ дѣлаетъ очевиднымъ все преимущество первой трагедіи [29]) и платитъ невольную дань удивленія генію «безсмертнаго поэта [30]), котораго считаетъ «своимъ учителемъ» въ искусствѣ и недосягаемымъ образцомъ поэтическаго совершенства [31]). Въ твореніяхъ Шекспира искусство, по словамъ Мерсье, проявляется во всемъ своемъ возможномъ величіи. Шекспиръ, по его мнѣнію, неизмѣримо высокъ тѣмъ, что онъ поэтъ вполнѣ національный, понимаемый и любимый всѣми слоями англійскаго общества, безъ различія общественнаго положенія и степени образованія: «онъ дорогъ своимъ отечественникамъ потому, что сумѣлъ постичь тайну обращать свою рѣчь ко всѣмъ гражданамъ, которые составляютъ эту достойную уваженія націю» [32]).

Театръ и драматическая поэзія были излюбленною областью Мерсье. Назначеніе театра, по мнѣнію Мерсье, необыкновенно высокое: эта школа жизни, арена воспитанія, проводникъ великихъ идей [33]). Поэтому зрительная зала должна быть неотъемлемымъ до-

стояніемъ всей націи, всѣхъ слоевъ населенія. Предъ умственнымъ взоромъ Мерсье носится примѣръ древне-греческаго театра, являющагося его идеаломъ въ этомъ отношеніи. Двери театра дожны быть широко раскрыты для всѣхъ, а плата за мѣста общедоступной [34]).

Для того, чтобы театръ удовлетворялъ своему назначенію, надобно дать драматическимъ произведеніямъ соотвѣтственное содержаніе: оно должно быть общепонятно, затрогивать интересы большинства, разрѣшать вопросы близкой всѣмъ дѣйствительной жизни, вращаться въ кругѣ общенаціональныхъ интересовъ; затѣмъ это содержаніе должно быть озарено свѣтомъ нравственнаго идеала, проникнуто паѳосомъ добродѣтели, благородства, человѣчности и т. д. [35]).

Этимъ требованіямъ Мерсье не удовлетворялъ театръ его времени. Отсюда его филиппики противъ ложноклассической трагедіи и комедіи [36]). Исходя изъ общихъ своихъ взглядовъ на искусство, требовавшихъ свободы творчества, общедоступности, реализма и поучительности, Мерсье подписываетъ смертный приговоръ французской ложноклассической трагедіи за ея рабскую подражательность древнимъ и тираннію правилъ, за ея аристократическое направленіе и тепличную придворную атмосферу, за фальшь, неестественность, ходульность и сочиненность ея героевъ [37]). Его осужденію подвергается и ложноклассическая комедія и на томъ основаніи главнымъ образомъ, что она, по мнѣнію Мерсье, не удовлетворяетъ нравственнымъ требованіямъ, предъявляемымъ искусству, уничтожаетъ его воспитательное значеніе [38]). Самъ Мольеръ, — замѣчаетъ Мерсье,— не безгрѣшенъ въ этомъ отношеніи, часто подвергая осмѣянію и глумленію людей простыхъ и несчастныхъ, но не порочныхъ, вмѣсто того, чтобы пожалѣть ихъ и возбудить къ нимъ состраданіе. Единственной пьесой Мольера, безупречной съ нравственной точки зрѣнія, Мерсье считаетъ «Тартюфа» [39]).

Въ рѣзкой критикѣ ложноклассическаго театра Мерсье имѣлъ предшественника въ лицѣ Дидро и соратника въ лицѣ Лессинга, тоже вдохновлявшагося примѣромъ Дидро. Любопытно опредѣлить взаимное отношеніе Мерсье и Лессинга. Съ критическими сочиненіямъ Лессинга Мерсье врядъ ли былъ знакомъ, иначе онъ не преминулъ бы воспользоваться помощью такого могучаго союзника [40]). Между тѣмъ Мерсье, начитанный въ нѣмецкой литературѣ и относившійся къ ней съ симпатіей, ни разу не упоминаетъ Лессинга, и

его сочиненія не обнаруживаютъ слѣдовъ вліянія послѣдняго. Хотя его «Новый Опытъ» и вышелъ послѣ «Гамбургской Драматургіи», но въ другихъ своихъ сочиненіяхъ Мерсье выражаетъ тѣ же самыя мысли задолго до того, какъ величайшій критикъ Германіи принялся развѣнчивать корифеевъ французской сцены [41]). Къ тому же его основная точка зрѣнія совсѣмъ другая, чѣмъ у Лессинга. Одинъ изъ яркихъ представителей догматической критики, Лессингъ сражался подъ знаменемъ Аристотеля, и цѣлью всѣхъ его нападокъ на Буало и Расина было доказать, что тѣ не поняли греческаго философа и исказили его. Въ глазахъ Лессинга положенія аристотелевской Піитики должны имѣть такую же обязательность и непогрѣшимость, какъ элементы Эвклида; онъ глубоко убѣжденъ, что ни одно драматическое произведеніе не можетъ уклоняться хотя бы на іоту отъ законовъ Аристотеля, не уклоняясь въ то же время отъ искусства и истины [42]). Мерсье же требуетъ полный свободы вдохновенія и осыпаетъ поклонниковъ Аристотеля градомъ язвительныхъ насмѣшекъ [43]). Всѣ поэтики, по его мнѣнію, никуда не годятся, не исключая поэтики и Аристотеля. Противъ его комментаторовъ онъ направилъ даже спеціальную брошюру подъ заглавіемъ: «О глупости толкователей Аристотеля» [44]).

Если Лессингъ побивалъ французскихъ ложноклассиковъ ихъ же оружіемъ, блестяще доказывая ихъ полное непониманіе истинныхъ положеній Аристотеля, то Мерсье выдвигаетъ па первый планъ другіе принципы и осуждаетъ ихъ съ другихъ точекъ зрѣнія [45]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ отрицаніи Мерсье радикальнѣе Лессинга. Посмотримъ же, что онъ думалъ поставить на мѣсто ниспровергаемой имъ ложноклассической трагедіи и комедіи.

Онъ сторонникъ такъ называемой «буржуазной драмы», теорію которой впервые начерталъ Дидро. Пропаганду этого новаго рода театральныхъ произведеній, который онъ предпочитаетъ называть просто «драмой», Мерсье считаетъ главною задачею своей книги о театрѣ [46]).

Рекомендуя свой genre sérieux, осторожный Дидро не исключалъ возможности трагедіи и комедіи, удѣляя и имъ мѣсто въ своей драматической системѣ [47]); болѣе рѣшительный и смѣлый Мерсье отрицаетъ и ту и другую въ отдѣльности и требуетъ ихъ сліянія и совмѣщенія въ нѣчто новое, исключающее прежнія дра-

матическія формы. «Tombez, tombez, murailles, qui separez les genres! (восклицаетъ онъ). Падайте, падайте стѣны, отдѣляющія различные роды драмы! Пусть передъ поэтомъ разстилается обширный горизонтъ, и пусть его геній не чувствуетъ болѣе тѣсныхъ перегородокъ, въ которыхъ замкнуто и ослаблено искусство» [48]). Трагедія отжила свое время вмѣстѣ съ героями, которыхъ она выводитъ; комедія, съ ея безудержнымъ смѣхомъ, не своевременна. Въ нашъ вѣкъ—замѣчаетъ Мерсье—мы не можемъ смѣяться такъ же беззаботно, какъ наши предки: жизнь наша складывается слишкомъ серьезно, и «мышцы смѣха у нашихъ губъ атрофированы» [49]). Драма имѣетъ громадное преимущество передъ трагедіей и комедіей, такъ какъ она соединяетъ паѳосъ одной съ наивными картинами (peintures naïves) другой и несравненно полезнѣе, истиннѣе и интереснѣе, ибо доступнѣе массѣ гражданъ [50]). Въ природѣ нѣтъ слишкомъ рѣзкихъ контрастовъ: одни цвѣта умѣряются другими; такъ и поэтъ долженъ смѣшивать краски на своей палитрѣ и распредѣлять равномѣрно свѣтъ и тѣни. «Драма» должна быть «картиной» («le Tableau»—любимое выраженіе Мерсье), выхваченной прямо изъ жизни; поэтому всѣ дѣйствующія лица должны быть обрисованы равномѣрно, чтобы не испортить общей перспективы [51]).

Что же должна изображать «новая драма?» Дидро ограничиваетъ задачу своего genre sérieux изображеніемъ на сценѣ различныхъ conditions (положеній), взятыхъ преимущественно изъ сферы семейныхъ отношеній: отецъ, супругъ, сынъ, сестра и т. д., но отчасти и отношеній общественныхъ: судья, политикъ, военный и т. д. [52]). Мерсье мечтаетъ о болѣе широкомъ соціальномъ содержаніи драмы, служащемъ прежде всего интересамъ низшихъ классовъ населенія [53]). Его драма должна быть проводникомъ здравыхъ политическихъ и соціальныхъ идей, важнымъ факторомъ въ борьбѣ народа за свои права. Кругъ его сюжетовъ значительно шире, а реалистическая тенденція Дидро выражена у Мерсье гораздо сильнѣе.

Предметомъ драмы, по Мерсье, можетъ быть вся жизнь во всей ея широтѣ и во всѣхъ ея проявленіяхъ, и ни одинъ уголокъ ея не долженъ оставаться не освѣщеннымъ творчествомъ поэта, понимающаго истинныя задачи искусства и помнящаго, что «поэтъ есть прежде всего ходатай за несчастныхъ, трибунъ угнетенныхъ» (le poëte est l'interprète des malheureux, l'orateur public

des opprimés [54]). Его театръ долженъ обнимать вселенную, его характеры должны быть такъ же разнообразны, какъ люди, которые живутъ вокругъ него [55]). Пусть онъ изобразитъ добросовѣстно и правдиво «честнаго земледѣльца», «почтеннаго старца», «истиннаго друга», «генерала, спасшаго отечество», «доктора, самоотверженно служащаго ближнимъ» и т. д. Пусть онъ не остановится передъ изображеніемъ и отрицательныхъ явленій и порочныхъ людей, но главное его вниманіе должно привлекать «честное» (honnête). «Повторимъ за Дидро, говоритъ Мерсье, честное! вотъ, что будетъ нравиться во всѣ времена и всюду, вотъ что будетъ услышано, встрѣтитъ похвалу и одобреніе всѣхъ людей» [56]).

Поэтъ не долженъ ограничиваться изученіемъ одного буржуазнаго класса: онъ удѣляетъ свое вниманіе (и такіе сюжеты особенно симпатичны Мерсье) и простому народу: крестьянамъ и ремесленникамъ [57]). «На какомъ основаніи мы стали бы пренебрегать крестьянами и ихъ простыми честными нравами? Ремесленники имѣютъ еще большее право на вниманіе. Чему только среди нихъ не научишься! Сколько разнообразія вноситъ въ интересъ этого изученія,—хотя на первый взглядъ очень однообразнаго,—челнокъ, молотъ, вѣсы, наугольникъ, квадратъ, ножницы». Рабочіе не хуже маркизовъ, они тратятъ больше генія, чтобы завоевать себѣ существованіе, чѣмъ тотъ, кто наслаждается имъ безъ всякаго труда [58]). Сцена дѣйствія можетъ быть всюду, гдѣ есть жизнь, гдѣ есть страдающіе и несчастные, будь это жалкая каморка, или больница, или даже домъ сумасшедшихъ. Вся обстановка, всѣ детали дѣйствительной жизни должны быть точно переданы на сценѣ. Мерсье требуетъ полнаго реализма и дѣлаетъ точныя указанія поэту, какъ тщательно онъ долженъ изучать явленія жизни, наблюдать все, не пренебрегая никакими мелочами, которыя часто очень важны для характеристики человѣка. Поэтъ долженъ бросить душный кабинетъ и вмѣшаться въ толпу, изучить всѣ слои общества и всюду запастись точными фактами и вѣрными наблюденіями [59]). Однимъ словомъ, Мерсье предупреждаетъ теоріи натуралистической школы Золя съ ея «человѣческими документами» (documents humains).

Свою теорію Мерсье стремился подкрѣпить на практикѣ пьесами, которыхъ онъ написалъ очень много. Онѣ почти не игрались въ Парижѣ, гдѣ критики и актеры были враждебно настроены противъ

Мерсье, но пользовались широкою популярностью въ провинціи и за границей, по всей Европѣ, отъ Лондона до Москвы [60]). Онѣ переводились на нѣмецкій, голландскій, англійскій, итальянскій, польскій, русскій языки [61]). «Дезертиръ», «Тачка уксусника», «Бѣднякъ», «Судья», «Ложный другъ» и др. входили въ репертуаръ чуть не всѣхъ европейскихъ театровъ. Самъ Мерсье любилъ съ гордостью говорить, что, его Тачка уксусника объѣхала всѣ сцены Европы [62]). «Сія драма, замѣчаетъ нашъ Драматическій Словарь 1787 [63]), много разъ представляема была въ Москвѣ къ отмѣнному удовольствію публики». — Его русскій переводчикъ Лабзинъ, будущій массонъ, называлъ Мерсье «лучшимъ изъ французскихъ писателей» [64]).

Секретъ популярности подобныхъ пьесъ Мерсье заключается въ томъ, что онѣ отличались строго нравственнымъ и нравоучительнымъ характеромъ, проповѣдовали идеи честности, трудолюбія и постоянства, горячо отстаивали достоинство каждой человѣческой личности, независимо отъ ея общественнаго положенія, проникнуты были свѣтлымъ оптимистическимъ міровоззрѣніемъ и горячимъ убѣжденіемъ въ окончательномъ торжествѣ добрыхъ началъ человѣческой природы. Мерсье подкупалъ европейскую публику XVIII в., жаждавшую поучительности, благородствомъ своихъ убѣжденій, не подлежащей сомнѣнію честностью своихъ воспитательныхъ намѣреній. Его пьесы вызывали желанія практическаго приложенія выслушанныхъ со сцены уроковъ, что оттѣняетъ и Лабзинъ въ предисловіи къ переводу.

Мерсье умѣлъ затрагивать темы, разработка которыхъ еще являлась задачей будущаго литературнаго развитія. Его ткачъ Жозефъ, герой пьесы L'Indigent (1782) [66]) говоритъ почти языкомъ современнаго пролетарія. Въ нѣкоторыхъ другихъ драмахъ Мерсье является предшественникомъ Скриба, Ожье, Дюма и др. Такова пьеса «Le faux ami»; это простая, такъ сказать, ежедневная исторія, маленькая семейная драма: временная размолвка супруговъ, благодаря проискамъ буржуазнаго Донъ-Жуана, «друга дома», разъясненіе недоразумѣній и примиреніе [67]).

Если темы Мерсье часто очень удачны, если основные мотивы нерѣдко очень жизненны, то исполненіе далеко не всегда стоитъ на высотѣ замысла. Художественная практика Мерсье стоитъ значительно ниже его художественныхъ идеаловъ.

Мерсье мечталъ быть живописцемъ нравовъ своего времени; онъ любилъ себя сравнивать съ другомъ своимъ, извѣстнымъ художникомъ Грёзомъ; ему хотѣлось быть тѣмъ въ литературѣ, чѣмъ Грёзъ былъ въ живописи [68]). Простота, правдивость, реализмъ — вотъ къ чему онъ стремился. Реалистическая драма была его идеаломъ. И въ его драмахъ, дѣйствительно, присутствуетъ реализмъ. Но нельзя не замѣтить, что реализмъ Мерсье чисто внѣшняго свойства, это реализмъ внѣшнихъ подробностей: костюмовъ, декорацій, аксессуаровъ, общественныхъ положеній. Но реализмъ обыкновенно отсутствуетъ во внутренней структурѣ его пьесъ, въ дѣйствіи, чувствахъ и характерахъ [69]). Сюжетъ пьесъ, мотивировка дѣйствія—самая слабая сторона ихъ. Въ пьесахъ Мерсье царствуетъ слѣпой случай, произволъ судьбы, ставящей людей въ самыя неожиданныя положенія. Тайные браки, потерянныя дѣти, безвѣстныя отсутствія, неожиданныя встрѣчи, вновь открываемыя, не подозрѣвавшіяся раньше близкія родственныя отношенія — однимъ словомъ, все то, чѣмъ средневѣковая необузданная фантазія наполняла мистеріи, переполняють quasi-реалистическія драмы этого оригинальнаго писателя. Ткачъ Жозефъ бѣдствуетъ со своей сестрой Шарлоттой, которую преслѣдуетъ своимъ ухаживаніемъ молодой аристократъ De-Lys; оказывается, что въ дѣйствительности Шарлотта сестра де-Lys'а, а не Жозефа и дѣлается женою своего мнимаго брата [70]). Одна изъ лучшихъ по обрисовкѣ характеровъ пьесъ Мерсье «Nathalie» отличается самымъ неправдоподобнымъ сюжетомъ [71]).

Собираясь быть живописцемъ нравовъ, изображать жизнь, какъ она есть въ дѣйствительности, Мерсье впалъ, однако, въ крупную односторонность: онъ видимо избѣгаетъ выводить на сцену порочныхъ личностей. Утрировка добродѣтели обычное явленіе въ театрѣ Мерсье. Его цѣль исправлять нравы. Этого думаетъ Мерсье достигнуть, развертывая передъ зрителями картины добродѣтели. Припомнимъ его теорію «заразительности» искусства, составляющей его задачу. Искренно вѣря въ «заразительное дѣйствіе» добродѣтели, Мерсье задается цѣлью «заразить» зрителя тѣмъ великодушіемъ, честностью, самоотреченіемъ, постоянствомъ и т. д., какими блистаютъ его добродѣтельные герои, и всѣми силами старается удалить съ его глазъ людей порочныхъ, которые, если и появляются на сценѣ, то стараются пройти какъ-нибудь бокомъ, незамѣченными, очевидно сты-

дясь собственнаго существованія. Однако же, по убѣжденію Мерсье, отъ свѣта добродѣтели порокъ таетъ, какъ воскъ передъ лицомъ огня: поэтому порочные люди обращаются обыкновенно у него сразу и внезапно въ добродѣтельныхъ и раскаиваются съ удивительною быстротой; изъ отъявленныхъ злодѣевъ и хищныхъ волковъ они превращаются на глазахъ зрителей — къ вящему торжеству добродѣтели! — въ чистыхъ младенцевъ и невинныхъ агнцевъ [72]).

Далѣе, возставая противъ французскаго ложно-классическаго театра, Мерсье все же безсознательно оставался подъ его вліяніемъ. Радикальный въ теоріи, проповѣдуя полную свободу генія, восхищаясь непосредственнымъ, бурнымъ вдохновеніемъ, требуя реализма— Мерсье въ своихъ пьесахъ оставался далеко позади собственныхъ требованій. Онъ былъ слишкомъ французъ, слишкомъ любилъ инстинктивно простоту, ясность и правильность во всемъ, чтобы вполнѣ понять англійскій театръ. Ратуя постоянно противъ bon goût, т. н. «хорошаго вкуса», онъ, въ то же время, на практикѣ отчасти руководится преданіями этого «хорошаго вкуса»; вотъ почему въ немъ возбуждаютъ ужасъ и спутанный планъ пьесы Лилло «Barnwell», которую онъ взялся переводить, и ея рѣзкій натурализмъ [73]). Но реалистическаго таланта у Мерсье нельзя вполнѣ отрицать: если онъ не всегда выражается въ его пьесахъ, то блестяще развертывается въ его большомъ сочиненіи «Tableau de Paris», гдѣ Мерсье начерталъ изумительно-яркую, подробную и точную картину парижской жизни наканунѣ революціи [74]). Это истинный chef d'oeuvre Мерсье, представляющій богатый культурный матеріалъ.

Таковы существенныя черты литературной реформы, задуманной Мерсье, таковы образцы сдѣланнаго имъ въ этомъ направленіи. Посмотримъ, къ какимъ результатамъ привела попытка Мерсье и какой оставила слѣдъ въ литературномъ развитіи.

Литературная реформа, о которой онъ мечталъ, оказалась неосуществимой для этой эпохи: французскій народъ, увлеченный потокомъ политической и соціальной революціи, былъ всецѣло поглощенъ этими насущными вопросами, передъ которыми совершенно затушевывались и меркли вопросы искусства и литературы. Въ этихъ событіяхъ, предугаданныхъ имъ отчасти въ «L'an 2440», Мерсье принималъ непосредственное и близкое участіе, какъ членъ Законодательнаго Собранія и Національнаго Конвента, а также какъ из-

датель политическаго журнала «Annales patriotiques et littéraires» [75]. Занявъ мѣсто въ рядахъ жирондистовъ, онъ былъ заклятымъ врагомъ Марата, Дантона и Робеспьера, которыхъ не боялся громить въ своихъ рѣчахъ и клеймить именемъ «варваровъ». Демагоги, по его словамъ, были виновны въ томъ, что «революція» чистая и безгрѣшная въ своемъ началѣ, обратилась «въ фурію, опоясанную змѣями, вооруженную пылающими факелами и кинжалами» [76]. Онъ былъ свидѣтелемъ сентябрьскихъ убійствъ, которыя возмутили и потрясли его до глубины души. «Какъ только увидѣлъ я потоки крови — писалъ онъ — я отступилъ назадъ съ содроганіемъ и сказалъ самому себѣ: нѣтъ, то, что я вижу, не есть исполненіе моего пророчества, кровожадные злодѣи отдалили его на неопредѣленное время» [77].

Человѣкъ страстный, но мягкій, энергичный, но чувствительный, Мерсье мечталъ о мирномъ переворотѣ и питалъ органическое отвращеніе къ физическому насилію. Съ ужасомъ смотрѣлъ онъ на то, что революція, по его словамъ, обратилась въ «анархію, кощунство, безграничную разнузданность и забвеніе всего, что отличаетъ человѣка отъ дикаго звѣря» [78]. Разгромъ партіи жирондистовъ бросилъ Мерсье въ тюрьму и едва не возвелъ на эшафотъ. Жизнь его была спасена, но всѣ кровопролитныя событія революціи, всѣ ужасы пережитаго имъ террора подѣйствовали потрясающимъ образомъ на его чувствительную и впечатлительную душу и даже, по мнѣнію его біографа, нѣсколько смутили прежнюю ясность его незауряднаго ума [79]. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно отчасти объяснить ту почти болѣзненную страсть къ парадоксамъ и къ противорѣчію всѣмъ общепринятымъ мнѣніямъ, которая у него развилась впослѣдствіи и которая главнымъ образомъ осталась въ памяти потомства. На склонѣ дней своихъ, въ эпоху имперіи, съ которой онъ не могъ примириться, состоя уже въ званіи академика, онъ въ своей страсти оригинальничать дошелъ до того, что выступилъ съ пространнымъ опроверженіемъ системы Ньютона. Отчаявшись достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ на землѣ, онъ направилъ свой реформаторскій духъ въ область міроваго пространства, махнувъ рукой на соотечественниковъ, не доросшихъ до пониманія его идей [80].

Его разочарованія и неудачи во Франціи были значительно смяг-

чены тѣмъ глубокимъ сочувствіемъ, которое нашли его литературныя идеи и пьесы въ Германіи.

Въ исторіи литературы нерѣдко наблюдается крайне интересное явленіе: бываетъ такъ, что выдающійся писатель находитъ себѣ болѣе страстныхъ поклонниковъ на чужбинѣ, чѣмъ въ своей странѣ, и производитъ въ чужихъ литературахъ болѣе сильное вліяніе, чѣмъ въ той, къ которой принадлежатъ его сочиненія. Такъ Байронъ возбудилъ болѣе сочувствія на континентѣ, чѣмъ въ самой Англіи. Нѣчто подобное случилось и съ Мерсье; не признанный и даже осмѣянный во Франціи, онъ пришелся, какъ нельзя болѣе, ко вкусу нѣмцевъ и сослужилъ имъ службу въ томъ литературномъ преобразованіи, которое совершила эпоха «бурныхъ стремленій».

«Nouvel essai sur l'art dramatique» Мерсье, напечатанный въ 1773 г., сталъ немедленно переводиться на нѣмецкій языкъ, по почину Гете, стоявшаго во главѣ кружка «бурныхъ геніевъ», однимъ изъ членовъ этого кружка Леопольдомъ Вагнеромъ. Переводъ вышелъ съ предисловіемъ Гете, въ которомъ сквозитъ глубокое сочувствіе идеямъ Мерсье, скрытое подъ искусственной маской легкой ироніи, которая была въ модѣ у кружка по отношенію къ французамъ [81]). Эта книга, на ряду съ пьесами Мерсье, также вызывавшими восторги нѣмецкой молодежи, сдѣлалась настольной книгой «бурныхъ геніевъ», которою они вдохновлялись и усердно пользовались.

Если исходной точкой борьбы Лессинга противъ ложноклассической трагедіи былъ Дидро, то для «бурныхъ геніевъ» яркимъ поощряющимъ примѣромъ послужила дѣятельность смѣлаго энтузіаста и радикала Мерсье, болѣе пришедшагося по душѣ радикально-настроенной молодежи. Его «Nouvel essai» былъ для нихъ настоящимъ откровеніемъ, ибо нигдѣ вопросъ о реформѣ театра не рѣшенъ былъ такъ полно и всесторонне, нигдѣ не былъ поставленъ такъ смѣло. У Мерсье была начертана цѣлая программа литературной реформы, были собраны воедино всѣ разрозненныя нападки на застарѣлыя литературныя неустройства. Поистинѣ «Nouvel essai» являлся на ряду съ «Гамбургской драматургіей» — цѣлымъ арсеналомъ, гдѣ сторонники нѣмецкой литературной революціи могли постоянно запасаться оружіемъ. И они не могли пренебрегать такимъ талантливымъ союзникомъ, тѣмъ болѣе цѣннымъ, что онъ вышелъ изъ противоположнаго лагеря. Французскій критикъ страстно и настойчиво проводилъ тотъ

самый принципъ полной свободы искусства отъ какой бы то ни было регламентаціи и правилъ, который легъ въ основу ихъ поэтическихъ теорій.

Въ кучкѣ нѣмецкой молодежи, сгруппировавшейся въ началѣ 70-хъ годовъ около юнаго Гете, эта «ересь» Мерсье была подхвачена съ живѣйшею радостью и осилила авторитетъ самого Лессинга. Великій нѣмецкій критикъ только что успѣлъ въ «Гамб. драматургіи» (1767—68) провозгласить непреложность аристотельской поэтики. Но молодежь не пошла за нимъ и предпочла сражаться подъ радикальнымъ знаменемъ Мерсье.

Принципъ полной свободы творчества сопровождался у Мерсье необыкновенно высокимъ представленіемъ о личности поэта, его призваніи и правахъ. Въ глазахъ Мерсье поэтъ—верховный судья всѣхъ людей, какъ настоящаго, такъ и прошлыхъ поколѣній. Онъ своего рода помазанникъ Божій, отмѣченный печатью «генія», ставящаго его неизмѣримо выше другихъ. «Юный атлетъ, титанъ», «пророкъ», — вотъ обыкновенныя его названія для поэта [82]). Это преувеличенное представленіе о поэтѣ, дѣлающее его «сверхъ-человѣкомъ», было вполнѣ раздѣляемо нѣмецкими «бурными геніями», доведшими его почти до полнаго абсурда. Извѣстно, что ученіе о «геніи», «геніальности» было настолько замѣтною чертою періода, «бурныхъ стремленій», что его даже называютъ также «Die Geniezeit».

Культъ Шекспира, предпочтеніе, отдаваемое его историческимъ хроникамъ [83]), стремленіе къ реализму, соединеніе чисто-литературныхъ идей съ соціальными и политическими, революціонный духъ, сопровождаемый повышеннымъ національнымъ и патріотическимъ чувствомъ—вновь сближаютъ Мерсье съ нѣмецкими «геніями». И въ томъ, и въ другомъ случаѣ основою всего являются могучія впечатлѣнія, полученныя отъ англійской литературы, и неотразимое обаяніе великихъ идей Руссо. Исходя изъ тѣхъ же источниковъ, Мерсье предупредилъ во многомъ сподвижниковъ юнаго Гете и облегчилъ имъ дѣло литературной реформы въ Германіи. Клингеръ выражалъ мнѣніе, что Мерсье созданъ не для французской, а именно для нѣмецкой публики [84]). Вагнеръ переводилъ его пьесы и подражалъ имъ [85]). Наконецъ, младшій представитель партіи «бури и натиска» Шиллеръ постоянно вдохновляется какъ литературными идеями Мерсье (см. предисловія къ драмамъ «Разбойники» «Заговоръ

Фіеско», а также статью «О театрѣ, какъ нравственномъ учрежденіи» [86]), такъ и его драматическими произведеніями. Въ «Донъ-Карлосѣ» замѣтно вліяніе пьесы Мерсье «Philippe II, roi d'Espagne» [87]).

Но и на почвѣ Франціи идеи Мерсье не затерялись окончательно и безслѣдно. Онъ имѣлъ талантливую ученицу и послѣдовательницу въ лицѣ дочери министра Неккера, будущей знаменитой писательницы г-жи Сталь. Мерсье познакомился съ m-lle Неккеръ въ Швейцаріи въ 1784 г., гдѣ ему пришлось долго прожить, спасаясь отъ преслѣдованій за свои смѣлые памфлеты [88]). Впослѣдствіи Мерсье отзывался съ восторгомъ о литературной дѣятельности г-жи Сталь [89]), видя въ ней продолжательницу собственнаго дѣла. И не безъ основанія. Мерсье былъ предшественникомъ г-жи Сталь въ распространеніи идей литературнаго космополитизма, въ стремленіи расширить литературные вкусы, пріохотить французовъ къ знакомству съ иностранными литературами. Своими симпатіями къ нѣмецкой литературѣ, своей оцѣнкой Гете, Шиллера и Шлегеля онъ проложилъ дорогу ея знаменитой книгѣ «О Германіи», подвинувшей значительно впередъ дѣло литературнаго преобразованія во Франціи. Опираясь съ одной стороны на Мерсье, а съ другой на нѣмецкихъ романтиковъ, продолжавшихъ въ извѣстной степени тенденціи періода «бурныхъ стремленій», г-жа Сталь вновь ввела идеи Мерсье во французскую литературу и отчасти окольнымъ путемъ черезъ Германію.

Литературная реформа, о которой мечталъ Мерсье, была произведена во Франціи романтиками. Въ 1830 г., черезъ 15 лѣтъ послѣ смерти Мерсье, В. Гюго издалъ свою драму «Кромвель», присоединивъ къ ней предисловіе, которое обыкновенно считается манифестомъ зародившейся романтической школы. Если мы сопоставимъ это предисловіе съ «Новымъ опытомъ о драматическомъ искусствѣ» Мерсье, то придемъ къ совершенно неожиданнымъ выводамъ. Ихъ раздѣляетъ почти шестьдесятъ лѣтъ, между тѣмъ сходство оказывается поразительнымъ. Въ своемъ «Предисловіи» Гюго, какъ извѣстно, ниспровергаетъ ложно-классическую трагедію и ставитъ на мѣсто ея романтическую драму. Но у него нѣтъ буквально ни одного довода противъ старой французской трагедіи, котораго бы не приводилъ въ свое время Мерсье. Гюго, говоря его словами, «защищаетъ свободу искусства противъ деспотизма системъ, кодексовъ и правилъ. Догматизмъ въ искусствахъ—вотъ чего авторъ всего болѣе избѣгаетъ» [90]).

«Мы не строимъ здѣсь системы, потому что сохрани насъ Богъ отъ системъ» [91]). Всѣ поэтики стѣснительны для таланта [92]). «Итакъ, время пришло... Разобьемъ молоткомъ всѣ теоріи, поэтики и системы. Собьемъ эту старую известку, которая скрываетъ фасадъ искусства. Нѣтъ ни правилъ, ни образцовъ» [93]).

Читая все это у Гюго, какъ будто перелистываешь вновь забытый и осмѣянный трактатъ Мерсье, который ратовалъ еще энергичнѣе за свободу искусства. Гюго повторяетъ филиппики Мерсье противъ критиковъ съ Буало и Лагарпомъ во главѣ [94]), руководящихся въ своихъ приговорахъ т. н. хорошимъ вкусомъ, и раздѣляетъ его восторги передъ Мильтономъ, Дантомъ, въ особенности Шекспиромъ [95]). Въ своей полемикѣ Гюго выражается почти словами Мерсье и одушевляетъ свое изложеніе тѣмъ же страстнымъ тономъ. Общее впечатлѣніе до такой степени одинаково, что трудно представить, чтобы трактатъ Мерсье остался неизвѣстнымъ Виктору Гюго [96]).

На мѣсто ложноклассическаго театра Мерсье ставилъ драму въ прозѣ,Гюго драму въ стихахъ. Но нельзя не замѣтить, что романтики впослѣдствіи тоже перешли къ прозаической формѣ. Что касается драмы исторической, то Мерсье былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ ея сторонниковъ и оставилъ нѣсколько подобныхъ произведеній (Jean Hennuyer, Henri IV и др. [97]). Онъ указывалъ много сюжетовъ для историческихъ драмъ; нельзя не отмѣтить, что въ особенности рекомендовалъ онъ того самого Кромвеля, котораго Гюго взялъ героемъ своей драмы [98]). Его собственная пьеса «La mort de Louis XI» послужила образцомъ для подобной же пьесы Казиміра Делавиня, не постѣснившагося въ двухъ сценахъ почти дословно повторить Мерсье [99]).

Итакъ, въ исторіи литературы мы должны удѣлить Себастьяну Мерсье болѣе почетное мѣсто, чѣмъ это дѣлается обыкновенно. Представляется несомнѣннымъ, что онъ сыгралъ извѣстную роль въ дѣлѣ преобразованія европейской литературы. Мнѣніе Брандеса, что реформа литературныхъ идей въ концѣ XVIII в. и началѣ XIX в. была исключительнымъ удѣломъ нѣмецкихъ писателей [100]), не вполнѣ справедлива: въ этой реформѣ, на ряду съ Германіей, участвовала и Франція, хотя попытки литературной реформы долгое время въ ней тормозились особенными условіями ея политической и общественной жизни.

ГЛАВА VI.

Новая драматическая теорія.

Alles verschwunden,
Was uns gebunden.
Frey wie der Wind.
Götter wir sind!

Lenz.

Всякая новая литературная школа имѣетъ потребность въ теоретическомъ обоснованіи своего ученія. Такъ «L'art poétique» Буало явилось полнымъ кодексомъ поэтическаго законодательства ложноклассицизма. Съ другой стороны, Лопе де Вега въ «Arte nuevo de hacer comedias» старался возвести въ систему практическіе пріемы испанской драматургіи. Дидро и Лессингъ подтверждаютъ свои драматическія новшества теоретическими разсужденіями. Предисловіе Виктора Гюго къ «Кромвелю» имѣло смыслъ манифеста французской романтической школы и т. д.

Попытка литературной реформы во второй половинѣ XVIII вѣка нашла свое главное выраженіе въ трехъ теоретическихъ сочиненіяхъ: «On the original composition» Эдуарда Юнга, автора знаменитыхъ «Ночныхъ думъ» (1759), «Nouvel essai sur l'art dramatique» Себастьяна Мерсье (1773) и «Anmerkungen übers Theater» Ленца (1774). Все это близкія по духу и содержанію сочиненія, ставившія и рѣшавшія вопросъ о литературной реформѣ не съ осторожностью и осмотрительностью Лессинга, опасавшагося разорвать вполнѣ съ недавней литературной традиціей, а съ радикализмомъ «бурнаго генія», открывающаго совершенно новые пути искусству. Всѣ три автора— и Юнгъ, и Мерсье, и Ленцъ—исходятъ изъ представленія о врожденной геніальности поэта, освобождающей его отъ подчиненія какимъ бы то ни было образцамъ, правиламъ и авторитетамъ, всѣ

требуютъ полной свободы творчества, стоятъ за индивидуальность каждаго поэта и относятся отрицательно къ столь дорогой Лессингу «Поэтикѣ» Аристотеля. Наиболѣе оригинальнымъ былъ Юнгъ, вдохновлявшій многихъ и французскихъ, и нѣмецкихъ писателей. Заслуга Мерсье и Ленца заключалась въ томъ, что они первые выразили наиболѣе полно новую драматическую теорію, само собою складывавшуюся въ средѣ французскихъ и нѣмецкихъ «бурныхъ геніевъ».

Мы знакомы уже съ книгой Мерсье о театрѣ. Обратимся къ аналогичному «манифесту» нѣмецкаго періода «бури и натиска»— къ «Замѣткамъ о театрѣ» Ленца.

По внѣшней формѣ и изложенію «Замѣтки» представляютъ подражаніе капризной манерѣ Стерна и родственнаго ему въ этомъ случаѣ Гаманна. Намѣренное отсутствіе послѣдовательности изложенія, безпорядочность, отрывочность, многозначительныя умолчанія и прерванныя фразы, стремленіе высказывать правду «съ шуткой пополамъ», смѣсь паѳоса съ балагурствомъ — все это напоминаетъ обычный стиль авторовъ «Тристрама Шенди» и «Достопримѣчательностей Сократа». Стиль Гердера, образовавшійся подъ тѣми же вліяніями, также отражается на статьѣ Ленца, съ тѣмъ различіемъ, что главнымъ орудіемъ Гердера является паѳосъ, а Ленца—иронія [1].

Съ восторгомъ цитируетъ Ленцъ слова Стерна: «умствовать и строить силлогизмы—удѣлъ человѣка; высшіе классы существъ, ангелы и духи, какъ я слышалъ, достигаютъ этого однимъ созерцаніемъ» и расположенъ слѣдовать этому второму «ангельскому» методу. Въ своемъ юношескомъ темпераментѣ авторъ, по его словамъ, не находитъ запаса значительной дозы флегмы, котораго требуетъ точное мышленіе посредствомъ силлогизмовъ. Къ этому послѣднему онъ исполненъ полнаго презрѣнія [2].

Кантъ считалъ нужнымъ «переводить на языкъ людей» запутанныя мысли загадочнаго Гаманна. Нѣчто подобное мы должны сдѣлать съ умышленно безпорядочнымъ изложеніемъ «Замѣтокъ о театрѣ» и свести ихъ пестрое содержаніе къ немногимъ основнымъ пунктамъ.

При всей ненависти къ «критикѣ», Ленцъ не обошелся безъ нея: значительное мѣсто въ его «Замѣткахъ» занимаетъ критика 1) ложноклассической трагедіи и комедіи, 2) «Поэтики» Аристотеля и 3) мнѣнія о необходимости правилъ, регулирующихъ поэтическое

творчество. Въ этомъ заключается «отрицательная» сторона его разсужденія. Къ положительной сторонѣ мы должны отнести: 1) ученіе о геніи и свободѣ творчества, 2) преклоненіе передъ Шекспиромъ и 3) новую теорію трагедіи и комедіи.

Въ началѣ «Замѣтокъ» Ленцъ бѣгло сопоставляетъ три «сцены»: французскую, англійскую и нѣмецкую, какъ бы проводя ихъ передъ глазами читателей. На первой царствуютъ «свирѣпѣйшіе герои древности» съ «бѣшенымъ Эдипомъ» во главѣ и «длинная вереница греческихъ и римскихъ полководцевъ, императоровъ и царей, чисто выбритыхъ, въ парикахъ и шелковыхъ чулкахъ». Героини, одѣтыя «въ платья съ фижмами» и снабженныя ослѣпительно-бѣлыми носовыми платками, выслушиваютъ этихъ изысканныхъ поклонниковъ, которые «въ самыхъ галантныхъ выраженіяхъ твердятъ имъ о бурности своего пламени». «Въ этомъ отдѣлѣ театра амуръ-самодержецъ, все вздыхаетъ, стонетъ, плачетъ, истекаетъ кровью; исключая его самого да ламповщика, ни одинъ актеръ не возвращается за кулисы, не влюбившись на сценѣ безъ памяти»[3]).

Совершенно иная сцена англійская, она «обратная сторона предыдущей». Англійскіе драматурги «не устыдились изображать природу столь же голою, какъ младенецъ въ утробѣ матери», представить ее такою, «какою создалъ ее Господь» [4]).

Что же сказать о нѣмецкой сценѣ? Подобно Лессингу, Ленцъ характеризуетъ ее, какъ «удивительную смѣсь» изъ особенностей сценъ другихъ національностей. «Эта сцена—острить авторъ — достигла до такого пункта совершенства, что замѣтить его невооруженнымъ глазомъ—невозможно». Нѣмецкіе Софоклы, нѣмецкіе Плавты, нѣмецкіе Шекспиры, нѣмецкіе французы, нѣмецкіе Метастазіо и т. д., притомъ часто соединенные въ одномъ и томъ же лицѣ [5]).

Значительную часть своего разсужденія (стр. 217—225) Ленцъ посвящаетъ критикѣ французскаго ложноклассическаго театра. Здѣсь онъ какъ бы сводитъ воедино все, что говорилось противъ послѣдняго раньше его въ англійской, французской и нѣмецкой литературѣ. Фильдингъ и Юнгъ, Дидро и Руссо (въ «Новой Элоизѣ»), Лессингъ и Гердеръ—всѣ снабжаютъ его оружіемъ въ этой борьбѣ [6]). Но всего болѣе ему даетъ Мерсье, остановившійся на вопросѣ подробнѣе другихъ.

Не забываетъ Ленцъ также одного изъ наиболѣе раннихъ и солидныхъ критиковъ французской трагедіи, Ламотта, который, какъ оказывается по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, оказалъ замѣтное вліяніе на «Гамбургскую драматургію» Лессинга [7]). Ленцъ беретъ сторону Ламотта въ спорѣ его съ Вольтеромъ и осыпаетъ послѣдняго градомъ насмѣшекъ [8]).

Въ нападкахъ на французскій театръ Ленцъ не щадитъ одинаково ни трагедіи, ни комедіи. Въ этомъ отношеніи онъ расходится съ своимъ великимъ предшественникомъ—Лессингомъ, который главные удары своей безпощадной критики направилъ на французскую трагедію, а комедіи удѣлилъ очень мало вниманія и глубоко уважалъ Мольера. Другіе антагонисты ложноклассическаго театра—Фильдингъ, Руссо, Дидро, Гердеръ—также имѣли въ виду одну трагедію. Мерсье впервые подвергъ одинаковому осужденію, какъ трагедію, такъ и комедію французовъ [9]). По его стопамъ идетъ и Ленцъ.

Первый упрекъ, который Ленцъ посылаетъ по адресу французскаго театра, заключается въ томъ, что французскіе драматурги подчиняются рабски правиламъ аристотелевской поэтики и изощряются въ мелочномъ соблюденіи пресловутыхъ трехъ единствъ. Ими повторяются всѣ недостатки аристотелевской поэтики: представленіе, будто въ трагедіи характеры являются чѣмъ то побочнымъ, непониманіе различія между разсказомъ въ поэмѣ и въ трагедіи и т. д.

Не Аристотель, а «природа» должна быть «зодчимъ» драмы. Этого не хотятъ понять французы, и отсюда проистекаетъ второй недостатокъ французскаго театра: поразительное однообразіе фабулы ихъ пьесъ, доходящее до тошноты. Не доказываетъ ли это вполнѣ ясно, что эти пьесы суть произведенія ремесла, а не искусства? «Ибо природа многообразна въ своихъ проявленіяхъ, ремесло же однообразно». Только «дыханіе природы и искра генія» могутъ внести спасительное разнообразіе въ истинно творческія произведенія. Интриги французскихъ пьесъ выбиваются на одной колодкѣ, вырѣзываются по одному и тому же шаблону, который только слегка варіируется по требованіямъ моды. «Я видѣлъ недавно длинную комедію, все содержаніе которой вертѣлось около игры словъ. Другое дѣло, если бы подобныхъ trifles light as air коснулась рука Шекспира! Но если интрига составляетъ сущность пьесы, а завязка ея заключается въ одномъ словѣ, то вся пьеса стоитъ не дороже ка-

ламбура». Откуда эта бѣдность вымысла и вдохновенія, тогда какъ «остроуміе Шекспира не истощилось бы никогда, хотя бы ему пришлось къ прежнимъ своимъ комедіямъ прибавить столько же новыхъ»? Это происходитъ отъ забвенія того, что «разнообразіе характеровъ и психологій есть тотъ рудникъ природы, котораго касается волшебный жезлъ генія». «Этимъ разнообразіемъ обусловливается безконечное разнообразіе дѣйствій и событій въ мірѣ» [10]).

Здѣсь Ленцъ повторяетъ любимую мысль Фильдинга, которую онъ выражаетъ въ самомъ началѣ своего «Тома Джонса»: «просвѣщенному читателю не безъизвѣстно, что человѣческая природа такъ чудесно разнообразна, что поваръ скорѣе переберетъ всѣ возможные сорта животной и растительной пищи, нежели авторъ исчерпаетъ такой обширный предметъ». Противъ однообразія и условности въ рисовкѣ характеровъ у ложноклассическихъ писателей всегда возставалъ великій англійскій романистъ, замѣчавшій, что «истинную природу такъ же трудно найти у писателей, какъ байонскій окорокъ или болонскую колбасу въ лавкахъ».

Третье обвиненіе Ленца противъ французской драмы заключается въ томъ, что она совершенно лишена характеровъ. «Ихъ герои и героини, мѣщане и мѣщанки—всѣ на одно лицо, думаютъ одинаково и дѣйствуютъ однообразно». «Разрозненныя карикатурныя черты въ ихъ комедіяхъ не даютъ еще очерка характеровъ, олицетворенныя общія мѣста о скупости не суть личности». Ленцъ искалъ утѣшенія въ такъ наз. «Charakterstücken», но и въ нихъ нашелъ столько же сходства съ природой (и даже менѣе), какъ у маскарадныхъ масокъ [11]).

Изображая характеры, французскіе драматурги прибѣгаютъ къ одному изъ двухъ способовъ: либо понадергиваютъ ихъ по клочкамъ изъ Лукана и Сенеки, Эврипида и Плавта, и характеръ готовъ; либо дѣлаютъ ихъ точными снимками своей собственной души, ихъ самихъ. «Такъ герои Вольтера почти сплошь толерантные свободные мыслители, а герои Корнеля настоящіе Сенеки». Поэтому даже лучшія французскія драмы представляютъ изъ себя «не картину природы», какъ бы слѣдовало, а только снимокъ съ души ихъ авторовъ. Ихъ дѣйствующія лица—маріонетки, которыя не имѣютъ собственной жизни и пляшутъ подъ дудку и по капризу автора, который постоянно выглядываетъ изъ-за ихъ мертвыхъ фигуръ. Страсть фран-

цузовъ подъ маской героя выставляетъ самого себя такъ велика, что даже «божественный» Руссо не вполнѣ свободенъ отъ нея. Въ «Новой Элоизѣ», этой «наилучшей изъ всѣхъ книгъ, напечатанныхъ когда-либо французскими буквами», при всемъ стараніи автора спрятаться за спину дѣйствующихъ лицъ, все же иногда проглядываетъ его парикъ, нарушающій поэтическую иллюзію [12]).

Недостатки характеристики, бѣдность содержанія французскіе драматурги стараются прикрыть внѣшнимъ изяществомъ: дикціей, симметріей и гармоніей стиха, риѳмой и т. п. Вольтеръ пользуется всѣми этими украшеніями, какъ искусная кокетка нарядами. За риѳму онъ готовъ хоть пострадать.

Въ результатѣ всего зритель въ театрѣ скучаетъ, и стоитъ ему только покинуть залу, какъ всякое впечатлѣніе отъ пьесы у него моментально испаряется.

Чтобы выяснить на осязательномъ примѣрѣ все различіе между французской и англійской трагедіей, Ленцъ сравниваетъ «Юлія Цезаря» Шекспира съ пьесой Вольтера «La mort de César». Къ этому пріему онъ прибѣгаетъ, конечно, подъ вліяніемъ Лессинга, который, сопоставляя вольтеровскую «Заиру» съ шекспировскимъ «Отелло» и появленіе привидѣнія въ «Семирамидѣ» съ подобнымъ же мотивомъ въ «Гамлетѣ» («Гамб. драматургія», статьи 15—16, 10—12), старается показать все неизмѣримое превосходство Шекспира. Для сравненія Ленцъ выбираетъ только монологъ Брута и сцену съ заговорщиками, приходящими къ нему. Съ большимъ паѳосомъ он указываетъ на тонкія поэтическія черты шекспировскаго генія и наглядно показываетъ, что вольтеровская пьеса стоитъ безконечно ниже [13]).

Таковы обвиненія Ленца противъ французскаго ложноклассическаго театра. Они не были совершенною новостью, въ особенности что касается трагедіи. Еще Руссо называлъ героевъ французской трагедіи не характерами, а маріонетками [14]). Гердеръ указывалъ на субъективный характеръ этихъ героевъ и т. д. Что касается комедіи, то въ осужденіи ея Ленцъ вдохновлялся примѣромъ Мерсье. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только просмотрѣть въ его книгѣ главы IV и V (De la Comédie), гл. VI (Des vices essentiels de la Comédie moderne), гл. VII (De Molière). Съ упреками Ленца, что во французской комедіи нѣтъ характеровъ, мѣсто которыхъ занимаютъ снимки

съ души автора или игра остроумія, слѣдуетъ сопоставить подобныя же обвиненія со стороны Мерсье [15]). Ранѣе Ленца Мерсье осуждалъ французскую «комедію характеровъ»: Je ne goûte pas cette manière, elle est fausse et aride — Le poète fait de son personnage ce qu'un écuyer fait d'un cheval au manège [16]). Мерсье упрекалъ Мольера за недостаточную обрисовку характеровъ (за исключеніемъ «Тартюфа», который ставится имъ высоко какъ съ художественной, такъ и съ нравственной точки зрѣнія) или за карикатурное ихъ изображеніе, искажающее дѣйствительность [17]). Что касается упрековъ французской комедіи въ томъ, что она безсодержательна и утомительно-однообразна, то мы встрѣчаемъ ихъ у Мерсье не разъ (см. въ особенности гл. VI его «Nouvel essai» [18]). Въ насмѣшкахъ Ленца слышатся отголоски того негодующаго осужденія, которому предавалъ свою родную комедію горячій патріотъ и энтузіастъ Мерсье.

Ленцъ разошелся съ Лессингомъ не только въ оцѣнкѣ французской комедіи, но и въ другомъ существенномъ пунктѣ: во взглядѣ на отношеніе драмы французовъ къ поэтикѣ Аристотеля. Лессингъ утверждалъ, что погрѣшности французской драмы происходятъ отъ того, что французы исказили требованія аристотелевской поэтики и не сумѣли понять ихъ цѣнную сущность. Ленцъ же упрекаетъ французовъ за то, что они рабски слѣдовали за Аристотелемъ, и въ этомъ видитъ первый существенный недостатокъ ихъ театра [19]).

Критикѣ аристотелевской теоріи драмы посвящена значительная часть «Замѣтокъ о театрѣ», при чемъ положенія Аристотеля обыкновенно отвергаются, а самъ философъ подвергается насмѣшкамъ. Его «поэтика» названа презрительно «Poetische Reitkunst» [20]).

Соглашаясь съ тѣмъ, что всякая пьеса есть «подражаніе», Ленцъ ставитъ вопросъ: «что̀ въ пьесѣ составляетъ собственно предметъ подражанія: человѣкъ или судьба человѣка»? Отъ различныхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ зависятъ, по мнѣнію Ленца, двѣ различныхъ системы: французовъ («не лучше ли сказать грековъ»?), съ одной стороны, а съ другой — англичанъ и другихъ сѣверныхъ народовъ, «которые не были осѣдланы по-гречески» [21]). Ленцъ переходитъ къ разбору аристотелевскаго опредѣленія трагедіи (Περὶ ποιητικῆς, гл. VI), находя его неправильнымъ. Аристотель ставитъ въ трагедіи на первое мѣсто фабулу, которой подчиняетъ характеры. «Самое важное въ этомъ—составъ происшествій (фабула), такъ какъ трагедія есть

подражаніе не людямъ, но дѣйствію и жизни, счастью и злосчастью, а счастіе и злосчастіе заключается въ дѣйствіи, и цѣль (трагедіи)— какое-нибудь дѣйствіе, а не качество; люди же бываютъ какими-нибудь по своему характеру, а по дѣйствіямъ — счастливыми или наоборотъ. Итакъ, (поэты) выводятъ дѣйствующихъ лицъ не для того, чтобы изобразить ихъ характеры, но, благодаря этимъ дѣйствіямъ, они захватываютъ и характеры; слѣдовательно, дѣйствія и фабула составляютъ цѣль трагедіи, а цѣль важнѣе всего. Кромѣ того, безъ дѣйствія не могла бы существовать трагедія, а безъ характеровъ могла бы»[22]).

Оправданіе этому мнѣнію Аристотеля Ленцъ находитъ въ вѣрѣ древнихъ грековъ въ судьбу или рокъ, управляющій дѣйствіями человѣка. Это должно было придать характеру второстепенное значеніе. Но не правы были французы, которые въ своихъ трагедіяхъ тоже поставили на первый планъ дѣйствіе, не имѣя для этого никакого извиненія въ господствующихъ воззрѣніяхъ. «Такъ какъ неумолимый рокъ опредѣлялъ и направлялъ поступки древнихъ, то эти поступки могли быть имъ интересны сами по себѣ, безъ отысканія и обнаруживанія ихъ причины въ человѣческой душѣ. Но мы ненавидимъ такія дѣйствія, причины которыхъ отъ насъ скрыты, и не интересуемся ими»[23]). Театръ грековъ происходилъ изъ богослуженія; поэтому ихъ пьесы были очень религіозны. Такъ какъ fatum у нихъ составлялъ все, то они содрогались передъ мыслью выводить въ трагедіи событія изъ характеровъ; это сочли бы они за кощунство. «Главное чувство, которое должно было быть возбуждено, было не глубокое уваженіе къ личности героя, но слѣпой и рабскій страхъ передъ богами». Поэтому Аристотель не могъ сказать иначе, какъ: secundum autem sunt mores[24]). На значеніе fatum'а въ древне-греческомъ театрѣ указывалъ и Мерсье[25]).

Поэтому Ленцъ полагаетъ, что въ современной трагедіи должны быть всего важнѣе характеры, дѣйствію же должна быть удѣлена второстепенная роль. Фабула существуетъ въ трагедіи для характеровъ, а не наоборотъ.

Ленцъ является горячимъ поклонникомъ реализма въ искусствѣ. Какая польза поэту въ философіи, въ знаніи законовъ человѣческой души, если онъ не умѣетъ изображать *индивидуальное*[26])? Умѣнье изображать характеры со всѣми ихъ особенностями, поло-

жительными и отрицательными сторонами,—составляетъ главное требованіе отъ художника. Въ противоположность «условнымъ характерамъ и условнымъ психологіямъ» Ленцъ выдвигаетъ на первый планъ все характеристичное и поэтому склоненъ даже художника-карикатуриста поставить несравненно выше художника-идеалиста, воспроизводящаго постоянно идеалъ красоты, который, собственно говоря, существуетъ только въ его мозгу [27]). Трагедія должна имѣть дѣло съ характерами, «которые сами себѣ создаютъ обстоятельства», предоставляя богамъ только быть зрителями совершающагося; она должна имѣть дѣло съ людьми, а не съ маріонетками» [28]).

Ученіе Аристотеля о трехъ единствахъ Ленцъ называетъ «устрашающей, печально извѣстной буллой о трехъ единствахъ». Требованіе единства дѣйствія Ленцъ считаетъ столь же абсурднымъ, какъ и требованія единства мѣста и времени. «Фабула бываетъ *едина*, учитъ Аристотель, не тогда, когда она вращается около одного (героя), какъ думаютъ нѣкоторые: въ самомъ дѣлѣ, съ однимъ можетъ случиться безконечное множество событій, даже часть которыхъ не представляетъ никакого единства. Точно также и дѣйствія одного лица многочисленны, и изъ нихъ никакъ не составляется одного дѣйствія» [29]). Подчинять героя фабулѣ—это, говоритъ Ленцъ, все равно, что стараться продѣть корабельный канатъ въ игольное ушко. Греческая трагедія—была трагедіей фабулы; наша должна быть трагедіей характеровъ. Древніе греки собирались въ театръ, чтобы созерцать дѣйствіе; мы же—для того, чтобы видѣть цѣлый рядъ дѣйствій (или дѣяній), «которыя слѣдуютъ одинъ за другимъ, какъ громовые удары» и объединяются личностью героя. Поэтому формулу Аристотеля Ленцъ предлагаетъ замѣнить прямо обратнымъ положеніемъ: «fabula est una si circa unum sit», т. е. «Фабула едина тогда, когда она вращается около одного (героя)» [30]).

Въ противоположность Лессингу, отъ проницательнаго ума котораго, къ сожалѣнію, ускользнуло глубокое коренное различіе между трагедіей грековъ и народовъ новаго времени, Ленцъ сознаетъ, хотя и не совсѣмъ, можетъ быть, отчетливо, это различіе и пытается объяснить его. Греческую драму онъ выводитъ не только изъ религіознаго ритуала, какъ Гердеръ, но и изъ религіозныхъ воззрѣній грековъ и въ особенности изъ ихъ вѣры въ судьбу или рокъ. «Непоколебимый рокъ и его тайныя вліянія»—вотъ чего искали греки

въ трагедіи; мы же въ ней ищемъ характеровъ, желаемъ видѣть нашихъ братьевъ—людей» [31]).

Чрезвычайный интересъ къ человѣку, къ его человѣческой индивидуальности—составляетъ черту періода «бури и натиска», общую съ эпохой Возрожденія. Новое пробужденіе личности рѣзко сказалось въ такомъ интересѣ къ человѣку. Въ этомъ отношеніи Sturm und Drang былъ, такъ сказать, вторымъ Возрожденіемъ. И тотъ, и другой періодъ былъ высокаго мнѣнія о человѣкѣ, былъ проникнутъ реформаціонными стремленіями, цѣлью которыхъ было—улучшить положеніе человѣка, поставить его въ болѣе удовлетворительныя условія, сообразно съ новымъ, болѣе высокимъ представленіемъ о человѣческой личности, ея способностяхъ и правахъ.

Это увлеченіе сказалось, въ частности, и въ драматической теоріи Ленца. Въ драмѣ для него стоитъ на первомъ мѣстѣ человѣческій характеръ. Всѣ усилія художника должны быть направлены къ его творческому воспроизведенію на сценѣ. Для достиженія этого авторъ можетъ жертвовать всѣмъ другимъ и преспокойно ломать всѣ обычныя рамки, налагаемыя условіями драмы, разъ его «характеръ» не укладывается въ нихъ.

Нѣкоторая переоцѣнка человѣческой личности въ дѣйствительной жизни привела Ленца къ переоцѣнкѣ значенія характера въ драмѣ. Собственно говоря, своимъ ученіемъ онъ сглаживалъ различіе между эпосомъ и драмою. Чувствуя непригодность греческой трагедіи для нашего времени вслѣдствіе незначительности пространства, отмежеваннаго въ ней самосознающей и свободно дѣйствующей человѣческой личности, Ленцъ впадалъ въ другую крайность, отрицая самостоятельное значеніе дѣйствія въ драмѣ. Ставя дѣйствіе въ подчиненное положеніе къ характерамъ, Ленцъ уничтожалъ сущность драмы, отличающейся отъ эпоса прежде всего именно дѣйствіемъ.

Это отрицаніе единства дѣйствія имѣло великія послѣдствія въ драматической практикѣ періода «бури и натиски». Имъ объясняются многія наиболѣе разнузданныя произведенія эпохи.

Единство мѣста въ греческой драмѣ вызывалось, по мнѣнію Ленца, присутствіемъ или единствомъ хора; единство же времени, которое Аристотель считаетъ отличительнымъ признакомъ трагедіи

въ сравненіи съ эпопеей, кажется ему совершенно произвольнымъ требованіемъ.

Ленцъ приходитъ къ выводу, что намъ, людямъ новаго времени, не слѣдъ смотрѣть въ «аристотелевскія очки, которыя намъ не по глазамъ». Безъ нихъ обходились и величайшіе поэты христіанской Европы: «Итальянцы имѣли Данта, англичане Шекспира, нѣмцы Клопштока, которые смотрѣли на театръ съ своей собственной точки зрѣнія, а не черезъ аристотелевскую призму» [32]). Въ высшей степени характерно то, что Ленцъ, опровергая драматическую теорію Аристотеля, ссылается, рядомъ съ Шекспиромъ—единственнымъ упоминаемымъ имъ драматургомъ—на Данте и Клопштока, слѣдовательно на двухъ эпическихъ поэтовъ! Изъ этого уже видно, насколько взглядъ Ленца на драму сближалъ ее съ эпосомъ, хотя онъ и не хотѣлъ въ этомъ прямо сознаться. Но эта характерная ссылка на практику двухъ *эпическихъ* поэтовъ въ опроверженіе *драматической* теоріи Аристотеля, раскрываетъ намъ карты Ленца и служитъ доказательствомъ, что авторъ «Замѣтокъ о театрѣ» не сознавалъ коренного различія между эпосомъ и драмою. О «Божественной комедіи» Ленцъ говоритъ, какъ будто бы она была дѣйствительно драматическимъ произведеніемъ. Не обращая вниманія на то, въ какомъ смыслѣ употреблялъ Данте слово «комедія», Ленцъ въ восторгѣ отъ того, что Данте въ своемъ великомъ произведеніи не соблюдалъ «никакихъ ограниченій времени и мѣста», изображалъ «и небо, и землю». Ленцъ требуетъ для драматическаго поэта такой же свободы, какою пользуется поэтъ эпическій. Такимъ образомъ, различіе между эпосомъ и драмой по существу уничтожалось, и особенностью драмы являлась только діалогическая форма.

Если въ вопросахъ о техникѣ драмы ссылка на «Божественную комедію» слишкомъ мало убѣдительна, то еще удивительнѣе ссылка Ленца на Клопштока. Если въ великомъ произведеніи итальянскаго поэта мы находимъ много драматическихъ элементовъ и положеній, то въ расплывчатой «Мессіадѣ», сильной только лирическимъ изліяніемъ довольно однообразнаго чувства, всякій элементъ драмы положительно отсутствуетъ. Ссылаться на «Мессіаду» въ доказательство, что драма не нуждается ни въ какихъ единствахъ, могъ только человѣкъ, который отказывался признавать коренное различіе между поэзіею эпическою и драматическою.

Въ этомъ ясно сказалась тенденція теоретиковъ «бури и натиска» уничтожить тѣ непереходимыя грани, которыя ставились обыкновенно между различными родами и видами поэзіи. Сглаживая въ значительной степени различіе между трагедіей и комедіей въ такъ-наз. буржуазной драмѣ, «бурные геніи» посягали на смѣшеніе элементовъ эпоса и драмы. Въ эпосѣ ихъ привлекала драматическая энергія дѣйствій, а въ драмѣ они восхищались плавнымъ эпическимъ теченіемъ событій. Вотъ почему Ленцъ и учитъ, что въ драмѣ главное характеры, а дѣйствіе не важно. Вотъ почему онъ и другіе «бурные геніи» изъ всѣхъ драмъ Шекспира наиболѣе увлекались его хрониками, т.-е. драмами эпическаго склада, наименѣе отмѣченными именно драматическимъ геніемъ Шекспира. При стремленіи выйти изъ неподвижныхъ рамокъ опредѣленныхъ поэтическихъ родовъ, ссылка на «хроники» была для нихъ весьма умѣстна. Именно хроники Шекспира должны были навести Ленца на мысль, что «дѣйствіе едино, если вращается около одного лица».

Именно съ подражанія хроникамъ Шекспира начинаетъ Гёте въ своемъ «Гецъ ф.-Берлихингенъ». Нельзя также не замѣтить, что подобный взглядъ на драму оказалъ извѣстное вліяніе на все драматическое творчество Гёте. Онъ никогда не достигалъ той энергіи и сосредоточенности дѣйствія, которыми блестятъ лучшія созданія Шекспира. У Гёте обыкновенно болѣе характеровъ, чѣмъ дѣйствія. Вспомнимъ «Торквато Тассо», «Ифигенію» и др. Въ самомъ «Фаустѣ» чувствуется широкая эпическая волна, смывшая энергію драматическаго дѣйствія.

Нѣчто подобное мы встрѣчаемъ въ пьесахъ самого Ленца. Главное ихъ достоинство — рельефно очерченные характеры. Дѣйствія, истинно драматическаго дѣйствія въ нихъ обыкновенно мало, или оно идетъ капризно и судорожно, скачками и прыжками. Возможно также, что именно сознаніе своей силы въ обрисовкѣ характеровъ заставляло его возвысить значеніе характера въ драмѣ насчетъ дѣйствія, подсказало ему его драматическую теорію. У него есть прекрасно очерченные характеры, живо написанные діалоги, но мало настоящаго драматическаго дѣйствія.

Въ критикѣ аристотелевской поэтики и въ отрицательномъ отношеніи къ ней Ленцъ вдохновлялся примѣромъ двухъ предшественниковъ: Герстенберга въ Германіи и Мерсье во Франціи.

Въ то самое время какъ Лессингъ готовился провозгласить въ «Гамбургской драматургіи» непреложность аристотелевскаго ученія о драмѣ, которое въ его глазахъ имѣло силу и доказательность элементовъ Эвклида, Герстенбергъ выступилъ въ походъ противъ Аристотеля въ предисловіи къ переводу одной пьесы Бомона и Флетчера [33]). Соблюденіе единствъ, по его мнѣнію, только повредило греческой драмѣ. Начертывая свою теорію драмы, Аристотель былъ связанъ существующей несовершенной практикой греческаго театра и писалъ, конечно, только для своего времени, а не для нашего. Мѣрить на его аршинъ Шекспира немыслимо. До Ленца Герстенбергъ оспаривалъ положеніе Аристотеля, что въ трагедіи на первомъ планѣ должно быть дѣйствіе, а не характеры. Какъ и Ленцъ, онъ требуетъ обратнаго и ссылается на примѣръ Шекспира, главную цѣль котораго онъ усматриваетъ «въ тщательномъ и вѣрномъ дѣйствительности изображеніи характеровъ» [34]).

Съ критикой ученія о единствахъ выступилъ и Мéрсье [35]), относившійся, какъ мы видѣли, также отрицательно къ Аристотелю. «Поэтика Аристотеля оказала пагубное вліяніе на прогрессъ литературы... Она написана языкомъ холоднымъ, сухимъ и мало вразумительнымъ... Она будетъ вѣчнымъ мученіемъ для комментаторовъ, потому что, вращаясь въ кругѣ античныхъ нравовъ и не выходя изъ нихъ (даже въ воображеніи), она сдѣлалась непонятною для насъ [36]). Въ доказательство Мерсье ссылается на ученіе Аристотеля объ очищеніи трагическомъ, которое каждый комментаторъ толкуетъ по своему [37]). Съ презрѣніемъ говоритъ Мерсье объ этихъ толкователяхъ [38]).

Отрицательное отношеніе къ аристотелевской поэтикѣ соединялось съ войной противъ какихъ бы то ни было правилъ и регламентацій въ области искусства и съ представленіемъ о прирожденномъ «геніи», творящемъ совершенно свободно, подчиняясь исключительно требованіямъ своего вдохновенія.

Свой взглядъ на «генія» Ленцъ излагаетъ въ связи съ разборомъ вопроса объ источникахъ поэзіи. Онъ насчитываетъ ихъ два: 1) подражаніе природѣ и 2) созерцаніе природы. Человѣкъ, какъ существо самостоятельное и свободно-дѣйствующее, разсуждаетъ онъ, имѣетъ врожденное стремленіе идти по стопамъ того безконечно-свободнаго Существа, которое проявляетъ себя въ мірѣ. Подражать Ему, повторять въ маломъ его твореніе, доставляетъ намъ бла-

женство, возвышаетъ наше существованіе, возвышаетъ насъ самихъ въ собственныхъ глазахъ. Итакъ, подражаніе Творцу доставляетъ человѣку удовольствіе. Таковъ первый источникъ поэзіи [39]). Второй источникъ, по Ленцу, заключается въ также прирожденной человѣку склонности, созерцая природу, стремиться обнять ее сразу въ ея цѣломъ, «однимъ взглядомъ проникнуть въ глубочайшую сущность всѣхъ существъ, однимъ чувствомъ воспринять все блаженство, разлитое въ природѣ». Обыкновенному человѣку это недоступно, такъ какъ «наша душа, подобно тѣлу, есть нѣчто, проявленія чего послѣдовательны, слѣдуютъ одно за другимъ» [40]). Но все это прирождено «генію». «Мы называемъ тѣхъ людей геніями, которые сразу проникаютъ въ сущность всего, что̀ имъ представляется, видятъ его насквозь; такъ что ихъ познаніе вещей отличается такими же достоинствами, какъ если бы оно было пріобрѣтено продолжительнымъ наблюденіемъ при помощи всѣхъ семи чувствъ. Познакомьте такого генія съ какимъ-нибудь языкомъ, математическимъ доказательствомъ, всѣмъ, что вамъ угодно, и прежде чѣмъ вы окончили рѣчь, образъ уже сидитъ въ его душѣ, со всѣми его отношеніями, свѣтомъ, тѣнью, колоритомъ».

«Способность отражать предметъ есть узелъ, nota diacritica *поэтическаго* генія». Что же еще нужно поэту? «Безумство, благочестивый читатель! нѣчто такое, что Горацій называлъ vivida vis ingenii, а мы зовемъ вдохновеніемъ, силой творчества, поэтическою способностью или никакъ не называемъ». Это «безумство» есть даръ божественнаго происхожденія, сближающій генія съ божествомъ: «Творецъ взираетъ съ неба на геніевъ, какъ на божковъ, которые, храня въ груди его искру, возсѣдаютъ на земныхъ тронахъ и, подобно ему, владѣютъ маленькими мірами» [41]). Поэтъ подражаетъ Богу въ творчествѣ; его картины легко принять за самыя вещи, которыя онѣ изображаютъ. Такимъ образомъ, геній является какъ бы конкурентомъ божества и состязается съ послѣднимъ въ актѣ творенія.

Подражаніе свойственно всѣмъ изящнымъ искусствамъ, а наблюденіе — всѣмъ наукамъ. «Поэзія, повидимому, тѣмъ отличается отъ всѣхъ искусствъ и наукъ, что она соединяетъ оба эти источника: она все глубоко продумываетъ, проникаетъ, *прозрѣваетъ* и затѣмъ

въ *вѣрномъ* подражаніи воспроизводить вторично» [42]). На *прозрѣніе* и *воспроизведеніе* существующаго сводится дарованіе «генія».

Таковъ взглядъ Ленца на поэзію и на поэта-творца. Несомнѣнно, что онъ сложился подъ ближайшимъ вліяніемъ Гердера, которому Ленцъ нерѣдко подражаетъ не только въ идеяхъ, но и въ выраженіи ихъ [43]). Свою долю вліянія долженъ былъ оказать и Юнгъ. Его противоположеніе оригинальнаго писателя подражателю должно было все время носиться передъ умственнымъ взоромъ Ленца, когда онъ писалъ свои замѣтки. Возвышая, вслѣдъ за Юнгомъ, писателя-творца, Ленцъ не упускаетъ случая уязвить подражателей, бросить насмѣшку въ лицо тѣмъ bel esprits, которые не въ состояніи понять природу иначе, какъ въ «прикрашенномъ» видѣ. Въ глазахъ же Ленца эта «прекрасная» природа есть не что иное, какъ «искаженная» природа [44]).

Ученіе о геніи было, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, усвоено и Мерсье, который, осуждая всѣ возможныя поэтики, дѣлаетъ исключеніе для Дидро и особенно горячо рекомендуетъ книгу Юнга «Объ оригинальныхъ сочиненіяхъ». Его «Новый опытъ о драматическомъ искусствѣ» полонъ дифирамбовъ оригинальнымъ «геніямъ», которыхъ онъ часто называетъ «титанами» и «атлетами» — совершенно во вкусѣ нѣмецкаго Sturm u. Drang'а. Подобныя же выраженія Ленца кажутся прямыми заимствованіями у Мерсье [45]).

Легко себѣ представить, какіе результаты могли получиться въ томъ случаѣ, когда подобное, изложенное выше представленіе о геніи примѣнялось не только къ Шекспиру, но и ко всякому, кто только самъ возомнилъ себя геніемъ — конкурентомъ самого божества! Высокое представленіе о себѣ, которымъ отличаются борцы эпохи «бури и натиска», коренится въ подобномъ пониманіи генія, который, какъ близкій къ божеству, долженъ требовать себѣ поклоненія отъ простыхъ смертныхъ. Они — соль земли, они — свѣточи, они смѣло шагаютъ за границы обыкновенной человѣческой природы. Человѣкъ обыкновенный долженъ прибѣгать къ цѣпи умозаключеній для познанія и пониманія всего окружающаго. Геній же, подобно ангеламъ и духамъ, проникаетъ въ сущность вещей посредствомъ пристальнаго созерцанія ихъ.

Задачей всякаго поэта и въ особенности драматурга является, по мнѣнію Ленца, пересозданіе людей, по образу и подобію существую-

щихъ. Отвергая ученіе Аристотеля о трехъ единствахъ, Ленцъ считаетъ нелѣпою самую мысль подвергнуть какому-нибудь стѣсненію свободнаго поэта-творца [46]). Драматическій писатель—«судья живыхъ и мертвыхъ», его генію придается эпитетъ «божественнаго». Въ иныхъ случаяхъ его творенія производятъ большій эффектъ, чѣмъ созданія самого Бога [47]).

Подобно Юнгу въ Англіи, Гаманну, Герстенбергу и Лессингу въ Германіи и Мерсье во Франціи, Ленцъ сражается противъ ложноклассицизма подъ знаменемъ Шекспира. Посмотримъ, какъ культъ Шекспира отразился на собственной драматической теоріи Ленца.

Въ концѣ своихъ «Замѣтокъ о театрѣ» Ленцъ высказываетъ свой взглядъ на трагедію и комедію. Онъ какъ бы подводитъ итоги критикѣ существующей французской трагедіи и комедіи и говоритъ о томъ, чѣмъ эти послѣднія должны быть. Здѣсь положительная сторона его теоріи, и къ ней интересно прислушаться.

Легко замѣтить, что теорія Ленца составлена ad hoc, извлечена цѣликомъ изъ наблюденій надъ драмами Шекспира. Это, такъ сказать, теорія шекспировской драмы, какъ она отражалась въ умѣ «бурныхъ геніевъ». Ее они считаютъ обязательною для всякаго драматическаго творчества.

Ленцъ и его товарищи впадали, конечно, въ противорѣчіе сами съ собою, когда изъ драмъ Шекспира они дѣлали единственный всеспасающій канонъ, между тѣмъ какъ сами же въ принципѣ были противъ всякихъ правилъ, противъ регламентаціи поэтическаго вдохновенія. Мерсье былъ гораздо послѣдовательнѣе: восхищаясь Шекспиромъ, онъ рекомендовалъ учиться у него, но отнюдь не подражать ему [48]). И это было вполнѣ согласно съ его принципомъ свободы поэтическаго творчества.

Однако, теорія трагедіи не составлена у Ленца на основаніи изученія всего соотвѣтствующаго отдѣла произведеній Шекспира: онъ отдѣляетъ только часть ихъ, а именно такъ называемыя драматическія хроники, которыми онъ наиболѣе восхищается. Внутренній строй ихъ кажется ему обязательнымъ для всякой трагедіи. «Трагедія никогда не была у насъ, какъ у грековъ, средствомъ сохранить для потомства замѣчательныя событія, но замѣчательныя личности. Для первой цѣли у насъ были хроники, романы, праздники, для второй—представленіе, драма». Знаменателенъ тотъ фактъ, что въ подтвер-

жденіе своего взгляда на трагедію Ленцъ ссылается на прошлое нѣмецкаго театра, а именно на драмы Ганса Сакса, который «ничуть не задумывается изобразить въ одномъ *актѣ* свою кроткую Гризельду — невѣстой, женой, беременной и родильницей» [49]. Такъ является идея внутренняго сродства между Шекспиромъ и старонѣмецкимъ театромъ; видно стремленіе національной тенденціи, старающейся выдвинуть свое забытое прошлое и отдать ему должное.

То же самое находитъ Ленцъ въ «историческихъ пьесахъ» Шекспира, которыя онъ готовъ бы былъ назвать «Charakterstücke», если бы этимъ именемъ такъ не злоупотребляли. Въ центрѣ стоитъ личность, «мумія стараго героя, которую біографъ бальзамируетъ и умащаетъ и въ которую поэтъ вливаетъ дыханіе жизни. Тогда возстаетъ онъ, благородный мертвецъ, просвѣтленный красотою выходитъ изъ историческихъ книгъ и живетъ съ нами вторично» [50].

Если на личности сосредоточивается, по мнѣнію Ленца, весь интересъ трагедіи, то «совершенно иначе обстоитъ дѣло съ комедіей. По моему мнѣнію, основою всякой комедіи должно быть событіе (Sache), а трагедіи — личность (Person)». «Неравный бракъ, подкидышъ, причуда какого-нибудь чудака» таково содержаніе комедіи, личность же мы узнаемъ здѣсь лишь настолько, насколько ея характеръ могъ имѣть значеніе при этомъ: мы не требуемъ здѣсь знанія *всей личности*.

Таковы, по мнѣнію Ленца, комедіи Шекспира.

«Въ трагедіи дѣйствія суть ради личностей. Въ комедіи, напротивъ того, я исхожу отъ дѣйствій и заставляю лица принимать въ нихъ то участіе, которое мнѣ желательно. Комедія безъ лицъ неинтересна, трагедія безъ лицъ противорѣчіе, чудовище, ораторская фигура, мыльный пузырь на устахъ Вольтера и Корнеля безъ жизни и реальности — довольно дуновенія, чтобы онъ лопнулъ» [51].

Греческій театръ былъ тѣсно связанъ съ ихъ религіозными понятіями, со всѣмъ конибомъ ихъ мысли и поступковъ. Такого же соотвѣтствія мы должны требовать и отъ современнаго театра. Такъ какъ наша религія, наше міросозерцаніе, наша культура отличны отъ греческихъ, то мы и не можемъ исходить изъ той же точки зрѣнія, какъ Аристотель. Для опредѣленія, чѣмъ должны быть современная трагедія и комедія, намъ слѣдуетъ обращаться къ отечественному «народному вкусу» прежнихъ и теперешнихъ временъ. Этотъ «вкусъ»,

Гордая увѣренность въ самихъ себѣ и сознаніе своихъ силъ звучитъ въ дальнѣйшихъ словахъ рецензіи. «Кто прочелъ описаніе генія на стр. 15 и еще думаетъ, что онъ въ состояніи претендовать на этотъ почетный титулъ, тотъ долженъ дѣйствительно обладать этимъ геніемъ, иначе онъ—надменнѣйшій изъ всѣхъ глупцовъ, когда-либо пытавшихся пробраться ползкомъ на небо». Въ этихъ словахъ какъ бы чувствуется сознаніе и убѣжденность въ своей «геніальности» и стремленіе поставить себя высоко надъ обыкновенными смертными.

Приглашая читателя внимательно прочитать «Замѣтки о театрѣ», рецензентъ выдвигаетъ въ нихъ два пункта, которые кажутся ему наиболѣе важными. Во 1-хъ, отрицаніе Аристотеля: «съ великимъ ужасомъ и холоднымъ содроганіемъ сердца узнаешь ты, на какихъ гнилыхъ и заплѣсневѣлыхъ столбахъ уже давно покоились *аристотелевскія* подмостки». Во 2-хъ, защита исторической трагедіи: «наконецъ ты можешь сразу проглотить—какъ супъ изъ мозговъ—лучшее—все самое лучшее!—что только можно сказать въ защиту историческихъ драмъ». Выдвигая эти два пункта, говоря о нихъ съ особеннымъ удареніемъ, рецензентъ, несомнѣнно, отмѣчаетъ то, что было наиболѣе ново и оригинально въ «Замѣткахъ» Ленца и входило, такъ сказать, въ литературной обиходъ «бурныхъ геніевъ»: отрицаніе аристотелевской поэтики и пристрастіе къ исторической драмѣ, которая считалась наиболѣе совершеннымъ типомъ трагедіи. Въ послѣднемъ случаѣ Ленцъ давалъ лишь теоретическое обоснованіе тому, что сдѣлалъ Гёте на практикѣ своимъ «Гёцемъ фонъ-Берлихингенъ».

Рецензія эта исходила изъ ближайшаго кружка Гёте и выражала взгляды передового отряда въ арміи Sturm u. Drang'a. Но за этимъ радикальнымъ ядромъ стояла болѣе умѣренная фракція, раздѣлявшая всѣ существенныя положенія новой нарождавшейся литературной школы, но сохранившая достаточно хладнокровія, чтобы не увлечься крайностями и преувеличеніями главарей школы.

Мнѣніе этой фракціи и вообще людей, отнесшихся къ новому направленію скорѣе дружелюбно, чѣмъ враждебно, нашло себѣ отраженіе въ журналѣ «Магазинъ нѣмецкой критики» [63]). Рецензентъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе, громко заявленное въ «Замѣткахъ о театрѣ», что правила Аристотеля не обязательны для нашего времени.

Онъ вообще думаетъ, что достоинства пьесъ не зависятъ отъ теоретическихъ убѣжденій ихъ авторовъ. Внѣшнія формы не представляютъ большаго значенія подъ условіемъ талантливости автора: «Будь только поэтъ *геніемъ*, знай *природу*, слѣдуй ея *правиламъ*, знай въ особенности человѣка, имѣй философское и эстетическое чувство, умѣй подражать и изображать — и онъ будетъ на каждой ступени великой лѣстницы (драматическихъ произведеній) учителемъ людей и услужливымъ собесѣдникомъ». На обширномъ полѣ драматическаго творчества каждый можетъ обрабатывать ту борозду, которая ему болѣе нравится. «Но нашъ авторъ выталкиваетъ юныхъ писателей изъ одной борозды только для того, чтобы втолкнуть ихъ въ другую. Они должны писать *шекспировскія трагедіи*, и *отнюдь не писать* трагедій съ тремя единствами. Къ чему *эта новая булла?* Будь тѣмъ, что ты есть! Геніемъ! подчиненнымъ только *религіи* и *природѣ*» *).

Въ этомъ отношеніи рецензентъ ближе къ Мерсье и пишетъ болѣе въ его духѣ, съ тѣмъ различіемъ, что нашъ нѣмецъ благодушный эклектикъ, готовый допустить, что и ложноклассическая трагедія и трагедія шекспировская могутъ жить бокъ-о-бокъ и быть одинаково прекрасны и одинаково нравиться, какъ бы противорѣчивы онѣ ни были.

Авторъ признаетъ возможность усовершенствованія литературныхъ формъ. И если найдена такая форма для трагедіи, то «горе тому, кто является тогда со своимъ переплетеннымъ въ свиную кожу Аристотелемъ и тычетъ пальцемъ въ книгу, какъ только мы изъявляемъ желаніе подняться на высшую ступень, которой не зналъ Аристотель, *такъ какъ ему не позволялъ его рокъ*»... «Законъ Аристотеля не есть всеобщій законъ; онъ давалъ *большею частью* очень хорошія правила для того рода трагедіи, который былъ ему извѣстенъ. Но по ту сторону, куда не достигалъ взглядъ Аристотеля, есть также земля, прекрасная и плодоносная, и тамъ существуютъ иные законы и иныя правила воздѣлыванія, ибо это *другая* земля. Но кто остается по эту сторону, не долженъ забывать мудраго мужа—и по эту сторону есть также хорошая земля» [64].

---

*) Ленцъ говорилъ о необходимости для всякаго автора имѣть религіозныя убѣжденія.

Рецензентъ выражалъ, очевидно, мнѣнія примирительной партіи, принимавшей новое, но не имѣвшей силы сразу отречься отъ стараго.

Къ ученію Ленца, что герой творитъ обстоятельства и свою судьбу, рецензентъ дѣлаетъ поправку: герой не всегда создаетъ судьбу, иной разъ онъ только модифицируетъ или индивидуализируетъ ее; и въ этомъ есть многочисленные оттѣнки, различныя ступени. При этомъ авторъ ссылается на «Макбета» и «Лира».

Рецензентъ все-таки не является поклонникомъ французской трагедіи, одобряетъ все, что говоритъ противъ нея Ленцъ, замѣчая лишь, что Аристотель, какъ доказалъ это Лессингъ, тутъ не при чемъ. Съ Аристотелемъ или безъ Аристотеля, но французы никогда не заняли бы высшей ступени въ драматической поэзіи.

Затѣмъ рецензентъ дѣлаетъ Ленцу два упрека. Во 1-хъ, за полную бездоказательность его положенія, что въ комедіи главное событія, а не характеры. — «Я восхищаюсь моей «Минной» («Минна ф. Барнгельмъ» Лессинга), и думаю и здѣсь, что генію нужно предоставить искать и находить свою собственную дорогу». Во 2-хъ, рецензента непріятно поражаетъ странный отрывочный языкъ.

Отозвался на «Замѣтки о театрѣ» и Виландъ, ненавистный бурнымъ геніямъ, какъ «развратитель нравовъ», какъ «распространитель французскаго яда». Рецензія, помѣщенная въ «Нѣмецкомъ Меркуріи», была написана въ довольно умѣренномъ тонѣ. «Замѣтки» Ленца сочтены здѣсь полезными для всѣхъ драматическихъ писателей хотя бы только тѣмъ, что должны побудить ихъ «серьезнѣе изучать человѣка, чѣмъ это дѣлалось раньше». Но Ленцу не принадлежитъ заслуга новизны, такъ какъ онъ является лишь въ ряду тѣхъ «иконоборцевъ», которые пошли по пути Лессинга. Одно ново въ «Замѣткахъ»: это—слогъ, аффектированный, ничего общаго не имѣющій съ образцами лучшихъ писателей всѣхъ временъ и народовъ, непонятный, туманный и ложный [65]).

Виландъ, съ своей стороны, прибавилъ къ рецензіи «Замѣтку издателя» и раздраженный ироническими замѣчаніями по своему адресу во «Франкфутскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ» обрушился гораздо сильнѣе своего сотрудника на Ленца за тонъ и слогъ всей книжки.

Кто бы ни былъ авторъ «Замѣтокъ о театрѣ», писалъ Виландъ, ясно, что этотъ молодчикъ «геній», и писалъ для такихъ же «геніевъ», какъ

онъ самъ, хотя истинные геніи ни въ чемъ подобномъ, конечно, не нуждаются. Въ качествѣ «генія» онъ задаетъ читателю таинственныя загадки, которыя ни публика, ни онъ самъ разрѣшить не могутъ. Прихотливый ходъ его мысли похожъ «на прыжки козы съ утеса на утесъ». Языкъ его какой-то «чудной жаргонъ». Его тонъ— тонъ прорицателя, который «широко раскрываетъ глотку, чтобы сказать что-нибудь великолѣпное, ослѣпительное, ни однимъ человѣческимъ сыномъ еще не сказанное». «Возможно, что подобный вдохновенный прорицатель или геній прозрѣваетъ такія вещи, которыхъ мы, другіе люди, владѣющіе всѣми нашими чувствами, и не подозрѣваемъ». «Чтобы сдѣлать понятною людямъ, не причисленнымъ къ лику геніевъ, эту книжечку, какъ она ни мала, чтобы ее разобрать, отдѣлить зерно отъ шелухи и показать, что въ ней представляетъ здравую критику и что тщеславно—нелѣпое глумленіе, что дѣйствительно придумано вновь и что только при посредствѣ рѣдкихъ оборотовъ, фигуръ и насилія надъ языкомъ, получило видъ неслыханнаго открытія, хотя другіе много раньше сказали тоже самое короче, яснѣе и вѣрнѣе — для того, чтобы все это сдѣлать, понадобилось бы написать книгу in-folio». И до Ленца были люди, понимавшіе, въ чемъ состоитъ величіе Шекспира. Виландъ отсылаетъ къ своимъ замѣчаніямъ въ «Нѣмецкомъ Меркуріи» за 1773 годъ *).

Враждебное отношеніе Виланда не только къ Ленцу, но и къ «бурнымъ геніямъ» вообще выражено здѣсь достаточно ясно. Это въ значительной степени объясняетъ памфлеты Ленца противъ Виланда. Тутъ была война, въ которой оба противника относились другъ къ другу безъ пощады.

Отозвались на «Замѣтки о театрѣ» и «просвѣтители», возмущавшіе «геніевъ» своимъ сухимъ раціонализмомъ и педантическою благопристойностью своихъ мнѣній. Движеніе «бури и натиска» было, въ извѣстной степени, направлено противъ нихъ, поклонниковъ ненавистнаго «геніямъ» Вольтера, выдрессировавшихъ свой умъ и потушившихъ свое сердце въ школѣ фернейскаго философа. Ученики Руссо, поклонники природы, энтузіасты чувства, апологеты сердеч-

*) Въ статьѣ „Der Geist Shakespears“ съ переводомъ отрывковъ изъ „Гамлета“. Der teutsche Merkur. Julius 1773. Стр. 183 сл.

ной жизни,—бурные геніи были антиподами нѣмецкихъ «просвѣтителей» старой берлинской школы.

Одинъ изъ наиболѣе видныхъ членовъ этой послѣдней, Фр. Николаи, отвѣчалъ на вызовъ, брошенный Ленцемъ [66]). Рецензія Николаи пріобрѣтаетъ особый интересъ, разъ мы припомнимъ, что нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ юноша-Ленцъ искалъ покровительства у этого литературнаго авторитета того времени. Ленцъ приносилъ ему переводъ «Essay on criticism» Попа. Тогда будущій «бурный геній» стоялъ еще на точкѣ зрѣнія самого Николаи, въ глазахъ котораго Попъ былъ авторитетомъ. Любопытно, что и въ рецензіи на ленцевскія «Замѣтки» Николаи ссылается на Попа, назвавшаго «правила» Аристотеля ничѣмъ инымъ, какъ «methodisirte Natur».

Слогъ Ленца, его манера не дописывать фразы, предоставляя читателямъ самимъ подыскать надлежащія слова, возмущаютъ Николаи не менѣе, чѣмъ они возмущали Виланда. Но берлинскій «просвѣтитель» всего болѣе нападаетъ на отсутствіе послѣдовательности, ясности какъ въ мысляхъ, такъ и въ изложеніи. Вся эта безпорядочность изложенія доказываетъ, по мнѣнію рецензента, что въ головѣ автора царствуетъ полный сумбуръ (Verworrenheit).

Главная цѣль рецензіи—защита Аристотеля. Николаи печалуется, что «съ этимъ почтеннымъ и опытнымъ человѣкомъ» Ленцъ обращается такъ же, «какъ грубый фельдфебель съ молодымъ рекрутомъ». Николаи въ ужасѣ, что Ленцъ берется судить объ Аристотелѣ, котораго онъ, по собственному признанію, даже не прочелъ до конца. Рецензентъ совершенно основательно выставляетъ на видъ, что для пониманія Аристотеля (какъ утверждалъ уже Лессингъ) необходимо быть знакомымъ и съ другими его произведеніями и вникнуть въ его философію въ полномъ ея объемѣ.

Николаи уличаетъ Ленца въ небрежномъ чтеніи аристотелевскаго текста. Ленцъ упрекалъ Аристотеля, что онъ, высказавъ положеніе, что поэзія имѣетъ два источника, «указываетъ только одинъ своимъ кривымъ мизинцемъ, а другой источникъ прячетъ подъ своей бородой». Николаи говоритъ, что этотъ второй источникъ есть «гармонія» и «ритмъ», что ясно всякому внимательному читателю «Поэтики». Разбирая ученіе Ленца о трагедіи, рецензентъ снова уличаетъ его въ непониманіи Аристотеля. Послѣдній, считая главнымъ въ трагедіи фабулу, придавалъ, однако, громадное значеніе характе-

рамъ, считая ихъ необходимою составною частью всякой трагедіи и ставя ихъ непосредственно вслѣдъ за фабулой. И Аристотель былъ совершенно правъ. «Природа, создавая какой-нибудь геній, конечно, не спрашивала совѣта у Аристотеля; но Аристотель спрашивалъ совѣта у природы, когда онъ творилъ свои правила; и поэтому послѣднія стали, по выраженію Попа, «методизированной природой».

Не защищая ученія объ единствѣ мѣста и времени, Николаи находитъ ему объясненіе въ особенностяхъ греческаго театра, а именно въ присутствіи хора. Что касается единства дѣйствія, то Николаи энергически защищаетъ его отъ нападокъ Ленца, считая его необходимымъ условіемъ всякой драмы «вопреки шуточкамъ нашего рапсода и злоупотребленіямъ нѣкоторыхъ новыхъ драматурговъ». Ученіе Ленца, говоритъ Николаи, можно еще примѣнить къ исторической драмѣ, гдѣ поэтъ и зрители могутъ удовольствоваться однимъ главнымъ характеромъ; въ трагедіи же мы требуемъ бóльшаго—einen Gesichtspunkt, eine Haupthandlung. И это не потому, что такъ хотѣлъ Аристотель, но потому, что этого требуетъ природа вещей, которую онъ и здѣсь бралъ себѣ въ совѣтницы». Здѣсь Николаи цитируетъ извѣстныя слова Аристотеля о составѣ дѣйствія, изъ котораго не можетъ быть выпущена ни одна часть, безъ нарушенія цѣлаго. Эту мысль Аристотеля, какъ извѣстно, выдвигалъ и Лессингъ.

Нападки Ленца на французскую трагедію Николаи считаетъ хотя и заслуженными, но чрезмѣрными. «Но все это было уже много разъ сказано и гораздо основательнѣе, въ особенности въ «Гамбургской Драматургіи».

Въ концѣ своей рецензіи Николаи старается, и не особенно удачно, опровергнуть въ сущности основательную мысль Ленца, что строй древней трагедіи зависѣлъ отъ религіозныхъ вѣрованій грековъ и въ частности отъ ихъ взгляда на «рокъ» и «судьбу».

Четыре указанныхъ рецензіи, вышедшія изъ четырехъ различныхъ литературныхъ лагерей, прекрасно характеризуютъ положеніе литературныхъ партій въ первые годы періода «бури и натиска». По поводу ленцевскихъ «Замѣтокъ о театрѣ» высказали свои мнѣнія и Николаи, типическій представитель нѣмецкихъ «просвѣтителей» со всею ихъ черствою педантичностью и сухимъ раціонализмомъ, и Виландъ, поэтъ фривольнаго эпикуреизма и легкомысленной чувственности, стоявшій подъ французскимъ вліяніемъ. Отозвалась, въ журналѣ Ши-

раха, и масса умѣренныхъ людей, захваченныхъ новымъ освободительнымъ потокомъ, но не считавшихъ возможнымъ совершенно разорвать съ прошлымъ и сжечь корабли. Откликнулась радостно, торжествуя побѣду, та кучка радикальной молодежи, которая группировалась вокругъ Гете и стояла на крайней лѣвой нѣмецкаго Парнасса.

Всѣ четыре группы сходятся въ отрицаніи французской трагедіи и въ уваженіи къ Шекспиру. Но первыя двѣ группы стоятъ вполнѣ на точкѣ зрѣнія Лессинга. Подобно послѣднему, Николаи не можетъ допустить мысли, чтобы Аристотель ошибался въ чемъ нибудь. Виландъ болѣе равнодушенъ къ этому вопросу и въ своей рецензіи ни однимъ словомъ не обмолвился въ защиту Аристотеля. Высокомѣріе и притязательность «геніевъ» его возмущали болѣе, чѣмъ всѣ самыя свирѣпыя нападки на греческаго мудреца.

Двѣ вторыхъ группы характеризуются отклоненіемъ отъ Лессинга и его драматической теоріи. Обѣ исповѣдуютъ принципъ свободы искусства и, отрицая всякія правила, требуютъ точнаго изученія природы.

Отмѣтимъ, что всѣ рецензенты обратили вниманіе на слогъ Ленца: его единомышленники отнеслись къ нему съ горячимъ одушевленіемъ, а противники—съ безусловнымъ осужденіемъ. Очевидно, это былъ одинъ изъ первыхъ образчиковъ «геніальнаго слога» въ прозѣ, примѣненный къ тому же въ критической статьѣ, то есть въ той области, гдѣ обыкновенно наблюдалась казенная правильность и безцвѣтная вылощенность. Тѣмъ болѣе манера Ленца поразила всѣхъ [67]).

Оживленное и страстное обсужденіе «Замѣтокъ о театрѣ» въ важнѣйшихъ тогдашнихъ журналахъ показываетъ, что это небольшое произведеніе сдѣлалось своего рода событіемъ въ литературной жизни Германіи. Сила его заключалась въ томъ, что оно не явилось выраженіемъ лишь индивидуальныхъ взглядовъ Ленца, а исходило, очевидно, изъ цѣлаго кружка и имѣло видъ манифеста новой литературной партіи. Виландъ и Николаи особенно и ополчились на него потому, что отлично понимали, что Ленцъ явился только передовымъ бойцомъ, за которымъ двигалась солидарная съ нимъ и руководимая Гете «молодая Германія,» увлеченія которой сильно огорчали этихъ еще недавнихъ руководителей нѣмецкихъ литературныхъ симпатій. Партійная цѣнность «Замѣтокъ о театрѣ» доказы-

ıется также тѣмъ, что Гете прямо рекомендуетъ обратиться къ ому сочиненію Ленца всякому, кто пожелалъ бы познакомиться съ имъ, о чемъ говорилось въ страсбургскомъ кружкѣ «геніевъ» [68]. тимъ Гете оттѣняетъ вполнѣ ясно солидарность всего кружка съ енцемъ.

Торжество молодой партіи было тѣмъ полнѣе, что ихъ сторону ялъ не кто другой, какъ величайшій изъ тогдашнихъ поэтовъ, обаıемый ею Клопштокъ. Престарѣлый пѣвецъ «Мессіады» и бардъ-тріотъ, на поэзіи котораго воспиталась вся эта молодежь, выступилъ теперь съ теоретическимъ сочиненіемъ подъ названіемъ «Нѣцкая республика ученыхъ», которое появилось въ томъ же 1774 году, къ и «Замѣтки о театрѣ» Ленца [69]). Тотъ же самый Юнгъ, котого Клопштокъ такъ глубоко чтилъ, какъ автора «Ночныхъ думъ», ился его руководителемъ и какъ критикъ и своимъ сочиненіемъ)n the original composition» обусловилъ появленіе его теоретичеаго трактата [70]). Здѣсь мечутся громы въ «подражателей» и схваляются истинные оригинальные геніи, отвергается всякая гламентація поэтическаго творчества и не считается возможнымъ ѣснить тяжелыми оковами «правилъ» свободный полетъ вдохнонной фантазіи. Вмѣсто заглядыванія въ «Regulbuch» молодымъ сателямъ рекомендуется личный жизненный опытъ и наблюденіе бственнаго сердца, такъ же какъ и другихъ людей. Здѣсь сталcя необыкновенно высоко прирожденный «поэтическій геній», авными достоинствами котораго признавалась «смѣлость» и «страстсть».

Своимъ высокимъ авторитетомъ маститый пѣвецъ «Мессіады», залось, санкціонировалъ поэтическія теоріи бурно-стремительной лодежи и поддерживалъ ихъ выраженіе въ «Замѣткахъ о театрѣ» энца. Съ какимъ восторгомъ приняла эта молодежь въ свои объя я новаго могучаго союзника, видно изъ отзыва Гете въ письмѣ ъ Шенборну отъ 10 іюня 1774 г. «Великолѣпное произведеніе лопштока—писалъ глава молодой Германіи XVIII в. — влило мнѣ овую жизнь въ жилы. Это единственная поэтика всѣхъ временъ и ародовъ, единственныя правила, которыя возможны». [71]) Съ востормъ раздѣляетъ Гёте презрѣніе Клопштока къ педантамъ критикамъ къ «стаду рецензентовъ» и не находитъ нужнымъ, чтобы поэтъ, ободный поэтъ, нуждался въ чьей-либо указкѣ.

«Замѣтки о театрѣ» Ленца не могли не оказать своей доли вліянія на выработку теоретическихъ взглядовъ бурной молодежи. Вліяніе ихъ можно прослѣдить до Шиллера, самого юнаго изъ выдающихся питомцевъ Sturm u. Drang'а. Новѣйшій изслѣдователь юношескаго творчества Шиллера находитъ отголоски Ленцевскаго «манифеста» въ предисловіи къ «Разбойникамъ» и въ статьѣ о нѣмецкомъ театрѣ [72]). Въ обоихъ случаяхъ Шиллеръ сходится съ Ленцемъ не только въ нѣкоторыхъ мысляхъ, но и въ ихъ выраженіи. Такъ почти словами Ленца отзывается Шиллеръ о герояхъ Корнеля, похожихъ на «изящныя и вѣжливыя куклы», являющихся «холодными какъ ледъ зрителями своего неистовства или педантами-профессорами своей страсти». Сюжетъ своей пьесы Шиллеръ не считаетъ возможнымъ вмѣстить «въ узкіе предѣлы теоріи Аристотеля или Баттё». Его задача — полное и всестороннее изображеніе характеровъ, вполнѣ соотвѣтствующее дѣйствительности [73]). Какъ мы будемъ имѣть возможность убѣдиться далѣе, и драматическое творчество Ленца не прошло безслѣднымъ для Шиллера.

ГЛАВА VII.

Переводы изъ Шекспира и Плавта.

...Jeder Name ist ein kühner Gedanke—

Lenz.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію самостоятельныхъ произведеній Ленца, остановимся на его попыткахъ переводить и передѣлывать драмы двухъ писателей, которые являлись для него образцами, наиболѣе достойными подражанія.

Увлеченіе Шекспиромъ, превратившееся въ настоящій культъ въ эпоху «бури и натиска», являлось общей тенденціей того времени, которая обусловливалась все болѣе и болѣе возрастающимъ вліяніемъ англійской литературы, съ одной стороны, и необходимостью найти надежную опору въ борьбѣ противъ ложноклассицизма—съ другой.

Еще въ 1759 г. въ одномъ изъ «Литературныхъ писемъ» Лессингъ отдавалъ полное преимущество Шекспиру въ сравненіи съ французскими драматургами [1]). Подъ знаменемъ Шекспира сражался онъ и впослѣдствіи въ «Гамбургской драматургіи». Въ томъ же году Гаманнъ въ первомъ своемъ сочиненіи «Достопримѣчательности Сократа» ставилъ Шекспира на ряду съ Гомеромъ [2]), а черезъ годъ появился нѣмецкій переводъ книги Юнга, гдѣ Шекспиръ выставлялся типомъ могучей геніальности. Подъ вліяніемъ общаго интереса къ Шекспиру за переводъ его драмъ принимается и Виландъ, несмотря на свои французскія симпатіи [3]).

Ко второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка относятся «Письма о достопримѣчательностяхъ литературы» Герстенберга. Здѣсь Герстенбергъ ополчается противъ виландовскаго перевода шекспировскихъ драмъ, видя въ немъ грубое извращеніе оригинала. Онъ высказалъ новый взглядъ на Шекспира, шедшій отчасти въ разрѣзъ со взглядомъ Лессинга.

Послѣдній судилъ Шекспира прежде всего съ драматической точки зрѣнія и старался доказать, что Шекспиръ не слишкомъ уклонялся отъ правилъ аристотелевской пiитики. Признавая все различіе греческаго и шекспировскаго театра, Лессингъ все же находилъ, что есть общіе законы трагики, обязательные для того и другого. Герстенбергъ, напротивъ того, старался доказать, что шекспировская и греческая драма противоположны въ своей глубочайшей сущности и не имѣютъ между собою рѣшительно ничего общаго. Геніальность Шекспира заключалась, по его мнѣнію, въ умѣніи талантливо изображать страсти; Шекспиръ преслѣдовалъ иныя цѣли, чѣмъ греческіе трагики, почему его и нельзя судить по законамъ аристотелевской пiитики [4]).

Пренебрегая собственно драматической стороной піесъ Шекспира, видя въ немъ прежде всего великаго поэта и живописца страстей, Герстенбергъ значительно приближался къ Гаманновскому взгляду. Это обезпечило ему сочувствіе со стороны Гердера, который, однако, старался занять среднее положеніе въ его разногласіи съ Лессингомъ. Гердеръ дополнилъ мнѣнія Герстенберга мнѣніями Лессинга. Вмѣстѣ съ Лессингомъ онъ признаетъ основательность аристотелевской теоріи и умѣетъ отличить ее отъ ложноклассическихъ искаженій; съ другой стороны, онъ очевидно стоитъ на сторонѣ Герстенберга, когда доказываетъ, что шекспировскія пьесы, представляя новый и своеобразный видъ драмы, далеко не вполнѣ могутъ быть подчинены правиламъ аристотелевской поэтики [5]).

Преимущество Гердера передъ Герстенбергомъ и Лессингомъ заключалось въ томъ, что онъ впервые сталъ на историческую точку зрѣнія, которая позволила ему объяснить различное происхожденіе греческой и англійской трагедіи. Но и отъ вниманія Гердера ускользаютъ чисто драматическія особенности Шекспира. Великій драматургъ заслоняется у него образомъ великаго поэта. Восхищаясь чисто поэтическими достоинствами Шекспира, Гердеръ оставляетъ безъ вниманія пріемы его драматическаго творчества, его драматическую технику. Главное его вниманіе возбуждаютъ не драматическіе, а скорѣе лирическіе моменты шекспировскихъ драмъ, въ которыхъ онъ прежде всего цѣнилъ обильное изліяніе чувствъ [6]).

Именно такое отношеніе къ Шекспиру, идущее отъ Гаманна и Герстенберга, укрѣпляется въ сердцахъ «бурныхъ геніевъ». Для

нихъ Шекспиръ становится величайшимъ поэтомъ вообще, могучимъ выразителемъ самыхъ поэтическихъ запросовъ человѣческой души. Вмѣстѣ съ тѣмъ образуется удивленіе и восхищеніе не только передъ поэтическимъ геніемъ Шекспира, но и передъ всею его личностью. Крайне важно то обстоятельство, что и Герстенбергъ, и Гердеръ, и Гете восторгаются Шекспиромъ не только какъ поэтомъ, но и какъ человѣкомъ, образцомъ «всечеловѣчности», всесторонняго и всеобъемлющаго развитія всѣхъ человѣческихъ силъ и способностей. Онъ представляется имъ титаномъ, Прометеемъ, могучею и сильною личностью, идеаломъ, достойнымъ подражанія. Къ такой же породѣ титановъ принадлежали всѣ тѣ образы, которые занимали въ Страсбургѣ фантазію Гете: это были Юлій Цезарь, Магометъ, Прометей и Фаустъ. Сильный характеръ, титаническія страсти начинаютъ считаться истинной принадлежностью всякаго настоящаго генія [7]).

Кромѣ того, произведенія Шекспира представляются Гете и его сверстникамъ богатѣйшей сокровищницей житейской мудрости и опытности, источникомъ познанія міра во всемъ его разнообразіи и людей во всѣхъ наиболѣе индивидуальныхъ проявленіяхъ ихъ внѣшней и внутренней жизни [8]). Такимъ образомъ, въ глазахъ «бурныхъ геніевъ» Шекспиръ являлся живымъ воплощеніемъ того человѣческаго идеала, о которомъ они грезили: онъ далъ наиболѣе полный и привлекательный примѣръ того всесторонняго и мощнаго развитія человѣческой личности, тяготѣніе къ которому таилось въ корнѣ всѣхъ ихъ стремленій.

Итакъ, культъ Шекспира находился въ тѣсной зависимости отъ культурнаго идеала эпохи и выражался тѣмъ горячѣе, чѣмъ жарче были бурныя попытки къ безпрепятственному проявленію индивидуальности.

Какъ типомъ могучей геніальности прежде всего увлекается Шекспиромъ и Ленцъ. Британскій драматургъ является для него истиннымъ воплощеніемъ могучей природной поэтической силы въ человѣческомъ образѣ. «Пылающее око» [9]) его проникаетъ въ глубь человѣческой души, въ самые интимные тайники сердца. Шекспиръ— великій сердцевѣдъ и великій учитель человѣчества, «открывающій намъ великія тайны» [10]). Своими образами онъ запечатлѣваетъ въ сердцахъ истинную мораль [11]).

Впечатлѣнія, произведенныя на Ленца піесами Шекспира такъ сильны, что онъ сравниваетъ ихъ съ впечатлѣніями, производимыми самой природой. Развалины стариннаго замка въ скалистыхъ горахъ романтически-живописнаго Шварцвальда вызываютъ въ его памяти гигантскій образъ короля Лира, блуждающаго въ степи подъ дождемъ и грозою [12]. Дикая горная мѣстность возбуждаетъ въ немъ представленіе о мѣстѣ дѣйствія въ Макбетѣ [13].

Цитатами изъ Шекспира испещрены произведенія и письма Ленца [14]. Нѣсколько разъ выводитъ онъ Шекспира, какъ дѣйствующее лицо. Въ сатирѣ «Pandaemonium germanicum» Гердеръ вызываетъ его духъ: «Приди къ намъ, Шекспиръ, блаженный духъ! снизойди съ твоихъ небесныхъ высотъ». И Шекспиръ является и выражаетъ свое благоволеніе къ Гердеру и Клопштоку [15]. Другой разъ Ленцъ выводитъ Шекспира въ своемъ «монологѣ»: «Шекспировъ духъ». Сцена представляетъ лондонскій театръ въ тотъ моментъ, когда знаменитый актеръ Гаррикъ играетъ «Гамлета». Во время сцены съ Тѣнью появляется духъ Шекспира:

Wie? Welche Menge? Welche Stille?
Als wärens Geister. Welche Grille
Bezaubert diese tausend Köpfe?
Ich?
Mein Hamlet? Mein Stück!
Welch ein unerwartetes Glück!
Hamlet vor mir! *).

Шекспиръ въ восторгѣ отъ того, что видитъ осуществленнымъ то, что «въ незабвенные часы» творчества онъ воспроизвелъ въ свое душѣ, «перечувствовалъ и переиспыталъ съ содроганіемъ». Онъ безконечно счастливъ, что хоть два часа можетъ держать зрителей, своихъ «милыхъ дѣтей», во власти волшебныхъ чаръ своей поэзіи. Послѣ этого ему не страшны никакія нападки желчной критики, вѣнчающей его тернистымъ вѣнкомъ. Спокойно взлетитъ онъ назадъ къ обители Бога [16].

Идти далѣе въ апоѳеозѣ личности и творчества Шекспира врядъ ли было возможно.

*) „Какъ? Такая толпа? Такая тишина? Какъ будто это духи. Какая мечта очаровываетъ тысячу этихъ людей? Я? Мой Гамлетъ? Мое произведеніе! Какое неожиданное счастье! Гамлетъ передо мною“!

Обратимся къ переводамъ Лéнца изъ Шекспира.

Прежде всего онъ увлекся Шекспиромъ, какъ комическимъ писателемъ, и перевелъ его «Love's Labour's lost» (Потерянныя усилія любви), давъ комедіи латинское названіе: «Amor vincit omnia» (Любовь все побѣждаетъ). Переводъ былъ напечатанъ въ 1774 году въ видѣ прибавленія къ его «Замѣткамъ о театрѣ».

Когда возникъ этотъ трудъ? По словамъ Фалька, онъ относится къ ранней юности Ленца на родинѣ [17]). Но достаточно сравнить его съ произведеніями Ленца, несомнѣнно относящимися къ его ранней юности, чтобы убѣдиться въ неосновательности этого утвержденія. Всѣ его произведенія до 1769 г. включительно имѣютъ вполнѣ опредѣленный характеръ: всѣ они религіозно-сентиментальны, навѣяны Клопштокомъ, Юнгомъ и Томсономъ. Струйка натурализма едва пробивается черезъ толщи тяжелаго «пѣснопѣнія». Невозможно себѣ представить, чтобы Ленцъ одновременно и одинаково вдохновлялся и похороннымъ плачемъ Юнга при блѣдномъ мерцаніи таинственной луны, и заразительнымъ и жизнерадостнымъ смѣхомъ Шекспира въ его «Потерянныхъ усиліяхъ любви». Озаренная солнечнымъ свѣтомъ шекспировскаго творчества комедія не подходила подъ тогдашнее уныло-піэтическое настроеніе молодого поэта. Въ томъ же насъ убѣждаетъ и разсмотрѣніе стиля. Его легкое, увѣренное и нерѣдко мастерское владѣніе литературнымъ языкомъ въ переводѣ шекспировской комедіи совсѣмъ не похоже на упражненіе ученика, какъ въ извѣстныхъ намъ произведеніяхъ его ранней юности.

Только подъ вліяніемъ впечатлѣній кенигсбергской жизни настроеніе Ленца начинаетъ мало-по-малу мѣняться. Поэма «Народныя бѣдствія», изданная въ 1769 году, была послѣднимъ трудомъ и послѣднимъ проявленіемъ душевнаго облика его ранней юности. Лекціи Канта раскрываютъ передъ нимъ совершенно новый міръ. Вѣроятно, здѣсь уже доносятся до него отголоски идей Гаманна и Гердера, и складывается въ существенныхъ чертахъ настроеніе «бурнаго генія». Ранѣе послѣднихъ лѣтъ пребыванія въ Кенигсбергѣ переводъ шекспировской комедіи мы никоимъ образомъ не можемъ отнести.

Съ другой стороны, Гёте разсказываетъ въ своей автобіографіи, что при первомъ его знакомствѣ съ Ленцемъ въ Страсбургѣ (лѣ-

томъ 1771 г.) послѣдній уже восхищалъ ихъ кружокъ удачнымъ переводомъ эпитафіи надъ убитымъ оленемъ изъ «Потерянныхъ усилій любви» [18]). На это свидѣтельство Гёте обращалось до сихъ поръ слишкомъ мало вниманія, между тѣмъ какъ оно крайне важно для опредѣленія времени, къ которому долженъ быть отнесенъ ленцевскій переводъ шекспировской комедіи. Хотя переводъ ея и былъ напечатанъ вмѣстѣ съ «Замѣтками о театрѣ», но нѣтъ никакого основанія утверждать, что обѣ работы возникли въ одно и тоже время. Поэтому въ противоположность съ Вейнгольдомъ и Кларкомъ [19]), мы полагаемъ удобнымъ вопросъ о времени происхожденія «Amor vincit omnia» отдѣлить отъ вопроса о томъ, правъ ли Ленцъ, утверждая, что его «Замѣтки» были прочтены въ Страсбургѣ въ литературномъ кружкѣ еще въ 1771 году.

Но къ какому бы году мы ни отнесли «Замѣтки о театрѣ», между ними и переводомъ шекспировской комедіи никакой неразрывной связи не существуетъ. Имѣя въ виду разсказъ Гёте, приходится дѣлать два предположенія: 1) Ленцъ принялся за переводъ шекспировской комедіи лѣтомъ 1771 г., немедленно по пріѣздѣ въ Страсбургъ, какъ только его увлекла волна преклоненія передъ Шекспиромъ въ кружкѣ молодого Гёте или 2) Ленцъ началъ переводъ комедіи еще въ Кенигсбергѣ и явился въ Страсбургѣ уже съ готовыми отрывками этого перевода, въ числѣ которыхъ была и такъ восхитившая Гёте и его друзей «эпитафія». Это послѣднее предположеніе намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ трудно предположить, чтобы только Страсбургъ сдѣлалъ изъ Ленца поклонника Шекспира. Гёте отмѣчаетъ относительно перваго своего знакомства съ Ленцемъ, что онъ и Ленцъ «лелѣяли одинаковыя воззрѣнія», почему и искали взаимно встрѣчи. Подъ «одинаковыми воззрѣніями» онъ разумѣетъ, конечно, то носившееся въ воздухѣ смутное настроеніе «бурныхъ геніевъ», которое, благодаря Гердеру и самому Гёте, вскорѣ опредѣлилось точнѣе. А разъ такое настроеніе дѣйствительно существовало лѣтомъ 1771 г. у Ленца, то ясно, что въ значительной степени оно было привезено имъ изъ Кенигсберга. Имѣя въ виду общее направленіе того литературнаго поколѣнія, къ которому принадлежалъ Ленцъ, мы едва ли ошибемся, предполагая, что еще до прибытія въ Страсбургъ Ленцъ уже записался въ число шекспиров-

скихъ почитателей. Для этого было достаточно вліянія Юнга, Гаманна, Лессинга, Герстенберга, Гердера и др.

Интересъ къ англійской литературѣ явился у Ленца, какъ мы видѣли, очень рано. Всѣ произведенія его ранней юности стояли исключительно подъ вліяніемъ англійскихъ писателей (Мильтонъ, Юнгъ, Томсонъ) и ихъ нѣмецкихъ подражателей (Клопштокъ, Клейстъ). Въ Кенигсбергѣ онъ переводитъ «Опытъ о критикѣ» Попа. При такомъ тяготѣніи къ англійской литературѣ Ленцу было невозможно просмотрѣть такое крупное свѣтило, какъ Шекспиръ, на котораго указывалъ и Юнгъ («Объ оригинальныхъ сочиненіяхъ») и Герстенбергъ («Письма о достопримѣчательностяхъ литературы» и трагедія «Уголино»), и Виландъ (его переводъ Шекспира появился въ 60-хъ годахъ) и Лессингъ («Гамбургская драматургія»). Тотъ же Попъ, которымъ Ленцъ увлекся, вѣроятно, подъ вліяніемъ Канта, могъ привести его, при всей старомодности своихъ воззрѣній, къ Шекспиру. Попъ былъ однимъ изъ первыхъ издателей Шекспира. Кларкъ доказалъ [20]), что при переводѣ «Love's Labour's lost» Ленцъ пользовался изданіемъ Попа (1725 г.): все что Попомъ было исключено изъ текста и отнесено въ примѣчанія, осталось непереведеннымъ у Ленца. Съ изданіями Теобальда (1733) и Уорбертона (1744) онъ познакомился, повидимому, позже [21]).

Природное комическое дарованіе Ленца заставило его избрать для перевода одну изъ комедій Шекспира. Но почему именно «Потерянныя усилія любви?» Этотъ вопросъ старались рѣшить Раухъ и Кларкъ [22]), которые вѣрно указываютъ тѣ элементы этой комедіи, которые могли быть особенно по сердцу молодежи періода «бури и натиска». Прежде всего здѣсь находило удовлетвореніе одушевлявшее ихъ, какъ учениковъ Руссо, стремленіе ко всему естественному и природному, выраженное устами Бирона, поклонника природы и врага книжной учености. Подобная тенденція пьесы должна была понравиться стороннику новаго направленія. Кромѣ того, пьеса изобиловала каламбурами, остротами и игрою словъ, — всѣмъ тѣмъ, что, по разсказу Гёте, такъ занимало его молодой кружокъ въ Страсбургѣ [23]). Менѣе удачна ссылка Кларка на то, что эта шекспировская комедія наиболѣе удовлетворяла теоретическому взгляду Ленца на комедію, выраженному въ «Замѣткахъ о театрѣ».

Нѣмецкой критикой XVIII в. переводъ Ленца былъ встрѣченъ съ большимъ сочувствіемъ. Правда, наибольшее вниманіе критики привлекли «Замѣтки о театрѣ», въ приложеніи къ которымъ былъ изданъ переводъ шекспировской комедіи. Какъ мы видѣли, онѣ вызвали цѣлую бурю. Но нельзя не отмѣтить, что даже тѣ критики, которые дали наиболѣе рѣзкіе и запальчивые отзывы о «Замѣткахъ», удостоили похвалы ленцевскій переводъ шекспировской комедіи. Такъ «Нѣмецкій Меркурій» [24]) замѣтилъ, что всѣ quibbles (остроты, игра словъ), которыми кишитъ эта комедія, переданы очень удачно; также хороши переводы вставленныхъ въ пьесу стихотвореній. Для доказательства журналъ Виланда перепечаталъ цѣликомъ сонетъ «So sanften Kuss giebt nicht der Sonnenstrahl».

«Альманахъ нѣмецкихъ музъ» [25]) приписалъ переводъ самому Гете: «Г. Гёте вполнѣ оправдалъ здѣсь тѣ высокія надежды, которыя публика лелѣяла относительно него, какъ переводчика Шекспира; его опытъ можно назвать истинной «палингенезіей». Шираховскій «Магазинъ нѣмецкой критики» [26]), не одобряя выбора пьесы, въ то же время замѣчалъ, что переводчикъ счастливо преодолѣлъ многія трудности, которыя представлялъ оригиналъ (особенно игрою словъ).

Въ общемъ отзывы были настолько благопріятны, что «Франкфуртскія ученыя вѣдомости» [27]) не сочли нужнымъ выяснять публикѣ значеніе этого перевода и ограничились ироническимъ замѣчаніемъ по адресу Виланда, какъ неудачнаго, въ ихъ глазахъ, переводчика Шекспира.

«Всеобщая нѣмецкая библіотека», по обыкновенію, сильно запоздала съ своимъ отзывомъ, но зато дала основательную критику. «Переводъ — писалъ органъ Николаи — читается очень хорошо и часто встрѣчающіеся каламбуры и остроты въ діалогѣ, по большей части, счастливо переведены на нѣмецкій языкъ или замѣнены очень удачнымъ подражаніемъ». Однако, сличеніе съ оригиналомъ показываетъ, что переводчикъ позволялъ себѣ дѣлать произвольныя сокращенія мѣстъ, которыя представляли особенныя трудности. Кромѣ того, онъ нерѣдко переводитъ невѣрно. Въ доказательство рецензентъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, довольно убѣдительныхъ [28]).

Современная критика можетъ въ сущности только подтвердить выводы органа Николаи. Ленцъ пріобрѣлъ знаніе англійскаго языка

самоучкой посредствомъ чтенія англійскихъ книгъ. Но вчитался онъ въ англійскихъ писателей настолько хорошо, что могъ писать по-англійски и обучать другихъ этому языку. Уроками англійскаго языка поддерживалъ онъ свое существованіе въ Страсбургѣ. Въ Веймарѣ г-жа Штейнъ была его ученицей и читала подъ его руководствомъ Шекспира. Его англійское письмо къ ней даетъ возможность опредѣлить степень владѣнія имъ этимъ языкомъ. Частыя элизіи, по замѣчанію Кларка, указываютъ на то, что главнымъ источникомъ для него былъ Шекспиръ; конструкція почти всегда нѣмецкая, недопустимая по-англійски; попадаются крупныя ошибки (bettest вм. best, make вм. made [29]).

Однако, упрекъ, высказанный еще Николаи и повторенный въ наше время Раухомъ [30]), будто Ленцъ произвольно выпускалъ трудныя для перевода мѣста, съ которыми онъ не могъ совладать, оказывается неосновательнымъ. Кларкъ [31]) доказалъ, что Ленцъ пропускалъ только то, что было исключено изъ текста, какъ сомнительное, Попомъ, изданіемъ котораго онъ руководился. Большинство такихъ мѣстъ составляли каламбуры и игра словъ. Передъ трудностями передачи послѣднихъ Ленцъ никогда не останавливался; нерѣдко переводилъ очень удачно; нерѣдко прибавлялъ и отъ себя каламбуры, которыхъ у Шекспира нѣтъ и слѣда. Но вѣрная передача текста не всегда ему удавалась, вслѣдствіе его пробѣловъ въ знаніи англійскаго языка. Къ невѣрному переводу его нерѣдко приводило видимое нежеланіе справляться со словаремъ. Онъ предпочитаетъ угадать смыслъ неизвѣстнаго ему англійскаго слова, но при этомъ часто смѣшиваетъ похожія слова и толкуетъ ихъ по созвучію съ нѣмецкими словами. Камнемъ преткновенія являются для него и часто встрѣчающіеся у Шекспира архаизмы [32]).

Такъ, слово hind (мужикъ-деревенщина) онъ смѣшиваетъ со словомъ hound (собака) и фразу «with that rational hind» переводитъ «mit dem vernünftigen Hunde» (I, 2). Глаголъ to hight (называться) онъ принимаетъ за прилагательное high (высокій), почему и переводитъ «высокій Армадо» тамъ, гдѣ нужно перевести «называемый Армадо». Точно также отъ Ленца ускользнула разница между англійскими словами: lowliness и loveliness, to bite и to beat, wight и weight, brooch и broach [33]).

Ленцъ иногда позволяетъ себѣ сокращать текстъ, стараясь изложить сущность дѣла короче и опуская поэтическія украшенія. Особенно это относится ко второй половинѣ пятаго акта, очень длиннаго. Съ другой стороны, Ленцъ дѣлаетъ и добавленія къ тексту, въ которыхъ проглядываютъ вкусы «бурнаго генія», особенно любовь къ простонароднымъ и сильнымъ выраженіямъ [34]).

Всего болѣе Ленцу удалась поэтическая передача тѣхъ стихотвореній, которыя попадаются въ оригиналѣ. Еще Виландъ одобрялъ, какъ мы видѣли, переводъ сонета: «So sweet a kiss the golden sun gives not» *) (IV актъ, 3 явл.):

So sanften Kuss giebt nicht der Sonnenstrahl
Den Tropfen, die er früh auf Rosen findet,
Als deine Blicke der verliebten Qual
Die sie auf meines Wang' entzündet и т. д.

Очень граціозно и талантливо переведена ода Дюмена (IV д.):

On a day, alack the day!
Love, whose month is ever May,
Spied a blossom, passing fair,
Playing in the wanton air и т. д. **)

Ленцъ переводитъ:

Eines Tags — verhasster Tag!
In dem Mond, wo Zärtlichkeiten
Mit den Rosen sich verbreiten,
Da entdeckt ich, heller als den Tag,
Eine Rose voll Vollkommenheiten,
Die dem Zephir offen lag и т. д.

Недурно переведены сонеты: 1) «If love me forsworn now shall

---

*) Не такъ плѣнительно лучъ солнца золотой
Розъ листья влажные въ часъ утренній лобзаетъ,
Какъ на щекахъ моихъ, окропленныхъ росой,
Лучами свѣжими твой чудный взглядъ играетъ и т. д.
(Пер. П. Вейнберга).

**) Однажды — о бѣдное сердце, страдай! —
Любовь, для которой всѣ мѣсяцы — май,
Увидѣла чудно-прекрасный цвѣтокъ,
Съ которымъ любовно игралъ вѣтерокъ и т. д.
(Пер. П. Вейнберга).

I swear to love?» *) (IV, 2) и 2) «Did not the heavenly rhetoric of thine eye» **) (IV, 3).

Какъ справедливо замѣчаетъ Кларкъ, въ полномъ блескѣ проявляется переводческій талантъ Ленца въ передачѣ комическихъ стихотвореній: «Замѣчаешь сразу, что въ такихъ случаяхъ Ленцъ чувствуетъ себя въ своей сферѣ». Такова «Эпитафія» надъ убитымъ оленемъ, которою, какъ мы знаемъ, восхищался Гёте и его друзья. Эшенбургъ понялъ, что ему невозможно состязаться съ подобнымъ переводомъ, оставилъ въ текстѣ англійскую эпитафію, а въ примѣчаніи помѣстилъ переводъ Ленца [35]).

Безупречно переведена пѣсенка Моли (I, 3) «О бѣломъ и красномъ»:

Wenn sie ist weiss und roth zugleich,
Ihr Fehl bleibt unbekannt и т. д. ***).

Также удачно переведены короткіе стихи, вложенные Шекспиромъ въ уста Башки (Der oft im Feld mit Schwert und Schild), Натаніэля (Als ich lebt' in der Welt...), Олоферна (Dies zarte Reiss, den Herkles stellet dar...), Армадо (Der waffenstarke Mars...). (V, 3).

Если мы сравнимъ переводъ Ленца съ Эшенбурговскимъ переводомъ той же комедіи, то должны будемъ отдать пальму первенства Ленцу, который, уступая Эшенбургу въ точности и вѣрности, умѣлъ замѣчательно хорошо передать духъ и колоритъ подлинника. Кромѣ того, его поэтическій талантъ и замѣчательное чутье ко всему комическому ставило его гораздо выше Эшенбурга. Все это приводитъ насъ къ выводу, что врядъ ли кто изъ тогдашнихъ переводчиковъ Шекспира могъ такъ удачно справиться съ своей задачей, какъ

*) Могу ль въ любви я клясться, когда любовь моя
Велѣла мнѣ нарушить все то, въ чемъ клялся я? и т. д.
(*Пер. П. Вейнберга*).

**) Небесная реторика прекрасныхъ глазъ твоихъ,
Что словъ опроверженія не терпитъ никакихъ,
Одна меня заставила обѣтъ мой преступить;
Изъ-за тебя измѣнника нельзя, нельзя казнить и т. д.
(*Пер. П. Вейнберга*).

***) Коль дѣвица бѣла и румяна лицомъ,
Ей проступки свои укрывать ни почемъ и т. д.
(*Пер. П. Вейнберга*).

Ленцъ. Замѣтимъ, что Виландъ не отважился на переводъ этой комедіи [36]).

Замѣчательна также попытка Ленца перевести текстъ Шекспира съ такою близостью къ духу оригинала, на какую еще не дерзали его предшественники. «Переводчикъ,—писалъ впослѣдствіи Гёте въ своей автобіографіи—передалъ любимаго автора весьма свободно и отнюдь не держался буквы подлинника, но онъ умѣлъ такъ хорошо приладить къ себѣ одежду, или, вѣрнѣе, шутовскую куртку своего предшественника, такъ юмористически и вѣрно подражать его жестамъ и движеніямъ, что доставлялъ истинное наслажденіе людямъ, интересовавшимся подобными вещами» [37]).

Въ веймарскомъ Архивѣ имени Гёте и Шиллера хранится неизданная рукопись Ленца, содержащая переводъ шекспировскаго «Коріолана» и посвященная веймарскому герцогу.

Изъ протокола страсбургскаго литературнаго общества мы знаемъ, что ленцевскій «Коріоланъ» читался на засѣданіи 21 марта 1776 г. Переводъ былъ, вѣроятно, сдѣланъ во второй половинѣ 1775 г., какъ видно изъ письма Ленца къ Гердеру отъ 28 авг. Посвященіе веймарскому герцогу было, очевидно, прибавлено Ленцемъ во время его жизни въ Веймарѣ въ 1776 г. [38]).

Выборъ одной изъ римскихъ трагедій объясняется тѣмъ, что «бурные геніи» вообще цѣнили особенно высоко историческія драмы Шекспира. Какъ мы видѣли, Ленцъ составилъ именно по нимъ свою теорію трагедіи. Въ центрѣ ея должна стоять одна сильная личность, которая даетъ единство пьесѣ. Сильною личностью, отвѣчавшею представленіямъ бурныхъ геніевъ о «могучей геніальности» («Kraftgenialität»), которая стоитъ высоко надъ толпой и «бурно и стремительно» проявляетъ свою индивидуальность, былъ шекспировскій Коріоланъ. Онъ могъ быть имъ симпатиченъ и тѣмъ, что энергично возставалъ противъ неподвижнаго обычая [39]). На ряду съ героическимъ типомъ мужчины, тогда восхищались и героическимъ типомъ женщины—Kraftweib. Такою представлялась шекспировская Волумнія [40]).

Трудъ Ленца нельзя собственно назвать переводомъ шекспировской трагедіи. Это скорѣе пересказъ содержанія, иллюстрируемый болѣе или менѣе значительными выдержками изъ тѣхъ мѣстъ трагедіи, которыя особенно нравились Ленцу и подтверждали его по-

ложеніе: «tragoedia ist una, si circa unum sit». Поэтому на первое мѣсто выдвигаются сцены, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является Коріоланъ; остальныя сцены пересказываются наскоро. Особенное вниманіе Ленцъ обратилъ на тѣ сцены, гдѣ Коріоланъ выступаетъ одинъ противъ толпы. Многія сцены недокончены: переведя или разсказавъ часть сцены, Ленцъ довольствуется этимъ и пишетъ u. s. f. (und so ferner). Такъ оканчиваются 1, 3 и 4 сцены I акта. Въ 1-й сценѣ вкратцѣ указано на содержаніе разсказа Мененія: «Hierauf erzehlt ihnen Menenius mit sehr vieler Gelassenheit die Fabel vom Magen gegen den sich nun die andern Glieder des Körpers empört hatten (и т. д. 14 строкъ). 2 сцена I акта не упомянута ни однимъ словомъ. Во II актѣ 2 сцена замѣнена одной страницей пересказа: «Eine Versammlung des Volks und der Senatoren. Es wird darauf angetragen, ihn zum Konsul zu machen» и т. д. Изъ третьяго акта не приводится почти ни одной выдержки въ переводѣ: на двухъ страницахъ рукописи Ленцъ пересказываетъ все его содержаніе, ограничиваясь только переводомъ монолога Коріолана послѣ того, какъ онъ осужденъ на изгнаніе (III, 3). Болѣе значительныя выдержки сдѣланы при пересказѣ IV акта. Вторая и третья сцены IV-го акта пропущены совершенно. Первыя три сцены V-го акта переведены сокращенно. На этомъ работа прерывается. Съ концомъ трагедіи Ленцъ знакомитъ въ двухъ-трехъ словахъ. Кромѣ сокращеній, Ленцъ позволяетъ себѣ и прибавки къ шекспировскому тексту. Во 2 сц. I акта онъ распространяетъ собственными вставками рѣчи Сицинія и Волумніи [41]). Въ иныхъ случаяхъ онъ прибавляетъ отъ себя сильныя выраженія въ народномъ вкусѣ, къ которымъ онъ питалъ слабость [42]).

Очевидно, эта работа Ленца не предназначалась для печати. Ея цѣлью было познакомить членовъ страсбургскаго литературнаго общества съ этимъ произведеніемъ настолько, чтобы заинтересовать ихъ трагедіей, которая тогда еще не была переведена на нѣмецкій языкъ.

Въ переводѣ «Коріолана» замѣчаются тѣ же недостатки и тѣ же достоинства, какія намъ пришлось отмѣтить, говоря объ его «Amor vincit omnia». Недостатки заключаются въ поверхностномъ отношеніи, въ неточномъ пониманіи, въ смѣшеніи различныхъ англійскихъ словъ, похожихъ по начертанію, но имѣющихъ различное значеніе [43]). Замѣтна склонность Ленца къ употребленію простона-

родныхъ выраженій [44]). Достоинства—въ свѣжести и колоритности, въ умѣньи вникнуть въ духъ шекспировскаго подлинника и уловить его поэтическій стиль [45]).

Сохранились еще переводы Ленца изъ «Перикла» и псевдо-шекспировской драмы «Сэръ Джонъ Ольдкэстль» (или «Лордъ Кобгэмъ»).

Вопросъ о псевдо-Шекспировскихъ пьесахъ очень интересовалъ Ленца. Ему посвящаетъ онъ интересную статью «Das Hochburger Schloss».

Ленцъ не считаетъ нужнымъ защищать Шекспира отъ нападокъ Вольтера. «Зачѣмъ защищать Шекспира? Зачѣмъ такое малодушіе?.. О, крикъ природы не нуждается въ защитѣ, онъ заставляетъ услышать себя во всѣхъ людяхъ!» [46]). Защищать нужно Шекспира не противъ его враговъ, но противъ его друзей. Ленцъ выступаетъ здѣсь противъ прежняго своего кумира — Попа, который въ своемъ изданіи Шекспира осмѣлился утверждать относительно нѣкоторыхъ пьесъ, что это «жалкія» произведенія, ошибочно приписываемыя ему, гдѣ рука Шекспира чувствуется только въ нѣкоторыхъ сценахъ. Это замѣчаніе «чрезвычайно встревожило» горячаго почитателя Шекспира. Послѣ внимательнаго чтенія пьесъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что Попъ «не только не свѣсилъ эти пьесы на вѣсахъ критики, но, вѣроятно, просто напросто не читалъ ихъ». «Я согласенъ—продолжаетъ Ленцъ,—что всѣ эти пьесы не вполнѣ шекспировскія; думаю также, что въ большинствѣ изъ нихъ Шекспиръ набросалъ только планъ; я убѣжденъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ отвратительной пьесѣ «Титъ Андроникъ»; но я готовъ во всеуслышаніе опровергнуть, будто «Периклъ», «Лондонскій расточитель», «Лордъ Кобгэмъ», «Томасъ Кромвелль»—жалкія пьесы» [47]).

Затѣмъ Ленцъ говоритъ о каждой изъ упомянутыхъ пьесъ въ отдѣльности, стараясь показать въ нихъ черты или сцены, достойныя Шекспира. Всего болѣе вниманія онъ удѣляетъ «Периклу», при чемъ переводитъ отрывки изъ первой сцены V акта (Периклъ и Марина [48]). «Весь ходъ дѣйствія въ этой сценѣ, какъ онъ ни грубъ, чисто шекспировскій»—говоритъ Ленцъ. Не можетъ быть ничего трогательнѣе переведенной сцены. Нѣкоторыя сцены настолько грубы, что не могутъ быть приписаны Шекспиру. Великому драматургу принадлежитъ «первый набросокъ пьесы», а не самое выполненіе [49]).

О глубокомъ интересѣ Ленца къ псевдо-шекспировскимъ піесамъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что упомянутый отрывокъ изъ «Перикла» отличается большею точностью и вѣрностью оригиналу, чѣмъ другіе его переводы [50]).

Главный характеръ въ пьесѣ «Лондонскій расточитель» задуманъ и исполненъ, по мнѣнію Ленца, съ такою правдивостью, которая обнаруживаетъ мастера. Изложивъ содержаніе, Ленцъ замѣчаетъ, что въ исторіи расточителя изложена исторія человѣческаго сердца [51]).

«Весьма оригинальныя» сцены находитъ Ленцъ въ пьесѣ «Лордъ Кобгэмъ»; отмѣчаетъ счастливыя мѣста и въ «Томасѣ Кромвеллѣ». Ленцъ не можетъ допустить, чтобы называли жалкой пьесу, которая хотя бы только игралась подъ надзоромъ Шекспира» [52]).

Изъ пьесы «Лордъ Кобгэмъ («Сэръ Джонъ Ольдкэстль») Ленцъ также перевелъ одну сцену. Переводъ сохранился въ неизданной до сихъ поръ рукописи, принадлежащей проф. Вейнгольду. «Эта сцена— говоритъ Кларкъ, имѣвшій возможность видѣть рукопись—одна изъ лучшихъ въ пьесѣ, а именно та, въ которой лэди и лордъ Кобгэмъ находятся въ лѣсу послѣ бѣгства изъ Тоуера и поджидаютъ своего вѣрнаго слугу Гарпуля. Сцена переведена вполнѣ. Переводъ гладокъ и довольно точенъ и служитъ прекраснымъ доказательствомъ Ленца переводческаго таланта» [53]).

На ряду съ Шекспиромъ, который, въ глазахъ Ленца былъ величайшимъ изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ поэтовъ, его глубоко интересовалъ старый римскій драматургъ Плавтъ, какъ одинъ изъ главныхъ образцовъ для новѣйшихъ комическихъ писателей, какъ живой источникъ непринужденнаго и заразительнаго комизма.

Мы уже знаемъ, что переводы изъ Плавта сильно занимали Ленца въ Эльзасѣ въ 1772 и 1773 годахъ. Ближайшими совѣтниками Ленца были здѣсь Зальцманнъ и Гете. Послѣдній, получивъ переводъ плавтовскаго «Хвастливаго воина», въ письмѣ къ Зальцманну изъ Франкфурта (отъ 6 марта 1773 г. [54]) сдѣлалъ довольно обстоятельныя общія замѣчанія и высказалъ свой взглядъ на то, какъ слѣдуетъ переводить Плавта. По мнѣнію Гёте, его нужно было не переводить, а передѣлывать на современные нѣмецкіе нравы, модернизировать. Самъ Ленцъ уже держался отчасти этой точки зрѣнія, но Гёте требовалъ

еще большаго приближенія къ современности. Что Ленцъ вполнѣ согласился съ Гёте, видно уже изъ того, что двѣ плавтовскихъ пьесы дошли до насъ въ двухъ переводахъ Ленца каждая, а именно: 1) ‹Miles gloriosus› и 2) ‹Truculentus›, въ передѣлкѣ получившія названія 1) ‹Похищенія› и 2) ‹Искательница приключеній› [55]). Въ послѣднемъ передѣланномъ видѣ онѣ и были напечатаны вмѣстѣ съ тремя другими пьесами.

Печатаніе, о которомъ заботился Гёте, началось не позже октября 1773 г. и къ концу года первая пьеса ‹Батюшка› была уже отпечатана [56]). Вся книга вышла только весною 1774 г. подъ заглавіемъ ‹Lustspiele nach dem Plautus fürs deutsche Theater› [57]).

Что привлекло Ленца къ Плавту? На это отвѣчаетъ онъ самъ въ предисловіи къ своему переводу ‹Хвастливаго воина› (въ первой редакціи, помѣченной 7 сент. 1772 г.), перечисляя достоинства римскаго комика. Его восхищали въ немъ ‹живость, рѣзкое остроуміе, сила воображенія и знаніе характеровъ, соединенныя съ легкостью и наивностью рѣчи› [58]). Природный комическій талантъ Ленца, нашедшій прекрасное выраженіе въ послѣдующихъ его произведеніяхъ, сблизилъ его съ старымъ римскимъ комикомъ, въ дарованіи котораго было много общаго съ его собственнымъ. Ихъ сроднила наклонность къ грубой комикѣ, къ преувеличенно-рѣзкой характеристикѣ комическихъ типовъ и комическихъ положеній, а также къ сильному, колоритному и нестѣсняющемуся въ выраженіяхъ языку.

Въ Плавтѣ Ленцъ находилъ и серьезное нравственное содержаніе. Въ послѣсловіи къ Truculentus'у Ленцъ предостерегалъ своихъ слушателей отъ искушенія ‹бросить въ одну кучу съ балаганными паяцами поэта, который преслѣдовалъ болѣе высокія цѣли, чѣмъ заставить смѣяться sentinam populi Romani›. Достаточно указать, что такіе люди, какъ Цицеронъ, восхищались этой пьесой, въ которой мастерски изображено ‹легкомысліе, вѣроломство и испорченность т. н. прелестницъ› съ одной стороны, а съ другой—самомнѣніе и самовосхищеніе хвастливыхъ людей. Всякій, ‹кто обладаетъ искусствомъ смѣяться по-сократовски›, найдетъ въ пьесахъ ‹стародавняго комика› гораздо болѣе ‹истины, добра и красоты›, чѣмъ во ‹всей полинялой болтовнѣ нашей теперешней сцены, которая и не развлекаетъ, и не поучаетъ, такъ что разсудительный ищетъ утѣшенія въ табакѣ, а глупецъ бьетъ отъ скуки въ ладоши› [59]).

Въ письмахъ къ Зальцманну Ленцъ называетъ Плавта «благодѣтелемъ человѣческаго рода» за его неувядаемый комизмъ [60]). Въ предисловіи ко всѣмъ пьесамъ, которое почему-то своевременно не было напечатано, онъ защищаетъ Плавта отъ нападокъ «непросвѣщенныхъ богослововъ» и проситъ обратить вниманіе на то, что «этотъ честный человѣкъ при жизни ничего не добивался иного, какъ только того, чтобы доставить побольше удовольствія своимъ согражданамъ: слѣдуетъ ли намъ изъ-за этого осуждать его въ будущей жизни на смолу и сѣру и всѣ другія страшныя снадобья адскаго сумрака»? [61]).

Плавтовская комедія ему была симпатична еще тѣмъ, что до извѣстной степени удовлетворяла—въ его глазахъ, по крайней мѣрѣ—тому идеалу буржуазной драмы, за который онъ боролся. Смѣхъ и слезы, сатира и состраданіе, насмѣшка и чувствительность—всего этого ждалъ онъ отъ драмы, и все это видѣлось ему въ Плавтѣ. «Его геній—возражаетъ онъ хулителямъ Плавта, считавшимъ римскаго комика только подражателемъ греческихъ комическихъ писателей—его геній не былъ аристофановскимъ, отнюдь нѣтъ. Въ его характерѣ было слишкомъ много доброты, слишкомъ много мягкости, нѣжности и теплаго чувства для того, чтобы онъ могъ кусаться, какъ тотъ грекъ. Онъ могъ смѣяться одинаково съ нимъ хорошо, но для слезъ не былъ навсегда закрытъ у него путь изъ сердца къ глазамъ; онъ былъ одною изъ тѣхъ сострадательныхъ душъ, которыя чувствуютъ такъ же глубоко и сердечно, какъ живо и стремительно творитъ ихъ геній. И именно это даетъ ему особенно высокую цѣну. Онъ не мѣняется въ лицѣ, если страдаетъ; онъ сохраняетъ, правда, всегда веселую и шутливую мину, но въ сердцѣ его рождается та благородная жалость, та прекрасная чувствительность ко всѣмъ вызывающимъ состраданіе и нѣжнымъ сценамъ, безъ которой человѣкъ всегда остается только двуногимъ животнымъ» [62]). Возражая утвержденію одного критика, будто у Плавта своего было только красоты дикціи, да остроумныя выходки, Ленцъ старается доказать, что римскій комикъ, «не былъ ни рабскимъ переводчикомъ, ни простымъ подражателемъ, ни ничтожнымъ талантомъ».

Стараясь воскресить стараго Плавта и его бойкимъ и содержательнымъ репертуаромъ оживить жалкую нѣмецкую сцену, Ленцъ несомнѣнно руководился примѣромъ Лессинга. Въ своей «Защитѣ»

онъ прямо ссылается на лессинговскую пьесу «Schatz», передѣланную изъ комедіи Плавта «Trinummus»[63]). Ленцу, конечно, были извѣстны и двѣ другихъ передѣлки Лессинга изъ Плавта: «Weiber sind Weiber» («Stichus») и «Die Gefangenen» («Captivi»), а также его статьи о римскомъ комикѣ. Вейнгольдъ основательно подмѣтилъ двоякое отношеніе Лессинга къ оригиналу: или онъ переводитъ, позволяя себѣ лишь небольшія измѣненія, какъ въ пьесѣ «Die Gefangenen», то онъ допускаетъ свободную передѣлку, какъ въ пьесахъ «Weiber für Weiber» и «Schatz»[64]). И къ той, и къ другой манерѣ прибѣгалъ, какъ мы видѣли, и Ленцъ.

Руководясь мыслью и опытомъ Лессинга, вчитываясь въ комедіи родственнаго себѣ по духу Гольберга и пользуясь совѣтами Гёте, Ленцъ своими «Комедіями по Плавту» обогатилъ, несомнѣнно, репертуаръ нѣмецкаго театра. Между тѣмъ намъ неизвѣстно, чтобы хотя одна изъ этихъ пьесъ игралась на сценѣ[65]). Объясненіе этого факта мы должны скорѣе искать въ какихъ либо побочныхъ причинахъ, чѣмъ въ самихъ пьесахъ, тѣмъ болѣе, что критикой онѣ были встрѣчены довольно сочувственно.

Главный органъ новой литературной партіи, «Франкфуртскія ученыя вѣдомости», на этотъ разъ промолчалъ. За то будущій непримиримый антагонистъ, bête noire Ленца, Виландъ далъ въ «Нѣмецкомъ Меркуріи» въ сущности очень лестный отзывъ о первомъ печатномъ трудѣ молодого писателя[66]). Критикъ считалъ эту попытку познакомить нѣмцевъ съ Плавтомъ удачнѣе всѣхъ предыдущихъ опытовъ, «которые не давали возможности познакомиться съ истинной физіономіей» Плавта. Этими словами онъ явно осуждалъ Лессинга. «Мы получаемъ здѣсь—продолжалъ Виландъ—не буквальный переводъ, и не свободное подражаніе, а нѣчто въ родѣ пересозданія; въ такомъ видѣ, насколько намъ извѣстно, у насъ не появлялся еще ни одинъ древній поэтъ». Автору воздавалась честь, что онъ «настолько вчитался и вникъ въ личность Плавта, что, подобно талантливому актеру, могъ приписывать ему слова и мысли, которыя самъ Плавтъ былъ бы долженъ одобрить». «Тщательныя усилія» автора по обработкѣ пьесъ Плавта и самые пріемы этой обработки находили полное одобреніе у Виланда, который, признавая «комическій талантъ переводчика», какъ художникъ слова, не могъ не почувствовать достоинства ленцевскаго языка, «доведеннаго до высоты оригинала».

Критику хотѣлось бы, чтобы съ такою же свободой отнесся авторъ и къ содержанію пьесъ. «Усиленіе интереса, бóльшая выработка характеровъ и лучшее развитіе дѣйствія доставили бы автору еще болѣе славы»—заключалъ Виландъ.

Сдержаннѣе отнесся къ книгѣ Эшенбургъ въ органѣ берлинскихъ «просвѣтителей», «Всеобщей нѣмецкой библіотекѣ». Выразительному языку и яркому комизму автора критикъ также воздавалъ должное [67]. Умѣнье Ленца войти въ духъ Плавта Эшенбургъ признаетъ по крайней мѣрѣ по отношенію къ пьесѣ «Искательница приключеній», наиболѣе далекой отъ текста Плавта (Truculentus). Главный упрекъ Ленцу состоитъ въ томъ, что вообще онъ слишкомъ близко держится подлинника, позабывая громадное разстояніе между римскими и современными нравами. Критикъ стоитъ почти на современной точкѣ зрѣнія, утверждая, что «подобная смѣсь древняго и новаго, римскаго и нѣмецкаго» не особенно-то пріятна. Содержаніе пьесъ Плавта слишкомъ тѣсно связано съ римскою жизнью, чтобы возможно было одобрить подобную «перелицовку» римскаго комика на нѣмецкій ладъ. Второй упрекъ Эшенбурга былъ моральнаго свойства. Ленцъ виноватъ въ томъ, что выводитъ на сцену слишкомъ много порока, не показывая его «отвратительность». Это даетъ критику поводъ обрушиться противъ всей новой школы за ея реалистическое направленіе, грозящее, по его мнѣнію, водворить въ литературѣ, особенно драматической, «самый распущенный тонъ», дать господство «подъ видомъ естественнаго, вульгарному, плоскому и низкому» и изгнать всякое «благоприличіе» [68].

«Магазинъ нѣмецкой критики» Шираха признавалъ [69] драматическій талантъ автора и находилъ, что онъ заслуживаетъ «всяческаго поощренія»: «у него хорошій комическій языкъ, занимательный діалогъ и въ нѣкоторыхъ сценахъ—умѣнье создать интересныя положенія». Въ противоположность Виланду и Эшенбургу, которые желали, чтобы Ленцъ свободнѣе отнесся къ оригиналу, критикъ шираховскаго «Магазина» упрекалъ Ленца за слишкомъ большое уклоненіе отъ Плавта. Найти Плавта въ этой передѣлкѣ было бы, по его словамъ, затруднительно даже знатоку римскаго комика. Если Виландъ утверждалъ, что Ленцъ сжился съ духомъ Плавта и могъ творить въ его вкусѣ, то новый придирчи-

вый критикъ не нашелъ въ передѣлкѣ «ни зернышка римской соли», ничего похожаго на плавтовскую «vis comica». Довольно пространно онъ старается доказать, что Ленцъ «могъ бы удержать изъ Плавта больше, чѣмъ онъ это сдѣлалъ». Неудивительно, что оказывается у Ленца мало сходства съ оригиналомъ: пьесу «Батюшка» критикъ сравниваетъ съ плавтовской пьесой «Mercator», тогда какъ Ленцъ имѣлъ дѣло съ «Asinaria»; точно также первообразомъ пьесы «Турецкая рабыня» онъ считаетъ вмѣсто «Curculio» пьесу «Pseudolus». Но одна изъ пьесъ, «Приданое», заслуживала, все-таки, «полное одобреніе критика», а стихотворный прологъ гнома настолько его плѣнилъ, что онъ «не могъ отказать себѣ въ удовольствіи» цитировать его цѣликомъ [70]).

Въ журналѣ «Альманахъ нѣмецкихъ музъ» была помѣщена коротенькая рецензія, которая въ сущности сходилась съ отзывами Виланда и Эшенбурга. Упрекался Ленцъ за то, что мало измѣнилъ темы, положенія и идеи Плавта; лучше ему было бы подражать старому римскому комику такъ, какъ это дѣлали Мольеръ и Гольдони [71]).

Въ «Комедіи по Плавту» вошло всего пять пьесъ: 1) «Батюшка» (Asinaria), 2) «Приданое» (Aulularia), 3) «Похищенія» (Miles gloriosus), 4) «Искательница приключеній» (Truculentus) и 5) «Турецкая рабыня» (Curculio).

Изъ этихъ пьесъ Плавта двѣ: «Aulularia» и «Miles gloriosus» принадлежали къ числу наиболѣе популярныхъ комедій римскаго комика, вызывавшихъ безчисленныя подражанія и передѣлки въ новой европейской литературѣ.

Принявшись за обработку «Aulularia», Ленцъ могъ руководиться примѣромъ Мольера, который въ своей «Скупомъ» обезсмертилъ это произведеніе древняго комика. Со временъ Мольера, превзошедшаго свой оригиналъ, плавтовская пьеса была уже сравнительно забыта, и новые подражатели слѣдовали болѣе за французскимъ писателемъ. Такъ поступилъ и любимый Ленцемъ Фильдингъ въ пьесѣ «The Miser» (1732 г.) [72]).

Пьеса Ленца «Приданое», напротивъ того, примыкаетъ непосредственно къ плавтовской комедіи и держится ея текста несравненно ближе, чѣмъ мольеровскій «Скупой». Ленцъ слѣдуетъ за Плавтомъ актъ за актомъ, сцена за сценой, передавая по-нѣмецки, въ боль-

шинствѣ случаевъ, фраза за фразой, латинскій текстъ. Задача его заключается въ томъ, чтобы устранить всѣ спеціально-римскія черты быта, нравовъ и характеровъ и замѣнить ихъ соотвѣтствующими нѣмецкими. Мѣсто плавтовскаго Эвкліона занимаетъ Herr Keller, Стафила превращается въ Mütterchen Rebenscheit, Федра — въ Fieckchen, Эвномія — въ Frau Heup и т. д. Плавтовскій Lar familiaris, являющійся въ роли пролога, замѣненъ гномомъ. Слишкомъ краткія явленія сливаются имъ часто въ одно. Съ другой стороны сцены, слишкомъ длинныя, онъ сокращаетъ. Вообще замѣтно стремленіе сдѣлать пьесу живѣе и сценичнѣе [73]). Для приданія нѣмецкаго колорита Ленцъ старается употреблять побольше нѣмецкихъ пословицъ. Къ тексту Плавта онъ не стѣсняется дѣлать разнаго рода прибавленія [74]). Какъ мы видѣли, онъ также поступалъ и съ шекспировскими пьесами.

Отъ пятаго акта плавтовской пьесы, какъ извѣстно, сохранилось только начало, и мы не знаемъ, какова была развязка комедіи римскаго комика. Это обстоятельство давало болѣе свободы Ленцу. Его пьеса оканчивается тѣмъ, что дядя Леандра (= Ликонидъ) Шплиттерлингъ (= Мегадоръ) возвращаетъ скупому похищенный у него горшокъ съ деньгами, но заставляетъ его, вопреки его желанію, отдать половину состоянія въ приданое дочери [75]).

Самъ Ленцъ остался недоволенъ своей пьесой и послѣ выхода «Комедій по Плавту» принялся за передѣлку ея [76]). Отъ нея сохранилось только начало второго акта, показывающее, что въ новой обработкѣ онъ думалъ сильнѣе уклониться отъ Плавта. Шплиттерлингъ и Келлеръ мѣняются здѣсь ролями: не второй, а первый оказывается скупымъ обладателемъ горшка съ золотомъ и самъ предлагаетъ старику Келлеру въ замужество свою дочь, обѣщая десять тысячъ гульденовъ приданаго. Frau Heup названа здѣсь Бригиттой, а слуга Криспинъ—Лауренцомъ [77]).

Въ передѣлкѣ плавтовскаго «Хвастливаго воина» Ленцъ также имѣлъ много предшественниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и «датскій Плавтъ» Гольбергъ съ его пьесой «Jacob von Tyboe» [78]).

До насъ дошли двѣ ленцевскихъ обработки плавтовской пьесы: первая подъ названіемъ «Хвастливый офицеръ», а вторая — «Похищенія».

Первая представляетъ изъ себя не что иное, какъ вольный переводъ оригинала съ удержаніемъ всѣхъ собственныхъ именъ. Не совсѣмъ умѣстно прорываются у него иногда здѣсь попытки придать пьесѣ нѣкоторый характеръ современности. Такъ къ Пиргополинику дѣйствующія лица обращаются съ титуломъ «Gnädiger Herr», Филокомазію называютъ «Mamsell», идетъ рѣчь о генералахъ и герцогиняхъ и даже вмѣсто царя Селевка фигурируетъ «прусскій король» (sic!) [79].

Этотъ переводъ былъ отправленъ Ленцемъ, черезъ Зальцманна, Гёте, который посовѣтывалъ передѣлать пьесу на современные нравы. Такъ и поступилъ Ленцъ во второй обработкѣ, давъ пьесѣ новое названіе «Похищенія». Мѣсто Пиргополиника здѣсь занимаетъ прусскій офицеръ фонъ-Калекутъ, Артотрогу соотвѣтствуетъ Лами, Плевзидъ обратился въ гамбургскаго купца Мейера, а Филокомазія— въ буржуазную дѣвицу Роземунду, и такъ далѣе. Мѣсто дѣйствія перенесено въ Гамбургъ.

Въ общемъ Ленцъ въ своей переработкѣ прибѣгаетъ къ тѣмъ же самымъ пріемамъ, которые мы отмѣтили въ его передѣлкѣ «Aulularia»: иныя сцены онъ сокращаетъ, другія, напротивъ того, излагаетъ подробнѣе. Разнаго рода прибавками и измѣненіями онъ старается придать дѣйствію и дѣйствующимъ лицамъ колоритъ современности [80]). Все же, Ленцъ держится здѣсь Плавта такъ близко, что перемѣна мѣста дѣйствія и именъ дѣйствующихъ лицъ является только внѣшней декораціей, изъ-за которой выглядываетъ настоящій римскій комикъ со всѣми его далекими отъ современности особенностями [81]).

Въ противоположность предыдущимъ пьесамъ, плавтовскія комедіи: «Asinaria», «Curculio» и «Truculentus» вызывали сравнительно очень мало подражаній. Первая, очевидно, по причинѣ своего сюжета, «котораго не могла бы потерпѣть ни одна изъ современныхъ намъ сценъ» [82]). Реалисту Ленцу легко было примириться съ этимъ содержаніемъ,—такъ какъ пьеса была привлекательна ему своимъ любовно-сентиментальнымъ элементомъ, присутствіе котораго у Плавта такъ восхищало нашего поэта [83]). Таковы сцены между Аргуриппомъ и Филеніонъ (въ особенности 3-я сцена III-го акта), которыя должны были очень нравиться чувствительнымъ сердцамъ XVIII вѣка: такою современностью вѣяло отъ нихъ. Аргуриппъ долженъ проститься съ Филеніонъ:

Bene vale, apud Orcum te videbo.
Nam equidem me jam quantum potest a vita abiudicabo *).

На вопросъ Филеніонъ:

Cur tu, obsecro, immerito meo me morti dedere optas? **)

онъ отвѣчаетъ во вкусѣ сентиментальнаго воздыхателя XVIII вѣка:

Ego te? quam si intellegam deficere vita, iam ipse
Vitam meam tibi largiar et de mea ad tuam addam ***).

Послѣдній разъ обнимаетъ онъ свою Филеніонъ, которая ему «слаще сладкаго меда»:

Oh melle dulci dulcior tu es.

Въ его объятіяхъ Филеніонъ восклицаетъ: «Utinam sic efferamur!» «О если бы намъ такъ умереть вмѣстѣ!» Со слезами на глазахъ уходитъ молодой человѣкъ со свиданія: «oculi sunt tibi lacrumantes» замѣчаетъ ему встрѣтившій его слуга Леонидъ.

Сюжетъ латинской пьесы заключается въ томъ, что Аргурíппъ, влюбленный въ Филеніонъ, долженъ, во что бы то ни стало, достать деньги, которыя требуетъ ея отвратительная мать Клеерета. Отецъ его, старый сластолюбецъ Деменетъ, готовъ былъ бы помочь сыну, такъ какъ принципомъ его воспитательной системы является потворствованіе всѣмъ его слабостямъ, да у него самого ничего нѣтъ. Онъ приказываетъ рабу Либану раздобыть деньги. Послѣдній вмѣстѣ съ другимъ рабомъ, посредствомъ обмана, выманиваютъ у посланнаго отъ купца, купившаго у жены Деменета нѣсколько ословъ, всю принесенную имъ сумму и вручаетъ старику. Тотъ передаетъ деньги сыну, который такимъ образомъ беретъ верхъ надъ своимъ соперникомъ Diavolus'омъ. Но за это старикъ требуетъ отъ Филеніонъ благосклонности и къ себѣ. Ихъ пиршество втроемъ нарушается приходомъ жены Деменета Артемоны, которая съ бранью гонитъ стараго ловеласа домой.

*) Plauti comoediae, recensuit et emendavit Fridericus Leo. Berolini 1895. Volumen prius, стр. 76: „Прощай, у Плутона увижусь я съ тобой, ибо я постараюсь освободиться отъ этой жизни".

**) „Скажи, умоляю тебя, почему ты хочешь заставить меня умереть? развѣ я это заслужила?"

***) „Заставить тебя умереть? я? Скорѣе я самъ отдалъ бы тебѣ мою жизнь, если бы увидѣлъ, что твоя покидаетъ тебя, и ею удлиннилъ бы твою".

Въ своей передѣлкѣ, подъ заглавіемъ «Батюшка», Ленцъ довольно точно слѣдуетъ за Плавтомъ. Деменетъ обращается у него въ стараго купца Шлинге, находящагося подъ башмакомъ у своей жены [84]). Его сынъ Людвигъ влюбленъ въ Клерхенъ, мать которой Frau Gervas вполнѣ соотвѣтствуетъ плавтовской фуріи Клеереть. Конкурентомъ Людвига является Herr Reich, при которомъ роль плавтовскаго паразита играетъ «Баккалавръ». Слуги названы: Іоганнъ и Бертранъ. Вмѣсто раба Артемоны, черезъ котораго Деменетъ продаетъ принадлежащихъ его женѣ ословъ, здѣсь фигурируетъ «гофмейстеръ» (домашній учитель) Коллеръ. Послѣдній продаетъ свою лошадь одному сосѣду, который посылаетъ ему деньги за нее съ крестьяниномъ. Слуги выманиваютъ деньги у крестьянина, убѣдивши послѣдняго, при помощи самого Шлинге, что одинъ изъ нихъ есть не кто иной, какъ Коллеръ. Все остальное содержаніе пьесы вполнѣ согласуется съ плавтовской комедіей [85]).

Изъ всѣхъ передѣлокъ Ленца эту мы должны считать едва ли не всего менѣе удачной. Чтобы сдѣлать плавтовскую комедію, сюжетъ которой основанъ на особенностяхъ римскаго быта, годной для современной сцены, пришлось бы подвергнуть ее гораздо болѣе радикальной переработкѣ.

На комедію «Curculio», названную въ передѣлкѣ «Турецкая рабыня», Ленцъ обратилъ вниманіе по той же самой причинѣ, которою онъ руководился при выборѣ «Asinaria». Недаромъ этой пьесой Плавта восхищались нѣмецкіе романтики: въ ней господствуетъ сентиментально-романтическій элементъ [86]). На первомъ планѣ стоитъ нѣжная любовь Федрома къ Планезіи. Подобно Аргурипцу, онъ называетъ свою возлюбленную «melculum dulce» (v. 11). Въ упоеніи любви онъ готовъ отказаться отъ царства, богатства, почестей и т. д., лишь бы Планезія принадлежала ему (v. 175). Сама Планезія своимъ цѣломудріемъ и дѣвственною стыдливостью болѣе похожа на гетевскую Гретхенъ, чѣмъ на обычную у Плавта разбитную и бывалую героиню [87]).

Сюжетъ «Curculio» отчасти напоминаетъ содержаніе пьесы «Asinaria». Федромъ долженъ достать денегъ, чтобы выкупить изъ рабства свою возлюбленную Планезію. Съ этою цѣлью онъ посылаетъ паразита Куркуліо въ Карію къ одному изъ своихъ друзей. Тамъ Куркуліо встрѣчается съ воиномъ Терапонтигономъ, который ему

проговаривается, что онъ купилъ Планезію у ея хозяина Каппадокса. Напоивъ воина пьянымъ, Куркуліо крадетъ у него перстень, при помощи котораго онъ и получаетъ деньги у мѣнялы Лукона, бывшаго банкиромъ Терапонтигона. Эти деньги вручаются Каппадоксу, и Планезія достается Федрому. Терапонтигонъ оказывается ея роднымъ братомъ и даетъ ей въ приданое вымаиенныя у него мошенничествомъ деньги.

Пьеса отличается мастерской характеристикой паразита, одноглазаго Куркуліо, сдѣлавшагося истиннымъ прототипомъ итальянскаго Арлекина. Терапонтигонъ напоминаетъ хвастливаго воина Пиргополиника. Очень комична старая служанка Каппадокса, съ паѳосомъ говорящая о своемъ любимомъ напиткѣ—винѣ [88]).

У Ленца Федромъ превращается въ «вѣнца» Себастьяна, а Планезія въ болгарку Селиму, проданную въ турецкія рабыни. Воину Терапонтигону, оказывающемуся братомъ Планезіи, здѣсь соотвѣтствуетъ «отставной офицеръ изъ Болгаріи» Гмелинскій-Будовицкій. Куркуліо названъ Липсомъ Рустаномъ, а мѣняла Луконъ—Гирцелемъ, богатымъ евреемъ. Капподоксъ Плавта замѣненъ Кульманомъ, торгующимъ невольницами. Роль его старой служанки, крайне неравнодушной къ вину, играетъ цыганка Фейда. Наконецъ, слуга Палинуръ названъ Германомъ. Мѣсто дѣйствія перенесено въ Вѣну.

Въ основѣ попрежнему лежитъ плавтовскій текстъ, кое-гдѣ измѣняемый, сокращаемый или пополняемый по мѣрѣ надобности [89]). Присущій пьесѣ Плавта сентиментальный элементъ еще болѣе усиленъ Ленцемъ во вкусѣ XVIII в. Себастьянъ называетъ Селиму, «meine Seele». Селима готова отдать за Себастьяна «diese liebeskranke Seele» [90]). Довольно удачно Терапонтигонъ замѣненъ отставнымъ служакой Гмелинскимъ-Будовицкимъ, при рисовкѣ котораго передъ глазами Ленца, очевидно, стояли типы офицеровъ, среди которыхъ онъ вращался въ Эльзасѣ. Липсъ Рустанъ, выступающій вмѣсто паразита Куркуліо, смахиваетъ на типъ бойкаго, смышленнаго и пронырливаго слуги, котораго черезъ нѣсколько лѣтъ Бомарше обезсмертилъ въ своемъ Фигаро [91]).

Плавтовская комедія «Truculentus» привлекла Ленца, какъ мы видѣли, искусно очерченнымъ характеромъ «прелестницы» [92]). Ленцъ началъ съ перевода этой пьесы, сохранившейся въ рукописи и напечатанной впервые Вейнгольдомъ [93]). Затѣмъ этотъ переводъ послу-

жилъ ему основаніемъ для полной переработки подъ заглавіемъ «Искательница приключеній», которая и вошла въ число изданныхъ имъ «Комедій по Плавту».

«Truculentus» принадлежитъ къ числу наиболѣе слабыхъ пьесъ римскаго комика [94]). Содержаніе вертится около продѣлокъ гетеры Фронезіи, которая старается удержать при себѣ сразу трехъ любовниковъ—Динарха, Стратофана и Страбакса. Въ этомъ помогаетъ ей служанка Астафія. Кромѣ этихъ лицъ извѣстную роль въ пьесѣ, невозможной по своему содержанію на современной сценѣ, играютъ старикъ Калликлесъ и слуга Страбакса, Стратилаксъ, который и является «брюзгою», дающею имя пьесѣ.

Ленцъ переноситъ мѣсто дѣйствія изъ Аѳинъ въ Кенигсбергъ. Римская гетера превращается въ Юльхенъ, а ея служанка названа Рахилью. Поклонниками Юльхенъ являются молодой купецъ Фишеръ (Динархъ), капитанъ фонъ-Шлахтвитцъ (Стратофанъ) и недоросль изъ дворянъ фонъ-Баухендорфъ (Страбаксъ). Его слуга носитъ имя Адама.

Какъ у Плавта, въ центрѣ пьесы стоитъ продѣлка Юльхенъ съ капитаномъ Шлахтвицемъ, котораго она увѣряетъ, будто имѣетъ отъ него ребенка, на содержаніе котораго требуетъ извѣстную сумму денегъ. Въ связи съ этимъ она эксплоатируетъ и остальныхъ своихъ поклонниковъ. Въ первыхъ четырехъ актахъ Ленцъ попрежнему точно слѣдовалъ за Плавтомъ съ обычными сокращеніями и добавленіями. Всего болѣе прибавлено для характеристики Юльхенъ, которая всего болѣе занимала его. Полнѣе, чѣмъ у Плавта является также характеристика Рибенштейна (Калликлесъ) [95]).

Наибольшей передѣлкѣ подвергся пятый актъ, который открывается сценой между Юльхенъ и Рахилью, написанной Ленцемъ совершенно самостоятельно. Здѣсь Юльхенъ сообщаетъ служанкѣ свое намѣреніе, улучивъ удобный моментъ, исчезнуть изъ Кенигсберга, послѣ того какъ она достаточно нажилась отъ своихъ поклонниковъ. Такимъ образомъ, Ленцъ придумываетъ иную, чѣмъ у Плавта, развязку, которую нельзя не признать болѣе удачной. У Плавта пьеса оканчивается тѣмъ, что гетера оставляетъ при себѣ двухъ любовниковъ [96]).

Изъ послѣдней сцены «Искательницы приключеній», также самостоятельно написанной Ленцемъ, мы узнаемъ, что Юльхенъ приво-

дить свои намѣренія въ исполненіе и потихоньку уѣзжаетъ изъ Кенигсберга въ Лифляндію, чтобы, какъ она говоритъ, быть ближе къ милому ей Петербургу, который представлялся ей болѣе широкой ареной для ея аппетитовъ [97]).

Въ общемъ нельзя не замѣтить, что въ этой послѣдней передѣлкѣ изъ Плавта Ленцъ наиболѣе удалился отъ подлинника. Мы можемъ вполнѣ присоединиться къ приговору тогдашней критики, считавшей эту передѣлку наиболѣе удачной изъ всѣхъ.

Надъ переводомъ Плавта Ленцъ не пересталъ трудиться и по выходѣ своихъ «Комедій по Плавту».

Кромѣ передѣлки пьесы «Приданое», Ленцъ перевелъ еще новую (шестую) пьесу Плавта «Captivi» подъ заглавіемъ «Алжирцы». При выборѣ этой пьесы Ленцъ могъ руководиться отзывомъ Лессинга, который считалъ плавтовскихъ «Плѣнниковъ» — «превосходнѣйшей изъ всѣхъ существующихъ пьесъ». Эта пьеса, по замѣчанію Раппа, крайне интересна уже потому, что представляетъ очень своеобразное явленіе въ древней литературѣ. Удаленная одинаково отъ выспренняго паѳоса трагедіи и отъ безудержнаго смѣха комедіи, она подходитъ къ типу «буржуазной драмы» или т. н. «comédie larmoyante», которыми такъ увлекались въ XVIII вѣкѣ [98]). Своею чувствительностью она должна была привлечь Ленца.

Кромѣ того «Плѣнники»—одна изъ популярнѣйшихъ пьесъ римскаго драматурга, вызывавшая многочисленныя подражанія. На ней основана комедія Аріосто «I Suppositi», вызвавшая, въ свою очередь, многочисленныя подражанія. Хорошую французскую переработку «Плѣнниковъ» далъ Жанъ Ротру въ своей пьесѣ «Les Captifs» (1636). Бенъ Джонсонъ въ комедіи «The case is altered» искусно соединяетъ мотивы плавтовскихъ «Captivi» и «Aulularia» [99]).

Своей передѣлкѣ Ленцъ далъ названіе «Алжирцы». Намъ извѣстно, что эта пьеса была прочтена въ Страсбургскомъ литературномъ обществѣ 23 ноября 1775 г. [100]). Кромѣ того, сохранилась переписка Ленца съ Готтеромъ, въ которой идетъ рѣчь о томъ же произведеніи, сама же пьеса исчезла безслѣдно. Объ этомъ приходится сожалѣть тѣмъ болѣе, что Готтеръ былъ отъ нея въ восторгѣ. «Вы хотите знать мое мнѣніе объ Алжирцахъ?—писалъ онъ Ленцу— пока я не могу высказать ничего, кромѣ похвалъ. Чтобы судить о ней критически, мнѣ нужно сначала немного остыть. Если эта пьеса

не произведетъ впечатлѣнія, то я навсегда отказываюсь дѣлать какія-либо предсказанія относительно театральныхъ произведеній. Какой горячій и безраздѣльный интересъ! Какое сосредоточенное дѣйствіе! Какая простота въ развитіи сюжета и въ языкѣ! Мнѣ кажется, что я уже слышу Экгофа въ роли Алонзо» [101]).

На этотъ разъ Ленцъ отказался отъ несчастной мысли модернизировать и германизировать древняго комика. Судя по упомянутой перепискѣ Ленца съ Готтеромъ, въ которой находятся также двѣ небольшихъ вставки въ первую редакцію [102]), дѣйствіе было перенесено въ Алжиръ и, можетъ быть, Испанію и отнесено къ среднимъ вѣкамъ; дѣйствующими лицами являлись испанцы (Alonzo, Pietro, Ramiro, Mariane) и мавры (Osmann). Плавтовскій Tyndarus здѣсь названъ Pietro, а его господинъ Philocratus—Osmann.

Испанскія имена заставляютъ предполагать, кромѣ Плавта, какой-нибудь испанскій источникъ. Возможно, что Ленцу была извѣстна пьеса Сервантеса «Los tratos de Argel» или основанная на ней пьеса Лопе де Вега: «Los Cautivos ó los Esclavos de Argel» [103]).

Кромѣ указанныхъ пьесъ Плавта, Ленцъ, повидимому, думалъ также о переводѣ комедіи «Menechmi» [104]).

Работа надъ Плавтомъ была для Ленца превосходной школой, гдѣ онъ серьезно учился у знаменитаго римскаго комика драматической композиціи [105]). Кромѣ того, она давала ему возможность выработать гибкость, образность и мѣткость языка и умѣнье переносить на сцену разнаго рода явленія нѣмецкой дѣйствительности. Мы видѣли, что его передѣлкамъ Плавта современники, въ лицѣ Виланда, отдавали преимущество передъ лессинговскими. Особенности плавтовскаго комизма никѣмъ не были такъ удачно переданы въ Германіи ранѣе Ленца. «Такого бойкаго комизма, замѣчаетъ Эрихъ Шмидтъ, не знавала нѣмецкая комедія со временъ Грифіуса и Христіана Вейзе». Легкій и свободный ходъ дѣйствія, бьющая ключомъ веселость, выразительный языкъ, полный непринужденныхъ остротъ и, наконецъ, часто нескромныя, но всегда живо и забавно набросанныя положенія — сближаютъ его съ датскимъ Плавтомъ — Гольбергомъ [106]).

ГЛАВА VIII.

„Домашній учитель“ и „Новый Меноза“.

„Mein Hofmeister und Soldaten sind von Seiten der Kunst sehr fehlerhaft... Meine andre Stücke sind dramatische noch unbearbeitete Massen. Menoza hat nichts als dramatische Einkleidung“.

Lenz.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію самостоятельныхъ драмъ Ленца, изданныхъ въ 1774 году. Ихъ двѣ: «Гофмейстеръ (домашній учитель), или выгоды домашняго воспитанія» и «Новый Меноза». Вмѣстѣ съ третьей пьесой «Солдаты», изданной нѣсколько позже, онѣ составляютъ особую группу «соціальныхъ» драмъ Ленца. Это пьесы, написанныя на извѣстную тему, поддерживающія тотъ или другой тезисъ, пьесы тенденціозныя, полемическія и обличительныя. Каждая изъ нихъ обличаетъ одно изъ золъ соціальной жизни: «Домашній учитель» бичуетъ недостатки частнаго воспитанія, «Солдаты» обрушиваются на грубую безнравственность военнаго быта, «Новый Меноза» возстаетъ противъ всего строя современнаго общества. Въ каждомъ случаѣ Ленцъ является въ роли страстнаго сатирика и гуманнаго врача, онъ не ограничивается тѣмъ, чтобы поставить діагнозъ соціальной болѣзни и нарисовать ее яркими и безпощадными штрихами,—онъ указываетъ и лѣкарство для исцѣленія. Въ каждой пьесѣ имѣется излюбленное авторомъ лицо благомыслящаго реформатора, находящее разрѣшеніе вопросу [1]). Зло, бичуемое въ «Домашнемъ учителѣ», подвергается радикальному искорененію: частное воспитаніе отвергается, признается одно воспитаніе—общественное, въ особыхъ учрежденіяхъ. Институтъ «солдатскихъ женъ» долженъ спасти всѣхъ другихъ женщинъ и дѣвушекъ отъ безнрав-

ственности холостой солдатчины. Наконецъ, опрощеніе и возвращеніе къ природѣ во вкусѣ Руссо являются цѣлебнымъ средствомъ для золъ, бичуемыхъ въ «Новомъ Менозѣ».

Въ этой группѣ драмъ наиболѣе развертывается художественный талантъ Ленца: его даръ выпуклой и яркой характеристики, умѣнье создавать комическія и трагическія положенія, безусловная правдивость и совѣстливая вѣрность дѣйствительности. Въ нихъ бьется пульсъ реальной жизни, слышится біеніе страстнаго сердца, болѣющаго за соціальныя несовершенства, слышится стонъ души, алчущей правды и справедливости въ житейскихъ отношеніяхъ.

Разсматриваемыя съ технической точки зрѣнія пьесы этой группы должны быть отнесены къ разряду т. н. буржуазныхъ драмъ, своеобразно понятыхъ и выполненныхъ. Если Дидро старался создать нѣчто среднее между трагедіей и комедіей, ослабляя паѳосъ трагедіи, съ одной стороны, и сглаживая беззаботно-веселый смѣхъ комедіи,—съ другой, то Ленцъ мечталъ о созданіи такого типа драмы, въ которомъ бы были сразу совмѣщены достоинства и трагедіи, и комедіи, гдѣ сцены высокаго паѳоса чередовались бы со сценами заразительнаго комизма. Дидро и его вѣрный послѣдователь Себастьянъ Мерсье задаются цѣлью мягко растрогать читателя или зрителя, вызвать на глазахъ его слезы состраданія и участія и, по временамъ, улыбку и легкій смѣхъ на его устахъ. Ленцъ же стремится въ одной и той же пьесѣ и потрясти зрителя, взволновать его до глубины души, заставить обливаться слезами, и дать пищу для его безудержнаго смѣха, громкаго хохота. Онъ называлъ эти пьесы «комедіями», очевидно, только потому, что не находилъ никакого другого болѣе подходящаго термина. Сначала онъ не убоялся назвать своего «Гофмейстера»—«Lust - und - Trauerspiel», но затѣмъ вычеркнулъ этотъ неуклюжій терминъ, который, въ сущности, всего лучше выясняетъ его затаенную мысль [3]). Его пьесы, дѣйствительно, «трагедо-комедіи» въ родѣ средневѣковыхъ мистерій и старо - нѣмецкихъ Haupt-und-Staatsactionen. Недаромъ же онъ такъ высоко цѣнилъ мистеріи и самъ пишетъ пьесу «Graf Heinrich, eine Haupt-und Staatsaction» [4]). Его цѣлью, казалось, было сочетать въ одной пьесѣ высокій паѳосъ Шекспира съ грубымъ комизмомъ Плавта. Тонкій и неуловимо-граціозный юморъ Шекспира былъ ему не по плечу: «Потерянныя усилія любви» огрубѣли въ его пере-

водѣ. Онъ лучше чувствовалъ себя въ средѣ болѣе тяжеловѣсной и простонародной комики Плавта, нерѣдко стоящей на границѣ съ фарсомъ.

Это несчастное стремленіе погубило его пьесы. Взятыя сами по себѣ и въ отдѣльности сцены трагическія и сцены комическія его пьесъ могутъ нравиться и производить извѣстное впечатлѣніе; соединеніе же ихъ въ одно цѣлое является чѣмъ-то безвкуснымъ, анти-художественнымъ, разрушающимъ цѣлостность его драмъ, какъ произведеній искусства. Впослѣдствіи, повидимому, Ленцъ понялъ неудачу своей попытки и началъ писать пьесы менѣе пестрыя по содержанію и болѣе цѣльныя по настроенію. Такова его историческая трагедія «Сицилійская вечерня», такова же была, судя по отрывкамъ, его «Катарина Сіенская» и цѣлый рядъ другихъ драматическихъ набросковъ и плановъ.

За исключеніемъ указаннаго отличія, группа соціальныхъ пьесъ Ленца всего болѣе походитъ на драмы Себастьяна Мерсье. Мы видѣли уже, что «Nouvel essai sur l'art dramatique» этого оригинальнаго критика оказалъ сильное вліяніе на теоретическіе взгляды Ленца. У Мерсье онъ заимствовалъ пониманіе комедіи и усвоилъ себѣ его требованія, предъявляемыя къ ней. Онъ утверждаетъ, вслѣдъ за Мерсье, что «комедія» (разумѣется comédie sérieuse, вѣрнѣе drame) должна быть жанровой картиной жизни, что въ ней должны играть главную роль положенія, а не характеры. Пьесы Мерсье были также проникнуты моралистической тенденціей и изобиловали соціальнымъ элементомъ. Ленцъ вращается въ кругѣ темъ, которыя не разъ затрогивалъ Мерсье. Вопросовъ воспитанія касается онъ въ «La brouette du vinaigrier», въ «Faux-Ami» и др.[4]). Отрицательнымъ явленіямъ военной службы посвященъ его «Le Déserteur» [5]). На тему опрощенія и возвращенія къ природѣ у него, горячаго поклонника Руссо, написано много [6]).

Обратимся къ болѣе подробному разбору первой изъ пьесъ соціальной группы «Гофмейстеръ» (Домашній учитель). Ранѣе мы высказали предположеніе, что эта пьеса сильно занимала Ленца въ 1772 г. во время его пребыванія въ Фортѣ Луи и Ландау и писалась въ разгаръ его страсти къ Фридерикѣ [7]). Въ письмахъ къ Зальцманну онъ говоритъ о готовой уже рукописи пьесы и, вѣроятно, той самой, которая хранится въ Берлинской Королевской би-

бліотекѣ. Мы видѣли, что Ленцъ не былъ доволенъ этой редакціей пьесы. Послѣ новой обработки она явилась въ томъ видѣ, который она имѣетъ въ печатномъ текстѣ 1774 г.

Пьеса основана на лифляндскихъ и кенигсбергскихъ впечатлѣніяхъ автора. Мѣсто дѣйствія отнесено въ восточную Пруссію; изображается нѣмецкое дворянство, имѣвшее, конечно, очень много общаго съ дворянствомъ родной поэту Лифляндіи. Родные упрекали впослѣдствіи Ленца за то, что онъ въ такомъ смѣшномъ видѣ изобразилъ лифляндскихъ помѣщиковъ, бывшихъ притомъ «благодѣтелями» семьи старика Ленца [8]). Нашъ поэтъ всегда исходилъ изъ непосредственной дѣйствительности. Первые наброски его характеровъ являлись портретами живыхъ людей. Отъ такого процесса работы остался слѣдъ въ его рукописяхъ: въ первыхъ своихъ наброскахъ онъ часто ставитъ настоящее имя того живого лица, (иногда слегка замаскированное) которое ему служитъ оригиналомъ. Такъ и въ берлинской рукописи «Гофмейстера» сохранены нѣкоторыя имена дѣйствительныхъ лицъ, знакомыхъ Ленца по Кенигсбергу, а именно: студентъ Pegau (впослѣдствіи мужъ сестры Ленца), Frau Höpfner и кенигсбергскій товарищъ Reichhardt. Этими именами называетъ ихъ постоянно Ленцъ въ рукописи какъ будто для того, чтобы держать постоянно живыми передъ глазами оригиналы, съ которыхъ онъ рисовалъ [9]). Въ новой редакціи пьесы, представленной текстомъ 1774 г., этотъ личный элементъ былъ, конечно, замаскированъ: Pegau получилъ имя Pätus'а (такъ онъ именуется уже съ 5-ой сцены IV-го акта въ берлинской рукописи), Reichhardt обратился въ Rehhaar'а, а Frau Höpfner получила имя Frau Hamster. Судя по этому, можно предполагать, что и нѣкоторыя другія имена берлинской рукописи, расходящіяся съ печатнымъ текстомъ,—тоже подлинныя имена ленцевскихъ оригиналовъ, а именно Graf Bernold (въ печати Graf Wermuth), Martin (въ печати Wenceslaus) и Baumann (въ печати Bollwerk) [10]).

Важно, что Ленцъ чаще бралъ сюжеты изъ дѣйствительной жизни, чѣмъ изъ литературныхъ источниковъ. Дѣйствительный фактъ и живыя лица дали ему матеріалъ для юношеской драмы «Раненый женихъ». Прямо изъ жизни, изъ достовѣрныхъ фактовъ взяты сю-

жеты его «Гофмейстера» и «Солдатъ», не говоря уже о многихъ другихъ его произведеніяхъ.

Пьеса начинается рядомъ бойкихъ сценъ, живо переносящихъ насъ въ среду нѣмецкаго дворянства прошлаго вѣка. Невольно вспоминаешь нашего Фонвизина, въ комическомъ талантѣ котораго много общаго съ талантомъ Ленца: тоже умѣнье рѣзкими штрихами набросать выводимый типъ, тоже мастерское владѣніе рѣчью, вполнѣ соотвѣтствующею положенію даннаго лица, тотъ же преувеличенный комизмъ. Къ довершенію всего, русскій помѣщичій бытъ, изображаемый Фонвизинымъ, имѣлъ кое-что сходное съ такимъ же бытомъ лифляндскаго и прусскаго дворянства прошлаго вѣка. И въ томъ и другомъ случаѣ мы видимъ грубую и мало образованную среду, надменную своимъ дворянствомъ и готовую давить все, стоящее ниже, и воспитывающую молодое поколѣніе спустя рукава, какъ Богъ на душу положитъ. И тамъ, и здѣсь видимъ преклоненіе передъ всѣмъ французскимъ и усвоеніе только внѣшней оболочки цивилизаціи.

Здѣсь мы найдемъ и фонвизинскую совѣтницу въ лицѣ Frau Majorin, модницы и жеманницы, бредящей Парижемъ и балующей напропалую своего сынка Леопольда,—прусское изданіе европейскихъ недорослей изъ дворянъ. Найдемъ здѣсь и прусскаго «бригадира» въ лицѣ Маіора, грубаго селадофона, облагороженнаго лишь несчастіемъ, которое на него обрушилось. Встрѣтимъ и нѣмецкаго Стародума «тайнаго совѣтника фонъ-Бергъ», резонера пьесы, моралиста, играющаго роль хора въ античной трагедіи. Встанемъ лицомъ къ лицу и съ больнымъ мѣстомъ русской жизни XVIII в.: вопросомъ о домашнемъ воспитаніи дворянскихъ дѣтей. Это основная идея «Гофмейстера». Замѣтимъ, что это нѣмецкое названіе для домашняго учителя или гувернера долго держалось въ нашемъ языкѣ XVIII в. Въ лицѣ Лейфера Ленцъ выставилъ типъ непризваннаго къ дѣлу воспитателя, только развращающаго своихъ воспитанниковъ. А русская дѣйствительность кишѣла такими типами, находившими отраженіе какъ въ сатирическихъ журналахъ, такъ и во многихъ другихъ литературныхъ произведеніяхъ.

Конечно, кромѣ сходства самихъ явленій жизни, которыя наблюдали Фонвизинъ и Ленцъ, извѣстную роль играло то обстоятельство, что оба писателя въ обработкѣ взятаго изъ жизни матеріала руково-

дились примѣромъ одного и того же драматурга—«датскаго Плавт Гольберга [11]).

Гофмейстеромъ, который долженъ показать отрицательныя годы домашняго воспитанія» является въ пьесѣ Лейферъ, пастора, обучавшійся въ Лейпцигѣ, гдѣ онъ основательно поз мился съ ресторанами и кофейнями и очень мало съ универс скими аудиторіями. Въ Лейпцигѣ онъ узналъ «свѣтъ», «не п стилъ ни одного бала и обучался болѣе, чѣмъ у пятнадцати мейстеровъ» (I, 3), играетъ на скрипкѣ, бренчитъ слегка на к синѣ, болтаетъ немножко по-французски, умѣетъ расшаркиват прислуживаться по мѣрѣ надобности. Онъ пошелъ въ гофмейс только потому, что никуда не могъ пристроиться [12]).

Старый служака маіоръ Бергъ, простакъ, находящійся не л Простакова подъ башмакомъ своей жены, «новомодной щегол какъ говорили у насъ въ XVIII вѣкѣ, пригласилъ, вѣрнѣе, «на Лейфера гофмейстеромъ къ своему сыну Леопольду. Изъ разг его съ братомъ «Тайнымъ совѣтникомъ» видно, какъ предста майоръ Бергъ себѣ обязанности воспитателя. Его всего болѣе покоитъ то, имѣетъ ли его гувернеръ приличный видъ. Съ вопросомъ онъ и обращается къ брату:

Тайн. Сов. Довольно приличный, даже слишкомъ... Но чем онъ будетъ обучать твоего сына?

Маіоръ. Почемъ я знаю... ты всегда задаешь такіе стра вопросы.

Тайн. Сов. Нѣтъ, правда! Вѣдь если ты берешь въ домъ мейстера и вытряхиваешь изъ своего кошеля сразу триста дука то у тебя должна быть какая-нибудь цѣль. Скажи же, что ду ты получить за эти деньги? чего ты требуешь отъ твоего го стера»?

Маіоръ можетъ отвѣтить только тѣмъ, что этотъ вопросъ яснится самъ собою впослѣдствіи [13]).

Маіорша Бергъ предъявляетъ къ гофмейстеру болѣе опред ныя требованія. Въ присутствіи сына она дѣлаетъ ему экзаменъ За свои деньги (150 дукатовъ) требуетъ она, чтобы онъ «одѣ чисто» и «не срамилъ бы ея дома». «Въ свѣтѣ ни на что в стоящее время не обращаютъ такого вниманія, какъ на то, кто умѣетъ себя вести». Она желаетъ убѣдиться немедленно в

танцовальномъ искусствѣ: Лейферъ исполняетъ фигуру изъ менуэта. Затѣмъ очередь за музыкой и французскимъ языкомъ. Польщенная пошлымъ комплиментомъ Лейфера, маіорша поетъ; гувернеръ въ восторгѣ.

Лейферъ. О... О... Простите мнѣ восторгъ, энтузіазмъ, который меня увлекаетъ (*цѣлуетъ ей руку*).

Маіорша. Однако у меня сегодня насморкъ. Я, вѣроятно, каркала какъ ворона. Vous parlez français sans doute?

Лейферъ. Un peu, Madame.

Маіорша. Avez vous déjà fait vôtre tour de France?

Лейферъ. Non, Madame... Oui, Madame...

Маіорша. Vous devez donc savoir, qu'en France on ne baise pas les mains, mon cher... [14]).

Экзаменъ прерывается появленіемъ графа Вермутъ, свѣтскаго франта, который заводитъ рѣчь о танцорѣ, только что пріѣхавшемъ въ городъ. Лейферъ стоитъ въ отдаленіи и осмѣливается вмѣшаться въ разговоръ, не раздѣляя восторговъ графа. Тогда разыгрывается слѣдующая сцена:

Маіорша. Запомни, мой другъ, что слуги не могутъ говорить въ обществѣ лицъ высшаго состоянія. Иди въ свою комнату. Кто тебя спрашивалъ? (*Лейферъ отступаетъ нѣсколько шаговъ назадъ*).

Графъ. Вѣроятно, это гофмейстеръ вашего сына?

Маіорша. Онъ только что изъ университета.—Иди же! Вѣдь ты слышалъ, что рѣчь идетъ о тебѣ; прилично ли тебѣ оставаться здѣсь стоять... (*Лейферъ уходитъ, дѣлая церемонный поклонъ*). Это невыносимо: за свои же деньги нельзя достать настоящаго человѣка. Мой мужъ три раза писалъ одному профессору,—и этотъ оказался самый галантный изо всѣхъ студентовъ. Вы можете объ этомъ судить по скверному галуну на его кафтанѣ. Представьте себѣ, 200 дукатовъ путевыхъ издержекъ отъ Лейпцига до Инстербурга и по пяти сотъ дукатовъ ежегодно! Не ужасно ли это?» [15]).

Какъ мы видимъ, положеніе гофмейстера въ Германіи XVIII в. было немного лучше того, какое описано въ фонвизинскомъ письмѣ помѣщика Дурыкина. Легко догадаться, что письма маіора къ профессору были поразительно похожи на дурыкинскія.

Яркую бытовую картину рисуетъ намъ 4-я сцена. Лейферъ даетъ урокъ Леопольду; входитъ маіоръ.

Маіоръ. Вотъ это такъ; вотъ это я люблю, очень прилежно.—А если каналья будетъ невнимателенъ, ударьте-ка его книгой по головѣ! Смотрите, онъ опять уже разинулъ ротъ. Чувствуешь, что говоритъ тебѣ отецъ? Кому же и говорить, какъ не мнѣ? Если ты не исправишься, я тебя, хитрецъ, такъ отхлестаю, что внутренности у тебя лопнутъ. И вы, пожалуйста, съ нимъ занимайтесь поприлежнѣе... прошу васъ... Чтобы ни вакацій, ни рекреацій, ни передышки... Этого я не терплю. Все это дрянь, отъ работы никто не получитъ malum hydropisiacum. Все это выдумки вашихъ господъ ученыхъ.— Какъ онъ справляется съ Корнеліемъ? Липпель, прошу тебя ради Создателя, держи голову прямо. Подними голову, мальчишка! (поправляетъ его). Тысяча чертей! вонъ голову изъ плечъ или я раздроблю тебѣ спину на тысячу милліоновъ кусковъ»! [16]).

Кончается тѣмъ, что маіоръ даетъ сыну пощечину и выгоняетъ изъ комнаты, благодушно объясняя Лейферу, что онъ поступилъ такъ для того, чтобы поговорить съ нимъ вдвоемъ.

Маіоръ. Сидите, сидите; совсѣмъ, совсѣмъ. Чортъ возьми! вы мнѣ стулъ раздавите, если будете ютиться на кончикѣ. Для этого и стулъ стоитъ, чтобы на него садились. Вы были въ далекихъ странахъ, а этого еще не знаете? — Ну слушайте: я васъ считаю за очень пристойнаго человѣка, богобоязненнаго и покорнаго; а то бы я никогда не сдѣлалъ для васъ того, что теперь дѣлаю. Я вамъ обѣщалъ сто сорокъ дукатовъ въ годъ: это составляетъ три — постойте—трижды сто сорокъ; сколько это выйдетъ?

Лейферъ. Четыреста двадцать.

Маіоръ. Вѣрно? Именно столько? Ну для круглаго счета пусть будетъ четыреста прусскихъ талеровъ жалованья. Вотъ видите; никто у насъ не дастъ больше этого.

Лейферъ. Осмѣлюсь сказать съ позволенія вашей милости, что ваша супруга изволила мнѣ говорить о ста пятидесяти дукатахъ: это составляетъ ровно четыреста пятьдесятъ талеровъ, и я согласился на этихъ условіяхъ.

Маіоръ. А! что понимаютъ женщины? Четыреста талеровъ, monsieur; по чистой совѣсти *онъ* не можетъ требовать больше. Предыдущій получалъ двѣсти пятьдесятъ и былъ доволенъ какъ Богъ»...

Маіоръ желаетъ, сверхъ того, чтобы Лейферъ давалъ его дочери Густхенъ уроки по катехизису по случаю предстоящей ей конфирмаціи.

«Одинъ часъ утромъ каждый день, и пусть *онъ* идетъ къ ней въ комнату; одѣтый, разумѣется; избави Богъ, чтобы *онъ* оказался такимъ поросенкомъ, какъ у меня уже былъ однажды: тотъ къ столу хотѣлъ выходить въ халатѣ» [17]).

Маіоръ рекомендуетъ Лейферу обходиться съ дочерью мягко и осторожно: она его любимица, а Леопольдъ—жены. Сына онъ терпѣть не можетъ, а жена относится также къ Густхенъ.

Въ пятой сценѣ I акта сынъ тайнаго совѣтника Берга, Фрицъ, прощается съ Густхенъ передъ отъѣздомъ въ Лейпцигскій университетъ. Сравнивая себя съ Ромео и Джульеттой, они даютъ взаимныя клятвы. Черезъ три года Фрицъ женится на Густхенъ, которая клянется остаться ему вѣрной, даже если бы за нее посватался русскій императоръ. Тайный совѣтникъ подслушиваетъ ихъ клятвы и старается внушить имъ, что они еще слишкомъ молоды и неопытны, чтобы давать ихъ.

Второй актъ происходитъ черезъ два года. Изъ разговора пастора Лейфера съ тайнымъ совѣтникомъ Бергомъ мы узнаемъ, что гофмейстеру живется плохо въ домѣ маіора: вмѣсто обѣщаннаго жалованья платятъ ему гораздо меньше, обѣдаетъ онъ «съ господами» только въ томъ случаѣ, если нѣтъ гостей, обращаются съ нимъ крайне грубо. «Тайный совѣтникъ» горячо нападаетъ на дворянскій обычай воспитывать своихъ дѣтей при помощи «гофмейстеровъ» [18]). Дворяне устраиваютъ себѣ маленькій дворъ, гдѣ они сидятъ какъ монархи, поддерживаемые низкопоклонствомъ гофмейстеровъ, мамзелей и дворни, и внушаютъ своимъ дѣтямъ, что они какія-то особенныя существа, отличныя отъ бюргеровъ.

Нѣмецкій Стародумъ пропитанъ идеями Руссо и проповѣдуетъ начала свободы и равенства. Въ положеніи гофмейстера его всего болѣе возмущаютъ «рабскія цѣпи». «Безъ свободы — проповѣдуетъ тайный совѣтникъ — жизнь катится по наклонной плоскости, свобода есть для человѣка такая же стихія, какъ вода для рыбы, и человѣкъ, который поступается своей свободой, отравляетъ благороднѣйшія побужденія своей крови, душитъ сладчайшія радости жизни въ самомъ цвѣтѣ и умерщвляетъ самого себя» [19]).

Картина печальнаго положенія гофмейстеровъ написана здѣсь такъ ярко, что хочется видѣть въ ней отголоски собственнаго опыта

Ленца. Онъ самъ бывалъ подобнымъ «гофмейстеромъ» и не могъ не возмутиться такимъ положеніемъ вещей.

Вторая маленькая сцена между Густхенъ и Лейферомъ имѣетъ, очевидно, цѣлью показать, что между молодыми людьми произошло уже извѣстное сближеніе, поддерживаемое чтеніемъ «Ромео и Джульетты» и «Новой Элоизы». Вскорѣ они входятъ въ роль Сенъ-Прё и Юліи.

Третья и четвертая сцены происходятъ въ Галле и изображаютъ картину студенческой жизни Фрица и его товарищей, набросанную выпуклыми комическими штрихами. Выдается типъ погрязшаго въ долгахъ студента Петуса и его грубой квартирной хозяйки Гамстеръ. Пятая и шестая вновь переносятъ насъ въ Гейдельбруннъ, имѣнье маіора Бергъ. Новая сцена между Густхенъ и Лейферомъ показываетъ, что негодяй уже успѣлъ обольстить молодую дѣвушку, оставленную безъ призора со стороны невыносившей ея матери—пустоголовой щеголихи [20]).

Удостовѣрившись, что зло непоправимо, Лейферъ думаетъ лишь о собственномъ спасеніи и боится участи Абеляра. Между тѣмъ маіоръ, страшно любящій свою дочь, видя болѣзнь Густхенъ, начинаетъ догадываться объ ужасномъ фактѣ [21]). Послѣдняя сцена второго акта снова ведетъ насъ въ Галле: Фрицъ за долги Петуса добровольно сидитъ въ тюрьмѣ. Здѣсь развертывается бойкая картина студенческой жизни, нарисованная на основѣ кенигсбергскихъ впечатлѣній Ленца, но къ дѣйствію пьесы она имѣетъ очень мало отношенія.

Въ первой сценѣ III-го акта маіоръ узнаетъ о несчастьи своей дочери: жена сообщаетъ ему объ отношеніяхъ Лейфера къ Густхенъ. Она успѣваетъ только сказать: «Твоя дочь — гофмейстеръ— бѣги!» и падаетъ въ обморокъ.

Слѣдующая сцена происходитъ въ деревенской школѣ, по сосѣдству съ замкомъ Берга. Лейферъ спасается отъ преслѣдованія оскорбленнаго отца и проситъ защиты у школьнаго учителя Венцеслава. Это одинъ изъ самыхъ удачныхъ типовъ Ленца: старый добрякъ, милый ворчунъ и доморощенный философъ, нѣчто въ родѣ незабвеннаго пастора Адамса изъ «Джозефа Эндрьюса» Фильдинга. Вотъ образчикъ его простодушно-глубокомысленныхъ разсужденій: «Я самъ всегда линую моимъ мальчуганамъ, вѣдь ребята ничему

:е выучиваются съ такимъ трудомъ, какъ прямому письму, ровному исьму... Не криво писать, не быстро писать, всегда твержу я, но ишь прямо писать... Вѣдь это оказываетъ свое вліяніе на все, и :а нравы, и на науки, на все, любезнѣйшій господинъ гофмейстеръ. [еловѣкъ, который не умѣетъ прямо писать, говорю я всегда, не ожетъ и прямо дѣйствовать» [22]).

Бѣдняга другого мнѣнія о гофмейстерствѣ, чѣмъ тайный совѣт-икъ Бергъ: онъ не можетъ не позавидовать обезпеченному поло-:енію гувернеровъ, которое, по его мнѣнію, «усѣяно розами и иліями». «Ибо какое у нихъ дѣло? Ѣдятъ, пьютъ, спятъ, никакой
:боты; разумѣется, добрый стаканъ вина, жаркое ежедневно, по грамъ кофе, чай, шоколадъ или что другое, и это такъ постоянно»... !амому ему приходится довольствоваться салатомъ да колбасой. Жи-етъ онъ въ одиночествѣ: «служанки у меня нѣтъ; а о женѣ я не со-рался съ духомъ подумать, вѣдь я не могъ бы ее прокормить» [23]).

При появленіи графа Вермута съ вооруженными людьми онъ не эряетъ присутствія духа и загораживаетъ дверь, за которою скрылся ейферъ, назвавшій ему себя Манделемъ. Выпроводивъ непрошен-ыхъ посѣтителей, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ рерванное этимъ эпизодомъ разсужденіе о вредѣ пить воду тогда, эгда человѣкъ возбужденъ [24]).

Изъ третьей сцены третьяго акта мы узнаемъ, что Густхенъ :чезла изъ дому, неизвѣстно куда. Тайный совѣтникъ получаетъ іѣдѣнія о томъ, что его сынъ Фрицъ сидитъ въ Галле въ тюрьмѣ , долги своего товарища Петуса. Послѣднее явленіе акта снова эреноситъ насъ въ школу и прекрасно дорисовываетъ портретъ ылаго чудака Венцеслава. Обшитый галунами, малосвѣдущій и из-ълованный гофмейстеръ противополагается здѣсь истинному труже-ику, сельскому учителю, неприхотливому, честному и старательному ь своемъ дѣлѣ. Онъ не сѣтуетъ на ничтожное вознагражденіе, ко-рое онъ получаетъ, но со стороны Ленца слышится протестъ про-івъ такого строя общества, при которомъ тунеядцы получаютъ до-:аточное содержаніе, а такіе полезные члены общества, какъ Вен-:славъ, едва влачатъ существованіе.

Между третьимъ и четвертымъ актами проходитъ еще годъ. Всѣ :илія маіора найти дочь остаются тщетными. Отъ слезъ онъ почти лѣпъ. Съ отчаянія онъ хочетъ поступить въ ряды русскаго вой-

ска, чтобы сражаться съ турками. Во второй сценѣ четвертаго акта зритель видитъ передъ собою хижину слѣпой старухи нищенки Марты въ густомъ лѣсу. Здѣсь нашла убѣжище Густхенъ со своимъ ребенкомъ. Она рѣшается въ первый разъ покинуть свое убѣжище, чтобы дать отцу вѣсть о себѣ [25]).

Этотъ годъ проводитъ Лейферъ у Венцеслава въ качествѣ его сотрудника. Странно, что графъ Вермутъ, подозрѣвавшій, что Лейферъ спрятанъ здѣсь, все-таки цѣлый годъ не сообщалъ своихъ подозрѣній маіору. Какъ только послѣдній узналъ объ этомъ, то немедленно нагрянулъ въ школу и выстрѣломъ изъ пистолета ранилъ Лейфера въ руку. Не получивъ отъ него свѣдѣній о дочери, маіоръ бѣжитъ, куда глаза глядятъ. Личность Венцеслава и эту сцену дѣлаетъ интересной. Здѣсь же является эпизодически въ высшей степени комичная фигура деревенскаго брадобрѣя и хирурга Шёпсена [26]).

Между тѣмъ Густхенъ, истощивъ всѣ физическія силы и мучимая угрызеніями совѣсти, рѣшается броситься въ прудъ. Маіоръ поспѣваетъ во время, чтобы вытащить ее изъ воды. Слѣдуетъ лучшая сцена пьесы:

Маіоръ Бергъ несетъ Густхенъ. *Тайный совѣтникъ* и *графъ* слѣдуютъ.

Маіоръ. Здѣсь! — (*опускаетъ ее на землю. Тайный совѣтникъ и графъ стараются привести ее въ чувство*). Проклятая дочь! Для этого ли я тебя воспитывалъ! (*опускается передъ нею на колѣни*). Густель, что тебѣ нужно? Наглоталась воды? Ты еще моя, Густель?— Безбожная каналья! ты бы раньше шепнула словечко; я купилъ бы этому негодяю патенты на дворянство, и вы могли бы быть вмѣстѣ— Господи помилуй! помогите же ей; она безъ чувствъ! (*Вскакиваетъ, ломаетъ руки, ходитъ вокругъ*). Если бы я только зналъ, гдѣ можно достать проклятаго лѣкаря!—Не пришла она еще въ себя?

Густхенъ (*слабымъ голосомъ*). Отецъ!

Маіоръ. Чего ты просишь?

Густхенъ. Прощенія.

Маіоръ (*приближаясь къ ней*). Пусть прощаетъ тебя дьяволъ, развратная дочь! — Нѣтъ (*снова опускается передъ нею на колѣни*), не падай только, моя Густель — моя Густель! Я прощаю тебя; все

забыто и прощено—Богу извѣстно: я прощаю тебя—прости только меня! Но ничего уже не подѣлаешь. Подлецу я прострѣлилъ голову.

Тайный совѣтникъ. Думаю, что ее нужно нести отсюда.

Маіоръ. Стойте! Какое вамъ до нея дѣло? Она не ваша дочь. Безпокойтесь о собственной плоти и крови (*беретъ ее на руки*). Здѣсь, дитя—мнѣ бы слѣдовало снова въ прудъ вмѣстѣ съ тобою— (*Размахиваетъ ею въ сторону пруда*), но плавать не захочется, пока не научишься плавать, думается мнѣ.—(*Прижимаетъ ее къ сердцу*). Мое единственное безцѣнное сокровище! Снова ты на моихъ рукахъ, безбожная каналья! (*Уноситъ ее со сцены*) [27]).

Нельзя не согласиться съ Э. Шмидтомъ, что въ этой сценѣ при всей ея грубости, замѣтно присутствіе незаурядной творческой силы [28]).

Послѣдняя сцена IV-го акта расказываетъ о приключеніяхъ Петуса въ Лейпцигѣ. Она интересна превосходной комической фигурой музыканта Регаара, слащаваго простака и забитаго бѣдняка, служащаго предметомъ издѣвательства для университетскихъ буршей. Невѣроятно грубо обходится Петусъ съ Регааромъ, отцомъ обольщенной имъ дѣвушки.

Въ пятомъ актѣ дѣйствіе быстро перескакиваетъ изъ одного мѣста въ другое. Въ ребенкѣ, котораго приноситъ слѣпая Марта, Лейферъ узнаетъ свое дитя и падаетъ въ обморокъ. Вторая сцена переноситъ насъ въ Лейпцигъ, какъ и четвертая. Фрицъ вызываетъ Петуса на дуэль за оскорбленіе Регаара, но тотъ примиряется съ пострадавшимъ отцомъ, обѣщая жениться на его дочери. Третья— отталкивающаго содержанія, не сглаживаемаго даже личностью Венцеслава. Съ отчаянія и раскаянія, Лейферъ добровольно возлагаетъ на себя тотъ видъ наказанія, которому подвергся Абеляръ за свою любовь къ Элоизѣ. Но Лейфера начинаетъ сейчасъ же брать раскаяніе, а Венцеславъ прекомично привѣтствуетъ въ немъ второго Оригена, свѣтило церкви. «In amore, in amore omnia insunt vitia» не перестаетъ повторять онъ свою любимую мысль.

Шестая и восьмая сцены—снова въ Лейпцигѣ. Изъ письма своего товарища Зейфенблазе Фрицъ узнаетъ впервые о печальной судьбѣ своей кузины и невѣсты Густхенъ. Онъ въ отчаяніи, такъ какъ считаетъ себя виновникомъ ея несчастья: онъ не исполнилъ своего обѣщанія, не вернулся къ ней черезъ три года и не пода-

валъ о себѣ никакой вѣсти ни ей, ни отцу. Теперь Фрицъ рѣшается вернуться на родину вмѣстѣ съ Петусомъ, который счастливымъ выигрышемъ въ карты освобождается отъ долговъ. Пятая и седьмая сцены происходятъ въ Кенигсбергѣ въ домѣ маіора. Густхенъ дружится съ дочерью Регаара: одинаковое несчастье сближаетъ ихъ. Девятая и десятая сцены—послѣднія, въ которыхъ являются безподобный Венцеславъ и Лейферъ. Послѣдній влюбляется въ простую крестьянскую дѣвушку Лизу, мастерски изображенную Ленцемъ во всей ея простодушной наивности, и женится на ней.

Фрицъ возвращается изъ Лейпцига. Тайный совѣтникъ прощаетъ его; онъ прощаетъ Густхенъ и женится на ней, принимая съ любовью и ребенка ея. Дочь Регаара выходитъ за Петуса. Старуха Марта оказывается отвергнутой матерью Петуса — отца. Вѣрный идеѣ, Ленцъ оканчиваетъ пьесу разговоромъ на тему о воспитаніи и заключаетъ ее словами Фрица, обращенными къ ребенку его невѣсты: «Wenigstens, mein süsser Junge! werd' ich dich nie durch Hofmeister erziehen lassen» [29]).

Первая пьеса Ленца была принята современной критикой въ общемъ очень сочувственно. Ее ставили на ряду съ «Гецомъ ф.-Берлихингенъ»; многіе критики приписали ее Гёте.

Въ журналѣ «Wandsbecker Bote» первымъ отозвался Клаудіусъ [30]), «дитя невинности» по выраженію Гердера. «У «Геца» есть теперь младшій братъ «Гофмейстеръ» — заявилъ онъ, считая младшаго брата такимъ же «превосходнымъ», какъ и старшаго. «Тайный совѣтникъ—превосходный человѣкъ; лучшія фигуры въ пьесѣ—маіоръ и Венцеславъ». Будь критикъ королемъ, онъ далъ бы имъ важныя мѣста въ государствѣ, а автора сдѣлалъ бы своимъ главнымъ совѣтникомъ и другомъ.

«Франкфуртскія ученыя вѣдомости» [31]) въ рецензіи отъ 26 іюля восторженно привѣтствовали автора, какъ новатора, открывающаго новые пути для искусства, которое изнываетъ въ сѣтяхъ изсушающаго ложноклассицизма. «Спасибо человѣку, которому хватило мужества разбить цѣпи, которыя гнели сердце и душу, и дать намъ вмѣсто того—какъ это рѣдко бываетъ—истиннаго человѣка и истинное чувство! Спасибо ему за то, что онъ не боится потокомъ своего генія наводнить и смыть землю, покрытую безплоднымъ сухимъ пескомъ, аллеями коротко подстриженныхъ деревьевъ и искусственными

рощами, за то, что его стремленій не останавливаютъ осиплые голоса, кричащіе на него за опустошеніе того мѣста, которое не давало ни тѣни, ни освѣжающей прохлады въ жару. — Спасибо ему! Пусть онъ наводнитъ, потопитъ, уничтожитъ искусство, которое совершенно засохло и изсякло, ибо его обрабатываютъ люди, лишь выдающіе себя за художниковъ, искусство, столь далекое отъ природы съ ея мощью, что оно никогда не говоритъ нашему сердцу, не наполняетъ никакого уголка въ немъ». «Намъ отвратительна — продолжаетъ органъ новой литературной партіи — эта безвкусная пища, и мы набрасываемся на сочиненія Шекспира, Гёте и немногихъ другихъ, напрягаемъ свой умъ, чувствуемъ свое сердце и освѣжаемся, какъ плодоносный дождь освѣжаетъ землю послѣ продолжительной засухи».

Съ перваго взгляда въ авторѣ «Гофмейстера» можно признать «довѣреннаго природы», показывающаго намъ людей — «нашихъ братьевъ», пьеса «полна человѣчности». Она «захватываетъ» читателя въ противоположнось съ «холодными декламаціями» французовъ и ихъ подражателей. «Да простятъ намъ энтузіазмъ, съ которымъ мы говоримъ объ этой пьесѣ. Но зачѣмъ прощать? Горе тому, кто не чувствуетъ заодно съ нами. Если же въ комъ правила мало-по-малу вытравили всякія чувствованія, то пусть давитъ его своею пудовою тяжестью свинцовая ферула Аристотеля и его поклонниковъ, у которыхъ она становится еще тяжеле! Какое дѣло до нихъ намъ, поклоняющимся природѣ? Дружески привѣтствуемъ писателя, который ставитъ вновь природу передъ нашими глазами».

«Во всей пьесѣ проявляется знаніе людей и свѣта. Въ ней находимъ оригинальные характеры, тепло обрисованные». Особенно привлекательнымъ кажется рецензенту образъ Густхенъ, которому онъ «заплатилъ дань слезами». Не хуже обрисованъ маіоръ—этотъ и нѣжный, и грубый въ одно и то же время человѣкъ. «Пьеса такъ полна новыми характерами, превосходными сценами, выдающимися особенностями, что всякій можетъ наслаждаться ею безъ указки». «Студенческія сцены божественны». «Оригинальные характеры Венцеслава и Регаара тонко подмѣчены и нарисованы мастерской кистью».

Восторженно отнесся къ пьесѣ и Шубартъ въ «Нѣмецкой Хроникѣ» [32]), приписавшій пьесу самому Гёте: «Полагаю, что всѣ просвѣщенные нѣмцы уже прочли, уже прочувствовали въ восхищеніи

это новое совершенно оригинальное твореніе нашего Шекспира, безсмертнаго д-ра Гёте». Они не нуждаются въ чичероне, «который анатомировалъ бы божественную природу этого нѣмецкаго торса». «Но тебѣ, землякъ швабъ! и тебѣ, сосѣдъ баварецъ! долженъ я показать это произведеніе и, ударивъ кулакомъ по книгѣ, воскликнуть: Взгляни и прочти! Вотъ твореніе, полное нѣмецкой силы и нѣмецкаго естества». Такъ долженъ писать «истинный нѣмецъ». «Если три аристотелевскихъ единства, эти костыли для хромыхъ, не соблюдены здѣсь съ французскою боязливостью, то за это вознаградитъ тебя все волшебство генія, потопъ страсти, древненѣмецкая сила и мощь».

Восхищаясь «Гецемъ» и «Гофмейстеромъ», Шубартъ не можетъ понять, какъ «великій авторъ» этихъ произведеній такъ палъ низко въ «Клавиго», гдѣ «геній его задремалъ не на розахъ, а на крапивѣ».

Автору «Геца» приписанъ былъ «Гофмейстеръ» и въ журналѣ «Альманахъ нѣмецкихъ музъ» [33]). Критикъ отмѣчаетъ, что пьесу было бы правильнѣе назвать трагедіей: она настолько трагична по содержанію, что въ сравненіи съ нею «многія французскія трагедіи могутъ быть названы комедіями». «Ясно—говоритъ рецензентъ,— что тотъ же самый геній, который осмѣлился состязаться съ Шекспиромъ въ исторической драмѣ, попробовалъ теперь сдѣлать то же самое въ трагедіи». За исключеніемъ «несущественныхъ неправильностей» въ пьесѣ все хорошо: глубокое знаніе природы страстей, мастерской діалогъ и т. д. «Единство интереса, однако, выиграло бы, если бы были уничтожены нѣкоторыя излишнія роли». Послѣ этого робкаго упрека рецензентъ спѣшитъ пригласить читать пьесу и «насладиться такою духовною пищею, которой онъ тщетно сталъ бы искать въ сотняхъ книгъ по педагогикѣ и въ тысячахъ пьесъ».

Гёте же былъ приписанъ «Гофмейстеръ» и въ «Магазинѣ нѣмецкой критики» [34]). Это самая обстоятельная изъ всѣхъ рецензій. При общемъ явно сочувственномъ отношеніи къ пьесѣ, нѣтъ уже восторженнаго тона предыдущихъ рецензій. Журналъ Шираха, какъ мы видѣли, былъ органомъ людей умѣренной фракціи, сочувствовавшихъ новому движенію, но не остававшихся слѣпыми передъ его крайностями и преувеличеніями.

«Если вдумчивое изученіе людей — начинаетъ критикъ — счастливѣйшій талантъ рисовать правдиво характеры и заставлять ихъ

зйствовать сообразно съ природой, большое дарованіе выдумывать нтересныя положенія и хорошо ихъ развивать, разнообразіе изорѣтенія, великія и истинныя чувства и рѣчи, влагаемыя въ уста эдобающихъ лицъ и въ подобающее время, — если все это даетъ ревосходную комедію, то «Гофмейстеръ» есть одна изъ выдаюихся среди всѣхъ превосходныхъ, — не только въ Германіи — но всюду, гдѣ только писались когда-либо комедіи». Но если принѣнить къ пьесѣ «требованія, которыя до сихъ поръ предъявлялсь къ комедіи», то многое можно сказать противъ. По мнѣнію еценэента, иллюзія — «одна изъ главныхъ цѣлей драматическаго исателя» — здѣсь нарушается тѣмъ, что дѣйствіе растянуто на ять-шесть лѣтъ. Въ упрекъ ему ставится и слишкомъ частая пеэмѣна мѣста дѣйствія. Авторъ можетъ возразить, что онъ воленъ ылъ писать свою комедію такъ, какъ ему хотѣлось, «отбросивъ ариготелевскія колодки». «Я не имѣю ничего возразить противъ» — твѣчаетъ рецензентъ: «позволю только себѣ напомнить, что такимъ бразомъ легко нарушить неизбѣжные законы правдоподобія»...

Рецензентъ совершенно основательно указываетъ, что нѣкоторые азговоры въ пьесѣ слишкомъ скучны, а нѣкоторыя дѣйствующія ица совершенно безполезны для дѣйствія. Со всѣмъ тѣмъ пьеса заслуживаетъ похвалы и, прежде всего, за «нравственную цѣль» — бличить зло гофмейстерства. Но съ своей задачей авторъ не вполнѣ правился: онъ долженъ бы былъ на самомъ воспитанникѣ показать лоды дурнаго воспитанія, слѣдствія тлетворнаго вліянія на него эфмейстера. Ничего подобнаго въ пьесѣ нѣтъ. Инцидентъ съ Густенъ имѣетъ лишь побочное отношеніе къ темѣ. Все-таки пьеса оучительна и нравственна.

«Характеры и чувства свидѣтельствуютъ о шекспировскомъ прорѣніи (Intuition) человѣческой души въ различныхъ обстоятельтвахъ, а дѣйствіе такъ многообразно, что является почти черезуръ изобильнымъ. Но г. Гёте, котораго открыто называютъ автоомъ пьесы, свойственно не разсказывать о событіяхъ, какъ это ѣлаютъ декламаторы — французы, а проводить ихъ передъ нашими лазами, и поэтому его пьесы являются драматическими исторіями, оторыя, конечно, представляютъ изъ себя нѣчто необычное для ѣхъ, кто странствуетъ по торной дорогѣ французской драмы» [35]). ецензентъ восхищается обрисовкой характера маіора, «списаннаго

прямо съ натуры» и цитируетъ въ доказательство 5-ю сцену IV-го акта. «Бурю противоположныхъ страстей» «врядъ ли можно изобразить лучше и правдивѣе». Обрисовка характера Венцеслава кажется рецензенту достойной Шекспира.

«Въ пьесѣ столько красотъ — заключаетъ критикъ, — что драматическій геній автора долженъ снискать самое горячее одобреніе и новое произведеніе должно быть признано достойнымъ творца «Геца ф. Берлихингенъ» [26]).

Переходимъ къ рецензіямъ изъ противоположнаго лагеря.

Органъ Виланда «Нѣмецкій Меркурій» [27]) отнесся къ «Гофмейстеру» гораздо благосклоннѣе, чѣмъ къ «Замѣткамъ о театрѣ». Рецензія начинается съ похвалъ изображенію характеровъ: «Въ разнообразіи характеровъ, въ ихъ развитіи, въ правдоподобіи и наглядности душевныхъ настроеній авторъ выказалъ себя незауряднымъ знатокомъ природы». Его даръ наблюдательности особенно удивителенъ въ характерахъ маіора, маіорши, Густхенъ и Венцеслава. Остальныя дѣйствующія лица, если не всѣ дѣйствуютъ, то всѣ говорятъ «характерно». Полнаго одобренія заслуживаютъ сцены, гдѣ маіоръ колеблется между бѣшенствомъ и любовью. Кромѣ знанія природы авторъ обнаружилъ и свое искусство. Авторъ большой знатокъ и природы и искусства. Жаль только, что они не являются у него всегда нераздѣльно связанными. «Aber so vermisst man zuweilen bey der Natur die Kunst, und bey der Kunst die Natur». Авторъ упрекается за то, что происшествія въ пьесѣ черезчуръ обильны и идутъ слишкомъ прерывисто, возбуждая недоумѣніе зрителя. Характеры не выдержаны: «ни одно лицо не изображено съ начала до конца такъ, чтобы мы чувствовали себя вполнѣ удовлетворенными». Не удовлетворила Виланда и слишкомъ искусственная развязка пьесы: «примиренія, прощенія, возсоединенія, лоттереи, свадьбы слѣдуютъ стремительно вопреки всѣмъ препятствіямъ. Особенно неестественна и стремительно-поспѣшна судьба гофмейстера».

Отзывъ органа Николаи «Всеобщая нѣмецкая библіотека» [28]) въ общемъ сходится съ критикой Виланда: «Эта пьеса обнаруживаетъ въ авторѣ большую способность къ вѣрному *описанію* и *изображенію* природы; и если бы онъ не презрѣлъ съ легкимъ сердцемъ помощь искусства, вышло бы прекрасное художественное цѣ-

ое. Но теперь это только рядъ отдѣльныхъ картинъ, и скачки отъ дного предмета къ другому, отъ одной сцены, одной группы, одного ѣйствія, одного мѣста и года къ другимъ уже сами по себѣ неносны читателю, творя надъ нимъ насиліе». Авторъ упрекается за езаконченность и отрывочность: «все только набросано, все прерывается, прежде чѣмъ успѣетъ произвести настоящее дѣйствіе *на читателя*». Нѣкоторыя сцены лишни. Таковы «плоскія, вседневныя и ничтожныя» сцены студенческой жизни. Припомнимъ, что «Франкуртскія ученыя вѣдомости» называли эти самыя сцены «божегвенными».

Очевидно намѣреніе автора дать полную свободу своимъ идеямъ своей фантазіи, не обращая вниманія на предписанія искусства — главныя изъ которыхъ суть не что иное, какъ предписанія природы». «Всѣ напоминанія, которыя могла бы сдѣлать ему критика, ыли бы, слѣдовательно, сказаны на вѣтеръ. Можетъ быть, самъ вторъ черезъ пять-шесть лѣтъ съ краской стыда скажетъ болѣе, ѣмъ можно было бы сказать ему теперь» [39].

Какъ будто Николаи смотрѣлъ на новое направленіе Ленца, акъ на нѣчто временное, и надѣялся, что робкій студентъ, являвшійся къ нему на поклонъ съ переводомъ Попа, возвратится снова ъ авторитету этого писателя.

Замѣтимъ, что и Виландъ, и Николаи оба признаютъ талантъ енца и находятъ лишь, что онъ стоитъ не на настоящей дорогѣ, го превратныя теоріи сбиваютъ его съ пути истиннаго, слѣдуя по эторому онъ могъ бы создать нѣчто дѣйствительно цѣнное.

Въ общемъ нужно отдать справедливость критикѣ XVIII в.: она ѣрно указала и главныя достоинства, и существенные недостатки Гофмейстера». При всемъ энтузіазмѣ и «Франкфуртскія ученыя вѣдоости» и Шубартъ упрекнули автора за его отталкивающую идею ставить Лейфера идти добровольно по слѣдамъ Абеляра, а затѣмъ енитьcя на крестьянской дѣвушкѣ [40]). И современнаго читателя сего болѣе отвращаетъ эта анти-художественная черта. Энтузіазмъ помянутыхъ критикъ легко объясняется тѣмъ, что они 1) все вниманіе обратили на выпуклость образовъ, нарисованныхъ Ленцемъ и) привѣтствовали въ немъ произведеніе, рѣзко идущее въ разрѣзъ ъ ненавистной имъ ложноклассической драмой. Дѣйствительно, отъ Гофмейстера» вѣяло такою свѣжею жизненностью, такою правди-

востью, виделось столько несомненнаго таланта, что пьеса должна была поразить современников среди упадка немецкой сцены, среди бледной безцветности и бездарности немецкаго репертуара, где одиноко блистали «Минна ф. Барнгельмъ», «Эмилія Галотти» и «Гецъ ф. Берлихингенъ».

Въ оцѣнкѣ «Гофмейстера» критики XIX в. не прибавили много новаго. Только Группе, Байеръ, Эрихъ Шмидтъ удѣлили ей болѣе вниманія [41]). Остальные, писавшіе о Ленцѣ, довольствуются двумя-тремя замѣчаніями [42]).

Всѣ критики отмѣчаютъ мастерскую характеристику нѣкоторыхъ лицъ, въ особенности Венцеслава. Э. Шмидтъ указалъ еще на одно лицо, на которое не обратила вниманіе критика XVIII в. Это крестьянская дѣвушка Лиза, являющаяся въ самомъ концѣ пьесы. Нельзя не удивляться искусству Ленца въ немногихъ словахъ дать полную наглядность типу деревенской наивной простушки. Для XVIII в. такой типъ былъ совершенною новостью. Кромѣ Гёте, тогда никто не былъ въ состояніи изобразить наивную крестьянскую дѣвушку съ такою простотою, правдивостью и съ отсутствіемъ декораціонныхъ и сентиментальныхъ осложненій. Нельзя не признать также выдающагося мастерства въ обрисовкѣ характера маіора, напоминающаго безсмертнаго сквайра Вестерна въ «Томѣ Джонсѣ» Фильдинга. Мало того, второстепенныя фигуры: музыкантъ Регаафъ, деревенскій цирюльникъ Шёпсенъ, хозяйка студенческой квартиры Гамстеръ, студентъ Петусъ—все это живыя лица, рисованныя, очевидно, съ натуры. Въ Венцеславѣ соединяются черты фильдинговскаго пастора Адамса («Джозефъ Эндрьюсъ») съ нѣкоторыми чертами педанта Партриджа въ «Томѣ Джонсѣ». Тотъ же Партриджъ, соединяющій въ себѣ профессіи школьнаго учителя, брадобрѣя и хирурга, послужилъ отчасти оригиналомъ для ленцевскаго Шёпсена. Изъ другихъ литературныхъ вліяній нельзя не указать на явное подражаніе «Новой Элоизѣ» Руссо: здѣсь повторяется исторія аристократки Юліи и ея бѣдняка учителя Сенъ-Прё [43]).

Съ другой стороны, уже критика XVIII в. указала на недостатки въ композиціи пьесы. Они несомнѣнны, и въ нихъ лежитъ причина того, что пьеса, выдающаяся по мастерству характеристики, по животрепещущей жизненности, не заняла въ нѣмецкой литературѣ болѣе высокаго и почетнаго положенія. Прежде всего, отъ сокращенія

числа дѣйствующихъ лицъ пьеса только выиграла бы. Студенческія сцены могутъ быть названы лишними. Авторъ слишкомъ увлекся своими студенческими воспоминаніями, чтобы удержаться отъ искушенія все это, кстати или не кстати, помѣстить въ пьесу. Какъ ни хороши «студенческія» сцены сами-по-себѣ, но они только дробятъ напрасно вниманіе зрителя и отвлекаютъ отъ главнаго сюжета.

Только первый актъ можно считать безупречнымъ со стороны композиціи: онъ прекрасно вводитъ насъ in medias res и даетъ живыя характеристики дѣйствующихъ лицъ. Во второмъ актѣ мы находимъ уже слишкомъ быструю перемѣну сценъ: изъ 7 сценъ три разыгрываютъ въ Галле и ничего не даютъ для темы пьесы; одна сцена (первая) представляетъ разсужденіе о воспитаніи, для чего въ качествѣ оппонента вводится пасторъ Лейферъ, который болѣе уже не появляется на сцену. Остаются три сцены (2, 5 и 6), которыя подвигаютъ дѣйствіе впередъ, но слишкомъ неожиданно для читателя или зрителя. Лучше со стороны композиціи третій актъ, въ которомъ всего четыре сцены. Однако, для дѣйствія въ немъ имѣютъ значеніе только первыхъ двѣ (извѣстіе о бѣгствѣ Густхенъ и Лейфера, Лейферъ у Венцеслава), третья сцена, въ которой тайный совѣтникъ узнаетъ о приключеніяхъ Фрица—лишняя; а четвертая—чисто описательнаго характера, прибавленная для обрисовки Венцеслава. По драматическому движенію лучшимъ является четвертый актъ: первыхъ пять сценъ хороши безусловно, но шестая сцена, снова переносящая насъ въ Лейпцигъ, расхолаживаетъ своей длиннотой впечатлѣніе читателя.

Самымъ слабымъ нужно признать пятый актъ: здѣсь сосредоточено все самое отталкивающее, грубое, дикое и сомнительное въ нравственномъ отношеніи. Только этотъ актъ собственно можно упрекнуть за нелѣпые и совершенно безполезные скачки изъ одного мѣста дѣйствія въ другое. Первая сцена происходитъ въ школѣ Венцеслава въ Пруссіи, вторая представляетъ «небольшой лѣсъ подлѣ Лейпцига», третья разыгрывается опять въ школѣ, а четвертая переноситъ насъ въ Лейпцигъ только для того, чтобы Фрицъ и Регааръ обмѣнялись парой словъ. Въ пятой сценѣ снова скачекъ — въ Кенигсбергъ для ничтожнаго діалога въ 15 строкъ, а въ шестой — обратный скачекъ въ Лейпцигъ, гдѣ авторъ задерживаетъ насъ нѣсколько долѣе, но безъ всякой пользы для дѣйствія. Седьмая сцена опять въ Кенигсбергѣ, а восьмая снова переноситъ насъ въ Лейпцигъ для того,

чтобы Петусъ на нашихъ глазахъ сообщилъ Фрицу, что онъ выигралъ «триста восемьдесятъ фридрихсдоровъ». Итакъ на протяженіи восьми сценъ мы успѣли четыре раза побывать въ восточной Пруссіи и четыре раза въ Саксоніи! Нельзя также не замѣтить прихотливой неравномѣрности распредѣленія сценъ по актамъ: во второмъ актѣ ихъ всего четыре, а въ пятомъ цѣлыхъ двѣнадцать. Лучшая сцена въ пятомъ актѣ десятая, гдѣ вводится простодушная Лиза, а Венцеславъ послѣдній разъ доставляетъ намъ удовольствіе своей особой. Но развязка производитъ отвратительное впечатлѣніе.

Къ недостаткамъ композиціи также должна быть отнесена неуклюжая смѣсь комическаго съ трагическимъ. Группе старается убѣдить насъ, что это смѣшеніе въ пьесѣ Ленца «далеко не такъ сильно какъ у Кальдерона, или даже у Шекспира, которыхъ никто за это не порицаетъ» [44]). Дѣло не въ присутствіи комическаго и трагическаго элементовъ въ одномъ и томъ же произведеніи, а въ умѣньи автора привести ихъ въ гармонію между собою такъ, чтобы они только способствовали цѣльности впечатлѣнія. Таково присутствіе шута въ «Королѣ Лирѣ», такъ въ драмахъ Кальдерона. Не то мы видимъ у Ленца. Байеръ вѣрно замѣтилъ, что между характерами и событіями его пьесъ замѣчается своеобразное противорѣчіе: первые относятся къ комедіи, а вторые въ значительной степени—къ трагедіи [45]). Подобное смѣшеніе трагическаго и комическаго является вполнѣ анти-художественнымъ. Если бы авторъ не довелъ Гутсхенъ до паденія, а только бы показалъ возможность его, если бы онъ изъ ничтожнаго франта и низменнаго обольстителя Лейфера не сдѣлалъ, посредствомъ особаго tour de force, человѣка, доведеннаго отчаяніемъ до мученичества,—то пьеса могла бы остаться прекрасной комедіей, содержательной, идейной и цѣльной по впечатлѣнію.

Въ томъ же 1774 году Ленцъ выпустилъ пьесу подъ названіемъ «Новый Меноза, или исторія кумбанскаго принца Танди» [46]). Написана она не могла быть раньше 1772 г., такъ какъ въ пьесѣ есть выходка противъ «послѣдняго трактата г. гофрата Виланда» «Золотое Зерцало» (I, 7, стр. 96), вышедшаго въ этомъ году. Вѣроятно, она занимала Ленца въ 1773 г. или въ началѣ 1774 г. [47]).

Въ противоположность «Гофмейстеру», гдѣ Ленцъ исходилъ отъ непосредственнаго наблюденія жизни, здѣсь онъ вдохновился литературными источниками, которые послужили для него точкой отпра-

вленія. Самое заглавіе относитъ насъ къ роману датскаго писателя Эриха Понтоппидана, написанному въ 1742 г. и переведенному вскорѣ на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ «Меноза, азіатскій принцъ, объѣхавшій весь свѣтъ, чтобы отыскать христіанина, но съ малымъ успѣхомъ» [48]).

«Новымъ Менозой» является у Ленца Танди, принцъ Кумбы, «страны, какъ говорится въ самой пьесѣ,—которой не отыщешь ни на одной географической картѣ». Онъ называется также въ пьесѣ то «индѣйскимъ», то «калмыцкимъ» принцемъ. Однимъ словомъ, въ центрѣ стоитъ сказочная личность или «романтическая» по выраженію Ленца [49]). Мѣсто дѣйствія хотя въ отдѣльныхъ сценахъ и указано, но, очевидно, не имѣетъ большого значенія; болѣе выразительна общая замѣтка послѣ перечисленія дѣйствующихъ лицъ: «Мѣсто дѣйствія тамъ и сямъ». Совершенно какъ въ сказкѣ.

Танди родился въ Европѣ и былъ завезенъ іезуитами въ Азію. Тамъ онъ попалъ въ пажи къ кумбанскому королю, былъ усыновленъ имъ и объявленъ наслѣдникомъ престола, а затѣмъ испыталъ превратности судьбы. Онъ былъ заключенъ въ башню по приказанію королевы, повторившей исторію жены Пентефрія, и прыгнулъ съ тридцатаго этажа! [50]).

Герою соотвѣтствуютъ и другія дѣйствующія лица. «Въ пьесѣ— замѣчаетъ самъ Ленцъ [51]),—гдѣ главный герой романтиченъ въ высшей степени, и все остальное не должно отстоять отъ него слишкомъ далеко, иначе всякая гармонія исчезаетъ». Дѣйствительно, рядомъ съ азіатскимъ принцемъ здѣсь фигурируютъ: испанская графиня Донна Діана, женщина съ неистовыми страстями, смахивающая на каррикатуру, скрывающійся отъ преслѣдованія правосудія убійца, испанскій же графъ Хамелеонъ, таинственный г. фонъ-Цопфъ изъ Тріеста, дружащій съ іезуитами, магистръ Беза, «состоящій при турецкой портѣ» и т. д.

Дѣйствующимъ лицамъ соотвѣтствуетъ и общій опереточно-феерическій тонъ пьесы: комически-преувеличенныя выраженія чувствъ, шутовской оттѣнокъ многихъ сценъ, неожиданные обмороки и т. д. Читателю трудно отдѣлаться отъ ожиданія, что, проговоривъ речитативъ, дѣйствующее лицо затянетъ комическую арію или выкинетъ какую-нибудь балаганную штуку.

Въ общую рамку шутовскаго фарса вставлены, однако, нѣкоторые трагическіе эпизоды, мало умѣстные въ подобномъ произведеніи. По общему тону пьеса Ленца несомнѣнно примыкаетъ къ тѣмъ карнавальнымъ шуткамъ балаганнаго пошиба, въ которыхъ проявилъ такое мастерство Гёте. Всѣ «бурные геніи» и въ частности Ленцъ, какъ мы видѣли, восхищались подобными произведеніями Ганса Сакса и другихъ старинныхъ нѣмецкихъ писателей.

Но подъ шутовской одеждой Ленцъ, подобно Гёте, старался скрыть серьезное содержаніе, являясь въ этомъ случаѣ послѣдователемъ манеры Рабле въ его знаменитомъ романѣ «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Въ своемъ фарсѣ Ленцъ преслѣдовалъ сатирическія цѣли. Его Танди—прямой наслѣдникъ вольтеровскаго Ingénu, гурона, попавшаго въ Европу и убѣждающагося въ безсмысленности и нелѣпости многихъ европейскихъ обычаевъ и вѣрованій [52]). Только герой Ленца не наивный дикарь, осуждающій видѣнное имъ въ Европѣ съ точки зрѣнія простого здраваго смысла, а тонко-чувствующій и просвѣщенный человѣкъ, пропитанный насквозь идеями Руссо и лучшими стремленіями своего времени. За Танди скрывается самъ Ленцъ; въ его уста влагаются взгляды самихъ штюрмеровъ.

Все, что Танди видѣлъ въ Европѣ, вызываетъ въ немъ «отвращеніе» и разочарованіе. «Я задыхаюсь въ вашемъ болотѣ—восклицаетъ онъ—не могу болѣе выносить — моя душа не можетъ выносить! И это называется просвѣщенная часть свѣта! Всюду, куда ни приглянешься, вялость, лѣнивое и безсильное вожделѣніе, лепетъ смерти, вмѣсто огня и жизни, болтовня, вмѣсто дѣйствія,—и это знаменитая часть свѣта!» [53]).

Явное предпочтеніе жизни дѣятельной передъ жизнью созерцательной, порывы къ дѣлу, къ дѣйствію, страсть къ громкимъ подвигамъ, презрѣніе къ стихійному теченію жизни и безвольному подчиненію засасывающей тинѣ обыденности—были одними изъ основныхъ мотивовъ настроенія «бурныхъ геніевъ», какъ нѣмецкихъ, такъ и французскихъ. Нѣмецкій культъ людей «силы и генія» достаточно свидѣтельствуетъ объ этомъ. Черезъ всѣ сочиненія французскаго представителя «бури и натиска», Себастьяна Мерсье, проходитъ идея бодраго и дѣятельнаго вмѣшательства въ жизнь, энергичнаго проявленія своей воли и воздѣйствія ея на другихъ. «Nous

devons être citoyens agissants» *)—его коренной девизъ, находившій сочувствіе и въ сердцахъ нѣмецкой бурной молодежи [54]). Стремленіе къ дѣятельному вмѣшательству въ жизнь, исканіе грандіознаго дѣла, высокаго подвига, способнаго обезсмертить его имя въ потомствѣ, были присущи и Ленцу.

Европейцы знаютъ очень много, но ничего не дѣлаютъ. «Я хотѣлъ сказать—поправляется принцъ—вы ничего не знаете; все, что вы нахватали отовсюду, остается на поверхности вашего ума, обращается въ хитрость, а не въ чувство, вы совсѣмъ не знаете этого слова; то, что вы называете чувствомъ, есть скрытая чувственность; что вы называете добродѣтелью, есть румяна, которыми вы замазываете вашу звѣриную грубость. Вы прекрасныя маски, набитыя пороками и низостями, какъ лисья шкура — сѣномъ; сердца и внутренностей ищешь тщетно, онѣ уже на двѣнадцатомъ году отправились ко всѣмъ чертямъ».

Европейцы превосходятъ другихъ «въ обманахъ и мошенничествахъ». Всякій, кто пріѣдетъ въ его царство изъ Европы, долженъ будетъ держать карантинъ, чтобы быть обеззараженнымъ отъ «чумнаго яда европейской цивилизаціи» [55]).

Кромѣ новой молодой партіи, взгляды которой выражаются устами принца Танди, Ленцъ выводитъ еще представителей главныхъ общественныхъ теченій Германіи XVIII в. Это баккалавръ Цирау и магистръ Беза. Первый представляетъ пародію на сторонниковъ партіи просвѣтителей во французскомъ вкусѣ, нашедшей свою главу въ лицѣ Виланда. Второй—есть сатира на піэтистовъ, игравшихъ значительную роль въ духовной жизни Германіи. Просвѣтители и піэтисты были двумя противоположными полюсами нѣмецкой жизни. Партія «бури и натиска» старается занять среднее положеніе между ними, отрицая крайности тѣхъ и другихъ.

Баккалавръ Цирау «болѣе трехъ лѣтъ приносилъ въ Лейпцигѣ жертвы музамъ и граціямъ» [57]). Онъ не нарадуется тому, что въ Германіи «зажегся огонь изящныхъ наукъ» и что нѣмцы въ состояніи указать на имена, «которыя можно смѣло поставить рядомъ съ величайшими геніями нашихъ сосѣдей». Всѣ они писали, «чтобы

*) „Мы должны быть дѣятельными гражданами“.

сдѣлать нашу націю лучше и утонченнѣе». Онъ называетъ имена писателей такого направленія: Бессера, Геллерта, Рабенера, Душа, Шлегеля, Уца, Вейссе, Якоби, въ особенности «безсмертнаго» Виланда, который «возвышается надъ всѣми ими, ut inter ignes luna minores» [58]). Онъ восхищается «послѣднимъ трактатомъ» Виланда «Золотое Зерцало», увѣнчивающимъ, повидимому, всѣ его творенія». На вопросъ принца Танди, о чемъ трактуетъ книга, Цирау отвѣчаетъ: «О чемъ? о, она очень пространна.» о государственныхъ улучшеніяхъ, объ учрежденіи совершеннаго государства, граждане котораго, если смѣю такъ выразиться, превзошли бы своей граціей всѣ самыя смѣлыя представленія объ ангелахъ».

Принцъ. Такъ? Гдѣ же найти такихъ людей?

Цирау. Гдѣ? хе, хе... въ книгѣ г. надворнаго совѣтника Виланда. Если вамъ угодно, могу тотчасъ доставить экземпляръ.

Принцъ. Не трудитесь, я люблю людей болѣе такими, каковы они безъ граціи, чѣмъ такими, какими они выходятъ изъ подъ остраго пера» [59]).

Здѣсь Ленцъ начинаетъ свой походъ противъ Виланда и его проповѣди изящнаго эпикуреизма во французскомъ вкусѣ. Въ сочиненіи «Золотое Зерцало», посвященномъ Іосифу II, Виландъ шелъ отчасти по слѣдамъ «Узонга» Галлера (1771), который «воспользовался восточнымъ костюмомъ для изложенія политическихъ мыслей» [60]). Разсказъ о судьбахъ страны Шешіанъ и ея реформаторѣ Тифѣ является панегирикомъ «просвѣщенному абсолютизму» XVIII в., опирающемуся на философію эпохи. «Все для народа, но ничего черезъ народъ» оказывается принципомъ, который Виландъ горячо защищаетъ [61]). Этимъ сочиненіемъ Виландъ, повидимому, надѣялся получить «великія и богатыя милости» отъ Іосифа II, котораго онъ тамъ прославилъ. Ожиданія его осуществились, но только въ болѣе мелкомъ масштабѣ, чѣмъ онъ разсчитывалъ: если не императоръ, то веймарскій герцогъ былъ плѣненъ сочиненіемъ и пригласилъ Виланда на службу въ Веймаръ (1772) и тѣмъ положилъ первый камень веймарскому «двору музъ» [62]).

Устами Цирау набрасывается общественная программа нѣмецкихъ просвѣтителей: «Если, во-первыхъ, воспитаніе будетъ поставлено иначе, если достойные и ученые мужи будутъ въ школахъ и академіяхъ, если духовенство будетъ выбираться изъ явно заслу-

женныхъ и прозорливыхъ людей, которые были бы не лицемѣрами и не фанатиками, а также не чревоугодниками и лѣнтяями, если суды будутъ наполнены людьми опытными, старыми, почтенными, законниками, если различіе сословій, если не родъ или деньги, а только заслуги, если правитель, если если его совѣтники — —

Принцъ. Довольно, довольно! Отъ всѣхъ вашихъ «если» свѣтъ не станетъ ни на волосъ ни лучше ни хуже, любезнѣйшій и почтеннѣйшій г. авторъ»[63]).

Характеризуются «просвѣтители» и со стороны ихъ литературныхъ теорій. Когда отецъ баккалавра, бургомистръ, собирается посмотрѣть вечеромъ «кукольную комедію», Цирау возмущенъ. На возраженіе отца, почему бы ему и не позабавиться выходками Гансвурста, онъ авторитетно отвѣчаетъ: «Удовольствіе, не направляемое хорошимъ вкусомъ, не есть удовольствіе». «Невозможно, чтобы нравилось то, что не подражаетъ природѣ прекрасной». Далѣе онъ распространяется объ «иллюзіи», «правилахъ» и «трехъ единствахъ»[64]).

Эпикуреизмъ доводитъ Цирау до пресыщенія, и онъ впадаетъ въ скуку и тоску, отъ которой его старается спасти отецъ довольно оригинальнымъ способомъ: онъ угощаетъ его палочными ударами. Съ этихъ поръ тунеядецъ, служившій «музамъ и граціямъ», долженъ работать въ конторѣ бургомистра: «Попиши-ка тамъ, согнувшись въ три погибели, тогда понравится тебѣ и кукольная комедія. Слыхивалъ я это въ моей жизни. Кажется, нынѣшняя молодежь помѣшалась на этой «прекрасной природѣ». Я васъ вылѣчу, я буду вамъ читать лекціи о «прекрасной природѣ», погодите-ка![65]).

Двѣ забавныхъ сцены между Цирау и его отцомъ, въ которыхъ хорошо проявляется присущій Ленцу талантъ къ грубо-комическому, знаменательны для взглядовъ штюрмеровъ. Осмѣяніе книжной учености и представителей ея разныхъ степеней, въ родѣ Цирау, является однимъ изъ любимыхъ ихъ мотивовъ[66]).

Защита «кукольной комедіи» находится въ связи съ глубокимъ интересомъ штюрмеровъ къ народному театру съ его Гансвурстомъ и непосредственной бойкой комикой. Въ 1773—74 годахъ Гёте пишетъ рядъ фарсовъ и сатиръ въ грубо-народномъ вкусѣ: «Ярмарка въ Плундерсвейленѣ» и др. Гете выводитъ на сцену и самого Гансвурста и увлекается тономъ стараго Ганса Сакса. Въ «Новомъ Менозѣ»

Ленца вѣетъ духомъ той же ганствурстіады и народной комики. Недаромъ же Шубартъ сравнивалъ «Новаго Менозу» съ только что появившейся «Вновь открытой морально-политической кукольной комедіей» Гёте. Горячій поклонникъ новаго движенія вообще, Шубартъ, однако, не сочувствовалъ возрожденію народной комики. Въ его глазахъ, фарсъ Гёте «тривіальное, жалкое, отвратительное произведеніе». «Избави насъ Богъ отъ подражаній *Менозѣ* и этой *Кукольной комедіи*» заключалъ Шубартъ [67]).

Если въ лицѣ баккалавра Цирау осмѣяны нѣмецкіе «просвѣтители» съ ихъ эпикурейской философіей, вѣрой въ спасительность просвѣщеннаго деспотизма и сухою разсудочностью, то магистръ Беза—представитель міросозерцанія піэтистовъ. Въ шестой сценѣ II-го акта Ленцъ сводитъ вмѣстѣ и принца Танди, и баккалавра, и магистра. «Магистръ, объясняетъ Цирау принцу, — по крайней мѣрѣ, еще менѣе доволенъ нашими нравами, чѣмъ ваше высочество. Онъ утверждаетъ, что дни наши сочтены, что намъ суждено погибнуть, подобно Содому, отъ огня и сѣры». «Свѣтъ близокъ къ погибели» — со вздохомъ возглашаетъ магистръ Беза: пьянство, танцы, скаканіе и всяческія прельщенія жизни такъ главенствуютъ, что кто въ этомъ не участвуетъ и боится Бога, находится въ опасности умереть съ голоду».

«Магистръ отъявленный врагъ всѣхъ радостей жизни» заявляетъ Цирау. Слѣдуетъ характерный разговоръ, въ которомъ Ленцъ кратко и мѣтко рисуетъ партіи.—Танди готовъ допустить, что Беза отчасти правъ:

Принцъ. Одно наслажденіе мнѣ кажется болѣзнью, которою заражены европейцы.

Цирау. Что такое жизнь безъ блаженства?

Принцъ. Дѣятельность дѣлаетъ человѣка счастливѣе, чѣмъ наслажденіе. Звѣрь также наслаждается...

Цирау. Мы тоже дѣйствуемъ, чтобы достать себѣ наслажденіе, обезпечить его.

Принцъ. Отлично, если такъ! и если при этомъ мы заботимся о другихъ.

Беза. Все это вольнодумная философія, свѣтская философія—но отъ нея отрицается всякій, кто не шутитъ шутокъ со своей душой. Все это суета. О суета, суета! Какъ можешь ты такъ оковать людей,

го они забывают небо, а между тѣмъ все это — грязь, пыль, ничто!

Принцъ. Но у насъ есть духъ, который изъ этого ничто можетъ сдѣлать нѣчто.

Баккалавръ замѣчаетъ, что магистръ страдаетъ недостаткомъ, свойственнымъ всѣмъ нѣмцамъ: онъ строитъ себѣ систему и все, что въ нее не укладывается, считаетъ исчадіемъ ада.

Беза. А вы, господа вольнодумцы, и вы, господа французы, продолжаете жить безъ системы, задачи и цѣли до тѣхъ поръ, пока чтобы сказать учтиво, васъ не схватитъ дьяволъ,—и тогда вы погибли: здѣсь—временно, а тамъ—вѣчно.

Среднее положеніе штюрмеровъ ясно въ отвѣтѣ Танди:

«Поменьше строгости, государь мой! Одно, конечно, также плохо, какъ и другое; кто живетъ безъ цѣли, тотъ скоро доживется до смерти, а кто мастеритъ въ своемъ кабинетѣ систему, не примѣряя ее къ жизни, тотъ или постоянно живетъ прямо вопреки своей системѣ, или не живетъ совершенно» [64]).

И піэтистъ Беза, и эпикуреецъ Цирау сходятся въ томъ, что принципомъ должно служить положеніе «жить по разуму». Но это положеніе не удовлетворяетъ Танди, какъ настоящаго штюрмера. Разумъ безъ вѣры—говоритъ онъ—близорукъ и безсиленъ; и мнѣ извѣстны также хорошо разумныя животныя, какъ и неразумныя. Для настоящаго разума вѣра является единственною тяжестью, которая можетъ привести въ движеніе его колеса, которыя иначе стоятъ безъ движенія и ржавѣютъ,—и тогда горе машинѣ»!

Вопросъ о вѣрѣ ничуть не безпокоитъ безпечнаго эпикурейца Цирау. «Истинный разумъ—возражаетъ онъ—учитъ насъ быть счастливыми, усыпать нашъ путь цвѣтами».

Принцъ. Но цвѣты сохнутъ и умираютъ.

Беза. Такъ точно! Такъ точно!

Цирау. Въ такомъ случаѣ срываютъ новые цвѣты.

Иначе понимаетъ задачу жизни Танди. Цѣль существованія: «расширять умъ и сердце». Онъ не отрицаетъ ни наслажденія, ни любви, но они должны руководиться нравственнымъ началомъ. «О, если бы вернулся золотой вѣкъ!» вздыхаетъ Цирау. «Онъ существуетъ только въ мозгу поэтовъ», возражаетъ Танди: «пока мы сами не станемъ золотомъ, намъ ничуть не поможетъ золотой вѣкъ, если же мы ста-

немъ имъ, то можемъ примириться и съ мѣднымъ, и съ свинцовымъ вѣкомъ» [69]).

Кромѣ представителей трехъ партій, мы находимъ въ «Новомъ Менозѣ» изображеніе и общей среды нѣмецкаго общества, среды, не тревожащей себя никакими теоріями и живущей изо дня въ день мелочными личными интересами. Сюда относятся всѣ остальныя дѣйствующія лица пьесы: фонъ-Бидерлингъ, его жена и дочь Вильгельмина, графъ Хамелеонъ, Донна Діана и др. У нихъ у всѣхъ одна общая черта: эгоистическое стремленіе наслаждаться жизнью во что бы то ни стало, не смущаясь никакими нравственными соображеніями высшаго порядка. Чудакъ Бидерлингъ весь ушелъ въ свои планы разведенія въ Германіи шелковичныхъ червей; жена его—старая кокетка въ родѣ маіорши въ «Гофмейстерѣ», съ удовольствіемъ принимающая ухаживанія со стороны поклонника своей дочери; дочь ихъ—сентиментальная дѣвица, падающая въ обморокъ при всякомъ удобномъ случаѣ, «бумажное созданіе», по опредѣленію ея отца [70]). Ей противопоставляется возлюбленная графа Хамелеона испанская графиня Донна Діана, демоническая натура, типъ «Kraftweib» въ превосходной степени. Она прямой потомокъ лессинговскихъ лэди Марвудъ и Орсины, далеко опередившій своихъ предковъ. Это разъяренная тигрица въ человѣческомъ образѣ: отцеубійца, отравительница, мстительница и все, что угодно. Она мечется по сценѣ, готовая «перепродствовать самого Ирода». Выражается отрывистыми и стремительными фразами. Вотъ какъ она выступаетъ на сцену:

Управляющій. О небо! идетъ графиня... (*Донна Діана входитъ съ распущенными волосами. Графъ вскакиваетъ съ мѣста*).

Графъ. Что съ вами, донна?

Донна. Не могу ручаться за свою жизнь...

Графъ. Что такое? Почему вы вернулись?

Донна. (*Бросается на стулъ*) Уставъ—проклятый графъ! Что тебя за слуги?

Графъ. Густавъ—покушался на вашу жизнь?

Донна. Не будь у меня противоядія, все было бы кончено.

Графъ. Гдѣ онъ?

Донна. Въ пространствѣ. Ускакалъ съ каретой и лошадьми. были въ двухъ часахъ отъ Дрездена, онъ подсыпалъ мнѣ въ

коладъ и такъ какъ я не хотѣла умереть достаточно скоро, схватилъ меня за горло и...

Графъ. Ядъ?

Донна. Кричу—входитъ хозяинъ гостиницы, даетъ мнѣ рвотнаго. И пока онъ помогалъ мнѣ, тотъ вспрыгнулъ на козлы и прочь.

Графъ. Люди! въ погоню, немедленно! (*Уходитъ съ управляющимъ*).

Донна. Если бы я причинила когда-нибудь зло этому малому! Всего болѣе меня возмущаетъ то, что онъ хотѣлъ меня убить безъ всякой вины съ моей стороны. Знай я это, я бы выцарапала ему глаза во снѣ или подсыпала яду... Тогда бы у него была причина. Но безъ всякой вины съ моей стороны—это приводитъ меня въ бѣшенство» [71]).

Подъ стать Діанѣ ея возлюбленный графъ Хамелеонъ, низкій интриганъ, скрывающійся отъ преслѣдованія законовъ убійца, находящій себѣ тайное убѣжище у чудака ф. Бидерлинга.

Намѣреніе Ленца заключалось въ томъ, чтобы показать нравственную несостоятельность этого общества. Для этого онъ ставитъ его лицомъ къ лицу съ вопросомъ о любви и бракѣ и ихъ отношеніе къ нему оттѣняетъ отношеніемъ идеальнаго человѣка—Танди.

Въ Вильгельмину влюбляется сразу и Танди, и графъ Хамелеонъ. Первый хранитъ свое чувство, какъ святыню, въ глубинѣ сердца. Какъ истинный сентиментальный любовникъ XVIII в., онъ относится съ робкою застѣнчивостью къ предмету страсти и повѣряетъ свою тайну только дереву, на которомъ онъ вырѣзаетъ имя Вильгельмины. Это даетъ сюжетъ очень краткой сценѣ:

САДЪ.

Принцъ. (*Вырѣзаетъ имя на деревѣ*). Расти теперь — (*цѣлуетъ его*), расти теперь—ну довольно... (*идетъ и оборачивается*). Оно благодаритъ меня, это дерево... Ты право (*уходитъ*) [72]).

Въ лунную ночь въ томъ же саду Вильгельмина замѣчаетъ на деревѣ безмолвное доказательство любви принца и, въ свою очередь, вырѣзаетъ его имя.

Принцъ. (*Входитъ*). О звѣзды! вы, которыя водите тамъ радостные хороводы, несмотря на мое горе. Ты, одинокій сострадательный

мѣсяцъ...—не жалѣй меня, я страдаю по своей волѣ. Я никогда не былъ такъ счастливъ, какъ при этой пыткѣ. О ты безконечный сводъ неба! Будь моимъ покровомъ на эту ночь. Ты еще слишкомъ тѣсно для моего боязливаго сердца (*бросается на землю въ кустарникъ*) [73]).

Графъ Хамелеонъ дѣйствуетъ самоувѣренно, какъ истинный ловеласъ. Принцъ дѣлается случайнымъ свидѣтелемъ его объясненія въ любви и вызываетъ его на дуэль. Графъ находитъ себѣ союзницу въ матери Вильгельмины, г-жѣ Бидерлингъ, за которою онъ ухаживаетъ еще безцеремоннѣе, чѣмъ за дочкой. Принцъ повѣряетъ свою тайну отцу возлюбленной, который становится на его сторону. Когда, наконецъ, Вильгельмина произноситъ давно желанное «я люблю васъ», принцъ «безъ чувствъ падаетъ къ ея ногамъ». Его съ трудомъ приводятъ въ себя. Бидерлингъ благословляетъ жениха и невѣсту.

Но принцъ и теперь еще не увѣренъ вполнѣ въ любви Вильгельмины:

Принцъ. (*Вильгельминѣ*). Итакъ я... (*заикаясь*), могу надѣяться, что я...

Вильгельмина. Развѣ дерево вамъ уже не сказало всего?

Принцъ. Это единственно мнѣ дало смѣлость посвататься за васъ. О, когда мѣсяцъ серебрилъ передо мною черты, проведенныя вашею рукою, когда я читалъ то, на что не могло надѣяться мое сердце при самыхъ смѣлыхъ мечтаніяхъ... ахъ, я думалъ, небо снизошло на землю и изливается вокругъ меня въ блаженныхъ сновидѣніяхъ» [74]).

Уже по подобнымъ сценамъ можно заключить, что прототипомъ принца Танди послужилъ въ значительной степени герой «Новой Элоизы» Сенъ-Пре, похожій, по выраженію Брандеса, на заряженную страстями электрическую машину [75]).

Едва успѣла совершиться свадьба, какъ дѣлается ужасное открытіе: оказывается, что принцъ Танди родной братъ Вильгельмины. Гервинусъ и вслѣдъ за нимъ многіе другіе утверждали, будто Ленцъ старается выставить въ благопріятномъ свѣтѣ бракъ брата съ сестрой [76]). Ничего подобнаго! Напротивъ того, Ленцъ старается всѣми силами показать весь ужасъ положенія Танди и бичуетъ легкомысленно-безнравственное отношеніе къ этому открытію остальныхъ лицъ. Танди въ ужасѣ бѣжитъ, куда глаза глядятъ, какъ только от-

крылась страшная тайна. Иначе относится къ открытію Вильгельмина и ея родители. Въ Вильгельминѣ говоритъ только чувственная страсть: она попрежнему видитъ въ Танди любовника, мужа, хочетъ остаться женой и забыть, что она сестра своего мужа. Мать лишь негодуетъ на бѣгство Танди и жалѣетъ покинутую молодую. Бидерлингъ не считаетъ такой бракъ совершенно невозможнымъ [77]). Его въ этомъ поддерживаютъ и эпикуреецъ Цирау, и піэтистъ Беза. Извѣстно, что піэтисты, при наружной строгости своихъ нравственныхъ требованій, отличались часто распущенною жизнью [78]). Ленцъ срываетъ съ нихъ лицемѣрную маску и показываетъ въ настоящемъ видѣ, какъ они есть. «Христіанская любовь» приводитъ магистра Безу къ принцу Танди, чтобы утѣшить его.

«Вы съ упорствомъ отягощаете вашу совѣсть безо всякой нужды и только дѣлаете себя и сестру несчастными»—говоритъ Беза и старается убѣдить Танди, ссылаясь на священное писаніе и богослова Михаэлиса, что браки между близкими родственниками не запрещены. Танди энергично возстаетъ противъ такой возмутительной морали: «Вы хотите уничтожить различіе, которое существуетъ между наименованіями: отецъ, сынъ, сестра, невѣста, мать, кровная родная?—Если такъ, то вы ничуть не возвышаетесь надъ скотами...» [79]).

Съ своей стороны, Бидерлингъ ѣдетъ въ Лейпцигъ, чтобы, съ помощью баккалавра, добиться признанія дѣйствительности брака [80]). Возможность брака между братомъ и сестрой Цирау думаетъ доказать ссылкой на «арабскіе нравы и обычаи». Заручившись согласіемъ «консисторіи и богословскаго факультета», Бидерлингъ старается убѣдить сына. Послѣдній сдается на усиленныя просьбы, но только наружно, а тайно замышляетъ бѣжать. Къ счастью, оказывается, что Вильгельмина не дочь Бидерлинга. Кормилица Бабета подмѣнила ее вмѣсто Донны Діаны, которая и есть настоящая сестра Танди [81]).

Не ясно ли, что Ленцъ задался цѣлью изобличить нравственную распущенность нѣмецкаго общества XVIII в., общества, которое наслажденіе считаетъ альфой и омегой своего существованія и глухо къ основнымъ законамъ нравственности? «Wir wollen nichts, als uns immer amüsiren» — вотъ принципъ этого общества [82]), погрязшаго въ чувственности и распущенности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ленцъ, очевидно, старается указать на то, что писатели и ученые, раціона-

«Гофмейстера», но всѣ недостатки этой послѣдней пьесы находятся въ Менозѣ въ еще болѣе сильной степени: «Единство интереса здѣсь соблюдено еще менѣе, а отступленій—гораздо болѣе». Любопытно, что рецензентъ побиваетъ Ленца его собственнымъ оружіемъ. Мы знаемъ ученіе Ленца (заимствованное имъ у Мерсье) объ *интересѣ*, замѣняющемъ всякія единства. Рецензентъ указываетъ, что именно этого требованія Ленцъ не исполняетъ и желаемый имъ интересъ отсутствуетъ.

«Новый Меноза» возбудилъ негодованіе и въ «Магазинѣ нѣмецкой критики» [92]), который, какъ мы видѣли, относился въ общемъ сочувственно къ новому литературному движенію, не раздѣляя его крайностей. Мы знаемъ, что органъ Шираха допускалъ принципъ свободы поэтическаго творчества, возставалъ противъ обязательности трехъ единствъ и т. д. Критики журнала, однако, не ожидали, очевидно, всѣхъ послѣдствій, которыя можно было извлечь изъ подобныхъ принциповъ. «Новый Меноза» заставилъ ихъ призадуматься и сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ. «Если идти по стопамъ автора, замѣчалъ журналъ, то можно написать пьесу, въ которой дѣйствіе будетъ продолжаться два съ половиною столѣтія, сцена будетъ попеременно въ Европѣ, Азіи и Америкѣ и въ послѣднемъ дѣйствіи будутъ принимать участіе отдаленнѣйшіе потомки тѣхъ, кто выступаетъ въ первыхъ сценахъ. Дѣло говоритъ само за себя. Должны же быть правила въ каждомъ искусствѣ, въ каждомъ дѣлѣ, и кто не хочетъ терпѣть никакихъ правилъ, тотъ пусть пеняетъ на самого себя за свою неудачу».

«Какъ мало расиновскій Ахиллесъ похожъ на истиннаго греческаго героя, также мало похожъ Танди на принца чужой страны, отличающейся отъ Европы. Онъ философствуетъ, разбираетъ богословскіе вопросы, цитируетъ библію, вызываетъ на дуэль и т. д.—однимъ словомъ, дѣйствуетъ вполнѣ по-европейски». «Донна представляетъ столь преувеличенный характеръ адской злобы, такое чудовище въ образѣ женщины, что всѣ Медеи, Лэди Макбетъ, Марвудъ, Мильвудъ и т. п. вмѣстѣ взятыя едва ли могутъ состязаться съ ней одной».

Подобный характеръ неправдоподобенъ. Рецензентъ припоминаетъ мысль Гольдони, что на сценѣ истинному должно быть предпочтено правдоподобное; неправдоподобный характеръ не можетъ

набросился я на эту комедію *Ленца*, одного изъ моихъ любимцевъ. Но на этотъ разъ пища не пришлась мнѣ по вкусу, и мнѣ стало тошно. Великій Боже!—думалъ я, перечитавъ ее два раза сряду,— какъ гибнутъ люди вмѣстѣ съ своимъ геніемъ! Чтобы быть оригинальными, они становятся нелѣпыми. Ничего не можетъ быть болѣе безтолковаго и болѣе ребяческаго, чѣмъ вымыселъ этой комедіи». Шубартъ и не думаетъ упрекать Ленца за то, что онъ не опирается «на костыли трехъ единствъ». «Но если одинъ изъ самыхъ пламенныхъ геніевъ, котораго я цѣнилъ такъ высоко, что считалъ будущимъ нѣмецкимъ Аристофаномъ и Плавтомъ, напутываетъ такого вздору, въ сравненіи съ которымъ и «Der Vierzigjährige A B C Schütz и знаменитая трагедія о «Dr. Фаустѣ» кажутся образцовыми произведеніями, то я готовъ лопнуть съ досады: вѣдь ничего не можетъ быть досаднѣе, какъ то, что тебя обманываетъ тотъ самый человѣкъ, отъ котораго ты ждалъ чего-нибудь великаго». «Гофмейстера» Шубартъ прочелъ съ наслажденіемъ и перечитываетъ его съ удовольствіемъ. Въ «Менозѣ» же онъ одобряетъ только «сужденія принца Танди объ европейцахъ, нѣжное описаніе его любви къ Вильгельминѣ, да нѣкоторые оригинальные обороты въ діалогѣ», а остальное «бросаетъ въ огонь» [88]).

Виландъ, лично задѣтый въ «Новомъ Менозѣ», отозвался о пьесѣ довольно сдержанно. Онъ возстаетъ на автора за искусственно придуманную фабулу, за ея неправдоподобіе и кстати выражаетъ свое неудовольствіе обиліемъ «романтическаго элемента» въ современныхъ пьесахъ. По его мнѣнію, пьеса можетъ быть названа Mischspiel, но никакъ ни комедіей. Виландъ не нашелъ въ ней комическихъ характеровъ; живѣе выражены бѣшенство Донны Діаны и энтузіазмъ принца Танди [89]).

Въ недоумѣніи останавливается передъ «Новымъ Менозой» рецензентъ въ журналѣ «Прибавленіе къ Геттингенскому Указателю» [90]). Въ этой пьесѣ онъ видитъ «отсутствіе всякаго плана, всякой связи, всякой нравственности и всякой замѣтной цѣли». Пьесу можно было бы принять за пародію, будь въ ней болѣе соли.

Если Виландъ находилъ, что Ленцу въ этой комедіи удались всего менѣе именно комическіе характеры, то критикъ «Альманаха нѣмецкихъ музъ» считаетъ Бильдеринга удачнымъ комическимъ типомъ [91]). По его мнѣнію, «Новый Меноза» лишенъ достоинствъ

странахъ». Изображая его, онъ былъ почти историкомъ, повѣствующимъ о фактахъ. Онъ даже нѣсколько смягчилъ его характеръ, далъ ему болѣе сносныя краски, чтобы не оскорбить глаза читателя и зрителя. Также поступалъ авторъ, рисуя другіе характеры. Господа Цирау, которыхъ такъ много въ Германіи, должны считать честью для себя, что они такъ изображены въ пьесѣ, гдѣ съ ихъ обычной литературной болтовней они соединяютъ такъ много наблюдательности. «Если этимъ господамъ пріятнѣе, чтобы ихъ слабости были задѣты чувствительнѣе,—то сатирическій бичъ Попа виситъ еще безъ употребленія на стѣнѣ: кто знаетъ, въ чьихъ рукахъ защелкаетъ онъ когда нибудь въ Германіи»[96]).

На упреки, что его пьеса «слишкомъ романтична», Ленцъ отвѣчаетъ: «Въ пьесѣ, гдѣ главный герой романтиченъ въ высшей степени, и все остальное не должно отстоять отъ него слишкомъ далеко, иначе всякая гармонія исчезаетъ. Даже въ естественномъ ходѣ вещей мы встрѣчаемъ извѣстное согласіе, совпаденіе рѣдкихъ и необыкновенныхъ происшествій, которое и породило пословицу «пришла бѣда, отворяй ворота». Въ такой выбитой изъ колеи семьѣ, какъ семья Бидерлинга, необычная судьба дѣтей не была чѣмъ-то сверхъестественнымъ и непонятнымъ. Подмѣны—не рѣдкость на сценѣ, отравленія—не есть нѣчто неслыханное». Если есть нѣкоторыя неясности въ разсказѣ объ обстоятельствахъ отравленія отца Донны Діаны въ Мадритѣ, то это потому, что авторъ «вообще ненавидитъ какіе бы то ни было разсказы на сценѣ». Ленцъ согласенъ, что это было его ошибкой; не будь ея, катастрофа въ IV актѣ была бы понятнѣе. Но въ то же время онъ желалъ предоставить что-нибудь фантазіи зрителя и не разжевывать ему всего предварительно.

По поводу этой развязки, которая критиками была сочтена за слишкомъ серьезную для комедіи, Ленцъ излагаетъ свой, уже извѣстный намъ взглядъ на комедію. «Потому, заключаетъ онъ—наши нѣмецкіе писатели комедій должны писать сразу комически и трагически, что народъ, для котораго они пишутъ, или по крайней мѣрѣ должны бы были писать, представляетъ смѣсь (Mischmasch) культуры и грубости, благонравія и дикости»[97]).

Послѣ авторской отповѣди въ «Франкфуртскихъ ученыхъ вѣдо-

мостяхъ» появилась въ органѣ Николаи «Всеобщая нѣмецкая библіотека» рецензія Эшенбурга [98]).

Признавая нѣкоторыя достоинства за пьесой (знаніе людей, бичеваніе паденія добродѣтели и порчи общественныхъ нравовъ, одушевленіе, правдивость и во многихъ мѣстахъ діалога), Эшенбургъ считалъ невозможнымъ сценическое представленіе этой пьесы, вслѣдствіе несоблюденія театральныхъ требованій. Критика шокируетъ и слишкомъ быстрая смѣна сценъ, нерѣдко поразительно краткихъ, и вольность рѣчей и дѣйствій, и «гогартовскія карикатурныя сцены», изображающія пирушку нищихъ, хромыхъ и слѣпыхъ [99]), и неуваженіе къ такимъ почтеннымъ именамъ, какъ Геллертъ, Виландъ, Галлеръ, Михаэлисъ, и многое другое. Не понравились, конечно, критику и тѣ сцены, гдѣ бургомистръ и его сынъ баккалавръ разсуждаютъ «о достоинствѣ драматическихъ правилъ».

Эшенбургъ осуждаетъ не одного Ленца, но и все направленіе, къ которому онъ принадлежитъ: «Нуженъ ли большой геній для того, чтобы писать экстравагантныя вещи? Повидимому, нѣкоторые такъ въ этомъ теперь увѣрены, что, какъ только они замѣчаютъ что-нибудь подобное, они кричатъ: что за геній! что за чувство! что за размахъ! какая изобразительность! И какъ только они замѣчаютъ обдуманность и связность, они восклицаютъ: какая холодная душа! какой холодный умъ! какія пустопорожнія правила! какія гнилыя подпорки! Надо дать время этой лихорадкѣ посвирѣпствовать и пройти безслѣдно». Авторъ «Новаго Менозы», судя по его самозащитѣ въ «Франкфуртскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ», началъ, повидимому, призадумываться самъ. Но его оправданія ничуть не помогаютъ дѣлу: «публика, очевидно, желаетъ отнестись съ презрѣніемъ къ слишкомъ большому оригинальничанію, которое теперь въ нѣкоторыхъ газетахъ выдается за единственный путь къ безсмертію» [100]).

Злорадство берлинскихъ «просвѣтителей» было основательно; мы видѣли уже, какъ холодно отнеслась публика и печать къ «Новому Менозѣ». Тѣмъ пріятнѣе было Ленцу встрѣтить немногіе сочувственные отзывы. Лѣтомъ 1775 года явилась брошюра подъ заглавіемъ: «Принцъ Танди къ автору «Новаго Менозы» [101]). Она была тоже отвѣтомъ на самозащиту Ленца и принадлежала перу его друга Шлоссера, женатаго на сестрѣ Гёте, Корнеліи.

Брошюра Шлоссера начиналась пылкимъ обращеніемъ къ Ленцу: «И ты, благородный юноша, придаешь такое значеніе похвалѣ и порицанію нѣмецкихъ журналовъ, что самъ защищаешься противъ нихъ? ты? въ журналѣ? Развѣ ты такъ мало чувствуешь цѣну тихаго одобренія хорошихъ людей, что не считаешь себя вознагражденнымъ за свои работы, если не получишь одобренія ежемѣсячныхъ журналовъ?».

Въ лицѣ Шлоссера нашелся человѣкъ, вполнѣ понявшій замыселъ Ленца въ характерѣ принца Танди, нашедшій въ послѣднемъ родственное себѣ настроеніе, родственную себѣ натуру. Устами принца раскрываетъ Шлоссеръ свой внутренній міръ, свои тревоги и чаянія, — тревоги и чаянія истиннаго сына сентиментально-страстной эпохи «бури и натиска». Особенно интересенъ разсказъ о томъ, какъ авторъ впервые принялся за чтеніе Шекспира и какой громадный переворотъ въ его чувствахъ и литературныхъ воззрѣніяхъ произвело оно. Онъ понялъ все ничтожество отечественныхъ драматурговъ Вейссе, Энгеля и др. Во время болѣзни, когда онъ не могъ читать шекспировскія пьесы, такъ какъ онѣ волновали его слишкомъ страстно, онъ принялся за сочиненія по теоріи литературы, читалъ Аристотеля, Дюбо, Мармонтеля и др. Но онъ только убѣдился въ тщетѣ подобныхъ разсужденій. Единственнымъ правиломъ для поэта должно быть: «чувствуй самъ то, что ты желаешь заставить почувствовать другихъ», но этому правилу не учитъ ни одна эстетика [102]). Затѣмъ отъ лица Танди дѣлаются замѣчанія на «Новаго Менозу»: указываются «красоты» и нѣкоторыя оплошности, нѣкоторыя несоотвѣтствія поступковъ принца съ его характеромъ.

Въ началѣ сентября въ «Франкфуртскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ» появилась рецензія брошюрки Шлоссера. Органъ новой партіи воспользовался ею, чтобы воздать Ленцу должное, утѣшить въ неудачѣ и оказать поддержку. Шлоссеръ говорилъ, что «требовать одобренія отъ журналистовъ — это значитъ писать такъ, какъ имъ нравится». «Это великая истина — замѣчаетъ по поводу этихъ словъ критикъ франкфуртскаго журнала — убѣдиться въ которой можетъ не одинъ г. Ленцъ, но и всѣ хорошіе люди, которымъ вздумается быть и дѣйствовать немного лучше, чѣмъ ихъ современники». Маска и карикатура могутъ найти одобреніе, а «истинный духъ, вызвав-

щій къ жизни дѣяніе или твореніе, всегда ускользаетъ отъ заурядного взора». Рецензентъ обратилъ вниманіе на «братски-довѣрчивый тонъ» письма Шлоссера, тонъ, которымъ, вѣроятно, будетъ доволенъ Ленцъ. Но и отъ этой мягкой критики журналъ счелъ нужнымъ защитить автора «Новаго Менозы». По поводу замѣчанія Шлоссера, что нѣкоторыя сцены не соотвѣтствуютъ «природѣ» принца Танди, журналъ говоритъ, что въ подобномъ сужденіи о томъ, что соотвѣтствуетъ природѣ и что ей не соотвѣтствуетъ, все зависитъ отъ очковъ, въ которые каждый смотритъ. «Дѣйствительная природа во всей ея индивидуальности рѣдко бываетъ драматичной и чтобы сдѣлать ее наглядной, какъ много долженъ прибавить и примазать къ ней художникъ». При этомъ журналъ ссылается на примѣръ гётевскаго «Гёца» [103]).

Брошюрка Шлоссера и рецензія «Франкфуртскихъ ученыхъ вѣдомостей» должны были дать удовлетвореніе Ленцу: теперь онъ увидѣлъ, что есть люди, которые поняли смыслъ его пьесы и оцѣнили его благородныя усилія. Нѣсколько ранѣе (весною 1775 г.) онъ задумалъ переработку «Новаго Менозы», намѣреваясь сдѣлать «существенныя улучшенія» [104]). Объ улучшеніяхъ говорилъ Ленцъ и въ своей напечатанной «Selbstrecension»: онъ хотѣлъ бросить болѣе свѣта на предыдущую исторію Донны Діаны и графа Хамелеона, онъ думалъ переработать характеръ магистра Безы, въ которомъ замѣчалъ нѣкоторое противорѣчіе, онъ заявлялъ, что комедія была напечатана въ необдѣланномъ видѣ [105]). Въ августѣ въ письмѣ къ Гердеру онъ выражалъ свое полное недовольство комедіей. Только сочувственный отзывъ Гердера, который, по словамъ Ленца, «былъ ниспосланъ ему для утѣшенія въ людской пустынѣ — ein paar Tropfen himmlischer Stärkung zu geben», понудилъ его вновь вытащить «Менозу» изъ самой глубины его книжнаго шкафа и возблагодарить Бога! [106]).

Отъ передѣлки сохранилась только заключительная сцена между графомъ Хамелеономъ и Донной Діаной, оканчивающаяся смертью графа [107]). Такимъ образомъ катастрофа изъ послѣдней сцены четвертаго акта была перенесена въ конецъ пятаго акта, на мѣсто заключавшихъ его въ первой редакціи карикатурно-комическихъ сценъ между бургомистромъ и его сыномъ, баккалавромъ Цирау. Вмѣсто комическаго послѣднимъ заключительнымъ аккордомъ долженъ былъ быть трагическій паѳосъ. Такимъ образомъ, очевидно, трагическому

элементу Ленцъ задумалъ дать большее развитіе въ сравненіи съ первой редакціей. Что переработка должна была быть значительна, видно изъ того, что въ самой фабулѣ Ленцъ сдѣлалъ важное измѣненіе: братомъ Вильгельмины оказывается графъ, а не принцъ Танди.

Въ своей рецензіи Ленцъ утверждалъ, что въ характерѣ графа имъ даже смягчены краски. Во второй редакціи смягчающія краски, очевидно, удалены. Сохранившаяся сцена изображаетъ графа въ постели съ перевязанной раной; подлѣ него Донна Діана. Въ началѣ сцены испанская графиня является болѣе похожей на женщину, чѣмъ въ первой редакціи пьесы. Мы узнаемъ, что она три ночи сидитъ у постели раненаго, стараясь спасти его жизнь. На нашихъ глазахъ она проявляетъ страстную заботливость о графѣ.

Донна Діана. Не говори такъ много и горячо—рана откроется.

Графъ. Пусть ее—пока не исцѣлится рана моей души—о твоя заботливость обо мнѣ, обо мнѣ недостойномъ — взгляни! рана моя проникаетъ глубже моей груди, она идетъ до глубины души и не можетъ быть исцѣлена.

Донна Діана (цѣлуетъ его перевязку). Такъ я высосу весь ядъ— я хочу, милый, прильнуть къ твоей ранѣ, какъ дитя къ груди матери.

Но графъ сознается, что онъ любитъ Вильгельмину и что желаніе владѣть ею доводитъ его до бѣшенства. Онъ составляетъ адскій планъ, какъ заманить къ нему Вильгельмину, обманувъ мужа ея Танди и подкупивъ врача. Послѣ того какъ онъ изложилъ свой гнусный планъ, Діана хватаетъ его за горло, срываетъ повязку съ его раны, мало того: sie kratzt mit den Nägeln an seiner Wunde (sic!), бьетъ кулаками. Графъ истекаетъ кровью на глазахъ изступленной женщины [108]).

Въ этой редакціи характеръ Донны Діаны нѣсколько выигралъ въ художественномъ отношеніи: ея дикое бѣшенство здѣсь, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-нибудь мотивировано, тогда какъ въ первой редакціи ея слабо мотивированная жестокость смахиваетъ на карикатуру.

Неизвѣстно, какую роль долженъ былъ играть комическій элементъ въ новой передѣлкѣ. Судя по тому, что онъ занимаетъ главное мѣсто въ первой редакціи и принимая въ соображеніе взглядъ Ленца на комедію, мы должны думать, что и въ новой передѣлкѣ «Новый Меноза» представлялъ непримиримую смѣсь изъ комедіи и

трагедіи. Нельзя отказать Ленцу въ талантѣ обработать удачно какъ буфонно-комическія, такъ и ультра-трагическія положенія въ отдѣльности: чего ему не хватало — это таланта соединять ихъ въ одно гармоничное цѣлое, умѣнья, оперируя тѣмъ и другимъ элементомъ, сохранить цѣльность художественнаго впечатлѣнія.

Его положительно губила его теорія, въ силу которой онъ считалъ возможнымъ соединеніе элементовъ ужаснаго и преувеличенно-смѣшнаго въ одной и той же пьесѣ. Въ одной изъ неизданныхъ рукописей онъ касается этого вопроса и рѣшаетъ его, отчасти противорѣча своей собственной драматической практикѣ. Здѣсь онъ отличаетъ въ драмѣ элементы «тонко-смѣшного» и «грубо-смѣшного», «печальнаго» и «ужаснаго».

«Моменты отдохновенія отъ тонко-комическаго, разсуждаетъ онъ, могутъ быть трогательны, но не могутъ никогда быть печальны. Смѣхъ и слезы въ одно и то же время есть недостатокъ искусства и варварство».

«Моменты отдохновенія отъ печальнаго могутъ возбуждать улыбку, но никогда не смѣхъ; нѣкоторые французы впали въ грубую ошибку, просмотрѣвъ это».

«Моменты отдохновенія отъ ужаснаго уживаются съ буфоннымъ смѣхомъ (но не со смѣхомъ тонкимъ), если поэтъ умѣетъ, какъ Шекспиръ въ королѣ Лирѣ, дать первому перевѣсъ надъ вторымъ. Примѣсь элемента тонко-смѣшного составляетъ недостатокъ искусства, нарушаетъ впечатлѣніе отъ ужаснаго и является величайшимъ варварствомъ».

«Моменты отдохновенія отъ буфоннаго смѣха уживаются со страшнымъ и ужаснымъ въ томъ случаѣ, если поэтъ, подобно Аристофану и Плавту, сумѣетъ дать перевѣсъ первому. Но буфонный смѣхъ отнюдь не уживается съ трогательнымъ и печальнымъ, въ чемъ главнымъ образомъ такъ прегрѣшаютъ французскія оперетки и что является величайшимъ варварствомъ, такъ какъ это неестественно и поэтому легко для всякаго кропателя» [10]).

Согласно съ изложенной здѣсь теоріей, Ленцъ старался въ «Новомъ Менозѣ» примирить элементы буфонно-комическаго и высоко-трагическаго и ужаснаго, но не сумѣлъ распредѣлить ихъ въ должной гармоніи. Въ рукописи онъ самъ же признаетъ, что соединеніе этихъ элементовъ возможно только въ томъ случаѣ, если поэтъ су-

становившіяся все болѣе и болѣе холодными, повели, наконецъ, къ открытому разрыву [1]). Съ осенняго семестра 1774 года Ленцъ, уже пріобрѣтя извѣстность своимъ «Гофмейстеромъ» и переводомъ Плавта, записался въ студенты страсбургскаго университета по богословскому факультету [2]). Такъ какъ онъ уже пробылъ въ Кенигсбергѣ нѣсколько семестровъ, то поступленіе его въ страсбургскій университетъ можно объяснить только желаніемъ, подновивъ свои богословскія знанія, подвергнуться экзамену и получить дипломъ. По крайней мѣрѣ, Пфеннингеръ писалъ Ленцу 1-го сентября: «Изучаешь ли богословіе? Говоришь ли проповѣди? Посвященъ ли ты? Скажи мнѣ что-нибудь объ этомъ» [3]). Такъ поступилъ онъ, вѣроятно, подъ давленіемъ изъ Лифляндіи: отецъ его продолжалъ безпокоиться, что сынъ его не пристроенъ, да сверхъ того еще захваченъ въ круговоротъ французско-нѣмецкой жизни Страсбурга, отъ которой старикъ-піэтистъ не ждалъ ничего хорошаго.

Разставшись съ Клейстами, Ленцъ очутился въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ. О помощи со стороны отца мы ничего не знаемъ. Плохо оплачиваемые уроки и ничтожный литературный заработокъ были единственными его рессурсами. По собственнымъ его словамъ, онъ былъ «бѣденъ, какъ церковная мышь», загнанъ, «какъ почтовая лошадь», и походилъ на «нищенствующаго монаха» [4]). Онъ перебивался кое-какъ, со дня на день, входя въ долги, съ которыми не былъ въ состояніи расплатиться. Онъ былъ однимъ изъ представителей литературной богемы, рѣдкихъ въ Германіи XVIII в., когда писатели снискивали себѣ пропитаніе службой, принадлежа къ какой-нибудь болѣе или менѣе хлѣбной профессіи, или жили отъ щедротъ коронованныхъ меценатовъ (напр. Клопштокъ въ Копенгагенѣ, Лессингъ въ Вольфенбюттелѣ, Гёте, Виландъ и Гердеръ— въ Веймарѣ). Тяжелыя матеріальныя условія заставили его въ 1775 г. принять предложеніе еврея Флиса сопровождать его, за извѣстное вознагражденіе, въ путешествіи по Италіи [5]). Такимъ образомъ онъ готовъ былъ вновь продать свою личную свободу и попасть въ зависимость, противъ которой такъ страстно проповѣдовалъ въ «Гофмейстерѣ». Путешествіе это, однако, не состоялось.

Если мы примемъ во вниманіе его крайне необезпеченное, почти нищенское положеніе литературнаго пролетарія, то тѣмъ примѣчательнѣе покажется намъ богатство его внутренняго міра, неисто-

щимость его творческихъ замысловъ и широта его умственныхъ интересовъ.

Дружба и любовь смягчали тягости его бѣдственнаго положенія. Извѣстно, какую важную роль игралъ въ сентиментально-настроенныхъ кругахъ Германіи XVIII вѣка культъ дружбы. Ленцъ былъ однимъ изъ наиболѣе пылкихъ его адептовъ и всегда искалъ сочувствующаго сердца, которому могъ бы излить свою радость и горе, свои мысли и мечты. Онъ чувствовалъ настоящее тяготѣніе къ такимъ людямъ, которыхъ на тогдашнемъ языкѣ называли «schöne Seele»—«прекрасная душа». Это былъ спеціальный терминъ, имѣвшій особый смыслъ, уклоняющійся отъ точнаго значенія этихъ словъ. «Прекрасной душой» именовали того, кто приближался къ идеалу эпохи, въ комъ видѣлось присутствіе такихъ качествъ, которыя особенно цѣнились въ періодъ «бури и натиска». Мало было обладать чувствительнымъ сердцемъ и извѣстною нравственною высотою, надо было еще исповѣдовать опредѣленные взгляды, стоять выше ежедневныхъ буржуазныхъ интересовъ, возвышаться надъ толпой, носить въ себѣ печать «геніальности». Подъ послѣднею разумѣлся не только высшій творческій даръ, но и все, возвышающее человѣка надъ обыкновеннымъ человѣческимъ уровнемъ. Понятіе «геніальности» было близко къ понятію «сверхчеловѣчности». Термины «schöne Seele» и «сверхчеловѣкъ» приблизительно покрываютъ другъ друга [6]).

Такими «прекрасными душами», стоявшими, по мнѣнію ихъ поклонниковъ, на границѣ между земнымъ и небеснымъ, были и «сѣверный магъ» Гаманнъ, и «божій человѣкъ», «око херувима» [7]) Лафатеръ, и «дитя невинности», котораго «душа полна луннаго свѣта и лилейнаго аромата безсмертія» Клаудіусъ [8]), и «небесный избранникъ» Юнгъ-Штиллингъ [9]), и «апостолъ» Хр. Кауфманнъ [10]).

Со всѣми ими Ленцъ былъ въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ [11]). Съ Гаманномъ онъ познакомился, вѣроятно, еще въ Кенигсбергѣ, и состоялъ съ нимъ въ перепискѣ, которая не прекращалась и по возвращеніи Ленца въ Россію. Заботливость Гаманна, проявленная къ Ленцу, говоритъ за то, что ихъ знакомство было, вѣроятно, довольно продолжительно [12]).

Съ цюрихскимъ «божьимъ человѣкомъ» и «пророкомъ», энтузіастомъ «физіогномики» Лафатеромъ Ленцъ вошелъ въ письменныя

сношенія весною 1774 г. Уже въ февралѣ Ленцъ, черезъ Редерера, послалъ Лафатеру одно изъ своихъ сочиненій, которое дало возможность цюрихскому пророку открыть въ Ленцѣ «eine schöne Seele» [13]). Вскорѣ Ленцъ обратился къ Лафатеру за разъясненіемъ одного богословскаго вопроса, называя его «Liebster Papa» [14]). Въ свою очередь 10-го мая Лафатеръ писалъ Редереру и Ленцу вмѣстѣ: «О вы, добрыя дѣти, не мои, а божьи!! Мы, вѣдь, всѣ *братья*, я такъ люблю васъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось увидать васъ и прижать къ своему сердцу» [15]). Въ письмѣ отъ 14-го іюня Лафатеръ переходитъ уже на ты: «Милый Ленцъ... ты не можешь повѣрить, какъ меня радуетъ, что ты вѣришь въ мою вѣру, вѣришь въ меня» [16]). То же мы видимъ въ письмѣ Ленца къ Лафатеру, написанному около того же времени [17]), гдѣ Ленцъ выражаетъ свое глубокое сожалѣніе, что, вслѣдствіе своего подневольнаго отношенія къ бар. Клейстъ, не можетъ сопровождать Лафатера въ ихъ предполагаемой поѣздкѣ въ Швальбахъ и проситъ его остановиться въ Страсбургѣ въ сосѣднемъ съ нимъ домѣ: «Тамъ отпразднуемъ мы весь первый вечеръ и слѣдующее утро въ сладкомъ и тихомъ одиночествѣ».

16 іюня Лафатеръ прибылъ въ Страсбургъ и былъ принятъ съ восторгомъ Ленцемъ и его друзьями. Въ Страсбургѣ, по словамъ Ленца, всѣ «лучшіе люди» «удивлялись» Лафатеру, «полюбили» его, хотя и не было недостатка въ осужденіи со стороны «ложныхъ пророковъ». По отъѣздѣ новаго друга, Ленцъ изъявлялъ Лафатеру «тысячу благодарностей—за тысячу утѣшительныхъ мыслей» въ его «одиночествѣ», «полезныхъ для будущаго» [18]). А утѣшать Ленца, повидимому, было въ чемъ: по крайней мѣрѣ, въ томъ же письмѣ онъ дѣлаетъ приписку: «Ахъ, я страдаю — но ваши, братъ, надежды свѣтятъ мнѣ въ моей ночи, такъ что я не жалуюсь на медлящій день» [19]).

Привлекши Ленца къ своей «вѣрѣ» [20]), Лафатеръ заинтересовалъ его и своей физіогномикой и принялъ въ число сотрудниковъ-добровольцевъ. Свои физіогномическія наблюденія Ленцъ присылалъ Лафатеру и много лѣтъ спустя, изъ Риги и Петербурга. Кромѣ того, извѣстную роль играло увлеченіе республиканскими идеями. Лафатеръ былъ сынъ «свободной» Швейцаріи; у него Ленцъ находитъ «сердце Брута». Восхищаясь присланнымъ ему портретомъ недавно умершаго отца Лафатера, Ленцъ дѣлаетъ слѣдующее ха-

рактерное замѣчаніе: «Подобныя головы возможны только въ республикѣ; это черты, которыя нельзя увидать и нельзя прочувствовать ни въ какомъ монархическомъ государствѣ». Ленцъ «не можетъ насытиться» созерцаніемъ этого образа, который ему хотѣлось бы «отпечатлѣть въ самой глубинѣ сердца», чтобы онъ былъ съ нимъ «каждый часъ и каждый мигъ» [21]). Яснѣе нельзя выразить республиканскій энтузіазмъ эпохи, навѣянный преимущественно идеями Руссо.

Изъ Страсбурга Лафатеръ, направляясь въ Эмсъ, проѣхалъ черезъ Франкфуртъ и познакомился съ Гёте, съ которымъ уже былъ въ перепискѣ около года. Ему посылалъ Гёте своего «Вертера» въ рукописи и профили для его физіогномическихъ наблюденіи [22]). Новые друзья вмѣстѣ съ извѣстнымъ педагогомъ Базедовомъ совершили поѣздку по Рейну. Въ Кобленцѣ Гёте написалъ по этому поводу извѣстное стихотвореніе:

Propheten rechts,
Propheten links,
Das Weltkind in der Mitte *) и т. д.

Уже въ этомъ стихотвореніи слышится ироническій тонъ по отношенію къ Лафатеру; впослѣдствіи Гёте совершенно разочаровался въ цюрихскомъ «пророкѣ», не лишенномъ тщеславія и шарлатанства [23]). То же разочарованіе мы замѣтимъ впослѣдствіи и у нашего Карамзина, послѣ того какъ онъ ближе узналъ Лафатера [24]). У Ленца дружба съ цюрихскимъ пасторомъ продолжалась дольше [25]). Выйдя самъ изъ духовнаго сословія, воспитавшись въ піэтистической средѣ, получивши богословское образованіе, онъ болѣе, чѣмъ Weltkind Гёте, тяготѣлъ къ внутренней религіозности, интересовался вопросами вѣры и болѣе подчинился сентиментально-мистическому ученію этого «южнаго мага», прозваннаго такъ въ отличіе отъ родственнаго ему *сѣвернаго* мага—Гаманна.

Отношенія Ленца къ Гёте въ 1774 и 1775 годахъ были самыя дружественныя. Мы знаемъ уже изъ словъ Гёте, что послѣ выхода «Геца», они дѣлились своими литературными работами ранѣе ихъ напечатанія. По всей вѣроятности, и «Вертеръ» побывалъ въ рукахъ Ленца еще въ рукописи. Къ сожалѣнію, переписка Гёте съ Лен-

*) „Пророки справа, пророки слѣва, дитя міра посрединѣ“.

цемъ потеряна. Но случайно сохранившіеся отзывы ихъ другъ о другѣ, высказанные третьимъ лицамъ, доказываютъ, какъ сердечно привязаны они были другъ къ другу уже въ это время. Еще въ концѣ 1773 г. Гёте называлъ Ленца «превосходнымъ юношей», котораго онъ «любитъ, какъ свою душу» [26]). Съ другой стороны, Ленцъ въ письмѣ къ Лафатеру, бывшему на пути во Франкфуртъ, замѣчаетъ: «Отъ меня доставь, доставь Гёте... что? тебя самого. Мнѣ хотѣлось бы послать ему свою душу, такъ какъ на немъ покоятся мои надежды, которыя, какъ солнце передъ восходомъ, видны только антиподамъ» [27]). Ужъ не ожидалъ ли онъ отъ Гёте, преодолѣвшаго уже въ себѣ вертеровское настроеніе, избавленія отъ того же недуга?

Гёте совершилъ лѣтомъ 1775 года путешествіе въ Швейцарію въ сообществѣ братьевъ Штольбергъ. Въ это время онъ былъ женихомъ Лили Шöнеманъ, дочери франкфуртскаго банкира, но не чувствовалъ себя въ настроеніи жениха. Безъ особенной нѣжности думалъ онъ о предстоящемъ союзѣ и съ удовольствіемъ воспользовался случаемъ покинуть на нѣкоторое время Франкфуртъ и испытать силу своей любви новыми впечатлѣніями альпійскаго путешествія [28]). Направлясь въ Швейцарію и возвращаясь оттуда, Гёте посѣтилъ Страсбургъ. Весеннее посѣщеніе продолжалось нѣсколько дней (22—27 мая) и оставило въ Ленцѣ неизгладимое впечатлѣніе. Они гуляли вмѣстѣ въ окрестностяхъ Страсбурга, подъ липами недалеко отъ Илля, любовались на страсбургскую колокольню, обѣдали на открытомъ воздухѣ [29]). По словамъ Ленца, это были «божественные дни, которыхъ разсказать невозможно» [30]).

Воспоминаніе объ этихъ дняхъ вызвало у Ленца четверостишіе, посвященное Гёте:

Ihr stummen Bäume, meine Zeugen!
Ach käm'er ungefähr
Hier wo wir sassen wieder her:
Könnt ihr von meinen Tränen schweigen? *)

27-го мая друзья направились на правую сторону Рейна въ небольшой баденскій городокъ Эммендингенъ, лежащій на дорогѣ изъ

*) „О безмолвныя деревья, мои свидѣтели! Если бы онъ снова пришелъ сюда, гдѣ мы сидѣли, — могли ли бы вы умолчать о моихъ слезахъ?“

Карльсруэ въ Базель [31]). Тамъ жила сестра Гёте, Корнелія, недавно вышедшая замужъ за Шлоссера. Въ моментъ разставанія (5-го іюня Гёте отправился въ Шафгаузенъ) [32]) Гёте вписалъ въ альбомъ Ленца слѣдующіе стихи:

Zur Erinnrung guter Stunden,
Aller Freuden, aller Wunden,
Aller Sorgen, aller Schmerzen,
In zwei tollen Dichter Herzen
Noch im letzten Augenblick
Lass ich Lentzen dies zurück *).

По возвращеніи изъ Швейцаріи Гёте снова провелъ съ Ленцемъ въ Страсбургѣ нѣсколько дней (13—20 іюля) [33]). Въ день пріѣзда друзья взобрались на страсбургскую колокольню полюбоваться чуднымъ видомъ долины Рейна и лишній разъ подивиться генію строителя собора — Эрвина [34]). Придя раньше Ленца на верхнюю площадку собора, Гёте набросалъ замѣтки «Dritte Wallfahrt nach Erwins Grabe im Iuli 1775». Приходъ Ленца прервалъ его благоговѣйное созерцаніе; вдвоемъ они взобрались на самую вершину колокольни, обмѣниваясь живыми впечатлѣніями отъ этого превосходнаго созданія готическаго искусства. Чувство отношеній, чувство мѣры казались друзьямъ главной тайной творческой силы художника [35]).

Новая встрѣча друзей произошла весною 1776 года въ Веймарѣ, куда Гёте былъ приглашенъ герцогомъ вскорѣ послѣ упомянутаго путешествія въ Швейцарію.

Лафатеръ и Гёте принадлежали къ числу тѣхъ избранныхъ «прекрасныхъ душъ», къ которымъ тяготѣлъ Ленцъ въ это время и съ которыми находился въ постоянномъ общеніи или перепискѣ. Эта послѣдняя у него все болѣе и болѣе расширяется и захватываетъ обширные круги. Къ 1774 — 1776 годамъ относится большинство сохранившихся послѣ него писемъ.

Дружескія узы нерѣдко заключаются имъ съ людьми, которыхъ онъ никогда не видалъ въ глаза: для этого было достаточно обмѣняться нѣсколькими письмами. Передъ тѣмъ какъ ему встрѣтиться

---

*) „На память о хорошихъ часахъ, о всѣхъ радостяхъ, всѣхъ ранахъ, всѣхъ заботахъ, всѣхъ скорбяхъ, испытанныхъ безумными сердцами двухъ поэтовъ, въ послѣдній мигъ, оставляю я это Ленцу“.

впервые съ Гердеромъ въ Веймарѣ, Ленцъ уже около двухъ лѣтъ былъ съ нимъ въ самой дружеской и интимной перепискѣ [36]). Черезъ письма дружится онъ и съ пріятельницей Виланда, Софіей Ларошъ, авторомъ сентиментальныхъ романовъ, одною изъ избранныхъ женскихъ «прекрасныхъ душъ», дружбой съ которой дорожили многіе [37]).

Не довольствуясь дружбой съ мужчинами, Ленцъ всегда старался войти въ такія же сентиментально-дружественныя отношенія съ женщинами. Понятно, что его сердцу, всегда легко воспламенявшемуся, при этомъ представлялась опасность такого увлеченія, которое подходило болѣе подъ понятіе любви, чѣмъ дружбы. И такъ бывало съ нимъ нерѣдко.

Въ серединѣ іюня 1774 г. Ленцъ писалъ Лафатеру, что онъ не можетъ разстаться съ баронами Клейстъ по той причинѣ, что онъ «запутанъ въ самыя незначительныя дѣла ихъ обоихъ», а въ особенности потому, что путешествіе старшаго барона Клейстъ въ Курляндію «составляетъ цѣлую эпоху во всей его жизни» [38]).

Здѣсь Ленцъ намекаетъ на страсбургскій романъ старшаго изъ Клейстовъ, романъ, въ которомъ нашему поэту пришлось принять близкое и странное участіе. Героиней его была младшая дочь богатаго страсбургскаго буржуа, по профессіи ювелира, Фибиха, по имени Клеофа, кокетливая дѣвушка, имѣвшая много поклонниковъ, уже извѣстная намъ какъ знакомая Фридерики Бріонъ. Влюбившись въ нее, старшій Клейстъ долженъ былъ призадуматься надъ вопросомъ о бракѣ, который былъ, конечно, mésaillance'омъ въ глазахъ его аристократической родни. Въ виду этого баронъ долженъ былъ ѣхать въ Курляндію, чтобы уговорить родителей согласиться на бракъ. Ранѣе этого, 27 окт. 1773 г., былъ заключенъ брачный договоръ, нарушеніе котораго съ той или другой стороны наказывалось недоимкой въ 14 тысячъ ливровъ. Этотъ договоръ, сохранившійся въ архивахъ Страсбурга, писанъ рукою Ленца [39]). Со словъ послѣдняго мы знаемъ, что онъ помогалъ барону и въ завоеваніи сердца Клеофы, сочиняя ему стихотворенія, которыя тотъ подносилъ отъ своего имени красавицѣ [40]). Стоя такъ близко къ сердечнымъ дѣламъ барона и потративъ съ своей стороны усилія, чтобы заставить Клеофу отвѣтить на «пламя» ея поклонника, Ленцъ счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ охранить Клеофу, во время отсутствія барона, отъ всякихъ стороннихъ посягательствъ на ея сердце.

У легкомысленной красавицы не было недостатка въ обожателяхъ, и, повидимому, Ленцъ имѣлъ основаніе сомнѣваться въ ея постоянствѣ. Онъ зналъ Клеофу уже давно и былъ съ нею въ дружественныхъ отношеніяхъ [41]).

На почвѣ дружбы къ ней и къ барону, ея жениху, разыгрался своеобразный романъ Ленца съ Клеофой, которую онъ выводилъ въ своихъ произведеніяхъ подъ именемъ то Араминты, то Филлиды, то Серафины. Яркій свѣтъ на эти отношенія, колебавшіяся между дружбой и любовью, бросаютъ и его стихотворенія, и его неоконченный, къ сожалѣнію, «Дневникъ» изъ этого времени [42]). Ленцъ началъ съ того, что самъ «прикинулся влюбленнымъ, взыскательнымъ и огорченнымъ». Но такая игра въ любовь оказалась опасной. «Дневникъ» наглядно показываетъ, какъ, взявши на себя роль Аргуса, оберегающаго Араминту — Клеофу отъ домогательствъ ухаживателей, онъ самъ подвергся вліянію ея чаръ и запутался въ сѣтяхъ дружбы, которую стало уже невозможнымъ отличить отъ любви. Въ душѣ его происходитъ двойная борьба: съ одной стороны, его мучитъ неувѣренность въ томъ, любитъ ли дѣйствительно его Араминта, или только играетъ въ любовь и дурачитъ; съ другой стороны, его мучитъ совѣсть, сознаніе долга по отношенію къ другу и опасности нарушить его. Незаконченный «Дневникъ» выясняетъ только первую борьбу. Вторая борьба отражается болѣе въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ Араминтѣ.

Упомянутый «Дневникъ» нельзя считать дневникомъ въ буквальномъ смыслѣ слова: это скорѣе набросокъ для беллетристическаго произведенія, основаннаго на лично пережитыхъ фактахъ. Ленцъ прямо предлагалъ Гёте, для котораго этотъ «Дневникъ», написанный сначала по-англійски, былъ переведенъ имъ на нѣмецкій языкъ, воспользоваться имъ для романа [43]). Но уже самъ Ленцъ въ этомъ дневникѣ дѣлаетъ первые шаги для этого, мѣшая правду и поэзію. Въ его черновыхъ рукописяхъ нерѣдко мы замѣчаемъ, что дѣйствующихъ лицъ своихъ произведеній онъ называетъ вначалѣ дѣйствительными именами тѣхъ лицъ, которыя послужили ему оригиналами; затѣмъ постепенно дѣйствительныя имена замѣняются вымышленными. Въ «Дневникѣ» уже сдѣланъ шагъ къ тому: Клеофа названа Араминтой, старшій баронъ—Сципіономъ, младшій—просто «зятемъ» (Schwager); второстепенныя эпизодическія лица названы

прямо по именамъ. Разсказъ ведется отъ лица Ленца; въ окончательной формѣ это долженъ былъ быть такъ наз. «Ich-Roman»[44]).

Поэтому было бы ошибкой считать весь «Дневникъ» вполнѣ достовѣрнымъ біографическимъ матеріаломъ. Въ немъ мы должны искать правду *психологическую*, но не правду *фактическую*. Иначе говоря, изображенные здѣсь факты могли и не совпадать безусловно съ дѣйствительностью, но здѣсь соблюдена психологическая правда лица, отъ котораго ведется разсказъ, правда чувствъ, переиспытанныхъ имъ въ положеніи, въ которомъ онъ очутился, въ положеніи человѣка, влюбившагося въ возлюбленную отсутствующаго друга, колеблющагося между обязанностями по отношенію къ нему и надеждами на собственное счастіе. На основаніи этихъ изліяній дѣлать какіенибудь неодобрительные выводы относительно личнаго характера Ленца — врядъ ли мы имѣемъ право: въ неоконченномъ дневникѣ Ленцъ не успѣлъ изобразить процессъ своего внутренняго очищенія, побѣды долга и дружбы надъ страстью и ослѣпленіемъ.

Правда, картина, изображенная въ «Дневникѣ», не особенно привлекательнаго свойства и бросаетъ печальный свѣтъ на положеніе Ленца въ качествѣ «ментора» бар. Клейстъ. Оно не особенно отличалось отъ положенія «гофмейстера», которое Ленцъ считалъ столь унизительнымъ и такъ ярко нарисовалъ въ своей пьесѣ. Невѣроятно грубый младшій баронъ, фигурирующій въ «Дневникѣ» подъ именемъ «зятя», третировалъ свысока добраго и мягкаго юношу. Противъ его неуклюжихъ шутокъ и дикихъ выходокъ у Ленца было только одно оружіе: остроуміе и находчивость, которыми онъ обуздывалъ самодурство этого человѣка[45]). Ленцъ долженъ былъ задыхаться въ такомъ обществѣ не менѣе, чѣмъ его принцъ Танди. Понятны его жалобы на свое одиночество[46]).

Такое отношеніе встрѣчалъ онъ со стороны аристократовъ. Въ буржуазныхъ семьяхъ тоже многіе считали себя въ правѣ смотрѣть свысока на бѣдняка студента, сына простого пастора. Поэтому, и Клеофа — Араминта обходилась съ нимъ болѣе пренебрежительно, чѣмъ съ другими поклонниками[47]). Была ли дѣйствительная героиня этого романа такою отчаянною кокеткой, какою она изображена въ «Дневникѣ», это въ сущности для насъ безразлично[48]). Но Араминту Ленцъ непремѣнно долженъ былъ сдѣлать кокеткой, иначе

весь образъ дѣйствій Ленца (или его героя) былъ сплошною нелѣпостью.

Араминта является въ «Дневникѣ» кокеткой, искусно морочащей своихъ поклонниковъ. Она искусно ведетъ свою игру: то приблизитъ къ себѣ, то удалитъ, то помучитъ равнодушіемъ, то поразитъ кажущеюся искренностью. Простодушный добрякъ, наивный въ жизни, разсѣянный и живущій постоянно въ мірѣ фантазій, легко могъ запутаться въ сѣтяхъ обольстительной и коварной женщины. Онъ теряетъ голову въ догадкахъ: то вѣритъ въ искренность Араминты и чувствуетъ себя на верху блаженства, то страдаетъ отъ ея равнодушія, то мучится сомнѣніями, подозрѣвая простое кокетство [49]. Дѣло осложняется тѣмъ, что любовь къ Араминтѣ является со стороны Ленца нарушеніемъ долга дружбы. Можно думать, что несохранившаяся часть дневника выводила на первый планъ этотъ мотивъ, торжество котораго приводило къ счастливой развязкѣ: къ двойному торжеству дружбы и надъ любовью, и надъ вѣроломствомъ.

Въ болѣе крупныхъ произведеніяхъ Ленца мы находимъ болѣе или менѣе сильные отголоски романа старшаго Клейста съ Клеофой Фибихъ. На немъ основана его пьеса «Солдаты». Отголоски слышатся въ разсказѣ «Зербинъ» и драматическомъ наброскѣ «Старая дѣва» [50]).

Объ этихъ произведеніяхъ мы будемъ говорить далѣе, а теперь остановимся на стихотвореніяхъ Ленца, вызванныхъ его любовью къ Клеофѣ.

Въ глазахъ Араминты хочетъ поэтъ прочесть свою участь; кокетливая красавица, изучившая игру глазъ, даритъ ему взоромъ то блаженство, то смерть. «Ты оживляешь все, что тебя окружаетъ— поетъ влюбленный: твой глазъ, какъ виноградный сокъ, вливаетъ духъ и жизнь въ помертвѣвшія жилы и зажигаетъ сердце огнемъ» *). «О, если бы я могъ дать тебѣ почувствовать — говоритъ онъ въ другомъ стихотвореніи — все благодѣяніе твоего взгляда! Творецъ всего моего счастья—онъ говоритъ о смерти и жизни» **).

---

*) Das dich umgiebt, belebest du;
Dein Auge giesst wie Saft der Reben
In todte Adern Geist und Leben
Und führt dem Herzen Feuer zu. („Gedichte" 107).

**) Konnt ich dir zu fühlen geben,
All' die Wohlthat deines Blicks!

Очень характерно стихотвореніе: «Auf eine Papillote, welche sie mir im Conzert zuwarf». «Ты ненавидишь мой покой; тебя, повидимому, радуетъ мое страданіе, ты желаешь мнѣ его еще больше; повидимому, ты хочешь моей крови»—жалуется влюбленный. Пусть же возьметъ она ножъ и пронзитъ ему сердце, и онъ на ея рукахъ разстанется съ жизнью. Тогда духъ его будетъ носиться надъ нею. Тогда уже не будетъ мучить его совѣсть за эту любовь, похищенную у друга, и онъ не будетъ являться «преступникомъ» въ собственныхъ глазахъ *).

Въ стихотвореніи «An Seraphine» Ленцъ старается успокоить ея и свою совѣсть любимой софистикой періода «бурныхъ стремленій», ссылкой на свободу чувства, на права любви, противъ которыхъ безполезно бороться:

Wie, wer verbietet mirs? wer kann es mir verbieten?
Ist das ein Laster, Götterbild!
Von dir gerührt zu seyn? **).
Gott! ist es eine Sünde
Wenn ich in dir den Himmel finde
Mit aller seiner Seeligkeit? ***).

Но въ этомъ уже стихотвореніи видно стремленіе Ленца ввести свою любовь въ прежнія невинныя границы дружбы, которыя она далеко перешагнула подъ напоромъ какъ вихрь ворвавшейся страсти †).

Schöpfer meines ganzen Glücks,
Spricht er über Tod und Leben.
(„An mein Herz", стр. 109).

*) Dann mein unschätzbar Gut! dann straft mich das Gewissen
Für meine Liebe nicht, nur dann, dann steht mirs frey;
Dann fühl ich keinen mehr von den verhassten Bissen
Als ob ich Frevler Schuld an deiner Unruh sey. („Gedichte", стр. 115).

**) Какъ, кто запретитъ мнѣ это? кто можетъ мнѣ запретить? Развѣ это порокъ быть увлеченнымъ тобою, образъ божества?

***) О Боже! развѣ это грѣхъ, что въ тебѣ я нахожу небо со всѣмъ его блаженствомъ?

†) Schilst du ein Kind, das dir die Hände küsst,
Dafür, dass du ihm freundlich bist?
Hast du mich je in den beglückten Stunden,
Da ich noch nicht verstossen war,
Wohl anders als ein Kind gefunden,
Und worin lag denn die Gefahr? (стр. 117).

Къ этому времени, когда вспыхнувшая страсть стала вновь переходить въ дружбу, относится, повидимому, стихотвореніе:

О любовь! твоимъ мученьямъ
Приравняться-ль къ наслажденьямъ
Чистой дружбы и святой?
Отъ твоихъ шиповъ страдая,
Кровью сердца истекая,
Въ дружбѣ я нашелъ покой.
Съ ней, тиранъ, я радъ порою
Посмѣяться надъ тобою *).

Въ этой борьбѣ помогла ему сама Араминта, рѣшившая остаться только въ дружбѣ съ нимъ. 4 декабря 1774 г. она внесла въ его альбомъ стихотвореніе, въ которомъ напоминаетъ ему объ его обязанностяхъ по отношенію къ отсутствующему другу и заявляетъ, что останется вѣрна жениху. Стихи подписаны: «отъ неизвѣстной, но хорошо знакомой подруги» [51]).

Такъ рисуются намъ отношенія Ленца къ Клеофѣ Фибихъ на основаніи его стихотвореній, въ которыхъ непосредственно изливалась его душа. Въ лирикѣ Ленцъ всегда замѣчательно искрененъ и правдивъ; она является наиболѣе вѣрнымъ отраженіемъ его внутренняго міра, преображеннаго прикосновеніемъ искусства и очищеннаго отъ постороннихъ внѣшнихъ примѣсей. Освобожденію отъ всесильныхъ чаръ любви способствовало разочарованіе въ личности возлюбленной.

Въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ 1775 г. была написана Ленцемъ своеобразная исповѣдь, въ подражаніе Лафатеру, подъ названіемъ: «Нравственное исправленіе поэта, описанное имъ самимъ» [52]). Она представляетъ какъ бы продолженіе «Дневника» и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаетъ новый этапъ въ сердечной жизни Ленца. Его «нравственное исправленіе» заключается въ переходѣ отъ бурной страсти къ страсбургской Цирцеѣ-Араминтѣ — къ идеальной и чуждой грѣховныхъ помысловъ любви къ сестрѣ его друга—Корнеліи Шлоссеръ.

Здѣсь Ленцъ вспомнилъ свои отношенія къ Клеофѣ Фибихъ. Онъ могъ теперь спокойнѣе оцѣнить и понять все, происшедшее между нимъ и страсбургской Цирцеей осенью 1774 г. Онъ и теперь не

---

*) „Liebe! sollte deine Pein“ и т. д. („Gedichte“, стр. 113).

вполнѣ еще считалъ себя застрахованнымъ отъ ея чаръ, но теперь, по крайней мѣрѣ, онъ вполнѣ понялъ ее, ея легкомысліе, кокетство и развращенность. «Было время, говоритъ онъ, когда я думалъ въ моей возлюбленной К(леофѣ) открыть глубину генія — и мнѣ было хорошо, — всѣ силы мои были направлены къ тому, чтобы, какъ говоритъ Шекспиръ, моей глупости дать видъ разумности». Но ему пришлось придти къ «холодному и безрадостному выводу», что «всевозможныя прелести и совершенства ума и сердца», которыми онъ ее одарялъ, «существовали только въ его воображеніи». «Все очарованіе, окружавшее Армиду, исчезло, и тамъ, гдѣ на мгновеніе передъ тѣмъ моему разгоряченному воображенію грезился идеалъ, передо мною теперь стоялъ вульгарный и — увы! я долженъ въ этомъ сознаться—отвратительный портретъ» [53]). «Какъ истинная кокетка она умѣла заставить меня вѣрить всегда, будто она меня любитъ, а черезъ минуту повергала въ полное сомнѣніе». Онъ вспоминаетъ ея прихоти и продѣлки, которыхъ онъ былъ жертвой. Въ настоящее время онъ спокойно «анатомируетъ ея сердце» и не увлечется имъ, «хотя бы оно билось въ груди флорентинской Венеры» [54]).

Онъ предостерегаетъ юношей отъ подобныхъ женщинъ: «Ахъ, милые юноши, не обманывайте себя! будьте увѣрены, что подобная женщина не любитъ васъ—она любитъ только самое себя, она не нѣжна, она только *тщеславна*, и горе вамъ тѣмъ большее, чѣмъ вы сами благороднѣе и великодушнѣе... Остерегайтесь того, чтобы ваши благороднѣйшія силы и намѣренія задремали на лонѣ Далилы, которая только потѣшается надъ вами». Какъ часто случалось съ Ленцемъ въ минуты отрезвленія отъ любовнаго чада, онъ вѣрно судилъ о своемъ положеніи. «Можетъ ли существовать любовь безъ уваженія? Конечно, она меня не любила, она любила только свое тщеславіе, божественность своей красоты и во мнѣ вѣрнаго, какъ песъ, обожателя этой красоты» [55]).

Отношенія его къ Клеофѣ оставляли «нѣкоторую пустоту» въ его сердцѣ и не соотвѣтствовали его идеальнымъ представленіямъ о любви. Исцѣленія онъ ищетъ у гётевской сестры Корнеліи [56]).

Онъ смотритъ на Корнелію, какъ на своего «ангела-хранителя» («Schutz-geist» [57]), призваннаго спасти его отъ нравственнаго паденія, отъ унизительнаго рабства легкомысленной кокеткѣ, «направить на истинный путь его душу, сбившуюся съ дороги» [58]). «Ты, ты одна—

оворитъ онъ ей—уничтожила тѣ чары, которыя иначе сдѣлали бы меня есчастнымъ» [59]). Вмѣсто «безпокойной, бурной, мучительной страсти» ъ Клеофѣ его сердце теперь наполняетъ «спокойное, сладостное, ожественное чувство» [60]). Корнелія его «первый, лучшій, священѣйшій другъ». Высокая дружба къ ней не можетъ помѣшать ему олюбить другую женщину, которая очаруетъ его фантазію всѣми сенственными совершенствами, но первое мѣсто въ сердцѣ Ленца сегда останется за Корнеліей [61]). «О, ты болѣе, чѣмъ моя муза, оя моральная подруга, направительница моего сердца, орудіе боества для охраны моей юности отъ паденій—не лишай меня твоей ружбы—иначе я самый пропащій человѣкъ среди смертныхъ» [62]). Корнелія становится ему образцемъ женщины, идеальнымъ мѣриомъ для оцѣнки другихъ. Она не только послана ему Богомъ, она ама похожа на божество: «Все твое обхожденіе имѣло для меня ѣчто подобное той высшей прелести, посредствомъ которой мы риближаемся къ божеству» [63]). Разстояніе между нами и божестомъ слишкомъ велико, чтобы наше благоговѣйное почитаніе перело въ пламя любви. «Но божество знаетъ средство заставить себя юбить. Оно является намъ въ людяхъ. Поэтому, Корнелія, я люблю ебя!» [64]).

Объ одушевляющихъ его чувствахъ Корнелія даже и не знаетъ. динъ только разъ они были вдвоемъ, являлась возможность сказть ей, но «смѣшная совѣстливость связала мнѣ языкъ» [65]). Онъ отѣлъ ей писать письма, но она и это запретила; но онъ пишетъ хъ, хотя и не можетъ отослать [66]).

Такой странной полу-любовью, полу-дружбой къ замужней женинѣ вздумалъ Ленцъ лѣчить свое сердце отъ страсти къ Араинтѣ. Его чувства къ Корнеліи были слишкомъ страстны для дружбы слишкомъ разсудочно-гиперболичны для любви. Онъ былъ слишомъ совѣстливъ для того, чтобы думать о нарушеніи семейнаго частія Шлоссера, и въ то же время былъ слишкомъ увлеченъ равственнымъ образомъ Корнеліи, чтобы ограничиться одной дружой. Такъ онъ очутился въ положеніи эквилибриста, пытающагося хранить равновѣсіе тамъ, гдѣ оно по существу дѣла невозможно.

Стихотворенія, посвященныя Ленцемъ Корнеліи, меланхолическія легіи, выдержанныя въ мягкихъ, лишенныхъ страстности тонахъ. Тако стихотвореніе «Въ Эммендингенѣ» [67]). Ленцъ не можетъ найти на

возвышающейся у Эммендингена горѣ то «святое мѣсто», гдѣ любила гулять Корнелія. Онъ завидуетъ деревьямъ, цвѣтамъ, источнику, которыхъ она подаритъ своимъ взглядомъ *).

Въ стих. «Urania» (такъ онъ называетъ Корнелію и въ упомянутой исповѣди) онъ рисуетъ свою любовь какъ никому неизвѣстную тайну своего сердца:

Du kennst mich nicht,
Wirst nie mich kennen,
Wirst nie mich nennen
Mit Flammen im Gesicht **).

Она рождена для него, неужели же онъ лишенъ ея навѣки, и неужели ея мужъ «вѣрнѣе» ей, чѣмъ онъ:

Dich missen? Nein,
Für mich geboren—
Für mich verloren?
Bey Gott es kann nicht seyn.

* * *

Sey hoch dein Freund
Und gross und theuer—
Doch ist er treuer
Als dieser, der hier weint? ***)

Подъ вліяніемъ любви къ Корнеліи возникло стихотвореніе Ленца «Petrarch». Когда Ленцъ уѣзжалъ изъ Эммендингена, она дала ему на дорогу своего Петрарку и внесла въ его альбомъ слѣдующіе стихи (изъ 24 сонета):

Si vedrem chiaro poi, come sovente
Per le cose dubbiose altri s'avanza
E come spesso indarno si sospira ****).

---

*) Aber sie wird, wenn sie euch vorbeygèht,
Süssern Schauer empfinden, sie wird euch
Mit ihren Blicken segnen, ihr werdet
Glücklicher seyn, als ich.

**) „Ты не знаешь меня, никогда не будешь знать, никогда не будешь называть меня съ пламенемъ въ лицѣ“.

***) „Тебя лишиться? Нѣтъ, ты для меня рождена,—и ты для мѣня потеряна? Клянусь Богомъ, этого не можетъ быть. Пусть твой другъ и великъ, и высокъ, и дорогъ, но вѣрнѣе ли онъ того, который здѣсь плачетъ?“

Петрарка самъ по себѣ интересовалъ «бурныхъ геніевъ». Они чувствовали свое внутреннее родство съ итальянскими и нѣмецкими гуманистами, видѣли сходство въ идеалахъ, въ своемъ отношеніи къ обществу, въ своей борьбѣ противъ установленнаго. Крайніе индивидуалисты они не могли не уважать одного изъ предшественниковъ индивидуализма, перваго гуманиста, человѣка, начавшаго относиться съ серьезною внимательностью къ своему внутреннему міру. «Петрарка—родоначальникъ нашей свободы» писалъ Ленцъ къ одному изъ своихъ друзей [69]). Нѣмецкіе анакреонтики, заинтересовавшіеся любовной лирикой Петрарки, подготовили почву для популярности пѣвца Лауры въ Германіи [70]). Клингеръ перевелъ знаменитую канцону Le tre sorelle и сильно интересовался итальянскимъ поэтомъ. Петрарка вдохновилъ его къ трогательному эпизоду въ пьесѣ «Neue Arria» [71]). «Альманахъ нѣмецкихъ музъ» отмѣчалъ «господствующій теперь энтузіазмъ многихъ поэтовъ и критиковъ къ Петраркѣ» [72]).

Если мужественный Клингеръ удѣлялъ вниманіе нѣжному пѣвцу Лауры, то еще большее тяготѣніе къ нему долженъ былъ чувствовать Ленцъ, несчастный любовникъ par exellence, вѣчно недовольный людьми и собой, меланхолическій мечтатель, подверженный недугу, похожему на петрарковскую acedia. Корнелія въ его глазахъ легко могла сойти за Лауру, а самого себя онъ чувствовалъ въ положеніи Петрарки.

Тѣмъ не менѣе «Петрарка»—одно изъ слабѣйшихъ произведеній Ленца, лишенное главнаго—непосредственнаго вѣянія жизни. Это стихотвореніе «aus seinen Liedern gezogen», оно чисто литературнаго происхожденія; въ основѣ его не лежатъ реальные факты, непосредственно пережитые Ленцемъ. Обрывки дѣйствительности вплетены въ ткань, заимствованную изъ «Canzoniere» итальянскаго поэта и его біографіи. Ленцъ былъ слишкомъ реалистъ, чтобы писать подобныя литературныя упражненія удачно. Всякій разъ какъ онъ не исходитъ изъ реальной дѣйствительности, отъ его произведеній вѣетъ холодомъ и выдуманностью. «Петрарка» не выше его юношескаго стихотворенія «Посланіе Танкреда къ Ринальдо», написанному по Торквато Тассо.

Самое чувство Ленца къ Корнеліи, эта полулюбовь и полудружба съ значительною примѣсью фантазіи, не могло ему дать почву для

такого же искренняго тона, какъ у настоящаго пѣвца настоящей Лауры.

Кое-гдѣ въ стихотвореніи пробиваются автобіографическія черты, иногда радуетъ счастливый оборотъ, хорошее сравненіе. Иногда слышатся отголоски воззрѣній штюрмера, культъ сердца, превозглашеніе его правъ:

Hat
Er, der die Sterne lenckt, umsonst geschaffen?
Er weiset mir den Weg, giebt mir die Waffen!
Dies Herz, das er in diese Brust gelegt,
Ist auch sein Werk, wie die, für die es schlägt *)

Въ первой пѣснѣ описывается первая встрѣча Петрарки съ Лаурой въ церкви, напоминающая сцену между Фаустомъ и Маргаритой, идущею изъ церкви. Во второй пѣснѣ, въ противность исторіи, другъ Петрарки Колонна является его счастливымъ соперникомъ и женится на Лаурѣ. Этимъ вымысломъ Ленцъ, конечно, намекаетъ на свои отношенія къ Шлоссеру и его женѣ [73]). Третья пѣснь заключаетъ жалобы Петрарки на свою судьбу и его встрѣчу съ замужней Лаурой. Конецъ стихотворенія трудно понять, что замѣчалъ еще критикъ «Всеобщей нѣмецкой библіотеки [74]). Изъ журналовъ только «Альманахъ нѣмецкихъ музъ» встрѣтилъ стихотвореніе сочувственно [75]).

Подобно Петраркѣ, Ленцъ пережилъ свою Лауру: Корнелія умерла черезъ два года, въ іюнѣ 1777 г. [76]). Въ стихотвореніи на ея смерть Ленцъ выставляетъ ее преимущественно своимъ ангеломъ хранителемъ, оказывавшимъ благотворное нравственное вліяніе:

Mein Schutzgeist ist dahin, die Gottheit die mich führte
Am Rande jeglicher Gefahr,
Und wenn mein Herz erstorben war
Die Gottheit die es wieder rührte **).

---

*) „Развѣ напрасно творилъ тотъ, кто управляетъ звѣздами! Онъ показываетъ мнѣ путь, даетъ мнѣ оружіе! Это сердце, которое онъ вложилъ въ эту грудь, есть точно также его твореніе, какъ и то сердце, за которое оно бьется“. Gedichte, 138.

**) „Нѣтъ болѣе моего ангела хранителя, нѣтъ божества, которое руководило мною на краю всякой опасности и оживляло мое сердце, если оно замирало“. Gedichte, 226—227.

Здѣсь онъ уже не выходитъ изъ границъ дружбы, которыя имъ такъ легко нарушались при жизни Корнеліи.

«Исповѣдь» Ленца не была, однако, только выраженіемъ полулюбовнаго, полудружескаго энтузіазма къ сестрѣ Гёте. Это — въ то же время исповѣдь его души, любопытный психологическій документъ, вводящій насъ въ тайники душевнаго міра автора. Съ полною откровенностью сознается здѣсь Ленцъ въ движеніяхъ своей души, всѣхъ безъ исключенія, даже самыхъ непохвальныхъ. Подобно Гамлету, онъ даже готовъ преувеличить свои недостатки или приписать себѣ несуществующіе. Подобно Гамлету, онъ чувствуетъ болѣзненное удовольствіе отъ самобичеванія и раскрытія собственной несостоятельности. Онъ мечетъ перуны противъ общества, къ своему времени онъ прилагаетъ гамлетовское «the time is out of joint», считаетъ себя то же призваннымъ «вправить его въ колею» и также мучится отъ собственныхъ несовершенствъ и недостатковъ.

«О святой ангелъ! взываетъ онъ къ Корнеліи: ненавидь меня— и ты будешь ближе къ божеству, ты получишь его благоволеніе, и оно дастъ тебѣ въ руки средства наказать меня навѣки» [77]). Присутствіе «низкихъ отвратительныхъ страстей» чувствуетъ онъ въ душѣ своей: «Что въ томъ, что онѣ не выражаются въ дѣйствіяхъ?» [78]). Онъ признается въ зависти къ славѣ Гёте, онъ страдаетъ мучительно, слыша, что ему приписываются собственныя его, Ленца, произведенія, видя, что «одно только имя Гёте дѣлаетъ читателей внимательными и любознательными, а критиковъ осторожными и почтительными по отношеніи къ бѣднымъ дѣтямъ вдохновенія» Ленца. «Въ высшей степени дѣтскій страхъ, что нашихъ произведеній не будутъ различать,—это коршунъ, грызущій и никогда не покидающій меня. Несчастный, говорю я самъ себѣ: развѣ Гёте такъ бѣденъ, развѣ изобиліе его генія такъ истощилось, что ему нужно обогощать себя твоими сокровищами? Посмотри на его произведенія— одинъ взглядъ на его Геца, одинъ взглядъ на его Вертера заставляютъ меня краснѣть превыше мѣры. Проклятый шопотъ филистеровъ съ ихъ похвалой или хулой — вотъ что дѣлаетъ меня такимъ маленькимъ» [79]). Онъ упрекаетъ себя также въ тщеславіи, въ суетности. «Я чувствую, что во мнѣ налицо всѣ задатки къ тому, чтобы сдѣлаться самымъ дурнымъ человѣкомъ на всемъ земномъ

шарѣ, — это всякій разъ, какъ я влюбляюсь въ самого себя. Какая дурная, постыдная и жалкая черта характера—тщеславіе!» [80]).

Положеніе, обстоятельства держатъ его въ оковахъ и мѣшаютъ ему сдѣлаться «самымъ дурнымъ человѣкомъ на землѣ». «Я принужденъ быть добрымъ; что будетъ со мною, благодѣтельная природа, если я отпаду отъ твоей груди? И все же мнѣ невыносимо, что добрыя движенія, которыя я чувствую въ сердцѣ, принадлежатъ не мнѣ, но случаю, не добровольны, но вынуждены [81]). Откровенно относитъ онъ себя къ «рѣдкой и чудной породѣ людей» [82]).

Эта покаянная лѣтопись Ленца подкупаетъ насъ своею искренностью, своею непосредственностью, своей горячей жаждой самоисправленія и самоулучшенія. Это лирическая повѣсть въ родѣ тургеневскаго «Довольно», плачъ надъ разбитыми надеждами, горькое разочарованіе въ самомъ себѣ, въ своей жизни, въ своемъ призваніи. Но это не отходная, какъ у героя Тургенева: здѣсь слышится біеніе болѣе дѣятельной жизни, чувствуется возможность болѣе благопріятнаго исхода. При всей болѣзни своей воли, при всей надломленности своего духовнаго организма, Ленцъ все же не былъ «лишнимъ человѣкомъ». Его яркій талантъ выдѣляетъ его изъ среды подобныхъ безполезныхъ коптителей неба.

Его сердце было первымъ его врагомъ, а его любовь являлась лишь средствомъ самоистязанія. Онъ обладалъ печальною способностью помѣщать свои нѣжнѣйшія сердечныя привязанности самымъ неудачнымъ образомъ, туда, гдѣ онѣ были совсѣмъ не у мѣста. Начинаетъ онъ съ любви къ Фридерикѣ, покинутой Гёте, которая такъ еще была полна миновавшимъ счастьемъ и такъ убита настоящимъ горемъ, что изъявлять притязанія на ея сердце могъ только такой фантастъ и сумасбродъ, какимъ былъ Ленцъ. Второй разъ помѣстилъ онъ свое сердце также неудачно: оставивъ безутѣшную Фридерику, онъ отдалъ себя въ руки чужой невѣсты, отчаянной кокетки, обладавшей далеко не тѣми свойствами ума и сердца, которыя рисовались ему въ его воспаленномъ воображеніи. Исцѣленія отъ ранъ, нанесенныхъ ему легкомысленной красавицей, онъ ищетъ въ своихъ странныхъ отношеніяхъ къ Корнеліи Шлоссеръ, замужней женщинѣ, счастливой въ своей семьѣ. Затѣмъ у него разгорается любовь къ Генріеттѣ Вальднеръ, кровной аристократкѣ, недоступной ему по своему общественному положенію.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ новомъ этапѣ его сердечной жизни. Источникъ этой новой страсти былъ крайне оригинальнаго свойства. Ленцъ влюбился въ Генріетту заочно, никогда не видавъ ее въ глаза, а только наслушавшись разсказовъ о ней отъ нѣкоей Луизы Кенигъ и восхитившись ея письмами къ послѣдней! [83]) Въ маѣ 1775 г., когда онъ началъ писать свои изліянія Корнеліи Шлоссеръ («Moralische Bekehrung eines Poeten»), онъ уже былъ неравнодушенъ къ своей красавицѣ-невидимкѣ. Въ концѣ первой главы онъ сознается Корнеліи, что знаетъ одну женщину, которая можетъ быть ей опасна: «она имѣетъ всѣ твои достоинства и свободна», но онъ спѣшитъ прибавить, что счастье съ этой женщиной, подъ которой разумѣется, конечно, Генріетта, не помѣшало бы ему считать Корнелію своимъ «первымъ другомъ», «ангеломъ», «утѣшеніемъ» и т. д. [84]). Во время посѣщенія Гёте въ маѣ и іюлѣ 1775 года, Ленцъ подѣлился новой тайной своего сердца съ своимъ другомъ, какъ видно изъ письма его къ Софіи Ларошъ отъ 31-го іюля: «Вы желаете мнѣ возлюбленную? Какая доброта души заставила васъ высказать именно это пожеланіе? О пусть она — будетъ вашимъ подобіемъ — хотя я еще не знаю лично ни васъ, ни ее. Но если судить по вашимъ и ея письмамъ, то должно быть удивительное сходство во всемъ вашемъ способѣ мыслить, жить и смотрѣть на вещи. Помилосердствуйте! Не спрашивайте объ ея имени ни меня, ни Гёте» [85]). Сравненіе съ Софіей Ларошъ показываетъ, что и въ Генріеттѣ, по ея письмамъ къ Луизѣ Кёнигъ, Ленцъ подмѣтилъ ту «schöne Seele», по которой съ ума сходило его время.

Лѣтомъ 1775 года, продолжая и оканчивая свои лирическія изліянія, посвященныя Корнеліи, Ленцъ, въ то же время, въ рядѣ стихотвореній тоскуетъ по очаровательной незнакомкѣ Генріеттѣ Вальднеръ и жаждетъ свиданія съ нею. То ему хочется обратиться въ источникъ, гдѣ купалась его богиня *). То онъ жалѣетъ, что онъ не зефиръ, не сильфъ, чтобы перенестись къ обожаемой Генріеттѣ, мышью вползти въ ея домъ; что не въ его силахъ сравнять тѣ горы, которыми она отдѣлена отъ него **).

---

*) Ich will, ich will den nagenden Beschwerden
Ein Ende machen, will zur Quelle werden (158, № 54).

**) Wie mach ich es? wo heb ich Berge aus
Mich ihr zu nähern? wer kommt mir zu Hülfe?

Онъ хотѣлъ бы отдаться въ руки волшебнику, принять тысячу образовъ, претерпѣть тысячу смертей, лишь бы испытать счастье увидѣть ее *). Онъ желалъ бы превратиться въ птицу, чтобы въ пѣснѣ открыть Генріеттѣ страданія своего сердца [86]). Онъ сокрушается, что возлюбленная не знаетъ его, а онъ не видалъ ея ни разу [87]).

Зимою 1775—76 года наступилъ давно желанный моментъ: Ленцъ увидалъ Генріетту и затѣмъ познакомился съ нею черезъ Луизу Кёнигъ [88]). Надо ли говорить, что и эта любовь его была несчастна. Въ стихотвореніи, помѣченномъ 28 дек. 1775 г., онъ уже говоритъ «о глубокой и смертельной ранѣ», поразившей его сердце. Онъ ставитъ теперь Генріетту выше Корнеліи, олицетворенной добродѣтели [89]).

Въ письмѣ къ Лафатеру (въ январѣ 1776 г.) Ленцъ предлагаетъ портретъ Генріетты для помѣщенія въ «Физіогномикѣ» и дѣлаетъ ея восторженную характеристику, называя «идеальнымъ образомъ женскаго совершенства». Она знатнаго происхожденія, но личными своими качествами «стоитъ безконечно выше» того сословія, къ которому она принадлежитъ. Въ ней онъ находитъ самый необычайный, самый возвышенный геній въ соединеніи съ проницательнымъ взглядомъ въ глубочайшую сущность всѣхъ предметовъ! [90]) Черезъ нѣсколько времени Ленцъ пересылаетъ Лафатеру письмо своей богини, уважавшей, подобно ему, цюрихскаго «божьяго человѣка». Она обыкновенно пишетъ по-французски, и нѣмецкое письмо къ Лафатеру ей стоило не мало труда: «Но и здѣсь ты найдешь всю ея прекрасную душу»—прибавлялъ влюбленный [91]).

Кромѣ лирическихъ стихотвореній, любовь къ баронессѣ Вальднеръ внушила Ленцу два драматическихъ произведенія написанныхъ зимою 1775—76 гг.: «Философъ по милости друзей» и «Англичанинъ».

O wär ich leicht wie Zefir, wie ein Sylphe,
Ach oder dürft ich in ihr Haus
Unmerkbar leise wie die Maus! (Ibid.).

*) O wär ein Zaubrer da, mich zu zerschneiden, spalten
Mich tausendartig zu gestalten:
Gönnt er mir nur das Glück ihr Angesicht zu sehn,
In tausend Tode wollt ich gehn.

Позже, въ Веймарѣ онъ набрасываетъ пьесу «Генріетта ф. Вальдекъ» и романъ «Отшельникъ», въ которыхъ выдающаяся роль удѣлена той же Генріеттѣ *).

Дружба и любовь должны были спасать Ленца отъ окружающей его страсбургской жизни, на которую онъ смотрѣлъ глазами принца Танди. Страсбургское общество упрекаетъ онъ за нравственную распущенность и за стѣснительные оковы, которые оно налагаетъ за отдѣльную личность. По его словамъ, большинству страсбургской молодежи прямо «невозможно» найти «разумную мысль или благородное чувство». Разсѣянная и чувственная жизнь, обусловливаемая теплымъ климатомъ и національнымъ характеромъ, вѣчная сутолока «разряженныхъ дамъ и кавалеровъ» въ концѣ-концовъ «притупляетъ» ихъ способность воспріятія, дѣлаетъ изъ нихъ существа, лишенныя человѣческаго образа, человѣческаго смысла и человѣческаго чувства [92]).

Съ другой стороны, стѣснительны и оковы жизни въ обществѣ, «гдѣ всегда нужно представляться довольнымъ и веселымъ», приходить всегда въ домъ «съ праздничнымъ видомъ». Между тѣмъ «человѣческая природа выноситъ вѣчно продолжающееся удовольствіе такъ же мало, какъ поле — непрерывающееся солнечное сіяніе. Черезъ это возникаетъ наконецъ такая засуха, что и люди, и скотъ изнемогаютъ». Хорошо онъ чувствовалъ бы себя тамъ, гдѣ, смотря по собственному желанію, онъ или могъ бы бродить, «повѣся носъ», или хохотать, если хохочется [93]). Ему горько имѣть вокругъ себя «жалкія и пошлыя созданія», но, ни одной груди, на которой можно было бы найти успокоеніе [94]). «Я живу — писалъ онъ Гердеру: «въ страшной и ужасной пустынѣ». «Нигдѣ нѣтъ и помину о благородномъ чувствѣ, которое идетъ изъ сердца, а не является простымъ эхомъ» [95]).

Разсѣянная и распущенная жизнь страсбургской молодежи изображена Ленцемъ въ комедіи «Философъ по милости друзей». Дѣйствіе происходитъ въ Кадиксѣ, но подъ покровомъ испанскихъ нравовъ, легко открыть страсбургскія впечатлѣнія Ленца, такъ какъ и вообще пьеса не имѣетъ въ себѣ ничего испанскаго, кромѣ мѣста дѣйствія и именъ дѣйствующихъ лицъ [96]).

---

*) См. ниже гл. XI и XII.

Таковъ былъ общій темный фонъ жизни Ленца, полной разочарованій, томленій, борьбы со свѣтомъ и съ самимъ собою.

Ко всему этому присоединялись огорченія отъ размолвки съ родными, продолжавшими косо смотрѣть на его страсбургскую жизнь и требовавшими его возвращенія въ Лифляндію. Еще въ сентябрѣ 1772 г. въ письмѣ, адресованномъ въ Фортъ - Луи, братъ Ленца Іоганнъ Христіанъ умолялъ его возвратиться домой, предлагая свои услуги для устраненія всѣхъ возможныхъ препятствій [97]). Въ «Дневникѣ», относящемся къ 1774 г., Ленцъ прямо говоритъ, что отецъ зоветъ его домой [98]). Къ этому времени, вѣроятно, относится, какъ думаетъ Вейнгольдъ [99]), стихотвореніе «Къ солнцу», въ которомъ Ленцъ, прославляя теплое солнце Эльзаса, выражаетъ желаніе остаться долѣе подъ вліяніемъ его ласкающихъ лучей и не мѣнять ихъ на холодную родину. Такая же мысль выражена въ стихотвореніи «Утѣшеніе» [100]).

Въ 1775 году недовольство стараго Ленца противъ блуднаго сына увеличивается. Въ іюнѣ мать пишетъ ему нѣжное и трогательное письмо, разсказывая, какъ уже много лѣтъ (изъ родительскаго дома Ленцъ уѣхалъ лѣтомъ 1768 г.) тщетно ждетъ она возвращенія своего «дорогого Якоба», пролила много слезъ, вознося за него горячія молитвы Богу. «До какихъ же поръ ты будешь такъ блуждать—продолжаетъ скорбящая мать,—и погружаться въ такія недостойныя дѣла? Ахъ, прими же къ сердцу то, что пишетъ тебѣ твой отецъ, вѣдь это истина, прими это только къ сердцу и подумай, что изъ тебя выйдетъ! Я одобряю все, что написалъ папа» [101]).

Письмо отца не сохранилось, но о содержаніи его можно судить отчасти по приведеннымъ фразамъ изъ письма матери Ленца, отчасти по письму его брата Іоганна къ отцу. Благодаря за сообщеніе свѣдѣній о Якобѣ, Іоганнъ продолжаетъ: «Что сказать мнѣ о томъ родѣ жизни, который онъ избралъ? Ваши доводы противъ него сильны и непровержимы и, безъ сомнѣнія, въ свое время они сдѣлаются для него столь же свѣтлыми и убѣдительными, какъ и для насъ, въ особенности, если у него бо́льшее значеніе начнутъ пріобрѣтать послѣднія побудительныя причины, проистекающія изъ природы человѣка (я разумѣю брачное состояніе») [102]).

Ясно, что отецъ и семья были противъ его писательской профессіи, какъ довлѣющей самой себѣ; они требовали, чтобы онъ избралъ себѣ какую-нибудь опредѣленную буржуазную карьеру, ко-

торая избавила бы его отъ того «предосудительнаго», съ ихъ точки зрѣнія, «образа жизни», который онъ велъ въ Страсбургѣ. Однимъ изъ средствъ «остепенить» «блуднаго сына» являлась женитьба. Въ спасительность этого послѣдняго средства старикъ Ленцъ, какъ увидимъ, вѣровалъ почти до конца жизни своего несчастнаго сына.

Направленіе его писательской дѣятельности также вызывало порицаніе со стороны суроваго пастора, котораго должны были затронуть за живое насмѣшки надъ піэтистами въ «Новомъ Менозѣ». Іоганнъ Ленцъ согласенъ съ нападками отца, но находитъ извиненіе брату въ «модномъ вкусѣ» времени и «въ особенности» въ дурномъ вліяніи «его друга Гёте» (sic!). Все это заставило его «геній» «понестись, закусивъ удила». Кромѣ того, Якобъ также «ослѣпленъ своимъ блестящимъ успѣхомъ въ Германіи». Іоганнъ выражаетъ надежду, что придетъ время, когда Якобъ вспомнитъ объ обязанностяхъ своихъ, «какъ гражданина міра и честнаго человѣка и въ особенности какъ христіанина» по отношенію къ ближнимъ [103]).

Такъ писалъ Іоганнъ Ленцъ, изъ всѣхъ братьевъ наиболѣе расположенный къ нашему поэту, тотъ самый, о которомъ послѣдній говорилъ, что онъ единственный человѣкъ, который понимаетъ его [104]). Суровѣе были обличенія отца и старшаго брата—пастора, котораго самъ Ленцъ въ письмѣ къ Гердеру называетъ «наполовину своимъ врагомъ» [105]).

Ленцъ увидѣлъ себя вынужденнымъ защищаться въ письмѣ къ родителямъ 18 ноября 1775 г. [106]). Цѣли своей оно, очевидно, не достигло и сдѣлало нападки на него родныхъ еще болѣе рѣзкими, какъ можно судить изъ письма того же Іоганна Ленца отцу 29 января 1776 года. «Какъ и вы, я нахожу его письмо полнымъ фантазерства и до такой степени неудовлетворяющимъ такого нѣжнаго и добраго отца, что я не желалъ бы написать его. Очень жаль, что онъ уклонился на пагубный путь изученія изящныхъ наукъ, не поставивши себѣ никакой опредѣленной цѣли». Отецъ былъ и противъ путешествія сына въ Англію и Италію (о чемъ онъ, очевидно, писалъ 18 ноября) и смущался тѣмъ, что онъ ѣдетъ съ евреемъ. Іоганнъ старается въ этомъ случаѣ оправдать брата, указывая на пользу подобнаго путешествія. Богословскіе взгляды, выраженные Ленцемъ въ соч. «Meinungen eines Laien» (1775), также тревожили стараго пастора, заклятого врага раціоналистическихъ взглядовъ въ

этой области. Судя по словамъ Іоганна, Ленцъ оправдывался и въ этомъ отношеніи передъ отцомъ и утверждалъ, что не расходится съ нимъ въ богословскихъ взглядахъ. Допуская это, Іоганнъ отмѣчаетъ разногласіе между отцомъ и сыномъ по вопросу «о театрѣ и изящныхъ наукахъ», котораго Якобъ не коснулся въ своемъ оправдательномъ письмѣ. «Однако, можетъ быть, онъ опасался оскорбить васъ защитой своего вкуса и той секты, къ которой онъ привязался (гердеро-гетевской и отчасти клопштоковской), такъ какъ онъ, вѣроятно, считаетъ васъ неблагосклоннымъ къ ней». Іоганна утѣшаетъ только то, что эта «секта» является защитницей религіи, нравственности и добродѣтели, почему и противоположна «сектѣ» Виланда. Но онъ не оправдываетъ брата за предосудительный элементъ въ его комедіяхъ и сваливаетъ попрежнему всю вину на Гёте: «Его испортилъ Гёте своимъ новымъ свободнымъ языкомъ». Тѣмъ не менѣе и на этотъ разъ Іоганнъ выражалъ увѣренность, что время «фантазерства», «которое въ значительной степени является слѣдствіемъ доброты и чувствительности души», минуетъ для Якоба, и онъ, созрѣвши духомъ, сдѣлается честнымъ и полезнымъ членомъ общества [107]).

Отвѣтъ сыну былъ, вѣроятно, въ такомъ же духѣ, но только суровѣе. Онъ не сохранился, но, очевидно, глубоко огорчилъ Ленца. Чтобы смягчить разгнѣваннаго отца, къ которому Ленцъ никогда не переставалъ относиться съ глубокимъ уваженіемъ, онъ написалъ 3 марта 1776 стихотвореніе «Къ моему отцу», въ которомъ онъ напоминаетъ отцу сцену ихъ разставанія въ Тарвастѣ, когда, провожая сына въ Кенигсбергъ, отецъ далъ ему цвѣтокъ и сказалъ: «не забывай меня!» [108])

Но стихотворенія, какъ бы нѣжно и прочувствованно ни было оно, было, конечно, недостаточно, чтобы смягчить отца. Черезъ нѣкоторое время, уже изъ Веймара, Ленцъ снова оправдывается передъ отцомъ. «Я издѣваюсь надъ вами?—вотъ мысль, которая могла бы меня убить, если бы только я не могъ надѣяться, что ея источникъ ваше перо, а не ваше сердце. Вижу, отецъ, что такова уже моя судьба, которой мнѣ не измѣнить,—быть постоянно въ недоразумѣніяхъ съ вами и всѣми родными, вслѣдствіе отдаленности времени и мѣста».

«Свѣтъ великъ, отецъ, и кругъ дѣятельности разнообразенъ. Всѣ люди не могутъ имѣть одни и тѣ же воззрѣнія или, можетъ быть,

только одинаковый способъ выражать ихъ. Какъ ни мало совершенно можетъ быть то, что въ каждой области человѣческаго знанія называется *современнымъ*, все же вы сами не можете совершенно отрицать того, что молодымъ людямъ необходимо съ этимъ освоиться, если они хотятъ быть полезными міру» *).

Здѣсь Ленцъ очень мѣтко указываетъ на причину своихъ разногласій съ отцомъ; дѣло въ томъ, что старый пасторъ отличался большою нетерпимостью къ взглядамъ, мнѣніямъ, убѣжденіямъ и образу жизни, отличнымъ отъ его собственныхъ. Ему былъ свойственъ извѣстный нравственный деспотизмъ, отсутствіе гибкости души и широты ума, заставлявшіе его отрицательно относиться ко всему, что не укладывалось въ рамки усвоеннаго имъ однажды навсегда міросозерцанія. Это видно изъ всей его вражды къ «гётевско-гердеровской сектѣ», изъ всѣхъ его нападковъ на сына. Онъ былъ гораздо нетерпимѣе Гёте-отца, получившаго болѣе свѣтское воспитаніе и путешествіемъ въ Италію развившаго въ себѣ бо́льшую широту ума и менѣе узкіе взгляды на жизнь и ея задачи.

Произведенія Ленца 1775—1776 гг. испещрены намеками на его отношенія къ отцу. Особенно нужно это сказать объ его «субъективныхъ» драмахъ «Философъ по милости друзей» и «Англичанинъ». Ленцъ скрывается въ первой пьесѣ подъ именемъ Стрефона, а во второй—англичанина Роберта Гота.

Въ первой пьесѣ обращаетъ на себя вниманіе прежде всего слѣдующій діалогъ изъ 2-й сц. I акта:

Дорантино. ...Какъ твои финансы? Имѣешь ли ты извѣстіе отъ отца?

Стрефонъ. Ночью будетъ дождь.

Дорантино. Да, ты слишкомъ добръ, милое дитя. (*Къ Аристу*) Сами посудите: семь лѣтъ не присылаетъ ему денегъ, только потому, что онъ не хочетъ въ потѣ лица похоронить свои таланты на родинѣ [109]).

Характерно и окончаніе этой сцены, отчасти объясняющее причины отказа Ленца возвратиться въ Лифляндію:

Аристъ. И почему ты, несчастный, не возвращаешься домой? Виноватъ ли твой отецъ, что онъ оставляетъ тебя погибать въ ни-

---

*) См. Приложеніе А. № 14. (*По рукописи Рижской Городской Библіотеки*).

щетѣ, когда твое упрямство... (*останавливается, видя, что Стрефонъ падаетъ на стулъ*).

Стрефонъ. Еще, еще, братъ, я заслуживаю большаго...

Аристъ. Кто удерживаетъ тебя? Твои друзья, которые тебя портятъ? открыться которымъ даже у тебя не хватаетъ мужества.

Стрефонъ. Конечно—моя гордость—моя свобода...

Въ пятой сценѣ Аристъ снова уговариваетъ Стрефона возвратиться съ нимъ на родину: «Такого случая больше не представится, и отецъ вашъ очень разсерженъ». Стрефонъ закрываетъ лицо руками и отвѣчаетъ вздохомъ. «Что скажетъ онъ—продолжаетъ Аристъ,—если узнаетъ, что вы могли бы со мною вернуться и не захотѣли»?

Стрефонъ. Пощадите!

Аристъ. Я не могу щадить васъ. Уже восемь лѣтъ вы не видали его, блуждаете и слѣдуете вашимъ недостойнымъ прихотямъ.

Стефонъ (*возбужденно*). Братъ, тихая страна мертвыхъ не страшна и не пустынна тамъ для меня, какъ мое отечество. Даже во снѣ, если волненія крови рисуютъ передо мною истинно ужасныя картины, мнится мнѣ, будто вижу я мое отечество [110]).

Усилія Ариста остаются тщетными. Онъ готовится уйти, замѣчая, что, вѣроятно, имъ никогда уже болѣе не увидѣться.

Стрефонъ. Никогда? — Прощайте! Привѣтъ моимъ родителямъ! (*Вырывается изъ объятій Ариста и уходитъ почти безъ чувствъ*).

Эти сцены рисуютъ намъ ту борьбу, которая постоянно происходила въ душѣ Ленца между привязанностью къ своимъ родителямъ, которыхъ онъ желалъ бы избавить отъ малѣйшаго огорченія, и невозможностью исполнить ихъ требованія возвратиться въ Лифляндію. Послѣдняя представлялась ему страной смерти; онъ съ ужасомъ думалъ о необходимости оторваться отъ кипучей жизни на берегахъ Рейна, полной живыхъ умственныхъ интересовъ. Трудно было ему покинуть страну, гдѣ бился тогда пульсъ нѣмецкой жизни, находившій лишь слабый откликъ въ ея периферіи, далекой Лифляндіи, медвѣжьемъ углѣ нѣмецкой цивилизаціи, странѣ, гдѣ достоинства нѣмецкой культуры прошлаго вѣка были выражены гораздо слабѣе, а ея недостатки — узкіе мелко-буржуазные интересы — гораздо сильнѣе.

Въ «Англичанинѣ» юный Робертъ входитъ въ конфликтъ съ

отцомъ, требующимъ его возвращенія изъ Италіи въ Англію и выбирающимъ ему невѣсту.

Робертъ. Утромъ пріѣдетъ отецъ, чтобы вернуть меня въ Англію. Приди, прекрасная Армида, и спаси меня! Дай мнѣ тебя еще разъ смиренно лицезрѣть, чтобы затѣмъ этимъ оружіемъ покончить съ собой и такимъ образомъ отнять у отца на вѣки ту жестокую власть, которую онъ надо мною имѣетъ. Вернуть меня въ Англію! Пристроить меня къ общественнымъ дѣламъ! Женить меня на дочери Гамильтона!

Если далѣе Робертъ рекомендуется принцессѣ Армидѣ «гордостью и надеждой своего отца», то это опять-таки черта автобіографическая: именно такъ смотрѣлъ старикъ Ленцъ на своего талантливаго сына, видя въ немъ своего лучшаго замѣстителя; тѣмъ обиднѣе было для него разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ. «Братъ Карлъ, — писалъ Ленцъ отцу — не обманетъ такъ жестоко надежды своего отца, какъ я» [112]).

«Вы не оправдали тѣхъ прекрасныхъ надеждъ, которыя возлагала на васъ ваша родина» [113]), говоритъ также священникъ умирающему Роберту. Припомнимъ, что еще пасторъ Ольдекопъ, печатая юношеское произведеніе Ленца, выразилъ мнѣніе, что Лифляндія возлагаетъ надежды на талантливаго поэта. Этотъ мотивъ проглядываетъ и въ семейной перепискѣ Ленца.

Тоску отъ своихъ любовныхъ неудачъ и житейскаго разочарованія Ленцъ разгонялъ усиленною литературною дѣятельностью. Лѣтомъ 1775 г. онъ закончилъ три крупныхъ своихъ произведенія: драму «Солдаты», комедію въ аристофановскомъ вкусѣ «Облака» и литературную сатиру въ драматической формѣ «Pandaemonium Germanicum». Въ двадцатыхъ числахъ іюля онъ послалъ рукопись драмы «Солдаты» Гердеру въ Бюкебургъ для печатанія [115]). Черезъ мѣсяцъ, 28 августа, онъ обѣщаетъ прислать комедію «Облака» [116]), но, вмѣсто Гердера, посылаетъ рукопись 3 сентября Лафатеру [117]). Въ сентябрѣ Ленцъ упоминаетъ о своемъ «Pandaemonium Germanicum», какъ о готовомъ произведеніи, находящемся въ рукахъ Гердера [118]). «Солдаты» были напечатаны только въ 1776 г., «Облака», по напечатаніи, въ томъ же году были уничтожены, по желанію Ленца, и не дошли до насъ, а «Pandaemonium» сохранился въ рукописи, изданной только въ 1819 году. Въ это

время Ленцъ трудился также надъ переводомъ шекспировскаго «Коріолана» [119]), печатаетъ въ журналѣ «Iris» Якоби переводъ изъ Оссіана и выпускаетъ двѣ сатиры противъ Виланда [120]). Къ тому же времени относятся нѣкоторыя другія драматическія произведенія, а также наброски Ленца.

Съ осени 1775 года начинается дѣятельное участіе Ленца въ Страсбургскомъ литературномъ обществѣ, основанномъ благодаря его иниціативѣ. Старое зальцманновское общество, процвѣтавшее въ 1771—74 годахъ, теперь, повидимому, едва влачило свое существованіе или принимало направленіе, несимпатичное Ленцу, какъ это видно изъ письма его къ Гёте, которое должно быть отнесено къ первой половинѣ 1775 г. (или даже къ 1774 г.) [121]).

Недовольный дѣятельностью стараго общества, Ленцъ задумалъ учредить новое. Вначалѣ оно, повидимому, носило совершенно частный характеръ и не имѣло никакой организаціи. Такъ можно судить по письму Ленца къ Бойе 2 окт. 1775 г.: «У меня въ Страсбургѣ есть кружокъ юныхъ ученыхъ друзей, которые, ободренные вашимъ письмомъ, готовы работать для отечества» [122]).

8 октября 1775 года общество было учреждено подъ названіемъ «Deutsche Gesellschaft in Strasburg» или «Gesellschaft deutscher Sprache» [123]). 2-го ноября состоялось первое собраніе въ домѣ актуарія Зальцманна. «При этомъ случаѣ, — говорится въ протоколѣ общества,—господинъ Ленцъ, какъ секретарь, произнесъ рѣчь о преимуществахъ подобнаго рода союзовъ для выработки ожидаемаго общаго нѣмецкаго языка» [124]).

Протоколъ обрывается на 9 января 1777 года. До этого времени оно имѣло 34 засѣданія, въ которыхъ выдающаяся роль, до отъѣзда его въ Веймаръ въ мартѣ 1776 г., принадлежала Ленцу. Въ теченіе первыхъ 18 засѣданій Ленцъ десять разъ выступалъ со своими произведеніями. По случаю его отъѣзда въ Веймаръ, временнымъ секретаремъ, заступающимъ мѣсто Ленца, былъ избранъ (28 марта 1776) Фридр. Рудольфъ Зальцманнъ—двоюродный братъ «актуарія» Зальцманна. Что касается послѣдняго, то его роль въ новомъ обществѣ была, повидимому, значительно меньше, чѣмъ въ старомъ. Въ спискѣ членовъ онъ даже вовсе не значится, хотя, несомнѣнно, принималъ въ немъ участіе (8 авг. 1776 г. Михаэлисъ читалъ его рефератъ) и давалъ помѣщеніе въ своей квартирѣ [125]).

Болѣе близокъ къ этому новому обществу былъ двоюродный братъ актуарія, часто выступавшій съ рефератами.

При открытіи общество насчитывало 32 члена, изъ которыхъ 18 человѣкъ пріобрѣло себѣ болѣе или менѣе почетную извѣстность на поприщѣ литературы, науки или службы. Здѣсь былъ Леопольдъ Вагнеръ, авторъ «Дѣтоубійцы», Блессигъ, будущій профессоръ философіи въ Страсбургѣ и извѣстный проповѣдникъ, Гаффнеръ, бывшій впослѣдствіи тамъ же профессоромъ богословія. Одинъ изъ членовъ кружка Оттъ впослѣдствіи служилъ въ Петербургѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. На дипломатической службѣ пріобрѣлъ извѣстность другой членъ общества Отто, бывшій впослѣдствіи французскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ. Тюркгеймъ, въ домѣ котораго собиралось одно время общество, былъ депутатомъ отъ Страсбурга въ Національномъ собраніи 1789 г. Фридрихъ Рудольфъ Зальцманнъ сдѣлался воспитателемъ извѣстнаго министра Пруссіи ф. Штейна [126]). Членомъ общества состоялъ и зять Гёте Шлоссеръ, жившій въ сосѣднемъ Эммендингенѣ [127]). Въ числѣ членовъ были и французы Mathieu и Ramond de Carbonnières. Послѣдній представляетъ изъ себя крайне интересную личность, служа связующимъ звеномъ между нѣмецкими и французскими бурными геніями [128]).

Общество имѣло свой органъ, еженедѣльный журналъ «Der Bürgerfreund», издававшійся въ Страсбургѣ два года (1776 и 1777). Ленцъ рекомендовалъ его особенному вниманію публики [129]).

Общество и его журналъ являлись оплотомъ германизма въ странѣ съ основнымъ нѣмецкимъ населеніемъ, но входившей въ составъ Франціи и подвергавшейся все большему и большему французскому культурному вліянію. Оно брало подъ свою защиту нѣмецкій языкъ, нѣмецкое прошлое своего отечества, нѣмецкое искусство. «Намъ казалось,—говорится въ предисловіи къ 1 номеру «Bürgerfreund'a» [130])—что въ томъ не будетъ грѣха, если каждый гражданинъ пожелалъ бы быть знакомымъ немного точнѣе съ исторіей и достопримѣчательностями своего отечества». Поэтому на первый планъ выдвигаются интересы Страсбурга и Эльзаса, а затѣмъ и «сосѣднихъ странъ». «Въ такомъ случаѣ каждый соотечественникъ можетъ читать насъ съ пользою, а иностранецъ съ удоволь-

ствіемъ, и такимъ образомъ наше еженедѣльное изданіе можетъ сдѣлаться соединительнымъ звеномъ многихъ честныхъ людей».

И общество, и журналъ были вѣрны этому національно-патріотическому направленію. Значительное число рефератовъ, читавшихся въ Обществѣ, печаталось въ журналѣ.

Нѣмецкому языку посвящено нѣсколько рефератовъ [131]). Возбуждаетъ вниманіе старинная нѣмецкая литература. 10 января 1776 г. «магистръ Лейпольдъ» читалъ «выдержки» изъ «Narrenschiff» Себ. Брандта, сопровождая ихъ своими замѣчаніями и объясненіями [132]). Этотъ переводъ нашелъ себѣ мѣсто въ «Bürgerfreund'ѣ» (1776 г. № 10 и сл.). Съ интересомъ относятся къ старинному нѣмецкому искусству. Страсбургскому собору, такъ восхищавшему Гёте, который на немъ научился цѣнить готическое искусство, посвященъ въ журналѣ рядъ статей. Патріотическое направленіе поддерживается рядомъ статей «о любви къ отечеству» и «Опытомъ исторіи Страсбурга» [133]).

Удѣлялось вниманіе и вопросамъ воспитанія [134]). Рядомъ съ этимъ общество и журналъ заняты различными вопросами религіи, философіи и морали [135]).

Различіе между обществомъ и Bürgefreund'омъ только въ томъ, что въ обществѣ рѣшительно преобладаютъ литературные интересы, а журналъ выдвигаетъ на первый планъ элементъ поучительный, наслѣдуя направленіе англійскихъ нравоучительныхъ изданій.

И тамъ, и здѣсь нельзя не замѣтить преобладающаго интереса къ англійской литературѣ. Здѣсь читается переводъ «Коріолана» (21 марта 1776), переводъ баллады изъ собранія Додслея (21 дек. 1775 г.), «Нѣчто о перемѣнахъ сцены у Шекспира (25 янв. 1776), «Разныя мысли о Свифтѣ» (1 февр. 1776), «Antipope» Шлоссера (16 февр. 1776), переводъ романса изъ «Векфильдскаго священника» (18 апр. 1776). Въ первомъ же нумерѣ Bürgerfreund'а мы находимъ эпиграфъ изъ автора «Ночныхъ думъ» Юнга (Neujahrs Gedanken, 12—15). Въ III томѣ (1777) № XIV разсказывается жизнь Стерна. Есть нѣсколько переводовъ съ англійскаго.

Несмотря на патріотическое направленіе, общество не отличалось нетерпимостью къ чужому. Въ Страсбургѣ, гдѣ мѣстные уроженцы одинаково хорошо владѣли и нѣмецкимъ, и французскимъ языкомъ и гдѣ вліяніе французской культуры было слишкомъ сильно,

это общество приняло смѣшанный полу-нѣмецкій, полу-французскій характеръ. Рефераты и произведенія читались на обоихъ языкахъ, хотя нѣмецкій языкъ и преобладалъ [136]). Въ числѣ членовъ общества были, какъ мы видѣли, и природные французы.

Обратимся къ трудамъ Ленца для этого общества, которое открылось его рѣчью «Ueber die Bearbeitung der deutschen Sprache». Для того времени это были замѣчательныя мысли о литературной обработкѣ нѣмецкаго языка.

«Мы всѣ нѣмцы—начинаетъ Ленцъ. Съ удовольствіемъ, хотя и тайнымъ, замѣчалъ я до сихъ поръ, по нѣкоторымъ изъ вашихъ чтеній, что даже перевѣсъ господствующаго, и что еще гораздо важнѣе утонченнаго языка не могъ заглушить въ васъ старой склонности къ родной почвѣ нашего духа, я разумѣю, къ нашему мощному нѣмецкому языку. Оставайтесь ему вѣрны. Всѣ ваши представленія и чувства, сначала какъ дѣтей, затѣмъ какъ взрослыхъ, выросли на этой почвѣ, захотите ли вы отказаться отъ нихъ только потому, что вы состоите подданными чужого болѣе счастливаго правительства? Именно потому что это правительство гуманно и благодѣтельно, оно не требуетъ такой жертвы отъ васъ; духъ, господа, не выноситъ никакой натурализаціи, нѣмецъ одинаково, какъ на берегу кафровъ, такъ и на «островѣ блаженныхъ» Дидро останется нѣмцемъ, а французъ—французомъ» [137]).

Близкое сосѣдство и знакомство эльзасцевъ съ французскимъ языкомъ даетъ имъ такое прекрасное вспомогательное средство для обработки ихъ родного языка, какого лишены другіе ихъ соотечественники. Господствующій въ Эльзасѣ и сосѣднемъ Брейзгау швабскій діалектъ съ его провинціализмами, архаизмами и идіотизмами представляется Ленцу «богатыми залежами», откуда, пользуясь помощью «болѣе отшлифованнаго французскаго языка», можно добыть «неисчислимыя сокровища» для обще-нѣмецкаго литературнаго языка.

Здѣсь нельзя не видѣть въ Ленцѣ ученика Гаманна и Гердера, которые такъ высоко цѣнили все индивидуальное и національное въ языкѣ.

Нѣмецкій языкъ своего времени (за исключеніемъ верхне-и нижне-саксонскаго) Ленцъ считаетъ «очень бѣднымъ» и въ то же время «несказанно богатымъ», бѣднымъ — потому что онъ мало обрабо-

танъ, богатымъ—потому что обладаетъ неистощимымъ запасомъ реченій и оборотовъ. Всѣ діалекты должны быть привлечены къ выработкѣ общаго верхне-нѣмецкаго языка. Обще-нѣмецкимъ языкомъ Ленцъ не можетъ назвать тотъ, который въ извѣстныхъ округахъ Германіи введенъ въ употребленіе знаменитыми писателями. Единственно вѣрнымъ путемъ для выработки такого языка Ленцъ считаетъ повсемѣстное учрежденіе обществъ, «члены которыхъ должны набираться въ самыхъ различныхъ сословіяхъ»; только имъ подъ силу выработать общепонятный нѣмецкій языкъ. Выдающуюся роль при этомъ должны играть наиболѣе образованные и начитанные люди, хорошо знакомые съ древними и новыми языками и литературами. Однако, они должны обращаться за содѣйствіемъ ко всей націи. «Только такимъ образомъ можемъ мы усвоить нашей рѣчи греческую округленность, римскую силу, англійское глубокомысліе, французскую легкость, не теряя при этомъ свойственной нашему языку *краткости* и *опредѣленности*, которыя мы, однако, можемъ распространять или измѣнять, сообразно съ цѣлями и обстоятельствами. Въ этомъ заключается преимущество нашего языка; за него мы должны быть благодарны спокойствію и основательности нашего національнаго характера, который въ самомъ дѣлѣ созданъ для того, чтобы сдѣлаться въ области духа законодателемъ всѣхъ сосѣднихъ націй» [318]).

Въ этихъ словахъ Ленца прекрасно сказалось, просыпающееся нѣмецкое національное самосознаніе, долго подавлявшееся культурною подчиненностью другимъ націямъ. Ленцъ былъ однимъ изъ піонеровъ того національнаго чувства, которое принесло въ Германіи ощутительные плоды только на сто лѣтъ позже. Выработка общаго нѣмецкаго языка являлась бы, по мысли Ленца, могучимъ орудіемъ культурнаго объединенія разнообразнѣйшихъ частей Германіи.

Ленцъ возстаетъ противъ обилія галлицизмовъ въ нѣмецкомъ языкѣ; онъ не можетъ переварить такихъ словъ, какъ interessiren, frappiren, saisiren, intriguiren, kultiviren, kompromittiren и др. Надо изучать старинныхъ нѣмецкихъ писателей, чтобы найти у нихъ слова для обозначенія всѣхъ подобныхъ понятій и не слѣдуетъ брать ихъ съ чужого языка, «жертвуя своимъ національнымъ складомъ мысли, чувства и дѣйствія, жертвуя національнымъ характеромъ, національнымъ вкусомъ и національною гордостью». Ленцъ

не одобряетъ «національнаго высокомѣрія», но прибѣгать къ помощи чужеземцевъ тамъ, гдѣ можно обойтись безъ нихъ, онъ считаетъ проявленіемъ лѣности, «которая слишкомъ легко вырождается въ рабскую покорность и убиваетъ благородство души». Вводя въ свой языкъ массу иностранныхъ словъ, выражающихъ отвлеченныя понятія, «мы дѣлаемъ чужеземцевъ и властителями нашей души и ея движеній», что, конечно, «должно огорчать всякаго истиннаго патріота». «Отсюда происходитъ то, что мы до сихъ поръ служили нашимъ сосѣдямъ только посмѣшищемъ, вслѣдствіе нашей вялости, а не благороднаго самоуничиженія».

«Всѣ грубые языки богаче образованныхъ, ибо они идутъ болѣе отъ сердца, чѣмъ изъ разсудка», повторяетъ Ленцъ любимую мысль Гаманна. Судьба слова обусловливается въ первомъ случаѣ его природною жизнеспособностью, а во второмъ—она дѣло моды. Большой опасности подвергается теперь нѣмецкій языкъ, который модные писатели стараются сдѣлать изящнымъ и отшлифованнымъ, лишая его силы и богатства. Надо возвратиться къ стариннымъ нѣмецкимъ писателямъ, исполненнымъ силы, и защищать ихъ противъ современныхъ остроумцевъ, произведенія которыхъ поражаютъ безсиліемъ. Старинныя слова и идіотизмы особенно дороги для обогащенія обще-нѣмецкаго языка.

Кромѣ старинныхъ нѣмецкихъ писателей, Ленцъ указываетъ и другой источникъ для обогащенія нѣмецкаго языка: это рѣчь простыхъ людей, не справляющихся ни съ грамматиками, ни съ словарями [139]).

Въ ближайшемъ засѣданіи общества 9 ноября Ленцъ выступилъ съ рефератомъ «О преимуществахъ нѣмецкаго языка». Его цѣль заключалась въ томъ, чтобы убѣдить членовъ кружка дѣлать доклады исключительно на нѣмецкомъ языкѣ, а не на французскомъ, который, очевидно, предпочитался многими уроженцами Эльзаса. Указавъ на то, что общество имѣетъ задачу стоять на стражѣ нѣмецкаго языка въ этой офранцуженной странѣ, Ленцъ обращаетъ вниманіе членовъ на пользу изложенія по-нѣмецки мыслей, которыя думались ими по-французски. Но главный его тезисъ заключается въ томъ, что для научнаго изложенія нѣмецкій языкъ имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ французскимъ. Это прежде всего

зависить отъ большей свободы въ порядкѣ расположенія словъ въ предложеніи. Такъ французскую фразу

J'aime Dieu et mon prochain

Ленцъ считаетъ возможнымъ передать по-нѣмецки трояко:

Ich liebe Gott und meinen Nächsten.
Gott und meinen Nächsten liebe ich.
Gott liebe ich und meinen Nächsten.

Причемъ каждый изъ оборотовъ имѣетъ особый оттѣнокъ смысла, легко достигаемый простымъ расположеніемъ словъ въ томъ или другомъ порядкѣ.

Второе преимущество нѣмецкаго языка Ленцъ видитъ въ томъ, что его глаголы часто «замыкаютъ и охватываютъ всѣ подчиненныя имъ слова, какъ умъ полководца всю армію» [140]).

Наконецъ, третье преимущество нѣмецкой рѣчи, по мнѣнію Ленца, состоитъ въ томъ, что «составныя слова безъ ущерба для смысла могутъ быть раздѣляемы, если требуется». Ленцъ имѣетъ преимущественно въ виду отдѣляемость приставокъ въ большинствѣ нѣмецкихъ глаголовъ въ противоположность недѣлимости французскихъ verbes composés въ родѣ surprendre, surpasser, parcourir и др.

Хотя указанныя «преимущества» нѣмецкаго языка могутъ быть спорными, но во всякомъ случаѣ защита родного языка въ то время, когда къ нему нерѣдко относились съ презрѣніемъ, предпочитая французскій, какъ дѣлалъ даже геніальный Фридрихъ II, была немаловажной заслугой Ленца, мимо которой не долженъ пройти равнодушно историкъ нѣмецкой культуры и нѣмецкаго національнаго самосознанія.

Своими взглядами на языкъ и своей защитой родного языка Ленцъ, несомнѣнно, примыкаетъ къ Гаманну и Гердеру. Литературная реформа обыкновенно сопровождается реформой языка и слога. Такъ было и здѣсь. Для новыхъ идей, новыхъ чувствъ, новаго содержанія не годилась уже прежняя форма, прежній стиль.

Нельзя не указать и на аналогичное явленіе во Франціи. Изъ французскихъ современниковъ Ленца наиболѣе выдавался своей попыткой литературной реформы Мерсье. Не менѣе бурныхъ геніевъ думаетъ онъ и о реформѣ языка и слога. Въ XXVIII гл. своей книги «Новый опытъ о драматическомъ искусствѣ» Мерсье затрогиваетъ

)просъ о стилѣ и рѣшаетъ его приблизительно такъ же, какъ и енцъ [141]). Мерсье такъ же возстаетъ противъ условнаго академи-эскаго языка и требуетъ для писателя свободы и въ этомъ отно-еніи. «Пусть вопіютъ классики, говоритъ онъ, а вы создавайте эбѣ языкъ, который принадлежитъ вамъ самимъ» [142]). «Какова душа исателя, таковъ и языкъ» [143]). «Слѣдуетъ расширять языкъ и сдѣ-ать его болѣе богатымъ и плодороднымъ» [144]). У «варваровъ» языкъ тличается «большею силою и энергіей». Образный слогъ—преиму-цество народовъ первобытныхъ [145]).

Только романтики осуществили ту реформу французскаго слога, і которую всю жизнь ратовалъ Мерсье. Вотъ почему послѣдній адостно привѣтствовалъ «Atala» Шатобріана [146]).

23 ноября Ленцъ читалъ въ Обществѣ свою передѣлку «Плѣн-иковъ» Плавта, а 14 декабря драматическій этюдъ «Два старика». 1 Декабря Ленцъ читалъ переводъ шотландской баллады The braes f Jarrow (вѣрнѣе семи послѣднихъ строфъ этой баллады, состоящей зъ 30 строфъ) Вильяма Гамильтона [147]), а 25 января статью О перемѣнахъ сценъ у Шекспира». Эта статья должна была редставить нѣкоторый коррективъ къ его «Замѣткамъ о театрѣ», апечатаннымъ два года раньше. Въ «Замѣткахъ» онъ бурно нис-ровергалъ ученіе о драматическихъ единствахъ; здѣсь же онъ дѣ-аетъ нѣсколько уступокъ господствующему взгляду и считаетъ нуж-ымъ защищать Шекспира въ томъ, что тотъ нарушаетъ единство ѣста. Ленцъ теперь сознаетъ, что слишкомъ быстрая смѣна мѣста ѣйствія нарушаетъ сценическую иллюзію, и предостерегаетъ дра-атическихъ писателей отъ злоупотребленія такою смѣною. По его ловамъ, Шекспиръ допускалъ перемѣну сцены среди акта только акъ исключеніе изъ правила, чтобы достигнуть этимъ болѣе важ-ыхъ преимуществъ [148]).

По его отъѣздѣ изъ Страсбурга Редереръ читалъ 21 марта 776 г. ленцевскій переводъ «Коріолана». Для литературнаго обще-тва предназначался и переводъ Ленца изъ Попа, а именно перваго іалога изъ эпилога къ сатирамъ. Рукопись этого перевода, никогда е появлявшагося въ печати, принадлежитъ проф. Вейнгольду. Свѣ-ѣнія о ней, проникшія въ печать, ограничиваются краткими замѣча-іями Кларка. Въ предисловіи Ленцъ объясняетъ, что онъ хочетъ рочитать первый діалогъ изъ эпилога къ сатирамъ Попа, какъ

образецъ нынѣшнихъ сатиръ. Онъ называетъ Попа такимъ писателемъ, по прочтеніи котораго чувствуешь себя выше, благороднѣе и свободнѣе. Переводъ сдѣланъ прозой и можетъ считаться, по словамъ Кларка, наименѣе удачнымъ изъ всѣхъ его переводовъ съ англійскаго: «Всѣ ошибки прежнихъ переводовъ еще сильнѣе выступаютъ, между тѣмъ какъ достоинства отсутствуютъ». Этотъ переводъ можетъ быть разсматриваемъ не иначе, какъ случайная работа, задача которой было познакомить членовъ литературнаго общества съ манерой Попа, и никогда не назначался для печатанія [149]).

Изъ другихъ рефератовъ Ленца слѣдуетъ отмѣтить «Письма о морали молодого Вертера», сохранившіяся, къ сожалѣнію, только въ небольшомъ отрывкѣ въ примѣчаніи къ Вагнеровскому переводу «Новаго опыта» Мерсье. Такъ думаетъ, по крайней мѣрѣ, Э. Шмидтъ [150]). Письма эти были, вѣроятно, написаны Ленцемъ вскорѣ послѣ напечатанія гётевскаго романа въ отвѣтъ на раздавшіяся обвиненія въ безнравственности. Рукопись была послана Гёте, который, въ свою очередь, сообщилъ ее Фридриху Якоби. Послѣдній писалъ Гёте 25 мая 1775 г.: «Сердечныя Ленцовскія письма о Вертеровской морали доставили мнѣ нѣсколько радостныхъ часовъ, я ихъ нѣсколько разъ перечитывалъ и большею частью съ восхищеніемъ» [151]). Тѣмъ не менѣе Якоби высказался противъ напечатанія этихъ «Писемъ», разошедшись въ этомъ случаѣ съ мнѣніемъ Гёте [152]). Соображенія Якоби повліяли, повидимому, на Ленца, который пересталъ думать объ ихъ обнародованіи и ограничился прочтеніемъ ихъ 1-го марта 1776 г. въ страсбургскомъ обществѣ [153]).

Догадка Э. Шмидта вѣроятна, но ее нельзя считать несомнѣнной. Отрывокъ, напечатанный Вагнеромъ въ примѣчаніи къ переводу книги Мерсье, указываетъ на два недостатка нѣмецкой читающей публики: во 1-хъ, на неумѣнье разграничить область поэзіи и область морали и во 2-хъ, на склонность отождествлять себя съ героями поэтическихъ произведеній, заражаться ихъ страстями, продѣлывать ихъ поступки. Второму недостатку подвержены «страстные читатели», для которыхъ поэтому «превосходнѣйшія произведенія являются наиболѣе опасными». Свои краткія соображенія Ленцъ подкрѣпляетъ ссылкой на еще ненапечатаннаго гётевскаго «Прометея», «величайшее, можетъ быть, изъ его созданій». «Этотъ Прометей — нена-

къ боговъ, такимъ онъ былъ въ исторіи, такимъ и долженъ. Сдѣлать его благочестивымъ это все равно, что вложить четки ки Венеры Медицейской». «Когда же начнутъ, наконецъ, съ мъ духомъ воспринимать образцовыя произведенія нашихъ иковъ и безпрепятственно восхищаться ими, не предавась страна свою погибель?» [154]). Этимъ вопросомъ оканчивается от-», который былъ бы вполнѣ умѣстенъ въ потерянныхъ пись-» Вертерѣ, но могъ происходить и изъ другого источника.

кова была въ общихъ чертахъ дѣятельность Ленца въ новомъ ургскомъ обществѣ, душою котораго онъ былъ и интересы го онъ живо принималъ къ сердцу. Въ письмѣ къ Бойе, полу-ъ послѣднимъ 2 января 1776, онъ съ радостью говоритъ объ з задуманнаго имъ дѣла: «Наше нѣмецкое общество увеличи- со дня на день. Къ нему принадлежитъ также Шлоссеръ; льмарѣ, Фрейбургѣ и другихъ сосѣднихъ мѣстностяхъ получа-я приращеніе» *).

ю зиму 1775—76 годовъ Ленцъ носился съ планами путе-я въ Италію. Въ письмѣ къ Гердеру 20 ноября 1775 г. Ленцъ етъ, что онъ предпринимаетъ путешествіе это съ сыномъ берго банкира, еврея Эфраима, называющимъ себя Флисомъ [155]). ѣдующемъ письмѣ къ нему же, написанномъ, вѣроятно, въ ѣ того же года, Ленцъ говоритъ: «моя поѣздка въ Италію на, но не такъ скоро. Камень преткновенія удаленъ, но только утникъ не можетъ покинуть Страсбургъ. Эта поѣздка для меня щее путешествіе въ адъ. Отъ всего оторваться — и все-таки ится оторваться» [156]). Тоже пишетъ онъ въ январѣ 1776 г. эру, замѣчая, что поѣдетъ въ Италію для того, чтобы, созерртвыя творенія искусства, забыть живой образъ поразившей рдце Генріетты [157]).

э путешествіе, однако, не осуществилось, о чемъ нельзя нѣть, такъ какъ долговременное пребываніе въ Италіи, при і обезпеченной жизни, могло бы спасти его и духовно, и фии. Необходимо было вырваться изъ тяжелыхъ условій его ургской жизни, необходимо было дать нѣкоторый отдыхъ мозгу замъ, жившимъ кипучей жизнью поры «бури и натиска». Пу-

---

м. Прилож. А. № 7. (*По рукописи Королевской Библіотеки въ Берлинѣ*).

тешествіе въ Италію могло бы оказать громадное вліяніе на Ленца и какъ на художника. Созерцаніе природы и произведеній искусства этой благословенной Богомъ страны могло бы привести въ равновѣсіе борющіяся силы его души, могло бы научить его тому художественному такту, тому чувству изящества, законченности и мѣры, которыхъ у него именно и не доставало.

Но не напрасно же былъ Ленцъ типичнымъ неудачникомъ: судьба, бывшая для него всегда мачихой, не измѣнила себѣ и здѣсь.

Между тѣмъ положеніе его въ Страсбургѣ становилось невыносимымъ: онъ погрязъ въ долгахъ [158]), измучился отъ своего нищенскаго существованія, разочаровался въ страсбургскомъ обществѣ, изстрадался отъ несчастной любви. Не зная, куда себя направить, онъ думаетъ ѣхать въ Америку въ качествѣ волонтера, соблазняясь примѣромъ барона Линдау [159]).

Но вмѣсто Америки онъ направился во второй половинѣ марта въ Веймаръ. Вѣроятно, его манила надежда пристроиться при веймарскомъ дворѣ, гдѣ такую роль игралъ его другъ Гёте. Притомъ онъ успѣлъ уже познакомиться съ веймарскимъ герцогомъ при проѣздѣ его черезъ Страсбургъ [160]). Извѣстную роль играли и его фантастическіе проекты реформъ военной жизни, съ которыми онъ носился въ это время.

10 марта 1776 г. Ленцъ простился съ членами нѣмецкаго общества трогательной одой, въ которой слышится какъ бы предчувствіе его печальнаго конца. Онъ очерчиваетъ свою дѣятельность въ ихъ кружкѣ и, выражая томящее его предчувствіе, взываетъ къ состраданію [161]).

Черезъ четыре дня Ленцъ пишетъ Мерку письмо, полное лирическихъ изліяній и грустныхъ размышленій о самомъ себѣ. Трудно быть о себѣ болѣе скромнаго мнѣнія. «При моей юности, слабости и неразумности, небо все же мнѣ посылаетъ всегда мудрыхъ, зрѣлыхъ и великихъ друзей, которые снова ставятъ меня на ноги» пишетъ онъ. Сообщая о предстоящемъ ему (черезъ недѣлю) проѣздѣ черезъ Дармштадтъ, Ленцъ чрезвычайно радуется возможности свиданія съ Меркомъ, «сердечно любимымъ и искренно цѣнимымъ человѣкомъ». «Бѣдный, какъ церковная мышь», онъ не находитъ благопріятныхъ условій для развитія своей поэтической дѣятельности. «Мнѣ недостаетъ для поэтическаго творчества досуга, теплаго воздуха

сердечнаго счастья». Онъ не думаетъ оправдывать себя, не думаетъ *все* сваливать на судьбу [162]).

На крайне стѣсненное матеріальное положеніе жалуется одновременно Ленцъ и въ письмѣ къ Бойе (11 марта 1776): «Сверхъ этого долженъ я вамъ откровенно признаться, что въ настоящее время я нуждаюсь въ деньгахъ, благодаря долгамъ и удивительно запутаннымъ отношеніямъ, которыя могутъ имѣть дурныя послѣдствія для моей теперешней судьбы» *). Задуманное путешествіе въ Веймаръ заставляетъ Ленца усиленно добиваться гонорара за пьесу «Солдаты», которая тогда печаталась. «Деньги мнѣ необходимѣе жизни, и это въ рѣшительный моментъ, который больше не повторится. Помогите вашему доведенному до крайности Ленцу»**).

Прежде чѣмъ перейти къ разсказу о веймарской жизни нашего поэта, мы должны обратить вниманіе на его литературныя произведенія, относящіяся къ послѣднимъ годамъ страсбургской жизни.

---

*) См. приложеніе А. № 9. *(По рукописи Королевской библіотеки въ Берлинѣ).*
**) Ibidem.

ГЛАВА X.

Литературная борьба.

> Sähen die Herrn es lieber, dass man ihre Blösen empfindlicher aufdeckte, so hängt Popens Geissel noch ungebraucht an der Wand: wer weiss, wer sie einmal über Deutschland schwingt.
>
> *Lenz.*

Когда молодая литературная партія «бури и натиска» выступила, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, на литературное поприще, самыми видными нѣмецкими писателями, оказывавшими наибольшее вліяніе, были Лессингъ, Клопштокъ и Виландъ. Къ каждому изъ этихъ колоссовъ современной литературы молодая партія отнеслась совершенно различно: къ Лессингу она питала глубокое, но холодное уваженіе, Клопштокомъ восторгалась и чуть-чуть не боготворила его, Виланда же она ненавидѣла и презирала.

Попробуемъ выяснить причины этого явленія.

Воинственный пылъ молодой партіи нашелъ себѣ полное удовлетвореніе въ «Гамбургской драматургіи», ниспровергшей боговъ ложноклассическаго Парнасса, разорвавшей оковы слѣпой подражательности французамъ. Въ дѣлѣ реакціи противъ устарѣлыхъ поэтическихъ пріемовъ, въ попыткѣ литературной реформы эта партія слѣдовала вполнѣ мощному импульсу Лессинга и пользовалась плодами его критическихъ побѣдъ. Уваженіе къ нему было огромное. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, его точка зрѣнія не могла удовлетворить вполнѣ пылкую молодежь: ей казался онъ слишкомъ осторожнымъ и консервативнымъ въ дѣлѣ разрушенія и созиданія. Отпугивалъ ее отъ Лессинга также его раціонализмъ, его дружба съ нѣмецкими «просвѣтителями», его холодная разсудочность и недостаточно мягкая чувствительность. Онъ являлся слишкомъ трезвымъ и уравновѣшен-

нымъ мыслителемъ для взбудораженной молодежи, упоенной новыми открывавшимися передъ нею горизонтами жизни и творчества, молодежи, которая и жить торопилась, и чувствовать спѣшила. Она воспользовалась всѣми завоеваніямя его критики, но спокойно проходила мимо его блестящаго, но холоднаго ума и шла грѣться у огня клопштоковскаго энтузіазма. Клопштокъ давалъ имъ то изобиліе чувствительности, котораго они не находили у Лессинга, ту богатую пищу для сердца и воображенія, которыхъ они жаждали, ту поэзію души, а не разсудка, о которой они мечтали. Подъ знаменемъ Клопштока молодая партія и выступила въ бой и образовала группу клопштокіанцевъ, относившихся къ автору пресловутой «Мессіады» съ энтузіазмомъ, недалекимъ отъ обоготворенія. Этотъ энтузіазмъ объединяетъ оба кружка «бурныхъ геніевъ»: и прирейнскій и геттингенскій, хотя въ послѣднемъ онъ выраженъ особенно сильно.

Поклоненіе Клопштоку было равносильно осужденію и отверженію Виланда. Любителямъ «серафической» поэзіи «Мессіады» съ ея царствомъ неземныхъ тѣней, освѣщенныхъ таинственнымъ и блѣднымъ сіяніемъ луны, съ ея порывами къ сверхчеловѣческому совершенству, не могло придтись по вкусу грубо-реальное, откровенно-эпикурейское, салонно-французское направленіе автора фривольныхъ «Комическихъ разсказовъ» и циничнаго «Новаго Амадиса». Французоманія Виланда шла въ разрѣзъ съ патріотическимъ направленіемъ Клопштока, явившагося «бардомъ» нѣмецкой старины. Геттингенскій кружокъ видѣлъ въ Виландѣ распространителя французской нравственной «заразы» и предавалъ его анаѳемѣ за одно съ Вольтеромъ. На собраніяхъ кружка, послѣ чтенія клопштоковскихъ одъ и тостовъ за его здоровье, произносились бурныя рѣчи противъ «развратителя нравовъ» Виланда, давались клятвы отомстить ему за поруганную нравственную чистоту. «Въ 1773 году барды праздновали день рожденія Клопштока. Былъ накрытъ длинный столъ, убранный цвѣтами. На креслѣ, усѣянномъ розами и левкоями, лежали всѣ сочиненія Клопштока, подъ нимъ разорванная «Idris» Виланда. Были прочитаны оды Клопштока, относящіяся къ Германіи; Идриду топтали, изъ нея драли страницы и закуривали ими трубки. Пили за Клопштока, на память Лютеру и Германну, потомъ за союзъ, за Эберта, Гёте и Гердера. «Мы сидѣли

въ шляпахъ, говорили о свободѣ, о Германіи, о добродѣтели». Въ заключеніе была сожжена книга Виланда и его портретъ» [1]).

Прирейнская группа не ограничилась провозглашеніемъ анаѳемы Виланду въ замкнутомъ кружкѣ, за четырьмя стѣнами, а объявила во всеуслышаніе открытую войну Виланду и осыпала его дождемъ памфлетовъ и сатиръ. Между нею и Виландомъ оказалось разногласіе по всѣмъ существеннымъ пунктамъ, во всѣхъ вопросахъ, которые волновали тогда молодежь. Она съ ума сходила по народной поэзіи, по Шекспиру, по нѣмецкой старинѣ. Виландъ же былъ увлекательный разсказчикъ въ легкомъ салонномъ французскомъ духѣ, не имѣвшій рѣшительно ничего общаго съ народной поэзіей и не понимавшій ея. Что касается Шекспира, то, по мнѣнію «бурныхъ геніевъ», въ своемъ переводѣ онъ только исказилъ творенія великаго британскаго драматурга, а въ своихъ примѣчаніяхъ къ пьесамъ выказалъ полнѣйшее непониманіе шекспировскаго генія. Съ такими обвиненіями обрушились на Виланда одни изъ первыхъ піонеровъ культа Шекспира въ Германіи—Герстенбергъ и Гердеръ. Послѣдній готовъ былъ «выцарапать глаза» Виланду за его передачу нѣкоторыхъ шекспировскихъ монологовъ [2]). Его свободное обращеніе съ шекспировскимъ текстомъ казалось своего рода кощунственнымъ посягательствомъ на святыню, передъ которою падали ницъ представители молодой Германіи. Они не могли простить Виланду его стремленіе выглаживать и вылащивать шекспировскую рѣчь, сокращать и выбрасывать все, что не отвѣчало требованіямъ т. н. вкуса. Шекспировскій реализмъ, шекспировская мощь восхищали ихъ. Ту же мощь, то же самобытное вдохновеніе, то же смѣлое творчество цѣнили они въ старинномъ искусствѣ, въ средневѣковой готикѣ. Виландъ, какъ поклонникъ изнѣженнаго, салоннаго искусства, не могъ удовлетворить ихъ.

Уже Гаманнъ, родоначальникъ нѣмецкой эпохи «бури и натиска», отнесся къ Виланду отрицательно [3]), а вдохновляемая имъ молодая литературная партія вступила въ открытый бой съ издателемъ «Нѣмецкаго Меркурія». Первый сигналъ далъ Гёте въ 1773 г. Его «Ярмарка въ Плундерсвейлернѣ» осмѣиваетъ Виланда подъ именемъ нюрнбергскаго игрушечника, завлекающаго покупателей разнообразіемъ своего журнала-лавочки. А въ концѣ раешникъ иро-

низируетъ на счетъ претензій виландовскаго «Меркурія» быть спасителемъ нѣмецкой литературы:

Погибли всѣ безъ исключенья
Какъ ни кричи, а нѣтъ спасенья!
А какъ слѣды промчались бури,
Спустился на землю Меркурій
И людямъ счастье вновь изрекъ.
Спасибо, ласковый божокъ! [4]).

Но если въ этой карнавальной шуткѣ Гёте касается Виланда лишь мимоходомъ, то вскорѣ онъ направилъ противъ издателя «Нѣмецкаго Меркурія» спеціальный фарсъ «Боги, герои и Виландъ», появившійся въ печати весною 1774 года [5]). Здѣсь литературный противникъ «бурныхъ геніевъ» бичевался, какъ неудачный комментаторъ Шекспира и жалкій соперникъ великаго греческаго трагика Эврипида въ своей «Альцестѣ». Ближайшимъ поводомъ къ появленію фарса, написаннаго Гёте въ какихъ-нибудь два-три часа за бутылкой вина, были письма Виланда въ «Нѣмецкомъ Меркуріи», въ которыхъ онъ, сравнивая свою «Альцесту» съ эврипидовской, отдавалъ явное предпочтеніе собственному произведенію. Возмущенный такимъ самомнѣніемъ легкомысленнаго разсказчика, Гёте остроумно доказываетъ, что Виландъ такъ же мало доросъ до пониманія Эврипида, какъ и до пониманія Шекспира. Ему совершенно не по плечу «исполинскія фигуры» обоихъ драматурговъ. Его Альцеста и Адметъ не имѣютъ ничего общаго съ мощными созданіями эврипидовскаго генія. Это «чопорныя, блѣдныя, испитыя и жалкія куклы», «щебечущія какъ птички и, наконецъ, съ жалобнымъ пискомъ исчезающія въ воздухѣ». Въ фарсѣ выступаетъ противъ Виланда самъ Эврипидъ, въ уста котораго Гёте влагаетъ эстетическія воззрѣнія новой школы, возстававшей противъ салоннаго, блѣднаго, слабаго и безцвѣтнаго искусства и требовавшей въ искусствѣ прежде всего силы, характерности, рельефности, индивидуальности. «Ахъ, вы поэты на нашихъ развалинахъ! (восклицаетъ Эврипидъ). Вы всѣ похожи другъ на друга, какъ куриныя яйца, съ тѣмъ отличіемъ, что изъ всѣхъ васъ, взятыхъ вмѣстѣ, никакая кухарка не сдѣлаетъ порядочной яичницы».

При появленіи Геркулеса Виландъ пораженъ его исполинской фигурой.

Виландъ (*отступая*). Колоссъ, я васъ не знаю и знать не хочу.

Геркулесъ. Что съ тобой? Чего испугался?

Виландъ. Я представлялъ себѣ васъ стройнымъ мужчиной, средняго роста.

Геркулесъ. Средняго роста? Меня-то?

Виландъ. Если вы дѣйствительно Геркулесъ, то я представлялъ себѣ не васъ.

«Моя божественность никогда не являлась передъ тобой даже и во снѣ»—заявляетъ Геркулесъ, прибавляющій, что въ изображеніяхъ Гомера всѣ они, герои древности, являются «слишкомъ великими» для Виланда [6]).

Въ остальной части фарса Гёте подчеркиваетъ противорѣчіе между реторическими разглагольствованіями Виланда о какой-то отвлеченный «добродѣтели» и двусмысленнымъ содержаніемъ его фривольныхъ сочиненій.

Геркулесъ. Добродѣтель! Я это слово услышалъ здѣсь только на дняхъ отъ двухъ-трехъ какихъ-то полоумныхъ людей, не сумѣвшихъ мнѣ даже разъяснить его хорошенько.

Виландъ. Да я самъ также точно не сумѣю этого сдѣлать. Но не станемъ тратить словъ понапрасну. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы прочли мои стихотворенія — и тогда вы увидѣли бы, что я и самъ не слишкомъ высокаго мнѣнія о ней. Это довольно двусмысленная вещь.—Далѣе Виландъ признается въ «легонькихъ выходкахъ противъ добродѣтели и религіи» и жалуется, что за нихъ его провозгласили безбожникомъ [7]).

Этотъ фарсъ Гёте былъ напечатанъ Ленцемъ, который вскорѣ явился вождемъ литературнаго похода противъ Виланда. Познакомимся съ обстоятельствами, при которыхъ состоялся этотъ походъ.

Лѣтомъ 1774 года появился въ печати знаменитый романъ «Страданія молодого Вертера», всполохнувшій нѣмецкое общество, задѣвшій его за живое, восхитившій однихъ и возмутившій другихъ. Преобладали восторгъ и восхищеніе произведеніемъ, такъ своевременно и талантливо затронувшимъ всѣ таинственныя струны мягкой и мечтательной чувствительности современнаго поколѣнія, давшимъ исходъ сентиментальнымъ слезамъ, хлынувшимъ теперь настоящимъ потокомъ, нарисовавшимъ правдиво нѣмецкую жизнь и два центральныхъ характера—Вертера и Лотты. Но не было недостатка и въ осужде-

ніяхъ и въ «кривыхъ толкахъ»[8]). Выразителемъ мнѣній клерикальной партіи выступилъ гамбургскій пасторъ Гёце, «который въ своихъ полемическихъ статьяхъ вздыхаетъ о всеобщей распущенности нравовъ и призываетъ на помощь противъ такихъ зловредныхъ сочиненій, какъ Вертеръ, «дражайшее начальство» (die theuere Obrigkeit) и полицію»[9]). Нѣмецкіе «просвѣтители», въ лицѣ берлинскаго журналиста и книгопродавца Николаи, обрушились на Гёте плоской пародіей «Радости молодого Вертера». Раціоналисты не могли переварить того, что въ романѣ Гёте провозглашалось самодержавіе сердца и верховенство чувства [10]).

Споръ, возгорѣвшійся вокругъ «Вертера», затронулъ интересы всей молодой партіи «бури и натиска» и превратился въ борьбу различныхъ литературныхъ направленій эпохи. Мы не будемъ входить во всѣ подробности этой борьбы и ограничимся указаніемъ мѣста, занятаго Ленцемъ въ этой литературной войнѣ.

Напуганный упомянутымъ фарсомъ, который заставилъ его почуять въ Гёте сильнаго и опаснаго врага, Виландъ далъ въ декабрьской книжкѣ «Нѣмецкаго Меркурія» довольно снисходительный отзывъ о Вертерѣ, отзывъ, между строками котораго, однако, проглядывало скрытое осужденіе. Но ужъ въ слѣдующей книжкѣ (январь 1775) Виландъ и его вѣрный сателлитъ проф. Шмидтъ жестоко обрушились на молодую партію «бурныхъ геніевъ» по поводу «Замѣтокъ о театрѣ» Ленца, вышедшихъ почти одновременно съ «Вертеромъ».

Удачнымъ отвѣтомъ молодой партіи на всѣ обвиненія ея литературныхъ противниковъ былъ фарсъ Вагнера «Прометей, Девкаліонъ и рецензенты», выдержавшій много изданій [11]). Подъ именемъ Прометея изображается Гёте, а Девкаліона—его Вертеръ. «Рецензенты» фигурируютъ подъ видомъ разныхъ животныхъ: Оселъ изображаетъ пастора Гёце, Орангъ-утангъ—Николаи. Виландъ является подъ видомъ Меркурія, какъ и въ фарсѣ Гёте. Онъ заявляетъ свою дружбу къ Гёте и проситъ позволенія «поцѣловать его шпору».

Въ защиту Николаи Готтингеръ напечаталъ въ Цюрихѣ гансвурстіаду «Menschen, Thiere und Goethe», не имѣвшую успѣха [12]). Молодая же партія получила поддержку въ видѣ сатиры «Wieland und Seine Abonnenten», гдѣ противниками Виланда были выве-

дены Гете, Гердеръ, Клопштокъ, Герстенбергъ, Ленцъ, гр. Штольбергъ и др. [13]).

Въ теченіе 1775 г. Ленцъ выпускаетъ одно сочиненіе за другимъ противъ Виланда: «Меналкъ и Мопсъ», «Похвальное слово покойному господину В—нду, знаменитѣйшему писателю въ области поэзіи и прозы», комедію въ аристофановскомъ вкусѣ «Облака» и прозаическую «Защита г. В—нда противъ Облаковъ». Сверхъ того, онъ направляетъ въ него рядъ эпиграммъ, а также ѣдко осмѣиваетъ въ «Pandaemonium germanicum».

Первое сочиненіе «Меналкъ и Мопсъ» названо авторомъ эклогой въ подражаніе пятой эклогѣ Виргилія, но подражаніе ограничивается только заимствованными у Виргилія именами да тѣмъ, что у Ленца, какъ и у Виргилія, оба дѣйствующихъ лица состязаются въ пѣснопѣніи. Подъ Меналкомъ, какъ доказалъ Эрихъ Шмидтъ [14]), подразумѣвается страсбургскій художникъ и писатель Каммъ, авторъ бездарнаго произведенія «Gallimatisches Allerley, oder Stadt-Land-und Waldgedicht». Мопсъ есть не кто другой, какъ самъ Виландъ: вся сатира представляетъ какъ бы болѣе подробное и пикантное изложеніе обвиненій, сдѣланныхъ Гёте противъ Виланда въ послѣдней части фарса «Боги, герои и Виландъ». Виландъ изображается сластолюбцемъ, погрязшимъ въ самомъ возмутительномъ эпикуреизмѣ, большимъ охотникомъ до всякаго рода запрещенныхъ плодовъ, развратнымъ и грубымъ циникомъ, прикрывающимся дутыми фразами о нравственности и добродѣтели.

Меналкъ, снискивавшій себѣ пропитаніе рисованіемъ нескромныхъ картинокъ «на потаенной сторонѣ табакерки», постарѣлъ и ослѣпъ. А теперь въ стихахъ онъ старается достигнуть того, что осталось недостижимымъ для его кисти [15]). Соперникомъ его въ подобномъ стихотворствѣ является Мопсъ, который съ младыхъ ногтей воспиталъ въ себѣ вкусъ къ такимъ вещамъ.

Привлекаемый его славой приходитъ къ Мопсу однажды, въ лѣтнюю ночь, Меналкъ и приглашаетъ его въ освѣщенный луной гротъ, чтобы «состязаться въ воспѣваніи могущества амура». Въ состязаніи оказывается, что Мопсъ своимъ цинизмомъ далеко превосходитъ Меналка, которому есть чему поучиться у перваго:

Mopsus.

Das ist nun mein Talent und schossfrei doch zu sein,
So kleid ich all das in *Moralen* ein *).

Эта мораль «ослѣпляетъ читателямъ глаза»:

Doch die Moral ist das, was Schwefel bei den Weinen:
Verdirbt sie zwar, doch macht sie besser scheinen
Und blendt dem Volk die Augen **).

Свои пріемы Мопсъ считаетъ «святымъ святыхъ искусства»:

Das ist das Heiligthum der Kunst.

Довольные собою оба расходятся, обмѣнявшись подарками.

Слѣдующая сатира Ленца противъ Виланда вышла подъ французскимъ заглавіемъ: «Eloge de feu Monsieur ***nd, ecrivain tres celebre en poesie et en prose. Dedié au beau sexe de l'Allemagne» [15]).

Сатира эта состоитъ изъ трехъ частей. Первыя двѣ части носятъ названіе сочиненій Виланда «Новый Амадисъ» и «Граціи». Подъ первымъ названіемъ Ленцъ влагаетъ въ уста Виланда его profession de foi, состоящее въ проповѣди чувственнаго наслажденія жизнью. Идеальныя стремленія суть «прекрасная ложь», которой, конечно, всякій предпочтетъ «голую истину». Ее открыть своимъ прозелитамъ берется Виландъ [16]). Все остальное — «сновидѣнія», «туманъ» и т. п. Нелѣпость и безумство поэтическое прославленіе любви. Тайна любви извѣстна ему лучше [17]). Во второй части Граціи протестуютъ противъ обращенія съ ними Виланда: онъ очернилъ ихъ, обезчестилъ, лишилъ уваженія всѣхъ честныхъ людей, затопталъ въ грязь ихъ честное имя. Имъ остается только взывать къ богамъ о мщеніи, особенно за то обвиняя Виланда, что онъ сначала предсталъ «въ маскѣ мудрости, подобно Мендельсону и Гарве» [18]). Третья часть сатиры, названная «Palinodie», вложена въ уста посторонняго лица, дающаго автору совѣты преуспѣвать въ свѣтѣ, не плывя противъ теченія, а идя съ толпой «тропой привычной». Какъ много выиграетъ онъ, зачислившись въ кружокъ сторонниковъ Виланда [19]). Нѣмецкая публика слѣпа по части критики и увлеченная

*) *Мопсъ.* Таковъ ужъ мой талантъ, чтобы себя обезопасить я одѣваю все покровомъ морали.

**) Но мораль то же, что сѣра для вина, хотя и портитъ, но даетъ лучшій видъ и ослѣпляетъ народу глаза.

разъ извѣстнымъ литературнымъ направленіемъ, она уже по инерціи слѣдуетъ за нимъ [20]).

Въ походѣ противъ Виланда сатиры Ленца представляютъ выдающееся явленіе и, далеко превышая своею талантливостью другія подобныя произведенія, онѣ могутъ быть поставлены рядомъ съ фарсомъ Гёте «Боги, герои и Виландъ». Остроуміе, безпощадная ѣдкость насмѣшки, мѣткій языкъ, мастерское владѣніе стихомъ—все это отличаетъ Ленцевское «Похвальное слово покойному г. В-нду», которое должно занять не послѣднее мѣсто въ ряду нѣмецкой «литературной» сатиры. Если этотъ удачный плодъ сатирической музы Ленца не нашелъ себѣ такого широкаго распространенія, какого онъ заслуживалъ, то это объясняется, вѣроятно, какъ замѣчаетъ Э. Шмидтъ, дипломатическими сображенія гётевскаго кружка, не желавшаго добить Виланда окончательно [21]). Возможно, что сатира была напечатана безъ вѣдома автора, почему и была замолчена гётевской партіей, не желавшей подливать еще больше масла въ огонь.

Съ момента появленія этой послѣдней сатиры противъ Виланда стало ясно, что Гёте началъ уже расходиться съ Ленцемъ въ вопросѣ о необходимости открытой борьбы съ Виландомъ. Въ декабрѣ 1774 г. Гёте обмѣнялся съ Виландомъ письмами [22]). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возникъ вопросъ о переселеніи Гёте въ Веймаръ. Осенью этого года (1775) переселеніе это, дѣйствительно, совершилось, и послѣдовало сближеніе съ Виландомъ. Такимъ образомъ молодая литературная партія лишилась мощнаго союзника и участника въ походѣ противъ Виланда. Тѣмъ не менѣе Ленцъ продолжалъ вести борьбу неутомимо. Рѣшительный ударъ Виланду онъ думалъ нанести комедіей въ аристофановскомъ вкусѣ «Облака».

Это произведеніе возникло въ разгаръ борьбы Ленца противъ Виланда и было написано лѣтомъ 1775 г. Въ августѣ комедія была готова, и Ленцъ обѣщалъ Гердеру прислать ему ее въ Бюкебургъ [23]), а въ началѣ сентября рукопись была уже въ рукахъ Лафатера въ Цюрихѣ. Ленцъ просилъ Лафатера взять на себя заботы по печатанію «Облаковъ», произведенія, которое, по его мнѣнію, могло дать «другое направленіе» нѣмецкой литературѣ и «ея вліянію на умы». На Лафатера комедія произвела неблагопріятное впечатлѣніе, и онъ сталъ отсовѣтовать Ленцу печатать. «Горе моему отечеству—отвѣчалъ ему Ленцъ—если «Облака» не будутъ напечатаны». Ему хо-

чется, чтобы «Облака» появились въ печати немедленно. «Пришли мнѣ лучше яду, дорогой, но не отказывай въ просьбѣ. Если я удостоюсь пострадать за это произведеніе, то кто будетъ счастливѣе меня?—И именно теперь она должна быть опубликована—иначе вся картина потеряетъ свою привлекательность, силу и правдивость»[24]).

Въ началѣ октября въ длинномъ письмѣ къ Ленцу Лафатеръ излагаетъ мотивы противъ напечатанія «Облаковъ». Ему кажется, что Ленцъ несправедливъ къ Виланду, представляетъ его себѣ не такимъ, каковъ онъ въ дѣйствительности. «Я считаю его самымъ раздражительнымъ и непостояннымъ существомъ, но не лицемѣромъ, не змѣею. Если бы онъ былъ ею — пусть набросится на него укротитель змѣй!» Лафатеръ указываетъ на заслуги Виланда по отношенію къ развитію въ Германіи литературнаго вкуса и полагаетъ, что добро, принесенное имъ, превышаетъ вредъ, который онъ могъ причинить, помимо своихъ хорошихъ намѣреній [25]).

Но мотивы Лафатера были не слишкомъ сильны для того, чтобы расхолодить полемическій пылъ Ленца. Его вражда къ Виланду — отвѣчаетъ онъ Лафатеру — «такъ же вѣчна, какъ вражда воды и огня, смерти и жизни, неба и ада». Онъ борется противъ Виланда-писателя, а не противъ Виланда-человѣка: «Виландъ - человѣкъ сдѣлается когда-нибудь моимъ другомъ, но Виландъ - писатель, иначе говоря философъ, Сократъ — никогда» [26]).

Встрѣтивъ противодѣйствіе со стороны Лафатера, Ленцъ думаетъ уже напечатать «Облака» на свои средства въ Келѣ, [27]) но 2-го октября онъ обратился къ посредничеству Бойе [28]), который и нашелъ издателя въ лицѣ Гельвинга въ Лемго. Зимою 1775—1776 гг. сатира была напечатана.

Между тѣмъ Ленцъ уже нѣсколько измѣнилъ свой прежній взглядъ на Виланда, обусловившій его ѣдкую сатиру. Можетъ быть, убѣжденія Лафатера не прошли совершенно даромъ. Съ другой стороны, близкія отношенія глубоко уважаемой имъ писательницы Софіи Ларошъ къ Виланду, о которыхъ раньше ему было мало извѣстно, заставили его отнестись съ большею терпимостью къ его литературному врагу. Наконецъ, Ленцъ, повидимому, имѣлъ нѣкоторыя основанія предполагать, что, подобно Гёте, онъ найдетъ себѣ мѣсто въ Веймарѣ, гдѣ Виландъ пользовался общимъ уваженіемъ. Для того, чтобы смягчить впечатлѣніе, которое могли произвести «Об-

лака», Ленцъ задумалъ теперь прибавить къ нимъ «Защиту г. В. противъ «Облаковъ»», а въ февралѣ 1776 г. онъ рѣшилъ выпустить въ свѣтъ только эту защиту, а уже отпечатанную сатиру «Облака» предать совершенному уничтоженію. Въ вознѣщеніе убытковъ книгопродавца Ленцъ 19-го февраля послалъ свою новую комедію «Философъ по милости друзей» [29]). По настоянію автора, «Облака» были уничтожены издателемъ и такъ основательно, что до насъ не дошло ни одного экземпляра этой сатиры [30]).

Вейнгольду удалось доказать, что это произведеніе имѣло драматическую форму. Шубартъ прямо называетъ ее «комедіей»; самъ Ленцъ говоритъ объ «актахъ» и «сценахъ» своего произведенія [31]).

Ленцевская комедія была, несомнѣнно, подражаніемъ аристофановскимъ «Облакамъ». Подъ видомъ Сократа былъ выведенъ Виландъ, Стрепсіадъ носитъ имя Леопольда Заука и т. д. Въ сохранившихся замѣткахъ Ленца тема «Облаковъ» опредѣляется такъ: «Виландъ разыгрываетъ изъ себя Сократа, къ которому приходятъ за совѣтомъ о своей душѣ разнаго рода люди. Это оселъ въ шкурѣ льва» [32]).

Поэтому, можно согласиться съ Вейнгольдомъ, что главное дѣйствіе пьесы разыгрывалось между Сократомъ-Виландомъ и Стрепсіадомъ-Заукомъ, который вмѣстѣ съ сыномъ думаетъ обучаться виландовской философіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, выведены были разнаго рода люди, приходящіе къ Виланду за совѣтомъ. Сцены эти должны были бичевать нравственную вредоносность этого нѣмецкаго Сократа. Къ числу дѣйствующихъ лицъ принадлежалъ художникъ Герардъ, который также приходитъ къ Виланду за совѣтомъ: тотъ рекомендуетъ ему Боккаччіо, чтобы исцѣлиться отъ меланхоліи [33]). Въ черновыхъ наброскахъ Ленца сохранилась сцена между *Сократомъ* и *дѣвушкой-піэтисткой*. Можно считать несомнѣннымъ, что эта сцена предназначалась для «Облаковъ», хотя, можетъ быть, и была исключена изъ рукописи, назначенной для печати [34]).

Сцена эта, напечатанная Вейнгольдомъ, показываетъ, что Виландъ «Облаковъ» былъ продолженіемъ Мопса изъ «эклоги» «Меналкъ и Мопсъ». Какъ и тамъ, онъ выставляется сластолюбцемъ и «злодѣемъ, опаснымъ еще болѣе тѣмъ, что является подъ маской благочестія». Піэтистка, кающаяся въ своемъ паденіи, ищетъ нравственной поддержки у Сократа-Виланда. Послѣдній съ полнѣйшимъ цинизмомъ проповѣдуетъ ей, что любовь не составляетъ грѣха и,

ало быть, раскаиваться ей не въ чемъ. «Раскаяніе есть самая раз-
рушительная страсть человѣческой души; она овладѣваетъ всѣми ея
илами и дѣлаетъ неспособною къ иному добру»—говоритъ онъ.

Піэтистка (боязливо дотрагивается до его руки). Ахъ, Боже
ой! Что говорите вы? Стало-быть раскаяніе и сокрушеніе о грѣхѣ
сть зло?

Сократъ. Конечно, зло, и я повторяю вамъ, что душѣ не хва-
итъ болѣе силъ для улучшенія жизни.

Сократъ-Виландъ придерживается пословицы «чѣмъ ушибся, тѣмъ
лѣчись» и для заглушенія мукъ совѣсти рекомендуетъ повтореніе
рѣха. По уходѣ разгнѣванной піэтистки онъ мечтаетъ о возмож-
ости принять самое ближайшее участіе въ исцѣленіи прекрасной
рѣшницы по рекомендованному имъ способу [35]).

Мишенью насмѣшекъ Ленца кромѣ Виланда, является въ «Обла-
кахъ» также и Николаи, который незадолго предъ тѣмъ изобра-
илъ Ленца въ своей пародіи на гётевскаго «Вертера» въ смѣш-
омъ видѣ [36]).

Нѣкоторый свѣтъ на содержаніе погибшихъ «Облаковъ» проли-
аетъ «Защита г. В. противъ Облаковъ»*). Это крайне рѣдкое про-
зведеніе извѣстно въ настоящее время не болѣе, какъ въ четырехъ
кземплярахъ [37]).

Во вступленіи указывается, что авторъ «Облаковъ» писалъ эту
атиру въ такомъ возбужденномъ состояніи, что не имѣлъ возмож-
ости «обуздать силу своего воображенія и свои страсти» [38]). Онъ
отовъ теперь сознаться, что «сбился съ истиннаго пути, застрялъ
ъ болотѣ, забрызгалъ грязью себя и другихъ», съ «содроганіемъ ду-
аетъ о томъ, что и другія бурныя головы» (Strudelköpfe) послѣдуютъ
го дурному примѣру. «Ничего нѣтъ легче, какъ написать пасквиль въ
ристофановскомъ вкусѣ (eine Aristophanische Schmähschrift), но въ
ѣкоторыхъ случаяхъ не особенно легко защитить его». Ленцъ до-
одитъ даже до того, что уподобляетъ себя уличному мальчишкѣ,
оторый забрасываетъ грязью и камнями перваго встрѣчнаго «хо-
ошо одѣтаго человѣка» [39]).

*) Vertheidigung des Herrn W. gegen die Wolken von dem Verfasser der Wol-
en. Съ эпиграфомъ: Nec sum adeo informis. Virgl. Eccl. 2 v. 25 et. sq. 1776.
 16°. 48 стр.

Ленцъ готовъ признать, что Виландъ отнесся къ нему справедливѣе, чѣмъ ко всѣмъ другимъ писателямъ [40]). Съ своей стороны, онъ и не думаетъ отрицать заслугъ «этого великаго человѣка» по распространенію «жажды знанія, тонкости чувствъ и до извѣстной степени доброты сердца» «среди читателей самыхъ разнообразныхъ сословій и состояній», начиная отъ кабинетныхъ ученыхъ и кончая людьми низшаго класса [41]).

Основный свой тезисъ Ленцъ выражаетъ словами своего письма къ одному изъ друзей: «я люблю Виланда, какъ человѣка, я удивляюсь ему, какъ комическому писателю, но я ненавижу его, какъ философа и буду ненавидѣть непрестанно» [42]). Къ этому присоединяется диктаторское положеніе Виланда въ литературѣ, которое является для него источникомъ разнаго рода благъ и кажется Ленцу несправедливымъ. «Голосомъ раненаго Марса или, если угодно, голосомъ Силена, сидящаго верхомъ на ослѣ», Ленцу хотѣлось бы громко провозгласить «всѣмъ будущимъ поэтамъ или преемникамъ и поклонникамъ нашихъ поэтовъ» принципъ, что *безкорыстіе* должно быть великимъ и вѣчнымъ пробнымъ камнемъ для всѣхъ истинныхъ писателей. Конечно, никто болѣе поэтовъ не заслуживаетъ награды со стороны государства; печальна судьба Плавта, принужденнаго вертѣть мельничное колесо [43]).

Авторъ не завидуетъ счастливой судьбѣ Виланда; онъ награжденъ справедливо, но пусть же онъ не посягаетъ на права другихъ. Писатели похожи на купцовъ, изъ которыхъ каждый восхваляетъ свой товаръ; сужденіе же о достоинствѣ его принадлежитъ *всему народу*. Понятіе народъ Ленцъ принимаетъ «въ смягченномъ смыслѣ», исключая изъ него чернь, «которая знаетъ поэтовъ и ученыхъ не иначе, какъ по наслышкѣ»; съ другой стороны, *отцовъ народа* причисляетъ онъ также къ народу. Здѣсь Ленцъ выражаетъ любимую мысль Мерсье, который постоянно и настойчиво проводилъ подобную мысль о souveraineté du peuple въ обсужденіи произведеній искусства [44]). Естественными руководителями народа въ подобныхъ вопросахъ являются *истинные ученые* и *истинные* философы. Они одни только могутъ носить «священное имя рецензентовъ» [45]).

Было время, когда и въ Германіи были истинные рецензенты въ родѣ Аббта, Мендельсона, Гаманна и имъ подобныхъ сотрудниковъ

берлинскихъ «Литературныхъ писемъ» [46]). Такова рода критики могутъ быть руководителями литературы.

Совсѣмъ иное дѣло диктаторство журнала «Всеобщая нѣмецкая библіотека» съ его непризванными къ истинной критикѣ сотрудниками. Здѣсь Ленцъ обрушивается на издателя этого журнала Николаи, который несомнѣнно подразумѣвается здѣсь подъ именемъ «Buchhändler I.» [47]). Его бичуетъ Ленцъ за претензію быть деспотическимъ законодателемъ нѣмецкой литературы, монополистомъ журналистики и критики, навязывающимъ чуть не насильно свои взгляды и свои вкусы публикѣ, собирающимъ толпы разношерстныхъ сотрудниковъ, которыхъ онъ къ тому же эксплуатируетъ въ меркантильныхъ цѣляхъ, и преслѣдующимъ все новое, молодое, свѣжее, оригинальное и честное (разумѣй, конечно, «бурныхъ геніевъ»).

Чтобы не заподозрили безпристрастіе отношенія его къ Николаи, Ленцъ спѣшитъ прибавить, что онъ всегда цѣнилъ берлинскаго журналиста, «какъ книгопродавца и первоначальнаго любителя и споспѣшествователя нѣмецкой литературы, а также занимательнаго романиста въ его N.» (разумѣется романъ Sebaldus Nothanker). «Но какъ скоро онъ желаетъ сдѣлаться не только критикомъ, но и импрессаріо и *директоромъ* всѣхъ критиковъ, господиномъ всѣхъ господъ, то я издѣваюсь надъ нимъ со всѣми его надутыми претензіями и осмѣиваю его» [48]).

Всѣхъ подобныхъ «желтыхъ какъ воскъ Аристарховъ», которые похожи на паяцовъ, не могущихъ угоняться за настоящими канатными плясунами, Ленцъ готовъ высмѣивать и вышучивать, да не смущаютъ они молодыхъ людей и не вводятъ опаснаго принципа «jurare in verba magistri» [49]).

Послѣ этого Ленцъ переходитъ къ главному предмету «Защиты»: къ изложенію мотивовъ, принудившихъ его выступить противъ Виланда. Онъ упрекаетъ послѣдняго за несчастную идею выставлять себя современнымъ Сократомъ. Отъ Ленца далека мысль хотя бы чуть-чуть унизить этого великаго человѣка. Онъ счелъ бы подобное отношеніе къ Сократу «настоящимъ богохульствомъ». Въ «Облакахъ» онъ возставалъ лишь противъ тѣхъ неразумныхъ поклонниковъ Сократа, «которые въ свое время уже возбудили желчь Аристофана». Этихъ-то «сократидовъ» желалъ онъ «устранить и сдѣлать скромнѣе напоминаніемъ объ этомъ великомъ имени». Что за несчастная мысль

пришла въ голову Виланду, имѣющему *иныя великія* заслуги, увеличивать собою число подобнаго сорта людей! [50])

Ленцъ не перестаетъ цѣнить Виланда, какъ поэта. Онъ восхищается его «Музаріономъ»: «Какой мягкій подборъ красокъ, какая превосходная и живая обрисовка характеровъ»! Задача поэта заключается въ томъ, чтобы наглядно и образно изображать предметы такими, каковы они въ дѣйствительности, или — самое большое—каковыми они могутъ быть. Пока Виландъ ставитъ себя подлѣ Фильдинговъ, то его сочиненія могутъ быть даны въ руки всѣхъ молодыхъ людей безо всякаго вреда. Но какъ скоро онъ ставитъ себя рядомъ съ Сократами и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ героя своего произведенія играть очень смѣшную роль—«то мы должны предостерегать горячо противъ этого, какъ противъ самаго заразительнаго и быстродѣйствующаго яда, какой только былъ когда - либо приготовленъ въ нѣдрахъ земли врагомъ человѣческаго рода» [51]).

Всего болѣе возстаетъ Ленцъ на Виланда за его «Новаго Амадиса», въ которомъ, по его мнѣнію, грубо и цинично осмѣивается благородный идеализмъ молодости. Въ подобномъ симпатичномъ характерѣ, какъ Амадисъ, «даже слабости заслуживаютъ уваженія и достойны скорѣе слезъ друга человѣчества, чѣмъ осмѣянія [52]). Кого осмѣиваетъ Виландъ? Юношу, заслуживающаго совершенно иного къ себѣ отношенія, исполненнаго достоинства, хорошихъ качествъ и благородныхъ стремленій. Нельзя не возмутиться тѣмъ, что такой человѣкъ «поставленъ на одну доску съ полусумашедшимъ рыцаремъ печальнаго образа и сдѣланъ героемъ комическаго романа» [53]).

Въ связи съ сужденіемъ объ Амадисѣ Ленцъ набрасываетъ печальную картину низкаго уровня нравственности его времени. Религія, въ ея теперешнемъ состояніи, безсильна, по его мнѣнію, «регулировать бушующія въ насъ страсти въ рѣшительный моментъ искушенія» [54]). Современные браки лишены нравственнаго содержанія и не принимаютъ въ расчетъ истинныхъ требованій сердца [55]).

Ленцъ кончаетъ свою «Защиту» выраженіемъ надежды, что Виландъ вступитъ на новый путь. «Въ такомъ случаѣ — о мой любезный другъ! дайте мнѣ вашу руку, и я буду уважать ваше сердце такъ же, какъ я никогда не отказывалъ въ удивленіи вашимъ дарованіямъ» [56]).

Въ «Защитѣ» Ленцъ, несомнѣнно, протягивалъ руку примиренія Виланду и подготовлялъ себѣ почву для личныхъ сношеніяхъ съ Виландомъ, которыя ему предстояли въ Веймарѣ. Это примиреніе, какъ увидимъ, дѣйствительно совершилось [57]).

Теперь мы обратимся къ произведенію Ленца, въ которомъ также удѣлено извѣстное мѣсто Виланду, но задача котораго гораздо шире. Это «Pandaemonium Germanicum», литературная сатира въ драматической формѣ, опредѣляющая, съ точки зрѣнія Ленца, отношеніе молодой партіи «бури и натиска» къ другимъ современнымъ литературнымъ направленіямъ.

Къ печати она, повидимому, не предназначалась. По крайней мѣрѣ, на рукописи Берлинской библіотеки имѣется помѣтка рукою Ленца: «Wird nicht gedruckt». Но тайны изъ своей сатиры Ленцъ не дѣлалъ. Въ концѣ іюля или началѣ августа 1775 г. Ленцъ послалъ рукопись «Pandaemonium germanicum» Гердеру, одновременно съ комедіей «Солдаты» [58]). Весьма вѣроятно, что «Pandaemonium» сдѣлался извѣстнымъ и Гёте [59]). Друзья Ленца, Шлоссеръ и Редереръ, также, повидимому, знали это произведеніе [60]).

Время происхожденія сатиры можно опредѣлить довольно точно. Отчасти Pandaemonium принадлежитъ къ той полемической литературѣ, которая была вызвана гётевскимъ «Вертеромъ» [61]) и примыкаетъ такимъ образомъ къ его же «Письмамъ о нравственности Вертера». Такимъ образомъ Pandaemonium не могъ быть написанъ ранѣе зимы 1774—75 гг., когда вокругъ гётевскаго героя разразилась настоящая литературная война. Замыселъ Pandaemonium'а относится, вѣроятно, къ самому разгару этой войны, выполненіе же его было врядъ ли ранѣе весны 1775 г. Это видно изъ упоминанія «недавняго возстанія крестьянъ въ Богеміи» (II Д., сц. 3), бывшаго весною 1775 г. [62]) и изъ намека на вагнеровскую сатиру «Прометей, Девкаліонъ и его рецензенты» (II Д., сц. 4), напечатанную также весною 1775 г. [63]). Для опредѣленія времени написанія сатиры можетъ служить также намекъ на виландовскую рецензію, помѣщенную въ январской книжкѣ «Нѣмецкаго Меркурія» [64]). Кромѣ того, именно въ 1775 году у Ленца были самыя лучшія отношенія къ Софіи Ларошъ, о которой онъ отзывается съ восторгомъ въ Pandaemonium'ѣ. Къ тому же году, какъ мы видѣли, относятся самыя близкія и сердечныя отношенія Ленца къ Гёте, который стоитъ въ центрѣ лен-

цевской сатиры и восторженно прославляется, какъ вождь новаго литературнаго движенія [65]).

Мы уже знаемъ, что послѣ выхода «Гёца ф. Берлихингенъ» Ленцъ прислалъ Гёте шутку подъ заглавіемъ «Нашъ брачный союзъ», въ которомъ сопоставлялъ, въ юмористической формѣ, свой талантъ съ талантомъ Гёте. «Вертеръ», явившійся новымъ блестящимъ доказательствомъ выдающагося генія его автора, побудилъ Ленца написать «Pandaemonium», въ основѣ котораго лежитъ та же тенденція, что и въ упомянутой шуткѣ. Здѣсь также идетъ рѣчь о сопоставленіи ихъ талантовъ, при чемъ Ленцъ удѣляетъ себѣ мѣсто, хотя и подлѣ Гёте, но несравненно ниже его. Все произведеніе полно самого восторженнаго отношенія къ Гёте, который выставляется здѣсь, какъ лучезарный геній, поэтъ «божьей милостью», богатырь поэзіи, побѣдоносно повергающій въ прахъ своихъ литературныхъ противниковъ. Здѣсь Ленцъ скромно называетъ себя «подражателемъ Гёте» (I актъ, сц. 2). Гёте легко, шутя преодолѣвая всѣ препятствія, взбирается на вершину Парнасса; Ленцъ же съ трудомъ карабкается за нимъ. Гёте изображенъ геніемъ, въ родѣ пушкинскаго Моцарта, безъ всякаго усилія достигающимъ высокихъ поэтическихъ цѣлей. Себя же Ленцъ изображаетъ только талантомъ, хотя и цѣннымъ, но нуждающимся въ руководительствѣ этого новаго Прометея. Только близость къ Гёте и признаніе его верховенства дѣлаютъ въ сатирѣ положеніе Ленца почетнымъ.

Первый актъ, состоящій изъ четырехъ сценъ, посвященъ изображенію отношенія гётевской литературной партіи къ «подражателямъ», «филистерамъ» и «журналистамъ».

Въ франкфуртской рѣчи 1771 г. Гёте называлъ Шекспира «величайшимъ странникомъ» міра, путешествующимъ «въ семи-мильныхъ сапогахъ». Гердеру Шекспиръ представлялся сидящимъ величественно и важно на вершинѣ высокой скалы, у подножія которой жмутся толпы робкихъ толкователей. Геній самого Гёте Шубартъ сравнивалъ съ Исполиновыми горами [66]). Въ соотвѣтствіи съ этимъ, нѣмецкій Парнассъ изображенъ въ Pandaemonium'ѣ въ видѣ «крутой горы», на которую взбираются Гёте и Ленцъ. Послѣдній одѣтъ въ дорожное платье, которое должно указывать на то, что онъ не уроженецъ Германіи и является въ ней только путешественникомъ.

Гѣте. Что это за крутая гора съ такимъ множествомъ тропинокъ?

Ленцъ. Не знаю, Гёте! Я только что пришелъ сюда.

Гѣте. Посмотрѣть сверху, какъ людишки карабкаются туда и постоянно скатываются внизъ — это, должно быть, великолѣпное зрѣлище. Я хочу наверхъ. (*Идетъ за гору и исчезаетъ*).

Ленцъ. Если онъ взберется наверхъ, то удастся ли мнѣ снова увидать его? Охотно поближе узналъ бы его, онъ промелькнулъ передо мною, какъ видѣніе *). Стряхну-ка я дождевыя капли съ моей дорожной шинели да посмотрю, какъ бы и мнѣ взобраться наверхъ.

(*Другая сторона горы, сплошь заросшая кустарникомъ. Ленцъ ползетъ на четвереинькахъ*).

Ленцъ (*оборачивается и взываетъ*). Тяжелый трудъ! И никого, съ кѣмъ бы я могъ промолвить слово. Гѣте! Гѣте! О если бъ намъ остаться вмѣстѣ! Чувствую, что съ тобою я могъ бы прыгать тамъ, гдѣ я принужденъ теперь ползать. Если бы кто-нибуть изъ критиковъ увидалъ меня, какъ вздернулъ бы онъ носъ! Имъ что за дѣло, они не послѣдуютъ за мною сюда. Увы! снова начинается дождь. О небо! ты такъ разгнѣвалось на меня, смертнаго вышиною въ ладонь, который только хочетъ взглянуть кругомъ! — Впередъ! Отъ думъ болитъ голова (*карабкается дальше*).

(*Снова другая часть горы, изъ которой выдается голая скала. Гѣте вспрыгиваетъ на нее и озирается*).

Гѣте. Ленцъ! Ленцъ! что за дивный видъ! — Тамъ, о! — тамъ стоитъ Клопштокъ. Какъ это я не замѣтилъ его снизу. Хочу къ нему. Кажется, онъ тамъ отдыхаетъ, облокотившись. Благородный мужъ, какъ ты будешь радоваться, увидѣвъ здѣсь живое существо!

(*Снова другая часть горы. Ленцъ пытается встать на ноги*).

Ленцъ. Слава Богу! Я снова могу держаться на ногахъ. Отъ ползанья у меня кровь бросилась въ голову. О, какъ я одинокъ! Умереть бы! Я вижу здѣсь много слѣдовъ, но всѣ они спускаются внизъ, и не одинъ не поднимается наверхъ. Милосердый Боже! Какое одиночество!

(*Въ нѣкоторомъ отдаленіи на скалѣ показывается Гѣте, кото-*

---

*) Вѣроятно, Ленцъ намекаетъ здѣсь на свое первое знакомство съ Гёте въ Страсбургѣ въ 1771 г.

рый замѣчаетъ его. Однимъ прыжкомъ онъ (Гёте) приближается къ нему).

Гёте. Ленцъ, нѣмецъ, что ты дѣлаешь здѣсь?

Ленцъ (бросается къ нему). Братъ Гёте! (*прижимаетъ его къ сердцу*).

Гёте. Чортъ возьми! Какъ ты пробрался за мной?

Ленцъ. Не знаю, гдѣ прошелъ ты, но я совершилъ тяжелый путь.

Гёте. Такъ останемся вмѣстѣ. (*Оба идутъ къ другой вершинѣ*).

Аллегорическій смыслъ этой сцены вполнѣ ясенъ: она прослѣживаетъ отношенія Ленца къ Гёте со времени ихъ первой встрѣчи въ Страсбургѣ и до лѣта 1775 года, когда ихъ дружба дошла до своего зенита. По разсказу Гёте въ автобіографіи онъ быстро сошелся съ Ленцемъ, такъ какъ оба они «лелѣяли одинаковыя стремленія». Такъ и Ленцъ изображаетъ себя и Гёте взбирающимися на одну и ту же гору, т. е. исповѣдующими одни и тѣ же литературные вкусы и стремленія. Но Гёте уходитъ впередъ и первый взбирается высоко, т. е., иначе говоря, пишетъ своего «Гёца» (1773). Оставшійся въ Страсбургѣ Ленцъ полонъ воспоминаній о Гёте, который «промелькнулъ передъ нимъ какъ видѣніе» при первомъ мимолетномъ знакомствѣ. Долгимъ и упорнымъ трудомъ пытается онъ достигнуть высоты гётевскаго творчества. Поэзія Клопштока является для обоихъ руководящимъ идеаломъ. Хотя и послѣ Гёте, но Ленцъ все же взбирается на нѣмецкій Парнассъ, т. е. издаетъ «Гофмейстера», переводъ Плавта, «Новаго Менозу», переводъ шекспировскихъ «Потерянныхъ усилій любви» и «Замѣчанія о театрѣ» (все въ 1774 г.). Въ то же время Гёте издаетъ «Вертера», или, говоря языкомъ Pandaemonium'а, взбирается еще выше. Оттуда онъ протягиваетъ руку Ленцу, оцѣниваетъ его благородныя усилія на дорогомъ ему поприщѣ и приглашаетъ остаться съ собою.

Эта сцена дала поводъ Гетнеру упрекать Ленца въ «высокомѣрномъ мнѣніи о себѣ», которому «нисколько не соотвѣтствовали его собственныя поэтическія произведенія»[67]). Но въ сущности, Ленцъ повторялъ только взглядъ, который установился у его современниковъ: въ 1774—75 годахъ имена Гёте и Ленца очень часто ставились рядомъ, ихъ обоихъ считали выдающимися представителями новой литературной партіи, такъ громко заявившей о себѣ прежде всего именно въ ихъ произведеніяхъ. Въ глазахъ современниковъ

этихъ годовъ между Гёте и Ленцемъ не было той бездны, которая въ нашихъ глазахъ существуетъ между геніальнымъ творцомъ «Фауста» и второстепеннымъ талантливымъ писателемъ эпохи бурныхъ стремленій. Мы знаемъ, что современники не всегда были въ состояніи отличить гётевское достояніе отъ ленцевскаго: ленцевскія произведенія приписывались Гёте, а гётевскія — Ленцу. Одинъ изъ наиболѣе восторженныхъ представителей эпохи «бури и натиска» Шубартъ называлъ Ленца и Гёте поэтами-близнецами, оба были его «любимцами», обоихъ называетъ онъ «чародѣями»[68]). Мы знаемъ, что даже наша современная критика чувствуетъ себя въ очень затруднительномъ положеніи, когда берется подѣлить между Гёте и Ленцемъ стихотворенія «Зезенгеймскаго пѣсенника». Въ тѣ годы, о которыхъ мы говоримъ, и Гёте, и Ленцъ были только еще начинающими писателями, сумѣвшими сразу приковать къ себѣ всеобщее вниманіе. Далеко не всѣ произведенія Гёте изъ той поры ставились современниками выше ленцевскихъ. Тотъ же Шубартъ, восхищаясь «Новымъ Менозой» Ленца, осуждалъ гётевскаго «Клавиго» и выражался, что въ этой пьесѣ «гётевскій геній почилъ не на розахъ, а на крапивѣ»[69]). Этотъ же страстный поклонникъ «бури и натиска» не могъ переварить гётевской карнавальной шутки «Ярмарка въ Плундерсвейлернѣ»[70]). Ни объ одномъ изъ произведеній Ленца онъ не давалъ такого суроваго приговора.

И у Гёте, и у Ленца современники одобряли одно, осуждали другое; у обоихъ писателей принималось съ сочувствіемъ то, что было по душѣ тому или другому читателю. У современниковъ была иная мѣрка въ оцѣнкѣ первыхъ произведеній Гёте и Ленца, чѣмъ господствуетъ теперь. Не боясь впасть въ парадоксъ, можно сказать, что современники были въ нѣкоторомъ отношеніи безпристрастнѣе, чѣмъ нынѣшніе спеціалисты по «гётевской филологіи»: живое и непосредственное впечатлѣніе первыхъ не затемнялось нерѣдкимъ предвзятымъ мнѣніемъ вторыхъ, которые слишкомъ часто придерживаются тезиса, что все, вышедшее когда-либо изъ рукъ Гёте, обязательно должно быть неизмѣримо выше всякихъ другихъ аналогическихъ попытокъ.

Мнѣніе современниковъ имѣетъ рѣшающее значеніе въ нашемъ вопросѣ. При чемъ «высокомѣріе» Ленца, когда онъ повторялъ лишь то, о чемъ кричали всѣ дружественные новому направленію жур-

налы, ставившіе имена Гёте и Ленца рядомъ? Къ тому же и со стороны самого Гёте Ленцъ испытывалъ самое дружественное къ себѣ отношеніе. Это было время, когда оба молодыхъ писателя находились въ самой интимной и сердечной перепискѣ, дѣлились своими мыслями, планами, надеждами, раскрывали другъ другу тайники своего сердца, когда они мѣнялись своими новыми произведеніями въ рукописи, до напечатанія, и цѣнили взаимныя указанія и совѣты. Мы знаемъ, что Гёте высоко ставилъ талантъ Ленца [71]); эта оцѣнка не могла, конечно, остаться неизвѣстной его другу. Своей горячей поддержкой «Вертера», своими «Письмами о нравственности Вертера», такъ восхитившими Гёте (онъ называлъ эти письма «отпрыскомъ золотого сердца Ленца» [72]), онъ еще болѣе скрѣпилъ ихъ взаимныя узы. Мы видѣли, что свиданіе Гёте съ Ленцемъ въ Страсбургѣ въ маѣ и іюлѣ 1775 г. было самое сердечное. Стихотворенія, взаимно посвященныя ими другъ другу при этомъ случаѣ, достаточно свидѣтельствуютъ о горячности ихъ дружбы во вкусѣ той экзальтированной эпохи.

Принимая въ соображеніе все сказанное нами, мы врядъ ли будемъ въ правѣ счесть первую сцену Pandaemonium'a, какъ это часто дѣлается, за вопіющую дерзость со стороны Ленца [73]).

Вторая сцена бичуетъ «подражателей». Подъ послѣдними нужно, конечно, разумѣть непризванныхъ сторонниковъ партіи «бури и натиска», не соратниковъ Гёте, въ родѣ Клингера, Вагнера и др., а толпу всякаго рода бездарныхъ писакъ, которымъ успѣхъ Гёте вскружилъ голову, и они по своей недалекости вообразили, что этотъ успѣхъ выпадетъ и на ихъ долю, стоитъ только имъ подражать Гёте, или, говоря образами сатиры, влѣзть на гору, вершину которой занялъ Гёте. На кучу этихъ подражателей, копошащихся у подошвы горы, взираетъ олимпіецъ-Гёте и дѣлится съ Ленцемъ насмѣшливыми замѣчаніями по адресу этихъ «муравьевъ» [74]). Иронически Гёте приглашаетъ «достойнѣйшихъ господъ» пожаловать на верхъ горы, прельщая ихъ «великолѣпнымъ видомъ». Нѣкоторые изъ «подражателей», вставъ на камни, чувствуютъ себя уже выше другихъ и шумно приглашаютъ другихъ послѣдовать за ними. «Внизъ, шуты гороховые!—кричатъ имъ остальные: «вы взобрались на локоть выше насъ и уже производите такой шумъ!» Происходитъ свалка; пускаются въ ходъ камни. Задумываютъ сшибить Гёте камнемъ съ его

позиціи, но онъ стоитъ такъ высоко, что въ бинокль едва могутъ замѣтить его «съ его большими черными глазами». Камни не долетаютъ до него, а только увѣчатъ и убиваютъ самихъ нападающихъ.

Гёте. Давай позабавимся и бросимъ что-нибудь внизъ. Нѣтъ ли съ тобой листа бумаги?

Ленцъ. Вотъ онъ.

Гёте. Они сочтутъ его за обломокъ скалы. Ты умрешь со смѣха.

Роняетъ листъ. Всѣ бѣгутъ со страшнымъ крикомъ:

Онъ сокрушилъ наши кости! Онъ бросилъ на насъ вторую Этну! Пощади, о, пощади, далеко стрѣляющій Аполлонъ!

Нѣкоторые прыгаютъ въ воду, другіе поднимаютъ руки и ноги вверхъ, какъ будто гора уже придавливаетъ ихъ.

Гёте. (*обращаясь къ Ленцу, смѣясь*). Глупцы!

Ленцъ. Я готовъ бы сойти внизъ и образумить ихъ.

Гёте. Оставь ихъ. Если бы не было глупцовъ на свѣтѣ, что было бы со свѣтомъ?

Вся толпа ползетъ вверхъ по горѣ, какъ муравьи; ежеминутно падаютъ внизъ и выдѣлываютъ забавнѣйшіе пируэты. Стоящіе внизу: Вотъ такъ гора! Чортъ побери эту гору! Отъ нея заболѣваешь падучей!

Приходитъ группа «чужеземцевъ». «Знаете ли вы господина Гёте и его подражателя Ленца?» спрашиваютъ вновь прибывшіе и получаютъ отвѣтъ: «Мы только что были у нихъ; глупцы не захотѣли сойти къ намъ и сказали, что имъ такъ понравилось быть тамъ на верху, гдѣ воздухъ рѣже».

Третья сцена выводитъ «филистеровъ»[75]). Группа бюргеровъ бесѣдуетъ въ долинѣ съ Ленцемъ. Одинъ изъ нихъ выражаетъ сожалѣніе, что его произведенія по большей части приписываются другому (т. е. Гёте). Но Ленца это обстоятельство «радуетъ». «Долженъ ли печалиться отецъ, что сынъ мѣняетъ свое имя, если при этомъ онъ достигаетъ скорѣйшаго счастія?»[76]). На склонѣ горы появляется Гёте. «Бюргеры» и «ученые» поднимаютъ руки вверхъ, какъ бы защищаясь отъ камней. «Не довѣряйте ему!»—раздаются крики.

Далѣе появляются «журналисты» — предметъ постоянныхъ нападокъ молодой партіи. На «воздушномъ кораблѣ» поднимаются они, гонимые «гётевскимъ вѣтромъ», и привѣтствуютъ его.

Гёте (*Ленцу*). Подшутимъ надъ молодежью (*Бросаетъ имъ веревку. Журналисты, превратившись въ мухъ, усаживаются на ней снизу доверху*). Теперь неугодно ли вамъ внизъ? (*Стряхиваетъ ихъ*).

Журналисты превращаются—въ мальчиковъ, цѣпляются за ноги Гёте и прославляютъ его: «Александръ, Цезарь, Фридрихъ—пигмеи въ сравненіи съ тобою!».—«Что въ сравненіи съ тобой великіе геніи нашихъ сосѣдей — Шекспиры, Вольтеры, Руссо!» — «Что сами древніе, которыхъ такъ прославляютъ, болтунъ Овидій, жалкій Виргилій и твой Гомеръ? Ты, ты нашъ національный поэтъ, ты возвышаешь нѣмцевъ надъ греками». «Увы, они испортятъ его» вздыхаетъ Ленцъ, закрывая лицо руками. Но Гёте стряхиваетъ ихъ съ ногъ, и они скатываются по горѣ: «Подцѣпи васъ падучая! Ахъ вы негодяи, вы вѣчно заняты величіемъ чужеземцевъ и не изучаете своего собственнаго. Въ состояніи ли вы почувствовать, что такое былъ Цезарь и что есть Фридрихъ! Можете ли вы уразумѣть, что такое я? Величіе героя, политика, ученаго и художника безконечно различно! Я художникъ, глупые льстецы, и никогда не хотѣлъ быть ничѣмъ инымъ». Тогда всѣ журналисты изъявляютъ желаніе сдѣлаться художниками.

Нападки на журналистовъ и рецензентовъ были обычнымъ явленіемъ у «бурныхъ геніевъ». Взгляды на нихъ гётевскаго кружка нашли себѣ хорошее выраженіе въ «Франкфуртскихъ ученыхъ запискахъ» 1772 г. [77]).

Самымъ лучшимъ актомъ сатиры является второй. Здѣсь сатира принимаетъ уже личный характеръ. Ленцъ выводитъ представителей различныхъ литературныхъ группъ Германіи и часто мѣтко и остроумно характеризуетъ ихъ.

Первыя двѣ сцены этого акта происходятъ въ «храмѣ славы» [78]). Нѣмецкіе писатели — Гагедорнъ, Геллертъ, Вейссе, Виландъ и др. находятся внизу, а вверху на хорахъ, за рѣшеткой возсѣдаютъ нѣкоторыя знаменитости французской литературы: Лафонтэнъ, Мольеръ, Руссо, Раблэ, Скарронъ и др. Первые дѣйствуютъ, вторые играютъ роль хора греческой трагедіи: выражаютъ своё мнѣніе о происходящемъ, поощряютъ или осуждаютъ. Всѣ выведенные здѣсь нѣмецкіе писатели разныхъ направленій объединены общей чертой ихъ подражательности французамъ, бичуются какъ литературные французоманы.

Гагедорнъ прогуливается по храму славы и «насвистываетъ для препровожденія времени пѣсни», затѣмъ садится за столъ и рисуетъ звѣрей. Лафонтэнъ шлетъ ему съ хоръ свое одобреніе: «Bon! bon! cela passe!» Но вотъ входитъ «тощій философъ, сгорбленный, съ худощавымъ лицомъ, — большимъ носомъ, впалыми свѣтлоголубыми глазами, съ руками скрещенными на груди». Это Геллертъ, слащаво-сентиментальный писатель и профессоръ Лейпцигскаго университета, лекціями котораго восхищался Радищевъ—студентъ, сидя на одной скамейкѣ съ Гёте [79]). Вслѣдъ за Гагедорномъ онъ берется рисовать звѣрей, но при этомъ прячется въ уголъ, чтобы его не замѣтилъ Лафонтэнъ. Толпа, оставивъ Гагедорна, бросается смотрѣть рисунки Геллерта, который «съ брезгливой миной» и ипохондрической усмѣшкой, «глухимъ голосомъ» заявляетъ, что онъ можетъ рисовать не только звѣрей (т. е. писать басни), но и людей (т. е. комедіи). Старухи и кумушки тѣснятся къ нему. Онъ быстро срисовываетъ одну изъ нихъ, вызывая сразу и смѣхъ, и брань.

Старуха. Злой человѣкъ, безбожникъ! У него нѣтъ ни религіи, ни благочестія, иначе онъ не сталъ бы издѣваться надъ почтенною старостью; онъ атеистъ! (Намеки на обвиненія Геллерта со стороны ортодоксальной партіи за его въ сущности безобидную комедію «Die Betschwester»).

При этихъ словахъ Геллертъ падаетъ на колѣни и умоляетъ ради Бога отдать ему портретъ: онъ готовъ сжечь его.

Французы (за рѣшеткой). Ah l'original! *)

Мольеръ (покручивая усы). Je ne puis pas concevoir ces Allemands-là. Il se fait crime d'avoir si bien réussi. Il n'aurait qu'à venir à Paris, il se corrigerait bientôt de cette maudite timidité **).

При этихъ словахъ драматургъ Вейссе, сильно напудренный и одѣтый по-модному, поспѣшно выходитъ, чтобы взять себѣ билетъ до Парижа. Между тѣмъ Геллертъ ютится въ своемъ уголкѣ, на-

---

*) На вопросъ Фридриха II, не подражалъ ли онъ Лафонтэну, Геллертъ отвѣтилъ: „Nein, Ihre Majestät, ich bin ein Original“ (ср. Sauer, Stürmer und Dränger, II, 147, прим.).

**) „Не могу понять этихъ нѣмцевъ. Свой успѣхъ онъ ставитъ себѣ въ преступленіе. Ему стоитъ только побывать въ Парижѣ, и онъ скоро исправится отъ этой проклятой робости“.

даетъ на колѣни, проливаетъ горькія слезы, сначала запѣваетъ духовныя пѣсни, а затѣмъ предается молчаливой меланхоліи, какъ будто на его совѣсти тяготѣло тяжелое преступленіе. Пролетаетъ ангелъ и цѣлуетъ его въ глаза.

Одинъ голосъ. Честная душа! даже въ излишествахъ твоихъ показываешь ты, что нѣмецкая душа неспособна ни на какую неблагородную глупость.

Нѣкоторые французы (когда Геллертъ умираетъ). Il est fou, cet homme.

Руссо (съ крайняго угла рѣшетки, на которую онъ облокотился обѣими руками). C'est un ange *).

Геллертъ здѣсь осмѣивается, какъ баснописецъ, авторъ комедій и религіозный поэтъ. Его слащавая сентиментальность, пассивная меланхолія, плоская нравоучительность не были по вкусу бурнымъ геніямъ. Органъ молодой партіи «Франкфуртскія ученыя записки» еще въ 1772 г. отнесся отрицательно къ этому прославленному писателю, въ свое время оказавшему услуги нѣмецкой литературѣ и воспитанію нѣмецкаго общества. Теперь онъ уже становился исторической достопримѣчательностью среди новаго кипучаго поколѣнія [80]).

Во второй сценѣ сатирикъ Рабенеръ протискивается въ толпу, окружающую Геллерта, и подставляетъ публикѣ цилиндрическое зеркало: одни пугаются, увидя въ немъ свои искаженныя лица, другіе только смѣются надъ гримасами. Раблэ и Скарронъ, наблюдая эту сцену, бросаютъ съ хоръ свое замѣчаніе: Au lieu du miroir, s'il s'était ôté la culotte, il aurait mieux fait. Лисковъ, Клотцъ и «цѣлый выводокъ юныхъ студентовъ» (по другой редакціи: «рецензентовъ») собираются послѣдовать совѣту французовъ. Извѣстный Клоцъ, противникъ Лессинга и Гердера, бичуется здѣсь вмѣстѣ съ его послѣдователями за разгульную жизнь и фривольно-анакреонтическую поэзію. «Французы» замѣчаютъ съ хоръ: Voilà qui est plaisant. Ils commencent à avoir du ton, ces drôles d'Allemands-là **).

Выступаютъ Глеймъ и Уцъ, представители анакреонтической

*) Руссо былъ большимъ поклонникомъ поэзіи Геллерта, которую онъ цѣнилъ за нравственно-поучительное направленіе.

**) Вотъ это забавно. Эти чудаки-нѣмцы начинаютъ имѣть тонъ.

поэзіи, и бренчать однимъ за другимъ на лирѣ Анакреона. Молодой человѣкъ (подъ которымъ разумѣется Виландъ, громившій въ юности Уца и др. анакреонтиковъ) упрекаетъ анакреонтиковъ за безнравственность и гонитъ ихъ изъ храма славы; въ этомъ ему помогаютъ и пасторы, разбивающіе лиру Анакреона. «Кавалеры» и «дамы» обступаютъ Виланда, который вытаскиваетъ имъ изъ кармановъ свои сочиненія прежняго, нравственнаго направленія. Публика зѣваетъ. Тогда Виландъ хватаетъ разбитую лиру, настраиваетъ ее и начинаетъ играть. Дамы закрываютъ лица вѣерами; слышатся визги: «перестаньте, ради Бога». Виландъ не унимается и играетъ все съ большимъ жаромъ. Oh le gaillard! (замѣчаютъ съ хоръ французы) Les autres s'amusaient avec des grisettes, cela débauche les honnêtes femmes *). Представители petite poésie Шольё и Шапелль спускаютъ на облакѣ изъ кисеи Якоби, одѣтаго амуромъ (Іоганнъ Георгъ Якоби, братъ философа, анакреонтикъ и слащавый писатель «для прекраснаго пола»). Сидя на облакѣ, онъ заигрываетъ на волынкѣ. Всѣ начинаютъ танцовать. Якоби выпускаетъ огромное количество бабочекъ **), за которыми дамы начинаютъ гоняться, взывая: «Божокъ любви! божокъ любви!»

Якоби (стоя на облакѣ въ сладкой истомѣ). Ахъ, сколько грацій!

Виландъ. О граціи слово еще за мной. Играетъ другую пьесу (имѣются въ виду «Die Grazien» Виланда). Дамы отчаянно жеманятся. Мужчины перебираются къ нему въ облако и т. д. Подъ конецъ всѣ зѣваютъ.

Виландъ затягиваетъ новую пѣсню. Но въ это время вбѣгаетъ въ храмъ Гёте съ костью въ рукѣ и говоритъ съ жаромъ: «Нѣмцы вы?—Вотъ одна изъ реликвій вашихъ предковъ» ***). «Ахъ если бы ты былъ Гекторъ — говоритъ онъ Виланду: и я могъ бы волочить тебя вокругъ стѣнъ Трои!»

---

*) Ай да весельчакъ! Другіе забавлялись съ гризетками, а этотъ развращаетъ честныхъ женщинъ. Ср. отрывокъ изъ „Облаковъ“ Ленца: Виландъ и піэтистка. „Dramatischer Nachlass“, 321 сл.

**) Необходимая принадлежность анакреонтической поэзіи, какъ и мотыльки, пчелки, зефиры, амурчики и т. п. См. Sauer 149 и Minor und Sauer. „Studien zur Goethe Philologie“, 19 сл.

***) Разумѣется „Гецъ“, ср. письмо Гёте къ Зальцманну 28-го ноября 1771. Pandaemonium Germanicum, изд. E. Schmidt'a, 53.

Гёте. Я сыграю вамъ, хотя инструментъ разстроенъ.

(*Садится, немного настраиваетъ и играетъ. Всѣ плачутъ*).

Виландъ (*на колѣняхъ*). Божественно!

Якоби (*сзади него, также на колѣняхъ*). Сколько грацiи! Какая страсть! какое упоенiе!

Здѣсь идетъ рѣчь, конечно, о «Вертерѣ», о которомъ и Виландъ далъ довольно благосклонный отзывъ, а въ журналѣ Якоби «Iris» была помѣщена (дек. 1774) рецензiя Геце, изъ которой Ленцъ и заимствовалъ вложенныя имъ въ уста Якоби слова.

Двѣ слѣдующихъ сцены имѣютъ непосредственное отношенiе къ полемикѣ, возгорѣвшейся по поводу «Вертера». Выводятся два новыхъ лица: пасторъ и кистеръ, состоящiе при храмѣ славы. Характеристика ихъ мѣтка и удачна и напоминаетъ лучшiя комическiя фигуры Ленца. Впопыхахъ вбѣгаетъ къ пастору кистеръ, бывшiй свидѣтелемъ всего, происходившаго въ «храмѣ славы»: «Господинъ пасторъ! Ради Бога! Если вы не придете на помощь, быть смертоубiйству въ храмѣ. Туда вошелъ антихристъ и такъ взбудоражилъ имъ всѣмъ головы, что они хотятъ лишить себя жизни»... «Передъ тѣмъ сидѣли онѣ мирно и согласно и играли съ бабочками, и вотъ сатана привелъ этого чародѣя, который и говоритъ: ужъ если хотите играть, то играйте пистолетами». — «Заряжены ли они?» спрашиваетъ обезпокойный пасторъ. — «Этого я, положимъ, и не знаю — отвѣчаетъ кистеръ: но если и незаряжены, то все же это грѣшно! — И женщины всѣ точно очумѣли; говорятъ, ничего подобнаго онѣ въ жизни еще не слыхали»... Оба страшно безпокоятся за своихъ женъ, которыя остались въ «храмѣ славы».

Въ началѣ пятой сцены, которая переносится въ тотъ же храмъ, Гёте уличаетъ Виланда въ томъ, что, снабдивъ дурными примѣчанiями романъ Софiи Ларошъ «Geschichte des Fräuleins von Sternheim», онъ готовъ выдать его почти за свое произведенiе. Гёте превозноситъ эту картину (т. е. романъ). Ставитъ ее на высоту, всѣ мужчины падаютъ передъ нею ницъ. Гёте говоритъ: «Воззрите на платоновскую добродѣтель въ человѣческомъ образѣ! Штернгеймъ! О если бы ты знала Вертера, тысяча жизней ему не была бы слишкомъ драгоцѣнна!» Пасторъ взбирается на каѳедру, топаетъ ногами и руками и кричитъ: «Чудовища! Злодѣи! Изверги! Кто далъ вамъ жизнь? Какое вы имѣете право ею распоряжаться?» Далѣе въ уста пастора и въ особенности кистера

влагаются всѣ тѣ обвиненія и проклятія, которыми осыпала «Вертера» церковно-ортодоксальная партія съ пасторомъ Гёце во главѣ. Комическій типъ ограниченнаго кистера удался Ленцу очень хорошо. Онъ сторонникъ «*прекрасной* любви» и горячо возстаетъ противъ той «дикой, богопротивной, сатанинской страсти», которою одержимъ Вертеръ. Онъ жалѣетъ, что нѣтъ въ Германіи инквизиціи. «Что ея нѣтъ, это, конечно, хорошо, и однакоже это не совсѣмъ хорошо: такіе мятежники противъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ должны быть примѣрно наказаны». Онъ упрекаетъ автора за «богохульство и кощунство». Комизмъ положенія пастора и кистера увеличивается тѣмъ, что ихъ собственныя жены увлечены Вертеромъ и защищаютъ его.

Пятая сцена осмѣиваетъ драматурга Вейссе, успѣвшаго уже вернуться изъ Парижа, анакреонтика Михаэлиса и профессора Шмидта, ревностнаго сотрудника «Нѣмецкаго Меркурія» и постояннаго врага молодой партіи «бури и натиска».

Въ глубинѣ сцены французскіе драматурги «рисуютъ съ греческихъ оригиналовъ». За ними помѣщаются нѣмецкіе переводчики и подражатели, которые подсматриваютъ у нихъ черезъ плечо и срисовываютъ штрихъ за штрихомъ. Вейссе одѣтъ по парижской модѣ, а на головѣ носитъ «англійскій» парикъ (намекъ на его пьесы «Ромео и Джульетта» и «Ричардъ III», которыми онъ думалъ состязаться съ Шекспиромъ). Михаэлисъ провозглашаетъ его нѣмецкимъ Шекспиромъ, и «храмъ» наполняется криками: «Шекспиръ! нѣмецкій Шекспиръ!» *) Шмидтъ подмѣчаетъ у Вейссе «удивительное соединеніе всѣхъ совершенствъ англійскаго и французскаго театровъ со включеніемъ греческаго». Вейссе находитъ, что такой отзывъ о немъ — наисправедливѣйшій. Всѣ трое осыпаютъ другъ друга любезностями: Михаэлисъ называетъ Шмидта «истиннымъ критическимъ геніемъ». «Ich bin der Mund der Nation» — провозглашаетъ Шмидтъ. Чувствуетъ онъ себя прекрасно, на высотѣ положенія; одинъ только Лессингъ не даетъ ему покою: «Г. Лессингъ ударилъ уже меня однажды кулакомъ подъ ребра, отчего я едва дышалъ десять дней. Для его успокоенія, я послѣ этого просидѣлъ двадцать

*) Михаэлисъ и Шмидтъ, дѣйствительно, печатно называли Вейссе „нѣмецкимъ Шекспиромъ". Pandaemonium Germanicum, изд. E. Schmidt'a, 56.

ночей напролетъ, чтобы по его мысли десять пьесъ соединить въ одну, и этотъ возвышенный планъ причинилъ мнѣ такую мигрень, что я опасаюсь, что онъ такимъ образомъ отомстилъ мнѣ хуже, чѣмъ первымъ способомъ» [81]).

Осмѣиваемый въ этой сценѣ Вейссе не былъ открытымъ врагомъ молодой партіи, но тайно старался возбудить Лессинга противъ Гёте и его кружка [82]), что могло сдѣлаться извѣстнымъ Ленцу. Шмидта осмѣялъ Гёте въ «Ярмаркѣ въ Плундерсвейлернѣ» подъ именемъ «балаганщика» или «смазчика колесъ» съ его осломъ. Гердеръ обрушился на него въ 1771 г. за его книгу «Біографіи поэтовъ» въ журналѣ «Wandsbecker Bote» [83]).

Шестая сцена представляетъ своего рода апоѳеозъ молодой партіи «бури и натиска» и ея главныхъ вдохновителей: Шекспира, Клопштока и Лессинга. Двое послѣднихъ, вмѣстѣ съ Гердеромъ, входятъ въ «храмъ славы», обнявшись. Лессингъ прославляется въ трехъ отношеніяхъ: 1) какъ противникъ французскаго ложноклассическаго театра въ «Гамбургской Драматургіи», 2) какъ защитникъ древнихъ и подражатель Плавта и 3) какъ авторъ «Минны ф. Барнгельмъ». Гердеръ восхваляется за свою статью о Шекспирѣ (1773). «Присоединись къ намъ, Шекспиръ, блаженный духъ!— взываетъ онъ: снизойди съ твоихъ небесныхъ высотъ».

Шекспиръ (беретъ Гердера подъ руку). Вотъ я.

Вейсе убѣгаетъ изъ храма. Французы посматриваютъ на Шекспира съ презрительной миной. Въ «Замѣткахъ о театрѣ» Ленцъ называетъ Шекспира и Клопштока вмѣстѣ. Такъ и здѣсь читаемъ:

Клопштокъ (передъ Шекспиромъ). Я знаю твое лицо.

Шекспиръ (обнимая Клопштока). Будемъ друзьями.

Затѣмъ чередъ за Ленцемъ. Онъ сидитъ въ углу и «строитъ гримасы французамъ» (разумѣются, конечно, его «Замѣтки о театрѣ» 1774). Гердеръ замѣчаетъ его и вступаетъ въ разговоръ съ нимъ.

Гердеръ. Чего же ты требуешь?

Ленцъ. Я не хочу подражать—или лучше ничего. Если вы хотите, я сейчасъ изображу вамъ людей такими, какими вы видите ихъ передъ собою. Для древнихъ имѣли значенія ихъ современники, а для насъ наши.

Гердеръ предлагаетъ ему попробовать свои силы. Ленцъ, запы-

хавшись, приноситъ одного «человѣка» за другимъ и ставитъ ихъ передъ Гердеромъ.

Гердеръ. Человѣкъ, они слишкомъ велики для нашего времени.

Ленцъ. Въ такомъ случаѣ, они—для будущаго.

Лессингъ замѣчаетъ, что эти фигуры всего болѣе подходятъ къ буржуазной трагедіи. Въ отвѣтъ на это Ленцъ довольно смутно излагаетъ свою излюбленную теорію траги-комической драмы.

«Благослови тебя Богъ» говоритъ Клопштокъ (имѣется въ виду, конечно, «Die Gelehrtenrepublick» Клопштока, поддержавшая драматическую теорію «бурныхъ геніевъ»). Гёте обнимаетъ Ленца, говоря: мой братъ!

Ленцъ. О если бы мнѣ быть достойнымъ всего этого! Оставьте меня въ моемъ углу (*на полпути останавливается и молится*). О время, ты, великій исполнитель всѣхъ тайныхъ рѣшеній неба, о время, вѣчное какъ Богъ, всемогущее, какъ Онъ, вѣчно дѣйствующее, вѣчно уничтожающее, вѣчно преобразующее, возвышающее, довершающее—дай мнѣ, дай мнѣ дожить до этого! (*Уходитъ*).

Клопштокъ, Гердеръ, Лессингъ. Достойный юноша! Если онъ ничего не совершилъ, за то онъ предчувствовалъ великое.

Гёте. Я совершу это.

Въ заключеніе Гёте разсказываетъ басню, смыслъ которой тотъ, что истинное мастерство художника заключается въ томъ, чтобы, по примѣру Творца, вдохнуть «душу-живу» въ свои созданія.

Послѣдній актъ Pandaemonium'a представляетъ «Судилище». Ночь. Говорятъ «духи» и «голоса» о томъ, достойна ли усилій добродѣтель и дѣлаютъ ли искусства и науки счастливыми. Въ уста «вѣчнаго духа» влагается похвала Клопштоку, который «усыпалъ розами каменистую стезю добродѣтели», и Гердеру, «который прорѣзалъ широкой дорогой лабиринтъ, ведшій всегда только вокругъ искуства, а не къ самому искусству»; такимъ образомъ онъ явился «спасителемъ тысячъ несчастныхъ заблудившихся, которые раньше не знали, гдѣ искать выхода и въ этой смертельной неизвѣстности карабкались на стѣны скалъ».

Этимъ признаніемъ заслугъ Гердера по выясненію истинныхъ задачъ искусства («Фрагменты» «Критическія лѣса» и др.) гармонически замыкается «Pandaemonium Germanicum».

Это произведеніе Ленца увидѣло свѣтъ только въ 1819 году [84]). Слѣдовательно, въ свое время оно не могло оказать никакого воздѣйствія на ходъ нѣмецкаго литературнаго развитія. Между тѣмъ мы должны несомнѣнно считать «Pandaemonium Germanicum» однимъ изъ самыхъ важныхъ вкладовъ Ленца въ нѣмецкую литературу, до сихъ поръ не вполнѣ еще оцѣненнымъ. Правда, отдѣльные голоса ставили высоко эту сатиру, иные даже считали ее «геніальной» [85]). Не впадая въ такія преувеличенія, мы должны сказать, что «Pandaemonium Germanicum» представляетъ талантливый эскизъ, полный остроумія и истиннаго, хотя и грубоватаго комизма, отражающій какъ въ зеркалѣ положеніе молодой партіи «бури и натиска» въ самые первые годы ея дѣятельности. Это наглядно-символическая исторія ея первыхъ идей и стремленій, замѣчательно-вѣрно опредѣляющая зависимость партіи отъ вдохновлявшихъ ее писателей и намѣчающая важнѣйшіе моменты ея развитія. Правда, какъ замѣтилъ Э. Шмидтъ, она нуждается теперь въ комментаріяхъ для полнаго пониманія [86]); но тѣмъ не менѣе нельзя не отдать справедливости таланту Ленца, проявившемуся здѣсь особенно въ нѣсколькихъ комическихъ фигурахъ: пасторъ и кистеръ стоятъ передъ нами живые. Карикатуры Геллерта, Вейссе, Виланда и въ особенности Якоби — истинные chefs d'oeuvre'ы [87]). Очень удачна также характеристика Шмидта, безсмысленныхъ «подражателей» и пустоголовыхъ «журналистовъ».

«Pandaemonium Germanicum» можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими сатирами Гёте изъ той эпохи.

Къ этой сатирѣ примыкаетъ стихотвореніе «Ueber die deutsche Dichtkunst», написанное почти одновременно съ нею [88]). Здѣсь также Гете и самъ Ленцъ выдвигаются какъ болѣе свѣтлыя явленія на общемъ темномъ фонѣ нѣмецкой литературы, состояніе которой представляется очень мрачнымъ.

Нѣмецкая поэзія, говорится здѣсь, бѣдна «возвышенными мыслями»: греки, римляне и «смѣлые бритты съ Шекспиромъ во главѣ» похитили большинство ихъ, какъ римляне сабинянокъ. «О, печалься, печалься Германія, несчастная страна! слишкомъ долго оставалась ты невоздѣланной! Сосѣдки твои цвѣтутъ плодоносныя вокругъ тебя, какъ изобилующіе золотомъ холмы вокругъ болота, какъ молодыя, богатыя дѣтьми женщины вокругъ своей старшей

сестры, оставшейся старой дѣвой» [33]). У грековъ были Гомеръ и Софоклъ, у итальянцевъ Дантъ, Петрарка и Аріосто, у англичанъ Шекспиръ, Мильтонъ и Оссіанъ, не говоря уже о второстепенныхъ талантахъ.

На почвѣ Германіи произростали только чахлые и блѣдные стебли и цвѣты искусства. «Зернышки генія» проявились въ поэзіи Гёте и его, Ленца. Въ «туманную зарю» жизни онъ мечталъ сдѣлаться «радостью Германіи и гордостью Лифляндіи». Но вотъ пришелъ полдень его жизни. И Ленцъ понялъ слабость своего таланта и разочаровался въ своемъ поэтическомъ призваніи. И пусть его «одинокая могила» будетъ подальше, чтобы на ней не остановился «ни одинъ взоръ изъ царства блаженныхъ: ни пылающее око Шекспира, ни уныло-свѣтящее око Оссіана, ни Гомерово молніеносное око» —

Damit sich meine Asche im Grabe nicht empöre
Für Schaam, dass auch ich einst wagte zu dichten! *)

Итакъ, если Ленцъ ставитъ себя въ Pandaemonium'ѣ значительно ниже Гете, то въ этомъ стихотвореніи слышатся уже звуки полнаго смиренія, разочарованія и разувѣренія въ себѣ. И это стихотвореніе должны мы причислить къ числу нерѣдкихъ у Ленца покаянныхъ и самобичующихъ псалмовъ, когда его постигало настроеніе, выраженное нашимъ поэтомъ:

Одно лишь горькое въ себѣ разувѣренье
Да убѣжденіе въ безплодности борьбы...

Титаническіе порывы у него чередовались съ грустными жалобами, гордая увѣренность въ своихъ силахъ смѣнялась взрывами смиренія и самоуниченія. Казалось, онъ совмѣщалъ въ себѣ сразу настроенія «Геца» и «Вертера» и постоянно колебался между тѣмъ и другимъ. Оба настроенія были крайнія, а Ленцъ какъ разъ созданъ былъ изъ крайностей и противорѣчій.

---

*) Чтобы не возмутился мой прахъ въ гробу отъ стыда, что я также когда то дерзалъ писать стихи!

ГЛАВА XI.

Драматическія произведенія.

(1775—1776 гг.).

> Alle meine Stücken sind grosse Erzgruben die ausgepocht, ausschmolzen und in *Schauspiele* erst verwandelt werden müssen, so dass alle die Handlungen an einanderhängendes Bild machen.
>
> *Lenz.*

Какъ мы знаемъ, Ленцъ, живя въ Страсбургѣ, Фортѣ-Луи и Ландау, постоянно вращался въ офицерскихъ кругахъ, съ которыми онъ, благодаря своимъ отношеніямъ къ баронамъ Клейстъ, служившимъ въ французской арміи, имѣлъ возможность познакомиться довольно обстоятельно. Отчасти онъ подчинился вліянію этого общества и заинтересовался вопросами военной тактики и фортификаціи [1]). Этими науками онъ овладѣлъ настолько, что даже могъ обучать имъ беззаботныхъ сыновъ Марса, не любившихъ затруднять себя какими-либо умственными занятіями. Барону Линдау, своему пріятелю, отправлявшемуся на войну въ Америку, онъ даетъ кучу совѣтовъ по части тактики, считая себя, очевидно, большимъ знатокомъ дѣла *). Крѣпостныя укрѣпленія — любимое мѣсто его прогулокъ въ Страсбургѣ [2]). Въ Веймарѣ онъ каждое утро ходитъ на ученіе крошечной арміи герцогства **). Геній полководца имѣетъ въ его глазахъ необыкновенную, притягательную силу; лавры побѣдителя для него еще болѣе соблазнительны, чѣмъ лавры поэта, настолько же, насколько вообще дѣятельную жизнь онъ ставитъ выше созерцательной, энергію искуснаго политика выше энергіи теоретическаго мы-

---

*) См. приложеніе А. № 17. (*По рукописи Рижской Городской Библіотеки*).

**) См. приложеніе А. № 15. (*По рукописи Рижской Городской Библіотеки*).

слителя [3]). Два раза онъ, вопреки своимъ физическимъ даннымъ, дѣлавшимъ его менѣе всего пригоднымъ именно для военнаго дѣла, пытался поступить на военную службу: живя при веймарскомъ дворѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ [4]). Обѣ попытки были неудачны, но до конца жизни Ленцъ не избавился отъ своего военнаго зуда, хотя и долженъ былъ ограничиться только платоническими проектами преобразованій въ военномъ дѣлѣ и безплодными размышленіями о тонкостяхъ фортификаціи и тактики [5]).

Проживи Ленцъ долѣе, будь онъ свидѣтелемъ изумительной военной карьеры Наполеона, онъ, несомнѣнно, примкнулъ бы къ кружку восторженныхъ почитателей корсиканскаго авантюриста, такъ обаятельно подѣйствовавшаго на цѣлое поколѣніе, подготовленное къ такому поклоненію предшествовавшимъ культомъ геніальности и рвавшееся къ широкой и энергичной дѣятельности.

Конечно, Ленцъ не идеализировалъ военныхъ и не смотрѣлъ на ихъ бытъ снизу вверхъ. Напротивъ того, и здѣсь онъ находилъ много недостатковъ и здѣсь могла найти примѣненіе его доходившая до донкихотства жажда реформъ и преобразованій. И онъ не на шутку мечталъ сдѣлаться реформаторомъ военнаго быта, цѣлителемъ язвъ солдатчины въ цѣляхъ нравственно-соціальнаго оздоровленія этого слоя. Для этого онъ пускалъ въ ходъ и спеціальные трактаты, и поэтическій вымыселъ. Въ области трезвой дѣйствительности онъ носился съ фантастическими планами, а въ сферѣ фантазіи и вымысла занимался рѣшеніемъ ультра-утилитарныхъ проблемъ.

Общеніе съ военными, въ связи съ нѣкоторыми другими впечатлѣніями страсбургской жизни, обусловило появленіе его пьесы «Солдаты». Подобно «Гофмейстеру», это пьеса соціально-политическаго характера, написанная на опредѣленный тезисъ. Въ «Гофмейстерѣ» изобличалась дурная постановка домашняго воспитанія въ дворянскихъ семьяхъ; «Солдаты» должны были бичевать военное сословіе за его развращающее вліяніе на мирную буржуазію, приносимую въ жертву его сластолюбію.

Дѣйствующія лица этой послѣдней пьесы — по большей части живые портреты страсбургскихъ знакомыхъ Ленца. Тутъ мы найдемъ семейство ювелира Фибиха, дочь котораго, уже извѣстная намъ Клеофа, даже является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ подъ именемъ Маріи Везенеръ. Женихъ Клеофы, старшій Клейстъ,

выведенъ подъ именемъ офицера, барона Депорта. Младшій Клейстъ, названный въ «Дневникѣ» просто «зятемъ», представленъвъ пьесѣ офицеромъ Маріи. Самъ Ленцъ скрывается подъ сутаной полкового священника Эйзенгардта. Дѣйствіе отнесено во Фландрію, на границѣ съ Франціей, въ дѣйствительности же описывается Страсбургъ. Въ текстѣ пьесы проскальзываетъ даже однажды, по недосмотру автора, восхищеніе «рейнскимъ воздухомъ» [6]).

Въ письмѣ къ Софіи Ларошъ Ленцъ замѣчаетъ: «эта пьеса есть не что иное, какъ картина изъ моей собственной жизни» [7]). «Это—пишетъ онъ Гердеру о той же пьесѣ—въ строжайшемъ смыслѣ слова истинная исторія, прочувствованная и предсказанная въ интимнѣйшей глубинѣ моей души» [8]). Но Ленцъ не былъ поэтомъ-фотографомъ, рабски копировавшимъ дѣйствительность: къ «правдѣ» онъ всегда присоединяетъ «поэзію». Такъ было и здѣсь: основныя положенія и характеры онъ беретъ прямо изъ жизни, а интригу пьесы съ ея трагическимъ исходомъ придумываетъ самъ. По обыкновенію, исходя изъ дѣйствительности, онъ заставляетъ свою фантазію работать дальше, старается предугадать возможныя послѣдствія даннаго положенія вещей, отыскать ихъ будущую развязку, дѣйствуя, какъ пророкъ, предостерегающій картиной будущаго зла и грозящій непредвидѣнными печальными послѣдствіями. Крайне нервная и лихорадочная работа его творчества особенно рельефно проявляется въ томъ, что онъ и не думаетъ дожидаться естественнаго хода событій, чтобы воспользоваться ими, какъ чѣмъ-то законченнымъ, въ качествѣ своего поэтическаго матеріала. Его воображеніе, необузданное какъ степной конь, мчится безъ удержу впередъ и на канвѣ дѣйствительности выводитъ непредвидѣнные узоры. Въ то время, какъ Клеофа Фибихъ жила еще «въ сладкомъ ожиданіи возвращенія своего жениха-офицера» [9]), ея копія Марія Везенеръ представлена уже Ленцемъ какъ несчастная жертва Депорта, погубившаго молодую дѣвушку. Кромѣ главной идеи, о которой будетъ рѣчь впереди, пьеса преслѣдовала еще и прямо практическую цѣль: она должна была спасти Клеофу отъ паденія въ бездну, передъ которой она стояла, или, по крайней мѣрѣ, какъ писалъ Ленцъ Гердеру, «пригвоздить къ позорному столбу» Клейста и «плетью вернуть его къ исполненію обѣщанія» [10]).

Пьеса была написана зимою 1774—75 годовъ, подъ свѣжимъ іечатлѣніемъ пережитаго Ленцемъ съ Клеофой и невполнѣ еще ıконченнаго романа. Посылая Гердеру пьесу 23 іюля 1775 года, гъ замѣчалъ, что съ нею уходитъ «половина его существованія» [11]. Келая знать мнѣніе Гердера о пьесѣ, онъ въ то же время вырааетъ твердое рѣшеніе не печатать ея ранѣе года [12]. Тѣмъ не енѣе Гердеръ, черезъ посредство Циммерманна, озаботился прі:каніемъ издателя пьесы въ лицѣ книгопродавца Рейха. Къ 25 февраля 1776 г. уже было отпечатано четыре акта, что́ «и обраовало, и испугало» Ленца [13], который старается теперь задер:ать выпускъ въ свѣтъ пьесы до осени и настаиваетъ на томъ, гобы имя автора было окружено величайшей тайной, а на заглавой страницѣ напечатано: «eine Komödie von Steenkerk aus Am:erdam». Самъ Рейхъ не долженъ знать настоящаго имени авора [14].

Желанія Ленца были исполнены только отчасти: пьеса появиась анонимной, но поступила въ продажу весною 1776 г., вопреки астояніямъ Ленца [15]. Вопреки его заботамъ, чтобы печатные экземляры «Солдатъ» не проникли въ Страсбургъ, пьеса стала тамъ извѣстной [16] и произвела, очевидно, своимъ нескромнымъ разоблачеіемъ интимной жизни семейства Фибиха не совсѣмъ пріятное впеатлѣніе, а также оказалась не по вкусу мѣстнымъ офицерамъ, коорые почувствовали себя оскорбленными сатирой на ихъ бытъ. Iенцъ, вѣроятно, ожидалъ себѣ очень непріятныхъ послѣдствій съ хъ стороны, что́ и заставило его тщательно скрывать свое авторство. Въ письмѣ къ Бойе, полученномъ 13 авг. 1776 г., онъ прямо завляетъ, что не онъ авторъ «Солдатъ», что, посылая рукопись Цим:ерманну, онъ назвалъ себя ея авторомъ только для того, чтобы охранить втайнѣ имя настоящаго автора; самому же Ленцу приадлежитъ въ ней только одна сцена *).

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ мартѣ 1777 года, Клингеръ пись:омъ на имя Рейха заявилъ, что истинный авторъ «Солдатъ» не то другой, какъ онъ самъ. Это письмо было напечатано въ 1864 г. поставило ребромъ вопросъ о томъ кто же въ дѣйствительности

———

*) См. Приложеніе А. № 12 *(По рукописи Королевской Библіотеки въ Берлинѣ).*

написалъ пьесу «Солдаты»: Ленцъ или Клингеръ? [17]). Коберштейнъ въ замѣткѣ, помѣщенной въ Archiv für Litteraturgeschichte 1870 г. [18]), оставилъ вопросъ нерѣшеннымъ, склоняясь, однако, къ мнѣнію, что Клингеру мы должны дать болѣе вѣры, чѣмъ Ленцу, которому будто бы ничего не стоило въ письмахъ къ Гердеру назвать себя авторомъ «Солдатъ». Замѣтка Коберштейна вызвала дѣльную статью Больё-Марконнэ въ томъ же изданіи [19]), сославшагося на многочисленныя внѣшнія свидѣтельства о принадлежности пьесы Ленцу, а въ особенности на политико-соціальное содержаніе ея, совпадающее съ идеями Ленца. Письмо Клингера къ Рейху онъ объяснялъ какъ pia fraus; этимъ Клингеръ хотѣлъ придти на помощь своему боязливому и подозрительному другу, ожидавшему печальныхъ для себя послѣдствій отъ преждевременнаго обнародыванія «Солдатъ». Присоединяясь къ этому мнѣнію, Карлъ Вейнгольдъ, съ своей стороны, разборомъ языка «Солдатъ», заключающаго въ себѣ многіе лифляндскіе идіотизмы, доказалъ невозможность того, чтобы Клингеръ былъ авторомъ этого произведенія [20]). Вопросъ былъ исчерпанъ, когда Ригеръ напечаталъ въ 1880 г. отрывокъ изъ письма Клингера къ Думпфу 1819 г., въ которомъ онъ объяснилъ, что упомянутое письмо къ Рейху было напечатано имъ только по просьбѣ Ленца, который боялся назвать себя авторомъ «Солдатъ», ожидая непріятности со стороны страсбургскихъ военныхъ [21]).

Названы «Солдаты» въ печати «комедіей», несмотря на свой трагическій исходъ, но самъ Ленцъ думалъ назвать пьесу просто «Schauspiel». Въ мартѣ 1776 г. онъ писалъ объ этомъ Циммерманну, прося послѣдняго сдѣлать соотвѣтствующее измѣненіе въ заглавіи пьесы [22]). Ленцъ, однако, опоздалъ: издатель не пожелалъ перепечатывать изъ-за этого первый листъ, и пьеса вышла съ отвергнутымъ авторомъ подзаглавіемъ «Eine Komödie» [23]).

По замыслу Ленца, его пьеса должна была быть буржуазной драмой во вкусѣ пьесъ Мерсье и Дидро. Въ угоду первому онъ далъ своему произведенію яркую соціально-политическую окраску, въ угоду второму онъ изображаетъ не индивидуумы, а цѣлыя сословія. Ставя лицомъ къ лицу буржуазію и военную касту, вербовавшуюся обыкновенно въ средѣ дворянства, Ленцъ отмѣчаетъ развращающее вліяніе привилегированнаго сословія на мирное бюргерство. Зло, которое изображаетъ онъ, выставляется не какъ резуль-

татъ индивидуальныхъ порочныхъ наклонностей отдѣльныхъ представителей военнаго сословія, а какъ своего рода стихійное явленіе, неизбѣжно ему сопутствующее и неизбѣжно вытекающее изъ особенностей военнаго быта въ его современномъ устройствѣ и положеніи.

Подобныя темы любилъ затрогивать Мерсье. Одной изъ наиболѣе популярныхъ его пьесъ была «Le Déserteur» (Paris 1770), посвященная также обличенію недостатковъ военнаго быта. Пьеса непосредственно направлена противъ драконовскаго закона, каравшаго дезертирство смертною казнью. Здѣсь дезертиромъ оказывается молодой французъ Дюримель, нашедшій себѣ убѣжище въ пограничномъ съ Франціей нѣмецкомъ городкѣ. Во время войны этотъ городокъ былъ занятъ тѣмъ самымъ французскимъ полкомъ, изъ котораго бѣжалъ Дюримель семь лѣтъ тому назадъ. И вотъ его дезертирство открывается: наканунѣ свадьбы его вырываютъ изъ объятій невѣсты, арестуютъ, и неумолимый законъ требуетъ смерти молодого человѣка. Среди офицеровъ полка оказывается его собственный отецъ, Сен-Франкъ, въ вѣдѣніи котораго стояло разстрѣливаніе осужденныхъ. Честный офицеръ, выслужившійся изъ простыхъ солдатъ, подавленъ обрушившимся на него горемъ, но гнетъ военной дисциплины придавливаетъ его, лишаетъ его воли и дѣлаетъ жалкимъ манекеномъ. Родной сынъ падаетъ подъ пулями его солдатъ.

Такова главная тема пьесы Мерсье. Но кромѣ нея нельзя не замѣтить также желанія автора изобразить военное сословіе въ его отношеніяхъ къ буржуазіи и именно съ той стороны, какъ и у Ленца.

Пьеса Мерсье, упоминаемая однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ «Солдатъ»[24]), несомнѣнно оказала извѣстное вліяніе на Ленца. Дѣйствіе «Дезертира» происходитъ въ нѣмецкомъ, пограничномъ съ Франціею городкѣ; у Ленца фигурируетъ французская Фландрія (подъ которой разумѣется Эльзасъ). Въ обѣихъ пьесахъ дѣйствующими лицами являются отчасти нѣмцы, отчасти французы. Французскіе офицеры, нахлынувшіе въ нѣмецкій городъ, какъ выводится въ пьесѣ Мерсье, становятся въ такое же точно отношеніе къ буржуазіи, какъ и французскіе офицеры «Солдатъ» къ мѣстному населенію. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ вторженіе военнаго элемента въ мирную жизнь буржуазной семьи (г-жи Люзеръ у Мерсье и Везенера у Ленца) оказывается для послѣдней пагубнымъ: дочь г-жи Люзеръ, Клари,

теряетъ жениха и съ нимъ всѣ надежды на счастье, дочь Везенера Марія доходитъ до паденія. Ленцъ выдвинулъ на первый планъ безпорядочную жизнь военныхъ и ихъ циничный взглядъ на женщину, въ особенности, если она не дворянскаго происхожденія. У Мерсье г-жа Люзеръ спѣшитъ съ бракомъ своей дочери, мотивируя свою поспѣшность опасностью для всѣхъ дѣвушекъ отъ предстоящаго прибытія въ городъ толпы офицеровъ: Voici des officiers qui arrivent en foule, il est important de marier les filles [25]). Волокитство военныхъ Мерсье пятнаетъ въ лицѣ молодого офицера Валькура, характеристикѣ котораго посвященъ почти весь второй актъ. Появившись въ домѣ г-жи Люзеръ, Валькуръ немедленно составляетъ планъ соблазнить ея дочь, Клари, несмотря на честные протесты маіора Сен-Франка.

St. Franc. Cette fille est honnête, vertueuse.

Valcour. Assurément, j'adore la vertu, mais beaucoup...

St. Franc. Elle appartient à sa mère...

Valcour. Oh! j'espère bien la lui rendre...

St. Franc. Songez au désastre que cause presque toujours une fantaisie désordonnée...

Valcour. A moi, quelque désastre!

St. Franc. A vous même и т. д. [26]).

Ленцъ разработалъ въ «Солдатахъ» затронутую Мерсье тему гораздо подробнѣе. Вмѣсто одного безпутнаго графа Валькура Ленцъ выставляетъ цѣлую серію военныхъ типовъ и подробнѣе входитъ въ ихъ жизнь [27]). Какъ у Мерсье является резонеръ Сен-Франкъ, устами котораго говоритъ самъ авторъ, такъ у Ленца выведенъ священникъ Эйзенгардтъ, которому удѣлена такая же роль [28]).

Съ точки зрѣнія композиціи, въ «Солдатахъ» Ленца замѣчается значительный успѣхъ въ сравненіи съ его «Гофмейстеромъ». Здѣсь уже нѣтъ той пестроты мѣста и дѣйствія, какъ въ его первой пьесѣ. Дѣйствіе происходитъ въ двухъ смежныхъ городахъ, Лиллѣ и Армантьерѣ и отчасти въ близкомъ Филиппвиллѣ. Число дѣйствующихъ лицъ гораздо менѣе. Въ особенности пріятно поражаетъ почти полное отсутствіе эпизодическихъ лицъ, загромождавшихъ первую пьесу и совершенно напрасно осложнявшихъ дѣйствіе. Картины офицерской жизни занимаютъ только то мѣсто, которое имъ необходимо для поддержанія главной идеи пьесы, въ ея экономіи онѣ не явля-

ются уже тяжелымъ грузомъ, какъ это было со студенческими сценами въ «Гофмейстерѣ».

Довольно удачно скомпонованъ первый актъ.

Сначала авторъ вводитъ насъ въ домъ лилльскаго «торговца галантерейными товарами» Везенера и знакомитъ съ двумя его дочерьми Маріей и Шарлоттой, а также съ женихомъ первой Штольціусомъ, «торговцемъ суknами» въ Армантьерѣ. Молодой Штольціусъ сердечно любитъ свою невѣсту, но это не мѣшаетъ легкомысленной Маріи очень благосклонно принимать отчаянное ухаживаніе со стороны барона Депорта. Она таетъ отъ пошлыхъ комплиментовъ ловеласа и легко соглашается отправиться съ нимъ тайкомъ въ театръ, вопреки запрещенію отца.

Слѣдуетъ замѣтить, что, рисуя многое со знакомой страсбургской семьи ювелира Фибиха, Ленцъ изобразилъ Везенера принадлежащимъ къ болѣе мелкой буржуазіи, державшейся крѣпче за свои узко-мѣщанскія воззрѣнія. Семья Фибиха въ Страсбургѣ принадлежала къ крупной эмансипированной буржуазіи и вела свѣтскій и открытый образъ жизни. Въ пьесѣ семья Везенера изображена принадлежащей къ болѣе сѣрому купечеству, съ болѣе низкимъ уровнемъ культуры, но и съ болѣе строгими нравами. Это было, конечно, результатомъ художественнаго расчета Ленца, желавшаго такимъ образомъ усилить впечатлѣніе и рельефнѣе представить свою основную тенденцію о развращающемъ вліяніи военныхъ на скромныхъ и мирныхъ буржуа. Старикъ Везенеръ не пускаетъ своихъ дочерей въ театръ, не можетъ допустить мысли, чтобы его дочь явилась публично въ сопровожденіи офицера и не позволяетъ дочери принимать подарки отъ барона. Онъ предостерегаетъ дочь отъ офицеровъ вообще, сношеніе съ которыми легко можетъ повредить ея репутаціи: «они бѣгаютъ по гостиницамъ да кофейнямъ и разбалтываютъ, и прежде чѣмъ успѣешь оглянуться, глядь — о бѣдной дѣвушкѣ уже пошла повсюду молва»[29]).

Далѣе авторъ рисуетъ картину офицерскихъ нравовъ, доказывающихъ всю правоту предостереженій старика Везенера. Полковой священникъ Эйзенгардтъ изливаетъ филиппики противъ развращающаго дѣйствія современной комедіи на нравы [30]). Онъ не противъ театра вообще, съ удовольствіемъ готовъ посмотрѣть хорошую пьесу, но не

думаетъ, чтобы театръ былъ «спасительнымъ учрежденіемъ для офицеровъ». Комедія вноситъ безпорядочность нравственную въ ихъ жизнь.

Эйзенгардтъ... Прошу васъ отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ: чему научаются тамъ гг. офицеры?

Марй. Что вы! Нельзя же всегда поучаться, мы забавляемся— и этого довольно.

Эйзенгардтъ. Дай Богъ, чтобы вы тамъ только развлекались и ничему не научались! Однако, вы подражаете тому, что тамъ вамъ представляютъ, и вносите несчастье и проклятіе въ семейства.

Въ отвѣтъ на это офицеръ Годй раскрываетъ циническіе взгляды его сословія на женщину. Эйзенгардтъ энергично заступается за честь женщинъ.

Годй. Развѣ я говорю о честныхъ дѣвушкахъ?

Эйзенгардтъ. Именно честныя дѣвушки должны дрожать передъ вашими комедіями, такъ какъ тамъ вы научаетесь искусству дѣлать ихъ безчестными.

«Грубѣйшія преступленія противъ священнѣйшихъ правъ отцовъ и семействъ» представляются въ «новѣйшихъ комедіяхъ» въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. «Обмануть бдительнаго отца или давать уроки порочной жизни невинной дѣвушкѣ—таковы задачи, которыя тамъ рѣшаются»[31]).

Непосредственно за этимъ передъ нами снова домъ Везенера въ Лиллѣ: семья его сидитъ за ужиномъ. Марія, въ упоеніи отъ театра, возвращается домой и не можетъ скрыть своего восторга, вызывая негодованіе отца и колкости старшей сестры. Оставшись наединѣ съ отцомъ, Марія сознается, что Депортъ признался ей въ любви и въ доказательство читаетъ посвященные имъ ей стихи и показываетъ полученные отъ него подарки. Везенеръ польщенъ мыслью, что его дочь можетъ сдѣлаться баронессой.

Везенеръ. (*Цѣлуетъ ее*). Когда-нибудь сдѣлаешься ты «госпожой», глупенькая. Неизвѣстно, кому какое счастье выпадетъ иной разъ.

Марія. Но, папа (*тихо*), что же скажетъ бѣдный Штольціусъ?

Везенеръ. Ты не должна сразу отпугивать Штольціуса. — Ну, я ужо скажу тебѣ, какъ написать ему письмо. А пока спи на здоровье, моя кошечка.

Марія. (*Цѣлуетъ его руку*). Покойной ночи, батюшка! — (*По его уходѣ она испускаетъ глубокій вздохъ и подходитъ къ окну, распу-*

ская шнуровку). Какъ тяжело на сердцѣ. Кажется, ночью будетъ гроза. Если она разразится... (*Глядитъ на небо, скрестивши руки на обнаженной груди*) Боже! что же дурное сдѣлала я?—Штольціусъ— я еще люблю тебя — но если я могу свою судьбу устроить лучше— если самъ папа даетъ мнѣ совѣтъ.—(*Задергиваетъ занавѣску*). Если поразитъ меня, пусть поражаетъ, я охотно умру. (*Гаситъ свѣчку* [32]).

Второй актъ состоитъ всего изъ трехъ сценъ, изъ которыхъ двѣ первыхъ происходятъ въ Армантьерѣ, а послѣдняя въ Лиллѣ. Офицеръ Годй, извѣстный уже намъ своей цинической философіей, успокоиваетъ Штольціуса, который встревоженъ слухами объ отношеніяхъ своей невѣсты къ Депорту, и обѣщаетъ защищать ее своею кровью. (II, 1). Изъ словъ Эйзенгардта мы узнаемъ, что всѣ офицеры стали ухаживать за Штольціусомъ, какъ только узнали о предстоящей его женитьбѣ на Маріи Везенеръ: «Смѣшно, какъ всѣ увиваются вокругъ бѣдняги Штольціуса, точно мухи надъ сладкимъ пирогомъ» [33]). Годй заманиваетъ Штольціуса въ кофейню въ общество офицеровъ, стараясь его успокоить насчетъ его невѣсты; но одинъ изъ офицеровъ, Раммлеръ, старается, наоборотъ, возбудить подозрительность въ Штольціусѣ, который разстроеннымъ уходитъ изъ кофейни, не дождавшись пунша. Офицеры задумываютъ сыграть за это злую шутку надъ Раммлеромъ (II, 2).

Послѣдняя сцена изображаетъ вновь Марію и Депорта въ ихъ отношеніяхъ, изобличающихъ свободу страсбургскихъ нравовъ, подобную той, которую Ленцъ изобразилъ въ своемъ «Дневникѣ» [34]). Марія позволяетъ Депорту бранить своего жениха и вѣритъ, что баронъ попроситъ согласія своихъ родителей на ихъ бракъ. Дымъ коромысломъ стоитъ въ домѣ отъ ихъ шалостей, шутокъ, смѣха и крика. А между тѣмъ зловѣщимъ предостереженіемъ звучитъ пѣсенка старой бабушки, которою оканчивается второй актъ:

Ein Mädchen jung ein Würfel ist,
Wohl auf den Tisch gelegen *)...

Третій актъ открывается совершенно ненужной сценой, изображающей съ излишнимъ реализмомъ одно изъ неудавшихся амурныхъ

*) „Молодая дѣвушка — все равно, что игральная кость, брошенная на столъ..“ и т. д.

похожденій Раммлера въ откровенномъ вкусѣ героевъ «Декамерона». Но за нею слѣдуютъ двѣ прекрасныхъ сцены въ домѣ Штольціуса и Везенера. Первая хорошо выражаетъ печальное состояніе Штольціуса, страдающаго за свою невѣсту, о которой пошла уже дурная слава, и за свою поруганную любовь. Онъ доходитъ до состоянія, близкаго къ умопомѣшательству и нервной горячкѣ. Мать и утѣшаетъ его, и укоряетъ, и плачетъ вмѣстѣ съ нимъ. Между тѣмъ Марія узнаетъ, что Депортъ исчезъ, неизвѣстно куда, оставивъ многочисленные долги. Везенеръ надѣется, что баронъ вернется. Онъ ни минуты не сомнѣвается подписать за него вексель и вполнѣ увѣренъ, что promesse de mariage, засвидѣтельствованное у нотаріуса, достаточно обезпечиваетъ интересы его и дочери [35]).

Чтобы развязаться съ Маріей, Депортъ подсылаетъ къ ней своего товарища по службѣ Марй въ надеждѣ, что этотъ послѣдній займетъ его мѣсто въ сердцѣ легкомысленной красавицы. Вопреки предостереженіямъ матери, Марія относится къ Мари очень благосклонно, ссылаясь на то, что онъ лучшій другъ Депорта и единственный, который находится съ нимъ въ перепискѣ (III, 6). Въ коротенкой сценѣ, состоящей изъ одного монолога и происходящей въ Филиппвиллѣ, гдѣ скрывается Депортъ, послѣдній теперь не оставляетъ никакихъ сомнѣній, что намѣренъ совершенно бросить Марію и прекратить переписку съ нею (III, 7). Затаивъ жажду мести, Штольціусъ, подъ видомъ солдата, приходитъ къ Марй и поступаетъ къ нему въ услуженіе.

Въ послѣднихъ сценахъ третьяго акта выводится новое лицо — графиня Ларошъ, почтенная дама, спокойно-величавая, сердечная и здравомыслящая. Она должна внести умѣряющее начало высшей порядочности, такта и альтруистическаго чувства. Въ разговорѣ съ сыномъ, который также не остался равнодушенъ къ Маріи Везенеръ, графиня старается выставить дѣло въ настоящемъ свѣтѣ и возвратить сына къ его невѣстѣ. Она обѣщаетъ сдѣлаться «нѣжнѣйшей подругой» Маріи, чтобы спасти ее изъ того двусмысленнаго положенія, въ которое она попала, и раскрыть ей весь ужасъ наклонной плокости, на которой она стояла. Она пріѣзжаетъ въ домъ Везенера и, пуская въ ходъ все свое краснорѣчіе, убѣждаетъ ее на нѣкоторое время отказаться отъ ея прежняго легкомысленнаго, по-

священнаго флирту, образа жизни, отказаться сразу отъ общества офицеровъ и переѣхать къ ней въ домъ (III, 8—10).

Четвертый актъ состоитъ изъ одиннадцати сценъ, большею частью невѣроятно короткихъ, быстро мѣняющихъ мѣсто дѣйствія. Мари не находитъ ничего лучше, какъ самому Штольціусу открыть свое намѣреніе жениться на Маріи въ случаѣ, если Депортъ броситъ ее. Слѣдующая сцена изображаетъ намъ Депорта въ тюрьмѣ въ Армантьерѣ. Онъ употребляетъ всѣ средства, чтобы скрыться отъ Маріи. Но несчастная дѣвушка не можетъ забыть своего соблазнителя. Живя подъ надзоромъ графини Ларошъ, она все же находитъ средства видѣться въ саду съ Мари. Сама графиня дѣлается невольной свидѣтельницей ихъ свиданія (3-я сц.). Изъ слѣдующихъ пяти сценъ, величиною отъ одной строчки до восьми, мы узнаемъ, что Марія убѣжала отъ графини, чтобы видѣться въ Армантьерѣ съ Депортомъ. Девятая сцена вновь выводитъ передъ нами общество офицеровъ, собравшихся у дамы легкаго поведенія Frau Bischof. Затѣмъ мы узнаемъ, что поручительство Везенера за Депорта доводитъ перваго до разоренія, и видимъ Штольціуса передъ аптекой въ Армантьерѣ, гдѣ онъ долженъ запастись ядомъ.

Въ пятомъ актѣ дѣйствіе быстро идетъ къ развязкѣ. Какъ при свѣтѣ молніи, является передъ нами на одну минуту сначала разоренный Везенеръ, бредущій въ Армантьеръ въ поискахъ за Депортомъ, а затѣмъ его дочь, несчастная Марія, идущая туда же и съ тою же цѣлью. Она садится отдохнуть подъ деревомъ и вынимаетъ изъ кармана кусокъ сухого хлѣба:

Марія. Я всегда думала, что можно жить однимъ хлѣбомъ и водою. (*Гложетъ кусокъ хлѣба*). О будь у меня хоть капля вина, которое я такъ часто выливала за окно или мыла имъ руки въ жару— (*конвульсіи*). О, это мучительно — теперь нищая — (*смотритъ на хлѣбъ*). Не могу ѣсть. Богъ знаетъ что. Лучше умереть съ голоду. (*Отбрасываетъ кусокъ и вскакиваетъ*). Поползу дальше; выбьюсь изъ силъ — тѣмъ лучше [36]).

Депортъ въ квартирѣ Мари разсказываетъ съ возмущающимъ цинизмомъ о томъ, какъ онъ поручилъ своему егерю встрѣтить Марію и провести съ нею время, какъ ему заблагоразсудится, прибавляя, что егерь былъ бы ей подходящимъ мужемъ. Послѣ этого при-

служивавшій за столомъ Штольціусъ подаетъ Депорту отравленный супъ, а самъ закалывается, довольный, что отомстилъ за Марію.

Въ слѣдующей сценѣ неизвѣстная нищая проситъ въ сумерки милостыни у Везенера. Оказывается, что это его Марія, доведенная до этого состоянія вѣроломствомъ Депорта, своимъ легкомысліемъ и отцовскимъ тщеславіемъ.

Пьеса оканчивается сценой, въ которой полковникъ графъ Шпаннгеймъ и графиня Ларошъ разсуждаютъ о средствахъ предупрежденія подобныхъ печальныхъ случаевъ какъ тотъ, который разсказанъ въ пьесѣ. «У меня — говоритъ полковникъ — всегда являлась въ головѣ особая идея, когда я читалъ исторію Андромеды. Я смотрю на солдатъ какъ на чудовище, которому время отъ времени должна приносить себя въ жертву добровольно одна несчастная дѣвушка, чтобы пощажены были остальныя жены и дочери». Для этого король долженъ учредить «eine Pflanzschule von Soldatenweiber». «Сомнѣваюсь — возражаетъ резонно графиня, чтобы какая-нибудь честная женщина рѣшилась на это». И вотъ что отвѣчаетъ на это полковникъ: «Это должны быть амазонки. Одно благородное чувство, думается мнѣ, держитъ въ равновѣсіи другое: деликатность женской чести уравновѣшивается мыслью быть мученицей за государство»[37]).

Устами полковника Ленцъ несомнѣнно выразилъ свою собственную идею, свой собственный проектъ. Онъ былъ изложенъ имъ и въ отдѣльномъ сочиненіи, которому Ленцъ, отправляясь въ Веймаръ, придавалъ большое значеніе [38]).

Въ противоположность «Гофмейстеру» и «Новому Менозѣ», «Солдаты» Ленца вызвали очень мало рецензій въ современныхъ журналахъ. Одинъ только «Альманахъ нѣмецкихъ музъ» на 1777 годъ помѣстилъ краткую замѣтку, въ которомъ отдавалось должное таланту автора и указывалось отличіе этой пьесы отъ «Гофмейстера» въ художественномъ отношеніи.

Отличіе это довольно значительно. Главное достоинство «Гофмейстера» — въ рядѣ необыкновенно яркихъ характеристикъ, подобныхъ которымъ почти не знала до тѣхъ поръ нѣмецкая литература. Такихъ яркихъ, выпуклыхъ и оригинальныхъ характеровъ мы напрасно стали бы искать въ «Солдатахъ», которые, однако, рѣшительно превосходятъ первую пьесу искусствомъ композиціи. Теперь Ленцъ хотѣлъ какъ будто слѣдовать методу Мерсье, который энер-

гично возставалъ противъ того, чтобы въ комедіи какое-нибудь дѣйствующее лицо рѣшительно выдавалось среди другихъ, и требовалъ, чтобы художникъ удѣлялъ почти ровное вниманіе всѣмъ типамъ пьесы, которая прежде всего должна быть, по его выраженію, «картиной» жизни. Равномѣрное распространеніе свѣта и тѣней на всѣ фигуры картины — вотъ чего добивался Мерсье и что пытался онъ осуществить въ собственныхъ пьесахъ [39]). Несомнѣнно по слѣдамъ его идетъ Ленцъ въ своихъ «Солдатахъ», и, обладая болѣе яркимъ талантомъ характеристики, справляется съ своею задачею удачнѣе ея французскаго инціатора. Всѣ дѣйствующія лица его «Солдатъ», какъ бы ни мала была ихъ роль, живутъ на сценѣ, являются съ характерными и правдивыми чертами. Рядъ офицерскихъ типовъ долженъ прежде всего познакомить зрителя съ общими чертами жизни военнаго сословія; но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ этихъ типовъ имѣетъ и свои черты индивидуальныя, вносящія нѣкоторое разнообразіе въ сословіе, обставленное одними и тѣми же условіями и преданное однимъ и тѣмъ же интересамъ.

Рядомъ съ Маріей, легкомысленной красавицей, поставлена менѣе красивая, но болѣе осторожная и положительная сестра ея Шарлотта. Сцены между обѣими сестрами всегда исполнены жизни, правдивости, движенія и пикантности. На ряду съ ними изъ женскихъ типовъ выдается графиня Ларошъ, оттѣняющая своимъ истиннымъ аристократизмомъ ихъ буржуазное поведеніе. Не оставлена безъ вниманія и заботливая мать симпатичнаго и искренняго Штольціуса, внезапно очутившагося въ трагическомъ положеніи. Въ лицѣ Везенера-отца правдиво представленъ типъ буржуа, держащагося за старину и неподатливаго на новшества, но губящаго себя и дочь изъ-за тщеславной мысли породниться съ барономъ.

Но такое стремленіе разлить свѣтъ и тѣни равномѣрно по всей картинѣ, не выдвигая ни одной фигуры особенно ярко на первый планъ—повело къ тому, что характеры въ «Солдатахъ» вышли сравнительно болѣе блѣдными и менѣе выпуклыми, чѣмъ въ «Гофмейстерѣ». Индивидуумы стушевались за сословными различіями и особенностями.

Въ культурномъ отношеніи «Солдаты» представляютъ любопытный контрастъ «Миннѣ фонъ-Барнгельмъ». Пьеса Лессинга въ лицѣ Теллыгейма прославляетъ военное сословіе, представляетъ послѣднее

съ наиболѣе выгодной стороны. Ленцъ дерзнулъ показать обществу оборотную сторону медали и вмѣсто счастливыхъ исключеній, въ родѣ Телльгейма, показать сословіе въ массѣ, въ его типичныхъ сословныхъ чертахъ. И картина вышла непривлекательная, хотя и правдивая. Присущій Ленцу реализмъ и здѣсь обнаружилъ себя бо́льшею близостью къ дѣйствительности, чѣмъ идеалистическій пошибъ лессинговскаго творчества. Но обаяніе художественной цѣльности, выгодно отличающее знаменитую комедію Лессинга, отсутствуетъ въ «Солдатахъ» Ленца. Ихъ постановка на сцену была бы невозможна безъ значительныхъ передѣлокъ. Быстрая смѣна невѣроятно короткихъ сценъ въ IV актѣ доходитъ до нелѣпости. Послѣдняя резонерская сцена, представляющая злосчастный проектъ уврачеванія изображеннаго въ пьесѣ зла, является излишнимъ антихудожественнымъ балластомъ, расхолаживающимъ впечатлѣніе и отпугивающимъ зрителя и читателя своею чудовищною эксцентричностью [40]).

Гердеръ цѣнилъ «Солдатъ» Ленца съ соціально-политической точки зрѣнія [41]). И дѣйствительно, именно этой стороной пьеса сохраняетъ свое историческое значеніе. Вопросъ сословный поставленъ здѣсь рядомъ съ вопросомъ о положеніи женщины, ея женской долѣ, ея тяжкой судьбѣ въ мало-культурномъ обществѣ. Героиня пьесы падаетъ жертвою крупныхъ недочетовъ соціальнаго быта, развращенности грубой солдатчины.

Подобную же тему затрогивалъ уже Ленцъ въ «Гофмейстерѣ», окруживъ ореаломъ чувствительности и душевной чистоты роковое паденіе Густхенъ. Ленцъ старается возбудить симпатію къ этимъ «падшимъ ангеламъ», взываетъ къ состраданію и сваливаетъ всю вину не на нихъ, а на общество и его порядки. Принадлежа къ наиболѣе чуткимъ писателямъ своего времени, онъ съ поспѣшностью и страстностью отзывался на зарождавшіеся вопросы современности. Его Густхенъ и Марія Везенеръ стоятъ по времени первыми въ ряду тѣхъ симпатичныхъ грѣшницъ, наиболѣе совершеннымъ типомъ которыхъ явилась Гретхенъ «Фауста» [42]). Ту же тему затронулъ Вагнеръ въ своей пьесѣ «Дѣтоубійца», возставшій противъ ужасовъ уголовнаго законодательства, каравшаго несчастныхъ матерей, но оставлявшаго безъ наказанія истинныхъ виновниковъ преступленія [43]). Подобный же мотивъ затронулъ Ленцъ въ своемъ разсказѣ «Зербинъ

или новая философія» [44]). Здѣсь выводится простая служанка Марія, попадающая въ такое же положеніе, какъ и Евхенъ Вагнера. Въ «Гофмейстерѣ» Ленцъ уже показалъ свое искусство въ рисовкѣ простой крестьянской наивной дѣвушки Лизхенъ, типомъ которой онъ, по справедливому замѣчанію Э. Шмидта, обогатилъ нѣмецкую литературу. Рядомъ съ Лизхенъ должна быть поставлена и Марія изъ разсказа «Зербинъ», столь же привлекательная, какъ и первая. Исторія этой новой прекрасной грѣшницы разсказана Ленцемъ съ большою правдивостью и психологическою проницательностью. Ребенокъ ея является на свѣтъ мертворожденнымъ, тѣмъ не менѣе законъ, карая за тайную беременность, посылаетъ ее на эшафотъ. Въ темницѣ посѣщаетъ Марію ея несчастный отецъ. Здѣсь Ленцъ почти переходитъ къ болѣе свойственной ему драматической формѣ. Разыгрывается прекрасная, трогательная и потрясающая сцена. Угрызенія совѣсти заставляютъ соблазнителя покончить жизнь самоубійствомъ [45]).

Подобнаго же мотива касается Ленцъ, въ неоконченномъ драматическомъ наброскѣ «Магистръ» [46]). Какъ и въ «Зербинѣ», героемъ является «магистръ», обольщающій служанку. Но въ повѣсти герой грѣшитъ по увлеченію, захваченный страстью. Здѣсь же это холодный развратникъ, соблазняющій бѣдную женщину деньгами. Сцена искушенія написана съ реализмомъ Зола. Карающей десницей является собственная неосторожность магистра: оставивъ подлѣ себя лампу на ночь, онъ дѣлается жертвой пламени.

Съ легкой руки Ленца, подобные мотивы наводнили европейскую литературу. Къ этому направленію примкнулъ и младшій членъ семьи «бурныхъ геніевъ» Шиллеръ въ своей буржуазной трагедіи «Коварство и любовь». Своими «Солдатами» Ленцъ явился истиннымъ предшественникомъ Шиллера. Послѣдній также даетъ сильную соціально-политическую окраску своему произведенію. Основная идея—разрушительное вторженіе развращеннаго дворянства въ жизнь мирной буржуазіи—одна и та же, а Луиза Миллеръ является прямою наслѣдницею Маріи Везенеръ. Въ обрисовкѣ характера жены Миллера Шиллеръ заимствовалъ нѣкоторыя черты ленцевскаго Везенера: оба одновременно и предостерегаютъ своихъ дочерей, и чувствуютъ себя польщенными вниманіемъ аристократа. Подобно Везенеру, Frau Mil-

ler убѣждена въ томъ, что ухаживатель восхищенъ только прекрасной душой ея дочери [47]).

Подобно Ленцу, и Гёте выводитъ мотивъ буржуазной любви Эгмонта къ Клерхенъ и создаетъ трогательную фигуру Бракенбурга, напоминающаго Штольціуса «Солдатъ» [48]). Группе и Фройцгеймъ находятъ въ «Фаустѣ» и «Эгмонтѣ» отраженіе послѣдней сцены I акта «Солдатъ» [49]).

Среди драматическихъ набросковъ Ленца находится пьеса «Старая дѣва», которая сохранилась въ трехъ варіантахъ, представляющихъ остатки трехъ различныхъ обработокъ темы [50]). Пьеса эта стоитъ въ ближайшемъ отношеніи къ «Солдатамъ» и «Дневнику», съ одной стороны,—и къ «Moralische Bekehrung eines Poeten»—съ другой. Въ ней слышатся несомнѣнные отголоски личныхъ впечатлѣній Ленца, пережитыхъ имъ въ семействѣ страсбургскаго ювелира Фибиха. Въ особенности замѣчательна въ этомъ отношеніи третья обработка пьесы, о которой идетъ рѣчь, сохранившаяся въ видѣ одной неоконченной сцены и двухъ небольшихъ отрывковъ. Дѣйствующими лицами въ названной сценѣ выведены самъ Ленцъ, скрывающійся подъ именемъ Видебурга, и Фибихъ, отецъ Клеофы, который такъ прямо и названъ этимъ именемъ. Клеофа названа Амаліей. Содержаніе сцены слѣдующее: Видебургъ влюбленъ въ Амалію, невѣсту графа Дёнгофа. Отъ ея отца, Фибиха, онъ узнаетъ, что женихъ отказывается привести въ исполненіе свое обѣщаніе, скрѣпленное особымъ документомъ—«promesse de mariage». Видебургъ совѣтуетъ Фибиху начать противъ графа процессъ, но, боясь излишней огласки, Фибихъ не рѣшается на это. Тогда Видебургъ обѣщаетъ вести этотъ процессъ лично отъ своего имени. На этомъ сцена прерывается, но далѣе въ нѣсколькихъ строчкахъ Ленцъ набросалъ дальнѣйшій ходъ дѣйствія: Видебургъ проигрываетъ процессъ, такъ какъ promesse de mariage оказывается подложнымъ; изъ великодушія онъ изъявляетъ готовность обвѣнчаться съ Амаліей. Въ концѣ отрывка находится слѣдующее характерное замѣчаніе: «Поэтому я не могу напечатать мою пьесу, по крайней мѣрѣ, пока Фибихъ не замужемъ». Такимъ образомъ отношеніе этого отрывка къ Клеофѣ Фибихъ—не подлежитъ сомнѣнію. Во второй обработкѣ пьесы «Старая дѣва» (напечатанной Вейнгольдомъ подъ буквой B.) она уже выведена прямо подъ своимъ настоящимъ именемъ «Clerchen». Ленцъ является подъ

тѣмъ же именемъ Видебурга; кромѣ того выводится страсбургскій другъ Ленца Оттъ подъ своей настоящей фамиліей. Эта обработка (В.) представлена одной прекрасной сценой между Видебургомъ и Оттомъ, четырьмя отрывками монологовъ Видебурга, да краткимъ планомъ другой сцены (№ 6 Ihr Krankenbett). Здѣсь Видебургъ выводится женихомъ Клеофы, которая изображается почти тѣми же чертами, какъ въ «Moralische Bekehrung eines Poeten»: холодной кокеткой, легкомысленнымъ и тщеславнымъ существомъ, опутавшимъ его сѣтями своего любовнаго коварства. Какъ и въ разобранной нами исповѣди, посвященной Корнеліи Шлоссеръ, Ленцъ - Видебургъ тяготится этими оковами, старается, не всегда успѣшно, стряхнуть ихъ съ себя; онъ чувствуетъ, что его страсть къ Клеофѣ—Араминтѣ лишена нравственной основы, что онъ можетъ изнемогать отъ любви къ этой Цирцеѣ, но не можетъ уважать ее, такъ какъ она не отвѣчаетъ истинному идеалу женщины, который ему представляется. Въ «Moralische Bekehrung» въ лучахъ такого ореола являлась Корнелія; здѣсь же выводится Генріетта Вальднеръ, начало любви къ которой отмѣчено уже, какъ мы видѣли, въ этой исповѣди. Генріетта выводится подъ именемъ Цециліи, а въ одной сценѣ прямо называется «Вальднеръ» [51]). Сущность пьесы и заключается въ колебаніяхъ Видебурга между двумя этими женщинами разнаго типа, колебаніяхъ, которыя, повидимому, должны были окончиться (по крайней мѣрѣ, въ редакціяхъ А. и В.) возвращеніемъ Видебурга къ первой своей возлюбленной. Въ личности Цециліи слились во-едино впечатлѣнія Ленца отъ двухъ дѣйствительныхъ личностей — Генріетты Вальднеръ и Луизы Кёнигъ, страсбургской знакомой Ленца и пріятельницы Каролины Гердеръ и Корнеліи Шлоссеръ.

По обычаю Ленца, къ дѣйствительно пережитымъ впечатлѣніямъ примѣшались вычитанные мотивы. Какъ показалъ Вейнгольдъ, планъ пьесы у него зародился при чтеніи одного романа Софіи Ларошъ, начатаго въ февральской книжкѣ журнала «Iris» за 1775 годъ подъ заглавіемъ «Freundschaftliche Frauen zimmerbriefe» [52]). Этотъ романъ привелъ Ленца въ восторгъ и побудилъ его начать переписку съ его авторомъ. Одинъ эпизодъ этого романа и далъ Ленцу мысль воспользоваться имъ для пьесы, которую онъ и началъ писать подъ заглавіемъ «Старая дѣва». Въ началѣ онъ удерживаетъ тѣ же имена, какія вычиталъ въ романѣ Ларошъ. Но постепенно лично пережитое

и перепсипытанное заслоняетъ чисто литературныя впечатлѣнія, и пьеса, осложняясь новыми мотивами и подчиняясь новому замыслу, очень далеко удалилась отъ перваго источника, и пріобрѣла, въ роли Видебурга, рѣзкій субъективный характеръ. Видебургъ представляется намъ новымъ отпечаткомъ съ одного и того же клише, давшаго фигуры Стрефона, Роберта, Давида и др.[53]).

Вслѣдъ за «Гофмейстеромъ», «Новымъ Менозой» и «Солдатами» мы должны удѣлить мѣсто пьесѣ Ленца подъ заглавіемъ «Два старика» (Die beiden Alten) [54]).

Пьеса была прочтена Ленцемъ въ засѣданіи Страсбургскаго Литературнаго Общества 14 декабря 1775 г. [55]). Въ основѣ ея лежитъ дѣйствительный случай, бывшій въ Лангедокѣ и описанный въ современныхъ газетахъ, а именно: нѣкто, желая овладѣть имѣніемъ своего отца, заключилъ его въ погребъ и распустилъ слухъ, будто онъ скончался. Одинъ изъ старыхъ друзей несчастнаго старика, проѣзжая мимо, остановился у преступнаго сына. Случилось, что слуга послѣдняго, по недосмотру, оставилъ незапертой дверь импровизованной тюрьмы. Старикъ вышелъ изъ нея ночью, проникъ въ комнату друга и разсказалъ ему все. Сынъ былъ наказанъ [56]).

Пьеса Ленца состоитъ изъ трехъ короткихъ актовъ съ небольшимъ числомъ дѣйствующихъ лицъ. Преступный сынъ названъ Сенъ-Аманъ. Двѣ первыхъ сцены рисуютъ намъ его въ обществѣ его слуги Валентина, ловкаго столичнаго проныры, спеціально занимающагося обираніемъ пріѣзжающихъ въ Парижъ провинціаловъ, и сестры Валентина — Розинетты, влюбившей въ себя неопытнаго и недалекаго молодого человѣка. Планъ Валентина и Розинетты заключается въ томъ, чтобы убѣдить Сенъ-Амана продать поскорѣе имѣніе и уѣхать вмѣстѣ съ ними въ Парижъ, гдѣ они надѣются овладѣть его капиталомъ. «Это не первый гусь изъ провинціи, котораго она ощипала» говоритъ Валентинъ о сестрѣ [57]). Сенъ-Амана смущаетъ только вопросъ, что дѣлать съ отцомъ, запертымъ въ подвалѣ. Имѣніе же онъ надѣется продать мужу своей сестры Анжелики—Беллуа. Валентинъ извѣщаетъ о пріѣздѣ генерала Рошфора, родного брата заключеннаго старца. Чтобы избѣгнуть подозрѣній, Сенъ-Аманъ отправляетъ Розинетту въ Парижъ, обѣщая вскорѣ пріѣхать туда.

Во второмъ актѣ также двѣ сцены. Приготовляясь ко сну, генералъ Рошфоръ разспрашиваетъ преступнаго сына о мнимой смерти

его отца. Сенъ - Аманъ старается увѣрить генерала, что свадьба Анжелики съ Беллуа была началомъ огорченій, сведшихъ старика въ могилу. Генералъ подмѣчаетъ недоброжелательное отношеніе молодого человѣка къ зятю, которымъ покойный отецъ Анжелики былъ очень доволенъ. Доставшееся Сенъ - Аману имѣніе генералъ готовъ купить у племянника.

Вторая сцена изображаетъ садъ. Генералъ и Беллуа бесѣдуютъ о мнимо-умершемъ «добромъ старикѣ съ серебристыми локонами». Поведеніе Сенъ - Амана, его скрытность по отношенію къ роднымъ и близость къ слугамъ не нравятся генералу. Майоръ Беллуа прибавляетъ, что Сенъ-Аманъ «заклятый врагъ» его и его жены; онъ не можетъ примириться съ мыслью, что Анжелика вышла замужъ за офицера буржуазнаго, недворянскаго происхожденія, хотя и получившаго за свои военныя заслуги патентъ дворянина. Генералъ объясняетъ, что это нерасположеніе имѣетъ главнымъ источникомъ то обстоятельство, что братъ его отдалъ новобрачнымъ одно изъ своихъ имѣній, которое Сенъ-Аманъ охотнѣе продалъ бы, чтобы прокутить деньги въ Парижѣ, мысль о которомъ кружитъ ему голову. Беллуа разсказываетъ, что по полученіи извѣстія о смерти тестя, онъ и Анжелика немедленно пріѣхали сюда, въ Белькуръ, но тотъ оказался уже похороненнымъ, и никакія мольбы Анжелики не могли убѣдить Сенъ-Амана открыть склепъ. Теперь Беллуа съ женою пріѣхали въ Белькуръ, вызванные Сенъ - Аманомъ, который предложилъ имъ купить у него имѣніе. Оказывается, что генералъ пріѣхалъ сюда не случайно: его вызвалъ Беллуа, чтобы онъ самъ купилъ имѣніе брата. При этомъ майоръ совѣтуетъ, чтобы спасти молодого человѣка отъ разоренія, не выдавать ему сразу всего капитала, а ежегодно уплачивать извѣстную сумму. «О старикъ, старикъ»!—восклицаетъ генералъ: «если бы ты слышалъ это»! «Я не вѣрю въ духовъ—но для того чтобы увидѣть нашего старика сейчасъ подъ деревьями, гдѣ мы такъ часто сидѣли и разсуждали о вашей будущей судьбѣ—я могъ бы позавидовать суевѣрію старой женщины»[58])! Беллуа же, съ своей стороны, не только вѣритъ въ духовъ, но и думаетъ, что они принимаютъ живое участіе въ дѣлахъ живыхъ. Сцена оканчивается тѣмъ, что генералъ Рошфоръ объявляетъ сына майора наслѣдникомъ Белькура и всѣхъ своихъ имѣній.

Третья сцена изображаетъ спальню Сенъ-Амана. Валентинъ завиваетъ ему волосы. Сенъ-Аманъ не знаетъ «что дѣлать со старикомъ». Онъ отвергаетъ предложеніе Валентина дать старику возможность бѣжать изъ тюрьмы. Тогда Валентинъ предлагаетъ убить старика и беретъ дѣло на себя.

Первая сцена третьяго акта представляетъ «подвалъ». Здѣсь заключенъ полковникъ Рошфоръ, переносящій свое горе съ удивительною твердостью и спокойствіемъ духа. Входитъ Валентинъ со свѣтильникомъ въ одной и обнаженнымъ кинжаломъ въ другой рукѣ.

Валентинъ. Готовьтесь, вы должны умереть.

Рошфоръ (*встаетъ*). Умереть?—Ты пришелъ отъ моего сына?

Валентинъ. Я не за тѣмъ здѣсь, чтобы отвѣчать на ваши вопросы. Будьте готовы!

Рошфоръ. Мой сынъ приказалъ тебѣ убить отца?—Успокой меня, отвѣтивъ на этотъ вопросъ.

Валентинъ. Къ чему вопросы? Нѣтъ, онъ мнѣ этого не приказывалъ. Готовьтесь!

Рошфоръ. Теперь мнѣ не нужно большихъ приготовленій (*обнажаетъ голову*). Создатель! я давно уже предалъ тебѣ свою душу. Неужели же мой сынъ — участникъ въ этомъ убійствѣ!... Ахъ! Не такъ я воспиталъ его, у него не такое сердце, чтобы онъ могъ ненавидѣть виновника своей жизни. Прости ему! Не наказаніе возлагаетъ онъ на меня; онъ дѣлаетъ то, о чемъ дикари просятъ своихъ дѣтей: онъ освобождаетъ меня отъ тягости медленнаго умиранія (*Валентину*). Теперь, другъ мой, исполняй то, зачѣмъ ты пришелъ сюда (*приближается къ нему съ раскрытою грудью*). Наноси ударъ!

Валентинъ (*бросаетъ кинжалъ къ ногамъ Рошфора и убѣгаетъ*). О, не выдавайте насъ! (*оставляетъ дверь открытой*).

Рошфоръ (*начинаетъ горько плакать, затѣмъ встаетъ*). Снова увидѣть дѣтей моихъ? (*всплескиваетъ руками*). Великій Боже! увидѣть мою Анжелику, моего Беллуа—о если бы это былъ не сонъ!—(*Идетъ вслѣдъ за Валентиномъ*) [59].

Вторая и третья сцены третьяго акта происходятъ ночью въ саду, освѣщенномъ луною. Сюда приходитъ генералъ Рошфоръ; онъ не можетъ спать, думая постоянно о братѣ и считая эти думы за предчувствіе близкой смерти. Въ глубинѣ сада показывается Анжелика, а за нею слѣдуетъ Беллуа. Она встала съ постели, такъ какъ ей

показалось, что въ саду подъ окномъ слышенъ кашель ея отца. «На минуту появился онъ передо мною, я видѣла, я не ошибаюсь, милый Беллуа, всю его фигуру съ его бѣлыми волосами, освѣщенными луною». Ей казалось, что онъ былъ въ ихъ спальнѣ, стоялъ, наклонившись надъ изголовьемъ, и утиралъ слезы; что-то шептало ей: «иди въ садъ»! Беллуа думаетъ, что все это приснилось ей. Оба погружаются въ воспоминанія о старикѣ и о первомъ своемъ объясненіи, бывшемъ подъ одною изъ липъ сада. Анжелика замѣчаетъ внезапно генерала, дремлющаго на скамьѣ, принимаетъ его за отца и съ крикомъ бросается на руки мужа. Генералъ сообщаетъ въ недоумѣніи, что и ему показалось, будто покойный братъ бродитъ, вздыхая, подъ деревьями; теперь онъ готовъ повѣрить въ духовъ. Анжелика готова жизнь отдать, чтобы увидѣть дорогое привидѣніе. Въ эту минуту изъ темноты сада вырисовывается фигура стараго Рошфора.

Рошфоръ. Я здѣсь, мои дѣти. (*Анжелика падаетъ безъ чувствъ на руки Беллуа. Генералъ вскакиваетъ съ мѣста, дрожитъ и падаетъ на колѣни*). Вы не хотите меня признать? Рошфоръ и ты здѣсь! (*Обнимая брата*). Живъ, я не умиралъ—не бойтесь!

Генералъ. Какъ же это? ты...

Рошфоръ. Твой братъ, твой братъ.—Я не умиралъ—(*обращаясь къ Беллуа*). Что съ этимъ ангеломъ въ образѣ женщины? О, я не могу воздержаться: на этихъ холодныхъ губахъ я долженъ запечатлѣть горячій поцѣлуй. (*Обнимая попеременно дочь и Беллуа*). И ты, Беллуа, все еще не вѣришь, что я живъ?

Беллуа. Я не могу понять—но я вѣрю.

Рошфоръ. Я Рошфоръ, я твой отецъ, я не умиралъ, я былъ только въ заключеніи.

Анжелика (*пробуждается и говоритъ съ тоскою*). Мой отецъ—здѣсь ли онъ еще? исчезъ—о, я несчастная!

Рошфоръ. Нѣтъ, Анжелика, нѣтъ, (*обнимая ее*) мы останемся вѣчно вмѣстѣ [60]).

Старикъ разсказываетъ, какъ Сенъ-Аманъ заключилъ его въ подвалъ, чтобы поскорѣе унаслѣдовать его имѣнія, и распустилъ ложный слухъ о его смерти. Онъ готовъ простить его за его молодость, за годы юношескихъ заблужденій. Внезапно вбѣгаетъ Сенъ-Аманъ, вооруженный кинжаломъ, со словами: «Мой отецъ—

гдѣ мой отецъ?» Генералъ хватаетъ его за руку, говоря: «Что хочешь ты сдѣлать, безумный?»—«Вы заблуждаетесь, дядя,—отвѣчаетъ преступный сынъ: кинжалъ назначенъ для меня самого. Я пришелъ попросить прощенія и затѣмъ наказать себя». Далѣе онъ разсказываетъ, какъ онъ, отдавъ Валентину ужасное приказаніе, почувствовалъ угрызеніе совѣсти и поспѣшилъ къ подвалу, чтобы отомстить Валентину за кровь старца. Но Валентинъ ему сообщилъ о всемъ происшедшемъ. Теперь онъ умоляетъ отца простить его, обвиняя Розинетту, которая «своимъ змѣинымъ языкомъ влила ядъ» въ его душу и возстановила его противъ всѣхъ родныхъ. Въ слезахъ бросается онъ на землю.

Рошфоръ (*поднимая его*). Встань, обманутый юноша!—Если мое прощеніе не исправитъ тебя, тѣмъ хуже тебѣ самому. Отцы всегда бывали плохими судьями. Прижмись опять къ моему сердцу, въ этомъ будетъ все твое наказаніе. (*хочетъ обнять его*).

Сенъ-Аманъ. Нѣтъ, оставьте меня лучше здѣсь въ пыли пресмыкаться и молиться на васъ, о слишкомъ великодушный отецъ! [1]).

Генералъ съ удовольствіемъ видитъ брата въ кругу его дѣтей. Растроганный Беллуа плачетъ «первый разъ въ жизни». Послѣднимъ примиряющимъ аккордомъ является музыка: Анжелика поетъ арію «Къ радости»; Беллуа аккомпанируетъ на флейтѣ.

Пьеса «Два старика» представляетъ новый любопытный фазисъ въ литературномъ развитіи Ленца. Прежде всего, нельзя не замѣтить полное отсутствіе комическаго элемента. Излюбленная идея Ленца о смѣшеніи трагическаго съ комическимъ не находитъ здѣсь примѣненія. Пьесу можно считать переходной ступенью къ настоящей трагедіи, образецъ которой Ленцъ далъ въ своей «Сицилійской вечернѣ». Въ разбираемой пьесѣ онъ даетъ трагическому мирный и даже сентиментальный исходъ. Его задачей какъ бы является соединить трагическій паѳосъ Эсхила съ идиллическою слащавостью пасторалей Геснера [2]). Уже въ «Гофмейстерѣ» онъ сдѣлалъ попытку (не особенно удачную) дать мирное разрѣшеніе трагическимъ положеніямъ. Такъ-называемую «bürgerliches Trauerspiel» онъ стремится преобразовать въ «bürgerliches Schauspiel», отрицая необходимость трагическаго исхода. Но въ «Новомъ Менозѣ» и въ «Солдатахъ» онъ возвращается къ традиціи буржуазной трагедіи.

Не трудно доказать, что образцомъ для пьесы «Два старика» послужили многочисленныя и очень популярныя въ Германіи пьесы извѣстнаго Себастьяна Мерсье. Въ самомъ дѣлѣ, уже одно названіе пьесы «семейной картиной» («Familiengemählde») заставляетъ подозрѣвать нѣкоторое отношеніе ея къ театру Мерсье, который какъ мы видѣли, всегда употреблялъ этотъ терминъ («Tableau»), коренившійся въ самой сущности его требованій отъ драматическаго произведенія [63]). Далѣе, въ противоположность другимъ своимъ пьесамъ, Ленцъ вмѣщаетъ все содержаніе «Двухъ стариковъ» въ три акта,—иначе говоря принимаетъ излюбленную Мерсье форму трехактной прозаической драмы [64]). Общій типъ подобныхъ пьесъ французскаго плодовитаго драматурга довольно вѣрно передается въ произведеніи Ленца. Никакая пьеса нашего поэта не изобилуетъ такимъ количествомъ добродѣтельныхъ лицъ. Обыкновенно подобныя лица являются у него только эпизодически, напр. «тайный совѣтникъ» Бергъ въ «Гофмейстерѣ», принцъ Танди въ «Новомъ Менозѣ», пасторъ Эйзенгардтъ и графиня Ларошъ въ «Солдатахъ»; громадное большинство выводимыхъ имъ характеровъ являются или прямо отрицательными, или представляютъ обычную въ жизни смѣсь свѣта и тѣней. Не то въ «Двухъ старикахъ». Представителями порока здѣсь выведены лишь Валентинъ и Розинетта. Всѣ остальныя дѣйствующія лица—прекраснѣйшіе и достойнѣйшіе люди, состязающіеся между собою въ добротѣ, чувствительности, доблести и великодушіи. Самый злостный поступокъ Сенъ-Амана объясняется не злою волею, а его молодостью, неопытностью и ядовитыми навѣтами упомянутой порочной пары. Такое же количественное преобладаніе добродѣтельныхъ лицъ надъ порочными встрѣчаемъ мы обыкновенно у Мерсье, у котораго этотъ пріемъ былъ вполнѣ обусловленъ его теоріей. Мы уже знаемъ, что, считая задачею драматурга «заражать» зрителя добродѣтелью, онъ боялся выводить на сцену много порочныхъ лицъ, боясь, что и порокомъ можно заразить зрителей [65]).

Самые характеры пьесы поразительно напоминаютъ типы Мерсье, кажутся выхваченными изъ его драмъ. Полковникъ Рошфоръ—обычный у Мерсье типъ почтеннаго старца, по большей части отставного военнаго, сухопутнаго или морского (напр. въ пьесѣ «Nathalie»), степенно-величаваго и сосредоточенно-сдержаннаго,

крайне чувствительнаго и крайне великодушнаго. Близко подходитъ къ нему и братъ его генералъ [66]). Честный майоръ Беллуа—копія съ обычнаго у Мерсъе типа симпатичнаго офицера буржуазнаго происхожденія (напр. St. Franc въ пьесѣ «Deserteur» [67]). Анжелика не похожа ни на одинъ изъ ленцевскихъ выдающихся женскихъ типовъ: ни на «прекрасныхъ грѣшницъ» въ родѣ Густхенъ Бергъ и Маріи Везенеръ, ни на демоническія натуры въ родѣ Донны Діаны, ни на сентиментально - чувственныя въ родѣ Вильгельмины («Новый Меноза»). Анжелика болѣе похожа на ходячій въ XVIII в. литературный типъ женщины или дѣвушки, «прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ», чувствительной, умѣренной, благоразумной, носящей особенно часто типическое имя «Софьи», типъ, безъ котораго обходится рѣдкая пьеса Мерсье [68]). Сенъ-Аманъ также напоминаетъ выводимый въ пьесахъ французскаго драматурга типъ молодого человѣка, совершающаго предосудительное или преступное дѣяніе и необыкновенно быстро раскаивающагося. У Мерсье почти всѣ злодѣи моментально превращаются въ кающихся грѣшниковъ [69]). Конецъ пьесы совершенно во вкусѣ Мерсье, который обыкновенно приводитъ дѣло къ мирной развязкѣ и оканчиваетъ свои драмы трогательнымъ примиреніемъ ссорящихся, раскаяніемъ порочныхъ, великодушіемъ добродѣтельныхъ, ихъ взаимными прощеніями, слезами и объятіями [70]).

Такимъ образомъ, «Два старика» были явнымъ подражаніемъ манерѣ Мерсье. Сюжетъ этой пьесы былъ взятъ Ленцемъ готовымъ изъ газетъ, а не былъ наблюдаемъ, не былъ пережитъ имъ лично, какъ это было съ «Домашнимъ Учителемъ» и «Солдатами». Въ послѣднихъ пьесахъ трепещетъ реальная жизнь, чувствуются личныя авторскія наблюденія, выведенные характеры являются своеобразными разновидностями общихъ психологическихъ и общественныхъ типовъ. «Два старика» похожи болѣе на литературное упражненіе, чѣмъ на картину съ натуры; навѣяны скорѣе чтеніемъ, чѣмъ наблюденіемъ. Поэтому вліяніе Мерсье здѣсь сказалось сильнѣе, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ Ленца, въ основѣ которыхъ лежатъ близко извѣстныя автору реальныя событія и факты.

Тѣмъ не менѣе Ленцъ, безспорно, справился съ своею задачей довольно талантливо, что было признано и современной поэту критикой. «Альманахъ нѣмецкихъ музъ» съ особенною похвалою ото-

звался о сценѣ появленія старика, котораго всѣ считали умершимъ, и замѣчалъ, что это появленіе «прекрасно подготовлено» и вся сцена «проведена изумительно сильно» [71]). Враждебный Ленцу органъ Николаи «Всеобщая нѣмецкая библіотека» не могъ, однако, отказать пьесѣ въ сочувственномъ отзывѣ. Разсказавъ случай, послужившій Ленцу точкой отправленія, критикъ замѣчалъ: «Съ драматической обработкой этого сюжета г. Л. справился такъ счастливо и удачно, что всякій читатель, вѣроятно, выскажетъ сожалѣніе, что авторъ ограничился только этимъ эскизомъ, а не написалъ настоящую и полную пьесу» [72]). Дѣйствительно, драматическій талантъ Ленца здѣсь проявляетъ себя съ самой лучшей стороны. Сосредоточенность дѣйствія, естественность и простота его развитія, совершенное отсутствіе ненужныхъ лицъ и ненужныхъ подробностей, умѣнье создать истинно драматическое положеніе— вотъ достоинства этой пьесы, оставшейся, къ сожалѣнію, только эскизомъ. Сцены покушенія на убійство стараго Рошфора и появленія его въ лунную ночь среди живыхъ сдѣлали бы честь любому драматургу.

Этотъ талантливый эскизъ Ленца обезсмертилъ Шиллеръ въ своихъ «Разбойникахъ». Младшій членъ литературной партіи «бури и натиска», онъ жадно вчитывался въ произведенія первыхъ вожаковъ этого движенія, среди которыхъ особеннымъ вниманіемъ его пользовался Ленцъ [73]). Мы уже видѣли, что въ предисловіи къ «Разбойникамъ» Шиллеръ высказываетъ идеи, навѣянныя ему «Замѣтками о театрѣ» Ленца. Впослѣдствіи, въ эпоху дружбы съ Гёте, Шиллеръ тщательно разыскивалъ посмертныя сочиненія Ленца и нѣкоторыя изъ нихъ только благодаря ему появились въ печати [74]).

Въ «Разбойникахъ» Шиллеръ обязанъ Ленцу однимъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ. Припомнимъ пятую сцену четвертаго акта. Театръ представляетъ лѣсъ, окружающій развалины стараго замка, въ одной изъ башенъ котораго, въ подземельѣ томится старый Мооръ, заключенный туда своимъ безжалостнымъ сыномъ Францемъ. Ночью слуга Германъ пробирается тайкомъ къ башнѣ, неся пищу несчастному старцу, и обмѣнивается съ нимъ нѣсколькими фразами. Карлъ Мооръ слышитъ подозрительные голоса, останавливаетъ Германа, который принимаетъ его за Франца и умоляетъ простить его за то, что онъ, вопреки приказанію, приноситъ пищу ста-

рому графу. Новые звуки голоса, раздавшіеся изъ развалинъ, дѣлаютъ для Карла очевиднымъ, что тамъ кто-то томится въ заключеніи. Онъ ломаетъ рѣшетку башни. И вотъ изъ нея выходитъ «старикъ, высохшій, какъ скелетъ».

Старикъ. Сжальтесь надъ несчастнымъ! Сжальтесь!

Мооръ. (*Въ ужасъ отскакиваетъ назадъ*). Это голосъ моего отца!

Старикъ. Благодареніе Создателю! Насталъ часъ освобожденія.

Карлъ принимаетъ его за духа, потревоженнаго въ могилѣ и не искупившаго еще всѣ свои грѣхи. «Я не духъ—отвѣчаетъ ему старецъ: коснись до меня, я живъ. О несчастная, достойная сострадація жизнь!» Далѣе онъ разсказываетъ, какъ Францъ заключилъ его въ это подземелье, осудивъ на голодную смерть *), отъ которой онъ спасся только благодаря слугѣ Герману, тайкомъ носившему ему пищу въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. «Тысячу разъ» старый графъ «умолялъ Бога послать ему смерть», но мѣра его наказанія не исполнилась: онъ страдаетъ справедливо за то, что довелъ до отчаянія своего старшаго сына, Карла.

Мы не будемъ передавать далѣе эту сцену, исполненную глубокаго трагизма и истинной поэзіи. Біографу Ленца пріятно засвидѣтельствовать, что этимъ превосходнымъ эпизодомъ «Разбойниковъ» Шиллеръ обязанъ пьесѣ «Два старика». Самый фактъ заключенія почтеннаго старца безжалостнымъ сыномъ, нечаянное избавленіе отъ неминуемой смерти, появленіе среди живыхъ, принимающихъ его за видѣніе, за духа, разсказъ кровнымъ роднымъ объ ужасномъ преступленіи сына—все это обще той и другой пьесѣ. Кромѣ того, нельзя не замѣтить вліянія ленцевскаго эскиза и на нѣкоторыхъ другихъ подробностяхъ «Разбойниковъ». У Ленца братъ несчастнаго Рошфора, при внезапномъ появленіи его среди живыхъ, падаетъ передъ нимъ на колѣни; у Шиллера дѣлаетъ тоже по отношенію къ спасенному старцу Швейцеръ, послѣ разсказа о перенесенныхъ несчастьяхъ. Какъ Рошфоръ прощаетъ преступнаго сына, такъ и старый Мооръ склоненъ сдѣлать тоже самое по отношенію къ Францу. Въ обоихъ случаяхъ преступные сыновья испытываютъ угрызенія совѣсти, которыя приводятъ Сенъ-Амана къ покушенію лишить себя жизни, а Франца заставляютъ покончить самоубійствомъ [78]).

*) У Сенъ-Амана мелькаетъ подобная же мысль.

«Два старика» Ленца обогатили «Разбойниковъ» Шиллера однимъ прекраснымъ драматическимъ эпизодомъ. Этимъ несомнѣнно устанавливается фактъ вліянія перваго на второго. Сверхъ того, нѣкоторое родство драматическихъ геніевъ обоихъ писателей находитъ себѣ блестящее подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что оба драматурга встрѣтились еще разъ, обрабатывая одинъ и тотъ же сюжетъ, заимствованный изъ одного и того же источника. «Разбойники» Шиллера имѣли себѣ предшественника въ видѣ пьесы Ленца «Добродѣтельный негодяй»,—очень талантливаго, но, къ сожалѣнію, неоконченнаго посмертнаго произведенія [76]). Сюжетъ «Разбойниковъ», какъ извѣстно, заимствованъ изъ разсказа, помѣщеннаго Шубартомъ въ журналѣ «Швабскій магазинъ» за 1775 г. и рекомендованнаго имъ, какъ благодарная фабула для какой-нибудь драмы или романа [77]). Когда юный Шиллеръ, воспитанникъ Медицинской школы Карла Вюртембергскаго, откликнулся на этотъ призывъ и сталъ работать тайкомъ надъ своей знаменитой драмой (это было, какъ думаютъ, въ 1777 г. [78]), въ черновыхъ бумагахъ Ленца лежалъ уже эскизъ пьесы, вдохновленной тѣмъ же разсказомъ Шубарта. «Добродѣтельный негодяй» дошелъ до насъ въ двухъ обработкахъ, изъ которыхъ первая должна быть отнесена къ зимѣ 1775—76 гг., а вторая ко времени жизни Ленца въ Веймарѣ въ 1776 году [79]). Веймарское крушеніе и наступившіе затѣмъ годы странничества помѣшали Ленцу закончить эту прекрасную пьесу, затерявшуюся въ массѣ другихъ его драматическихъ набросковъ и плановъ.

Разсказъ, переданный Шубартомъ, есть не что иное, какъ новый варіантъ на старую тему, блестяще разработанную геніальнѣйшимъ романистомъ XVIII в. Фильдингомъ въ его великолѣпномъ «Томѣ Джонсѣ». Это тема о враждующихъ братьяхъ, восходящая къ шекспировскому эпизоду «Короля Лира» о сыновьяхъ Глостера, Эдмундѣ и Эдгарѣ. У Фильдинга являются братья: Томъ Джонсъ, мнимый «подкидышъ», добрый малый и сорви голова и Блейфиль, тонкій лицемѣръ, злой интриганъ, прикрывающійся маской добродѣтели и порядочности. Вѣроломно оклеветанный Блейфилемъ, Томъ-Джонсъ изгоняется изъ дома его «благодѣтеля» сквайра Оллуэрси, остается безъ пристанища, претерпѣваетъ всевозможныя приключенія, пока интрига Блейфиля не обнаруживается: Томъ оказывается племянни-

комъ сквайра, возстановляется имъ въ его правахъ, а Блейфиль терпитъ заслуженное наказаніе.

Патріотъ Шубартъ перенесъ мѣсто дѣйствія въ Германію, выдавая свой разсказъ за дѣйствительное происшествіе [80]). По словамъ Шубарта, близъ Бамберга жилъ въ своемъ имѣніи дворянинъ, имѣвшій двухъ сыновей: Вильгельма и Карла. Первый представляетъ снимокъ съ характера Блейфиля, а второй — съ характера Тома-Джонса. Въ школѣ и въ университетѣ обнаруживается полный контрастъ между ними. Добрый и симпатичный, но увлекающійся и растрачивающій веселою жизнью молодыя силы Карлъ впадаетъ въ долги и впутывается въ какую то случайную дуэль. Осторожный, сдержанный и холодный Вильгельмъ неукоснительно доводитъ до свѣдѣнія отца о всѣхъ злоключеніяхъ брата. Когда надъ нимъ разражается громъ и изъ отцовскаго дома, Карлу ничего не остается, какъ бросить университетъ и поступить солдатомъ въ армію Фридриха II. Раненый подъ Фрейбергомъ, онъ попадаетъ въ лазаретъ, гдѣ, подъ вліяніемъ видѣнныхъ ужасовъ и испытанныхъ страданій, въ душѣ его происходитъ благодѣтельный переломъ. Онъ пишетъ отцу письмо, прося о прощеніи и давая обѣщаніе исправиться. Но это письмо попадаетъ въ руки Вильгельма и не доходитъ до своего назначенія. Послѣ заключенія мира, Карлъ нанимается работникомъ на одну ферму, расположенную недалеко отъ замка его отца, подъ именемъ Ганса. Въ этомъ новомъ положеніи онъ оказывается образцовымъ труженникомъ и пріобрѣтаетъ всеобщія симпатіи. Хвалитъ «славнаго Ганса» и отецъ его, не подозрѣвающій, что подъ блузой чернорабочаго скрывается его собственный блудный сынъ. Однажды, когда Гансъ рубилъ въ лѣсу дрова, его отецъ, проѣзжавшій мимо, подвергся нападенію четырехъ убійцъ въ маскахъ. Гансъ подоспѣлъ во время и уложилъ трехъ изъ нихъ на мѣстѣ, а четвертый, оставшійся въ живыхъ, сознался, что покушеніе исходитъ отъ Вильгельма, которому надоѣло ждать естественной смерти отца. Можно себѣ представить ужасъ несчастнаго отца... Невольно мысли его обращаются къ потерянному младшему сыну, который, наконецъ, открывается старику. Первая мысль послѣдняго — отдать Вильгельма въ руки правосудія; но Карлъ выпрашиваетъ ему прощеніе.

Что этотъ разсказъ составился подъ непосредственнымъ вліяніемъ «Тома Джонса» Фильдинга, видно уже изъ того, что въ за-

ключеніи Шубартъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Эта исторія, основанная на достовѣрныхъ фактахъ, доказываетъ, что существуютъ также и нѣмецкіе Джонсы и нѣмецкіе Блейфили» [81]). Нѣкоторыя черты разсказа были явнымъ подражаніемъ Фильдингу. Послѣ раскрытія интриги и Блейфиль, и Вильгельмъ чужды раскаянія: они поселяются въ другомъ городѣ и стараются проложить себѣ дорогу на другомъ поприщѣ; Блейфиль становится методистомъ, Вильгельмъ — «главою благочестивой секты». Въ параллель съ вдохновителемъ Блейфиля пасторомъ Тваккумомъ, у Шубарта мы находимъ «стараго наставника» Вильгельма, продолжающаго направлять послѣдняго и послѣ раскрытія его козней [82]).

Разсказъ Шубарта послужилъ основой для пьесы Ленца «Добродѣтельный негодяй». Но онъ заимствовалъ изъ этого источника только фабулу; характеры же дѣйствующихъ лицъ взяты имъ изъ реальной нѣмецкой дѣйствительности и отчасти нарисованы подъ непосредственнымъ вліяніемъ «Тома Джонса», которымъ, какъ мы знаемъ, Ленцъ зачитывался еще въ самый разгаръ своей любви къ Фридерикѣ Бріонъ. Въ художественной обработкѣ, въ живости діалога, въ бойкомъ юморѣ и заразительномъ комизмѣ видны результаты подражанія фильдинговской манерѣ.

Мѣсто дѣйствія перенесено Ленцемъ въ Силезію, въ домъ богатаго помѣщика Лейбольда, большого чудака, воспитывающаго своихъ сыновей, Давида и Юста, лично, по собственной оригинальной системѣ. Съ его педагогическими пріемами авторъ наглядно знакомитъ насъ въ первой же сценѣ. Для поощренія молодыхъ людей онъ назначаетъ имъ тысячу дукатовъ для наградъ за успѣхи, а для увеселенія ихъ наполняетъ домъ «пѣвицами, музыкантами, комедіантами, всѣмъ, всѣмъ». Юстъ — примѣрный юноша, рѣшающій всѣ задачи и вполнѣ отвѣчающій всѣмъ требованіямъ отца. Давиду наука дается туго, онъ «мечтатель», не можетъ сосредоточиться на скучной и сухой задачѣ, чѣмъ и навлекаетъ на себя гнѣвъ отца, который съ презрѣніемъ отталкиваетъ его отъ себя и говоритъ, что онъ годится только въ дровосѣки. Причина разсѣянности Давида заключается въ томъ, что онъ влюбленъ въ Бригеллу, пѣвицу, обученную этому искусству на средства его отца. Отъ слуги Іоаганна онъ узнаетъ, что она будетъ пѣть на празднествѣ, устроенномъ Лейбольдомъ для удовольствія примѣрнаго Юста. Чтобы про-

никнуть въ концертную залу, Давидъ мѣняется съ Іоганномъ платьемъ и въ ливреѣ слуги присутствуетъ на праздникѣ, изображаемомъ во второй сценѣ. Очаровательная Бригелла поетъ итальянскую арію. Ей аккомпанируетъ на скрипкѣ Шланкардъ, придворный скрипачъ Лейбольда, также учившійся на его средства. По окончаніи пѣнія и та, и другой разсыпаются во взаимныхъ любезностяхъ. Этого не можетъ вынести Давидъ: къ огорченію со стороны отца присоединяются муки ревности. Въ лакейской ливреѣ онъ исчезаетъ изъ родительскаго дома.

Второй актъ открывается живой сценой встрѣчи Давида съ прусскими вербовщиками, которымъ онъ отдается въ руки. Вторая сцена переноситъ насъ въ спальню Лейбольда. Юстъ открываетъ отцу причину разсѣянности и лѣни Давида: онъ влюбленъ въ Бригеллу. Чтобы избавить сына изъ сѣтей красавицы, Лейбольдъ мгновенно рѣшаетъ женить Шланкарда на Бригеллѣ. Для болѣе дѣйствительнаго отрезвленія Давида, Юстъ совѣтуетъ отцу позвать жениха и невѣсту въ комнату Давида и тамъ огорошить послѣдняго неожиданнымъ извѣстіемъ. Этотъ планъ приводится въ исполненіе въ третьей сценѣ, полной свѣжаго и непосредственнаго комизма. Іоганнъ потягивается на постели исчезнувшаго Давида, съ которымъ онъ помѣнялся платьемъ, но, услышавъ чьи-то шаги, поспѣшно задергиваетъ занавѣски алькова. Входятъ Лейбольдъ съ Юстомъ, за ними слѣдуютъ Бригелла и Шланкардъ. Накричавшись надъ ними вдоволь, Лейбольдъ объявляетъ имъ свою волю, чтобы они женились. Растроганные влюбленные падаютъ передъ нимъ на колѣни и благодарятъ. Дѣло приближается къ главному нумеру его выходки надъ Давидомъ. Съ комическою важностью соединяетъ онъ руки влюбленныхъ, подводитъ къ закрытой постели Давида и кричитъ изъ всѣхъ силъ его имя. Сцена появленія Іоганна вмѣсто Давида, удивленіе Лейбольда и его негодованіе на слугу — исполнены истиннаго комическаго движенія. «Гдѣ Давидъ? гдѣ мой сынъ?» гремитъ самодуръ и посылаетъ слугъ во всѣ стороны отыскивать сына [83]).

Въ первой сценѣ третьяго акта, также замѣчательной по живости драматическаго движенія, Давидъ выводится въ деревенскомъ трактирѣ въ обществѣ солдатъ и крестьянъ. Здѣсь отыскиваетъ его Іоганнъ, разсказывая обо всемъ, происшедшемъ въ домѣ въ его отсутствіе, включительно до свадьбы Бригеллы съ Шланкардомъ. Послѣд-

нее извѣстіе поражаетъ Давида какъ громомъ, и онъ жаждетъ смерти на полѣ битвы.

Слѣдуетъ короткая сцена въ замкѣ Лейбольда, изображающая, какъ Юстъ приказываетъ почтальону доставлять ему всѣ письма, адресованныя отцу. Затѣмъ авторъ переноситъ насъ на поле сраженія между пруссаками и австрійцами. Давидъ падаетъ раненый. Входитъ Іоганнъ, исполняющій здѣсь роль шекспировскаго клоуна, комическаго труса. На поле битвы сбѣгаются мародеры. Одинъ изъ нихъ хочетъ убить Давида, чтобы удобнѣе ограбить его, но другой сваливаетъ его съ ногъ и заставляетъ помочь отнести раненаго въ лазаретъ [84]).

Отъ четвертаго акта сохранилось только двѣ сцены. Въ первой выводится Лейбольдъ, страдающій подагрою и не перестающій печалиться о Давидѣ. Во второй сценѣ Юстъ рѣшается скрыть отъ отца письмо Давида, котораго онъ продолжаетъ считать мертвымъ. Бѣжавшій съ поля сраженія Іоганнъ поддерживаетъ его въ этой мысли.

На этомъ обрывается талантливая пьеса, обѣщавшая быть едва ли не лучшимъ произведеніемъ Ленца. Драматическое движеніе, истинный комизмъ многихъ сценъ, яркая характеристика чудака Лейбольда, отсутствіе обычныхъ у Ленца экстравагантностей и безвкусицъ заставляютъ глубоко сожалѣть, что пьеса осталась неоконченной. Судя по ходу дѣйствія, можно предполагать, что Ленцъ думалъ держаться разсказа Шубарта до конца.

Что касается характеровъ, то они являются болѣе или менѣе оригинальнымъ созданіемъ Ленца. Въ личности Лейбольда онъ соединилъ нѣкоторыя черты своего страсбургскаго знакомаго педагога Лейпольда съ чертами графа Годица-Росвальде, силезскаго помѣщика (1706—1778), потратившаго милліонное состояніе на барскія затѣи во вкусѣ нашихъ помѣщиковъ изъ временъ крѣпостного права [85]). Во второй редакціи «Добродѣтельнаго негодяя» Ленцъ называетъ его прямо Годицемъ и еще ближе подходитъ къ изображенію его дѣйствительныхъ дѣяній. Такъ, одна сцена вводитъ насъ въ гаремъ, устроенный имъ изъ крестьянскихъ дѣвушекъ, превратившихся, по его капризу, въ актрисъ, танцовщицъ и музыкантшъ. Широкая жизнь Годица вѣрно передается Ленцемъ, но характеръ его уклоняется отъ дѣйствительности; Ленцъ изобразилъ его сумасбродомъ и добрякомъ въ стилѣ знаменитаго сквайра Вестерна въ «Томѣ Джонсѣ». Педагогическихъ

затѣй былъ чуждъ настоящій Годицъ; эта черта списана Ленцемъ съ магистра Лейпольда, въ систему котораго входило поощреніе учениковъ подарками и театральными представленіями [86]). Юстъ представляетъ копію съ фильдинговскаго Блейфиля. Что касается до Давида, то онъ ничуть не похожъ на шубартовскаго Карла и мало на Тома Джонса. И Карлъ, и Томъ изображаются здоровыми сангвиниками, съ горячею кровью, ведущею ихъ отъ увлеченія къ увлеченію. Давидъ, напротивъ того, изображенъ мечтателемъ и фантазеромъ, томнымъ воздыхателемъ во вкусѣ Вертера. Въ него вложено Ленцемъ много субъективнаго, чтó сближаетъ его съ принцемъ Танди, Стрефономъ, Робертомъ и т. п. типами, полными лирическихъ излiяній. Страсть Ленца къ тактикѣ и фортификаціи, мечты о военной службѣ, какъ способѣ выдвинуться, такъ же отмѣчены въ характерѣ Давида, какъ и въ характерѣ Стрефона [87]).

Во второй обработкѣ, затѣянной Ленцемъ въ Веймарѣ, онъ не пошелъ далѣе перваго акта. Судя по сохранившемуся отрывку, эта обработка стояла значительно ниже первой [88]). Замѣчаніе Ленца (въ предисловіи къ поэмѣ «Народныя бѣдствія»), что первые наброски поэтовъ бываютъ обыкновенно самыми лучшими, на этотъ разъ вполнѣ оправдалось.

Въ нашу задачу не входитъ изслѣдованіе всѣхъ источниковъ, такъ или иначе отразившихся на «Разбойникахъ» Шиллера. Но важно замѣтить различіе въ отношеніяхъ Ленца и Шиллера къ ихъ главному источнику—разсказу Шубарта. Шиллеръ сохранилъ младшему брату имя Карла и развилъ его характеръ въ томъ же направленіи. Весь сюжетъ получилъ у него трагическую окраску. Типовъ, выхваченныхъ живьемъ изъ дѣйствительности, какъ у Ленца, не замѣчается въ «Разбойникахъ» Шиллера, который, еще крайне бѣдный тогда собственнымъ опытомъ, находился болѣе подъ литературными вліяніями. Въ ихъ ряду мы должны отмѣтить «Тома Джонса» Фильдинга [89]).

Перейдемъ къ разсмотрѣнію двухъ пьесъ Ленца, которыя должны быть выдѣлены въ особую группу, а именно: «Философъ по милости друзей» и «Англичанинъ». Обѣ могутъ быть названы «субъективными» драмами полу-автобіографическаго содержанія; они исполнены лирическихъ изліяній и личныхъ сердечныхъ откровеній. Стрефонъ и Робертъ, герои этихъ пьесъ, прозрачные псевдонимы

самого Ленца. Это своеобразная лѣтопись увлеченій, разочарованій и надеждъ нашего поэта, лѣтопись на-половину реальная, на-половину фантастическая. Отправляясь по обыкновенію отъ реальныхъ фактовъ и непосредственно пережитыхъ впечатлѣній, Ленцъ уносится въ область грезъ и мечтаній и изъ элементовъ дѣйствительности строитъ чудовищныя комбинаціи, придающія цѣлому характеръ фантасмагоріи, зародившейся въ разгоряченномъ мозгу и распаленномъ воображеніи.

Комедія «Философъ по милости друзей» находится въ тѣсной связи съ болѣзненно-фантастической любовью Ленца къ баронессѣ Генріеттѣ Вальднеръ [90]). Самого себя онъ изображаетъ подъ видомъ Стрефона, «молодого нѣмца, путешествующаго съ философскими цѣлями», а предметъ своей злосчастной страсти подъ именемъ Донны Серафины, сестры испанскаго гранда Дона Альвареса. Въ другихъ дѣйствующихъ лицахъ легко увидѣть слегка замаскированныхъ страсбургскихъ знакомыхъ и друзей Ленца: влюбленный въ Серафину Донъ-Прадо есть не кто иной, какъ женихъ Генріетты баронъ Оберкирхъ; въ Донъ-Альваресѣ и Дорантино можно замѣтить черты бароновъ Клейстъ, Аристъ смахиваетъ на Зальцманна и т. д. [91]).

Насъ не должно смущать, что дѣйствіе происходитъ въ Кадиксѣ и большинство лицъ—испанцы. Здѣсь Ленцъ прибѣгъ къ тому же пріему, какъ и въ «Солдатахъ»: въ обоихъ случаяхъ нужно разумѣть Страсбургъ и страсбургскія отношенія. Изображая Стрефона нѣмцемъ, живущимъ среди испанцевъ, Ленцъ хочетъ оттѣнить свое положеніе въ Эльзасѣ, какъ положеніе чужестранца, пріѣхавшаго туда съ самыми лучшими «философскими» намѣреніями и терпящаго жестокія разочарованія.

Прежде всего Стрефона постигаетъ разочарованіе въ друзьяхъ. Нѣкоторыя явленія пьесы—прямой обвинительный актъ противъ тѣхъ страсбургскихъ «друзей» Ленца, которые, согласно съ пословицей, оказывались «хуже враговъ». Всѣ эти Дорантино, Стромболо, Меццотинто и т. п. эксплуатируютъ Стрефона-Ленца въ эгоистическихъ цѣляхъ, увлекаютъ его въ разсѣянный образъ жизни, изъявляютъ претензіи располагать по своему усмотрѣнію его временемъ и личностью, не даютъ ему работать, думать, жить своею особою, независимою жизнью. Безхарактерный, легко поддающійся

увлеченію и чужому вліянію, лелѣющій грандіозные планы, а на дѣлѣ растрачивающій свои силы по мелочамъ, быстро воспламеняющійся и витающій въ мірѣ грезъ Стрефонъ—живой портретъ самого Ленца въ послѣдніе годы его жизни въ Страсбургѣ. Мы видѣли уже, что зима 1775—76 гг., когда писалась эта комедія [92]), тяжело досталась Ленцу: необезпеченное положеніе, доходившее почти до нищенства («нищимъ» онъ прямо называетъ себя въ письмѣ къ Линдау въ январѣ 1776 г.[93]), вертеровское недовольство окружающимъ обществомъ, внутренній душевный разладъ и, наконецъ, безнадежная любовь къ дѣвушкѣ, стоявшей несравненно выше его по общественному положенію—всего этого было достаточно, чтобы подкосить его отъ природы некрѣпкія силы. «Для всѣхъ я былъ всѣмъ, чѣмъ угодно—жалуется Стрефонъ-Ленцъ: и въ концѣ концовъ самъ остался ничѣмъ. Они загнали меня, какъ почтовую лошадь; къ своимъ, домой я явлюсь скелетомъ, которому не останется даже силы жаловаться на перенесенныя тягости... Мои силы растрачены, масло сгорѣло, чего же хотите вы отъ гаснущаго и чадящаго свѣтильника?... Всякая моя любовь была майскимъ дождемъ, изливающимся на холодныя скалы и ненагражденнымъ ни одной распустившейся фіалкой».

Такъ изливаетъ Стрефонъ душу въ бесѣдѣ съ кузеномъ Аристомъ, пріѣхавшимъ спасти его изъ этого омута и отвезти на родину. Но вотъ являются одинъ за другимъ его друзья-мучители. Дорантино недоволенъ любовнымъ стихотвореніемъ, написаннымъ Стрефономъ по его заказу возлюбленная его Розалинда не поняла его. Стрефонъ обѣщаетъ написать новое. Другой «другъ» Стромболо непремѣнно хочетъ, чтобы Стрефонъ сопровождалъ его на прогулкѣ и т. д. «Развѣ дружба—спрашиваетъ Аристъ—въ томъ состоитъ, чтобы у человѣка, который долженъ жить своими талантами, красть его время и, слѣдовательно, его послѣднія средства?» Онъ не перестаетъ уговаривать Стрефона бросить все и уѣхать на родину, гдѣ его ждетъ уже семь лѣтъ нѣжно-любящій отецъ. «Убей лучше меня—отвѣчаетъ Стрефонъ—я не могу двинуться отсюда ни на вершокъ» [94]). «Могучей страстью очарованъ», Стрефонъ остается въ Кадиксѣ, и Аристъ одинъ отправляется на родину. Рѣшимости Стрефона остаться много способствуетъ разсказъ Меццотинто, что Донъ-Альваресъ, отправляясь въ путешествіе, хочетъ взять съ собою его, Стрефона. И дѣйстви-

тельно, послѣдній получаетъ записку Альвареса, которая прекращаетъ всѣ его колебанія: въ назначенное время онъ отправляется въ домъ Дона-Альвареса.

Таково содержаніе перваго акта, гдѣ Ленцъ еще держится міра дѣйствительности, стоитъ еще на почвѣ реальныхъ фактовъ, лично пережитыхъ. Со второго акта начинается уже примѣсь необузданной фантазіи. Онъ тѣшитъ себя измышленіемъ, что Генріетта-Серафина оказываетъ ему благосклонное вниманіе. Первая сцена этого акта происходитъ въ гавани Марсели. Стрефонъ помогаетъ Серафинѣ сойти съ корабля, и оба вмѣстѣ взбираются на берегъ. «Здѣсь мы равны» замѣчаетъ Серафина. Стрефонъ цѣлуетъ землю, восклицая: «Счастливая почва, гдѣ дышитъ свобода!» Ему хотѣлось бы воздвигнуть здѣсь храмъ въ честь Серафины, но послѣдняя предпочитаетъ «пастушью хижину» съ «садикомъ» и «овечками». Ее даже тяготитъ богатство, которое мѣшаетъ ей познать самое себя [95]). Сразу ей приходитъ въ голову сумасбродная мысль испытать привязанность Стрефона: она выхватываетъ у него свою шкатулку съ драгоцѣнностями и бросаетъ ее въ море. Стрефонъ считаетъ себя виновникомъ этой выходки и готовъ поразить себя кинжаломъ, но Серафина отводитъ его руку, а подоспѣвшій Донъ-Альваресъ находитъ эпизодъ съ шкатулкой очень забавнымъ: «Воц! (восклицаетъ онъ) французскія рыбы теперь узнаютъ, что пріѣхали испанцы».

Одной этой сцены достаточно, чтобы видѣть, какой нездоровой атмосферой приходится дышать читателямъ разбираемой пьесы, полной всякаго рода эксцентричностями, чудачествами и экстравагантностями. Возобновляется настроеніе, господствующее въ «Новомъ Менозѣ»: читателю трудно отдѣлаться отъ мысли, что авторъ распоряжается дѣйствующими лицами, какъ маріонетками, чтобы позабавиться ихъ карикатурными движеніями, которыя чѣмъ неправдоподобнѣе, тѣмъ лучше.

Слѣдуетъ одна сцена, передающая толки и сужденія о Стрефонѣ его друзей, оставшихся въ Кадиксѣ, сцена, написанная съ обычнымъ у Ленца мастерствомъ, а затѣмъ «исчезла истина—и міръ видѣній» воцаряется на его сценѣ. Передъ нами снова Марсель, домъ Дона-Альвареса. Стрефонъ предается въ одиночествѣ гамлетовскимъ самобичеваніямъ: «Смерть или любовь! Стрефонъ! Стрефонъ! Какъ долго медлилъ ты?» Онъ искалъ бы смерти въ войнѣ, но «повсюду

миръ, презрѣнный миръ». И какъ уйти? Не промѣняетъ ли тогда его Серафина на кого-нибудь другого? Она — «высочайшее благо, которое онъ только могъ пожелать». Онъ могъ бы быть «наверху счастія и почестей», но «проклятая философія» обрекла его на «наблюдающую бездѣятельность». Теперь онъ приходитъ къ убѣжденію, что «одно смѣлое рѣшеніе лучше тысячи наблюденій» [96]). И снова онъ хватается за кинжалъ. Но въ это время входитъ Серафина, и Стрефонъ у ея ногъ. Серафина даетъ ему понять, что препятствіемъ къ ихъ счастью является различіе ихъ общественнаго положенія. Все горе оттого, что Стрефонъ не рожденъ гидальго; но этому горю помочь можно: онъ теперь во Франціи, гдѣ никто не знаетъ о его происхожденіи; кошелекъ ея и ея брата къ его услугамъ.

Оставшись одинъ, Стрефонъ изливаетъ душу въ страстномъ монологѣ. Ради Серафины онъ готовъ на все: никакая война, никакая опасность не страшны ему. «Подвергнуться не одной, а тысячѣ смертей — было бы для меня наслажденіемъ» говоритъ онъ. Чтобы заслужить руку Серафины, ему необходимо «попытать счастье въ ужасной пустынѣ двора», но ревность къ французу Лафару, ухаживающему за Серафиной, лишаетъ его силы удалиться изъ Марсели. Такимъ образомъ, «страхъ потерять ее мѣшаетъ ему добыть ея руку». Къ тому же онъ неувѣренъ въ ея сердцѣ. И чтобы увѣриться въ томъ, что Серафина дѣйствительно его любитъ, Стрефонъ прибѣгаетъ къ тому же средству, которое употребилъ Гамлетъ для распознанія виновности короля,—къ театральному представленію.

Въ лицѣ Донъ-Прадо является опасный конкурентъ Стрефону. Донъ-Альваресъ получаетъ отъ него письмо, которое Стрефонъ, предчувствуя недоброе, не рѣшается вскрыть: самъ благородный грандъ не умѣетъ ни читать, ни писать. Донъ-Прадо — родовитъ, знатенъ, богатъ—онъ имѣетъ всѣ шансы получить руку Серафины, проникнутой аристократическими тенденціями [97]).

Третій актъ представляетъ домашній театръ, на которомъ разыгрывается сочиненная Стрефономъ пьеса изъ жизни Нинонъ Ланкло. Случайно попадаетъ въ руки Стрефона письмо Лафара къ Серафинѣ, полное презрѣнія къ «гидальго съ блѣднымъ лицомъ, изможденнымъ наукою», т. е. къ Стрефону. Послѣдній усматриваетъ въ письмѣ доказательство интриги Лафара, состоящей въ томъ, чтобы, воспол-

зовавшись отправленіемъ Стрефона въ Парижъ, завладѣть въ его отсутствіе сердцемъ Серафины.

Въ разыгрываемой пьесѣ Стрефонъ играетъ роль шевалье Вилльe, влюбленнаго въ Нинонъ Ланкло́. Красавица, ставящая наслажденіе единственною цѣлью жизни, питаетъ его надежды, а въ то же время помышляетъ о бракѣ съ маркизомъ Граммономъ и вмѣстѣ съ тѣмъ играетъ въ любовь съ маркизомъ Рипаро, чтобы излѣчить Вилльe отъ страсти къ ней. Вилльe, однако, не можетъ затушить пламень своей страсти. Внезапно открывается тайна: Нинонъ его мать. Несчастный въ ужасѣ закалывается.

Пьеса полна намековъ на отношенія Стрефона къ Серафинѣ; устами Вилльe онъ изливаетъ свои страданія, опасенія и посылаетъ по адресу Серафины градъ упрековъ за ея поведеніе. Серафина растрогана и плачетъ. Смущенный Лафаръ, понявшій намеки, оставляетъ залу. Остается одна Серафина. Занавѣсъ падаетъ, и Стрефонъ, еще въ костюмѣ сына Нинонъ Ланкло́, падаетъ къ ногамъ Серафины, которая открывается ему теперь совершенно. Она рѣшилась выдти замужъ за Лафара только за тѣмъ, чтобы прикрыть свои отношенія къ Стрефону, которому принадлежитъ ея сердце. Другого исхода она не могла найти, такъ какъ ихъ сословное различіе дѣлаетъ невозможнымъ офиціальный бракъ между ними. Она считаетъ несбыточными планы Стрефона отправиться въ Парижъ, возвыситься тѣмъ или другимъ способомъ при дворѣ и такимъ образомъ побѣдить упрямство ея брата. Въ Парижѣ нѣтъ недостатка въ талантливыхъ людяхъ, которые къ тому же отличаются опытностью, чего нельзя сказать о Стрефонѣ. Она выбрала Лафара, потому что онъ, какъ французъ, принадлежитъ къ числу «удобныхъ мужей», которые мало печалятся о томъ, что имъ не отдаютъ всего сердца. Не то было бы, если бы она вышла замужъ за Дона Прадо, котораго грѣшно было бы обмануть, который потребовалъ бы всего ея сердца въ безраздѣльное владѣніе. Лафаръ же—самый подходящій фиктивный мужъ. «Нашей любви я покупаю покровителя» заканчиваетъ Серафина. Во время ея объясненій Стрефонъ пытается возражать: онъ не можетъ удовольствоваться ролью Петрарки, не можетъ ограничиться «вздохами» да «вѣчными элегіями»; онъ хочетъ обладать Серафиной—или не жить совсѣмъ; онъ склоняется на сторону свободной любви и провозглашаетъ ея преимущества [98]). Серафина настаиваетъ на своемъ планѣ. «Гдѣ я?»

спрашиваетъ Стрефонъ по ея уходѣ: «Она ушла, чтобы скрыть свое смущеніе, краску стыда, слезы... И я... Какой счастливый... какой ужасный планъ! Лафаръ заключитъ ее въ свои объятія... этотъ трупъ... Никогда! Боже! столько любви,—а я здѣсь удивленный, безсильный, терзаемый чувствомъ благодарности, отчаянія и радости... Она трудится, хлопочетъ, чтобы сдѣлать меня счастливымъ хотя бы наполовину... А я бездѣйствую... А, Стрефонъ!.. она... она должна быть твоею вполнѣ—или ты недостоинъ ея—недостоинъ стоять на землѣ, по которой она ступаетъ». Его «убиваетъ мысль», что онъ ничего не сдѣлалъ для нея. «Раздѣлить этого ангела съ Лафаромъ— видѣть его кощунственныя ласки—видѣть его господиномъ, тираномъ нашей робкой любви—если онъ достигнетъ своей цѣли!». Нѣтъ, съ такимъ исходомъ примириться онъ не можетъ. Онъ долженъ спасти Серафину «изъ когтей смерти», хотя бы ему пришлось потерять ее; послѣднее лучше, чѣмъ видѣть ее несчастной. Стрефонъ задумываетъ планъ разстроить бракъ Серафины съ Лафаромъ, принудить ее съ братомъ вернуться въ Испанію. Тамъ есть еще надежда ему возвыситься и заслужить Серафину [99]).

Изъ четвертаго акта, происходящаго въ Кадиксѣ, мы видимъ, что Стрефонъ уже достигъ двухъ изъ намѣченныхъ имъ цѣлей: бракъ Серафины съ Лафаромъ не состоялся, и она съ братомъ вернулась въ Испанію. Какъ это произошло — остается тайной для читателя. Но разстроивъ планъ Серафины, который былъ ею задуманъ для его же счастія, Стрефонъ снова впадаетъ въ нерѣшительность и раскаяніе. «Какого блаженства лишилъ я себя!» вздыхаетъ онъ. Онъ утѣшаетъ себя мыслію, что долженъ «заслужить Серафину»: «быть недостойнымъ ея—я не могу вынести этой мысли. Любовь возможна только между равными: если происхожденіемъ она стоитъ выше меня, то сердце мое должно возвысить меня до нея». Своимъ образомъ дѣйствій Стрефонъ возстановляетъ противъ себя самоё Серафину, которая не можетъ простить ему его «неисправимой политики», разстроившей всѣ ея планы, направленные въ его же пользу. Она упрекаетъ его въ самомнѣніи, выразившемся въ его непрекращающихся надеждахъ выдвинуться вдругъ при дворѣ, занять блестящее положеніе и т. д. Стрефонъ не защищается: онъ только падаетъ на колѣни передъ нею. Но Серафина называетъ это комедіанствомъ и объявляетъ ему, что онъ самъ толкаетъ ее въ объятія Дона Прадо.

Съ рыданіями бросается она къ нему на шею и сейчасъ же выбѣгаетъ, говоря: «Вы потеряли меня навѣки».—«Навѣки»... повторяетъ пораженный Стрефонъ и падаетъ въ обморокъ. Очнувшись, онъ берется за письмо Дона Прадо, который горячо благодаритъ «неизвѣстнаго друга, который, какъ ангелъ хранитель, позаботился» о немъ, т. е. никого другого, какъ самого Стрефона, сыгравшаго въ руку своему, болѣе опасному, чѣмъ Лафаръ, сопернику. Неудача его интриги, которую онъ затѣялъ, чувствуя въ себѣ чуть-чуть ли не способности «государственнаго мужа», заставляетъ Стрефона вновь обрушиться на друзей, которые вскружили ему голову, твердя объ его способностяхъ [100]). Теперь его ничто уже не привязываетъ къ жизни: онъ думаетъ о самоубійствѣ. Входитъ ликующій отъ счастія Донъ-Прадо, заключаетъ его въ свои объятія и горячо благодаритъ за содѣйствіе его сближенію съ Серафиной. Смущенію Стрефона нѣтъ предѣловъ.

Пятый актъ разыгрывается въ домѣ Дона-Прадо вечеромъ послѣ свадьбы его съ Серафиной. Стрефонъ, присутствовавшій при бракосочетаніи, возвращается въ свою комнату и послѣ краткаго разговора съ Меццотинто остается одинъ. Его монологъ—обвинительная рѣчь противъ «философіи» и противъ самого себя, ея служителя. Заряжая пистолетъ для самоубійства, Стрефонъ замѣчаетъ, что жалкая «философія» помѣшала ему стать обладателемъ той, которая теперь стала женою Донъ - Прадо [101]). Только Серафина «побѣдила его тщеславіе» и убѣдила его, что «быть наблюдателемъ и ничѣмъ болѣе—значитъ быть человѣкомъ лишь вполовину». Такимъ «человѣкомъ лишь вполовину» называетъ себя Стрефонъ, прибавляя, что «смерть должна быть первымъ его настоящимъ дѣломъ». Онъ прикладываетъ пистолетъ ко лбу и готовъ спустить курокъ, но внезапно его осѣняетъ мысль, что ему нужно еще разъ взглянуть на Серафину. Можетъ быть, онъ замѣтитъ на ея лицѣ состраданіе къ себѣ и тогда умретъ спокойно.

Вторая сцена изображаетъ брачный покой Донъ - Прадо. Подлѣ стола съ полусгорѣвшей свѣчей сидитъ Серафина, прикрывая глаза рукой. Холодно принимаетъ она ласки Донъ-Прадо и наконецъ объявляетъ ему, что не любитъ его и не можетъ быть его женою. «Другой владѣетъ моимъ сердцемъ, Донъ-Прадо,—убейте меня, если вы чувствуете себя оскорбленнымъ». На-колѣняхъ, въ слезахъ она умо-

ляетъ простить ее. Она любитъ Стрефона уже семь лѣтъ и кромѣ его никому принадлежать не можетъ. Великодушный Донъ - Прадо растроганъ, отказывается отъ всѣхъ своихъ правъ по отношенію къ Серафинѣ, считая себя «орудіемъ неба для ихъ счастья». «Ich will den Namen eurer Heirath tragen» — объявляетъ онъ. Въ этотъ моментъ въ окно влѣзаетъ Стрефонъ съ пистолетомъ въ рукѣ и видитъ Серафину на-колѣняхъ передъ Донъ - Прадо. Онъ готовъ покончить съ собою, но ему объясняютъ счастливый поворотъ въ его судьбѣ. «Вы женитесь на Серафинѣ подъ моимъ именемъ, и я буду защитникомъ васъ обоихъ. Счастье отъ наслажденія перевѣшивается счастьемъ отъ великаго дѣла, и еще вопросъ, кто изъ насъ болѣе достоинъ сожалѣнія», — говоритъ Донъ-Прадо и обѣщаетъ набросать имъ планъ ихъ будущаго поведенія, который останется «вѣчной тайной» между ними троими. «О, сколько наслажденія въ томъ, чтобы боготворить человѣка»! — восклицаетъ Стрефонъ, обнимая колѣни Донъ-Прадо [102]).

Время написанія этой пьесы можно опредѣлить только приблизительно. Въ мартѣ 1776 г. онъ послалъ ее Бойе для передачи издателю Гельвингу въ возмѣщеніе его издержекъ по печатанію «Облаковъ», которыя Ленцъ рѣшилъ уничтожить*). Съ другой стороны, имѣя въ виду, что пьеса заключаетъ въ себѣ отголоски уже развившейся страсти Ленца къ Генріеттѣ Вальднеръ, мы не можемъ отнести ее ко времени, болѣе раннему, чѣмъ осень 1775 г. Принимая также въ соображеніе, что Ленцъ отдалъ пьесу въ печать въ видѣ, по его собственному сознанію, еще неотдѣланномъ, былъ вынужденъ къ тому необходимостью замѣнить чѣмъ-нибудь «Облака», печатаніе которыхъ ему хотѣлось остановить во что бы то ни стало,—мы можемъ предположить, что пьеса была написана незадолго передъ тѣмъ. Поэтому всего вѣроятнѣе отнести ее къ концу 1775 г. или къ самому началу 1776 г. [103]).

Современниками пьеса была встрѣчена довольно сочувственно. Еще въ рукописи она возбудила интересъ страсбургскихъ друзей Ленца [104]). Бойе «прочелъ ее съ восхищеніемъ», она его «тронула и поразила». Одновременно съ «Философомъ по милости друзей» Бойе прочелъ гётевскую «Стеллу». «Что за пьеса!—восклицаетъ онъ

---

*) См. приложеніе А. № 9 (*По рукописи Королевской Библіотеки въ Берлинѣ*).

въ томъ же письмѣ къ Ленцу: что за чародѣй этотъ Гёте! И я пытался, и я сочинялъ, но съ тѣхъ поръ, какъ я знаю васъ двоихъ, читаю, чувствую его и тебя, второй чародѣй!—я болѣе уже не дѣлаю опытовъ [105])». Автору «Леноры» Бюргеру Бойе рекомендуетъ чтеніе этой новой пьесы Ленца, которая «порадуетъ» его: при нѣкоторой странности, обычной у автора, она обнаруживаетъ «истинное, идущее изъ души знаніе людей» [106]).

Съ большой похвалой отозвался о пьесѣ критикъ «Альманаха нѣмецкихъ музъ», который нашелъ, что сюжетъ пьесы достоинъ вполнѣ «этого поэта-философа», привыкшаго «восхищать друзей». Мѣтко указавъ на сходство характера Стрефона съ Гамлетомъ (развитіе мизантропическаго настроенія подъ вліяніемъ жизненныхъ впечатлѣній) рецензентъ продолжаетъ: «Въ этой драмѣ не царитъ философскій холодъ, но страданія Стрефона и превосходный языкъ занимаютъ сердце такъ же сильно, какъ богатый запасъ сентенцій даетъ величайшую пищу уму» [107]).

Болѣе строгимъ критикомъ комедіи оказался самъ Ленцъ. Въ его черновыхъ бумагахъ сохранился проектъ послѣсловія, написаннаго, какъ видно изъ содержанія, вскорѣ послѣ того, какъ пьеса отослана была Бойе для напечатанія. Съ присущею ему откровенностью онъ заявляетъ въ этомъ послѣсловіи, что обнародовать эту пьесу его принудила «необычайная запутанность обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находился», обстоятельствъ, въ силу которыхъ ему пришлось, чтобы воспрепятствовать печатанію одной комедіи въ аристофановскомъ вкусѣ (т. е. «Облаковъ»), пустить въ ходъ эту далеко еще необработанную пьесу, наскоро скомбинированную изъ нѣсколькихъ написанныхъ раньше и мало связанныхъ между собою сценъ. Онъ не признаетъ своею эту пьесу въ теперешнемъ ея видѣ, убѣждая читателей видѣть въ ней «лишь плохо сложенные матеріалы для будущаго зданія, прикрытые временной крышей». Онъ надѣется впослѣдствіи обработать эти сырые матеріалы въ болѣе гармоническое цѣлое [108]).

Предположеніе это, однако, осталось невыполненнымъ, какъ и многія другія благія намѣренія Ленца. Сохранился только рядъ его отрывочныхъ замѣчаній о пьесѣ, которыя, однако, даютъ слишкомъ мало матеріала для того, чтобы мы могли судить о сущности переработки. Повидимому, Ленцъ намѣревался дать другой исходъ пьесѣ,

заставивъ Стрефона, послѣ сильной душевной борьбы, отказаться отъ Серафины [109]).

Недостатки комедіи «Философъ по милости друзей» очевидны. Только такой критикъ, какъ Группе, задававшійся цѣлью реабилитировать, во что бы то ни стало, литературную репутацію Ленца, могъ осыпать ее преувеличенными похвалами [110]).

Нельзя не замѣтить, что первый актъ, очень интересный въ автобіографическомъ отношеніи, очень слабо связанъ съ остальными дѣйствіями. Далѣе: драматическое представленіе, которымъ Стрефонъ хочетъ убѣдиться въ любви Серафины, является малоумѣстнымъ и несвойственнымъ изображаемой средѣ подражаніемъ Шекспиру въ «Гамлетѣ». Довольно странная и неуклюжая мысль заставить Стрефона убѣдиться въ любви къ себѣ Серафины тѣмъ же способомъ, который сдѣлалъ Гамлету несомнѣннымъ виновность короля въ убійствѣ стараго Гамлета. Затѣмъ крупнымъ недостаткомъ комедіи является недостаточная мотивировка поступковъ дѣйствующихъ лицъ, иной разъ очень эксцентричныхъ (вспомнимъ шкатулку съ драгоцѣнностями, брошенную Серафиной въ море) и совершенно излишняя загадочность и темнота иныхъ эпизодовъ, капризно нагроможденныхъ авторомъ. Въ этомъ отношеніи, по справедливому замѣчанію Зауера, изъ всѣхъ пьесъ Ленца разбираемая комедія наиболѣе близка къ драмамъ Клингера, отличающимся крайнею причудливостью въ дѣйствіи и настроеніи [111]).

Крупнѣйшимъ недостаткомъ пьесы нѣкоторые критики считаютъ «безнравственную развязку», заключающую будто бы циническую проповѣдь брака втроемъ, узаконеніе чичисбейства и т. п. [112]). Болѣе снисходительные изъ нихъ находятъ извиненіе Ленцу въ томъ, что онъ здѣсь затронулъ одинъ изъ модныхъ тогда вопросовъ, и приводятъ въ примѣръ гётевскую «Стеллу», первая редакція которой оканчивалась какъ бы прославленіемъ двоеженства, одобриваемаго всѣми близко заинтересованными дѣломъ лицами [113]).

Такое объясненіе развязки ленцевской пьесы покоится, однако, на недоразумѣніи, явившемся результатомъ нѣкоторой темноты текста, съ одной стороны, и недостаточно внимательнаго чтенія пьесы — съ другой. Ленцъ изображаетъ Донъ-Прадо человѣкомъ въ высшей степени благороднымъ, чувствительнымъ и великодушнымъ. Онъ совершенно далекъ отъ мысли предложить Стрефону и Серафинѣ бракъ

втроемъ; напротивъ того, онъ совершенно отказывается отъ всѣхъ супружескихъ правъ въ пользу Стрефона, жертвуетъ собою, чтобы не сдѣлать горячо-любимую женщину несчастной. Онъ даетъ Серафинѣ только свое аристократическое имя и оставляетъ ее Стрефону, не изъявляя уже болѣе никакихъ на нее притязаній. Ленцъ, всегда отстаивавшій высоту брачнаго союза, никогда не рѣшился бы на такое поруганіе брака, которое ему приписывается нѣкоторыми [116].

Великодушный и благородный Прадо такъ же мало способенъ на такую предосудительную комбинацію, какъ и Серафина, вовсе и не думающая дѣлить себя между мужемъ и любовникомъ. За полное самоотрицаніе Прадо повергаются передъ нимъ на колѣни и она, и Стрефонъ. Таковъ истинный смыслъ двухъ послѣднихъ сценъ пьесы.

Характеры разбираемой комедіи не отличаются особенною яркостью, но талантливая кисть автора «Домашняго учителя» проявляетъ себя и здѣсь въ недурной характеристикѣ гордаго, но безграмотнаго и совершенно невѣжественнаго испанскаго гранда Донъ-Альвареса и въ бѣглой обрисовкѣ Дорантино, Меццотинто и другихъ друзей Стрефона. Всего менѣе удалась автору Серафина, являющаяся неопредѣленной блѣдной фигурой — какъ результатъ воображенія, а не наблюденія жизни.

Но весь интересъ пьесы, конечно, сосредоточивается на Стрефонѣ. Это достойный вниманія психологическій этюдъ, отчасти навѣянный «Гамлетомъ» и «Вертеромъ», но еще болѣе пережитый авторомъ въ собственномъ сердцѣ. Это анализъ неуравновѣшенной и слабой натуры, съ преувеличенно-высокими представленіями о своей личности и ея правахъ и съ полною неспособностью къ цѣлесообразной дѣятельности на поприщѣ практической жизни. Можно сказать, что Стрефонъ — воплощеніе крайностей штюрмерства, типичный представитель питомцовъ эпохи «бури и натиска», бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ея жертвами. Самъ Ленцъ служилъ себѣ первымъ образцомъ этого типа. Любопытно, что онъ не прибѣгнулъ къ панегирическому тону, онъ не закрываетъ глаза на недочеты такого характера и съ большимъ самоотверженіемъ заставляетъ Стрефона предаваться самобичеванію.

Если бы мы сравнили Ленца, какимъ онъ намъ рисуется въ его «Нравственномъ самоисправленіи поэта», съ Стрефономъ, то сходство между обоими оказалось бы поразительнымъ. Со всѣмъ тѣмъ, ото-

ждествлять вполнѣ Стрефона съ Ленцемъ мы не имѣемъ никакого права: къ чертамъ субъективнымъ здѣсь примѣшивается еще многое другое; дѣйствительный Ленцъ отражается здѣсь только нѣкоторыми чертами своего характера, намѣренно выдѣленными отъ другихъ и преувеличенными изъ художественныхъ цѣлей.

Характеръ Стрефона, безспорно, даетъ хорошій матеріалъ для талантливаго актера; это и заставило, вѣроятно, извѣстнаго нѣмецкаго актера Шредера восхищаться комедіей «Философъ по милости друзей»[115]). Можно указать также на двѣ—три эффектныхъ и сценичныхъ явленія (такова, напр., сцена между Серафиной и Донъ-Прадо въ пятомъ дѣйствіи), но въ общемъ художественный интересъ пьесы незначителенъ: среди пьесъ Ленца «Философъ по милости друзей» имѣетъ значеніе болѣе всего, какъ автобіографическій и, такъ сказать, культурно-патологическій документъ.

Такимъ же субъективно-лирическимъ изліяніемъ является «драматическая фантазія» Ленца «Англичанинъ». Напечатанная только въ 1777 году, она была, однако, написана значительно раньше и выросла также на основѣ сумасбродной любви къ Генріеттѣ Вальднеръ[116]). Эта «фантазія» представляетъ, очевидно, только этюдъ для настоящей драмы, которую думалъ написать Ленцъ. Пьеса въ пяти актахъ, но изъ нихъ только послѣдній нѣсколько обработанъ, первые же четыре представляютъ капризные наброски въ одну, двѣ или три страницы.

Пьесѣ болѣе подходило бы заглавіе «сумасшествіе отъ любви». Дѣйствительно, все сводится здѣсь на этюдъ душевныхъ мукъ героя, страдающаго отъ нераздѣленной любви и кончающаго самоубійствомъ. Такова судьба англичанина Роберта Гота, влюбленнаго въ принцессу Армиду. Дѣйствіе происходитъ въ Туринѣ.

Съ самыхъ первыхъ словъ Роберта читатель видитъ въ немъ потерявшаго душевное равновѣсіе человѣка, готоваго на самыя сумасбродныя выходки. Отъ безнадежной любви къ недоступной для него принцессѣ онъ рѣшается на самоубійство, но передъ этимъ хочетъ во чтобы то ни стало увидать Армиду. Для этого, стоя на часахъ передъ ея дворцомъ, онъ стрѣляетъ изъ ружья и, когда принцесса показывается у окна, падаетъ на колѣни и признается ей въ своей страсти. Армида отвѣчаетъ, что ничѣмъ, кромѣ сожалѣнія, она не можетъ отвѣтить ему. Подошедшей стражѣ Робертъ называетъ

себя дезертиромъ, и военный судъ приговариваетъ его къ смертной казни. Но принцесса ходатайствуетъ о помилованіи и переодѣтая офицеромъ сама является къ нему въ тюрьму, чтобы объявить о спасеніи его жизни. Но Роберта не радуетъ эта вѣсть; съ наслажденіемъ онъ принялъ бы смерть изъ рукъ принцессы. Единственнымъ утѣшеніемъ ему остается портретъ Армиды, который она даритъ ему. Его освобождаютъ изъ тюрьмы, и отецъ всячески уговариваетъ несчастнаго сына вернуться въ Англію, гдѣ ему предстоитъ бракосочетаніе съ дочерью лорда Гамильтона. Послѣдній предлагаетъ излѣчить Роберта отъ его безумно-идеальной любви къ принцессѣ, отдавъ его въ жертву болѣе низменнаго чувственнаго увлеченія.

Какъ новый трубадуръ, Робертъ является снова передъ окнами Армиды въ костюмѣ савояра и поетъ ей серенаду. Но на этотъ разъ онъ тщетно ждетъ принцессу. Сообщаемое ему отцомъ извѣстіе, что Армида выходитъ замужъ, заставляетъ его лишиться чувствъ. Съ этихъ поръ онъ только и думаетъ, что о самоубійствѣ. Не находя оружія, спрятаннаго окружающими его людьми, онъ бьется головой объ стѣну и готовится выпрыгнуть изъ окна. Его спасаютъ и приставляютъ къ нему людей для надзора. Къ нему подсылаютъ куртизанку. Робертъ какъ бы поддается ея чарамъ, проситъ себѣ ножницъ, чтобы уничтожить портретъ Армиды, и когда куртизанка подаетъ ему ихъ, перерѣзываетъ себѣ горло. Послѣднія минуты жизни онъ проводитъ, глядя на портретъ Армиды и не слушая усовѣщеваній духовника. «Оставьте ваше небо самимъ себѣ» говоритъ онъ послѣднему и умираетъ, восклицая: «Армида! Армида!» [11])

Мы уже отмѣтили автобіографическія черты въ этой дикой «драматической фантазіи» *). Автобіографическою чертою является также любовь героя къ женщинѣ, совершенно недоступной ему по общественному положенію. Къ области автобіографіи относитъ насъ и болѣзненно-напряженное и безразсудно-фантастичное настроеніе героя, являющагося преувеличеннымъ повтореніемъ Стрефона. Нельзя также не отмѣтить, что всѣ попытки самоубійства, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, имѣли странное пророческое значеніе для автора этой сумасбродной фантазіи: въ сумасшествіи, постигшемъ его менѣе, чѣмъ черезъ два года, онъ дѣлалъ буквально такія же попытки самоубійства.

*) См. гл. IX.

Трудно понять, что заставило Групве превозносить это слабое произведеніе, которое, во всякомъ случаѣ, ничего не можетъ прибавить къ литературной славѣ автора «Домашняго учителя» и «Pandaemonium Germanicum»[118]). Оно слишкомъ запечатлѣно патологическимъ характеромъ, чтобы изъявлять притязаніе на какое либо художественное значеніе. Здѣсь уже чувствуются отдаленные глухіе удары, предвѣщающіе наступленіе той неумолимой грозы, которая похитила сознаніе у Ленца.

Болѣе утѣшительное явленіе представляютъ многіе драматическіе наброски Ленца, относящіеся къ послѣднимъ годамъ его жизни въ Страсбургѣ.

Таковы наброски драмы «Die Kleinen»[119]). Какъ можно судить по сохранившимся отрывкамъ, пьеса затрогивала отчасти ту же тему о враждующихъ братьяхъ, которою Ленцъ заинтересовался въ своемъ «Добродѣтельномъ негодяѣ». Братья носятъ имя будущаго пресловутаго «желѣзнаго канцлера»—Бисмаркъ. Оба живутъ при дворѣ одного нѣмецкаго князя. Старшій братъ занимаетъ важный государственный постъ и представляетъ типъ честолюбиваго интригана, ничѣмъ нестѣсняющагося для достиженія своихъ низменныхъ эгоистическихъ цѣлей. Младшій братъ—простой офицеръ, но князь благоволитъ къ нему и готовъ, повидимому, оказать ему предпочтеніе. Зная крайнее честолюбіе старшаго брата и не желая вредить ему въ его карьерѣ, молодой Бисмаркъ исчезаетъ отъ двора и скрывается въ пустынѣ. Тамъ его находитъ Энгельбрехтъ, человѣкъ, подобно ему, разочаровавшійся въ придворныхъ сферахъ. Онъ былъ влюбленъ въ дочь старшаго Бисмарка, но соперникомъ ему явился самъ князь; другая возлюбленная измѣняетъ ему. И вотъ Энгельбрехтъ пускается въ странствованіе по свѣту, чтобы, подобно принцу Танди, отыскать настоящихъ людей. Здѣсь прибавляется къ пьесѣ новый мотивъ: въ рядѣ сценъ Ленцъ старается свести Энгельбрехта съ людьми простого состоянія, чтобы обнаружить все превосходство «малыхъ сихъ». Демократическая тенденція Ленца нигдѣ не выражается такъ ярко, и нигдѣ онъ не является такимъ восторженнымъ послѣдователемъ Руссо въ отрицательномъ отношеніи къ культурному обществу и превознесеніи людей простыхъ, не уклонившихся отъ типа «l'homme naturel»[120]). И эти сцены—самыя лучшія въ набросках. Идя къ Страсбургу, Энгельбрехтъ встрѣчаетъ

въ полѣ молодую крестьянскую дѣвушку, которая несетъ на головѣ тяжелую корзину съ картофелемъ. Разговоръ съ нею заставляетъ Энгельбрехта воскликнуть: «Такая красота и такая терпѣливость! О свѣтъ, свѣтъ! великая, печальная, пристыжающая школа! Все счастіе этой дѣвушки заключается въ томъ, чтобы ѣсть картофель, выкопанный собственными руками! При такой красотѣ—такъ мало ожиданій, такъ мало притязаній, такъ мало неудовольствія! О сердце, сердце! вынесешь ли ты дальнѣйшее путешествіе»[121])? Въ другихъ сценахъ выводится служанка страсбургской гостиницы Анна-Марія, напоминающая крестьянскую дѣвушку Лизхенъ изъ «Домашняго учителя». Энгельбрехтъ въ восторгѣ отъ ея жизнерадостности и чистой любви къ жениху, подмастерью слесаря [122]). Съ удовольствіемъ вмѣшивается онъ въ толпу слугъ и служанокъ старшаго Бисмарка, устроившихъ импровизированный балъ въ отсутствіе хозяина. Онъ танцуетъ менуэтъ съ Лорхенъ, а затѣмъ кружится съ нею въ простомъ деревенскомъ вальсѣ, находя, что этотъ танецъ несравненно лучше всѣхъ тѣхъ, которымъ научили его танцмейстеры [123]). Въ одномъ отрывкѣ Энгельбрехтъ наблюдаетъ въ гостинницѣ за группою крестьянъ, играющихъ въ карты. «Что за выраженія на ихъ лицахъ!» восклицаетъ онъ. «Какъ тупы, слабы и мало выразительны черты лица у большинства нашихъ горожанъ! Мнѣ отвратительны свѣтскія лица!... Горе тому, кто заражаетъ страстями эти невинныя сердца!... Эти люди именно и счастливы крѣпостью своихъ нервовъ, своею безстрастностью. О, вы утонченные досужіе люди, удержите ваши страсти при себѣ и не думайте ими улучшить народъ! Ваша культура—ядъ для него» [124])!

Къ такимъ выводамъ приходитъ Энгельбрехтъ, задавшійся цѣлью «изучить тѣ неприносящія славы добродѣтели, которыя всѣ попираютъ ногами» [125]), узнать «насколько лица низшихъ сословій превосходятъ насъ въ добродѣтели, тонкости чувствъ и, слѣдовательно, въ счастьи» [126]). Между тѣмъ старшій Бисмаркъ, по смерти дочери, впалъ въ немилость у князя и живетъ въ отставкѣ. Его начинаетъ мучить раскаяніе за поведеніе по отношенію къ младшему брату. Застигнутый на охотѣ метелью вмѣстѣ съ Энгельбрехтомъ, онъ случайно попадаетъ въ пещеру, гдѣ нашелъ себѣ пріютъ исчезнувшій братъ. Отъ подвижнической жизни отшельникъ близокъ къ смерти. Энгельбрехтъ открываетъ его тайну, и старшій Бис-

маркъ, въ порывѣ раскаянія, поражаетъ себя кинжаломъ, падая рядомъ съ умирающимъ братомъ [127]).

Въ этихъ набросках Ленцъ снова обнаруживаетъ большое мастерство въ изображеніи типовъ изъ простонародья. Нельзя не пожалѣть, что пьеса не была окончена [128]).

Несомнѣнный талантъ проявляетъ Ленцъ и въ сохранившемся отрывкѣ изъ задуманной имъ трагедіи «Катонъ», изображающемъ смерть героя. Это предсмертный монологъ знаменитаго римлянина, исполненный поэтической силы и трагическаго паѳоса и заканчивающійся его самоубійствомъ. Катонъ читаетъ въ постели Платона (очевидно, его діалогъ о безсмертіи) и затѣмъ требуетъ мечъ у раба. Напрасно сынъ и друзья падаютъ передъ нимъ на колѣни, со слезами умоляютъ его пощадить свою жизнь. Но Катонъ предпочитаетъ лучше умереть, чѣмъ попасть въ руки враговъ. Пристыженные его мужественною рѣчью друзья уходятъ, плача. Остаются лишь Деметрій и Аполлонидъ, которымъ Катонъ бросаетъ въ глаза вызовъ: пусть своей философіей докажутъ они, что остаться въ живыхъ и влачиться за колесницей Цезаря лучше, чѣмъ умереть. Друзья безмолвствуютъ. Мальчикъ, одѣтый въ бѣлое, приноситъ ему роковой мечъ. Катонъ съ восторгомъ принимаетъ орудіе своей смерти, восклицая: «Теперь я снова принадлежу самому себѣ! О ты, спаситель, о ты, разрушитель цѣпей! Даръ боговъ! послѣдняя милость враждебной судьбы, послѣдній другъ въ нуждѣ! (*прячетъ мечъ подъ подушку*). Пока они не уйдутъ, пока они не будутъ въ безопасности — (*снова вытаскиваетъ мечъ, пробуетъ лезвіе*). О какъ мое сердце бьется навстрѣчу тебѣ! Скоро, скоро, скоро ты будешь свободенъ! (*прижимаетъ его къ сердцу*). Такъ прижимаютъ къ груди нѣжнѣйшаго друга».

Увидя его безжизненный трупъ, Статиллій рѣшается также умереть: «Я хочу умереть, ибо нѣтъ болѣе въ живыхъ Катона; вмѣстѣ съ нимъ исчезли съ лица земли великодушіе, дружба, безкорыстіе, всѣ священныя добродѣтели, все цѣнное въ жизни... Она не заслуживаетъ насъ болѣе»! (*закалывается*) [129]).

Отрывки изъ драмы «Graf Heinrich, eine Haupt - und Staats-Action», повидимому, относятся къ числу первыхъ драматическихъ попытокъ Ленца и не отличаются ни оригинальностью замысла, ни талантливостью выполненія. Это драма изъ придворной жизни. Сю-

жетъ ея, повидимому, заключался въ разсказѣ о любви графа Генриха, придворнаго кавалера иностраннаго происхожденія, къ принцессѣ Корделіи, дочери испанскаго короля Альфонсо. Противъ графа интригуютъ два придворныхъ, но можно предполагать, что пьеса оканчивалась торжествомъ Генриха и полнымъ его успѣхомъ у Корделіи. Такимъ образомъ въ сюжетѣ есть нѣкоторое сходство съ пьесами «Англичанинъ» и «Философъ по милости друзей». Съ первой пьесой—общій мотивъ любви къ принцессѣ, а со второй—счастливый исходъ любви къ высокопоставленной женщинѣ [130]).

Комедія «Семейство прожектеровъ» должна была, повидимому, быть сатирой на страсть увлеченія разными несбыточными планами. Подобный типъ уже былъ выведенъ Ленцемъ въ «Новомъ Менозѣ» въ лицѣ чудака Бидерлинга. Здѣсь ему соотвѣтствуетъ итальянскій графъ Примавера, изъ Феррары, гуманистъ и филантропъ, увлекающійся проектомъ уничтоженія податей, взимаемыхъ съ народа. Старшій его сынъ Альфонсо зараженъ такою же страстью къ составленію проектовъ. Этимъ и пользуется младшій сынъ Джанното, чтобы достигнуть своихъ личныхъ цѣлей. Онъ влюбленъ въ дочь шевалье Редана, живущаго близъ Реймса, и чтобы добиться согласія стараго графа на бракъ съ нею, увѣряетъ его, что шевалье своими знакомствами въ Парижѣ можетъ оказать значительную помощь для приведенія въ исполненіе его проектовъ.

Отъ пьесы сохранилось только двѣ первыхъ сцены перваго акта. Примавера съ двумя сыновьями и невѣсткой Эмериной, женою старшаго сына, находятся въ гостяхъ у шевалье Редана. Всѣ сидятъ за столомъ передъ отъѣздомъ на охоту, и графъ раскрываетъ свои грандіозные филантропическіе планы. Въ это время нищій за окномъ проситъ милостыню. Никто не обращаетъ на него вниманія, одни по равнодушію, а графъ Примавера и его старшій сынъ по той причинѣ, что всецѣло погружены въ обдумываніе своихъ проектовъ. Когда, наконецъ, мольбы нищаго доходятъ до графа, онъ, какъ сумашедшій, бросается вонъ изъ залы и черезъ нѣсколько минутъ возвращается, ведя съ собою нищаго. Его онъ усаживаетъ за богато сервированный столъ на свое мѣсто, рядомъ съ философомъ-эпикурейцемъ Бильбоке́, и съ такою стремительностью начинаетъ угощать оторопѣвшаго бѣднягу, что тотъ, считая себя виноватымъ, проситъ прощенія у графа, и, улучивъ минуту, когда графъ побѣжалъ за

плащомъ, чтобы прикрыть ему тѣло, съ быстротою молніи исчезаетъ изъ зала. Можно себѣ представить удивленіе филантропа, возвращающаго съ плащомъ и не находящаго того, кого онъ хотѣлъ облагодѣтельствовать!

Эта сцена написана съ большимъ юморомъ и живостью. Также хорошо набросана фигура Сенъ-Мара, имѣющаго способность считать себя героемъ всѣхъ романовъ, которые ему удается прочесть, и стремящагося немедленно продѣлать всю вычитанную романическую исторію съ первой попавшейся смазливой женщиной [131]).

Указанными пьесами не ограничилось драматическое творчество Ленца. Намъ придется еще коснуться нѣсколькихъ его драмъ и набросковъ, относящихся къ болѣе позднему времени его жизни [132]).

ГЛАВА XII.

При Веймарскомъ дворѣ.

Apoll. Wo führt' ihn das böse Wetter
Zu uns herauf an die Tafel der Götter?
Lenz.

Послѣ шестилѣтняго пребыванія Ленцъ покинулъ Страсбургъ, въ которомъ прошли его лучшіе годы. Это было около 21 марта 1776 г. [1]). Его путь лежалъ на сѣверъ черезъ Мангеймъ. Здѣсь провелъ онъ нѣсколько минутъ въ музеѣ античныхъ статуй, наслаждаясь созерцаніемъ произведеній искусства, которыя были ему особенно дороги послѣ несостоявшагося путешествія въ Италію. Передъ группой Лаокоона проливалъ онъ слезы восторга; «небесное вдохновеніе» античныхъ ликовъ вызывало въ немъ желаніе молитвеннаго преклоненія передъ ними [2]). Художественное наслажденіе вызвало въ немъ образъ Гёте, съ которымъ ему приходилось мѣняться мыслями объ искусствѣ [3]). Ему казалось, что Гёте стоитъ рядомъ съ нимъ и радуется впечатлѣнію, произведенному на него памятниками античнаго искусства. И Ленцъ почувствовалъ какое-то родство, какое-то внутреннее сходство между творчествомъ Гёте и испытываемыми имъ въ музеѣ наслажденіями. «Когда я обозрѣвалъ залъ античной скульптуры въ Маннгеймѣ, братъ Гёте—писалъ онъ—то твой духъ, духъ всего творчества и всѣхъ твоихъ созданій проникъ меня, исполнилъ такихъ восхищеній, съ которыми ничто не можетъ сравниться». «Чтобы въ дѣйствительности почувствовать впервые радость вѣчной жизни», ему не хватало только Гёте и ея—«надежды послѣдняго блаженства» [4]).

Въ Дармштадтѣ Ленцъ провелъ нѣсколько дней у Мерка, съ которымъ незадолго передъ тѣмъ завязалъ дружескую переписку. 14 марта извѣстилъ Ленцъ Мерка о предстоящемъ ему проѣздѣ

черезъ Дармштадтъ. Незадолго передъ тѣмъ (8 марта) Меркъ приглашалъ его къ себѣ, надѣясь также и на пріѣздъ Клаудіуса [5]. Теперь въ письмѣ 17 марта Меркъ поспѣшилъ выразить «радость и благодарность» за «добрую вѣсть» о скоромъ пріѣздѣ Ленца: «Мой домъ находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ почтою, смотрите на него, какъ на свой собственный, и дай Богъ, чтобы на болѣе продолжительное время»*).

Въ домѣ Мерка писалъ Ленцъ письмо Гердеру [6], выражая надежду скораго свиданія въ Веймарѣ, куда Гердеръ приглашался въ качествѣ генералъ-суперинтендента [7]. Въ домѣ «тайнаго совѣтника» Гессе, зятя Гердера, Ленцъ надѣялся увидать портреты Гердера и его жены, которыхъ онъ такъ любилъ.

Въ обществѣ Мерка Ленцъ совершилъ путешествіе въ сосѣдній Франкфуртъ. Когда они подъѣзжали къ почтовой станціи Лангенъ, находящейся въ трехъ часахъ пути отъ Франкфурта, ихъ встрѣтили верхами Клингеръ, авторъ пьесы «Буря и натискъ», давшей имя всему періоду, и Шлейермахеръ, одѣтые совершенно одинаково [8], въ костюмъ Вертера: въ голубомъ фракѣ, желтомъ жилетѣ и бѣлой шляпѣ съ желтыми галунами. Передъ экипажемъ Ленца въѣхали они такъ во Франкфуртъ, вызывая удивленіе въ мирныхъ прохожихъ, не упустившихъ случая постоять и поглазѣть на диковинную выходку молодыхъ «геніевъ». Съ такимъ тріумфомъ былъ встрѣченъ Ленцъ во Франкфуртѣ [9].

Въ домѣ Гёте онъ былъ радушно принятъ его родителями, которые черезъ него переслали поклонъ Лафатеру [10]. У нихъ провёлъ онъ все время своего пребыванія во Франкфуртѣ [11]. Свидѣлся также съ Вагнеромъ, членомъ страсбургскаго «нѣмецкаго» общества.

Въ обществѣ матери Гёте, Мерка, Клингера и Вагнера Ленцъ, повидимому, отдохнулъ нѣсколько отъ тяжелыхъ впечатлѣній своей страсбургской жизни, какъ вдругъ неожиданно поразилъ его новый ударъ: извѣстіе о помолвкѣ Генріетты Вальднеръ съ барономъ Оберкирхомъ. Луиза Кенигъ писала объ этомъ 25 марта г-жѣ Гессе въ Дармштадтъ, прося довести до свѣдѣнія Ленца [12]. По дорогѣ въ Веймаръ изъ Франкфурта достигло Ленца это роковое извѣстіе и поразило его какъ громомъ. «Моя судьба теперь опредѣлилась—писалъ

---

*) См. Приложеніе В. № 8. *(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).*

онъ Лафатеру—я осужденъ на смерть, но хочу умереть со славою, чтобы не заставить покраснѣть ни друзей, ни небо. Но знать, что она въ *объятіяхъ* другого и *несчастна*—о, это ужасная мысль!» [13]). Онъ считаетъ этотъ бракъ гибелью для Генріетты и умоляетъ Лафатера «спасти» ее. Ее, а не себя жалѣетъ онъ: онъ «съ наслажденіемъ» умеръ бы, еслибы зналъ, что ею владѣетъ человѣкъ, достойный ея и способный сдѣлать ее счастливою. Ленцъ думаетъ, что Лафатеру удастся отговорить Генріетту отъ этого брака. Это будетъ «благороднѣйшимъ дѣломъ» въ жизни Лафатера, дѣломъ, о которомъ его умоляетъ «умирающій» [14]). «Какъ счастливо было бы мое путешествіе, еслибы не было яда въ моемъ сердцѣ! Съ какимъ лицомъ покажусь я теперь при дворѣ»—прибавляетъ поэтъ.

Какъ всегда, онъ искалъ утѣшенія въ поэзіи. Ему представляется Генріетта въ подвѣнечномъ уборѣ, украшенная драгоцѣнными камнями, при веселомъ блескѣ свѣчей; мысли ея далеки отъ него, несчастнаго, которому «дружеская рука» поднесла «кубокъ смерти»*).

Не полагаясь вполнѣ на успѣхъ Лафатера, Ленцъ самъ пишетъ по-французски анонимное письмо Генріеттѣ, стараясь раскрыть ей глаза на несчастье, ожидающее ее отъ этого брака. Онъ предупреждаетъ ее, «женщину во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенную» отъ выхода замужъ «за человѣка обыкновеннаго и слѣдовательно холоднаго». Пусть она сначала испытаетъ его, заслуживаетъ ли онъ ея руки [15]).

4 апрѣля пріѣхалъ Ленцъ въ живописную и тихую столицу саксенъ-веймарскаго герцогства, начинавшую дѣлаться нѣмецкими Аѳинами. Онъ остановился въ гостиницѣ Zum Erbprinzen [16]). Первый его визитъ былъ, конечно, къ Гёте, который въ тотъ же самый день вернулся изъ поѣздки въ Лейпцигъ. На другой же день утромъ онъ познакомилъ прибывшаго друга съ г-жей ф. Штейнъ [17]), а вечеромъ представилъ его герцогу Карлу-Августу [18]).

Прежде чѣмъ разсказывать о впечатлѣніяхъ его веймарской жизни, мы должны отвѣтить на вопросъ, съ какою цѣлью пріѣхалъ Ленцъ въ Веймаръ.

Что появленіе его въ Веймарѣ не было случайностью, средствомъ развлечься на нѣкоторое время и повидать друзей, а имѣло

---

*) „Gedichte“, изд. Вейнгольда. 188—189.

какую-то цѣль,—видно изъ его писемъ. Замѣтимъ, что эту цѣль онъ держитъ въ тайнѣ даже отъ своихъ ближайшихъ друзей, довольствуясь одними намеками.

Сначала онъ даже скрываетъ мѣсто своего назначенія. Въ письмѣ къ Лафатеру, которое относится къ серединѣ февраля 1776 г. [19]), онъ сообщаетъ таинственно: «Я иду туда, куда меня ведетъ перстъ Провидѣнія; я не хочу еще открыть тебѣ моего намѣренія». Въ письмѣ къ Мерку (14 марта) Ленцъ говоритъ съ извѣстной тревогой о предстоящемъ путешествіи [20]). Онъ увѣряетъ Линдау, что «неотложныя обстоятельства» (dringende Angelenheiten) «сдѣлали необходимымъ» его «присутствіе въ Веймарѣ» *). Послѣдствія этого путешествія «важнѣе для его отечества, чѣмъ для него самого» [21]). Это «рѣшительный моментъ» его жизни, «который не повторится».

Что же скрывалось подъ этимъ таинственнымъ покровомъ? Какое «важное для отечества» дѣло предпринялъ Ленцъ?

Нѣкоторый свѣтъ бросаютъ на этотъ вопросъ слѣдующія строки одного изъ его писемъ къ Гердеру незадолго до поѣздки: «У меня въ рукахъ сочиненіе о солдатскихъ бракахъ, которое мнѣ хотѣлось бы прочесть какому-нибудь государю и по окончаніи и выполненіи котораго я, по всей вѣроятности, буду радъ умереть». [22]).

Трактатъ «о солдатскихъ бракахъ» былъ однимъ изъ многочисленныхъ проектовъ Ленца, которыми онъ думалъ осчастливить человѣчество. Его литературная дѣятельность казалась ему не важной въ сравненіи съ реформаторскими идеями практическаго характера, которыя кишѣли въ его головѣ. Онъ не довольствовался діагнозомъ современныхъ ему соціальныхъ болѣзней, но и придумывалъ болѣе или менѣе фантастическіе планы излѣченія ихъ. Но для проведенія въ жизнь подобныхъ проектовъ нужно было заинтересовать ими какую либо личность, власть имущую, которая бы обладала возможностью произвести предлагаемый опытъ «на благо отечества». Нуженъ былъ государь во вкусѣ «просвѣщеннаго абсолютизма». Неудивительно, что взоры его остановились на молодомъ Веймарскомъ герцогѣ, заявившемъ себя покровителемъ писателей и пригрѣвшемъ его друга Гёте.

---

*) См. Приложеніе А. № 17. *(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).*

Въ своемъ страстномъ желаніи реформировать жизнь Ленцъ не стоялъ одиноко. Это была общая черта людей предреволюціонной эпохи. Припомнимъ, что Гердеръ носился съ мыслью вкрасться въ довѣріе къ Екатеринѣ II и, направляя ея власть въ желательномъ смыслѣ, сдѣлать изъ Россіи почти идеальную страну. Осудимъ ли мы Ленца за то, что онъ былъ скромнѣе въ своихъ желаніяхъ и вмѣсто властительницы необъятной имперіи думалъ только о вліяніи на главу миніатюрнаго нѣмецкаго герцогства?

Итакъ, отправляясь въ Веймаръ, Ленцъ былъ охваченъ своимъ фантастическимъ планомъ явиться въ практической роли соціальнаго реформатора и прежде всего въ области военной, которой онъ всегда посвящалъ много вниманія.

Избраніе Веймара могло быть обусловлено также тѣми благопріятными отзывами о веймарской жизни, которые Ленцъ получалъ отъ своихъ друзей. Такъ гр. Штольбергъ писалъ ему 3 февраля изъ Копенгагена: «Въ Германіи я чувствовалъ себя особенно хорошо—въ Веймарѣ. Герцогъ—превосходный юноша, обѣ герцогини, мать и жена, два ангела. Нашъ милый Вольфъ (т. е. Вольфгангъ Гёте) живетъ тамъ превосходно и въ радости, всѣми любимъ и даже состоитъ закадычнымъ другомъ Виланда... Туда я поступаю камергеромъ. Хотя и печально разстаться съ родными и горстью друзей, но я радъ эту рабскую Данію промѣнять на мое отечество. Нашего вѣрнаго Вольфа надѣюсь я видѣть часто» [23]).

Черезъ Гёте у Ленца уже завязались сношенія съ веймарскимъ литературнымъ кружкомъ: попрежнему онъ дѣлился съ Гёте своими новыми произведеніями. Это видно изъ письма Мерка Ленцу отъ 8 марта: «Если что-нибудь изъ вашихъ произведеній пойдетъ въ Веймаръ, то не можетъ ли оно задержаться немного здѣсь? (т. е. въ Дармштадтѣ). Вашей почты Гёте никогда не хотѣлъ мнѣ сообщать» *).

Пребываніе въ Страсбургѣ сдѣлалось ему болѣе невыносимымъ: онъ погрязъ въ долгахъ и слишкомъ измучился отъ своей трудовой жизни, бѣгая по урокамъ, какъ «почтовая кляча». Послѣ неудачи его плановъ относительно путешествія въ Италію, ему не сидѣлось въ Страсбургѣ, его тянуло «куда-нибудь», «но только не къ бере-

---

*) См. Приложеніе В. № 7. (*По рукописи Рижской Городской Библіотеки*).

гамъ печальнымъ» его родины, хотя и о ней мелькала у него мысль, встрѣтившая рѣзкое осужденіе со стороны суроваго Мерка *).

Затаенная надежда дать ходъ своимъ проектамъ и при случаѣ пристроиться какъ-нибудь при Веймарскомъ дворѣ, пріютившемъ Гёте, главу той литературной партіи, къ которой принадлежалъ Ленцъ, играла, конечно, значительную роль въ его рѣшимости попытать счастья въ Веймарѣ.

Дюнцеръ, всегда чрезмѣрно неблагосклонный къ Ленцу, старается доказать, что изъ Страсбурга онъ бѣжалъ отъ долговъ и «самовольно» явился въ Веймаръ [24]). Съ другой стороны, Фройтцгеймъ придумываетъ цѣлую интригу, жертвой которой будто бы палъ Ленцъ. «Заговорщикамъ» нужно было, во что бы то ни стало, удалить Ленца изъ Страсбурга, чтобы онъ не помѣшалъ браку Генріетты Вальднеръ съ барономъ Оберкирхомъ. Луиза Кёнигъ, Лафатеръ и, можетъ быть, Гёте были, по мнѣнію критика, душою этой интриги, которая достигла своей цѣли, спровадивъ Ленца въ Веймаръ за нѣсколько дней до свадьбы Генріетты [25]).

Останавливаться на этой гипотезѣ мы не будемъ, такъ какъ она слишкомъ мало обоснована и мало доказательна, тѣмъ болѣе, что авторъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, утверждая, что Ленцъ получилъ приглашеніе изъ Веймара на мѣсто придворнаго чтеца, что также остается произвольнымъ предположеніемъ Фройтцгейма [26]).

Друзья желали Ленцу удачи въ Веймарѣ. Всякаго счастья желалъ ему въ этомъ путешествіи Циммерманъ въ письмѣ къ Гердеру [27]). Проницательный Меркъ, однако, предостерегалъ Ленца отъ веймарскаго «большого свѣта»: «Пусть благословеніе и счастье сопровождаетъ васъ туда, куда вы отправляетесь, я только не желаю, чтобы вы были брошены въ сутолоку большого свѣта, гдѣ теряется всякая особенность человѣка» **).

Слова Мерка оказались пророческими, но убѣдиться въ этомъ пришлось Ленцу не сразу: разочарованію предшествовалъ медовый мѣсяцъ упоенія и восторга. 14 апрѣля онъ пишетъ Лафатеру, что цѣлые дни проводитъ «у герцога наверху» и такъ увлеченъ «пріят-

---

*) Ibidem.

**) Ibidem B. № 8.

нымъ водоворотомъ придворной жизни», что почти не имѣетъ времени собраться съ мыслями. Герцога и герцогиню онъ называетъ «настоящими ангелами», онъ преисполненъ чувствомъ глубочайшаго къ нимъ уваженія. Г-жа Штейнъ, «большой другъ Гёте»,—«чудеснѣйшее созданіе на Божьей землѣ» [28]). Почти тоже самое пишетъ Ленцъ черезъ два дня Мюллеру, сообщая, что онъ весь погруженъ въ «несравненныя удовольствія этого двора». Цѣлый день онъ не отходитъ отъ герцога, «Что это за государь»!—восклицаетъ онъ въ восторгѣ [29]). «Мнѣ здѣсь безконечно хорошо—пишетъ онъ Бойе въ письмѣ, полученномъ 26 апрѣля—особенная милость двора и дружба многихъ превосходныхъ Божьихъ созданій дѣлаютъ меня въ извѣстной степени блаженнымъ»... Онъ «едва можетъ придти въ себя» отъ «любезнаго водоворота», который его «закружилъ почти до безпамятства» [30]). «Милость этого государя (т. е. веймарскаго герцога) ко мнѣ есть даръ Бога», пишетъ онъ отцу *).

Герцогъ, Гёте, Виландъ и Ленцъ на ты между собою [31]). Ленцъ живетъ «въ блаженномъ общеніи» съ Виландомъ и Гёте: оба первые по утрамъ въ своихъ садикахъ, а онъ, Ленцъ — на лугу, гдѣ учатся солдаты. Послѣ полудня всѣ собираются наверху у герцога, который проводитъ свои вечера въ избранномъ обществѣ людей, которые носятъ особое одѣяніе и называются мудрецами. «Гёте нашъ предводитель» **).

Съ герцогомъ читаетъ Ленцъ «Физіогномику» Лафатера и новѣйшія произведенія текущей литературы [32]). Герцогиня-мать (Амалія) читаетъ ему вслухъ одно мѣсто изъ «Физіогномики» «съ очень большимъ чувствомъ» и изъявляетъ желаніе познакомиться съ авторомъ лично [33]).

Ленцъ дѣлается придворнымъ поэтомъ. Такъ, по полученіи извѣстія о смерти великой княгини Натальи Алексѣевны, жены наслѣдника престола Павла и сестры веймарской герцогини, Ленцъ пишетъ стихотвореніе «Auf einen einsamen Spaziergang der Durchlauchtigsten Herzoginn Louise unter Bäumen nach dem tödtlichen Hintritt der Grossfürstin von Russland» [34]). Музыка, сочиненная герцогиней Амаліей къ гётевской пьесѣ «Эрвинъ и Эльмира», вызываетъ сти-

*) См. Приложеніе. А. № 14 *(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).*
**) См. Приложеніе. А. № 15 *(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).*

хотвореніе Ленца: «Auf die Musik zu Erwin und Elmire, von Ihrer Durchlaucht, der verwittibten Herzogin zu Weimar und Eisenach gesezt», въ которомъ нѣтъ недостатка въ придворномъ ѳиміамѣ [35]).

Содержательнѣе и удачнѣе его комическія стихотворенія, связанныя съ тѣмъ или другимъ «событіемъ» придворной жизни. По поводу неудачной иллюминаціи въ честь герцогини Амаліи въ Тифуртѣ Ленцъ разсказываетъ, что Зевсъ далъ порученіе Аполлону, а послѣдній Фаэтону, устроить великолѣпную иллюминацію. Фаэтонъ постарался, но при появленіи Амаліи слишкомъ засуетился и выпустилъ весь фейерверкъ сразу. Зевсу пришлось дождемъ гасить «die tollen Flammen» и посадить Фаэтона на тысячу лѣтъ подъ арестъ и на будущее время заботиться самому о пріемѣ герцогини:

Und gab die Consigne den himmlischen Wachen:
Inskünftige, wenn die Herzogin her
Von Tibur führe, wolle Er
Allzeit das Feuerwerk selber machen *).

Другое шуточное стихотвореніе написано по поводу... насморка, мучившаго двѣ недѣли самого герцога и компанію его «Weltgeister» [36]). По образцу такъ-называемыхъ «matinées», личныхъ сатиръ, бывшихъ въ большомъ ходу при Веймарскомъ дворѣ, Ленцъ пишетъ не лишенную остроумія сатиру на своего страсбургскаго сотоварища Леопольда Вагнера по поводу его пьесы «Дѣтоубійца» [37]).

Однимъ словомъ, Ленцъ погрузился въ водоворотъ веймарской жизни и чувствовалъ себя тамъ настолько хорошо, что отклонилъ лестное предложеніе проф. Симона занять мѣсто въ дессаускомъ филантропинѣ. «Такъ какъ мы знаемъ ваши таланты и ваше сердце—писалъ Симонъ—то и думаемъ, что ни къ кому другому мы не можемъ обратиться съ бо́льшимъ основаніемъ, какъ именно къ вамъ. Помогите намъ вести учрежденіе, которое ставитъ себѣ единственною цѣлью благо человѣчества». Ленца приглашали сотрудникомъ учрежденія на два года, соглашаясь впередъ на всѣ его условія [38]).

Ленцъ отклонилъ это предложеніе на томъ основаніи, что имѣлъ въ виду получить мѣсто въ Веймарѣ [39]). Какое это было мѣсто, мы не знаемъ, но въ немъ Ленцу, очевидно, пришлось разочароваться; онъ его не принялъ, какъ видно изъ письма Редерера отъ 23 мая:

---

*) Ged. 192.

«Ленцъ! Ленцъ! О приглашеніи въ филантропинъ я не говорю ни слова, но почему ты не принимаешь веймарскаго приглашенія? Почему»? Вмѣстѣ съ тѣмъ Редереръ указываетъ на трудность найти какое-либо мѣсто въ Страсбургѣ [40]).

Съ начала іюня тонъ писемъ Ленца изъ Веймара мѣняется: слышится разочарованіе, онъ жаждетъ отдыха и уединенія. Онъ пишетъ Гердеру 9-го іюня: «Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я, конечно, былъ въ болѣе счатливомъ настроеніи, но мое сердце остается, однако, тѣмъ же самымъ, именно глухимъ ко всей природѣ, мелькающей тѣнью, не способною къ воспоминаніямъ» [41]). Во второй половинѣ мая Ленцъ узналъ, что свадьба Генріетты съ бар. Оберкирхомъ состоялась еще 1 апрѣля. Его отчаянію не было предѣловъ. Онъ умоляетъ Лафатера выслать ему портретъ Генріетты, который будетъ теперь его единственнымъ утѣшеніемъ. Онъ жалуется на «совершенную глухоту» своихъ нервовъ [42]).

Къ этому времени, относится, вѣроятно, небольшая драматическая сцена подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ фарса, ««Адскіе судьи»», въ подражаніе «Лягушкамъ» «Аристофана» [43]). Здѣсь Ленцъ выводитъ популярнаго у «бурныхъ геніевъ» Фауста, котораго обезсмертилъ Гёте значительно позже, хотя уже въ это время тема эта сильно занимала его [44]).

По оригинальному замыслу Ленца, его докторъ Фаустъ находится въ преисподней, бродитъ и жалуется на свою невыносимую тоску и одиночество, жалуется на жизнь, которая не прекращается. «О жестокія волны, если бы только вы полюбили меня, я погрузился бы на ваше лоно и вкусилъ бы уничтоженіе; но, увы! вы ненавидѣли меня! вы чувствовали, какъ мнѣ было отрадно, что вы окружали меня своимъ пламенемъ, какъ освѣжало мои мученія сознаніе, что меня обнимаетъ что-то! Быть отторгнутымъ отъ всего творенія, и все-таки быть любимымъ! Но, увы! я обманулся, обманулся! Вы, жестокія волны, также ненавидите меня! Неужели же нѣтъ существа во всей природѣ, которое бы — не то чтобы любить или жалѣть—но при себѣ лишь терпѣть хотѣло меня, безгранично несчастнаго»?

Монологъ Фауста прерывается появленіемъ Бахуса, который касается его жезломъ Меркурія и называетъ своимъ другомъ. Фаустъ не знаетъ, зачѣмъ появился Бахусъ: усилить ли его мученія и по-

смѣяться надъ его отчаяніемъ — или уничтожить его. Если вѣрно послѣднее, то пусть онъ приметъ его сердечную благодарность и не медлитъ.

Бахусъ. Не для того и не для другого. — У тебя было великое сердце—Фаустъ—ты избавляешься отъ своей судьбы и, если тебѣ нравится общество, идемъ со мною на землю»! (*Фаустъ впадаетъ въ безпамятство, которое, будучи такъ похоже на уничтоженіе, навѣваетъ невыразимое спокойствіе на все его существо*).

При всемъ временномъ упоеніи атмосферой Веймарскаго двора, Ленцъ не созданъ былъ для придворной жизни. Для нея у него не хватало извѣстной эластичности, способности приспособленія къ инымъ условіямъ, не хватало осторожности и такта. При всей простотѣ обращенія герцога, при всѣхъ его пріятельскихъ отношеніяхъ къ собравшимся въ Веймарѣ писателямъ, существовала, конечно, извѣстная грань, отдѣлявшая простыхъ смертныхъ отъ сильныхъ міра сего. При всѣхъ дурачествахъ, шалостяхъ и экстравагантныхъ выходкахъ, въ которыхъ принималъ живѣйшее участіе самъ герцогъ, существовалъ извѣстный придворный этикетъ, нарушеніе котораго не могло пройти безнаказаннымъ. «Геніямъ», вкушавшимъ отъ щедротъ веймарскаго «двора музъ», приходилось всегда быть настороже, зорко наблюдать за собою и чутко отличать границу дозволеннаго отъ недозволеннаго.

Такою способностью не обладалъ Ленцъ. Всегда простодушный и наивный въ жизни, онъ все принималъ за чистую монету, предавался безудержнѣе другихъ вихрю веймарскаго карнавала и не подозрѣвалъ всей скользкости придворной почвы. Вскорѣ послѣ прибытія въ Веймаръ ему пришлось жестоко провиниться противъ придворнаго этикета. Онъ явился неприглашенный на придворный bal paré и, смѣшавъ его съ bal masqué, въ домино и маскѣ; сверхъ того, онъ осмѣлился пригласить на менуэтъ одну придворную даму, не будучи ей представленъ. Произошелъ скандалъ, каммергеръ Эйнзидель донесъ герцогу, который пожурилъ Ленца, хотя внутренно былъ доволенъ выходкой, насмѣшившей всѣхъ [45]). Въ письмѣ къ г-жѣ Штейнъ на другой день (25 апрѣля) Гёте назвалъ выходку Ленца «Eselei», возбудившей «ein Lachfieber» [46]).

Въ разнаго рода дурачествахъ, процвѣтавшихъ въ Веймарѣ, Ленцъ, повидимому, превзошелъ всѣхъ другихъ [47]). Мерку пишетъ

Виландъ 13-го мая: «Ленцъ при дворѣ, — что вы на это скажете? Съ тѣхъ поръ какъ онъ здѣсь, не проходитъ дня, чтобы онъ не выкинулъ какой-нибудь штуки, которая всякого другого взорвала бы на воздухъ» [48]).

Въ серединѣ іюня Ленцъ, повидимому, убѣдился, что придворная среда не его сфера. Веймарская жизнь ему опостылѣла, онъ ищетъ отдыха въ деревнѣ, начинаетъ отлучаться изъ Веймара [49]), а 27-го іюня уже переселяется въ Берку на продолжительное время. Чувство нѣкоторой досады сопровождало его въ уединеніе, какъ видно изъ краткой, но выразительной его записки къ Гёте: «Иду въ деревню, такъ какъ у васъ мнѣ дѣлать нечего». Гёте отвѣчалъ еще болѣе лаконично: «Мнѣ жаль тебя, Ленцъ» [50]).

По своему обыкновенію, Ленцъ исчезъ изъ Веймара внезапно, имѣя съ собою лишь то, что было на немъ. Въ Беркѣ очутился онъ безъ платья, бѣлья и книгъ и, само-собою разумѣется, безъ денегъ. Его счета въ веймарской гостинницѣ были уплачены герцогомъ. Изъ Берки онъ отправилъ къ Гёте длинный списокъ вещей, которыя ему нужны, включительно до гребенки и бритвы, необходимой ему «чтобы не испугаться собственнаго облика». Слуга Гёте Филиппъ Зейдель переслалъ Ленцу все требуемое и съ охотою исполнялъ его дальнѣйшія порученія, снабжая его вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣми веймарскими новостями. Онъ отправляетъ его письма въ Страсбургъ, посылаетъ ему то вина, то яблоковъ, то лимоновъ, то лѣкарство [51]) и т. д. Благодарный Ленцъ въ своей пьесѣ «Генріетта Вальдекъ», которую онъ тогда писалъ, далъ вѣрному слугѣ имя Филиппа.

Всѣ эти посылки совершались, конечно, съ вѣдома и желанія Гёте, который помогалъ другу и деньгами [52]).

Берка—небольшой и скромной курортъ въ получасовомъ разстояніи отъ Веймара по желѣзной дорогѣ. Онъ расположенъ въ живописной долинѣ Тюрингенвальда, замкнутой со всѣхъ сторонъ высокими горами, утопающими въ лѣсахъ. Паркъ съ прекрасной аллеей изъ пирамидальныхъ тополей, вѣроятно, сохранился въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ сто лѣтъ тому назадъ. Отъ всего курорта и теперь вѣетъ провинціальною простотою и незатѣйливостью, а во времена Ленца онъ былъ, повидимому, еще проще и еще пустыннѣе. Но за то какая тишина! какой воздухъ! какіе виды!

Немного найдется въ самой Германіи, изобилующей прелестными мѣстами, такихъ уютныхъ и укромныхъ уголковъ, удобныхъ для тѣлеснаго и душевнаго отдыха.

Съ конца іюня прожилъ Ленцъ въ Беркѣ до начала сентября, изрѣдка показываясь въ Веймарѣ [53]).

Уединеніе въ глуши тюрингенскаго лѣса подѣйствовало на него благотворно. По словамъ Гёте, Ленцъ чувствовалъ себя среди горъ и лѣсовъ Берки счастливымъ настолько, насколько это для него возможно [54]). Его сравнительное спокойствіе дало ему возможность работать много и удачно. Онъ пріѣхалъ въ Берку съ кучей проектовъ литературныхъ работъ. «Мнѣ здѣсь много, очень много дѣла — пишетъ онъ Бойе въ началѣ августа — и поэтому я здѣсь уединился отъ всякаго человѣческаго общества» *).

Это былъ послѣдній взрывъ его таланта, давшій нѣсколько произведеній, заслуживающихъ полнаго вниманія.

Первое мѣсто должно удѣлить драматическому стихотворенію «Танталъ», которое по художественной законченности, столь рѣдкой у Ленца, можетъ считаться едва ли не лучшимъ его произведеніемъ. «Ленцъ написалъ превосходную вещь» замѣтилъ въ своемъ дневникѣ Гёте, прочтя «Тантала» (16-го сентября) въ рукописи, доставлянной ему авторомъ [55]).

«Танталъ» представляетъ поэтическій комментарій къ запискѣ Ленца, посланной Гёте при отъѣздѣ въ Берку, подробнѣе мотивированный. Это прозведеніе чисто субъективное. Подъ Танталомъ легко открыть самого Ленца, Зевсъ изображаетъ веймарскаго герцога Карла Августа, Юнона-герцогиню Луизу. Аполлонъ есть Гёте, называемый такъ Ленцемъ и въ сатирѣ «Pandaemonium Germanicum». Издателю «Нѣмецкаго Меркурія» Виланду удѣлено имя посланника боговъ. Основной мотивъ заключается въ мукахъ Тантала, испытываемыхъ имъ въ обществѣ боговъ, которые лишь потѣшаются надъ нимъ. Иначе говоря, Ленцъ съ замѣчательною правдивостью и откровенностью изображаетъ здѣсь собственное положеніе при веймарскомъ дворѣ.

Талантливое стихотвореніе начинается разговоромъ Аполлона —

---

*) См. приложеніе А. № 12. (*По рукописи Королевской Библіотеки въ Берлинѣ*).

Гете съ Меркуріемъ-Виландомъ о забавномъ смертномъ Танталѣ, какимъ-то образомъ попавшемъ «на пиръ боговъ».

Wo führt ihn das böse Wetter
Zu uns herauf an die Tafel der Götter? *)

спрашиваетъ Аполлонъ. Его привлекли сюда для забавы — объясняетъ Меркурій:

Wollten Juno ein wenig pikiren.
Und Vater Jupitern desennuyiren,
War ja alles so traurig hier **).

Оба небожителя подсмѣиваются надъ наивнымъ восторгомъ Тантала, очутившагося въ средѣ боговъ, на гримасу его, «когда онъ чокнулся съ Зевсомъ», къ великому скандалу всего Олимпа, возмущеннаго такою дерзостью. Шутки Юноны онъ также принимаетъ за чистую монету, постоянно нарушаетъ правила олимпійскаго этикета и является всеобщимъ посмѣшищемъ. Видя входящаго Тантала, Аполлонъ и Меркурій отходятъ въ сторону, прислушиваясь къ его рѣчамъ. Танталъ произноситъ превосходный монологъ, исполненный страсти, мукъ горькой обиды, страданій уязвленнаго самолюбія. Онъ пришелъ сюда, чтобы подъ покровомъ «ласковой лѣтней ночи» излить «безконечную скорбь» своего сердца: онъ, смертный, любитъ «царицу боговъ» — Юнону. Пусть же боги обрушатъ теперь свой громъ на его виновную голову. Вѣдь въ ихъ власти «это жестокое удовольствіе». Они такъ привыкли карать за ту самую страсть, за ту самую любовь, которою они сами грѣшатъ всего болѣе. Но пусть они лучше не тратятъ остроумія на изобрѣтеніе наказаній для него. «Что̀ вы считаете невыносимымъ, легко, какъ пухъ, въ сравненіи съ тѣми муками, которыя спятъ здѣсь (въ его сердцѣ) и о которыхъ вы не имѣете ни малѣйшаго понятія». Послѣ этого страстнаго признанія Танталъ замѣчаетъ Юнону въ образѣ легкаго облака. Онъ въ полномъ восторгѣ. Но — увы! — она не замѣчаетъ его.

Юнона приближается къ нему, онъ падаетъ на колѣни; видѣніе исчезаетъ мгновенно:

---

*) „Какъ это непогода занесла его къ намъ, къ трапезѣ боговъ?“

**) „Хотѣли немного потѣшить Юнону и развлечь отца Юпитера: было здѣсь все такъ скучно“.

Wars nur ein Bild meiner Phantasey?
Es ist verschwunden. Nimmer, nimmer!
Meine Thränen, mein Geschrey
Meine Verzweiflung zieh sie herbey *).

Видѣніе появляется опять, но скоро исчезаетъ, какъ только Танталъ принимается рисовать его. Снова проясняется образъ Юноны, и Танталъ бросается рисовать.

Но тщетно старается онъ схватить черты ея лица:

Strenge Götter! nehmt mein Leben,
Oder führet mir die Hand.
Nein, ihr hört mich nicht, Tyrannen! **).

Образъ исчезаетъ снова. Танталъ въ отчаяніи взываетъ къ богамъ. Является Амуръ и передаетъ порученіе Зевеса «оказать ему честь» «ежедневно обѣдать у него и Юноны». Танталъ въ восторгѣ. «Но имѣйте въ виду,—спѣшитъ прибавить Амуръ: что вы должны не прикасаться ни къ чему, что вамъ принадлежитъ, и не смотрѣть ни на что, что нарушаетъ вашъ покой. Въ противномъ случаѣ, любезный другъ, вамъ придется тотчасъ же исчезнуть отсюда». Ему предоставляется право каждую ночь прогуливаться съ тѣнью Юноны, но отнюдь не смотрѣть на нее.

Was soll ich denn? Nicht sehen, nicht hören,
Nicht essen, nicht trinken — ***)

восклицаетъ Танталъ и получаетъ ироническій отвѣтъ Амура:

Wer sagt denn von Hören?
Und ein ächter Liebhaber muss
Eigentlich nichts thun, Herr Tantalus,
Als den Göttern zur Farce dienen.
Leben Sie wohl; ich empfehl mich Ihnen. †)

Не слѣдуетъ думать, что Ленцъ промѣнялъ свою возлюбленную Генріетту на герцогиню Луизу [56]). Вѣрнѣе предположить, что въ

---

*) „Неужели это было только созданіе моей фантазіи? Оно исчезло. Никогда, никогда! Мои слезы, мой стонъ, мое отчаяніе призоветъ этотъ образъ снова“.

**) „О суровые боги! возьмите мою жизнь, — или направляйте мою руку. Нѣтъ, вы не слышите меня, тиранны!“

***) Что же дѣлать мнѣ? Не смотрѣть, не слушать, не ѣсть, не пить—

†) „Кто говоритъ о слушаніи? Истинный любовникъ, господинъ Танталъ, ничего другого собственно и не долженъ дѣлать, какъ только служить потѣхой для боговъ. Прощайте; честь имѣю кланяться“.

образѣ Юноны онъ слилъ черты той и другой женщины, изъ которыхъ въ одну онъ былъ влюбленъ, а передъ другою чувствовалъ безграничное восхищеніе. Мотивъ любви къ женщинѣ, недосягаемой по ея высокому положенію, обычный у Ленца, повторяется здѣсь и намѣренно подчеркнутъ перенесеніемъ предмета страсти въ еще болѣе высокую сферу.

Стихотвореніе показываетъ, что Ленцъ созналь свое фальшивое положеніе въ Веймарѣ, положеніе наивнаго простака, не созданнаго для придворной жизни и служащаго лишь предметомъ забавы для высокопоставленныхъ особъ. Сознаніе это заставило его покинуть Веймаръ и искать успокоенія въ тиши Тюрингенскаго лѣса.

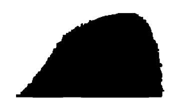
Любовныя мечтанія о Генріеттѣ продолжались своимъ чередомъ. Онъ пишетъ небольшую пьесу «Генріетта ф. Вальдекъ или Бесѣдка»[57]), гдѣ, подобно комедіи «Философъ по милости друзей», тѣшитъ себя мечтаніемъ о счастьѣ съ Генріеттой Вальднеръ, являющейся здѣсь подъ слишкомъ прозрачнымъ псевдонимомъ. Самъ Ленцъ выводится здѣсь подъ именемъ Константина, обѣднѣвшаго родственниками барона ф. Вальдекъ. Подъ именемъ Гангольфа (т. е. Вольфгангъ) фигурируетъ Гёте, который выставляется здѣсь идеальнымъ другомъ, устраивающимъ счастье Ленца—Константина. Одного этого восторженнаго отношенія къ Гёте достаточно, чтобы отнести первую редакцію «Бесѣдки» къ первымъ мѣсяцамъ пребыванія Ленца въ Веймарѣ; осенью 1776 г. между друзьями возникли уже, какъ увидимъ, недоразумѣнія.

Пьеса Ленца, названная имъ просто «сценой» (eine Scene), разыгрывается въ имѣніи барона Вальдекъ, въ садовой бесѣдкѣ. Такимъ образомъ Ленцъ на этотъ разъ соблюдаетъ единство мѣста. Въ первомъ явленіи баронъ Вальдекъ сообщаетъ своей дочери Генріеттѣ о намѣреніи выдать ее замужъ за богатаго барона Розенберга (названнаго въ пьесѣ также Кирхгайнъ, съ намекомъ на Оберкирха, жениха Генріетты Вальднеръ). Но Генріетта любитъ своего бѣднаго родственника Константина, который въ настоящее время находится на войнѣ. Юношескую дружбу его съ дочерью баронъ не считалъ опасной и серьезной, а теперь и слышать не хочетъ о возможности ихъ брака. Напрасно Гангольфъ и его жена Антуанетта защищаютъ Константина, указывая на то, что и въ военную службу Константинъ пошелъ только для того, чтобы

«и въ глазахъ свѣта быть желательной партіей для Генріетты». Его мечты были «вернуться по усыпанному розами пути чести и счастья».

По мысли Гангольфа, Антуанетта извѣщаетъ Константина, будто Генріетта вышла замужъ за его друга Гангольфа. Этимъ ложнымъ извѣстіемъ послѣдній разсчитывалъ заставить Константина скорѣе вернуться и помѣшать замысламъ барона Вальдекъ относительно дочери. Получивъ письмо, Константинъ въ отчаяніи поступаетъ въ гессенскій полкъ, отправляющійся въ Америку; но передъ отправленіемъ ему хочется проститься съ Генріеттой. Во второмъ явленіи мы видимъ его и его слугу Филиппа передъ бесѣдкой. Онъ изливаетъ душу въ страстныхъ монологахъ. Ему осталось одно: увидѣть свою богиню — и умереть. Онъ вспоминаетъ счастливыя минуты, проведенныя въ этой бесѣдкѣ съ Генріеттой, бросается на землю и не хочетъ двинуться съ мѣста. Утѣшенія Антуанетты не достигаютъ своей цѣли. Барону Вальдеку Константинъ также не отвѣчаетъ ни слова, и только когда баронъ угрожаетъ уложить его насильно въ постель, онъ вынимаетъ пистолетъ изъ кармана и говоритъ стилемъ Клингера: «Оставьте въ покоѣ дикихъ звѣрей, которые потеряли своихъ дѣтенышей и возлегли передъ берлогой»! Съ градомъ горячихъ обвиненій и ѣдкихъ упрековъ обращается онъ къ входящему Гангольфу, который оправдывается въ длинной рѣчи, утверждая, что онъ женился на Генріеттѣ только для того, чтобы спасти ее отъ другого жениха и сохранить для Константина. Затѣмъ уловка Гангольфа объясняется: въ дѣйствительности онъ женился на Антуанеттѣ, Генріетта же осталась вѣрна Константину. Баронъ Вальдекъ, узнавъ, что Константинъ получаетъ важный постъ въ арміи, соглашается на бракъ его съ дочерью. Константинъ въ восторгѣ бросается обнимать вѣрнаго друга Гангольфа.

Среди работъ Ленца, занимавшихъ его въ уединеніи среди лѣсовъ Берки, выдается романъ «Отшельникъ», оставшійся, къ сожалѣнію, неоконченнымъ [58]). Шиллеръ, питавшій глубокій интересъ къ личности и поэзіи злосчастнаго «бурнаго генія», издалъ этотъ романъ въ своемъ журналѣ «Die Horen» въ 1797 году, черезъ пять лѣтъ послѣ смерти автора. Въ изданіи принималъ участіе и Гёте, среди бумагъ котораго сохранилась ленцевская рукопись [59]). Имъ или Шиллеромъ къ заглавію романа были прибавлены слова: «Pendant къ страданіямъ Вертера» [60]).

Нѣкоторая зависимость отъ знаменитаго гётевскаго романа несомнѣнно существуетъ въ «Отшельникѣ», но она сказывается болѣе въ формѣ и стилѣ сочиненія, чѣмъ въ содержаніи [61]. Кромѣ «Вертера», Ленцу послужилъ образцомъ тотъ же романъ, которымъ вдохновлялся и Гёте—«Новая Элоиза» Руссо» [62]).

Талантливое произведеніе представляетъ глубокій интересъ въ автобіографическомъ и художественномъ отношеніяхъ.

Содержаніе его очень несложно. Герой романа—Герцъ, называющій своимъ отечествомъ Россію, «побочный сынъ одной важной дамы, которая, двадцать лѣтъ тому назадъ, управляла полміромъ» [63]). Молодой человѣкъ «былъ плодомъ ея послѣдней любви». Его воспитаніе было поручено одному знатному сановнику, который отправилъ его вмѣстѣ съ собственными дѣтьми за границу подъ наблюденіемъ гувернера. Послѣдній обращался съ Герцемъ такъ жестоко, что двѣнадцатилѣтній мальчикъ принужденъ былъ бѣжать, имѣя въ карманѣ всего тридцать дукатовъ, во Францію. Здѣсь ему пришлось многое перенспытать, но его способности и прилежаніе не дали ему погибнуть на чужбинѣ. Онъ заслужилъ довѣріе одного банкира, который снабдилъ его средствами для продолженія образованія. Въ это время онъ и принялъ имя Герца, держа въ тайнѣ отъ всѣхъ свое прошлое. Для изученія нѣмецкаго языка банкиръ послалъ его въ Лейпцигъ. По возвращеніи оттуда Герцъ оказалъ своему благодѣтелю большую услугу, предотвративъ банкротство одного торговаго дома, за что получилъ пенсію. Это дало ему возможность посѣтить Голландію, «такъ какъ ему уже давно хотѣлось посмотрѣть ту страну, гдѣ Петръ Великій учился кораблестроенію» [64]). По своей небрежности онъ пересталъ писать своему благодѣтелю, вслѣдствіе чего лишился назначенной ему пенсіи. Послѣ этого онъ пріѣхалъ въ Германію.

Всѣ эти подробности прошлой жизни Герца мы узнаемъ изъ письма его лейпцигскаго товарища Роте. Послѣдній старается набросать и портретъ своего друга. Центральнымъ пунктомъ жизни Герца является любовь—главная причина его страданій и безумствъ. Его «удивительно-романтическое настроеніе» Роте готовъ объяснить крайнимъ разнообразіемъ впечатлѣній, испытанныхъ имъ въ Россіи, Франціи и Германіи. «Онъ постоянно витаетъ въ мірѣ фантазій и ничего не умѣетъ поставить на свое настоящее мѣсто, не исключая

26*

даже иногда самыхъ ничтожныхъ мелочей міра дѣйствительности. Поэтому жизнь этого человѣка состоитъ изъ ряда самыхъ чувствительныхъ страданій и мученій, которыя дѣлаются чувствительными еще болѣе вслѣдствіе того, что онъ не можетъ сдѣлать ихъ понятными ни одному человѣку. Онъ усвоилъ себѣ привычку, обратившуюся во вторую природу, разсматривать всѣхъ людей и всѣ дѣйствія въ какомъ-то идеальномъ свѣтѣ. Всѣ характеры и мнѣнія, которые уклоняются отъ его собственныхъ, кажутся ему столь великими и онъ ищетъ въ нихъ столь многаго, что считаетъ себя окруженнымъ совершенно необычайными людьми, гигантами добродѣтели или злодѣянія, и нѣтъ никакой возможности втолковать ему, что большинство людей — посредственность и знаютъ о великихъ добродѣтеляхъ и великихъ порокахъ только по наслышкѣ» [65]).

Такъ привыкъ онъ чрезмѣрно идеализировать своихъ возлюбленныхъ и постоянно терпѣлъ жестокія разочарованія. Первую любовь онъ испыталъ въ Россіи, когда ему было всего одиннадцать лѣтъ. Героиней его была любовница стараго графа, въ домѣ котораго онъ жилъ. При своемъ пылкомъ воображеніи онъ считалъ ее идеальной женщиной, чѣмъ-то въ родѣ Нимфы фенелоновскаго «Телемака». Но все его увлеченіе сразу исчезло, когда онъ случайно засталъ однажды эту нимфу въ объятіяхъ стараго графа. Во второй разъ онъ влюбился въ дочь ліонскаго купца и подозрѣвалъ въ ней всевозможныя совершенства, пока не убѣдился, что она—пустая кокетка. Тогда его сердце обратилось къ Германіи, гдѣ ему грезился образъ идеальной женщины, составленный по романамъ Гёте и Виланда и произведеніямъ Клопштока. Его идеалъ казался ему осуществленнымъ, въ Лейпцигѣ, въ лицѣ дочери деревенскаго пастора. Вскорѣ однако «его героиня изъ «Мессіады» превратилась «въ ловкую Агнессу, которая подъ своимъ покрываломъ монахини принимала любовныя записки безъ числа и тысячи тайныхъ поцѣлуевъ» [66]). Отъ своего упоенія Герцъ излѣчился вполнѣ, заставъ ее врасплохъ «съ толстымъ студентомъ».

Послѣ этихъ трехъ любовныхъ разочарованій, жизнь Герцу опостылѣла; въ вѣчномъ безпокойствѣ сталъ онъ блуждать по свѣту съ мѣста на мѣсто и покончилъ бы свое существованіе самоубійствомъ, еслибы насильственное прекращеніе жизни не шло въ разрѣзъ съ его религіозными убѣжденіями.

И вотъ, послѣ столькихъ испытаній, Герцъ узналъ графиню Стеллу, поразившую его блескомъ своей красоты и высотою своей нравственной личности. Съ этихъ поръ онъ только и думалъ о ней, видя въ ней «божество, появившееся на землѣ въ образѣ женщины» [67]).

Эта любовь, въ связи съ жизненными разочарованіями, заставляетъ Герца покинуть «большой городъ» и поселиться въ горной глуши Оденвальда въ простомъ шалашѣ, покрытомъ мохомъ и листьями. Здѣсь онъ наслаждается природой и съ завистью смотритъ на простую и спокойную жизнь крестьянъ сосѣдней долины. Отъ нихъ онъ готовъ выносить и насмѣшки, вызываемыя странностями его поведенія. Но что же дѣлать? Люди, подобные ему, подвергались осмѣянію «еще со временъ Петрарки» [68]). Все же онъ чувствуетъ себя счастливымъ на лонѣ природы и въ сладкомъ ожиданіи увидѣть графиню Стеллу, «для созданія которой природа привела въ движеніе всѣ свои силы, а небо соединило всѣ обстоятельства, чтобы довести ее до совершенства» [69]). Онъ видѣлъ ее въ маскарадѣ, но не осмѣлился заговорить. «Въ эти немногія счастливыя минуты» онъ испыталъ «сладкую пытку» [70]).

Изъ письма Fräulein Schatouilleuse къ Роте мы узнаемъ, что Герцъ влюбился въ Стеллу по письмамъ ея, которыя ему удалось прочитать. Несчастный не подозрѣваетъ, что въ маскарадѣ надъ нимъ подшутили и вмѣсто графини Стеллы указали ему совершенно другую даму. Вооруженный этимъ открытіемъ Роте употребляетъ все свое краснорѣчіе, чтобы образумить своего друга. Онъ, Роте, смотритъ совершенно иначе на любовь: для него это не всепоглащающая страсть, а легкомысленное и скоропреходящее развлеченіе. Но его все-таки интересуетъ личность женщины, которая такъ вскружила голову Герцу.

Въ отвѣтъ на это Герцъ даетъ восторженную характеристику своей богини, которая соединяетъ въ себѣ «воспитаніе принцессы съ творческимъ геніемъ поэта и добрымъ сердцемъ дитяти». Могуществу ея чаръ предаются всѣ безразлично: и молодые, и старые, и ученые, и неученые, и знатные, и простые. Всѣ удивительныя качества ея души такъ и блещутъ въ ея письмахъ, которыя онъ, Герцъ, постоянно носитъ на груди своей [71]).

Прочтя это посланіе, Роте обзываетъ своего друга Донъ-Кихотомъ, способнымъ на нелѣпыя выходки, и безпечно повѣствуетъ о своей веселой жизни, основанной на началахъ откровеннаго и себялюбиваго эпикуреизма. Герцъ не раздѣляетъ его взглядовъ и, вопреки настояніямъ друга, не думаетъ покинуть свою пустыню. Разсерженный Роте прекращаетъ переписку съ нимъ.

Не одинъ Герцъ, но и другія считаютъ Стеллу совершенствомъ. «Женщина, которую онъ любитъ—пишетъ Гонеста пастору Клавдіусу—графиня, которая, судя по описанію, должна быть истиннымъ образцомъ всѣхъ совершенствъ. Она танцуетъ, какъ ангелъ, рисуетъ, пишетъ красками съ натуры, говоритъ на всѣхъ языкахъ, со всѣми обходительна и любезна; однимъ словомъ, она вполнѣ заслуживаетъ, чтобы мужчины сходили по ней съ ума» [72]).

Въ зимнюю стужу, когда Герцъ чуть было не замерзъ въ своей хижинѣ и пошелъ отогрѣться въ деревню, онъ встрѣтилъ въ саняхъ графиню, которая, увидѣвъ его, въ смущеніи закрыла лицо муфтой. Его восторгу нѣтъ предѣловъ, когда онъ узнаетъ, что она справлялась о немъ въ деревнѣ черезъ своего лакея. Сжалившись надъ Герцомъ, Стелла письмомъ приглашаетъ его въ городъ, гдѣ они могутъ видѣться у ихъ общей знакомой, вдовы Холь.

Герцъ переселяется въ городъ и, чтобы видѣть Стеллу, постоянно бываетъ у вдовы, которая, въ свою очередь, влюбляется въ Герца. Онъ въ восторгѣ, что графиня обѣщала ему свой портретъ и позволила присутствовать на сеансахъ художника. Между тѣмъ Герцъ получаетъ отъ своего бывшаго товарища Плеттенберга предложеніе поступить въ гессенскій полкъ, отправляющійся въ Америку. Онъ съ восторгомъ принимаетъ это предложеніе, такъ какъ военная служба кажется ему «первою ступенью лѣстницы, ведущей къ славѣ и счастью» [73]). Его поддерживаетъ надежда, что, отличившись на военномъ поприщѣ, онъ сдѣлается достойнымъ руки Стеллы.

Когда портретъ графини былъ готовъ, онъ попадаетъ въ руки Роте, а не Герца. Послѣдній въ отчаяніи и видитъ здѣсь козни коварной вдовы, мстящей такимъ образомъ за холодность къ ней. Оказывается, такъ желала сама графиня.

Герцъ уѣзжаетъ въ Америку, не подозрѣвая, что его приглашеніе туда было исполненіемъ коварнаго плана, составленнаго Плет-

тенбергомъ, Роте и вдовою Холь. Герцу неизвѣстно, что Плеттенбергъ уже пять лѣтъ состоитъ женихомъ графини Стеллы. Вдова Холь, имѣвшая претензіи на сердце Герца, скрыла отъ него эту ужасную тайну. Чтобы могла состояться свадьба Стеллы съ Плеттенбергомъ, считаютъ нужнымъ удалить безумно-влюбленнаго въ графиню Герца.

При первой встрѣчѣ съ Плеттенбергомъ Герцъ открываетъ ему тайну своей любви къ Стеллѣ, не подозрѣвая, что онъ говоритъ о невѣстѣ своего собесѣдника. Его всего болѣе безпокоитъ портретъ Стеллы. Черезъ Плеттенберга Роте пересылаетъ наконецъ ему этотъ портретъ [74]).

На этомъ обрывается романъ. Автобіографическое значеніе его не подлежитъ сомнѣнію: подъ прозрачными псевдонимами здѣсь скрываются дѣйствительныя лица, а сквозь дымку поэтическаго замысла проглядываютъ реальные факты. Подъ характернымъ именемъ Herz (сердце) фигурируетъ герой нашей біографіи, графиня Стелла есть не кто иная, какъ Генріетта Вальднеръ, Плеттенбергъ—ея будущій мужъ баронъ Оберкирхъ, вдова Холь—страсбургская знакомая Ленца, пріятельница Генріетты, Луиза Кенигъ. Наконецъ, подъ именемъ Роте подразумѣвается Гёте и т. д. [75]).

Въ центрѣ разсказа стоитъ также несомнѣнный, пережитый Ленцемъ фактъ: несчастная страсть его къ блестящей эльзасской аристократкѣ. Кромѣ многихъ стихотвореній, эта любовь внушила Ленцу его пьесы: «Философъ по милости друзей», «Англичанинъ» и «Бесѣдка». «Отшельникъ» затрогиваетъ тотъ же мотивъ. Стелла есть точный портретъ Генріетты. Характеристика ея въ романѣ почти слово въ слово совпадаетъ съ восторженными отзывами о ней самого Ленца въ письмахъ къ Лафатеру [76]) и дѣйствительными событіями жизни Генріетты. «Она получила воспитаніе принцессы» говорится въ романѣ. Дѣйствительно, Генріетта Вальднеръ провела значительную часть юности при дворѣ принца Фридриха-Евгенія, впослѣдствіи герцога Вюртембергскаго, и была въ большой дружбѣ съ его дочерью Софіей—впослѣдствіи императрицей Маріей Ѳедоровной, женой Павла I [77]). Если, съ другой стороны, ей приписывается въ романѣ «творческій геній поэта», то этимъ Ленцъ указываетъ на литературную дѣятельность баронессы Оберкирхъ, бывшей въ дружбѣ съ нѣкоторыми выдаю-

щимися писателями и оставившей интересные написанные по-французски мемуары [78]).

Болѣе уклонился отъ дѣйствительности Ленцъ въ рисовкѣ ея жениха Оберкирха, фигурирующаго въ романѣ подъ именемъ Плеттенберга. Въ то время какъ въ письмахъ къ Лафатеру Ленцъ отзывается очень неблагопріятно объ Оберкирхѣ, Плеттенбергъ является въ романѣ гораздо болѣе симпатичнымъ и напоминаетъ самоотверженнаго Донъ-Прадо въ комедіи «Философъ по милости друзей» [79]).

Всего интереснѣе для насъ портреты Гете и самого Ленца.

Первый несомнѣнно послужилъ оригиналомъ для Роте въ «Отшельникѣ». Эрихъ Шмидтъ и Вейнгольдъ даже думають, что нѣкоторыя фразы его писемъ къ Герцу взяты Ленцемъ цѣликомъ изъ подлинныхъ писемъ Гете [80]). Въ образѣ Роте Ленцъ представилъ результаты своихъ непосредственныхъ впечатлѣній отъ личности Гете, котораго онъ впервые узналъ въ Веймарѣ такъ близко. Сатирическія намѣренія несомнѣнны. Гете въ «Отшельникѣ» обличается, какъ откровенный эпикуреецъ, какъ искусный пловецъ по житейскому морю, умѣющій пользоваться въ свою пользу людьми и обстоятельствами, какъ проповѣдникъ нехитрой философіи себялюбія [81]). Всѣ письма Роте къ Герцу полны подобныхъ беззастѣнчивыхъ идей. Нельзя не признать извѣстной доли справедливости въ подобной характеристикѣ Гете [82]).

Полный контрастъ Роте представляетъ Герцъ, въ которомъ Ленцъ хотѣлъ изобразить самого себя [83]). За исключеніемъ вымышленной исторіи о происхожденіи и приключеніяхъ Герца, все остальное довольно точно совпадаетъ съ обстоятельствами жизни Ленца въ Страсбургѣ и Веймарѣ [84]). Мы уже знаемъ, что Ленцъ влюбился въ Генріетту, ни разу не видавъ ее, а только познакомившись съ ея письмами и разсказами о ней Луизы Кенигъ, въ квартирѣ которой онъ жилъ, разставшись съ Клейстами. То же самое разсказывается и въ романѣ [85]). Затѣмъ, если въ романѣ особую роль играетъ портретъ Стеллы, то изъ переписки Ленца мы знаемъ, что онъ пересылалъ портретъ Генріетты Лафатеру и затѣмъ томился, что не получаетъ его обратно [86]). Замѣтимъ, что Лафатеръ помѣстилъ это изображеніе въ своей «Физіогномикѣ» и присоединилъ къ нему восторженную характеристику баронессы Вальднеръ. Казалось, Ленцъ своимъ энтузіазмомъ къ ней заразилъ и цюрихскаго физіогномиста [87]).

Слѣдуетъ, однако, остеречься отъ того, чтобы вполнѣ отождествить Ленца съ его героемъ Герцемъ. Весь Ленцъ со всею своею нравственною личностью, со всѣми своими идеалами, стремленіями и порывами отражается здѣсь такъ же мало, какъ и въ Стрефонѣ («Философъ по милости друзей») и Робертѣ («Англичанинъ»). Въ «Отшельникѣ», какъ и въ этихъ пьесахъ, Ленцъ беретъ нѣкоторыя черты своего характера, выдѣляетъ ихъ изъ среды другихъ, бросаетъ на нихъ особый свѣтъ и, по обыкновенію, преувеличиваетъ. Герца онъ называетъ «новымъ Вертеромъ»[83]). И дѣйствительно, «Отшельникъ» представляетъ анализъ вертеровскаго настроенія, которому Ленцъ всегда платилъ обильную дань. Но это настроеніе не было единственнымъ, которое зналъ Ленцъ. Вся его жизнь была постояннымъ колебаніемъ между титаническими порывами и скорбно-меланхолическою подавленностью духа.

Въ значительной степени Герцъ есть не что иное, какъ лирическое изліяніе Ленца, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не видѣть прямого художественнаго расчета. Ленцъ способенъ былъ сознательно обособить извѣстную сторону своего характера, объективировать ее, посмотрѣть на нее безпристрастно въ художественныхъ цѣляхъ. Такъ онъ поступаетъ и съ Герцемъ, и съ Роте. Послѣдній не есть портретъ всей нравственной личности Гёте, а только болѣе или менѣе односторонній эскизъ его характера.

Ленцъ не былъ писателемъ-фотографомъ; напротивъ того, какъ истинный художникъ, онъ можетъ, на основѣ своихъ наблюденій, создавать художественные типы. Герцъ и Роте, хотя бы за ними и не скрывались Ленцъ и Гёте, интересны сами по себѣ какъ психологическія явленія. Первый такое же воплощеніе безудержнаго идеализма и мечтательнаго любовнаго энтузіазма, какъ второй — воплощеніе реализма, практической житейской мудрости, себялюбиво-эпикурейскаго отношенія къ вопросамъ любви. Не даромъ Роте называетъ Герца Донъ-Кихотомъ. Въ извѣстныхъ отношеніяхъ, между ними такая же разница, какъ между ламанчскимъ рыцаремъ и его плутоватымъ оруженосцемъ. Герцъ и Роте—это такая же антитеза, какъ Фаустъ и Мефистофель.

Въ искусномъ противопоставленіи двухъ этихъ характеровъ заключается главное художественное достоинство «Отшельника». Внѣ-

стѣ съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что и другіе характеры являются въ романѣ съ вполнѣ опредѣленными и рельефными чертами [89]).

Романъ остался неоконченнымъ. Много было высказано догадокъ о томъ, какое заключеніе думалъ сдѣлать авторъ. Фройтцгеймъ старается увѣрить насъ, что романъ былъ напечатанъ Шиллеромъ безъ конца по винѣ Гёте, въ рукахъ котораго была вполнѣ законченная рукопись. Романъ кончался дуэлью между Герцемъ и Роте, смертельной для перваго. Узнавъ себя въ Роте, Гете будто бы не хотѣлъ, напечатавъ конецъ, сдѣлать свой портретъ еще мрачнѣе [90]). Проф. Вальдбергъ думаетъ, что романъ долженъ былъ оканчиваться приблизительно такъ же, какъ комедія «Философъ по милости друзей», т. е. Плеттенбергъ, женившись на Стеллѣ, добровольно уступаетъ ее, подобно Донъ - Прадо, болѣе счастливому сопернику Герцу [91]). Третьи, наконецъ, думаютъ, что романъ, подобно «Вертеру», долженъ былъ кончиться самоубійствомъ героя [92]).

Всѣ эти гипотезы покоятся на довольно шаткихъ основаніяхъ, тѣмъ болѣе, что попытка проникнуть въ творческіе замыслы такого капризнаго писателя, какъ Ленцъ, едва ли можетъ окончиться удачей.

Обратимся къ дружественнымъ отношеніямъ Ленца къ Виланду и Гёте.

Мы уже знаемъ главные фазисы литературной борьбы Ленца противъ Виланда. Перейдемъ къ разсмотрѣнію ихъ отношеній, установившихся въ Веймарѣ послѣ личнаго знакомства. Мы уже видѣли, что подъ вліяніемъ отчасти глубокаго уваженія къ Софіи Ларошъ, бывшей въ близкихъ отношеніяхъ съ Виландомъ, (что раньше ему не было извѣстно), отчасти собственнаго намѣренія попытать счастье въ Веймарѣ, Ленцъ принялъ всѣ мѣры къ уничтоженію уже напечатанныхъ «Облаковъ», направленныхъ противъ Виланда, и вмѣстѣ съ тѣмъ издалъ «Защиту г. Виланда отъ «Облаковъ». Удерживая отчасти свою прежнюю позицію, Ленцъ въ этой «Защитѣ», очевидно, уже протягивалъ руку примиренія Виланду. Къ этому примиренію его толкало также и то обстоятельство, что прежній вождь литературной борьбы противъ Виланда, Гёте, сдѣлался теперь «сердечнымъ другомъ» прежняго врага [93]). Съ другой стороны, любимый Ленцемъ графъ Штольбергъ, побывавъ въ Веймарѣ, также измѣнилъ свой взглядъ на Виланда. «Я долженъ сказать вамъ (писалъ онъ Ленцу) что Виландъ гораздо лучше, чѣмъ я думалъ; сердце у него

дѣйствительно доброе. Оно могло бы быть совершенно хорошимъ, если это только возможно безъ любви къ религіи и нравственности». Прежде гр. Штольбергъ находилъ «большое удовольствіе» въ выходкахъ Ленца и Фосса противъ Виланда; теперь онъ находитъ, что оба писателя пошли слишкомъ далеко. Личное знакомство возбуждаетъ въ немъ извѣстную «симпатію» и «состраданіе» къ Виланду [94]). Впечатлѣнія уважаемаго друга не могли не оказать извѣстнаго дѣйствія на Ленца. Въ томъ же смыслѣ шло вліяніе Лафатера, который, какъ мы знаемъ, былъ горячимъ защитникомъ Виланда и старался отсовѣтать Ленцу печатаніе «Облаковъ» [95]).

При личномъ знакомствѣ Ленца съ Виландомъ въ Веймарѣ примиреніе состоялось окончательно. Виландъ впослѣдствіи разсказывалъ, что при первой встрѣчѣ съ нимъ, Ленцъ воскликнулъ въ изумленіи: «Вы Виландъ?—А я представлялъ васъ себѣ съ рогами, когтями и копытами» [96])! Человѣкъ, быстрый на переходы изъ одного настроенія въ другое, готовый всегда раскаяться въ прежнемъ заблужденіи и чуждый самолюбиваго упорства въ разъ принятомъ мнѣніи, Ленцъ отъ страстной ненависти къ Виланду перешелъ къ столь же страстной привязанности. Таково было обаяніе мягкой и привлекательной личности этого недавняго «развратителя нравовъ» и «распространителя французской заразы». Въ письмѣ къ отцу Ленцъ уже называетъ Виланда «однимъ изъ величайшихъ людей нашего столѣтія, человѣкомъ, оцѣнить котораго вполнѣ будетъ, конечно, дѣломъ потомства» и прибавляетъ: «Могу сказать, что его расположеніе и дружба — одно изъ счастливѣйшихъ пріобрѣтеній моей жизни». Изъ того же письма видно, что Ленцъ сдѣлался сотрудникомъ «Нѣмецкаго Меркурія» *). Вскорѣ онъ уже на ты съ Виландомъ, который въ письмахъ называетъ его нѣжно «Lieber Schatz» [97]). Черезъ нѣсколько дней (9 сент. 1776 г.) Виландъ пишетъ Мерку о Ленцѣ: «Нельзя достаточно любить этого юношу. Какое рѣдкое сочетаніе генія и дѣтскости! Какое тонкое чутье и какой туманный взоръ! И весь онъ такъ простодушенъ, такъ откровененъ, такъ сердеченъ! Мы всѣ любимъ его, какъ наше собственное дитя, и его никто отъ насъ не отниметъ, пока онъ охотно остается здѣсь» [98]).

Неудивительно, что, при такихъ обстоятельствахъ, у Ленца яви-

---

*) См. Приложеніе А. № 14. (*По рукописи Рижской Городской Библіотеки*).

лось желаніе публично покаяться въ прежней своей несправедливости къ Виланду. Это онъ сдѣлалъ въ видѣ открытаго письма къ графу Фридриху Штольбергъ, которое, однако, напечатано не было [99]). Здѣсь онъ прежде всего разсказываетъ объ обращеніи съ нимъ Виланда, которое сразу его очаровало. При первой встрѣчѣ разговоръ ихъ былъ такъ сердеченъ и дружественъ, какъ будто они «многіе годы прожили въ наилучшемъ согласіи». Его незлобивость и кротость, добродушіе и отсутствіе злопамятности сразу расположили Ленца въ его пользу. Онъ восхищается имъ, какъ прекраснымъ семьяниномъ, счастливымъ отцомъ дѣтей, которыхъ «пламенныя очи одни уже опровергаютъ всѣхъ тѣхъ, кто въ его стихотвореніяхъ находилъ выраженіе распущенности и дѣлалъ невыгодное заключеніе о его нравственности». Свои прежнія обвиненія Виланда въ распущенности и непристойности онъ теперь беретъ назадъ. Страсть ослѣпила его раньше настолько, что онъ не могъ замѣтить различія между *непристойными* и *комическими* произведеніями. Въ первыхъ «безъ удержу съ наглостью вакханки торжествуются пороки общества», «ставятся этимъ порокамъ алтари»; такъ дѣлали Вольтеръ и Пиронъ. Во вторыхъ «слабости и заблужденія людей освѣщаются свѣтомъ истины и предаются осмѣянію благоразумныхъ»; такъ поступаетъ Виландъ. Его произведенія являются «самымъ настоящимъ пробнымъ камнемъ для добродѣтели его читателей» [100]).

Свое примиреніе съ Виландомъ Ленцъ засвидѣтельствовалъ передъ лицомъ публики въ стихотвореніи «Epistel eines Einsiedlers an Wieland», напечатанномъ почти одновременно въ двухъ журналахъ «Deutsches Museum» и «Iris» [101]). Стихотвореніе это, написанное въ уединеніи Берки, выдержано въ самомъ лестномъ для Виланда тонѣ, въ такой степени лестномъ, что Виландъ изъ скромности постѣснился напечатать его въ своемъ журналѣ, для котораго оно предназначалось. Здѣсь перечисляются заслуги Виланда по воспитанію эстетическаго вкуса нѣмецкаго общества, указывается на литературныя достоинства его произведеній: искусное чередованіе смѣха и слезъ, свѣта и тѣней, истины и шутки, яркость поэтическихъ красокъ и т. п. Мало того: его сочиненія являются теперь «палладіумомъ добродѣтели». Къ тому же самому Виланду, котораго Ленцъ еще недавно считалъ «развратителемъ нравовъ», онъ обращается теперь съ пыл-

кой просьбой быть его наставникомъ въ добродѣтели вмѣстѣ съ Гёте *).

Не сказалось ли въ этомъ воззваніи сознаніе Ленца въ неумѣньи жить съ такою практическою мудростью, какою отличались оба названныхъ писателя? сознаніе въ томъ, что онъ, какъ «варяжскій дикарь», былъ лишенъ того дара общежитія, того умѣнья приспособляться къ обстоятельствамъ, отсутствіе котораго такъ тяжело отзывалось на немъ?

Въ Веймарѣ Ленцъ сблизился со своимъ прежнимъ главнымъ врагомъ Виландомъ, но тамъ же онъ имѣлъ несчастье разойтись съ лучшимъ изъ своихъ друзей—съ Гёте. Болѣе близкія личныя отношенія ихъ не выдержали испытанія: мало-по-малу обнаружилось коренное различіе ихъ натуръ, и столкновеніе сдѣлалось почти неизбѣжнымъ.

Въ первые мѣсяцы пребыванія Ленца въ Веймарѣ между нимъ и Гёте замѣчается еще полное согласіе. Они часто проводятъ время вмѣстѣ, спятъ подъ открытымъ небомъ въ саду Гёте, наслаждаются также прелестью лѣтнихъ вечеровъ, странствуютъ пѣшкомъ въ окрестностяхъ Веймара [102]). Безтактное поведеніе Ленца при дворѣ явилось первой тучей на безоблачномъ горизонтѣ ихъ взаимныхъ отношеній. Оно было непріятно Гёте, такъ какъ легко могло компрометтировать въ глазахъ герцога его самого и притомъ въ такое время, когда Гёте не могъ еще считать свое положеніе въ Веймарѣ вполнѣ упроченнымъ (прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ со времени его пріѣзда туда). Неумѣнье Ленца балансировать на скользкой почвѣ двора, его непониманіе тонкостей придворнаго этикета дѣлало не особенно желательнымъ его пребываніе въ «нѣмецкихъ Аѳинахъ». Ленцъ не могъ не почувствовать этого, и въ концѣ іюня, какъ мы видѣли, похоронилъ себя въ глуши Тюрингенскаго лѣса. Новымъ поводомъ къ неудовольствію Гёте на Ленца послужило то обстоятельство, что г-жа Штейнъ оказалась болѣе благосклонной къ Ленцу, чѣмъ это хотѣлось ея великому другу. Въ началѣ сентября она по-

---

*) Komm, schliesse dich mit *Göthen* an,
Melpomenens Liebling, mich zu bilden,
Und macht, aus einem Waregischen Wilden,
Der keinen Vorzug kennt, als dass er fühlen Euch kann,
Einen Eurer nicht unwerthen Mann.

желала брать у Ленца уроки англійскаго языка и съ этою цѣлью пригласила его въ свое имѣніе Кохбергъ. 10 сентября Гёте записалъ въ своемъ дневникѣ: «Утромъ былъ Ленцъ. Ради Кохберга. Истинная печаль существованія»[103]).

Такъ опечалила Гёте затѣя г-жи ф. Штейнъ, которой онъ писалъ въ тотъ же день: «О, вы умѣете наказывать, какъ сама судьба! и какъ ни больно, а жаловаться нельзя»[104]). Съ тревогой встрѣтилъ Гёте ея намѣреніе приблизить къ себѣ «маленькое чудовище», какъ назвалъ онъ полушутливо, полуукорительно Ленца въ письмѣ къ ней[105]). Онъ зналъ влюбчивость Ленца, зналъ его восторженное отношеніе къ его пріятельницѣ — и чувство ревности зашевелилось въ его сердцѣ. Не то, чтобы онъ боялся потерять г-жу Штейнъ, не то, чтобы онъ думалъ, что «маленькое чудовище» изгладитъ въ ея душѣ его собственный образъ,— для этого онъ былъ слишкомъ увѣренъ въ своемъ превосходствѣ надъ Ленцемъ,—но ему было непріятно, что любимая женщина даритъ извѣстной долей расположенія другихъ лицъ, кромѣ него.

12 сентября, какъ видно изъ гётевскаго дневника, Ленцъ выѣхалъ въ Кохбергъ[106]). Оттуда шлетъ онъ Гёте письмо, которое менѣе всего способно было его успокоить. Получивъ приглашеніе, Ленцъ былъ, по словамъ Гёте, «какъ во снѣ»; теперь въ Кохбергѣ его жизнь кажется ему сплошной феерiей. «Чтобы описать тебѣ всю феерію, въ которой я теперь существую, мнѣ нужно быть еще большимъ поэтомъ, чѣмъ теперь *). Онъ «слишкомъ счастливъ» для того, чтобы не нарушить обѣта молчанія и не излить своего восторга Гёте. «Съ англійскимъ языкомъ идетъ превосходно. Г-жа Штейнъ находитъ мою методу лучше твоей». Въ концѣ письма Ленцъ дѣлаетъ приписку по-англійски: «Прошу тебя, видайся почаще съ мужемъ лэди. У меня есть предчувствіе, что ты будешь благодарить меня за этотъ совѣтъ». — Далѣе половина страницы оторвана; изъ сохранившейся части можно предполагать, что рѣчь шла также объ отношеніяхъ г-жи Штейнъ къ Гёте, говорилось объ ея спокойствіи («tranquillity of mind»), о томъ, что она отчего-то «постоянно страдаетъ» («suffers constantly»). Такое вмѣшательство Ленца въ интимныя отношенія Гёте не могло, конечно, понравиться послѣднему

*) См. Приложеніе А. № 20. *(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).*

такъ же, какъ и восторгъ передъ его возлюбленной. «Пять недѣль» читалъ Ленцъ съ г-жой ф. Штейнъ Шекспира по-англійски и думалъ съ сожалѣніемъ о возвращеніи въ Веймаръ [107]).

Въ Кохбергѣ Ленцъ познакомился впервые лично съ Гердеромъ, съ которымъ онъ давно уже находился въ перепискѣ. Пріѣхавъ въ Веймаръ 1-го октября, Гердеръ произнесъ 20-го октября свою первую проповѣдь и въ тотъ же день отправился съ герцогомъ въ Кохбергъ [108]). При этомъ посѣщеніи герцогъ имѣлъ неосторожность оступиться и попасть въ наполненный водою ровъ, окружавшій замокъ; Ленцъ съ гордостью разсказывалъ своему старому ментору Зальцманну, что ему посчастливилось вытащить герцога изъ воды. Услуга, оказанная вѣнценосцу, окрылила, повидимому, надежды Ленца поступить въ военную службу. По крайней мѣрѣ, въ томъ же письмѣ къ Зальцманну онъ замѣчаетъ: «Можетъ быть вы увидите меня въ саксонскомъ мундирѣ» [109]).

30 октября Ленцъ покинулъ Кохбергъ и отправился въ Веймаръ. 1-го ноября онъ обѣдалъ у Гёте въ его саду вмѣстѣ съ герцогомъ и въ тотъ же день вечеромъ отправился въ Берку [110]).

На прощаніе съ Корбергомъ онъ написалъ стихотвореніе, полное восторженныхъ чувствъ къ г-жѣ Штейнъ *). 3 ноября онъ пишетъ ей изъ Берки по-англійски, изъявляя глубокую благодарность за счастливые дни, проведенные имъ въ Кохбергѣ, и осыпая ее горячими похвалами [111]). Въ Кохбергѣ онъ жилъ какъ будто въ другомъ мірѣ, полномъ прелести и очарованія. Присутствіе г-жи Штейнъ, вліяніе ея талантовъ возвышало его способности и заставляло его считать себя высшимъ существомъ. Въ нѣмецкомъ наброскѣ того же письма Ленцъ замѣчаетъ, что его настоящее въ сравненіи съ недавнимъ прошедшимъ (въ Кохбергѣ) является «верхомъ всякаго страданія» [112]).

Всѣхъ этихъ выраженій Ленца достаточно, чтобы придти къ заключенію, что его мягкое, какъ воскъ, сердце не устояло и на этотъ разъ: къ г-жѣ Штейнъ онъ начиналъ питать чувства, похожія на тѣ, которыя его одушевляли по отношенію къ сестрѣ Гёте—Корнеліи, чувства, которыя было не легко распредѣлить между категоріями дружбы и любви. Повидимому, Ленцъ начиналъ въ своихъ отноше-

*) Gedichte. стр. 220.

ніяхъ къ г-жѣ Штейнъ переходитъ тѣ границы, которыя были желательны ей самой; такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по тому, что его удаленіе изъ Кохберга походило на поспѣшное бѣгство: онъ уѣхалъ оттуда, не простившись съ хозяйкой дома [113]).

Характеристика Гёте въ «Отшельникѣ» показываетъ, что его прежнія задушевныя отношенія съ Ленцемъ уже нарушились. Ленцъ, несомнѣнно, разочаровался въ своемъ недавнемъ другѣ, котораго, какъ мы знаемъ, онъ почти боготворилъ, судя о немъ преимущественно по его творческому генію. Восторженный почитатель гётевской поэзіи, Ленцъ, однако, не въ состояніи былъ очароваться Гёте, какъ человѣкомъ, котораго онъ узналъ впервые въ близкой и интимной жизни только въ Веймарѣ. До тѣхъ поръ только общіе литературные интересы, воспоминанія о нѣсколькихъ мѣсяцахъ совмѣстной жизни въ Страсбургѣ въ 1771 году, кратковременное посѣщеніе Ленца тамъ же въ 1775 году, да оживленная переписка поддерживали ихъ дружбу. Теперь они узнали другъ друга въ ближайшихъ, непосредственныхъ житейскихъ отношеніяхъ, могли наблюдать другъ друга не изъ прекраснаго далека, а почти въ ежедневныхъ свиданіяхъ.

И дружба не устояла подъ взаимнымъ анализомъ обоихъ талантливыхъ писателей, умѣвшихъ проникать въ глубь людской психологіи. Мѣсяцы, проведенные ими одновременно въ Веймарѣ, обнаружили до очевидности все коренное и непримиримое противорѣчіе ихъ натуръ. Это противорѣчіе ускользало отъ ихъ вниманія, когда ихъ дружба покоилась, такъ сказать, на идейныхъ и литературныхъ симпатіяхъ, и выяснилась только тогда, когда имъ пришлось вступить на практическую почву житейскихъ отношеній. Здѣсь и обнаружилось, что «ледъ и пламень, вода и камень не столь различны между собой», какъ ихъ характеры.

Въ глазахъ Ленца, Гёте, прежній лучезарный Аполлонъ, гигантъ поэзіи, геніальный герой «Pandaemonium'а» превратился въ простого смертнаго со многими человѣческими слабостями и холодно—эпикурейскимъ отношеніемъ къ жизни. Съ другой стороны, Ленцъ, этотъ еще недавній «превосходный юноша», котораго Гёте любилъ «какъ свою душу», сердце котораго онъ называлъ «золотымъ», теперь выступилъ передъ нимъ въ образѣ сумасброднаго мечтателя, смѣшного

фантазера и безпочвеннаго энтузіаста, лишеннаго всякаго практическаго смысла и обдѣленнаго даромъ мягкаго житейскаго общежитія.

Но мало того, между обоими писателями выяснилось коренное различіе въ отношеніи къ тому самому настроенію періода «бури и натиска», которое, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такъ тѣсно сблизило ихъ.

Ленцъ пріѣхалъ въ Веймаръ въ разгаръ своего штюрмерскаго настроенія. Душа его была полна порывовъ, стремленій и запросовъ истиннаго «бурнаго генія», преданнаго всѣмъ своимъ существомъ новому культурному идеалу эпохи. Онъ до такой степени жилъ въ водоворотѣ современныхъ идей, такъ всецѣло отдавался своему служенію общему благу, что совершенно даже позабылъ о томъ, чтобы сколько-нибудь сносно устроить свою судьбу. Онъ весь еще былъ охваченъ мятежными порывами и бурными стремленіями.

Не такъ было съ Гёте. Онъ несравненно скорѣе, чѣмъ Ленцъ, пережилъ настроеніе «бурнаго генія». По счастливой особенности своей природы, онъ быстро разсчитывался съ тревожными или печальными явленіями собственной жизни, разъ ему удавалось дать имъ поэтическое выраженіе. Такъ, написавъ «Страданія молодого Вертера», онъ преодолѣлъ въ себѣ вертеровское настроеніе, освободился отъ того недуга, которымъ страдали еще долго его сверстники [114]). Онъ угомонился ранѣе всѣхъ другихъ «бурныхъ геніевъ», во главѣ которыхъ стоялъ, успокоился отъ безумно-мятежныхъ порываній и постарался направить свою жизнь въ русло благоразумія, равновѣсія душевнаго и успѣха въ практической жизни.

Веймаръ представилъ вполнѣ благопріятную почву для постепеннаго превращенія прежняго страстнаго вождя бурно-стремительной молодежи въ того почетно-одинокаго, недосягаемо-высокаго и млѣющаго въ лучахъ собственнаго генія «олимпійца», какимъ онъ сдѣлался впослѣдствіи. На этотъ путь уже вступилъ Гёте, пріѣхавъ въ Веймаръ осенью 1775 года, а лѣтомъ 1776 года уже обнаруживается его разногласіе съ прежними единомышленниками. Не съ однимъ Ленцемъ возникли у Гёте недоразумѣнія въ Веймарѣ; то же самое мы наблюдаемъ въ его отношеніяхъ къ другому видному «бурному генію» Клингеру [115]).

Итакъ, основныхъ причинъ ссоры Гёте съ Ленцемъ нужно искать въ коренномъ разногласіи ихъ натуръ и въ измѣненіи отноше-

ній Гёте къ настроенію «бури и натиска». Рядъ побочныхъ причинъ вполнѣ удовлетворительно объясняютъ разрывъ между ними, послѣдовавшій въ концѣ 1776 года.

26 ноября Гёте записалъ въ своемъ интимномъ дневникѣ: «Lenzens Eselei» («Ослиная выходка Ленца»)[116]. Какая это была выходка, получившая отъ Гёте столь нелестный эпитетъ, осталось до сихъ поръ неизвѣстнымъ, вопреки тщательнымъ изысканіямъ біографовъ[117]. Несомнѣнно то, что «выходка» была направлена болѣе всего противъ Гёте. Такъ можно заключить по ближайшему участію, которое принялъ Гёте въ наказаніи ея виновника. По его настоянію, Ленцъ получилъ отъ герцога приказъ немедленно покинуть Веймаръ[118]. По всей вѣроятности, «выходка» Ленца заключалась въ «пасквилѣ» на Гёте, глубоко оскорбившемъ послѣдняго. Личная сатира процвѣтала при веймарскомъ дворѣ, члены котораго не стѣснялись осмѣивать другъ друга довольно колко въ такъ-наз. matinées[119]. Поощренный общей модой, Ленцъ выступилъ на то же поприще, но, очевидно, не сумѣлъ удержаться въ предѣлахъ позволеннаго и допустимаго. Въ письмѣ къ Гердеру отъ 30 ноября Ленцъ признавался, что онъ оскорбилъ Гёте[120]. А наканунѣ онъ послалъ Гердеру для передачи Гёте, повидимому, тотъ самый пасквиль, о которомъ идетъ рѣчь[121]. Кромѣ самого Гёте, въ «пасквилѣ», повидимому, была задѣта и г-жа Штейнъ, вѣрнѣе ея отношенія къ Гёте[122].

Несомнѣнно, удаленіе Ленца изъ Веймара состоялось по настоянію Гете. Ленцъ пытался оправдаться, но его «глупыя письма», какъ выражается Гете въ Дневникѣ[123], ни къ чему не привели. Самое большое, чего могъ достигнуть Ленцъ, было позволеніе остаться въ Веймарѣ одинъ день[124]. 1-го декабря Ленцъ навсегда покинулъ Веймаръ.

Такой катастрофой закончились его многолѣтнія дружественныя отношенія къ Гете, который уже болѣе ничего не хотѣлъ слышать о своемъ прежнемъ другѣ. Когда черезъ годъ въ Веймарѣ узнали о сумасшествіи Ленца, многіе сожалѣли несчастнаго, но никто не рѣшился сказать объ этомъ Гете[125].

Въ своей автобіографіи, много лѣтъ спустя послѣ веймарскаго происшествія, Гёте набросалъ характеристику своего прежняго друга, въ которой отличаетъ Ленца поэта отъ Ленца человѣка. О первомъ онъ произноситъ весьма благопріятное сужденіе и утверждаетъ,

что всегда высоко цѣнилъ его талантъ; о второмъ онъ не только отзывается неблагосклонно, но даже прямо видвигаетъ рядъ обвиненій съ цѣлью обличить его нравственную низость и злокозненность [126]).

Характеристика Ленца, сдѣланная такимъ авторитетнымъ писателемъ, долго принималась на вѣру историками литературы и легла въ основаніе ихъ сужденій о нашемъ поэтѣ.

Безпристрастіе ея было, однако, заподозрѣно еще при жизни Гёте, въ 1819 году, издателемъ ленцевскаго «Pandaemonium Germanicum» Думпфомъ въ предисловіи къ этому сочиненію [127]). Затѣмъ Дореръ-Эглоффъ въ 1857 г. подвергъ подробному разсмотрѣнію эту характеристику и указалъ на ея слабые пункты [128]). Его выводами воспользовался въ своей книгѣ Группе (въ 1861 г. [129]). Въ 1894 г. появилась въ американскомъ журналѣ «Modern Language Notes» интересная статья Макса Уинклера, посвященная этому вопросу и дающая вполнѣ удовлетворительное разрѣшеніе его [130]).

Несомнѣнно, обида, нанесенная Ленцемъ Гёте въ Веймарѣ, была такъ велика, что великій поэтъ утратилъ способность вполнѣ объективнаго отношенія къ нравственной личности своего бывшаго друга.

ГЛАВА XIII.

Скитальчество.

Schrieb ich vielleicht mir nicht zum Ruhme,
So denkt sein Schicksal traf ihn hart:
Er blühte noch, als seine Blume
Von einem Blitz getroffen ward.

Lenz.

1 декабря 1776 г. Ленцъ былъ вынужденъ покинуть Веймаръ [1]). Легко представить себѣ то тягостное душевное состояніе, въ которомъ онъ находился, покидая городъ, гдѣ были похоронены его надежды. Икаръ слишкомъ приблизился къ солнцу и былъ ниспровергнуть въ бездну. Убитыя надежды, оскорбленное самолюбіе, потеря недавняго друга, на котораго онъ чуть не молился, горькое недовольство самимъ собою и надвигающійся безпросвѣтный мракъ горькой нужды, все это должно было раздирать его отъ природы крайне мягкое и впечатлительное сердце.

Изгнанный изъ Веймара, Ленцъ очутился теперь между небомъ и землей. Куда же было направить путь безпріютному скитальцу? Куда было преклонить голову этому безъ вины виноватому Донъ-Кихоту передового отряда бурно-стремительной эпохи? Къ счастью, у него не было недостатка въ друзьяхъ, продолжавшихъ любить его, цѣнить его таланты, благородныя стремленія и незлобивую душу и легко прощавшихъ ему его слабости и недостатки, безъ которыхъ не обходится человѣческая природа.

Первое мѣсто среди этихъ друзей надо удѣлить Шлоссеру, женатому на гётевской сестрѣ Корнеліи. Ему принадлежитъ выдающаяся роль въ этомъ печальномъ періодѣ жизни Ленца. Мы уже знакомы съ нимъ, какъ авторомъ экзальтированнаго письма «Принцъ Танди къ сочинителю Новаго Менозы», которымъ онъ доказалъ свое ду-

ховное родство съ Ленцемъ. Теперь онъ явится передъ нами въ ореолѣ безконечно-добраго человѣка, продолжавшаго принимать близкое и непосредственное участіе въ судьбѣ несчастнаго, пораженнаго душевнымъ недугомъ, когда большинство прежнихъ «друзей» отстранилось отъ бездомнаго страдальца.

Передъ самой злополучной поѣздкой въ Веймаръ Шлоссеръ приглашалъ къ себѣ Ленца въ Эммендингенъ (въ Баденѣ у подножія Шварцвальда) [2]). Машинально Ленцъ направился сначала черезъ Эрфуртъ въ Страсбургъ, свое прежнее мѣстопребываніе, но отсюда, ни съ кѣмъ не повидавшись, уѣхалъ въ Эммендингенъ, инстинктивно чувствуя, что сострадательный Шлоссеръ и его жена Корнелія, «ангелъ-хранитель» Ленца, всего гуманнѣе отнесутся къ его трагическому веймарскому эпизоду [3]). Въ проникнутомъ грустью письмѣ къ Гердеру, написанномъ наканунѣ Рождества (1776 г.), Ленцъ не оправдывается въ своемъ веймарскомъ поведеніи, а умоляетъ только прислать «если возможно, еще нѣсколько строкъ» нравственной поддержки [4]). Ее, конечно, нашелъ онъ въ семьѣ Шлоссера. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вновь проснувшійся въ немъ интересъ къ лучшей сторонѣ его страсбургской дѣятельности, къ основанному имъ литетурному обществу [5]). Онъ старается теперь возобновить свои прежнія отношенія къ членамъ кружка: Гафнеру, Отто, Блессигу, Тюркгейму, а также французамъ Рамону и Матье, справляется объ успѣхахъ общества и его органа, журнала «Bürgerfreund». Недавній ожесточенный врагъ Виланда вербуетъ теперь среди нихъ сотрудниковъ въ «Нѣмецкій Меркурій», редакторъ котораго, по его словамъ, радушно относится ко всему, «что въ Эльзасѣ заслуживаетъ вниманія». «Изъ любезности къ Виланду» онъ проситъ друзей писать отнынѣ не Deutschland и deutscher, а Teutschland и teutscher, какъ это дѣлаетъ издатель «Меркурія», убѣдившій и Ленца въ правотѣ такого правописанія [6]). Попрежнему Ленцъ выступаетъ со знаменемъ общенѣмецкаго и мѣстнаго эльзасскаго патріотизма.

Почти одновременно съ этимъ Ленцъ побывалъ въ южномъ Эльзасѣ, проведя въ Кольмарѣ недѣлю въ гостяхъ у слѣпого Пфеффеля [7]). Въ одинъ изъ вечеровъ радушный хозяинъ разсказалъ случай, который вдохновилъ Ленца написать стихотвореніе «Die Geschichte auf der Aar» въ стилѣ баллады [8]). Это печальная повѣсть о

безысходной тоскѣ матери и дочери по мужѣ первой и отцѣ второй, потонувшемъ въ рѣкѣ, спасая жену» [9]).

Живя у Шлоссера въ Эммендингенѣ, Ленцъ настолько уже отдохнулъ душою, что могъ приняться за болѣе обширный литературный трудъ—разсказъ «Деревенскій пасторъ» [10]).

По справедливому замѣчанію Гёте въ его автобіографіи, область романа и повѣсти не была дѣломъ Ленца. «Зербинъ» и «Деревенскій пасторъ» достаточно доказываютъ это. Жизнь, одушевляющая всѣ его драмы, отсутствуетъ въ его повѣстяхъ, за исключеніемъ «Отшельника». Отличающее его искусство характеристики также мало проявляется въ нихъ. Но обѣ повѣсти имѣютъ значительный автобіографическій интересъ и бросаютъ свѣтъ на многія изъ его воззрѣній и убѣжденій.

«Деревенскаго пастора» Ленца называли подражаніемъ гольдсмитовскому «Векфильдскому священнику» [11]). Но сходство заключается лишь въ томъ, что въ томъ и другомъ случаѣ изображается сельскій священникъ въ симпатичномъ и даже идеальномъ свѣтѣ. Во всемъ остальномъ — полное различіе. Герой Гольдсмита — идеализованный типъ англійскаго деревенскаго пастора; герой Ленца, такъ сказать, «типъ будущаго», идеальный пасторъ-реформаторъ, имѣющій въ виду не только загробное, но и земное благополучіе своихъ прихожанъ, и послѣднее даже болѣе, чѣмъ первое.

Именно таковъ герой этой повѣсти Іоганнъ Маннгеймъ. Прототипомъ его послужилъ, конечно, не Шлоссеръ (какъ думаютъ нѣкоторые), который родомъ своей дѣятельности (онъ былъ чиновникомъ въ Эммендингенѣ) не имѣлъ ничего общаго съ героемъ Ленца, а скорѣе Оберлинъ, пасторъ деревушки Вальдерсбахъ въ Вогезахъ, въ недалекомъ разстояніи отъ Страсбурга [12]). Именно дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка, бывшаго истиннымъ благодѣтелемъ своего края, сумѣвшаго значительно поднять экономическое благополучіе своего скуднаго прихода, могла послужить Ленцу отправной точкой, исходя изъ которой и осложнивъ ее собственными фантастическими грезами, онъ нарисовалъ образъ своего пастора-реформатора. Лично съ Оберлиномъ Ленцъ познакомился только въ январѣ 1778 г. при очень печальныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ намъ вскорѣ придется говорить, но онъ могъ знать о дѣятельности Оберлина по разсказамъ Кауфмана, своихъ страсбургскихъ знакомыхъ или Шлоссера [13]).

По своему обыкновенію, Ленцъ вплелъ въ ткань разсказа и много лично пережитыхъ впечатлѣній и воспоминаній дѣтства и юности. Таковъ разсказъ о жизни Маннгейма въ домѣ его отца, сельскаго пастора, о годахъ его ученія въ университетѣ и о разногласіи съ отцомъ по религіознымъ вопросамъ [14]).

По окончаніи университета Маннгеймъ дѣлается сельскимъ пасторомъ. И вотъ здѣсь развертывается его дѣятельность, за которую Ленцъ берется «на крыльяхъ поэзіи превознести до звѣздъ» своего героя [15]).

«Никогда не ставилъ онъ себѣ цѣлью обучать крестьянъ теологіи, какъ наукѣ». Она превышала ихъ уровень пониманія. Поэтому онъ не говорилъ своимъ слушателямъ «ни одного слова ни о вѣчности адскихъ мученій, ни о соединеніи божеской и человѣческой природы въ Христѣ, ни о таинствѣ евхаристіи», пока каждый изъ нихъ самъ не наталкивался на такіе вопросы и не получалъ отъ Маннгейма объясненіе, сообразованное съ умственнымъ развитіемъ поучаемаго. «Онъ училъ ихъ обязанностямъ по отношенію къ господамъ, дѣтямъ и имъ самимъ. Онъ умѣлъ указывать, какъ черезъ толковое веденіе хозяйства они могутъ облегчить себѣ тяжесть налоговъ» и т. д. Онъ разсказывалъ имъ примѣры хозяевъ, которые прилежаніемъ и умѣньемъ выбивались изъ нужды, доказывалъ, что фундаментомъ ихъ собственнаго и общественнаго благополучія является «единеніе силъ, скота, земли, взаимная терпимость и дружба» [16]). Такимъ образомъ у него не было недостатка въ сюжетахъ для воскресныхъ проповѣдей. Воскресную же вечерню «онъ превращалъ въ экономическое собраніе», бесѣдуя съ крестьянами послѣ молитвы объ ихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, сельскихъ работахъ, нововведеніяхъ и т. д., и дѣлая свои указанія. Напримѣръ, онъ старался показать крестьянамъ спасительность начала ассоціаціи. Онъ вошелъ въ компанію съ двумя зажиточными крестьянами. Нѣсколько лѣтъ совмѣстнаго труда сдѣлало ихъ всѣхъ богатыми. Другіе крестьяне стали поступать также. «Такимъ образомъ вскорѣ эта деревня сдѣлалась одною изъ самыхъ зажиточныхъ во всей странѣ».

Въ результатѣ оказалось, что крестьяне относились къ нему съ такимъ же уваженіемъ, какъ къ королю. «Какъ только его состояніе сдѣлалось значительнымъ, онъ все устроилъ въ своемъ домѣ съ такимъ вкусомъ, что даже возбудилъ соревнованіе въ дворянствѣ».

Теперь пришло время думать «о королевѣ», съ которою онъ могъ бы раздѣлить свое счастье. Таковая нашлась въ лицѣ Альбертины, младшей дочери почтеннаго помѣщика, которому онъ былъ обязанъ первыми уроками въ хозяйствѣ. Это была дѣвушка, обладавшая «столь рѣдкимъ у женщинъ качествомъ, ничего не дѣлать и не желать только вполовину» [17]).

Она сдѣлалась его женою. Послѣ свадьбы прихожане устроили молодымъ необыкновенно торжественную встрѣчу. На другой день состоялся визитъ къ помѣщику, которому принадлежала деревня. Здѣсь авторъ не упускаетъ случая описать сословную исключительность, гордость, чванство нѣмецкаго дворянства XVIII в. Но и здѣсь Маннгеймъ умѣетъ держать себя съ достоинствомъ и заставляетъ чванливую и надменную семью относиться къ нему и къ его женѣ съ уваженіемъ.

Начинается счастливая супружеская жизнь Маннгейма. Онъ собираетъ вокругъ себя кружокъ молодежи, нуждающейся въ руководствѣ послѣ окончанія университетскихъ лѣтъ и передъ вступленіемъ въ практическую жизнь. Такимъ образомъ «его домъ дѣлается въ извѣстномъ смыслѣ академіей искусствъ и наукъ» [18]). Описывая эту сторону дѣтельности своего героя, Ленцъ имѣетъ въ виду своего стараго страсбургскаго руководителя, «актуарія» Зальцманна, котораго легко угадать подъ буквой S. [19]).

Червь честолюбія началъ, однако, грызть сердце Маннгейма: онъ думаетъ о литературной славѣ. Пасторъ, казалось ему, можетъ приносить пользу не только проповѣдями, но и романами и пьесами. И вотъ онъ замышляетъ написать романъ «во вкусѣ Ричардсона или Фильдинга» [20]). Постоянно думая объ этомъ романѣ, онъ дѣлается разсѣяннымъ и мало обращаетъ вниманія на свое дѣло. Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ къ ущербу для хозяйства и къ отчаянію его компаньона. Но Маннгеймъ, къ счастью, излѣчился отъ своей страсти и объявилъ домашнимъ, что будетъ считать своимъ смертельнымъ врагомъ того, кто напомнитъ ему о злополучномъ романѣ.

Нельзя не замѣтить здѣсь извѣстнаго разочарованія въ писательной дѣятельности. Исправлять людей посредствомъ поэтическихъ произведеній кажется ему теперь несбыточною мечтою. Литературная дѣятельность отступаетъ теперь въ его глазахъ назадъ въ сравненіи

съ дѣятельностью чисто-практическаго характера, за которую такъ прославляется его герой Маннгеймъ. Идеаломъ его является теперь не поэтъ, который «глаголомъ» жжетъ «сердца людей», а соціальный реформаторъ, который возвышаетъ матеріальное благосостояніе окружающихъ, не забывая и себя. Это разочарованіе находится въ связи съ его веймарскою катастрофою. Званіе поэта, пользовавшагося обширною популярностью среди многочисленнаго круга писателей, не предохранило его отъ высокомѣрія двора, не возвысило его человѣческаго достоинства въ глазахъ сильныхъ міра сего. Веймаръ далъ ему печальный и жестокій урокъ: онъ понялъ всю бездну между своей грезой о могуществѣ профессіи поэта и дѣйствительнымъ положеніемъ вещей.

Практическую дѣятельность онъ ставилъ, какъ мы знаемъ, всегда высоко, но не давалъ ей такого очевиднаго преимущества, какъ теперь. Уже въ Веймаръ пріѣхалъ онъ съ кучей разнаго рода проектовъ «на благо отечества». Страсть составлять всевозможные проекты сопровождала его до самой смерти.

Нападая на дѣятельность романиста, Ленцъ, на ряду съ этимъ, осмѣиваетъ то сентиментальное направленіе, которому самъ служилъ въ значительной степени. Альбертина стала тайкомъ писать сентиментальныя стихотворенія, и Маннгеймъ счелъ своимъ долгомъ отучить ее отъ такого пустого провожденія времени. Съ тѣхъ поръ Альбертина болѣе не писала стиховъ, и оба не думали о печати. Для развлеченія же они только составляли иногда пародіи на сентиментальныя пьесы [21]).

Итакъ, поэзія для потѣхи и развлеченія. Тайно же Маннгеймъ писалъ «превосходные трактаты» по различнымъ практическимъ вопросамъ, напечатанные только послѣ его смерти [22]).

Эта образцовая пара воспитываетъ «образцово» своего сына, проводя строго начало самодѣятельности ребенка. Его собственно не обучаютъ: ему даютъ только въ руки учебники и позволяютъ обращаться къ отцу за разъясненіями, если встрѣтятся затрудненія. Всѣ заботы Маннгейма были направлены лишь къ тому, чтобы сынъ могъ спокойно и безъ помѣхи заниматься въ своей комнатѣ. Чтеніе дополнялось бесѣдами съ отцомъ на всевозможныя темы. Самъ учился Iohannes Mannheim Secundus и языкамъ; отецъ ограничивался только указаніемъ пособій и разсказомъ о томъ, какъ онъ усвоилъ ихъ себѣ.

Результаты такой системы воспитанія оказались блестящими: послѣ окончанія юридическаго факультета въ Геттингенѣ передъ нимъ открылась дипломатическая карьера, которая его прославила и дала ему репутацію «одного изъ величайшихъ умовъ своего столѣтія»[23]).

Съ этого момента своего разсказа Ленцъ уже теряетъ всякую почву подъ ногами и изощряется въ фантастическихъ измышленіяхъ, обличающихъ нездоровое состояніе его духа. Таково повѣствованіе о смерти родителей Маннгейма II, похожей болѣе на «блаженное успеніе», чѣмъ на земную кончину. Надъ прахомъ ихъ Маннгеймъ воздвигъ капеллу, украшенную мраморными бюстами «несравненной пары» работы одного изъ лучшихъ скульпторовъ. Оригинальныя поминки совершалъ по родителямъ «одинъ изъ величайшихъ умовъ своего столѣтія». Каждые три года онъ устраивалъ большое празднество, на которое приглашалъ избранное общество гостей. Въ полночь «знаменитѣйшіе ученые» съ миртовыми вѣтвями въ рукахъ отправлялись, при свѣтѣ факеловъ, къ капеллѣ, гдѣ ихъ встрѣчали спеціально написанной «траурной музыкой». Послѣ колѣнопреклоненія Маннгейма и сочувственныхъ слезъ ученыхъ, всѣ слагали на особый столъ миртовыя вѣтви и возвращались «thränenfröhlich». Въ теченіе восьми дней ихъ угощали по-царски. Послѣ ихъ отъѣзда начиналось празднество, въ которомъ главную роль играли дѣвушки, «красивѣйшія изъ высшихъ и низшихъ сословій», получавшія, подобно ученымъ, приглашеніе за четверть года впередъ. Ихъ процессія отправлялась къ капеллѣ при закатѣ солнца; всѣ были въ бѣломъ, имѣя въ рукахъ вѣнки изъ цвѣтовъ. Розами увѣнчивались бюсты покойниковъ, играла музыка (болѣе радостная, чѣмъ въ первомъ случаѣ) и пѣлась «пастушеская кантата». Сложивъ вѣнки къ подножію бюстовъ, дѣвушки танцовали вокругъ, при звукѣ флейтъ и свирѣлей, «такъ восхитительно, что зрители (для которыхъ былъ устроенъ особый помостъ) съѣзжались изъ отдаленнѣйшихъ странъ». Послѣ благодарственной рѣчи Маннгейма въ рощѣ сервировался банкетъ, сопровождаемый музыкой, а вечеромъ зажигалась иллюминація. «Жрицы» превращались въ «пастушекъ», при чемъ всякое сословное различіе изгонялось и т. д. [24]).

Съ тѣхъ поръ какъ Ленцъ закончилъ своего «Деревенскаго пастора», въ которомъ замѣтны предвѣстники душевнаго разстройства, ему болѣе не сидѣлось на одномъ мѣстѣ. Подобно пушкинскому герою,

Имъ овладѣло безпокойство,
Охота къ перемѣнѣ мѣстъ...

Въ двадцатыхъ числахъ марта его ожидаютъ въ Базелѣ [25]). Однако, по неизвѣстнымъ причинамъ, онъ попалъ въ Швейцарію на мѣсяцъ позже [26]). Въ Базелѣ онъ пробылъ нѣкоторое время преимущественно въ обществѣ Кютнера, сдружившагося съ нашимъ поэтомъ, въ которомъ онъ «открылъ небесныя, еще неизвѣстныя черты», придавшія ему «навсегда» большую цѣну въ его глазахъ. На основаніи первыхъ произведеній Ленца, Кютнеръ составилъ себѣ представленіе о немъ, какъ о крѣпкомъ и исполненномъ силы человѣкѣ и, къ удивленію своему, увидѣлъ въ немъ человѣка страдающаго, любвеобильнаго и снисходительнаго [27]). При прощаніи Кютнеръ написалъ въ честь Ленца очень прочувствованное стихотвореніе [28]).

Изъ Базеля Ленцъ направился въ Цюрихъ. 12 — 15 мая было засѣданіе такъ-наз. «Гельветическаго Общества» въ Шинцнахѣ (на Аарѣ, въ кантонѣ Аарау), въ которомъ принимали участіе многіе изъ друзей Ленца: Лафатеръ, Пфеффель, Кютнеръ и др. Отправился туда и онъ. Здѣсь онъ нашелъ еще въ себѣ достаточно силы для шутливыхъ импровизацій. На шутку Лафатера, давшаго стихотворную характеристику нашего поэта, о которой можно судить по ея началу:

Ein Männgen von hoher Intelligenz,
Weiss nicht ob von reichlicher Subsistenz,
Ein gutes Schooskindlein der Providenz,
Kein Grosser Freund zwar von Jurisprudenz,
Dafür ein Poet von vieler Licenz и т. д.

Ленцъ отвѣчалъ въ тонъ подобнымъ же стихотвореніемъ о Лафатерѣ:

Woher, Herr Seelen-Archiater.
Der Geistlich-Armen Procurater и т. д. [29]).

Такими же стихотворными шутками объяснялся онъ и съ Пфеффелемъ [30]).

Но такое настроеніе являлось у него теперь лишь мимолетно. Полно грустныхъ мыслей и пессимистическихъ взглядовъ его стихотвореніе на рожденіе дочери Шлоссера (10 мая 1777). Онъ пред-

сказываетъ новорожденной однѣ только слезы въ «пестрой долинѣ лжи», называемой жизнью, гдѣ ждутъ ее «вѣчные обманы» [31]).

Изъ Цюриха Ленцъ совершилъ поѣздку въ Шафгаузенъ къ Рейнскому водопаду [32]), а 3 іюня отправился въ болѣе отдаленную поѣздку на С. Готардъ [33]) вмѣстѣ съ другомъ своимъ Кейзеромъ [34]). Они прошли Гриндельвальдъ, карабкались по снѣгамъ Фурки и черезъ Андерматтъ вернулись въ Цюрихъ [35]).

Въ концѣ іюня и началѣ іюля мы видимъ Ленца вновь въ Эммендингенѣ, куда привело его извѣстіе о смерти Корнеліи Шлоссеръ, его «ангела-хранителя». Свое горе Ленцъ выразилъ въ стихотвореніи, о которомъ мы уже упоминали. Смерть Корнеліи, оказывавшей, повидимому, благотворное нравственное вліяніе на Ленца, была невознаградимой потерей для несчастнаго поэта, колесо фортуны котораго начало быстро повертываться книзу. «Ничто не вознаградитъ меня за эту утрату»—писалъ онъ Лафатеру [36]).

Въ домѣ Шлоссера Ленцъ познакомился съ бар. Гоэнталемъ, который предложилъ ему сопровождать его въ путешествіи по Швейцаріи [37]). 10 іюля Ленцъ былъ со своимъ спутникомъ уже въ Невшателѣ, посѣтивъ по дорогѣ друга Лафатера Саразина въ Базелѣ. Здѣсь планъ путешествія внезапно измѣнился: въ него было включено посѣщеніе Италіи и всѣхъ ея главныхъ городовъ. Путники предполагали вернуться изъ Италіи въ Цюрихъ въ сентябрѣ черезъ С. Готардъ [38]).

Задушевная мечта Ленца о путешествіи въ обѣтованную землю искусства казалась близка къ осуществленію. Въ матеріальномъ отношеніи оно было обезпечено средствами барона [39]). Все, повидимому, благопріятствовало исполненію плана, но злой рокъ, всегда преслѣдовавшій Ленца, разстроилъ и новый замыселъ. По дорогѣ къ Симплону въ Ситтенѣ (фр. Lion) баронъ заболѣлъ и не могъ рискнуть на путешествіе въ Италію въ лѣтнюю жару [40]). Въ Ситтенѣ Ленцъ разстался съ нимъ и, вмѣсто Италіи, очутился въ Бернѣ безъ гроша въ карманѣ. Онъ умоляетъ Лафатера выручить его изъ критическаго положенія и прислать немедленно луидоръ и дукатъ [41]). 16-го августа онъ возвратился въ Цюрихъ, не заставъ уже тамъ своихъ базельскихъ друзей, Саразиновъ, проѣхавшихъ черезъ Цюрихъ на Риги [42]).

Но снова ему не сидится на мѣстѣ: онъ задумываетъ новое путешествіе по Швейцаріи [43]). Онъ разсчитывалъ отправиться въ началѣ октября въ Аппенцель [44]), но политическія смуты въ Цюрихѣ задерживаютъ его. Довольно обстоятельное описаніе этихъ смутъ онъ далъ въ письмѣ къ Саразину, написанному, вѣроятно, въ первыхъ числахъ октября [45]). На ряду съ политическими волненіями Цюриха его занималъ въ это время вопросъ объ образцовомъ женскомъ учебномъ заведеніи, задуманномъ въ Базелѣ Саразиномъ. Это даетъ Ленцу поводъ высказать свои мысли о женскомъ образованіи [46]). Около 11-го октября Ленцъ предпринялъ третье путешествіе по Швейцаріи. Цѣлью его было посѣщеніе филантропина ф. Салиса въ Маршлинсѣ [47]). Но тамъ онъ увидѣлъ только развалины зданія и, чтобы повидаться съ Салисомъ, продолжалъ свое путешествіе до Вальтелина (по теченію Адды, уже въ предѣлахъ Италіи). Отсюда черезъ Бернинскія Альпы и Гларисъ вернулся въ Цюрихъ [48]). Возвратился онъ около половины ноября [49]), а 17-го онъ вновь уже покинулъ Цюрихъ [50]) и пріютился вскорѣ подъ крыломъ извѣстнаго «Kraftapostel» Кауфмана въ Винтертурѣ. «Охота къ перемѣнѣ мѣстъ» и здѣсь не покидаетъ его: въ концѣ ноября и началѣ декабря онъ совершаетъ поѣздку на Боденское озеро, въ Сентъ-Галленъ и Аппенцель [51]). Это былъ послѣдній мѣсяцъ пребыванія Ленца въ Швейцаріи.

Настроеніе его за послѣдніе мѣсяцы 1777 года было печально и мрачно: онъ страдаетъ и духовно, и физически. Онъ принуждаетъ себя къ «ядовитой улыбкѣ надъ собою и своею судьбою» [52]), называетъ себя «чужеземцемъ, неустойчивымъ и непостояннымъ», предметомъ «недовольства для многихъ», жаждетъ «болѣе счастливаго состоянія головы и сердца» [53]), выжидаетъ времени, когда его «тѣло и душа очутятся въ лучшемъ положеніи» [54]).

Къ этому времени относятся четыре его стихотворенія, являющіяся послѣднимъ талантливымъ аккордомъ его задушевной лирики, а именно: «Die Demuth», «Hymne», «Ausfluss des Herzens» и «An den Geist». Ихъ общая черта — своеобразная религіозность въ клопштоко-лафатеровскомъ вкусѣ, горькая покорность судьбѣ на мѣсто прежнихъ мятежныхъ порывовъ, таинственная недосказанность и вдумчивость въ печальный смыслъ неудавшейся жизни.

Первое стихотвореніе «Смиреніе»[55])—это крикъ отчаянія, вырывающійся изъ груди несчастнаго, это стонъ души передъ бездной смерти и бездной приближающагося душевнаго мрака, это призывъ къ чудодѣйственному вмѣшательству высшихъ силъ:

O komm ein Engel
Und rette mich!

Вся его короткая жизнь проходитъ мгновенно передъ его умственнымъ взоромъ: его юношеская стремительность, гордая увѣренность въ своихъ силахъ, смѣлый полетъ таланта, вознесшій его въ первые ряды борцовъ за новую литературу и новое міросозерцаніе... И онъ поднялся на высоту только для того, чтобы увидѣть подъ своими ногами грозящую и привлекающую бездну. Гордость погубила его, а спасти должно смиреніе, христіанское смиреніе.

Оно должно дать желанный покой душѣ. Онъ, «несчастный смертный», «замученный Лаврентій», «скелетъ», чувствуетъ отраду отъ мысли слиться со всею природою, покориться величію творенія, смиряя неосновательную человѣческую гордость:

Horch! hier singen die Nachtigallen,
Auch Geschöpfe, wie du, und besser,
Denn ein Gott hat sie singen gelehrt
Und sie dachten doch nie daran, ob sie
Besser sängen als andre *).

Въ уединеніи, на лонѣ природы, вдали отъ людской сутолоки ждетъ вѣрующаго христіанина успокоеніе:

Hier hier Sterblicher! hier wo Jesus
Von seinen Gottesthaten geruht,
Hier, hier ruhe von den Spielen
Deiner dir anvertrauten Kindeskraft **).

Второе стихотвореніе, «Гимнъ»[56]), находится въ тѣсномъ отношеніи къ предыдущему: это прославленіе Христа, преклоненіе передъ величіемъ его земного подвига ***).

---

*) Прислушайся! здѣсь поютъ соловьи, они тоже созданія, какъ и ты, и лучше, такъ какъ ихъ Богъ научилъ пѣнію, и они никогда не думали о томъ, поютъ ли они лучше, чѣмъ другіе".

**) „Здѣсь, здѣсь, смертный! здѣсь, гдѣ Іисусъ успокоился отъ своихъ божественныхъ дѣлъ, здѣсь, здѣсь отдыхай отъ игръ твоей, порученной тебѣ дѣтской силы".

***) Auch auf dem Hügel wo ich stehe
Standst du, und Gott auf welcher Höhe

Вліяніе Клопштока, имѣвшее такое значеніе въ юношеской періодъ Ленца, проявляется теперь съ новой силой. Его ‹Ausfluss des Herzens› [57]) внушено двумя одами пѣвца ‹Месіады›: ‹Die Künftige Geliebte› и ‹An Gott› [58]) и выросло на почвѣ лафатеровскаго религіознаго міросозерцанія, которое мало-по-малу овладѣло Ленцемъ:

Oft fühl' ichs um Mitternacht;
Dann stehn mir die Thränen im Auge,
Und ich fall' im Dunkel vôr dir aufs Knie,—
Du prüfst mir das Herz, und ich fühl' es noch wärmer *).

Это сознаніе божества ‹проникаетъ все существо поэта до мозга его костей›. Все это напоминаетъ какого-нибудь англійскаго сектанта XVII в., приходящаго въ содроганіе отъ мысли о живущемъ въ немъ божествѣ. Но строгое пуританское настроеніе подобнаго сектанта соединяется здѣсь съ вѣяніемъ сентиментализма XVIII в. Небесная любовь не заставляетъ Ленца забыть любовь земную; напротивъ того, обѣ онѣ укладываются рядомъ въ сознаніи поэта и связаны между собою неразрывно. ‹Образъ Божій› и ‹образъ возлюбленной› живутъ въ его душѣ, вызываютъ въ немъ слезы. Любовь земная должна сдѣлать его чище, добродѣтельнѣе и достойнѣе божества**). Это послѣднее проявленіе жажды любви измученнаго сердца, которое въ продолженіе всей жизни не было озарено ни однимъ лучемъ взаимности.

Стихотвореніе ‹An den Geist› [59]) есть трогательное воззваніе къ духу, еще клокочущему въ слабомъ тѣлѣ и готовому покинуть эту земную оболочку:

Littst du, für das was ich von dir
Erhielt — littst du den Tod dafür
Den Tod und welchen! — welch ein Leben
Dahinzuschleudern — welch ein Leben,
Das Plan zu diesem Tode war,
Ein langsam überlegtes Streben
Nach unerbittlicher Gefahr!

*) „Часто чувствую я въ полночный часъ присутствіе его (божества) и слезы появляются у меня въ глазахъ и во мракѣ падаю на-колѣни передъ Тобою, — ты испытываешь мое сердце, и я чувствую его еще горячѣе“.

**) Die ganze Seele fing an sich zu heben,
Noch nie gefühlte heilige Erschütterung
Durchschauert' jede Nerve mir,
Der Geist wuchs.

O Geist! Geist! der du in mir lebst,
Woher kamst du, dass du so eilst?...
Komm nicht weiter empor!
Sei nur getrost; bald bist du frei... *)

Онъ умоляетъ свой духъ помедлить:

Schone noch, Grausamer, Undankbarer,
Kehre zurück! **).

Указанными стихотвореніями заключается лирика Ленца. Все что Ленцъ написалъ въ лирическомъ родѣ послѣ своего душевнаго недуга стоитъ уже несравненно ниже. Поэтому было бы умѣстно бросить теперь же взглядъ на всю совокупность его лирическихъ стихотвореній.

Ленцъ былъ прирожденнымъ лирикомъ. Сфера субъективныхъ чувствъ, личной душевной жизни, собственныхъ сердечныхъ волненій, надеждъ и разочарованій — была истинною областью его таланта. Недаромъ же его произведенія, за очень небольшими исключеніями, полны лирическихъ изліяній, недаромъ за фигурами его драмъ видится собственный его авторскій обликъ. Для крайняго индивидуалиста лирическая поэзія являлась желаннымъ поприщемъ субъективнаго проявленія собственной личности.

И Ленцъ былъ одаренъ всѣми качествами выдающагося лирика: полнѣйшею искренностью, задушевностью, глубиною чувства и мастерскимъ владѣніемъ внѣшней формой. Ему доступны были всѣ тоны настроенія: отъ вакхической страстности до чистѣйшихъ аккордовъ религіозной мечтательности, отъ бурной радости до глубоко-элегическихъ тоновъ отчаянія.

Какимъ пыломъ страсти дышетъ его стихотвореніе «Потерянный мигъ — потерянное блаженство» [60])! Возлюбленная является ему не то въ видѣніи, не то на яву «въ бѣлыхъ облакахъ, усѣянныхъ розами». Въ упоеніи ему хотѣлось бы крѣпко прижать ее къ своему сердцу:

---

*) „О духъ! духъ! живущій во мнѣ, откуда пришелъ ты, что стремишься такъ? Не взлетай далѣе! Только утѣшься: скоро ты будешь свободенъ..."

**) „Пощади еще, жестокій, неблагодарный, вернись назадъ!"

Ich hielte, ich fasste dich.
Heilige. Einzige,
Mit all deiner Wonne,
Mit all deinem Schmerz!
Presst' an den Busen dich.
Sättigte einmal mich —
Wähnte du wärst für mich —
Und in dem Wonnerausch,
In den Entzückungen,
Bräche mein Herz!

Такою же вакхическою страстностью полно небольшое стихотвореніе «Пигмаліонъ» [61]).

И рядомъ съ подобными стихотвореніями стоятъ такія, въ которыхъ слышатся мягкіе тоны самоотреченія и смиренія мятежной страсти. Таково стихотвореніе «Ich komme nicht dir vorzuklagen». «Я не затѣмъ пришелъ, чтобы изливать тебѣ свои жалобы — говоритъ поэтъ: я слишкомъ счастливъ твоимъ благополучіемъ для того, чтобы дѣлать его причиной твоихъ вздоховъ; я пришелъ сказать тебѣ прости. Чужое небо ждетъ меня, и ты навсегда останешься счастливой — я пришелъ преклонить передъ тобою колѣни, принять отъ тебя благословеніе на новый жизненный путь, затѣмъ кротко привлечь тебя къ себѣ, помечтать одно мгновеніе, какъ будто ты все еще составляешь единственное мое счастье — и затѣмъ бѣжать и бѣжать, куда только понесутъ меня ноги, куда не попадала ни одна человѣческая нога, пока не проститъ мнѣ Богъ эту вину, что я еще разъ цѣловалъ тебя, жену другого» [62]).

Въ лирикѣ Ленца преобладаютъ скорбные и меланхолическіе тоны. Почти всѣ его любовныя стихотворенія — безутѣшный стонъ страдающей души, неисцѣлимыя муки уязвленнаго сердца. Свѣтлый колоритъ гётевской поэзіи, гармоническая уравновѣшенность духа были чужды этому бездомному скитальцу, носившему въ груди бремя міровой скорби. И можно ли требовать олимпійскаго спокойствія отъ этой нервной и экзальтированной натуры, страдавшей отъ душевнаго раздвоенія и жизненнаго разочарованія?

Его душа жаждала таинственнаго, имѣла природное тяготѣніе къ мистическому — и это отразилось въ его лирикѣ. Онъ любитъ вводить насъ въ царство неуловимыхъ тѣней, какъ напримѣръ, въ прекрасномъ стихотвореніи «Freundin aus der Wolke», передающемъ

рѣчь безплотнаго духа мягкими, какъ шелесть листьевъ, звуками удивительно удачно подобраннаго стиха [63]). Онъ умѣетъ затрагивать загадочную область человѣческаго духа въ его порыванiяхъ къ неземному, небесному, религiозно-мистическому, какъ въ стихотворенiяхъ «Nachtschwärmerey», «Ausfluss des Herzens» и др. [64]). Иныя изъ его стихотворенiй похожи на покаянные псалмы.

Въ лирикѣ нашего поэта нѣтъ вымышленныхъ радостей, нѣтъ выдуманныхъ страданiй. Искренность ея поразительна. У Ленца, въ его лирикѣ, нѣтъ никакого желанiя прикрасить себя, кокетничать своими страданiями, набрасывать на себя эффектный плащъ разочарованiя. Лирика его — точная лѣтопись его сердца, со всѣми его впечатлѣнiями и со всѣми муками, вѣрное отраженiе его внутренняго мiра со всѣми колебанiями его настроенiя отъ титаническихъ порывовъ до робкихъ и смиренныхъ жалобъ. Въ гордомъ сознанiи высокаго предназначенiя человѣка спрашиваетъ поэтъ:

Wir sterben? Götter sterben? — Nimmer —
Der Schöpfung Meisterstück und Ziel?
Wer will uns töden, zwingen? *)

А въ стихотворенiи «Смиренiе», въ полномъ сознанiи своей человѣческой слабости, поэтъ ждетъ чуда и взываетъ къ помощи ангела [65]).

Въ юности и на закатѣ своей жизни онъ писалъ оды, но такого рода торжественная лирика не была въ характерѣ его таланта. Истинное его достоянiе — была интимная жизнь сердца въ его бурныхъ порывахъ къ счастью и въ грустныхъ моментахъ разочарованiя. Въ высшей степени характерно стихотворенiе Ленца «Къ сердцу»:

Kleines Ding, um uns zu quälen,
Hier in diese Brust gelegt!
Ach wers vorsäh, was er trägt,
Würde wünschen, thätst ihm fehlen! **) и т. д.

---

*) „Aus einem Neujahrswunsch“: „Намъ умереть? Богамъ умереть? — Никогда. — Кто можетъ умертвить, принудить насъ, мастерское произведенiе и цѣль творенiя?“

**) „Маленькая вещица положена здѣсь въ эту грудь, чтобы мучить насъ. Ахъ, если бы кто впередъ зналъ, что носитъ онъ, онъ пожелалъ бы, чтобы тебя совсѣмъ у него не было“.

Но хотя біеніе этого сердца и рѣдко сопровождается наслажденіемъ, хотя за каждое удовольствіе оно платится мукой, но еще ужаснѣе холодность и безчувственность. «Любить, ненавидѣть, бояться, дрожать, надѣяться, отчаиваться до мозга костей — все это, правда, можетъ отравлять жизнь, но безъ этого она была бы полнымъ ничтожествомъ»—говоритъ онъ въ томъ же стихотвореніи.

«Бурные геніи» хотѣли извѣдать жизнь во всей ея полнотѣ, испробовать всю гамму человѣческихъ чувствъ, отвѣтить на всѣ запросы человѣческой личности, почувствовавшей себя свободной. «Все исчезло, что связывало насъ — пѣлъ Ленцъ — мы свободны какъ вѣтеръ, мы боги!» [66]).

Ленцъ былъ рожденъ быть поэтомъ интимныхъ думъ и чувствъ бурностремительной молодежи, и ни одинъ изъ его современниковъ, за исключеніемъ Гёте, не отразилъ въ своей лирикѣ въ такой степени нравственное кипѣніе эпохи.

Въ талантѣ Ленца, какъ лирическаго поэта, было много общаго съ талантомъ современнаго ему англійскаго «бурнаго генія» Роберта Бэрнса. Этотъ превосходный лирикъ, казалось, осуществилъ то, къ чему стремился Ленцъ и къ чему шелъ онъ, не всегда одинаково увѣренно и успѣшно, по временамъ спотыкаясь и сбиваясь съ истиннаго пути [67]). Еще болѣе родственна Ленцу лирика Гейне. Здѣсь поэтъ «молодой Германіи» XIX вѣка подаетъ руку своему собрату изъ предыдущаго столѣтія. Нѣкоторыя любовныя пѣсни Ленца кажутся первыми эскизами для поэтическихъ перловъ «Книги пѣсенъ». У Ленца, какъ и у Гейне, клокочущая нервная натура на каждомъ шагу выдаетъ себя. Пылкая страстность и горькія разочарованія, упоенія и самобичеванія, реализмъ и романтическая дымка — общи обоимъ поэтомъ [68]).

Ко времени жизни Ленца послѣ веймарской катастрофы относится отчасти одно изъ его неоконченныхъ произведеній — интересная пьеса «Екатерина Сіенская», обѣщавшая быть одною изъ лучшихъ драмъ талантливаго поэта.

Идея написать пьесу изъ жизни знаменитой итальянской святой XIV вѣка зародилась у Ленца не позже мая 1775 года. Именно въ это время, при посѣщеніи Ленцемъ Шлоссера въ Эммендингенѣ, Корнелія внесла въ его альбомъ упомянутые стихи изъ Петрарки, а ея мужъ ограничился словами: «Catharina v. Siena» [69]). Можно

думать, что Ленцъ сообщилъ замыселъ своей предполагаемой пьесы Шлоссеру, который, будучи имъ заинтересованъ, и сдѣлалъ эту надпись, которая должна была служить напоминаніемъ и поощреніемъ всегда разбрасывавшемуся и забывчивому поэту [70]). Къ веснѣ 1776 г. Ленцъ уже успѣлъ набросать часть пьесы, какъ видно изъ его письма къ Мерку отъ 14 марта [71]). Отправляясь черезъ нѣсколько дней въ Веймаръ, Ленцъ оставилъ рукопись другу своему Редереру въ числѣ другихъ бумагъ, которыя онъ просилъ черезъ нѣкоторое время прислать ему [72]). Получивъ ее ко времени своего переселенія въ Берку, онъ, повидимому, занимался обработкой и продолженіемъ пьесы въ своемъ уединеніи [73]).

Пьеса подвергалась не менѣе какъ тремъ переработкамъ, изъ которыхъ каждая представлена сохранившимися отрывками, напечатанными проф. Вейнгольдомъ [74]). По всей вѣроятности, первыхъ двѣ должны быть отнесены ко времени не позже веймарской жизни Ленца. Напротивъ того, третья редакція, вопреки мнѣнію издателя [75]), должна быть отнесена ко времени нѣсколько болѣе позднему. Она довольно сильно отличается отъ первой редакціи, долженствовавшей быть «художническою драмою» (Künstler - Schauspiel). Третья же редакція, по замыслу автора, должна была быть религіозной драмой, чѣмъ-то въ родѣ Autos Кальдерона. Проникающее ее религіозно-мистическое настроеніе заставляетъ насъ отнести эту редакцію ко времени скитальчества Ленца послѣ изгнанія изъ Веймара и передъ постигшею его въ 1778 году душевною болѣзнью. Мы уже видѣли, какъ сильно выраженъ мистико-религіозный элементъ въ стихотвореніяхъ нашего поэта, относящихся къ 1777 году. Таково же настроеніе и въ третьей редакціи «Екатерины Сіенской». Кромѣ того, нельзя не отмѣтить, что эта послѣдняя редакція сдѣлана въ стихахъ—фактъ исключительный въ драматическомъ творчествѣ Ленца, не признававшаго раньше стихотворной формы въ драмѣ. Только въ 1777 году онъ начинаетъ прибѣгать къ этой формѣ и пишетъ комедію александрійскимъ стихомъ, какъ свидѣтельствуютъ три сохранившіяся сцены [76]). Это обстоятельство также заставляетъ насъ третью, стихотворную редакцію «Екатерины Сіенской» отнести къ 1777 году. Наконецъ, возможность работы Ленца надъ этимъ произведеніемъ въ этомъ году под-

тверждается тѣмъ, что рукопись перешла въ руки Шлоссера только въ 1778 г., когда душевный недугъ поразилъ несчастнаго поэта [77]).

Въ первыхъ двухъ редакціяхъ его Екатерина Сіенская мало имѣетъ общаго съ исторической святой. Изъ ея біографіи онъ заимствуетъ только мотивъ удаленія отъ свѣта прекрасной итальянки, которая предпочла пустыню блестящимъ соблазнамъ міра [78]). Въ третьей редакціи, напротивъ того, замѣтно бо́льшее приближеніе къ исторической Екатеринѣ Сіенской. Здѣсь его героиня предается аскетическимъ подвигамъ, бичуетъ себя,—и это показываетъ его знакомство съ біографіей итальянской святой [79]).

Ленцъ задумалъ изобразить въ лицѣ Екатерины типъ «сильной» и «геніальной» женской натуры во вкусѣ идеаловъ періода «бури и натиска» («Kraftweib»). Такой типъ, какъ мы видѣли, Ленцъ пытался выводить и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, но придавалъ имъ демоническій характеръ неистовой злобы и неукротимыхъ страстей. Такова его Донна Діана въ «Новомъ Менозѣ». Екатерина, напротивъ того, должна представить силу духа, направленную въ сторону добра, изобразить душевную мощь выдающейся женской натуры, предъявляющей къ себѣ и къ окружающимъ высокія идеальныя требованія.

Дѣйствующими лицами въ первой редакціи пьесы, наиболѣе полной, являются, кромѣ самой Екатерины, ея отецъ Алепино, знатный житель Сіены, ея кузина Лаура, молодой человѣкъ Труфало, художникъ Розальбино и молодая дѣвушка Аурилла.

Труфало сватается за Екатерину, и отецъ ея вполнѣ сочувствуетъ этому браку. Но Екатерина, сначала немного заинтересована молодымъ человѣкомъ, вошедшимъ въ ихъ домъ подъ видомъ жениха Лауры, затѣмъ, узнавши его ближе, видитъ въ немъ лишь корыстолюбиваго претендента на ея приданое. Въ болѣе идеальномъ свѣтѣ представляется ей художникъ Розальбино, изгнанный изъ Флоренціи, котораго она случайно увидала и пригласила нарисовать свой портретъ, тайно отъ своихъ домашнихъ. Алепино старается вынудить у нея согласіе на бракъ съ Труфало и особенно настаиваетъ на этомъ, когда узнаетъ отъ Лауры, будто Екатерина заказала свой портретъ именно для своего жениха.

Чтобы избѣжать ненавистнаго брака, Екатерина бѣжитъ изъ дому въ горы и поселяется въ пустынной пещерѣ, окруженной лѣсомъ.

Отецъ разсылаетъ во всѣ стороны слугъ, но всѣ ихъ поиски остаются тщетными. Въ своемъ уединеніи Екатерина встрѣчаетъ молодую дѣвушку Ауриллу въ крестьянской одеждѣ, заблудившуюся въ лѣсу. Аурилла воспитывалась въ монастырѣ, настоятельница котораго была ея родственница, и тамъ влюбилась въ своего кузена, флорентинскаго художника. Но возлюбленный бросилъ ее, и она, спасаясь отъ суроваго обращенія, убѣжала изъ монастыря и поступила въ услуженіе къ крестьянину.

На поиски Екатерины отправился и Розальбино. Онъ уже провелъ двѣ безсонныхъ ночи въ тщетныхъ поискахъ. Передъ разсвѣтомъ онъ попадаетъ въ горную, покрытую лѣсомъ мѣстность, кото рая поражаетъ его своею красотою. Зная склонность Екатерины къ мечтательности, ея стремленіе въ монастырь, Розальбино опасается, что она удалилась въ пустыню, предается посту и близка къ гибели. Мысль о ней не оставляетъ ему возможности предаться вполнѣ своему любимому искусству. При первыхъ лучахъ солнца онъ принимается рисовать понравившіяся ему скалы и вдругъ замѣчаетъ пещеру, на порогѣ которой появляется Екатерина. Молодые люди бросаются въ объятія другъ друга. Слѣдуетъ прекрасная сцена, выясняющая различіе ихъ отношеній другъ къ другу. Екатерина страстно влюблена въ Розальбино, который отвѣчаетъ ея высокимъ идеальнымъ требованіямъ. Онъ же пораженъ ею и ея наружностью съ художественной точки зрѣнія, восторгается ею, какъ художникъ, нашедшій въ ней воплощеніе идеала женственной красоты. Екатеринѣ хотѣлось бы не разставаться съ Розальбино, а онъ совѣтуетъ ей возвратиться въ домъ отца, подчиниться его требованію и выйти замужъ за Труфало, находя, что и это послѣднее не можетъ нарушить его художественныхъ восторговъ. Служеніе искусству онъ ставитъ такъ высоко, что въ его душѣ не остается мѣста для любовной страсти. Разочарованію Екатерины нѣтъ предѣловъ.

Пьеса осталась неоконченной, но по многочисленнымъ разрозненнымъ отрывкамъ, принадлежащимъ къ этой же первой редакціи, можно судить, что Ленцъ колебался между трагическимъ и болѣе мирнымъ исходомъ. По однимъ наброскамъ, Екатерина возвращается домой, но женою Труфало дѣлается не она, а Лаура [80]); по другимъ же— Екатерина, убѣдившись, что Розальбино любитъ искусство болѣе, чѣмъ

ее, послѣ попытокъ самоубійства, остается въ пустынѣ и отдаетъ себя на служеніе Богу [81]).

Трагическій характеръ приданъ пьесѣ и въ третьей редакціи, которую мы относимъ къ 1777 году. Здѣсь художникъ, въ котораго влюблена Екатерина, носитъ имя Корреджіо. Характеръ ея выясняется гораздо болѣе, и она сразу выступаетъ передъ нами въ образѣ человѣколюбивой заступницы несчастныхъ и обремененныхъ. Ее поражаетъ видъ крестьянской дѣвушки, согнувшейся подъ охапкой сѣна, и она задумывается надъ тѣмъ, почему той выпала такая печальная судьба, а она живетъ въ роскоши и готовится идти на балъ [82]). Во время пожара въ деревнѣ Екатерина раздаетъ всѣ свои деньги погорѣльцамъ. Здѣсь же она встрѣчаетъ Корреджіо, который, не жалѣя себя, трудится надъ тушеніемъ пожара [83]). Подробнѣе изображается ея бѣгство изъ отцовскаго дома и ея религіозный экстазъ. Она считаетъ себя невѣстой Христа и клянется, что ни одинъ смертный не будетъ прижимать ее къ своему сердцу [84]). Дальнѣйшее содержаніе драмы сосредоточивалось, повидимому, на изображеніи душевной борьбы Екатерины между приманками земной жизни и преданностью религіозному подвигу. Бичеваніемъ отгоняетъ она отъ себя грѣшныя мысли о любви къ Корреджіо. Такъ изображаетъ ее Ленцъ въ пещерѣ на колѣняхъ, полуобнаженною:

Екатерина. Если прекрасный и благородный мужской обликъ—(*бичуетъ себя*). Теки, теки, моя кровь, изгладь подобныя мысли! Глубокій взоръ—сладкія уста—(*бичуетъ себя*).—Ахъ, я изнемогаю!—Іисусъ, Іисусъ, помоги мнѣ! (*Падаетъ безъ чувствъ; приходитъ въ себя*). Мой отецъ—моя подруга—мой Корреджіо!—Такъ полно злосчастья это сердце?—все, что было ему дорого, далеко—не осталось ни тѣни?—(*Вынимаетъ распятіе*).—Іисусъ, не могу я болѣе смотрѣть на тебя съ прежней любовью—ты лишилъ меня всего!—О я несчастная!—(*Снова падаетъ, прильнувъ губами къ распятію*) [85]).

Екатерину искушаетъ дьяволъ, являющійся къ ней подъ видомъ сначала юноши, потомъ монаха, наконецъ ея возлюбленнаго. Пьеса оканчивалась, повидимому, появленіемъ Христа, изрекающаго ей спасеніе [86]).

Совершенно особнякомъ отъ первой и третьей редакцій стоитъ редакція, названная издателемъ второю и представленная шестью небольшими отрывками [87]). По этому замыслу, пьеса должна была

быть, очевидно, комедіей, содержаніе которой вертится на любви Екатерины и ея подруги, называемой здѣсь то Араминтой, то Клементиной, къ Труфало, изъ которыхъ каждая «изъ ложной деликатности» готова уступить его своей соперницѣ [88]). Можно думать, что это не вторая редакція, а болѣе ранняя, чѣмъ та, которую издатель назвалъ первою [89]).

Какъ почти во всѣхъ произведеніяхъ Ленца, и въ этой неоконченной драмѣ можно угадать нѣкоторые отголоски его личныхъ впечатлѣній. Въ Труфало Эрихъ Шмидтъ подмѣчаетъ черты Шлоссера, а строгій Алепино напоминаетъ ему Гёте—отца. Образцомъ для покинутой своимъ возлюбленнымъ Аурилы могла служить Фридерика Бріонъ. Подтвержденіе этому можно найти въ томъ, что во второй редакціи (В.) Аурилла называется Rikgen—обычнымъ уменьшительнымъ именемъ Фридерики [90]). Если это такъ, то въ Розальбино невольно хочется отыскать сходство съ Гёте. Такъ и дѣлаетъ Э. Шмидтъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ оригиналомъ ленцевской Катарины считаетъ сестру Гёте Корнелію [91]).

Несомнѣнно, нѣкоторыя черты сходства между дѣйствующими лицами этой пьесы и указанными оригиналами могутъ быть найдены, но врядъ ли они достаточны для того, чтобы сдѣлать выводъ о сознательномъ желаніи Ленца изобразить именно этихъ лицъ [92]).

Путешествіе по Швейцаріи внушаетъ Ленцу набросокъ «Die Erschaffung der Welt» [93]). Тикъ напечаталъ его прозой, прерываемой въ одномъ мѣстѣ и оканчивающейся стихами. Но во многихъ мѣстахъ этой мнимой прозы легко замѣтить стихи, хотя и не вполнѣ законченные. Несомнѣнно отрывокъ заключаетъ въ себѣ набросокъ плана стихотворенія, при чемъ нѣкоторыя мѣста прямо уже написаны стихами, въ другихъ только намѣчены риѳмы, третьи намѣчаютъ лишь содержаніе, не обработанное еще въ стихи. Темное содержаніе предвѣщаетъ близкую душевную болѣзнь Ленца.

Первый припадокъ ея постигъ его въ ноябрѣ 1777 года, когда онъ жилъ у Кауфмана въ Винтертурѣ. Какого рода была его болѣзнь—трудно сказать. «О несчастьи съ Ленцемъ—писалъ Пфеффель Саразину 24 ноября—знаю я съ пятницы отъ Мехельна. Да поможетъ Богъ бѣднягѣ. Признаюсь тебѣ, что этотъ фактъ не особенно удивилъ меня и моего Лерзе. Однако я надѣюсь, что добрый

Ленцъ снова поправится и тогда нужно будетъ спровадить его домой или достать ему какое-нибудь постоянное мѣсто»[94])

Къ этому времени несчастный скиталецъ совершенно обнищалъ. Обремененный долгами, которые онъ, по словамъ Кауфмана, надѣлалъ не столько для себя, сколько для другихъ, онъ совершенно обносился: о часахъ, серебряныхъ пряжкахъ, шпагѣ не было уже и помину. «Единственное средство спасти Ленца — писалъ Лафатеръ Саразину—это уплатить его долги и одѣть его»[95]).

До конца декабря 1777 г. Ленцъ оставался въ Винтертурѣ у Кауфмана. «Меня очень радуетъ, что вы довольны своею жизнью— писалъ ему Саразинъ 31-го декабря: продолжайте также и въ новомъ году и продолжайте также оставаться моимъ другомъ. Передайте мой привѣтъ Кауфману, пишите мнѣ иногда и будьте здоровы»[96]).

Общество Кауфмана, этого сумасброда-мистика, выдававшаго себя за «апостола», проповѣдника «геніальности», носителемъ который онъ считалъ себя, морочившаго всѣхъ, расположенныхъ къ таинственному людей отъ предѣловъ Швейцаріи до Петербурга, — конечно, не могло быть полезнымъ Ленцу для здоровья его духа[97]). Кауфманъ много способствовалъ тому, чтобы внести еще бóльшую смуту и въ безъ того больной мозгъ несчастнаго «бурнаго генія».

Этотъ сумасбродный «апостолъ»—шарлатанъ эпохи «бури и натиска» направилъ въ январѣ 1778 г. Ленца въ Эльзасъ къ пастору Оберлину.

Скромный пасторъ затерянной въ горахъ Вогезовъ деревушки Вальдерсбахъ представлялъ изъ себя замѣчательную личность, вписавшую свое имя на страницы исторіи родной страны. Двадцати лѣтъ отъ роду онъ далъ себѣ обѣщаніе посвятить свою жизнь служенію ближнимъ. Несмотря на то, что его способности и образованіе открывали передъ нимъ широкое поле дѣятельности, онъ предпочелъ сдѣлаться простымъ сельскимъ пасторомъ въ глухой деревушкѣ съ бѣднымъ и невѣжественнымъ населеніемъ. Здѣсь онъ сталъ истиннымъ благодѣтелемъ прихожанъ и внасителемъ культуры въ дикій и бѣдный край, проводя дороги, осушая болота, заботясь о благосостояніи жителей, устраивая школы и т. д.

По образу мыслей онъ подходилъ къ такимъ мистикамъ, какъ Лафатеръ, Юнгъ-Штиллингъ и извѣстная г-жа Крюденеръ. Черезъ послѣднюю, повидимому, онъ сталъ извѣстенъ впослѣдствіи императору

Александру I, который далъ ему охранительную грамоту при проходѣ союзныхъ войскъ въ Парижъ [98]).

Въ январѣ 1778 года, въ зимнюю стужу шелъ Ленцъ по покрытымъ снѣгомъ горамъ и склонамъ Вогезовъ, направляясь въ долину Штейнталя, гдѣ расположена деревушка Вальдерсбахъ [99]). «Бурный геній», недавно еще составлявшій грандіозные планы, кипѣвшій умственными интересами передовыхъ людей своего времени, бывшій въ обществѣ великихъ міра, превратился въ измученнаго жизнью и никому не нужнаго скитальца, несшаго въ сердцѣ жгучую боль отъ неудавшагося и разбитаго существованія.

Робко постучался онъ въ дверь пасторскаго дома. Оберлинъ увидѣлъ передъ собою человѣка небольшого роста съ блѣднымъ лицомъ и длинными ниспадающими бѣлокурыми локонами, въ потертой и изорванной одеждѣ. Пасторъ принялъ его за бѣдняка - подмастерье, ищущаго заработка. «Я другъ Кауфмана и принесъ вамъ поклонъ онъ него» сказалъ незнакомецъ. — «Ваше имя, если позволите»?— «Ленцъ». — «А, а! Не печатались ли вы? Помнится, я читалъ нѣсколько драмъ, которыя приписывались автору съ такой фамиліей».— «Да; но, пожалуйста, не судите обо мнѣ по нимъ»...

Въ гостепріимномъ домѣ человѣколюбиваго пастора отогрѣлся и отдохнулъ скиталецъ, отрекшійся отъ своей литературной дѣятельности и своего ближайшаго прошлаго. Воспоминанія о родинѣ сильнѣе занимали его теперь: онъ разсказывалъ пастору о жизни русскихъ и лифляндцевъ, рисовалъ ихъ національные костюмы и т. д. На ночь ему отвели комнату въ школѣ.

Въ концѣ ночи Оберлинъ былъ разбуженъ какимъ-то шумомъ и, прислушавшись, ясно могъ различить громкій голосъ школьнаго учителя: «Allez donc au lit-qu'est-ce que c'est que ça—hé dans l'eau par un temps si froid!—Allez, allez au lit» *). Выбѣжавъ на улицу, Оберлинъ встрѣтилъ учителя и его жену съ блѣдными отъ страха лицами и узналъ, что Ленцъ не спалъ всю ночь, бродилъ въ окрестности, затѣмъ бросился въ наполненную водой колоду и, искупавшись въ холодной водѣ, ушелъ въ свою комнату.

На другой день Оберлинъ взялъ съ собою Ленца въ Бельмонтъ

*) „Идите же въ постель—что это такое—Э, въ воду въ такое холодное время!—Идите, идите въ постель“.

и былъ очень доволенъ бесѣдой съ робкимъ, но любезнымъ юношей. 22-го января Ленцъ посылаетъ Лафатеру силуэты новыхъ своихъ знакомыхъ, спрашиваетъ его мнѣнія о нихъ и проситъ передать поклонъ Кауфману [100]). Черезъ три дня, въ воскресенье, Ленцъ произнесъ, вмѣсто Оберлина, «очень хорошую проповѣдь» [101]). Состояніе его души казалось такъ хорошо, что Оберлинъ счелъ возможнымъ отлучиться на нѣкоторое время изъ своего прихода, поручивъ исполненіе своихъ обязанностей несчастному «кандидату богословія». Возвратившись изъ поѣздки 7 февраля, Оберлинъ узналъ отъ своей жены о странномъ поведеніи Ленца въ его отсутствіе. Въ сосѣднемъ мѣстечкѣ Фудѐ онъ хотѣлъ воскресить умершую дѣвочку, которая носила имя Фридерики; передъ этимъ онъ постился цѣлый день, посыпавъ лицо пепломъ и облекшись во власяницу. Наканунѣ возвращенія Оберлина онъ возобновилъ свои холодныя купанья, несмотря на то, что получилъ рану на ногѣ, заставлявшую его хромать.

Свиданіе со Шлоссеромъ въ Эммендингенѣ бросило Оберлину свѣтъ на обстоятельства жизнь Ленца. Онъ началъ его уговаривать примириться съ отцомъ и подчиниться его требованіямъ, приписывая подавленное состояніе его духа нарушенію заповѣди «чти отца твоего и матерь твою».

Несчастный дѣлалъ намеки на какой-то тяжелый грѣхъ, который онъ совершилъ и который ему не простится. Онъ часто молился и просилъ Оберлина молиться за него. За молитвой проводилъ онъ иногда цѣлыя ночи, и изъ его комнаты доносились звуки его стоновъ и рыданій. Иной разъ онъ падалъ на колѣни передъ Оберлиномъ, пряталъ въ складкахъ его одежды блѣдное, покрытое холоднымъ потомъ лицо и, дрожа всѣмъ тѣломъ, несвязно каялся въ чемъ-то. Часто произносилъ онъ имя Фридерики, спрашивалъ, здорова ли она. «Ахъ! она умерла? живетъ ли она еще?—Ангелъ, она любила меня—я любилъ ее, она заслуживала этого—о, ангелъ!—Проклятая ревность! я пожертвовалъ ею—она любила еще другого—но она любила меня—да, всѣмъ сердцемъ—пожертвовалъ—обѣщалъ ей бракъ, потомъ бросилъ—о, проклятая ревность,—о дорогая мать! ты также любила меня — я вашъ убійца»! Онъ считалъ себя преступникомъ и, придя въ сосѣднюю деревню, требовалъ, чтобы связали его и отдали въ руки правосудія. Мысль о самоубійствѣ теперь преслѣдуетъ его. Два раза выбрасывался онъ изъ окна и вывихнулъ

себѣ руку, затѣмъ, подобно своему герою Роберту, пытался зарѣзаться ножницами, и когда всѣ орудія были спрятаны отъ него, бился головою о стѣну.

Къ нему приставляютъ двухъ людей, которые едва могутъ справиться съ нимъ. Когда проходили припадки, онъ былъ тихъ, просилъ у всѣхъ прощенія, иногда рисовалъ и очаровывалъ всѣхъ своею любезностью и теплотою сердца.

Оберлинъ увидѣлъ себя вынужденнымъ отправить несчастнаго въ Страсбургъ. На телѣжкѣ пастора повезли Ленца изъ Вальдерсбаха подъ надзоромъ двухъ возчиковъ и трехъ провожатыхъ [102]).

Въ Страсбургѣ, у друга его Редерера, Ленцу стало какъ будто лучше. Здѣсь прежде всего онъ посѣтилъ пастора Штудера, предшественника Оберлина въ Вальдерсбахѣ, и бросившись ему въ ноги, заклиналъ и умолялъ его помолиться за него. Пасторъ исполнилъ его просьбу, и Ленцъ ушелъ отъ него, обливаясь слезами [103]).

Редереръ, очевидно, не зналъ, что ему дѣлать съ бѣднымъ другомъ, и отправилъ его въ Эммендингенъ къ Шлоссеру. 25 февраля Ленцъ писалъ Пфеффелю уже изъ новаго своего мѣстопребыванія и сообщалъ о своемъ намѣреніи снова посѣтить Швейцарію [104]). Шлоссеръ нашелъ, что болѣзнь Ленца состоитъ въ ипохондріи. «Онъ, какъ ребенокъ — писалъ Шлоссеръ Оберлину — неспособный на что-либо рѣшиться, не вѣрующій ни въ Бога, ни въ людей. Два раза нагналъ онъ на меня большой страхъ, въ остальное время онъ покоенъ [105]).

Въ это время пріѣхалъ къ Шлоссеру еще другой гость — извѣстный авторъ драмы «Буря и натискъ» Клингеръ. Послѣ торжественной встрѣчи Ленца во Франкфуртѣ, онъ прожилъ еще нѣкоторое время одновременно съ нимъ въ Веймарѣ, гдѣ видѣлъ его «здоровымъ и цвѣтущимъ». Теперь же Клингеръ услыхалъ отъ Шлоссера, что Ленцъ находится въ припадкѣ бѣшенства, такъ что его пришлось привязать къ постели. Видъ больного заставилъ его выдумать крайне оригинальный и рискованный способъ лѣченія: вечеромъ Ленца раздѣли и, завернувъ въ дорожный плащъ Клингера, понесли къ рѣчкѣ, протекавшей за садомъ, и войдя въ нее, бросили Ленца въ воду и заставили пробыть въ ней десять минутъ. Клингеръ увѣряетъ, что Ленцъ, послѣ этого импровизованнаго лѣ-

ленія, проспалъ спокойно ночь, а утромъ горячо благодарилъ друга [106]).

Въ серединѣ марта Шлоссеръ извѣщалъ Редерера, что Ленцъ выздоровѣлъ: «онъ разговариваетъ, шутитъ, смѣется, играетъ въ шахматы, читаетъ, рисуетъ, однимъ словомъ, онъ почти такой же, какъ и прежде, только чувствительнѣе и слабѣе» [107]). Но 28 марта ему опять сдѣлалось плохо, онъ какъ бы сталъ впадать въ дѣтство, а 7 апрѣля Шлоссеръ вновь сообщаетъ о припадкахъ бѣшенства [108]). Ленцъ возобновляетъ свои попытки самоубійства; его принуждены связать и приставить къ нему двухъ людей, которые не отлучались отъ него ни днемъ, ни ночью. Шлоссеру онъ начинаетъ становиться въ тягость: «смерть его была бы для меня величайшимъ утѣшеніемъ» пишетъ онъ Редереру [109]). Онъ думалъ о помѣщеніи несчастнаго въ сумасшедшій домъ во Франкфуртѣ и разсчитывалъ собрать средства для этого въ Страсбургѣ, Франкфуртѣ, Веймарѣ и Швейцаріи [110]).

Въ серединѣ іюня Пфеффель нашелъ Ленца въ болѣе спокойномъ состояніи. По внѣшности онъ былъ какъ будто совершенно здоровъ, но держалъ себя въ высшей степени застѣнчиво и робко. Имъ овладѣло теперь страшное желаніе писать, которое не прекращалось и ночью, такъ что приходилось силою отнимать у него письменныя принадлежности [111]).

Во Франкфуртъ Ленцъ отвезенъ не былъ, такъ какъ прежніе припадки бѣшенства, повидимому, прекратились. Это дало возможность Шлоссеру помѣстить несчастнаго къ сапожнику Зюсу въ Эммендингенѣ. Здѣсь пробылъ Ленцъ нѣсколько мѣсяцевъ, занимаясь съ удовольствіемъ сапожнымъ мастерствомъ, и горячо привязался къ сыну хозяина Конраду, своему товарищу по работѣ [112]). Шлоссеръ находилъ, что физическій трудъ принесъ большую пользу больному [113]). Вслѣдствіе этого въ августѣ онъ былъ отправленъ въ Висвиль, въ трехъ часахъ разстоянія отъ Эммендингена, и помѣщенъ къ лѣсничему Лидину, подъ руководствомъ котораго долженъ былъ учиться полевымъ работамъ [114]). Эти занятія, а также охота произвели самое благопріятное дѣйствіе на Ленца, какъ онъ самъ заявлялъ въ письмѣ къ Саразину [115]).

Ленцъ поздоровѣлъ и окрѣпъ [116]), но зарабатывать деньги самъ былъ не въ состояніи. Шлоссеръ заваливалъ письмами его отца,

который, однако, отвѣчалъ только «длинными проповѣдями», которыя никакой пользы принести дѣлу не могли. Въ ноябрѣ 1778 г. Шлоссеръ собирался на остатокъ собранныхъ на содержаніе Ленца денегъ послать его въ Іену къ его брату Карлу, студенту тамошняго университета [117]). Родные его, въ это время, то же думали объ Іенѣ и считали возможнымъ, чтобы Якобъ вновь сѣлъ на студенческую скамью и вернулся домой съ дипломомъ юридическаго факультета (sic!). «При его замѣчательной памяти и изящномъ стилѣ — мечталъ Іоганнъ Ленцъ — Якобъ можетъ сдѣлаться свѣтиломъ среди лифляндскихъ адвокатовъ» [118]).

Для исполненія этого несбыточнаго плана Іоганнъ предлагалъ роднымъ устроить семейную подписку. Дѣло, однако, шло очень туго. Въ началѣ 1779 года Шлоссеръ продолжаетъ жаловаться на старика Ленца: «его отецъ воплощенный бездѣльникъ, онъ ни слова не отвѣчаетъ мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я написалъ ему, что онъ обязанъ позаботиться о своемъ сынѣ» [119]). Расходы по содержанію Ленца принялъ на себя въ это время веймарскій герцогъ [120]).

Только въ апрѣлѣ того же года старикъ Ленцъ счелъ возможнымъ принять болѣе дѣятельное участіе въ судьбѣ своего несчастнаго сына. Онъ пишетъ длинное письмо Гердеру, въ которомъ сообщаетъ, что имъ посланъ 31 дукатъ сыну Карлу въ Іену, чтобы тотъ вмѣстѣ съ Якобомъ вернулся на родину. Старикъ разсыпался въ благодарности веймарскому герцогу за денежную помощь «любимѣйшему изъ его сыновей», благодаритъ также Шлоссера и Гердера, который во всемъ дѣлѣ принималъ сердечное участіе [121]).

Между тѣмъ здоровье Ленца снова ухудшилось, и Шлоссеръ помѣстилъ его къ доктору въ Гертингенѣ близъ Базеля [122]). Здѣсь и нашелъ его братъ Карлъ въ іюнѣ 1779 года.

Обратное путешествіе совершили братья не безъ затрудненій. За недостаткомъ денегъ часть пути имъ пришлось сдѣлать пѣшкомъ. Въ Любекѣ они сѣли на корабль, который долженъ былъ доставить ихъ въ Ригу [123]).

ГЛАВА XIV.

Опять на родинѣ.

Ich bin verloren,
Ich bin zum Unglück bestimmt, geboren—
Lenz.

23 іюля 1779 года прибылъ въ рижскую гавань корабль, на которомъ «блудный сынъ» Ленцъ вернулся въ свое отечество послѣ одиннадцатилѣтняго отсутствія [1]). Лѣтомъ 1768 года многообѣщавшій юноша, уже заявившій себя литературными трудами, покинулъ родину не болѣе какъ на три года, для обученія въ кенигсбергскомъ университетѣ. Но случилось иначе. Литературное движеніе слагавшейся поры «бури и натиска» захватило его своимъ вихремъ, вознесло на вершину нѣмецкаго Парнасса и теперь выбросило на родной берегъ, какъ ненужную вещь, взявъ отъ него все лучшее, что онъ могъ дать. «Съ удивительно смѣшаннымъ чувствомъ» увидалъ онъ «башни Риги и берегъ своего отечества». Все казалось ему чуждымъ, пока онъ не увидалъ своихъ родныхъ [2]). Морское путешествіе и дружественный пріемъ въ Ригѣ, повидимому, повліяли благотворно на его здоровье. Братья уже знали о назначеніи ихъ отца генералъ-суперинтендентомъ Лифляндіи и поэтому не поѣхали въ Дерптъ, а остались дожидаться его въ Ригѣ. Они остановились сначала у пастора Дингельштедта, а затѣмъ у г-жи Бушъ [3]), пріятельницы Гердера во время его рижской жизни [4]). Ею Ленцъ былъ введенъ въ лучшее рижское общество, сталъ появляться въ собраніяхъ и на концертахъ «съ напудренными волосами, въ шелковыхъ чулкахъ, съ модной шпагой на боку и низкой шляпой подмышкой» [5]). Усердно предаваясь свѣтскимъ развлеченіямъ, онъ какъ бы отдыхалъ отъ тяжелыхъ впечатлѣній послѣднихъ лѣтъ своей заграничной

ной жизни. Такъ продолжалъ онъ развлекаться и послѣ переѣзда отца его въ Ригу [6]).

Скоро, однако, пришлось ему серьезно задуматься надъ устройствомъ своей судьбы. Пора было «остепениться», бросить замашки «бурнаго генія» и пристроиться къ какому-нибудь «мѣстечку», обезпечивающему существованію. Это было не легко. Все, что предлагалось ему, не соотвѣтствовало его вкусамъ, и онъ, по свидѣтельству брата, раздѣлявшаго его настроеніе, началъ уже втайнѣ вздыхать о Германіи и думать о возвращеніи туда [7]).

Въ это время случайно освободилось мѣсто «ректора» той самой соборной рижской школы, въ которой Гердеръ нѣсколько лѣтъ состоялъ помощникомъ. Старикъ Ленцъ задумалъ пристроить на это мѣсто своего блуднаго сына и повезъ его къ бюргермейстеру Шику, которому и заявилъ о задуманной имъ кандидатурѣ, бывшей неожиданностью для самого кандидата [8]). Шикъ отвѣтилъ, что въ Германіи уже ведутся переговоры съ однимъ ученымъ и что въ этомъ дѣлѣ вполнѣ полагаются на выборъ и рекомендацію Гердера, продолжавшаго быть для Риги авторитетомъ во всѣхъ подобныхъ вопросахъ. По настоянію отца, Ленцъ обратился 2 октября 1779 г. къ Гердеру съ письмомъ, въ которомъ изложилъ всѣ обстоятельства дѣла и, хотя и не безъ смущенія и нерѣшительности, просилъ его содѣйствія. Ленцъ сознается, что богословія онъ основательно не изучалъ, но думаетъ, что обладаетъ нѣкоторыми свѣдѣніями въ другихъ областяхъ знанія: «въ исторіи и законахъ своего отечества», которые онъ надѣется изучить еще основательнѣе подъ руководствомъ опытнѣйшихъ людей, въ древнихъ и новыхъ языкахъ, въ исторія искусства, а также въ военныхъ наукахъ—тактикѣ и фортификаціи [9]).

Кандидатуру Ленца поддержалъ пріятель Гердера, книгопродавецъ Гарткнохъ, издатель его первыхъ сочиненій («Fragmente» и «Kritische Wälder»), имѣвшихъ такое большое значеніе для періода бурныхъ стремленій. Онъ сдѣлалъ приписку къ письму Ленца, а черезъ нѣсколько дней (23 октября) обратился къ Гердеру съ особымъ письмомъ, въ которомъ выразилъ свое убѣжденіе въ годности Ленца для той должности, которой онъ добивался. Гарткнохъ ссылался на то, что Ленцъ пріобрѣлъ педагогическую опытность, давая частные уроки, и предупреждалъ Гердера, чтобы онъ не предавался

предубѣжденію противъ Ленца, составившемуся по поводу его молодости, неопытности и недавней болѣзни. Въ обществѣ Ленца онъ и жена находятъ большое удовольствіе [10]).

Столь же благопріятный отзывъ о Ленцѣ далъ Гартнохъ и «сѣверному магу» Гаманну [11]). Но предубѣжденіе противъ Ленца, которое старался разрушить Гартнохъ, продолжало существовать [12]).

Встрѣченная несочувственно въ Ригѣ, кандидатура Ленца не имѣла успѣха и у Гердера, который въ декабрѣ отвѣчалъ Гартноху: «О Ленцѣ нечего и думать, хоть я и желаю ему добра, но нахожу, что онъ не годится для этой должности» [13]). Вмѣсто Ленца Гердеръ рекомендовалъ его сверстника Іог. Хр. Фосса, бывшаго въ семидесятыхъ годахъ ревностнѣйшимъ членомъ знаменитаго геттингенскаго Hainbund'а, поклонявшагося Клопштоку и лелѣявшаго сходныя съ страсбургскимъ кружкомъ «бурныхъ геніевъ» стремленія. Фоссъ и получилъ мѣсто въ Ригѣ [14]).

Между тѣмъ въ Германіи распространился слухъ, что Ленцъ получилъ мѣсто «профессора тактики, политики и изящныхъ наукъ». 14 октября писалъ объ этомъ Шлоссеръ Мерку, считая извѣстіе очень забавнымъ [15]). Герцогиня Веймарская Амалія, по поводу этого слуха, замѣтила, что университетъ, избравшій Ленца, вѣроятно, «сошелъ съ ума». Вмѣстѣ съ тѣмъ она выражала сердечное удовольствіе, что «бѣдный Ленцъ на столько поправился» [16]).

Этотъ слухъ, очевидно, находился въ связи съ надеждою Ленца получить какое-нибудь мѣсто въ Петербургѣ, откуда, по его словамъ, ему были сдѣланы предложенія вскорѣ послѣ прибытія въ Ригу [17]).

И дѣйствительно, послѣ неудачи въ Ригѣ Ленцъ рѣшился искать счастія въ Петербургѣ. Въ началѣ января 1780 года мы видимъ его уже въ Дерптѣ, откуда онъ собирается, при первой возможности, продолжать путь въ Петербургъ, «чтобы, по крайней мѣрѣ, познакомиться вблизи съ положеніемъ дѣла»*). Ленцъ убѣдительно проситъ отца выпросить у лифляндскаго генералъ-губернатора (Брауна) рекомендательное письмо къ «г. тайному совѣтнику Бецкому», которое будетъ ему крайне полезно въ виду «природной застѣнчивости» и незнанія русскаго языка и русскихъ нравовъ. Что касается его познаній, на которыя могъ бы сослаться генералъ - губернаторъ, то

---

*) См. Приложеніе А. № 21. *(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).*

Ленцъ особенно выдвигаетъ свои познанія въ военныхъ наукахъ. Изъ его словъ видно, что Ленцъ ѣхалъ въ Петербургъ, имѣя опредѣленную цѣль поступить преподавателемъ въ Военный корпусъ, директоромъ котораго состоялъ Бецкой. На воззрѣніе генералъ-губернатора онъ прилагаетъ какую-то записку (gegenwärtige Punkte), которую онъ «набросалъ въ поспѣшности», по требованію генерала. Но для поѣздки въ Петербургъ ему нужны деньги, безъ которыхъ онъ не можетъ двинуться съ мѣста. Онъ проситъ отца выхлопотать ему ссуду у Гартноха.

Неизвѣстно, получилъ ли Ленцъ рекомендательное письмо отъ лифляндскаго генералъ-губернатора къ Бецкому [18]), но надежда занять деньги у Гартноха, повидимому, не осуществилась. За то къ нему пришелъ на помощь другой другъ Гердера и Гаманна, рижскій образованный купецъ Беренсъ, ссудившій его ста рублями на 6 мѣсяцевъ безъ процентовъ, какъ видно изъ долговой росписки Ленца, находящейся въ настоящее время въ Берлинской Королевской Библіотекѣ [19]).

Средства на путешествіе въ Петербургъ были получены, и тѣмъ не менѣе Ленцъ почему-то медлитъ. Въ февралѣ мы его видимъ въ имѣніи Липгардта Айа [20]) и только въ мартѣ добрался онъ до Петербурга. О настроеніи, въ которомъ онъ находился въ началѣ своего пребыванія въ Петербургѣ, свидѣтельствуетъ его письмо къ Фридерикѣ Бріонъ. Жутко и непріятно чувствуетъ онъ себя на берегахъ Невы, «въ одномъ изъ самыхъ большихъ городовъ». Суровый климатъ, чужой языкъ и чужіе нравы — какъ далеко все это отъ счастливыхъ береговъ Рейна, которые Ленцъ уже не надѣется увидать, отъ зезенгеймскаго садика, въ которомъ ему дышалось легко и спокойно. Послѣ послѣдней болѣзни онъ лишился бодрости духа — и представилъ бы изъ себя «печальную фигуру» въ Зезенгеймѣ. Онъ испыталъ большія потери — и мысль о смерти начинаетъ дѣлаться ему пріятной [21]).

Стѣсненныя матеріальныя обстоятельства не позволяютъ ему даже взять почтовые расходы на заграничныя письма: онъ пересылаетъ ихъ брату оберпастору въ Дерптъ, съ просьбою уплатить порто *).

---

*) См. Приложеніе А. № 22, стр. 25. (*По рукописи Рижской Городской Библіотеки*).

Для характеристики отношенія къ Ленцу его родныхъ не мѣшаетъ замѣтить, что просьба уважена не была, и письмо, стоившее Ленцу столькихъ душевныхъ волненій, не было отправлено по назначенію [22]).

Самъ Ленцъ—отецъ давалъ тонъ отношеніямъ своихъ дѣтей къ «блудному сыну» Якобу. Старикъ не могъ отказаться отъ своей системы застращиваній, бичеваній и суровыхъ обличеній по отношенію къ послѣднему. Въ его письмахъ къ сыну постоянно шла рѣчь о его долгахъ, о грозящей ему тюрьмѣ, о непріятной перспективѣ «сгнить въ полиціи» (Verfaulen in der Policey) и т. д. Всѣ эти рѣзкіе упреки тѣмъ болѣе рѣзали душу Якоба, что, съ своей стороны, онъ не щадилъ усилій, чтобы получить какое-нибудь мѣсто. Обходясь безъ матеріальной помощи отца, который не высылалъ ему въ Петербургъ ни копѣйки денегъ, онъ нуждается въ его нравственной поддержкѣ, какъ лица, занимающаго важный постъ въ Ригѣ. Всякій легко можетъ замѣтить, что отецъ «относится къ нему менѣе дружественно, чѣмъ къ другимъ сыновьямъ». Онъ умоляетъ брата упросить отца прислать ему въ Петербургъ такое письмо, которое онъ могъ бы прочесть «всѣмъ доброжелателямъ и друзьямъ», гдѣ не было бы безполезныхъ жалобъ, которыя только вредятъ успѣху дѣла *).

Всѣ надежды Ленца сосредоточены на мѣстѣ въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, директоромъ котораго состоялъ Бецкій. 15-го апрѣля 1780 г. въ письмѣ къ Лафатеру, заговоривъ о наружности Бецкаго, его дочери и зятя, Ленцъ обѣщаетъ написать о нихъ подробнѣе, «такъ какъ онъ надѣется пристроится при кадетскомъ корпусѣ» [23]).

Изъ письма брату отъ 20-го мая 1780 г., писаннаго въ Кронштадтѣ, мы узнаемъ, что на всякій случай онъ начинаетъ добиваться мѣста въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, если ничего не выйдетъ съ Сухопутнымъ. Онъ много долженъ хлопотать, но ему недостаетъ самого необходимаго — денегъ, что ставитъ его «въ отчаянное положеніе». Друзья не могутъ болѣе поддерживать его, такъ какъ уже сдѣлали все что могли. Онъ умоляетъ брата дать ему взаймы 25 рублей. И отца онъ молитъ «спасти сына изъ кораблекрушенія его чести и его счастья». «Недовѣріе родныхъ» рѣшительно дѣлаетъ невозможнымъ исправить его «испорченную жизнь».

*) Ibidem, стр. 26.

Родные требуютъ, чтобы онъ взялъ первое попавшееся мѣсто гувернера; Ленцъ старается доказать, что ему необходимо продолжать свои хлопоты о болѣе солидномъ мѣстѣ, такъ какъ не всѣ еще надежды потеряны *).

Въ Петербургѣ кругъ знакомствъ Ленца значительно расширился въ особенности среди представителей нѣмецкой колоніи столицы. Онъ познакомился съ извѣстнымъ академикомъ и путешественникомъ Палласомъ, академикомъ Гильденштедтомъ, Баузе — будущимъ профессоромъ Московскаго университета—и мн. др. **). Вѣроятно, подъ вліяніемъ новыхъ знакомствъ у Ленца увеличивается прежній его интересъ къ физіогномикѣ. Два письма его къ Лафатеру полны физіогномическихъ наблюденій въ Лифляндіи и Петербургѣ. Всего интереснѣе строки, посвященныя Екатеринѣ II и великому князю Павлу. Ленцъ горячо оспариваетъ характеристику Екатерины въ «Физіогномикѣ» Лафатера и вновь является такимъ же панегиристомъ императрицы, какимъ онъ былъ въ самомъ началѣ литературной дѣятельности, когда писалъ въ честь ея оду, посвящая ей свои «Народныя бѣдствія». «Я видѣлъ ее близко однажды, когда она принимала въ аудіенціи депутатовъ новыхъ провинцій въ Польшѣ. Это было интересное зрѣлище. Я увидѣлъ законодательницу и притомъ законодательницу половины земли и, какъ я смѣло могу утверждать, *природную* — объ этомъ говоритъ ея взоръ. Она каждый день встаетъ ранѣе шести часовъ и работаетъ одна — и время ея удовольствій (безпримѣрный образецъ) ограничено. И всѣ ея намѣренія, планы и дѣянія находятся въ согласіи съ ея лицомъ, которое по истинѣ и въ строжайшемъ смыслѣ слова есть императорское. Я не фантазирую. Въ ея взглядѣ нѣтъ пронизывающаго огня стараго Фридриха, однако достаточно его для того, чтобы повалить на земь всякаго, кто захотѣлъ бы забыть, что она повелѣваетъ половиной свѣта» [24]).

Съ 20-го мая 1780 г. мы теряемъ на нѣсколько мѣсяцевъ всякій слѣдъ Ленца [25]). Въ сентябрѣ онъ былъ, повидимому, еще въ Петербургѣ, какъ можно думать изъ письма Frau v. Albedyll къ Ленцу отцу [26]).

---

*) См. приложеніе А. № 23. *(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).*

**) См. приложеніе А. № 22. *(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).*

Въ послѣднихъ числахъ сентября 1780 г. пріѣхалъ въ Петербургъ Клингеръ [27]). Онъ встрѣтился съ Ленцемъ въ домѣ Николаи, страсбургскаго уроженца, занимавшаго мѣсто секретаря и библіотекаря при великомъ князѣ Павлѣ и его женѣ. Вотъ что писалъ Николаи 3-го ноября 1780 г. своему однофамильцу, извѣстному литератору и книгопродавцу въ Берлинѣ: «Непосредственно одного за другимъ я имѣлъ честь принимать здѣсь двухъ нашихъ нѣмецкихъ господъ писателей, которые, повидимому, не состоятъ, однако, въ большой дружбѣ. Первый г. Ленцъ изъ Дерпта, а второй г. Клингеръ изъ Франкфурта. Вы, конечно, знаете обоихъ по ихъ произведеніямъ. Я надѣюсь имѣть случай оказать имъ обоимъ нѣкоторыя услуги, и такимъ образомъ они должны сдѣлаться моими друзьями, независимо отъ ихъ желанія или нежеланія. Юность и модное направленіе, повидимому, сбивали ихъ до сихъ поръ немного съ истиннаго пути, но въ сущности оба они кажутся мнѣ, однако, очень хорошими, честными и добросовѣстными нѣмцами» [28]). Въ серединѣ декабря Николаи пишетъ уже тому же корреспонденту, что Клингеръ зачисленъ во флотъ и занялъ у великаго князя Павла мѣсто чтеца [29]).

Напротивъ того, Ленца постигла неудача. Не добившись ничего въ Петербургѣ, онъ принужденъ былъ возвратиться въ Лифляндію и выступить вновь въ ненавистной ему роли «гофмейстера». Въ ноябрѣ 1780 г. онъ уже занялъ мѣсто домашняго учителя въ семействѣ «ассессора» Энгельгардта въ Олерсгофѣ [30]). Но здѣсь онъ оставался очень короткое время и занялъ подобное же мѣсто въ домѣ «каммеръ-юнкера» Липгардта, жившаго то въ Дерптѣ, то въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи Айа [31]). Однако, и этотъ опытъ возобновленія «гофмейстерскихъ» занятій былъ очень непродолжителенъ. По словамъ его преемника въ домѣ Липгардта, Марпурга, Ленцъ не могъ тамъ ужиться и, по своему обыкновенію, внезапно исчезъ изъ дому въ туманную ночь и направился въ Тарвастъ [32]).

Въ это время сердце Ленца, такъ легко воспламенявшееся, снова было охвачено пылкою страстью. Предметомъ ея была молодая дѣвушка Юлія Альбедиль, принадлежавшая къ дворянскому семейству, владѣвшему имѣніемъ вблизи Дерпта и очень дружному со всей семьей стараго Ленца [33]). Юлію нашъ поэтъ зналъ еще до своего отправленія заграницу, когда она была дѣвочкой 9—10 лѣтъ [34]).

Теперь она предстала передъ нимъ взрослой очаровательной дѣвушкой,—и сердце его не устояло. Снова начались его любовныя безумства, которымъ онъ заплатилъ такую обильную дань въ лучшіе годы своей жизни подъ небомъ Эльзаса. Надо ли говорить, что и эта любовь его была несчастна? «Повѣреннымъ своего сердца» и «посредникомъ» Ленцъ избралъ упомянутаго Марпурга, который и передавалъ Юліи «любовныя письма и маленькіе подарки» отъ влюбленнаго. Чѣмъ менѣе сочувствія проявляла къ нему молодая дѣвушка, тѣмъ жарче разгоралась его страсть, нашедшая выраженіе въ «жалобныхъ пѣсняхъ», которыя онъ сталъ сочинять, вызывая состраданіе со стороны своего новаго друга [35]).

Неудача въ этой новой любви, послѣдней изъ извѣстныхъ намъ, была, вѣроятно, одною изъ причинъ, что онъ вновь покинулъ Лифляндію, и на этотъ разъ уже навсегда.

Въ февралѣ 1781 года Ленцъ былъ уже снова въ Петербургѣ, какъ видно изъ письма пастора Щибальскаго къ его отцу [36]). Снова начались хлопоты о мѣстѣ, не увѣнчивавшіяся успѣхомъ. Судя по этому письму, можно думать, что надъ головой несчастнаго «бурнаго генія» собрались черныя тучи, среди которыхъ не видѣлось никакого просвѣта [37]).

Однимъ изъ тяжкихъ ударовъ, постигшихъ Ленца, было холодное, или насмѣшливое, или прямо враждебное отношеніе къ нему его прежнихъ друзей въ Германіи. Онъ дѣлаетъ попытку примириться съ Гёте и его пріятельницей Штейнъ и съ этою цѣлью пишетъ къ нимъ обоимъ письма. Это видно изъ писемъ Гёте къ его подругѣ 23 и 25 марта 1781. Въ первомъ онъ пишетъ: «Вотъ письмо къ Ленцу; изъ него ты увидишь, что̀ и какъ написать тебѣ ему», а во второмъ: «Спасибо за письмо къ Ленцу» [38]). Такимъ образомъ оба отвѣта Ленцу были написаны строго обдуманно и въ сущности подъ диктовку Гёте. Изъ этого легко заключить, что отвѣты не были благопріятны Ленцу и были выражены такъ, что у него должна была отпасть всякая охота вновь попытать свое счастье и возобновить переписку. Еще въ письмѣ къ Гердеру изъ Риги (въ октябрѣ 1779 г.) Ленцъ горько жаловался на то, что Гёте не хочетъ его знать. «Другъ Гёте меня конечно забылъ—не можетъ, не хочетъ, какъ я вижу, вмѣшиваться въ какія бы то ни было мои дѣла» [39]). Письмо Гёте къ Ленцу въ мартѣ 1781 г. могло только убѣдить послѣдняго, какъ основательны

были его опасенія. Что до Гердера, то его рѣшительный отказъ рекомендовать Ленца на мѣсто «ректора» рижской школы долженъ былъ привести къ разрыву между ними. Пришелъ чередъ и за Виландомъ.

Въ 1780 и въ началѣ 1781 г. Ленцъ думалъ объ изданіи своихъ сочиненій; въ письмѣ къ Лафатеру онъ говоритъ о своемъ намѣреніи сдѣлать новое исправленное изданіе своихъ юношескихъ драмъ: «Гофмейстеръ», «Новый Меноза», «Солдаты», «Философъ по милости друзей» и «Англичанинъ» [40]). А 2 марта 1781 г. Виландъ пишетъ Мерку: «Ленцъ снова далъ о себѣ знать изъ Риги. Изъ его записки ко мнѣ можно усмотрѣть, что хотя онъ въ себя и пришелъ, но, разумѣется, не могъ возвратить себѣ разсудка, котораго у него никогда не было» [41]). Мысль объ изданіи своихъ произведеній Ленцъ сообщилъ и Виланду; но пренебрежительно-насмѣшливый тонъ этого письма Виланда показываетъ, что Ленцъ не могъ найти въ немъ поддержки, и его отвѣтъ долженъ былъ также разочаровать его, какъ это уже было съ отвѣтами Гердера и Гёте. Не даромъ же еще въ апрѣлѣ 1780 г. Ленцъ писалъ изъ Петербурга въ Веймаръ Бертуху: «Веймарскому тріумвирату (т. е. Гёте, Гердеру и Виланду) передать мой поклонъ—я васъ просить не буду. У нихъ слишкомъ много своего дѣла, чтобы думать обо мнѣ» [42]).

Разойдясь окончательно со своими прежними германскими друзьями, Ленцъ съ этихъ поръ уже принужденъ полагаться только на свои силы. Къ этому, повидимому, времени относится нѣкоторое сближеніе его со дворомъ великаго князя Павла, кабинетъ-секретаремъ котораго состоялъ Николаи, а чтецомъ Клингеръ. Въ письмѣ къ Лафатеру отъ 15 апрѣля 1780 г. гдѣ Ленцъ, какъ мы видѣли, сообщалъ свои физіогномическія наблюденія надъ Екатериной II, онъ посвящаетъ нѣсколько панегирическихъ словъ и Павлу [43]).

Съ очевидною цѣлью снискать благоволеніе при дворѣ Ленцъ пишетъ высокопарную оду въ честь Екатерины, Павла и его супруги Маріи Ѳедоровны. Она озаглавлена: «*Empfindungen eines jungen Russen* der in der Fremde erzogen seine allerhöchste Landesherrschaft wieder erblickte» [44]). Здѣсь Екатерина сравнивается съ божествомъ. Ей приписывается та заслуга, что «она объединила въ одную націю народы, прославляющіе ее на ста языкахъ». Она стоитъ выше Фридриха Великаго: тотъ «можетъ награждать,

но не можетъ дѣлать счастливымъ, какъ она». Екатерина прославляется Ленцемъ за гуманное правленіе, основанное на принципѣ свободы, а не принужденія. Въ политикѣ она выше Питта. Въ войнахъ она «побѣждаетъ сердца народовъ», съ которыми воюетъ. Ода оканчивается такимъ же восторженнымъ восхваленіемъ Павла и его супруги [45]).

Ѳиміамъ, который такъ усердно воскурялъ по адрессу Екатерины II бывшій «бурный геній», не достигъ своей цѣли: императрица не согласилась на учрежденіе новой должности въ кадетскомъ корпусѣ, предназначавшейся Ленцу его друзьями, и всѣ его надежды поступить на государственную службу рухнули [46]).

Если такимъ образомъ его постигла полная неудача при большомъ дворѣ, то онъ еще надѣялся устроиться при дворѣ наслѣдника престола. О нѣкоторой близости ко двору Павла говоритъ письмо Ленца къ Гадебушу отъ 25 марта 1781 г., въ которомъ, извѣщая о скоромъ переселеніи великаго князя въ Царское Село, Ленцъ, по порученію Николаи, освѣдомляется у Гадебуша, не нужно ли ему какихъ либо рукописей изъ великокняжеской библіотеки, которая лѣтомъ будетъ закрыта [47]). Въ письмѣ къ брату отъ 10 апрѣля 1781 г. Ленцъ уже говоритъ о милости къ нему двора и называетъ Павла «своимъ дорогимъ великимъ княземъ» *). Съ другой стороны уже 15-го апрѣля Николаи въ письмѣ къ отцу Ленца выражаетъ сожалѣніе, что Ленцъ покинулъ хорошее мѣсто у Липгардта и снова явился въ Петербургъ [48]). А черезъ нѣсколько дней, 21-го апрѣля, тотъ же Николаи пишетъ своему однофамильцу въ Берлинѣ: «Съ каждымъ днемъ Клингеръ дѣлается намъ все болѣе и болѣе симпатичнымъ, а къ Ленцу мы становимся ежедневно все равнодушнѣе» [49]).

Успѣхъ Клингера на русской службѣ заставлялъ и его прежняго литературнаго соратника Ленца мечтать о ней. Второй разъ въ своей жизни, онъ снова думаетъ теперь о военной службѣ, но также безрезультатно, какъ и въ Веймарѣ [50]).

Въ апрѣлѣ 1781 года онъ, повидимому, не нашелъ еще себѣ никакого мѣста и могъ только похвалиться тѣмъ, что кругъ его знакомствъ въ аристократическихъ кругахъ расширяется, что увеличиваетъ надежду на устройство его судьбы **). Наконецъ ему удалось

*) См. Приложеніе А. № 24 (*По рукописи Рижской Городской Библіотеки*).
**) Ibidem.

получить мѣсто личнаго секретаря у начальника Кадетскаго корпуса, генерала Бауера [51]). Но къ новой своей должности онъ не оказался пригоднымъ: онъ былъ черезъ короткій срокъ уволенъ, а его мѣсто получилъ Августъ Коцебу, авторъ «Ненависти и раскаянія» и другихъ сентиментальныхъ драмъ [52]). Въ связи, повидимому, съ этой послѣдней неудачей Ленца устроиться въ Сѣверной столицѣ стоитъ отзывъ Бакмейстера въ письмѣ къ Гадебушу въ іюнѣ 1781 года: «Поэтъ Ленцъ никоимъ образомъ не подходитъ къ нашему городу. Съ его несчастной разсѣянностью—на что онъ годится?» [53]).

Этимъ закончились попытки Ленца устроиться въ Петербургѣ. Теперь ему ничего не осталось, какъ попытать счастья въ другой столицѣ. Въ концѣ лѣта 1781 года онъ былъ уже въ Москвѣ.

Годы, проведенные Ленцемъ въ Лифляндіи и Петербургѣ по возвращеніи изъ Германіи, ознаменовались возобновленіемъ его литературной дѣятельности, прерванной на нѣсколько лѣтъ постигшимъ его тяжелымъ душевнымъ недугомъ. Вновь начинаютъ появляться въ печати его произведенія, но уже не въ лучшихъ журналахъ Германіи, какъ прежде, но въ болѣе скромномъ изданіи, затѣянномъ въ Митавѣ подъ заглавіемъ «Для читателей и читательницъ» *) Журналъ издавался полтора года, и все это время Ленцъ былъ дѣятельнымъ его сотрудникомъ. Первая статья, за его подписью, появилась въ декабрьской книжкѣ за 1780 годъ подъ заглавіемъ: «Начертаніе нѣкоторыхъ принциповъ для воспитанія вообще и въ особенности для воспитанія дворянства» [54]).

Эта небольшая статья находится, несомнѣнно, въ связи съ планами Ленца получить мѣсто въ одномъ изъ учебныхъ заведеній Петербурга и выступить въ роли воспитателя русскаго юношества. Ему, очевидно, хотѣлось зарекомендовать себя въ педагогическомъ отношеніи и заручиться лишнимъ шансомъ въ свою пользу. Какъ мы видѣли, онъ мечталъ о Кадетскомъ корпусѣ, и потому высказать свой взглядъ на воспитаніе *дворянскихъ* дѣтей было особенно умѣстно.

Прежній «бурный геній», мятежной боецъ за освобожденіе личности, заклятой врагъ сословныхъ привилегій и изобличитель поро-

---

*) „Für Leser und Leserinnen“. Mitau, gedruckt bey Iohann Friedrich Steffenhagen, Hochfürstl. Curl. Hofbuchdrucker. Журналъ началъ выходить въ іюнѣ 1780 г. и прекратился на восемнадцатомъ номерѣ (ноябрь 1781 г.).

ковъ дворянства теперь является въ роли глашатая добродѣтелей, свойственныхъ этому послѣднему сословію. «Первый принципъ въ воспитаніи—говоритъ авторъ—есть признаніе власти надъ нами». Человѣкъ рождается существомъ безпомощнымъ и съ первыхъ дней жизни нуждается въ заботахъ и покровительствѣ другихъ. «Поэтому первымъ чувствомъ его является благодарность къ тѣмъ, кто оказываетъ ему помощь, отсюда проистекаетъ нѣжность къ родителямъ или къ заступающимъ ихъ мѣсто; эта нѣжность въ болѣе зрѣлые годы является источникомъ преданности начальникамъ, а эта послѣдняя порождаетъ преданность источнику высшей власти» [55]). Дворянство тѣмъ отличается отъ другихъ сословій, что оно призвано къ исполненію высшихъ государственныхъ должностей. «Величайшая честь дворянъ заключается въ величайшей вѣрности къ своимъ повелителямъ». Такимъ качествомъ отличается русское дворянство, блистающее именами Чернышевыхъ, Голицыныхъ, Румянцевыхъ и многихъ другихъ. Задача воспитанія дворянскаго юношества заключается въ томъ, чтобы подготовить изъ нихъ будущихъ государственныхъ дѣятелей и полководцевъ. «Просвѣщеніемъ» его могутъ заниматься и иностранные учители, а «воспитаніе» должно быть поручено не иначе, какъ соотечественникамъ. Такъ Александръ Македонскій былъ воспитанъ при дворѣ и въ походахъ своего отца, а просвѣщался Аристотелемъ [56]).

Вопросамъ воспитанія посвящена и статья «Санградо», имѣющая форму писемъ къ историческимъ дѣятелямъ: кардиналу Ришелье и кардиналу Флери [57]). Въ первомъ идетъ рѣчь о народномъ образованіи и участіи въ немъ духовенства. Вновь осыпая похвалами русское дворянство, Ленцъ полагаетъ, что ему, а не духовенству, должно быть представлено руководство этимъ важнымъ дѣломъ. Второе письмо касается воспитанія принца, при чемъ цѣлью автора является доказать, что оно не можетъ быть поручено духовному лицу [58]).

Высокій образецъ истиннаго дворянина выставленъ въ статьѣ: «Нѣчто о характерѣ Филотаса (фіалка на его гробъ)», посвященной памяти молодаго барона Фитингофа, бывшаго, повидимому, въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Ленцемъ [59]). Это нѣчто въ родѣ «элегіи въ прозѣ». Оплакивая преждевременную кончину молодого барона, Ленцъ разсказываетъ о первомъ своемъ знакомствѣ съ

нимъ въ Страсбургѣ, о его путешествіяхъ, широкомъ образованіи, высокихъ качествахъ души и послѣднихъ минутахъ жизни [60]).

Интереснѣе для насъ статьи сатирическаго содержанія, написанныя въ формѣ лукіановскихъ діалоговъ. Сразу чувствуется, что здѣсь Ленцъ въ своей сферѣ.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя разговоръ въ царствѣ тѣней подъ заглавіемъ «Элизій» [61]), который является продолженіемъ полемики Ленца противъ Виланда. Какъ мы уже знаемъ, въ Веймарѣ онъ помирился и даже подружился со своимъ прежнимъ врагомъ, но, по возвращеніи въ Россію, у него снова послѣдовалъ разрывъ съ Виландомъ.

Въ царствѣ тѣней пристаетъ челнъ стараго Харона.

Меркурій (*выходя изъ челна*) Caȓedis! Давненько я не былъ здѣсь.

Тѣни. Добро пожаловать, добро пожаловать, Меркурій! Однако ты имѣешь смѣшной видъ: свои перья потерялъ наполовину, напудренъ, надушенъ и расфранченъ, какъ...

Меркурій. Petit-maitre, voulez-vous dire! Да, клянусь св. Патрикомъ, если теперь хочешь имѣть успѣхъ въ обществѣ тамъ, наверху, то должно наряжаться иначе, чѣмъ во времена Гомера, Амфіоны и Виргилія. Goddam! они вытолкали бы меня въ дверь, если бы я выступилъ въ той же природной наготѣ, какъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ.

На вопросъ Харона Меркурій объясняетъ, что онъ больше уже не служитъ у Юпитера.

Тѣни. Онъ тебя отставилъ?

Меркурій. О нѣтъ, я самъ взялъ congé; я нанялся къ г. гофрату Виланду въ Веймарѣ за пол-луидора въ годъ.

Тѣни. Это тотъ самой человѣкъ, который когда-то вторгался въ Элизій съ Геркулесомъ, Альцестой и Адметомъ? *)

Меркурій. Vilainie, vilainie! Стоитъ ли повторять эти старыя сказки. (*Вынимаетъ лорнетъ*). Но гдѣ же прячутся Анакреонъ, Гомеръ, Горацій, Цицеронъ, Лукрецій, Лукіанъ, и какъ они еще тамъ называются? Изъ нихъ ни души на берегу.

Тѣнь Робинзона Крузо. Когда я доилъ моихъ козъ, я видѣлъ цѣлый рой тѣней, летѣвшихъ въ Саванны.

---

*) Ср. выше стр. 307.

Слѣдуетъ разговоръ Меркурія съ Робинзономъ, въ которомъ осмѣиваются многочисленныя въ Германіи передѣлки знаменитаго романа Дефо. Меркурій собирается въ обратный путь.

Харонъ. Не позабудь свой свертокъ!

Меркурій. Dieu me garde! Это подписные билеты. Попробую спустить ихъ здѣсь въ подземномъ мірѣ. Вмѣстѣ съ ними идетъ въ продажу большая новая поэма *).

Тѣнь. Горацій, Теренцій и Лукрецій пошли въ лавровую рощу, чтобы принять *Лессинга* **). Это сказалъ мнѣ *Экгофъ*, который также поспѣшилъ туда рука объ руку съ *Лекеномъ* и *Гаррикомъ.*

Меркурій Ah vite, vite! (*дѣлаетъ пируэтъ*). Jusqu' à revoir.

Харонъ. (*удерживая его за крыло лѣвой ноги*) Заклинаю перунами Зевса! Скажи, ты совсѣмъ забылъ нѣмецкій языкъ, если постоянно шпигуешь свою рѣчь французскими словами?

Меркурій. Сейчасъ видно, что ты не подписчикъ моего хозяина: уткни носъ въ Philosophie endormie!—Прощай [62]).

Въ другомъ діалогѣ: «Merkur und Mistriss Modish» [63]) Ленцъ бичуетъ свѣтскихъ женщинъ, ставящихъ цѣлью своей жизни «жить по модѣ». Меркурій сопровождаетъ въ царство тѣней Mistriss Modish, которая всего болѣе горюетъ о томъ, что смерть ее застала въ самый разгаръ сезона, когда каждый день у нея занятъ свѣтскими обязанностями и развлеченіями. «Подождите до лѣта, тогда я съ удовольствіемъ пойду за вами; мнѣ кажется, что въ елисейскихъ поляхъ такъ же хорошо, какъ въ деревнѣ». Болтовню этой «щеголихи» о своей свѣтской жизни Меркурій прерываетъ вопросомъ, какъ она исполняла свои обязанности по отношенію къ мужу и дѣтямъ.

Mistriss Modish. Что касается воспитанія моихъ дѣтей, то я не щадила на это никакихъ издержекъ. У нихъ былъ танцмейстеръ, учитель музыки, учитель рисованія и французская гувернантка для обученія манерамъ и французскому языку.

Меркурій. Слѣдовательно ихъ религія, чувства и нравственность были въ рукахъ учителей танцевъ, пѣнія, рисованія и въ рукахъ горничной!

---

*) Разумѣется „Оберонъ“ (1780).

**) Лессингъ умеръ въ февралѣ 1781 г.

Меркурій совѣтуетъ ей держаться подальше отъ Миноса, «который за пренебреженіе обязанностями наказываетъ такъ же строго, какъ и за само преступленіе» [64]).

Возможно, что Ленцу принадлежали и нѣкоторыя другія статьи, помѣщенныя въ митавскомъ изданіи [65]).

Германской публикѣ Ленцъ напомнилъ о себѣ изданіемъ небольшой книжки подъ заглавіемъ «Философскія лекціи для чувствительныхъ душъ» (Франкфуртъ и Лейпцигъ 1780). Но здѣсь были собраны статьи, происхожденіе которыхъ относится ко времени его жизни въ Страсбургѣ *).

---

*) См. выше стр. 141 и прим. 143 къ гл. IV-ой.

ГЛАВА XV.

Въ Москвѣ.

„Meine Kräfte sind verbraucht, das Oel ist verzehrt, was wollt Ihr mit der stinkenden verlöschenden Lampe?"

Lenz.

Почему послѣ неудачи въ Петербургѣ Ленцъ направился въ Москву?

На этотъ вопросъ имѣются разные отвѣты. По словамъ одного современника, ѣхать въ Москву уговорили Ленца молодые русскіе, съ которыми онъ познакомился въ Петербургѣ [1]). Самъ Ленцъ утверждалъ, что въ старую столицу его привело желаніе «изучать исторію своего отечества, т. е. Россіи» подъ руководствомъ извѣстнаго исторіографа Миллера [2]). Съ другой стороны, можно думать, что у него была надежда устроиться тамъ при помощи своего родственника изъ Кюстрина, служившаго лейбъ-медикомъ у графа Панина [3]).

Пріѣздъ Ленца въ Москву былъ не особенно удаченъ: онъ заболѣлъ [4]). Въ октябрѣ Миллеръ, бывшій тогда директоромъ Архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, предложилъ Ленцу мѣсто гувернера («eine Information») въ одномъ аристократическомъ русскомъ семействѣ («in einem vornehmen russischen Hause»). Ленцъ, однако, несмотря на свои стѣсненныя матеріальныя обстоятельства, отказался отъ предлагаемаго мѣста, выставляя довольно странную причину: недостаточное знаніе русской исторіи [5]). Съ самаго начала пребыванія Ленца въ Москвѣ Миллеръ принялъ его подъ свое покровительство и сдѣлался его «благодѣтелемъ» [6]). Вскорѣ Ленцъ поселяется въ домѣ Миллера и живетъ у него, повидимому, до самой смерти радушнаго хозяина, послѣдовавшей въ октябрѣ 1783 года [7]).

Изъ крайне интереснаго письма Ленца-отца къ Миллеру мы узнаемъ, что старикъ не переставалъ относиться къ сыну, какъ къ сбившемуся съ пути истиннаго, которому нужно вѣчно твердить объ исправленіи и котораго нужно держать въ уздѣ и послушаніи. Оказывается, что переписка Ленца находилась подъ наблюденіемъ Миллера. Отецъ, какъ особой милости, проситъ у Миллера позволить «скорбному сыну» представлять ему уже запечатанными письма къ нему. И самъ старикъ, на этотъ разъ, посылаетъ сыну письмо запечатаннымъ. Онъ благодаритъ Миллера за его «непрекращающуюся отцовскую любовь и заботливость» по отношенію къ его сыну, надѣется, что онъ наставитъ «заблудшаго» на путь истинный и сдѣлается его «спасителемъ». Старикъ надѣется также на содѣйствіе жены Миллера, «изъ уваженія къ почтенному характеру которой Якобъ постыдится возобновлять свои старыя продѣлки» [8]).

Въ лицѣ Миллера и его жены Ленцъ, повидимому, встрѣтилъ людей, которые отнеслись къ нему человѣчно и внимательно. Смерть Миллера должна была быть большимъ несчастіемъ для Ленца.

Литературная дѣятельность Ленца, между тѣмъ, не прекращалась. Въ началѣ 1782 г. въ митавскомъ журналѣ «Liefländisches Magazin der Lektüre», издателемъ котораго былъ тотъ же Möller, который въ 1780—81 гг. издавалъ журналъ «Fur Leser und Leserinnen», появилась трагедія Ленца «Die sizilianische Vesper». Время написанія этого послѣдняго плода драматической музы Ленца неизвѣстно. Проф. Вейнгольдъ относитъ его къ 1774—75 гг., но его доводы намъ кажутся недостаточно убѣдительными [9]). И пока не будетъ доказано противное, не исключается возможность, что эта трагедія, если не цѣликомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ окончательной отдѣлкѣ относится къ первымъ годамъ по возвращеніи его въ предѣлы Россіи. Мы знаемъ, что, живя въ Петербургѣ, онъ работаетъ надъ переводомъ изъ Шекспира [10]); въ 1780 г. онъ говоритъ о «спѣшныхъ» литературныхъ работахъ [11]); въ 1781 году дѣятельно участвуетъ въ журналѣ «Für Leser und Leserinnen»; въ 1783 г. посылаетъ еще изъ Москвы Гарткноху свои произведенія для печатанія [12]).

Если даже, что вполнѣ возможно, замыселъ и частичное исполненіе трагедіи относятся еще къ эпохѣ его страсбургской жизни, то нельзя все-таки считать совершенно ошибочнымъ предположеніе, что окончаніе и послѣдняя редакція пьесы сдѣланы были уже въ Россіи.

Даже, еслибы «Die sizilianische Vesper» была уже привезена имъ изъ-за границы совершенно готовою, то все же остается невѣроятнымъ, чтобы онъ отправилъ ее въ печать безъ всякихъ измѣненій и поправокъ. Мы знаемъ, что какъ разъ въ эпоху, предшествовавшую напечатанію этой трагедіи, Ленцъ думалъ о новомъ, «исправленномъ и улучшенномъ» изданіи своихъ сочиненій. Каково могло быть это «улучшеніе» или «исправленіе» — это другой вопросъ, но является несомнѣннымъ, что при такомъ настроеніи онъ не могъ пустить въ печать старую залежавшуюся рукопись безо всякихъ поправокъ и передѣлокъ. Такимъ образомъ—по меньшей мѣрѣ, окончательная редакція трагедіи была имъ сдѣлана въ Россіи, въ періодъ съ конца 1779 по 1781 включительно годъ. По всей вѣроятности, «Сицилійская вечерня» была привезена имъ изъ-за границы въ видѣ набросковъ и эскизовъ, среди многихъ другихъ подобныхъ драматическихъ плановъ и попытокъ. Обработка одного изъ подобныхъ плановъ могла имѣть для него особенное значеніе, какъ средство выставить свой талантъ въ новомъ свѣтѣ. Мы знаемъ, что его первая комедія «Гофмейстеръ» вооружила противъ него его родныхъ, которые были возмущены тѣмъ, что въ пьесѣ были выставлены въ смѣшномъ и неблагопріятномъ свѣтѣ нѣкоторыя лица, бывшія въ числѣ «благодѣтелей» семьи Ленцевъ. Послѣдующія комедіи также мало нравились его роднымъ, какъ это можно судить по семейной корреспонденціи [13]). Теперь какъ будто Ленцъ старался загладить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на его родню его заграничною литературною дѣятельностью, и показать, что кромѣ сатирическихъ комедій онъ можетъ писать и серьезныя историческія трагедіи, лишенныя какихъ бы то ни было личныхъ намековъ. Подъ вліяніемъ такого расчета, онъ и выбралъ изъ своего портфеля наиболѣе удовлетворявшіе его наброски, изъ которыхъ и составилъ нѣчто законченно-цѣлое. Думается также, что еслибы «Сицилійская вечерня» относилась *вполнѣ* къ 1774—75 г., слѣдовательно, къ эпохѣ наиболѣе блестящаго развитія его таланта, она явилась бы предъ нами въ болѣе талантливой отдѣлкѣ, чѣмъ является теперь. Кромѣ того, нельзя не указать на то обстоятельство, что именно по возвращеніи въ Россію у него особенно сильно развивается историческій интересъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его многочисленные черновые наброски и переводы, относящіеся къ его московской жизни.

Какъ единственная дошедшая до насъ, законченная историческая трагедія Ленца, «Сицилійская вечерня» представляетъ значительный интересъ.

Въ противоположность съ большинствомъ другихъ своихъ драматическихъ произведеній, Ленцъ придерживается здѣсь принципа единства мѣста и времени. Все дѣйствіе разыгрывается подъ Мессиной и въ самой Мессинѣ наканунѣ и въ самый день знаменитой «сицилійской вечерни» (1282 г.).

Въ первой сценѣ авторъ выводитъ передовые отряды двухъ враждебныхъ армій, расположившихся подъ Мессиной и предводительствуемыхъ Филиппомъ Анжуйскимъ и Донъ-Педро Аррагонскимъ, которые ведутъ войну изъ-за обладанія Сициліей. Уже съ самаго начала Ленцъ не придерживается строго историческихъ фактовъ: въ дѣйствительности противникомъ Донъ-Педро въ эпоху сицилійской вечерни былъ Карлъ Анжуйскій, а не его племянникъ Филиппъ, принявшій участіе въ борьбѣ только послѣ смерти своего дяди (1284). Затѣмъ Ленцъ нарушаетъ и хронологическую послѣдовательность фактовъ: въ дѣйствительности сицилійская вечерня была причиной, возбудившей войну между королями Анжуйскимъ и Аррагонскимъ; въ трагедіи же Ленца это кровавое событіе совершается въ заключеніе враждебныхъ дѣйствій между двумя королями, причемъ анжуйскій король погибаетъ вмѣстѣ съ сыномъ и дочерью [14]).

Пьеса открывается споромъ между Донъ-Педро и Филиппомъ, изъ которыхъ каждый изъявляетъ притязанія на Сицилію. При этомъ мы узнаемъ, что принцъ Салерно Анжуйскій взятъ въ плѣнъ адмираломъ Лоріа. (Въ дѣйствительности это совершилось послѣ сицилійской вечерни и принцъ Салерно былъ сыномъ Карла, а не Филиппа Анжуйскаго). Граждане Мессины, съ Цанусомъ во главѣ, требуютъ выдачи плѣннаго принца, который своею кровью долженъ заплатить за смерть Конрадина, и замышляютъ перебить всѣхъ приверженцевъ анжуйской партіи. Также въ противоположность историческимъ обстоятельствамъ, Ленцъ выводитъ папскаго легата (Леотихія) принимающимъ сторону короля Аррагонскаго [15]).

Второй актъ происходитъ въ Мессинѣ во дворцѣ королевы Аррагонской Констанціи. Здѣсь авторъ вводитъ въ цѣпь историческихъ событій чуждый имъ въ дѣйствительности романическій элементъ: сестру принца Салерно Изабеллу онъ заставляетъ влюбиться въ

принца Ксавера, сына Констанціи и Донъ-Педро. (Въ дѣйствительности аррагонскій принцъ назывался иначе и не принималъ участія въ событіяхъ этой войны). Переодѣтая въ мужской костюмъ, Изабелла проникаетъ во дворецъ Констанціи, выдавая себя за посланца короля Филиппа, предлагающаго миръ. Констанція обрадована возможностью скораго окончанія войны, но сициліецъ Прочида всячески старается поддержать въ ней ненависть къ французамъ и взываетъ къ отмщенію за кровь Конрадина. Обманъ мнимаго посланца обнаруживается; Изабелла скрываетъ свое королевское происхожденіе и выдаетъ себя за простую француженку. Только одной каммерфрейлинѣ Иренѣ извѣстно, что ее привела сюда любовь къ принцу Ксаверу, о геройскихъ подвигахъ котораго она слышала много разсказовъ [16]).

Третій актъ происходитъ въ лагерѣ принца Ксавера передъ восходомъ солнца. Онъ погруженъ въ думы о мщеніи за смерть Конрадина, но не можетъ одобрить плана Прочиды и Цануса, задумавшихъ устроить всеобщую рѣзню французовъ. Онъ скорѣе склоняется къ миру съ Филиппомъ. Адмиралъ Лорія открываетъ ему, что принцъ Салерно былъ взятъ въ плѣнъ только благодаря помощи француза (т. е. Изабеллы), являющагося теперь подъ видомъ греческаго раба. Ксаверъ задумываетъ послать съ подложными письмами къ королю Филиппу этого неожиданнаго союзника, но здѣсь Изабелла открываетъ ему себя, и Ксаверъ начинаетъ понимать, что изъ любви къ нему она предала своего брата. Эта нѣжная сцена, одна изъ лучшихъ въ пьесѣ, прерывается извѣстіемъ, что Мессина горитъ [17]).

Четвертый актъ состоитъ всего изъ двухъ сценъ. Въ первой папскій легатъ подстрекаетъ Цануса начать немедленно рѣзню французовъ. Во второй сценѣ Лорія разсказываетъ о происшедшемъ въ Мессинѣ: о смерти Прочиды и Салерно и предполагаемой смерти Изабеллы.

Мѣстомъ дѣйствія пятаго акта являются улицы Мессины съ дымящимися развалинами. Констанція и Ксаверъ оплакиваютъ смерть Изабеллы, за гробомъ которой они слѣдуютъ. Филиппъ ищетъ въ развалинахъ трупа своего сына и проклинаетъ его предателя. Ксаверъ выдаетъ себя за виновника гибели Салерно, но въ это время Изабелла, которую считали умершей, выступаетъ изъ свиты короля,

гдѣ она скрывалась въ мужскомъ платьѣ, и признается, что она предала брата. Филиппъ поражаетъ ее мечомъ и самъ падаетъ отъ кинжала Ксавера, который хочетъ лишить себя жизни, но Лорія обезоруживаетъ его. Этимъ кончается пьеса, не выдающаяся особенными достоинствами [18]).

Мы уже видѣли, насколько Ленцъ уклоняется здѣсь отъ историческихъ фактовъ и произвольно комбинируетъ лица и событія. Главными дѣйствующими лицами онъ сдѣлалъ Изабеллу и принца Ксавера. Первая должна представлять собою героическую женщину, которая, увлеченная страстью къ аррагонскому принцу, дѣлается предательницей роднаго брата и причиной пораженія своихъ соотечественниковъ. Но этотъ хорошо задуманный характеръ не удался поэту: передъ нашими глазами выводится имъ только слабая влюбленная дѣвушка, а не героиня. Также блѣденъ характеръ Ксавера, много разглагольствующаго о мщеніи, но не дѣйствующаго. Остальнымъ характерамъ удѣлено еще менѣе вниманія [19]).

Историческіе сюжеты интересовали Ленца и въ Москвѣ. Таковъ драматическій набросокъ, представляющій отрывокъ трагедіи изъ жизни Бориса Годунова. Всегда отличаясь чуткостью къ истинно драматическимъ сюжетамъ, Ленцъ здѣсь выступаетъ предшественникомъ Пушкина. Къ сожалѣнію, сохранилась только одна сцена трагедіи.

Борисъ. (Сидитъ въ маленькой комнатѣ, окруженный бумагами, которыя онъ читаетъ; нѣсколько русскихъ купцовъ стоятъ передъ нимъ, преклонивъ головы). Хорошо, хорошо, я понимаю ваши жалобы. Вы опасаетесь, что, если этотъ ребенокъ выростетъ, при дворѣ появится слишкомъ много татарскихъ мурзъ (sic!). Нужно принять мѣры—(долго ходитъ по комнатѣ въ безмолвіи).

Купецъ. Однако мы не хотимъ проливать крови—мы хотимъ только удалить его, чтобы ему не сдѣлаться царемъ.

Борисъ думаетъ о заключеніи Димитрія въ монастырь, но купцы требуютъ удаленія царевича изъ царства. Борисъ съ жаромъ отвергаетъ ихъ предложеніе, оскорбленный тѣмъ, что купцы не выносятъ въ ребенкѣ той самой татарской крови, которая течетъ въ его собственныхъ жилахъ и которая не помѣшала ему быть побѣдителемъ татарскихъ полчищъ. Въ негодованіи Борисъ выгоняетъ отъ себя купцовъ [20]).

Этимъ оканчивается отрывокъ. О планѣ всей трагедіи судить трудно, но по замѣткамъ Ленца видно, что въ ней значительную роль долженъ былъ играть романическій элементъ съ печальнымъ исходомъ [21]).

Современные историческіе дѣятели также привлекали вниманіе Ленца.

Въ Москвѣ онъ пишетъ новую оду въ честь Екатерины II по случаю сооруженія въ Петербургѣ памятника Петру Великому: «Auf des Grafen Peter Borisowitsch Scheremetjeff vorgeschlagene Monument»*). Здѣсь императрица прославляется, какъ продолжательница «петровыхъ дѣлъ», какъ повелительница имперіи, украшенной дѣяніями «Голицыныхъ, Румянцевыхъ, Панинныхъ», какъ правительница-мать, которая «влагаетъ душу» въ милліоны подданныхъ ей народовъ [22]). Любопытно, что эта ода была написана почти одновременно съ «Фелицей» Державина.

Не одна Екатерина, но ея вельможи служили предметомъ пѣснопѣнія бывшаго «бурнаго генія». Таково стихотвореніе «Auf den Tod S. Erl. des Oberkammerherrn Senateur und Grafen Boris Petrowitsch Scheremetjeff»**), исполненное трескучаго реторическаго паѳоса [23]).

Въ первые годы своего пребыванія въ Москвѣ Ленцъ давалъ уроки въ домѣ майора Чагина, родственника княгини Дашковой, «директора» Академіи Наукъ. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Германіи и основательно познакомившись «съ ея языкомъ и нравами», Чагинъ явился «покровителемъ», «другомъ и защитникомъ» нѣмецкаго поэта, заброшеннаго въ Москву. Чагинъ поддержалъ Ленца «словомъ и дѣломъ» въ самомъ началѣ его жизни въ Москвѣ, когда онъ былъ еще совершенно незнакомъ съ русскими обычаями и языкомъ («als ich mit Sprache und Sitten allhier noch völlig unbekannt war»). Съ чувствомъ горячей признательности говоритъ Ленцъ объ этомъ добромъ человѣкѣ въ письмѣ къ отцу отъ 18-го ноября 1785 года***). Примѣръ Чагина поощрилъ и другихъ русскихъ дво-

---

*) „На предположенный графомъ Петромъ Борисовичемъ Шереметевымъ къ сооруженію монументъ".

**) На смерть его Превосходительства, оберъ-каммергера, сенатора и графа Бориса Петровича Шереметева".

***) См. приложеніе А. № 25. *(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).*

рянъ отнестись къ Ленцу, «не какъ къ чужеземцу, а съ патріотической теплотою»*).

До сихъ поръ, въ Россіи и заграницей, Ленцъ давалъ частные уроки и бывалъ гувернеромъ. Въ Москвѣ онъ дѣлается преподавателемъ двухъ учебныхъ заведеній. Историкъ Миллеръ доставилъ ему мѣсто въ учебномъ заведеніи своей родственницы г-жи Экстеръ [24]). Въ письмѣ къ отцу отъ 18 ноября 1785 г. Ленцъ удостовѣряетъ, что его отношенія къ этому учрежденію продолжаются уже пятый годъ. Въ немъ состояло 90 учениковъ и 19 учителей. Задача его, повидимому, заключалась въ образованіи аристократическаго юношества и отчасти въ подготовкѣ его къ университету. Такъ Ленцъ упоминаетъ среди воспитанниковъ, уже окончившихъ курсъ, двухъ родственниковъ графа Зорича, а среди учащихся—Вяземскаго и кн. Гагарина. По словамъ Ленца, и университетъ, и генералъ-губернаторъ Москвы, графъ Ангальтъ, относятся благосклонно къ этому учрежденію **). Повидимому, Ленцъ жилъ въ немъ въ качествѣ надзирателя или воспитателя [25]).

Ленцъ состоялъ также не менѣе четырехъ лѣтъ преподавателемъ «благороднаго пансіона-института», учрежденнаго Воспитательнымъ домомъ. Объ этомъ мы узнаемъ изъ собственноручной рукописи Ленца, принадлежащей въ настоящее время проф. Вейнгольду въ Берлинѣ, подъ заглавіемъ: «Rechenschafft von den gegenwärtigen Zustände des Fortschritts in den Wissenschaften in der von dem Kaiserlichen Findelhause zu Moskau veranstalteten adelichen Pensions-instituts» (8 страницъ in 4° ***). Въ началѣ своего «Отчета» Ленцъ говоритъ о важномъ значеніи хорошей постановки воспитанія дворянскихъ дѣтей въ Россіи и сообщаетъ, что этой цѣли должно отвѣчать упомянутое учрежденіе. Отчетъ о немъ даетъ онъ на томъ основаніи, что, какъ старѣйшій преподаватель, имѣющій уже четырехлѣтній опытъ, онъ наиболѣе освѣдомленъ о положеніи дѣла. Учрежденіе это, по словамъ Ленца, пользуется довѣріемъ дворянства и воспитываетъ «значительное число дѣтей изъ лучшихъ фа-

*) Ibidem.

**) Ibidem.

***) „Отчетъ о настоящемъ состояніи успѣха въ наукахъ въ благородномъ пансіонѣ-институтѣ, учрежденномъ Императорскимъ Воспитательнымъ Домомъ въ Москвѣ“.

милій имперіи». Лучшіе воспитанники могутъ поступать въ университетъ. Такимъ образомъ, «благородный пансіонъ-институтъ» при Воспитательномъ домѣ преслѣдовалъ отчасти тѣ же цѣли, какъ и извѣстный «благородный пансіонъ», въ которомъ, по словамъ Ленца, воспитанниковъ было больше*). Большинство воспитанниковъ старшаго класса уже состояло въ гвардіи и получало отпускъ для ученія. Въ виду этого должны быть среди преподавателей офицеры, но военныя науки не составляютъ главной цѣли ихъ образованія**).

Ленцъ предлагаетъ рядъ улучшеній въ дѣлѣ преподаванія, замѣчая, что, воспользовавшись уже существующимъ опытомъ, необходимо исправить замѣченные недостатки и поставить дѣло еще выше. Ленцъ вооружается противъ механически-педантическаго преподаванія и въ особенности останавливается на исторіи, какъ «одной изъ важнѣйшихъ частей образованія» («einer der wichtigsten Theile unsers Unterrichts»***). Въ старшемъ классѣ она преподавалась по-французски; учителемъ состоялъ Herr Thierry, который читалъ съ учениками исторію Millot. Считая такое положеніе дѣла неудовлетворительнымъ, Ленцъ предлагаетъ поручить преподаваніе исторіи профессору университета. Ленцъ считаетъ необходимымъ, чтобы въ совѣщанія о предполагаемыхъ перемѣнахъ въ учебномъ дѣлѣ приглашался хотя бы одинъ учитель, близко стоящій къ дѣлу. Взаимное согласіе преподавателей должно стоять на первомъ планѣ, а принужденіе свыше не должно имѣть мѣста. Ленцъ указываетъ также на отсутствіе хорошихъ учебниковъ и между прочимъ, пользуясь указаніемъ учителя математики Сапожникова, рекомендуетъ перевести учебникъ Sturm'a. *).

Выше мы говорили, что Ленцу предлагалось мѣсто въ Philanthropin'ѣ Базедова. Отъ мѣста онъ отказался, но педагогическія идеи Базедова, очевидно, одушевляли и Ленца. Увидавъ у «ректора» нѣмецкой школы въ Москвѣ Лау «превосходное элементарное руководство господина Базедова съ гравюрами», Ленцъ мечтаетъ о томъ, чтобы купить эту книгу и преподнести ее г-жѣ Экстеръ, чтобы тѣмъ

---

*) „Die mit der K. Universität verknüpfte Adelige Pension die unsrige an der Anzahl übertrift".

**) „Allein der Hauptzweck ihrer Erziehung ist nicht der Militärische".

***) Ср. Планъ обученія, составленный конференціею Московскаго Университета. Портф. Миллера, Hist. litteraria, портф. 1-й. (Планъ этотъ на русск., лат., нѣм. и фр. яз.). *(Главный Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ).*

отблагодарить ее за ея нѣжныя заботы о немъ. Онъ думаетъ принять на себя объясненіе этого сочиненія нѣкоторымъ изъ ея пансіонеровъ. Для пріобрѣтенія книги Ленцъ проситъ денежной помощи отъ отца *).

Вопросамъ о воспитаніи посвящены черновые наброски Ленца, написанные въ Москвѣ и принадлежащіе въ настоящее время проф. Вейнгольду въ Берлинѣ, а именно: 1) Der Stundenplan. Діалогъ двухъ русскихъ о воспитаніи $4\frac{1}{2}$ стр. in-fol. Zweiter Dialog $1\frac{1}{2}$ стр. in-fol. (не ранѣе 1789 г.) 2) Essai sur l'education presenté à S. Exc. 4 стр. in-fol. 3) Brief vom Erziehungswesen an einen Hofmeister. 4 стран. большого почтоваго формата. Посвящено вопросу о дурной постановкѣ домашняго образованія и воспитанія, которое «in den meisten polizierten Ländern in den Händen der Bedienten, Friseure, Kutscher und Läuffer ist». 4) Plan zu einer Subscription für die Erziehung der Landleute in den Dörfern des Falkenwaldes bis nach den Quellen des Wasserbaues und Troitschen Kloster durch Lehrer aus Seminarien 11 стр. in-fol. (не ранѣе 1788 г.).

Такимъ образомъ Ленцъ интересуется вопросами и домашняго, и средняго, и низшаго образованія. Главный его интересъ направленъ на воспитаніе дворянства, что вполнѣ понятно: онъ шелъ въ унисонъ съ начинаніями екатерининскаго царствованія. Но онъ думаетъ и о мѣщанствѣ (Essai sur l'education presenté à S. Exc.) и крестьянствѣ (см. выше рукоп. № 4 *).

Намъ нѣтъ необходимости входить подробнѣе въ содержаніе этихъ черновыхъ набросковъ и бѣглыхъ замѣтокъ, относящихся къ различнымъ годамъ и заключающихъ въ себѣ на ряду съ дѣльными воззрѣніями также и нелѣпости, которыя свидѣтельствуютъ о душевномъ недугѣ, прогрессивно возроставшемъ въ теченіе его московской жизни. Подобныя рукописи Ленца интересны не своимъ точнымъ содержаніемъ, а предметомъ, которому онѣ посвящены, и отношеніемъ къ нему автора. Важно то, что и въ состояніи душевнаго недуга Ленцъ полонъ благородныхъ и возвышенныхъ стремленій, и въ головѣ его роятся всевозможные планы на пользу русскаго просвѣщенія.

Видное мѣсто среди его образовательныхъ плановъ, занимавшихъ

*) Ср. Приложеніе А. № 25.

его все время по возвращеніи изъ-за границы, принадлежитъ его проекту учрежденія университета въ Дерптѣ.

Еще въ 1780 году этимъ проектомъ онъ старается заинтересовать «кабинетъ-секретаря» Николаи, полагая, что послѣдній, какъ ученикъ проф. Шöпфлина въ Страсбургѣ, основателя многихъ высшихъ учебныхъ заведеній, приметъ этотъ проектъ къ сердцу [28]). О томъ же онъ пишетъ своему старому покровителю, историку и дерптскому бургомистру Гадебушу. Прежде всего Ленцъ выдвигаетъ экономическія соображенія: отсутствіе университета въ Лифляндіи заставляетъ юношество тратить много денегъ на заграничные университеты. Совершенно основательно указываетъ Ленцъ на тѣ насущныя потребности, которыми обусловливается необходимость университета въ Дерптѣ. Основаніе его вызоветъ приливъ учащейся молодежи и послужитъ ко благу этого города [29]).

Мысль эта дѣлается своего рода idée fixe послѣднихъ лѣтъ жизни Ленца; ей удѣлено много мѣста въ послѣднихъ его письмахъ [30]).

Живя въ Страсбургѣ, Ленцъ, какъ мы знаемъ, принималъ дѣятельное участіе въ литературномъ кружкѣ Зальцманна, а затѣмъ былъ главнымъ основателемъ обновленнаго страсбургскаго литературнаго общества.

Симпатіи къ подобнымъ учрежденіямъ сохранилъ онъ и въ московскіе годы своей жизни. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его неизданный проектъ открытія литературнаго общества, составленный на французскомъ и русскомъ языкахъ. Французская рукопись носитъ названіе: «Мирныя предложенія или проектъ открытія литературнаго общества въ Москвѣ» (Propositions de paix ou projet d'ouverture d'une Assémblée littéraire à Moscou).

Московское общество, задуманное Ленцемъ, должно было значительно отличаться отъ страсбургскаго. Послѣднее преслѣдовало литературно-національныя цѣли и должно было стоять на стражѣ германизма въ Эльзасѣ. Московское общество должно было, по проекту Ленца, задаваться болѣе широкими задачами просвѣтительнаго, моральнаго и религіознаго характера. Въ проектѣ указаны три главныхъ цѣли: 1) «обновлять и украшать храмы столицы» (renouveller et embellir les églises de cette capitale), 2) «внушать добрую нравственность всѣмъ согражданамъ этого громаднаго города» (d'inspirer de bonnes moeurs à tous les concitoyens de cette ville enorme);

3) «Изыскивать значительныя средства для училищъ всякаго рода» (à trouver des fonds solides à toutes les écoles possibles).

Собраніе общества должно было происходить еженедѣльно по вторникамъ «въ домѣ покойнаго... Вольнаго Россійскаго Общества члена Ивана Григорьевича». Не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь разумѣется Иванъ Григорьевичъ Шварцъ, извѣстный масонъ и другъ Новикова, умершій 17 февраля 1784 года. Слѣдовательно, собранія должны были происходить у вдовы Шварца и самый проектъ, вѣроятно, относится къ этому или ближайшему году.

Общество носило аристократическій характеръ и пополнялось болѣе всего «вельможами» и дамами «вышнихъ классовъ». «Тѣ которымъ входы въ сей собраній (sic!) дозволены получаютъ билетовъ (sic!) въ домѣ Ея Сіятельства княгини Трубецкой: всякому члену дозволяется привести не болѣе двухъ благонравныхъ женщинъ». Произведенія искусства должны были украшать домъ собранія: «На входѣ, въ большемъ салѣ поставлены будутъ нѣкоторые славные картинки разныхъ мастеровъ, также и гравированные ѳигуры, дабы вельможи обоего пола о нихъ давали свое мнѣніе».

«Прежде вступленія въ комнаты собранія, обѣщаютъ вельможи *крайнее забвеніе* всего того что касается до исторіи прагматической *прошедшихъ, давнихъ и новѣйшихъ временъ*, не токмо политической, воинской, но и *духовной* *). Ибо здѣсь дѣла нѣтъ ни о *гвельѳахъ*, ни о *гибелинахъ*, ни о *каѳоликахъ*, ни о *грекахъ*, ни о *лютеранахъ*, ни о кальвинистахъ, ни о войнахъ между разными сорѣвнующими европейскими и азіатическими народами». «Единной предметъ» собранія есть «*совершенное согласіе нѣкоторыхъ вельможъ*, наполненныхъ любви къ Божеству, для обновленія и украшенія» церквей столицы, которая въ этомъ отношеніи должна подавать примѣръ всей Россіи. Задачей собранія является также «изобрѣтеніе средствъ къ основанію или умноженію и поправленію всѣхъ училищъ, находящихся

---

*) Въ подлинномъ текстѣ Ленца предлогъ *до* управляетъ винительнымъ падежемъ: до исторію прогматическую и т. д. Слѣдуетъ замѣтить, что и въ нѣмецкой рѣчи Ленцъ допускалъ большія вольности въ управленіи предлоговъ. Ср. Pfütze, Die Sprache in Lenzens Dramen, Braunschweig 1890. Примѣчанія К. Вейнгольда къ его изданіямъ Moralische Bekehrung eines Poeten (Goethe—Jahrbuch, X, 1889 г.) и Die sicilianische Vesper, Breslau 1887.

или еще потребныхъ въ ономъ (т. е. городѣ Москвѣ), по пропорціи обстоятельствъ городскихъ жителей всякаго состоянія».

Вельможи, которые «безъ всякаго спора ни о первенствѣ, ни о иныхъ ихъ чинахъ и преимуществахъ здѣсь собраться благоволили, вступаютъ въ внутренные комнаты для *тайнаго совѣта*, между тѣмъ красный полъ вышнихъ классовъ», въ сопровожденіи Ея Сіятельства княгини Трубецкой, «безъ всякаго порядка мѣста выбираетъ себѣ около столика».

Здѣсь имъ читается рядъ лекцій. «Господинъ Сонненблатъ собесѣдуетъ съ ними о пропорціяхъ картинокъ» или читаетъ объ анатоміи въ примѣненіи къ искусству. «Господинъ Клаудъ... доказываетъ согласіе Архитектуры публичныхъ и домашныхъ строенный (sic!) съ Архитектурою всевышняго строителя тѣла человѣческаго». Эти собесѣдованія заключаетъ «господинъ Колежскый Асессоръ Розбергъ» замѣчаніями «о вкусѣ національной Архитектуры въ Россіи» и предложеніемъ средствъ его исправленія.

Далѣе слѣдуютъ проповѣди, которыя произносятся на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Затѣмъ секретарь читаетъ сочиненія, представленныя на темы, назначенныя совѣтомъ Общества. По большинству голосовъ авторъ «причисляется въ числѣ академиковъ». Послѣ музыки «одинъ изъ вельможей тайнаго совѣта» произноситъ заключительную рѣчь и распускаетъ собраніе [31]).

Таково содержаніе любопытнаго проекта Ленца. Прежде всего нельзя не замѣтить, что врядъ ли этотъ проектъ относился всецѣло къ области мечтаній нашего поэта; напротивъ того, вполнѣ опредѣленное указаніе мѣста и времени собранія, а также лицъ, принимающихъ въ немъ дѣятельное участіе, какъ будто говоритъ за то, что «общество» было близко къ своему осуществленію или даже существовало нѣкоторое время. Обращаетъ на себя вниманіе, что «общество» должно было собираться въ домѣ вдовы Шварца, выдающагося *масонскаго* дѣятеля, а также и то, что главная роль въ немъ удѣлялась, повидимому, одной изъ представительницъ фамиліи Трубецкихъ, двое членовъ которой (кн. Ю. Н. и П. Н. Трубецкіе) были въ числѣ главныхъ представителей московскаго *масонства*.

Въ проектѣ Ленца можно замѣтить нѣкоторые отдаленные отголоски масонскихъ вкусовъ и симпатій. Его «литературное общество» носитъ религіозный характеръ и притомъ характеръ космополитиче-

скій, объединяющій представителей различныхъ исповѣданій; въ немъ говорятся проповѣди; улучшеніе нравственности ставится одною изъ задачъ, преслѣдуемыхъ Обществомъ; покровъ таинственности, излюбленной масонами, находитъ себѣ отраженіе въ «*тайномъ* совѣтѣ»; рѣчь Клауда, повидимому, предполагалась совершенно въ масонскомъ вкусѣ.

Піэтистическая закваска, полученная Ленцемъ въ дѣтствѣ, затѣмъ его склонность къ экзальтированной религіозности и мистицизму, поддержанная вліяніемъ лафатеровскаго кружка, подготовила его къ принятію масонскихъ идей, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего ученія (въ особенности въ отрицательномъ отношеніи къ раціонализму и религіозному индифферентизму) «бурные геніи» подавали руку масонамъ.

По возвращеніи изъ Германіи на родину, Ленцъ сдѣлался, повидимому, членомъ масонской ложи «Zum Schwerdt» въ Ригѣ. Въ числѣ «братьевъ» ея находился другъ Ленца бар. Фитингофъ, умершій въ 1780 г. и оплаканный имъ въ статьѣ митавскаго журнала «Für Leser und Leserinneu» подъ заглавіемъ «Etwas über Philotas Karacter» (Ein Veilchen auf sein Grab»). Кромѣ того, Ленцъ произнесъ похвальное слово въ память барона въ засѣданіи рижской масонской ложи [32]).

Въ Москву Ленцъ попалъ въ самый разгаръ масонскаго движенія. Тамъ даже существовала *нѣмецкая* масонская ложа «Дружбы», основанная въ 1777 году профессоромъ университета Маттеи. Статутъ ея, написанный на нѣмецкомъ языкѣ, сохраняется въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ (Рукопись № 375). Въ спискѣ членовъ, веденномъ только до 1779 г., значится одинъ изъ московскихъ друзей Ленца пасторъ Кауфманъ, которому посвящено одно изъ послѣднихъ его стихотвореній «Was ist Satyre?»*)

Ревностнымъ распространителемъ масонства явился извѣстный проф. Шварцъ, пріѣхавшій изъ Германіи въ Москву въ 1776 г., а черезъ три года (въ 1779 г.) переселился въ Москву изъ Петербурга Н. И. Новиковъ и, подружившись со Шварцемъ, положилъ основаніе своей обширной масонской, просвѣтительной и филантропической дѣятельности.

---

*) Въ упомянутой масонской рукописи № 375 мы находимъ слѣдующую запись: 21. Ioh. Iakob Kaufmann. Reformirter Verbi Divini Minister. Lehrling 10 August 1779.

Такимъ образомъ годы московской жизни Ленца (1781—1792) совпадаютъ съ годами наиболѣе плодотворной поры русскаго масонства, нашедшей наилучшее выраженіе въ дѣятельности Шварца и Новикова (1779—1792 гг.). Исполненный просвѣтительныхъ стремленій, щедрый на составленіе проектовъ на благо человѣчества, уже увлеченный масонскими идеями, бывшій «бурный геній» не могъ не отнестись съ величайшей симпатіей къ дѣятельности обоихъ этихъ замѣчательныхъ людей, не могъ не увлечься широкимъ размахомъ ихъ общественнаго служенія.

Личное знакомство Ленца со Шварцемъ не подлежитъ сомнѣнію. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и устанавливаемыя «Проектомъ литературнаго общества въ Москвѣ» отношенія его къ вдовѣ знаменитаго масона, и сердечный отзывъ Ленца о немъ въ томъ же проектѣ, гдѣ Шварцъ восхваляется какъ человѣкъ, «жертвовавшій собою для пользы отечества и старой сей столицы». Затѣмъ въ «проектѣ» нельзя не видѣть вліянія нѣкоторыхъ идей и вкусовъ Шварца *). Въ проектѣ обращаетъ на себя вниманіе соединеніе культурныхъ, литературныхъ и *художественныхъ* цѣлей.

Сближеніе произведеній литературы съ произведеніями искусства входило въ задачу университетскихъ чтеній Шварца. Такъ въ «Объявленіи о публичныхъ ученіяхъ въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и обѣихъ гимназіяхъ онаго съ 17 августа 1782 по 26 іюня 1783 г.» значится, что Шварцъ «по понедѣльникамъ и четверткамъ, отъ 4 до 6 часовъ по полудни, будетъ имѣть *эстетико-критическія* лекціи обо всѣхъ *нѣмецкихъ писателяхъ*, прославившихся въ свѣтѣ своимъ разумомъ, какъ стихотворцахъ, такъ и прозаикахъ». Профессоръ предполагалъ также сравнивать нѣмецкихъ писателей съ древними и новыми. «Наконецъ въ оныхъ же сравниваны будутъ художническія произведенія и работы, какъ то статуи, живопись и древнія зданія съ произведеніями ума, и показаніемъ ихъ взаимной между собою связи» **).

*) Вліяніе Шварца замѣтно даже на нѣкоторыхъ выраженіяхъ Ленца. Шварцъ любилъ называть Бога „премудрѣйшимъ Строителемъ вселенной“ (Сочиненія Тихонравова т. III, ч. I, стр. 75); у Ленца мы находимъ выраженіе: „всевышній строитель тѣла человѣческаго“.

**) Цитируемъ по экземпляру „Объявленія“ Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ—(Портфели Миллера).

Одинъ изъ слушателей Шварца такъ характеризуетъ его лекціи подобнаго рода: Шварцъ «не скрылъ подъ спудомъ своего неоцѣненнаго таланта, когда единственно на сей конецъ (т. е. чтобы показать «величество, стройность, порядокъ и совершенство цѣлой природы») имѣлъ онъ при университетѣ торжественную эстетико-критическую лекцію, лекцію, возвышающую наши необдѣланныя и грубыя чувства къ тонкости живописи, къ стройности скульптуры, къ совершенству архитектуры, къ несомнительнѣйшимъ доказательнѣйшимъ доказательствамъ геометріи, къ пріятности стихотворства, къ безпредѣльному порядку астрономіи, къ наиудобопонятности анатоміи и физіологіи, къ справедливости физіогноміи и хиромантіи, къ чудесному открытію магіи и каббалы, къ превращенію естественнаго въ сверхъестественное, химіи и другихъ премногихъ наукъ, руководствующихъ насъ къ познанію безпредѣльныя гармоніи, сокрытыя въ нѣдрахъ таинственныя природы» [33]).

Замѣтимъ, что въ «проектѣ» Ленца предполагались собесѣдованія и лекціи по искусству (живописи, скульптурѣ и архитектурѣ) и наукѣ: по анатоміи и оптикѣ.

«Литературное общество» возникло, повидимому, подъ вліяніемъ идей Шварца, выраженныхъ и въ упомянутыхъ эстетико-критическихъ» лекціяхъ, а также и въ читанныхъ имъ на дому (съ 3 сентября по 31 декабря 1782 г.) лекціяхъ «о трехъ познаніяхъ,—любопытномъ, пріятномъ и полезномъ». Вотъ какъ опредѣляетъ онъ содержаніе своихъ лекцій въ самомъ началѣ курса: «Познаніе любопытное разумѣется здѣсь не такое, которое было бы безполезно и удовлетворяло бы только такъ называемое въ общемъ смыслѣ любопытство. Нѣтъ, здѣсь любопытнымъ познаніемъ названо такое, которое питаетъ нашъ разумъ, но не есть необходимо для пользы вѣчной, будущей жизни или спокойствія духа. Любопытное познаніе заставляетъ насъ познавать, напр., отчего громъ? что̀ такое воздухъ? Какимъ образомъ земля производитъ растенія? и пр. сему подобное... 2) познаніе пріятное есть живопись, стихотворство, музыка и тому подобное. Оно удовлетворяетъ нашъ слухъ, наше зрѣніе и воображеніемъ питаетъ нашъ разумъ; 3) познаніе полезное есть необходимое для человѣка. Оно научаетъ насъ истинной любви, молитвѣ и стремленію духа къ вышнимъ понятіямъ» [34]).

Всѣ эти роды познанія и должны были, очевидно, найти свое

примѣненіе въ томъ московскомъ литературномъ обществѣ, проектъ котораго, уже по смерти Шварца, начерталъ Ленцъ.

Біографія Шварца до пріѣзда его въ Россію извѣстна, къ сожалѣнію, очень мало, но, судя по московской его дѣятельности, мы вправѣ сдѣлать заключеніе, что уже на родинѣ онъ примкнулъ къ тому теченію западно-европейской культуры, которое представляло реакцію противъ раціонализма эпохи просвѣщенія, руководимую такими людьми, какъ «сѣверный магъ» Гаманнъ и «южный магъ» Лафатеръ.

Шварцъ раздѣляетъ съ этими нѣмецкими писателями и глубокую религіозность, и мистицизмъ, и отвращеніе къ раціонализму. Лекціи его по исторіи философіи были направлены противъ французскихъ раціоналистовъ XVIII вѣка. За Лафатеромъ онъ слѣдуетъ въ увлеченіи физіогномикой, а за Гаманномъ «въ чудесномъ открытіи магіи и каббалы», въ особенномъ уваженіи къ Библіи [35]).

Если мы припомнимъ дружественныя отношенія Ленца къ Лафатеру и извѣстную зависимость отъ «родоначальника періода бури и натиска» Гаманна, съ которымъ онъ находился въ перепискѣ,—то оцѣнимъ вполнѣ, какъ много было точекъ соприкосновенія между нашимъ «бурнымъ геніемъ» и Шварцемъ, котораго можно назвать однимъ изъ главныхъ въ Россіи піонеровъ того культурнаго теченія, которое было такъ тѣсно связано во многихъ отношеніяхъ съ движеніемъ періода «бурныхъ стремленій». Нѣкоторыя тенденціи этого послѣдняго, безспорно, проявлялись въ направленіи Шварца, сыгравшаго немаловажную роль въ поворотѣ симпатій русской молодежи того времени отъ французской къ нѣмецкой литературѣ.

Такимъ образомъ въ Шварцѣ Ленцъ могъ оцѣнить то гаманнолафатеровское направленіе, которому онъ самъ служилъ въ значительной степени.

Черезъ Шварца, вѣроятно, Ленцъ познакомился и съ Новиковымъ, котораго онъ въ письмѣ къ графу Ангальту, генералъ-губернатору Москвы, восхваляетъ за плодотворную для Россіи дѣятельность по изданію переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій [36]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Ленцъ цѣнилъ Новикова и какъ писателя. Среди его неизданныхъ рукописей, принадлежащихъ проф. Вейнгольду въ Берлинѣ, есть переводы: 1) Aus dem ersten Theil der alten diplomatischen Bibliothek des Herrn von Nowikoff (12 страницъ in-folio) и

2) Probe des obenerwähnten Vortrages (No. 10 der alten Russichen Bibliothek) 1 стр. in-fol *).

Подъ вліяніемъ и крыломъ «Ученаго Дружескаго Общества», пріютившаго въ своемъ домѣ заброшеннаго въ Москву «бурнаго генія», Ленцъ задумалъ рядъ другихъ переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій. Изъ этихъ переводовъ былъ напечатанъ только одинъ подъ заглавіемъ «Uebersicht des Russishen Reichs nach seiner gegenwärtigen neu eingerichteten Verfassung aufgesetzt von Sergei Pleschtschejew, Seekapitain und Ritter des heiligen Georgen-Ordens. Aus dem Russischen übersetzt von J. M. R. Lenz. Moskau, Verlegts Christian Rüdiger, Universitäts-Buchhändler. 1787. in-8. 220 страницъ. Въ концѣ: Leipzig, gedruckt mit Breitkopfischen Schriften **). Это точный переводъ книги Сергѣя Плещеева «Обозрѣніе Россійскія Имперіи въ нынѣшнемъ ея новоустроенномъ состояніи» (Спб. 1787), представляющей опытъ описанія Россіи въ географическомъ, торговомъ, этнографическомъ и административномъ отношеніяхъ.

Живя въ Москвѣ, Ленцъ чувствовалъ себя русскимъ и съ глубокимъ интересомъ относился ко всѣмъ вопросамъ русской жизни, которые выдвигались въ царствованіе Екатерины II. Его письма московскаго періода полны всякаго рода проектами на благо русскаго народа [37]). Переводъ книги Плещеева явился результатомъ желанія познакомить нѣмецкую публику съ положеніемъ Россіи въ царствованіе императрицы-философа.

Съ такою же цѣлью былъ предпринятъ Ленцемъ переводъ сочиненія Михаила Чулкова подъ заглавіемъ «Историческое описаніе Россійской торговли», вышедшаго въ Москвѣ въ 1781—1788 гг. въ 7 частяхъ и 21 томѣ ***). Отрывки изъ этого перевода, не появившагося въ печати, также сохранились въ бумагахъ Ленца, принадлежащихъ проф. Вейнгольду. Такъ на 7 страницахъ in-folio Ленцъ дѣлаетъ извлеченіе изъ 2-ой книги 6-ой части этого сочиненія, озаглавивъ его: Einige Auszüge aus dem 2-ten Buch sechsten Theils der russischen Handelsgeschichte Michael Tchulkofs, von Erzeugung und Um-

*) Оба перевода, какъ видно изъ фабричнаго клейма бумаги (1788), должны быть отнесены къ послѣднимъ годамъ жизни Ленца.

**) Въ 1790 г. переводъ вышелъ вторымъ изданіемъ см. Allgemeine Encyklopädie von Ersch und Gruber,2 Section, 43 Theil, Leipzig, 1889, стр. 91.

***) Ср. Словарь русскихъ писателей митрополита Евгенія. М. 1845, II, 243.

satz eigner Russischen Produkte. Кромѣ того, на трехъ страницахъ in-folio Ленцъ помѣщаетъ: Anzeige des 2-ten Theils 6-ten Buchs der Russischen Handelsgeschichte Michael Tchulkofs.

Врядъ ли Ленцъ думалъ ограничиться подобными отрывками. Напротивъ того, переводъ сочиненія Чулкова былъ, повидимому, однимъ изъ любимѣйшихъ трудовъ послѣднихъ лѣтъ его страдальческой жизни. Такъ можно заключить по словамъ Петрова, который, въ письмѣ къ Карамзину, говоря о смерти Ленца, прибавляетъ: «А мы, оставшіеся здѣсь съ наслѣдіемъ покойнаго, съ исторіею торговли, примемся каждый за свой томъ, будемъ читать, твердить, дѣлать выписки, пока и мы не отправимся туда, гдѣ русскіе купцы не торгуютъ, и гдѣ указы, касающіеся до коммерціи, не нужны [38])».

Возможно, что Ленцъ задумалъ самостоятельный трудъ по исторіи торговли, въ которомъ призваны были участвовать Петровъ и др. Бѣднягэ, не имѣвшій гроша въ карманѣ, онъ теперь постоянно былъ занятъ вопросами торговли и промышленности, писалъ объ открытіи банковъ, прорытіи каналовъ и т. п.

Привлекала также Ленца и русская литература. Въ ноябрѣ 1785 г. онъ пишетъ отцу: «Я имѣлъ счастье быть особенно рекомендованнымъ Его Превосходительству, господину куратору Хераскову и въ настоящее время занятъ статьей о нѣкоторыхъ красотахъ его стихотвореній, поскольку они оказываютъ вліяніе на воспитаніе русскаго юношества»*). Въ берлинскихъ рукописяхъ Ленца, принадлежащихъ проф. Вейнгольду, сохранился набросокъ статьи Ленца о «Россіадѣ» Хераскова (4 стран. in-folio), предназначенной «не столько для зрѣлыхъ и образованныхъ читателей, сколько для юношества». Статья осталась отрывкомъ, въ которомъ авторъ успѣлъ только изложить свой взглядъ на древнюю исторію русскаго народа въ связи съ особенностями климата населяемой имъ страны. Кромѣ того, изъ рукописи видно, что Ленцемъ была задумана и другая статья о Херасковѣ подъ заглавіемъ: «Ueber einige Schönheiten der andern Gedichte des Verfassers der Russiade».

Первыхъ пять пѣсенъ «Россіады» онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ и намѣревался послать переводъ съ однимъ изъ москвичей,

---

*) См. приложеніе А. № 25, стр. 32. *(По рукописи Рижской Городской Библіотеки)*.

ѣхавшихъ въ Германію, своему старому издателю Бойе для помѣщенія въ «Нѣмецкомъ Музеѣ», «чтобы познакомить нѣмецкую публику съ геніемъ въ области русской эпопеи»*). Переводъ этотъ, къ сожалѣнію, не сохранился.

Замѣтимъ, что выборъ для перевода поэмы Хераскова могъ быть обусловленъ вліяніемъ русскаго кружка, въ которомъ Ленцъ вращался въ Москвѣ. По крайней мѣрѣ, въ 1787 г. Карамзинъ въ письмѣ къ Лафатеру называлъ Хераскова лучшимъ изъ русскихъ поэтовъ [39]).

Кромѣ современной и древняя русская литература интересовала Ленца; объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившійся среди тѣхъ же рукописей отрывокъ о древнѣйшей русской поэзіи. Возможно, что къ этой статьѣ его побудили изданія того же Мих. Чулкова, вышедшія въ Москвѣ: «Сказки Русскія народныя о богатыряхъ» (1780), «Древнія сказки Славянъ Древлянскихъ, или вечерніе часы, въ 6 частяхъ (1787 г.) [40]).

Вѣроятно, черезъ посредство Дружескаго Ученаго Общества Ленцъ познакомился съ Карамзинымъ и Петровымъ.

Въ отношеніи Карамзина мы имѣемъ въ виду четыре года его жизни (1785—1788), проведенные въ Москвѣ передъ отправленіемъ за границу, подъ крыломъ новиковскаго кружка. Часть этого времени Карамзинъ прожилъ подъ одной кровлей съ Ленцемъ [41]). Въ перепискѣ съ Лафатеромъ Карамзинъ указываетъ, начиная съ 1787 года, свое мѣстожительство въ домѣ Новикова [42]) Отсюда можно заключить, что именно въ этомъ домѣ близъ Меншиковой башни, принадлежавшемъ ранѣе Шварцу, и жили одновременно одинъ изъ видныхъ представителей нѣмецкаго періода «бури и натиска» и молодой русскій писатель, которому было суждено оставить свое имя цѣлому періоду русской литературы.

Самое раннее упоминаніе Карамзина о Ленцѣ относится къ апрѣлю 1787 г. въ письмѣ къ Лафатеру.

Съ цюрихскимъ «пророкомъ», авторомъ «Физіогномики» и другомъ Ленца Карамзинъ вступилъ въ переписку въ 1786 г. 14-го августа этого года онъ отправилъ Лафатеру восторженное письмо,

---

*) Письмо Ленца къ брату изъ Москвы (*Lenziana Рижской Городской Библіотеки* № 17).

свидѣтельствующее, что сочиненія «южнаго мага» были предметомъ его настоящаго энтузіазма. Самые лестные эпитеты расточаетъ молодой человѣкъ по адресу швейцарскаго пастора: «великій Лафатеръ», «великій человѣкъ и истинный христіанинъ», «великій и благородный мужъ». Съ юношескою стремительностью изливаетъ онъ свою душу, исповѣдуетъ свое сердце и раскрываетъ свое восхищеніе его сочиненіями. «Господи! для чего я родился такъ далеко отъ того, кого сердце мое такъ сильно любитъ и такъ высоко чтитъ, хотя я и не знаю его лично? О, какъ было бы хорошо, если бы солнце, вѣстникъ Твоей благости, возглашало мнѣ о Твоихъ благодѣяніяхъ тамъ, гдѣ голосъ Лафатера призываетъ сердце юношей къ истинной мудрости» [43]).

Является вопросъ: кто направилъ молодого Карамзина на сочиненія Лафатера? какъ объяснить такой энтузіазмъ къ цюрихскому «магу»?

Прежде всего, нужно отмѣтить вліяніе Шварца. Мы уже видѣли, что ученіе этого пылкаго адепта масонства было близко къ гамановско-лафатеровскому культурному теченію нѣмецкой жизни. Лафатера онъ ставилъ на ряду съ знаменитымъ средневѣковымъ мистикомъ Яковомъ Бемомъ, считалъ ихъ обоихъ своими «великими единомышленниками» и настойчиво рекомендовалъ своимъ слушателямъ [44]).

Хотя Шварцъ умеръ въ 1784 г., но духъ его еще жилъ въ новиковскомъ кружкѣ, пріютившемъ Карамзина и Петрова. Послѣдній былъ университетскимъ слушателемъ Шварца и могъ заразить своего друга своимъ энтузіазмомъ къ его проповѣди. По разсказу Дмитріева, «скромное жилище молодыхъ словесниковъ... раздѣлено было тремя перегородками; въ одной стоялъ на столикѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, гипсовый бюстъ мистика Шварца...; а другая освящена была Іисусомъ на крестѣ, подъ покрываломъ чернаго крепа» [45]).

Кромѣ Шварца, Лафатеръ имѣлъ и другихъ поклонниковъ въ Москвѣ и, прежде всего, среди представителей ея нѣмецкой колоніи. Таковы были пасторъ Брувнеръ, находившійся въ личной перепискѣ съ Лафатеромъ, и извѣстный исторіографъ Миллеръ. Въ бумагахъ послѣдняго, принадлежащихъ Главному Архиву Министерства иностранныхъ дѣлъ, сохранилось писанное его рукой и, очевидно, предназначавшееся для печати, объявленіе о предстоящемъ выходѣ фран-

цузскаго изданія лафатеровой «Физіогномики», въ которомъ «древніе и новые россійскіе герои будутъ также имѣть свое мѣсто». Восхваляя этотъ «новый источникъ къ познанію человѣка», и выставляя на видъ, что это сочиненіе «великимъ согласіемъ искусныхъ въ наукахъ и охотниковъ до оныхъ и художествъ аппробовано», авторы воззванія приглашали всѣхъ желающихъ подписываться на это изданіе у г. «штатскаго совѣтника Миллера и г. пастора Бруннера». По нѣкоторымъ выраженіямъ этого объявленія можно предполагать, что тотъ и другой состояли сотрудниками лафатеровскаго изданія по русскому отдѣлу [46]).

Былъ популяренъ Лафатеръ и въ московскомъ масонскомъ кружкѣ: И. П. Тургеневъ и И. В. Лопухинъ были его поклонниками [47]).

Кромѣ всѣхъ этихъ условій, крайне благопріятныхъ для того, чтобы Карамзинъ увлекся сочиненіями Лафатера, были еще въ Москвѣ люди, хорошо лично знавшіе цюрихскаго пророка. Таковъ былъ докторъ Френкель, крестникъ Лафатера, бывшій студентъ страсбургскаго университета въ 1774—1775 гг. [48]); таковъ былъ и Ленцъ.

Карамзинъ зналъ ихъ обоихъ [49]) и, безъ сомнѣнія, не могъ упустить такого удобнаго случая получить свѣдѣнія о личности и жизни того человѣка, который такъ увлекъ его своими сочиненіями. Поэтому, врядъ ли мы ошибемся, если въ самой рѣшимости Карамзина обратиться съ письмомъ къ Лафатеру предположимъ извѣстную долю вліянія со стороны лафатеровскаго друга—Ленца.

Въ отвѣтномъ письмѣ Карамзину Лафатеръ просилъ его поклониться Ленцу, доктору Френкелю и пастору Бруннеру, а сверхъ того передать первому приложенное письмо [50]).

«Милый Ленцъ, — писалъ Лафатеръ старому другу—спасибо за твое письмо безъ числа и за приложенные силуэты, которые, за страшнымъ недостаткомъ времени, меня не очень интересуютъ. Твои сужденія въ смыслѣ характера для меня важнѣе. Не думай, что я забылъ тебя; quem amavi, nunquam non amabo *).

Хоть бы ты мнѣ написалъ что-нибудь о себѣ, о своей личности и своемъ положеніи, о своихъ дѣлахъ и страданіяхъ, о своихъ привязанностяхъ и надеждахъ, о своихъ стремленіяхъ и вѣрованіяхъ.

Гёте теперь въ Неаполѣ или Римѣ и занятъ новымъ изданіемъ

*) Кого я полюбилъ, никогда не разлюблю.

своихъ сочиненій, которыя онъ на половину хочетъ умножить. Нѣчто похожее на «черты физіономіи» будетъ скоро напечатано мною въ Англіи. Я теперь рядомъ съ Пфеннингеромъ при церкви св. Петра, что для меня составляетъ счастье, кажущееся мнѣ сновидѣніемъ. Мама здорова. Сынъ мой изучаетъ медицину въ Геттингенѣ. Двѣ дочери мои меня ежедневно радуютъ.

Я бы желалъ, чтобы мой «Наѳанаилъ для Наѳанаиловъ» былъ прочтенъ нѣсколькими христіанами въ твоемъ обществѣ.

Прощай, мой милый! Пиши лучше не много, чѣмъ откладывать отвѣтъ. Поцѣлуй отъ меня руку твоей мачихи.

Дасть Богъ, и я когда-нибудь напишу къ тебѣ».

Письмо оканчивалось загадочными словами: «Берегъ! берегъ! берегъ!» [51]).

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что Ленцъ и въ Москвѣ занимался физіономическими наблюденіями и посылалъ Лафатеру портреты и описанія ихъ. Ясно также, что цюрихскій пророкъ продолжалъ (имѣя, вѣроятно, на это основаніе) въ немъ видѣть адепта своего ученія и пропагандиста своихъ книгъ.

«Что сказать вамъ о *Ленцѣ?*—писалъ Карамзинъ въ отвѣтномъ письмѣ Лафатеру 20 апрѣля 1787 г.—Онъ нездоровъ. Онъ всегда путается въ мысляхъ. Вы вѣроятно не узнали бы его, если-бъ теперь увидѣли. Онъ живетъ въ Москвѣ, самъ не зная зачѣмъ. Все, что онъ по временамъ пишетъ, показываетъ, что онъ обладалъ когда-то большимъ геніемъ, но теперь... Ваше письмо я вручилъ ему лично» [52]).

При такомъ состояніи физическаго и нравственнаго здоровья, могъ ли несчастный «бурный геній», въ которомъ едва теплился огонь прежняго яркаго таланта, представлять какой-нибудь интересъ для молодого, исполненнаго бодрыхъ надеждъ рускаго талантливаго писателя? могъ ли оказать на него какое-нибудь вліяніе?

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію то обстоятельство, что Карамзинъ былъ глубоко заинтересованъ личностью и судьбою того писателя, который, по выраженію Гёте, «пролетѣлъ метеоромъ по горизонту нѣмецкой литературы». Объ этомъ свидѣтельствуютъ «Письма русскаго путешественника», въ которыхъ авторъ неоднократно заводитъ рѣчь о Ленцѣ и всякій разъ говоритъ о немъ съ явнымъ сочувствіемъ и состраданіемъ. Пріѣхавъ въ Дерптъ,

Карамзинъ не забываетъ навести справки о старшемъ братѣ Ленца, дерптскомъ пасторѣ, узнаетъ, что онъ имѣетъ очень хорошій доходъ и не упускаетъ случая упрекнуть его за то, что онъ не помогаетъ своему московскому брату: «Здѣсь-то живетъ братъ несчастнаго Ленца. Онъ главный пасторъ, всѣми любимъ, и доходъ имѣетъ очень хорошій. Помнитъ ли онъ брата»?

Карамзинъ заводитъ разговоръ о Ленцѣ «съ однимъ лифляндскимъ дворяниномъ, любезнымъ, пылкимъ человѣкомъ» и въ его уста влагаетъ характеристику Ленца, которую, очевидно, раздѣляетъ и самъ: «Ахъ, государь мой! сказалъ онъ мнѣ: самое то, что одного прославляетъ и счастливитъ, дѣлаетъ другого злополучнымъ. Кто, читая поэму шестнадцатилѣтняго Ленца, и все то, что онъ писалъ до двадцати пяти лѣтъ, не увидитъ *утренней зари великаго духа?* Кто не подумаетъ: вотъ юный Клопштокъ, юный Шекспиръ? Но тучи помрачили эту прекрасную зарю, и солнце никогда не возсіяло. *Глубокая* чувствительность, безъ которой Клопштокъ не былъ бы Клопштокомъ и Шекспиръ Шекспиромъ, погубила его. Другія обстоятельства, и Ленцъ безсмертенъ!» —

Замѣтимъ, что Карамзинъ далекъ отъ обвиненій самого Ленца въ печальномъ закатѣ его многострадальной жизни. Напротивъ того, онъ явно считаетъ его жертвой избытка «глубокой чувствительности», предвѣщавшей «великій духъ», съ одной стороны, — и «многихъ нещастій» — съ другой [53]).

Не прошли незамѣченными и личныя симпатичныя качества несчастнаго поэта. По словамъ Карамзина, Ленцъ его «трогалъ добродушіемъ и терпѣніемъ», съ которыми онъ переносилъ обрушившіяся на него невзгоды [54]).

Въ Веймарѣ, при первомъ свиданіи съ Виландомъ, рѣчь снова заходитъ о Ленцѣ. «Потомъ спросилъ онъ (Виландъ), какъ я, живучи въ Москвѣ, научился говорить по-нѣмецки? Отвѣчая, что мнѣ былъ случай говорить съ нѣмцами и притомъ съ такими, которые хорошо знаютъ свой языкъ, упомянулъ я о Ленцѣ. Тутъ разговоръ обратился на сего несчастнаго человѣка, который нѣкогда ему былъ очень хорошо знакомъ» [55]).

Одно изъ веймарскихъ писемъ Карамзинъ цѣликомъ посвящаетъ разсказу о жизни Ленца при Веймарскомъ дворѣ. «Мнѣ разсказывали здѣсь разные анекдоты о нашемъ Ленцѣ. Онъ пріѣхалъ сюда

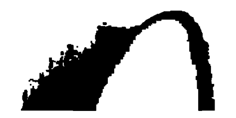
для Гете, друга своего, который вмѣстѣ съ нимъ учился въ Страсбургѣ, и былъ тогда уже при Веймарскомъ Дворѣ. Его приняли очень хорошо, какъ человѣка съ дарованіями; но скоро примѣтили въ немъ великія странности». Здѣсь Карамзинъ передаетъ уже извѣстный намъ анекдотъ о безтактномъ поведеніи Ленца на придворномъ балу. Разсказываетъ и другіе веймарскіе слухи и сплетни о влюбчивости Ленца, его вздохахъ о молодой герцогинѣ, старается возстановить нѣкоторые біографическіе факты и т. д. [56]).

Въ первомъ письмѣ изъ Цюриха Карамзинъ помѣщаетъ Ленца въ очень почетное общество писателей, которые сдѣлали этотъ швейцарскій городъ особенно дорогимъ ему:

«Съ отмѣннымъ удовольствіемъ подъѣзжалъ я къ Цириху; съ отмѣннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на его пріятное мѣстоположеніе, на ясное небо, на веселыя окрестности, на свѣтлое, зеркальное озеро, и на красные его берега, гдѣ нѣжный Геснеръ рвалъ цвѣты для украшенія пастуховъ и пастушекъ своихъ; гдѣ душа безсмертнаго Клопштока наполнялась великими идеями о священной любви къ отечеству, которыя послѣ съ дикимъ величіемъ излились въ его *Германъ*; гдѣ Бодмеръ собиралъ черты для картинъ своей Ноахиды, и питался духомъ временъ патріаршихъ; гдѣ Виландъ и Гёте въ сладостномъ упоеніи обнимались съ музами, и мечтали для потомства; гдѣ Фридрихъ Штолбергъ, сквозь туманъ двадцати девяти вѣковъ, видѣлъ въ духѣ своемъ древнѣйшаго изъ творцевъ греческихъ, пѣвца боговъ и героевъ сѣдаго старца Гомера, лаврами увѣнчаннаго, и пѣснями своими восхищающаго греческое юношество—видѣлъ, внималъ, и въ вѣрномъ отзывѣ повторялъ пѣсни его на языкѣ тевтоновъ; гдѣ нашъ Ленцъ бродилъ съ любовною своею грустію, и всякій цвѣточекъ со вздохомъ посвящалъ веймарской своей богинѣ» [57]).

Всѣ указанныя мѣста въ «Письмахъ русскаго путешественника» доказываютъ, что Карамзинъ слышалъ изъ устъ Ленца много разсказовъ объ его жизни. Ему извѣстны и лифляндскія его родственныя отношенія, и дружба съ Виландомъ и Гете, и то, что Ленцъ подружился съ Гете въ Страсбургѣ, и то, что онъ жилъ при веймарскомъ дворѣ; извѣстны и интимныя дѣла его сердца, какъ показываютъ послѣднія строчки только что приведеннаго отрывка.

Какъ видно изъ разсказа о свиданіи съ Виландомъ, Карамзинъ много бесѣдовалъ съ Ленцемъ по-нѣмецки. О томъ же свидѣтель-

ствуетъ и послѣдній, который писалъ своему брату въ Дерптъ: «Если проѣдетъ господинъ Карамзинъ, то окажи мнѣ дружбу, дорогой мой, и постарайся сдѣлать ему, насколько возможно, пребываніе совершенно пріятнымъ. Онъ особенно любитъ нѣмецкій языкъ; говоритъ и пишетъ на немъ, какъ природный нѣмецъ» [58]).

О чемъ же могъ бесѣдовать Карамзинъ съ Ленцемъ на его родномъ языкѣ? Навѣрно можно сказать, что Ленцъ многое разсказывалъ своему юному московскому пріятелю не только о себѣ и о своихъ личныхъ отношеніяхъ, но и вообще о западно-европейской жизни и тѣхъ сторонахъ ея, которыя наиболѣе интересовали его самого и его воспріимчиваго собесѣдника. О времени, проведенномъ подъ яснымъ небомъ Эльзаса и «на цвѣтущихъ берегахъ Рейна», о времени своей невозвратно пролетѣвшей молодости могъ съ жаромъ и одушевленіемъ говорить несчастный «бурный геній», не перестававшій и на берегахъ Москвы-рѣки вспоминать и вздыхать о Рейнѣ и повторять въ тоскѣ: «Ахъ, если бы Москва была Рейномъ» [59])!

Поэтому нельзя не согласиться съ мнѣніемъ покойнаго профессора Тихонравова, что своими разсказами о заграничной жизни Ленцъ внесъ и свою лепту въ подготовку Карамзина къ путешествію по западной Европѣ [60]). Не могло быть простою случайностью, что Карамзинъ посѣщаетъ всѣ мѣста, гдѣ живалъ Ленцъ: Кенигсбергъ, Веймаръ, Страсбургъ, Цюрихъ, и входитъ въ личныя сношенія съ людьми, хорошо ему знакомыми: Кантомъ, Виландомъ, Гердеромъ, Лафатеромъ, Пфеннингеромъ и другими. Съ Гете Карамзину повидаться не удалось по случайной причинѣ [61]).

Свою долю вліянія могъ внести Ленцъ и въ образованіе литературныхъ симпатій молодого Карамзина.

Эти симпатіи проявляются достаточно ярко и вполнѣ опредѣленно въ стихотвореніи «Поэзія», написанномъ въ 1787 году, во время пріятельскихъ сношеній съ Ленцемъ. Печатая его въ 1792 г. Карамзинъ прибавилъ замѣчаніе: «Сочинитель говоритъ только о тѣхъ поэтахъ, которые наиболѣе трогали и занимали его душу въ то время какъ сія пьеса была сочиняема» (т. е. въ 1787 году [62]).

Такими поэтами были въ особенности англійскіе, а затѣмъ нѣмецкіе писатели:

Британія есть мать Поэтовъ величайшихъ!
Древнѣйшій Бардъ ея, Фингаловъ мрачный сынъ,

Оплакивалъ друзей, Героевъ, въ битвѣ падшихъ,
И тѣни ихъ къ себѣ изъ гроба вызывалъ...
Какъ шумъ морскихъ валовъ, носяся по пустынямъ,
Далеко отъ бреговъ, уныніе въ сердцахъ
Внимающихъ родитъ: тамъ пѣсни Оссіана,
Нѣжнѣйшую тоску вливая въ томный духъ,
Настраиваютъ насъ къ печальнымъ представленьямъ.
Но скорбь сія мила и сладостна душѣ...
Великъ ты, Оссіанъ, великъ, неподражаемъ!

За прославленіемъ Оссіана слѣдуетъ восторженный отзывъ о Шекспирѣ:

Шекспиръ, натуры другъ! Кто лучше твоего
Позналъ сердца людей? Чья кисть съ такимъ искусствомъ
Живописала ихъ? Во глубинѣ души
Нашелъ ты ключъ ко всѣмъ таинственностямъ рока
И свѣтомъ своего великаго ума,
Какъ солнцемъ, озарилъ пути ночные въ жизни!

Вслѣдъ за восхваленіемъ Мильтона слѣдуетъ такой отзывъ объ Юнгѣ, авторѣ «Ночныхъ думъ»:

О Юнгъ, несчастныхъ другъ, несчастныхъ утѣшитель!
Ты бальзамъ въ сердце льешь, сушишь источникъ слезъ,
И, съ смертію дружа, дружишь ты насъ и съ жизнью!

Непосредственно вслѣдъ за «Пѣвцомъ ночей» упоминается и Томсонъ:

Натуры сынъ любезный,
О, Томсонъ! всѣмъ тебя я буду прославлять!
Ты выучилъ меня природой наслаждаться
И въ мрачности лѣсовъ хвалить Творца ся!

Изъ нѣмецкихъ поэтовъ юный Карамзинъ упоминаетъ только двухъ: Геснера, который въ восторгѣ пѣлъ «невинность, простоту, пастушескіе нравы и нѣжныя сердца свирѣлью восхищалъ» и въ особенности Клопштока:

Несясь на крылахъ превыспреннихъ орловъ,
Которые пѣвцовъ божественныя славы
Мчатъ въ вышніе міры, да тему почерпнутъ
Для гимна своего, пѣвецъ избранный Клопштокъ
Вознесся выше всѣхъ и тамъ, на небесахъ,
Былъ тайнамъ наученъ, и той великой тайнѣ,
Какъ Богъ сталъ человѣкъ. Потомъ воспѣлъ онъ намъ

Начало и конецъ Мессіиныхъ страданій,
Спасеніе людей. Онъ Богомъ вдохновленъ—
Кто сердцемъ всѣмъ еще привязанъ къ плоти, къ міру,
Того языкъ нѣмѣй и пѣсней толь святыхъ
Не оскверняй хвалой; но вы, святые мужи,
Въ которыхъ уже гласъ земныхъ страстей умолкъ,
Въ которыхъ мрака нѣтъ,—вы чувствуете цѣну
Того, что Клопштокъ пѣлъ, и можете одни,
Во глубинѣ сердецъ хвалить сего поэта!

Подъ этимъ стихотвореніемъ Карамзина, имѣющимъ громадное значеніе для опредѣленія литературныхъ вкусовъ молодого русскаго писателя, съ удовольствіемъ подписался бы любой нѣмецкій «бурный геній». Вѣдь здѣсь Карамзинъ прославляетъ тѣхъ самыхъ поэтовъ, подъ знаменемъ которыхъ группа нѣмецкой молодежи начала семидесятыхъ годовъ вступила въ борьбу за новые нарождавшіеся идеалы «бури и натиска»! Вѣдь именно подъ обаяніемъ поэзіи Оссіана, Шекспира, Юнга, Томсона и Клопштока воспиталось то поколѣніе Германіи, которое съ такимъ жаромъ принялось за дѣло литературной реформы!

Мало того: «Поэзія» Карамзина представляетъ нѣкоторое сходство со стихотвореніемъ Ленца «О нѣмецкой поэзіи» [63]). Прославленіемъ поэтовъ древности начинаются оба стихотворенія. Въ обоихъ случаяхъ выше всего ставится англійская литература. Если въ глазахъ Карамзина, «Британія есть мать поэтовъ величайшихъ», то и Ленцъ говоритъ здѣсь, что «смѣлые бритты, съ Шекспиромъ во главѣ, похитили большинство» возвышенныхъ поэтическихъ мыслей. Основная мысль Ленца: превосходство другихъ литературъ надъ нѣмецкой. Ту же мысль проводилъ Карамзинъ относительно литературы русской. Но разница въ томъ, что пессимистъ Ленцъ находитъ мало утѣшительнаго въ родной литературѣ и взываетъ: «О печалься, печалься, Германія, несчастная страна, слишкомъ долго остававшаяся невоздѣланной!», тогда какъ оптимистически - настроенный русскій писатель преисполненъ радужныхъ надеждъ на свѣтлое будущее русской литературы:

О Россы! вѣкъ грядетъ, въ который и у васъ
Поэзія начнетъ сіять, какъ солнце въ полдень!
Исчезла нощи мгла...—уже Авроры свѣтъ
Въ *** блеститъ, и скоро всѣ народы

На сѣверъ притекутъ свѣтильникъ возжигать,
Какъ въ баснѣ Прометей текъ къ огненному Фебу,
Чтобы хладный, томный міръ согрѣть и освѣжить!

Кромѣ названныхъ въ этомъ стихотвореніи англійскихъ писателей, Карамзинъ увлекался еще авторомъ «Сентиментальнаго путешествія», котораго онъ называетъ «оригинальнымъ, неподражаемымъ, чувствительнымъ, добрымъ, остроумнымъ, любезнымъ Стерномъ» [64]), преклонялся передъ Ричардсономъ за «отмѣнное искусство въ описаніи подробностей и характеровъ» [65]) и высоко цѣнилъ Фильдинга и Гольдсмита [66]).

Такимъ образомъ всѣ англійскіе писатели, которые кружили головы нѣмецкимъ штюрмерамъ, входили въ литературный катехизисъ Карамзина.

Ему передалось и ихъ восхищеніе тѣмъ французскимъ писателемъ, въ которомъ наиболѣе полно выразились основныя тенденціи слагавшагося періода «бурныхъ стремленій»—Жанъ Жакомъ Руссо. Этотъ вдохновитель бурной нѣмецкой молодежи, увлешій ее страстностью своей культурной проповѣди, былъ и въ глазахъ Карамзина «величайшимъ изъ писателей осьмого-на-десять вѣка» [67]). На Женевскомъ озерѣ онъ «хотѣлъ видѣть собственными глазами тѣ прекрасныя мѣста, въ которыхъ безсмертный Руссо поселилъ своихъ романическихъ любовниковъ» [68]). Извѣстно его восторженное описаніе паломничества въ Кларанъ.

Изъ нѣмецкихъ поэтовъ, кромѣ Геснера и Клопштока, Карамзину были также особенно привлекательны Галлеръ, который, какъ пѣвецъ природы былъ любимъ и «бурными геніями», и тотъ самый Клейстъ, который, какъ мы видѣли, принадлежалъ къ числу любимыхъ писателей Ленца [69]).

Въ томъ же году, въ которомъ Карамзинъ написалъ стихотвореніе «Поэзія», гдѣ расточались такіе восторги передъ Шекспиромъ, онъ издалъ переводъ шекспировскаго «Юлія Цезаря», сопровождая его предисловіемъ, въ которомъ были высказаны такія мнѣнія о Шекспирѣ, которыя являлись совершенною новостью въ тогдашней русской литературѣ. Знаменателенъ выборъ одной изъ *историческихъ трагедій* Шекспира, которыми, какъ мы знаемъ, наиболѣе восхищались «бурные геніи». Въ частности и Ленцъ (въ «Замѣткахъ о театрѣ»), и Мерсье (въ «Новомъ опытѣ о драматическомъ

искусствѣ» и въ другихъ сочиненіяхъ), именно на «Юлія Цезаря» ссылались въ доказательство неизмѣримаго превосходства британскаго драматурга надъ ложно-классическими авторами. Подобно названнымъ писателямъ, Карамзинъ считаетъ необходимымъ оборонять Шекспира «отъ колкихъ укоризнъ нѣкоторыхъ худыхъ критиковъ», въ особенности отъ «знаменитаго Софиста, Волтера», который «силился доказать, что Шекспиръ былъ весьма средственный авторъ, исполненный многихъ и великихъ недостатковъ».

Подобно штюрмерамъ, Карамзинъ особенно цѣнилъ въ Шекспирѣ величіе творчества, мощный полетъ фантазіи, проникновеніе въ тайны природы и живопись страстей. «Время, сей могущественный истребитель всего того, что подъ солнцемъ находится, не могло еще доселѣ затмить изящность и величіе шекспировыхъ твореній». «Немногіе изъ писателей столь глубоко проникли въ человѣческое естество, какъ Шекспиръ, не многіе столь хорошо знали всѣ тайнѣйшія человѣка пружины, сокровеннѣйшія его побужденія, отличительность каждой страсти, каждаго темперамента и каждаго рода жизни, какъ удивительный сей живописецъ». Его «кисть гигантскою представляется, когда описываетъ жестокое волнованіе души». У него «пылкое воображеніе». «Духъ его парилъ яко орелъ, а не могъ паренія своего измѣрить тою мѣрою, которою измѣряютъ полетъ свой воробьи». «Не хотѣлъ онъ полагать тѣсныхъ предѣловъ воображенію своему: онъ смотрѣлъ только на натуру, не заботясь впрочемъ ни о чемъ. Извѣстно было ему, что мысль человѣческая мгновенно можетъ перелетать отъ запада къ востоку, отъ конца области Моголовой къ предѣламъ Англіи. Геній его, подобно Генію Натуры, обнималъ взоромъ своимъ и солнце и атомы» [70]). Однимъ словомъ юный русскій писатель говоритъ о Шекспирѣ языкомъ Юнга, Гаманна, Гердера, Ленца, Мерсье и другихъ подобныхъ авторовъ.

Карамзинъ не только писалъ панегирики Шекспиру, не только переводилъ его, но и подражалъ ему и притомъ подражалъ такъ, какъ это дѣлали «бурные геніи», стремившіеся вдохнуть по своему «шекспировъ духъ» въ обработку сюжетовъ изъ современной жизни. Таковъ драматическій этюдъ «Софія», напечатанный въ «Московскомъ Журналѣ» 1791 г. Эта пьеса очень напоминаетъ драматическій стиль Ленца частою смѣною сцены, краткостью явленій (напр. сц. VII—состоитъ изъ 7 строкъ, сц. IX изъ 9 строкъ, сц. XI—13 строкъ);

обильными сценическими указаніями, отрывистымъ слогомъ съ частыми недомолвками и недосказанными мыслями (напр. въ сц. XI) и наклонностью къ смѣлому реализму (напр. сц. X) [71]).

Въ литературной дѣятельности Карамзина видное мѣсто занимаетъ реформа литературнаго слога. Здѣсь онъ опять — таки встрѣчается съ соотвѣтствующимъ теченіемъ у нѣмецкихъ и французскихъ «бурныхъ геніевъ», разбивавшихъ оковы высокопарнаго ложноклассическаго стиля, стремившихся сблизить литературную рѣчь съ народною, обогатить ее умѣстнымъ введеніемъ старинныхъ реченій, сдѣлать ее болѣе жизненною, выразительною и разностороннею.

Подробное изслѣдованіе вопроса объ отношеніяхъ Карамзина къ Sturm-u-Drang'у повело бы далеко за предѣлы настоящей монографіи. Но и приведенныхъ бѣглыхъ указаній достаточно, чтобы убѣдиться въ большой близости литературныхъ симпатій молодого Карамзина къ основнымъ тенденціямъ поры «бурныхъ стремленій». Правда, эти тенденціи выражены у него, можетъ быть, несравненно слабѣе, титаническіе порывы бурныхъ юношей мало соотвѣтствовали его мягкой и благодушной природѣ, настроеніе его дало менѣе ощутительныхъ плодовъ въ литературной дѣятельности,—но тѣмъ не менѣе былъ моментъ въ жизни Карамзина, когда по кругу своихъ литературныхъ симпатій, по основнымъ стремленіямъ своего духа онъ поразительно напоминаетъ нѣмецкихъ «бурныхъ геніевъ» начала семидесятыхъ годовъ [72]).

Россія всегда запаздывала въ воспріятіи культурныхъ теченій запада. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Въ 1789 году Карамзинъ поѣхалъ за границу въ настроеніи, которое тамъ уже было въ значительной степени пережито, когда литературные «буря и натискъ» уже миновали. Въ высшей степени характерно то, что въ бесѣдѣ съ Гердеромъ Карамзинъ, раздѣляя вкусы штюрмеровъ семидесятыхъ годовъ, все еще считаетъ Клопштока величайшимъ поэтомъ Германіи, а Гердеръ, одинъ изъ вождей миновавшаго движенія, въ отвѣтъ на это указываетъ ему одно изъ произведеній Гёте въ новомъ эллизинирующемъ духѣ, пришедшемъ на смѣну духа «бури и натиска» [73]).

Литературныя симпатіи Карамзина, о которыхъ идетъ рѣчь, образовались у него въ тѣ четыре года, которые провелъ онъ въ Москвѣ подъ крыломъ новиковскаго кружка (1785—1788). Въ этомъ

кружкѣ и близкихъ къ нему лицахъ мы должны искать ключа къ превращенію, которою случилось съ Карамзинымъ въ эти годы.

Въ дѣлѣ распространенія интереса къ нѣмецкой литературѣ и ея теченіямъ роль московской нѣмецкой колоніи со Шварцемъ во главѣ не вполнѣ еще оцѣнена, но она несомнѣнна. Шварцъ явился въ Москвѣ истиннымъ піонеромъ новаго западно-европейскаго культурнаго движенія, во многомъ сходившагося съ тенденціями періода «бурныхъ стремленій». Благодаря ему въ особенности, создалась въ московскомъ кружкѣ атмосфера, вполнѣ благопріятная для идей, воспринятыхъ Карамзинымъ.

Болѣе скромная роль была удѣлена Ленцу. Неудачнику, разбитому и тѣлесно и душевно, нечего было думать о какой-нибудь общественной роли. Но тѣмъ не менѣе отдѣльнымъ лицамъ онъ могъ быть полезенъ: въ немъ достаточно еще теплилось огня, чтобы возжечь пламя въ чужой воспріимчивой душѣ. Карамзинъ свидѣтельствуетъ, что даже въ томъ, что Ленцъ писалъ въ Москвѣ, замѣтны были слѣды большого таланта. Очевидно, бывали свѣтлые моменты, проблески яснаго сознанія, когда къ нему возвращалось, хотя бы на короткій срокъ, обладаніе всѣми духовными способностями. Въ такіе моменты въ немъ какъ бы возрождался прежній «бурный геній» съ свойственными ему тенденціями и стремленіями.

Очень важно слѣдующее выраженіе Карамзина о Ленцѣ: «но въ самомъ сумасшествіи онъ удивлялъ насъ иногда своими піитическими идеями» [74]). Ясно, что въ этихъ «піитическихъ идеяхъ» было что-нибудь новое для Карамзина и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекательное: иначе онъ не удивлялся бы имъ. Съ другой стороны, вполнѣ очевидно, что эти идеи были ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ излюбленныхъ штюрмерами литературныхъ идей, за осуществленіе которыхъ они сражались. Стало быть, Ленцъ въ своихъ рѣчахъ, къ которымъ прислушивались Карамзинъ и Петровъ, долженъ былъ говорить объ англійской литературѣ, о Шекспирѣ, о Руссо, о Клопштокѣ и т. д. Однимъ словомъ, въ минуты просвѣтлѣнія, онъ вводилъ своихъ талантливыхъ и воспріимчивыхъ слушателей въ тотъ кругъ идей, которымъ онъ заплатилъ самъ такую обильную дань въ Эльзасѣ и Германіи. И такія мгновенія могли быть не особенно рѣдки: насмѣшливый и умный Петровъ любилъ общество заброшеннаго въ Москву «бурнаго

генія». Когда Карамзинъ былъ заграницей, Петровъ, по его словамъ, каждый день видался съ Ленцемъ [75]).

Слѣдуетъ припомнить, что въ самомъ началѣ 1778 года Ленцъ, постигнутый душевной болѣзнью, сразу пересталъ быть виднымъ дѣятелемъ нѣмецкой литературы «бури и натиска». Исцѣлившись отъ психическаго недуга, оставившаго глубокій слѣдъ въ его послѣдующей жизни, онъ сталъ другимъ человѣкомъ: настроеніе бурнаго генія пошло на убыль, онъ болѣе не участвуетъ въ дальнѣйшемъ литературномъ движеніи и даже дѣлаетъ нѣсколько шаговъ назадъ, приближаясь къ міровоззрѣнію начальныхъ моментовъ Sturm-u. Drang'a. Онъ, такъ-сказать, застылъ на первыхъ годахъ этого періода и на ихъ идеалахъ. Этимъ въ значительной степени можетъ быть объяснено то обстоятельство, что Карамзинъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ исповѣдуетъ идеалы начальнаго періода Sturm-u. Drang'a.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ соображеній, мы можемъ придти къ заключенію, что сношенія съ Ленцемъ не прошли безплодно для Карамзина, что бывшій видный дѣятель эпохи «бури и натиска», умершій для нѣмецкой литературы, сослужилъ нѣкоторую службу въ образованіи литературныхъ симпатій замѣчательнаго русскаго писателя [76]).

До конца жизни Ленцъ не отрекался вполнѣ отъ идей своей юности. Въ этомъ отношеніи интересно стихотвореніе «Что такое сатира?», написанное въ 1788 году, иначе говоря въ періодъ сближенія съ Карамзинымъ. Сквозь запутанное и неясное содержаніе здѣсь проглядываютъ однако прежніе вкусы настоящаго штюрмера: говорится о «великомъ Руссо», защищаются «страсти» противъ педантичныхъ моралистовъ, прославляется Шекспиръ, какъ учитель настоящей морали. Ленцъ предлагаетъ вопросъ: «въ состояніи ли безчисленныя нравоученія, громко выкликаемыя моралистами и проповѣдниками, воспитать юное сердце въ духѣ болѣе тонкой морали и лучшихъ стремленій, чѣмъ... одна пьеса Шекспира?» Въ томъ же стихотвореніи Ленцъ вспоминаетъ своего любимаго поэта Клейста и намекаетъ на особенныя обстоятельства его смерти [77]). Въ «Письмахъ русскаго путешественника» Карамзинъ посвятилъ разсказу о смерти Клейста цѣлую страницу [78]).

Излюбленной имъ области сатиры Ленцъ не бросаетъ до конца своей жизни. Таковъ помѣщенный нами въ приложеніи драматическій отрывокъ на французскомъ языкѣ «Czarlot qui pleure et Czarlot qui

rit», относящійся къ 1788—1790 годамъ; таковы его отрывки: 1) Divertissement zum Nachspiel: Die Christen in Abyssinien oder die neue Shätzung и 2) Ueber die Delikatesse der Empfindung oder Reise des berühmten Franz Gulliver. Въ этихъ произведеніяхъ, однако, слишкомъ много болѣзненнаго и патологическаго для того, чтобы мы удѣлили имъ серьезное вниманіе [79].

Печаленъ былъ закатъ жизни несчастнаго «бурнаго генія», занесеннаго судьбою въ Москву. Со времени веймарской катастрофы существованіе его было постепеннымъ паденіемъ и умираніемъ. Слабое тѣлосложеніе въ связи съ природной меланхоліей и чрезвычайной возбудимостью нервной системы, нищенское существованіе впроголодь, со дня на день, засасывающій водоворотъ самаго бурнаго момента нѣмецкой культурной исторіи и наконецъ— вѣчная душевная борьба, вѣчныя колебанія между аскетическими импульсами и безумными страстями, между меланхолическимъ самобичеваніемъ и титаническими порывами, вѣчная неудовлетворенная сердечная жажда — таковы были причины, совокупность которыхъ привела къ гибели его незаурядный духъ и его прекрасный талантъ.

Разбирая всѣ обстоятельства, при которыхъ сложилась плачевная судьба Ленца, нельзя умолчать и печальной роли, которую сыграли въ ней его ближайшіе родные. Нельзя отрицать, что Якобъ доставилъ своему отцу много огорченій, заставилъ его пролить много слезъ; но съ другой стороны, нельзя отрицать и того, что все поведеніе стараго піэтиста по отношенію къ талантливѣйшему изъ своихъ сыновей было сплошною и непоправимою ошибкою. Здѣсь разыгралась сцена изъ самой раздирательной трагедіи, которую только можно себѣ представить, трагедіи «отцовъ и дѣтей», принадлежащихъ къ различнымъ міросозерцаніямъ, исповѣдующихъ различные взгляды и доходящихъ вслѣдствіе этого до неизбѣжныхъ столкновеній. И отецъ, и сынъ были фанатиками своихъ убѣжденій; ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ поступиться ни пядью ихъ. Но у сына было болѣе терпимости, онъ былъ сторонникомъ свободы мысли, свободы убѣжденія. Въ глазахъ же отца такая свобода была началомъ всѣхъ злополучій, и онъ готовъ былъ безпощадно преслѣдовать за уклоненіе отъ тѣхъ нормъ жизни, которыя онъ признавалъ необходимыми.

Вся литературная дѣятельность, которая доставила Ленцу мѣсто на страницахъ литературной исторіи, была сплошнымъ заблужденіемъ въ глазахъ нетерпимаго старика. И въ концѣ-концовъ этотъ фанатикъ отвергъ того изъ своихъ сыновей, благодаря которому и самъ онъ получилъ извѣстность въ потомствѣ. Не будь среди его дѣтей этой «заблудшей овцы», этого «горе сына», «скорбнаго сына» (какъ онъ выражался), имя почтеннаго генералъ-суперинтендента тревожилось бы только историками лифляндскаго лютеранства.

Несчастный поэтъ, пораженный душевнымъ недугомъ и нуждавшійся въ заботливомъ уходѣ, былъ брошенъ на произволъ судьбы своими ближайшими родными, обладавшими достаточными средствами чтобы оказать ему помощь, если бы только сердце играло у нихъ бо́льшую роль, чѣмъ поклоненіе буржуазнымъ нормамъ жизни, если бы только оффиціально исповѣдуемый ими христіанскій идеалъ всепрощенія былъ дѣйствительнымъ руководящимъ началомъ ихъ поведенія.

Послѣднія письма Ленца изъ Москвы—это раздирающій сердце стонъ. Постоянно жалуется онъ на болѣзни, удручающія его, на физическія и нравственныя муки [80]). Письма родныхъ такъ угнетали его духъ, что одинъ изъ московскихъ друзей, изъ состраданія къ нему, сжогъ ихъ [81]). «Нѣтъ, я не былъ созданъ для Лифляндіи»—къ такому выводу приходитъ несчастный, отвергнутый своими [82]). Всѣ его прежнія заблужденія и ошибки теперь дѣлаются ясными ему самому и онъ молитъ «простить всѣ его прежнія безумства въ Лифляндіи» [83]). «Дорогой братъ! я страдаю.—Нужда гнететъ меня.... Неужели же мнѣ страдать *вѣчно?...* Я извиваюсь въ прахѣ, какъ *червь*, и молю о спасеніи... О, помогите же мнѣ молиться объ освобожденіи!» [84])...

«Счастье ломко, какъ стекло, припоминаетъ онъ нѣмецкую пословицу и продолжаетъ: «и мнѣ суждено разбиться какъ стеклу; мнѣ хочется только одного—чтобы это случилось поскорѣе» [85]).

Смерть-избавительница не заставила себя долго ждать. Въ ночь съ 23 на 24 мая 1792 года Ленцъ былъ найденъ мертвымъ на одной изъ московскихъ улицъ. Онъ былъ похороненъ на средства какого то дворянина. Мѣсто его вѣчнаго успокоенія осталось неизвѣстнымъ [86]).

Карамзинъ извѣстилъ Петрова о смерти ихъ общаго пріятеля. И вотъ что отвѣчалъ Петровъ: «И такъ Іоганнъ Іакобъ Ленцъ ото-

шелъ уже въ землю отцевъ нашихъ. Миръ праху его на кладбищѣ, а душѣ его въ странахъ высшихъ! Мутенъ здѣсь былъ потокъ его жизни, но добрался наконецъ до общей цѣли всего текущаго. Можетъ быть нѣкогда, очистившись въ морѣ вѣчности, тонкая влага его поднимется парами, спустится обратно на землю, найдетъ себѣ лучшій грунтъ и составитъ новый источникъ Бландузской, и будетъ самымъ лучшимъ украшеніемъ прелестному ландшафту» [87]).

Явно, что Петровъ считалъ Ленца жертвой неблагопріятнаго «грунта», на которомъ пришлось ему произрастать. Съ другой стороны, страсбургскій другъ Ленца, Рамонъ въ прочувствованной эпитафіи называлъ его «невинной жертвой», «отвергнутымъ семьей и отечествомъ» за то, что душею онъ былъ лучше другихъ [88])...

Въ лицѣ Ленца отошелъ въ могилу одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей ранней поры нѣмецкаго идеализма, одинъ изъ симпатичнѣйшихъ Донъ-Кихотовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ типичнѣйшихъ неудачниковъ романтическаго пошиба. Это былъ бездомный скиталецъ, весь проникнутый паѳосомъ общественнаго служенія, исполненный благороднѣйшихъ стремленій на благо человѣчества и не имѣвшій ни охоты, ни досуга для того, чтобы сколько-нибудь сносно устроить собственное существованіе. При всѣхъ его заблужденіяхъ, недостаткахъ, промахахъ и прегрѣшеніяхъ, за которые ему пришлось поплатиться такъ жестоко, онъ подкупаетъ насъ глубокою искренностью всего своего существа, несомнѣннымъ благородствомъ своихъ чуждыхъ низменной корысти и себялюбія интересовъ и присутствіемъ той божественной искры таланта, которой, къ сожалѣнію, не суждено было разгорѣться въ яркое и согрѣвающее пламя..

Его литературная дѣятельность прошла передъ нашими глазами отъ перваго поэтическаго лепета многообѣщавшей юности до полныхъ диссонанса усталыхъ и разбитыхъ звуковъ догоравшаго многострадальнаго существованія. Она прошла передъ нами какъ со всѣми своими индивидуальными особенностями и рельефными чертами, такъ и со всѣми отзвуками и отраженіями общаго культурно-литературнаго движенія.

Необыкновенно воспріимчивый и чуткій ко всѣмъ основнымъ тенденціямъ нарождавшейся эпохи «бурныхъ стремленій», Ленцъ явился наиболѣе полнымъ и всестороннимъ выразителемъ одного

изъ важнѣйшихъ моментовъ нѣмецкой литературной исторіи со всѣми его своеобразными особенностями. Періодъ «бури и натиска» былъ лишь скоропреходящимъ эпизодомъ въ жизни такихъ писателей, какъ Гёте, Шиллеръ, Клингеръ; тотъ же періодъ поглотилъ всего Ленца, обусловилъ всю его литературную дѣятельность всецѣло и опредѣлилъ все ея направленіе. Поэтому имя Ленца навсегда останется тѣсно связаннымъ съ именемъ нѣмецкаго Sturm-u-Drang'а, который трудно себѣ и представить безъ нервной и подвижной фигуры этого «бурнаго генія» par excellence.

Если исключить Гёте, геніальное дарованіе котораго стоитъ выше всякаго сравненія, Ленцъ является самымъ талантливымъ драматическимъ писателемъ періода. При всѣхъ недостаткахъ своихъ драмъ, при отсутствіи художественной цѣльности, при крупныхъ промахахъ въ средствахъ къ достиженію сценической иллюзіи, при излишествахъ экзальтированной шекспироманіи, Ленцъ поражаетъ чутьемъ въ изобрѣтеніи драматическихъ положеній, удивительною жизненностью многихъ характеровъ. Неистощимый на драматическіе планы, онъ носилъ въ себѣ крупные задатки выдающагося драматурга, развитіе которыхъ было парализовано слишкомъ наивною преданностью новой и мимолетной драматической теоріи. Отъ этого всего болѣе пострадало его прекрасное комическое дарованіе, которымъ онъ рѣшительно превышалъ всѣхъ своихъ сверстниковъ. Читая иныя сцены его комедій, удивляешься, какъ этотъ разбитый жизнью неудачникъ сохранялъ въ себѣ способность такого здороваго, бойкаго и заразительнаго смѣха.

Съ такимъ же смѣхомъ онъ выступаетъ передъ нами и въ своихъ литературныхъ сатирахъ, представляющихъ исключительное по талантливости явленіе современной ему нѣмецкой литературы. И въ этомъ случаѣ изъ всѣхъ сверстниковъ онъ наиболѣе приближается къ Гёте.

Не даромъ же современники, наблюдавшіе первые литературные шаги ихъ обоихъ и не предугадывавшіе всей глубины и мощи несравненнаго гётевскаго генія, называли ихъ братьями-близнецами и не всегда различали ихъ произведенія. На ряду съ юнымъ Гёте, онъ способствовалъ возрожденію нѣмецкой лирики и умѣлъ брать на своей лирѣ тоны въ высшей степени искренніе, задушевные, пережитые въ дѣйствительности и перечувствованные въ сердцѣ. Его

«Отшельникъ» представляетъ любопытную параллель къ «Вертеру», превышающую художественными достоинствами всѣ другія подобныя подражанія.

Ленцъ былъ однимъ изъ субъективнѣйшихъ поэтовъ, какихъ только знаетъ исторія литературы. Подобно Байрону, онъ изображалъ прежде всего самого себя, свой внутренній міръ, свои идеалы, надежды и разочарованія. Онъ самъ отчасти напоминаетъ будущій типъ разочарованнаго скитальца, сгибающагося подъ бременемъ душевнаго разлада, — типъ, созданный геніемъ субъективнѣйшаго изъ англійскихъ поэтовъ. Далекость ложноклассической поэзіи отъ дѣйствительной жизни заставила нашего борца за новое искусство придерживаться близко формулы «жизнь и поэзія — одно». Если Гёте отражалъ дѣйствительность и пережитыя впечатлѣнія, проведя ихъ черезъ очищающее горнило спокойнаго поэтическаго творчества, какъ онъ прекрасно выразилъ стихами:

Spät erklingt was früh erklang,
Glück und Unglück wird Gesang—

то Ленцъ обладалъ слишкомъ нервною натурою, чтобы дожидаться такого умиротворяющаго момента. Творчество его отличается чрезвычайно лихорадочнымъ характеромъ: все лично переживаемое и чувствоваемое онъ стремится немедленно перелить въ поэтическіе образы и дѣлаетъ изъ своихъ сочиненій не что иное, какъ живо-трепещущую лѣтопись своихъ текущихъ увлеченій и разочарованій, не что иное, какъ вѣрное и правдивое зеркало бурнаго кипѣнія своей эпохи. И это придаетъ его поэзіи значительный культурно-историческій интересъ.

Будучи однимъ изъ самыхъ пылкихъ адептовъ сближенія литературы съ жизнью, Ленцъ былъ однимъ изъ предшественниковъ реализма XIX вѣка. Мы знаемъ уже, какъ страстно стремился онъ держаться фактической вѣрности, какъ любилъ переносить на страницы своихъ сочиненій дѣйствительныя лица и дѣйствительныя событія, какъ не страшился раскрывать иныя явленія жизни во всей ихъ наготѣ.

Смѣлый реалистъ, онъ въ то же время носилъ въ своей душѣ такой порывъ къ таинственному, непознаваемому, такое тяготѣніе къ сверхчувственному міру, что романтическая струя замѣтно втор-

галась въ его поэтическое творчество, придавая всему совершенно своеобразное освѣщеніе.

Въ вѣчныхъ колебаніяхъ между земнымъ и небеснымъ, реальнымъ и непостижимымъ, фактическимъ и фантастическимъ проходила его полная бурныхъ стремленій и жгучихъ разочарованій жизнь, разбившаяся, повидимому, отъ неразрѣшимой задачи дать мирный исходъ непримиримой душевной борьбѣ. Своеобразное соединеніе элементовъ реализма и романтизма является чрезвычайно оригинальною и примѣчательною чертою его поэзіи, опредѣляющею ея литературно-историческое значеніе.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КЪ ГЛАВѢ I.

1) Сочиненія В. Бѣлинскаго, М. 1885 г., т. VIII, стр. 249.

2) Границы періода „бурныхъ стремленій“ точно не установлены. Началомъ его можно считать конецъ шестидесятыхъ годовъ, ознаменованный появленіемъ „Гамбургской драматургіи“ Лессинга и первыхъ сочиненій Гердера „Фрагменты“ и „Критическіе лѣса“. Конецъ періода относится къ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ и совпадаетъ со временемъ итальянскаго путешествія Гёте (1786 г.).

3) Важность культурно-исторической стороны движенія „бури и натиска“ оттѣняютъ R. Weissenfels (Goethe im Sturm und Drang. Halle 1894) и въ особенности В. Кожевниковъ (Философія чувства и вѣры въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и раціонализму XVIII вѣка и къ критической философіи. М. 1897 г.).

4) Rousseau. Emile ou de l'éducation, T. I, p. 1: „Tout est bien, sortant des mains de l'auteur des choses; tout dégénère entre les mains de l'homme“.

5) Собраніе сочиненій Гёте въ переводѣ русскихъ писателей. 2-е изд. С.-Петербургъ 1895 г., т. VIII, стр. 307.

6) Изъ „бурныхъ геніевъ“ въ особенности „живописецъ“ Мюллеръ заключалъ въ себѣ такіе элементы, которые дѣлали его дорогимъ романтикамъ. Тикъ къ нему чувствовалъ особенную симпатію. Ср. *Sauer*. Stürmer und Dränger, III, стр. 10. За изданіе сочиненій Ленца Тикъ принялся также подъ вліяніемъ интереса романтиковъ къ дѣятелямъ эпохи „бури и натиска“.

7) Итальянское Возрожденіе освѣщено съ этой точки зрѣнія въ особенности въ сочиненіи М. Корелина: Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Москва 1892 г.

8) Ср. *Burckhardt*. Die Kultur der Renaissance in Italien. *Gaspary*. Geschichte der italienischen Litteratur. *Фойхтъ*. Возрожденіе классической древности и др.

9) Эта борьба сказывается уже у Петрарки въ его полемикѣ противъ представителей средневѣковой схоластической учености. Ср. *Фойхтъ*. Возрожденіе классической древности. Пер. Рассадина. Москва 1889, т. I, стр. 69 сл.

10) Ср. Кожевниковъ. Философія чувства и вѣры, стр. 315 сл.

11) Фойхтъ, l. c. I, 131—135.

12) *Burckhardt*. Die Cultur der Renaissance in Italien, 4-te Auflage. Leipzig, 1885, II Band, Vierter Abschnitt.

13) *Карѣевъ*. Исторія западной Европы въ новое время. С.-Петербургъ, т. III. *Гетнеръ*. Исторія англійской литературы XVIII в. Спб. 1863, стр. 111 сл.

14) *Leslie Stephen*. History of english thought in the XVIII century. London. 1876. Vol. II, p. 369.

15) *Lechler*. Geschichte des englischen Deismus. Stuttgart 1841, стр. 8.

16) *Кожевниковъ*. Философія чувства и вѣры, стр. 34—35.

17) History of english thought in the XVIII century. Vol. II, p. 389.

18) Ср. *E. Schmidt*. Richardson, Rousseau und Goethe. Iena 1875 и др.

19) Кожевниковъ, l. c. 437.

20) Leslie Stephen, History of english thought etc. II, 440.

21) Гетнеръ. Исторія англійской литературы XVIII вѣка. Спб. 1863, стр. 427.

22) Joseph Texte. J. J. Rousseau et les origines du cosmopolitisme littéraire. Paris 1895, стр. 342.

23) Стернъ. „Тристрамъ Шэнди". Русскій переводъ. Спб. 1892, стр. 449.

24) „Письма русскаго путешественника". Изд. Суворина, стр. 369.

25) J. Texte, l. c., стр. 350.

26) Ibidem, 354.

27) Ibidem, 351.

28) Ibidem, 345—346.

29) О вліяніи Стерна на нѣмецкую литературу XVIII в. см. Кожевниковъ, l. c. 522—526.

30) „Тристрамъ Шэнди", 443.

31) Кожевниковъ, l. c., 516.

32) Ibidem, 511.

33) Stapfer. Laurence Sterne. Paris 1882, стр. 137.

34) Кожевниковъ, l. c. 512.

35) Ср. Ch. Clarke. Fielding und der deutsche Sturm und Drang. Freiburg i. B. 1897. Wood, Einfluss Fieldings auf die deutsche Literatur. Yokohama 1895.

36) Paul *Hamelius*. Die Kritik in der englischen Literatur des 17. und 18. Jahrhunderts. Leipzig 1897. Beers, A history of english romanticism in the XVIII century, New York 1899.

37) Ibidem 145, 150.

38) Max Kawczynski. Studien zur Literaturgeschichte des XVIII-ten Jahrhunderts. Moralische Zeitschriften. Leipzig 1880. См. въ особенности стр. 140 сл. Hamelius, l. c., 106—107.

39) Hamelius, l. c. 97—98.

40) „Spectator" № 406. Hamelius, l. c. 100 — 102 Kabelmann, J. Addison's litterarische Kritik im „Spectator", Rostock 1900.

41) Hamelius, l. c. 168 — 171. *J. Texte*. J. J. Rousseau et les origines du cosmopolitisme littéraire, 382 сл. Wagener, Das Eindringen von Percys Reliques in Deutschland, Heidelberg 1897.

42) Warton (J.) An Essay on the genius and writings of Pope. Ср. Hamelius, l. c. 157 сл.

43) Въ изданіе сочиненій Юнга обыкновенно это теоретическое сочиненіе не входитъ. Мы пользовались экземпляромъ перваго изданія, принадлежащимъ Библіотекѣ Британскаго Музея въ Лондонѣ.

44) „*Originals* are, and ought to be, great Favourites, for they are great Benefactors; they extend the Republic of Letters, and add a new province to its dominion: *Imitators* only give us a sort of Duplicates of what we had, possibly much better, before; increasing the mere Drug of books, while all that makes

them valuable, *Knowlege* and *Genius*, are at a stand". *Conjectures on Original Composition*, London 1759, pp. 9—10.

45) „An *Original* may be said to be of a *vegetable* nature; it rises spontaneously from the vital root of Genius; it *grows* it is not *made: Imitations* are often a sort of *Manufacture* wrought up by those *Mechanics, Art* and *Labour*, out of preexistent materials not their own". Ibidem, pp. 11—12.

46) „So few are our *Originals*, that, if all other books were to be burnt, the letter'd world would ressemble some Metropolis in flames, where a few incombustible buildings, a Fortress, Temple, or Tower, lift their Heads, in melancholy Grandeur, amid the mighty ruin". Ibidem, pp. 15—16.

47) „But why are *Originals* so few? not because the Writer's harvest is over, the great Reapers of Antiquity having left nothing to be gleaned after them; nor because the human mind's teeming time is past, or because it is incapable of putting forth unprecedented births; but because illustrious Examples *engross, prejudice*, and *intimidate*". Ib., p. 17. „Imitate them, by all means; but imitate aright. He that imitate the divine *Jliad*, does not imitate *Homer*; but he who takes the same method, which *Homer* took, for arriving at a capacity of accomplishing a work so great. Tread in his steps to the sole Fountain of Immortality, drink where he drank, at the true *Helicon*, that is, at the breast of Nature: Imitate; but imitate not the *Composition*, but the *Man*". Ibidem, 20—21.

48) „Genius is a Masterworkmann, Learning is but an Instrument; and an Instrument, tho' most valuable, get not always indispensable". Ibidem, 25—26. „A *Genius* differs from a *good Understanding*, as a Magician from a good Architect; *that* rises his structure by means invisible; *this* by the skilful use of common tools. Hence Genius has ever been supposed to partake of something Divine". Ibidem, 26—27.

49) „*Learning*, destitute of this superior Aid, is fond, and prond, of what has cost it much pains; is a great Lover of Rules, and Boaster of famed Examples... Rules, like Crutches, are a needful Aid to the Lame, tho' an Impediment to the strong... There is something in Poetry beyond Prose-reason; there are Mysteries in it not to be explaned, but admired". Ibidem, pp. 27—29.

50) „If I might speak farther of Learning, and Genius, I Would compare Genius to Virtue, and Learning to Riches. As Riches are most wanted where there is least Virtue; so Learning where there is least Genius. As Virtue without much Riches can give Happiness, so Genius without much Learning can give Renown". Ibidem, 29—30.

51) „Genius is from Heaven, Learning from man: *This* sets us above the low and illiterate; *that*, above the learned and polite. Learning is borrowded Knowlege; Genius is Knowlege innate, and quite our own". Ibidem, 36.

52) Ibidem, pp. 42—43.

53) „Reasons there are why talents may not *appear*, none why they may not *exist*, as much in one period as another. An Evocation of vegetable fruits depends on rain air, und sun; an Evocation of the fruits of Genius no less depends on Externals". Ibidem, 46.

54) „That a Man may be scarce less ignorant of his own powers, than an Oyster of its pearl, or a Rock of its diamond; that he may possess dormant, unsuspected abilities, till awakened by loud calls, or stung up by striking emergencies; is evident from the sudden eruption of some men, out of perfect obscurity, into publick admiration, on the strong impulse of some animating occasion; not more to the world's great surprize, than their own“. Ibidem, 49—50.

55) „Let thy Genius rise (if a Genius thou hast) as the sun from chaos; and if I should then say, like an *Indian, worship it,* (though too bold) get should I say little more than my second rule enjoins, (*Viz.*) *Reverence thyself*... Thyself so reverence as to prefer the native growth of thy own mind to the richest import from abroad; such borrowed riches make us poor“. Ibidem, 53—54.

56) Ibidem, pp. 54—55.

57) „*Shakespeare* gave us a *Shakespeare*, nor could the first in antient fame have given us more. *Shakespeare* is not their son, but Brother; their Equal and that, in spite of all his faults. Ibidem, 78. „He was master of two books, unknown to many of the profoundly read, two books, which the last conflagration alone can destroy: the book of Nature, and that of Man. These he had by heart, and has transcribed many admirable pages of them, into his immortal works“. Ibidem, 81—82.

58) Ср. *Hamelius*. Die Kritik in der englishen Literatur des 17. und 18. Jahrhunderts. Leipzig 1897, 150 сл.

59) *Leslie Stephen*. Cowper and Rousseau („Hours in a library“, London, 1892, vol. II, pp. 208 сл.).

60) *Texte*. J. J. Rousseau et les origines du cosmopolitisme littèraire.

Самостоятельными выразителями французскаго сентиментализма были въ особенности Нивелль-ла-Шоссе, основатель такъ наз. comédie larmoyante, и романистъ Мариво.

61) Собраніе сочиненій Гёте въ переводѣ русскихъ писателей подъ редакціей Вейнберга 2-е изд. Спб. 1895 г., т. VIII, стр. 305.

62) Прекрасную оцѣнку вліянія Дидро на штюрмеровъ даетъ Кожевниковъ. Философія чувства и вѣры и т. д. Москва 1897 г., стр. 411—419.

63) Leslie Stephen. History of english thought in the XVIII century. London 1876. Vol. II, p. 443.

64) Бизе. Историческое развитіе чувства природы. Перев. Карабчевскаго. 267 сл. J. Texte. J. J. Rousseau. etc. Spitzner, Natur und Naturgemässheit bei J. J. Rousseau. Leipzig 1892.

65) Кожевниковъ, l. c. 365.

66) Кожевниковъ. Философія чувства и вѣры и т. д., стр. 366—367.

67) Ibidem., стр. 364.

68) J. Texte. J. J. Rousseau et les origines du cosmopolitisme littéraire. P. 1895. J. J. Jusserand. Shakespeare en France sous l'Ancien régime. Paris. 1898.

69) Alfred Michiels. Histoire des idées littéraires en France au XIX siècle, et de leurs origines dans les siècles antérieurs. Paris. 1842. I, pp. 84—89. Jusserand. l. c. 188—189.

70) Lanson. Nivelle de la Chaussée et la comédie larmoyante. Paris. 1887.

71) Jusserand. l. c. p. 295. Michiels. l. c. I, 93.

72) Discours sur la poésie dramatique и др.

73) Кожевниковъ. Философія чувствъ и вѣры, стр. 443 и сл.

74) Ibidem., стр. 545.

75) Ср. Sauer. Stürmer und Dränger I. Einleitung.

76) Ibid. E. Schmidt, Richardson, Rousseau und Goethe.

77) Joret (Ch). Herder et la renaissance littéraire en Allemagne au XVIII siècle. Paris. 1875.

78) Ibidem.

79) Hettner. Gechichte der deutchen Literatur im achtzehnten Jahrhundert. Braunschweig 1879.

80) Г. Э. Лессингъ. Гамбургская драматургія. Перев. Рассадинъ. Москва 1883 года, стр. 497.

КЪ ГЛАВѢ II.

1) Iulius Eckardt. Livland im achtzehnten Iahrhundert. Leipzig 1876. I Band. 407—409.

2) Ibidem. 410.

3) Ibidem. 411—414.

4) Ibidem. 439—440.

5) Ibidem. 163—164, 183, 341.

6) Ibidem, 440—441, 449.

7) Allgemeine Deutsche Biographie, XVIII Band. s. 270.

8) Геттнеръ. Исторія нѣмецкой литературы XVIII в., I т. Москва 1872 г., стр. 53 и 212.

9) Allg. Deutsche Biogr. l. c.

10) Falck. Lenz in Liefland. ss. 2 и 55. Erinnerungen aus der Zeit vor dem Dorpater Brande am 25 Iuni 1775. Dorpat 1874. W. Gläsers Verlag.

11) Eckhardt. I. 433—435.

12) „Heiland, bewahre den Knaben, was du Ihn in der Taufe geschenkt hast und so ers verliert, so suche ihn wieder, und halte ihn zu Deinen Kindern und Knechten; fange Dein Gnadenwerk in seiner Seele kräftig an und führe es fort bis zum Ende seiner Walfahrt um Deines blutigen Verdienstes willen! Amen!"

Годъ рожденія Ленца устанавливается выпиской изъ метрической книги, сдѣланной пасторомъ Мютелемъ по просьбѣ Егора Сиверса и хранящейся въ Рижской Городской Библіотекѣ. Ср. также Falck. Lenz in Livland. стр. 3.

13) Eckhardt. l. c. I. 317.

14) Ibidem I. 545.

15) Ibidem 513 и сл.

16) Allgemeine deutsche Biographie XVIII B. Leipzig 1883. s. 270.

17) Отецъ Ленца былъ недоволенъ его богословскимъ сочиненіемъ Meynungen eines Layen, изд. въ 1775 г.

18) Erinnerungen aus der Zeit vor dem Dorpates Brande am 25 Iuni 1775. Dorpat 1874, стр. 17—28.

19) Gadebusch. Lifländische Bibliothek. B. II, 1774, стр. 174.

20) v. Bock. Die Historie von der Universität zu Dorpat und deren Geschichte. Baltische Monatsschrift. Jahrg. 5, Bd. I, Heft 6, стр. 501—502.

21) Erinnerungen aus der Zeit vor dem Dorpater Brande am 25 Iuni 1775, Dorpat 1874, стр. 9. Eckardt. l. c., стр. 518—519.

22) Falck. Lenz in Livland, стр. 5—6 и 60.

23) Waldmann, Lenz in Briefen. Zurich 1894, стр. 25—26.

24) Gesammelte Schrifren von J. M. R. Lenz herausgegeben von Ludwig Tieck. III B. Berlin, 1828, стр. 93.

25) Der Landplagen viertes Buch. Die Feuersnoth. Gedichte von J. Lenz herausgegeben von Karl Weinhold. Berlin 1891, стр. 47.

26) L. Urlichs. Etwas von Lenz. „Deutsche Rundschau" Hrsg. von Iulius Rodenberg. Dritter Jahrgang. Heft 8. Mai 1877. Berlin, стр. 273.

27) Р. Гаймъ, Гердеръ его жизнь и сочиненія, перев. Невѣдомскаго, т. I, ч. I, стр. 124.

28) Falck. Lenz in Livland, стр. 17.

29) Waldmann. Lenz' Stellung zu Lavaters Physiognomik. „Baltische Monatschrift" 1893.

30) Eckhardt. Livland im XVIII-ten Jahrhundert, I, стр. 313.

31) Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона.

32) Eckhardt. Ibidem. I. 347.

33) Гаймъ. Гердеръ I т. 124.

34) Gedichte von Lenz. Изд. Вейнгольда, стр. 19 и 20.

35) Eckhardt. I, 518: Gadebusch. Lifländische Bibliothek. 1777 г.

36) Рукопись 14 стр. in 4° принадлежитъ проф. Вейнгольду въ Берлинѣ.

37) Falck. Lenz in Livland, стр. 20.

38) Liefländiche Bibliothek. 1777.

39) „Ein solches seltenes Genie verdienet alle Aufmunterung. Ich hoffe die Leser werden mit mir wünschen, dass die dichterischen Gaben dieses Hofnungsvollen *Jünglings*, sich immer mehr zur Ehre unsers Vaterlandes entwickeln und erhöhen mögen". Gelehrte Beyträge zu den Rigischen Anzeigen aufs Jahr 1766, стр. 49.

40) Въ упомянутомъ рижскомъ изданіи Гердеръ помѣстилъ нѣсколько статей. См. Herders sämmtliche Werke, Herausgegeben von B. Suphan. Erster Band. Berlin 1877, стр. 1—12, 43—56 и др. Ср. Гаймъ, Гердеръ, I, 113—121 и Zeitschrift für deutsche Philologie VI, 45—83.

41) Сочиненія Гёте, т. VIII, стр. 47—49. О вліяніи Клопштока на Гёте ср. Lyon, Goethe's Verhältniss zu Klopstock, Leipzig 1882 и Кожевниковъ, Философія чувства и вѣры, стр. 564—565. Когда Гёте былъ студентомъ въ Лейпцигѣ, онъ также написалъ стихотвореніе въ клопштоковскомъ духѣ „Poetische Gedanken über die Höllenfahrt Jesu Christi". Ср. Bernays, Ders junge Goethe, I, 79—84.

Bielschowsky, Goethe, I, 38. Стихотвореніе это не было, однако, навѣяно „Мессіадой“ непосредственно, и юный Гёте не подражалъ Клопштоку такъ точно, какъ Ленцъ. Въ „Dichtung u. Wahrheit“ Гёте называетъ свое стихотвореніе подражаніемъ поэмѣ Эліаса Шлегеля „Das jüngste Gericht“, но такого стихотворенія Шлегеля неизвѣстно, и есть предположенія, что образцомъ для Гёте послужила одна ода Крамера. См. Weissenfels. Goethe im Sturm und Drang, I, 418, прим. 12.

42) Hettner. Geschichte der deutschen Litteratur im XVIII Jahrhundert. Braunschweig 1879, II, 122.

43) Anwand. Beiträge zum Studium der Gedichte von J. M. R. Lenz. München 1897, стр. 26—29.

44) Ibidem, 31.

45) Въ гекзаметрѣ Ленца замѣчается одна особенность: въ то время какъ Клопштокъ употребляетъ въ концѣ стиха то спондеи, то трохеи, Ленцъ придерживается почти исключительно трохеевъ. Ср. Anwand, 32. — Нельзя согласиться съ мнѣніемъ Анванда, который уже въ этомъ первомъ поэтическомъ упражненіи Ленца подмѣчаетъ слѣды реалистической натуры. Болѣе сжатое содержаніе и отсутствіе клопштоковскихъ отступленій можно отнести скорѣе къ бѣдности поэтическаго вымысла, столь понятной въ поэтѣ-мальчикѣ. Слишкомъ далеко идетъ Анвандъ и въ томъ случаѣ, когда утверждаетъ, что „его идея Спасителя, послѣдовательно проведенная, болѣе потрясающаго свойства, чѣмъ идея Клопштока“. Позволительно сомнѣваться въ томъ, чтобы 15-тилѣтнему мальчику было по плечу то, что критикъ ему приписываетъ. О „потрясающей идеѣ“, заключенной будто бы въ этой ученической работѣ, врядъ ли можетъ быть рѣчь. Никто серьезно не можетъ утверждать, что здѣсь Ленцъ не только въ чемъ-нибудь превосходитъ Клопштока, но и даже только равняется съ нимъ.

46) Falck, Lenz in Livland, ss. 50—51. Ср. Gedichte von Lenz hrsg. von Weinhold, Berlin, 1891, ss. 12—13, 260.

47) Anwand, l. c., 36—37. — Здѣсь снова приходится упрекнуть критика въ ложномъ пріемѣ: его стремленіе найти уже въ первыхъ стихотвореніяхъ Ленца тѣ особенности, которыми они отличались въ эпоху расцвѣта его таланта, такъ велико, что онъ въ этихъ первыхъ ученическихъ опытахъ часто видитъ то, чего въ нихъ нѣтъ въ дѣйствительности. Какъ въ первомъ произведеніи Ленца онъ подмѣтилъ черты реализма, совершенно незамѣтныя для непредубѣжденнаго глаза, такъ въ этомъ дѣтскомъ лепетѣ онъ открылъ присутствіе „пантеистическаго элемента“ (sic!) Говорить о „пантеизмѣ“ 15-тилѣтняго мальчика — по меньшей мѣрѣ, странно.

48) См. предисловіе Блюма къ изданію пьесы, стр. XIX сл.

49) Ср. „Энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона, ст. „Семилѣтняя война“.

50) „O möchte diese Begebenheit jeden, der sie höret, rühren und ihn zum Dank gegen die Vorsicht bewegen, die keine Wunde schlägt, welche ewig blutet!— Kommen Sie, mein Schönwald! Noch muss ich Sie zum letztenmal auf ihrem traurigen Lager umarmen“. Der verwundete Bräutigam, 69.

51) Gruppe, Reinhold Lenz, Berlin, 1861, 245.

52) Falck, Lenz in Livland, 33 и 36.

53) Erich Schimdt, Lenz und Klinger, Berlin 1878, 5.

54) Ср. *Schönwald*: Um Ihnen in Ihrem Thon zu antworten, ob es sich gleich für einen gewesenen Soldaten nicht schickt, zu weinen, so bin ich stolz auf die zärtlichen Tränen, die Sie mir herauslocken („Der Verwundete Bräutigam", 5) *Lenchen:* Dis sind Tränen der Freude, die ich weine. *Schönwald:* Diese unschuldige Tränen dis zärtliche Herz zerschmelzt mich ganz" (Ibid. 7) *Anselmo:* Redet nicht weiter, Kinder! Ich weine sonst... (Ib. 13) „Sie (Ленхенъ) ass nicht, sie trank nicht, und wenn sie des Morgens aus ihrem Zimmer kam, so hatte sie sich die Augen roth geweint, dass ich keinen Morgen meinen Caffee ohne Wehmuth trinken konnte" (Ib. 15). *Lalage:* O könnte ich blutige Tränen weinen (Ib. 30) Wie süss sind diese Träuen (Ib. 66). *Anselmo:* Meine Tränen um ihn flossen nicht spahrsamer... (Ib. 67). *Lenchen:* Sie weinen, bester Vater! — Zürnen diese Tränen villeicht über mich? (Ib. 56). Anselmo (für Freude weinend) (Ib. 62). *Lenchen:* Höchste Vorsehung, erhöre die Tränen eines schwachen Frauenzimmers, einer bekümmerten Braut! (Ib. 64). На каждомъ шагу дѣйствующія лица говорятъ о своемъ сердцѣ, которому придаются всевозможные эпитеты: „доброе", „лучшее въ свѣтѣ" (Ib. 15), „чувствительное" (Ib. 41), „истекающее кровью" (48 и 52), „благородное, великодушное" (49—50), „холодное, какъ ледъ" (54), „нѣжное" (55) и т. д. Отмѣтимъ выраженіе Ансельмо: „Nun, meine Tochter, ich erlaube Dir dem Herrn Baron Dein ganzes Herz zu geben und wenn Eure beyden Herzen ein Herz sind so gebt mir dieses Herz! (Ib. 11).

55) Критики, писавшіе объ этой пьесѣ: ея издатель Блюмъ, Группе и Фалькъ разсыпаются въ похвалахъ этому первенцу драматической музы Ленца. Блюмъ хвалитъ пьесу за свѣжесть и живость діалога, вѣрность природѣ и тонкость наблюденій. „Der verwundete Bräutigam", стр. XXI. По мнѣнію Группе, пьеса можетъ быть поставлена наряду съ наиболѣе зрѣлыми произведеніями Ленца. Gruppe, R. Lenz, 245—246. Сравнивая ее съ юношеской пьесой Гёте „Die Laune eines Verliebten". Фалькъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе произведенію Ленца. Lenz in Livland, 36. Не раздѣляя подобныхъ преувеличенныхъ восторговъ, нельзя, однако, не замѣтить, что эта пьеса дѣлаетъ честь своему пятнадцатилѣтнему автору.

56) Ср. Der verwundete Bräutigam. 70—72 и Gedichte von Lenz, 14—15.

57) Anwand, l. c., 66.

58) Gedichte von Lenz, стр. 110.

59) Anwand, l. c. 91—92.

60) Ibidem, 91. Упомянутыя въ текстѣ стихотворенія напечатаны Вейнгольдомъ: „Gedichte" № 4. Glückwunsch für seinen Bruder Friedrich David Lenz, Pastor in Tarwast, bei dessen Verlobung и № 5 Gedicht zum Geburtstag seiner Schwägerin Christine.

61) „Livländische Bibliothek". 1777 B. II. s. 177. Фалькъ ошибочно называетъ пьесу „Diana". Lenz in Livland, 37.

62) Библейскими драмами Клопштока увлекался въ молодости и Гёте, напи-

савшій въ подражаніе ему драму „Belsazar“. Извѣстны также заглавія нѣсколькихъ стихотвореній Гёте, вызванныхъ къ жизни очевиднымъ увлеченіемъ подобными же темами автора „Мессіады“: „Joseph“, „Isabel“, „Ruth“, „Selima“. Ср. Weissenfels. Goethe im Sturm und Drang, I, 36.

63) Кантата Ленца „Die Auferstehung“ („Gedichte“ изд. Вейнгольда, 124—126) была напечатана въ страсбургскомъ журналѣ „Der Bürgerfreund“ (1776. XIV Stück, стр. 220—222). Сообразно съ этимъ, проф. Вейнгольдъ относитъ это произведеніе къ 1776 г. и замѣчаетъ, что въ сравненіи съ юношескими религіозными стихотвореніями оно отличается „большею зрѣлостью“. (Ibidem, 278). Можно, однако, думать, что эта „зрѣлость“ есть только результатъ новой переработки стихотворенія, написаннаго гораздо раньше. По формѣ, содержанію и языку кантата Ленца есть не что иное, какъ подражаніе подобному же стихотворенію Гердера: „Die Ausgiessung des Geistes. Eine Pfingstkantate“, напечатанному въ рижскомъ журналѣ „Beiträge zu den Rigischen Anzeigen“ (1766. XII Stück. Ср. Herders Sämmtliche Werke, изд. Suphan'а, I, 56—57). Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ гердеровской кантаты Ленцъ набросалъ, вѣроятно, тогда же свое стихотвореніе, которое впослѣдствіи, можетъ быть, было передѣлано для журнала „Bürgerfreund“. За болѣе раннее происхожденіе этой кантаты говоритъ то обстоятельство, что въ періодъ полнаго расцвѣта ленцевскаго таланта религіозныя стихотворенія у него совершенно отсутствуютъ, такъ что указанная кантата оказалась бы исключительнымъ явленіемъ, мало вѣроятнымъ съ психологической точки зрѣнія. — Возможно также вліяніе Рамлера, у котораго есть ода „Die Auferstehung und Himmelfahrt Jesu“. Ср. Anwand, Beiträge zum Studium der Gedichte von J. M. R. Lenz, 101—102.

64) „Iоricks empfindsame Reise durch Frankreich und Italien. A. d. Engl. übersetzt. Hamburg u. Bremen 1768 сл. См. K. Goedeke. Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung. 2-te Auflage. Dresden. 1891. B. IV, 213. — „Die Gedichte Ossians eines alten Celtischen Dichters, aus d. Engl. übersetzt. Wien 1768—69“. См. Goedeke, ibid., 109. — О значеніи Герстенберга для эпохи „бурныхъ стремленій“ см. Montague Jakobs. Gerstenbergs Ugolino, ein Vorläufer des Geniedramas. Berlin 1898.

65) Ср. Falck, Lenz in Livland, стр. 40—41 и 76 прим. 89.

КЪ ГЛАВѢ III.

1) Gedichte von Lenz, Hrsg. von Weinhold, VIII—IX.

2) Ср. Kronenberg. Kant. München 1897, стр. 37—38.

3) J. Fr. Reihardt. Etwas über den deutschen Dichter Lenz („Berlinisches Archiv der Zeit und ihres Geschmacks“ 1796, I Band, стр. 113—123.)

4) „Nur selten kam er in die Vorlesungen einiger Professoren; bald fast nur

ausschliesslich, dann und wann, in die Vorlesungen unsers verehrungswürdigen Lehrers *Kant*". Ibidem.

5) Kronenberg. Kant. München 1897, стр. 58.

6) Ibidem, 60.

7) Ibidem, 61.

8) Гаймъ, Гердеръ, его жизнь и сочиненія. I, 36.

9) Экземпляръ этотъ сохраняется въ библіотекѣ Кенигсбергскаго Университета, имѣя заглавіе: „Festgedicht der in Königsberg studirenden Cur-und Livländer an Prof. Kant Zum 21. Aug. 1770. Перепечатана ода въ „Gedichte" изд. Вейнгольда, 79—80.

10) J. Minor. J. G. Hamann und seine Bedeutung für Sturm u. Drang, стр. 17.

11) „Lenz hat selbst ein paar mal an mich geschrieben — aber seit seiner Abreise von Riga nicht mehr". Письмо Гаманна Мюллеру 30 апрѣля 1784 г. См. Waldmann, Lenz in Briefen Zürich, 1894, 106. О Ленцѣ идетъ рѣчь и въ перепискѣ Гаманна съ Гартнохомъ. Ibidem.

12) Фалькъ утверждаетъ, что Ленцъ познакомился съ Гаманномъ въ Кенигсбергѣ. См. его статью въ Allgemeine Encyklopädie, Hrsg. von Ersch und Gruber. 2-te Section. 43 Theil, Leipzig, 1889, стр. 87.

13) Sauer. Die Sturm - und - Drangperiode въ изданіи Kürschner'а „Stürmer und Dränger", I.

14) Русскій изслѣдователь произведеній Гаманна, г. Кожевниковъ, въ своемъ почтенномъ трудѣ „Философія чувства и вѣры" (стр. 188) считаетъ Гаманна оригинальнымъ создателемъ ученія о геніальности. Но съ этимъ нельзя согласиться: „сѣверный магъ", несомнѣнно, самъ стоялъ подъ вліяніемъ сочиненія Юнга „Conjectures on original composition" (1759), появившагося въ томъ же году, какъ и „Достопримѣчательности Сократа" Гаманна. Въ „Крестовыхъ походахъ филолога" онъ прямо ссылается на Юнга: „Kreuzzüge des Philologen", 1762. стр. 172 (статья Aestetica in nuce). Книга Юнга вышла въ 1761 г. уже во второмъ нѣмецкомъ изданіи. Такимъ образомъ для нѣмецкой публики вовсе не являлось новостью то, что писалъ Гаманнъ въ 1763 г. въ своихъ „Fünf Hirtenbriefe das Schuldrama betreffend", возставая противъ правилъ и требуя полной свободы для генія. Hamann's Schriften Hrsg. von Fr. Roth, Berlin 1821, II, стр. 413 сл.

15) Sokratische Denkwürdigkeiten" Гаманна задуманы подъ вліяніемъ книги Блэкуэлля „Изслѣдованіе о жизни и сочиненіяхъ Гомера", появившейся въ 1757 г. въ Лондонѣ, когда Гаманнъ жилъ тамъ. Въ предисловіи онъ самъ говоритъ, что желалъ воздвигнуть такой же памятникъ Сократу, какой Блэкуэлль воздвигъ Гомеру (Hamann's Schriften, Hrsg. von Roth, 1821, II, стр. 20). Выраженія Гаманна о поэзіи, языкѣ и т. д. были только переводомъ простыхъ мыслей Блэкуэлля на загадочно-темный и иногда эпиграмматически-мѣткій языкъ кенигсбергскаго оракула. По справедливому замѣчанію Гайма („Гердеръ", I, 161), Гаманнъ стремился дать „квинтэссенцію воззрѣній Блэкуэлля".—Восхищаясь библіей, оцѣнивая ее съ поэтической точки зрѣнія и выражая вообще симпатіи къ восточ-

ой литературѣ, Гаманнъ шелъ по слѣдамъ англичанина Lowth'a, автора сочиненія „De sacra poesi Hebraeorum" (1753 г.).

16) Hamelius, Die Kritik in der englischen Literatur etc. 166 сл.

17) Ср. Hamann's Schriften, II, 287 и мн. др.

18) Гаймъ, Гердеръ, I, 68.

19) Ср. Falck въ Allgemeine Encyklopädie Эрша и Грубера, l. c., 87.

20) Ср. Приложеніе А. № 6: письмо Ленца къ отцу изъ Кенигсберга 1769 г.

21) Herders Sämmtliche Werke, B. XXIX, стр. 16 и 24.

22) Гаймъ, Гердеръ, I, 383—384.

23) Anwand, Beiträge zum Studium der Gedichte von Lenz, стр. 49 сл.

24) „Denn Du hassest den Krieg, hassest den prächtigen Mord и т. д. „Gedichte", стр. 19.

25) „Denn ich seh es im Geist, um deine schwarze Gruft
Drängt ein sprachloser Kreiss; Schluchsen und Seufzen trennt
Die nachhallende Luft, Schluchsen und Heulen tönt
Von dem Belt bis zum schwarzen Meer. „Gedichte", 20.

26) „Erinnerungen aus der Zeit vor dem Dorpater Brande am 25 Juni 1775". Dorpat, 1874, W. Gläsers Verlag, стр. 42. Falck. Lenz in Livland, 13.

27) „Er (т. е. авторъ) hat das grössere Gedicht etlichemal ganz umgearbeitet, und würde der Verbesserungen nicht müde geworden seyn, wenn ihm nicht die Stelle Quintilians, Lib. II, Inst. Cap. IV ad init. „Audeat" etc die ihm von ungefähr in die Hände fiel, vorizt gegen seine eigene Critik misstrauisch gemacht". „Gedichte von Lenz" (Weinhold), 263.

28) Въ одной изъ неизданныхъ рукописей (*№ 223 Королевской Библіотеки въ Берлинѣ*) Ленцъ говоритъ: „Dieses Gericht, wovon Christus sagt dass der Vater es dem Sohn übergeben fieng zunächst und zuerst mit Zerstörung Jerusalems an auf welche die vornehmsten Weissagungen Christi passen und auch die Warnungen und Drohungen der Apostel, *die Zukunft des Herrn ist nahe, die Zeit ist nahe* und diese Zukunft Christi zum Gericht geht bis in Ewigkeit fort theils in Landplagen und Strafgerichten theils in Wohlthaten und Heimsuchungen Gottes die er sowohl über Lände, Nationen und Reiche als auch über einzelne Menschen verhängt".

29) Переводы Юнга на нѣмецкій языкъ стали появляться съ 1751 г. См. Barnstorff. Joungs Nachtgedanken und ihr Einfluss auf die deutsche Litteratur. Bamberg 1895, стр. 1—2.—*Nuits d'Joung*, traduites de l'anglais, par Letourneur (et publiées par I. E. Hardouin) Paris, Lejay 1769, 2 voll. in 8°. Этотъ переводъ перепечатывался много разъ. Ср. Quérard. La France littéraire, X, 554. Одновременно появился итальянскій переводъ: Le Notti di Joung, tradotte dal francese, Dal Signor Abate Alberti, вышедшій въ 1770 году уже 3-ьимъ изданіемъ въ сопровожденіи французскаго перевода Letourneur'a въ трехъ томахъ in—16°.

30) Англійская литература XVIII в., 452.

31) Death! great proprietor of all! tis thine
To tread our empire, and to quench the stars.
The sun himself by thy permission shines,

And, one day, thou shalt pluck him from his sphere.

The Night-Thoughts, London 1812, стр. 8. Въ одѣ „На смерть кн. Мещерскаго“ Державина слышатся отголоски этихъ стиховъ Юнга:

Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

32) Let Indians, and the gay, like Indians, fond
Of feather'd fopperies, the sun adore;
Darkness has more divinity for me...

The Night-Thoughts, 90.

33) Ср. J. Texte. J. J. Rousseau et les origines du cosmopolitisme littéraire. p. 378. E. Schmidt. Richardson, Rousseau und Goethe, Jena 1875, 190—191.

34) How poor, how rich, how abject, how august,
How complicate, how wonderful, is man!
How passing wonder He who made him such!
Who center'd in our make such strange extremes
From diff'rent natures, marvelously mix'd,
Connexion exquisite of distant worlds!
Distinquish'd link in being's endless chain!
Midway from nothing to the Deity;
A beam ethereal, sullied and absorpt!
Though sullied and dishonour'd, still divine!
Dim miniature of greatness absolute!
An heir of glory! a prail child of dust!
Helpless immortal! insect infinite!
A worm! a god!

The Night-Thoughts, 3 — 4. Этими стихами, извѣстными ему, вѣроятно, въ нѣмецкомъ переводѣ, вдохновился Державинъ въ одѣ „Богъ“: „Я связь міровъ повсюду сущихъ“ и т. д.

35) Кожевниковъ. Философія чувства и вѣры, 536.

36) J. Texte. J. J. Rousseau et les origines du cosmopolitisme littèraire, pp. 376—377.

37) Объ отношеніи штюрмеровъ къ знанію и наукѣ см. въ особенности Otto Brahm. Das deutsche Ritterdrama des XVIII Jahrhunderts. Strassburg 1880, стр. 187—198.

38) Texte, Rousseau etc., 373 сл. Когда вышелъ переводъ Летурнера, Гриммъ отнесся отрицательно къ поэзіи Юнга. Correspondance littéraire, I, 142. За этотъ отзывъ обрушился на него Дидро, что и заставило Гримма раскаяться въ своемъ первомъ сужденіи. „Je me soumets, en toute humilité, à la censure du philosophe“— заявилъ онъ въ новомъ номерѣ Correspondance littéraire, I, 167.

39) „M. le Tourneur a publié une traduction de ce poète qui en a chez nous le succés le plus décidé, le plus grand, le plus soutenu: tout le monde a lu ce livre moral, tout le monde y a admiré ce langage sublime qui élève l'âme, qui la

nourrit et qui l'attache; parce qu'il est fondé sur de grandes vérités, qu'il n'offre que de grands objets, et qu'il tire toute sa dignité de leur réelle grandeur. Pour moi, je n'ai jamais rien lu de si original, de si neuf, même de si intéressant". Mercier. L'an deux mille quatre cent quarante, II, 11 (изд. Bibliothèque nationale). Какъ высоко ставилъ Мерсье переводъ Летурнера, видно изъ слѣдующихъ его словъ: „Quand on a voulu mettre en vers la fameuse traduction des *Nuits d'Joung*, où regne un style plein, nombreux, et d'une énergie qui a donné presque à la langue une physionomie nouvelle, le vers avec ses entraves a été impuissant à rendre cette prose hardie". Nouvel essai sur l'art dramatique, Amsterdam 1773, стр. 299, прим. a.

40) „O combats d'Ossian! ô chants ténèbreux de Milton! ô enfer du Dante! ô nuits d'Joung" etc. Mercier, Mon bonnet de nuit. Neuchatel 1784. II, p. 242. Здѣсь же Мерсье дѣлаетъ характерное замѣчаніе, что подобная „смѣлая поэзія есть истинная поэзія. Изящная поэзія есть только стихотворство". (La poésie audacieuse est la vraie poésie. La poésie élégante n'est que de la versification).

41) J. Texte, l. c., 381.

42) Кожевниковъ, l. c., 538.

43) Ibidem, 533. J. Texte, l. c., 378.

44) Кожевниковъ, l. c., 539—540.

45) Anwand, l. c., 65—66.

46) Ibidem, 63—65.

47) Hirnlose Narren! die ruhig und ohne Sterbegedanken
Täglich sich in den Vorhof des Todes ins Schlafgemach wagen и т. д.
Gedichte von Lenz (Weinhold), 41

48) Ibidem, стр. 52—53, стихи 996—1000.

49) Anwand, l. c. 62—63.

50) Ibidem, 60—61.

51) Исторія Англійской литературы XVIII вѣка, 445.

52) Историческое развитіе чувства природы, пер. Коропчевскаго, 233.

53) Ibidem, 234.

54) Alban Schlesinger. Der Natursinn bei John Milton. Leipzig 1892.

55) Taine. Histoire de la littérature anglaise, IV, 226—227.

56) Texte. J. J. Rousseau etc., 359—361.

57) Hettner. Geschichte der deutschen Litteratur im XVIII Jahrhundert II, 113. Ср. Gjerset, Der Einfluss von J. Thomson's „Jahreszeiten" auf die deutsche Litteratur des XVIII Jahrh. Heidelberg 1898.

58) Бизэ. Историческое развитіе чувства природы, 249.

59) Anwand, l. c., 80—82.

60) Ibidem, 71.

61) Ibidem, 73—74, 79.

62) Ibidem, 72.

63) Геттнеръ. Англійская литература XVIII в., 447—448.

64) „Ich entsinne mir von jenem Gedichte... nichts weiter, als dass es uns allen damals schlecht schien, und wir ihn, mit unserm Parodiren vieler sehr schwül-

stigen Stellen, oft zu lachen machten". Berlinisches Archiv der Zeit und ihres Geschmacks. 1796. I Band, 114—115. Мало сочувственныя рецензіи появились въ Königsbergische Gelehrte und Politische Zeitung (13 Nov. 1769) и въ Almanach der deutschen Musen auf das Jahr 1771, S. 134 f. Ср. Gedichte von Lenz, изд. Вейнгольда, 262.

65) Gruppe. Reinhold Lenz, 4. Falck. Lenz in Livland, 61. Э. Шмидтъ считаетъ отзывъ товарищей Ленца вполнѣ основательнымъ. Lenz und Klinger, 6.

66) Anwand, l. c., 87.

67) Ibid. Falck. Lenz in Livland, 13 сл.

68) „Die Landplagen", стихи 1278—1334.

69) Sievers. Deutsche Dichter in Russland 41. Goedeke, Grundriss der deutschen Litteratur 667. Gruppe, Lenz. 3. Ср. Falck, l. c. 68—69.

70) Sivers, J. M. R. Lenz. Vier Beiträge zu seiner Biographie etc. Riga 1879. стр. 19. Gedichte von Lenz (изд. Вейнгольда), 262.

71) Anwand, l. c. 37.

72) Klopstock, Der Messias, XII, 231 f.

73) Anwand, l. c. 42.

74) Ibidem, 44—45.

75) Ibidem, 45—46.

76) Анвандъ считаетъ это стихотвореніе однимъ изъ набросковъ для поэмы „Народныя бѣдствія" (Anwand, 66), но съ этимъ нельзя согласиться: по содержанію отрывокъ врядъ ли могъ найти себѣ мѣсто въ этой поэмѣ.

77) Gedichte von Lenz (изд. Вейнгольда), стр. 81—82 и прим. 264—265.

78) Ibidem, 265.

79) Anwand, l. c., 68—69.

80) Texte, J. J. Rousseau etc., 137—138.

81) Ibidem, 139—140.

82) Чувствительность Попа носила оттѣнокъ грустной меланхоліи. Это выразилось въ его „Письмѣ Элоизы къ Абеляру", написанномъ подъ вліяніемъ мильтоновскихъ Comus и Penseroso. Рядомъ съ этимъ можно отмѣтить его склонность къ романтизму. Hamelius, Die Kritik in der englischen Literatur des 17, und 18. Jahrhunderts. Leipzig 1897, стр. 108—109.

83) Texte, l. c. 137.

84) Н. И. Стороженко, Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, 32, 762.

85) Ibidem.

86) Hamelius, l. c., 104.

87) Вокругъ имени Попа въ англійской литературѣ продолжалась критическая борьба и во второй половинѣ XVIII в. Hamelius, l. c., 159.

88) См. разсказъ университетскаго товарища Ленца Рейхардта, помѣщенный въ журналѣ „Berlinisches Archiv", 1796, I Band, стр. 115 и поправки къ нему самого Николаи въ томъ же журналѣ, стр. 269—270. Ср. также статью Maltzahn, der Dichter J. M. R. Lenz въ Blätter für literarische Unterhaltung, № 237, 24 Aug. 1848, стр. 945—947.

89) Ср. ниже гл. X.

90) Ср. письмо Редерера къ Ленцу 26 ноября 1776 г. Froitzheim, Lenz und Goethe, Stuttgart 1891, стр. 130.

91) Въ рукописи „Гофмейстера", хранящейся въ Берлинѣ, въ 3 сценѣ I акта названъ прямо по имени лейпцигскій профессоръ Клодіусъ. Описаніе наружности Геллерта въ Pandaemonium Germanicum также заставляетъ предполагать, что Ленцъ видѣлъ его въ Лейпцигѣ.

92) Въ журналѣ Frankfurter gelehrten Anzeigen, den 16 Jan. 1775, стр. 416—417, Ленцъ помѣстилъ статью, въ которой протестовалъ противъ того, что въ журналахъ его называли „гофмейстеромъ". „Auf der Akademie in Königsberg nahm ich einen Antrag von der Art (т. е. мѣсто домашняго учителя) auf ein halbes Jahr an; weil meine Ueberzeugung aber, oder mein Vorurtheil wider diesen Stand immer lebhafter wurde, zog ich mich wieder in meine arme Freyheit zurück, und bin *nachher nie wieder Hofmeister gewesen*".

КЪ ГЛАВѢ IV.

---

1) Ср. Charles Schmidt, Histoire littéraire de l'Alsace à la fin du XV-e et au commencement du XVI-e siècle. Paris 1879. 2 voll.

2) Louis Spach, La ville et l'université de Strassbourg en 1770 (Congrès scientifique de France. X-e session à Strassbourg. T. I. Strassbourg 1843, стр. 65 сл.)

3) Такъ въ 1785—87 гг. въ страсбургскомъ университетѣ числилось 125 человѣкъ студентовъ-иностранцевъ, изъ которыхъ свыше одной трети было русскихъ и лифляндцевъ. См. Ludwig (H.), Strassburg vor hundert Jahren. Stuttgart 1888, s. 118. Учрежденныя въ 1770 г. стипендіи княгини Е. Д. Голицыной, урожденной княжны Кантеміръ, дали возможность многимъ русскимъ юношамъ недостаточнаго класса получать образованіе въ страсбургскомъ университетѣ (Ibidem, 295). На эти деньги отправлялись московскимъ Воспитательнымъ домомъ въ Страсбургъ его питомцы (каждыя 6 лѣтъ по три человѣка) для обученія „медицинѣ, хирургіи, повивальному искусству, докторству и другимъ потребнымъ къ тому наукамъ". Такъ въ іюнѣ 1770 г. были отправлены въ Страсбургъ три студента: Мартынъ Тереховскій, Несторъ Амбодикъ и Яковъ Риндеръ. См. Матеріалы для исторіи Императорскаго Московскаго Воспитательнаго дома. Выпускъ I. Москва 1863, стр. 53—54. — По словамъ Гаффнера, одного изъ товарищей Ленца по страсбургскому литературному обществу, иностранцевъ привлекали въ Страсбургъ многія причины, а именно: выгодное положеніе этого города на границѣ двухъ большихъ государствъ, его торговыя отношенія, различныя пріятныя развлеченія, изобиліе припасовъ, мягкость климата, — одинаковое употребленіе нѣмецкаго и французскаго языковъ и т. д. Haffner, De l'education littéraire. Strassbourg 1792, p. 330. Цитировано у Ludwig'a, l. c. 294.

4) Weissenfels, Goethe im Sturm und Drang. Halle 1894, I, 121 сл.

5) Ibidem, 123 сл.

6) Гаймъ, Гердеръ. Пер. Невѣдомскаго. I, 435 сл.

7) Weissenfels, I, стр. 140 сл.

8) Ibidem, 224 сл.

9) Ibidem, 214, 233 и др.

10) Goethe, Dichtung und Wahrheit.

11) Falck, Friederike Brion. Leipzig, стр. 26. Froitzheim, Zu Strassburg Sturm-und-Drangperiode, Strassburg 1888, стр. 24 и Lenz und Goethe, Stuttgart 1891, стр. 11. По Stöber'у, Ленцъ пріѣхалъ въ Страсбургъ лѣтомъ 1771 г. Der Aktuar Salzmann. Frankfurt a. M. 1855, стр. 27.

12) Объ обаятельномъ дѣйствіи французской культуры см. Гёте „Wahrheit und Dichtung", русск. перев. 300 сл.

13) Ibid., 376.

14) Сочиненія Гёте въ переводѣ русскихъ писателей, 2-е изд., т. VIII, стр. 310.

15) Ср. ниже гл. VI.

16) Сочиненія Гёте, т. VIII, 311.

17) „Если бы кто-нибудь пожелалъ узнать подробнѣе, что думалось и говорилось объ этомъ предметѣ въ нашемъ оживленномъ обществѣ, тому совѣтую я прочесть монографію о Шекспирѣ Гердера, напечатанную въ брошюрѣ „О нѣмецкой жизни и искусствѣ", а равно замѣчанія Ленца о театрѣ, къ которымъ приложенъ переводъ „Love's labours lost". Ibid., 310.

18) Ср. письма Ленца къ Зальцманну, напечатанныя въ книгѣ Stöber'a: Der Dichter Lenz und Friederiche von Sesenheim, Basel 1842.

19) E. Schmidt, Lenz und Klinger, стр. 15.

20) Waldmann, Lenz in Briefen, Zürich 1897, стр. 11.

21) Ibidem.

22) Stöber, Aktuar Salzmann, стр. 65.

23) Stöber, Der Dichter Lenz, стр. 54.

24) Ibidem, 55—57. Ленцъ имѣетъ въ виду сатиру извѣстнаго датскаго писателя Гольберга на латинскомъ языкѣ „Nicolai Klimii iter subterraneum, novam telluris theoriam et historiam quintae monarchiae adhuc nobis incognitae exhibens" (1741). Сатира эта имѣла чрезвычайный успѣхъ и была переведена почти на всѣ главные европейскіе языки. Нѣмецкій переводъ явился въ 1743 г. Ср. Robert Prutz, Ludwig Holberg, sein Leben und seine Schriften, Stuttgart 1857, стр. 131—132.

25) Stöber, Der Dichter Lenz, стр. 59.

26) Froitzheim, Zu Strassburgs Sturm und Drangperiode 1770—1776, Strassburg, 1888, стр. 43,

27) Николаи былъ „гофмейстеромъ" при сынѣ гр. Разумовскаго, Алексѣѣ, въ 1769 г. сдѣлался учителемъ великаго князя, а затѣмъ его секретаремъ и библіотекаремъ. Ср. Zur Biographie des Dichters Jacob Lenz (Baltische Monatschrift, April 1899, стр. 299). См. также ниже гл. XIV.

28) Stöber, Der Dichter Lenz, стр. 78.

29) Разбору богословскихъ вопросовъ посвящена книга Ленца „Meynungen

ines Layen (1775), они входятъ отчасти въ его книгу „Vorlesungen für mpfindsame Seelen" (1780); имъ посвящена извѣстная часть его неизданныхъ укописей.

30) Stöber, Der Dichter Lenz etc. 5.

31) Н. И. Стороженко. Юношеская любовь Гёте, въ „Сборникѣ въ пользу олодающихъ".

32) Froitzheim, Lenz, Goethe und Cleophe Fibich zu Strassburg. Strassburg 888, стр. 48—54.

33) Düntzer, Friedericke von Sesenheim im Lichte der Wahrheit. 1893 и мн. др.

34) Falck, Friedericke Brion von Sesenheim, Leipzig, стр. 73 сл.

35) Ibidem.

36) Stöber, Der Dichter Lenz etc., стр. 45—47.

37) Ibidem, 47—48.

38) Düntzer, Friedericke von Sesenheim, 88 сл.

39) Stöber, Der Dichter Lenz, 49—50.

40) Gedichte von Lenz, изд. Weinhold'a, стр. 265.

41) Anwand, Beiträge zum Studium der Gedichte von J. M. R. Lenz, München, 1897. Стр. 95—98.

42) Gedichte von Lenz, изд. Вейнгольда, стр. 265.

43) Ibidem, 266.

44) Stöber, Der Aktuar Salzmann, Frankfurt a. M. 1855, стр. 65. Штöберъ тноситъ это письмо къ концу мая 1772 г., считая его первымъ въ перепискѣ Ienца съ Зальцманномъ (Ib. 64). Но съ этимъ нельзя согласиться. Здѣсь говоится объ его любви, какъ о чемъ-то уже извѣстномъ. Оно могло быть напиано только послѣ писемъ отъ 3 и 10 iюня, гдѣ описаны первые моменты страти Ленца. Издатель былъ введенъ въ заблужденiе началомъ письма, изъ котоаго видно, что Ленцъ уѣхалъ изъ Страсбурга, не простившись съ Зальцманномъ. Разгадка въ томъ, что Ленцъ прiѣзжалъ, очевидно, въ Страсбургъ въ серединѣ юня на нѣсколько дней и уѣхалъ, не успѣвши проститься съ Зальцманномъ. Кромѣ того, хронологiю этихъ писемъ легко установить, если обратить вниманiе а заголовки ихъ. Въ письмѣ отъ 3 iюня Ленцъ, написавъ слова „Mein theuerster Freund"!, спѣшитъ объяснить, почему онъ рѣшается назвать такъ своего орреспондента: so nenn' ich Sie, die Sprache des Herzens will ich mit Ihnen eden, nicht des Ceremonials и т. д. (Der Dichter Lenz, стр.). Что касается о письма, которое Штöберъ относитъ къ концу мая, то, тамъ стоитъ обращенiе „theuerster Freund"! уже безо всякаго мотивированiя: оно успѣло уже дѣлаться обычнымъ.

45) Stöber, Der Aktuar Salzmann, 64.

46) Stöber, Der Dichter Lenz, стр. 52.

47) Ibidem, 53.

48) Ibid., 54.

49) Ibidem. Фалькъ объясняетъ это такимъ образомъ, что здѣсь идетъ рѣчь о бракѣ Ленца съ Фридерикой, противъ котораго будто бы были противъ ея

родители. См. Friederike Brion von Sesenheim, стр. 62. Объясненіе это совершенно произвольно.

50) Stöber, Der Dichter Lenz, 58.

51) Gedichte von Lenz, изд. Вейнгольда, стр. 267.

52) 2 декабря 1772 г. Ленцъ произносилъ уже въ Страсбургскомъ литературномъ обществѣ рѣчь. См. Приложеніе С. I.

53) Stöber, Der Dichter Lenz, 73.

54) Siebs, Preuss. Jahrbücher 1897, Juni, стр. 442—443.

55) Loeper въ изданіи Hempel'я сочиненій Гёте. Weinhold въ изданіи „Стихотвореній Ленца", Берлинъ 1891. Siebs, Die Sesenheimer Lieder von Goethe und Lenz (Preussische Jahrbücher Hrsg. von H. Delbrück. Juni 1897, стр. 407—454).

56) E. Schmidt, Friederike (Charakteristiken, Berlin 1886, стр. 272 сл.). Falck, Friedericke Brion von Sesenheim, Leipzig [1880].

57) Bielschowsky (A.) Ueber Echtheit und Chronologie der Sesenheimer Lieder (Goethe-Jahrbuch, XII B. 1891 г., стр. 211 сл.) Въ противоположность Бельшовскому Вейссенфельсъ изъ всѣхъ спорныхъ стихотвореній приписываетъ Ленцу только одно. Weissenfels, Goethe im Sturm und Drang, Halle 1894, I, стр. 456—460.

58) Сочиненія Гёте въ изданіи Hempel'я т. XXII, стр. 245.

59) Всѣ доказательства въ пользу принадлежности № 4 Ленцу собраны у Бельшовскаго, l. c., 214—218.

60) E. Schmidt, Charakteristiken, 281—283. K. Weinhold, Gedichte von Lenz, 266. Bielschowsky, Goethe-Jahrbuch, XII, 214—218. Weissenfels, l. c. 456. Siebs, l. c. 432—434.—Къ нимъ примыкаетъ Anwand, Beiträge zum Studium der Gedichte von J. M. R. Lenz, München 1897, стр. 98—101. Мнѣніе Дюнцера изложено въ его книгѣ Friederike V. Sesenheim, 1893 г., стр. 56—57.

61) Loeper, изд. Hempel'я, XXII, 245. Weinhold, Gedichte von Lenz, 265—266, Bielschowsky, l. c. 218. Falck, Friederike Brion, 54—55.

62) См. его изданіе ленцевскаго Pandaemonium Germanicum. Berlin 1896 г., стр. 20. Э. Шмидтъ указываетъ на употребленную Ленцемъ въ этомъ стихотвореніи форму itzt (вм. jetzt), которая въ его сочиненіяхъ встрѣчается очень часто, между тѣмъ какъ у Гёте извѣстенъ только одинъ случай употребленія такой формы въ „Das Neueste von Plundersweilern" (itzt: Zerseblitzt), Ср. E. Schmidt, Charakteristiken. Ленцу приписываетъ это стихотвореніе и Анвандъ, l. c. 95—98.

63) Зибсъ (l. c. 434—439) не представилъ ни одного серьезнаго довода противъ авторства Ленца и основывается на субъективномъ предположеніи, будто разбираемое стихотвореніе не свойственно духу ленцевской поэзіи. Вейссенфельсъ (l. c. 457—458) присоединяется къ первоначальнымъ доводамъ Э. Шмидта, отъ которыхъ этотъ послѣдній самъ впослѣдствіи отказался. См. предыдущее примѣчаніе.

64) Loeper, l. c.; Weinhold, Gedichte von Lenz, 267; Weissenfels, l. c. 456—457; Siebs, l. c. 429—430.—E. Schmidt, Charakteristiken, 280; Falck, l. c. 64; Bielschowsky, l. c. 219 и 224.

65) Бельшовскій не считаетъ возможнымъ приписать стихотвореніе Гёте на томъ основаніи, что въ немъ замѣчается нѣкоторая небрежность въ стихосло-

женіи и два раза употребляется „непоэтичное“ (по мнѣнію критика) слово „ziemlich“. На недостаточность такихъ доводовъ совершенно основательно указали Дюнцеръ (въ журналѣ Grenzboten 1892, I, стр. 458—459) и Зибсъ (l. c. 429).

66) Falck, Die Jerzembskysche Abschrift der Sesenheimer Lieder. (Въ журналѣ „Aus deutscher Brust“, Frankfurt 1894.)

67) Weinhold, Gedichte von Lenz, 267.

68) Bielschowsky, Goethe-Jahrbuch, XII, 219.

69) Bielschowsky, l. c., 220 — 223. Siebs, l. c. 439 — 442. О стихотв. № 8 „Balde seh'ich Rickgen wieder“ ср. Bielschowsky, 219—220 и Siebs, 430—432.

70) Bielschowsky въ біографіи Гёте (München 1896, I томъ, стр. 502) попрежнему стоитъ за свое мнѣніе, что изъ спорныхъ 6 стихотвореній „Зезенгеймскаго пѣсенника“ Ленцу принадлежатъ 5, и обѣщаетъ вернуться къ разсмотрѣнію этого вопроса, который, такимъ образомъ, нельзя еще считать исчерпаннымъ.

71) Siebs, l. c. 444—445.

72) Gedichte von Lenz, изд. Вейнгольда, стр. 89.

73) Ср. Siebs, l. c. 443.

74) Friederike Brion v. Sesenheim, стр. 45. Стихотвореніе см. въ „Gedichte“ (Вейнгольда) № 99.

75) Ср. „Gedichte“ (изд. Вейнгольда) 315—316.

76) Ulrichs считаетъ возможнымъ отнести это стихотвореніе къ 1772 г. (Etwas von Lenz. Deutsche Rundschau 1877, Mai, стр. 258 прим. Вейнгольдъ помѣщаетъ его среди стихотвореній 1777 г.

77) Stöber, J. G. Röderer von Strassburg und seine Freunde, Colmar 1874, стр. 8 и 77. Общій тонъ стихотворенія „Ausfluss des Herzens“ заставляетъ, однако, отнести его скорѣе къ болѣе позднему времени.

78) Stöber, Der Dichter Lenz und Friederike von Sesenheim, Basel 1842, стр. 58.

79) Dorer-Egloff, J. M. R. Lenz und seine Schriften, Baden 1857, стр. 171.

80) Къ 1772 г. относятъ это стихотвореніе Dorer-Egloff, l. c. 171, Siebs, l. c. 449 и Zolling (Düntzer, Friederike von Sesenheim, Stuttgart 1893, стр. 112). Falck относитъ къ тому же году обѣ редакціи стихотворенія.

81) Такъ дѣлаютъ Weinhold (Gedichte von Lenz, 286), E. Schmidt (Charakteristiken 274—280) и Sauer (Stürmer und Dränger, Lenz und Wagner, 231).

82) E. Schmidt, Charakteristiken, 279.

83) Gedichte von Lenz, стр. 266. Siebs, l. c. 447 — 448. Düntzer, Friederike von Sesenheim, стр. 69.

84) Siebs, l. c.; Düntzer, l. c.

85) Характерно для такихъ ученыхъ, какъ Дюнцеръ, то, что стихотвореніе Freundin aus der Wolke кажется имъ безразсудною дерзостью по отношенію къ Гёте. Düntzer, l. c. 69.

86) Falck ставитъ въ связь съ любовью къ Фридерикѣ еще рядъ стихотвореній Ленца. (См. „Friederike Brion“ и статью въ журналѣ „Aus deutscher Brust“). Таковы стихотворенія 1) Ich will, ich will den nagenden Beschwerden

(изд. Вейнгольда № 54), и 2) Aufopfern dich, du himmlischer Gewinn (Ibid. № 21). Но первое изъ этихъ стихотвореній, по справедливому объясненію Вейнгольда, находится въ тѣсной связи со стих. Auf eine Quelle, worin F. W. sich gewöhnlich baden soll (Ibid. № 53) и, подобно послѣднему, имѣетъ въ виду Генріетту Вальднеръ. (Gedichte von Lenz, 289). Никакого отношенія къ Фридерикѣ не можетъ также имѣть второе стихотвореніе (№ 21). Ulrichs предполагаетъ, что это одно изъ стихотвореній, которыя Ленцъ писалъ по просьбѣ бар. Клейста, жениха Клеофы Фибихъ. („Deutsche Rundschau, Mai 1877). Къ этому мнѣнію присоединяется Вейнгольдъ (Gedichte, 271). Проф. Зибсъ въ указанной статьѣ (Preussische Jahrbücher 1897, стр. 446) благодаритъ г. Фалька за обнародованіе четырехъ *новыхъ* стихотвореній Ленца въ честь Фридерики, а именно 1) Eines Tags verhasster Tag, 2) Meineidig macht die Lieb' und dennoch darf sie schwören, 3) Nur die Beredsamkeit der himmelblauen Augen и 4) An dieses Rusens reiner Fülle. Но всѣ эти стихотворенія ничуть не новы. Первыя три представляютъ изъ себя не что иное какъ переводъ стихотвореній изъ шекспировской пьесы Love's labours lost, напечатанной Ленцемъ въ 1774 г. подъ заглавіемъ Amor Vincit omnia. (Перепечатку пьесы см. въ изданіи Тисса, т. II; три упомянутыя стихотворенія находятся на стр. 255, 258. 259—260). Что касается четвертаго *новаго*, по мнѣнію проф. Зибса, стихотворенія, то оно есть не что иное, какъ варіантъ къ стих. Pygmalion, напечатанному Stöber'омъ еще въ 1842 г. въ книгѣ Der Dichter Lenz и перепечатанному Вейнгольдомъ подъ № 59.

87) Представленіе о томъ, будто Ленцъ былъ „соперникомъ" Гёте по отношенію къ Фридерикѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ нерѣдкихъ заблужденій, которыя, принимаясь на вѣру, повторяются безъ повѣрки такое количество разъ, въ разныхъ историко-литературныхъ сочиненіяхъ, что, наконецъ, какъ-будто принимаютъ видъ аксіомы, не подлежащей опроверженію.

88) Stöber, Der Dichter Lenz, Basel 1842, стр. 65.

89) Сочиненія Гёте, т. VIII, стр. 310.

90) Stöber, l. c., 56.

91) Ibidem.

92) Бизэ, Историческое развитіе чувства природы, 306—307.

93) Stöber, l. c., стр. 68—69. Ср. Бизэ, l. c., 310.

94) Stöber, l. c. 50.

95) Clarke, Fielding und der deutsche Sturm und Drang. Freiburg i. B. 1897, стр. 14—21. Увлеченіе Фильдингомъ было общею чертою страсбургскаго кружка. Имъ восхищались Юнгъ-Штиллингъ и Гёте. Одинъ изъ ближайшихъ друзей Ленца французъ Рамонъ-де-Карбоньеръ въ своей драмѣ Les dernières aventures du jeune d'Olban, посвященной Ленцу, въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ (капитанъ Birk) повторяетъ фильдинговскаго сквайра Вестерна.

96) Stöber, Der Dichter Lenz etc., 58.

97) Ibidem, 56.

98) Ibidem, 65.

99) Ibidem, 52.

100) Ibidem, 68.

101) Ibidem, 66.

102) Ibidem, 69.

103) Frankfurter gelehrten Anzeigen 1775.

104) Ср. письмо Ленца къ Мерку. Wagner, Briefe an und von Merck. 1838.

105) Въ октябрѣ 1772 г. онъ еще писалъ Зальцманну изъ Ландау. См. Stöber, Der Dichter Lenz etc., 78. Рефератъ „Замѣчанія на рецензію одной новой французской трагедіи", читанный имъ въ страсбургскомъ литературномъ обществѣ, помѣченъ въ рукописи 2 декабря 1772 г.

106) Stöber, Der Dichter Lenz etc., 56.

107) Ibidem, 65.

108) „Wie glücklich sind Sie, mein Sokrates, wenigstens glänzt eine angenehme Morgenröthe des Geschmacks in Strassburg um Sie herum, da ich hier in der ödesten Mitternacht tappend einen Fussteig suchen muss". Письмо къ Зальцманну изъ Ландау, Stöber, l. c., 65. „Vernachlässigen Sie diese Pflanzschule Ihrer Vaterstadt nicht, theurer Freund, vielleicht könnten wohlthätige Bäume draus gezogen werden, auf welche Kindeskinder, die sich unter ihrem Schatten freuten, dankbar schnitten: Auch dich hat Er pflanzen helfen. Es sieht noch ziemlich wild und traurig in Ihrer Region aus — aber der erste Mensch ward in den Garten Eden gesetzt um ihn zu bauen". Ibidem, 56.

109) Сочиненія Гёте подъ редакціей Вейнберга, т. VIII, стр. 223.

110) Waldmann, Lenz in Briefen, Zürich 1894, стр. 13.

111) Stöber, Der Aktuar Salzmann, Frankfurt a. M., 1855 г., стр. 54—57.

112) Ibidem, 57.

113) Сочиненія Гёте подъ ред. Вейнберга, т. VIII, стр. 376.

114) Ср. Ulrichs, Etwas von Lenz (Deutsche Rundschau, Mai 1877, стр. 265.

115) Ср. Stöber, J. G. Röderer, Colmar 1874, стр. 31.

116) Ibidem, 34. На экземплярѣ „Отелло", который Гёте подарилъ своему другу Лерзе съ надписью: „Seinem und Shäkespears würdigem Freunde Lersen, zum ewigsten Angedenken Goethe", Лерзе выразилъ свое преклоненіе передъ Шекспиромъ стихами Данте:

O degli altri Poeti onore et lume
Vagliami 'l lungo studio, e 'l grand amore
Che m' han fatto cercar lo tuo volume
Tu se lo mio Maestro, e 'l mio autore.

Dante a Virgilio. Ibid. 33.

117) Ibidem, VI—VII. Froitzheim, Zu Strassburgs Sturm — und Drangperiode 1770—1776. Strassburg 1888, стр. 52.

118) Ср. письмо матери Гёте къ Зальцманну Stöber Der Aktuar Salzmann, 60.

119) Allgemeine Deutsche Biographie, т. XXX, Leipzig 1890, стр. 300.

120) Stöber, der Dichter Lenz, 52 прим.

121) Ibidem, 79.

122) Ibidem, 68.

123) Ibidem, 70.

добогословскимъ" и заявляетъ, что онъ „проповѣдуетъ свѣтскую теологію или натурализмъ" (стр. 185—186).

143) Philosophische Vorlesungen für empfindsame Seelen. Frankfurt und Leipzig 1780. In—16° 72 стр. Съ эпиграфомъ изъ Клейста:

Allein du wirst auch die Natur
Voll sanfter Schönheit sehn—
Wohl dir, dass du geboren bist—

Это крайне рѣдкая книга, не вошедшая ни въ одну изъ библіографій сочиненій Ленца, извѣстна мнѣ по экземпляру, принадлежащему П. И. Фальку въ Ригѣ. Книга довольно пестраго содержанія, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго перечня: Baum des Erkenntnisses Gutes und Bösen (стр. 1—14), Erstes und zweites Supplement zur Abhandlung vor acht Tagen стр. 14—28. (Эта часть книги слово въ слово совпадаетъ съ берлинскою рукописью № 230), Drittes und letztes Supplement (стр. 29—35), Anhang: Einige Zweifel über die Erbsünde (стр. 36—50), Unverschämte Sachen (стр. 51—72). Здѣсь Ленцъ касается многихъ вопросовъ нравственно-теологическаго содержанія, подобныхъ, тѣмъ, которые онъ старался рѣшить въ обширной рукописи Meine Lebensregeln (см. приложеніе С. II). Автора всего болѣе занимаетъ вопросъ о взаимномъ влеченіи половъ. Не созданіе ада это влеченіе, разсуждаетъ онъ, но, напротивъ того, происходитъ отъ Бога и показываетъ его благость и доброту но отношенію по всему живущему (стр. 56). Должны ли мы отдаваться этому влечнію или, наоборотъ, стараться искоренить его въ себѣ? Отвѣтомъ на это является признаніе брака единственной формой удовлетворенія этого влеченія (62—68).

144) Ср. Гаймъ, Гердеръ, т. I, 466.

КЪ ГЛАВѢ V.

1) L'an deux mille quatre cent quarante. Rêve s'il en fût jamais. Londres 1771, in—8, 416 стр. Съ эпиграфомъ: Le plaisir sans égal seroit de fonder la félicité publique. (Ср. Correspondance littéraire Гримма 1 Décembre 1771. P. 1812, II, 108). Въ дѣйствительности книга, по словамъ самого Мерсье, была напечатана не въ Лондонѣ, а въ Голландіи, гдѣ „французскій посланникъ обшарилъ всѣ города и деревни, ища автора". Mercier, De J. J. Rousseau, considéré comme l'un des premiers auteurs de la révolution. Paris 1791, vol. II, p. 179 прим.

2) Rocquain, L'Esprit révolutionnaire avant la rèvolution. Paris 1878, стр. 283 сл. По выраженію Мерсье, его книга вышла „Sous règne de Maupeou".

3) Corréspondance littéraire 1 Décembre 1771. Paris 1812 Vol. II, p. 108.

4) Въ Библіотекѣ Британскаго Музея въ Лондонѣ хранится печатный экземпляръ королевскаго указа, подъ заглавіемъ: Real Cedula de S. M. y Senores del consejo, Por la qual se prohibe la introducion, y curso en estos Reynos de un

libro intitolado Ano 2440 con la data de su impresion en Londres año de 1776 sin nombre de Autor, ni de Impresor. En Madrid 1778, 8 стр. in-folio. „Este libro (говорится здѣсь) en toda su substancia, y sentimientos es impio, temerario, y blasfemo, favorecedor y promovedor del Deismo; muy injurioso à los Sumos Pontifices, Santos Padres, Clero, Religiones, y à todo el Orden Eclesiastico; infamatoria de la digna memoria de muchos Senores Reyes, singularmente de los de Espana, y de la Real Casa de Borbon, con desprecio de las leyes, è injuria de los Magistrados; turbando par estes medios la sociedad, y exortando con aparente, y fraudulenta eloquencia, y con vehementes, y furiosas invectivas à la sedicion, independencia, y libertinage, manifestandose en todo el Autor como un enemigo implacable del Estado, y Religion Christiana и т. д.

5) „Memoirs of the year two thousand five hundred". Translated from the French by W. Hooper, M. D. In two volumes. London 1772. — „Das Jahr Zwey tausend vier hundert und vierzig. Ein Traum aller Träume". London 1772. Ср. Vorbericht des Uebersetzers.

6) „Die offenbarung von Mercier" выраженіе Виланда въ письмѣ къ Ленцу. См. A. Stöber, I. G. Röderer, Colmar 1874, стр. 170.

7) „Deutsche Chronik" 1774. Beilage, стр. 50.

8) Въ третьимъ изданіи „L'An 2440" (Paris, an VII, vol. I, p. I—II) Мерсье говоритъ: „Ce n'est pas sans une satisfaction intime, que je réimprime, au bout de vingt—huit années et pour la troisième fois, un *Rêve* qui a annoncé et préparé la révolution française... Je suis donc le véritable prophète de la révolution, et je le dis sans orgueil; la providence ménage à chaque anteur dans ce bas monde une bonne fortune; et pourquoi avoir attribué à des écrivains peu prononcés ou antérieurs, ce qui m'appartenois ouvertement et si récemment". Ср. также его J. J. Rousseau, considéré comme l'un des premiers auteurs de la révolution. Paris 1791. Vol. II, p. 207 прим.

9) Въ книгѣ L'An 2440 см. въ особенности ch. XXVII: Salle des spectacles.

10) Jusserand, Shakespeare en France sous l'ancien régime, Paris 1898, стр. 199.

11) О вліяніи англійскихъ писателей на французскую литературу см. въ особенности J. Texte, J. J. Rousseau et les origines du cosmopolitisme littéraire. Pasis 1895.

12) Историко-литературное значеніе Мерсье оцѣнилъ ранѣе другихъ Alfred Michiels, Histoire des idées littéraires en France au XIX siècle, Paris 1842, I, 109—133. Затѣмъ см. Давидъ-Саважò, Реализмъ и натурализмъ въ искусствѣ и литературѣ (Русск. пер. 1891 г.) и Ив. Ивановъ. Политическая роль французскаго театра. М. 1895.

13) Mercier, De la littérature et des littérateurs. Yverdon, 1778. Стр. 117—118.

14) Nouvel essai sur l'art dramatique 1773., стр. 2—4, 227. Ср. Л. Н. Толстой, Что такое искусство? М. 1898, стр. 190 сл.

15) Nouvel essai sur l'art dramatique, 337—338, 346.

16) Ibid. Ch. XX. Si le Poëte Dramatique doit travailler pour le peuple.

17) Ibidem, ch. X—XI.

18) Monselet, Les oubliés et les dédaignés Alençon 1857, vol. I.

19) Le bonheur des gens des lettres (1763 г.) Ср. Eloges et discours philosophiques, par l'Auteur de l'ouvrage intitulé L'An 2440. Paris 1776, стр. 14—15, 23.

20) Mercier, Discours sur la lecture (1764). Ср. Eloges et discours philosophiques, 251—252, 253.

21) Ibidem, 272, 273—274 прим.

22) Ср. J. Texte, J. J. Rousseau et les origines du cosmopolitisme littéraire.

23) Mercier, Mon bonnet de nuit, Neuchâtel 1784, vol. III, 71—76, 88—95. Ср. отзывъ о Дантѣ ibid. II, 242 и Sur la lecture (Eloges et discours philosophiques, Amsterdam 1776, стр. 256).

24) Nouvel essai sur l'art dramatique, 69, 88, 109 и др.

25) Mercier, Timon d'Athènes. Imitation de Shakespeare. L'an 3-eme de la République. Préface.

26) Кромѣ „Тимона Аѳинскаго“ Мерсье написалъ въ подражаніе Шекспиру еще слѣдующія драмы: 1) Othello, imité de Shakespeare въ 5 актахъ; 2) Imogêne, imité du même въ 5 актахъ; 3) Romeo et Juliette ou les Tombeaux de Vérone въ 5 актахъ; 4) Le vieillard et ses trois filles въ 3 актахъ (подражаніе „Королю Лиру“). Ср. *Notice* des oeuvres complètes de *L. S. Mercier* въ 3-мъ изданіи его книги „L'an 2440“ Paris, an VII, т. III, стр. 343—349.

27) Mercier, Mon bonnet de nuit, Lausanne 1785 vol. III, 181—182.

28) Ibidem 138—181, 302—309.

29) Mercier, De la littérature et des littérateurs. Suivi d'un nouvel examen de la tragédie françoise. A Yverdon 1778, стр. 124—125.

30) Ibidem, стр. 123.

31) Ibidem, 152. „Shakespeare est mon auteur, mon maître“. См. Satyres contre Racine et Boileau, Paris 1808, p. 3.

32) Nouvel essai sur l'art dramatique, стр. 206.

33) Ibidem, Epitre dedicatoire, стр. III сл.

34) Ibidem, стр. 347—348.

35) Ibidem, ch. I De la fin que doit se proposer l'Art dramatique, стр. 7—18.

36) Ibid. Ch. II и др.

37) Ibidem, ch. II De la tragédie ancienne et moderne.

38) Ibidem, главы IV, V и VI.

39) По мнѣнію Мерсье, комедіи Мольера должны быть подвергнуты полному осужденію съ нравственной точки зрѣнія: „C'est lui (et que ne puis-je le dissimuler) c'est lui qui, en ridiculisant quelquefois la vertu, a peut-être répandu dans la nation ce ton frivole et dérisoire, qui sert à la faire haïr et distinguer chez les autres peuples; c'est lui qui a enseigné à la jeunesse à se moquer de ses parens, à braver leurs représentations, à dédaigner les vieillards, à turlipiner leurs infirmités; c'est lui qui a osé mettre l'adultère sur la scène et rendre tout le parterre complice de la perfide“ и т. д. Nouvel essai sur l'art dramatique, 86—87. „Oui, l'adultère est réduit en art dans George Dandin. Je ne connoie pas de piece plus dangereuse... Il a voulu humilier la bourgeoisie, l'ordre sans contredit le

plus respectable de l'Etat, ou pour mieux dire l'ordre qui fait l'Etat" Ibid. 88. „Je n'examinerai pas ici le but moral de ses pièces, il n'y a que le Tartuffe, qui soutiendroit l'examen réfléchi". Ibid. 91.

40) Мерсье относился съ симпатіей къ нѣмецкой литературѣ. Однимъ изъ первыхъ его трудовъ былъ разсказъ l'Homme Sauvage (1767), переведенный изъ нѣмецкаго писателя Пфейля. Его драма „Olinde et Sophronie" (1771) представляетъ передѣлку трагедіи Кронегка, какъ видно изъ предисловія (Olinde et Sophronie, Paris 1771, Préface, pp. V—VI). Ср. Joret, Des rapports intellectuels et littéraires de la France avec l'Allemagne avant 1789. Paris 1884. Стр. 36—42. Quérard (La France littéraire, Paris 1834, Tome VI pp. 58—62) приписываетъ Мерсье участіе въ изданіи французскаго перевода „Гамбургской Драматургіи" Лессинга (1785 г.). Но это не вѣрно, ср. V. Rossel, Histoire des relations littéraires entre la France et l'Allemagne, Paris 1897, стр. 74. Упоминаемый Кераромъ переводъ сдѣланъ не Мерсье, а Юнкеромъ, какъ видно изъ экземпляра этой рѣдкой книги, имѣющейся въ Національной Библіотекѣ въ Парижѣ.

41) Ср. Histoire d'Izerbin, poète arabe, traduite de l'arabe. Par M. Mercier. Amsterdam 1756 (по Quérard'у VI, 59, книга вышла въ 1766 г.). Глава VI-ая озаглавлена: Dissertation du poëte Izerbin sur la poésie, les poëtes, l'art dramatique et la vénération due aux auteurs tragiques. Уже здѣсь Мерсье нападаетъ на ложно-классическую трагедію (стр. 80—81) и возстаетъ противъ стѣсненій свободы творчества: „Hommes doués de génie, peignez la grandeur d'âme, peignez la nature; tout ce qui aggrandit l'homme l'interessera nécessairement. Mais que ne puis-je vous affranchir de tous les indignes liens qui vous captivent! Que d'écueils je vois sous vos pas au champ même de vôtre triomphe! Ah! gardez—vous du moins de souiller dans la fange les aîles qui doivent vous enlever aux cieux" Ibid., 82. Ср. также Discours sur la lecture (1764 г.). Éloges et Discours, стр. 255—256, 272—274.

42) „Гамбургская Драматургія", пер. Рассадина, 496.

43) „A la réserve de quelques lueurs qui brillent par intervalle, on est tout étonné de ne trouver dans cette Poëtique si fameuse („Поэтика" Аристотеля) si vantée, qu'une nomenclature sèche, des distinctions subtiles, des choses inintelligibles, des idées communes, ou celles — là que le pur bon sens indique". Nouvel essai sur l'art dramatique, 1773, стр. 265—266. „Aristote, avec sa Poëtique, a été aussi funeste au progrès de la Littérature, que sa Dialectique a été fatale à la vraie Philosophie" Ibid., 267 прим. a. „La multitude innombrable des commentateurs d'Aristote, qui déraisonnent encore de nos jours, (et en pleine Académie) me paroît le troupeau le plus invinciblement imbécile qui ait jamais soulé et profané le sol des beaux-arts" Ibid. 270.

44) De la sottise des commentateurs d'Aristote. Broch. in — 8. См. Quérard, La France littéraire, Paris 1834, Tome VI, pp. 58—62. Въ парижской Bibliothèque nationale этой брошюры, къ сожалѣнію, не имѣется.

45) Исходная точка Мерсье — принципъ свободы искусства. Лучше всѣхъ поэтому онъ считаетъ книгу Юнга Sur la composition originale: „vraie Poëtique

du génie, comme celle qui découvre un plus grand ordre des choses, qui nourrit le plus l'audace de l'écrivain, généralise ses idées, aggrandit son art, lui fait secouer le pli de l'habitude et mépriser les cris imbécilles des critiques inertes, faits pour peser des mots et non pour juger d'un art qui n'est point de leur ressort". Nouvel essai, стр. 281.

46) „Je veux prouver que le nouveau genre, appelé Drame, qui résulte de la Tragédie et de la Comédie, ayant la pathétique de l'une, et les peintures naïves de l'autre, est infiniment plus utile, plus vrai, plus intéressant, comme étant plus à portée de la foule des citoyens". Nouvel essai, стр. 94. Ср. также стр. 16.

47) De la poésie dramatique. Oeuvres completès par Assézat Paris 1875 t. VII pp. 308, 309.

48) Nouvel essai sur l'art dramatique, Amsterdam 1773, стр. 105 прим.

49) Ibidem, 67—68.

50) Ibidem, 94.

51) Il ne s'agit point dans la Comédie de faire des portraits, mais des tableaux. Ibid. 69 J'oserai dire que la distinction de tragédie et de comédie a sûrement été très funeste à l'art Ib. 95. Ср. стр. 105. La nature n'a point ces couleurs tranchantes, tout y est mêlangé et fondu par des passages doux et insensibles. То же должно быть и въ драмѣ. Ibid. 107—108.

52) De la poésie dramatique, l. c.

53) Соціальное содержаніе драмъ Мерсье всего болѣе выяснено въ книгѣ Ив. Иванова, политическая роль французскаго театра и философія XVIII вѣка. М. 1895, стр. 265—278.

54) Nouvel essai sur l'art dramatique, 135.

55) Ibidem, 16.

56) Ibidem, 114—124, 136, 156—163.

57) Ibidem, 132. „Qui osera dire que des malheurs arrivés à des paysans, à des hommes du peuple, sont des accidens moins considérables que s'ils fussent arrivés à d'autres hommes?" Ib. 133. см. также стр. 212—216.

58) Ср. Давидъ-Саважо, Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и въ искусствѣ. Перев. Серебряковой, М. 1891, стр. 121—122.

59) Nouvel essai, ch. XVI. Des Etudes du Poëte, стр. 175—181. Ch. XVII. Développement du châpitre précédent, vu du côté des voyages, стр. 185—187. Ср. Eloesser, Das bürgerliche Drama, Berlin 1898, стр. 80.

60) Monselet (Charles), Les oubliès et les dédaignés. Figures littéraires de la fin du XVIII s. Alençon 1857. т. I, стр. 54—55. Въ моментъ смерти Мерсье (1814) нѣкоторыя изъ его драмъ еще пользовались популярностью во Франціи. Ср. Institut de France Funérailles de M. Mercier le 27 Avril 1814 (Библіотека Британскаго Музея въ Лондонѣ).

61) Zollinger, Louis Sébastien Mercier als Dramatiker und Dramaturg. Erster Theil. Strassburg 1899, стр. 76—83.—О популярности пьесъ Мерсье въ Голландіи см. Karl Menne, Der Einfluss der deutschen Litteratur auf die Niederländische um die Wende des XVIII und XIX Jahrhunderts. Weimar 1898, стр. 62—63.— На русскій языкъ были переведены слѣдующія пьесы Мерсье: 1) *Уксусникъ.*

Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Г. Мерсіера. Переведена съ французскаго языка К. Н. Г. Москва 1785 г. 2) *Бѣлецъ*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, господина Мерсіера. Переведена съ французскаго на россійскій языкъ М. С. Иждивеніемъ Н. Новикова. М. 1784. 3) *Судья*. Переводъ А. Лабзина. М. 1788. 4) *Наталія*. Перев. С. Каргопольскаго. М. 1794. 5) Гваделупскій житель. Пер. Ник. Брусилова. Спб. 1800. Кромѣ того, изъ Драматическаго Словаря 1787 г. видно, что существовали переводы еще слѣдующихъ пьесъ Мерсье: 6) Женневаль, или Французскій Барнвелль, 1778 (Драм. Слов. 55—56); 7) Ложный другъ, 1779 (Ib. 73); 8) Зоа, 1789 (Ib. 61—62); 9) Олендъ и Софронія, 1780 (Ib. 100 безъ имени автора) и 10) Неимущія (L'indigent), 1784 (Ib. 89—90).

62) Объ успѣхѣ „Дезертира" Мерсье въ Германіи см. v. Stockmayer, Das deutsche Soldatenstück des XVIII Jahrh. Seit Lessings Minna von Barnhelm. Weimar 1898, стр. 31—43, прим. 19, стр. 92—94. Zollinger, l. c.

63) „Драматическій Словарь" 1787 г. Новое изданіе Суворина, стр. 147.

64) „Судья" М. 1788. Предисловіе, стр. I.

65) „Многіе, читавшіе сію драму, увѣряли, что они плакали изъ жалости къ сему добродѣтельному судьѣ, подвергающемуся черезъ строгую свою любовь къ справедливости бѣдственному несчастію... По крайней мѣрѣ то несомнительно, что всякій, прочтя сію драму, скажетъ, что желательно и намъ имѣть такихъ судей; а я съ сочинителемъ скажу: Дай Богъ, чтобы сочиненіе сіе могло хотя одному подать наставленіе къ образованію себя такимъ судьею". Предисловіе А. Ѳ. Лабзина къ переводу пьесы Мерсье „Судья", М. 1788.

66) Рѣчи Жозефа напоминаютъ страстныя филиппики демагога Жана Рулò въ новѣйшей пьесѣ О. Мирбò „Les mauvais bergers".

67) „Le faux ami" (Paris 1772) одна изъ наиболѣе популярныхъ пьесъ Мерсье. Переводы ея см. Zollinger, l. c. 81—82.

68) „Greuze et moi, nous sommes deux grands peintres: du moins Greuze me reconnaissait pour tel. Nous nous conaissions depuis longtemps; il a mis le drame dans la peinture, et moi la peinture dans le drame..." См. Monselet, Les oubliés et les dédaignés, I, 86.

69) Jules Lemaître, La brouette du vinaigrier (Revue des cours et des confèrences, Paris 1898 № 10).

70) Драма „l'Indigent" (1772).

71) Théâtre de Mercier, Amsterdam 1778, vol. I, стр. 341 сл.

72) Такъ быстро раскаивается Валькуръ въ пьесѣ „Déserteur", De Lys въ пьесѣ „Indegent" и т. д. ср. J. Lemaître, l. c.

73) Jenneval ou le Barnevelt françois, Drame en cinq actes, en prose. Par M. Mercier. Paris 1769. Préface, p. VI—VII.

74) Tableau de Paris. Hambourg et Neuchatel 1781. 2 voll. Въ новыхъ изданіяхъ Мерсье довелъ впослѣдствіи число томовъ до 12. См. Quérard, La France littéraire, VI, 58—62. Ср. Desnoiresterres, Tableau de Paris, Etudes sur la vie et les oeuvres de Mercier, Paris 1853.

75) Monselet, Les oubliès et les dédaignés, I.

76) L'an 2440. Paris, an VII, Préface, p. VII.

77) Ibid., p. V.

78) Ibidem.

79) Monselet, Les oubliés etc. 80.

80) Ср. его De l'impossibilité du système astronomique de Copernic et de Newton, Paris, 1806.

81) Neuer Versuch über die Schauspielkunst. Aus dem Französischen. Mit einem Anhang aus Goethes Brieftasche. Leipzig, im Schwickertschen Verlage 1776. 508 стр. Задуманный непосредственно вслѣдъ за появленіемъ оригинала Мерсье, этотъ переводъ сильно запоздалъ, Ср. E. Schmidt, H. L. Wagner, Goethes Jugendgenosse. 2-te Auflage, Jena 1879, стр. 55. Въ прибавленіи (Anhang aus Goethes Brieftasche) Гёте писалъ: „Das Buch mag immer für Deutschland brauchbar seyn, das in den Taschen seiner französischen Pumphosen viel Wahres, Gutes und Edles mit sich herumträgt" (485). Переводъ Вагнера довольно точно передаетъ оригиналъ; въ немногихъ случаяхъ переводчикъ осмѣлился вставить собственныя, довольно незначительныя примѣчанія, таковы на стр. 35, 137, 147, 148, 165 и др.: Мерсье впослѣдствіи ошибочно приписывалъ этотъ переводъ своей книги Шиллеру:

Oui, Schiller m'a traduit, cet homme de génie.
Il a senti mon âme, et tel sot m'injurie

см. Mercier, Satyres contre Racine et Boileau, dédiées à A. W. Schlegel, Auteur de Comparaison entre la Phèdre de Racine et celle d'Euripide, Paris 1808, стр. 45.

82) Nouvel essai sur l'art dramatique ch. XXVIII A un jeune poète, стр. 317 сл. Ср. Le Génie, poëme (Mon bonnet de nuit Neuchatel 1784. Томъ IV, pp. 31—35).

83) Мерсье былъ однимъ изъ основателей исторической драмы. Таковы его пьесы Jean Hennuyer, Evêque de Lizieux; drame en trois actes (1772), Childeric premier, roi de France (Paris 1774), Louis XI, Phillippe II и др. См. также G. Allais, Les origines du drame romantique (Revue des cours et conférences, Paris 1898, № 10, стр. 850.)

84) Kontz (A.) Les drames de la jeunesse de Schiller, Paris 1899, стр. 184.

85) E. Schmidt, H. L. Wagner, 2-te Aufl. Jena 1879, стр. 47 сл.

86) Kontz (Albert) Les drames de la jeunesse de Schiller, стр. 191 сл.

87) Ibidem, 193—194.

88) Въ сборникѣ статей Мерсье подъ заглавіемъ Mon bonnet de nuit, Neuchatel 1784, t. III, стр. 309 мы находимъ: *Vers au prince Henri*, Frère du Roi de Prusse, sous le nom de comte d'Oels, à son passage à Lausanne le 24 Julet 1784. Ces vers ont été lus au Prince par M-lle Necker.

89) Dans des feuilles impurs cet auteur famélique,
Contre Staël et Genlis en style de boutique
Ose insulter Minerve à la table des dieux...
Entre Staël et Genlis j'éteins toute discorde:
Mon ésprit les admire et mon coeur les accorde.

Leur muse m'est sacrée; et soit dit sans courroux,
Ces deux femmes, censeurs, sont au-dessus de vous.

Satyres contre Racine et Boileau etc. Paris 1808, стр. 35—36.

90) Maurice Souriau, La préface de Cromwell (introduction, texte et notes) Paris 1897, стр. 292—293.

91) Ibidem, 195,

92) Ibidem, 258—259.

93) Ibidem, 253.

94) Ibid., 247.

95) Ibid., 221—222.

96) Souriau въ очень содержательномъ введеніи перечисляетъ всѣхъ писателей, которые такъ или иначе повліяли на „предисловіе" къ Кромвелю, но ни слова не говоритъ о томъ изъ нихъ, которому В. Гюго, можетъ быть, наиболѣе обязанъ.

97) Ср. G. Allais, Les origines du drame romantique (Revue des cours et conférences, Paris 1898, № 10).

98) Nouvel essai sur l'art dramatique.

99) Ср. актъ III, сц. 3 пьесы Делавиня со сценами XIII и IX пьесы Мерсье. Бесѣда Людовика XI съ молодой крестьянкой („La mort de Louis XI", p. 32) почти дословно повторяется Делавинемъ: „Louis XI", acte III, sc. 3. Ср. также Мерсье сцены 41 (стр. 132—139) и 45 (стр. 143—160) съ 6-й сценой IV акта пьесы Делавиня.

100) Главныя теченія литературы XIX столѣтія, Москва 1881, литература эмигрантовъ.

КЪ ГЛАВѢ VI.

1) О вліяніи Гердера на стиль „Anmerkungen" Ленца см. „Rauch, Lenz und Shakespeare, Berlin 1892, стр. 17.

2) „Anmerkungen übers Theater". Изд. Тика, II, 208.

3) Ibidem, 202.

4) Ibid., 203.

5) „Deutsche Sophokles, deutsche Plautus, deutsche Shakspeares, deutsche Franzosen, deutsche Metastasio, kurz alles was sie wollen, durch kritische Augen gläser augeschen, und oft in einer Person vereinigt?" Ibid. 203.

6) Ср. Clarke, Fielding und der deutsche Sturm und Drang, Freiburg 1897. О вліяніи Лессинга и Гердера см. Rauch, l. c.

7) Aspelin, Lamottes Abhandlungen über die Tragödie, verglichen mit Lessings Hamburgischer Dramaturgie („Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte" Hrsg. von Max Koch. Band XIII, 1899—1900, 1, 4—5).

8) Anmerkungen übers Theater, 217 сл.

9) Nouvel essai sur l'art dramatique, Amsterdam 1773, ch. IV—VII.
10) Anmerkungen etc., 219.
11) Ibidem, 220,
12) Ibidem, 211 и 221.
13) Ibid. 222—225.
14) J. J. Rousseau, La nouvelle Héloise, Seconde partie, lettre XVII. Ср. E. Schmidt, Richardson, Rousseau und Goethe, Jena 1875, 142—144.
15) Nouvel essai sur l'art dramatique, стр. 93.
16) Ibid. 69.
17) Ibid. 73.
18) Nouvel essai sur l'art dramatique, 77 сл.
19) Ibidem, 31.
20) Anmerkungen übers Theater, изд. Тика, II,
21) Ibidem, 209:
22) Поэтика Аристотеля, перев. Аппельрота, гл. VI, стр. 15.
23) Anmerkungen, 211.
24) Ibidem, 225—226.
25) Nouvel essai sur l'art dramatique,' 32.
26) Anmerkungen etc., 211.
27) Ibidem, 212.
28) Ibidem, 212—213.
29) „Поэтика", пер. Аппельрота, гл. VIII.
30) Anmerkungen etc., 214.
31) Ibid., 215.
32) Ibid., 217.
33) Kontz (Albert), Les drames de la jeunesse de Schiller, Paris 1899, стр. 136.
34) Briefe über Merkwürdigkeiten der Litteratur. Ср. Kontz, l. c. 137—138.
35) Nouvel essai sur l'art dramatique, 145—147.
36) Ibid., 268.
37) Ibid., 269.
38) Ibid., 270 прим.
39) Anmerkungen übers Theater, 204.
40) Ibid., 205.
41) Ibid., 207.
42) Ibid., 208.
43) Rauch, Lenz und Shakespeare, 17—20.
44) Anmerkungen übers Theater, 207.
45) Essai sur l'art dramatique, ch. XXVIII à un jeuné Poëte.
46) Anmerkungen übers Theater, 214.
47) Ibidem, 216—217.
48) Nouvel essai sur l'art dramatique, стр. 122.
49) Anmerkungen übers Theater, 227.
50) Ibidem.
51) Ibidem, 228.

52) Ibid., 226—227.

53) „Von deutscher Art und Kunst“ 1773, стр. 96—97.

54) Nouvel essai sur l'art dramatique, 147.

55) Anmerkungen übers Theater, 214. Ср. E. Schmidt, H. L. Wagner, Jena 1879, стр. 57.

56) Gesammelte Schriften von Lenz, изд. Тика, II, 336.

57) Nouvel essai sur l'art dramatique, 32.

58) Ibidem, 69—70.

59) Ibidem, 72.

60) Ср. Anmerkungen übers Thearer, и Nouvel essai гл. VI и сл.

61) Въ Almanach der deutschen Museu auf das Jahr 1775, стр. И мы читаемъ: „Herr Goethe erfüllet hier alle die hohen Erwartungen, die das Publicum von ihm als Uebersetzers des Shakespear hatte, und man kann seinen Versuch eine wahre Palingenesie nennen“. „Der teutsche Merkur“ впалъ въ ту же ошибку и исправилъ ее только въ январскомъ нумерѣ 1775 г., стр. 94.

62) Frankfurter Gelehrten Anzeigen 1774. Nr. LXXXXV. Den 29 November, стр. 796—797.

63) Magazin der deutschen Kritik. Herausgegeben von Herrn Schirach. Halle 1775. IV Band, I Teil, ss. 73—82.

64) Ibid., 79—80.

65) Der teutsche Merkur 1775, стр. 94—96.

66) Allgemeine deutsche Bibliothek. 1776. Band XXVII. Zweytes Stück, Ss. 377—384.

67) Это показываетъ, что слогъ Ленца имѣлъ извѣстную оригинальность и не былъ простымъ повтореніемъ слога Гердера, какъ думаютъ нѣкоторые.

68) Сочиненія Гёте подъ ред. Вейнберга, т. VIII, стр. 310.

69) Часть сочиненія Клопштока напечатана была еще въ 1771 г. въ журналѣ „Wandsbecker Bote“. Ср. Koberstein, IV, 31 прим. 21.

70) Hettner, Die deutsche Literatur des XVIII Jahrhunderts, Braunschweig 1879, II, 139.

71) Bernays, Der junge Goette, Leipzig 1875, B. III, 24—25.

72) Kontz, Les drames de la jeunesse de Schiller, 151.

73) Ibidem, 153—154. Авторъ ссылается на первую редакцію предисловія къ „Разбойникамъ“, отличающуюся отъ обыкновеннаго текста. См. ibid., 213.

КЪ ГЛАВѢ VII.

1) R. Genée, Geschichte der Shakespeareschen Dramen in Deutschland, Leipzig, 1870, стр. 88 сл.

2) Hamann's Schriften, Hrsg. von Roth, Berlin 1821, II, 38.

3) Виландовскій переводъ Шекспира началъ выходить въ 1762 г.

4) Гаймъ, Гердеръ, I, 490 сл.

5) ibid.

6) Ibidem.

7) Weissenfels, Goethe im Sturm und Drang, I, 183 сл.

8) Ibidem.

9) Gedichte von Lenz, Hrsg. von Weinhold, стр. 165.

10) Ibidem, 220.

11) Rauch, Lenz und Shakespeare, стр. 13.

12) Gesammelte Schriften von Lenz, III, 192—193.

13) Ibidem, III, 128.

14) Ср. разсказъ „Zerbin" („Schriften" III, 143 сл.), „Moralische Bekehrung eines Poeten" (Goethe—Jahrbuch, X), „Aus Herder's Nachlass" I (письма Ленца къ Гердеру).

15) Stürmer-u-Dränger (изд. Sauer'a) II, 156—157.

16) Gedichte von Lenz, 209—210.

17) Lenz in Livland, 6.

18) Сочиненія Гёте, VIII, 311.

19) Lenz, Die Sizilianische Vesper, Hrsg. von Wenhold, Breslau 1887, стр. 57 пр.; Clarke въ Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte 1896, т. 10, стр. 128.

20) Zeitschrift für vergl. Litteraturg., l. c., 124—126.

21) Эти изданія упоминаются имъ въ англійскомъ письмѣ къ Frau v. Stein, относящемся къ 1776. См.

22) Lenz und Shakespeare, 32—33; Zeitschrift für vergl. Litteraturgesch. l. c, стр. 122—124.

23) Автобіографія Гёте (русск. перев., т. VIII, 311.)

24) Der teutsche Merkur, Jänner 1775, стр. 95.

25) Almanach der deutschen Musen auf das Jahr 1775, стр. 11.

26) Magazin der deutschen Kritik, Halle 1775, IV B. I leh., стр. 82.

27) Frankfurter gelehrte Anzeigen 1774, den 29 November.

28) Allgemeine deutsche Bibliothek 1776, B.XXVII, Zweytes Stück, стр.383—384.

29) Zeitschrift für vergl. Litteraturgeschichte 1896, X, 120—121.

30) Rauch, Lenz und Shakespeare, 35, 38 сл.

31) Zeitschrift für vergl. Litteraturgeschichte, l. c., 125.

32) Ibidem, 146.

33) Ibidem, 147.

34) Ibidem, 141—143.

35) Ibidem, 131.

36) Ib., 133.

37) Автобіографія Гёте, l. c.

38) Froitzheim, Zu Strassburgs Sturm u. Drangperiode, Strassburg, 1888, стр. 51. Aus Herders Nachlass, I, 227. Рукопись „Коріолана" in—4°, въ переплетѣ, чисто переписанная. Впереди посвященіе герцогу Веймарскому: Seiner Durchlaucht dem Herzoge unterthänigst gewidmet von Lenzen. За заглавіемъ: Coriolan

ein Trauerspiel von Shakespear—слѣдуетъ рисунокъ сепіей, изображающій сцену передъ палаткой Коріолана. (Дѣйств. V, сц. 3). Очевидно, Ленцу хотѣлось дать герцогу сразу доказательство и своего поэтическаго, и художественнаго таланта. О времени возникновенія перевода ср. ст. Clarke'а въ Zeitschrift für vergl. Litteraturgesch., l. c., 386 прим.

39) Clarke, l. c., 386.

40) Ib., 387.

41) E. Schmidt въ Allgemeine Zeitung, 1884, Beilage № 290—291.

42) Clarke, l. c. 389.

43) Ib., 394—398.

44) Ib., 398—399.

45) Cp. E. Schmidt, l. c.

46) Gesammelte Schriften von Lenz, III, 194.

47) Ib., 195.

48) Ib., 196—197.

49) Ib., 195, 197.

50) Clarke, l. c. 405.

51) Gesamm. Schriften von Lenz, III, 197.

52) Ib., 199.

53) Clarke, l. c. 406.

54) Stöber, Der Aktuar Salzmann, Frankfurt a. M. 1855, стр. 54 сл.

55) Dramatischer Nachlass von Lenz, Frankfurt a. M. 1884, стр. 30 сл. Gesamm. Schriften von Lenz, II.

56) Dramat. Nachlass von Lenz, 11 и 14.

57) Имени переводчика не обозначено, но въ каталогѣ издателя напечатано: von Lenz u. Goethe.

58) Dramatischer Nachlass, 30.

59) Ibidem, 104—105.

60) Stöber, Der Dichter Lenz, 65.

61) Dramat. Nachlass, 12.

62) „Vertheidigung der Vertheidignug des Uebersetzers der Lustspiele". Dramatischer Nachlass von Lenz 19.

63) Ibidem, 17.

64) Ib., 7.

65) Reinhardstoettner, Plautus, Leipzig 1886, стр. 100.

66) Der teutsche Merkur, September 1774, стр. 355—356.

67) Allgemeine Deutsche Bibliotek, Des 26 Bandes Zweytes Stück 1775, стр. 470—474.

68) „Diese Anmerkung scheint uns itzt vorzüglich nothwendig, da einige Schriftsteller von unstreitigen Talenten sich überedet zu haben scheinen, die offenherzigste Freymüthigkeit gebe das treueste, richtigste Gemählde der Natur und des Lebens und eine sittsame Zurückhaltung sey hier Einschränkung des Genies und der Kunst". Ibidem, 474.

69) Magazin der deutschen kritik, Dritten Bandes Zweyter Theil Halle 1774, стр. 295.

70) Ibidem, 160.

71) Almanach der deutschen Musen, auf das Jahr 1775, стр. 43—44.

72) Reinhardstoetner, l. c. 308.

73) Die Aussteuer (Gesamm. Schriften von Lenz), II, 38.

74) Reinhardstoettner, 317 сл.

75) Gesamm. Schiften von Lenz, II, 72—74.

76) Dramatischer Nachlass, 21.

77) Ibidem, 21—24.

78) Reinhardtstoettner, l. c. 632.

79) Dramat. Nachlass, 10.

80) Reinhardstoettner, l. c. 649 сл.

81) Dram. Nachlass, 28.

82) Les comédies de Plaute, Traduites par Sommer, Paris 1865, I, 57.

83) Vertheidigung der Vertheidigung der Lustspiele, Dram. Nachl. 14 сл.

84) „Das Väterchen". Gesamm. Schriften II, 3 сл.

85) Reinhardstoettner, l. c. 253 сл.

86) Ibidem, 355.

87) Ib., 358.

88) Ib., 359.

89) „Die Türkensclavin", Gesamm. Schriften von Lenz, II, 165 сл.

90) Ibidem, 174, 175.

91) Reinhardstoettner, l. c. 362 сл.

92) Dramatischer Nachlass, 105.

93) Ibidem, 77 сл.

94) Reinhardstoettner, l. c. 767.

95) Gesammelte Schriften von Lenz, II, 157 сл.

96) Plauti Comoediae, Recensuit et emendavit Fr. Leo, Berolini 1896, II, 506—507.

97) Gesamm. Schriften, II, 157 сл.

98) Reinhardtstoettner, l. c. 324.

99) Ibidem, 332, 339, 346.

100) Froitzheim, l. c. 49.

101) Dramatischer Nachlass, 26.

102) Ibid. 26—27.

103) Тикноръ, Исторія испанской литературы, II, 92. Klein, Geschichte des Dramas. Leipzig 1872, IX, 295.

104) Dramat. Nachl., 28.

105) Gruppe, R. Lenz; Berlin 1861, 252.

106) E. Schmidt, Lenz und Klinger, стр. 26.

КЪ ГЛАВѢ VIII.

1) Таковъ полковникъ Шпанненбергъ въ „Солдатахъ“, Принцъ Танди въ „Новомъ Менозѣ“, тайный совѣтникъ Бергъ въ Гофмейстерѣ.

2) См. рукопись Королевской Библіотеки въ Берлинѣ № 181 (Nachlass von Lenz) 38 страницъ in-folio.

3) Dramatischer Nachlass, 276—282.

4) Théâtre de Mercier Amsterdam 1778, III, 119 сл., II, 103 сл.

5) Ibid. I, 127 сл.

6) Напр. пьеса Le Campagnard, ou le riche désabusé, A la Haye, 1779.

7) См. выше стр. 125.

8) Письмо Шредера Думпфу 10 октября 1815. *(Рижская Городская Библіотека).*

9) Въ рукописи названы прямо по именамъ два лейпцигскихъ профессора— Clodius и Meyer.

10) Въ берлинской рукописи „Домашняго учителя“ нѣтъ двухъ сценъ, вошедшихъ въ печатный текстъ, а именно: 1) II д., 2. In Heidelbrunn. Gustchen. Läuffer (изд. Sauer'a, 20—21) и 2) IV д., 5. Eine andere Seite des Teichs (52—53). За исключеніемъ этого факта, печатная редакція представляетъ вообще сокращеніе берлинской рукописи. Особенному сокращенію подверглась сцена Лейфера съ Густхенъ во II актѣ, явл. V (Sauer, 27—29). Въ рукописи (стр. 12) она значительно многословнѣе (между прочимъ, Лейферъ разговариваетъ со своей ученицей объ Абелярѣ и его судьбѣ). Къ излюбленной Ленцемъ фигурѣ умолчанія онъ прибѣгаетъ гораздо менѣе въ берлинской рукописи, чѣмъ въ печатномъ текстѣ, въ которомъ вообще наблюдается болѣе особенностей „геніальнаго“ слога. Иностранныхъ словъ въ рукописи встрѣчается гораздо болѣе. Сравненіе показываетъ, что для печатной редакціи онъ постоянно стремился замѣнить ихъ нѣмецкими словами или совсѣмъ выбрасываетъ. Въ выборѣ именъ для дѣйствующихъ лицъ и названій мѣстъ дѣйствія замѣчается колебаніе.

11) E. Schmidt, Lenz u. Klinger, 26. А. Веселовскій, Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. М. 1896, 97.

12) Der Hofmeister (изд. Sauer'a), стр. 3.

13) Ibidem, 4—5.

14) Ib., 6.

15) Ibidem, 7.

16) Ibidem, 8.

17) Ib., 9.

18) Ibidem, 15—20.

19) Ibidem.

20) Ib., 27—29.

21) Ib., 30.

22) Ib., 37.

23) Ib., 38.

24) Ib., 39.
25) Ib., 42.
26) Ib., 51—52.
27) Ib,, 52—53.
28) Lenz und Klinger, 39.
29) Der Hofmeister, стр. 81.
30) № 95. 15 Іюня 1774. №№ 99—100.
31) Frankfurter Gelehrten Anzeigen den 26 Iulius 1774.
32) Deutsche Chronik, August 1774.
33) Almanach der Deutschen Musen auf das Jahr 1775.
34) Magazin der deutscher Critik, Halle 1774. III B. II Theil стр. 189—200.
35) Ibid., 193.
36) Ib., 200.
37) Der Teutsche Merkur, September 1774.
38) Allgemeine Deutsche Bibliothek, 1775, B. XXVII, стр. 368—370.
39) Ib., 370.
40) Frankfurter Gelehrten Anzeigen, 1774. Deutsche Chronik 1774.
41) Gruppe, R. Lenz, 260—269; Bayer, Von Gottsched bis Schiller, Prag 1869, II, стр. 97—102; E. Schmidt, Lenz u. Klinger, 34—41.
42) Геттнеръ, Нѣмецкая литература XVIII в. III, 216—217; Biedermann, Deutschland iu XVIII Jahrhundert IV, 571; Hillebrand, Gesch. der deutschen Litteratur, I, 414 и др.
43) E. Schmidt, l. c. 37—38; Clarke, Fielding und der deutsche Sturm and Drang. 74.
44) Reinhold Lenz, Berlin 1861, стр. 262.
45) Von Gottsched bis Schiller, II, 96.
46) „Der neue Menoza, oder Geschichte des Combanischen Prinzen Tandi". Gesammelte Schriften von Lenz, I.
47) Въ печати пьеса появилась осенью 1774 г.
48) Gruppe, R. Lenz. 269.
49) Dorer-Egloff, Lenz und seine Schriften. Baden 1857.
50) Der neue Menoza, стр. 88.
51) Frankfurter Gelehrten Anzeigen 1775. Selbstrecension Ленца.
52) Гуронъ признается въ любви одной дѣвушкѣ. Она краснѣетъ и посылаетъ къ роднымъ. Ср. Der neue Menoza, стр. 37.
53) Der neue Menoza, 33.
54) Mercier, Nouvel essai sur l'art dramatique, Amsterdam 1773.
55) Der neue Menoza, 35.
56) Ibidem.
57) Ib., 20.
58) Ib., 22.
59) Ibid., 22—23.
60) Шереръ, Исторія Нѣмецкой литературы II, 40.

61) J. Schmidt, Geschichte des geistigen Lebens in Deutschland. Leipzig. 1863. II, 513.
62) Въ Веймарѣ Виландъ оставался до самой своей смерти (1813 г.).
63) Der neue Menoza, 23—24.
64) Ibid., 127—128.
65) Ibid., 131—132.
66) Otto Brahm, Das deutsche Ritterdrama, 187 сл.
67) Deutsche Chronik. October 1774. Стр. 44.
68) Der neue Menoza, 107—108.
69) Ibid., 109.
70) Ibid., 89.
71) Ibidem, 90.
72) Ibidem, 94.
73) Ib., 97—98.
74) Ibidem, 113—114.
75) Главныя теченія Европейской литературы XIX в. М. 1881. стр. 9.
76) Gervinus, Geschichte der deutschen Dichtung. 658.
77) Der neue Menoza, 121, 126 сл.
78) Кожевниковъ, Философія вѣры и чувства, 304.
79) Der neue Menoza, 135.
80) Ibidem, 128.
81) Ibidem, 147.
82) Ibidem, 117.
83) Ibidem, 122.
84) Ibidem, 100.
85) Ibid., 124.
86) Ibid., 145.
87) Wandsbecker Bote, Oktober 1774.
88) Deutsche Chronik, Oktober 1774.
89) Der teutsche Merkur, December 1774.
90) Zugabe zu den Göttingeschen Anzeigen. Den 13 May 1775, стр. CLII.
91) Almanach der deutschen Musen auf das Jahr 1775, стр. 43.
92) Magazin der deutschen Critik, Halle 1775. IV B. I Theil, 195—201.
93) Ibidem, 201.
94) Перепечатана у Dorer Egloff'а; Lenz und seine Schriften, Basel 1857 Frankfurter Gelehrten Anzeigen 1775, стр. 459—466.
95) Ср. E. Schmidt, Lenz und Klinger, 29.
96) Frankfurter Gelehrten Anzeigen, Іюль 1775 г., стр. 462—463.
97) Ibidem, 465.
98) Allgemeine deutsche Bibliothek 1775. B. XXVII, стр. 374—377.
99) Der neue Menoza, III, стр. 10.
100) Allg. deutsche Bibli., l. c. 377.
101) „Prinz Tandi an den Verfasser des neuen Menoza".
102) J. G. Schlossers kleine Schriften, Basel 1780. II Theil, стр. 261.

103) Frankfurter Gelehrten Anzeigen. Den 8 September 1775 стр. 595—597.

104) Письмо Ленца къ Лафатеру 8 апрѣля 1775 г. Dorer-Egloff, l. c. 189.

105) Frankfurter gelehrt. Anzeigen, іюль 1775.

106) Aus Herders Nachlass, I, 227.

107) Dramatischer Nachlass, 309.

108) Ibidem, 311.

109) По рукописи Рижской городской Библіотеки.

110) Ср. эпиграфъ къ 8-й главѣ. (По рук. Риж. Гор. Библ.).

КЪ ГЛАВѢ IX.

1) Ср. письмо Ленца къ Лафатеру, Dorer-Egloff, Lenz und seine Schriften, 179, 180.

2) Ср. Knod, Die alten Matrikeln der Strassburger Universität.

3) Stöber, J. G. Röderer, Colmar 1874, 163.

4) Dorer-Egloff, l. c. 193. Geiger, Ein Brief von Lenz an Lindau (Blätter für litterarische Unterhaltung 1898, № 10).

5) Dorer-Egloff, l. c. 195.

6) E. Schmidt, Richardson, Rousseau und Goethe. 318 сл. Кожевниковъ, Философія вѣры и чувства. 634 сл.

7) Геттнеръ, Исторія нѣмецкой литературы III, 1, стр. 290.

8) Ibidem, 292.

9) Объ участіи Юнга - Штиллинга въ Зальцманновскомъ кружкѣ см. Автобіографію Гёте и Froitzheim, Zu Strassburgs Sturm und Drangperiode, Strassburg 1888.

10) Sauer, Stürmer und Dränger, I. Einleitung.

11) Ср. Waldmann, Lenz in Briefen.

12) Ibidem, стр. 106.

13) Письмо Лафатера къ Редереру 19 февраля 1774. Stöber, Röderer, 77. Ср. письмо отъ 26 марта, ibid., 78.

14) Waldmann, Lenz in Briefen, 14.

15) Ibid., 15.

16) Ibid., 17.

17) Dorer-Egloff l. c. 179.

18) Ibidem, 180—181.

19) „Ach ich leide — aber Bruder eure Hofnungen schimmern mir in meiner Nacht, dass ich den zögernden Tag nicht anklage“. Цитируемъ по подлинной рукописи Лафатеровскаго архива въ Цюрихѣ. Dorer-Egloff, напечатавшій письмо, пропустилъ эту приписку.

20) Ср. письмо отъ 14 іюня 1774 г. Stöber, J. G. Roederer, 81.

21) Dorer-Egloff, l. c. 180.

22) Bielschowsky, Goethe I, стр. 208.

23) Ср. Переписка Карамзина съ Лафатеромъ, сообщена д-ромъ Вальдманомъ, Спб. 1893, 66.

24) Ibidem.

25) Ср. гл. XIII и XV.

26) Waldmann, Lenz in Briefen, 13.

27) „Aber bring bring Göthen von mir — — was? dich. Ich möchte ihm meine Seele schicken denn ich habe Hofnungen zu ihm, die wie die Sonne vor Tage nur den Antipoden sichtbar". По рукописи Lavater-Archiv'a въ Цюрихѣ. Эта приписка также пропущена Dorer-Egloff'омъ въ печати. Ср. стр. 180—181.

28) Bielschowsky, Goethe, I, 231.

29) Ср. письмо Гёте 22 мая 1775—Bernays, Der junge Goethe III, 88.

30) Письмо Ленца къ Софіи Ларошъ 31 іюля 1775 г. „Euphorion" 1896.

31) Goethe-Jabrbuch, X. 95.

32) Bernays, Der junge Goethe III, 89.

33) Goethe-Jabrbuch, X. l. c.

34) Письмо Ленца къ женѣ Гердера 13 іюля 1775. Froitzheim, Zu Strassburgs Sturm u. Drangperiode, 83.

35) „Dritte Wallfahrt" было напечатано въ приложеніи къ нѣмецкому переводу „Nouvel essai sur l'art dramatique" Мерсье.

36) Aus Herders Nachlass, I. 224 сл.

37) „Euphorion" 1896.

38) Dorer-Egloff l. c. 179.

39) Froitzheim, Lenz, Goethe und Cleophe Fibich, Strassburg 1888, стр. 37—40.

40) Ср. „Tagebuch" (Deutsche Rundschau 1877).

41) Ср. Gedichte von Lenz, изд. Вейнгольда, 116.

42) „Дневникъ" (Tagebuch) изданъ Ulrichs'омъ въ Deutsche Rundschau за 1877. Рукопись находится въ Берлинской Королевской Библіотекѣ.

43) „Dies war nur Skelett, das dein eigenes Genie und Blick ins menschliche Herz mit Fleisch bekleiden wird".

44) Froitzheim, l. c. 75—76.

45) Ср. „Tagebuch" стр. 280.

46) Ср. письма къ Лафатеру 1774 г. Dorer-Egloff l. c. „An Seraphine" (Gedichte von Lenz, 116).

47) „Tagebuch", стр. 278.

48) Ibidem, стр. 279.

49) Ibidem, стр. 279 сл.

50) Ср. Froitzheim, l. c. 65 сл.

51) Froitzheim, l. c. 62.

52) „Moralische Bekehrung eines Poeten von ihm selbst aufgeschrieben", издано проф. Вейнгольдомъ въ Goethe-Jahrbuch 1889 г. X Band.

53) Ibidem, 47—48.

54) Ib., 49.

55) Ib., 50.

56) Ibidem.
57) Ib., 66.
58) Ib., 52.
59) Ib., 63.
60) Ib., 65.
61) Ib., 61.
62) Ib., 57.
63) Ibidem.
64) Ib., 58.
65) Ib., 53.
66) Ib., 55.
67) Gedichte, изд. Вейнгольда, 279.
68) Ср. Sauer, Die Sturm u. Drangperiode (Stürmer u. Dränger, I).
69) Die Grenzboten, 1870, II, 454 сл.
70) Sauer, l. c. 35—36.
71) Ibidem.
72) Almanach der deutschen Musen auf das Jahr 1775, стр. 18. См. также рецензію къ Nachrichten zu dem Leben des Franz Petrarca, въ которомъ переводы сдѣланы „двумя извѣстными поэтами“.
73) Gedichte von Lenz 131 сл.
74) Anhang zu dem 25 — 36 Bande der Allg. Deutsch — Bibliothek, Zweyte Abtheilung, стр. 696 — 697. Ср. отзывъ Бойе въ письмѣ къ Бюргеру 18 марта 1776. Waldmann, Lenz in Briefen, 44.
75) Almanach der deutschen Musen, 1777, стр. 105—106.
76) Gedichte von Lenz, изд. Вейнгольда, стр. 314.
77) Goethe-Jahrbuch, X, стр. 54.
78) Ibid., 61.
79) Ib., 62.
80) Ib., 68.
81) Ib., 61.
82) Ib., 69.
83) Ср. гл. XII.
84) Goethe-Jahrbuch X, 56.
85) Ibidem, 91—92.
86) Gedichte von Lenz, 160.
87) Ibidem, 158.
88) Froitzheim, Lenz and Goethe, Stuttgart 1891, стр. 24.
89) Gedichte von Lenz, 161.
90) Dorer-Egloff, l. c. 194—195.
91) Ibid., 197.
92) Goethe-Jahrbuch, X, 66.
93) Ib., 67.
94) Ib., 61.
95) Aus Herders Nachlass I, 226. Письмо отъ 28 августа 1775 г.

96) Ср. гл. XI.
97) Waldmann, Lenz in Briefen, 10—12.
98) Deutsche Rundschau 1877, № 8, стр. 285.
99) Gedichte von Lenz, 296.
100) „Trost“ Ibidem, 181.
101) По рукописи Рижской Городской Библіотеки. Ср. Waldmann, 25—26.
102) По рукописи Рижской Городской Библіотеки. Ср. Waldmann 24.
103) Ibidem.
104) Ср. Приложеніе A, № 14. Письмо Ленца къ отцу изъ Веймара.
105) Aus Herders Nachlass I, 230.
106) Gedichte von Lenz, изд. Вейнгольда, стр. 296.
107) Waldmann, Lenz in Briefen, 38—40.
108) Gedichte, 179—180.
109) „Die Freunde machen den Philosophen“. Изд. Тика, I.
110) Ibidem, 29.
111) „Der Engländer“. Изд. Тика, I.
112) Ср. Приложеніе A, № 14.
113) Gesamm. Schriften vou Lenz, I, 336.
114) Ср. Ueber die deutsche Dichtkunst, Gedichte, стр. 164.
115) Aus Herders Nachlass I, 225.
116) Ibidem.
117) Dorer-Egloff, 182.
118) Aus Herders Nachlass I, 229.
119) Ibid., 227.
120) Eloge de feu Monsieur **nd etc. Hanau 1775; Menalk und Mopsus. Frankfurt u. Leipzig 1775 (перепечатано въ сборникѣ Rheinischer Most, Erster Herbst, 1775).
121) Zoeppritz, Aus Jakobis Nachlass, II, 316.
122) Weinhold, J. Chr. Boie, стр. 192.
123) Froitzheim, Zu Strassburgs Sturm u. Drangperiode, Str. 1888, стр. 34 и 47.
124) Ibid., 47.
125) Ibid., 35.
126) Ibid., 43 сл.
127) Ibid., 49, 50, 51.
128) Ср. Heymach, Ramond de Carbonnières, Programm, Corbach 1887. E. Schmidt H. L. Wagner, 2 изд. 132 сл.
129) Gesammelte Schriften von Lenz, II, 330.
130) Bürgerfreund. I Stück, Freytags den 5-ten Jännes 1776, стр. 4.
131) 1) Ueber die Bearbeitung der deutschen Sprache im Elsass etc. 2) Ueber die Vorzüge der deutschen Spraches. 3) Ob es rathsam sey in eine Sprache fremde Wörter aufzunehmen? (Bürgesfreund 1777, 413—416) и др.
132) Froizheim, l. c. 50.
133) „Geschichte und Beschrebung des Strassburg. Münsters“ (Bürgerfreund

1777 IV В. № XXVII сл.); „Опытъ исторіи Страсбурга“ (Ib. 1776 I В. № XX); „О любви къ отечеству“ (Ib. 1777 III В. № 16 сл.).

134) Фр. Зальцманнъ читалъ въ обществѣ рефератъ „Von den Fehlern in der Strassburg. Kinderzucht“ (Bürgerfreund 1776, II В.), а Корвинусъ „Von dem Nutzen der Schläge in der Erziehung“ (Froitzheim, l. c. 52). Ср. также ст. „Präliminarien zur Erziehung“ (Bürgerfreund 1776 I В., стр. 44—48, 48—56 и др.).

135) Въ обществѣ читается статья актуарія Зальцманна „Von der Glückseligkeit in bürgerlichen Gesellschaften“ (Bürgerfreund 1777), „Moralische Empfindungen“ (16 ноября 1775 г.), „Skizze meiner Vorstellungsart der Moral“ Шлоссера (7 дек. 1775 г.). Въ Bürgerfreund'ѣ находимъ: „Lob der Freundschaft“ (1776 II В. 390—391), „Ueber den Werth des guten Herzens“ и т. д. Религіознымъ вопросамъ посвящено нѣсколько рефератовъ въ обществѣ и нѣсколько статей въ журналѣ, который на своемъ знамени выставлялъ девизъ: Geselligkeit, Verträglichkeit, Religion (Bürgerfreund 1777 IV В. Beschluss, 834—838).

136) Den 2-ten November 1775... Herr Otto hat... eine franz. Abhandl. üb. die Unvollkommenheit der Criminalgesetze vorgelesen (Froitzheim, l. c., 48). 21 декабря Рамонъ читалъ драму Les malheurs de l'amour, а 25 января 1776 была прочитана другая французская драма того же автора (ib). 8 февр. чтеніе первой драмы было повторено (ib). 28 марта Отто читалъ „de l'Erudition“ (ib. 51). 22 августа Рамонъ-де-Карбонньеръ читалъ одну изъ частей своей трилогіи „Amours alsaciennes“, а 5 сентября французское стихотвореніе. 27 сентября онъ выступилъ съ разсказомъ le Pié de né и наконецъ въ послѣднемъ засѣданіи, на которомъ обрывается протоколъ (9 янв. 1777 г.) онъ же прочелъ „три первыхъ акта своей эльзасской трагедіи „le comte d'Egisheim“ (Ib. 52—53).— Такимъ образомъ французъ Рамонъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ страсбургскаго литературнаго общества, душою котораго былъ Ленцъ. Съ послѣднимъ Рамонъ былъ связанъ узами тѣсной дружбы и посвятилъ ему свою драму „Les dernières Aventures du jeune Olban“, Yverdun 1777, а черезъ три года, по отъѣздѣ Ленца на родину, когда распространился ложный слухъ о его смерти, посвятилъ его памяти чрезвычайно-прочувствованныя строки (см. гл. XV). Ramond de Carbonnières (1755—1827) крайне любопытная личность. Принадлежа своими сочиненіями къ французской литературѣ и вращаясь въ нѣмецкихъ литературныхъ кругахъ, онъ былъ живымъ воплощеніемъ глубокой духовной связи нѣмецкихъ и французскихъ „бурныхъ геніевъ“, соединительнымъ звеномъ между тѣми и другими. Онъ несомнѣнно стоялъ подъ вліяніемъ Себ. Мерсье и въ страсбургское общество вступилъ уже съ опредѣлившимися воззрѣніями. (Ср. Heymach, Ramond de Carbonnières, Programm, 1887). Шарль Нодье, переиздавшій упомянутую драму (Les dernières Aventures du jeune Olban. Fragment des amours alsaciennes), называетъ ее „старѣйшей французской романтической драмой“ (Paris 1829, Notice, XXVI). Пьеса возникла подъ вліяніемъ первыхъ гётевскихъ произведеній „Геца“ и „Вертера“. Дѣйствіе отнесено къ XVII в., но герой Ольбанъ является такимъ же несчастнымъ любовникомъ, какъ Вертеръ. Драматическая форма свободная и оригинальная: по образцу испанскихъ драматурговъ, Рамонъ дѣлитъ пьесу не на акты, а на „дни“ (исп. jornadas); кромѣ

того, въ антракты вставлены лирическія стихотворенія въ оссіановскомъ вкусѣ, которыя должны поддержать соотвѣтствующее настроеніе у зрителя и читателя. Посвященіе Ленцу можно объяснить какъ тѣмъ, что ему, пылкому борцу за новое искусство, могло быть особенно пріятно новшество Рамона, такъ и тѣмъ, что типъ благороднаго Ольбана, несчастнаго въ любви и неоцѣненнаго по заслугамъ въ „холодномъ" мірѣ, являлся отчасти слѣпкомъ съ самого Ленца (Ср. отзывъ Рамона о Ленцѣ въ гл. XV). E. Schmidt подмѣчаетъ литературное вліяніе Ленца на эту драму. По его же мнѣнію, повѣсть Рамона Les amours malheureux d'un Vendéen à Strasbourg основана отчасти на разсказахъ Ленца о своихъ любовныхъ неудачахъ въ Страсбургѣ. (См. H. L. Wagner, Iena 1879, стр. 118 сл.). Впослѣдствіи Рамонъ прославился, какъ геологъ и путешественникъ по Швейцаріи и Пиринеямъ. Ср. Sainte-Beuve, Ramond le peintre des Pyrénées въ „Causeries du lundi", X, 446 сл.—Рамону слѣдуетъ часто въ описаніяхъ Швейцаріи Карамзинъ. См. В. Сиповскій, Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника. Спб. 1899, стр. 274—275 и др.

137) Gesammelte Schriften von Lenz, II, 318.

138) Ibidem, 320.

139) Ibidem, 324.—Берлинская рукопись этой статьи Ленца (№ 224. Ueber die Bearbeitung der deutschen Sprachen. Lenzens Nachlass) представляетъ другую редакцію съ значительными измѣненіями и оканчивается слѣдующими совершенно отсутствующими въ печати строчками: „Unsere Nachbaren in Freyburg wollen sich mit uns vereinigen, uns zu diesem gemeinsamen schönen Zweck hülfreiche Hand zu bieten. Wie fürtreflich wäre es, wenn dergleichen edle patriotische Bemühungen mit der Zeit auch auf den schleppenden unverständlichen und unangenehmen Dialeckt Einflüsse hätten, der in diesen Gegenden herrscht. Ich weiss zwar wohl, dass der Dialeckt oft von der Organisation abhängt, ich weiss aber auch umgekehrt, dass der Dialeckt die Organisation verändern und verbessern kann. Zu allen Ländern wo die Sprache mehr gesangen als geredet wird, deucht michs eine gewisse Langsamkeit in den Geschäften und Weichlichkeit in den Empfindungen wahrgenommen zu haben. Indessen hat das Dehnen der Wörter in einer noch unkultivirten Sprache unendliche anderweitige Vortheile für die Prosodie und Deklamationen deren eine zu übereilt gebildete Sprache wie die französische entbehrt, Gott wolle all unser Vornehmen Seugnen und beglücken"!

140) Gesammelte Schriften von Lenz, II, 328.

141) Mercier, Essai sur l'art dramatique. Amsterdam 1773, pp. 330—335.

142) „Le style mâle, sonore, abondant des grands Ecrivains, annonce l'indigence de toutes nos grammaires, et fait voir que c'est à l'Ecrivain à modifier la langue, et non à recevoir sa loi. Laissez donc crier la foule classique, et créez-vous un idiôme qui vous apartienne". Ibidem, 335.

143) „Telle est l'ame d'ou écrivain, tel est son idiome". Mercier, Discours sur la lecture. Paris 1764 (Eloges et discours philosophiques, 260).

144) „Il faudrait étendre la langue et la rendre plus riche et plus féconde". Ibidem.

145) Mercier, De la littérature, 41—42; Discours sur la lecture, 264 прим.

146) Mercier, Néologie, Paris 1801, Préface, XLVIII прим.

147) Clarke, Lenz'Uebersetzungen aus dem Englischen (Zeitschrift für vergl. Litteraturgesch., Weimar 1896. X B. стр. 415—417).

148) Ueber die Veränderung des Theaters im Shakespeare (Gesammelte Schriften, II, 335 сл.).

149) Clarke, l. c. 414—415.

150) E. Schmidt, H. L. Wagner, стр. 161—162. „Neuer Versuch über die Schauspielkunst" 1776, стр. 292.

151) Gruppe, R. Lenz. 32—33.

152) Ibidem.

153) Froitzheim, l. c. 51.

154) „Neuer Versuch", Leipzig 1776, 292—293.

155) Aus Herders Nachlass I, 233.

156) Ibid., 235.

157) Dorer-Egloff, Lenz u. seine Schriften. Baden 1857, стр. 195.

158) „Все, что я зарабатываю въ потѣ лица—писалъ онъ Готтеру—падаетъ въ колодезь, у котораго, повидимому, не оказывается болѣе дна". Gedichte von Lenz, изд. Вейнгольда, XV.

159) Письмо Ленца къ Sophie la Roche Февр. 1776 г. „Euphorion" 1896.

160) Dorer-Egloff, 188.

161) Gedichte, 185—186.

162) Wagner, Briefe an und von Joh. Heinr. Merck. Darmstadt, 1838. II, стр. 51—53.

КЪ ГЛАВѢ X.

1) Шаховъ, Гёте и его время, 35.

2) Weissenfels, Goethe im Sturm und Drang, I, 243.

3) Кожевниковъ, Философія вѣры и чувства, 611—614.

4) Сочиненія Гёте, 2-е изд. Спб. 1892, т. II, 104.

5) Ibidem, 105 сл.

6) Ibidem, 115.

7) Ibid., 16.

8) E. Schmidt, H. L. Wagner, 31.

9) Шаховъ, l. c. 66.

10) Appell, Werther und seine Zeit. 4-te Auflage, Oldenburg 1896, 127 сл.

11) Froitzheim, Goethe und H. L. Wagner, Strassburg 1889.

12) Appell, l. c. 233 сл.

13) Sivers, J. M. R. Lenz, vier Beiträge, Riga 1879, стр. 45 сл.

14) E. Schmidt, Satirisches aus der Geniezeit („Archiv für Litteraturgeschichte" B, IX, 1880, стр. 181 сл.).

15) Gedichte von Lenz, 90.—Eloge de feu Monsieur ***nd. Ibid., 99 сл.

16) Ibidem, 100.

17) Ibid., 101.

18) Ibid., 102.

19) Ibid., 103.

20) Das deutsche Publicum weiss nimmer aufzuhören;
Rennt's einmal einen Weg, so ists nicht umzukehren. Ibid.

21) E. Schmidt, Satirisches aus der Geniezeit, l. c. 188.

22) Froitzheim, Lenz und Goethe, 19.

23) Aus Herders Nachlass I, 226.

24) Dorer-Egloff, l. c. 182—184.

25) Письмо Лафатера 5 октября 1775. По рукописи Лафатеровскаго архива въ Цюрихѣ. Ср. Sivers, l. с, 60—61.

26) Dorer-Egloff, l. c. 189—191.

27) Письмо Ленца къ Гердеру 30 сентября 1775. Aus Herders Nachlass, I, 231.

28) K. Weinhold, H. Chr. Boie, Halle 1868, стр. 193.

29) Ibidem, 194 и Приложеніе A, № 9, стр. 10.

30) Dramatischer Nachlass von Lenz, изд. Вейнгольда, 315.

31) Письмо Ленца къ Лафатеру, Dorer-Egloff, l. c. 183.

32) Dramat. Nachlass, 319.

33) Ib., 318—319.

34) Ib., 321—323.

35) *Sokrates*. Freilich! ich brauche mir kein Gewissen daraus zu machen, es ist eins von den glühenden Weibern; sie ist schon einmal in dem Fall gewesen, es ist ein Weib, an dem nichts mehr zu Verderben ist. (Ib. 323).

36) Appell, l. c. 178 сл. и Dram. Nachlass, 316.

37) Ср. Dramatischer Nachlass von Lenz, 315. Мнѣ былъ доступенъ экземпляръ, принадлежащій П. И. Фальку въ Ригѣ.

38) Vertheidigung etc., стр. 2.

39) Ibidem, 3—4.

40) Ibidem, 5.

41) Ib., 8—9.

42) „Ich liebe W. als Menschen, ich bewundre ihn als komischen Dichter aber ich lasse ihn als Philosophen, und werde ihn unaufhörlich hassen" (Ib. 9).

43) Ibid., 10—11.

44) Mercier, Nouvel essai sur l'art dramatique, ch. XXVII.

45) Vertheidigung etc., 13—15.

46) Ibid., 15—16.

47) Ib., 16 — 25. Въ письмѣ къ Циммерману. (См. Приложеніе А, № 15. стр. 15) Ленцъ говоритъ, что буква *I*—есть опечатка, слѣдуетъ: *N*.

48) „Sobald er aber Kunstrichter und mehr als das Impressario und *Direcktor* aller Kunstrichter, Herr aller Herren werden will, mit allen seinen aufgeblasenen Aumassungen verspotte und verlache". Vertheidigung etc., стр, 25.

49) Ibid., 27.
50) Ibid., 28.
51) Ibid., 30—31.
52) Ibid., 31.
53) Ibid., 36—37.
54) Ibid., 38 сл.
55) Ibid., 39—41.
56) Ibid., 46—47.
57) См. гл. XII.
58) Aus Herders Nachlass, I, 229.
59) Pandaemonium Germanicum, изд. E. Schmidt, Berlin 1896, стр. 43.
60) Falk, Eine neue Ausgabe des Pandaemonium Germanicum von J. M. R. Lenz (Stern's Literarisches Bulletin der Schweiz 1896 №№ 1—2).
61) Ср. Pandaemonium Germanicum, II актъ, сц. 3 и 4.
62) 6 и 20 апрѣля 1775 г. журналъ Шубарта Deutsche Chronik сообщалъ о волненіяхъ среди крестьянъ Богеміи. Ср. Pandaemonium Germanicum, изд. E. Schmidt'a, 54.
63) Ленцъ приписалъ ее сначала Гёте. См. его письмо къ Лафатеру 8 апр. 1775, (Dorer-Egloff, 186—187).
64) Pandaemonium Germanicum, изд. E. Schmidt'a, 39.
65) Ibidem.
66) Ibidem, 43.
67) Геттнеръ, Нѣмецкая литература XVIII в. III, I, стр. 215.
68) Deutsche Chronik, 1776.
69) Ibidem, 1774. October.
70) Ibidem.
71) Wahrheit und Dichtung. Русск. пер. (Сочин. Гёте, т. VIII, 375).
72) Waldmann, Lenz in Briefen, 20.
73) Гетнеръ, Исторія нѣмецкой литературы, III, 1, 214.
74) Ср. гердеровское изображеніе Шекспира, сидящимъ на высокой скалѣ, у подножія которой пресмыкаются его толкователи. (Von deutscher Art und Kunst).
75) Въ обиходъ литературнаго языка слово „филистеръ“ было введено впервые „Вертеромъ“. Ср. Pand. Germ. (изд. E. Schmidt'a), 45.
76) Ленцъ не всегда относился такъ спокойно къ тому, что его сочиненія многими приписывались Гёте. Ср. Moralische Bekehrung eines Poeten (Goethe-Jahrbuch, X).
77) Нов. изд. стр. 306, 479, 624 и др. Журналисты и рецензенты были также предметомъ всегдашнихъ нападокъ со стороны Мерсье. См. Nouvel essai sur l'art dramatique, ch. XXVII.
78) „Храмъ Славы“ Ленца есть подражаніе Temple of fame Попа. Ср. Pand. Germ an., изд. E. Schmidt'a, 47.
79) Объ отношеніи Радищева къ Геллерту см. М. Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи, Спб. 1889, т. I, 548.
80) Pand aem. Germ., изд. E. Schmidt'a, 47.

81) Ibidem, 58.

82) Ср. письмо Boie къ Мерку 10 апр. 1775. Ibidem, 55.

83) Ibidem, 56.

84) Pandaemonium Germanicum von Lenz, hrsg. von G. F. Dumpf. Nürnberg 1819. Тикъ перепечаталъ сатиру въ своемъ изданіи III, 207 сл. Sauer представилъ первое критическое изданіе сатиры, Stürmer u. Dränger, II. Послѣднее превосходное изданіе по двумъ рукописямъ сдѣлалъ проф. Э. Шмидтъ. Не въ примѣръ другимъ произведеніямъ Ленца сатира Pandaemonium Germanicum сохранилась въ двухъ рукописяхъ: первая, по которой Думпфъ сдѣлалъ свое изданіе, принадлежитъ въ настоящее время проф. Вейнгольду въ Берлинѣ, вторая—составляетъ собственность Королевской Библіотеки въ Берлинѣ.

Текстъ рукописи Берлинской Библіотеки отличается большею распространенностью въ сравненіи съ текстомъ изданія Думпфа, повтореннымъ Тикомъ и Зауеромъ. Такъ въ текстѣ *Думпфа* заключеніе первой сцены перваго акта читается такимъ образомъ:

Lenz. Ich weiss nicht, wo du gegangen bist, aber ich hab'einen beschwerlichen Weg gemacht.

Goethe. Bleiben wir zusammen *Gehen beide einer andern Anhöhe zu.*

По *рукописи* же Берлинской Библіотеки послѣ словъ Ленца слѣдуетъ слѣдующій діалогъ:

G. Wo kommst du denn her?

L. Aus dem hintersten Norden. Ist mirs doch als ob ich mit dir geboren und erzogen wäre. Wer bist du denn?

G. Ich bin hier geboren. Weiss ich wo ich her bin. Was wissen wir alle wo wir her stammen?

L. Du edler Junge! Ich fühl'kein Haar mehr von all meinen Mühseeligkeiten.

G. Thatst du die Reise für deinen Kopf?

L. Wohl für meinen. Alle kluge und erfahrene Leute wiederriethens mir. Sie sagten, ich suche zu sehr, was zum Gutsëyn gehöre und versäume darüber das seyn. Ich dachte seyd! und ich will gut seyn.

G. Bist mir willkommen Bübgen! Es ist mir als ob ich mich in Dir bespiegelte.

L. O mach'mich nicht roth.

G. Weiter!

L. Weiss es der Henker, wie mir mein Schwindel vergangen ist, seitdem ich dich unter den Armen habe (gehn bëyde einer Anhöhe zu).

Точно также въ рукописи значительно распространенъ конецъ второй сцены I акта (отъ словъ: kommt ein Haufen Fremde zu Ihnen). Здѣсь также болѣе автобіографическаго элемента, чѣмъ въ печатномъ текстѣ.

85) Gruppe, R. Lenz, 350.

86) Pandaemonium Germanicum, изд. E. Schmidt'a.

87) Ibidem, 42.

88) Gedichte von Lenz, 293.

89) Ibidem, 163.

КЪ ГЛАВѢ XI.

1) Ср. разсказъ Гёте въ Wahrheit u. Dichtung. (Сочиненія Гёте. т. VIII, стр. 376).

2) „Tagebuch", изданный Ulrichs'омъ въ Deutsche Rundschau 1877.

3) Ср. Otto Brahm, Das deutsche Ritterdrama, Strassb. 1880, 187 сл.

4) Ср. ниже гл. XII и XIV.

5) Ср. ниже гл. XV.

6) „Die Soldaten", изд. Sauer'a (Stürmer und Dränger, II).

7) „Euphorion" 1896, стр. 538.

8) Aus Herders Nachlass I, 226.

9) Ibidem, I, 239.

10) Ibidem.

11) Ibid., 225.

12) Ibid., 229 (письмо 29 сентября 1775) и 234 (письмо 20 ноября 1775).

13) Письмо къ Циммерману 6 марта 1776 г. (Buchner, Aus dem Verkehr einer deutschen Buchhandlung mit ihren Schriftstellern. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1873, стр. 459).

14) Ibid., 458, 15.

15) Приложеніе B. 1 и 2.

16) Въ Страсбургскомъ журналѣ Bürgerfreund было напечатано извлеченіе изъ „Солдатъ" Ленца. 1776 г. XXXVII Stück, стр. 569—576 и 585 сл.

17) K. v. Holtei, Briefe an L. Tieck, Breslau 1864, I, 366.

18) I, 312—314.

19) Archiv für Litteraturgeschichte, III, 1872 г., 245—257.

20) Zeitschrift für deutsche Philologie. V B. 1874. 199—201.

21) Max Rieger, Klinger in der Sturm—und Drangperiode, Darmstadt 1880, стр. 222.

22) Buchner, l. c. 60.

23) Die Soldaten. Eine Komödie, Bei Weidmanns Erben und Reich. Lelpzig 1776. Какъ и большинство произведеній Ленца, пьеса появилась безъ имени автора.

24) Die Soldaten. Изд. Sauer'a (Stürmer und Dränger) стр. 89.

25) Le Déserteur, Paris 1770 pp. 4—5.

26) Ibid. II, 1. Стр. 20—21.

27) Desportes, Pirzel, Haudy, Rammler, Mary.

28) Мысль вывести въ пьесѣ полкового священника была, можетъ быть, навѣяна слѣдующимъ мѣстомъ въ пьесѣ Мерсье. На убѣжденіе Сен-Франка Валькуръ отвѣчаетъ: Voilà le vieux Predicateur du Régiment qui commence son exorde (Le Déserteur, 1770, p. 21).

29) Die Soldaten, 90.

30) Ibidem, 90—93.

31) Ibid., 93.

32) Ibid., 96.

33) Ibid., 98.

34) Ср. Deutsche Rundschau 1877 № 8 стр. 273 и др.

35) Die Soldaten, 112.

36) Ibid, 130.

37) Ibid., 134—135. „Солдаты" Ленца сохранились въ рукописи, принадлежащей въ настоящее время Королевской Библіотекѣ въ Берлинѣ. Заключительная сцена въ ней написана нѣсколько иначе, но раньше печатанія она возбудила протестъ со стороны Гердера, которому Ленцъ послалъ рукопись. Въ угоду Гердеру, Ленцъ въ печатномъ текстѣ нѣсколько смягчилъ черезчуръ рѣзкія черты первой редакціи. Ср. Dramatischer Nachlass. 327—328. Такъ же, 326.

38) Aus Herders Nachlass, I, 238.

39) Mercier, Nouvel essai sur l'art dramatique, стр. 17 и др.

40) Въ 1863 г. на вѣнской придворной сценѣ „Солдаты" Ленца выдержали нѣсколько представленій въ передѣлкѣ Bauernfeld'a подъ заглавіемъ „Soldatenliebchen" См. Wlassack, Chronik des K. K. Hof-Burgstheaters. Wien 1876, стр. 321.

41) Aus Herders Nachlass I, 233 f.

42) Bayer, Von Gottsched bis Lessing, Prag 1869, II, 106.

43) E. Schmidt, H. L. Wagner. Jena 1879, стр. 70 сл.

44) „Zerbin, oder die neuere Philosophie" (Gesammelte Schriften, III, 143 сл.).

45) Повѣсть представляетъ нѣкоторый автобіографическій интересъ и связана съ собственными впечатлѣніями Ленца въ Страсбургѣ.

46) Dramatischer Nachlass, 297 сл.

47) E. Schmidt, Lenz und Klinger, 42.

48) Ib. 43. Ulrichs (Deutsche Rundschau, 1877, № 8, 265; Gruppe, R. Lenz, 275. Ср. „Эгмонтъ" русск. пер. стр. 128—131, 123—126, 87—92.

49) Gruppe, l. c. 275 — 276. Froitzheim, Lenz, Goethe und Cleophe Fibich, стр. 10—11.

50) Dramatischer Nachlass, 191 сл.

51) Dramatischer Nachlass, 204.

52) Ibid., 190.

53) См. въ особенности отрывки 1 и 2 редакціи B. Ibidem, 199—202.

54) Gesammelte Schriften von Lenz, II, 289 сл. При жизни автора была напечатана въ книгѣ Flüchtige Aufsätze von Lenz, Zürich 1776.

55) Froitzheim, Zu Strasburgs Sturm—und Drangperiode, стр. 49.

56) Содержаніе газетнаго разсказа передаетъ самъ Ленцъ въ предисловіи къ своей пьесѣ. Die beiden Alten, l. c., 291.

57) Ibid., 294.

58) Ibid., 301.

59) Ibid., 303—304.

60) Ibid., 307.

61) Ibid., 308.

62) Ср. A. Kontz, Les drames de la jeunesse de Schiller, Paris 1899, стр. 155.

63) Mercier, Nouvel essai sur l'art dramatique, Amsterdam 1773, pp. 10—11, 16, 17—18, 52, 69—71 и мн. др.

64) Таковы драмы Мерсье: Le juge, Le faux ami, La brouette du vinaigrier, Zoé, Jean Hennuyer, Childerie premier и др.

65) Во многихъ пьесахъ Мерсье насчитывается не болѣе одного представителя порока на-вчетверо или впятеро большее число лицъ добродѣтельныхъ. Таковы Monsieur Jullefort (La brouette du vinaigrier), M. Hoctau (Le déserteur), Le comte de Monrevel (Le juge), Juller (Le faux ami) и т. д. Очень характерно выражается Мерсье въ предисловіи къ своей драмѣ Zoé (Neuchatel 1782, Préface, p. I): Les passions tristes, telles que la vengeance, la haine, l'ambition démesurée, sont peu fécondes sous le pinceau du poëte dramatique; c'est à regret qu'il se voit forcé de peindre des scélérats, des vindicatifs, des ames basses et cruelles.

66) Всѣ почтенные старцы, убѣленные сѣдинами и украшенные добродѣтелями, выкраиваются Мерсье по одному шаблону. Всѣ они на одно лицо, таковы: De Clumar, ancien Capitaine de Vaisseau (Natalie), Monsieur Delomer (La brouette du vinaigrier), Monsieur Dabelle (Jenneval) и др. Въ лицѣ фонвизинскаго Стародума подобный типъ перешелъ и къ намъ. Бесѣда Стародума съ Софьей („Недоросль" Д. IV, явл. 2) напоминаетъ разговоръ M. Dabelle'я съ его дочерью Lucie („Jenneval", Paris 1769, Acte I, Sc. 1).—Мерсье любитъ также выводить типъ почтеннаго старца изъ народа. Таковы Girau, labourer (Le juge), Dominique père (La brouette du vinaigrier) и др. — Типъ почтеннаго старца былъ очень распространенъ въ произведеніяхъ штюрмеровъ. Ср. Otto Brahm, Das deutsche Ritterdrama, Strassburg 1880, стр. 198—203.

67) Подобно Сенъ-Франку, Беллуа достигаетъ дворянства военной службой.

68) Таковы: Агата въ „Nathalie", Клари въ „Le Déserteur", Mademoiselle Delomer въ „La Brouette du vinaigrier" и т. д.

69) Ср. De Lys (L'Indigent), Valcour (Le déserteur), Jenneval въ пьесѣ того же названія, Le comte de Monrevel (Le juge) и др.

70) Такова развязка въ пьесахъ Le faux ami, La brouette du vinaigrier, Nathalie и т. д. „Дезертиръ" имѣлъ сначала трагическую развязку, но впослѣдствіи Мерсье передѣлалъ пьесу, придавъ ей благополучное окончаніе.

71) Almanach der deutschen Musen, 1778, стр. 43.

72) Anhang zu 25 — 36 B. der Allgem. deutsch. Bibliothek. II Abtheilung, 763—764.

73) Kontz, l. c. 151 сл.

74) Романъ Ленца Waldbruder былъ напечатанъ Шиллеромъ въ журналѣ Die Horen за 1797 г.

75) „Разбойники", стр. 56, 62, 63 (Полное собраніе сочиненій Шиллера, изд. 5-ое, Спб. 1875, т. II).

76) „Der tugendhafte Taugenichts" см. Dramatischer Nachlass von Lenz стр. 209 сл.

77) A. Kontz, Les drames de la jeunesse de Schiller, 207.

78) Шерръ, Шиллеръ и его время, М. 1875, стр. 98.

79) Dramatischer Nachlass, 213.

80) A. Kontz, l. c., 208—209; Dramatischer Nachlass, 209—210.

81) Clarke, Fielding und der deutsche Sturm und Drang. Freiburg i—B. 1897, стр. 91—92.

82) Фильдингъ, Томъ Джонсъ, пер. Кронеберга, стр. 558. A. Kontz, l. c. 209.

83) Dramatischer Nachlass, 214—225.

84) Ibidem, 225—230.

85) Ibidem, 211.

86) Ibidem, 210. Магистръ Лейпольдъ былъ членомъ Страсбургскаго литературнаго общества. Ср. Froitzheim, Zu Strasburgs Sturm — und Drangperiode, стр. 34, 41—42.

87) Ср. Dramatischer Nachlass, 209 сл.

88) Ibid., 232—237.

89) Clarke, l. c. 92—96.

90) Die Freunde machen den Philosophen. Eine Komödie. Lemgo, im Verlage der Meyerschen Buchhandlung. 1776. In 16°. 88 стр. Перепечатка въ изданіи Тика I, 211 сл.

91) Ulrichs (Deutsche Rundschau, Mai 1877, стр. 262).

92) 19 февраля 1776 г. Ленцъ послалъ свою комедію Бойе для печатанія. Jegór son Sivers, J. M. R. Lenz, Riga 1879, стр. 81.

93) L. Geiger, Ein Brief von Lenz an Lindau (Blätter für litterarische Unterhaltung, 1898, № 10, 145).

94) Die Freunde machen den Philosophen, изд. Тика, 222.

95) Ibid., 227.

96) Ibid., 231—232.

97) „Don Prado, der alles das ist, was ich seyn könnte—zu seyn hoffe—nie seyn werde — — —". Ibid., 234.

98) „Ach hinter dem süssen Schleier des Geheimnisses würden alle unsere Freuden, wenn es möglich wäre, noch einen höheren Reiz gewinnen, und es hat etwas Erhebendes für die Seele, Gott allein zum Zeugen einer Verbindung zu nehmen, die so ewig als er selber ist"—Ibid., 243.

99) Ibid., 243—244.

100) Ibid., 246—248.

101) Ibid., 251—252.

102) „O welche Wollust ist es, einen Menschen anzubeten"! Ib., 256.

103) Dramatischer Nachlass, 330.

104) Waldmann, Lenz in Briefen, 42.

105) Письмо Бойе къ Ленцу 8 марта 1776 г. См. Waldmann, Lenz in Briefen, 43.

106) Письмо Бойе къ Бюргеру 18 марта 1776. См. Waldmann, l. c., 44.

107) Almanach der deutschen Musen auf das Jahr 1777. Стр. 62—63.

108) Dramatischer Nachlass, 329—330.

109) Ibidem, 330.

110) Gruppe, Reinhold Lenz, 197 сл.

111) Stürmer und Dränger, II, стр. IX (изд. Kürschner'a).

112) Геттнеръ, нѣмецкая литература XVIII в. III, I, стр. 220; Bayer, Von Gottschei bis Schiller, Prag 1869, II, 114 и др.

113) Sauer, Stürmer und Dränger II, стр. IX; Ulrichs, Etwas von Lenz (Deutsche Rundschau, Mai 1877, стр. 262) и др.

114) Ср. Приложеніе С. П. Вопроса о бракѣ Ленцъ касается также въ книгѣ „Philosophische Vorlesungen für empfindsame Seelen".

115) Отзывъ Шредера вызываетъ недоумѣніе у Тика (Предисловіе къ изданію сочиненій Ленца, CXXIII и Э. Шмидта (Lenz und Klinger, 30). Оно разрѣшается даннымъ выше объясненіемъ.

116 Такъ вполнѣ основательно думаетъ Вейнгольдъ (Dramatischer Nachlass, 332).

117) „Der Engländer", изд. Тика, I, 336.

118) Gruppe, R. Lenz, 180—192.

119) Dramatischer Nachlass, 244 сл.

120) Таковы сцены 3—11.

121) Dramatischer Nachlass, 247.

122) Ibid., 249.

123) Ibid., 254—256.

124) Ibid., 253.

125) Ibid., 244.

126) Ibid., 259.

127) Ibid., 264.

128) Ср. рецензію Э. Шмидта на Dramatischer Nachlass изд. Вейнгольда въ Allgemeine Zeitung 1884. Beilage № 290—291.

129) Dramatischer Nachlass, 294.

130) Ibid., 276.

131) Ibid., 284—291.

132) См. гл. XIII и XV. — Въ совершенно незначительныхъ отрывкахъ сохранились драматическіе наброски и планы слѣдующихъ произведеній: 1) трагедіи „Каролина" (Dramatischer Nachlass, 301 — 302), 2) исторической пьесы „Баккалавры"; повидимому, изъ жизни Абеляра (Ibid., 302 — 303); 3) трагедіи „Пирамъ и Тизбе" (Ibid., 306) и 4) комедіи безъ заглавія (Ibid.).

КЪ ГЛАВѢ XII.

1) См. приложеніе В. № 8. Ср. Froitzheim, Lenz und Goethe, 29.

2) Pandaemonium Germanicum, изд. Думпфа, Nürenberg 1819, стр. 20.

3) См. Dritte Wahlfahrt nach Erwins Grabe въ нѣмецкомъ переводѣ книги Мерсье: „Neuer Versuch" и т. д. стр. 499—500.

4) Pandaemonium Germanicum, l. c. 20—21.

5) См. приложеніе В. № 7 *(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).*

6) Aus Herders Nachlass, № I, 240.

7) См. приложеніе В. № 1 *(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).*

8) Rieger, Klinger in der Sturm und Drangperiode, стр. 143.

9) Ср. письмо Агнесы Клингеръ къ Кейзеру 19 мая 1776. Ibid., 143.

10) Письмо Ленца къ Лафатеру, Dorer-Egloff, l. c. 162.

11) Письмо Ленца къ „живописцу" Мюллеру см. Sauer, Stürmer und Dränger II, стр. XIII.

12) Froitzheim, Lenz und Goethe, 106.

13) Dorer-Egloff, l. c., 160.

14) Ibid., 161—162.

15) Qu'allez Vous faire trop aimable et charmante Baronne! epouser un homme qui n'est pas à portée de Vons, qui n'est pas en état de Vous apprécier, sacrifier jeunesse beauté graces talens richesses tout tout a une amie qui peut être ne sait estimer que le dernier et le plus vil de ces rares avantages". *По рукописи Рижской Городской Библіотеки.* Ср. Froitzheim, Lenz und Goethe, 106—107.

16) Düntzer, Des Dichters Iakob Lenz Flucht von Strassburg an den Weimarer Hof (Westermann's illustrierte deutsche Monats-Hefte. 74 Band Mai 1893).

17) Письмо Гёте къ г-жѣ Штейнъ 5 апр. 1776 г. (Schöll, Goethes Briefe an Frau von Stein, I, 29).

18) Gedichte von Lenz, XVI.

19) Dorer-Egloff, l. c. 197. На рукописи имѣется дата, пропущенная издателемъ, ibid. 193.

20) Wagner, Briefe an und von Merck, II, 51—53.

21) Письмо Ленца къ Циммерману 15 марта 1776. Aus Herders Nachlass, II, 364.

22) Ibidem, I, 238.

23) „In Teutschland ist mir in Weymar vorzüglich wohl worden. Der Herzog ist ein herrlicher Junge, beide Herzoginnen, Mutter und Frau, sind zween Engel. Unser lieber Wolf lebt dort herrlich und in Freuden, wird von allen geliebt, ist sogar ein Herzensfreund von Wieland... Ich komme dorthin als Kammerherr, zwar traurig meine Geschwister u. ein Hand voll Freunde zu verlassen aber froh das knechtische Dänemark mit meinem lieben Vaterlande zu vertauschen. Unsern treuen Wolf hoffe ich oft zu sehn". *По рукописи Рижской Городской Библіотеки.* Думпфъ напечаталъ письмо въ своемъ изданіи Pandaemonium Germanicum (1819) не точно и съ пропусками.

24) Düntzer, Westermanns illustrierte Monats-Hefte, Mai 1893.

25) Froitzheim, Lenz und Goethe, Stuttgart, 1891, стр. 26 сл.

26) Froitzheim, l. c. 32—33.

27) 10 апрѣля 1776 г. Aus Herders Nachlass II, 369.

28) Dorer-Egloff, l. c. 199—200.

29) Sauer, Stürmer und Dränger (Kürschner) II, стр. XIII—XIV.

30) Sivers, J. M. R. Lenz etc. Riga 1879, стр. 90. „Es geht Goethen frei-

lich sehr wohl hier wie auch mir jetzt. Sobald ich aus dem lieben Strudel der mich fast bis zur Betäubung umdreht zu mir selber kommen kann, schreibe ich ihm" (Циммерману). *(По рукописи Берлинской Королевской Библіотеки).*

31) Письмо Изелина къ Фрею 13 мая 1776 г. Waldmann, Lenz in Briefen, 53.

32) Dorer-Egloff, l. c. 199. „Живописца" Мюллера Ленцъ проситъ прислать въ Веймаръ его трагедію „Golo und Genofeva", которую онъ (т. е. Ленцъ) „обѣщалъ прочесть герцогу". Sauer, Stürmer u. Dränger, II, стр. XIII. „Der Herzog und der ganze Hof lesen Ihr Musäum mit vieler Liebe"—писалъ Ленцъ Бойе въ апрѣлѣ, имѣя въ виду журналъ „Deutsches Museum". *(По рукописи Берл. Кор. Библіотеки).*

33) Письмо Ленца Кейзеру 7 іюня 1776 г. *(Рукопись Берл. Корол. Библ.).* № 234. Ср. Briefe aus der Sturm—und Drangperiode въ журналѣ Die Grenzboten, Leipzig 1870, II Band, 457.

34) Gedichte von Lenz, 190.

35) Ibidem, 193.

36) Ibidem, 192.

37) Leopold Wagner, Verfasser des Schauspiels von neun Monaten im Wallfischbauch. Eine Matinee. Gedichte von Lenz, 218—219. Эта сатирическая шутка вызвана тѣмъ, что Вагнеръ свою пьесу „Дѣтоубійца" снабдилъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Der Schauplatz ist in Strassburg, die Handlung währt neun Monate". Ibid., 309—310.

38) *По рукописи Рижской Городской Библіотеки.* Ср. Froitzheim, l. c. 31.

39) Письмо относится къ маю 1776 г. Waldmann, Lenz in Briefen, 53.

40) Froitzheim, Lenz und Goethe, II Beilage, 115.

41) Aus Herders Nachlass I, 242.

42) Dorer-Egloff, l. c. 201—202.

43) Fragment aus einer Farce, die Höllenrichter genannt, einer Nachahmung der Βατραχοι des Aristophanes. Gedichte, 199—200.

44) Первые наброски „Фауста" Гёте относятся къ 1774—1775 годамъ. Ср. I. Collin, Goethes Faust in seiner ältesten Gestalt. Frankfurt a. M. 1896, стр. 271, Насколько популярна была тема о Фаустѣ при веймарскомъ дворѣ въ 1776 г., видно изъ письма Мерка къ Ленцу. См. приложеніе В. № 7, стр. 38.

45) Böttiger, Weimarisches Geniewesen, 1791, I. Falk, Goethe aus persönlichen Umgange dargestellt. Ср. Gruppe, R. Lenz, 41—44. Карамзинъ такъ разсказываетъ этотъ эпизодъ: „Однажды явился онъ на придворный балъ въ доминѣ, въ маскѣ и въ шляпѣ, и въ ту минуту, какъ всѣ обратили на него глаза и ахнули отъ удивленія, спокойно подошелъ къ знатнѣйшей дамѣ и звалъ ее танцовать съ собою. Молодой герцогъ любилъ фарсы и радъ былъ сему забавному явленію, которое доставило ему удовольствіе смѣяться отъ всего сердца; но чиновные господа и госпожи, составляющіе Веймарскій дворъ, думали, что дерзостному Ленцу надлежало за то по крайней мѣрѣ отрубить голову". (Письма русскаго путешественника, Веймаръ, іюля 22 [1789]).

46) Schöll, Goethes Briefe an Frau von Stein I, 33.

47) „Wir machen des Teufels Zeug, doch ich weniger als der Bursche der nun

ein herrliches Drama auf unsern Leib schreibt". Письмо Гёте къ Мерку. Archiv für Litteraturgeschichte VI, 542.

48) Wagner, Briefe von und an Merck. 1838, II, 66. Почти одновременно Виландъ писалъ Якоби: „Ленцъ еще здѣсь; славный юноша: каждый день неизмѣнно выкидываетъ глупости и затѣмъ самъ дивится на нихъ, какъ гусыня, снесшая яйцо". Waldmann, Lenz in Briefen, 53. Также выражается Виландъ въ письмѣ къ Мерку 27 мая. Wagner, l. c. II, 68.

49) Въ письмѣ къ Кейзеру 12 іюня 1776 г. Ленцъ говоритъ о предстоящемъ ему отъѣздѣ въ деревню. Rieger, Klinger in der Sturm—und Drangperiode. Darmstradt 1880, стр. 387.

50) K. Weinhold, Ein Brieflein Goethes an Lenz (Chronik des Wiener Goethevereins 1887, I, 27).

51) Записки Филиппа Зейделя къ Ленцу сохранились въ Рижской Городской Библіотекѣ. Приведемъ одну изъ нихъ: „Der Herr Geh. Leg. Rath (т. е. Гёте) lässt sie vielmals grüssen... auch schickt er Ihnen hier 2 versiegelte Bouteillen Wein... Die verlangte Bücher sind nicht in der Bibliothek. Kann mann sie aber sonst auftreiben, so erhalten Sie sie nächstes mal. Die Wasche besorg ich, und auch die Laube (разумѣется пьеса Ленца) auf kommenden Mitwoch. Von Briefen ist nichts hier. Ich habe nach Citronen geschickt... Hier sind drei. Es freut mich sie sind recht schön. Der eingeschlagene Brief und das Paquet gehen nächsten Posttag nach Strassburg ab. Ich bin ihr herzlicher Diener Philip".

52) K. Weinhold, Ein Brieflein Goethes an Lenz, l. c., 27.

53) „Er lebt noch immer in seiner Camera Obscura zu Berka und macht nur alle 3—4 Wochen eine kurze Erscheinung bei uns". Письмо Виланда къ Мерку 9 сентября 1776 г. Wagner, Briefe an und von Merck, 1838, I, 95 сл.

54) Письмо къ Мерку 24 іюля 1776. Wagner, l. c. I, 94.

55) Goethes Tagebücher der sechs ersten Weimarischen Jahre (1776—1782) Hrsg. von H. Düntzer Leipzig 1889, стр. 41. „Er (Lenz) hat sublimiora gefertigt". Письмо Гёте къ Мерку 16 сентября 1776 г. См. Wagner, l. c. I, 98.

56) Ср. Вейнбергъ, поэтъ періода „бури и натиска" (Книжки Недѣли, 1892, іюня, 14).

57) Dramatischer Nachlass, 113 сл.

58) „Der Waldbruder". По небрежности Тикъ не помѣстилъ этого романа въ свое изданіе сочиненій Ленца. Dorer-Egloff впервые перепечаталъ романъ (J. M. R. Lenz und seine Schriften, Baden 1857, стр. 92—130). Новыя изданія сдѣланы Зауеромъ (Stürmer und Dränger, II, 177 сл.), Вальдбергомъ (J. M. R. Lenz Der Waldbruder. Ein Pendant zu Werthers Leiden. Neu zum Abdruck gebracht und eingeleitet von Dr. Max von Waldberg. Berlin 1882) и Фройтцгеймомъ (Lenz und Goethe, Stnttgart 1891, стр. 70—103).

59) Переписку Гёте съ Шиллеромъ по поводу этого романа см. Briefwachsel zwischen Schiller und Goethe. 4 Auflage Stuttgart 1881, I Nr. 267, 273, 274.

60) Полное заглавіе: Der Waldbruder, ein Pendant zu Werthers Leiden, von dem verstorbenen Dichter Lenz.

61) Вальдбергъ въ упомянутомъ изданіи романа Der Waldbruder, стр. 47 сл.

62) Герой романа Герцъ имѣетъ болѣе сходства съ Сенъ-Прё, чѣмъ съ Вертеромъ, приподнятою страстностью всего своего существа. Кромѣ того, между нимъ и графиней Стеллой такая же соціальная бездна, какъ между героемъ и героиней „Новой Элоизы". Соціальное различіе далеко не играетъ такой роли въ „Вертерѣ".

63) Der Waldbruder, изд. Sauer'a, стр. 204.

64) Ibidem, 204—205.

65) Ibidem, 206.

66) Ibidem, 207.

67) Ibid., 189.

68) Ibidem, 177.

69) Ibidem, 179.

70) Ibidem.

71) Ibid., 182.

72) Ibid., 186.

73) Ibid., 193.

74) Ibid., 209.

75) Der Waldbruder, изд. Вальдберга, 12 сл. Froitzheim, Lenz und Goethe, примѣчанія къ роману.

76) Dorer-Egloff, l. c. 201 сл.

77) Froitzheim, Lenz und Goethe, 77.

78) Она была въ хорошихъ отношеніяхъ съ Гёте и Виландомъ. Мемуары ея были изданы ея внукомъ въ 1857 г. подъ заглавіемъ Mémoires de la madame baronne d'Oberkirch.

79) Der Waldbruder, изд. Вальдберга, 40—41.

80) K. Weinhold, Chronik des Wiener Goethevereins 1887, I, 27. E. Schmidt, Lenz und Klinger, 47.

81) „Ich lebe glücklich wie ein Poet, das will bei mir mehr sagen, als glücklich wie ein König. Man nötigt mich überall hin und ich bin überall willkommen, weil ich mich überall hinzupassen und aus allem Vorteil zu ziehen weiss. Das letzte muss aber durchaus sein, sonst geht das erste nicht. Die Selbstliebe ist immer das, was uns die Kraft zu den andern Tugenden geben muss, merke Dir das, mein menschenliebiger Don Quischotte! Du magst nun bei diesem Worte die Augen verdrehen, wie Du willst, selbst die heftigste Leidenschaft muss der Sebstliebe untergeordnet sein, oder sie verfällt ins Abgeschmackte und wird endlich sich selbst beschwerlich". Der Waldbruder, изд. Зауера, 182. „Mein Epukureismus führt doch wahrhaftig weiter, als Dein tolles Streben nach Luft und Hirngespinsten". Ib. 183 и мн. др.

82) E. Schmidt, Lenz und Klinger, 47.

83) Въ этомъ согласны всѣ критики, писавшіе о романѣ.

84) Герцъ является въ Германіи иностранцомъ: онъ русскій уроженецъ. Онъ живетъ уроками, маленькаго роста, питаетъ страсть къ военной карьерѣ и т. д. Ср. Der Waldbruder, изд. Вальдберга, стр. 21—22.

85) Froitzheim, Lenz und Goethe „Der Waldbruder", изд. Sauer'a, стр. 179—180.

86) Dorer-Egloff, l. c. 162 и др.

87) Ср. „Der Waldbruder“, изд. Вальдберга, стр. 26.

88) „Der Waldbruder“, изд. Зауера, стр. 185.

89) Въ „Вертерѣ“ всѣ письма исходятъ отъ героя. Въ „Отшельникѣ“ переписывается между собою нѣсколько лицъ, характеристика которыхъ должна была найти отраженіе въ стилѣ писемъ. Ленцъ счастливо преодолѣлъ трудности своей задачи.

90) Froitzheim, Lenz und Goethe, 49.

91) Der Waldbruder, изд. Вальдберга, 39 сл.

92) E. Schmidt, Lenz u. Klinger, 48. По мнѣнію Dorer-Egloff'a (l. c., 159), романъ долженъ былъ оканчиваться сумасшествіемъ Герца.

93) Письмо гр. Штольберга Ленцу 3 февраля 1776 г. изъ Копенгагена. Pandaemonium Germanicum, изд. Думпфа 1819 г., стр. 9 сл.

94) Ibidem.

95) Dorer-Egloff, l. c. 190.

96) Pandaemonium Germanicum, изд. Думпфа, стр. 9.

97) См. Приложеніе В. № 6. Въ письмѣ къ m-elle Koenig Ленцъ называетъ Виланда „un des premiers hommes de notre siècle“. Froitzheim, Lenz und Goethe, 108.

98) Wagner, Briefe an und von Merck, 1838, I, 95 сл.

99) Оригиналъ письма находится въ Рижской Городской Библіотекѣ. Думпфъ напечаталъ его въ своемъ изданіи Pandaemonium Germanicum (1819 г.).

100) „Tugend ohne Widerstand—продолжаетъ Ленцъ—ist keine, so wenig als einer sich rühmen darf, reiten zu können, wenn er nie auf etwas anderm, als einem Packpferd gekommen. Eine solche furchtsame, träge, ohnmächtige Tugend ist bey der ersten Versuchung geliefert“. *(По рукописи Риж. Гор. Библіотеки.* Думпфъ передаетъ текстъ не совсѣмъ точно). Сохранившійся въ той же библіотекѣ отрывокъ Ленца подъ заглавіемъ Ueber Wielanden, повидимому, есть черновой набросокъ письма къ гр. Штольбергу.

101) Gedichte von Lenz, 205 сл., 307—308.

102) Ср. отмѣтки Гёте въ его „Дневникѣ“ (Gœthes Tagebücher, изд. Дюнцера, Leipzig 1889, стр. 20—39). Матери Гёте и его сестрѣ Корнеліи Ленцъ послалъ описаніе сада Гёте въ стихахъ. Ср. письма: первой къ Клингеру 26 мая 1776 г. и второй къ Г-жѣ Штейнъ іюнь 1776 г. Waldmann, Lenz in Briefen, 56 и 59.

103) Goethes Tagebücher, 40.

104) Ibidem.

105) Письмо 30 августа 1776 г. Waldmann, l. c. 60.

106) Goethes Tagebücher, 41.

107) Письмо къ Зальцманну 23 октября 1776 г. Stöber, Der Dichter Lenz und Friedericke von Sesenheim, Basel 1842, стр. 83.

108) Goethes Tagebücher, 49.

109) Stöber, l. c. 84.

110) Goethes Tagebücher, 51.

111) Kahlert, Lenz und Charlotte v. Stein („Deutsches Museum“ Hrsg. von R. Prutz. 1861. Juli-December. Стр. 821).

112) „I feal'd all'my faculties hightend by your presence and thought myself a superior being, as i was sure to prove so, near the influences of your genius in all that i did undertake of. (Ibidem). Нѣмецкій набросокъ см. въ книгѣ Дюнцера: Charlotte von Stein, Goethes Freundin. Stuttgart 1874, II Band стр. 534—535. Оно заключается тамъ: „Nur so viel bleibt mir davon übrig, dass mir die Gegenwart im Vergleich mit der Vergangenheit als der Gipfel aller Pein scheint“.

113) „I beg a thousand times your pardon, dear Madam! for having leav'd Weym. without taking leave from gour grace“—говоритъ Ленцъ въ началѣ упомянутаго письма.

114) Такъ говоритъ самъ Гёте въ „Wahrheit und Dichtung“. Кн. XIII. Русскій переводъ, т. VIII, стр. 368.

115) Max Rieger, Klinger, l. c. 156, 164—174.

116) Goethes Tagebücher, 55.

117) О веймарскомъ крушеніи Ленца писано много. Ср. Dorer-Egloff, l. c. 169—171; Gruppe, l. c. 129—144; Froitzheim, Lenz und Goethe, 46 сл. и мн. др.

118) Карамзинъ, собиравшій на мѣстѣ свѣдѣнія о жизни Ленца въ Веймарѣ, замѣчаетъ: „За всѣмъ тѣмъ его терпѣли въ Веймарѣ, а дамы находили пріятнымъ. Но Гёте наконецъ съ нимъ поссорился и принудилъ его выѣхать изъ Веймара“ (Письма русскаго путешественника, Веймаръ, 22 іюля [1789]).

119) Froitzheim, Lenz und Goethe, 62.

120) Aus Herders Nachlass, I, 245.

121) Ibid., 244.

122) Вѣрность этого предположенія всего болѣе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ г-жа Штейнъ на письмо Ленца отвѣчала подъ диктовку Гёте. Ср. ниже гл. XIV.

123) Goethes Tagebücher, 55.

124) Ibid., 56.

125) Письмо Виланда къ Мерку 15 февраля 1778 года. Wagner, Briefe an und von Merck, I, 123—124.

126) Главныхъ обвиненій противъ Ленца Гёте выставляетъ три: 1) Ленцъ издалъ его Götter, Helden und Wieland для того, чтобы повредить его отношеніямъ къ Виланду; 2) Ленцъ представился влюбленнымъ въ Фридерику Бріонъ для того, чтобы выманить у нея его, Гёте, письма и 3) Ленцъ сказалъ явную ложь, утверждая, что его Anmerkungen übers Theater были написаны за два года до появленія Uber deutsche Art und Kunst и „Геца“ (1773). О первомъ и второмъ обвиненіяхъ см. ниже пр. 130, о третьемъ стр. 581.

127) Pandaemonium germanicum, изд. Думпфа, стр. 19—21.

128) Dorer-Egloff, l. c. 147—159.

129) Gruppe, R. Lenz, 354 сл.

130) Max Winkler, Lenz and Goethe („Modern Language Notes“ Baltimore 1894 vol. IX № 22, стр. 65—78). Еще Dorer-Egloff, l. c. 147—159, указавъ, что Гёте, обвиняя Ленца въ томъ, что онъ представился влюбленнымъ въ Фри-

дерику для того, чтобы выманить у нея его письма, смѣшалъ два посѣщенія Ленцемъ Фридерики—въ 1772 и 1778 г. Только во второмъ случаѣ, когда дружба его съ Гёте нарушилась и когда сумасшествіе уже овладѣло имъ, Ленцъ могъ добиваться у Фридерики писемъ Гёте; ничего подобнаго не могло быть въ 1772 г., и Ленцъ, какъ мы знаемъ, не прикидывался влюбленнымъ, а дѣйствительно былъ влюбленъ въ Фридерику. Разсказъ послѣдней при свиданіи съ Гёте въ 1779 г. относился, очевидно, къ послѣднему посѣщенію Ленца. Доводы Дорера подтверждаетъ и Уинклеръ. Что касается до напечатанія фарса Götter, Helden und Wieland, то не можетъ быть никакой рѣчи, чтобы Ленцъ преслѣдовалъ при этомъ какія-нибудь враждебныя Гёте цѣли. Мы знаемъ, съ какою горячностью бросился Ленцъ въ литературную борьбу съ Виландомъ; неудивительно, что талантливый фарсъ Гёте являлся превосходнымъ подспорьемъ въ борьбѣ, которой сочувствовалъ весь кружокъ „бурныхъ геніевъ“. Кромѣ того, изданіе фарса произошло не менѣе, какъ за годъ до приглашенія Гёте въ Веймаръ и, слѣдовательно, въ расчеты Ленца не могло входить повредить веймарскимъ отношеніямъ своего друга, которыхъ еще не существовало.—Болѣе тяжкимъ обвиненіемъ противъ Ленца является одинъ драматическій набросокъ, который можно назвать настоящимъ пасквилемъ на Гёте, если только справедлива догадка проф. Вейнгольда, что подъ буквами Gth. рукописи разумѣется именно Гёте. Онъ напечатанъ проф. Вейнгольдомъ въ Dramaticher Nachlass, стр. 273—275. Это сцена между двумя друзьями, названными L. и Gth. Второй разсказываетъ первому о своемъ путешествіи изъ Англіи въ Италію черезъ Францію въ крайне беззастѣнчивомъ тонѣ: въ Парижѣ онъ получаетъ деньги по подложному чеку отца, настолько высокомѣренъ, что извѣщаетъ самого Руссо о своемъ пріѣздѣ и ждетъ его визита, хвастается тѣмъ, что сдѣлался сенаторомъ въ Генуѣ и т. д. Если подъ буквами Gth. разумѣется дѣйствительно Гёте, то эту сцену нельзя признать ничѣмъ инымъ, какъ грубою и непростительною выходкою. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что сходства между настоящимъ Гёте (даже такимъ, какимъ онъ изображенъ въ „Отшельникѣ“) и выведеннымъ здѣсь аферистомъ и искателемъ приключеній такъ мало, что представляется въ высшей степени сомнительнымъ, чтобы Ленцъ здѣсь вполнѣ сознательно мѣтилъ на своего великаго друга. Но если Гёте здѣсь и имѣется въ виду, то, во всякомъ случаѣ, сцена эта могла быть написана Ленцемъ только въ минуту раздраженія въ концѣ веймарскаго пребыванія или послѣ постигшей его катастрофы, а никоимъ образомъ не въ 1775 г., какъ думаетъ проф. Вейнгольдъ (Ibid., 267). Означенную сцену издатель приводитъ въ связь съ неоконченной пьесой Ленца „Zum Weinen oder Weil ihrs so haben wollt“ (Ibid., 268—272), но въ существованіи этой связи можно сомнѣваться. Въ планѣ пьесы, несомнѣнно, замѣтны автобіографическія черты: здѣсь затронуты отношенія Ленца (L.) и Гете (Gth.) къ Фридерикѣ (B.) и къ другой неизвѣстной женщинѣ, скрывающейся подъ буквой G. (проф. Вейнгольдъ думаетъ, что надо разумѣть Генріетту Вальднеръ; Фройтцгеймъ-франкфуртскую знакомую Гёте—Gerock. „Lenz und Goethe“, 15). По обычаю Ленца, дѣйствительно пережитые факты тонутъ въ массѣ вымышленнаго и предполагаемаго.

КЪ ГЛАВѢ XIII.

1) Goethes Tagebücher, изд. Дюнцера 1889 г., стр. 56.

2) Stöber, J. G. Röderer, Colmar 1874, стр. 168.

3) Gedichte von Lenz, XVII.

4) Aus Herders Nachlass I, 246.

5) Письмо къ Гафнеру изъ Эммендингена въ декабрѣ 1776 г. См. Froitzheim, Zu Strassburgs Sturm—und Drangperiode. 1888. Стр. 53 — 54. Оригиналъ въ Рижской Городской Библіотекѣ.

6) Ibidem.

7) Письмо Пфеффеля къ Саразину 24 января 1777 г. Waldmann, l. c. 66. Аккуратный Пфеффель имѣлъ обыкновеніе вписывать въ особую книгу имена всѣхъ своихъ посѣтителей. Подъ № 33 у него значится: Mr. Lenz, homme de lettres 1777. См. Pfannenschmid, G. K. Pfeffel's Fremdenbuch etc. Colmar 1892, стр. 35.

8) Пфеффель упоминаетъ „ein Gedichtchen, das er hier geboren hat“. Письмо Пфеффеля къ Саразину. Waldmann. l. c. 66.

9) Gedichte von Lenz, 221—223.

10) „Der Landprediger“. Разсказъ былъ помѣщенъ въ журналѣ Бойе Deutsches Museum за 1777 годъ. Перепечатанъ въ изданіи Тика III, 91 сл.

11) C. Heine, Der Roman in Deutschland von 1774 bis 1778. Halle 1892, стр. 42.

12) Weinhold, Gedichte von Lenz, XVIII, также E. Schmidt, Lenz u. Klinger, 46.

13) Со всѣми названными лицами Оберлинъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ.

14) Der Landprediger, изд. Тика, 93—98.

15) Ibid., 93.

16) Ibid., 102—103.

17) Ibid., 105.

18) Ibid., 118.

19) Ibid., 117.

20) Ibid., 123.

21) Ibid., 130.

22) Ibid., 124.

23) Ibid., 131.

24) Ibid., 132 сл.

25) Письмо Кютнера къ Бертуху 22 марта 1779. Waldmann, l. c. 67.

26) Письмо Шлоссера къ Редереру 5 мая 1777. Ibid., 68.

27) Письмо Кютнера къ Бертуху 11 мая 1777. Ibid., 68.

28) Сохраняется въ Lenziana Рижской Городской Библіотеки.

29) Gedichte von Lenz, № 93, 1 и 2. Первоначально эти стихотворенія были

напечатаны въ изданіи „Jupiter und Schinznach. Drama per Musica. Nebst einigen bey Versammlung ob der Tafel recitirten Inpromptus“ 1777.

30) Ibidem.

31) Gedichte von Lenz, 225—226.

32) Письмо Ленца къ женѣ Саразина изъ Цюриха 2 іюня 1777. Dorer-Egloff, l. c. 210.

33) Ср. предыдущее письмо, ib. 209 и письмо Ленца къ Саразину, ib. 208—209.

34) Письмо Ленца къ Лафатеру 14 іюня 1777. Dorer-Egloff, l. c. 204.

35) Ibidem.

36) Ibidem, 204. Письмо Ленца къ Лафатеру отъ 24 іюня. (Такъ въ оригиналѣ; Dorer-Egloff напечаталъ по ошибкѣ 24 Juli. Ibid.).

37) Ibid., 204 и 216.

38) Письмо Ленца къ Саразину и его женѣ. 10 іюля 1777. Ibidem, 217—218.

39) Ibid., 217.

40) Ibidem, 224.

41) Письмо Ленца къ Лафатеру 7 августа 1777. Ibidem, 205.

42) Ibidem, 222.

43) Ibid., 220. Письмо къ Саразину отъ 16 сентября 1777.

44) Ibidem, 225. Письмо къ женѣ Саразина 28 сентября 1777.

45) Ibidem, 229 сл.

46) Ibidem, 232—237.

47) Письмо къ Саразину 10 октября 1777. Dorer-Egloff, l. c. 225—226.

48) Письмо Ленца къ Саразину № 11. DorersEgloff, l. c. 228.

49) Ibidem. Письмо, помѣченное Schloss Hegi den 17. Nov. 1777. Dorer-Egloff печатаетъ по ошибкѣ 17 Sept.

50) Ibidem.

51) Письмо Ленца изъ Винтертура 12 декабря 1777. Ibidem., 238.

52) Dorer-Egloff, 222.

53) Ibid., 225.

54) Ibid., 226.

55) „Die Demuth“. Gedichte von Lenz, 228—231.

56) „Hymne“, Ibid., 232—234.

57) Ibid., 235—236.

58) Anwand, Beiträge zum Studium der Gedichte von Lenz, 115—117.

59) Gedichte von Lenz, 237—238.

60) „Die verlorne Augenblick, die verlorne Seeligkeit“. Eine Predigt über den Text: die Malzeit war bereitet, aber die Gäste waren ihrer nicht werth. Gedichte von Lenz, 41—42. Было сдѣлано много попытокъ пріурочить это стихотвореніе къ опредѣленному моменту жизни Ленца. Одни (напр. Froitzheim, Lenz, Goethe und Cleophe Fibich, 66) считали стихотвореніе выросшимъ на почвѣ любви къ страсбургской Араминтѣ, другіе (напр. Вейнгольдъ, Gedichte von Lenz, 280) сближали съ разсказомъ въ Moralische Bekehrung eines Poeten (Goethe-Jahrbuch X, стр. 53) и, слѣдовательно, приводили въ связь съ любовью Ленца къ Кор-

нелін Шлоссеръ, третьи, наконецъ (напр. П. Вейнбергъ въ журн. Книжки недѣли 1892, іюнь, 24) видѣли въ немъ описаніе какого-то эпизода во время веймарской жизни поэта, эпизода, который будто бы и былъ причиною изгнанія его изъ Веймара.

61) Gedichte von Lenz, 161.

62) Ibidem, 195.

63) Ibidem, 89.

64) Ibidem, 146—148, 235 сл.

65) Ibidem, 238.

66) Ibid., 121.

67) Къ недостаткамъ стихотвореній Ленца относятся: извѣстная реторичность, невыдержанность, небрежность въ формѣ, нерѣдкое отсутствіе художественной цѣльности и иной разъ смутность содержанія.

68) Нѣкоторыя стихотворенія Ленца и по формѣ напоминаютъ „пѣсни" Гейне.

69) Dramatischer Nachlass, 134.

70) Froitzheim, Lenz, Goethe und Cleophe Fibich, 63—64.

71) „Vielleicht schreibe ich in dem ersten Augenblick wahrer Erholung eine *Catharina von Siena* mit ganzem Herzen — die schon in meiner pia mater fertig, aber noch nicht geschrieben ist". Wagner, Briefe an und von J. H. Merck. II, Darmstadt, 1838. Стр. 51—53. О датѣ письма ср. Gedichte von Lenz, 272.

72) Ср. письмо Редерера Ленцу 23 мая 1776 г. Froitzheim, Lenz und Goethe, 113.

73) Dramatischer Nachlass, 135.

74) Dramatischer Nachlass, 144—190.

75) Ibidem, 134—135.

76) Напечатаны въ книгѣ Dorer-Egloff'a, стр. 210 сл.

77) Baltische Monatschrift 1899, April, 303. Письмо Думпфа Тику 1820 г.

78) Dramatischer Nachlass, 135.

79) Ibidem, 187—188.

80) Ibidem, 137.

81) Ibidem, отрывки 10—11—15.

82) Ibidem, 177—179.

83) Ibidem, 180.

84) Ibid., 183.

85) Ibid., 188.

86) „Hierauf erscheint ihr ein Mönch, auch der Teuffel unter seinem Bilde, dann Christus selbst" Ibid., 190.

87) Ibid., 173—177.

88) Ibid., 177.

89) Тогда какъ редакціи А и С тѣсно связаны между собою по содержанію, редакція В стоитъ особнякомъ, отличается совсѣмъ инымъ замысломъ и, повидимому, имѣетъ въ себѣ нѣкоторые отголоски пережитаго Ленцемъ романа съ Араминтой, т. е. Клеофой Фибихъ.

90) Dramatischer Nachlass, 185 — 186. E. Schmidt въ Allgemeine Zeitung. 1884. Beilage № 290—291.

91) E. Schmidt, ibidem.

92) Фройтцгеймъ и эту пьесу ставитъ въ связь съ впечатлѣніями Ленца отъ Клеофы Фибихъ. Lenz und Goethe, 55.

93) Gesammelte Schriften von Lenz, III, 276 сл. Напечатанное Тикомъ въ прозаической формѣ это сочиненіе легко обнаруживаетъ свою стихотворную форму. Такъ напримѣръ:

Schaut so halt ich sie alle beisammen,
Wie den Berg und das strupfigte Thal,
All'in unterschiedlichen Flammen,
Unterschiedlicher Lust und Qual. (Стр. 279).
Wie die Sonne in dunkle Fluthen
Gern all ihren Glanz versenkt,
Bohrt das brennende Aug'im Guten,
Bis es all seine Rein dort ertränkt. (Стр. 280).

94) Waldmann, Lenz in Briefen, 76—77.

95) Ibid., 78.

96) *По рукописи Рижской Городской Библіотеки.*

97) Ср. Allgemeine Encyklopädie von Ersch und Gruber. 2-te Section, 43 Theil Leipzig 1889, 90.

98) „Allgemeine deutsche Biographie", ст. „Oberlin".

99) Пасторъ Оберлинъ оставилъ подробное описаніе пребыванія Ленца въ Вальдерсбахѣ. См. Stöber, Der Dichter Lenz etc. Basel 1842, стр. 11—31. Его описаніемъ воспользовался рано умершій нѣмецкій писатель Георгъ Бюхнеръ (братъ автора извѣстнаго сочиненія Stoff und Kraft) въ талантливомъ отрывкѣ повѣсти „Lenz". См. Georg Büchner's Sämmtliche Werke. Hrsg. Von K. E. Franzos, Frankfurt a. Main 1879, 205 сл. Жизнь Ленца послужила также сюжетомъ романа Wilhelm'a Bennecke: Reinhold Lenz. Eine Novelle. Leipzig 1871, стр. 237.

100) Waldmann, Lenz in Briefen, 78—79.

101) Stöber, l. c. 14.

102) Ibid., 29.

103) Письмо Пфеффеля къ Саразину 25 февраля 1778 г. Waldmann, l. c. 81

104) „Lenz schrieb uns erst heute von Emmendingen aus"—Пфеффель Оберлину 25 февраля 1778. Waldmann, l. c. 79.

105) Stöber, l. c. 31—32.

106) Max Rieger, Klinger in der Sturm—und Drangperiode, стр. 259. Копія съ этого письма имѣется въ перепискѣ Думпфа, хранящейся въ Рижской Городской Библіотекѣ.

107) Stöber, J. G. Röderer, 68.

108) Aus Herders Nachlass I, 220—221.

109) Stöber, J. G. Röderer, 69—70.

110) Ibidem, 70.

111) Письмо Пфеффеля къ Саразину 13 іюня 1778 г. Waldmann, l. c. 85.

112) Dorer-Egloff напечаталъ нѣсколько писемъ Ленца къ Саразину по поводу Конрада, стр. 241 сл.

113) Waldmann, l. c. 86.

114) Ср. письма Ленца къ Саразину 13 августа 1778 г. Dorer-Egloff, 244. Издатель по ошибкѣ относитъ это письмо къ 1777 г.

115) Ibidem, 245.

116) Aus Herders Nachlass I, 222.

117) Ibidem.

118) Waldmann, 91. Оригиналъ письма хранится въ Рижской Городской Библіотекѣ.

119) Waldmann, l. c. 93.

120) Ibidem.

121) Съ упомянутаго письма Ленца-отца къ Гердеру въ Рижской Городской Библіотекѣ сохранилась копія, сдѣланная Бокомъ въ его рукописи Aus Jakob M. R. Lenz's handschriftlichem Nachlasse, стр. 55 сл. Въ началѣ письма Ленцъ-отецъ извиняется за промедленіе съ отвѣтомъ на письмо Гердера и затѣмъ продолжаетъ: „Verzeihen Sie! Menschenfreund! Sie thun es, denn Sie sind: *Herder*: Nie habe die Ehre gehabt Ew. Hochwürd. jemals die geringste Gefälligkeit erzeigen zu können; aber Ihr edles, uneigennutziges, aufopferndes Herz ist nach Ihrem gütigsten Schreiben so voll zärtlichen Mitleides mit meinem unglücklichen Sohne, und so voll warmer Triebe, sein Unglück zu mildern und zu heben, dass ich mit Freudentränen der Versehung für einen so würdigen Gönner desselben gedankt habe, Sie hatten diesen meinen Benjamin nur flüchtig gesehen, nur von ihm gehöret und etwas gelesen; und siehe Ihr edles Herz sympathisirte sogleich mit dem seinigen. Es wünschte so eifrig sein Glück, als wären Sie sein zweyter Vater. Es ist wahr, das unbegreiflich traurige Schicksal dieses Lieblings unter meinen Söhnen, hat seiner nun schon vor $^3/_4$ tel Jahren in Gott ruhenden treuen Mutter (мать Ленца умерла въ іюлѣ 1778 г.; слѣдовательно письмо относится къ апрѣлю 1779 г.) und meinem Vaterherzen mehr als tödtliche Wunden geschlagen, aufs allertiefste geschlagen". Далѣе Ленцъ — отецъ благодаритъ Шлоссера и объясняетъ, почему онъ до сихъ поръ не позаботился о сынѣ; причиною служили: смерть жены, ея болѣзнь и дорогія похороны, выдача замужъ послѣдней дочери, высылка денегъ сыну, обучающемуся въ Іенѣ. Далѣе онъ благодаритъ герцога Веймарскаго за денежную помощь и затѣмъ продолжаетъ: „Und dieser mein armer Sohn, dem der Leidenskelch so voll eingeschenket worden, bricht mir vollends mein Herz in Stücken, so oft ich seiner gedenke". Если ему не суждено поправиться, то лучше уже онъ пусть умретъ: Wie willig, obgleich unter tausend Vatertränen, wollte ich diesen Isaak ihm (т. е. Богу) hinopfern. Письмо оканчивается новымъ изъявленіемъ благодарности Гердеру и его женѣ за сдѣланное ими по отношенію къ Якобу и за предложеніе взять на себя хлопоты по доставленію его на родину. Отклоняя съ сердечною благодарностью это предложеніе, Ленцъ—отецъ думаетъ, что Гердеру предстоятъ еще хлопоты при проѣздѣ его сына черезъ Веймаръ.

122) Письмо Карла Генриха Ленца къ Зальцманну 3 іюля 1779 г. Stöber, Der Dichter Lenz, 40.

123) Впослѣдствіи (въ 1816 г.) Карлъ Ленцъ, по просьбѣ Думпфа, сдѣлалъ подробное описаніе своего путешествія съ братомъ Якобомъ по Германіи и пріѣзда въ Ригу. См. Baltische Monatschrift April 1899: Zur Biographie des Dichters Jakob Lenz, 279—295.

КЪ ГЛАВѢ XIV.

---

1) Baltische Monatschrift 1899, April, 293 прим. 1.

2) Письмо Ленца къ Фридерикѣ Бріонъ изъ Петербурга 27 марта 1780. Falck, Friedericke Brion, 74—75.

3) Baltische Monatschrift 1899, April, 293.

4) Гаймъ, Гердеръ, I, 88.

5) Balt. Monatschrift, l. c. 294.

6) По разсказу Граве, Ленцъ провелъ два мѣсяца у своего зятя Пегау и затѣмъ отправился къ отцу въ Дерптъ. Письмо К. Петерсена къ Думпфу 12 декабря 1815 г. въ Рижской Городской Библіотекѣ.

7) Baltische Monatsehrift, l. c. 294.

8) Buchholtz, Wie sich Lenz und Voss um das Rektorat in Riga bewarben (Vossische Zeitung 1896, Sonntags-Beilage, 10).

9) Buchholtz, l. c.

10) Aus Herders Nachlass I, 222—223.

11) Ср. письмо Гаманна Краусу. Waldmann, Lenz in Brifen 95.

12) См. письма Шлегеля къ Гадебушу, Buchholtz, l. c.

13) Гаймъ, Гердеръ II, 14—15 прим. 4.

14) Buchholtz, l. c.

15) Wagner, Briefe an und von Merck II, 171. Ср. письмо Софіи Ларошъ тому же Мерку 30 октября. Wagner, I, 187—188.

16) Письмо герцогини Амаліи къ Мерку 4 ноября 1779 г. Wagner, I, 190.

17) Ср. Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahr 1888. Riga 1889, стр. 43—46 рефератъ Фалька: „Hat sich Lenz um eine Professur in St. Petersburg 1779 beworben".

18) Граве сообщаетъ: „Durch Graf Brown hatte man ihm eine Anstellung bey dem Kadetten-Korps in St.-Petersburg zugedacht mit 1200 R° Gehalt, als aber dieser erneuerte Etat der Kaiserin vorgelegt wurde, genehmigte sie ihn nicht, der grossen Kosten wegen" (Письмо Думпфа Петерсену 12 декабря 1815. *По рукописи Рижской Городской Библіотеки).*

19) Подпись гласитъ: „J. M. R. Lenz der mathematischen und schönen Wis-

senschaften Beflissener". Рукою Ленца-отца отъ 13 апрѣля 1781 г. помѣчено, что сто рублей уплачено имъ Беренсу.

20) Письмо къ Гадебушу, помѣченное Aya, d, 26 Fbr. 1780, см. Baltische Monatschrift 1899, April, 298.

21) Falck, Friedericke Brion, 74—76.

22) Находится въ Рижской Городской Библіотекѣ.

23) Waldmann, Lenz' Stellung zu Lavaters Physiognomik (Baltische Monatsschrift, 1893, стр. 496).

24) По рукописи Лафатеровскаго Архива въ Цюрихѣ. Ср. Waldmann, l. c. 495—496.

25) Въ промежуткѣ между Пасхой и Троицынымъ днемъ 1780 г. Ленцъ познакомился съ Николаи, который думалъ устроить его судьбу („auch hat er mir einige Vorschläge gemacht"). Письмо Ленца къ брату изъ Петербурга den 3-ten Pfingstag 1780. Ср. письмо Думпфа къ Петерсену 2 ноября 1815 г. въ Рижск. Город. Библіотекѣ.

26) „Ihr schweres Leiden mit Ihrem Herrn Sohn Jakob fühle gewiss mit Ihnen, wir haben alle Mühe angewandt, ihn aus Petersburg zu bringen.—Er ist nicht lasterhaft, aber wenn Er auch noch einmal so gelehrt und tugendhaft wäre, so ist es doch immer vor Petersburg nicht Freymütigkeit, nicht Anstand genug für Menschen, die nur das äusserliche Schein sehen und beurteilen können". *(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).*

27) Max Rieger, Klinger in seiner Reife, Darmstat 1896, 1—2.

28) Ibidem.

29) Ibid., 2.

30) Письмо Ленца къ Гадебушу изъ Олерсгофа въ концѣ ноября см. Baltische Monatschrift 1899, April, 299. Ср. также записку Ленца къ брату оттуда же (Риж. Гор. Библ.).

31) Baltische Monatschift 1899, April, 302 прим. 1.

32) Ср. письмо Марпурга къ Думпфу 10 ноября 1815 г. (Balt. Monatschrift, l. c., 296).

33) Ibidem.

34) Ср. письмо Ленца изъ Москвы къ пастору Бруннеру: „Dieses Fräulein war als ich Liefland verliess ungefähr 9 oder 10 Jahr alt, konnte also wenig sich meiner erinnern als ich nach mehr als 10 jähriger Abwesenheit wiederkam oder lieber nur durch Derpt nach Petersburg reisete". *(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).*

35) Baltische Monatschrift 1899, April, 296—297.

36) Waldmann, Lenz in Briefen, 102.

37) Ibidem.

38) Schöll, Goethes Briefe an Frau von Stein I, 340—341.

39) Buchholtz, l. c.

40) Baltische Monatschrift, 1893, стр. 485.

41) Gruppe, Lenz, 124 сл.

42) Beilage zur Allgem. Zeitung 1882, № 256, 13 September.

43) Baltische Monatschrift 1893, Ст. Вальдманна, стр. 496.

44) Gedichte von Lenz, № 103.

45) Ibidem, стр. 242—243.

46) Ср. вышеприведенное письмо Граве.

47) Baltische Monatschrift, 1899. April, 301.

48) Письмо Думпфа къ Петерсену 2 ноября 1815 г. (Рижская Город. Библіотека).

49) Rieger, Klinger in seiner Reife, 3.

50) См. приложеніе А. № 24, стр. 29.

51) Такъ разсказываетъ вдова пастора Ольдекопа. См. письмо Петерсена къ Думпфу 15 сентября 1815 г. (Рижская городская Библіотека). Возможно, что это мѣсто Ленцъ получилъ черезъ Бенкендорфа, вхожаго въ домъ генерала Бауера и знакомаго Ленца—отца. Такъ можно думать, судя по словамъ Ленца въ письмѣ отъ 10 апрѣля: Die Bekanntschaft des Hr. Obristen f. Benkendorf in dem Hause S. Excell. des General Bauer würde wich gereizt haben и т. д. (Приложеніе А. № 24). Возможно участіе въ этомъ дѣлѣ баронессы Фитингофъ, которую Ленцъ благодаритъ за какую-то оказанную ему услугу, а именно „великодушное посредничество" въ Петербургѣ и называетъ себя „осчастливеннымъ". (По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

52) Ср. Leben August von Kotzebue, Leipzig 1820, Brockhaus, стр. 93—94.

53) „Le poète Lenz ne convient aucunement à nôtre ville. Avec sa malheureuse distraction que feroit—on de lui?". (Lenz, Die Sizilianische Vesper, изд. Вейнгольда, стр. 59).

54) „Entwurf einiger Grundsätze für die Erziehung überhaupt, besonders aber für die Erziehung des Adels".

55) Für Leser und Leserinnen, December 1780, стр. 28.

56) Ibid., 30, 31, 36.

57) Ibid. März 1781, 249 сл.

58) Ibid., 257 сл.

59) „Etwas über Philotas Karakter. (Ein Veilchen auf sein Grab.)" Ibid. Januar 1781.

60) Ibid. 107 сл.

61) „Elysium", Ibidem, November 1781, 495 сл.

62) Ibidem, 499.

63) Ibidem, 491—495.

64) Ibid, 495.

65) Думпфъ, извѣстный знатокъ Ленца, утверждалъ, что въ журналѣ „Für Leser und Leserinnen" Ленцъ помѣстилъ „много статей". Принадлежность первой статьи (Endwurf einiger Grundsätze и т. д.). Ленцу не подлежитъ сомнѣнію: она подписана его именемъ. Статьи „Ueber Philotas Charakter" и „Sangrado" подписаны L и, судя по содержанію, несомнѣнно принадлежатъ перу Ленца. Діалоги въ лукіановскомъ вкусѣ Elysium и Merkur und Mistriss Modisch написаны стилемъ Ленца, при чемъ первый изъ нихъ примыкаетъ къ его походу противъ Виланда.—Возможна также принадлежность Ленцу статей: 1) Der Tod der

Dido (Ein Melodrama mit Chören und Tänzen untermischt) April 1781, стр. 379—392 и 2) Empfindsamster aller Romane, oder lehrreiche und angenehme Lektüre fürs Frauenzimmer, Iunius 1781, стр. 3—45.—П. И. Фалькъ приписываетъ Ленцу еще слѣдующія статьи: 1) Der Arme kommt zuletzt doch ebenso mit, ein Dialog nach dem Lucian (Februar 1781); 2) Der äusserliche Schein (Mai 1781); 3) Fragment über die Mode (Augustus 1781) и 4) Die Akademie der Thiere, eine Fabel (November 1781). Ср. Allgemeine Encyklopädie von Ersch und Gruber, 2 Section, 43 Theil, Leipzig 1889, стр. 90.

КЪ ГЛАВѢ XV.

1) По разсказу Граве. См. письмо К. Петерсена Думпфу 12 декабря 1815 г. (Рижская Городская Библіотека).

2) (Ew. H.) wissen, dass die eigentliche Absicht meiner Reise nach Moskau war, unter Dero Rat und Leitung die Geschichte des Vaterlandes (wofür ich Russland halte) studieren zu können". (Письмо Ленца къ исторіографу Миллеру. M(oscau) d. 30 8 br. 1871. См. статью Franz Sintenis'а въ Archiv für Litteraturgeschichte. V Band, Leipzig 1876, стр. 601.

3) Lenz, Die Sizilianische Vesper, изд. Вейнгольда, Breslau 1887, стр. 40.

4) Письмо J. Chr. Lenz'а отцу 1 ноября 1781. Waldmann, Lenz in Briefen, 104.

5) Sintenis, l. c. 602.

6) „Ich thue diese Bitte auch an Ew. H. Frau Gemahlin und schmeichle mir. dass Dero Herr Sohn mir seine Fürsprache bei Ihnen beiderseits gleichfalls gönnen werde, da ich bisher schon von so vielen Proben Dero allseitiger Güte beschämt worden bin." Ibidem.

7) Митрополитъ Евгеній, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, Москва 1845, II, 73.

8) Archiv für Litteraturgeschichte, V, 603—605.

9) Die Sizilianische Vesper, Trauerspiel von J. M. R. Lenz, Hrsg. von K. Weinhold, Breslau 1887, стр. 57—60.

10) Письмо Думпфа къ Петерсену 6 сентября 1815 г. (Рижская Городская Библіотека).

11) Письмо изъ Ohlershoff'а въ ноябрѣ 1780: „Grüss alle Freunde die sich meiner erinnern mögen und schick mir doch ja bald was von meinen Sachen da ich weder Wäsche noch Bücher habe und gar nichts von meinen Arbeiten, die Eile verlangen". (*По рукописи Рижской Городской Библіотеки*).

12) Письмо Штриттера къ Гадебушу 19 іюня 1783 г. Die Sizilianische Vesper, 41.

13) „Im Vertrauen entdecke ich Ihnen, dass seine nächste Verwandte es missbilligten, dass Er zum Inhalte seines *Hofmeisters* einen traurigen Vorfall in einer

der angesehensten Familien Lieflands erwählt, und einen vornehmen Gönner so lächerlich darin vorgestellt hatte"... (Письмо Шредера къ Думпфу 10 октября 1815 г. *По рукописи Риж. Гор. Библіотеки*).

14) Die Sizilianische Vesper, 43—48.

15) Ibidem.

16) Ibidem, 8—17.

17) Ibid. 17—26.

18) Ibid. 34—37.

19) Ibid. 53—57.

20) Dramatischer Nachlass, стр. 304—305.

21) Ibid., 305—306.

22) Gedichte von Lenz, 244—245. Памятникъ Петру Великому былъ воздвигнутъ въ 1782 г. Стихотвореніе должно относиться къ тому же времени.

23) Ibidem, 246—248. Стихотвореніе должно быть отнесено ко времени не ранѣе 1788 г., такъ какъ на бумагѣ имѣется водяное клеймо съ этимъ годомъ.

24) Жена Миллера была урожденная Экстеръ. Ср. письмо Ленца—отца къ Миллеру—Archiv für Litteraturgeschichte, V, 603—605.

25) См. приложеніе А. № 25.

26) „Es darf durchaus in unserer Anstalt so wie in der Republick der Gelehrten kein Despotismus, ja auch nicht einmal der Schein derselben hervorblicken, er vergiftet sonst die heilsamsten Entwürfe an der Wurzel und lässt den Neid und die Schadenfreude triumphiren". — Упоминаемый Ленцемъ Сапожниковъ былъ преподавателемъ математики въ университетскихъ гимназіяхъ; такъ въ „Объявленіи о публичныхъ ученіяхъ въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и обѣихъ гимназіяхъ онаго преподаваемыхъ" на 1782—83 г. значится: „*Максимъ Сапожниковъ*, коллежскій регистраторъ, *гражданскую Ариѳметику* благородному юношеству отъ 2 до 6 часовъ пополудни показывать будетъ". (По экземпляру *Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ*. Портфели Миллера, Historia litteraria, портр. 1 № IV.).—Намъ не удалось найти никакихъ указаній о „благородномъ пансіонѣ-институтѣ", состоявшемъ, по свидѣтельству Ленца, при Московскомъ воспитательномъ домѣ. Его, очевидно, нельзя смѣшивать съ учебнымъ заведеніемъ для „питомцевъ" дома. Основаніе этому послѣднему было положено 20 іюня 1765 г., какъ видно изъ письма Миллера, состоявшаго нѣкоторое время директоромъ Воспитательнаго дома, къ Бецкому: „Notre petite école a commencée aujourdhui dans la maison de S. E. M. le C. de Sivers par 20 enfans. Ils n'ont à présent qu'un seul maître russe au quel (надъ строкою: du consentement de Mssrs du Conseil) j'ai promis 3 Roubles par Mois et la table. Je crois qu'il les faut lasser la pendant l'été pour leur santé. Je me propose de les transplanter dans mon voisinage au Mois de Septembre". (*Портфели Миллера № 394, портф. 2*). 4-го августа онъ вновь пишетъ Бецкому: „Notre petite école va fort bien, et ira encore mieux quand je l'aurai près de moi. Je joins ici le dernier raport que j'ai reçu de l'Instructeur. Il est un fort bon homme. Il recoit 3 R. par mois et est defrayé pour la table, logement, bois et chandelles". (Ibidem). Въ письмѣ отъ 24 октября мы узнаемъ о числѣ учащихся:

„M. Taubert m'a envoyé pour l'instruction de nos Enfans 49 Abc Russes et 47 Abc allemands que je fais rellier pour nous en servir. Il y en a à présent dans l'école 37 garçons et 20 filles". (Ibidem.). Что обученіе иностраннымъ языкамъ входило въ планъ учебнаго заведенія, видно изъ печатныхъ приглашеній Воспитательнаго Дома на экзамены учениковъ. Такъ въ приглашеніи на 1776 г. читаемъ: „Оный экзаменъ, какъ начнутъ, такъ и окончаютъ питомцы краткими на разныхъ языкахъ привѣтствіями, изъявляющими благодарственныя свои чувствія всѣмъ своимъ благотворителямъ за оказываемыя ихъ сему Дому благодѣянія". (*Портфели Миллера*, Ibidem). Повидимому, обученіе было значительно выше элементарнаго. Такъ можно судить по тому, что Воспитательный Домъ тратилъ значительныя средства на учебныя пособія. Такъ въ счетѣ, представленномъ Бецкому, значится: „15 сентября 1771 г. Разныхъ математическихъ инструментовъ на 680 рублей.—31 мая 1772 г. Кабинетъ натуральныхъ остъиндскихъ американскихъ і галанскихъ зделаныхъ чучелъ. 4500 р." (Ibidem., № 394, портф. 1).

27) № 1 написанъ на бумагѣ съ водянымъ клеймомъ: „1789". На бумагѣ № 4 клеймо: „1788".

28) Ср. письмо къ Гадебушу 26 ноября 1780. (Baltische Monatschrift, 1899, April, 299).

29) „Unsere einheimischen neuveränderten Rechte, Ukasen u. s. w. erfordern gewiss eben sowohl ihre eigenen Doktoren, als der Körper Justinians: gleiche Ausprüche macht die sehr versäumte vaterländische Geschichte, die Pastoraltheologie und Homiletik, wie sie für unsere Bauern passt, sammt den Landessprachen, die unsere Prediger oft erst für die andere Welt vollkommen erlernen" и т. д. Ibidem.

30) Всѣ мѣста изъ переписки Ленца, касающіяся открытія университета въ Дерптѣ или Псковѣ, тщательно собраны Бокомъ въ его статьѣ „Die Historie von der Universität zu Dorpat, und deren Geschichte" (Baltische Monatschrift, Jahrgang 5, 1864, Bd. IX, Hft. 2, 6).

31) Подлинная рукопись Ленца принадлежитъ проф. Вейнгольду въ Берлинѣ, 5 стр. in-fol.

32) Среди Lenziana Рижской Городской Библіотеки имѣется печатный листокъ со слѣдующимъ не вполнѣ сохранившимся заглавіемъ: ... bey der Urne des Ehrerwürdigen Bruders *Otto Ernsts von Vietinghof* genannt *Scheel*, Gehalten in der Loge zum Schwerd in Riga 1780. Похвальное слово имѣетъ видъ діалога, въ которомъ участвуютъ: Hebe, Mars, Minerve, Ein Hierophant. Принадлежность его Ленцу весьма вѣроятна.

33) Н. С. Тихонравовъ, профессоръ И. Г. Шварцъ. (Сочиненія, Москва 1898 г., т. III, ч. I, стр. 77).—Упомянутое университетское „Объявленіе" гласитъ: „*Іоганнъ Георгъ Шварцъ*, колл. асс. философіи нѣмецкаго краснорѣчія и стихотворства профессоръ Публичной Ординарной, Педагогической семинаріи инспекторъ, Вольнаго Россійскаго собранія и латинскаго Енскаго Общества членъ, по понедѣльникамъ и четверткамъ, отъ 4 до 6 часовъ пополудни, будетъ имѣть *эстетико-критическія* лекціи обо всѣхъ *нѣмецкихъ писателяхъ*, прославившихся въ свѣтѣ своимъ разумомъ, какъ стихотворцахъ, такъ и прозаикахъ;

при чемъ во-первыхъ кратко проходить будетъ ихъ жизнь, потомъ разсматривать содержаніе и расположеніе ихъ сочиненій, а наконецъ разбирать самый слогъ и выраженія, показывая употребленіе оныхъ во всякомъ родѣ сочиненій. Лекціи же сіи опредѣлены будутъ не на однихъ только нѣмецкихъ писателей, но часто въ оныхъ разсуждаемо будетъ о *древнихъ писателяхъ греческихъ* и *латинскихъ*, такъ какъ и о *сочиненіяхъ* новѣйшихъ *италіанскихъ*, *аглинскихъ*, *французскихъ* и *россійскихъ* писателей. Наконецъ въ оныхъ же сравниваны будутъ художническія произведенія и работы, какъ-то статуи, живопись и древнія зданія съ произведеніями ума, и показаніемъ ихъ взаимной между собою связи. Въ предложеніи же правилъ обо всемъ, кромѣ древнихъ, Аристотеля, Діонисія Галикирнасскаго, Димитрія Фалерея, Цицерона, Горація, Квинтиліана, изъ новѣйшихъ послѣдовано будетъ Баттô, Рамлеру, Гому, Боало, Баумгартену, Мейеру и другимъ". (По экземпляру *Главнаго Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ*. Портфели Миллера Historia litteraria, портф. 1 № IV, программы).

34) Н. С. Тихонравовъ, l. c. 77—78.

35) Ibidem, 75.

36) Въ письмахъ Ленца изъ Москвы имя Новикова встрѣчается не разъ въ связи съ собственными проектами объ учрежденіи библіотекъ, изданію книгъ, переводу Библіи для стереотипнаго изданія и т. д.

37) Таковы его планы объ основаніи химической лабораторіи (письмо къ графу Ангальтъ), объ учрежденіи банковъ въ разныхъ городахъ Россіи (письмо къ брату 9 ноября 1791 г.; къ нему же безъ даты, начинающееся словами: Lebt unser Vater noch?, къ гр. Ангальту и др.), о развитіи торговли (письмо къ Шотлендеру, къ Штернгильму 14 янв. 1792 г. и др.) и т. д. Ср. W. v. Bock, Die Historie von der Universität zu Dorpat, l. c.—Для ознакомленія русскаго дворянства съ исторіей Россіи и положеніемъ русской торговли Ленцъ задумывалъ издавать въ Москвѣ газету на французскомъ языкѣ (письмо къ брату 9 ноября 1791 г.)—Его занимаютъ также разные проекты на пользу русскаго просвѣщенія: объ основаніи библіотекъ и т. д. См. его письмо съ двумя адресами нѣмецкимъ и русскимъ: „Herrn v. Burner bey den Bezkischen Anstalten für Erziehung des Mittelstandes. Господину моему Пурнеръ въ домѣ покойнаго штатскаго совѣтника Демидова для учрежденія коммерческаго состоянія. При главномъ надзирательствѣ дома".—Много занимаетъ Ленца вопросъ о переводѣ Библіи „на всѣ языки" (Ibidem, письмо къ гр. Ангальтъ, брату 1791 г. и др.) и стереотипномъ изданіи ея. Московскій царь-колоколъ онъ рекомендуетъ перелить въ шрифтъ для этой цѣли и поручить изданіе Новикову. (Письмо къ гр. Ангальтъ).—Всѣ упомянутыя письма хранятся въ Рижской Городской Библіотекѣ. Отрывки изъ нихъ помѣщены въ ст. Бока l. c. Въ цѣломъ они представляютъ яркое доказательство душевной болѣзни Ленца.

38) Русскій Архивъ 1866, стр. 485.

39) Вальдманъ и Гротъ, переписка Карамзина съ Лафатеромъ, 21.

40) Словарь митр. Евгеніи II, 243—244.

41) (Братъ несчастнаго) Ленца, нѣмецкаго автора, который нѣсколько вре-

мени жилъ со мною въ одномъ домѣ. „Письма русскаго путешественника". (Сочиненія Карамзина, Спб. 1848, II, 10).

42) Переписка Карамзина съ Лафатеромъ, 23. Лафатеръ адресуетъ: An Herrn Nikolaus Karamsin, im Hause des Herrn v. Nowikow in Moskau.

43) Ibidem, 2—8.

44) В. Сиповскій, Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника", Спб. 1899, стр. 55.

45) Ibid. 49.

46) Приводимъ это объявленіе: „Въ нѣмецкой землѣ издано одно сочиненіе называемое: Physiognomische Fragmente (опыты физіогномическіе); оно многихъ взоры на себя обратило и великимъ согласіемъ искусныхъ въ наукахъ и охотниковъ до оныхъ и художествъ аппробовано. Смѣлой родъ предложенія, новый подлинникъ теченія идей сочинителя, *Господина Лаватера*, ево горячее и на свою сторону склоняющее, но притомъ скромное выраженіе рѣчей и познаній притчинъ человѣка къ дѣйствію побуждающихъ, ево неложная ревность, ево избраніе въ рисункахъ и портретахъ, ево совсѣмъ особливый, новый, къ примѣчаніямъ и наблюденіямъ въ разсужденіи художествъ и природы человѣческой преклонный духъ, ево желаніе здѣлать человѣка такимъ, чтобы онъ прилѣжно разсуждалъ о себѣ самомъ, о своемъ достоинствѣ и о своихъ высокихъ выгодахъ, въ почтенныхъ и искусныхъ въ знаніи человѣка и ево талантовъ людяхъ возбудила всякое вниманіе и удивленіе. Равнымъ образомъ Голандцы и Французы, а еще болѣе Англичане, разумѣющіе тотъ языкъ немедленно на оное сочиненіе съ одобреніемъ подали свое согласіе. Тѣ, кои сочинителю или его пріятелямъ знакомы были, неотступно о томъ просили, чтобы перевесть оное на французской языкъ, дабы и внѣ нѣмецкой земли изъ сего новаго источника къ познанію человѣка польза была почерпаема... (Слѣдуютъ свѣдѣнія о французскомъ изданіи и условіяхъ подписки). Въ Москвѣ г. штатской совѣтникъ Миллеръ и г. пасторъ Бруннеръ каждаго охотника въ разсужденіи знанія желанія по всякой возможности удовольствовать и въ подписаніи ему на сіе сочиненіе вспомоществовать стараться не преминуть, (Портфели Миллера. № 150, портф. 2, № 81).

47) Н. С. Тихонравовъ, В. А. Жуковскій. (Сочиненія. М. 1898, т. III, ч. I, стр. 433).

48) Переписка Карамзина съ Лафатеромъ, 12.

49) „Herrn Doctor *Fränkel* habe ich gesehen und Ihren Auftrag mündlich ausgerichtet" письмо Карамзина къ Лафатеру: Moscau den 20 April 1787. (По рукописи Лафатеровскаго Архива въ Цюрихѣ. Ср. переписку Карамзина съ Лафатеромъ, 23).

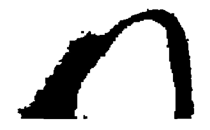
50) Ibidem, 10.

51) Ibidem, 63.

52) Ibidem, 23.

53) „Глубокая меланхолія, слѣдствіе многихъ несчастій, свела его съ ума". Письма русскаго путешественника". (Сочиненія Карамзина II, 10).

54) Ibidem.

55) Ibid., 144.

56) Ibid, 153—154.

57) Ibid., 210—211.

58) Bock, Die Historie von der Universität zu Dorpat, l. c., 515. Письмо къ брату (Риж. Гор. Библ.).

59) „Wäre doch die Moskwa der Rhein!" Письмо Ленца Herrn Brouwer, fürnehmen Handelsherrn in Petersburg. Обращеніе на русскомъ языкѣ: „Милостивый государь мой и покровитель Николай Ивановичъ!" (Рижск. Гор. Библ.).

60) Четыре года изъ жизни Карамзина. (Сочиненія Н. С. Тихонравова т. III, ч. I, стр. 271). Самъ Карамзинъ удостовѣряетъ, что въ Москвѣ онъ слышалъ разсказы о Швейцаріи: „Все слышанное мною отъ путешествовавшихъ по Швейцаріи о родѣ жизни альпійскихъ пастуховъ въ восхищеніе меня приводило". (Ibid.).

61) „Вчера ввечеру, идучи мимо того дома, гдѣ живетъ Гёте, видѣлъ я его смотрящаго въ окно,—остановился и разсматривалъ его съ минуту: важное греческое лицо! Нынѣ заходилъ къ нему; но мнѣ сказали, что онъ рано уѣхалъ въ Ену". (Сочиненія Карамзина II, 152). Вопреки этимъ словамъ самого Карамзина г. Сиповскій утверждаетъ, что нашъ путешественникъ „даже совсѣмъ не старался проникнуть къ нему (т. е. къ Гёте), какъ, напримѣръ, къ Виланду". (Н. М. Карамзинъ, приложеніе, 51).

62) Избранныя сочиненія Н. М. Карамзина, изд. Л. Поливанова, М. 1884, стр. 34—39.

63) Gedichte von Lenz, Вейнгольда, 163—165.

64) Московскій Журналъ, 1791 г. ч. II, стр. 51.

65) Ср. Сиповскій, l. c. 77.

66) „Ричардсонъ и Фильдингъ выучили Французовъ и Нѣмцевъ писать романы какъ *исторію жизни*". „Письма русскаго путешественника" (Сочиненія Карамзина II, 749). Въ Лейпцигѣ Карамзинъ занимается „Фингаломъ" Оссіана и „Векфильдскимъ священникомъ" Гольдсмита. (Ibid. 131—132).

67) Ibid., 366.

68) Ibid., 302.

69) „Любезный Клейстъ, безсмертный пѣвецъ Весны, герой и патріотъ". Ibid., 70. Слѣдуетъ разсказъ о его смерти, заключаемый словами: „Клейстъ есть одинъ изъ любезныхъ моихъ поэтовъ. Весна не была бы для меня такъ прекрасна, есть ли бы Томсонъ и Клейстъ не описали мнѣ всѣхъ красотъ ея". Ib., 71.

70) Юлій Цезарь, трагедія В. Шекспира, Москва 1787, стр. 3—6.

71) Сочиненія Карамзина III, 283 сл. С. Пономаревъ, матеріалы для библіографіи литературы о Н. М. Карамзинѣ, Спб. 1883, стр. 6.

72) Вопроса объ отношеніи Карамзина къ періоду „бури и натиска" недавно коснулся г. В. Сиповскій (Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника". Спб. 1899) и рѣшилъ его отрицательно. По его мнѣнію, преклоненіе передъ Шекспиромъ было единственной точкой соприкосновенія Карамзина съ германскимъ „Sturm und Drang"'омъ. (Il. 99). „Юноша не доросъ еще до тѣхъ писателей, которые были богами „Sturm und Drang"'а;—не только Гёте и Шиллеръ, но даже

Клопштокъ и Руссо были ему не совсѣмъ по плечу“... (ib.). Прежде всего нельзя согласиться съ тѣмъ, что Гёте и Шиллеръ были „богами Sturm und Drang'a“. Оба писателя сдѣлались богами не этого періода, а послѣдующаго, пришедшаго ему на смѣну. Въ періодъ же своей молодости они, вмѣстѣ со сверстниками, поклонялись другимъ писателямъ, которые и были истинными „богами“ періода „бури и натиска“, это были Шекспиръ, Юнгъ, Стернъ, Клопштокъ, Оссіанъ, Руссо и др. Но мы уже видѣли, что какъ разъ всѣмъ этимъ „богамъ“ поклонялся и Карамзинъ: литературныя симпатіи его были сходны съ симпатіями штюрмеровъ. Истинный расцвѣтъ Sturm и Drang'a относится къ семидесятымъ годамъ XVIII вѣка: въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ кружокъ „бурныхъ геніевъ“ уже разстраивается: Гёте (въ особенности со времени итальянскаго путешествія 1786 г.) вступаетъ уже на новую дорогу, Клингеръ поступаетъ въ русскую военную службу, Ленцъ влачитъ свое существованіе въ Петербургѣ и Москвѣ, Миллеръ живетъ въ Италіи, Вагнера уже нѣтъ въ живыхъ и т. д. Въ первыхъ драмахъ Шиллера, младшаго члена новой литературной партіи, вспыхиваютъ вновь съ яркимъ блескомъ излюбленныя идеи штюрмерства, чтобы быстро уступить мѣсто другому настроенію. „Донъ-Карлосъ“ (1787) знаменуетъ уже вступленіе и Шиллера на другую дорогу. Когда Карамзинъ пустился въ свое путешествіе, Sturm u. Drang былъ уже пережитъ въ Германіи.

Но если даже согласиться съ авторомъ, что Гете и Шиллеръ были „богами“ періода „бурныхъ стремленій“, то все же нельзя раздѣлить его мнѣнія, будто Карамзинъ относился холодно къ этимъ писателямъ. Что касается перваго, то первый вопросъ, который онъ предложилъ въ Веймарѣ былъ: „здѣсь Виландъ? здѣсь Гердеръ? здѣсь Гёте?“ Иначе говоря Карамзинъ заинтересованъ всѣмъ. по выраженію Ленца, „веймарскимъ тріумвиратомъ“. Посѣтивъ двухъ первыхъ, Карамзинъ идетъ и къ Гёте, но, къ несчастью, онъ уже успѣлъ уѣхать въ Іену. „Вертеръ“, сдѣлавшійся для германской молодежи вождемъ жизни, совершенно чуждъ и непонятенъ нашему Карамзину“—говоритъ г. Сиповскій, основываясь на томъ, что трагическая развязка романа не удовлетворяла нашего писателя. Но это еще ничего не доказываетъ: дѣло не въ одобреніи или неодобреніи развязки, а въ сочувствіи или несочувствіи настроенію, которымъ порожденъ былъ „Вертеръ“. Сочувствіе же къ „злосчастному Вертеру“, которымъ „Гёте прославился“ нельзя у Карамзина отрицать.

Отношеніе Карамзина къ Шиллеру также не кажется намъ такимъ холоднымъ, какъ утверждаетъ г. Сиповскій. О „Донъ-Карлосѣ“, представленіе котораго онъ видѣлъ въ Берлинѣ, русскій писатель даетъ очень сочувственный отзывъ (131—132 изд. Полив.) и заключаетъ: „Сія трагедія есть одна изъ лучшихъ нѣмецкихъ драматическихъ пьесъ и вообще прекрасна“. Въ Парижѣ онъ читаетъ „привлекательныя мечты... Шиллера“ (287 ibid.).

Разсказывая объ игрѣ берлинскихъ актеровъ, Карамзинъ прибавляетъ: „Я думаю, что у Нѣмцевъ не было бы такихъ актеровъ, естьли бы не было у нихъ Лессинга, Гете, Клингера, Шиллера и другихъ Драматическихъ Авторовъ, которые съ такою живостью представляютъ въ Драмахъ своихъ человѣка, каковъ онъ есть, отвергая всѣ излишнія украшенія, или французскія румяна, которыя

человѣку съ естественнымъ вкусомъ не могутъ быть пріятны". (Ibid. 127). Въ „Московскомъ журналѣ" (апрѣль 1792 г.), разбирая трагедію Бертуха „Эльфрида", Карамзинъ замѣчаетъ: „Кажется, что онъ не знаетъ сего великаго искусства потрясать сердца наши, которое, такъ сказать, присвоили себѣ многіе изъ его соотечественниковъ—онъ не Гёте, не Шиллеръ, не Клингеръ, не Коцебу" (Ib. 419). Итакъ въ обоихъ случаяхъ штюрмерскія драмы Гёте, Шиллера и Клингера считаются образцовыми произведеніями нѣмецкой драматической литературы. Въ „Письмахъ русскаго путешественника" къ нимъ прибавленъ еще Лессингъ, что вполнѣ понятно; мы знаемъ уже, что между нимъ и штюрмерами было много общаго. Припомнимъ хотя бы его апоѳеозъ въ Pandaemonium Germanicum Ленца. Въ „Московскомъ журналѣ" Лессингъ замѣненъ Коцебу, писателемъ, который пользовался широкимъ успѣхомъ у всѣхъ, кто цѣнилъ сентиментальное направленіе. Сентиментализмъ же, какъ мы знаемъ, былъ одной изъ основныхъ тенденцій періода „бурныхъ стремленій".—Не должно также смущать насъ то, что Карамзинъ увлекался Виландомъ (Н. М. Карамзинъ, авторъ писемъ русск. путешественника, 99—100). Мы знаемъ, что послѣ ожесточенной борьбы и Гёте, и Ленцъ примирились съ Виландомъ и воздавали ему должное. Въ самомъ Виландѣ были такіе элементы, которые до извѣстной степени сближали его съ штюрмерами (Ср. Weissenfels, Goethe im Sturm und Drang, I, 245, 490—491 и др.).

73) Сочиненія Карамзина II, 142.

74) Ibidem, 10.

75) „Бѣдной нашъ Ленцъ въ такомъ же состояніи, въ какомъ ты его оставилъ, часто жалуется на нездоровье. Онъ живетъ съ кн. Е., (т. е. Енгалычевымъ) въ томъ же домѣ, гдѣ мы жили; но мы всякой день съ нимъ видимся. Въ Лифляндію не поѣдетъ. Все лѣто странствовалъ онъ по окрестностямъ Москвы, ночевалъ однажды въ запущенномъ саду и былъ ограбленъ до рубашки". 20 сент. 1789 г. Русскій Архивъ 1866, стр. 1760—1761.

76) Вліяніе Ленца на Карамзина въ развитіи интереса къ Шекспиру признается Погодинымъ (Н. М. Карамзинъ, М. 1866, I, 37), Тихонравовымъ (Сочиненія, т. III, ч. I, стр. 272), А. Н. Веселовскимъ, Западное вліяніе въ русской литературѣ, 140, В. Сиповскимъ (Н. М. Карамзинъ. авторъ „Писемъ русскаго путешественника", 99) и др.

77) Gedichte von Lenz, 249—254.

78) Ср. выше прим. 69.

79) Къ числу подобныхъ же проявленій душевнаго мрака относятся стихотворенія, напечатанныя Вейнгольдомъ подъ № 108 и 110 (Gedichte von Lenz, 255—256 и примѣчанія стр. 325—328).

80) „Auferstanden aus den Armen des Todes". (Письмо къ отцу, начинающееся словами Theuerster mit unsterblichen Ruhm von oben geschmückter verehrungswerther Papa)! „Dein getreuer obwohl offt kränklicher Bruder". (Письмо къ брату 9-ten 9-br. 1791). „Eur. Hochwolgbr. wollen mir meine Geschwätzigkeit als einem Kranken... verzeihen". (Письмо à Monsieur le Baron Stiernhelm possesseur des terres à Wasola. Moskau den 14-ten Jenner 1792) и др.

81) „Ein hiesiger Freund hat alle meine Briefschaften wer weiss ob nicht aus einem unzeitigen Eiffer verbrannt weil er merkte dass sie mich angriffen“. (Упомянутое въ предыдущемъ примѣчаніи письмо къ отцу). Тоже повторяется въ письмѣ къ брату отъ 9 ноября 1791 г. „Wenn sie sich nur alle wohl befinden, wenn sie nur alle meine Thorheiten vergessen können, über welche die ganze Correspondenz unsers lieben theuern Vaters und Bruders durch Feuer verloren“. (Письмо къ брату безъ даты, начинающееся словами: „Lebt unser Vater noch“)?

82) „Nein, ich war nicht für Liefland gemacht“. (Письмо къ отцу, упомянутое въ прим. 80).

83) „Amnistie aller meiner alten Thorcheiten in Liefland“. (Письмо къ брату отъ 9-го ноября 1791).

84) „Lieber Bruder! ich leide — — Auch im Ausserlichen drückt mich Mangel“... „Und soll ich... *ewig* leiden“?.. „Ich winde mich als ein *Wurm* im Staube und flehe um Erlösung“.—„Helfen Sie mir bethen um Befreiung“.—(Изъ разныхъ писемъ послѣднихъ лѣтъ московской жизни, по рукописямъ Рижской Городской Библіотеки).

85) Glück und Glas

Wie bald bricht das?

Ja wohl Glück und Glas, wie bald bricht das?.. O ich elender Mensch! ich werde wohl zerbrechen gleich einem Glas, doch wollte ich gerne dass es bald möchte geschehen.... (По черновому наброску Ленца. Lenziana Рижской Городской Библіотеки).

86) Московскій пасторъ Ierzembsky въ некрологѣ Ленца, помѣщенномъ въ Intelligenzblatt der Allgemeinen Literatur Zeitung № 99, 18 August 1792. стр. 820—821, говоритъ: „Moskau, den 24. May. Heute starb allhier Jac. Mich. Reinh. Lenz“ etc. Въ спискахъ лютеранской церкви св. Михаила имѣется слѣдующая странная запись: „May d. 23 (1792) der Candidat H. Carl Lenz aus Dorpat alt 39 Jahr an der Schwindsucht“ (A. W. Fechner, Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau, Moskau 1876, II, стр. 24). Покойный лекторъ Московскаго Университета, Ю. Ц. Фелькель, основываясь на разсказахъ современниковъ Ленца, Гейнемейера и книгопродавца Рюдигера, сообщаетъ, что Ленцъ умеръ въ ночь съ 23 на 24 мая на улицѣ отъ удара. (См. Rigaer Zeitung 1863 г. № 134 и Jegór von Sivers, Lenzens Tod въ Vier Beiträge etc. Riga 1879, стр. 99).— По словамъ Ierzembsky'аго, Ленцъ былъ похороненъ „на средства одного великодушнаго русскаго дворянина, въ домѣ котораго онъ долго жилъ“. О мѣстѣ погребенія Ленца ср. Jegor von Sivers, l. c. 99—100, 102. Тотъ же Ierzembsky дѣлаетъ такое замѣчаніе о послѣднихъ годахъ жизни Ленца: „Никѣмъ не признанный, въ борьбѣ съ бѣдностью и нуждою, отдаленный отъ всего, что ему было дорого, онъ не терялъ, однако, никогда чувства собственнаго достоинства; его гордость отъ безчисленныхъ униженій раздражалась еще больше и выродилась наконецъ въ то упорство, которое обыкновенно бываетъ спутникомъ благородной бѣдности. Онъ жилъ подаяніями, но не принималъ благодѣяній отъ всякаго и оскорблялся, если, безъ его просьбы, предлагали ему деньги

ици помощь, хотя его видъ и вся его внѣшность являлись настоятельнѣйшимъ побужденіемъ къ благотворительности".

87) Русскій Архивъ 1866, стр. 1761.

88) Ramond de Carbonnières, Les dernières aventures du jeune d'Olban, Précédées d'une notice par M. Charles Nodier, Paris 1829, посвященіе: A. M. Lenz, A sa Cendre.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 196. Вопроса о времени написанія „Anmerkungen übers Theater" касались многіе. Ср. Weinhold (Die sizilianische Vesper, 57), Clarke (Zeitschrift für vergl. Litteraturgeschichte 1896, t. X, 128), Winkler (Modern Language Notes 1894 г.) и др. Послѣдній изслѣдователь склоняется къ убѣжденію, что мы не имѣемъ права сомнѣваться въ утвержденіи Ленца, что его „Замѣтки" были прочитаны имъ въ Страсбургѣ „въ обществѣ друзей" еще въ 1771 г. Вполнѣ возможно, что главныя идеи, проводимыя имъ въ этой статьѣ, сложились у него еще въ этомъ году, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что извѣстная зависимость его „Замѣтокъ" отъ „Nouvel Essai" Мерсье (1773 г.) показываетъ, что по меньшей мѣрѣ его прежній рефератъ былъ значительно передѣланъ и получилъ стилистическую переработку.

Къ стр. 279. Къ стихотворенію „Petrarch" Ленцъ приложилъ „Ein Versuch über die neunte Canzonetta Petrarchs". Подъ этимъ заглавіемъ скрываются отрывки переводовъ изъ VII канцоны 1-ой части „Canzoniere" (Gentil mia Donna, l'veggio) и I канцоны 2 части (Che debbo io far? che mi consigli Amore?). Переводъ сдѣланъ бѣлымъ стихомъ и точностью не отличается. Въ особенности нужно это сказать о второй изъ канцонъ, которая скорѣе изложена Ленцемъ, чѣмъ переведена.

Къ стр. 292. Ленцевскій переводъ изъ Оссіана появился въ 3 — 8 томахъ журнала „Iris" за 1776 г. подъ заглавіемъ „Ossian fürs Frauenzimmer". Какъ видно изъ предисловія, работа была предпринята подъ вліяніемъ гётевскихъ переводовъ въ „Вертерѣ". Гёте же переслалъ переводъ Ленца издателю журнала для напечатанія. Переводъ прозаическій, заключаетъ въ себѣ поэму „Фингалъ" (перепечатанъ въ книгѣ Dorer-Egloff, Lenz u. seine Schriften, 25 сл.) и отличается большими неточностями и даже искаженіями подлинника. Ср. Clarke, Lenz'Uebersetzungen aus dem Englischen (Zeitschrift für vergl. Litteraturgesch. 1896. X Band, 408—413).

Къ стр 295 сл. Къ рефератамъ Ленца о нѣмецкомъ языкѣ имѣетъ также отношеніе его стихотвореніе „Matz Höcker. Schulmeister in B. im St... I. An die Damen. An die Kunstrichter etc." Gedichte von Lenz, 166—174.

Къ стр. 482. Въ цюрихскомъ архивѣ Лафатера, въ записной книжкѣ знаменитаго физіогномиста подъ вычурнымъ заглавіемъ *Noli me nölle (№ 16)* намъ удалось найти слѣдующій отзывъ о Карамзинѣ: „August 1789. 20. **Karamsin**, ein Moskovite, Graf Moltke, und Baggesen zween Dähnen, drey auf verschiedene Weise vortrefliche Wahrheitliebende Freunde, die mir diese Tage, so wie die vorige Woche die Stolbergische Familie von Wernigerode—und die Burhardsche von Basel, nicht wenig Vergnügen machte“.

Къ стр. 494. Къ послѣднимъ произведеніямъ Ленца относится французскій набросокъ подъ заглавіемъ: „Belle lettre sans principe“, задуманный въ формѣ лекціи, какъ видно изъ начала: „Que mes Dames ne s'effroient pas que j'ose leur tracer un systéme de belles lettres (mais pas un cours) sans aucun principe; l'histoire me guidera, un flambeau à la main, dans ces conduits souterrains, jusqu'à ce que nous trouvions des veritables metaux“ (по рукописи, принадлежащей проф. Вейнгольду). Вспоминаетъ здѣсь Ленцъ и Оссіана и „Вертера“. Передавъ содержаніе послѣдняго, онъ замѣчаетъ: „Ce Roman est inventé et executé avec un art, qui doit reellement faire admirer le talent et l'erudition de l'auteur, aussi bien que les intentions tout-à-fait humaines de *son coeur*“. Отрывокъ остался только введеніемъ къ намѣченной „système de belles lettres“. Для характеристики отношеній Ленца къ Гёте замѣтимъ, что въ другой рукописи, подъ заглавіемъ Logique des Dames (водяное клеймо „1789“) Ленцъ снова вспоминаетъ l'auteur du Werther.—Изъ другихъ набросковъ отмѣтимъ: 1) Comédie des bêtes, dediée aux deux demoiselles de Pl—ff (1 стр. in-fol.) и 2) Le jour d'Helene ou la fondation d'un nouvel ordre pour le sexe à la fête de Mme Magdaline le 1 de Juillet (Водян. клеймо: „1789“). Подъ Pl—ff, повидимому, нужно разумѣть хорошихъ знакомыхъ Карамзина Плещеевыхъ. Одно маленькое стихотвореніе Ленцъ озаглавилъ: A Mlle de Pl—ff enfant de huit ans et sa soeur de six.—Изъ другихъ рукописей московскаго времени, также принадлежащихъ проф. Вейнгольду, отмѣтимъ: 1) Lettre adressée a quelques officiers de la commission hydraulique de la communication d'eau (водяное клеймо на бумагѣ 1789) и 2) Vue des operations de la grande cloche representées à une seule feuille.

Къ стр. 496. Неизвѣстно, кто былъ тотъ сердобольный русскій дворянинъ, который похоронилъ Ленца. Имѣются свѣдѣнія, что Ленцъ въ Москвѣ давалъ нѣкоторое время уроки въ домѣ Гончаровыхъ. Повидимому, у него также были какія то отношенія къ гр. Шереметеву и гр. Панину. Одно изъ имѣній того или другого описано имъ подъ заглавіемъ „Vergleichung der Gegend um das Landhaus des Grafen mit dem berühmten Steinthal eine Tagereise von Strassburg im Elsass“ (вод. клеймо 1788) съ переводомъ на французскій языкъ. Есть также небольшая нѣмецкая рукопись подъ русскимъ заглавіемъ: „Донесеніе Е. С. Графу во время болѣе мѣсячной болѣзни“.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

A. Письма Ленца.

---

1. Къ Фридриху Конраду Гадебушу *).

(По рукописи Библіотеки Общества исторіи и древностей въ Ригѣ: Gadebusch's Briefsammlung. Томъ I, № 103).

Hochedelgeborner Hochgelehrter Herr Secretair
Verehrungswürdigster Gönner!

Ew. Hochedelgeb. haben mich durch die neue Probe von Dero schätzbaren Gewogenheit ausserordentlich beschämt. Meine Feder ist zu schwach, Denenselben die regen Empfindungen meines Herzens darüber zu schildern. Ich weiss Ew. Hochedelgeb. meine Dankbegierde auf keine andere Art an den Tag zu legen, als dass ich meine gestrichen Wünsche für Dero Wohlseyn wiederhole, und die gütige Vorsicht um die Erhörung derselben anflehe. Der Herr überschütte Dieselben und Dero werthes Hauss in künftigen Jahr mit tausend Segen und Heil. Er erhalte Ew. Hochedelgebor. bis zu den spätesten Zeiten im erspriesslichsten Wohlergehen. Er bewahre Ew. Hochedelgeb. für alle widrige Zufälle in den künftigen Jahren, und lasse mich noch lange das Glück geniessen, Dieselben in dem blühendsten Wohlstande zu sehen, und mich mit dem erkenntlichsten Herzen nennen zu dürfen

Hochedelgebohrener Hochgelahrter Herr Secretair
Verehrungswürdigster Gönner, Ew. Hochedelgeb.
gehorsamster Diener Jacob Michael Reinhold Lenz.

Von Hause, d. 2 Jenner, 1765.

2. Къ Фридриху Давиду Ленцу **).

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Bester Bruder!

Wie kann ich einen Augenblick austehen, dir bey der freudigsten Begebenheit deines Lebens ein Bruderherz auszuschütten, das von Seufzern und Tränen wallet! Ich preise die Vorsicht mit dir, die dir die lebenswürdigste Gattin zuführt und

---

*) Лифляндскій историкъ и юристъ (1719--1788), съ 1766 синдикъ, а затѣмъ бургомистръ Дерпта. См. гл. II.

**) Старшій братъ поэта, бывшій пасторомъ въ Тарвастѣ (съ 1767 г.), а впослѣдствіи въ Дерптѣ.

unsere Familie in einem Jahre mit sovielem Glück überhäufft, das wir für gar zu grosser Freude wie betäubt sind und nichts als jauchzen und stammeln können. So sind denn nun deine Wünsche erfüllt: so schmeckest du nun zum erstenmal alles Süsse, alles Entzückende einer Liebe, die keine Angst, kein Kummer, keine Träne verbittert. So belohnt denn die ächte, die reine, die wahre Zärtlichkeit endlich einmal ein Herz, das nur für sie geschaffen war und das schon von Jugend auf sich heimlich nach einem Gegenstande hat sehnen müssen, dem es sich ganz überlassen könnte. O gütige Vorsicht! so erhöre denn alle unsere Wünsche, alle unsere Tränen, für dis Paar, das du selbst durch wunderbare Wege geknüpft hast. Lebe, libster Bruder! lebe lange, lebe glücklich in den Armen deiner Cristinchen: seyd ein Muster der schönsten Ehe, ein Trost eurer für Freude weinenden Eltern, eine Freude eurer Geschwister: jeder eurer Tage müsse mit neuem Entzücken für euch geschmückt seyn, jedes eurer Jahre müsse so heiter hinfliessen, wie ein Bach, der durch Rosen fliesst. Wie müsse ein Gram eure Seele umwolken, wie müsse ein Elend euch niedeschlagen, da es euch nicht mehr allein, sondern verbunden, von der Hand Gottes verbunden, trifft, da eure Zärtlichkeit und eure Küsse euch trösten und selbst im Unglück beglücken werden. Eure Liebe sey so feurig, so rein, aber auch so unauslöschlich, wie das Feuer der Vesta: sey so dauerhaft, als ein Felsen, auf den das Meer vergeblich lossstürmt: eure Liebe lebe mit euch, sie beide mit euch: ihr werdet zwar sterben, aber eure Liebe wird so wie eure abgeshiedenen Seelen ewig währen, sie wird um euer Grab wachen, und so wie eure Seelen derreinst wieder mit euren Körpern vereinigt werden; alsdann kann kein Tod sie mehr aufhalten, alsdann dauert sie bis in undenkbare... *).

Ich umarme dich und küsse dich 1000 mahl als dein allergetreuester Bruder
Jacob Michael Reinhold Lenz.

Dorpat den 11-ten October 1767.

3. Къ родителямъ.

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Verehrungswürdigste Eltern!

Nach einer langsamen und ziemlich beschwerlichen Reise sind wir endlich am verwichenen Mittwochen Nachmittags um zwey Uhr glücklich und gesund zu Tarwast angekommen. Der Weg ist fast inpassabel, und die ersten Tage hatten wir ungemein starke Stürme und Regen. Wir wurden von der Wittwe recht artig aufgenommen und speiseten den ersten Abend mit dem Lieutenant Krüdner von Arrohast u. seiner Gemahlin, die sich Ihnen empfelen liessen und mit dem Rittmeister Pietsh und der Fräulein Krüdner. Wir werden auch noch immer zum vor und nachmittäglichen Kaffee und zur Mahlzeit herein gebethen, weil der älteste Bruder mit seiner Wirthschaft noch nicht völlig im Stande ist und wir erst mit dem

---

*) Одного слова нельзя разобрать. Слѣдуетъ стихотвореніе, напечатанное въ „Gedichte“ (изд. Вейнгольда), стр. 16—17.

Anfange der Künftigen Woche unsre eigene Menage anfangen wollen. Die Wittwe ist eine simple Frau mit der der Umgang ziemlich langweilig wird: aber die Kinder sind rechte Unholde, und ich hab sie noch in meinem Leben so ungezogen nicht gesehen. Die jüngere Tochter strich ohne uns zu grüssen mir wie ein Wirbelwind vorbey und nahm ihren Weg gerade nach dem Tisch zu, auf den sie mit einem Satz sich heranschwung und die Aelteste machte es ebenso, nur mit dem Unterschied dass sie bey jedem Schritt eine Art von Kniks machte, wie ihn ihr die Natur gelehrt hatte. Bey Tisch schreyt alles so untereinander, dass wir stumm seyn müssen, weil wir unser Wort nicht hören können. Der Bruder lässt sich recht sehr entschuldigen, dass er nicht mitgeschrieben: er ist von Morgen bis Abend zu mit Arbeiten und Bräutigammen und Lehrlingen überhäufft, überdem auch mit seiner Wirthschaft beschäftigt, mit der es noch nicht in den Gang kommen will, weil die alte Jungfer noch immer Rasttage hält und überhaupt ein bisgen unlustig ist, weil sie, wie sie sagt und sich einbildt, unter lauter Feinden hier leben muss. Er befindet sich aber sonst nach der Reise, so wie auch ich und die Jungfer, Gottlob recht gesund und lässt Sie, das junge Paar und alle Geschwister aufs ehrenbietigste und zärtlichste grüssen. Ich bitte gleichfalls den Neuverbundnen und allen Geschwistern meinen Zärtlichsten Gruss zu vermelden und küsse Ihnen die Hand als

Meiner verehrungwurdigsten Eltern gehorsamster Sohn
Jacob Michael Reinhold Lenz.

Tarvast den 9-ten November 1767.

• Приписка сбоку 3-ьей страницы:

Der Frau Obristin und ihrem würdigsten Hause, wie auch dem Herrn Pastor Oldekopp bitte unser beyder gehorsamste Empfehlung zu machen und letzterem zu seinem Nahmenstage zu gratuliren. Ich werde meine Kur erst mit der künftigen Woche anfangen und mache mir deswegen in der jetzigen bisweilen eine Motion, mit Reiten und Spazierengehen. Auf den Sonntag wird der Bruder teutsch predigen *).

4. Къ отцу.

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Verehrungswürdigster Herr Papa!

Ich weiss nicht, ob der Bruder bey seinen Amtsgeschäften, Catechisiren etc. Zeit haben wird, an Sie zu schreiben: ich nehme mir also die Freyheit, Ihnen abermals von dem was uns angeht, gehorsamst Nachricht zu geben. Der Bruder ist wie gesagt, sehr beschäftig, befindet sich aber bey seinen Arbeiten noch immer Gottlob! recht gesund und vergnügt. Auch mir bekommt meine Kur recht gut und

---

*) На послѣдней страницѣ:
A Monsieur Monsieur
Lenz Prevot ecclesiastique et Ministre du St. Evangile à l'eglise de St. Jean
à Dorpat.

ausser der kleinen Unbequemlichkeit, die mir der Diat, das Warmhalten, das Laxiren u. dgl. machen, bin ich hier so vergnügt, wie man es in der Einsamkeit seyn kann. Ich lese, oder schreibe, oder studire, oder tapeziere, oder purgiere, nachdem es die Noth erfordert. Uebrigens hoffen und wünschen wir beyde von ganzem Herzen, dass dieser Brief sowohl Sie, als meine hochzuehrende Frau Mamma recht gesund, vergnügt und zufrieden antreffen möge.

Doch! eine Bitte, gütigster Herr Papa! zu der mich die Noth und Dero väterliche Gewogenheit berechtigen. Ich habe bey der neulichen Herreise empfunden, wie wenig ein blosser Roquelor bey Reisen in kühler und windiger Witterung vorschlage. Ich kann mir also leicht vorstellen, wie es anziehen muss, wenn man im Winter im blossen Mantelrock reiset. Ich weiss wirklich nicht wie ich einmal nach Derpt zurückkommen oder falls des Brudern Hochzeit im Januar seyn sollte, zu der er mit seiner Equfpage mich mitnehmen will, wie ich die Reise dorthin werde thun können. Ueberdem ist mir ein Pelz allerzeit nöthig: ich nehme mir also die Freyheit, Sie ganz gehorsamst zu bitten, ob Sie mir nicht könnten für 3 Rubel das Futter dazu, nemlich einen Sack schwarzen Schmasschen aus den Russischen Bude nausnehmen lassen. Das Oberzeug darf nur Etamin seyn: und da Sie in dieser Zeit sich ohnedem ausgegeben haben, so dass ich mich billig gescheut haben würde, mir von Denenselben was gehorsamst auszubitten, wenn mich nicht die Noth zwänge: so könnte es ja solange in Penkers Bude auf Conto gesetzt werden, bis es Ihnen weniger beschwerlich fiele, das Geld dafür zu bezahlen. Ich überlasse dies übrigens ganz Ihrer eigenen gütigen Disposition und werde mich auch alsdenn zufrieden geben, wenn die Umstände es für dismal nicht erlauben sollten. Uebrigens küsse ich Ihnen und meiner besten Mamma ganz gehorsamst die Hand und bin nach 1000 Grüssen an allen meine Geschwister und nach gehorsamen Empfehl an die Frau Obristin Albedille nebst Ihrem ganzen würdigsten Hause, an den Herrn Pastor Oldekopp und alle übrige Gönner und Freunde

Meines verehrungswürdigsten Herrn Papas gehorsamster Sohn
Jacob Michael Reinhold Lenz.

Tarwasts Pastorath den 24-ten November 1767.

P. S. Der Bruder lässt sich nochmals gehorsamst entschuldigen, dass er diesmal nicht mitgeschrieben. Er hat gestern den ganzen Tag mit Brautsleuten und Lehrlingen zu thun gehabt, gestern Abend um 12 Uhr in aller möglichen Eile noch nach Reval geschrieben, welchen Briefer gehorsamst zu bestellen bittet und ist heut früh schon bey dem scharfen Frost den wir seit einiger Zeit gehabt haben und bey dem Schnee und Sturm der verwichenen Nacht, catechisiren mit Schlitten gefahren. Er lässt unterdessen Ihnen und seiner würdigsten Frau Mamma seinen Geschwistern besonders dem jungen Paar, wie auch allen guten Freunden seinen Zärtlichsten Gruss versichern *).

---

*) Слѣдуетъ P. S. рукою F. D. Lenz'a.

5. Къ брату Фридриху Давиду Ленцу.

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Mein liebstes junges Paar!

Wie sind Sie angekommen? Wieviel Glieder und Sinne haben Sie noch übrig? (denn ihren Leuten wird wohl Verstand und alle Sinne erfroren seyn). Wie haben Sies zu Wasser und zu Lande gehabt? Sind sie auch geirret? Und wie haben Sie alles zu Hause gefunden? Wie lassen sich die Schwedischen Reichsräthe an? Und wie gefällt Ihnen, meine liebe junge Frau, das einsame Tarwast? Zum andern befinden wir uns alle so, wie Sie uns gelassen haben. Papa ist Papa, und Mamma ist Mamma, und Moritz und seine Frau und alle übrige sind gesund und vergnügt, und ich, ich sey Jacob.

Zum dritten, vierten und zehnten habe ich auch die Ehre zum Geburstag zu gratuliren und zu wünschen m m m m m m und wieder der Herr m m m m und wieder der Heiland m m m m und wieder dito. Oder besser, ich wünsche auch, dass Sie möchten zu einer glücklichen Stunde geboren seyn.... und nicht nur dieses sondern viele folgende zu erleben und mit Gesundheit zu verzehren.

Oder dito ferner: Wünsche auch, dass der barmherziger Gott verleyhen wolle einen kräftigen Geist des Daniels und wenn es sollte dermaleins zum Jahre des Nestors kommen, dieselben; Sie gehen nimmer aus meinem Gemüthe weg. Anbey wünsche auch dass in künftigen Zeit benebenst guter Gesundheit dermaleinst mancher kleiner Herr Söhnlein um die Eltern wimmeln mag, benebst den Oehlpflänzlein um dero Tisch, sie grünen und blühen. Abkürze hier meine Gratulation, die gedrängter Raum mich verweigert, hierüber weiter herauszulassen.

Ernsthaft zu reden so ist es Schade, dass wir an diesem Tage nicht hier zusammen vergnügt seyn konnten. Doch ich bin jetzt im Geist auf Tarwast und schwatze Ihnen was vor, dann werde ich ganz ernsthaft und wünsche Ihnen beyden so viele und so angenehme Geburtstage, als Sie sich selbst wünschen, und soviel Vergnügen, als Ihnen die ersten Umarmungen in Reval gaben, an dem heutigen Tage *).

Neuigkeiten! Madam Smoljan und die Majorin Grass sind weggereiset. Die Oldekoppin ist recht böse auf dich, lieber Bruder, und auf deine junge Frau, dass ihr nicht bey ihr gewesen seyd.—Papa und Mamma, die sich Gottlob! noch erträglich befinden, Moritz und seine, die vielleicht selbst auch schreiben werden, Lieschen, Christian und die kleinen Geschwister, alle Freunde besonders die Frau Obristin und die Fräuleins grüssen und küssen 1000 mal Fräu-und Männlein. Auch wird die alte Junfer begrüsst. Leben Sie gesund und vergnügt, mein liebstes Paar; und behalten Sie immer lieb

Ihren zärtlichsten Bruder
Jacob Michael Reinhold Lenz.

Am Geburtstage 1768.

---

*) Слѣдуетъ стихотвореніе, напечатанное въ „Gedichte" (изд. Weinhold'a), стр. 18.

P. S. Wenn du, liebster Bruder! einige Exemplare von den hochzeitlichen Gedichten hast, so schicke Sie mir doch, ich habe kein einziges: Onkel Kellner vergass auch uns welche mitzugeben. Die Capit. Sege und die Lieutnantin Brandt von Fetenhof und die Majorin Toll von Wissus haben junge Söhne. Die alte Oldekoppin ist ziemlich krank. Heut hat H. Recktor für Reichenberg gepredigt. Adieu! Dies am Sonntage.

На первой страницѣ сбоку: Mamma bittet den Sack zurück in welchem dein Junge Salz mitgenommen hat. Sie grüsset Sohn und Tochter aufs zärtlichste und sehr um angeführten Sack.

На 4-й страницѣ: Ihres Herrn Bruders seine Grüsse von mich sind zu kalt, hier folgen die zärtlichsten, die aufrichtigsten die feurigsten von mich und meiner Tochter, von meiner eigenen Hand. *Albedyll.*

6. Къ Генр. Хр. Бойе *).

(По рукописи Королевской Библ. въ Берлинѣ).

Ich habe noch etwas für Sie Boje! das ich aber unter zehn Dukaten baare Bezahlung nicht herausgeben kann. Es ist eine Erzehlung in Marmontels Manier aber wie ich hoffe nicht mit seinem Pinsel. Sie können (wie zu allem was ich Ihnen schicke) dreist meinen Namen nennen, wenn Ihnen das rathsamer deucht. Auch hat es in der That fünf Bogen, sehr kompress geschrieben.

Verzeyhn Sie mir meinen Ungestüm, ich sitze jetzt recht mitten in der Noth drin. Meine Schulden sind nach meiner Proportion beträchtlich und wenn ich nicht geschwinde Rath schaffe, muss ich befürchten an einem Ort wo meine Reputation mir bisher meinen ganzen Unterhalt verschaft hat, für immer und inwiederbringlich prostituirt zu werden.

Leben Sie wohl Lieber! und anworten mir sobald es seyn kann. Sobald ich Ihre Meynung mit dem Vorschuss erhalte, sollen Sie meinen Zerbin unfehlbar ehe Sie sich umsehen, in die Arme schliessen, der Ihnen mehr Freude mahen wird als alles was Sie noch bisher von mir gesehen.

Ihr Freund Lenz **).

7. Къ нему же ***).

(По рукописи Корол. Библ. въ Берлинѣ).

Hier lieber Freund, Zerbin, den ich aber unverzüglich zurückhaben muss, wenn Sie ihn nicht brauchen können, wollen, was weiss ich. Ich habe mehr als einen.

---

*) Поэтъ, критикъ и журналистъ, близкій съ геттингенскимъ кружкомъ (1744—1806). Издавалъ „Deutsches Museum", въ которомъ Ленцъ помѣщалъ свои произведенія. Ср. монографію *K. Weinhold'a*: Heinrich Christian Boie. Beitrag zur Geschichte der deutschen Literatur im XVIII Jahrhundert. Halle 1868.

**) 1 стр. in 4°. Письмо, судя по содержанію, должно быть отнесено къ концу 1775 года.

***) 1 стр. in 4°. Помѣтка рукою Бойе: Empfangen den 2-ten Jan. 1776.

der mir zehn Ducaten dafür giebt und was ich thue, thue ich um Ihrentwillen. Mit den Knitteln, dacht ichs doch dass es nicht gehen würde mein Zuwerfen; Sie schicken mir aber, ich bitte, sie wieder, es wartet hier jemand mit Ungeduld auf sie. Meine grösseren Sachen können eine Weile ruhen, unterdessen bitte Hellwiegen einen warmen Gruss von mir zu sagen. Meinen letzten Brief an Sie und meine Umstände bitte verschwiegen zu halten.

Herr Blessig den Sie noch aus Göttingen kennen werden arbeitet an etwas das wir Ihnen auch zugedacht haben und von dem er den ersten Bogen in einer unserer Versamlungen mit allgemeinem Beyfalle vorgelesen. Sein Süjet ist die Bildung der griechischen Sprache durch die Poeten und Philosophen und er sammelt noch fleissig Materialien zu künftiger Bearbeitung. Sie kennen vielleicht schon die ganze Feinheit und Stärke seiner Diktion.

Unsere deutsche Gesellschaft vergrössert sich von Tage zu Tage. Schlosser ist auch davon und in Colmar Freyburg und andern benachbarten Ortern bekommen wir Zuwachs. In Erwartung baldiger Antwort und Nachricht von Zerbins Schiksal, das ich ganz ohne Umstände mir als ein Biedermann zu bestimmen bitte, bin mit wahrer Freundschaft

Ihr ehrlicher Fr. u. Diener Lenz.

8. Къ нему же *).

(Рук. Корол. Библ. въ Берлинѣ).

..... Gotter lässt ein Schauspiel von mir drucken: die Algierer, eine Nachahmung der Captivei im Plautus. Lavater hat ein Gedicht von anderthalb Bogen von mir herausgegeben: *Petrarch aus seinen Liedern gezogen*, eine kleine Ergiessung des Herzens die Ihnen Freude machen wird. Beyde werden wohl in Leipzig zu haben seyn. Machen Sie mir doch die Freude und schicken mir *einige* Anzeigen von Ihrer Wochenschrift nach der mich hier so manche Leute gefragt haben an denen Ihnen gelegen ist. Ihre Literarischen Neuigkeiten sind mir und meinen Freunden sehr willkommen. Unsere deutsche Gesellschaft breitet ihren Wipfel immer weiter aus, so dass ich unter ihrem Schatten von der Hitze des Tages oft herrlich algekühlt werde. Einige Mitglieder derselben, unter andern eine sehr liebenswürdige Magistratsperson (Herr v. Türkheim) arbeiten an der Wochenschrift der *Bürgerfreund* der ich an manchen Orten Deutschlands Nachahmer wünschte. Besonders in Ansehung des Lokalen. In der Schweitz kommen auch noch Flüchtige Aufsätze von mir heraus, in denen ein Familiengemählde: die beyden Alten ein Drama Ihre Augen füllen wird.

..... In Colmar kenne ich einen jungen Franzosen, von dem ich etwas in Lausanne werde drucken lassen, das Ihnen die Beschaffenheit des Bodens im Elsass zur Hervorbringung poetischer Köpfe näher bezeichnen wird. — Wissen Sie dass

---

*) 3 in 4°, на 4-й стр. адресъ: Herrn Herrn *Boje* Gelehrten in *Göttingen*. Помѣтка рукой Бойе: Den 15-ten Febr. 1776. Начало письма напечатано Сиверсомъ въ книгѣ J. M. R. Lenz. Vier Beiträge. Riga 1879, стр. 78—79.

Stella von Goethen in Berlin gedruckt wird und er in Weymar bleibt? — Vielleicht komm'ich auch bald in Ihre Gegenden. Lieben Sie immer

Ihren Freund Lenz.

Сбоку страницы 3-й: Herrn Zimmermann wenn Sie ihn sehen, meine ganze Hochachtung. Ich wünschte mehr Zeit zu haben, ihn in seinem Sohn zu geniessen.

Сбоку на 1-й страницѣ: Zu Ihrem Museum werde Ihnen mit Beyträgen die Ihnen lieb seyn werden nicht entstehend. Ich bin sehr begierig aufs erste Stück. Sorgen Sie nicht, Sie sollen meine Freunde hier, die sich durch Sie produziren, nicht mit Geld bezahlen.

9. Къ нему же *).

(По рукописи Корол. Библ. въ Берлинѣ).

Wie wär'es bester Freund! wenn Sie die Freunde machen den Philosophen dem Herrn Leibarzt Zimmermann gäben (der mich schon darum angesprochen), dass er Sie bey Reichen in Leipzig noch auf die Ostermesse könnte drucken lassen. Von dem Honorario gäb'er Ihnen soviel für Ihren Freund Herrn Hellwing ab als ihm der Druck der Wolken gekostet, *„zugleich versprächen Sie ihm aufs heiligste ein ander Stück von mir das vielleicht gegen Michael fertig wird, gewiss, kann ich sagen, da es nur noch an der letzten Hand fehlt die ich dran lege"*.

Es wäre mir aus Ursachen die auch Herr Leibarzt Zimmermann weiss lieber die Freunde diese Ostern in Leipzig erschienen zu sehen überdem muss ich Ihnen aufrichtig gestehen dass ich gegenwärtig durch Schulden und andere wunderbare Verwickelungen mich in einer Geldnoth befinde die *üble* Folgen auf mein ganzes künftigen Schicksal haben könnte. Umarmung.

Lenz.

Приписка сбоку страницы: Herr Reich würde vielleicht auch die Correcktur, Pappier und Vignetten besser besorgen können und bey meinem ersten Wiedereintritt in das Publikum seit meinen verdrieslichen Autorhändeln muss mir daran gelegen seyn. Wie befinden Sie sich in Ihrem neuen Zusammenhange? Die Nähe des Herrn Leibarzt Z. wird Ihnen sehr erquicklich seyn. Machen Sie diesem verehrungswürdigen Mann meine wärmste Empfehlung. Auch Herrn Hellwing empfehlen Sie mich.

Könnte ich auf das möglichst geschwindeste ein Exemplar der Vertheidigung W. sobald es schwarz auf weiss ist (oder vielmehr einige) bekommen, ich bin ihrer höchst bedürftig, besonders da ich *Wielanden* selber davon geschrieben und ihn von der Wahrheit meiner guten Gesinnung gegen ihn überzeugen möchte.

Die Wolken sind doch schon *so gut als vernichtet* worden? Ich stütze mich auf Ihr Wort.

Wollten Sie allenfalls sich selber die Mühe nehmen Herrn *Wieland* ein Paar

*) 3 стр. in 4°. Помѣтка: den 11-ten Merz 76, на 4-й стр. адресъ.

Vertheidigungen ohne Namen und Ort zuzuschicken, damit er sie desto eher bekommt und sein Misstrauen gegen uns entwaffnet wird *).

. . . .

Auch dafür werde ich sie künftig schon mit mehrerem versorgen. Keine Erzehlung wie Zerbin aber ein kleiner Roman in Briefen von mehreren Personen, der einen wunderbaren Pendant zum Werther geben dürfte. Doch ist alles dies mir noch Entwurf. Von Fremden aber hab ich manche interessante Aufsätze liegen. Melden Sie mir doch gütigst mehr literarische Neuigkeiten.

10. Къ нему же **).

(По рукописи Корол. Библ. въ Берлинѣ).

Ich danke Ihnen lieber wahrer warmer Freund! für alle Ihre freundschaftlichen, soll ich lieber sagen, patriotischen Mühwaltungen. Alles ist *gegangen wie ichs wünschte* und das, weil das Geschäft Ihnen anvertraut war. Lassen Sie die abgedruckten Exemplare *alle* zu sich kommen und heben Sie sie sorgfältiger als *Schiesspulver auf* — (выноска сбоку: Kein Mensch darf sie zu Augen bekommen, oder unsre Freundschaft ist todt) — bis ich Ihnen sage was damit anzufangen. Eins möcht ich doch zur Probe haben mehrere Vertheidignugen aber halte ich mir ja aus. Der Verlust kränkt mich nicht, so beträchtlich er für einen Poeten ist. Und nun nehmen Sie nochmals meinen Dank und meinen Kuss und meine Umarmung für das Vollziehenhelfen einer Sache deren Folgen ich alle zu rechter Zeit zu benutzen wissen werde.

Jetzt will ich Ihnen gestehen, dass dem armen Hellwing ohnehin bey den Wolken ein Nachdruck würde zuvorgeeilt seyn, denk ich mit allen Kräften die ich anwandte nicht würde haben verhindern können. Es hatte jemand durch die dritte Hand das Mskpt bekommen eine Abschrift davon genommen und schrieb mir er würde es drücken lassen, ich möcht es erlauben oder nicht. Letzt ist auch das durch eine Aufopferung verhindert.

11. Къ нему же ***).

(По рукописи Корол. Библ. въ Берлинѣ).

Weymar d. 30 sten Aprill 76.

Haben Sie doch die Güte bester Freund Hellwing zu kontramandiren, das er keine Exemplare der Vertheidigung *Wielanden* zuschicke. Sie würden ihn nur beunruhigen, und ich habe den Mann zu lieb, ihm nicht alles zu erspahren was seine ruhige Dichterexistenz, die er gewiss verdient wenn sie ein Mensch auf Erden verdienen kann, unterbrechen könnte. Ich wünsche allen meinen Freunden, dass sie diesen Mann kennen lernten, wie ich ihn kenne und ihn liebten in dem Grade

---

*) Эта часть письма отъ словъ: Könnte ich и т. д. была напечатана Сиверсомъ, ibid. 88.

**) 1 стр. in 4°. Помѣтка: Empf. den. 16-teh März 1776.

***) 1 стр. in 4°.

als er's werth ist, sie würden sich dabey sehr wohl befinden *) Vom Musäum sprechen wir nicht eher, als bis ich aus Ihrer Liebe und Güte die erbethene Liste von den Appointements eines Hannöverisch Infanterie — und Cavallerie Regiments habe, voran mir alles gelegen ist. Ich befind mich hier so wohl dass mir meine Existenz halb wie ein angenehmer Traum vorkomt. Nichts desto weniger werd ich einen Monathen aufs Land gehen um zu meinen Arbeiten wieder-aufzuwachen. Ich umarme Sie nach viel Empfehlungen an Hr. Leibarzt Zimmermann als Ihr

aufrichtigster Freund Lenz.

12. Къ нему же **).

(По рукописи Корол. Библ. въ Берлинѣ).

Lieber Freund Boje! Die Soldaten sind nicht von mir, ich bleibe dabey mögen die Herren die so geschwind mit dem Druckenlassen fertig waren, auch den Namen auf sich nehmen. Der Verf. des Hofmeisters darf Sie nicht irre machen, es ist nichts leichter geschrieben als eine Komödie von der Art, aber nichts schwerer verantwortet. Auch dächt ich hätten wir itzt Produckte in der vorgeblichen Manier die Menge als dass dieses itzt ganz nothwendig sollte und musste auf den Verf. des Hofmeisters schliessen machen. Kurz ich habe selbst bey dem der es zuerst Hr. Leibarzt zugeschickt, meinen Namen nur für einen andern hergegeben der verborgen bleiben *musste*. Und den die Bekanntmachung dieser Rhapsodie über kurz oder lang zu Grunde richten weird, da all seine Verhältnisse drüber zum Teuffel gehen. Es thut mir weh genug und ich habe mir alle Mühe gegeben vorzubiegen. Vielleicht hilft dies noch.

Verzeyhen Sie mein langes Stillschweigen, ich habe viel sehr viel zu thun und mich deswegen von aller menschlichen Gesellschaft abgesondert. Schlosser wird Ihnen vielleicht den Engländer schicken; aber unter angehängter Bedingung nicht meinen Namen zu nennen, denn auch ich will und darf nicht überall genannt werden. Wenn das Ding ohne Namen nichts nutz ist, so werfen Sies ins Sekret.

Es ist eine grosse Sache lieber! andere Leute nie als Individua sondern in und mit ihren Verbindungen zu behandeln. So wird einem oft ein Dolch ins Herz gedrückt und man weiss nicht über wen man sich beklagen soll. Ich rede hier nicht *von mir*; aber der Verf. der Soldaten—wenn er weniger jung, weniger Hofnungen gebend, mir weniger anhänglich gewesen wäre, welches Sie auch aus dem Styl sehen Können, würde ich kein Wort Sagen. Hätt er doch nie meine Bekanntschaft gesucht und das unglückliche Talent noch ein wenig ruhen lassen.

L.

Nur dass dieser Brief nicht aufgedruckt wird.

На 1-й стр. сбоку: Verzeyhen Sie meine Länge über einen so uninteressanten Punkt für Sie. Es liegt mir zu sehr am Herzen als dass ich nicht bitten und geilen sollte um Stillshweigen.

---

*) Ср. *Sievers* J. M. R. Lenz. Vier Beiträge, Riga 1879, стр. 91.

**) 3 стр. in 4о. Помѣта: Empf. den. 13-ten Aug. 1776.

Сбоку 2-й стр.: soll und muss der Verfasser der Soldaten heissen so *heisst Steenkerk*, ich darf auch meinen Namen nicht länger hergeben da ich in *zuviel* Verdrusslichkeit dadurch gerathen würde und man von mir auf ihn rathen könnte. Nur eine Scene ist von mir.

Тамъ же внизу: thun Sie mir die Liebe und hindern die Publizität der Soldaten soviel an Ihnen ist, bitten auch Zimmermann drum. Nur nicht viel davon geredt, ich bitte, noch weniger geschrieben.

На 3-й стр. сбоку: Ich danke für die Liste: sie kam mir zwar ein wenig zu spät. Wissen Sie mir nicht zu sagen, wohin man Briefe an Hr. v. Lindau adressirt und wenn wieder ein Schiff abgeht auch ob stark gewarten wird.

13. Къ нему же *).

(По рукописи Корол. Библ. въ Берлинѣ).

Darf ich Sie um Ihrent-und meinetwillen bitten, das [Blättgen] über die launigten Dichter noch nicht in Ihr Musäum zu rücken. Unser Publikum hat noch keinen Sinn dazu und es könnte entsetzlich misswerstanden werden. Haben Sies auf bis Zeit und Gelegenheit Beobachtungen günstiger sind, die durchaus auf keinen einzelnen Fall dürfen gezogen werden und wo diesmal die Anwendung auf Wieland, auf *dessen wenigste* Sachen sie passen, unvermeidlich wäre.

Ich schwärme in der Schweitz herum, habe in Schieznach vier goldene Tage gelebt, in Zürich Basel und Schafhausen viel Liebe genossen. Sagen Sie Zimmermann, dass seiner als Grundleger der helvetischen Gesellschaft mit vieler Erbauung ist gedacht worden und dass er an Hr. Docktor Stucker, einen würdigen Menschen unter den Würdigen, einen warmen Freund hat. Dass der Landprediger bald auf einander folgt freut mich, überhaupt würden Sie wohlthun, ihre Sachen nicht mehr so zu zertrennen, worüber man hie und da und von siherer Hand viel Beschwerden geäussert hat. Natürlich ists dass drey Viertheil von dem Eindruck des Ganzen verloren gehen. Wär'es möglich noch die zwo Hälften zu verbinden, würden Sie sehr wohlthun denn wenn ich die Strahlen eines Brennspiegels auseinander werfe, kann kein Flämmlein erfolgen. d. 26-ten Mäy 1777.

На 1-й стр. сбоку: Wenn dies ins Musäum kommt darf ich Ihnen nie wieder etwas zu schicken.

14. Къ отцу **).

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Bester Vater!

Es war die Mutter vom nunmehrigen geheimen Legationsrath Goethe, die ich in Frankfurt auf der Durchreise das erstenmal kennen gelernet, von der ich Maman das schrieb. Seine Schwester, eine gleichfalls sehr würdige Dame ist lange verheurathet mit einem Mann der ihrer werth ist.

---

*) 3 стр. in 4°.

**) 4 стр. in 4°, 1776 г. изъ Веймара.

Ich Ihrer spotten — das ist ein Gedanke, der mich tödten würde, wenn ich nicht hoffen dürfte, dass er nur aus Ihrer Feder, nicht aus Ihrem Herzen gekommen ist. Ich sehe mein Vater, dass es ein Schicksal ist, das ich nicht ändern kann, wegen Entfernungen der Zeit und des Orts von Ihnen und allen den Meinigen missverstanden zu werden. Wie heilig mir Ihre Briefe sind, mag Gott Ihnen durch einen andern Weg als durch meine Feder künftig bekannt machen, oder auch nur ahnden lassen. Fahren Sie fort mir diese *höchsten* Beweise Ihrer Güte noch zu zuschicken wenn Sie mich dessen werth glauben.

Goethe ehrt Sie wie ich. Die Welt ist gross mein Vater, die Wirkungskreise verschieden. Alle Menschen können nicht einerley Meynungen oder vielleicht nur einerley *Art sie auszudrücken* haben. So unvollkommen das was man in jedem Fach der menschlichen Erkenntniss *modern* nennt, seyn mag, so ist es. wie Sie selbst mir nicht ganz absprechen werden, jungen Leuten doch nothwendig, sich hinein zu schicken, wenn sie der Welt brauchbar werden wollen. Glücklick sind sie wenn sie Väter haben wie ich, deren Beyspiel auch bey veränderten Umständen und Zeiten immer und ewig ihnen Muster bleiben muss. Das sage ich weder aus Heucheley noch aus Schmeicheley, denn *was für Vortheile könnte mir beydes bringen*, sondern aus Erkenntniss der Wahrheit, aus inniger Verehrung und Anbetung des Geists der in Ihnen webt und würket.

Die Briefe meiner Geschwister stärkten mich gleichfalls. Sagen Sie Fritzen ich werde Sorge für seinen Auftrag haben, fürchte aber, er werde ein wenig unthulich seyn, falls nicht etwa ein Landsmann nach Lief- oder Curland hineingeht, der einen Burschen mitnimmt. Mein Bruder Christian ist immer der einzige Mensch der mich noch am besten verstehen kann; sein Glück, seine Znfriedenheit sind die meinigen. Schwester Lottgen und Liesgen bitte ihre Munterkeit nicht zu verlieren, das Leben wird heutzutage immer bitterer — und immer süsser. Ein Augenblick—ersetzt Jahre voll Kummer—auch ein Augenblick wie der wenn ich Nachrichten von Ihnen erhalte. Schwester Norgen möchte ich sehen, Bruder Carl wird die Hofnungen seines Vaters nicht so grausam hintergehen als ich. Dürft ich billen alle Ihre Schattenbilder zu nehmen, und sie mir verkleinert mit einem Instrument das man Storchenschnabel nennt, im Briefe zuzuschicken. Ich muss noch hinzusetzen, dass ich jetzt durch die Bekanntschaft Wielands eines der grössesten Menschen unsers Jahrhunderts, dessen Werth aber freilich nur erst die Nachwelt ganz schätzen wird und ich darf sagen durch sein Herz und seine Freundschaft eine der glücklichsten Aquisitionen meines Lebens gemacht.

Darf ich nochmals um Ihre Lebensgeschichte flehen. Nur auf einem Blättgen wenns Ihre Zeit nicht erlauben will. Ich küsse Mama und Ihnen die Hand und alle Geschwister tausendmal. Ihr gehorsamster Sohn

J. M. R. Lenz.

На 1-й стр. сбоку: Wie *Goethe* und die Seinigen sich zu allen Zeiten gegen mich bewiesen und wieviel ich Ihnen schuldig bin, kann ich nie genug erkennen und rühmen.

На 2-й стр. сбоку: Bitten Sie doch Bruder Carl um die *einzige Freundschaft* mir in einer guten Stunde aus Ihrem und meiner Mutter Munde historische Nach-

richten von meinen *Grosseltern* (выноска: wollten Sie mich *würdigen*, etwas von Ihrer eigenen Lebensgeschichte dazu zu thun, würd ichs mit dem *höchsten* Dank erkennen) so wohl von *Ihrer* als von mütterlicher Seite aufzuschreiben und zuzusenden, er wird *unserm Herzog* damit *Freude* machen. Die Gnade dieses Fürsten für mich ist Gottes Werk.

На 3-й стр. сбоку: ich küsse Schwester Norchen und bitte sie das Glück ganz zu fühlen und zu schätzen, der letzte Trost ihrer Eltern zu seyn.

На 4-й стр. сбоку: im Merkur werden Sie mich bisweilen auch finden.

15. Къ Циммерману *).

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Hier mein treflicher Freund und gönner die gedruckte Köpey eines Gedichts das der von Seiten seines Herzens wahrhaftig liebenswürdige Lindau kurz vor seinem Abmarsch nach Amerika (der nun würklich erfolgt ist) gemacht hat. Er äusserte in seinem letzten Briefe den Wunsch oder vielmehr er beschwur uns, wenn wir mittelbar oder unmittelbar einigen Zusammenhang mit Amerika hätten, es dahin an den D. Franklin oder General Washington kommen zu lassen und ihnen zugleich einige Personallen von dem Verfasser zu melden. Wis wissen uns (Wieland Goethe und ich) bey dieser Foderung an niemand zu wenden, als an Sie mein theurester und da Sie die Sache der Freiheit auch unter allen Verhältnissen lieben, so glaube ich wenn Sie es füglich thun können, werden Sie auch diesen letzten Willen des treflichsten aller Don Quischotte vollziehen helfen, da in der Trat wie ich glaube den Kolonien eine Erscheinung dieser Art nicht anders als willkommen und aufmunternd seyn kann. Und man überhaupt nicht weiss was ein ausgeworfener Saamenstaub für gute Folgen haben kann.

Ich habe auf Ihren nur gar zu geahneten Rath an Hellwieg durch unsern Freund Boje geschrieben (dem ich mich gütigst sehr zu empfelen und ihm für die Mittheilung der Komödien und seines Freunds Matthei und der Herren von Holzschuh zu danken bitte) und mir die Bekanntmachung der Wolken sowohl als ihrer Vertheidigung sehr ernsthaft verbeten, hoff auch dass dieser gute Mann Hellwieg Wort zu halten nicht für eine Sache halten wird, der ein Mensch auf der Welt sich überheben könne, besonders sobald er handelt und in Verhältnissen steht. Zudem habe in der Vertheidigung Druckfehler gefunden die dem ganzen Dinge ein schiefes und hässliches Ansehen geben, *gefühllos* anstatt *gefühlig*, gewiss ich müsste selbst gefühllos seyn wenn ich die Bekanntmachung einer so nachteiligen Vertheidigung W. ertragen könnte. Statt N ist I und andere dergleichen Spässgen die mir den ganzen Zweck der Schrift verderben, die überhaupt bey unsrer gegenwärtigen Lage wenig Wirkung thun wird.

Ich arbeite jezt an einem Werk über die Soldatenehen das ich wohl französisch schreiben und die Reise werde nach Paris machen lassen. Ein Gegenstand

---

*) 4 стр. in 4o, изъ Веймара, безъ имени адресата. Есть основаніе предполагать, что письмо предназначалось Циммерману, о которомъ часто упоминается въ письмахъ Ленца къ Бойе. Ср. Aus Herders Nachlass, II, 362 сл.

den ich schon bey drey Jahren in meinem Korf herumgewelzt. Bitte sehr unsern Freund Boje mir das versprochene zukommen zu lassen. Er wird vielleicht von Schlossern etwas von mir in sein Musäum erhalten, das hier am Hofe viel Sensation gemacht hat. Wieland Goethe und ich leben in einer seeligen Gemeinschaft, erstere beyde Morgens in ihren Gärten, ich auf der Wiese wo die Soldaten exerziren, nachmittags treffen wir uns oben beym Herzog, der mit einer auserlesenen Gesellschaft guter Leute an seinem Hofe die alle (so wie auch wir) eine besondere Art Kleidung tragen und er die *Weltgeister* nennt seine meisten und angenehmsten Abende zubringt. Goethe ist unser Hauptmann.

Ich werde wohl bald den gar zu reitzenden Hof verlassen und in eine Einsiedeley hier herum gehen meine Arbeit zu Stande zu bringen, zu der ich hier nur Kräfte sammle. Sodann bin ich für die ganze Welt und für alle meine Freunde todt. Ich bitte sehr das keinen Unterschied in unserm künftigen Zusammenhange machen zu lassen. Sagen Sie mir doch, mein Gönner, ob man in Hannover französische Sachen darf drucken lassen. Reich will nicht dran wegen der Schwierigkeit des Umsatzes. Auch wollte Sie gehorsamst fragen, ob die versprochenen Exemplare der Soldaten wirklich an mich nach Strasb. abgegangen, ich könnte Sie hier gar zu gut brauchen besonders da hier soviel ich weiss weder Buchladen noch Buchandel ist und ich sie nicht einmal für Geld bekommen kann, meinen Freunden aber Exemplare abzubetteln mich schäme.

Auch Sie werden die traurige Neuigkeit von der russischen Grossfürstinn *) wohl gehört haben, die ein gewisser Herr v. Edelsheim Regierungsrath am Carlsruher Hofe, ein artiger Mann und der sich einen Freund von Klopstock sagte, hieher gebracht hat. Der Herzog, besonders aber die Herzogin sind in der lebhaftesten Betrübniss darüber.

Die Fremden gehen jetzt hier sehr häuffig. Ich habe auch unter denen viele wunderbare Gelegenheiten gefunden, Personen die ich zu sehen aufgegeben hatte wiederzusehen. So den geheimen Rath Vietinghof aus Liefland zum Exempel, der ins Bad und von da nach Frankreich England und Italien geht und durch den ich vielleicht meine Schrift in Paris überreichen lassen werde, wenn ich sie nur noch aufs höchste gegen den October fertig gedruckt haben kann denn er bleibt nur die eine Hälfte des Winters dort die andere Hälfte passirt er in Italien.

Herder und Stollberg sind noch nicht hier **), der letzte kommt erst auf den Herbst, warum der erste aber zögert begreiffe ich nicht. Ich wünsche ihn aus allen Kräften hieher, hoffe auch dass die letzten Steinchen des Anstosses bald weggeräumt seyn werden. Der Herzog ehrt ihn ungemein.

Примѣчаніе на 4-й стр. сбоку: Im Merkur werder Sie künftig auch mich zuweilen sehen. Was ist doch die Frau v. Stein für ein Engel, deren Schatten Sie uns in Strasbr. wiesen.

---

*) Сестра герцогини Луизы, Наталья Алексѣевна, первая жена великаго князя Павла. † 26 апрѣля 1776. При Веймарскомъ дворѣ извѣстіе о ея смерти было получено 16 мая. См. Gedichte von Lenz, hrsg. v. Weinhold, стр. 99.

**) Гердеръ прибылъ въ Веймаръ въ началѣ октября 1776.

16. Къ нему же.

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Schon lange mein verehrungswürdiger Freund hätt ich Ihnen einige Zeilen zugeschickt wenn ich der Erinnerungen meines Herzens hätte folgen wollen; da meine Zeit aber mir nur zugemessen ist und ich in der Freundschaft die stillen und unbekanntbleibenden Gefühle den wortreichen oder auch nur denen die sich produziren möchten vorziehe, so habe ich einen Mann wie sie lieber der sich immer gleichbleibenden Ueberzeugung von unserer Hochachtung weil sie auf Werth gegründet ist und uns Werth giebt, lassen, als Ihnen durch unnütze Worte den Argwohn geben wollen, als könnt' ich einen Augenblick Ihre gute Meynung von uns in Zweiffel ziehen.

Darf ich Sie bitten sich gegenwärtiges Gedichts *) bey unserm Freunde Boje anzunehmen das hoffentlich die Aergernisse die ich dem Publikum in Ansehung Wielands gegeben wieder gut machen und denen Beherzigungen selbst die mich gezwungen über die Schnur zu hauen und die ich in der *Vertheidigung* etc. dargelegt, mehr Gewicht geben wird. Sie als ein erfahrener Steuermann auf der Wogen desselben sowohl bey Sturm als *Windstille*, müssen mich aufs halbe Wort verstehen.

Ich finde einen unaussprechlichen Reitz an der Einsamkeit, sie allein befriedigt alle meine Bedürfnisse doch find ich itzt Ihre Philosophischen Beobachtungen darüber mehr als jemals bestättigt. Ich wünschte von Herzen es erschiene einmal von *einer Feder wie* die Ihrige eine *Psychologische Diäthetick* für besondere Individua und besondere Fälle in die sie gerathen können.

Unter diese mein Gönner! gehört auch unser kranker liebenwürdiger Lindau von dem ich Ihnen doch sagen muss, dass ich ihn nicht ganz zu übersehen mich getraue, bis er ausgewirkt hat. Wer kennt alle die Keime in menschlichen Seelen—und kurz haben Sie die Gütigkeit, gegenwärtiges Brieflein, das ich ihm zur Ermunterung von verschiedenen seiner Freunde habe zusammenschreiben lassen, worunter Personen *von Gewicht sind* Herrn Staabss. Boje der mir das freundschaftliche Anerbieten gethan es zu besorgen, auf das angelegentlichste zu empfehlen.

Lenz.

Ich hoffe zu Herrn Bojens Geschmack er werde der zwey Noten halber die das ganze Stück bey *einer gewissen Gattung Leser* an denen ihm bey seinem Museum doch am meisten gelegen seyn muss, am meisten *heben* werden, keinen Anstand nehmen es einzurücken.

Die letzte scheint mir wegen einer gewissen Gattung neuer Schriftsteller die mit Wielands Manier wahre Abgeschmacktheiten sagen (so wie denn heut zu Tage jeder Mann von Werth seine Affen hat die sich dabey unvergleichlich, derweil er die schwere Noth kriegen möchte und das Publicum wie ein Betrunkener nicht weiss hinter wen es taumeln soll) *mehr als zu nöthig*, doch kann es Herr B. da-

*) Die Epistel eines Einsiedlers an Wieland. Gedichte von Lenz, 308.

rüber nach seinem Gutbefinden halten. Mich deucht er thut sich durch allzuviele Circumspecktion Schaden, sobald es Sachen gilt, worauf was ankommt. Gerade da ist die grösste Vorsicht oft die höchste Unvorsichtigkeit.

Приписка сбоку: Doch bitte ich vor allen Dingen Freund B. wenn ers ins Museum rückt, den Correcktor anzuhalten dass ja kein Druckfehler unterschleiche. So bin ich neulich *erschrocken* über gewisse Sachen (besonders Verse) die in der Schweitz von mir herausgekommen sind, die ich kaum selbst verstund, geschweige wiedererkannte.

17. Къ Линдау *).

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Ja lieber Lindau es ist geschehen das Luftschloss ist gebaut und auf Deine Unkosten. Sag mir nur vem ich die 9 Louisdor wieder einhändigen soll die Du mir geliehen hast. Deinen Fräulein Schwestern oder Schlossern oder Lavatern dass sie sie zur Erziehung Deines Peters anwenden. Sobald ichs im Stande bin will ich auch weiter für ihn sorgen und in Deine Stelle treten. Was sollte er auch jetzt in Amerika? Wenn er reiffer ist kann er Dir schon nachreisen. Ueberhaupt hast Du mit Dir genug zu thun und so gern ich gewollt hätte, so war Deine Idee doch unmöglich auszuführen. Ich bekam das Geld erst den 15-ten nach der Schweitz nach Zürich hätt es 8 Tage gehen müssen von da nach Marschlins, ehe Dein Bube in Strasburg ankommen wäre warst Du über alle Berge geschweige denn ehe wir beyde die Reise hinaufgemacht.

Zu dem hatte ich dringende Angelegenheiten die meine Gegenwart in Weymar nothwendig machten und die Du auch einmal erfahren und Dich darüber freuen sollst. Mach nur dass Du bald wieder nach Europa kommst. Sey brav aber nicht zu verwegen. Vor allen Dingen behalte kaltes Blut und Augenmaas die Grenzen der Gefahr abzumessen und dann ihrer zu lachen. Gewöhne Deine Soldaten dem Musketenfeuer geschlossen und mit aufgepflanzten Bajonetten entgegenzugehen ihr werdt die Feinde aus der Fassung bringen sie werden schiessen aber nicht treffen. Kommt ihr nah so schiesst auch aber zielt nicht zu hoch, in einer Entfernung von 50 Schritt zielt nach dem Bein. Vor allen Dingen marschirt fest und gerade dass die Linie nicht an zu schwanken fängt. Die kreutzenden Feuer sind die besten wenns doch geschossen seyn soll. Im Marschiren schiesst gar nicht. Könnt ihr den Feind mit Bäumen die halb umgehauen halb noch an den Wurzeln hängen und mit Strömen die ihr an einem Ort dämmen könnt, damit sie an andern austreten aufhalten so thut es. Kehrt euch an die Kanonen nicht die mehr Lärmen machen als Schaden thun, verändert eure Bewegungen und eure Märsche beständig so verwirrt und dekontenancirt ihr den Feind. Und seht ihr die Kolonisten einmal so sagt ihnen dass die Narren sind dass sie für eine Freiheit fechten die in

*) Heinrich Julius von Lindau, другъ Гете и Ленца, отправившійся въ 1776 г. въ Америку для участія въ войнѣ колонистовъ съ Англіей. Ср. *L. Geiger*. Ein Brief von Lenz an Lindau (Blätter für litterar. Unterhaltung. 1898. № 10).

der Natur der Englischen Verfassung nicht liegt die nur ein eingeschlichener Missbrauch ist. Das Unterhaus hat nie Stimme im Parlament gehabt als da die Könige Geld von ihnen brauchten und den Adel scheeren wollten. Sie hatten nie ein anderes Recht als zu bitten Suppliken einzureichen und das behalten sie ja noch. Wenn der König sie nöthig hat und sie ihm Geld stossen wird er ihnen schon mehr bewilligen. Unterdessen gehabt euch wohl und Gottes Schutz walte über euch. *Er wird walten über euch.* Und hab ich euch beleidigt vezeyht mir. Der Peter wär auch nur zur Last dort geworden und nach Europa sollt und müsst ihr wieder zurückkehren mein lieber lieber Lindau.

mit innigster Wemuth
Lenz.

Macht die Distanzen zwischen eurer Divisionen immer grösser und grösser, so sehen sie euch immer für noch einmal soviel an. Ich schicke das Geld Deinen Fräulein Schwestern mögen sie damit disponiren oder Lavatern wie Dus befielst.

In der Magna charta von England steht kein Wort vom Unterhause. Nur durch das Geld das sie dem König Eduard stiessen brachten sie es bey ihm dahin.

Auch werden es die Kolonisten nicht lange machen alles rüstet sich wieder sie und das Geld wird ihnen in die Länge auch schon fehlen. Schreibt aus Amerika an mich, wenn ihr euren Peter verlangt kann er künftigen Frühjahr ein wenig gescheuter mit den Schiffen zu euch kommen.

Greven ist bey euch, grüsst ihn feurig wenn er mich gleich nicht leiden kann.

18. Къ нему же.

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Wie Lindau ihr wollt in den Lehrjahren eures Lebens da ihr auf alles das was gross und edel ist Ansprüche habt euch hinlegen und sterben? Warum nicht lieber ausschlaffen? Pfuy schämt euch solchen Entchluss weise zu nennen. Wisst ihr denn nicht dass die Natur alles langsam reift, dass alles seine Stuffen und Grade hinaufgehen muss also auch ihr. Die Schnecke kriecht und kommt endlich zum Ziel der Löwe läuft und kommt nicht weiter und nur auf das Auge kommt es an, so scheint euch der Löwe eine Schnecke. Wollt ihr übereilen was seiner Natur nach nicht übereilt werden kann? Wollt ihr im Alter von achtzehn Jahren ein Greiss seyn? Wollt ihr Thaten gethan haben eh andere noch den Gedanken dazu fassen und wenn sie noch nicht gethan sind verzweiffeln? Verzweiffelt dass die Erde 365 Tage braucht eh sie um die Sonne geht, verzweiffelt an ihren Kräften. Eure Kräfte wirken unmerklich, aber eure abgeschmackte Phantasie macht euch weiss dass ihr keine habt weil ihr kein Atlas seyd.

Wollt ihr euch todtschiessen lassen oder juckt euch die Haut so das Leben zu verlieren so geht nach Amerika und verliert es auf eine edle Art. Wollt ihr alles verlieren so setzt das Leben doch wenigstens auf die Karte und versucht ob ihr damit nicht alles gewinnen könnt. Verwünscht sey der Thomas wenn er euch nichts anders lehren kann als deklamiren und Testamente machen. Ihr Testamente

machen in einem Alter von 18, 19 Jahren? Die Idee ist so kindisch als wenn die Mädchen die mit Puppen spielen sich verheurathen. Wer hat euch das Recht gegeben zu sterben da ihr noch nicht gelebt habt. Wer das Recht euer Vermögen zu testiren und wegzuwerfen, da ihrs noch nicht selber gebraucht habt. War das Recht fremde Kinder anzunehmen da ihr aus euch selbst noch alles mögliche zu machen habt. Ich hasse die Leute die andere erziehen wollen, jeder hat mit sich selbst genug zu thun.

Das Schweben ist Mangel des Muths euch zu etwas zu bestimmen, seyd etwas oder seyd nichts. Geht nach Amerika oder bleibt zu Hause und baut euer Landgut bis euch was besseres einfällt. Mich deucht aber euer Geist muss durchaus Beschäftigung haben, macht also meinthalben Projeckte nur macht sie nicht so ungeheuer dass sie Traum bleiben müssen, ihr macht euch und eure Freunde lächerlich dadurch. Fangt an auszuführen und solltet ihr auch zu Nicht gehn darüber, ein Tag giebt den andern.

Euch ermorden? wisst ihr mein Freund dass jedermann darüber lacht und wenns geschieht noch ärger lachen wird. Euch ermorden aus langer Weile wie der Engländer der sich vor den Kopf schoss, weil er nichts neues in der Zeitung fand. So schlägt man Flöhe todt aber keine Menschen. So geht denn mit und macht die Expedition und bedenkt dass die Natur es ist die Kräfte giebt, nicht wir selber, dass sie sie im Augenblick der höchsten Ohnmacht giebt, wenn wir uns nur in die Nothwendigkeit setzen welche zu haben und dem Gott glauben der in ihr arbeitet. Ihr aber wollt Wasser auf den Berg leiten ohne zu pumpen und wenn es sich nicht von selber hinaufbegiebt verzweiffeln und sterben und Testamenter machen. Euer Peter ist ein Schurke wenn er euch feig oder misstrauisch gegen euch selbst macht. Eure Imagination trägt das in den Jungen hinein was in eurer Seele liegt ihr seyd der Peter und eure Momentane Existenz wird erst unterm Gewehr in Amerika angehn.—Lasst was für den Peter zurück zur Erziehung und denkt weiter nicht an ihn: wenn es euch wohl geht überm Jahr etwa oder in einigen Jahren könnt ihr ihn ja nachkommen lassen. Setzt eure Existenz nun einmal dran, im erheischenden Fall wird euch der Verstand u. die Gegenwart des Geistes schon kommen, euch herauszuhelfen das ist nun aber freilich das Kind das oft mit vieler Angst geboren wird.

Das ist mein Rath u. Goethens u. Wielands u. Salis u. aller Menschen Thiere Engel Götter u. Halbgötter. Sterbt aber sterbt als Mann.

Lenz.

19. Генриху Якобу Ленцу *).

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Weymar d. 20-sten Sept. 1776.

Meine theuersten Vaterbrüder!

Seit vier Jahren, da ich Sie zum letztenmal sah, wälze ich mich nun schon in der Welt auf und nieder, bis mich die Vorsehung endlich nach Weymar geführt.

*) Дядя поэта, родной братъ его отца.

hat, welches ich wohl sobald nicht verlassen werde. Die Erinnerung von Ihnen hat mich überall hinbegleitet und ich werde nie aufhören zu fühlen dass ich für alle die Freundschaft und Güte die Sie mir in Cöslin und Colberg erwiesen, Ihr beständiger Schuldner bin. Der Himmel verwandle meine Wünsche für Sie und die Ihrigen in Seegen und Glück, bis er mir Gelegenheit giebt, mehr als Wünsche zum Beweise meiner unveränderlichen Zärtlichkeit besonders für die letzteren sehen zu lassen. Unter diesen erinnere ich mich besonders meines kleinen Vettern in Colberg, des allerjüngsten, der mir soviel Freude durch seinen Anblick gegeben hat. Darf ich Sie zum Beweise dass Sie mich nicht ganz vergessen haben, bitten, mir doch alles was Sie von den Lebensumständen und Schicksalen Ihres seeligen Grosvaters und Eltervaters wissen unter der Adresse des Hr. *geheimen Legationsrath Goethe* in *Weymar* mitzutheilen. Ich erinnere mich von meinem Vater soviel gehört zu haben, dass der erstere im dreyssigjährigen Kriege gedienet und der andere wo mir recht ist Staabsoffizier gewesen. Diese Nachrichten,. wenn sie mir aufs eheste gegeben würden, könnten mir besonders jetzt ungemein vortheilhaft werden. Ich bin so frey besonders meinen jüngsten Hr. Onkel mit diesem Auftrage beschwerlich zu fallen, dessen Güte für mich schon bey so manchen Gelegenheiten mich ihm vorzüglich verbindlich macht. Sollten allenfalls die Vaterbrüder in Cöslin mehr Specielles von *Ihrem Grosvater* wissen so bitte doch, sich dessfalls an sie zu wenden.

Die Ursache warum ich gerade diese Nachrichten mir ausbitte, würde Ihnen auseinanderzusetzen die Grenzen eines Briefes überschreiten. Seyn sie übrigens versichert dass es mir auch an diesem Hofe wohlgeht und dass ich wohin mich auch mein Schicksal verschlägt mich jederzeit mit der wärmsten Hochachtung Ergebenheit und Liebe nennen und zu beweisen suchen werde als Ihren

ganz ergebensten Neffen

Lenz.

Приписка сбоку 1-ой стр.: Ich bin schon seit dem Aprill in Weym. Bitte mir doch die Nachrichten *sobald es möglich*, gütigst zu kommen zu lassen. Von meinem Grosvater erwähnen Sie nicht, wenn ich bitten darf.

Адресъ: Herrn Herrn Heinrich
Jacob Lenz
berühmten Handelsmann zu
Colberg in Pommern.

20. Къ Гете *).

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Ich bin zu glücklich Lieber als dass ich deine Ordres dir von mir nichts wissen zu lassen nicht brechen sollte: wollte Gott ich hätte deine Art zu sehen und zu fühlen und du zu Zeiten etwas von der meinigen, wir würden uns glaub ich beyde besser dabey befinden.

*) Письмо писано въ имѣніи г-жи Штейнъ Кохбергѣ и относится къ 1776 г. (октябрь). 3 страницы in 4°. Обозначенное точками мѣсто оторвано въ рукописи.

machen in einem Alter von 18, 19 Jahren? Die Idee ist so kindisch als wenn die Mädchen die mit Puppen spielen sich verheurathen. Wer hat euch das Recht gegeben zu sterben da ihr noch nicht gelebt habt. Wer das Recht euer Vermögen zu testiren und wegzuwerfen, da ihrs noch nicht selber gebraucht habt. War das Recht fremde Kinder anzunehmen da ihr aus euch selbst noch alles mögliche zu machen habt. Ich hasse die Leute die andere erziehen wollen, jeder hat mit sich selbst genug zu thun.

Das Schweben ist Mangel des Muths euch zu etwas zu bestimmen, seyd etwas oder seyd nichts. Geht nach Amerika oder bleibt zu Hause und baut euer Landgut bis euch was besseres einfällt. Mich deucht aber euer Geist muss durchaus Beschäftigung haben, macht also meinthalben Projeckte nur macht sie nicht so ungeheuer dass sie Traum bleiben müssen, ihr macht euch und eure Freunde lächerlich dadurch. Fangt an auszuführen und solltet ihr auch zu Nicht gehn darüber, ein Tag giebt den andern.

Euch ermorden? wisst ihr mein Freund dass jedermann darüber lacht und wenns geschieht noch ärger lachen wird. Euch ermorden aus langer Weile wie der Engländer der sich vor den Kopf schoss, weil er nichts neues in der Zeitung fand. So schlägt man Flöhe todt aber keine Menschen. So geht denn mit und macht die Expedition und bedenkt dass die Natur es ist die Kräfte giebt, nicht wir selber, dass sie sie im Augenblick der höchsten Ohnmacht giebt, wenn wir uns nur in die Nothwendigkeit setzen welche zu haben und dem Gott glauben der in ihr arbeitet. Ihr aber wollt Wasser auf den Berg leiten ohne zu pumpen und wenn es sich nicht von selber hinaufbegiebt verzweiffeln und sterben und Testamenter machen. Euer Peter ist ein Schurke wenn er euch feig oder misstrauisch gegen euch selbst macht. Eure Imagination trägt das in den Jungen hinein was in eurer Seele liegt ihr seyd der Peter und eure Momentane Existenz wird erst unterm Gewehr in Amerika angehn.—Lasst was für den Peter zurück zur Erziehung und denkt weiter nicht an ihn: wenn es euch wohl geht überm Jahr etwa oder in einigen Jahren könnt ihr ihn ja nachkommen lassen. Setzt eure Existenz nun einmal dran, im erheischenden Fall wird euch der Verstand u. die Gegenwart des Geistes schon kommen, euch herauszuhelfen das ist nun aber freilich das Kind das oft mit vieler Angst geboren wird.

Das ist mein Rath u. Goethens u. Wielands u. Salis u. aller Menschen Thiere Engel Götter u. Halbgötter. Sterbt aber sterbt als Mann.

Lenz.

19. Генриху Якобу Ленцу *).

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Weymar d. 20-sten Sept. 1776.

Meine theuersten Vaterbrüder!

Seit vier Jahren, da ich Sie zum letztenmal sah, wälze ich mich nun schon in in der Welt auf und nieder, bis mich die Vorsehung endlich nach Weymar geführt

*) Дядя поэта, родной братъ его отца.

hat. welches ich wohl sobald nicht verlassen werde. Die Erinnerung von Ihnen hat mich überall hinbegleitet und ich werde nie aufhören zu fühlen dass ich für alle die Freundschaft und Güte die Sie mir in Cöslin und Colberg erwiesen, Ihr beständiger Schuldner bin. Der Himmel verwandle meine Wünsche für Sie und die Ihrigen in Seegen und Glück, bis er mir Gelegenheit giebt, mehr als Wünsche zum Beweise meiner unveränderlichen Zärtlichkeit besonders für die letzteren sehen zu lassen. Unter diesen erinnere ich mich besonders meines kleinen Vettern in Colberg, des allerjüngsten, der mir soviel Freude durch seinen Anblick gegeben hat. Darf ich Sie zum Beweise dass Sie mich nicht ganz vergessen haben, bitten, mir doch alles was Sie von den Lebensumständen und Schicksalen Ihres seeligen Grosvaters und Eltervaters wissen unter der Adresse des Hr. *geheimen Legationsrath Goethe* in *Weymar* mitzutheilen. Ich erinnere mich von meinem Vater soviel gehört zu haben, dass der erstere im dreyssigjährigen Kriege gedienet und der andere wo mir recht ist Staabsoffizier gewesen. Diese Nachrichten.. wenn sie mir aufs eheste gegeben würden, könnten mir besonders jetzt ungemein vortheilhaft werden. Ich bin so frey besonders meinen jüngsten Hr. Onkel mit diesem Auftrage beschwerlich zu fallen, dessen Güte für mich schon bey so manchen Gelegenheiten mich ihm vorzüglich verbindlich macht. Sollten allenfalls die Vaterbrüder in Cöslin mehr Specielles von *Ihrem Grosvater* wissen so bitte doch, sich dessfalls an sie zu wenden.

Die Ursache warum ich gerade diese Nachrichten mir ausbitte, würde Ihnen auseinanderzusetzen die Grenzen eines Briefes überschreiten. Seyn sie übrigens versichert dass es mir auch an diesem Hofe wohlgeht und dass ich wohin mich auch mein Schicksal verschlägt mich jederzeit mit der wärmsten Hochachtung Ergebenheit und Liebe nennen und zu beweisen suchen werde als Ihren

ganz ergebensten Neffen

Lenz.

Приписка сбоку 1-ой стр.: Ich bin schon seit dem Aprill in Weym. Bitte mir doch die Nachrichten *sobald es möglich*, gütigst zu kommen zu lassen. Von meinem Grosvater erwähnen Sie nicht, wenn ich bitten darf.

Адресъ: Herrn Herrn Heinrich
Jacob Lenz
berühmten Handelsmann zu
Colberg in Pommern.

20. Къ Гете *).

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Ich bin zu glücklich Lieber als dass ich deine Ordres dir von mir nichts wissen zu lassen nicht brechen sollte; wollte Gott ich hätte deine Art zu sehen und zu fühlen und du zu Zeiten etwas von der meinigen, wir würden uns glaub ich beyde besser dabey befinden.

---

*) Письмо писано въ имѣніи г-жи Штейнъ Кохбергѣ и относится къ 1776 г. (октябрь). 3 страницы in 4°. Обозначенное точками мѣсто оторвано въ рукописи.

Ich schreibe dir dies vor Schlaffengehen, weil ich in der That bey Tage keinen Augenblick so recht dazu finden kann. Dir alle die Feerey zu beschreiben in der ich itzt existire, musste ich mehr Poet seyn als ich bin. Doch was soll ich dir schreiben dass du falls Schwedenborg kein Betrüger ist alles nicht schon vollkommen musst geahndet gesehen und gehört haben. Wenigstens haben wirs an all den Gebräuchen und Zauberformele nicht fehlen lassen mit denen man abwesende Geister in seinen Zirkel zu bannen pflegt; wenn du nicht gehört hast, ists deine Schuld.

Mit dem Englischen gehts vortrefflich. Die Frau von Stein findt meine Methode besser als die deinige. Ich lasse sie nichts aufschreiben als die kleinen Bindewörter die oft wieder kommen; die andern soll sie a force de lire unvermerkt gewohnen, wie man seine Muttersprache lernt. Auch bin ich unerbittlich ihr kein Wort wiederzusagen was den Tag schon vorgekommen und was mich freut ist, dass sie es entweder ganz gewiss wiederfindet oder wenigstens auf keine falsche Bedeutung räth, sondern in dem Fall lieber sagt, dass sies nicht wisse, bis es ihr das drittemal doch wieder einfällt. — Nur find ich dass sich ein Frauenzimmer fürs Englische ganz verderben kann, wenn sie mit Ossianen anfängt. Es geht ihr sodann mit der Sprache wie mir und Lindau mit dem menschlichen Leben.

Lieber Bruder du hast entweder selbst meine Brieftasche oder Philipp hat sie gefunden, schicke mir sie doch. Wenigstens dein Gedicht das ich hineingelegt hatte — alles, denn ich weiss selbst nicht mehr was drin ist. Schick doch auch sonst was mit für Frau v. Stein, etwa d. Jungs Autobiographie von der ich ihr erzehlt habe. Ich komm in der That hieher wie ein Bettelmönch, bringe nichts mit als meine hohe Person mit einer grossen Empfänglichkeit, habe aber doch sobald ich allein bin grosse Unbehäglichkeiten über den Spruch dass Geben seeliger sey als Nehmen.

Dein Bote gieng obschon er alle Kräfte anwandte die ihm Weib und Kinder übrig gelassen mit der Geschwindigkeit eines Mauleseltreibers; ich wäre eben so geschwind und ungefähr in eben der Gemüthsfassung mit blossen Knieen auf Erbsen nach — gerutscht; und doch war eben der Merkurius den andern Morgen als ich ihn wollte ruffen lassen, dir Frau v. Stein Brief und Zeichnungen zuzuschicken, (obschon ichs ihm Abends vorher hate notifiziren lassen) über alle Berge. Wofür du ihn sermoniren kannst damit ers ein andermal in ähnlichen Fällen nicht wieder so macht.

I beg thee to see *frequently* the spouse of the lady. I have a pressentiment thou willst thank me of having given thee a counsel ....
needful at least ....
it is only given...
thou kno ....
imagine all..
suffers constantly ....
She must sea.......................... ....
much del ....
tranquillity of mind...

21. Къ отцу.

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Dorpat. d. 6-ten Jenner 1780.

Mein theuerster Herr Papa!

Eben komme von Herr Grafen Manteuffel wo wir mit dem Dorpatschen Bruder und seinem Weibgen und Kindern zu Mittag gegessen. Die Post geht in einigen Sekunden und dieser Brief ist dringender als je einer war, um Ihnen zu berichten, dass, da ich itzt schon den halben Weg gemacht und noch die Versäumniss bey des Herrn Assessor Bergs Sohn nachzuholen seyn wird, ich mit einer guten Gelegenheit gerade nach Petersburg zu gehen denke, um wenigstens die Lage der Sachen einmahl in der Nähe zu übersehen. Darf ich Sie nun wohl theurester Herr Papa! um aller Güte und Liebe willen die Sie noch für mich haben, bitten, dass Sie sogleich sich aufs Schloss verfügen und ein gutes Wort für mich bey Sr. Erl. dem Hn. General Gouverneur einlegen, ihm meinen Entschluss melden, und wie unentbehrlich und für mein ganzes Glück entscheidend wohl jetzt ein Paar Worte Empfehlung von seiner Hand mir in Petersburg an den Herrn geh. Rath Betzkoi seyn werden, wo meine natürliche Schüchternheit die Unbekanntschaft mit der Sprache, folglich auch mit den Sitten, mir tausend Hindernisse in den Weg legen, gesetzt auch dass ich von keinem Mitkompctenten, welche zu befürchten hätte. Se. Erl. wissen besser, als ich es nöthig habe zu sagen, wieviel bey der Schätzung der Kenntnisse und Brauchbarkeit eines jungen Menschen auf den ersten Debüt ankommt und auf die Gelegenheit die man ihm macht, sie zu zeigen. Nicht die vollkommene Erfüllung dessen was man sich von ihm versprochen, sondern nur die Fähigkeit, sich diesem Ideal durch eigenen Fleiss künftig bis zur Vollkommenkeit nähern zu können, ist das was man zu seiner höshsten Empfehlung sagen kann. Geschichte, und Philosophie, die den Staatsmann; Mathematick und Bekanntschaft mit den Erfahrungen der alten und neuen grossen Feldherrn, die sie in ihren Tagebüchern hinterlassen, die den künftigen Kriegshelden bilden — hoffe ich im Stande zu seyn, mit dazu gehörigen alten und neuen Sprachen zu dociren: vielleicht können Sr. Erlaucht schon aus der übersetzten Schrift beurtheilen, mit welchem Glück in Ansehung Vortrages und Methode... Eben kommen Freunde mich zu bewillkommnen. Verzeyhen Sie theurester Vater das ich bey der Eilfertigkeit der Post mit abbrechen muss, eh ich Ihnen noch gesagt, mit welchen tausend Segenswünchen und Grüssen Ihre sämmtlichen lieben Kinder in Neuhausen und Dorpat Ihnen beyderseits die Hände küssen. Ich hoffe das nächstemahl mehr und umständlicher zu schreiben, der Bruder hat Moritzens geschrieben, dass sie auch herüber kommen. Was für Grüsse hätt ich Ihnen nicht noch von den Herrn Pastor Frank und Pastor Sass zu überschicken die mich wie Bruder Schmidt mit Freundschaft uberhäuft haben. Auch Herr Graf Manteufel empfielt sich nebst seiner vortreflichen Gemalinn. Wollten Sie die Gütigkeit haben, gegenwärtige Punkte zu Sr. Erl. mitzunehmen, um mit ihm darüber zu sprechen. Sollte er aber sie selbst zu sehen verlangen, bitte sie doch von Bruder Carl gütigst abschreiben

zu lassen, weil ich dis hier nur in der Eil entworfen und es mir unmöglich ist, ins Reine zu bringen, weil die Post abgeht.

Noch eins mein theurester Vater! Die Hauftsache zu meiner Reise ist Geld — ich habe mirs zum Gesetz gemacht, Ihnen damit nicht beschwerlich zu fallen: eins aber können Sie thun und um diese väterliche Barmherzigkeit muss ich Sie ansprechen; dass Sie so gütig sind und bey Hartknoch mit ein gut Wort für mich reden und für mich, wenn ers fordert kaviren. Ich hab ihm geschrieben, was ich brauche und wie bald ich ihm die Summe wiedergeben kann, ich mag nun in Petersburg bleiben oder zurückkommen, im ersten Fall wird es nicht schwer halten, ihn höchstens in 3, im letzten Fall, *höchstens* in 4 Monathen völlig zu befriedigen da ich Monathlich auf 30 Thlr. stehe. Sobald ich Hartknochs Brief erhalte, schick ich ihm die Obligation; werde also demselben und ein Paar Zeilen von Ihrer Hand mit der ungeduldigsten Erwartung entgegensehen, da ich ohne diese nicht aus dem Fleck kann — und nicht immer die Gelegenheit sich so findet, dass die mich zu sehen neugierigen Geschwister und Freunde mich von einem Ort zum andern schiessen. Lassen Sie uns also bester Vater! die Sache sattsam und gründlich angreiffen und nicht länger auf Luft und Schatten einer ungewissen Zukunft bauen, da das Gegenwärtige so nicht wiederkommt. Das Künftige was meinem Herzes näher läge, wird schon von sebst kommen, wenn es kommen will und kommen kann, welches mein Herzens Bruder Pegau der so gern sich mit Träumen abspeist, die er freylich nach seinem Gefallen einrichtet, so schwer begreiffen kann.

Hauptsächlich aber dass man eine Zeit lang gearbeitet und sich bey den Planen anderer Leute versucht haben muss, eh man selbst Plane machen kann. Verzeyhen Sie meine Eile und Feder und erfreuen mich, wenn Ihnen mein Glück und Ihre Zufriedenheit lieb ist, baldmöglichst mit einigen gütigen Zeilen Ihrer Hand über diese wichtigen Punkte meiner Reise und meiner Bestimmung. Nach tausend Handküssen von uns sämtlichst an Ihnen und meine theureste Mutter

Ihr gehorsamster Sohn
J. M. R. Lenz.

Сбоку 1-й стр. Ich lege das vom Hn. Gen. Gouverneur verlangte Blatt bey. worüber mir mit umlauffender Post aus Ihrer Gütigkeit nur mit zwo Zeilen Antwort bitte, wenigstens sobald es seyn kann. weil die Reise nun mehr als zu sehr pressirt. Ich werde noch acht Tage hier bleiben um die Briefe aus Riga zu erwarten. Theurster Papa! bedenken Sie gütigst, dass dieser Schritt für mein ganzes künftiges Leben entscheidet und alle übrige Aussichten schwankend und unsicher sind, auch immer bey dieser bestehen können.

На 2-oй стр.: Hartknoch giebt gewiss wenn Sie borgen wo nicht alles wenigstens soviel er kann: $^3/_4$: die Hälfte wenigstens....... Hier ist alles abgebrannt.

Tausend Grüsse von Oldekops u. allen Freunden an Sie, Mama auch Bruder Carl...... Die gutkranke Schmidtin wird Ihnen mit der Post geschrieben haben.

22. Къ брату *).

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

St. Petersburg d. 28-ten März 1780.

Lieber Bruder!

Dein anhaltendes Stillschweigen macht mich nur immer dreister und weil der der einen Finger hat, nach Petersburg. Methode die Hand nehmen muss, wenn er sich und andere nicht in Verlegenheit setzen will, so schicke dir noch einen Beytrag zu meiner nothwendigen auswärtigen Correspondenz, welcher sie aber auch wohl auf immer beschliessen wird. Wohin dieser Brief geht, wirst du leicht erachten und was er mich gekostet, wird dir dein Herz sagen **). Es hält schwer sich in abgerissene Verhältnisse hineinzusetzen, wenn einen die gegenwärtigen bis an die Seele einengen. Ich habe Unrecht, dass ich diesen Brief nothwendig nenne, denn wegen der Personen die er angeht, ist er nur billig und schön, auch wohl nicht unerwartet, da ich ein 4 Jahr kontinuirlich das Haus, an dem (sic!) ich dir die Adresse gebe, wie ein Naturalisirter Strassburgischer Freund besucht und es von keinem Landsmann, der es gekannt, noch ohne diese Höflickeit geblieben. Auch hab ich ihne die *Flüchtigen Aufsätze* in gewisser Art dedicirt, die in der Schweiz herauskamen. Die Adresse des Briefes ist: A Mons-Brion, Etudiant en Philosophie a Strasbourg, zu erfragen und abzugeben in dem Hause des Herrn geh. Rath Schöll in der Schlossergasse. Das Porto wirst du noch dismal so gütig seyn, auf deine Hörner zu nehmen—und mir mit dem für den vorigen zu berechnen.

Gestern macht ich mit einem aus Kamtschatka hierher zurück gekommenen kommandirenden Major Böhm einen Besuch bey dem bekannten Herrn Prof. Pallas, der mich sehr glücklich gemacht hat. Ich hoffe noch besser und näher mit ihm bekannt zu werden, obschon seine Wohnung so entlegen ist. Das einzige was mich abhalten könnte, wäre die Furcht, mit zu einer Bereisung der dortigen Gegenden (so vortheilhaft auch sonst die Bedingungen seyn mögen) angetreten zu werden. Es giebt gewisse Anträge die sich mit guter Art nicht ablehnen lassen — und das Beyspel fast sämtlicher hiesigen Professoren u. Adjunkten der Akademie, Güldenstedt, Georgi, Pallas u. s. w.—würde Aufmunterung oder Versuchung genug seyn—Gott lenke meine Wege nach seinem Rath. Pallas versichert, dass es ihm unter den Ostiaken besser gefallen als in Petersburg.

Lieber Bruder! wenn du doch einen der Liphardschen Häuser sprichst, lass gelegentlich was durchschwitzen, von dem befreundlichen, mit Petersburg nicht allein, sondern mit allem was in der ganzen Welt Handlung heissen kann, so barbaro modo unkundigen Betragen des Bar. Gustav Schulz gegen unsern liebenswürdigen Brauer. Er schreibt ihm einen Brief, als ob er ihn an seinen Domestiken schriebe, den er in Petersburg zur Bestellung seiner Brandweinslieferungen besoldet. Nun kanst

---

*) 4 стран. in 4°.

**) Дѣло идетъ о письмѣ къ Фридерикѣ Бріонъ.

du dir vorstellen was das in einem der ersten Handlungshäuser in Petersb. für Eindruck macht *)..

Sey doch auch so gut wenn du Papa schreibst, ihn zu bitten, gelegentlich was einfliessen zu lassen, für all die Freundschaft und Güte die mir Brauers (u. *Pflugs)* hierzukommen lassen. Sie verdienen es doch wahrhaftig. Wäre es auch möglich dass du an Hr. Major Igelstrohm, der dich jedesmal grüssen lässt, für alles was er mir erzeigt hat, ein Paar Worte auf der Post schriebst würd ich es als ein Zeichen deines brüderlichen Herzens erkennen. Auch an Past. Wolf könnt eine Erinnerung in deinem Briefe nicht schaden, der mich so oft invitirt und so oft deiner gedacht hat, auch mich nach dich fragen. Von Papa selbst könnt ein Brief der so eingerichtet wäre dass ich ihn allen Gönnern und Freunden vorlesen könnte auf einmal mir sehr beförderlich werden. Bitt ihn doch dass er sich in demselben aber des allzuängstlich Thuns enthalte, weil es in aller Absicht mehr schadet als nutzt und auf seinen Karacter ein häslich falsches Licht wirft. Mit Klagen ist hier gerade *alles zu verschlimmern* und niemals was auszurichten, welches ich wohl erfahren—besonders wenn man weiss, oder zu wissen glaubt, dass der Klagende keine Ursache dazu hat.

Die Versäumnis dieser Stücke hat mir bisher schon viel geschadet — viel bey allen.—Ich werde ihm nächstens selbst drüber schreiben. Ueberhaupt macht es eine unfreundliche Miene, dass ich von meinem Vater hier keinen Brief vorweisen kann—weil in den seinigen von Versinken in Schulden, Gefängniss Verfaulen in der Policey u. s. f. die Rede ist—Ausdrücke die hier häslich könnten angesehen werden, besonders da er noch keine Ausgaben hier für mich gehabt hat, und mit Gottes Hülfe (wozu er aber doch wenigstens soviel beytragen muss, dass er mich mit seinem Ansehen unterschtützt und nicht thut, als ob ich ein *geborener Knecht* wäre) es doch in Kurzem zur Entscheidung kommen muss. Auf die Art schadet er mir mehr, da jedermann aufmerksam werden würde, warum er mir unfreundlicher als andern Geschwistern begegnet.

Schrieb es Papa aber auf keine Art die ihn aufbringen oder auch nur verdriesslich machen könnte, wenn du seine Ruhe und mein Leben lieb hast. Ich mag mich darüber selbst nicht beschweren, weil ich fürchte es mit zu viel Heftigkeit zu thun.

23. Къ брату **).

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Cronstadt. d. 20-ten May 1780.

Lieber Bruder!

Du wirst mir verzeyhen dass ich diese Antwort des Obristen Ribas an dich, so wie die an Papa solang aufgehalten und noch mehr dass ich beyde erbrochen habe. Es ist unmöglich dir die gegenwärtige Lage meiner Umstände zu sagen, ich

*) Пропускаемъ подробное изложеніе упомянутаго здѣсь недоразумѣнія.

**) 4 стран. in 4°.

bitte dich also dein Urtheil darüber zurückzuhalten. Ich wollte dir den Brief gar nicht schiken, ich fürchtete aber du würdest den Obristen einer Unhöflichkeit fähig halten, welches sein Fehler nun wohl gewiss nicht ist. — Die Ursache des Briefes möchte wohl mit in der Offerte liegen, deren ich letzthin in einem Briefe an dich gedacht, und um derentwillen ich jetzt hier bin. Soviel kann und darf ich dir nur sagen, alles ist am Rande der letzten Gährung. Drey Aussichten unter denen ich nur eine wählen kann — und bey welchen allen vorsichtig verfahren werden muss. Ich habe deinen Brief an eine bewusste Dame der Frau Obristin K. gegeben und sie kann eine sehr wirksame Mittelsperson zu meinem Glück werden.

Alles geht und muss gehen und eine dieser Offerten der andern durchhelfen, wenn es mir nur an den Nothwendigsten nicht fehlt, am Gelde. Denk in welcher verzweiffelten Situation mich dieser Mangel trift, da er mich zwingt eben da unthätig zu seyn, wo oft ein Schritt alles entschieden haben würde. Meine Freunde können mich länger nicht unterstützen, sie haben das letzte gethan mich zu beschämen. Wär es möglich dass du nur 25 Rubel *Vorschuss* nach mir—und zwar aufs baldigste auftreiben könntest. Stelle dir vor, welch ein Qual mein ganzes verhunztes Leben mir bereiten würde, wenn alles sich vereinigte mir aus der Schmach eines verunglückten Gesuchs herauszuhelfen und ich bloss aus Ohnmacht oder Misstrauen meiner Verwandten die wenigen Schritte die man mir übrig lassen musste, nicht thun konnte. Du hast gut rathen, wie Papa, von augenblicklichen Annehmen der ersten besten Information oder was anders, beste theureste, ihr bedenkt nicht dass ich damit alles andere verderbe. Informire wie ein Schulmeister und hoffe dann noch jemals wieder zu gefallen. Und ohne zu gefallen, ists doch unmöglich zu einem honetten Platz zu kommen, wo du auch mit einiger Ehre arbeiten kannst. Also glaub doch nicht, dass der Vorschuss vergebens ist, denn ich versichere dich, dass das Gefallen von dem ich rede, nicht durch Müssiggang sondern durch Arbeit—erhalten wird—mit dem einzigen Unterschied, dass man dafür keine Bezahlung verlangen darf. Schreyt nur nicht, lieben! was denn herauskommen soll wenn man nichts verdient etc. Es heisst hier mehr als jemals, wer seine Hand an den Pflug setzt und zurückzieht—entweder ich muss auf der Bahn fortfahren oder ich hätte sie nie betreten sollen. Ich bitte dich, schick diesen Brief Papa, mag auch da herauskommen, was wolle. Er wird wenigstens soviel Zutrauen zu mir haben, dass ich weder Verschwender noch Müssiggänger genug sey, auf dieser Laufbahn fortzugehen, wenn ich nicht wüsste, dass sie zum Ziel führen würde. Die Stetigkeit mit der ich auf dem Antrag im Landkorps beharrt bin, hat mir weder geschadet, noch wird sie mir in der Zukunft schaden, da wenigstens jetzt ganz Petersburg überzeugt ist dass das Fehlschlagen desselben mir bey dem Zusammenstoss von Umständen nicht zur Unehre gereichet. Mündlich könnt ich dir 1000 Sachen mehr drüber sagen, wenigstens *ich habe* mich über den Obristen nicht zu beklagen, obschon er mich 100 Rub. gekostet—vorjetzt nicht mehr, denn littera scripta... es giebt Körbe selbst, die uns mehr helfen als Bewilligungen—der einzige Fehler auf seiner Seite—(wenn es *sein* Fehler ist) wäre der, dass er mir sie nicht eher gegeben.

Gott warum mach doch 40 Meilen solchen Unterscheid — Ich kann und darf jetzt nichts sagen, als schick mir itzt so schnell als möglich 25 Rb. und ich bin auf immer geholfen, und du und Behrens in Riga bekommt eure Geld vor dem Winter wieder. Kannst du nicht, so kann Papa vielleicht: bitt ihn seinen Sohn aus dem Schiffbruch seiner Ehre und seines Glücks zu retten. Noch einmal, dis ist die letzte Foderung, die ich an Papa und dich thue. Und meine Gründe dazu zu sagen ist — unmöglich. Ich denke du wirst den Sinn dieser Worte leicht einsehen, sobald du nur ein wenig die gegenwärtige Lage der öffentlichen und besondern Angelegenheiten eines jeden allhier—überdenkst und wie die erstern auf das Schicksal des allerletzten Bürgers mitwirken müssen. Gottlob dass alles itzo ruhig und glücklich ist—auch das ein Beweiss der allenthalben hindringenden Weissheit unserer höchsten Gesetzgeberinn—und dass ein jeder gleichsam wieder wie von ferne zu leben und zu wirken anfangen kann. Du wirst aus dem Datum sehen, wie lange des Obristen Briefe bey mir gelegen. Schrieb mir deine Meynung darüber nicht— und *bitte Papa*, dass er sie mir auch nicht schreibt.

Man kann und darf einmals von Handlungen oder Sachen urtheilen, wenn man die kleinsten Ursachen derselben nicht weiss, und das Muthmassen kann oft unwiederbringlich weiter fehl führen, als die vorsetzlichste Missdeutung.

Soviel muss ich dir sagen dass wieder beym hiesigen Landkorps alles vorbei ist, da es sich noch immer an dem stösst *dass man keine neue Stelle kreiren will*, noch auch sonst es an Versorgungen fehlet. Das Seekorps in Cronstadt ist von nicht wenigerer Wichtigkeit als das Landkadetten Korps und meine Beförderung an demselben oder in einem andern Fach hängt lediglich von der Rückkunft der Monarchinn ab. Du wirst aus beygelegten Briefe an den Herrn Kammerhern Igelstrohm mehr ersehen.

Hier folgt auch ein Briefgen an Moritzsche und Schmidsche den ich aufs schleunigste zu befördern und zu unterstützen bitte.

Dein Weibgen und deine Kinder aufs zärtlichste umarmend als

dein getreuer Bruder
J. M. R. Lenz.

Mit nächster Post schreibe an Papa, vorher aber muss — aufs schleunigste— Nachricht *von dir haben*, ob der Herr G. Gouverneur *Braun* mit der Monarchinn gereist oder ob er in Riga, und sie vielleicht auf der Rückreise wieder wo sehen werde; imgleichen ob General Berg mit gewesen und ob du ihm mein *Exposé zugeschickt*. Lieber Bruder, Eure Aengstlichkeit und Misstrauen in mich schadet mir unaussprechlich, ich darf — gewisse Sachen nicht schreiben die Euch über meine Handlungen mehr Licht geben würden: da ist *Zutrauen nothwendig*. Und auch das, *dass du nicht grad jeden fragst*. Der Rath einer gewissen Person, die du mir empfalst hat mir geschadet. Antworte doch bald ich bitte dich.

Dies kann nicht schaden, Igelstrohm mag seyn was er will. Es hätte mir schon viel genutzt.

Noch einmal lieber Bruder, sage Igolstr. nichts von dem, was ich von dir zu wissen begehre und glaube mir doch, dass ich nicht ganz mit der Stange im Nebel

herumfahre. Es hat Ursachen die ich dir nicht sagen kann schriftlich. Antworte mir aber ja aufs schleunigste, damit ich Papa schreiben kann und andern Personen, an die es schon lang nöthig war.

24. Къ брату *).

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Liebster Bruder,

Eben komme ich dazu, an dich zu schreiben, mehr um dich und meine Freunde über mein Schiksal zu orientiren, als um ausführliche Nachrichten zu geben, die du jetzt nicht von mir erwarten wirst. Ich habe das Glück gehabt, durch die Gnade des Hofes und meines theuersten Grossfürsten dem Hause des H. Vizepräsidenten v. Böhmer vorgestellt zu werden, mit welchem sich jetzt der Ambassador v. Portugall verbindet, welcher eine der Fräuleins heurathet. Auch bin ich einer Englischen Dame von der Verwandschaft des Hr. Kabinetssekret. vorgestellt worden. die eine Geselschaftsdame des Englischen Ministers ist. So fangen sich meine Bekanntschaften an ein wenig zu bilden, und auszubreiten, welches mir zu einer Zeit. da ich mir ein Publikum von verfeinertem Geschmack erwerben möchte, keine geringe Aufmunterung für mich ist.

Beruhige also meine Freunde über den Zwischenstillstand, den mein Schicksal schien genommen zu haben — weil man, um sich Bekanntschaft zu erwerben — bey der ädlern Klasse von Menschen sich mehr leidend und ruhig, als unzeitig wirksam verhalten muss. Herr Baron v. Maltiz hat mich bey der Garde anzubringen versprochen, wo eine Kadettenschule für meine Kenntnisse eben so viel Hebung verspricht, als der Dienst selbst für meine Gymnastick und die Gesundheit meines Körpers. Ich hoffe als endlich mentem sanam in corpore sano zu erhalten, welches Hr. Pastor Oldekopp zu sagen bitte. Dabey aber von Herzen wünschte — u. s. f. dass mir einmal ein einfältiger Dienst geleistet würde.

Dank also mit mir der Vorsicht für die Gnade der besten Fürstin, die, wenn sie gleich so unendlich über mich erhaben ist sich in den Flüssen mahlt, die sie mit Glanz erfüllt

Shksp.

und hilf mir bethen, dass meine Führung derselben nicht ganz unwürdig sey. Uebrigens wünsche deinem und Hr. Past. Oldekopps Garten bey herannahenden Frühling noch mehr Reiz für Euren Geschmack als der Häuserbau geben konnte. wider den ich sonst nichts habe, als dass er mir ein wenig steinern ist — und diese Eigenschaften auch unserm Zutrauen mittheilt. Indessen „ein jeder bey seinem Geschmack“ wird wohl auch ein deutsches Sprichwort bleiben, und so bin ich aus Geschmack

dein treuer Bruder
J. M. R. Lenz.

D. 10-ten Apr. 81.

---

*) 2 стр. in 4°. Изъ Петербурга.

Die Bekanntschaft des Hr. Obristen v. Benkendorf in dem Hause S. Excell. des General Bauer würde mich gereizt haben. Papa die Bitte zu thun, die du mir einmal anrichtest — wenn es nicht so schwer hielte, ihn um einen Brief zu bitten. Die würdige alte Dame en question ist dieses Frühjahr schwer krank gewesen. Danke *Bruder Schmidt bald* für den Gouv. von *Novogorod*... es ist einer der vorzüglichsten Menschen, der Gouver. Sievers. Er wohnte beym General L.

Ist es denn nicht möglich, dass ich durch den Derptschen Fuhrmann Remmert Samuel, der in 8 Tagen hieher kommt, meine Sachen und Bücher erhalte, die bey Engelhardt, oder jetzt vermutlich bei Bürgerm. Vitl oder Hr. Haase in Walk stehn, erhalte. Ich denke doch, dass ich sie brauche!

25. Къ отцу *).

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Theuerster und Verehrungswürdigster Vater!

Ihre geneigte Zuschrift habe schon durch verschiedene Gelegenheiten beantwortet, aber noch nicht die mindeste erfreuliche Nachricht von Ihrem uns allen so theuren Befinden weder durch meine lieben Geschwister noch durch sonst einen Freund erhalten können. Wie glücklich wäre ich, wenn der Herr Pastor Gerzinsky mein würdiger Seelsorger und Beichtvater, der mir diesen Einschlag in seinen Brief erlaubt, ein Bewegungsgrund mehr wäre, mich aus der qüalenden Unruhe dieser Unwissenheit durch einige gütige Zeilen zu reissen. Sie haben die Güte gehabt, mich an den Herrn Past. Brunner und an dessen Verwandte und Freunde, die Herrn Mahler und Kaufmann zu adressiren, welche, da Me Exter ihre Behausung verändert, jetzt meine Nachbarn sind. Darf ich es aber wagen, theurester Vater! Da Sie die Güte gehabt, mir vierteljährig aus Ihrer väterlichen Milde eine kleine Zulage von 25 Rubeln zu versprechen (welche ich schon einmal durch den H. Past. Bruner erhalten) Sie gehorsamst zu ersuchen selbige diesesmal an meinen Beichtvater, den Herr Past. Gerzinsky zu adressiren. Die Ursachen, so mich dazu nöthigen, sind folgende. Erstlich hat dieser würdiger Mann. (der auf der Nachbarschaft des H. Brunners wohnt und mit ihm ein Herz und eine Seele ist) sowohl als der Herr Past. Brunner, sich viele Mühe gegeben, meinem Bruder in Derpt Subscribenten zu seinen geistlichen Reden zu verschaffen, unter welchen sich sogar verschiedene einsichtsvolle Personen von dem hiesigen Russischen Adel befinden. Mit vieler Beschämung muss ich Ihnen hier den Namen eines Major von Tshagin nennen, welcher so wie verschiedene hiesige vornehme Russen sich mehrere Jahre in Deutschland aufgehalten und da er Sprache und Sitten genau kennt, mir vielen Eiffer bezeugt hat, diese Reden zu lesen. Dieser würdiger Gönner, der mich shon mehrere Jahre lang unverdienter Weise mit Rath und That unterstützt hat, steht durch seine Schwester in Verwandschaft mit Ihrer Erlaucht der Directrice der Akademie der Wissenschaften. Der wenige Unterricht den ich seinen Kindern gegeben, hat ihn zu meinem Freunde und Beschützer gemacht und

*) Въ концѣ: Moskau den 18-ten November 1785. 3 страницы in-folio.

ich weiss das viele Gute das dieser Menschenfreund mir, besonders als ich mit Sprache und Sitten allhier noch völlig unbekannt war, durch nichts als ein eyfriges Gebeth für sein Wohlseyn zu erwiedern; besonders da sein Beyspiel mehrere ädle Russen veranlasst hat, sich meiner nicht bloss als eines Fremden, sondern mit Patriotischer Wärme anzunehmen. (Unter diesen muss ich besonders zwei junge Verwandte des Grafen von Foritsch zählen, welche, da sie schon einige Jahre vor mir in dieser Anstalt gebildet wurden mit dem Sohn der Me. Exter eine *ädle* Freundschaft errichtet und deren Onkel in eine der wichtigsten Angelegenheiten des Staats eine wichtige Rolle gespielt. Im gleichen einen teutschen Obristen, der von Petersburg hieher gekommen und seinen Reisegesellschafter bei uns eingeführt). Die zweite Ursache ist, dass Herr Rector Lau (ein ehemaliger Universitätsfreund des Bruders in Derpt) bei der deutschen Schule, die unter der Aufsicht des Herrn Past. Gerzinsky steht, das fürtreffliche Elementarwerk des Herrn Basedow mit Kupfern besitzt, und mir dasselbige erst kürzlich, da wir das Glück hatten dass Sr. Durchl. der Gräf v. Anhalt, der Mäzen aller Erziehungs—anstalten in Russland, hier durchgiengen, nicht allein sehen lassen sondern auch sich willig findet, mir dasselbe um einen billigen Preiss ganz abzustehen. Könnte ich theuerster Vater Ihr gütiges Geschenk wohl besser anwenden, als durch den Ankauf eines Buchs, das mir gleichsam erst jetzt meine erste moralische Existenz bei einer Erziehungsanstalt giebt, da es nicht blos für Eleven, sondern hauptsächlich für diejenigen verfasset ist, die sich mit der Bildung derselben beschäftigen. Kann ich der rechtschaffenen Dame, in deren Anstalt ich mich befinde und die nur erst kürzlich von *neuem* versprochen für meine Equipage Sorge zu tragen, dieser Dame, deren Vorsorge für 90 Eleven und 19 Lehrer, ihr noch Zeit übrig lässt, für mich so freundschaftlich zu sorgen, als etwa meine Schwester *Moritzin* thun würde, meine Achtung und Erkenntlichkeit besser bezeugen, als wenn ich ihr dieses Buch anbiethe und die Erklärung desselben bei einigen unserer jüngsten und liebenswürdigsten Pensionäre, deren Eltern uns mit Gewogenheit überhäufen, selbst übernehme. Ich bin so glücklich gegenwärtig einige um mich zu haben, deren Eltern mit Personen, die die höchsten Würden in unserm Senat einnehmen, in Verwandtschaft stehen, welchen ich mich sonst auf keine Weise nützlich machen oder zu empfehlen weiss. Zugleich halte ich es für meine Pflicht, da ich nicht im Vermögen bin, M. Exter Geschenke zu machen, ihr für alles Gute, das sie mir seit vier, fünf Jahren in Moskau erwiesen, wenigstens meine Bereitwilligkeit zu zeigen, auch mein Scherflein zu dem allgemeinen Besten, für welches ihre Anstalt eingerichtet ist, auf eine oder die andere Art beizutragen. Wollte Gott es könnte ein Senfkörnlein sein, unserm jungen Adel, bei seinen anderweitigen liebenswürdigen Eigenschaften, ein wenig Liebe zum Detail alles Dessen was zum menschlichen Leben gehört einzuflössen und ihnen zu fühlen zu geben, dass der allergeringste Mensch, wenn wir seine Fähigkeiten recht zu lenken wissen, wenn wir wissen, wie wir ihn bechäftigen dürfen und *sollen*, uns unaussprechlich nützlich sein kann. Ich habe das unmessbare Vergnügen, diese Gesinnungen schon hier an einem jungen v. Wiäsemsky und andern vornehmen jungen Herrschaften von seinem Alter (worunter sich auch ein junger Fürst Gagarin befindet) zu entdecken; es fehlt nur

noch an der *Kenntniss* der Mittel sie *dermaleinst*, zur Hoffnung unsers gemeinschaftlichen Vaterlands, in Ausübung zu setzen.

Ist es wahr, theurester Vater! dass Sie die Güte für mich gehabt, durch Herrn Hartknoch von hier eine Russische Bibel nach Riga zu verschreiben. Ich hatte eine herzliche Freude darüber, weil ich überzeugt war, dass Sie in derselben Ihr Bild finden würden: so wie es viele ädle Russen, die auch an meinem Schicksal einen Menschenfreundlichen Anteil zu nehmen würdigen, darinne finden. Darf ich doch bitten Herrn Hartknoch gelegentlich gütigst zu zufragen, ob er nicht einen Herrn von Töllner, Preussischen Offizier, kennt, welcher mir von Ihnen und dem Bruder in Dörpt zu meinem Troste sehr vieles erzehlt hat. Er rühmte mir ein gewisses Buch, dessen ich hier habhaft zu werden wünschte. Es heisst: Lebensläuffe in auf und absteigender Linie, von einem deutschen Plutarch, der aller Aufmerksamkeit und Nacheiferung würdig ist. Ein solcher Maler der Seelen und Sitten wäre hier am rechten Ort, wo sich *täglich* in der Nähe und Ferne so vieler Stoff dazu anbietet. Ein moralischer Chevalier de Luc würde den Reichtum der Karactere allhier, mit dem Geschmack und der Kürze behandeln müssen, mit welcher jener den Reichtum der Schöpfung in den Schweizergebirgen behandelt hat.

Wollte Gott, theuerster Vater! ich könnte Ihren Segen zu irgend einer Art von *fixer* Existenz in dieser Mütterlichen Stadt herüberholen! Die Würde welche Sie bekleiden, wird durch Ihre Person erst interessant und erregt die sympathetischen Emfindungen aller derer, so sich in ähnlichen Verhältnissen befinden. Sprechen Sie wenigstens schriftlich ein Wort des Trostes über mich, werden Sie zum andermal ein schöpferisher Vater meiner Ruhe und meines Glücks, zu dem ich in der Güte so vieler um mich verdienter Edlen einige Anstalten zu entdecken hoffe. Ich habe das Glück gehabt, Sr. Excellenz dem *Herrn Curator Cheraskoff* besonders empfohlen zu seyn und beschäftige mich gegenwärtig mit einem Aufsatz über einige Schönheiten seiner Gedichte, insofern sie auf die Erziehung der Russischen Jugend Einflüsse haben. Herr Hofrath *Schade*, der bey der Kaiserl. Commission zur Untersuchung hiesiger Schulanstalten war, ein Mann von lebenslänglicher Erfahrung über diesen Gegenstand, hat mich dazu gütigst aufgemuntert. Vielleicht bin ich so glücklich, da die hiesige käis. Universitat sich unsrer Anstalt mit besonderm Eiffer annimt, wenigstens dem Namen nach mit einige Ansprüche auf ein Art von Bürgerrecht bei derselben zu erhalten. Was meinen Muth und Zutrauen auf die allesbelebende Vorsicht unaussprechlich stärkt, ist der huldreiche Blick den der oberste Befehlshaber unserer Stadt auch auf unsere Anstalt zu werfen scheint. Soll ich Ihnen sagen, dass ich das Glück gehabt vor Sr. Durchl. dem Grafen Anhalt selbst vorgelassen su werden und dass dieser herablassende Menschenfreundliche Herr sich fast eine Viertelstunde mir zu unterhalten die Gnade für uns hatte? Welch ein Gemählde in einer solchen Gallerie als sich mir hier von allen Seiten aufthut um mein Auge — und vielleicht bald — auch meinen Pinsel zu üben!

Herr Major Hüne — und andere Freunde, denen mich der Bruder aus Derpt empfohlen, befinden sich gesund und munter. Darf ich bitten, meiner theuresten Frau Mutter und sämtlichen geliebtesten Geschwistern und Freunden tausend warme

Grüsse zum Neuen-Jahr zu sagen. Zeit, Raum und Umstände erlauben mir diesesmahl nicht ein mehreres Ihrer geneigten Fürbitte bey dem höchsten Geber aller Weissheit und Gaben, den ich für die Erhaltung Ihrer uns allen so theuren Gesundheit, Ruhe und Zufriedenheit unablässig auflehe, empfehle auch in diesem Jahr meines theuresten und verehrungswürdigsten Vaters

gehorsamster Sohn
Jacob Michael Reinhold Lenz.

Moskau den 18-ten November 1785.

На четвертой страницѣ адресъ:

Sr. Magnifizenz
Herrn Herrn Christian David Lenz
Generalsuperintendenten des Herzogthums
Liefland, und geistlichem Präsidenten im
Käiserlichen Ober - Consistorium zu
Riga in Liefland

unter gütigem Einschluss.

B. Письма къ Ленцу.

1. Отъ Гердера *).

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Mit Schimpf u. Schande, lieber Lenz, schicke ich Euch — so spät — und doch nur einige Bogen Deiner Komödie **)—und noch ohne Geld. An demselben Tage, da sie mir kamen, kam Dein Brief, dass die la Roche von Rochau werden sollte u. Du siehst selbst, Bruder, die Aenderung ist nicht möglich. Welcher Wahn oder Argwohn ists auch ändern zu wollen, als einer so weit hergesuchten Ursach. Wie die la Roche erscheint, ists ja nie ein Engel u. was gehört der andre hieher?— Nothfalls lass mich zeugen u. es bei ihr verantworten: das ganze Ding musste umgedruckt werden u. welcher Kerl thut das? Dazu hab ichs (um nicht neu Gerede zu erwecken) durch einen andern (Zimmermann) besorget: daher die Trödelei, darüber ich mich genug geärgert habe. Die Kerl von Buchh. wollts nicht vor der Messe erscheinen lassen u. dazu hatte er wohl Recht: im Grunde war mir das auch lieb, mit den letzten Bogen sollst Du gewiss das Geld haben, den Bogen 2 Duk. so hab ichs ihm gegeben. Ich ärgere mich, dass ich in der ersten Komission

*) Отвѣтъ на письмо Ленца, напечатанное въ книгѣ „Aus Herders Nachlass", I, № 8, стр. 236.

**) „Солдаты".

so lässig bestehe, liegt aber nicht an mir. Dank für Deine Kantate *) u. für Dein Wort über meine Apokalypse. Jedes Wort von Dir ist mir wahrhaftig Laut des Geistes, Zittern des grossen Sensoriums auf Einer Seite. Auch Deine unorthodoxe Kantate hat uns enzückt. Mein Weib liebt Dich 3. fach als Bruder u. mein Kleiner grinzt den Namen Lenz, wenn ich ihm Dein Schattenbild zeige, mit einem so feinen Ton aus, wie Du seyn musst.

Die Zurückziehung aus Gött. ist wahre Gotteserrettung. Den Tag, da die zweite Antwort aus London kam (mich ging die Sache von Anfang nicht an u. ich wünschte, dass sie zurückginge) kam mir Göthens Brief aus Weimar zur dortigen Gener. - Superint. Der Herzog hat feierlich bei mir angefragt, ich sage Ja u. nun stockts wieder—stockts! Gott wird mir helfen.

Und Du, was zitterst Du, wie ein Irrlicht zu erlöschen. In Dir ist wahrlich Funke Gottes, der nie verlöscht u. verlöschen muss. Glaube!—Ach u. schriebst Du mir doch manchmal ein Wort, was Du machtest, würcktest, dichtetest, sorgtest. Wie gern wollt' ich Dir näher leben. Auch sehn wir uns einmal wahrlich!

Ehgestern ging ich an meine Urkunde in Druck u. Nebel; am Tage da dein Brief kam. Er schoss einen Stral hindurch! Gebe Gott dass ich thue, was ich thun soll.

Hast du die Meinungen des Layen geschrieben? Ich bitte Dich um Deines Herzens willen, sag mirs.

Gott mit Uns dort am Ufer des Rheins u. hier am Bach Krith, wo die Raben mich hacken statt mich zu ernähren. Schadt aber nichts und wird helfen.

H.

9. Mz. [1776 г.].

2. Отъ него же.

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Hier, mein lieber L. sind Deine *Soldaten* mit dem Refrain 15. *Dukaten*. Eben schreibt mir Zimmerman, Dein grösser Freund, was Du mir eben in dem heutigen Briefe **) auch schreibst, dass Reich sie zur Michaelsmesse sparen soll. Er wirds thun, glaub'ich, wenn er sich nur nicht vor Nachdruck fürchtet, der seinem Vordruck zuvorkommt: die Leute sind ja vor einander nicht sicher. Halt also Deine Ex. wenigstens ein. (Die anderen Ex. mit der Fuhrpost).

Aber bist Du nicht zu sorgfältig und selbst quälend? Ziehst Spinnweb von Beziehungen im Kopf herum, die niemand vielleicht als Du siehest u. wenn sie auch jemand sähe—Herostrat muss die Hand nicht zurückziehen, wenns nun brennen will. Und dann brennts ihm doch wohl zum Possen.

Sei muthig u. hülle Dich in Deinen abgeschabten Mantel: alles geht vorüber und dem Muthigen mehr vorüber als dem Sorgsamen. Ich höre, dass die Wolken

---

*) „Die Auferstehung“. (Gedichte von I. M. R. Lenz. Hrsg. von Weinhold, № 37).
**) Ср. „Aus Herders Nachlass“, I, № 9.

nicht gedruckt oder unterdrückt werden sollen: gut, aber ich wollt doch Ein Ex. haben.—Sei frohen Herzens, wie es auch gehe; genug, Du hast sie nicht heraus wollen u. Deine Pflicht ist erfüllet. Das Uebrige ist nun Schicksal.

Wie mich der stumme Wink Deines Briefes freut u. betrübet — was redst Du vom Verschwinden! Du must noch Morgenstern werden u. Gott loben. Deine Briefe sind mir, wie die Herzensbeicht eines Mädchens nach dem ersten Fehltritt, heilig! O dass ich näher an Dir seyn könnte.

Mit Weimar stockts wieder (doch das unter uns) ich muss nach Ostern erst hin—denke!—Probpredigen. Nicht für den Herzog, versteht sich, sondern für die Stadtphilister und mich ahndets, ich komme nicht los. Da werd'ich sie alle sehen.

Mein Paradies ist fertig—es geht zur Katastrophe—wollt'es würd' Ostern fertig, oder läge schon da!—Tausendmal wohl, lieber Junge, Gott mit Dir.

H.

Dass die Wolcken Dein sind, weiss niemand: das Gerücht geht, es ist Goethe. Wir umarmen Dich beide. — Stella ist ein liebes Mädchen und Zug für Zug eine wahre Person. Das Stück hat Flügel der griechischen Aurora.

Mz. [1776].

3. Отъ него же.

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Hier, liebster Lenz, hast Du einige Flicke in den Merkur. Verrathe mich nicht oder entschuldige mich wenigstens bei Wieland, dass ich an Ihn nicht schriebe, u. wähle vorsichtig aus—Eins oder Keins. Ich will keinen neuen Hundelärm haben u. Euer Merkur soll ihn nicht durch mich haben. Also wählt vorsichtig — so immer ein Flick zum Einschieben—bald schick'ich was Anders.

Dein Brief lieber Lenz u. Dein Epilogus galeatus zur Urkunde hat mich u. Dich noch näher gebunden—Du bist der Erste Mensch, für den ich schreibe und kannst Du herrlich durchblicken, entschuldigen, überblicken, rathen. Schicke mir doch das Stück, oder mach'aus, dass der Merk. von diesem Jahr an mich geschickt wird ich will auch unter den Abonnenten seyn—und Du arbeitest fleissig dazu, lieber Junge.

Mit dem Zögern in Weimar gehts doch entsetzlich. Ich sitz hier freilich nicht auf St. Lorenz Kohlen u. doch unsanft, denn das Geträtsch ist überall hier herum und ich sitze. Frage Du doch bei, dass das Ding so oder so ausgeht, nur dass was gethan wird. Soll ich predigen, wohlan—

Und nun noch Eins, lieber Lenz. Da das Glück nicht wollte, dass ich Dich in Weimar vielleicht finde, so beschwör ich Dich, *komm zu mir!!!* wenn Du von dort zeuchst. Ich will Dir die Reis' ersetzen. Ich wollt gern zu Dir halbenwegs kommen, aber dann sieht Dich nicht mein Weib, u. sie will Dich so gerne sehn u. was is im Wirthshaus? Komm her, ich bitt u. flehe Dich, wenn Du nicht so lang in Wei-

mar bleibst, bis wir erscheinen. Oder bleib immer da, da wir dann herrlich singen wollen Hallelujah. Nochmals gesagt, dass ich die Fabeln *) dir vertraue. Leb wohl, lieber Lenz bester Junge. Grüss Goethen.

[Maй 1776].

4. Отъ него же.

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Lieber Lenz,

Da bin ich hier **) u. freue mich Dich zu sehen. Sonntag uber 8 Tage werde ich vermuthlich, was Du zu wissen verlangst, zuerst predigen. Den „Engländer“ gab mir Boje: „er könne es wegen des Endes nicht einrücken“. Vorigen Sommer hatte sich in Bückeburg die Kehle jemand abgeschnitten, dass nur noch einige Fasern hingen: sie wurde zugenäht: er riss sie sich 2 mal auf: es wurde eine Maschine gemacht, dass er den Kopf nicht regen konnte, u. in 4 Tagen war der Mensch besser. Er lebt noch u. befindet sich wohl u. freut sich, dass ihm das Kehlabschneiden nicht geglückt sei: so hätts *Tot* ***) auch werden sollen. Aber er ist tot wie sein Name anzeigt.

Den Egel von dem Du schreibst u. um den Du lebst, habe ich nur eine Viertheilstunde, zerstreut u. verwirrt, gesehen—Diana im Chor der Nympfen u. Dryaden.

Lebe wohl. Weib u. Kinder grüssen Dich. Mir ist wie allen Neuangekommenen, selbst im Elysium seyn muss. Ich habe Kaufmann hier gefunden, der morgen reist u. Dich sehr grüsset.

Dienstag. H.

5. Отъ него же.

(По рукописи Королевской Библіотеки въ Берлинѣ № 237).

Wenn Ihr nichts bessers habt, und einmal euer üppiges Fleisch kreuzig[en] wollt, liebes Brüderlein, so kömmt heute auf den Mittag und esst eine Suppe mit mir. Vielleicht kömmt Goethe auch.

[Веймаръ 1776].

6. Отъ Виланда.

(По рукописи Королевской Библіотеки въ Берлинѣ № 238).

Lieber Schatz, was du gern hättest kan ich Dir itzt nicht schiken. Dafür schick ich dir den Etat de France in 4. Octavbänden, voraus du viel detail lernen kanst. Hab Sorge zu den Büchern! Das Siecle de Louis XIV verlang von der Herzogin-Mutter; sie wird dirs gern geben, oder von *Kalb. Cura ut valeas.* Hab uns lieb, und mach dass du bald wieder hier existirst. Du kanst hier so gut einsam leben als in Bercka, wenn du nur ein für allemal ein wenig arrangirt bist—Wozu alles was dich lieb hat, herzl. gern behülflich seyn wird. Adieu.

Wieland.

27. August [1776].

---

*) Ср. „Aus Herders Nachlass“, I, стр. 241—242.

**) Въ Веймарѣ, куда Гердеръ пріѣхалъ 1 октября 1776. Ср. Гаймъ „Гердеръ“, II, 1.

***) Робертъ Готъ, герой пьесы Ленца „Англичанинъ“.

7. Отъ Мерка *).

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Ich danke Ihnen lieber guter Mann für Ihren treugemeynten Brief herzlich. Wir wollen also mit einander beginnen, u. es soll uns beyde nicht reuen. Lassen Sie sichs nicht leid seyn, dass die Welt Ihren Namen weiss. Sie haben mehr Freunde als Sie glauben, und wer Ihre Bücher goutirt, ist ein guter Mensch. Denn den flachen Köpfen u. Herzen sind sie so unausstehlich. Und der guten Menschen giebts doch viel, und der unverdorbenen, besonders unter den Weiblein. Hätten Sie nicht geschrieben, so wüsste z. E. unser Einer nicht zu seinem Troste, dass ein so guter Mensch mehr lebt, wie Sie, ob ich gleich glaube dass der Poeten mehr sind, die nicht schreiben, als die da schreiben, u. dass von jedes Menschen Empfindungen so viel verraucht, biss's aufs Papier kommt und dabei wird, dass nichts übrig bleibt als caput mortuum. Selbst Goethe mahlt offt mit Wasserfarbe Geschichte der Menschheit, wenigstens an manchen Stellen, um sein fascikel voll zu machen. Das weis er auch selbst, und ich habe ihm auch gesagt. Mit ihm hab'ich offt Ihre Liebes-Gedichte gelesen, u. gefunden was das ist, wahre Leidenschaft. Sie waren dem äussern Schnitt des todten Buchstabens nach Menantisch, Talandrisch **) u. Gottschedich, dafür hätte gewiss sie Ramler gebrandmarkt. Aber innen wehte der grose Wind heraus, der uns mitschaudern machte. — Von meinem Lumpreyen hab'ich jetzt nichts zum Absenden, wil ich so schreibe dass's kein Mensch lesen kann, und zum Copiren hab'ich keine Zeit eben. Dafür schick'ich Ihnen Herders Rhapsodie. Sie ist von dem grosen Gebrauch schon schadhaft geworden, bitte sie wohl in acht zu nehmen. Er hat sie gleich nach Empfang des Reinhards geschrieben. Ich hab den zweiten Th. begonnen, von dem nächstens. Etwas Rhypographisches auch von oder nach Swift. Die Romanzen führt Goethe alle in Einem Bande mit sich. Ich habe keine weiteren Abschrifften, u. die ersten Aufsäze sind mir alle verlohren gegangen. Ich hab ihm aber darum geschrieben. Von Herdern hab'ich noch viele Gedichte, die ich Ihnen alle nach u. nach sub Rosa mittheilen kann.—Wann ich künfftig was schnizele sollen Sie sehen; ich denke es wird mir doch Aufmunterung u. Trost seyn, wenns in Ihnen wiederhallt. — Könnten Sie uns nicht einmal besuchen, besonders wenn Claudius hier wird seyn? Bleiben Sie ja ich bitte Sie in Deutschland. Vor unser Einem ist in Russland kein Heil u. Seegen. Wir haben keine Körper, um in jenem Lande zu *geniessen* mit vielem huren, spielen, fressen u. sauffen. Und *unsere* Seelen, so wie alle Arten überhaupt, die auf etwas mehr als dem Miste thierischer Bedürfnisse wühlen, kann man dort ganz entbehren.—Ich lebe hier, wenn Goethe in Weimar bleiben solte, freylich auch auf einem verwünschten Land*fleck*, wo nie was gescheutes keimen kann u. wird. Aber die liebe

---

*) Іоганнъ Генрихъ Меркъ (1741 — 91), извѣстный другъ Гёте и отчасти прототипъ его Мефистофеля.

**) Меркъ намекаетъ на любимыхъ учениковъ Готшеда: Эрдманна Неймейстера (Menantes) и Бозе (Talander).

Noth ist das beste täglich Brod. Die hat mir noch beständig mein Dach geflickt, u. wirds auch so fort flicken. Lebten wir im Ueberfluss, so würden wir gens aisés, u. ennuyirten uns, hätten ausser unsern eigen, noch standsmässige Obstruction.— Ausserdem bin ich zu verschiedenen malen von Madame fortuna tüchtig gewamset worden, wofür ihr aber mit Yorik herzlichen Dank sage. Ich gäbe meine jezige Existenz nicht um aller Welt Güter willen weg, u. wenn ich noch einmal in Mutter Leibe zurückgehen, u. die Reihe *von mir selbst unabhängiger* mich angehender *Begebenheiten* wählen sollte, so solt's in Gottes Namen nicht anders seyn, als es gewesen ist.

Von Goethen hab'ich allerley hübsche u. gute Sachen. Haben Sie das Stück von Wieland Goethe u. die jüngste Niobe Tochter? wo nicht will ichs schicken. Sie schreiben jetzt dort farcen (sub Rosa) die sie matinées nennen, haben Sie nichts davon? Eine schöne Zeichnung von Krause hab'ich auch wo er sitzt, u. den Faust vorliesst, der Herzog u. alle andern um ihn herum. Ich denke unter der Addresse de Mme König u. der Frau Geh. Räthin Hesse könnten wir immer einander schreiben, ohne dass es Postgeld verursacht.

Leben Sie wohl u. gedenken Sie meiner offt z. E. wenn etwas von Ihnen nach Weimar geht, könnts nicht vorher ein bisschen hier anhalten? Ihre Posten hat mir Goethe nie wollen mittheilen. So eben scheint die liebe Sonne u. ich denke es ist besser Gottes Angesicht schauen als schreiben.

Leben Lie wohl u. halten Sie Ihr Versprechen nächstens zu schreiben. Ihr ganz eigener

Merck

d. 8-ten Mart. 1776.

8. Отъ него же.

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Darmstadt d. 17-ten Mart. 1776.

Nur ein paar Worte Freude u. Danksagung trefflicher Mann über die gute Nachricht von Ihrer baldigen Ankunfft. War das nicht ein herrlicher Einfall von Ihnen an mich zu schreiben, so dass wir einander nun als gute alte Bekannte umarmenn können. Wo Sie hinreisen, möge Segen u. Glück Ihnen folgen, nur wünsche ich nicht dass Sie in die grosse Welt Wirthschafft geworffen werden, wo alle Eigenthümlichkeit des Menschen verlohren geht. Selbst die Lage in Str., worüber Sie in anderem Betracht Ursache haben, missvergnügt zu seyn, machte Sie doch mit zum Dichter, der sich Drang fühlte Menschen zu bilden, u. mit Geistern, mit Unbekannten zu reden, weil alles um Ihn her tod war.

Iezo hab ich keine Zeit was abzuschreiben, kaum noch so viel Ihnen zu sagen dass ich Sie mit der wärmsten Umarmung erwarte. Mein Haus ist der nächste Nächbar am Post Haus, also sehn Sie's ganz als das Ihrige, u. Gott gebe, auf etwas mehr, als kurze Zeit an.

I. H. M.

9. Отъ Кейзера *).

(По рукописи Рижской Городской Библіотеки).

Herrn Lenz
abzugeben bey M. Röderer an der neuen Kirch zu
Strasburg.

Ich habe Deine Manus. ewiglicher Freund durch Schlosser erhalten und was *kann* was darf ich sagen? wie will ich was sagen? Du mir die Sachen schenken mir das Glück das ich noch vor einem Jahr kaum wähnen dürfte — dass Glück Dein Freund zu seyn, vor der Welt mich nennen zu dürfen? — *Herausgeber* Deiner Sachen.— —Warrlich warrlich ich muss schweigen! Ich kann nichts sagen—fühle mich! — Du weisst Theurer wie Du in meinem Hezen stehst, aber darf, kann ich das wollen, dass Du mir *die Sachen gibst?*— —

Die Wolken sind unterdrückt, Verlass Dich auf mein *Blut* wen's nöthig ist, ists Dein! Diese flüchtige Aufsäzze hoff ich noch auf Ostern herauszubringen. Doch allenfals schreib mir, *wer* Dir Anträge gethan hat, wenn ja mein Buchhändler Mäuse machen solte.

Schreib mir's gewiss. Papier, Druck etc. wird werden, *wie Petrarch*? Koreckturу *ich selbst!!* Nur bitt ich Dich um alles berichtige mir folgendes:

1) Im Matz Höcker von der Stelle: *D'Bücher nu'und die Gesselschaften heuer* bis zu dieser: *Sagt man sie sollen Schuld dran seyn.*

2) Diese Stelle ebenda: *Und die Moral Aestetik u. Tatik.* Ist *Tatik* recht? Ich versteh das Wort nicht.

3) *In den beiden Reden über die deutsche Sprache, all die französischen Stellen sauber u. korekt geschrieben.*

Du siehst selbst Schaz dass das nöthig ist, wenn ich was guts liefern will. Thu's also.

Was anlangt den innern Werth der Stücke selbst, so schweig ich. Von *Dir Dir?* Dessen Werth ich kaum (wie Goethe auch nicht) kaum in den Augenblicken der trunkensten Phantasey aussprechen kan! — lass mich. Ich weiss was die Welt an Dir hat. Fluch ihr! weil sie fähig ist Dich zu verkennen. Lieber lass Dir genügen an uns Deinen Treuen! O unser hiesiger kleiner Hauf, der *Gott in Menschengestalt unser Lavater* — da bist Du oft mitten inne. Wir wissen was Du bist! Amen.

Das Drama ist ein Meisterstück. Aber die Musik war nicht dabey. Sende sie mir lieber—ob ich gleich nicht weiss ob sie mit darzu kan gedruckt werden. Die Vertheidigung der Wolken wird hier unter uns circulieren. Schlosser schrieb drunter: Helas tai toi Jean Jaq. ils ne tentendront pas—und das ist herrlich wahr! Darf ich mich unterstehen Dir aufzutragen eine Empfehlung vor meines Goethes herr-

*) Цюрихскій композиторъ, другъ Лафатера и издатель нѣкоторыхъ сочиненій Ленца („Flüchtige Aufsätze").

liche Schwester zu bringen? O! O! Kl. *) dankt Dir 1000 mal für.... Petrarch. Er hat an Petrarch diesen Winter sein ganzes Labsal gefunden... die Canzonette sorella übersezt die Du einmal sehen solst. Steiner wird Dir Expl. zugeschickt haben. Er grüsst Dich und ist Dein wie ich! Kaufm. macht mir viel Freude denn er ist eine kostbare Seele. Lavater wird immer mehr mein! O was er von seinen Feinden gepeinigt wird! Gut u. wohl Dir dass Du's nicht so weisst. Du würdest Höllenangst für ihn leiden wie wir alle. Ich will was für ihn thun u. wär's mein Blut und Leben, das ich ihm willig darbringe, weil er ein *Heiliger* ist. Harre es wird werden!!

Leb wohl ewiglicher Bruder

K.

Zürich 3 Merz. 76.

С. Сочиненія Ленца.

I.

*(По рукописи Королевской Библіотеки въ Берлинѣ **).*

D. 2-ten Decbr. 1772.

Anmerkungen
über
die Recension eines neuherausgekommenen
Französichen Trauerspiels.

Legitimumque sonum digitis callemus et aure. Horat.

Hochzuehrende Herren!
Werthe Mitbrüder!

Sie haben mich zum *Ehrenmitgliede* Ihrer Gesellschaft erhoben. Ich danke Ihnen dafür als ein Biedermann, ohne Wortgepränge. Mein *Ehrgeitz* war von jeher, geliebt zu werden. Wenn dieses der Ihrige gleichfalls ist, so bezahle ich Ihnen meine Schuld mit wenig Worten, denen ich gern *mein Siegel unterdrücken* wollte, wenn ich und meine Ahnen in der Diplomatick eine Rubrick ausfüllten. Sie haben mir durch Ihre Bestallung zu erkennen gegeben, dass Sie mich *liebten* und ich antworte Ihnen mit schaamvollem Erröthen und deutlicher Stimme: *ich liebe Sie.*

Nehmen Sie in *Ihren Straus* eine ausländische Pflanze auf, die von den Tränen des Himmels in kaltem Boden genährt ward und bis jetzt unter anhaltenden

*) *Klinger.*

**) 3 листа in-folio. Рѣчь, произнесенная въ страсбургскомъ литературномъ обществѣ. Начало (до словъ: Was kann ich dafür. стр. 41 вн.) и конецъ ея (стр. 45) были напечатаны Эрихомъ Шмидтомъ въ его изданіи „Pandaemonium Germanicum" 1896), не поступавшемъ въ продажу.

Windstössen mit niederhangenden Blättern und wenigem Geruche der kommenden Zeit entgegen trauert, gefasst, entweder von gütigern Sonnen entwickelt zu werden, oder vor der Reife geknickt, am Busen ihrer Freunde zu sterben.

Worin ich der Societät Dienste erweisen kann, sey es nun ein unmerklich kleines Feld von Kenntnissen oder Gefühlen, das ich zu bauen suche, wie jener genügsame Landmann von dem Horatz sagt: Paterna rura *bobus* exercet suis — oder sey es auch bloss mein guter Wille — so will ich gern alles hergeben was ich habe, um wenn es mit dem Ihrigen *verbunden* wird, irgend einen *angenehmen Geruch* hervorzubringen.

Man hat uns in dem Journal Enciclopedique *) ein neues Phänomen des Geschmacks angekündigt, ein Trauerspiel eines Herrn Ducis betittelt Juliette und Romeo, ein Trauerspiel das innerhalb drey Monathen fünfzehnmal war vorgestellt und vielleicht eben so oft in gedruckten Blättern war beurtheilt worden, als ein Mitarbeiter des benannten Journals uns dasselbe im Skelet lieferte und ganz durchdrungen von seinen Schönheiten, es jetzt dem Christlichen Leser überliess, darüber zu urtheilen.

Wenn ich die Stimme irgend eines Journalisten hätte, der wie Mars im Homer schreyt, wenn es noth thut: so würde ich gewiss dieses Compliment des Herrn Kunstrichters an die Leser mit einem stummen Gegenkompliment beantworten. Da aber meine Stimme so schwach ist, dass weder zu befürchten, sie werde die Kunstrichter Galliens zum Krieg aufreitzen, noch auch den in der That kühnen Flug eines sich hervorthuenden französichen Genies hemmen oder unterdrücken: so kann ich frey reden, wie ich denke, eben so frey als ein Redner im Schlaraffenlande, welcher weiss, dass seine Worte sobald sie in die Luft kommen gefrieren und erst im späten Sommern, die er nie vielleicht erleben wird, aufthauen und hörbar werden.

Der Gallier Fontenelle hat in seinen philosophischen Gesprächen mit einer französischen Dame, einstweilen einen sehr *schweren* Gedanken, dessen eigentlicher Gehalt ungefähr dieser war: der Künstler solle billig von der Natur lernen, die grössten Materialien aufzunehmen und die in die leichteste und ungezwungenste Form zusammen zu setzen — das heisst mit andern Worten, grosse Zweck durch die einfältigsten Mittel ausführen — und das deucht mich, sollte auch für den dramatischen Schriftsteller eine goldne Regel seyn.

Von einer Seite hat Herr Ducis gross Lob verdient. Sein Plan ist kühn genug, (obwohl die Materialien dazu aus fremden Goldgruben herausgehoben worden) die Ausführung dieses Plans ist französisch — ob schön — ob vollkommen schön, das wollen wir untersuchen.

Nicht aus dem Shakespear hat er seinen Plan entlehnt, wie eine französische Critik laut unserm Recensenten sagt: sondern aus dem Dante. Wass kann ich dafür, dass er sein *Stück Romeo und Juliette* nennt, er sollte es *Montaign und Capulet* genannt haben, denn das sind die Hauptpersohnen in demselben und der

*) Cx. Tome VII. 1772. Partie I. Octobre, pp. 94—108.

Hauptzweck des Dichters war nicht wie beym Sharespear die *zärtlichen Verirrungen und Unglücksfälle einer verbothenen Liebe* zu zeigen, sondern uns die *Folgen des Bürgerkriegs und aufgereizter Leidenschaften des Hasses und der Rache* darzustellen.

Das ist also der Gesichtspunkt aus welchem wir dieses Gemählde jetst beurtheilen wollen, so unpartheyisch, als ob es ein Deutscher — als ob wir selbst es gemahlt hätten. Was soll ich aber sagen? Der Dichter hat selbst keinen fixirten Gesichtspunkt gehabt: sein Tittel zeigt es und das Ungefähr, das ihm bey Entwerfung der Hauptcharaktere des Montaigu und des Capulet den Pinsel geführt.

Montaigu war der *beleidigste* Theil, seine Seele athmete *Rache*. Er hatte mit seinen Kindern das Schicksal des Ugolino und immer (ich wollte drauf wetten) hat der Dichter durch sein ganzes Stück die kurze aber nachdrückliche Zeichnung des Dante vor Augen gehabt, da er ihn den Kopf seines Gegners mit den Zähnen fassen und das Gehirn heraus fressen lässt, nicht anders als wie man Brod in grossem Hunger verzehrt.—Dieser Charakter scheint, nach den Zügen die der Journalist anzieht (denn das Stück habe ich nicht gelesen) stark genug gezeichnet zu seyn. Aber auch natürlich? — — Nous verrons.

Capulet wieder den er seine ganze Rache auslässt, ist nicht sein Feind — ist nicht der *Ruggieri* der *Ugolino* verhungern liess und dem Ugolino zur Rache das Hirn aushackte, sondern — es ist der Bruder seines Feindes, des unmenschlichen Rogers. Und warum musste dann *dieser Roger* gestorben seyn gegen den der Stachel der ganzen Leidenschaft des Montaigu gerichtet war, warum musste sein gutmuthiger Bruder seine Grausamkeit entgelten? Sie werden leicht einsehen, dass man an einen *Dichter*, an einen Schöpfer seiner Fabel — eine solche Frage kühnlich thun kan: jetzt ist dieser beleidigte Montaigu nicht mehr der Rächer seiner Kinder, sondern ein Menschenfeind, der durch sein Unglück rauh gemacht, auch in Steine und Holz bissen würde, die ihm doch nichts zu Leide gethan. Und ein solcher Charackter kann nicht die Hälfte so sehr interressiren, als der den Dante uns mit seiner grossen Meisterhand vor die Augen haftet. Daher thun alle die krausen Ausruffungen des französischen Montaigu, die der Journalist als Meisterstriche anzieht, gar keinen Effekt.

Ta cour, sagt er zum Herzog, tes Capulets, ton aspect *m'importunent*,
Mes transports, grace au ciel, *passent mon infortune*.

Merken Sie wohl die Ungleichheit, den leichtsinnigen französischen Pinsel. Les Capulets *m'importunent*, nichts mehr, Herr Montaigu? und gleich drauf: grace au ciel, mes transports *passent* mon infortune: das haben wir nicht gemerkt. — Doch weg mit der Critik des Details — wir haben mit dem Dessein genug zu thun.

Weiter: er verwünscht sogar den armen Duc Ferdinand: Puisse aussi mon destin s'appesantir sur toi.

. Hernach bittet er den Himmel, er möge für die Familie der Capulets eine *allgemeine Straffe* erfinden — das ist gut, das ist eins von den Saamkörnern, die am Ende in Halmen aufgehen, er zeigt dadurch an, was er im Sinn habe — aber er bittet auch, die Wuth des Himmels möchte durch seine Vezweiflung so entflammt werden, dass sie seine Macht noch zu übertreffen schiene. Der Gedanke flimmert,

wird aber auf einer strengen Wagschaale der Schönheit gewiss zu leicht erfunden werden, denn er enthält, so sehr ihn der Dichter auch zu mildern sucht, doch immer eine Ungereimtheit.

Im vierten Ackt, bezeugt sich Montaigu auf einmal friedliebend und die Ursache: parce qu'en retrouvant un fils, sa haine s'est dissipée. Aber wo fand er seinen Sohn, in der Parthey der Capulets, mit deren Tochter man ihn obenein vermählen wollte. Alles gut — ich weiss dass dieses eine Maske von ihm war — aber wie kam es denn dass Herr Capulet so leichtgläubig war und ihm diese *jählinge* Metamorphose so auf sein ehrliches Gesicht weg glaubte Kapulet, der eben damals seinen Sohn durch den Sohn des Montaigu verlohren hatte und gewiss nicht weniger Grimm und Groll im Busen gesammlet, trug und wieder ihn auszulassen suchte, als jener seinen Bruder Roger? Doch von diesem Capulet wollen wir mehr reden, denn er ist in der That in diesem Stück piscis, in quem desinit mulier formosa superne.

Weiter, Montaigu, als er mit seinem Sohn allein gelassen worden, demaskirt sich und zeigt uns ein Gesicht, das in der That fürchterlich ist. Diese Scene muss erschütternd seyn. Er verlangt von seinem Sohn, er solle seine Geliebte umbringen um den Tod seiner Brüder zu rächen — und als Romeo ihm vorstellt, wie ungeheuer selbst der Gedanke sey — warum er sich nicht an Roger gerächt: il n'avait point d'enfans. — Dies ist ein Zug aus Shakespeare: bey Seite gesetzt, dass für einen Franzosen schon rühmlich ist, ihn *bloss gefühlt* zu haben, so ist auch dieser Zug hier freilich nicht an seiner unrechten Stelle — aber dass gegen alles dieses nichts einzuwenden, dass mit dieser guten Feder aus dem Pfauenschweif die Herr Ducis aufgehoben, alles übrige bedeckt sey — das lassen Sie uns noch nicht ohne schärfere Untersuchung zu geben.

Ich bedaure dass ich das Stück selber nicht gelesen: mein Urtheil bleibt deshalb immer noch etwas *unzuversichtlich,* ich bleibe bloss bey dem *Skelet* stehen, das uns der Herr Journalist aufgestellt: hat er dabey was versehen, so muss man uns kein übereiltes Urtheil beymessen.

Herr Ducis hat hier freilich den Montaigu *ganz* ausgemahlt, er erscheint in eben *dem Licht* als Ugolino, er dürstet, hungert Rache und ist in dieser Absicht nach Verona gekommen. Er macht vorher immer den Geheimnissvollen mit seinem Schmerz, sagt nur, indem er auf seine Brust zeigt: c'est la, que ma douleur repose, jamais jamais mortel n'en connaitra la cause. Er droht schon dunkel: tu dois tout craindre, et je puis tout oser. Act. II. Er hat alle Saamkörner ausgestreut, zu dem Erfolge der jetzt hervorspriesst: jetzt statt der Freude, seinen für verlohren geachteten Sohn wiederzufinden, die doch auch das wildeste Gemüth besänftigt, statt gerührt zu werden, von der uebertriebenen Gutherzigkeit des Capulet, der ihm auf die Frage: si son coeur s'etoit dompté, so unmenschlich grossmüthig antwortet: j'ai triomphé de moi, mais je n'ai rien fait pour toi, en te pardonnant — und weiter „ich lebe, *mein Sohn ist nicht mehr*, du hast *deinen* wiedergefunden, der meinige fodert meine Rache — und meine Rache stirbt: mein Hass verlöscht, ich wollte dir vorhin als Feind nach dem Leben, jetzt konnte ich als Freund das Meinige dafür aufopfern“ — der ihn sogar in seinem Hause als unum-

-schränkten Herrn schalten und walten lässt — — statt durch alles dieses erweicht zu werden: *muthet er Seinem verliebten Sohn zu, die Tochter seines ausgesöhnten Feindes, der durch den Tod seines Sohns für das Verbrechen seines Bruders schon* viel zu sehr bestrafft war—*eigenhändig umzubringen* — — überlegen Sie dieses, wenden Sie es auf welche Seite Sie wollen, Montaigu ist ein Ungeheuer ausser der menschlichen Natur — Humano capiti cervix equina juncta — und Dante hätte gewiss nicht das Herz gehabt, eine solche *Figur* in der Hölle erscheinen zu lassen, viel weniger auf einem Theater, das uns Menschen liefern soll.

Nun lassen Sie uns die andere Hauptfigur dieses Stücks einwenig näher beäugen, wie unser Freund Joung sagt — und ich fürchte wir werden sie im Gegentheil eben so ausschweiffend finden. Es ist aber einmahl der Fehler der Nation, dass sie immer auf die Extrême fusset, alle Ihre Produckte outrirt und nür das übertriebene für gross und gut hält, sollte es gleich wie eine zu hoch gespannte Säyte nur ein kraschendes Gezwitscher statt eines Thons angeben. So ungeheuer der Montaigu an Muth und Rache ist, so ungeheuer ist Herr Capulet an Sanftmuth und Versöhnlichkeit. Nur ein Pröbchen—denn meine Zeit ist verflossen und ich wollte Ihnen diese in einer Stunde hingeschriebenen Anmerkungen, doch gern ganz geben. Romeo—giebt sich ihm in einer wahren Raserey (denn eine vernünftige Ursache kann ich dazu nicht finden) im dritten Ackt nicht allein als den Liebhaber der Julie — die er doch an den Grafen Paris verheyrathen wollte — nicht allein als einen Sohn des Montaigu, mit dem er doch eben einen Kampf auf Tod und Leben ausgekämpft — sondern auch als den Mörder seines einzigen Sohnes Thebaldo—und noch dazu der enzigen Stütze seiner Familie, denn Juliette nennt sich im 5-ten Ackt le seul rejetton de la famille des Capulets — kurz als seinen allerärgsten Feind auf den Erboden ihm zu erkennen: und was thut der pflegmatische Capulet? Er will ihn umbringen, das ist wahr, aber mag die ganze Welt entscheiden, ob es ihm ein Ernst damit ist. Seine Tochter entwafnet ihn, hernach kommt der Herzog und will ihm kondoliren, der Henker, da muss er fort, es wäre wieder die Ethikette, den Herzog einen Augenblick warten zu lassen, um seinen Feind umzubringen: er geht also geschwind ab, schlägt die Fäuste zusammen und sagt zum Romeo, der mit geöfneter Brust seinen rächenden Dolch erwartet: Wart wart! ich will dich schon kriegen.

Weiter im 4-ten Ackt kommt der Herzog mit Friedensvorschlägen. Capulet ist gewiss nicht der letzte der sich erbitten lässt, noch dazu, er giebt dem Mörder seines Sohnes noch seine einzige Tochter obenein zur Frau, er bestraft ihn wie Gellerts Vater seinen ungerathenen Sohn, den die Galeere nicht hatte bessern können: er gab ihm eine Frau. Und das war eben der Capulet, der von Stahl und Eisen war als der damals noch verdienstvolle Romeo, sein Liebling mit dem Graf Paris um die Wette um Julietten buhlte. Nun hören Sie die Antwort die er seinem ärgsten Feinde, dem Vater des Mörders seines Sohnes giebt: Je vis — le sang qui me reste *).

*) Ленцъ приводитъ здѣсь только первыя и послѣднія слова цитаты въ 11 стиховъ, помѣщенной въ Journal Encyclopédique 1772, VII, стр. 104.

Ich sage nichts weiter — die Zeit ist verstrichen. Es ist nicht zu leugnen dass in den angeführten Stellen des französischen Recensenten nicht auch Schönheiten hervorblitzen. Die Stelle aus dem Dante ist ziemlich glücklich franzisirt. Der Abschied der sterbenden Julie ist schön — und ich habe das Trauerspiel noch nicht gelesen.

Auch bloss nach dem Skelet, verdient Herr Ducis Lob, dass er sich von der gewöhnlichen Bahn seiner Coäven entfernt und mit englischer Kühnheit einen wahren tragischen Plan zum Fonds seines Trauerspiels aufgenommen hat.

Wie viel Gewinnst er daraus gezogen, kann ich noch nicht entscheiden, ich habe nur sagen wollen, dass die erste Zeichnung seiner beyden Hauptcharacktere sehr schülerhaft, — oder meisterhaft, weil doch heut zu Tage alle Meister so zeichnen, c'est à dire unnatürlich ist. Und hiemit habe ich schon viel — vielleicht zu viel gesagt — und wie mein Herr Journalist, schweige — pour que nos lecteurs puissent prononcer *).

II.

(По рукописи Королевской Библіотеки въ Берлинѣ).

Meine Lebensregeln **).

1. Welche Ehen sind... moralisch gut?

Die im höchsten Grad, wo wahre Sympathie der Gemüther lange in den reinsten Flammen gebrennt und bey den Subjecten ein unwiederstehlich Verlangen hervorgebracht, sich auf ewig mit einander zu vereinigen. Die Kennzeichen ob dieses Verlangen ächt dauerhaft und unzerstörlich sey kann bloss die Zeit und Wiederwärtigkeit an die Hand geben und bewähren. Das ist aber eines, das selten auch beym ersten Anfange der Liebe bricht, wenn diese Liebe anstatt unsere Begierden zu empören und zu reitzen sie vielmehr unterdrückt und also bis auf eine glückliche Zukunft in Geduld und ungeschwächt erhält. Die im mindern Grade moralisch guten Ehen sind die wo wahre freundschaftliche Zuneigung vorwaltet mit der aufrichtigen Absicht seinem Gegenstande und sich das Leben so angenehm und glückselig zu machen als möglich und diesen Ehen können auch diejenige schliessen, die leider zwar schon den edelsten Trieb ihrer Geister verschwendet, aber doch noch genug übrig haben um sanfte Freundschaft und Hülfleistung zu empfinden und bey denen Vernunft und Ruhe die Stelle von Feuer und Lebhaftigkeit vertritt. Wer in keinem Verstande eine solche moralisch gute Ehe zu schliessen hoffen kann, entweder die

*) Слова, которыми оканчивается рецензія въ Journal Encyclopédique 1772, VII, стр. 108.

**) 20 страницъ in-folio, исписанныхъ чрезвычайно мелкимъ и неразборчивымъ почеркомъ. Заглавія нѣтъ, но въ текстѣ Ленцъ употребляетъ названіе, данное нами этому сочиненію. Печатаемъ его въ сокращеніи. Нумерація вопросовъ у Ленца отсутствуетъ.

Ursachen in ihm oder ausser ihm in den zu wählenden Gegenständen liegen, thut besser er bleibt ledig und sammlet seine Geister in einem reinen Gefäss zu Gott, der schon für die Fortpflanzung des menschlichen Geschlechts bey andern Individuen wird zu sorgen wissen.

2. Allein die ächte Liebe selber geht sehr leicht in ungeduldiges Verlangen nach der Vereinigung über und kann gar leicht sich einen Weg bis zur Wollust bahnen; welche sind die Mittel diesem zuvorzukommen?

Vors erste beständige Gegenwart und Spannung aller unsrer Kräfte zu Gott, der höchsten Quelle alles Guten und aller Glückseligkeit, vors zweyte Vermeidung gewisser moralischer Unvollkommenheiten, die jederzeit aus einem lebhaften Gefühl eine sich wieder Vernunft, Ordnung und Gott empörende Leidenschaft machen. Diese sind Unmässigkeit in Befriedigung andrer thierischen Begierden des Hungers, des Durstes, Unmässigkeit und Zügellosigkeit bey Befriedigung einer sonst sehr menschlichen Begierde, der nach Freude Lustigkeit und Vergnügen, welche alsdenn in Wildheit und Raserey ausartet, Unmässigkeit bey einer niedern menschlichen Begierde die sonst auch sehr edel ist, der Begierde zu gefallen, da diese in Buhlerey ausartet, welche besonders für den Mann nicht allein unmoralisch, sondern auch entehrend ist, und er sich dadurch um den ganzen Werth seines Geschlechts tändelt — — noch sind einige subtilere — — als die zu grosse Nachhängung verliebter Vorstellungen in der Einsamkeit, gegen welche man sich mit Vernunft und allezeit thätiger Wirksamkeit wafnen muss, da sie eigentlich nur in der Faulheit unserer Seele mit dem Durst nach Vergnügen immer vergesellschaftet, ihren Grund hat... ferner vor allen Dingen Eiffersucht, die nichs als Neid, Misstrauen oft nur gar Scheuigkeit und Furcht zum Grunde hat...

3. Welches ist das vornehmste Verwahrungsmittel gegen die Wohllust?

Dass wir unsere Phantasey von allen wohllüstigen Vorstellungen befreyen und wenn sich eine einmahl hineinschleicht, sie sogleich zu vergessen und durch Vorstellungen andrer Art und wichtigern Gehalts auszulöschen suchen: lieber aber einschlaffen oder nichts denken, als böse Bilder und Irrlichter verfolgen die uns zuletzt in Sümpfe leiten. Haben also diejenige Schriftsteller nicht wenig zu verantworten die den keuschen Schleyer vor dem Angesicht eines Geheimnisses wegreissen, das fürs menschliche Geschlecht die höchste Glückseligkeit, aber auch das höchste Elend aufbehält, je nach dem es sich zu demselben initiiren lässt oder ruchloss mit frewelnder Kühnheit sich ohne Regel und Ordnung hineinwagt. Seit dem die Schamhaftigkeit aus unsern Büchern und Gesellschaften entflohn ist, giebts auch keine wahre Freude und Glückseligkeit auf dem Erdboden mehr. Es zeigt eine grosse Armuth an Scherz und Witz an wenn man Sachen zu ihrem Gegenstande macht, die nicht ernsthaft unb wichtig genug können behandelt werden, die Adam und Heva schon aus Furcht vor Gott mit Blättern bedeckten und die ewig bedeckt bleiben sollten, wenn wir nicht mit aller galanten Galanterie zum Vieh herabarten wollen, das sich ohne Ordnung und Regel bespringt wo es sich antrift und in heisser Brust seine Geister verhaucht eh sie noch Zeit haben, sich zu *Verrichtungen eines Geistes zu* entwickeln. So geht es ja jetzt schon dem grössten Hauffen der menschlichen Thiere gleichfalls.

4. Und wenn wir mit Persohnen zusammen sind die uns dazu versuchen, was für ein Rath ist da zu geben?

Dass man diese Persohnen nicht durch Raisonnement sondern durch That aus ihrem Taumel zu bringen suche, Ihnen zeige dass man sie liebe nach dem Grad als sie Liebe verdienen, nach ihrem Werth, dass man aber mit nichten willens sey die von Gott zu unsrer und ihrer Glückseligkeit vestgesetzte Ordnung zu unterbrechen und sich und sie um Gemüthsruhe und Vollkommenheit für ein augenblickliches Vergnügen zu betrügen.

5. Welches ist Hauptsumm und Inhalt aller dieser Maximen?

Die rechte Maasse und Ordnung in allen unsern Handlungen, zu welcher unsere Kräfte allein durch die in unsrer Seele beständig lebhafte Idee vom alles erfüllenden Gott können disponirt werden, oder durch die *Gegenwärtigkeit zu Gott...*

6. Welches ist die zweite Hauptlehre die wir aus dem Beyspiel Christi und seinen in Reden geäusserten Gesinnungen für unsere moralische Vollkommenheit abziehn?

Demuth, aber nicht die der Mienen, der Gebehrden, der Worte, sondern des Herzens, seyd von Herzen demüthig, dass wir aller Eitelkeit Eigendünkel und Hochmuth nun und in Ewigkeit Abschied geben da sie zu nichts dienen als uns zu martern unglücklich zu machen und noch obenein unsere Wachsthum an wahrem Werth zu hindern. Ich möchte diese hässliche Gemüthsbewegungen — und vohr dem bey welchem sie zur Leidenschaft angewachsen, so definiren, eine Begierde, mehr vor den Leuten zu scheinen, als man ist, oder noch kürzer, eine Begierde sich über alle Nebenmenschen auch ohne sein Verdienst und Würdigkeit erhoben zu sehen. Eine Begierde viel zu seyn und auch das was wir sind zu erheben, ist uns natürlich und nicht allein edel, sondern auch der höchste Sporn zur Vollkommenheit. Aber wie leicht artet der in Eigendünkel und von da in Hochmut aus, wie leicht bilden wir uns ein mehr zu seyn als wir sind und suchen daher auch mehr zu scheinen. Der Weise also, besonders aber der Christ, um diese Anhöhe zu vermeiden, welche so schwindlicht ist und vielen schon Hals und Bein gekostet hat, wendet lieber um und bergab und sucht *weniger zu scheinen als er ist.* Und in Wahrheit, nach dem Maass als er in dieser edlen Bemühung fortfährt, den nichtigen Schimmer zu entfernen den Schmeicheley und seine eigene Eitelkeit um ihn her woben, nach dem Maass wird er fortfahren immer mehr zu seyn und sein Licht wird zwar nicht scheinen und blenden, aber *wärmen* Zeitgenossen-und Nachkommenschaft von nun an bis in Ewigkeit. So gieng Christus uns vor, erniedrigte sich selbst bis zu Knechtsgestalt, bis zum Räubertod, *je mehr er war, desto mehr must er seinen Glanz verbergen* um seine Würde wirksam und fühlbar zu machen und Gott und Zeit haben ihn erhöht und alle Generationen bethen ihn an, als ihren Seeligmacher, als ihr Heil. So müssen wir dem vollkommensten der Menschen nachahmen, je mehr wir sind, für desto minder uns ausgeben, ja auch für desto minder uns selber halten, weil wir zu dem letzten noch immer Ursach genug finden werden, da der Weg nach Vollkommenheit durch Aronen geht und wir höchstens nur Jahre lang drauf gezogen: und das ist und

bleibt immer uns selbst auch heilsamer, weil wir dadurch glücklich den Schwindel und Taumel vermeiden, der uns wenn wir oft der Sonne schon ziemlich nah, wieder wie Ikarus meerherab führt. Hirmit kann der edle Stolz gar wohl bestehen der nichts ist, oder so lang er edel bleibt, nichts seyn sollte als das rechtmässige und gegründte Vertrauen in unsere *Kräfte wenn wir ihrer nöthig haben* und freilich müssen wir unsre Kräfte zu dem Ende geprüft und kennen gelernt haben, damit wir im erforderlichen Fall, weder zaghaft noch vermessen seyn. Doch bey alledem ist es immer besser in Berechnung der Kräfte und der von uns erforderten Wirksamkeit wir substrahiren auch in unserer eignen Meinung von den erstern ein wenig, denn das thut keinen Schaden, leisten sie aber minder als wir selbst erwartet ja noch minder als wir andern zu erwarten gegeben, so ruht Schande auf uns die wir mit langem Bestreben oft nicht auszutilgen vermögen. Ueberhaupt ist der sicherste Rath, die treflichste Maxime, die hier zu geben, man enthalte sich alles Urtheils und Recension seines eignen Werths im Detail gänzlich und gehe nur fort nach dem einmal entworfnen Plan, gegenwärtig vor Gott und überlasse Zeit und Zuschauern, vor allen Dingen aber dem beständigen unveränderlichen und unpartheischen Zuschauer aus den Wolken unser Werth und seine Grade zu beurtheilen. Aber mit seinem Nachbar mache mans so nicht. Hier muss der Nächste mehr geliebt werden als wir selber. Ich kann den Nachbar sehn, ich kann seinen ganzen Werth abmessen aber mich selber seh ich nicht und meinen Werth weiss ich nicht. Auch werd ich weit mehr für mich selbst dabey gewinnen wenn ich meines Nächsten Werth untersuche und aufs richtigste mir selbst festzusetzen suche, als wenn ich meinen eignen mir vormesse und mich damit aufblühe und unfruchtbar mache. Der Baum ist nicht gemacht von seinen eignen Früchten zu essen, wenn er sie getragen und abgeschüttelt hat, steh er da und überlasse sich der Barmherzigkeit des Himmels, die ihn anderwärts wird zu belohnen wissen. So sagt auch Christus, ich suche nicht meine Ehre, es ist aber ein andrer der sie suchet.

7. Welches ist aber die schlimste Art von Hoffart? und von den die Drohung vorzüglich gilt: wer sich selbst erhöht soll erniedrigt werden?

Da wir nicht allein uns über andere setzen und also unsern Werth übermässig erhöhen, sondern auch andere unter uns hinunter setzen und ihren Werth unchristlich schmälern und erniedrigen um den unsrigen besser gelten zu machen. Auf diese Art wird aus dem Hoffärtigen es sey nun im bürgerlichen oder Scriftsteller—und Gelehrten Verhältniss zugleich ein Unterdrücker, ein Tyrann, von Neid gequält und von allen Furien begleitet. Am schlimsten sind die Wirkungen dieser Hoffarth bey Leuten die auf einen besondern Eiffer in der Religion, auf ein besondre Frömmigkeit Anspruch machen und alles um sich herum verdammen, verketzern und verbrennen.

8. Weches ist die dritte moralische Pflicht die uns Christus durch sein Beyspiel und Lehre *hauptsächlich* eingeschärft hat?

Uneigennützigkeit, oder die Gleichgültigkeit gegen die Reichthümer und irrdischen Güter insofern sie mit geistlichen Vortheilen und Vorzügen in Vergleichung gestellt werden. Denn es ist nicht zu leugnen dass sie als eine Wohlthat Gottes

anzusehen für die wir ihm Dank wissen müssen indem sie uns Mittel an die Hand geben unsere und unserer Nebenmenschen Glückseeligkeit leichter zu befördern wenn wir sie als gute Haushalter verwalten. Allein die zu grosse Anhänglichkeit an diese Mittel macht dass wir drüber den Zweck aus dem Gesicht verlieren den wir dadurch erreichen sollen und dies heisst Geitz.

9. Welches ist die Norm und Vorschrift Christi in Ansehung des Erwerbes zeitlicher Güter?

Dass wir unser täglich Brod suchen sollen, das heisst alles was zu unserer Nahrung auch Erquickung, Wohlstand, Zierde und Bequemlichkeit dienen kann, aber ohne Sorge dafür, unsre Sorge muss auf das Ziel gerichtet seyn nicht auf die Mittel die in der von Gott etablirten *grossen Weltordnung* uns ohnehin allenthalben schon zur Hand stehen werden. Dieses Ziel ist aber nicht allein unsere Existenz fortzusetzen, sondern auch sie in ihrem ganzen Umfang und Vollkommenheit der Vorstellungen und Empfindungen des Genusses und der Thätigkeit fortzusetzen in so hohem Grad als möglich.

10. Sind uns denn aber alle Mittel erlaubt die zum diesem Entzweck führen?

Mit nichten, nur die jenige sind erlaubt wodurch der Fortsetzung der Existenz aller unsrer Mitgeschöpfe nicht der gerinste Eintrag geschieht, sondern diese vielmehr befördert und erhöhet wird. So geht in der Welt alles in einem beständigen Tausch fort, da jedes Glied des ungeheuren Ganzen mit angestrengten Kräften das andere unterstützt und zur Fortdauer und Vervollkommung seiner Existenz beyträgt. Wer dieses mit der mindesten Rücksicht auf sich selbst und mit dem vollkommensten Vertrauen auf Gott und seine grosse Weltordnung thut, der ist der *rechtschaffenste* Weltbürger, das gesundeste Glied dieses grossen Körpers, wenn gleich der Erfolg seinen Bemühungen nicht entsprechen sollte, Gott richtet ihn nach seiner Absicht und nach der Anstrengung seiner Kräfte, nicht nach seinem Schicksal. Der Müssiggänger aber ist Gott und dem gemeinen Wesen immer Verantwortung schuldig, obschon er das Gesetz nicht übertritt und durch rechtmässige Mittel seine eigene Existenz fortsetzt — weil er nichts zur Fortsetzung der Existenz seiner Mitgeschöpfe beyträgt. So ein Bettler der bettelt um betteln ohne Absicht.

11. Welches ist die sicherste Regel nach welche wir in Erwerb zeitlicher Güter niemandem Eintrag thun werden, da doch die Fälle so viel und mancherley und verworren sind dass man mit dem besten Herzen doch unwissend leicht jemand unrecht thun könnte?

Uns in die Stelle des andern zu setzen von dem wir etwas fodern und genau abzuwägen, wie wir in dem Verhältniss des andern diese oder jene Foderung anhören und empfinden würden. Wir haben Maass und Gewicht in uns, einen Keim zartes Gefühles, das wir nur aufrichtig befragen dürfen. Und dies ist nicht bloss der Fall bey Geld und Gut sondern auch bey allen andern Vortheilen die uns andere verschaffen sollen. Also alles was ihr wollt dass auch die Leute thun sollen thut ihr ihnen auch. Und ist in diesem Verhältniss der Dieb am Strick nichts strafwürdiger in den Augen Gottes als der Usurpateur, oder der Verläumder der einem andern seine Ehre nimmt um die seinige dadurch in ein höheres Licht zu

setzen.—Ein grosses Hülfsmittel zu diesem moralischen: Pflicht ist überhaupt *Mässigung* in allen unsern Pretensionen bis auf die Pretensionen unsers Körpers himunter, der sich sollte genügen lassen wenn er Nahrung und Kleidung hat, sie mag übrigens so schlecht seyn als sie wolle, und das übrige was ihm Gott zu fallen lässt als eine Gnade mit dankbarer Emfindung erkennen aber nie mit Unmässigkeit geniessen.

12. Was schreibt uns Christi Beyspiel und Lehre vor wenn wir beleidigt und in unserem Recht gekränckt werden?

Zu vergeben mit freyem grossem Herzen ohne die geringste Tücke oder Hass wieder den Beleidiger zurückzubehalten.

Sollen wir also feige Memmen seyn die sich alle Rechte als Menschen nehmen lassen, unfähig sie zu vertheidigen oder gefühllose kalte hölzerne Bilder die keine Beleidigung empfinden können?

Weder eins noch anders, empfindlich und thätig sollen wir seyn, beides sind edle Instinckte der Natur die sie allgütig in uns gelegt um unsere Existenz zu erhalten. Wir müssen fähig seyn die allergeringste Beleidigung in ihrer ganzen Grösse zu fühlen und sie auch von uns abzulehnen wenn es ohne Schaden unsrer Nebenmenschen geschehen kann, ist das aber, so thun wir moralisch besser wenn wir uns als andere zum Ziel einer Beleidigung darstellen. Wie aber müssen wir empfangene Beleidigungen rächen, auch um ihre Straffe nicht erhalten, wohl aber darum dass sie wenn es möglich wieder gut gemacht werden uns so gut wie allen andern Menschen Genugthuung geschehe und Ordnung und Friede in der ganzen Welt etablirt und erhalten werde, wenn aber dieses nicht erhalten werden kann, so vergesse man alles und lass es ungeahndet, denn es ist eine feine Linie die Gerechtigkeit und Rache scheidet und Rache ist den Christen ganz und auf ewig verbothen, darum hat Christus das sehr weisslich zur Bedingung (im V. Unser) gemacht unter der Gott uns unsere Sünden vergeben wolle und verrathen die Theologen die den Zorn Gottes über unsre Sünden als Rache die bis in Ewigkeit fortgeht, nicht als Eiffer für unsre Bessrung, schildern dass sie selbst ein sehr rachgieriges und gar nicht christliches Herz haben. Eben dieses will Christus auch durch alle seine zu weit getrieben zu seyn scheinende Forderungen in der Bergpredigt sagen: wenn dir jemand einen Backenstreich giebt, so halte ihm den andern auch dar, wenn deine Ehre und die Gerechtigkeit nicht drunter leiden, so leid du es dass er dir den zweiten auch giebt, ohne dich dafür zu rächen.

13. Welches ist die sicherste Regel bey Befriedigung unsrer sinnlichen Begierden?

Alles fähig zu seyn zu geniessen und mit dem höchstmöglichen Vergnügen zu geniessen, das die Sache zu geben vermag, aber auch alles fähig seyn zu entbehren bis auf das was unsre Existenz fortsetzt Brod und Wasser: wie weit wir aber bey jedem Falle in diesem Genuss oder in dieser Enthaltsamkeit gehn sollen ist zu casuell um es unter eine Regel zu bringen und muss dabey jedesmal unsere Vernunft in ihrer ganzen Gegenwärtigkeit uns leiten. Doch wusst ich auch eine Regel die Christus uns selber gegeben hat und zwar im h. Abendmahl, dass wir uns so oft wir essen und trinken, Christi erinnern, ihn als den Weg zu Gott und Gott selbst vor Augen haben, denn so sagt Paulus—Ihr esst oder trinket so thut

alles zur Ehre Gottes und Christus: solches thut zu meinem Gedächtniss—als denn werden wir nie zu weit gehen, denn Christi Vorbild ist das grösste und richtigste Maass und Verhältniss...

14. Ist es recht sich an gewisse Arten Speisen Getränke und andrer sinnlichen Kützelungen wie Tabaek, Opium, Brandtwein, etc. zu gewöhnen?

Nein—es ist wieder die christliche Freiheit, macht uns zu Sklaven unser Sinnen und unglücklich seit einmal wir höhere und edlere Vortheile oft dergleichen sinnlichen Vortheilen aufzuopfern uns genöthigt sehen und diese kleine Befriedigungen unsrer Conkupisceuz dieselbe abstümpfen und zerstören und zu edlen und grossen Entschlüssen unfähig machen. Doch muss ich alle diese Dinge brauchen können wenn ich will und die Vernunft es erlaubt. Just diese kleinen gering scheinenden Bedürfnisse sind die unsichtbaren Seile an welchen wir edle und freye Menschen, die wie die Vögel unterm Himmel das was sie brauchen allenthalben finden, wie Sklaven und Kettenhunde herumgeschleppt werden wohin andre Leute wollen nicht wohin wir wollen...

15. Weches ist also die kürzeste sicherste unumstösslichste Lebensregel eines Christen, die auf alle Fälle, Zeiten und Umstände passt und bey der er nie irre gehen kann?

Gegenwärtig zu Gott zu seyn im Geist (weil dieses die Nachfolge Christi in sich schliesst).

Dieses schliesst in sich den körperlichen Genuss immer mehr einzuschränken damit wir zu edlen grossen Entschlüssen munter und fähig bleiben, die körperliche Begier nie in uns aufsteigen zu lassen ausser in der Ehe wo sie eine Folge der innigsten Liebe ist, damit unsre Liebe geistiger, unsere Empfindungen edler höher wärmer und stärker seyn — Hochmut und Geitz fallen ohnehin ganz weg: denn Hochmuth ist ein falsches Selbstgefühl und Geitz eine Schwäche und Furcht die bey einem grossen und starken Geist niemals statt haben können, weil er weiss dass er ebenso ein Geschöpf Gottes ist, eben so ganz von seiner Gnade abhängt und lebt als der schlechteste Wurm oder Kröte, also wenn er ein edleres besseres Geschöpf wird es nur der grössern Gnade Gottes zu danken hat und ihm deshalb auch die Pflicht der grösseren Demuth obliegt. Dem Demuth ist das einzige Mittel besser, grösser und glückseeliger zu werden...............................

16. Was ist unsere Bestimmung?

Das ewige Leben, die Erkenntniss Gottes und Jesu Christi als des Ursprungs aller Form und Verhältnisse — dass wir alle diese Verhältnisse durcherkennen, durchfühlen und durchhandeln wie Christus und seine Apostel auch schon einige Propheten Wunder und Thaten dem menshlichen Geschlecht dem Ganzen zum besten gethan nicht um *bloss* dumme Aufmerksamkeit und Bewundrung zu erregen, doch um auch beyläuffig Winke von seiner Gottheit zu geben... Dass wir also vorzüglich unsrem Geist die thätige Kräft in uns bilden, nicht die leidende—höchstens empfindende und geniessende Materie denn das thut das Thier auch von dem wir doch um eine se herrliche Stuffe erhöht sind um zur Gottheit emporzusteigen. Also *thun* ist unser Hauptbestimmung, nicht bloss Eindrücke empfangen sowohl körperliche als geistliche durch die Thüren der Seele die Sinne—thun, han-

deln, thätig seyn mit Geist und Leib wo es am meisten nützlich seyn, Heil bringen kann zur Ehre Gottes und der Menschen und so von Form zu Form übergehen ins ewige Leben. Denn ich weiss dass Gott meine Seele nicht in der Tieffe des Grubes lassen wird, sondern sie wird mit meinem Fleisch umgeben Gott schauen, Gott in allen seinen Wirkungen und in den ewigen Verhältnissen derselben. Die thätige Kraft in uns ist unser Geist, die also unaufhörlich zu üben zu bilden und zu vervollkommen ist unsere Beschäftigung, Handeln und Geniessen, dass heisst leben...

17. Welche sind die Hauptregeln unsrer täglichen Diät oder des Genusses?

1. Nie zu essen oder zu trinken als wenn mich hungert oder dürstet.

2. Allemal das schlechtere Gericht dem bessern vorzuziehen denn das macht den Geist stark und verhindert die Unmässigkeit.

3. Sobald ich *genöthigt* werde, keinen Mundvoll anzürühren.

4. Starke Getränke nur zur Stärkung trinken und allemal bey einem bleiben, nie mehrere unter einander mischen, als Caffee und Liqueur, Weine verschiedner Art. Denn der Geist in uns giebt unserem Cörper Wärme genug, er braucht nur durch ein gelindes körperliches Feuer gewärmt nicht aber erhitzt zu werden.

5. Allemal mit Appetit aufstehen, Hunger und Durst nur stillen nicht befriedigen, starke Getränke nicht zu stark in mir werden lassen.

6. *Alle diese Regeln mit evangelischer Freiheit beobachten* nicht mit ängstlichem Zwang. Ich brauche nur alle meine Kräfte zu Gott gespannt zu haben und zu bedenken, dass ich höhere Kräfte habe als die geniessenden, welchen diese höchst untergeordnet seyn müssen, oder ihnen sonst höchst schädlich sind.

18. Welches wären einige Cautelen im Umgang mit Frauenzimmern gegen die Verirrungen der Liebe und der Zärtlichkeit?

1. Kein Frauenzimmer jemals anders anzurühren als auf der Hand und auf dem Munde welche unschuldige Ausdrücke der Werthschätzung und Hochachtung sind

2. Gegen verheyrathetes Frauenzimmer noch zurückhaltender seyn.

3. Sobald sich wollüstige Begierden in mir regen, oder ich merke dass ich welche in einem Frauenzimmer rege mache, mich von demselben entfernen.

4. Nie auch in Gesellschaft mit der Phantasey weiter gehn als mit den Sinnen.

5. Nie nach einem gewissen Ort den die Natur uns verborgen hat hinsehen.

6. Geschweige ans Knie greiffen oder dergleichen welche Pantomimen nur in einem angesteckten höchstverderbten Lande wie dieses für erlaubt und artig hingehn.

Doch alles dieses findet sich von selbst wenn man die Grundregel wohl gefasst hat, nicht zu begehren sondern zu *lieben* und sind da Regeln und Einschränkungen schädlicher als keine, schreibe auch dieses nicht für mich, sondern für andere die einmal dies Papier finden könnten.

Ueberhaupt ists gut das Fleisch zu kasteyn und zu kreutzigen damit der Geist wachsen und sich bilden könne und müssen wir erstere nicht anders pflegen und warten als wenn wir eine *merkliche Abnahme unsrer Kräfte spühren*, der Verrichtungen unsers Geistes obzuliegen.

III.

(По рукописи Королевской Библіотеки въ Берлинѣ).

Ueber die Natur unsers Geistes
eine Predigt
über den Prophetenausspruch: Ich will meinen Geist ausgiessen
über alles Fleisch

vom Läyen.

Ich will mich hier in keine metaphysischen Untersuchungen einlassen, nur das brauchbarste sagen, was unseren Geist in der zu seinem Glück nothwendigen Spannung zu erhalten vermögend ist.

Je mehr ich in mir selbst forsche und über mich nachdenke, desto mehr finde ich Gründe zu zweifeln, ob ich auch wirklich ein selbständiges von Niemand abhangendes Wesen sey, wie ich doch den brennenden Wunsch in mir fühle. Ich weiss nicht: der Gedanke ein Product der Natur zu seyn, das alles nur ihr und dem Zusammenlauf zufälliger Ursachen zu danken haben, das von ihren Einflüssen lediglich abhange und seiner Zerstörung mit völliger Ergebung in ihre höheren Rathschlüsse entgegensehen müsse, hat etwas schräckendes—vernichtendes in sich—ich weiss nicht wie die Philosophen so ruhig dabey bleiben können.

Und doch ist er wahr!—Aber mein traurendes angsthaftes Gefühl darüber ist eben so wahr. Ich apellire an das ganze menschliche Geschlecht, ist es nicht das erstė aller menschlichen Gefühle, das sich schon in der Windel und in der Wiege äussert—unäbhangig zu seyn.

Wie denn, ich nur ein Ball der Umstände? ich?—ich gehe mein Leben durch und finde diese traurige Wahrheit hundertmal bestättigt. Wie kommt es aber, dass wenn ich meine Schicksale erzähle, ich allen meinen Witz aufbiete, meine Schicksale so viel ich nur kann, mir unterzuordnen, meiner Klugheit, meiner Würksamkeit, woher kommt denn die Gewissenangst die ich zugleich dabey fühle, du hast vielleicht nicht so viel dazu beygetragen als du dir einbildest—die Mühe mit der ich diese Skrupel zu überwinden, hundert kleine Zwischenfälle zu vergessen suche um mich selbst mit dem stolzen Gedanken zu täuschen, das thatst du, das wirktest du, nicht das wirkte die Natur, oder der Zusammenstoss fremder Kräfte. Dieser Stolz was ist er? wo wurzelt er?

Sollte er nicht ein Wink von der Natur der menschlichen Seele seyn, dass sie eine Substanz die nicht selbständig geboren, aber ein Bestreben ein Trieb in ihr sey sich zur Selbständigkeit hinaufzuarbeiten, sich gleichsam von dieser grossen Masse der in einander hangenden Schöpfung abzusondern und ein für sich bestehendes Wesen auszumachen, das sich mit derselben wieder nur so viel vereinigt, als es mit ihrer Selbständigkeit sich vertragen kann. Wäre also nicht die Grösse dieses Triebes das Maass der Grösse des Geistes—wäre dieses Gefühl über das die Leute so deklamiren dieser Stolz nicht der einzige Keim unsrer immer im Werden begriffenen Seele, die sich über die Welt die sie umgiebt zu erhöhen und einen drüberwaltenden Gott aus sich zu machen bestrebt ist. Können die Helvetiusse und

alle Leute die so tief in die Einflüsse der uns umgebenden Natur gedrungen sind, sich selbst dieses Gefühl ableugnen das das aus ihnen gemacht hat was sie geworden sind?

Die allerunabhängiste Handlung unsrer Seele scheint das Denken zu seyn—es wär der einzige Rath den die ohnmächtige menschliche Weisheit oder Erfahrenheit bekümmerten Unglücklichen geben konnte, sie sollten über die Natur ihres Unglücks nachdenken, philosophiren — das heisst sich gewissermassen über ihre Umstände hinaussetzen und den Schwung der Unabhängigkeit gegeben. So sehr man auch wieder diesen Trost der Stoiker deklamirt hat, so ist er doch nicht so ungegründet, wenn man nur Stärke genug hat die Probe zu machen, welche Stärke eben sich nur in sich selbst vermehren kann. Und die Erfahrung hats zu allen Zeiten bewiesen, dass er solche Leute gab, bey denen ihr Stolz (gütige Gabe des Himmels) das Gegenwicht gegen die schmerzhaftesten Gefühle hielt. Er muss also dieses Gefühl das angenehmste beglückendste — und auch unentbehrlichste in der ganzen menschlichen Natur seyn, weil wir im Stande sind, ihm alle mögliche andere angenehme Gefühle aufzuopfern.

Daher die allgemeine Meynung aller Menschen von dem Vorzug des Denkens. Jeder glaubt, sobald er denkt sey er über alles hinausgesetzt, was ihm auch nur immer begegnen mag. Und in der That er ists — er kann freilich die unangenehmen Gefühle seines Zustandes nicht ableugnen, aber er findt eine Kraft in sich ihnen das Gegengewicht zu halten, dieses Gefühl schmeichelt ihm mit einem grösseren Werth, je heftiger die Schmerzen um ihn wüten und er wird immer mehr Gott in seinen Augen, je weniger die äusserste Wuth seines Schicksals seinen innern Frieden zu stöhren vermögend ist. Es geht aber hier gemeiniglich ein seltsamer Selbstbetrug bey den meisten Denkern oder Philosophen vor. Sie glauben ihre Independenz auf den höchsten Grad getrieben zu haben, wenn sie ihre Aufmerksamkeit von den sie afficirenden Gegenständen abzuziehen und entweder auf sich selbst oder andere gleichgültige Dinge zu richten vermögend sind. Sie glauben dadurch an Werth gewonnen zu haben, wenn sie ihre Seele stumpf machen und einschläfern, anstatt durch innere Stärke den äussern unangenehmen Eindrücken das Gegengewicht zu halten. Das Gefühl von Leere in ihrer Seele das daher entsteht, straft sie genug und sie haben beständig alle Hände voll zu thun, ihrem zu Boden sinkenden Stolz wieder emporzuhelfen. Sie fühlen es dass sie sich ihren unangenehmen Empfindungen nicht entziehen können ohne Wüste und Leere in der Seele zu haben und der Zustand der Streit ist marterhafter als die unangenehmen Empfindungen selbst.

Denken heisst nicht vertauben—es heisst, seine unangenehmen Empfindungen mit aller ihrer Gewalt wüthen lassen und Stärke genug in sich fühlen, die Natur dieser Empfindungen zu untersuchen und *sich so* über sie hinauszusetzen. Diese Empfindungen mit vergangenen zusammenzuhalten, gegeneinander abzuwägen, zu ordnen und zu übersehen. Da erst kann man sagen, man fühle sich—und wenn solch ein Strauss überstanden ist, bekommt der Mensch, *oder* des Menschen Geist eine Festigkeit die ihm für die Ewigkeit und Unzerstöhrbarkeit seiner Existenz Bürger

wird. Glücklich da erst, mit der Ueberzeugung sich selbst dieses Glück zu danken zu haben.

So möcht' ich sagen erschafft sich die Seele selber und somit auf ihren künftigen Zustand. So lernt sie Verhältniss der Dinge zu sich selber — und zugleich Gebrauch und Anwendung dieser Dinge zur Verbesserung ihres äusseren Zustandes finden. So sondert sie sich aus dem maschinenhaftwirkenden Hauffen der Geschöpfe ab und wird selbst Schöpfer, mischt sich in die Welt nur in sofern als sie es zu ihrer Absicht dienlich erachtet, je grösser ihre Stärke desto grösser ihre freywillige Theilnehmung, ihre verhältnissmässige Einmischung, ihr nachmaliger Schöpfungs und Wirkungskreiss. So gründet sich alle unsere Selbständigkeit all unsre Existenz auf die Menge den Umfang die Wahrheit unsrer Gefühle und Erfahrungen, und auf die Stärke mit der wir sie ausgehalten das heisst über sie gedacht haben oder welches einerley ist, uns ihrer *bewusst geworden sind.*

Unsere Unabhängigkeit zeigt sich aber noch mehr im *Handeln* als im Denken, denn beym Denken nehm'ich meine Lage mein Verhältniss und Gefühle wie *sie sind,* beym Handeln aber verändere ich sie *wie es mir gefällt.* Um vollkommen selbständig zu sein, muss ich also viel gehandelt, das heisst meine Empfindungen und Erfahrungen oft verändert haben. Ist dies nach gewissen Gesetzen der allgemeinen Harmonie geschehen, zo nennen wir das *gut* handeln, im entgegenstehenden Fall *böse.* Diese Harmonie lässt sich aber eher fühlen als bestimmen. Denn welcher Verstand ist soweit durchgedrungen — und was müsste er für einen Weg gemacht haben, um dahin zu kommen? Böse Handlungen geben sich gleich zu erkennen durch die dadurch verursachten qüalenden Gefühle, deren Deutlichkeit der Mensch aufhalten, die er aber nie ganz vertilgen kann.

Christus lebte nach einem Plan um allgemeiner Gesetzgeber zu werden, er lebte um su leiden und zu sterben. Seine Gefühle müssen unaussprechlich gewesen seyn, er hatte sich in einen Standpunkt gestellt das Elend einer ganzen Welt auf sich zu konzentriren und durchzuschauen. Aber das konnte auch nur ein Gott....

IV *).

(По рукописи Королевской Библіотеки въ Берлинѣ).

Mon bienfaiteur!

Le voyage que Mons. Reimann a entrepris à mon insçú et sans me vouloir permettre de l'accompagner, me donne quelques faibles lueurs d'éspérance, car à parler sincerement mon coeur se trouvoit bien abbatú. On prétend ici que S. A. J. Madame la Grande Duchesse doit se permettre fort rarement à rire: mais qu'à la pretension des Suedois, que toute l'armée devroit rendre ses armes, et que dans ce cas le Duc de Suderm. s'engagea à negocier le paix avec les Turcs, elle n'ait pu s'empecher d'éclater à rire. Ce trait m'a fourni le sujet d'un petit Drame, que j'ose presenter aux yeux du seul Censeur que je connoisse — —

---

*) Относятся ко времени русско-шведской войны 1788—1790 гг.

Czarlot qui pleure et Czarlot qui rit, petit Drame sur la guerre des Suedois.

Czarlot qui rit. On dit que toute armée a posé les armes.

Czarlot qui pleure. Oui Maman hiiiii.

Czarlot qui rit. Et les Suedois sont restés sous les armes.

Czarlot qui pleure. Oui da Maman hiiiiii.

Czarlot qui rit. Mais qu'en sera-t-il. Toute notre armée sera prisonniere: et mon mari, bien loin de desarmer les Suedois leur fournira encore de nouvelles armes.

Czarlot qui pleure. Comme ça Maman, ce fera une jolie histoire hihiiiii.

Czarlot (éclatant) Mais n'avez vous pas entendú que les armes des Suedois consistent dans des ciseaux et mesures, et qu'ils travaillent à présent tous comme des insensées à fournir des culottes à toute notre armée et à mon mari même.

Czarlot qui pleure. Que veut dire cela, hiiiiii—toute notre armée desarmée.

Czarlot qui rit. Mais n'entends tu pas folle, qu'on ne peut pas venir à bout à leur faire des habits pendant qu'ils sont armés et combattent. S'il ne se trouve pas assez des ciseaux, on en fera venir de Toula.

Czarlot qui pleure. Mais le Duc de Sudermannland veut nous prendre nos terre, ce n'est pas risible.

Czarlot qui rit. Mais il nous donne des draps et du fer en echange et prend service lui même dans notre armée, n'est ce pas assez? C'est un prisonnier armé de cap en pieds.

Czarlot qui pleure. hiiiiiii.

Czarlot qui rit. Tu es bien folle, voudrois tu que cela nous eut couté du sang. Il en est assez de tes pleurs.

Czarlot qui pleure. Mais nos terres, nos terres.

Czarlot qui rit. Folle elles restent à nous: nous les prêtons à un Ami qui en a trop peu et qui a une abondance d'habitans et d'artisans qui n'ont pas de pain. Qu'ils viennent le chercher en Russie—

Czarlot qui pleure. Mais comme ça nous serons Suedois au bout du compte.

Czarlot qui rit. Folle les Suedois ne seront pas Russes et les Russes ne seront pas Suedois, mais ils vivront dorénavant en bons amis ensemble.

Messager (tout essoufflé) Oh malheur, sur malheur, les Suedois ont desarmé toute notre armée, et bien loin de se defendre, ils sont depouillés jusqu'à la chemise. Qu'on ordonne des prières publiques.

Czarlot qui pleure tombe dans un fauteuil. C'en est donc fait.

Czarlot qui rit. Mais ils viendront nous depouiller aussi.

Czarlot qui pleure. Je me meurs!—

A parler serieusement, j'avais plus de raison que tout autre à jouer le role de Czarlot qui pleure, qui ne m'a peut être pas mal rëussi, connoissant les rélations dans toute leur valeur et poids. Cela me pesoit et j'avoue qne si j'étais l'homme à inspirer mes sentimens à mes chers compatriotes du sexe masculin, je ne les ferois pas desarmer si vite. Ils ont des tailleurs tout comme Messieurs les Suedois qui du reste, trouveront du pain par tout l'Empire, sans trop nous incommoder. La lettre cyjointe en donnera peut être des éclaircissemens, elle étoit adressée au

Comte d'Anhalt et si mon bienfaiteur peut la lui faire parvenir, ce sera un faible hommage que nos coeurs portent en secrèt au legitime heritier des droits du grand Pierre. Il aurait pù nous donner un Tubingue.

On m'a dit que Mons. Gadebusch, natif de l'isle de Rugen est decede; je le regrette par rapport aux annales de Livonie, qu'il a eû la bonté de m'envoyer, quoique j'ai eû le malheur que Messeurs les Czarlots pleurants de Moscou m'aient derobé presque tout mes livres.

Cela ne m'empechera pas de chercher quelque lecture qui put me fournir matière à des compositions que je mettrai aux pieds de Leurs A. J. au premier vent heureux.

Lenz.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
46	7 сн.	Sohh	Sohn
53	5 „	ibm	ihm
—	3 „	genommeu	genommen
57	11 „	Iheils	Theils
89	4 св.	geisst	giesst
97	15 „	дипломатической службѣ	службѣ
111	16 сн.	старухи	старухѣ
120	6 св.	Kleine Blätter	kleine Blätter
142	8 сн.	изъ	ихъ
146	16 „	горизонты	горизонты [11]).
153	17 св.	le Tableau	le tableau
155	14 сн.	переводу.	переводу [45]).
160	8 св.	аристотельской	аристотелевской
180	17 сн.	55)	56)
194	3 „	мѣчта	мечта
205	16 „	Ленца переводческаго таланта	переводческаго таланта Ленца
243	15 св.	чертямъ“.	чертямъ“ [55]).
—	19 „	55)	56)
—	4 сн.	нарадуедся	нарадуется
291	2 св.	невѣсту.	невѣсту [111])
—	16 сн.	Ленца.	Ленца [114]).
296	16 „	318)	183)
353	6 „	Frauen zimmerbriefe	Frauenzimmerbriefe
398	17—18 „	въ своемъ дневникѣ	въ письмѣ къ Мерку
—	17 „	16-го	14-го
419	2 св.	видвигаетъ	выдвигаетъ
495	18 сн.	печальной роли	о печальной роли
496	18 „	ихъ	изъ

КРАТКАЯ

ФОНЕТИКА и МОРФОЛОГІЯ

ЧЕШСКАГО ЯЗЫКА.

ЛЕКЦІИ

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Романа Брандта.

Чешская азбука.

Правописаніе чешскаго языка, изображаемаго латинскою азбукою, первоначально является въ безпорядочномъ видѣ. Для выраженія одного и того же звука употреблялись разныя буквы: такъ для изображенія звука *ц* ставились знаки: c, cz, cs, для звука *с*—s, ss, z, sz.

Въ XIV вѣкѣ устанавливаются нѣкоторые пріемы условнаго выраженія недостающихъ въ латинской азбукѣ буквъ. Именно, cz стало употребляться для обозначенія *ч* (что̀ перешло къ полякамъ и сохранилось у нихъ донынѣ); для изображенія *ш* устанавливается знакъ ss, для изображенія *з* и *ж*—*z*, такъ что *з* и *ж* не различались. Кромѣ того устанавливается знакъ rz, для шепеляваго r,—тоже усвоенный и удержанный поляками.

Реформаторомъ чешскаго письма явился знаменитый реформаторъ и въ другой области—Янъ Гусъ. Въ 1411 году, онъ написалъ латинское разсужденіе о чешскомъ правописаніи и началъ проводить въ жизнь правописаніе, которое и принялось. Впрочемъ послѣдователи Гуса нѣсколько испортили его письмо, и лишь въ новѣйшее время оно вошло въ общее употребленіе (тоже кое съ какими измѣненіями, но къ лучшему).

Особенность гусовой азбуки состоитъ въ пріемѣ, получившемъ впослѣдствіи названіе діакритическаго письма: для обозначенія чуждаго латинскому языку звука берется буква, изображающая ближайшій къ нему звукъ, и отмѣчается сверху точкой. Т. к. c=ц (cena, konec), то Гусъ для изображенія *ч* пишетъ *c* съ точкой: ċech; т. к. s=c, онъ для обозначенія *ш* беретъ знакъ ṡ : ṡum; установивъ для *з*—знакъ z, онъ для *ж* вводитъ ż : żena. Та же точка служила и для обозначенія мягкости согласныхъ: ḋ=d мягкому, ṫ=t мягкому, ṅ=n мягкому (buḋ, zeṫ, daṅ). Однако въ одномъ случаѣ Гусъ допустилъ отступленіе отъ этой системы: именно, l̇ у него=l твердому,

а не мягкому, который обозначается черезъ простой l: pláč и klíč (ключъ). Это отступленіе надо объяснять тѣмъ, что твердый звукъ *л* рѣзче отличается отъ латинскаго l, нежели мягкій.

Чешское правописаніе установилось лишь въ новѣйшее время, трудами Добровскаго, Юнгмана, Шафарика. Нынѣшнее правописаніе имѣетъ прежде всего внѣшнее отличіе отъ гусовскаго: гусова точка замѣнена вилочками: č, ž, ň,—только мягкія d и t обыкновенно отмѣчаются не вилочками, а апострофомъ: d', t'; такъ какъ эти буквы и безъ того очень высоки. Снабжать знакомъ букву l оказалось лишнимъ, т. к. мягкость и твердость l утратились въ новочешскомъ языкѣ, и оба l слились въ одномъ среднемъ. Уже Гусъ упрекалъ Пражанъ въ смѣшеніи этихъ звуковъ. Для обозначенія *в* Гусъ сохранилъ (разумѣется напрасно) два знака: w и v, различая ихъ по произвольному правилу. Послѣ Гуса возобладало w, а для употребленія v установилось безсмысленное правило писать его въ началѣ словъ вмѣсто u. (И Гусъ, сохраняя средневѣковый обычай, въ началѣ словъ употреблялъ вмѣсто u—v, только особаго вида). Въ новое время это правило оставлено, а w замѣнено черезъ v. Звукъ j въ старину обозначался черезъ i, y, g. Послѣдняя буква употреблялась передъ узкими гласными (e, i), гдѣ она читалась за j въ средневѣковой латыни (объ этомъ говоритъ самъ Гусъ въ своемъ трактатѣ о правописаніи). Гусъ сохранилъ двоякое обозначеніе j: черезъ g передъ e, i и черезъ i въ другихъ случаяхъ. Позднѣе установился обычай всегда писать g вмѣсто j: jaro (весна) писалось garo, ráj—rág. Такое употребленіе не вело къ сбивчивости,—въ чешскомъ языкѣ звукъ g утратился. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ слышится g, оно произошло изъ k и пишется черезъ k, напр. kde, k zámku; въ иностранныхъ же словахъ, для отличія g отъ j, ставили надъ g точку. Уже въ новѣйшее время стали писать вмѣсто g—j, а вмѣсто g съ точкой—простое g: groš. J прежде употреблялся для обозначенія í: sjla, и лишь въ недавнее время долготу *i* стали обозначать удареніемъ (акутомъ), какъ и у другихъ гласныхъ, хотя уже Гусъ писалъ не только á, é, ó, ú, ý, но также í. Въ 40-хъ годахъ дифтонгъ ou, писавшійся раньше au, сталъ писаться ou: s*o*ud (=**сѫдъ**), вм. s*a*ud, что лучше передаетъ произношеніе.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ правописанія, въ новѣйшее время была введена, въ замѣнъ средневѣковаго ломаннаго шрифта («швабаха»—

сохраняемаго до сихъ поръ у Нѣмцевъ), округлая «антиква» (шрифтъ «латинскій»). Впрочемъ въ книгахъ для народа и богослужебныхъ «швабахъ» еще не вывелся.

Фонетика.

Гласные звуки.

Уже выше замѣчено мимоходомъ, что въ чешской рѣчи существуютъ *долгіе гласные*, которые обозначаются удареніемъ: dráha (доро́га), drahá (дорогая), draha (дорогá); mléko (долгое *e* въ просторѣчіи обыкновенно переходитъ въ ī—mlíko); síla; долгое *o* употребляется только въ восклицаніи: ó! и въ нѣкоторыхъ иностранныхъ словахъ; ú встрѣчается лишь въ началѣ словъ, наприм., úřad (читается такжеouřad)—должность. Въ чешскомъ языкѣ ū обыкновенно изображается чрезъ ů, потому что этимологически оно равно старочешскому ō: důmdóm. Знакъ y соотвѣтствуетъ въ новочешскомъ языкѣ этимологически нашему ы, но фонетически совпадаетъ съ i; встарь они дѣйствительно различались. Y также является съ акутомъ: býk. Акутъ, который ставится надъ гласными для обозначенія долготы, не можетъ быть принятъ за знакъ ударенія, потому-что *удареніе* въ чешскомъ языкѣ не приходится отмѣчать: оно всегда падаетъ на опредѣленный слогъ, именно на начальный, при чемъ предлоги при существительныхъ и отрицаніе при глаголахъ считаются съ ними за одно слово: žèna, vìtěziti побѣдить (знакъ ˇ ставится надъ e для обозначенія мягкости предшествующаго ему согласнаго), ùmlknouti, nèbudu (отрицаніе пишется слитно съ глаголомъ), nènapojíte, nà pole, dò poledne. Исключеніе составляютъ двусложные и трехсложные предлоги, которые сравнительно недавно имѣли самостоятельное удареніе: skrze lès, kolem Pràhy; удареніе не переходитъ и въ томъ случаѣ, когда предлогъ изъ двусложнаго дѣлается односложнымъ: skrz lès.

Ъ и **ь**, какъ вообще въ новославянскихъ языкахъ, то нѣмѣютъ, то проясняются. И тотъ, и другой глухой даетъ *e*, такъ что **ъ** и **ь** совпадаютъ. Примѣры на *e* изъ **ъ**: sen (**сънъ**), ро́дникъ snu; pevný крѣпкій (* **пъвьнъ**, одного корня съ глаголомъ **пъвати**, **оупъвати**);

ret—rtu (губа); lež—lži (ложь). Иногда аналогія вводитъ *e* и въ открытый слогъ, гдѣ по первоначальной фонетикѣ должно было произойти выпаденіе. Какъ въ русскомъ языкѣ слово *мох* (**мъхъ**) имѣетъ *o* или бѣглое, или постоянное: *мха* и *моха*, такъ и въ чешскомъ mech образуетъ mchu и mechu. Такъ же rež имѣетъ rži и reži; bez (бузина)—bzu и bezu.

Звукъ **ь**, какъ уже сказано, тоже проясняется въ *e*: den, рóдникъ dne, lev—lva, otec—otce. Вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что **р** передъ **ь** становится шепелявымъ: křest=**крьстъ** (значитъ: крещеніе; крестъ—kříž)—křtu. Слово **орьлъ** должно было бы дать ořel (въ польскомъ языкѣ дѣйствительно orzeł), но косвенные падежи orla,-lu и т. д. оказали вліяніе на назывный, и стали говорить orel. Слово len даетъ въ рóдникѣ lnu, но имѣется также и lenu.

Вслѣдствіе того, что изъ двухъ глухихъ проясняется первый, а изъ трехъ средній, у нѣкоторыхъ словъ на **ьць** появилось перемѣщаемое *e*: žnec—žence, švec (сапожникъ)—ševce: жьнѣць-жьньцà и шьвѣць-шьвьцà. Встарину тоже явленіе замѣчалось въ окончаніи **ъкъ**, напр. domček, рóдникъ domečki; но потомъ косвенники навязали назывнику свое *e*, и стали говорить domeček.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ староцерк. **ъ** и **ь** имѣютъ особое употребленіе, именно служатъ для обозначенія слоговости *р̊* и *л*, или же, по другому пониманію—для обозначенія предшествующихъ этимъ звукамъ глухихъ. Такъ, въ праславянскомъ мы предполагаемъ формы търгъ, вълкъ, сърдьце, жьлтъ, или же: тр̥гъ, ср̥'дьце, вл̥къ, жл̥'тъ. Чешскій языкъ сохраняетъ слоговые согласные, или же (если здѣсь были ъ и ь) вновь развилъ такіе согласные. Имѣются, такимъ образомъ, р и л слоговые: hrdý, krčma, vlk, mlčeti, srdce, zrno, mlznouti лизнуть (сродни староцерк. **млѣсти-мльзѫ**— доить). Иногда въ чешскомъ языкѣ ṛ и ḷ бываютъ вторичными, и являются тамъ, гдѣ первоначально были *р* и *л* согласные съ послѣдующимъ ъ и ь, ставшіе слоговыми, попавъ въ необычное положеніе, между двумя согласными. Очень ясный примѣръ этого представляетъ слово **кръвь**—krev, рóдникъ krve (-i). Очевидно здѣсь мы имѣемъ правильное проясненіе глухого, стоявшаго позади плавнаго; въ косвенныхъ падежахъ **ъ** долженъ былъ выпасть, и должно было получиться односложное krve: по-польски дѣйствительно произносятъ въ одинъ слогъ: krew—krwi; односложность существовала и въ чеш-

скомъ языкѣ, что́ доказывается старочешскими стихами. (Естественно думать, что krvè дало сперва k r̥vè, а потомъ уже стало k r̥̀ve), Совершенно аналогичное слово връвь, польское brew-brwi, звучитъ по-чешски brv. Здѣсь называно-винильный падежъ примѣнился къ остальнымъ *). Такого же рода l̥ имѣется въ глаголѣ hltati глътати, и въ глаголѣ plvati пльвати. Слѣдуетъ еще замѣтить, что чешскій языкъ не вездѣ, гдѣ мы ожидаемъ, представляетъ l̥—именно вмѣсто староцерк. лъ, русск. ол, мы иногда находимъ lu; это же lu является вмѣсто староцерк. ль: pluk—плъкъ, dluh длъгъ (debitum), člun чльнъ, žlutý жльтъ. «Долгій» будетъ dlouhý; словацкое нарѣчіе представляетъ здѣсь l долгое: dl'hy (за то *y*—краткое, такъ какъ въ словацкомъ нарѣчіи двухъ долгихъ слоговъ рядомъ не бываетъ). Двойственность l̥ и lu, какъ мнѣ думается, основана на доисторическомъ удареніи: при спускномъ (нисходящемъ) удареніи мы имѣемъ l̥, при подъемномъ (восходящемъ)—lu. Въ такомъ случаѣ выговоръ pluk основанъ на косвенныхъ падежахъ: p̏lk, pl̑ku, а выговоръ dluh развился во мно́жномъ числѣ: вѣдь по-русски долгѝ, долгòв.

Вмѣсто r̥ чешскій языкъ имѣетъ иногда слогъ er—это бываетъ послѣ шипящихъ č и ž: старочешскія и словацкія črný, črpati žrnov, žrd' по-новочешски звучатъ černý, čerpati, žernov, žerd'.

Такъ какъ слоговые r и l не отличаются на письмѣ отъ неслого́выхъ, то надо дать правило, какъ отличать ихъ. Вотъ это правило: буквы r и l тогда составляютъ слогъ, когда имѣютъ передъ собой согласную букву, не имѣя за собою гласной. Указанное правило можно разбить на два: r и l составляютъ слогъ, когда стоятъ между двумя согласными: trh, vlk, или въ концѣ слова послѣ согласной: bratr, nesl (несъ). Такимъ образомъ, r и l въ началѣ слова, хотя бы передъ согласною, слога не составляютъ: rváti, lháti.

Звукъ ѣ получаетъ двоякую замѣну, смотря по тому, является ли краткость, или долгота. При краткости мы находимъ *e*, первоначально съ предшествующей мягкостью. Мягкіе звуки слышатся напр. въ прикладкѣ něžný и въ предметницахъ tělo и děvče (малорус. дівча́ дѣвушка). Въ словахъ же pěna, běh, měd' и věděti—послѣ согласныхъ губныхъ — слышится почти j: pjena, bjeh, mjed', vjed'et; въ словѣ

---

*) Слогъ рь никогда не превращается въ r̥ : крьстъ звучитъ, какъ мы уже видѣли, křest-krtu, хрьбьтъ—hřbet.

les—l средній. Когда ѣ-ю соотвѣтствуетъ звукъ долгій, то этотъ звукъ есть í, напр. míra, bílý, sníh. Звуки í и ě не проходятъ по всѣмъ словамъ одного корня, а нерѣдко чередуются: míra—měřiti, sníh—sněžný; бываетъ колебанье даже по падежамъ: míra образуетъ творный пад. měrou, sníh—родный sněhu. Вмѣсто í языкъ старинный и словацкое нарѣчіе (вообще во многихъ чертахъ архаичное) представляютъ дифтонгъ ie: miera, bieły, snieh, срв. сербскія слова съ замѣною ѣ въ юго-западномъ говорѣ посредствомъ ије: бӣјели, снӣјег. Изъ сербскаго языка извѣстно также чередованіе долготы и краткости, подобное чешскому: напр. сравнительная степень къ бӣјелӣ—бјѐљи.

Юсу широкому (ѫ) соотвѣтствуетъ по-старочешски тотъ же звукъ, что по-сербски и по-русски; такимъ образомъ дѫбъ звучитъ dub, рѫка—ruka; пѫть—pút', сѫдъ—súd. Долгое ú, сохраняющееся до сихъ поръ въ словацкомъ нарѣчіи, въ обыкновенномъ чешскомъ языкѣ перешло въ дифтонгъ ou: pout', soud. Такъ же, какъ при замѣнѣ ѣ-я, и здѣсь является чередованіе u съ дифтонгомъ, равное старинному чередованію краткости съ долготой. При словѣ soud стоитъ sudí (сѫдии судья); при trouba—производное trubný; глаголъ совершеннаго вида poručiti образуетъ видъ несовершенный poroučeti.

Юсъ узкій (ѧ) имѣлъ первоначально въ чешскомъ языкѣ ту же замѣну, что и въ русскомъ, т. е. *а* съ предшествующею мягкостью, только это *а* могло быть и краткимъ, и долгимъ. Однако звукъ *а* на мѣстѣ ѧ во многихъ случаяхъ подвергся вторичному измѣненію или въ *e*, или въ *i*. На какомъ основаніи является такая замѣна, объ этомъ рѣчь будетъ ниже. *Ja* (а), какъ замѣна ѧ, слышится въ словѣ jazyk, въ причастіи терпномъ st'at (казненъ, староцерк. сътѧтъ отъ глагола сътѧти-сътьнѫ, срубить) и во множинѣ kot'ata (котята); въ словѣ pátek (пѧтъкъ—пятокъ, пятница) мягкость утратилась.

Вмѣсто умягчительнаго *а* мы находимъ *е* напримѣръ въ слѣдующихъ случаяхъ: ječmen (ѩчьмы), pět (пѧть), deset (десѧть). Въ другихъ словахъ на мѣстѣ ѧ имѣемъ í; изрѣдка, чуть ли не въ одномъ только словѣ—i (вѣроятно это не звуковое явленіе): přísti прѧсти, počíti—почѧти; инфинитивъ къ st'at есть stíti. Опять-таки замѣчается колебаніе въ количествѣ гласнаго, а вслѣдствіе того и въ огласовкѣ. Мы уже видѣли такой примѣръ на stíti и st'at; приба-

вимъ настоящее къ инфинитиву přísti — předu, и меньшильницу kot'átko котеночекъ, при kot'ata (одинное число — kotě кота, котенокъ).

Звукъ оу, на счетъ котораго въ большинствѣ славянскихъ языковъ не приходится распространяться, въ чешскомъ вызываетъ на замѣчаніе. Мы видѣли, что ж, будучи замѣненъ черезъ u, при долгомъ произношеніи, въ новочешскомъ обратился въ дифтонгъ ou. То же происходитъ и съ исконнымъ ú. Напр. инфинитивъ плоути является въ видѣ plouti (стар. plúti); боурꙗ звучитъ bouře (стар. búře). Отмѣтимъ чередованіе ou и u: sukno, но soukenný, suchý—souše, kupec—koupiti.

Звукъ ы, который несомнѣнно существовалъ въ чешскомъ языкѣ, и для котораго Гусъ установилъ знакъ y, слился у чеховъ со звукомъ i. Однако между этими звуками сохраняется разница послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ. А именно послѣ мгновенныхъ зубныхъ, d, t, n, древніе ы звучатъ нѣсколько шире, чѣмъ *i*, и вмѣстѣ съ тѣмъ согласный довольно твердъ; *i* же звучитъ узко, и согласные — мягки; такъ староцерк. ти=ti (т'и); ты=ty (=ти"); had (гадъ—змѣя) образуетъ множный назывникъ hadi, винильникъ—hady; pán—páni и pány. Слѣды древней двойственности сохраняются также при звукѣ r, хотя тутъ гласный звукъ одинъ и тотъ же, но имѣется передъ древнимъ i превращеніе r въ звукъ шепелявый: houser гусякъ, множный назывникъ houseři, винильникъ—housery. Древняя двойственность проявляется и тамъ, гдѣ задненёбные согласники подвергаются смягченію: voják солдатъ — vojáci, вин. vojáky. Но это не доказываетъ существованія у чеховъ мягкихъ слоговъ ќi, ѓи, х́и, т. к. смягченные согласные были унаслѣдованы чехами отъ славянскаго праязыка, представлявшаго окончанія вродѣ ацн и акы, между тѣмъ какъ houseři, гдѣ r смягчился на чешской почвѣ, указываетъ, что была когда-то форма *húseři съ мягкимъ r; впрочемъ о существованіи нѣкогда твердыхъ слоговъ кы, гы, хы свидѣтельствуетъ самая ореографія съ y—ky, hy, chy: kyselý, hynouti, chytrý. Будучи долгимъ, звукъ ы въ чешскомъ языкѣ перешелъ, примѣрно въ XIV столѣтіи, въ дифтонгъ ej, который прежде писался ay. Въ чешскомъ просторѣчіи и господствуетъ произношеніе ы за ej: býk = bejk, býti=bejti, dobrý=dobrej.

Относительно звука *i*, кромѣ совпаденія его съ ы, слѣдуетъ отмѣтить, что онъ въ началѣ словъ можетъ становиться неслоговымъ и исчезать, хотя на письмѣ онъ и изображается: j-d-u = du, съ отрицаніемъ однако будетъ nejdu; j-h-o=ho (него).

Вмѣсто звука *о* чешскій языкъ иногда представляетъ u, а именно вмѣсто ō—ū, которое пишется ů. Это ō перешло прежде всего въ дифтонгъ uo, который сохраняется въ словацкомъ нарѣчіи, въ какихъ-нибудь stuol, kuoň, nuož=чешск. stůl, kůň, nůž, первоначально stół, kóň, nóž. Звукъ ō, разложившійся въ дифтонгъ uo, а потомъ стянувшійся въ ū, развился въ слогахъ замкнутыхъ, преимущественно передъ согласными звонкими. Такимъ образомъ, когда слогъ становится открытымъ, вмѣсто ů является o: stůl, родникъ—stolu, kůň—koně, nůž — nože; напротивъ того, отъ lože меньшительное будетъ lůžko. Иногда, вслѣдствіе вліянія однѣхъ формъ на другія, звукъ ů можетъ попасть въ открытый слогъ, и *о* въ замкнутый; такъ strom (arbor) представляетъ *о* вмѣсто ů, а меньшительное strůmek представляетъ ů въ открытомъ слогѣ; но очевидно *о* вм. ů и ů вм. *о* идутъ изъ косвенныхъ падежей, гдѣ stromu и strůmku вполнѣ законны. Назывный падежъ stromek также имѣется, но онъ въ свою очередь породилъ косвенники stromku и т. д. Подобное же измѣненіе звука *о* встрѣчается и въ другихъ славянскихъ языкахъ. У сербовъ этотъ звукъ бываетъ въ замкнутомъ слогѣ долгимъ, а въ открытомъ краткимъ: Бо̑г—Бо̏га (по-чешски Bůh, Boha); соотвѣтственно этому въ малорусскомъ нарѣчіи *о* обращается въ i: kůň=кінь, родникъ коня́; въ областной малорусской рѣчи имѣются и другія замѣны *о*, именно uo, ue, ui, u, ü, изъ которыхъ uo и u повторяются и въ чешскомъ языкѣ. U изъ долгаго ō, что̀ пишется ó, имѣется и по-польски: Bóg—Boga.

Что касается огласовки *плавно-чистыхъ* созвучій, тѣхъ созвучій, гдѣ русскій языкъ представляетъ полногласіе, то здѣсь чешскій языкъ сходится со староцерковнымъ: городъ, **градъ**—hrad (за́мокъ); молоть, **млатъ**—mlat, **мрѣжа**, мерёжа—mříže, молоко, **млѣко**—mléko. Подобно русскому языку и чешскій иногда представляетъ вмѣсто узкой огласовки—широкую: жолобъ—žlab, староцерк. **жлѣбъ**. Отмѣтимъ еще соотвѣтствіе, замѣчаемое между чешскимъ количествомъ гласныхъ въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ и русскою акцентовкой. По закону, подмѣченному Пухмайеромъ (Puchmayer) и Катковымъ, когда

русское полногласное слово имѣетъ удареніе на второй части полногласія,—по-чешски является долгота: ворóна—vrána, корóва—kráva, болóто—bláto (грязь, лужа), солóма—sláma, берёза—bříza, мерёжа—mříza, молóть—mlíti; когда же удареніе на первой части, тогда является краткость: гóрод—hrad, вóрот—vrat, мóлот—mlat, зóлото—zlato, бéрег—břeh, дéрево—dřevo. Когда удареніе находится не на полногласіи, а на слѣдующемъ слогѣ, то замѣчается колебаніе: бородá—brada (подбородокъ), сторонá—strana, головá—hlava, а съ другой стороны: боронá—brány, бороздá—brázda, долотó—dláto, волокнó—vlákno. Чешское количество въ этихъ случаяхъ отчасти можетъ быть объяснено изъ другихъ падежей, которые имѣютъ иную акцентовку; такъ выговоръ hlava, brada легко объясняется изъ винильниковъ бóроду, гóлову; vlákno изъ множинѣ волóкна. Дѣйствительное исключеніе представляютъ лишь два слова: straka и dlaň, при русскихъ сорóка и ладóнь (обл. долóнь).

Остановимся теперь на явленіи чешскаго вокализма, которое особенно для него характерно: это—*сýженіе* (по другой терминологіи—перегласовка), т. е. превращеніе первоначально-широкихъ гласныхъ въ узкія. Сýженію подвергаются *a* и *u*, при чемъ *a* обращается въ *e*, понятно ă въ ĕ, ā въ ē; долгое *e* впослѣдствіи подверглось вторичному измѣненію. Для суженія звука *a* можно выставить такой законъ: *a* подвергается суженію послѣ мягкихъ согласныхъ (въ томъ числѣ j и первоначально-мягкіе шипящіе), однако за звукомъ *a* не должно быть твердаго согласнаго. Такимъ образомъ, говорятъ jesen ясень, naděje (надежда, малорус. надія), bouře буря, duše душа; староцерк. **ѩгнѧ** (обыкновенно **агнѧ**) даетъ jehně (на этомъ примѣрѣ видно, что безразлично, какого происхожденія *a*: древнее ли или изъ **ѧ**); mlčeti молчать (въ этомъ словѣ *a* произошло само изъ ē; чехи однако унаслѣдовали фонему мл̥чати). Примѣры на сохраненіе *a*, передъ твердостью: jazyk, jaro весна, čas время, kot'ata.

Долгое ā, сузившись сперва въ ē, потомъ превратилось въ ī: **чаша** дало čěše, а позднѣе современное číše; при словѣ nůž имѣется производное nožíř, вышедшее изъ nož'ěř = ***ножарь**; **прѧжда** является въ видѣ př'ěze, příze. Сохраненіе ā передъ твердостью замѣчается напр. въ словахъ kot'átko, jáma, čáry.

Въ числѣ нашихъ примѣровъ на суженіе *a* нѣкоторые представляютъ *a* вторичное, изъ **ѧ**, и мы видимъ теперь, почему юсу узкому

не всегда соотвѣтствуетъ *a* съ предшествующею мягкостью, а весьма часто *e* или *i*.

При суженіи мы опять-таки замѣчаемъ колебаніе въ огласовкѣ: *a* то суживается, то сохраняется. Можно повторить нѣкоторые изъ примѣровъ, уже раньше встрѣчавшихся, но не освѣщенныхъ съ этой точки зрѣнія. Мы видѣли при одинномъ числѣ kotě множное— kot'ata; это объясняется тѣмъ, что въ первомъ случаѣ a, стоя на концѣ, не имѣлъ за собою твердаго согласнаго, а въ kot'ata слѣдующее t помѣшало суженію; при pět порядковое есть pátý (въ pět—t мягкое или среднее, но твердымъ оно никогда не было); при hovězí говяжій является hovado говядо, т. е. рогатая скотина. Нерѣдко однако первоначальный законъ нарушается примѣненіемъ однѣхъ формъ къ другимъ, такъ что можно встрѣтить узкій гласникъ вм. ожидаемаго широкаго, и широкій—вм. узкаго. Такъ глаголъ **трасти-трасѫ-трасешн** въ нѣкоторыхъ формахъ подлежалъ суженію, а въ другихъ — нѣтъ: **трасти, трасешн** должны были сузиться, а **трасѫ** сохраниться; прошедшее причастіе элевое **траслъ** также не должно было суживаться. Въ старочешскомъ дѣйствительно и было tř'ésti, třěseš, но třasu и třásł; однако въ новочешскомъ мы имѣемъ вм. třasu — třesu, а напротивъ инфинитивъ tř'ésti, который долженъ былъ звучать třísti, превратился въ třásti, черезъ примѣненіе къ элевому причастію и къ супину **трастъ**, třast. Подобнымъ же образомъ **мастн-матѫ** должно бы звучать, и первоначально звучало mjésti, mÿteš, но mátł и matu; однако новочешскій языкъ произвелъ въ этомъ случаѣ полное подравненіе и провелъ вездѣ *a*: másti, mateš.

Звукъ *a* подвергается суженію и *подъ вліяніемъ слѣдующаго j* (i̯): aj переходитъ въ ej, напр. велительное къ глаголу dáti звучитъ dej; ***кранчнн** (портной) перешло въ krejčí. Такимъ образомъ кромѣ обыкновеннаго, поступательнаго суженія звука *a* замѣчается также суженіе обратное. Однако долгое *a* суженію передъ j вообще не подлежитъ, да и ă нерѣдко сохраняется: ráj, háj (малорус. гай—роща); kraj, tajný. По Гебауеру обратное суженіе произошло только въ замкнутыхъ слогахъ, откуда также нерѣдко устранялось путемъ подражанія: kraj вм. krej, подъ вліяніемъ косвенниковъ kra-je и т. д., tajný вм. tejný, подъ вліяніемъ tajemný и tajiti.

Другой звукъ, подвергающійся суженію, u, даетъ *i*: jinose— юноша, jih—югъ, lid—людъ, klíč—ключъ. Чтобы имѣть примѣръ,

гдѣ бы u было вторичное, изъ ж, возьмемъ 1-е лицо глагола píti—pıji.

Суженіе *а* и *u* произошло въ разное время: первое состоялось ранѣе и восходитъ къ старѣйшимъ временамъ чешскаго языка—къ XIV столѣтію оно уже завершилось, а суженіе звука u въ это время только начиналось. Поэтому и условія ихъ появленія различны: суженіе u не обусловливается слѣдующимъ звукомъ—jih и lid представляютъ суженіе передъ древнею твердостью. Объясняется это тѣмъ, что въ древнѣйшій періодъ чешскій языкъ имѣлъ твердые согласные, а къ XIV вѣку эти согласные обратились въ средніе и потому не препятствовали суженію. Суженіе находитъ себѣ аналогію въ другихъ языкахъ. Въ русскомъ языкѣ, напр., извѣстно сѣверное суженіе *а* въ *е* посреди мягкихъ: *меч* вмѣсто *мяч*, *пре́ник* вмѣсто *пря́ник*. Особенно развито суженіе въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ грамматики называютъ его перегласовкою (Umlaut): Hand—Hände, постаронѣмецки hant—henti; schön — старонѣм. skoni, füllen—готск. fulljan. Нѣмецкій языкъ представляетъ аналогію чешскому и въ хронологіи этого явленія: суженіе *а* и тамъ произошло раньше, чѣмъ суженіе u. Нѣмецкій языкъ также указываетъ на то, что въ чешскомъ языкѣ i произошло не прямо изъ u, а между ними была переходная ступень—ü.

Нарѣчіе *словацкое* не знаетъ суженія; оно сохраняетъ широкіе гласные: klíč—kl'úč; lidé—l'udie; duše—duša и т. д. Также въ нѣкоторыхъ областныхъ говорахъ мы встрѣчаемъ отступленія отъ суженія: у *моравамъ* меньше суженыхъ гласныхъ, чѣмъ у чеховъ; но для звука *а* это слѣдуетъ объяснять позднѣйшимъ возстановленіемъ, тогда какъ относительно u надо признать сохраненіе старины.

Стяженіе, которое встрѣчается и въ другихъ славянскихъ языкахъ, въ чешскомъ весьма обычно: здѣсь нерѣдко происходитъ сліяніе двухъ гласныхъ, первоначально раздѣленныхъ исчезнувшимъ впослѣдствіи j. Такъ, глагольная примѣта *а* вмѣстѣ съ темовымъ гласнымъ *е* даетъ á: игралєши—hráš; *aja* и *oja* также даютъ á: добраꙗ—dobrá, моꙗ—má; *aje* и *uje* у членовыхъ прикладковъ даютъ é: добраѥго—dobrého, доброуѥмоу—dobrému. На двоякое стяженіе *aje*—въ á у глаголовъ и въ é у прикладковъ—д. б. вліяли акцентныя условія (при существованіи еще разномѣстнаго акцентованія): á могло развиться у глаголовъ, у которыхъ удареніе падало на а; кромѣ

того и тамъ, гдѣ *a* не было ударяемымъ, появленію á могло благопріятствовать присутствіе *a* въ другихъ формахъ, какъ напр. въ инфинитивѣ—dělati; у прикладковъ же удареніе было большею частью на корнѣ—этимъ можно оправдать появленіе *e*, и не за чѣмъ поэтому, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, предполагать формы dobrojego, -ojemu.

Приведемъ теперь соотвѣтствіе чешскихъ гласныхъ староцерковнымъ въ видѣ таблицы.

A—1)=**а**: dáti, hrad, 2)=**ѧ**: kot'ata, pátý.

E—1)=**є**: zena, 2)=**ѣ**: les, břeh, 3)=**ъ**: sen, 4)=**ь**: den, 5) *e* есть вставка, подражаніе органической бѣглости: báseň **стихотвореніе—баснь**, oheň—**огнь**, her—**игръ**, 6 и 7) *e* является плодомъ суженія *a*, которое само можетъ быть исконнымъ, или замѣнять **ѧ**: jesen—**ѩсень**, kotě—**котѧ**.

I—1)=i: list, 2 и 3) можетъ быть плодомъ сýженія u исконнаго: lidé—**людие**, или=**ѫ**: piji—**пиѭ**, 3 и 4) *i* есть плодъ суженія *a*, исконнаго: číše—**чаша** или=**ѧ**: přísti—**прѧсти**, 5)—плодъ стяженія ia, ie, iu, въ которыхъ первоначально второй элементъ подвергался суженію: psaní письмо=**пьсаниѥ**.

U и ou—1)=**оу**: sukno и soukenný и 2)=**ѫ**: sudí **сѫдии** и soud **сѫдъ**.

Оговорю здѣсь, что число звуковъ, совпадающихъ въ одномъ *e*, въ болѣе раннее время, какъ указалъ Гебауеръ, было меньше: а именно различались древнее *e* и *ė* изъ глухихъ съ одной стороны и *e*=**ѣ** и возникшее путемъ суженія—съ другой; въ первомъ случаѣ являлось просто *e*, а во второмъ *e*, предшествуемое неслоговымъ i, выражавшемся на письмѣ буквою y. Итакъ писали n-e-s-u, n-e-h-o, чтó читалось nesu, (do) ňeho, и n-y-e-z-n-y, w-o-n-y-e, k-o-t-y-e, чтó читалось nieżný, vōnie, kotie.

Согласные звуки.

Смягченіе мгновенныхъ зубныхъ, t и d, т. е. превращеніе первоначальныхъ сочетаній tj и dj, даетъ въ чешскомъ языкѣ c и z: староцерковное **свѣшта**, русское свѣча, звучитъ svíce; **пишта**, русское книжное пища, вм. -ча—píce; **врашт**а**ти**, наше ворочать—vraceti; **межда**, межа, будетъ meze; **нѫжда**, наше народное нýжа,—nouze; глаголу угождать (мы имѣемъ славянскую фонему) соотвѣтствуетъ употребляю-

щееся въ матерьяльномъ значеніи «бросать» házeti,=*гаждати. Чешское смягченіе d въ z не находится въ полной гармоніи со смягченіемъ t. Какъ t, смягчаясь, дало c=tŝ, такъ d должно было бы дать dẑ; это явленіе аналогично съ русскимъ смягченіемъ *т* въ *ч=т͡ш* а *д*—въ *ж* вмѣсто *д͡ж*. Естественно думать, что первоначально въ чешскомъ языкѣ было dẑ, которое лишь потомъ обратилось въ z. Дѣйствительно, въ словацкомъ нарѣчіи смягченіе d даетъ dẑ: medza, nůdza, hádzat'. Въ пользу вторичности z можно сослаться и на польскій языкъ, хотя свидѣтельство послѣдняго не такъ вѣско, какъ свидѣтельство словацкаго нарѣчія: изъ того, что польскій языкъ представляетъ miedza, nędza, dogadzać угождать, не слѣдуетъ еще, что и чешскій имѣлъ такой выговоръ: это доказываетъ только, что онъ существовалъ въ общемъ языкѣ сѣверо-западныхъ славянъ.—Когда староцерковное **шт** восходитъ къ stj или къ skj (либо ske, ski), тогда чешскій языкъ представляетъ почти то же, что староцерковный, именно ŝt' — это тѣ случаи, гдѣ по-русски слышится щ, какъ народное произношеніе: houŝtě—гуща (***гѫщта**), ŝtika—щука, ŝtít—щитъ (**штитъ**). Въ чешскихъ говорахъ встрѣчается также ŝč (щ), да и встарину было созвучіе *щ* (ŝtŝ) *мягкое*, изъ коего затѣмъ, путемъ утраты послѣдняго элемента, вышло ŝt'.—*Губные* смягчаются непосредственно: см. черезъ строку.

Чешскій языкъ не имѣетъ почти согласныхъ *мягкихъ*. Мягкими могутъ быть только три звука—t, d, n: tělo, děd, kůň. Звуки губные, которые на письмѣ бываютъ также мягкими, представляютъ сочетаніе съ j: konopě (конопля) звучитъ konopje; hrábě (грабли), země (земля)—hrábje, zemje. Въ областной рѣчи въ этомъ отношеніи существуютъ архаизмы: кое-гдѣ губные могутъ произноситься мягко. Кое-гдѣ, съ другой стороны, сохраняется твердый ł. Итакъ обыкновенно причастіе bit совпадаетъ съ предметницей byt, мужеская форма элеваго причастія byli—съ женскою byly, но въ областныхъ говорахъ бываетъ между ними и разница.

Звукъ r передъ узкими гласными подвергается превращенію въ звукъ *шепелявый*: вмѣсто ŕ имѣемъ ř. Мягкій r, надо думать, такъ же, какъ губные, выдѣлилъ изъ себя j, а этотъ j перешелъ въ ẑ. Превращеніе j въ ẑ находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ томъ, что r и ẑ—звуки родственные, оба передненёбные, хотя сочетаніе *рж* въ другихъ языкахъ рѣдко, и съ русской точки зрѣнія кажется стран-

нымъ, что обычное rj обращается въ рѣдкое rž. Разложеніе ŕ на rj имѣетъ аналогію въ словенскомъ языкѣ, гдѣ ŕ въ исходѣ отвердѣлъ, а передъ гласными обратился въ rj: vrtnár садовникъ, родникъ vrtnárja. Вслѣдствіе указаннаго превращенія произносятъ: řád (радъ), kořen, břeh, hřada (града), moře. Звукъ ř содержитъ звонкій элементъ ž (r и z тѣсно сливаются); но подъ вліяніемъ предшествующихъ или послѣдующихъ согласныхъ, или стоя въ концѣ слова, онъ превращаетъ звонкій элементъ въ глухой: ř въ věřiti звучитъ какъ rž, но věř! věřte! представляютъ rš; точно также ř становится безголоснымъ послѣ k, ch, t, p: křik (кршик), chřipěti (хршипјети), tři (трши), příze (пршизе—пряжа). Такая замѣна ŕ существуетъ и въ польскомъ языкѣ, но тамъ rz упростился, такъ что=ž: morze море совпадаетъ съ može можетъ; такъ же, какъ по-чешски, является и безголосный выговоръ (*ш*): wierz, krzyk, chrzypieć, trzy, przędza.

Звукъ g въ чешскомъ языкѣ превратился въ h: hora гора, hus гусь, hlad, noha. Это h вмѣсто g естественно считать вторичнымъ звукомъ: надо думать, что въ общемъ языкѣ сѣверо - западныхъ славянъ не могло быть h, такъ какъ мы видимъ g у поляковъ, а также у нижнихъ лужичанъ. Въ самомъ чешскомъ языкѣ есть указанія на то, что первоначально здѣсь былъ звукъ g. Эти указанія заключаются въ передачѣ латинскими хрониками и грамотами чешскаго h въ собственныхъ именахъ черезъ g, а не черезъ h. Въ томъ же смыслѣ свидѣтельствуютъ также нѣмецкія формы мѣстныхъ названій, представляющія g вм. h: въ западной Моравіи есть городъ, который называется по-чешски Jihlava, а по-нѣмецки Iglau; Praha по-нѣмецки Prag, по-латыни Praga. G мы находимъ не во всѣхъ нѣмецкихъ названіяхъ чешскихъ мѣстностей: въ позднѣйшихъ заимствованіяхъ мы встрѣчаемъ h, напр. Hostau—Hostouň (въ западной Чехіи). Чешскій ученый Іосифъ Йиречекъ (Jireček), прослѣдивъ по грамотамъ появленіе h, говоритъ что подъ конецъ XII вѣка h стало замѣнять собою g. Добровскій еще раньше отмѣтилъ, что встарину чешскія имена являются въ латинской передачѣ съ буквой g, хотя уже въ 1088 г. есть одинъ примѣръ, гдѣ стоитъ h: Bohumil. Замѣчу однако, что въ употребленіи буквы g не заключается прямого указанія на взрывное g: старо-чешское g могло быть *г* протяжимымъ — нашимъ г въ словѣ *благо*: этотъ звукъ во всякомъ случаѣ естественно предположить въ чешскомъ языкѣ, какъ

переходный отъ g къ h. М. б. даже въ общемъ языкѣ сѣверо-западныхъ славянъ существовалъ указанный звукъ, который потомъ въ однихъ языкахъ далъ g, а въ другихъ h. (Смягченіе g въ dz, предполагающее взрывное g, восходитъ къ праславянской порѣ).

Насчетъ звука ch отмѣтимъ, что онъ *смягчается* всегда въ ś (нѣкогда существовавшій мягкій s совпалъ съ ś): mnich, множное число mniśi, по-староцерковному **мьниси**. Подобно тому и sk дало мягкое сочетаніе śč, а затѣмъ—śt': uherský (**жгрьскын**) угорскій, венгерскій—uherśtí, ранѣе -śčí (**жгрьстии**); также český (**чешьскын**)—češčí,-śtí (**чешьстии**), řecký,-cký (**грьчьскын**)—řečśtí,-čtí (**грьчьстии**). Таково же гусовское žd' въ давальникѣ miežde вм. **мѣздѣ** къ miezha (новое mízha,-za) **мѣзга**, сокъ.

Укажу наконецъ еще, что вм. упрощеннаго звука **л** въ чешскомъ имѣются основныя (м. б., вообще или отчасти, лишь возстановленныя подъ вліяніемъ родственныхъ формъ и словъ) *сочетанія* dl и tl: sádlo, pometlo, padl, pletl, а вм. сочетаній **цв, зв** (**sв**) являются несмягченныя kv и hv: květ, hvězda. Срв. Краткую фонетику и морфологію польскаго языка, стран. 46—47.

Морфологія.

Первоначально у чеховъ были три числа, но новочешскій языкъ, какъ всѣ почти новославянскіе языки, утратилъ *двойное число*.

Въ *еровомъ склоненіи* мы видимъ по-чешски, существующее и въ другихъ славянскихъ языкахъ, различіе между именами одушевленными и неодушевленными. Потому при обзорѣ этого склоненія возьмемъ два примѣра, одушевленное имя и неодушевленное: had змѣя и sud бочка.

Относительно *называго* падежа слѣдуетъ замѣтить, что онъ иногда представляетъ количественное различіе отъ другихъ падежей: chléb—chleba, mráz—mrazu, vítr—větru; это впрочемъ единичные случаи, — гораздо чаще чередованіе ů (первонач. ó) съ o, напр., Bůh—Boha; чередованіе ů съ o встрѣчается также и въ склоненіи ижевомъ: sůl—soli.

Въ падежѣ *родномъ* проявляется различіе между одушевленными и неодушевленными именами: одушевленныя имѣютъ окончаніе *a*, неодушевленныя—*u*: hada, sudu. Однако въ старину окончаніе *a* было

гораздо употребительнѣе и встрѣчалось также у неодушевленныхъ именъ; даже и въ настоящее время имѣется цѣлая масса исключеній. Одно изъ этихъ исключеній служило намъ примѣромъ на количественное колебаніе: chléb — chleba; сюда же принадлежатъ слова večer—večera, kostel—kostela; иногда употребляются оба окончанія: les имѣетъ lesa и lesu, hřích — hřícha и hříchu. Въ старинномъ языкѣ, какъ указалъ Гебауеръ, самое различіе между одушевленными и неодушевленными именами не можетъ считаться правиломъ; въ старину можно скорѣе поставить различіе между названіями *личными* и *неличными*, т. к. названія животныхъ тамъ стоятъ на одной доскѣ съ неодушевленными.

Кромѣ *a* и *u* встрѣчаемъ еще окончаніе *e*, которое идетъ отъ древнихъ согласныхъ основъ; мы его видимъ у словъ, которымъ оно свойственно издревле: kámen—kamene (есть и kamena), ječmen—ječmene (и ječmena). Однако бываетъ и вторичное e: popel пепелъ—popela и popele, týl — týla и týle; появленіе здѣсь *e* объясняется утратою твердаго ł и вліяніемъ мягкаго различія, гдѣ *e* произошло изъ *a*.

Въ *давальномъ* падежѣ мы имѣемъ окончанія u и ovi, изъ которыхъ второе идетъ изъ ўковаго склоненія; у неодушевленныхъ встрѣчается исключительно u, зато у одушевленныхъ чаще ovi: sudu, hadovi. Обыкновенное правило такое, что одушевленныя допускаютъ u только въ соединеніи съ прикладками, а безъ прикладка ovi обязательно: dám bratrovi. Исключеніе составляетъ Bůh, которое имѣетъ Bohu и не знаетъ окончанія ovi, что̀ довольно странно, въ виду распространенности формы богови въ староцерк. языкѣ.

Винильный падежъ у именъ одушевленныхъ = ро́дному, у неодушевленныхъ = назывному: hada, sud. Однако въ старину мы видимъ здѣсь то же различіе, какъ и въ ро́дномъ падежѣ: различались имена личныя и неличныя, и имена животныхъ имѣли винильный падежъ, равный назывному, напр.: cedjéce komár a velbúd sehltajéce. Впрочемъ тогда и у личныхъ появлялся такой винильникъ: věři (вѣрую) Buoh; до настоящаго времени сохраняется нарѣчное выраженіе: pro Bůh—ради Бога.

Зовный падежъ имѣетъ *e*: hade, sude. Отъ смягченія согласныхъ, которое должно происходить передъ этимъ *e*, чешскій языкъ нерѣдко уклоняется: хотя образуются формы člověče, Bože, duše, но послѣ

задненёбныхъ охотно употребляется заимствованное изъ уковаго склоненія окончаніе u: jazyku, vrahu (vrah убійца), hochu (hoch парень); syn также имѣетъ synu — это архаизмъ. Уклоняются отъ смягченія и слова на r, хотя и принимаютъ *e*: doktor—doktore, и r у нихъ становится шепелявымъ только при предшествующемъ согласномъ: bratr—bratře.

Творный падежъ кончается на em = ъмь: hadem, sudem.

Мѣстный падежъ у одушевленныхъ кончается на u и ovi, какъ давальный, только ovi здѣсь мало употребительно. Неодушевленныя имѣютъ u и e (= ѣ): sudu, sudě; вторичное u изъ уковаго склоненія возобладало и отодвинуло ě на задній планъ — послѣднее употребляется преимущественно послѣ предлоговъ v и na: v sudě, но o sudu, na dubě, но o dubu *). Окончаніе ě особенно рѣдко послѣ задненёбныхъ, которые передъ нимъ подлежали бы смягченію—хотя встрѣчается v stoze, v roce (rok годъ), v kožiše (kožich—кожухъ т. е. шуба), охотнѣе говорятъ v stohu, v roku, v kožichu.

Въ *назывномъ* падежѣ множнаго числа мы находимъ нѣсколько окончаній, изъ коихъ одни присвоены по преимуществу одушевленнымъ, другія неодушевленнымъ. Окончаніе *i*, равное древнему и, сдѣлалось достояніемъ одушевленныхъ; въ противоположность ему окончаніе *y* присвоено неодушевленнымъ: hadi, berani (бараны), komáři, vojáci (солдаты), lenoši (лѣнтяи), но sudy, berany (тараны), dvory, bodáky (штыки), lenochy (спинки у кресель). Во многихъ случаяхъ разница между i и y существуетъ здѣсь только на письмѣ: хотя пишутъ bi въ holubi и by въ duby, но читаютъ и то и другое одинаково. Окончаніе y встрѣчалось въ старину рѣдко и въ старомъ языкѣ можно указать много случаевъ, гдѣ имена неодушевленныя имѣютъ окончаніе i, какъ mraci, větři, вмѣсто которыхъ теперь обязательны mraky и větry. Окончаніе y появляется однако уже въ старомъ языкѣ и почти только у неодушевленныхъ. Относительно стариннаго языка надо еще замѣтить, что здѣсь дѣло не всегда ясно: не разъ окончанія можно толковать и такъ, и иначе, потому что буквы i и y употреблялись безразлично. Критеріемъ можетъ служить только смягченіе предшествующаго согласнаго, напр. dłuzi, hřiesi и уже приведенные mraci, větri, а кромѣ того оконча-

*) По-русски наоборотъ: въ саду́, на берегу́, но—о са́дѣ, о бе́регѣ.

ніе согласованнаго съ данною предметницею прикладка: такъ въ соединеніяхъ visoke dubi и visoci dubi согласованіе показываетъ, что нужно читать vysoké duby и vysocí dubi. Назывникъ на y есть винильникъ въ роли назывника, каковое употребленіе винильника могло появиться вслѣдствіе тождества этихъ падежей въ одинномъ числѣ. Окончаніе это употребляется также у названій народовъ, когда они служатъ для обозначенія странъ, напр. uher угорецъ, венгерецъ: Uhři угры, венгры, а Uhry—Угрія, Венгрія, vlach итальянецъ: Vlaši итальянцы, Vlachy—Италія.—Еще мы для множнаго назывника находимъ окончаніе *ové*, идущее изъ ўковаго склоненія, равное староцерк. **ове**. Это окончаніе присвоено одушевленнымъ, но не исключительно; кромѣ того оно связано еще съ однимъ условіемъ—его любятъ слова односложныя: duch—duchové, pán—pánové; къ односложнымъ словамъ надо отнести также двусложные, имѣющія бѣглое *e*: otec (живая основа otc)—otcové; orel—orlové; сюда же относятся слова на ek: svědek свидѣтель—svedkové. Изъ неодушевленныхъ это окончаніе является особенно у собирательныхъ, представляющихъ одушевленныя единицы: národ—národy и národové; stav сословіе — stavové; кромѣ того окончаніемъ ové пользуются тамъ, гдѣ форму на y можно бы принять за винильникъ. Въ такихъ случаяхъ позволительны образованія въ родѣ hříchové вм. hříchy, zázrakové чудеса вм. zázraky.— Далѣе появляется назывничное окончаніе é, употребительное у словъ на an, такъ же, какъ и въ русскомъ языкѣ у соотвѣтствующихъ имъ словъ на анин: měšt'an горожанинъ (встарь měštěnín)—měšt'ané. То же окончаніе é имѣютъ нѣкоторыя слова на l и d: andělé, sousedé (соотвѣтствуетъ по огласовкѣ предлога народному нашему «сусѣдъ», какъ и польское sąsiad, староцерк.—**сѫсѣдъ**); то же окончаніе свойственно слову manžel супругъ, въ значеніи мужъ и жена, чета: manželé, тогда какъ manželové значитъ «мужья».—Существуетъ еще окончаніе, впрочемъ рѣдкое — *í*, которое идетъ очевидно изъ ижеваго склоненія; такъ červí прямо равняется староцерк. **чрьвие**, но это окончаніе распространилось и на слова, которыя первоначально не имѣли на него права: hoch парень — hoši; čech — češí, рядомъ съ čechové *).—Изрѣдка встрѣчается окончаніе

*) Отъ этого í, надо полагать, заимствовали свою долготу окончанія é и ové, т. к. конечные гласники по-чешски бываютъ долгими исключительно вслѣдствіе стяженія.

а, которое по-русски получило стóль широкое распространеніе: hon проселочная дорога можетъ образовать множное число hona рядомъ съ hony, oblak—oblaka рядомъ съ oblaky.

Въ *рóдномъ* падежѣ находимъ окончаніе ův и усѣченное ů: hadův и hadů, восходящее къ болѣе раннему uov, получившемуся изъ óv. Встрѣчается въ старочешскомъ и окончаніе uo, а также нѣсколько примѣровъ на простое (очевидно долгое) *о*. **Овъ** идетъ, какъ извѣстно, изъ уковаго склоненія; настоящимъ же окончаніемъ ероваго склоненія былъ **ъ**, каковое окончаніе по-чешски должно было явиться въ видѣ безсуффиксности. Однако подобныя формы уже въ старину составляли рѣдкость, хотя съ другой стороны нѣкоторыя уцѣлѣли и по настоящее время; употребляется напр. форма kamen—въ переносномъ значеніи вѣса, 20 фунтовъ: pět kamen vlny (100 фунтовъ шерсти), также употребляется выраженіе z kořen изъ корней, т. е. съ корнемъ. Безсуффиксный рóдникъ составляетъ до сихъ поръ правило у именъ народовъ, употребляемыхъ для обозначенія страны: Uhři венгерцы образуетъ рóдникъ Uhrův, - ů, а Uhry Венгрія — Uher, Vlaši итальянцы — Vlachův, -ů, а Vlachy Италія — Vlach. Такое употребленіе существовало уже въ старочешскомъ, хотя не было вполнѣ установленнымъ: тамъ встрѣчается напр. безсуффиксный рóдникъ čech въ смыслѣ чеховъ—mnoho čech.

Въ *давальномъ* падежѣ мы имѣемъ окончаніе ům, образовавшееся черезъ uom, изъ óm (= **омъ**): hadům.

О падежѣ *винильномъ* мы уже говорили въ связи съ назывнымъ и отмѣтили, что онъ оканчивается, какъ и въ староцерковномъ, на **ы**: hady, vojáky, sudy.

Творный падежъ сохраняетъ архаическую форму, совпадающую съ винильнымъ, т. е. тоже оканчивается на y. Окончаніе это употребляется почти исключительно въ книжной рѣчи; изъ народныхъ говоровъ оно указано только въ одномъ. Обыкновенно же просторѣчіе уклоняется отъ него, при чемъ особенно любимою его замѣною служитъ ama: hadama, vojákama (двоинная форма азóваго склоненія). Кромѣ ama существуетъ еще, также азóвое, но множинное ami: hadami. Окончаніе ami отчасти допускается и въ литературной рѣчи, именно тамъ, гдѣ твóрному падежу приходится стоять рядомъ съ винильнымъ и ихъ трудно бываетъ различить, какъ напр.

въ выраженіи trhal zuby nehtami: если поставить nehty, то будетъ непонятно, зубы ли ногтями, или ногти зубами.

Въ *мѣстномъ* падежѣ мы имѣемъ окончаніе ích, стар. iech = ѣхъ: hadích. Но рядомъ съ этимъ iech уже въ старочешскомъ пріобрѣтаетъ большее распространеніе противъ первоначальныхъ границъ, а въ новочешскомъ языкѣ еще болѣе утверждается окончаніе ech, которое можно приравнить къ ьхъ (иженаго склоненія): hadech по образцу hostech *). Это ech особенно любимо послѣ d, t, n, r, т. е. послѣ согласныхъ, способныхъ къ умягченію и шепелявому выговору, каковыя измѣненія становятся излишними передъ ech. Подобной же причинѣ обязано бо́льшимъ распространеніемъ азо́вое окончаніе ách: именно послѣ задненёбныхъ въ просторѣчіи почти всегда употребляется это окончаніе: na rohách (на рогахъ, на углахъ), v potokách, o hříchách, хотя книжная рѣчь предпочитаетъ ích: na rozích, v potocích, o hříších. И литературный языкъ уклоняется отъ окончанія ích, когда предшествуетъ čk, и вмѣсто какого-нибудь ráčcích предпочитаетъ ráčkách. У словаковъ кромѣ указанныхъ окончаній употребляется еще och: hadoch, идущее изъ уковаго склоненія, гдѣ оно и въ староцерковномъ весьма обычно: **сынохъ** (о, думаю, взято въ замѣнъ ъ изъ другихъ падежей, какъ **сынови, - ове, - овъ**).

Въ мѣстномъ падежѣ надо отмѣтить еще одно старинное окончаніе. Въ старинныхъ граматахъ, писанныхъ на латинскомъ языкѣ, отмѣчены нѣкоторыя мѣстныя названія съ окончаніемъ as, которыя естественно толковать какъ падежъ мѣстный: Dolas, Polas, Lusas, что̀ надо полагать, читалось Dol'ás, Pol'ás, Łužás. Формы эти находятъ соотвѣтствіе въ старосербскомъ языкѣ, въ староболгарскомъ и въ старорусскомъ, а именно въ несторовскихъ **полахъ, древлахъ**, при одининѣ **поляниnъ, древлянинъ** (**а** = **ꙗ**), въ сербскихъ **грађамь, -ахь**, при одининѣ **грађанинь**, и въ болгарскихъ **троꙗмъ, - ꙗхъ** къ **троꙗнинъ** — такъ что Dol'ás, Pol'ás и Łužás относятся къ словамъ dolěnín, polěnín, łužeнín—это образованіе отъ согласныхъ основъ, которыя въ одинномъ числѣ приняли новый суффиксъ **ин**; звукъ *a* въ нашемъ окончаніи развился, послѣ j, изъ ē (срв. **словѣнинъ**), и dol'an- предполагаетъ болѣе раннюю фонему doljēn-. Производя отъ основы на n мѣстный падежъ съ суффиксомъ su, мы получаемъ:

*) Какого-нибудь synech=**сынъхъ** по-старочешски не встрѣчается.

*doljēnsu (м.б.-ēnsu, или-n̥su), что затѣмъ дало **долясъ**. Русское и чешское *a* (ja) можно бы выводить отсюда фонетически, но появленіе *a* у сербовъ, у болгаръ и (въ нѣкоторыхъ слѣдахъ) у словенцевъ, указываетъ на то, что здѣсь *a* праславянское: **ѧ**, надо полагать, былъ замѣненъ черезъ *a*, которое развилось въ другихъ падежахъ—**долѧмъ**, **-ѧмъ** и т. д. Появленіе у чеховъ звука s находитъ себѣ фонетическое оправданіе: послѣ **ѧ** s не переходитъ въ **х**—мы имѣемъ **мѧсо**, а не **мѧхо**, **трѧсѫ**, а не **трѧхѫ**; русское же, сербское, болгарское и словенское *ахъ* легко объясняется примѣненіемъ къ обычному во всѣхъ склоненіяхъ **хъ**.

Въ *двойномъ* числѣ, которое сохранялось въ старочешскомъ языкѣ, вниманія заслуживаетъ падежъ *назывный*, онъ же винильный и зовный. Здѣсь возобладало окончаніе уковаго склоненія—y: по образцу voły (волы) стали говорить также hady, и лишь изрѣдка встрѣчается окончаніе *a*: dva bratra, dva pána. Другіе падежи—родно-мѣстный hadú и давально-творный hadoma соотвѣтствуютъ староцерковнымъ.

Мягкое различіе. Въ мягкомъ различіи окончанія падежей измѣнены суженіемъ. Но нерѣдко происходятъ заимствованія окончаній у твердаго различія. Hráč игрокъ, *родный* пад. hráče, meč—meče: *ě* изъ *a*. Окончаніе *e* является также у нѣкоторыхъ словъ, какъ остатокъ согласнаго склоненія: мы видѣли формы kamene, dne; что это формы древнія, а не по мягкому различію, слѣдуетъ изъ того, что тогда было бы kameně, dně—слово ohen имѣетъ ohně.

Въ *давальномъ* падежѣ является окончаніе *i*, суженное изъ u: hráči, рядомъ съ которымъ у этого слова, какъ у одушевленнаго, стоитъ ovi: hráčovi, заимствованное изъ твердаго различія—въ старину еще встрѣчается *e*vi.

Падежъ *винильный* равенъ назывному у неодушевленныхъ и родному у одушевленныхъ предметовъ. Однако старочешская рѣчь, какъ и при твердомъ окончаніи, различала не между одушевленными и неодушевленными именами, а между личными и неличными, вслѣдствіе чего говорили L'ubuša kóň pusti; но въ настоящее время уцѣлѣло только выраженіе na kůň на коня верхомъ. Отъ названій лицъ винильный равный назывному встрѣчался лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженіяхъ: bychom pně za kráľ měli. Въ этой же фразѣ мы наоборотъ отъ peň имѣемъ винильный равный родному. Какъ по-русски до сихъ поръ сохраняется винильникъ «мужъ» въ

выраженіи выходить замужъ, такъ было и въ старо-чешскомъ jíti za muž; теперь однако это выраженіе утрачено, и вмѣсто него употребляется vdávati se; словаки впрочемъ говорятъ ist' za muž.

Окончаніе *зовнаго* падежа есть *i*, суженное изъ u: hráči. Окончаніе *e*, также унаслѣдованное отъ старины, имѣется у словъ на ec: strýc (дядя, patruus)—strýče; ujec (дядя по матери, avunculus)—ujče. Подъ эту аналогію подошли и слова на ic, рус. ич: dědic наслѣдникъ—dědiče.

Творный падежъ—hráčem.

Мѣстный падежъ—hráči; изрѣдка является ovi, у одушевленныхъ именъ. Окончаніе i хотя и могло бы равняться староцерковн. **и**, но надо думать, не равно ему. Дѣло въ томъ, что въ старинныхъ памятникахъ, хотя и читается i, но обыкновенно является u—hráču. Подобнымъ же образомъ въ старинномъ польскомъ языкѣ почти нѣтъ примѣровъ на i, а является то окончаніе, которое господствуетъ и теперь,—u: graczu, królu. Поэтому слѣдуетъ думать, что здѣсь произошло заимствованіе изъ уковаго склоненія, впослѣдствіи сглаженное суженіемъ. Впрочемъ въ областной рѣчи (въ нѣсколькихъ моравскихъ разнорѣчіяхъ) указываютъ окончаніе i въ мѣстномъ падежѣ, тогда какъ давальный оканчивается на u: na koni, а дав.—koňu.

Назывный пад. множнаго числа имѣетъ тѣ же окончанія, что и въ твердомъ различіи, только вмѣсто y является здѣсь e. Итакъ: hráči, dědicové; evé уже и въ старину почти не встрѣчается. Окончаніе é въ мягкомъ различіи господствуетъ у слова на tel: učitel—učitelé. Окончаніе í является, напримѣръ, у слова muž—muží.

Неодушевленныя имена оканчиваются на ĕ—meče; это окончаніе, подобно окончанію «y» твердаго различія, надо выводить изъ винильнаго пад. Можно бы приравнить его староцерк. **ѧ**: meče=**мечѧ (мьчѧ)**, но появленіе того же *e*, а не *a*, у словаковъ заставляетъ **насъ** отожествить его со старорусскимъ окончаніемъ **ѣ: мечѣ**.

Въ языкѣ старинномъ неодушевленныя допускаютъ также окончаніе i: meči, да и въ настоящее время иногда неодушевленнымъ придаютъ окончанія одушевленныхъ, именно ové: mečové. Окончаніе ové, по замѣчанію Гебауера, въ живой рѣчи нелюбимо, оно чуть ли не исключительно книжное.

Подобно неодушевленнымъ слово kůň образуетъ множное число koně; есть также koní и koňové. Форму koně можно считать формою двойнаго числа, но можно здѣсь видѣть и старинное различіе между именами личными и неличными. Рѣшительно я вывожу изъ двойнаго числа rodiče (родители, т. е. отецъ и мать), которому противополагается rodiči и rodičové—родители, отцы.

Падежъ *родный* имѣетъ тѣ же окончанія, какъ и въ твердомъ различіи—ův, ů (уже встарь употребляли uov, óv, и почти не встрѣчается év): это подражаніе твердому различію. Есть также (довольно скудные) остатки рóдника на ь, въ видѣ рóдника безсуффикснаго; такъ peníz образуетъ peněz, которое по правилу современной грамматики употребляется въ значеніи «денегъ», а въ значеніи «монетъ» велятъ говорить penězův. Безсуффиксный рóдникъ имѣютъ (какъ и въ твердомъ различіи) имена народовъ, употребленныя въ значеніи странъ: Němec образуетъ Německo Германія — рóдникъ Němec. Въ старину можно указать еще нѣкоторые случаи употребленія безсуффиксной формы отъ одушевленныхъ, напримѣръ, mnoho král'. Нѣсколько примѣровъ на безсуффиксный рóдникъ встрѣчается у родовыхъ названій на ovic, напр. Vršovic płuk — полкъ Вершовичей. Окончаніе ovic сохраняется даже до сихъ поръ, притомъ въ просторѣчіи, въ видѣ закостенѣлой формы; оно употребляется при названіи дѣвушки по ея семьѣ: дочь мельника, если ее зовутъ Аннушкой, будетъ mlynařovic Anička; такимъ же образомъ вм. Mařinka Němcova (мужескій видъ этой фамиліи—Němec) говорится Němcovic Mařinka. Есть еще рóдникъ на í: kůň можетъ образовывать koní. Эта форма возникла рано и преобладала уже въ старочешск. яз.

Давальный падежъ имѣетъ окончаніе ům: hráčům; фонетически, надо думать, развилось окончаніе ím (изъ ém), какъ koním. Однако уже въ старину ém было отодвинуто на задній планъ заимствованнымъ óm.

О *винильномъ* падежѣ мы говорили въ связи съ назывнымъ.

На счетъ *творнаго* къ сказанному уже въ твердомъ различіи слѣдуетъ прибавить, что кромѣ окончанія *i* и кромѣ emi, соотвѣтствующаго твердому ami, существуетъ также mi, идущее изъ и̂жеваго склоненія. Уже въ старину въ подражаніе какому-нибудь zetmi возникаютъ mužmi, koňmi.

Окончаніе *мѣстнаго* падежа есть ích: hráčích; въ старину нерѣдко является вмѣсто ích взятое изъ твердаго различія iech: koniech.

Въ *двойномъ числѣ назывно-винильно-зовный* пад. имѣетъ окончаніе *e*: hráče, съ правильнымъ суженіемъ. *Родно-мѣстный* оканчивается на ú и на í: hráčú и hráčí, при чемъ второе окончаніе сужено изъ перваго. Въ *давально-творномъ* является ema, но чаще, въ подражаніе твердому различію, oma: hráčema,-oma.

Въ той разновидности мягкаго различія, которую я называю *іотовой*, по-чешски число падежей значительно сократилось: вслѣдствіе суженія и стяженія почти по всѣмъ падежамъ прошло í: такъ имя Jiří вездѣ звучитъ такимъ образомъ, кромѣ твóрника, Jiřím. Меньше утратъ произошло во мнóжномъ числѣ. Напр. слово krejčí— портной, въ падежѣ назывно - винильно - зовномъ совпадаетъ съ большинствомъ падежей одиннаго числа, но въ давальномъ имѣетъ особую форму — krejčím, въ творномъ — krejčími и въ мѣстномъ – krejčích; изъ этихъ трехъ падежей творный представляетъ новотворку по образцу прикладковъ. И въ другихъ падежахъ такія слова могутъ подражать сложному склоненію: сохраняя въ соединеніи съ прикладками скудное самородное склоненіе, напр. svatý Jiří, svatého Jiří, svatému Jiří, они, стоя отдѣльно, сами принимаютъ прикладочныя окончанія: Jiřího, Jiřímu.

На склоненіи *óновомъ*, послѣ сказаннаго объ éровомъ, останавливаться почти не стоитъ. Число *двóйное* находилось въ соотвѣтствіи со староцерковнымъ: отъ město городъ двоинà была městě, městú, městoma. Во *множинѣ* оноваго склоненія мы видимъ подобныя же уклоненія отъ древнихъ окончаній въ сторону азóваго склоненія, какъ въ еровомъ. Притомъ эти уклоненія здѣсь обычнѣе и появились раньше, чтó очевидно зависѣло отъ того, что переходу азовыхъ окончаній въ склоненіе оновое содѣйствовало окончаніе *a* въ назывновинильномъ падежѣ: форма města благопріятствовала новотворкамъ městám,-ami,-ách. (Въ языкахъ русскомъ и словенскомъ окончанія азоваго склоненія тоже перешли прежде въ оновое, а потомъ уже въ еровое склоненіе). Въ *мягкомъ* различіи, гдѣ мы имѣемъ измѣненіе окончаній вслѣдствіе суженія, иногда являются формы, заимствованныя изъ твердаго различія: къ pole вмѣсто рóдника pole, давальника poli встрѣчаются вторичныя pola, polu, и во множномъ назывникѣ при pole—pola. Вниманія, сравнительно со староцерк., но не съ рус-

скимъ, заслуживаетъ множный ро́дникъ на í: polí, moří. Лишь въ видѣ исключенія имѣются безсуффиксный ро́дникъ у словъ на ище: ohniště очагъ—ohnišť; исключеніе составляетъ также vejce яйцо—vajec; встарь еще srdce—srdec (теперь—srdcí). У словъ іотовой разновидности, въ родѣ psaní письмо, вслѣдствіе сокращенія числа падежей, въ народной рѣчи замѣчаются тѣ же заимствованія, что и въ склоненіи еровомъ; но такія формы, какъ psaního, psanímu, въ литературномъ языкѣ не приняты.

Въ *азо́вомъ* склоненіи слѣдуетъ обратить вниманіе на различіе между падежами *винильнымъ* и *тво́рнымъ*: слово ryba, образуетъ вин. rybu, твор.—rybú, новочешск. rybou. Новочешское ou фонетически объясняется изъ ú, но ou имѣется и въ словацкомъ нарѣчіи, гдѣ рядомъ стоятъ ú и ou. Словацкое ou нельзя объяснять изъ ú, и слѣдуетъ выводить изъ староцерк. ѫѭ, черезъ oju, o-u. Долгота въ чешскомъ тво́рникѣ указываетъ на стяженіе: едва ли слѣдуетъ восходить здѣсь къ праславянскому ѫ—тогда бы окончаніе было кратко,—а надо выводить ú изъ o-u, oju=ѫѭ*). Замѣтимъ далѣе, что чешскій языкъ, сохраняя вообще падежъ *зовный* иногда замѣняетъ его назывнымъ; притомъ довольно странно, что замѣна эта происходитъ именно у словъ, которыя должны употребляться довольно часто въ зовномъ падежѣ, какъ kmotra кума, holka дѣвушка. Также и собственныя имена не всегда образуютъ этотъ падежъ: при Anno! мы имѣемъ и Anna! Еще слѣдуетъ отмѣтить, что окончаніе давальнаго и мѣстнаго падежа мно́жнаго числа представляетъ долготу: rybám, rybách. Нѣкоторыя слова̀ мѣняютъ въ склоненіи количество коренного гласнаго. Это слова̀ двухсложныя, у которыхъ предъ окончаніемъ a стоитъ только одинъ согласный. Такія слова̀ передъ окончаніями долгими и передъ двухсложнымъ ami, а также въ ро́дномъ пад. множн. числа, *сокращаютъ* коренной гласный: brána ворота—твор. branou, мн. родн. bran, дав. branám, творн. branami, мѣстн. branách. Подобное же явленіе мы встрѣчаемъ и въ сербскомъ языкѣ, гдѣ давально-творно-мѣстный падежъ множины иногда превращаетъ долготу въ краткость: ру́ка—ру̏ке, но рукама. Другіе примѣры на ко-

*) Словацкую двойственность, кажется, нельзя объяснить иначе, какъ древними акцентными различіями: rÿboju могло дать rybú. а vòdòju—vodou.

лебаніе количества въ чешскихъ азóвкахъ: míra — měrou, měr, měrám, měrami, měrách; trouba — trubou, trub, trubám, trubami, trubách.

Въ *мягкомъ* различіи окончанія, какъ въ еровомъ и оновомъ склоненіи, значительно измѣняють свой видъ вслѣдствіе сýженія: такимъ образомъ, слово **волꙗ** является въ видѣ vůle, родн. vůle, дав.-мѣстн. vůli, вин. vůli, творн. vůlí; множн. ч. vůle, родн. vůlí (срв. русское: свѣчей). Встрѣчаются и безсуффиксные рóдники, но они составляютъ исключеніе; мы видимъ ихъ у словъ на ice и на yně, и то не всегда: ulice — ulic, jeskyně пещера — jeskyň. Въ другихъ косвенникахъ, вслѣдствіе суженія, находимъ окончанія ím, ěmi, ích: vůlím, vůlemi (jeskyněmi), vůlích. Иногда встрѣчается em и ech: ulicem, ulicech. Послѣднія окончанія должно считать заимствованіемъ изъ и́жеваго склоненія. Кромѣ отмѣченныхъ случаевъ сближенія азóваго склоненія съ иже́вымъ имѣются еще нѣкоторые; именно въ падежахъ назывномъ и винильномъ одиннаго числа могутъ опускаться окончанія *e* и *i*: такимъ образомъ, houště и houšti (houště значитъ чаща) могутъ сокращаться въ houšť; также mříže и mříži (сѣть) — являются въ видѣ mříž. Я склоненъ думать, что здѣсь въ основаніи лежатъ нѣкоторыя слова̀, издревле представлявшія колебаніе между двумя склоненіями: zem рядомъ съ země, срв. рус. *на земь*; souš рядомъ съ souše, по-русски *суша* и *сушь*; tvrz вм. предполагаемаго *tvrd рядомъ съ tvrze, ср. староцерк. **тврьдь**, рус. *твердь*; однако именно zem, sůš и tvrz въ старинномъ языкѣ не отмѣчены. Подъ вліяніемъ иже́ваго склоненія появилось также *i* въ рóдномъ падежѣ: houšte можетъ образовать рóдникъ houšti, tvrze—tvrzi. Въ *іотовой* разновидности мягкаго различія суженіе и стяженіе повели въ одинномъ числѣ къ полной утратѣ склоненія: **ладии, -иꙗ, -ии и -иѭ** слились въ одной фонемѣ lodí. Такимъ образомъ утратило свое склоненіе и слово **сѫдии**—sudí; но, будучи мужескаго рода, оно, подобно іотовымъ словамъ ерóваго склоненія, охотно заимствуется у прикладковъ, и образуетъ sudího, sudímu, -ím. Другія слова мужескаго рода азóваго склоненія отчасти переходятъ въ еровое склоненіе. Такъ слово sluha (или slouha) образуетъ въ одинномъ числѣ давальникъ sluhovi (рѣже sluze), а во множинѣ падежи назывный, родный и давальный

звучатъ sluhy, sluh, sluhám и sluhové, sluhův (-hů), sluhům. То же самое замѣчается у соотвѣтственныхъ словъ мягкаго различія: напр. у слова soudce = sudí (сѫдьцⱑ) является давальникъ soudcovi и множинные падежи soudcové,-ců̊v (-ců),-cům.

Чтò касается *ижеваго* склоненія, то оно, оказавъ, какъ мы видѣли, вліяніе на азóвое, въ свою очередь заимствуется у азоваго. Такъ въ одинномъ числѣ *родный* пад. оканчивается часто вмѣсто *i* на *e*: dlaň—dlaně, síť—sítě. У нѣкоторыхъ словъ замѣчается колебаніе между *i* и *e*, у иныхъ даже возобладало вторичное ě. Также заимствованы изъ азоваго склоненія окончанія ím и ích, допускаемыя иными словами вмѣсто em, ech: husím, husích. Падежъ *зовный* въ этомъ склоненіи обыкновенно замѣняется назывнымъ, хотя встрѣчаются образованія по-старинному, на i: roskoši, krvi. Къ ижевому склоненію принадлежатъ также нѣкоторыя слова *муж. рода*. Въ старочешскомъ мы находимъ еще органическое склоненіе такихъ словъ, но теперь отъ него сохранились лишь обломки. По-старочешски принадлежали сюда напр. zet, kmet, test, chot (супругъ), hospod. Надо думать, что конечные согласные здѣсь не были ни мягкими, ни твердыми, а были средними. Въ болѣе новое время, слова́ эти перешли въ еровое склоненіе, притомъ не всегда въ мягкое различіе: zet имѣетъ zetě, но встрѣчается и zeta. Сохраняются древнія формы множнаго числа у словъ **гость** и **людиѥ**: hosté, hostí, hostem, hostmi, hostech; lidé и т. д. Но не всѣ слова муж. рода ижеваго склоненія перешли въ еровое склоненіе. Такія слова имѣли двоякую судьбу: они или мѣняли склоненіе, или, оставаясь въ томъ же склоненіи, мѣняли родъ. Напр. pečet, какъ и по-русски, перешло въ женскій родъ; въ женскій же родъ перешло слово pout—путь, также и zvěř (звѣрь—значитъ «дичь»).

Что касается *наращальнаго* или *е́стеваго* склоненія (древнихъ согласныхъ основъ), то *ѣновыя* (иначе—на́шевыя) основы *муж. рода*, какъ kámen, въ старочешскомъ представляли полное склоненіе для одиннаго числа; однако это склоненіе, уже въ староцерковномъ не во всѣхъ падежа́хъ характерное, въ чешскомъ своеобразно лишь въ одномъ рóдникѣ: kámen, родн.—kamene; дав. kameni могъ бы быть падежомъ ижеваго склоненія, твор. kamenem—ижеваго илиероваго. (Замѣтимъ, что двусложная форма kámen представляетъ á, трехсложныя формы—ă). Въ рóдникѣ нерѣдко бываетъ колебаніе между е и а, въ

другихъ словахъ между e и u: kořene и kořena, plamene и plamena, kmene и kmenu (kmen—стволъ). Во множинѣ слова этого склоненія перешли вполнѣ въ склоненіе еровое. Слово den, которое въ староцерк. наиболѣе богато формами отъ согласной основы, по-чешски, кромѣ рóдника dne, сохраняетъ также древній мѣстникъ на *e*, въ выраженіи ve dne днемъ; хотя обыкновенный мѣстный падежъ есть dni и dnu. Эновыя основы *средняго рода* встрѣчаются въ литературномъ употребленіи съ наращеніемъ и съ рóдникомъ на *e*: símě—semene (отмѣтимъ долготу въ двусложной формѣ и краткость въ трехсложныхъ, срв. kámen). Словà эти въ болѣе новое время обыкновенно переходятъ въ оновое склоненіе. Очевидно, прежде всего утратились здѣсь своеобразныя окончанія: стали говорить semena вмѣсто semene, semenu—вм. semeni, а потомъ возникъ также назывникъ semeno. Во множинѣ уже староцерковныя формы большею частью сходны съ оновыми. Замѣтимъ еще одно отдѣльное слово: **имѧ**, которое въ старину является въ видѣ jmě, jmene, а по-новочешски въ видѣ jméno.

Твéрдовое различіе представляетъ колебаніе огласовки, обусловленное чередованіемъ широкихъ и узкихъ гласныхъ въ окончаніяхъ; по-новочешски, правда, нѣсколько разстроенное вліяніемъ однѣхъ формъ на другія. Мы уже видѣли, что kotě (рóдникъ kotěte) образуетъ множину kot'ata; остальные падежи звучатъ kot'at, kot'atům, kot'aty, kot'atech. Послѣдній падежъ подправленъ: въ старочешскомъ было kotětech. Двóйное число звучало kotěti, или kotětě (-**ти** и -**тѣ**, какъ и въ староцерк.), родно-мѣстный падежъ: kot'atú, давально-творный: kot'atoma или kotětema.

Различіе *эсовое* или *слововóе* въ новочешскомъ утрачено: сохранилось только нарощеніе во мнóжномъ числѣ nebesa при одинномъ nebe. Въ послѣднемъ окончаніе *e* надо объяснять заимствованіемъ изъ старинныхъ косвенниковъ. Искусственно толкованіе Миклошича, который выводитъ nebe изъ nebjo, употребляемаго у силезскихъ чеховъ, въ опавскомъ говорѣ (Опава, по-нѣмецки Troppau): изъ nebjo могло произойти только nebě, а не nebe. Кромѣ того nebjo явно вторичная форма, для объясненія которой надо предполагать существованіе фонемы nebě, вошедшей потомъ въ сдѣлку съ древнимъ nebo. Мое толкованіе находитъ подтвержденіе въ болгарскомъ языкѣ, гдѣ о какомъ нибудь nebjo и думать нельзя, а между тѣмъ почти

всегда говорится небе́. Встарину это склоненіе представляло архаическое нарощеніе и въ однинѣ: nebese,-i,-em; такъ же склонялись dřevo, koło, słovo.

Различіе *ѣровое* или *рцо́вое* въ языкѣ староцерк. было представлено только двумя словами: **мати** и **дъшти**; ихъ же мы находимъ и въ чешскомъ: máti, родн. mateře, вин. máteř (máteř въ областной рѣчи бываетъ также назывникомъ). Множина однако уже встарь была подведена подъ азовое склоненіе; теперь же въ областной рѣчи имѣется даже однинное matera. Еще заслуживаетъ вниманія, что назывникъ máti иногда является въ роли косвенныхъ падежей, такъ что получается слово несклоняемое: máti, od máti, při máti. Это оправдывается тѣмъ, что і для назывнаго падежа не характерно, а для ро́днаго и давально-мѣстнаго—одно изъ обычныхъ окончаній. Срв. сербское несклоняемое љу̏би супруга=**любы**. Чехи охотно замѣняютъ слово máti другимъ, производнымъ—matka (словомъ, коему еще больше посчастливилось у поляковъ). Новочешскій языкъ вовсе утратилъ слово **дъшти**, которое встарину употреблялось въ видѣ dci, dceře, и замѣнилъ его черезъ dcera; какъ слѣдъ древняго склоненія сохранился давально-мѣстный пад. въ видѣ dceři (отъ dcera было бы dceře, что̀ употребляется рѣдко) *).

Различіе *вѣдевое* сохраняетъ также нѣкоторые слѣды своего древняго склоненія, хотя въ другихъ случаяхъ совпадаетъ со склоненіемъ азовымъ или, чаще, съ ижевымъ, къ которому оно близко уже и въ староцерковномъ. Назывникъ всегда звучитъ církev, каковая форма замѣняетъ и зовникъ, который встарину имѣлъ свою особую форму církvi. Ро́дникъ církve; въ старинномъ языкѣ было также církvi, по ижевому склоненію. Во множинѣ назывный и винильный падежи—církve (винильный можетъ быть и církvi), родн. církví, дав. církvím, творн. církvemi, мѣстн. církvích. Встарину было: církvám, církvami, církvách, а также въ двоинномъ давально-творникѣ církvama.

Въ новочешскомъ есть нѣкоторые *остатки двоѝнаго числа*, у названій парныхъ частей тѣла. Слово ruka образуетъ во множинѣ наз.-вин.-зовный пад. ruce (=**ржцѣ**), родно-мѣстный rukou (**ржкоу**),

*) Приводимое еще въ чешскихъ грамматикахъ neti (родн. neteře) племянница—встрѣчается лишь въ одномъ подложномъ памятникѣ, откуда перешло въ книжное употребленіе.

творный—rukama. Однако употребляются также множинныя окончанія: ро́дникъ ruk, мѣстникъ rukách, а дав. всегда rukám; въ падежахъ мѣстномъ и давальномъ являются также среднія формы между двойнымъ и множнымъ числомъ: rukouch и rukoum (двои́нное rukou со множинными флексіями ch и m, аналогично русскому «дву-хъ, дву-мъ»). Странно, что со словомъ ruka не идетъ вровень noha, образующее мно́жное число *nohy*; родно-мѣст. пад. nohou, рядомъ съ noh и nohách, дав. nohám, твор. nohama и nohami. (Есть также nohoum и -ouch). Слово ruka только въ переносномъ значеніи (напр., указателей на столбахъ) образуетъ множный назывникъ ruky. Oko и ucho имѣютъ множину́ oči и uši, твор. očima, ušima; дав. пад. očím и мѣстн. očích представляютъ множинныя окончанія. Ро́дники očí и uší произошли, надо думать, изъ древнихъ očjú, ušjú (очию, оушию), но не характерны, срв. kostí, vůlí. Двоинное окончаніе является также у слова prs, прьсь, образующаго множный ро́дникъ prsou (также prsů, prsí) — назывникъ prsy, prsové. Koleno и rámě или rameno тоже могутъ образовывать kolenou, ramenou.

Именному склоненію первоначально слѣдовали и *прикладки безчленные*. Склоненіе это сохранялось въ старочешскомъ языкѣ, но не въ полномъ видѣ. Въ одинномъ числѣ не было творнаго пад., во мно́жномъ и двойномъ не существовало большей части падежей, и имѣлись только назывный и винильный. Въ новочешскомъ сохраняется это склоненіе, и въ томъ же объемѣ, у прикладковъ принадлежныхъ (притяжательныхъ): otcův dům, matčino pole, králova zahrada (zahrada—садъ), родн. otcov*a* domu, matčin*a* pole, králov*y* zahrady. Но простой народъ отказался уже отъ такого склоненія и ввелъ сложныя формы: otcového domu. Качественные прикладки сохранили безчленную форму для назывника, какъ по-русски, въ роли сказуемаго: muž je vesel, žena je vesela, dítě je veselo. Народная рѣчь и просторѣчіе даже въ этихъ случаяхъ часто употребляютъ членовую форму: veselý, veselá, veselé. Постоянно является въ именной формѣ, не образуя однако (какъ и по-русски) косвенныхъ падежей, прикладокъ rád, ráda, rádo, rádi, rády, ráda. Отмѣтимъ еще выраженіе choditi bos. Именной давальникъ встрѣчается при инфинитивѣ, въ такихъ сочетаніяхъ, какъ nelze mi živu býti. Этотъ давальникъ есть закостенѣлая форма, что̀ доказывается тѣмъ, что онъ появляется и во мно́жномъ числѣ: dětem náleží poslušnu býti.

Именной рóдникъ въ роли винильника употребляется при глаголѣ činiti: činiti známa, oučastna, jista. Даже въ просторѣчіи есть выраженіе za půl čtvrta groše: полчетверта, т. е. $3^1/_2$. Сохранился, какъ несклоняемый, притяжательный прикладокъ весьма архаическаго образованія, на ь: Páně (Господень)—въ какихъ нибудь выраженіяхъ do chrámu Páně, léta Páně, děvka Páně мы имѣемъ правильное согласованіе, но *e* распространилось и туда, гдѣ его первоначально не могло быть, напр., chrám Páně, rukou Páně.

Личныя мѣстоименія и возвратное не представляютъ много особенностей. Отмѣтимъ своеобразную, по сравненію со староцерковнымъ языкомъ, но совпадающую съ русскою и почти со всѣми новославянскими, форму 1-го лица já; старочешскій однако зналъ и форму jáz. Вниманія заслуживаетъ рóдникъ mne (**мене**) съ опущеніемъ гласнаго, чтó, надо полагать, есть подражаніе падежамъ давальному и творному. Формы mne, tebe и sebe служатъ также и для винильнаго падежа, замѣняя собою формы mě, tě, se (**мѧ, тѧ, сѧ**), которыя употребляются лишь какъ слабыя, энклитичныя. За то древній винильникъ сталъ служить также энклитичнымъ рóдникомъ. Вниманія изъ-за огласовки заслуживаетъ дав.-мѣст. пад. tobě и sobě; соотвѣтственно чему и польскій представляетъ tobie, sobie, русскій (старинный и народный) тобѣ, собѣ. Давальникъ является также въ слабомъ видѣ, какъ mi, ti, si (послѣднее мало употребительно). Въ твóрникѣ чешскій языкъ имѣетъ *e* вм. *o*: tebou, sebou, при староцерк. **тобоѭ, собоѭ** (и по-чешски до XIV столѣтія tobú, sobú). Во множинѣ старочешск. зналъ винильные пад. ny, vy, которые въ настоящее время всегда замѣняются рóдными nás, vás. Та же замѣна встрѣчается также въ числѣ двóйномъ. Въ назывникѣ этого числа мы находимъ vě, иногда и va, для 1-го лица; во 2-мъ же лицѣ является множинное vy.

Мѣстоименное склоненіе. Въ образецъ мѣстоименнаго склоненія возьмемъ указательное мѣстоименіе близости ten, ta, to—этотъ. Окончанія его назывниковъ—обыкновенныя именныя, но вниманія заслуживаетъ образованіе ten, котороe, надо думать, состоитъ изъ двухъ мѣстоименій **тъ** и ***нъ**. Являющійся въ косвенныхъ падежахъ ѣ имѣетъ разное количество: въ одинномъ числѣ онъ долгій — tím, во мнóжномъ краткій—těm, těmi, těch. Родный пад. женс. р. té, таковъ же дав. и мѣстн.; въ старочешскомъ было tej. Двоинный на-

зывно-винильникъ муж. р. ta равенъ староцерковному, но расходится съ именною формою на y. Мѣстоименіе вопросное-личное по-чешски является въ видѣ kdo; встарину встрѣчается также и kto. Объясненьемъ возникновенія этой странной формы можетъ служить то, что назывникъ kto (изъ **къто**) не находился въ тѣсной связи съ косвенными падежами, и что на него могли повліять такія формы, какъ kde = **къде**, kdy = ***къгды**. Для падежа *творнаго* въ староцерковномъ употребляется форма **цѣмь**, но она уже тамъ охотно замѣняется черезъ **кымь**, по-чешски же имѣется только kým.

Принадлежащія къ разсматриваемому склоненію числовки dva и oba заслуживаютъ вниманія сохраненіемъ *двоинныхъ* формъ. При dva, oba стоятъ формы dvě, obě, не только для женскаго рода, но и для средняго, вслѣдствіе чего является нѣсколько странное согласованіе obě křídla. Родно-мѣстный пад. dvou, obou, дав.-твор. dvěma, oběma. Чешское просторѣчіе образуетъ однако также формы соотвѣтствующія русскимъ: dvoum, dvouch, dvouma; равно какъ oboum, obouch, obouma. Странно, что при названіяхъ одушевленныхъ предметовъ эти числовки имѣютъ á: dvá, obá; вѣроятно это подражаніе двумъ слѣдующимъ числовкамъ, изъ которыхъ въ первой долгота органическая: tří = **трие**. Tří породило čtyři, а потомъ они вмѣстѣ повліяли на dva и oba и вызвали въ нихъ долготу вмѣсто краткости.

Изъ словъ мѣстоименнаго склоненія *мягкаго различія*, прежде всего остановимся на мѣстоименіи относительномъ, которое по-славянски обыкновенно является въ значеніи 3-ьеличнаго, а относительнымъ служитъ съ частицею «же»—**иже**. По-чешски это будетъ jenž (jen такъ же образовано, какъ и ten); средн. р. и женск. jež; родникъ jehož, въ жен. р. jíž. Для назывныхъ падежей 3-ьеличнаго мѣстоименія, какъ почти у всѣхъ славянъ, служитъ on, ono, ona; множное число—oni, ona, ony. Особенно слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что винильный пад. муж. рода является въ своеобразной формѣ—jej. Надо полагать, что староцерк. и праслав. **и** по-чешски, въ сліяніи съ другими словами, иногда становилось безсложнымъ: изъ *крава и оубоде* могло выйти *крава й оубоде*; къ этому j могли приставить проходящее по всему склоненію созвучіе je (je-ho, je-mu), при чемъ и возникла вторичная форма jej. Подобно предметницамъ и мѣстоименія нерѣдко пользуются формой роднаго падежа вмѣсто винильнаго, и потому здѣсь вмѣсто jej является jeho и сокращенное ho.

Но — слабая форма; слабая форма существуетъ и въ давальникѣ — mu. Даже и въ средній родъ заходитъ форма jeho, ho, въ качествѣ винильника, хотя до сихъ поръ преобладаетъ старинное je. Jeho и ho является преимущественно у одушевленныхъ. Встарину читаемъ и древній винильникъ «и»—ji, да и до сихъ поръ встрѣчается его разновидность: ь съ предшествующей мягкостью, т. е. въ чешскомъ языкѣ — одна мягкость: veň = новоцерк. во́нь (въ него), староцерк. вънь; proň (пронь) объ немъ. Вслѣдствіе сближенія винильнаго пад. съ ро́днымъ, винильникъ въ видѣ мягкости, или, можно сказать, въ видѣ ň, является иногда въ значеніи ро́дника: doň=do něho. Встрѣчается еще и средняя форма между doň и do ňeho: doňho; также изъ zaň и zaněho возникаетъ zaňho. Сравнимъ сербскія за̂њ, за њѐга и за̂њга.

Въ женскомъ родѣ ро́дный пад. есть jí; встарину онъ былъ jejie, но это jejie, употребленное въ смыслѣ притяжательномъ, принявши потомъ видъ její, сдѣлалось прикладкомъ, равнымъ русскому народному «ейный». Подобнымъ же образомъ употребляется въ притяжательномъ значеніи множинный ро́дникъ jejich—форма аналогичная одninному винильнику jej: при jich, въ подражаніе формамъ, начинающимся съ je, появилась разновидность jejich, и эта форма установилась въ смыслѣ притяжательномъ. Насчетъ приставочнаго n надо замѣтить, что въ тво́рномъ пад. оно можетъ употребляться не только послѣ предлоговъ: и въ отдѣльномъ употребленіи вм. jim, jí, jimi появляются nim, ní, nimi.

У мѣстоименій мягкаго различія, въ коихъ имѣется междугласный j, j этотъ можетъ выпадать, и можетъ происходить стяженіе: такъ mů̊j имѣетъ сред. р. moje или mé, жен.—moje или má. Má, вѣроятно, произошло тогда, когда еще не было су́женія; хотя здѣсь возможно и вторичное примѣненіе къ обычному окончанію женск. р., и наоборотъ, форма moje можетъ быть новотворкой къ такимъ падежамъ, гдѣ стяженія не происходитъ. Стяженіе мы имѣемъ также въ ро́дномъ падежѣ mého, въ дав. ménu, въ мѣстн. mém. Должно быть не фонетически, а въ подражаніе стяжевнымъ, развились такія формы, какъ mých вм. mojich: mých могло бы получиться изъ mojich лишь тогда, когда удареніе стояло на послѣднемъ слогѣ; противъ стяженія въ данномъ случаѣ говоритъ и то́, что назывникъ moji стяженію не подвергается.

Мѣстоименье **вьсь**, по чешской фонетикѣ veš, vše, vše, vši, vše, vše, замѣняетъ свои односложные назывники и винильники болѣе полновѣсными образованіями, кои появляются уже встарину, а теперь вовсе вытѣснили указанныя односложки, кромѣ среднеродной однины vše. Мы видимъ všecek, -cko, -cka, -cku, všici, všecka, -cky; všecken, -ckno, -ckna, všickni, všeckna, -ny; všechen, -chno, -chna, -chnu, vischni, všechna, -ny; veškeren, -ero, -era, -eru; vešken; všecheren. Другихъ падежей эти вторичныя мѣстоименія обыкновенно не образуютъ—встрѣчаются впрочемъ множинные косвенники všechněch, -ěm, -ěmi, а совсѣмъ изрѣдка и иныя образованія. Внутреннее склоненіе формъ všici (c—упрощенное написаніе вм. cc), všickni и všichni, которое встарь замѣчалось и въ остальныхъ—vešcek, všecko, všecka, všucku (позднѣе všicku) и т. п.—побуждаетъ Гебауера говорить здѣсь о «частицахъ» — cek, cken и т. д., но мнѣ думается, что такихъ частицъ не существуетъ, и что передъ нами производныя слова (уже Миклошичъ выводилъ všecek изъ **вьсьчьскъ**), подвергшіяся вліянію вытѣсняемаго ими первичнаго, при чемъ вполнѣ естественно, что въ старое время вліяніе еще сохранявшагося veš было сильнѣе, а теперь отзывается лишь въ нѣкоторыхъ пережиткахъ.

Вопросное мѣстоименіе предметное **чьто** по-чешски является въ видѣ co. Это co есть ничто иное, какъ рóдный пад. **чьсо**, замѣнившій собою назывный и винильный. Также и въ польскомъ языкѣ мы имѣемъ то же co. Старинныя написанія польскія и чешскія представляютъ намъ и переходную фонему čso (czso). Древняя форма **чь**, которая въ другихъ славянскихъ языкахъ является въ соединеніи съ предлогомъ, въ этомъ же соединеніи употребляется и въ чешскомъ: zač, proč. Эта же форма сохраняется въ выраженіи vniveč obrátiti: первоначально ni več—ни во что; не понимая состава этого слова, гдѣ предлогъ вставленъ между отрицаніемъ и мѣстоименіемъ, впослѣдствіи еще разъ прибавили предлогъ. Передъ безсложною частицею ž является če: začež, pročež. Встарину рядомъ со čso встрѣчается также čse, которое на мой взглядъ естественнѣе всего объяснять сдѣлкою между čso и предполагаемымъ для доисторической поры če=čь; вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ словацкое областное če хотѣлось бы признать архаизмомъ, а обыкновенное словацкое čo — сумѣскомъ древняго če съ co или čso. (Гебауеръ возможности такихъ

олкованій не признаётъ, при чемъ *e* вм. *o* въ формѣ čse оставляетъ езъ объясненія, а словацкія формы объясняетъ — что́ вполнѣ допустимо—вліяніемъ косвенниковъ).

Отрицательный видъ предметно-вопроснаго мѣстоименія есть nic, неопредѣленный—něco. Nic только съ натяжкой можно выводить изъ ico (ničso)—звуку *o* незачѣмъ было отпадать, и я склоненъ думать, то оно есть сдѣлочная форма между *nič и co (čso); при такомъ бъясненіи становится также менѣе страннымъ (хотя и не объясняется) противорѣчіе между nic и ně*co* *).

Въ *сложномъ склоненіи* замѣчается, вслѣдствіе стяженія, долгота кончаній: одинный назывникъ dobrý, dobré, dobrá, ро́дникъ dobréo, dobré, дав. dobrému, dobré, твор. dobrým, dobrou (-ou, правда, въ именномъ склоненіи), мѣст. dobrém, dobré. Мѣстникъ dobrém старину звучалъ также dobřiem = староцерк. **добрѣемь**, г вмѣстѣ ř въ какомъ-нибудь velkém *k* вмѣсто *c* и т. д.) взятъ изъ другихъ паежей. *Винильникъ жен. р.* будетъ dobrou, т. е. совпадаетъ съ тво́рикомъ, тогда какъ въ азо́вомъ склоненіи эти падежи различаются о количеству. *Дав.-мѣст.* п. того же рода представляетъ еще обастное и просторѣчное окончаніе éj (dobréj), которое иногда захоитъ и въ ро́дный; литературное é, наоборотъ, распространилось съ однаго на дав.-мѣст. Въ окончаніи éj вмѣсто **ѣи**, надо думать, слѣуетъ видѣть устраненіе смягченія: и дѣйствительно, встарину мы стрѣчаемъ здѣсь смягченіе: dobřiej=**добрѣи**. Окончаніе *é* въ *ро́дн. п.* адо выводить изъ ыјѣ, разновидности староцерк. **-ыѩ**, или объяснять аимствованіемъ у мѣстоименій (тогда оно изъ ојѣ, разновидности ь **-оѩ**). Во множинѣ мы видимъ назывникъ муж. р. dobří у одушевленныхъ и dobré у неодушевленныхъ, въ женскомъ р.—dobré, въ среднемъ—dobrá (dobré = *добрыјѣ, староцерк. **добрыѩ**). Т. к. ь просторѣчіи é произносится обыкновенно какъ í, то окончанія ножнаго назывника одушевленныхъ и неодушевленныхъ совпадаютъ, malí и malé разнятся только на письмѣ; но разница сохраняется ри смягченіи, какъ въ нашемъ примѣрѣ: dobří и dobré. Употребленіе одушевленныхъ и неодушевленныхъ формъ связано съ употребле-

*) Встарину nic и něco не были вполнѣ цѣльными словами: мы уже замѣтили выраженіе niveč; таковы же: ni v čem, ně o čem и т. п.

ніемъ той или другой формы у предметницъ: zelené stromy (strom—arbor), но zelení stromové, ostré meče, но ostří mečové. Народная рѣчь и просторѣчье, насколько оно не находится подъ книжнымъ вліяніемъ, не знаютъ среднеродной множины на á, употребляя и тамъ é: по книжному большіе города̀ будетъ veliká města, а въ просторѣчіи—veliké města. О косвенныхъ падежахъ говорить нечего. Число двóйное звучало dobrá, dobřej, dobřej; dobrú; dobrýma. Старинное á сохраняется до сихъ поръ въ выраженіи dva česká (два чешскихъ гроша); впрочемъ эта форма стала употребляться и при числовкахъ три и четыре: tři, čtyři česká.

Мягкое различіе, вслѣдствіе суженія, потерпѣло нѣкоторое сокращеніе въ числѣ падежей, а также нерѣдко сгладились здѣсь родовыя и числовыя особенности. Такъ у прикладка cizí (чужой), въ этой формѣ cizí совпадаетъ цѣлый рядъ падежей: это назывникъ всѣхъ трехъ родовъ обоихъ чиселъ; это также множный винильникъ всѣхъ родовъ и общая форма для всѣхъ падежей женскородной однины̀. Однинный рóдникъ муж. и ср. р. cizího, дав. cizímu, и т. п. почти не заслуживаютъ упоминанія.

Спряженіе.

Глаголъ въ старочешскомъ языкѣ сохранялся съ замѣчательной полнотой: единственной утратой было устраненіе *терпнаго причастія настоящнаго*. Формы этого причастія встрѣчаются лишь какъ прикладки, каковые удѣлѣли и до сихъ поръ: vidom, znám, vědom (знающій).

Новочешскій языкъ утратилъ еще нѣкоторыя формы. Въ старочешскомъ былъ въ полномъ ходу *супинъ*, при чемъ онъ имѣлъ и свойственное этой формѣ управленіе: jdu bránit svého dvora (они пошли защищать свой дворъ) — родный п. вм. винильнаго у переходнаго глагола. Въ настоящее время супинъ можетъ считаться утраченнымъ. Инфинитивъ нерѣдко опускаетъ свое «i» (въ просторѣчіи это даже составляетъ правило), и такимъ образомъ обѣ формы совпадаютъ. Впрочемъ это въ рядъ ли чисто звуковое явленіе: при устраненьи і изъ инфинитива вѣроятно не обошлось безъ вліянія супина; въ пользу чего можно сослаться на тò, что усѣченные инфинитивы nest, pect, рядомъ съ nésti, péci, имѣютъ краткій гласный.

Съ просторѣчнымъ pecť сравнимъ русское «идтить». Очевиднымъ остаткомъ супина въ современной рѣчи являются нѣсколько односложныхъ формъ, въ которыхъ слышится краткость вмѣсто долготы: такъ инф. spáti, съ усѣченіемъ spát, имѣетъ супинъ spat—jdu spat. Можно указать и на нѣкоторые слѣды стариннаго управленія супина, какъ въ народныхъ стихахъ:

Jede s nimi do pole
Zavorávat koukole (запахивать куколь).

Причастія склоняемыя въ чешскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ новославянскихъ, обыкновенно являются въ видѣ па́причастковъ, впрочемъ па́причастковъ родовыхъ; этимъ названіемъ я хочу сказать, что причастія, употребляясь почти исключительно въ назывномъ падежѣ, все-таки сохраняютъ родовое различіе. Притомъ нѣкоторыя окончанія своеобразны.

Въ *настоящномъ причастіи дѣйномъ* вм. староцерк. ы имѣется *a*: ńesa, jda, которое повторяется въ старорусскомъ языкѣ: **неса**, **ида**. Естественно думать, что «a» есть вторичное, заимствованное у глаголовъ мягкаго окончанія, гдѣ «a» развилось изъ **ѧ**, когда еще не было суженія, т. е. когда вмѣсто позднѣйшаго pije, píše говорили *pija, *píša. Соболевскій дѣлаетъ попытку возвести окончаніе «a» къ праславянскому языку, какъ разновидность «ы»; вѣскимъ доводомъ въ пользу этого могли бы служить старопольскія формы, т. к. по-польски *a* нельзя выводить изъ юсовъ; однако окончаніе *a* въ старопольскомъ языкѣ можно считать орѳографической неточностью: *a* нерѣдко писалось вмѣсто ą (*a* носового). Женскій родъ по-чешски будетъ nesouc (i опущено); встарину встрѣчается еще окончаніе i: nesúci *). Средній родъ равенъ первоначально мужескому, позднѣй — женскому. Множное число имѣетъ одну форму для всѣхъ родовъ: nesouce, или сокращенно nesouc—**несѫште**, **-шта** и **-шта** совпали фонетически. Nesouc является иногда и въ мужескомъ родѣ од. ч.; при такомъ употребленіи nesouc есть настоящій па́причастокъ. Какъ причастіе, т. е. съ измѣненіемъ и по родамъ, и по падежамъ,

*) Появляется и nesuci съ краткостью: д. б. долгота развилась въ замкнутомъ слогѣ усѣченной формы и лишь съ нея перенесена на полную.

можетъ употребляться членовая форма nesoucí, но это форма книжная; народная рѣчь даже па́причастковъ не любитъ. У глаголовъ мягкаго окончанія мы имѣемъ *e*, какъ плодъ суженія: píje; въ жен. р. -íc (встарину также -íci), мн. ч. -íce или -íc.

Причастіе прошедшее склоняемое находится въ томъ же положеніи, какъ и настоящное: муж. р. nes, жен. nesši, средній р. является сначала въ формѣ муж. рода, позже — въ формѣ женскаго; множ. число nesše; таковы же формы piv, pivši, pivše. Форма на še употребляется также, какъ па́причастокъ, во всѣхъ родахъ. Глаголы совершеннаго вида могутъ замѣнять окончаніе прошедшаго причастія окончаніемъ настоящнаго, какъ и по-русски: можно образовать vezma (*възьмы) къ глаголу vzíti, padna къ padnouti, подобныя русскимъ полубя, придя.

Причастіе прошедшее элевое не представляетъ большихъ особенностей: pil. Вниманія заслуживаютъ тѣ причастія, гдѣ l приходится послѣ согласныхъ: nesl, pekl; въ этихъ случаяхъ l становится слоговымъ. Однако встарину l здѣсь слога не составлялъ, и было nesł, pekł. И въ ново-чешскомъ l не всегда дѣлается слоговымъ: въ просторѣчіи и въ народной рѣчи онъ обыкновенно теряется. Особенность чешскаго языка, сравнительно съ русскимъ и староцерковнымъ, раздѣляемая польскимъ и лужицкимъ, состоитъ въ сохраненіи передъ l мгновенныхъ зубныхъ: padl, pletl. Существуетъ однако форма šel вм. *šedl (шьлъ). Для объясненія послѣдняго причастія можно бы сослаться на то̀, что другія формы его должны бы звучать šdla, šdlo, šdli, šdly, šdla, и что здѣсь d могло легко выпасть, а эта утрата могла отразиться и на муж. родѣ. Но такого объясненія мы не можемъ дать для формы jel (отъ jedu). Въ этомъ jel, правда, можно бы видѣть архаизмъ—нераспространенный корень. Вѣдь корень глагола jedu есть ja (по-литовски jóju, jóti—ѣду верхомъ), но кажется весьма неестественнымъ, чтобы изъ славянскихъ языковъ одинъ чешскій сохранялъ этотъ корень въ нераспространенномъ видѣ *). Поэтому

---

*) Въ староцерковномъ впрочемъ попадается причастіе [illegible].— Замѣтимъ еще мимоходомъ о глаголѣ jedu, что его инфинитивъ jeti можно бы также производить отъ древняго корня ja, но это объясненіе неудобно, потому что двусложнымъ инфинитивамъ (почти безъ исключенія) свойственна долгота: dáti, píti и т. п., и было бы jíti, такъ

я склоненъ думать, что въ какихъ-нибудь pletl, kradl t и d не сохранились отъ древности, а возстановлены изъ другихъ глагольныхъ формъ.

О прошедшемъ причастіи терпномъ много говорить нечего. Вспомнимъ, что у глаголовъ ижевыхъ здѣсь должно произойти смягченіе: pozlatiti даетъ pozlacen, vypuditi (выгнать)—vypuzen. Однако с и z не всегда являются въ этихъ случаяхъ. Нѣкоторые глаголы подъ вліяніемъ другихъ формъ возстановляютъ t и d: křtěn; zděděn (унаслѣдованъ).

Настоящее время въ *1 л. од. ч.*, какъ правильное соотвѣтствіе ж, имѣетъ u: pletu; при предшествующемъ мягкомъ звукѣ u должно являться въ видѣ i: piji, píši. Однако въ чешскомъ языкѣ усилилось, сравнительно со староцерковнымъ и праславянскимъ, употребленіе формы на «мь», т. е. по-чешски просто на m—именно она распространилась на глаголы съ настоящимъ азо́вымъ, и́жевымъ и я́тевымъ, представляющихъ вм. aju: voľaju, -ji — ám: volám (зову), вм. u, а потомъ i, съ превращеніемъ предшествующихъ согласныхъ: lecu, -ci—ím: letím, вм. uměju, -ji — umím (стар.—umiem). Въ этомъ надо видѣть подражаніе формамъ dám, vím—староцерк. дамь, вѣмь. Азовое окончаніе aju встрѣчается только у нѣкоторыхъ глаголовъ, гдѣ *a* принадлежитъ къ корню: laji, taji, kaji se; рядомъ съ послѣднимъ стоитъ kám se. Мнимый корень на *a* представляютъ hraji или hrám (играю) и zraji или zrám (зрѣю). Въ словацкомъ нарѣчіи m получилъ еще большее распространеніе, такъ что мы встрѣчаемъ и такія образованія какъ kryjem, žnem. Старочешск. яз. имѣлъ первоначально вездѣ u: voľaju, běžu (бѣжж), stoju, płozu, lecu. Итакъ, нельзя окончаніе m считать архаизмомъ, что̀ на первый взглядъ, въ виду санскритскаго mi, кажется соблазнительнымъ. Это замѣчаніе было сдѣлано еще Добровскимъ, однако оно не предохранило отъ указанной ошибки Боппа и Миклошича; послѣдній впрочемъ во второмъ изданіи своей морфологіи отказался отъ такого взгляда. Подъ вліяніемъ мягкости окончаніе u замѣняется черезъ i, но въ народ-

---

что вѣроятно мы имѣемъ здѣсь новотворку къ настоящему, и jeti пишется вмѣсто jedti. Чешскій яз. несомнѣнно зналъ когда-то инфинитивъ jechati при настоящемъ jedu: онъ и существуетъ до сихъ поръ, но образовалъ себѣ новое настоящее jechám.

ной рѣчи и тутъ обыкновенно является u, т. е. говорятъ piju, pišu. Полагаю, что Миклошичъ напрасно, вслѣдъ за Добровскимъ, говоритъ здѣсь о сохраненіи u—скорѣе u возстановлено подъ вліяніемъ глаголовъ твердаго окончанія (лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ оно дѣйствительно могло сохраниться).

2-ое лицо со своимъ š: dělâš, hoříš почти не заслуживаетъ упоминанія.

Въ 3-емъ л. окончаніе ть или тъ утрачено, и глаголъ кончается на темовой гласный: dělá, hoří; t сохраняется въ одномъ лишь jest.

1 л. мн. ч. оканчивается на m и me: nesem, neseme. Окончаніе me обязательно у тѣхъ глаголовъ, гдѣ одинное 1-воличье кончается на m: dělám—děláme. Окончаніе me = mes (греч. дорич. μες). Me можно бы впрочемъ выводить изъ мъ, предполагая, что при стеченіи согласныхъ ъ не отпадалъ, а прояснялся; позволительно также думать о возникновеніи me подъ вліяніемъ 2-роличнаго te. Встарь, и донынѣ въ областной рѣчи, является и my; у словаковъ есть еще mo. My (которое изъ числа другихъ языковъ господствуетъ въ лужицкомъ и весьма обычно въ польскомъ) есть плодъ примѣненія къ соотвѣтственному личному мѣстоименію; mo повторяется въ малорусскомъ нарѣчіи русскаго языка, гдѣ *мо* есть преобладающее окончаніе, также въ сербскомъ и словенскомъ: въ двухъ послѣднихъ языкахъ оно единственное, и нѣтъ возможности объяснить его изъ мъ, что̀ можно допустить въ русскомъ, а пожалуй и въ словацкомъ, представляющемъ иногда *o* изъ ъ, напр. lož, piatok. Въ виду этого окончанію mo приходится приписывать древнее *o* и выводить mo изъ mos, = латин. mus. Кромѣ указанныхъ окончаній встрѣчается въ областной рѣчи и въ словацкомъ нарѣчіи ma. Это ma очевидно находится въ связи съ древнимъ окончаніемъ дво́йнаго числа, гдѣ въ этомъ лицѣ было vě, а иногда и va: va, въ примѣненіи къ m, me, my, дало ma.

Какъ въ 1 л. встрѣчаемъ ma вмѣсто me, такъ во *2-мъ* встрѣчаемъ иногда ta вмѣсто обыкновеннаго te: nesete и -ta: ta есть прямо старинное окончаніе дво́йнаго числа, = староцерк. та.

Мно́жное 3-личье, какъ и одинное, утратило t. Такъ какъ при этомъ на концѣ остается замѣнитель юса, то могло бы произойти совпаденіе съ 1 л. од. ч., однако есть разница въ количествѣ: pletu, но pletú (старочеш., по-новочешски pletou). Въ долготѣ можно видѣть

ды древней замкнутости слога, т. е. присутствія окончанія t=ть ѣ тъ. Предшествующіе мягкіе суживаютъ ú въ í, и получается , maží. Однако народная рѣчь предпочитаетъ заимствовать оконіе ou у глаголовъ твердаго окончанія, и говорятъ pijou, mažou. глаголовъ азовыхъ, у которыхъ вообще имѣется стяженіе ae въ á, 3 л. мн. ч. стяженія нѣтъ: voláš, volá, voláme, voláte, но volají. 1 л. од. ч.—volám, надо думать, тоже нѣтъ стяженія, а сказаь вліяніе другихъ лицъ). У глаголовъ ижевыхъ мно́жное 3-личье жно было совпасть фонетически съ одиннымъ: формы горитъ и атъ обѣ даютъ hoří (въ старочешск. еще была разница: hoří и hoř'ě). родная рѣчь отъ такого совпаденія уклоняется не только путемъ ѣны í черезъ ou, — hořou, но также посредствомъ подражанія голамъ ятевымъ: т. к. umím, umíš сохраняетъ umějí, то къ ím, hoříš образуютъ hořejí (чаще hořejou); есть и разновидность ejou,—очевидно, также по примѣру umějí и dělají.

Наклоненіе велительное въ одинномъ числѣ вмѣсто окончанія i, гда еще сохраняемаго старочешскимъ языкомъ, представляетъ одну кость, или даже утратило всякій слѣдъ окончанія; послѣ гласныхъ, ъ во всѣхъ новославянскихъ языкахъ, i—неслого́вое (j). Мы имѣ- такимъ образомъ: plet'! nes! volej! Во множномъ числѣ, надо атъ по образцу одиннаго, было опущено ě, развившееся изъ ѣ, вляется выговоръ plet'me, nesme; plet'te, neste. *I* и ě уцѣлѣли безгласномъ корнѣ и вообще при скопленіи согласныхъ: žni, žněme, te; řekni скажи, rekněme, řekněte. Сравнимъ съ этимъ русское азованіе, гдѣ *и* является подъ удареніемъ: плети́, -и́те и послѣ ппы согласныхъ: ти́сни, -ните. Еще i сохраняется передъ обезженной частицею же: pletiž! Удержавши въ нѣкоторыхъ случаяхъ зъ ѣ, чешская рѣчь ввела его и въ такіе глаголы, гдѣ постоянно лось и, опять-таки при условіи скопленія согласныхъ: глаголъ něti (или hřmíti) образуетъ велительное hřmi, hrměme, hřměte, грьми, грьмимъ, грьмите; mstíti—msti, mstěme, mstěte, вм. мьсти, тимъ, мьстите. Въ старину примѣта велительнаго наклоненія упобялялась по-староцерковному, т. е. глаголы ижевые вездѣ имѣли i. ваетъ это и теперь, въ народной рѣчи, но тогда i переносится и такіе глаголы, которые первоначально имѣли ѣ: žnime, žnite.

Аористъ (старочешская форма) являлся въ двухъ видахъ. Сущеовалъ аористъ *безпримѣтный*, *безъсый*, который употреблялся въ

формахъ одиннаго числа (изъ которыхъ однако 2 и 3 л. не характерны), въ 1 и 3 множнаго и въ 3 двойнаго, напр. jid, (jide, jide), jidom, jidu, jideta, къ jíti, а къ dvihnúti (новочеш. -nouti): dvih, (dviže, dviže), dvihom, dvihu, dvižeta *). Множное 3-личье jidu, dvihu обыкновенно надѣляютъ знакомъ долготы—jidú, dvihú, въ виду долготы въ настоящемъ времени, но это едва ли правильно. Аористъ безпримѣтный можетъ образоваться отъ глаголовъ 1 и 2 классовъ по Миклошичу, т. е. безсуффиксныхъ и эновыхъ (притомъ корень долженъ быть замкнутымъ).

Аористъ эсовый однопримѣтный (типа **унсъ**) утраченъ. Аористъ *разноприм͡ѣтный корневой* представленъ формами řech, řechu, řesta, соотвѣтствующими староцерковнымъ **рѣхъ, рѣша, рѣста**. Обыкновеннымъ образованіемъ аориста является тó, которое я называю *разноприм͡ѣтнымъ темовымъ*: bósti (позже bůsti) образуетъ bodech, (bode, bode); bodechom (или bodechme, -my), bodeste, bodechu; bodechově, bodesta, bodesta. Вниманія заслуживаетъ отступленіе отъ староцерковнаго: *e* изъ 2 и 3 лица один. ч. распространилось и на остальныя лица. Другое отступленіе представляетъ окончаніе 3 лица мн. ч.—chu вмѣсто **ша**. Это chu, разумѣется, перешло сюда изъ имперфекта, чему могло благопріятствовать ú въ настоящемъ времени. Можно бы видѣть здѣсь кромѣ того стремленіе устранить своеобразное смягченіе «ш», однако s появляется также въ окончаніяхъ šte и šta, употребляемыхъ рядомъ со ste и sta. (Šte и šta Гебауеръ выводитъ фонетически изъ **шете, шета**, а мнѣ думается, что они явились путемъ сдѣлки между **шете, шета** и **сте, ста**).

Имперфектъ (тоже въ новочешскомъ утраченный) представлялъ стяженіе; въ немъ являлся **ѣ**, т. е. ie, впослѣдствіи í, и á изъ **аа**, съ суженіемъ é и í: rostiech (-ích); vzdychách, bězěch (-ích). Иногда имперфектъ вслѣдствіе стяженія только по количеству отличается отъ аориста: аористъ pecech, имперфектъ—pečéch.

Отмѣтимъ затѣмъ нѣкоторыя особенности *корневыхъ глаголовъ*. Глаголъ věděti сохраняетъ въ настоящемъ времени древнія формы, кото-

---

*) Jide и dviže я назвалъ нехарактерными, такъ какъ 1) 2 и 3 л. од. ч. всегда оказываются безпримѣтными (напр. da изъ da*ss* и da*st*), а 2) **идохъ, двигохъ** не имѣютъ при себѣ примѣточныхъ—„идоше", „двигоше", и „**иде**", „**движе**" единственныя формы.

рыя однако отчасти примѣнились къ формамъ основнаго спряженія, отчасти (вслѣдствіе обратнаго вліянія) перестали быть характерными: vím = **вѣмь**, но такъ какъ чешскій языкъ имѣетъ ím и у темовыхъ глаголовъ, то это окончаніе не характерно; víš—š есть заимствованіе у темовыхъ глаголовъ; также ví явилось подъ вліяніемъ темовыхъ глаголовъ: надо думать, что фонетически получилось бы víst (или можетъ быть věst). 3 лицо множ. числа vědí=**вѣдѧть**. Архаическую форму представляетъ велительное věz; однако новотворкой является множ. ч. vězme, vezte: въ староцерк. **вѣждь, вѣдимъ, вѣдите**; также сходное съ **вѣждь—виждь** имѣется въ видѣ viz, vizme, vizte. Съ глаголомъ vědětі въ настоящ. вр. и въ велит. накл. аналогиченъ глаголъ jísti (**ꙗсти**): jím, множное 3-личье jedí (**ꙗдѧть**); вел. jez, jezme, jezte. Причастія этихъ глаголовъ—věda и jeda, въ староцерковномъ—**вѣды, ꙗды**. Не параллельно съ этими глаголами идетъ dáti, которое только въ старочешскомъ имѣетъ множное 3-личье dadjé (=**дадѧть**), чтò встрѣчается и въ новочешской литературѣ, въ видѣ dadí: обыкновенно образуютъ dají. Велит. накл. **даждь** вовсе утрачено, и замѣнено посредствомъ dej, dejme, dejte (**даꙁь** отмѣчено лишь какъ чехизмъ въ Кіевскихъ глаголическихъ отрывкахъ). Также архаическое, допускаемое до сихъ поръ въ литературѣ, dada, женск. р. dadouc, употребляется обыкновенно въ видѣ daje, dajíc.

Глаголъ být і имѣетъ такое настоящее:

jsem	jsme	(jsvě
jsi	jste	jsta
jest, je	jsou	jsta).

Вмѣсто jest является jesti—въ сочетаніяхъ jestiž, jestit' (t' — частица = ti тебѣ). Jestiž при jest могло возникнуть по образцу велительнаго pletiž! при plet'! Можно однако видѣть здѣсь также вліяніе на 3-е лицо—2-го, или присоединеніе къ jest только что упомянутой частицы ti: jesti = jest + ti; тѣмъ, что при послѣднемъ толкованіи jestit' вновь приняло уже имѣвшуюся въ jesti, но не сознаваемую въ немъ, частицу — нечего смущаться. Не упустимъ изъ виду, что jesti отмѣчено рано, и не только въ соединеніи съ частицей, а кромѣ того примемъ въ соображеніе, что въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ могли дѣйствовать разныя причины, иногда и нѣсколько причинъ заодно. J, который послѣ отрицанія дѣйствительно

слышится: nejsem, nejsi, nejsme, nejste, nejsou, обыкновенно не произносится (иногда j опускается и на письмѣ). Въ областной рѣчи существують jesem, jesi, jesme, jeste и jesou, которыя естественно считать новотворками къ jest; хотя jesem встрѣчается уже въ одномъ старочешскомъ памятникѣ. Сокращенныя формы jsem и т. д. д. б. надо объяснять подражаніемъ сѫть. Изъ отрицательныхъ формъ слѣдуеть обратить вниманіе на одинное 3-личье — není: ní (nie), очевидно, = нѣсть; но народному сознанію недоставало здѣсь ясно выраженнаго отрицанія, стоящаго налицо въ другихъ лицахъ, вслѣдствіе чего и было прибавлено еще ne.—Имперфектъ былъ budiech, -ieše и biech (= бѣахъ), bieše, а также běch, bě (бѣхъ) *). Аористъ звучалъ, также какъ и въ староцерковномъ, bych. Этоть аористъ уцѣлѣлъ и въ новочешскомъ, какъ знакъ условнаго наклоненія.

Описальныя формы слѣдующія:

Прошедшее время (въ старочешскомъ это прошедшее совершенное, перфектъ). Прошедшее состоитъ изъ элеваго причастія спрягаемаго глагола и изъ настоящаго времени помогальнаго být́i—dal sem, já sem dal, kdy (когда) sem dal: sem будучи энклитикой, не ставится въ началѣ предложенія. Jsi можетъ сокращаться въ s: dal si. dala si или dals, dalas (ty si dal, -a, tys dal, -a). Въ 3 л. обоихъ чиселъ помогальный глаголъ почти всегда опускается. Въ просторѣчіи это дѣлается и въ другихъ лицахъ, такъ что можно сказать какъ порусски: já tam byl, my ho slyšeli вмѣсто já sem t. b., my sme ho sl.

Давнопрошедшее, или лучше сказать *преждепрошедшее*, по-старочешски обозначалось двояко 1) сходно со староцерк., посредствомъ элеваго причастія спрягаемаго глагола и имперфекта помогальнаго: přišeł bieše, šest dní bě minuło, 2) черезъ соединеніе того же причастія съ перфектомъ существительнаго глагола, такъ что являются два элевыхъ причастія (соединеніе, которое въ староцерковныхъ памятникахъ встрѣчается, повидимому, лишь какъ уклоненіе отъ настоящей староцерковщины): Łazar był umřeł. Въ новочешскомъ употребляется только второй способъ.

---

*) Гебауеръ, называющій běch аористомъ, кажется, имѣеть въ виду не значеніе, а форму.

Будущее описывается какъ по-русски: budu prositi. Опять-таки какъ по-русски (да и по-церковнославянски) къ описанію прибѣгаютъ лишь у глаголовъ вида несовершеннаго, у совершенныхъ же будущее выражается формой настоящаго: poprosím—попрошу.

Будущаго совершеннаго (преждебудущаго) въ новочешскомъ не существуетъ; въ старину оно образовывалось сходно со староцерковнымъ: zapomanuł budu tebe—oblitus fuero tui.

Условное (сослагательное) наклоненіе настоящаго времени выражается по староцерковному—въ староцерковщинѣ однако не единственному—способу черезъ соединеніе элеваго причастія съ аористомъ помогальнаго глагола, который въ такомъ соединеніи уцѣлѣлъ донынѣ; при чемъ однако 2-е лицо один. ч. представляетъ окончаніе s (раньше si), а мно́жное 3-личье являтся въ видѣ by, совпадая съ одиннымъ: pletl, -la, -lo bych, bys, by; pletli, -ly, -la bychom (-chme, -sme), byste, by. Изрѣдка by, какъ по-русски, является также въ 1 и во 2 лицѣ. Въ старочешскомъ 2 л. од. ч. обыкновенно звучало by (= староцерк.): bysi, bys — вторичное образованіе по примѣру bylsi, byls. Въ старочешскомъ встрѣчается также pletli by*chu*.

Условное прошедшее состоитъ изъ того же элеваго причастія въ соединеніи съ условнымъ помогальнаго глагола, такъ что содержитъ два элевыхъ причастія: byl bych upletl.

Отмѣтимъ еще, что въ описальныхъ формахъ *отрицаніе* примыкаетъ къ элевому причастію спрягаемаго глагола: já sem tam nebyl (староцерк. **нѣсмь тамо былъ**), vy byste mu nedali (**не бысте ѥмоу дали**), bratr mŭj byl by neumřel. Впрочемъ въ условномъ прошедшемъ старинный языкъ допускаетъ соединеніе отрицанія съ элевымъ причастіемъ не спрягаемаго глагола, а помогальнаго: nebył bych tě vołał.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ГРАММАТИКИ.

Dobrowský, Josef. Lehrgebäude der Böhmischen Sprache. 2 Ausg. Prag 1819.

Его же. Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur. 2 Ausg. Prag 1818.

Šafařík, Pavel Josef. Počátkové staročeské mluvnice—при хрестоматіи: Wýbor z literatury české. Díl I. V Praze 1845. Нѣмецкій переводъ: Elemente der altböhmischen Grammatik von Paul Josef Schafarik. I (единственный) Theil der Sammlung slavischer Grammatiken herausgegeben von J. P. Jordan. Leipzig 1847.

Hattala, Martin. Zvukosloví jazyka staro- i novo-českého a slovenského. Díl I. V Praze 1854.

Его же. Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského. V Praze 1857.

Zikmund, Václav. Skladba (Синтаксисъ) jazyka českého. V Litomyšli a v Praze 1863.

Bartoš, František. Skladba jazyka českého. V Brně 1895 (7 изд.).

Чешскій отдѣлъ въ Сравнительной грамматикѣ Миклошича:

Miklosich, Franz. Vergleichende grammatik der slavischen sprachen: 1) I band. Vergleichende lautlehre der slav. spr. Wien 1852. 2 изд. 1879 г. Начинающимъ удобнѣе пользоваться 1-мъ изданіемъ. 2) III band. Vergleichende formenlehre d. sl. spr. Wien 1856. 2-е изд. 1876 года: Vergleich. wortbildungslehre d. sl. spr. Русскій переводъ, съ поправками и дополненіями, Шлякова и лектора: Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Сочиненіе Франца Миклошича, перевелъ Николай Шляковъ подъ редакціей Романа Брандта. Выпускъ IV. Языки Чешскій и Польскій. Москва 1886.

Gebauer, Jan. Mluvnice ceská pro školy střední i ustavy učitelské. I. Nauka o slově. II. Skladba. V Praze a ve Vídni (Vídeň—Вѣна) 1890.

Его же. Historická mluvnice jazyka českého. Díl I. Hláskosloví. V Praze a ve Vídni 1894. Díl III. Tvarosloví: 1) Skloňování. V Pr. a ve V. 1896. 2) Časování. V Pr. a ve V. 1898. Капитальный трудъ. II-го тома (словотворства) не выходило.

Флоринскій, Тимоѳей. Лекціи по славянскому языкознанію. Часть II. Сѣверо-западные славянскіе языки [чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, серболужицкій и полабскій (вымершій)]. С.-Петербургъ и Кіевъ 1897.

Некрасовъ, Н. П. Грамматика чешскаго языка (древняго и новаго) при сочиненіи «Краледворская рукопись». Спб. 1872.

Шрамекъ, Иванъ. Чешская грамматика. Спб. 1870 (краткая, элементарная).

К(онстантинъ) С(трашкевичъ). Чешская грамматика съ упражненіями, краткою хрестоматіею и словаремъ, составленная по руководству Конечнаго. Прага 1852.

Словари.

Jungmann, Josef. Slovník česko-německý. V Praze 1835—39. 5 томовъ.

Kott, František. Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický. V Praze 1878—1893. 7 томовъ.

Rank, Josef. Nový slovník kapesní (карманный) jazyka českého a německého. Díl I, česko-německý. V Praze 1887 (5 изд.).

Его же. Русско-чешскій словарь. Въ Прагѣ 1874. (Чешско-русская часть печатается).

Váňa Jan. Slovník česko-ruský. V Praze 1895 (небольшой) *).

---

*) Болѣе подробную библіографію можно найти въ вышеуказанной книгѣ Тим. Дим. Флоринскаго, стр. 11—31.

Date Due

